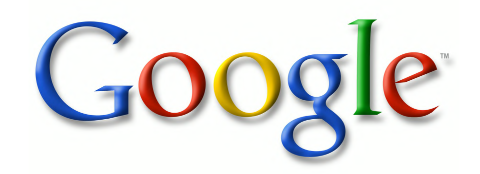

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ LXII. — ТОМЪ CCCLXIV. — 1/13 МАРТА 1898.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДЕВЯНОСТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1898

2641

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1898.

Стр.

I.—РОССІЯ И АНГЛІЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.—IV-VI.—Окончаніе.—**Ф. Ф. Мартенса** 5

II.—ТИГА.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая: I-VII.—**П. Д. Боборыкина** 44

III.—ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ИСТОРІИ НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—**С. А. Венгерова** 101

IV.—О ТОМЪ, КАКЪ Я БЫЛЪ ДЕКАДЕНТОМЪ.—Разсказъ.—**Влад. Тихонова** 123

V.—ВОСПОМИНАНІЯ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ.—1854-1860 гг.—I.—**Екатерины Бакуниной** 132

VI.—ВЪ РОДНУЮ СЕМЬЮ.—Очеркъ.—**З. Н. Гиппіусъ** 177

VII.—ИЗЪ М. ГЮЙО.—I.—Въ рудникѣ.—II.—Сомнѣнье — долгъ.—Съ французскаго.—**Н. Тхоржевскаго** 201

VIII.—ВЪ ЮЖНОМЪ УЭЛЬСѢ.—Изъ путевыхъ замѣтокъ.—**С. Н. Р-ъ** 203

IX.—БЕЗПОЧВЕННИКИ.—„Les Déracinés, rom. par M. Barrès.—VII-X.—Окончаніе.—Съ франц.—**А. В—г—** 233

X.—КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ А. МИЦКЕВИЧА.—I-VIII.—Съ польскаго.—**Кн. А. Кугушева** 289

XI.—ФРАНЦУЗСКІЙ АДВОКАТЪ XVIII-го СТОЛѢТІЯ.—**Н. Карабчевскаго**. 291

XII.—ЖИЗНЕННАЯ ДРАМА ПЛАТОНА.—Очеркъ.—I-XIV.—**Владиміра Соловьева** 334

XIII.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Продовольственная нужда.—Извѣстія изъ уѣздовъ козловскаго и воронежскаго.—Письмо гр. Л. Н. Толстого.—Новый походъ противъ продовольственныхъ ссудъ.—Программа „бывшаго предводителя дворянства“ и книга Г. А. Евреинова.—Рѣчь черискаго уѣзднаго предводителя.—Ходатайство нижегородскаго дворянскаго собранія.—Перемѣна въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Post-Scriptum 357

XIV.—КИТАЙСКІЙ ПУБЛИЦИСТЪ.—По поводу временнаго занятія русскою эскадрою порта Артуръ и бухты Да-лянь-ванъ.—Съ китайск., **П. С. Поповъ**. 382

XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Окончаніе процесса Эмиля Зола и его политическое значеніе.—Ошибочные выводы иностранной печати.—Вопросъ о дѣлѣ Дрейфуса и общественное мнѣніе во Франціи.—Правительственное сообщеніе о критскомъ вопросѣ 391

XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Бумаги 1812 г., *собр.* П. И. Щукинымъ, 2 ч.—Человѣчество въ доисторическія времена, Л. Нидерле, перев. съ чешск. Д. Анучина.—Южно-русскіе очерки и портреты, В. Горленко.—Воспоминанія о Костомаровѣ и Ап. Майковѣ.—**Т.**—Новыя книги и брошюры . . 405

XVII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I.—Manuel de l'histoire de la littérature française, par F. Brunetière.—II.—Notes d'art et de littérature. Jos. Capperon.—III.—La Cathédrale, par J. Huysmans.—**З. В.** . . . 423

XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Курское губернское земство и земская статистика.—Можайское уѣздное земство и уѣздный агрономъ.—Вопросъ о губернскомъ агрономѣ въ с.-петербургскомъ губернскомъ земствѣ.—Выборы и партіи.—Ходатайство о возобновленіи учительскихъ съѣздовъ.—Оригинальная полемика.—Отвѣтъ на возраженіе.—Рѣчь управляющаго мин. нар. пр., 19 февраля 439

XIX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Жизнь и труды М. П. Погодина Николая Барсукова.—Финансово-Статистическій Атласъ, 1885—1895 г.—Чайные округи субтропическихъ областей Азіи, А. Н. Краснова.—Архивъ села Михайловскаго.—Локкъ, Джонъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Перев. съ англ. А. Н. Савина . . . .

XX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1898 года.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

4

РОССІЯ И АНГЛІЯ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

Окончаніе.

IV *).

Высочайшимъ рескриптомъ, отъ 26-го декабря 1839 года, графъ Поццо-ди-Борго, въ виду болѣзненнаго своего состоянія, былъ уволенъ отъ службы въ самыхъ милостивыхъ и лестныхъ для него выраженіяхъ. Императоръ Николай I вполнѣ оцѣнилъ заслуги такого замѣчательнаго государственнаго человѣка, какимъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, знаменитый корсиканецъ и русскій дипломатъ.

Но раньше, чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію дипломатическихъ переговоровъ между Россіею и Англіею по выходѣ въ отставку графа Поццо-ди-Борго, необходимо еще разъ вспомнить о событіи, несомнѣнно оставившемъ на много лѣтъ глубокій слѣдъ во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Англіи. Это событіе — пребываніе въ Англіи в. к. Наслѣдника цесаревича Александра Николаевича. Обстановка, при которой совершилась поѣздка будущаго Царя-Освободителя въ Англію, и впечатлѣніе, произведенное имъ на молодую королеву Викторію и весь англійскій народъ, были настолько своеобразны, что невольно приковываютъ вниманіе потомства.

*) См. выше: февр., 465 стр.

Въ то самое время, когда Наслѣдникъ цесаревичъ путешествовалъ по Англіи, тамъ разразился весьма острый правительственный кризисъ. Министерство лорда Мельборна потерпѣло пораженіе въ парламентѣ и должно было выйти въ отставку. Королева вынуждена была обратиться къ торіямъ и предложить портфель перваго министра лорду Веллингтону, котораго она не особенно жаловала. Герцогъ отказался отъ высокой чести, ссылаясь на старость лѣтъ. Тогда королева пригласила къ себѣ сэра Роберта Пиля и желала вручить ему государственную печать. Сэръ Р. Пиль поставилъ условіемъ образованія новаго торійскаго кабинета—удаленіе отъ двора всѣхъ дамъ и лицъ, извѣстныхъ постоянными интригами противъ торійскаго министерства. Молодая королева, никогда не питавшая расположенія къ партіи торіевъ вообще и къ герцогу Веллингтону и сэру Р. Пилю въ частности, отвѣтила категорическимъ отказомъ на требованіе лидера партіи торіевъ. Вслѣдствіе этого, послѣдній отклонилъ порученіе взять въ свои руки бразды правленія. Лордъ Мельборнъ остался первымъ министромъ, несмотря на то, что его политическая партія неудержимо таяла, какъ снѣгъ подъ лучами весенняго солнца. Но королева Викторія, „возбужденная до крайней степени противъ торіевъ", открыто высказывалась за продолженіе реформъ лорда Грея и партіи виговъ, а именно, за отмѣну конститутивныхъ законовъ англиканской церкви, за расширеніе права голоса на выборахъ и т. д.

„Если"—писалъ гр. Поццо-ди-Борго, 19-го (31-го) мая 1839 года,—„королева станетъ во главѣ крайнихъ реформаторовъ, то она дойдетъ до разрушенія остатковъ политическаго могущества аристократіи и церкви и низведетъ политическое могущество престола до простой и ничего не значащей формальности".

Послѣ выхода въ отставку графа Поццо-ди-Борго, повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Лондонѣ остался весьма недолго Киселевъ. Но императоръ Николай I желалъ во что бы то ни стало добиться соглашенія съ Англіею по главнымъ спорнымъ политическимъ вопросамъ. Поэтому онъ выбралъ одного изъ самыхъ талантливыхъ русскихъ дипломатовъ и поручилъ ему отправиться въ Лондонъ для личныхъ объясненій съ англійскими министрами.

Такимъ дипломатомъ былъ баронъ Брунновъ. Лучшаго выбора нельзя было и сдѣлать.

Въ 1839 году, баронъ Брунновъ былъ назначенъ на постъ русскаго посланника при штутгартскомъ дворѣ. По этому случаю на Бруннова было возложено особенное и чрезвычайно

важное порученіе: черезъ Берлинъ онъ долженъ былъ отправиться въ Лондонъ и постараться войти въ соглашеніе съ англійскимъ правительствомъ. Затѣмъ, онъ уже долженъ былъ выѣхать въ Штутгартъ, для занятія своей новой должности. Данная барону Бруннову инструкція, отъ 16-го августа 1839 года, весьма отчетливо объясняетъ цѣль возложеннаго на него важнаго порученія.

Въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ, сношенія между Россіею и Англіею, къ сожалѣнію, приняли недружелюбный характеръ. Но, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, англійское правительство убѣдилось въ миролюбіи русской политики и готово отказаться отъ своихъ враждебныхъ намѣреній. Барону Бруннову поручается констатировать этотъ фактъ посредствомъ вступленія съ англійскими министрами въ откровенный обмѣнъ мыслей. „Вы пригласите"—сказано было въ инструкціи—„англійское правительство искренне намъ сказать, о чемъ оно думаетъ, чего желаетъ и куда намѣрено идти".

О трехъ вопросахъ баронъ Брунновъ долженъ былъ вести переговоры: 1) о турецкихъ дѣлахъ, 2) о персидскихъ дѣлахъ и 3) о Греціи. Что касается послѣднихъ двухъ вопросовъ, то они вполнѣ отступаютъ на задній планъ въ сравненіи съ турецкими дѣлами. Поэтому въ особенности на эти дѣла онъ долженъ былъ обратить серьезнѣйшее вниманіе и постараться придти къ какому-нибудь соглашенію съ Англіею. Въ отношеніи турецко-англійской распри баронъ Брунновъ долженъ былъ поставить англійскому правительству категорическій вопросъ: желаетъ ли оно заключить съ Россіею договоръ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) морскія державы (Англія и Франція) отказываются отъ мысли о провозглашеніи неприкосновенности всѣхъ владѣній оттоманской имперіи; 2) онѣ согласны, чтобы закрытіе Дарданелловъ и Босфора, какъ во время мира, такъ и войны, было провозглашено какъ начало европейскаго международнаго права, обязательное для всѣхъ, безъ исключенія, державъ, и 3) отказываются отъ намѣренія ввести англійскія и французскія военныя суда въ Мраморное море для защиты турецкой столицы.

Съ своей стороны, взамѣнъ того, Россія 1) даетъ свою гарантію, вмѣстѣ съ другими державами, на заключенное между Турціею и Мегеметомъ-Али соглашеніе; 2) она обязывается не возобновлять ункіаръ-искелесскаго трактата, и 3) еслибъ она принуждена была ввести чрезъ Босфоръ свои вооруженныя силы для спасенія оттоманской имперіи, то приняла бы такую мѣру не на основаніи особеннаго соглашенія съ Турціею, но какъ бы по

порученію всей Европы и, въ частности, отъ имени всѣхъ великихъ державъ.

Императорское правительство убѣждено, что если Англія приметъ вышеприведенныя условія, то къ нимъ также приступятъ Франція, Австрія и Пруссія. Желательно, чтобы немедленно былъ заключенъ окончательный трактатъ по турецко-египетскимъ дѣламъ, безъ созванія особенной международной конференціи.

Баронъ Брунновъ прибылъ въ Лондонъ 15-го (3-го) сентября 1839 года и немедленно представился лорду Пальмерстону, который принялъ его очень любезно, какъ стараго знакомаго. Когда русскій уполномоченный сталъ доказывать англійскому министру, что его государь нисколько не желаетъ возобновленія ункіаръ-искелесскаго трактата и не думаетъ присвоивать себѣ исключительный протекторатъ надъ Турціею, то лордъ Пальмерстонъ былъ, повидимому, озадаченъ и не хотѣлъ вѣрить своимъ собственнымъ ушамъ.

„Я не могу вамъ описать изумленіе", — писалъ Брунновъ вице-канцлеру 12-го (24-го) сентября—„произведенное этими словами на лорда Пальмерстона. По мѣрѣ того, какъ я сталъ развивать ему намѣренія и виды нашего августѣйшаго государя, всѣ его черты обнаруживали столько же чувство неожиданности, сколько удивленія. Онъ самъ мнѣ выражалъ эти чувства, нисколько не стѣсняясь"...

Лордъ Пальмерстонъ сознался, что возраженія Англіи противъ ункіаръ-искелесскаго трактата вовсе не касались закрытія Дарданельскаго пролива. Въ этомъ отношеніи онъ нисколько не раздѣлялъ крайнихъ взглядовъ лорда Понсонби, который постоянно настаивалъ на проходѣ чрезъ Дарданеллы англійскаго флота, съ согласія Порты или силою. „Само собою разумѣется",—продолжалъ англійскій министръ—„еслибъ можно было обезпечить этотъ проходъ навсегда и постояннымъ образомъ, какъ можно устроить отверстіе чрезъ скалу, я согласенъ, что это можетъ быть для насъ полезно. Но что̀ мы выиграемъ, если прорвемся чрезъ проливъ и даже войдемъ въ Черное море? Все-таки, мы всегда должны будемъ выйти изъ него. Нужно будетъ каждый разъ начинать снова. У васъ не больше побудительныхъ причинъ и интереса появляться въ Средиземномъ морѣ, чѣмъ у насъ—входить въ Черное море. Намъ обоимъ въ обоихъ случаяхъ не будетъ никакого выигрыша. Слѣдовательно, то, что̀ намъ обоимъ взаимно можетъ быть полезно, это—закрытіе обоихъ проливовъ навсегда".

Наконецъ, лордъ Пальмерстонъ даже согласился признать вліяніе Россіи въ Турціи „естественнымъ и законнымъ". „Оно зависитъ"—прибавилъ онъ—„отъ вашего географическаго положенія".

Переговоривъ съ лордомъ Пальмерстономъ, баронъ Брунновъ желалъ также имѣть объясненіе и съ англійскимъ премьеромъ. Но зная, насколько лордъ Пальмерстонъ щепетиленъ насчетъ своей независимости въ области внѣшнихъ сношеній, онъ весьма ловко заставилъ самого лорда предложить ему объясниться съ первымъ министромъ. Это онъ и сдѣлалъ. Изъ первыхъ же объясненій Брунновъ замѣтилъ существованіе различія во взглядахъ обоихъ министровъ.

Лордъ Пальмерстонъ не желалъ оставить за Мегеметомъ-Али Сирію; лордъ Мельборнъ былъ на это согласенъ. Первый не желалъ дѣйствовать безъ Франціи, хотя онъ допускалъ возможность, въ крайнемъ случаѣ, устроить соглашеніе только вчетверомъ или даже втроемъ. Премьеръ же легко соглашался пожертвовать Франціею.

Когда рѣчь шла о Франціи, бар. Брунновъ воспользовался случаемъ, чтобъ объяснить отношеніе своего государя къ правительству Луи-Филиппа. „Государь императоръ"—сказалъ баронъ —„не уважаетъ нынѣшнее французское правительство ибо оно не вселяетъ ни малѣйшаго къ себѣ довѣрія и должно постоянно вилять между всѣми партіями.

„Вотъ почему"—продолжалъ Брунновъ—„императоръ проводитъ постоянно различіе между Франціею и Англіею. Въ первой странѣ нѣтъ правильнаго правительства, на которое можно бы было положиться; во второй—существуетъ правительство, съ которымъ можно имѣть переговоры, ибо, будучи основано на законныхъ началахъ, оно всегда съумѣетъ заставить исполнять и уважать принятыя обязательства".

Всѣ эти приведенныя слова императоръ Николай собственноручно подчеркнулъ и написалъ: „Это мои собственныя слова".

Далѣе, баронъ Брунновъ категорически отрицалъ приписываемое Россіи намѣреніе вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи. Подобнаго намѣренія государь не имѣетъ, и онъ только желаетъ, чтобъ французское правительство уважало внутренніе порядки другихъ государствъ.

Императоръ Николай настолько остался доволенъ донесеніемъ барона Бруннова, что надписалъ на немъ: „Невозможно говорить лучше".

Такимъ образомъ положилъ баронъ Брунновъ прочное осно-

ваніе переговорамъ съ Англіею насчетъ Египта и положенія Босфорскаго и Дарданельскаго проливовъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что если ункіаръ-искелесскій трактатъ только говоритъ о закрытіи Дарданелловъ, то само императорское правительство расширило въ 1839 году этотъ вопросъ, распространивъ начало закрытія также на Босфоръ.

Баронъ Бруновъ, само собою разумѣется, удостоился также аудіенціи у королевы Викторіи, которая приняла его весьма милостивымъ образомъ. Онъ немедленно убѣдился, что королева все еще находится подъ обаяніемъ обворожительной личности Наслѣдника цесаревича, потому что она, въ разговорѣ, постоянно возвращалась къ пребыванію его императорскаго высочества въ Англіи. Молодая королева говорила съ такимъ жаромъ и о великомъ князѣ, и объ императорѣ Николаѣ I, что баронъ Бруновъ пришелъ къ убѣжденію, что она не дастъ своего согласія на разрывъ съ Россіею. Бруновъ находилъ въ ней „не недостатокъ энергіи, но скорѣе избытокъ воли".

Въ то же время русскій посланникъ до глубины души возмущался нападками на королеву со стороны органовъ радикальной партіи. Онъ самой королевѣ Викторіи и всѣмъ говорилъ, что „чѣмъ больше будутъ нападать на правительство королевы, тѣмъ больше она можетъ разсчитывать на императора, какъ на искренняго и постояннаго друга". Сомнительно, чтобы такое заявленіе иностраннаго дипломата могло понравиться англичанамъ.

Впрочемъ, лордъ Пальмерстонъ относился настолько дружелюбно къ барону Брунову, что, навѣрное, не возражалъ противъ выраженнаго имъ чувства возмущенія. Онъ даже не улыбнулся, когда австрійскій посолъ, князь Эстергази, подъ давленіемъ со стороны Бруннова и вопреки тому, что̀ онъ недавно доказывалъ англійскому министру, сталъ отказываться отъ требованія всеобщей гарантіи неприкосновенности оттоманской имперіи. Бруновъ назвалъ князя Меттерниха, предписавшаго австрійскому послу настаивать на такой гарантіи: „врагъ-супостатъ", а императоръ Николай Павловичъ написалъ подъ этими двумя русскими словами по-французски: „Онъ никогда не переставалъ имъ быть".

Баронъ Бруновъ съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта англійскаго правительства на сдѣланныя имъ предложенія. Одинъ совѣтъ министровъ собирался за другимъ, и нетерпѣливый баронъ не зналъ, какъ дождаться скорѣйшаго отвѣта. Эти колебанія англійскаго правительства объясняются, по его словамъ, полнымъ

его безсиліемъ. Сами англійскіе министры не знаютъ, чего они хотятъ, и они убѣждены только въ одномъ, а именно въ своемъ собственномъ безсиліи. Печально видѣть „эту великую страну"—писалъ Бруновъ графу Нессельроде, 18-го (30-го) сентября 1839 года —„называемую Великобританіею, озабоченною мыслью, что страна эта наканунѣ дня, когда у нея не будетъ ни хлѣба, ни денегъ".

Но не одинъ свирѣпствовавшій въ то время въ Англіи экономическій кризисъ объяснялъ безсиліе правительства.

По словамъ Бруннова, „все—въ большомъ безпорядкѣ. Главнокомандующаго нѣтъ. Начальника штаба нѣтъ. Продовольствія и наличныхъ денегъ весьма мало". Высказавъ по-русски такое осужденіе англійскому правительству, баронъ Брунновъ продолжаетъ по-французски свое письмо къ гр. Нессельроде, отъ 26-го сентября (8-го октября) 1839 года, и говоритъ, что въ особенности его поражаетъ отсутствіе всякаго плана насчетъ улаженія турецко-египетской распри. Онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что „въ настоящее время англичане ничего не хотятъ и ничего не могутъ сдѣлать". Центръ тяжести всѣхъ дипломатическихъ переговоровъ безспорно находится въ С.-Петербургѣ, и отъ государя императора вполнѣ зависитъ разрѣшеніе турецко-египетскаго вопроса.

При такихъ обстоятельствахъ русскій посланникъ смѣло могъ настаивать на своихъ требованіяхъ. Такъ, онъ энергически возражалъ противъ введенія англо-французскаго флота въ Мраморное море. Онъ доказывалъ, что подобный „морской пикникъ" можетъ только вызвать турецкій фанатизмъ и новыя затрудненія для турецкаго правительства. Онъ напоминалъ англійскимъ министрамъ остроумныя слова князя Меттерниха: „Если мы хотимъ, чтобъ Порта еще жила, то должны оставить ее въ покоѣ". Пользуясь плохимъ своимъ знаніемъ англійскаго языка, онъ „рубилъ" по-англійски свои мысли (какъ онъ выражается), находя, что это „отличная манера заставить себя хорошо понять, вынуждая прощать многія вещи". Уже въ концѣ сентября онъ могъ утверждать, что „если Англія еще не съ нами, то она все-таки больше не принадлежитъ Франціи".

Нельзя не отмѣтить, что успѣху порученныхъ барону Бруннову переговоровъ въ значительной степени содѣйствовало въ Лондонѣ вліяніе лорда Дюрэма и маркиза Кланрикарда, которые, послѣ пребыванія въ С.-Петербургѣ, сдѣлались изъ враговъ Россіи убѣжденными защитниками ея интересовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, донесенія маркиза Кланрикарда и личное вліяніе лорда Дюрэма не мало содѣйствовали принятію англій-

скимъ кабинетомъ примирительныхъ русскихъ предложеній. Въ началѣ октября лордъ Пальмерстонъ объявилъ Бруннову рѣшенія, принятыя совѣтомъ англійскихъ министровъ. Онъ заявилъ о согласіи Англіи дѣйствовать въ турецко-египетскомъ вопросѣ сообща со всѣми державами и съ Россіею въ частности. Еслибъ Мегеметъ-Али пошелъ на Константинополь, то Англія признаетъ за Россіею право отправить свои войска на помощь султану. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она оставляетъ также и за собою право участвовать въ этихъ мѣропріятіяхъ. Допустить исключеніе Англіи значило бы неминуемымъ образомъ вызвать паденіе нынѣшняго англійскаго правительства. Вотъ почему, по единогласному рѣшенію совѣта англійскихъ министровъ, военное вмѣшательство Россіи въ дѣла Турціи должно быть соединено съ содѣйствіемъ англійскаго флота. Нѣтъ надобности, чтобъ военныя силы обѣихъ державъ дѣйствовали сообща. Это совершенно нежелательно. Но если чрезъ Босфоръ пойдутъ русскія суда, то чрезъ Дарданеллы непремѣнно должны войти въ Мраморное море англійскія суда, въ количествѣ 3 или 4. Только парламентскія соображенія, сказалъ лордъ Пальмерстонъ, заставляютъ англійское правительство абсолютно настаивать на совмѣстномъ дѣйствіи русскихъ и англійскихъ военныхъ силъ.

Баронъ Брунновъ категорически опровергалъ необходимость появленія англійскихъ военныхъ силъ въ Мраморномъ морѣ. „Если“—сказалъ онъ англійскому министру—„наши военныя суда выходятъ изъ Кронштадта, для маневрированія въ Балтійскомъ морѣ, то вы намъ говорите, что это тревожитъ вашу публику. Теперь; что̀ вы думаете насчетъ впечатлѣнія, которое произведетъ у насъ извѣстіе о появленіи вашихъ судовъ въ Мраморномъ морѣ? Допустимъ, что географическое положеніе Англіи было бы одинаковое съ нашимъ, что вашъ торговый флотъ для сношеній съ остальнымъ міромъ былъ бы вынужденъ проходить чрезъ узкій каналъ, и представьте себѣ, что русскія суда были бы поставлены при входѣ въ этотъ каналъ! Я предоставляю вамъ самимъ отгадать, что̀ бы сказала ваша коммерція“!

„Со временъ крестовыхъ походовъ“—смѣло утверждалъ Брунновъ—„входъ въ Дарданеллы не находился ни въ чьей власти. Оставимъ вещи въ томъ самомъ положеніи, какъ устроило ихъ время. Не измѣнимъ ничего въ этомъ положеніи“.

Наконецъ, бар. Брунновъ поставилъ англійскому министру рѣшительный вопросъ: „Хотите ли вы сохраненія оттоманской имперіи, или не желаете? Если вы дорожите ея существованіемъ, тогда оставьте въ покоѣ Россію, уважайте закрытіе Дарданел-

ловъ и не ставьте императора въ необходимость захватить ихъ. И знайте, что въ тотъ самый день, когда вы силою пройдете черезъ проливъ, Россія двинетъ свои войска, и тогда наступилъ послѣдній часъ для оттоманской имперіи".

Откровенность барона Бруннова произвела на англійскаго министра глубокое впечатлѣніе. Но онъ сознался, что боится сильныхъ нападокъ на него въ парламентѣ со стороны оппозиціи, если согласится на признаніе закрытія проливовъ принципомъ европейскаго международнаго права. Оппозиція не преминетъ сказать, что теперь Россія „неприступна".

Въ продолженіе этого интереснаго объясненія съ лордомъ Пальмерстономъ, баронъ Брунновъ сдѣлалъ слѣдующее неожиданное замѣчаніе: „англійское правительство, съ одной стороны, боится, что императоръ пошлетъ свою эскадру въ Константинополь, съ другой же, *столько же, а можетъ быть даже больше еще, боится, что онъ ее не пошлетъ*". Эти слова государь два раза подчеркнулъ и напротивъ написалъ: „и это именно на дѣлѣ случится". Лордъ Пальмерстонъ сильно боялся, что если Россія не поспѣшитъ во-время на помощь Турціи, то султанскій престолъ рухнетъ безвозвратно. Вотъ почему хладнокровіе и спокойствіе государя производятъ на него огромное впечатлѣніе, и онъ не знаетъ: не лучше ли было бы видѣть русскій флотъ у Буюкдере для спасенія султанскаго престола?

На этомъ весьма интересномъ донесеніи барона Бруннова, отъ 26-го сентября (8-го октября) 1839 года, императоръ Николай I написалъ: „Отлично; то, что̀ я подчеркнулъ, изумительно вѣрно и точно, ибо это положительно то, что̀ я рѣшилъ".

Не взирая на довольно примирительный отвѣтъ лорда Пальмерстона, Брунновъ все-таки пришелъ къ тому заключенію, что ему нѣтъ надобности оставаться въ Лондонѣ. Англійское министерство лорда Мельборна настолько слабо и дискредитировано, что долго продержаться не можетъ. Кромѣ того, лордъ Пальмерстонъ играетъ двойную игру: съ одной стороны, онъ говоритъ Бруннову, что Англія, во всякомъ случаѣ, отдѣлится отъ Франціи, а съ другой, онъ пугаетъ французское правительство присутствіемъ въ Лондонѣ Бруннова и возможностью отдѣльнаго соглашенія съ Россіею. Наконецъ, старанія австрійскаго посла въ пользу общаго соглашенія по турецкимъ дѣламъ между всѣми пятью державами вызывали подозрительность Бруннова. Онъ сталъ себя спрашивать: не лучше ли будетъ для Россіи продолжать занимать, по прежнему, особенное и изолированное положеніе по отношенію къ Турціи?

На этотъ интересный вопросъ ничего не отвѣтилъ самъ баронъ Брунновъ. Равнымъ образомъ, оставилъ онъ открытымъ другой вопросъ—относительно проливовъ. Отъ князя Эстергази онъ узналъ, что лордъ Пальмерстонъ, наканунѣ рѣшительнаго засѣданія совѣта англійскихъ министровъ, сказалъ австрійскому послу, слово въ слово, слѣдующее: „Я рѣшился высказаться въ пользу принятія русскихъ предложеній въ томъ видѣ, какъ они сдѣланы. Это единственный случай, который не слѣдуетъ упускать, и который, можетъ быть, никогда больше не представится. Если мы пустимъ холодный душъ на доброе расположеніе императора, то онъ намъ въ другой разъ скажетъ: вы не приняли моихъ предложеній; вашъ отказъ освобождаетъ меня отъ желанія дѣйствовать сообща съ вами; отнынѣ я свершу одинъ то, что̀ мнѣ представится нужнымъ и полезнымъ“.

Откровенность англійскаго министра должна была заставить призадуматься императорское правительство: очевидна была радость англійскаго кабинета по поводу добровольнаго отказа Россіи отъ ункіаръ-искелесскаго союзнаго трактата. Что же касается до закрытія проливовъ, то лордъ Пальмерстонъ весьма основательно разсчитывалъ на открытіе ихъ со стороны Турціи въ пользу ея союзника. Такою союзною державою могла быть Англія—что̀ и случилось въ 1854 году.

Брунновъ ограничился только передачею вице-канцлеру любопытнаго признанія лорда Пальмерстона насчетъ мотивовъ его согласія на русскія предложенія. Такою же простою передачею ограничился онъ въ отношеніи заявленія англійскаго министра объ установленіи дипломатическихъ сношеній между Россіею и Бельгіею. Лордъ Пальмерстонъ передалъ сердечное желаніе королевы, чтобъ при ея дядѣ, королѣ бельгійцевъ, Леопольдѣ I, былъ русскій дипломатическій агентъ. Императоръ Николай сдѣлалъ слѣдующую резолюцію на донесеніи Бруннова, отъ 1-го (13-го) октября 1839 года: „Пока хотя одинъ полякъ останется на службѣ Леопольда, ни одинъ русскій не перейдетъ черезъ порогъ его дома“.

Будучи увѣренъ въ безсиліи министерства лорда Мельборна и не предвидя въ ближайшемъ будущемъ возможности соглашенія съ Англіею, баронъ Брунновъ, съ разрѣшенія правительства, выѣхалъ 1-го (13-го) октября изъ Англіи въ Штутгартъ. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ имѣлъ еще объясненіе съ англійскимъ первымъ министромъ и интересный разговоръ съ герцогомъ Веллингтономъ. Лордъ Мельборнъ откровенно признался, что главное затрудненіе для окончанія турецко-египетскаго во-

проса исходитъ отъ Франціи, гдѣ общественное мнѣніе все болѣе и болѣе энергически высказывается въ пользу Мегемета-Али. По мнѣнію англійскаго министра, французское правительство принуждено будетъ уступить давленію общественнаго мнѣнія и не участвовать въ соглашеніи между великими державами. По мнѣнію же лорда Пальмерстона, „французское министерство не уступитъ“ общественному мнѣнію и присоединится къ принудительнымъ мѣропріятіямъ противъ Мегемета-Али. События показали, что правъ былъ лордъ Мельборнъ, а не лордъ Пальмерстонъ.

По дорогѣ на европейскій континентъ баронъ Брунновъ остановился въ Walmer Castle, гдѣ жилъ герцогъ Веллингтонъ. Зная прошлый авторитетъ и вліяніе герцога, Брунновъ призналъ полезнымъ остановиться у него и объяснить ему политическое положеніе. Выслушавъ со вниманіемъ разсказъ русскаго дипломата объ его переговорахъ съ англійскими министрами, герцогъ, послѣ размышленія, сказалъ: „Важнѣе всего начать съ установленія принципа, что Порта—стражникъ проливовъ“. Если Порта будетъ признана совершенно независимою державою и Черное море будетъ провозглашено закрытымъ моремъ, тогда весь турецкій вопросъ можно считать рѣшеннымъ (sic!).

Что же касается до англо-турецко-французскаго союза, то герцогъ совсѣмъ не вѣрилъ въ его прочность. „Этотъ союзъ изъ papier-mâché приближается къ своему концу. Въ этомъ вы можете быть увѣрены. Никогда мы не могли бы допустить французскіе захваты въ Средиземномъ морѣ. Питаемыя Франціею заднія мысли насчетъ Египта прямо противорѣчатъ нашимъ интересамъ. На этомъ союзъ рушился и долженъ былъ рушиться“.

На пути въ Штутгартъ баронъ Брунновъ остановился на нѣсколько дней въ Johannisberg'ѣ, у князя Меттерниха, чтобы его утѣшить насчетъ постигшей его неудачи. Австрійскій канцлеръ предложилъ созваніе въ Вѣнѣ дипломатической конференціи для улаженія турецко-египетской распри. Англія охотно приняла это предложеніе, но императоръ Николай I на-отрѣзъ отказалъ. Князь Меттернихъ былъ чрезвычайно опечаленъ и—сталъ усердно интриговать въ Лондонѣ противъ Россіи [1]).

Въ ноябрѣ 1839 года государь повелѣлъ Бруннову возвратиться еще разъ въ Лондонъ и, въ званіи чрезвычайнаго посланника, постараться довести до благополучнаго конца начатые переговоры. Ему было поручено постараться заключить поскорѣе

[1]) Сравн. мое „Собр. тракт. и конв.“, т. IV, ч. I, стр. 482 и слѣд.

конвенцію относительно Египта между всѣми пятью великими державами. Если же Франція откажется, тогда подписать конвенцію безъ нея.

Въ половинѣ декабря баронъ Брунновъ пріѣхалъ опять въ Англію.

Въ Брунновѣ были свѣжи впечатлѣнія, съ которыми онъ покинулъ въ октябрѣ Англію. Онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ о посѣщеніи герцога Веллингтона въ Walmer Castle, гдѣ онъ два часа гулялъ съ нимъ на террасѣ замка, съ которой виденъ былъ французскій берегъ вдали, и стояли кругомъ пушки, бывшія въ сраженіи при Ватерлоо. Каждый разъ, когда баронъ Брунновъ произносилъ имя своего государя, герой ватерлооской битвы останавливался и по военному отдавалъ честь.

Вспоминалъ Брунновъ также о результатѣ своихъ переговоровъ съ англійскими министрами, о разногласіи, между ними существующемъ, и о безпорядкѣ, господствовавшемъ въ ихъ политическихъ видахъ. Онъ зналъ, что англійское правительство готово подписать актъ относительно проливовъ, и радовался мысли о провозглашеніи Чернаго моря закрытымъ моремъ. Но Брунновъ сожалѣлъ, что ему не удалось заставить Англію дѣйствовать энергическимъ образомъ противъ Мегемета-Али.

Впрочемъ, въ любопытномъ письмѣ къ графу Нессельроде изъ Іоганнисберга, отъ 10-го (22) октября 1839 года, Брунновъ сообщаетъ:

„Часто, когда я уговаривалъ лордовъ Пальмерстона и Мельборна дѣйствовать, мнѣ казалось, что я вижу предъ собою очки и длинный восточный носъ нашего храбраго генерала Фонтона (извѣстнаго русскаго политическаго дѣятеля на Востокѣ), который, какъ будто, мнѣ говоритъ: — Брунновъ, мой другъ, ты слишкомъ стараешься. Оставь англичанъ тонуть въ грязи до ушей. Мы рѣшительно ничего не выиграемъ *въ глазахъ турокъ*, если намъ удастся заставить англичанъ играть первенствующую роль. То, что̀ намъ полезно, это — доказать Портѣ, что ей нечего ожидать отъ прекрасныхъ фразъ Англіи, Франціи или Австріи. Чѣмъ менѣе другіе сдѣлаютъ для Порты, тѣмъ больше она обратитъ свои взоры къ Государю“.

„Вотъ что̀ мнѣ, казалось“ — продолжаетъ Брунновъ — „говорила восточная фигура нашего храбраго генерала. Я вамъ признаюсь, что эти его разсужденія представлялись мнѣ чрезвычайно справедливыми и глубокомысленными. Это меня утѣшаетъ насчетъ бездѣйствія англичанъ. Ихъ безсиліе намъ болѣе выгодно, нежели ихъ энергія... Мы не должны сожалѣть объ ихъ бездѣятельности

(я хотѣлъ сказать, глупости англичанъ). Въ 1839 году, какъ и въ 1833 году, они совершенно упустили ту роль, которую имъ подобало играть".

Такимъ очень ловкимъ пріемомъ обнаружилъ баронъ Бунновъ маленькое несогласіе свое съ полученными имъ инструкціями, въ силу которыхъ онъ долженъ былъ всѣми силами добиваться соглашенія съ Англіею въ восточномъ вопросѣ. Онъ, очевидно, не видалъ никакой надобности въ слишкомъ большой поспѣшности въ разрѣшеніи восточныхъ дѣлъ. Но императоръ Николай I настаивалъ на скорѣйшемъ окончаніи турецко-египетской распри и серьезно опасался нарушенія европейскаго мира. Бунновъ долженъ былъ безропотно подчиниться волѣ своего правительства.

Повидавшись, послѣ прибытія въ Лондонъ, съ англійскими министрами и членами дипломатическаго корпуса, Бунновъ пришелъ почти въ отчаяніе—до такой степени все было перепутано, или, какъ онъ самъ говоритъ, „въ высшей степени печально". Вотъ что̀ онъ испыталъ въ продолженіе 48 часовъ. Во 1) австрійскій повѣренный въ дѣлахъ Нейманъ просилъ его уговорить Пальмерстона написать въ Вѣну, чтобы ему дали полномочіе вести переговоры по египетскому дѣлу. Во 2) лордъ Пальмерстонъ проситъ Бруннова, чтобы онъ постарался уговорить лордовъ Мельборна, Росселя и другихъ англійскихъ министровъ подать голосъ вмѣстѣ съ нимъ. Наконецъ, въ 3) французскій посолъ, генералъ Себастіани, признается русскому посланнику въ полномъ безсиліи своего правительства противъ крикуновъ во французскихъ палатахъ и въ періодической печати.

„Вотъ вамъ прелестная картина настоящаго положенія"!—заключаетъ Бунновъ свое донесеніе, отъ 18-го (30) декабря 1839 года.

Несмотря на такое печальное положеніе вещей, баронъ Бунновъ все-таки долженъ былъ исполнить возложенное на него трудное порученіе. Онъ приступилъ къ дѣлу и, прежде всего, постарался, по совѣту Пальмерстона, уговорить другихъ англійскихъ министровъ въ неотложной необходимости поскорѣе покончить съ турецко-египетскою распрею. Онъ говорилъ, между прочимъ, съ лордомъ Кларендономъ, получившимъ впослѣдствіи авторитетъ весьма выдающагося государственнаго мужа. Бунновъ доказывалъ ему необходимость покончить дѣло даже безъ Франціи. Противъ этого энергически возражалъ Кларендонъ, доказывая, что—„вашъ государь отлично можетъ обойтись безъ

Франціи, но мы этого не можемъ", ибо всякая радикальная партія въ парламентѣ немедленно накинется на министерство.

И дѣйствительно, оппозиція въ парламентѣ готовилась низвергнуть министерство лорда Мельборна, если оно рѣшится пожертвовать Франціею въ угоду Россіи. Въ англійскихъ газетахъ велась ожесточенная война по поводу турецко-египетскихъ дѣлъ, и Брунновъ съ грустью жалуется на то, что эти газеты портятъ ему кровь. Вообще онъ недоволенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Англіи всѣ, начиная съ малютокъ, разсуждаютъ о политическихъ дѣлахъ.

Но самое трудное было подвинуть самихъ англійскихъ министровъ и въ особенности лорда Пальмерстона на бо̀льшую рѣшимость.

Однако, Брунновъ настоялъ на томъ, чтобы лордъ Пальмерстонъ высказался болѣе опредѣленнымъ образомъ насчетъ русскихъ предложеній. Онъ воспользовался приглашеніемъ министра навѣстить его въ Broadlands, замкѣ лорда Пальмерстона, чтобы потребовать отъ него категорическаго отвѣта. Съ этою цѣлью Брунновъ сообщилъ Пальмерстону свою депешу къ Татищеву въ Вѣнѣ (отъ 9-го (21-го) декабря 1839 г.), въ которой было изложено содержаніе обоихъ проектированныхъ Россіею актовъ: одинъ объ Египтѣ, а другой о проливахъ. Англійскій министръ вполнѣ одобрилъ содержаніе депеши барона Бруннова, но онъ указывалъ на затрудненія, исходящія изъ Франціи, которая ищетъ опоры въ Средиземномъ морѣ для своихъ африканскихъ владѣній.

Русскій уполномоченный не удовольствовался изъявленіемъ такого платоническаго согласія со стороны англійскаго министра. Онъ ему представилъ подробную записку, подъ заглавіемъ: „Détails sur l'arrangement à conclure". Въ этомъ актѣ предложено было опредѣлить два начала: во 1) провозгласить началомъ европейскаго международнаго права закрытіе обоихъ проливовъ и обоихъ морей: Мраморнаго и Чернаго; во 2) въ видѣ исключенія и для охраненія оттоманской имперіи, Дарданельскій проливъ открыть для англійской и французской эскадръ, а Босфорскій—для русскаго военнаго флота. Флоты Англіи и Франціи будутъ охранять „безопасность" Дарданелловъ, а русскій флотъ—безопасность Босфора. Кромѣ того, англо-французскій флотъ долженъ будетъ дѣйствовать противъ Мегемета-Али въ Египтѣ и Сиріи.

Лордъ Пальмерстонъ вполнѣ одобрилъ Брунновскій проектъ, и относительно формы заключаемаго акта онъ также вполнѣ

согласился, что нужно включить все въ одинъ актъ. Такимъ образомъ, онъ отвергъ австрійскій проектъ о заключеніи двухъ отдѣльныхъ актовъ.

Сверхъ того, англійскій министръ сталъ развивать русскому уполномоченному систему принудительныхъ мѣръ, которыя Англія намѣрена принять противъ Турціи и Египта, если они не покорятся волѣ великихъ державъ. Если морская демонстрація не приведетъ къ цѣли, то „мы"—продолжалъ Пальмерстонъ—„займемъ островъ Кандію для возстановленія на этомъ островѣ авторитета султана". Еслибъ не удалось прогнать изъ Сиріи Ибрагима-пашу, то нужно будетъ высадить войска на египетскій берегъ. И такъ какъ Англія не можетъ допустить, чтобъ французскія войска заняли Египетъ, а съ другой стороны, французы не пожелаютъ видѣть въ Египтѣ англійскія войска, то Пальмерстонъ полагалъ, что „нѣсколько тысячъ австрійцевъ съ помощью турецкаго отряда" лучше всего могли бы занять Египетъ.

Любопытно, что между Пальмерстономъ, Брунновымъ и Нейманомъ состоялось полное соглашеніе по всѣмъ пунктамъ, и англійскій министръ взялся самъ составить проектъ международнаго акта.

Это было въ самомъ концѣ декабря 1839 г.

Императоръ Николай I вполнѣ одобрилъ образъ дѣйствія своего уполномоченнаго, повелѣлъ ему настаивать на заключеніи единаго акта и выразилъ надежду, что къ 10-му (22-му) апрѣля 1840 года все это дѣло будетъ окончено (Депеша гр. Нессельроде къ Бруннову, отъ 1-го февраля 1840 года). Въ частномъ письмѣ, отъ того же числа, вице-канцлеръ выражаетъ свое сожалѣніе, что переговоры по турецко-египетскому вопросу такъ тихо двигаются впередъ. Напрасно только въ Англіи такъ много занимаются Россіею при улаженіи турецко-египетскаго дѣла. „Строго говоря",—продолжаетъ гр. Нессельроде—„мы находимся внѣ этого вопроса (sic!). Мы нисколько не главные актеры; мы играемъ только вполнѣ второстепенную роль. Споръ происходитъ не между Франціею и нами, но между Англіею и Франціею". Послѣдняя держава предлагаетъ оставить за Мегеметомъ-Али все, что онъ завоевалъ; Англія требуетъ возвращенія Турціи захваченныхъ областей; Россія, Австрія и Пруссія присоединяются къ англійскому плану.

„Это выяснено; спрашивается: чего теперь желаетъ англійское правительство? Никакъ не выбора между Франціею и нами, но между Франціею и самимъ собой".

Бруннову довольно трудно было убѣдить лорда Пальмерстона

въ томъ, что турецко-египетскій вопросъ имѣетъ для Россіи второстепенное значеніе, и что Англія напрасно такъ много занимается Россіею, когда ей нужно исключительно уломать Францію и съ нею свести свои счеты. Письмо гр. Нессельроде еще болѣе убѣдило Бруннова въ томъ, что египетскій вопросъ не составляетъ опасности, но есть только „затрудненіе", которое можно побороть не иначе, какъ искусствомъ и терпѣніемъ.

Вотъ почему Брунновъ убѣждалъ русское правительство не терять терпѣнія, а иначе Англія и Франція могутъ совершенно устранить Россію. „Я осмѣливаюсь думать",—писалъ онъ вице-канцлеру, 31-го января (12-го февраля) 1840 г.,—„что лучше всего соотвѣтствуетъ нашимъ видамъ предоставить переговорамъ продолжаться и затягиваться. Чѣмъ дольше они продолжатся, тѣмъ больше они испортятъ взаимныя отношенія между Англіею и Франціею... Дадимъ имъ время поспорить и побороться другъ съ другомъ. Но не оставимъ ихъ совершенно однѣхъ. Встанемъ позади Англіи, чтобы сказать ей: держитесь, мы съ вами, не уступайте безъ надобности требованіямъ французскаго кабинета, который желаетъ предписать вамъ свою волю".

Россія, по мнѣнію Бруннова, должна помогать Англіи, но не позволять ей выдвигать Россію впередъ и не дозволять англійскому кабинету распространять мнѣніе, что Брунновъ прибылъ въ Лондонъ только съ цѣлью поддержанія англійской политики.

Однако, въ виду рѣшительнаго желанія государя поскорѣе покончить съ турецко-египетскимъ вопросомъ, Брунновъ долженъ былъ энергически настаивать у Пальмерстона на скорѣйшемъ окончаніи этого вопроса. Онъ старался краснорѣчиво доказывать ему, что французское правительство только смѣется надъ англійскимъ кабинетомъ своими контръ-предложеніями и старается всѣми силами парализовать враждебныя мѣропріятія противъ Мегемета-Али.

Наконецъ, 19-го января 1840 года, лордъ Пальмерстонъ прочелъ Бруннову свой проектъ конвенціи, которымъ послѣдній остался весьма недоволенъ, ибо въ немъ не были опредѣлены ни границы Египта, ни наслѣдственность власти хедива, ни вассальность его въ отношеніи султана. Казалось, что, сочиняя свой проектъ, Пальмерстонъ имѣлъ въ виду только одну цѣль: оставить открытою дверь для Франціи. И дѣйствительно, англійскій министръ сознался, что онъ все еще надѣется „увлечь" Францію.

Брунновъ энергически возражалъ противъ такой мысли, прося Пальмерстона вспомнить, къ чему привели въ бельгійскомъ вопросѣ старанія увлечь французское правительство.

Наконецъ, по просьбѣ австрійскаго уполномоченнаго Неймана, баронъ Бруниовъ согласился составить свой проектъ конвенціи. Послѣдній отличался во многихъ пунктахъ отъ проекта Пальмерстона. Во 1) Брунновъ перенесъ центръ тяжести изъ Константинополя въ Александрію и выдвинулъ впередъ египетскую сторону всего вопроса; во 2) онъ поставилъ согласіе султана, какъ необходимое условіе всего соглашенія; въ 3) вопросъ о границахъ остался открытымъ въ виду необходимости согласія султана; въ 4) были опредѣлены принудительныя мѣры противъ Мегемета-Али; въ 5) необходимость общихъ дѣйствій для защиты проливовъ была установлена только на случай явной опасности для престола султана, и, наконецъ, въ 6) былъ провозглашенъ принципъ закрытія проливовъ.

Только Брунновъ весьма благоразумно не употребилъ по отношенію къ Мраморному и Черному морямъ термина „закрытыя моря", въ виду вызываемыхъ этимъ терминомъ недоразумѣній, ибо ни то, ни другое море не суть закрытыя моря. Относительно же проливовъ въ проектѣ барона Бруннова было сказано, что во время мира и войны они останутся закрытыми для военныхъ судовъ всѣхъ націй *„до той поры, пока Порта будетъ находиться съ державами въ миръ"*. Этою прибавкою турецкое правительство получило законное право, въ случаѣ войны, пропускать чрезъ проливы суда союзныхъ съ нею державъ.

Но еще не скоро кончились сомнѣнія и нерѣшительность англійскаго кабинета. Бруннову пришлось, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вести переговоры съ Пальмерстономъ и сердиться на его „невѣроятное легкомысліе". Такъ, онъ былъ возмущенъ фактомъ сообщенія англійскаго проекта конвенціи генералу Себастіани. Вслѣдствіе этого онъ не только не пошелъ на совѣщаніе, назначенное у лорда Пальмерстона, но и вычеркнулъ изъ англійскаго проекта сдѣланныя имъ уступки. Вообще, Брунновъ пришелъ къ тому убѣжденію, что англійское министерство не имѣетъ ни энергіи, ни талантовъ. Что̀ же касается Франціи, то онъ выразилъ свою радость, что сдѣлался „объектомъ ненависти" для этой страны. На донесеніи Бруннова объ этихъ переговорахъ, отъ 12-го (24-го) января 1840 г., государь надписалъ: „Brunnow a supérieurement agi et parlé".

Оцѣнка англійскаго министерства лорда Мельборна со стороны Бруннова вполнѣ подтверждалась отзывомъ о немъ герцога Веллингтона. „Я вамъ говорилъ",—сказалъ онъ Бруннову—„что министры ни къ чему неспособны. Они довели страну до такого состоянія, что ни въ какую сторону не могутъ двинуться. При-

скорбно видѣть такую великую страну доведенною до такого состоянія. У насъ нѣтъ правительства... Они привели въ разстройство весь государственный организмъ. Когда они проводили реформу, они не знали, что̀ дѣлаютъ"...

Затѣмъ герцогъ Веллингтонъ возмущался слабостью правительства въ отношеніи „одной секты, извѣстной подъ именемъ соціалистовъ".

Неспособность англійскаго правительства придти къ окончанію переговоровъ по турецко-египетскому вопросу въ особенности обнаружилась, когда во Франціи пало министерство Гизо, и когда Тьеръ сдѣлался первымъ министромъ. Отъ послѣдняго нельзя было ожидать никакихъ уступокъ, ибо „одно имя Тьера навело ужасъ на дипломатію",—какъ писалъ Брунновъ. Генералъ Себастіани былъ отозванъ изъ Лондона, и на его мѣсто французскимъ посломъ былъ назначенъ Гизо. Послѣдній сталъ настаивать на оставленіи за Мегеметомъ-Али Сиріи и категорически отказался одобрить или участвовать въ принудительныхъ мѣрахъ противъ египетскаго паши.

Въ виду такого настроенія французскаго правительства, странно было со стороны лорда Пальмерстона все-таки надѣяться на участіе Франціи въ проектированной конвенціи. Онъ открыто объявилъ въ парламентѣ, что „невозможно показать болѣе добросовѣстности, чѣмъ Россія показала во всемъ, что̀ касается настоящаго вопроса". Это его заявленіе вызвало замѣчаніе государя: „Пора было"!

Лордъ Пальмерстонъ пришелъ въ восторгъ отъ согласія императорскаго кабинета допустить участіе турецкаго посланника въ происходящихъ переговорахъ и сказалъ Бруннову: „Я уполномочиваю васъ сказать вашему кабинету, что мы скажемъ *да*, если онъ скажетъ *да*; *нѣтъ*, если онъ скажетъ *нѣтъ*". Однако, переговоры все-таки не двинулись съ мѣста, и императоръ Николай сдѣлалъ на донесеніи барона Бруннова, отъ 7-го (19-го) мая 1840 года, въ которомъ сообщалось о предложеніи Франціи быть посредницею между великими державами и Мегеметомъ-Али, слѣдующую надпись:

„Все это мизерно, и я не предвижу никакого конца этой болтовни; я теряю терпѣніе, и если въ продолженіе мѣсяца не будетъ все окончено, то подумаю о другихъ средствахъ для рѣшенія этого дѣла согласно нашему достоинству".

Но все-таки черезъ мѣсяцъ дѣло не было окончено. Не раньше, какъ въ началѣ іюля мѣсяца, англійское правительство рѣшилось приступить къ заключенію проектированной конвенціи

безъ Франціи. Объ этомъ знаменательномъ рѣшеніи лордъ Пальмерстонъ сообщилъ представителямъ Россіи, Австріи и Пруссіи подъ величайшимъ секретомъ, въ слѣдующихъ словахъ: „Если нельзя путешествовать вмѣстѣ со всѣми, съ кѣмъ хотѣлось путешествовать, рѣшаешься отправиться въ путь съ тѣми, кто хочетъ идти съ вами“. Послѣдняя попытка, сдѣланная въ отношеніи Франціи, чтобъ убѣдить ее идти вмѣстѣ съ Англіею, оказалась тщетною—и потому, сказалъ Пальмерстонъ, англійское правительство рѣшилось подписать актъ съ Россіею, Австріею и Пруссіею. Пальмерстону поручено кабинетомъ министровъ составить окончательный проектъ и немедленно его представить на одобреніе своихъ коллегъ, а затѣмъ сообщить его представителямъ трехъ державъ.

При прощаніи, англійскій министръ не могъ удержаться, чтобъ не сказать Бруннову: „Я долженъ вамъ признаться, что удивляюсь долготерпѣнію, показанному намъ государемъ императоромъ“. Посланникъ отвѣтилъ: „Пора было оправдать его“! (Донесеніе отъ 26-го іюня (8-го іюля) 1840 года).

Наконецъ, 3-го (15-го) іюля былъ подписанъ въ Лондонѣ международный трактатъ, который до настоящаго времени остается во всей своей силѣ для египетскихъ порядковъ. Но, кромѣ того, этимъ актомъ былъ формальнымъ образомъ констатированъ фактъ разрыва между Англіею и Франціею въ области ихъ восточной политики. Вотъ почему баронъ Брунновъ такъ обрадовался подписанію этого акта. Но онъ сильно ошибался, полагая, что никогда лордъ Пальмерстонъ не проститъ Франціи, что Тьеръ и Гизо возбуждали противъ него его собственныхъ коллегъ по министерству. Событія весьма скоро доказали, что Пальмерстонъ все-таки старался идти рука объ руку съ Франціею.

Остается только прибавить нѣсколько подробностей касательно подписанія іюльской конвенціи относительно Египта. Въ послѣдніе дни до подписанія этого акта было рѣшено поставить Мегемету-Али ультиматумъ, чтобъ онъ въ 10 дней все принялъ, что̀ ему предложено. Если приметъ—онъ получитъ наслѣдственность египетскаго престола и южную часть Сиріи съ крѣпостью St.-Jean d'Acre. Если не подчинится въ продолженіе 10-ти дней, то не получитъ Сиріи.

Насчетъ необходимости общими силами спасти Константинополь Пальмерстонъ соглашался, что этотъ случай нужно предвидѣть, но только на второмъ планѣ; на первомъ планѣ—Мегеметъ-Али и Египетъ. Франція, по словамъ англійскаго министра, всегда считала „случайность съ Константинополемъ за

существенное дѣло, мы же—за второстепенное". „Не слѣдуетъ намъ впасть въ ту же самую ошибку",—продолжалъ министръ.— „Что касается до случайности съ Константинополемъ, то поставимъ ее туда, гдѣ она должна быть,—на второмъ планѣ. По моему личному убѣжденію, случай этотъ совсѣмъ не произойдетъ". Послѣднюю фразу императоръ подчеркнулъ и надписалъ на поляхъ: „это неопровержимая истина; это—мое убѣжденіе и почти мои собственныя выраженія".

Если же этотъ совершенно невѣроятный случай произойдетъ, то лордъ Пальмерстонъ выразилъ надежду, что русскій флотъ, вмѣстѣ съ англійскимъ, будетъ дѣйствовать въ Средиземномъ морѣ. На это императоръ по-русски замѣтилъ: „покорно благодарю"!

Для IV-й статьи лондонской конвенціи, провозгласившей принципъ закрытія Босфорскаго и Дарданелльскаго проливовъ, Пальмерстонъ сперва подъискалъ мотивы въ международномъ правѣ: онъ доказывалъ, что оба берега принадлежатъ Турціи, и разстояніе между ними менѣе 3 миль. Но кабинетъ министровъ отвергъ эту мотивировку и постановилъ сослаться на древнее правило о закрытіи проливовъ. Онъ полагалъ, что только такимъ мотивомъ можно будетъ предупредить, со стороны оппозиціи, обвиненіе въ угодничествѣ по отношенію къ Россіи.

Далѣе, Брунновъ предложилъ составить во 1) отдѣльный актъ о соглашеніи между султаномъ и египетскимъ посломъ, и во 2) protocole réservé относительно принудительныхъ мѣръ противъ Мегемета-Али. Эта мысль понравилась и была принята.

Лорду Пальмерстону стоило много труда, чтобъ убѣдить своихъ коллегъ въ абсолютной необходимости покончить съ конвенціею. Только его угроза выйти въ отставку заставила ихъ уступить. Онъ отправился самъ къ королевѣ и сдѣлалъ ей докладъ по этому дѣлу; впослѣдствіи она собственноручно подписала проектъ конвенціи словами: „вполнѣ одобрено"!

Но когда сдѣлалось въ публикѣ извѣстно заключеніе этого акта, многіе англичане стали говорить, что Пальмерстонъ продался Россіи (sic!).

На донесеніи, отъ 5-го (17-го) іюля, въ которомъ Брунновъ разсказалъ о всѣхъ вышеприведенныхъ подробностяхъ, императоръ Николай Павловичъ собственноручно написалъ: „Это очень интересно, и я вполнѣ доволенъ Брунновымъ".

V.

Подписаніемъ іюльской конвенціи относительно Египта уполномоченными Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи еще не былъ рѣшенъ весь египетскій вопросъ. Во 1) требовалось еще привести въ исполненіе подписанный въ Лондонѣ актъ, и во 2) нужно было парализовать враждебность Франціи противъ принятія четырьмя державами, безъ ея участія, рѣшенія.

Между тѣмъ въ іюльской конвенціи остался открытымъ вопросъ о принудительныхъ мѣрахъ противъ Египта въ случаѣ несогласія Мегемета-Али покориться волѣ четырехъ великихъ державъ. До подписанія этого акта была возбуждена мысль о снаряженіи русской эскадры съ отрядомъ дессантныхъ войскъ, для усмиренія Мегемета-Али. Но императоръ Николай I, зная подозрительность англійскаго правительства, наотрѣзъ отказался согласиться на такую комбинацію. Тогда вѣнскому кабинету было конфиденціальнымъ образомъ предложено отправить свои войска въ Египетъ. Но князь Меттернихъ не показывалъ особеннаго сочувствія этому предложенію, хотя онъ и не отвергнулъ его категорическимъ образомъ. Его поведеніе было двусмысленно и привело къ слѣдующему „водевилю“ въ Лондонѣ. Въ присутствіи барона Бруннова, австрійскій посланникъ, баронъ Нейманъ, обращается къ лорду Минто, первому лорду адмиралтейства, съ слѣдующимъ вопросомъ: „Ну что̀, лордъ Минто, готовы ли вы? Ваши суда снаряжены“? „Да“,—отвѣтилъ лордъ—„они готовы... для посадки на нихъ 35.000 австрійцевъ“.

„Почему говорите вы—австрійцевъ?—возразилъ австрійскій посланникъ:—„почему вы не говорите: 35.000 русскихъ“? Тутъ вмѣшался въ разговоръ баронъ Брунновъ и сказалъ: „Лордъ Минто правъ. У насъ самихъ имѣются суда для перевозки нашихъ солдатъ“.

Тогда лордъ Минто съ величайшею серьезностью и хладнокровіемъ обратился къ барону Бруннову и сказалъ: „Вы не можете себѣ представить, какъ намъ трудно сдерживать этихъ австрійцевъ. Они отличаются изумительною подвижностью, пылкостью и юностью. Тутъ солдаты; тамъ корабли. Они повсюду. Они всюду хотятъ идти. Правда, не знаешь, что̀ съ ними подѣлать, чтобъ ихъ угомонить“.

Австрійскому посланнику не понравилась такая откровенность англійскаго министра, и онъ хотѣлъ обратить ее въ шутку. Но неумолимый англичанинъ хладнокровно прервалъ его словами:

„Не сердитесь. Я нисколько не желалъ васъ обидѣть. Мы всегда будемъ съ Австріею добрыми друзьями. Вы самые милые люди въ свѣтѣ, въ своемъ родѣ (in your own way), если отъ васъ ничего не желаешь имѣть“.

На этихъ словахъ окончился этотъ интересный разговоръ, отчетъ о которомъ заставилъ императора Николая I поставить резолюцію: „Водевиль хорошъ“!

Что касается Франціи, то извѣстно, какое потрясающее впечатлѣніе произвело въ Парижѣ извѣстіе о подписаніи іюльской конвенціи. Гизо, бывшій въ то время французскимъ посломъ при с.-джемскомъ дворѣ, вѣрить не ходѣлъ, что этотъ фактъ совершился. Въ то самое время, когда уполномоченные четырехъ державъ подписывали конвенцію, Гизо увѣрялъ турецкаго посла, что онъ надѣется, вмѣстѣ съ четырьмя великими державами, придумать такой новый порядокъ, который навсегда обезпечитъ миръ и спокойствіе на Востокѣ. Когда же онъ узналъ о конвенціи, онъ не могъ скрыть своего глубокаго неудовольствія: онъ открыто говорилъ, что Франціи нанесена чувствительная обида, требующая возмездія.

Въ минуту такого раздраженія, знаменитый французскій государственный мужъ забылъ слѣдующую замѣчательную характеристику міровой роли Франціи, сообщенную имъ барону Бруннову:

„Я думаю“,—сказалъ Гизо—что Франція не нуждается въ употребленіи оружія, чтобы стать въ первый рядъ народовъ. Завоеванія, которыя она должна дѣлать, относятся къ области ума. Она должна распространять и пропагандировать кругомъ себя свое вліяніе исключительно владычествомъ мысли. Вотъ какимъ образомъ она должна поддерживать свое политическое и моральное преобладаніе и расширять предѣлы своихъ мирныхъ завоеваній“.

Гизо, дѣйствительно, скоро успокоился, въ особенности когда, послѣ отставки министерства Тьера, онъ принужденъ былъ самъ стать во главѣ французскаго правительства. Но Тьеръ не поцеремонился сказать англійскому посланнику въ Парижѣ, Бульверу, что союзъ Франціи съ Англіею разорванъ іюльскою конвенціею, ибо французское правительство даже не пригласили подписать этотъ актъ (sic!). Но Тьеръ поспѣшилъ немедленно прибавить: „правда, это было бы совершенно излишне, ибо мы не подписали бы его“.

Впрочемъ, министерство Тьера столь неосторожно стало вооружать Францію къ войнѣ, что лордъ Мельборнъ счелъ нужнымъ написать письмо къ королю Леопольду, въ которомъ онъ

предостерегалъ его, что если эти вооруженія не кончатся, то война съ Англіею и ея союзниками будетъ неизбѣжна. Бельгійскій король показалъ это письмо королю Луи-Филиппу, который немедленно заставилъ Тьера выйти въ отставку. Было устроено новое министерство, во главѣ котораго, вмѣстѣ съ Гизо, сталъ маршалъ Су.

Баронъ Бруновъ охарактеризовалъ французскую политику въ восточномъ вопросѣ при трехъ министерствахъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ, въ слѣдующихъ словахъ: „*Вилять* при (первомъ) министерствѣ Су; *угрожать* — при Тьерѣ; *просить милостыню*—при нынѣшнемъ министерствѣ,—вотъ какимъ образомъ Франція думала вести великія восточныя дѣла, которыя она намѣревалась устраивать вмѣстѣ съ нами“.

Во всякомъ случаѣ, іюльская конвенція имѣла одинъ непосредственный результатъ: она привела къ сближенію между Англіею и Россіею. Когда французское правительство Тьера угрожало, и Англія серьезно готовилась къ войнѣ, лордъ Пальмерстонъ сказалъ барону Бруннову, что, въ случаѣ войны съ Франціею, англійское правительство разсчитываетъ на союзную помощь Россіи. Брунновъ еще не имѣлъ времени сообщить о такой надеждѣ Англіи своему правительству, какъ онъ получилъ отъ своего государя порученіе объявить англійскому правительству, что русская эскадра поспѣшитъ на помощь Англіи, въ случаѣ нападенія на нее со стороны Франціи.

„Мнѣ было бы невозможно“—писалъ Брунновъ, 30-го іюля (11-го августа) 1840 года, вице-канцлеру—„дать вамъ вѣрное понятіе о томъ впечатлѣніи, которое произвело это великодушное и неожиданное предложеніе на лорда Пальмерстона. Вотъ что̀ онъ мнѣ сказалъ:—Наша увѣренность въ поддержкѣ государя была велика. Его величество подтвердилъ ее такимъ образомъ, что всѣ наши желанія исполнены. Теперь мы знаемъ, на что̀ мы можемъ разсчитывать. Эта ясность составляетъ для насъ великую силу“. Наконецъ, лордъ Пальмерстонъ сознался, что вопросъ объ обращеніи къ Россіи за помощью противъ Франціи возбудилъ въ кабинетѣ лордъ Дж. Россель.

Послѣ подписанія „протокола о безкорыстіи“, лордъ Пальмерстонъ признался русскому посланнику, что, по его мнѣнію, не было никакой надобности въ такомъ актѣ. „Россія“—сказалъ онъ барону Бруннову—„довѣряетъ намъ, и мы имѣемъ къ ней довѣріе. Поэтому не было абсолютной надобности выражать на письмѣ, что мы не ищемъ никакой исключительной выгоды при исполненіи обязательствъ, сообща нами подписанныхъ“. Только

для публики и оппозиціи въ парламентѣ" — прибавилъ министръ— „нужно было подписать такой актъ.

По мѣрѣ того, какъ французское правительство выражало намѣреніе даже силою оружія заступиться за Мегемета-Али и противиться исполненію іюльской конвенціи, — по мѣрѣ того отношенія между Россіею и Англіею становятся болѣе близкими и дружескими. Король Луи-Филиппъ смѣнилъ воинственное министерство Тьера на безцвѣтное министерство Су-Гизо. Но все-таки французскія вооруженія продолжались. Самъ Луи-Филиппъ оправдывалъ необходимость такихъ вооруженій весьма оригинальными соображеніями. „Вмѣсто того, чтобъ тревожиться нашими вооруженіями",—сказалъ король австрійскому послу, графу Аппони,—„сосѣднія державы, напротивъ, должны бы видѣть въ нихъ новое основаніе своей безопасности. Потому что эти вооруженія составляютъ для меня наилучшее средство, имѣющееся въ моемъ распоряженіи, для усмиренія и обузданія революціи. На дѣлѣ, я могу положиться только на армію. Она мнѣ предана. Впрочемъ, французъ, по принципу и влеченію, взявъ въ руки ружье, пріобрѣтаетъ привычку къ послушанію. Что̀ дѣлать, мы ужъ такъ созданы. Надѣньте бунтовщику красныя панталоны, и вы обратите его въ вѣрнаго солдата".

Остроумное объясненіе короля Луи-Филиппа цѣли французскихъ вооруженій, само собою разумѣется, не могло успокоить англійскаго правительства. Изъ Парижа доносились до него еще болѣе тревожные слухи: разсказывали, что паденіе министерства Тьера настолько удовлетворило русскаго императора, что онъ рѣшился сблизиться съ королемъ французовъ и вступить съ нимъ въ особенное соглашеніе насчетъ турецко-египетскихъ дѣлъ. Хорошо, что эти слухи дошли до барона Бруннова, и онъ могъ немедленно доказать ихъ полную несостоятельность.

Баронъ Брунновъ былъ чрезвычайно доволенъ іюльскою конвенціею. Онъ былъ убѣжденъ, что этимъ актомъ продолжено дѣйствіе ункіаръ-искелесскаго трактата, потерявшаго обязательную силу по истеченіи установленнаго срока. Онъ настолько дорожилъ іюльскимъ актомъ, что признавалъ за долгъ всѣми силами заглушать въ англійскихъ министрахъ сѣмена подозрительности, западавшія въ ихъ души вслѣдствіе инсинуацій и дипломатическихъ происковъ. Баронъ Брунновъ совершенно откровенно высказалъ лорду Пальмерстону свой взглядъ на произошедшую во Франціи министерскую перемѣну. Въ октябрѣ 1840 года онъ воспользовался случаемъ, чтобъ сказать ему, что паденіе министерства Тьера только должно открыть глаза англійскому

правительству, насколько безразсудно было изъ дружбы къ Франціи портить свои отношенія къ Россіи.

„Если“—сказалъ Брунновъ лорду Пальмерстону—„вы живете въ мирѣ и добромъ согласіи съ французскимъ правительствомъ, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ вы, съ другой стороны, были вынуждены быть въ ссорѣ съ нами, потому что вы въ добрыхъ отношеніяхъ съ Франціею. Напротивъ, я утверждаю, что ваша собственная польза требуетъ постоянно поддерживать съ нами добрыя отношенія, ибо вы именно такимъ образомъ въ состояніи будете удерживать Францію на томъ пути, съ котораго она не должна сходить, въ виду вашей собственной пользы... Политическая ошибка, въ которую вы прежде впадали, заключалась въ томъ, что вы ссорились съ Россіею. Съ того момента, когда тюльерійскій кабинетъ замѣтилъ, что вы находитесь въ не особенно дружескихъ отношеніяхъ съ нами, онъ вообразилъ, что вы больше не въ состояніи обойтись безъ него. Съ того времени онъ сдѣлался въ отношеніи васъ требовательнымъ и несговорчивымъ“.

Императоръ Николай написалъ на этомъ донесеніи Бруннова слова: „Fort juste“. Лордъ Пальмерстонъ ничего не возразилъ, но все-таки его старая любовь къ Франціи заставляла его искренне сожалѣть о натянутыхъ отношеніяхъ между нею и Англіею, вызванныхъ іюльскою конвенціею. Онъ не вѣрилъ слухамъ о сближеніи с.-петербургскаго и тюльерійскаго кабинетовъ, ибо онъ зналъ чувства императора Николая Павловича къ Луи-Филиппу. Но, съ другой стороны, англійскій министръ искренне желалъ прекратить охлажденіе, охватившее французское правительство. Онъ сказалъ барону Бруннову:

„Справедливо и разумно заявить уваженіе къ Франціи. Не нужно ее обижать. Но нельзя ей ни довѣрять, ни дѣлать уступокъ. Мысль сдѣлать уступки Гизо, съ цѣлью поддержать его лично, есть заблужденіе и самообманъ. Гизо только — случай. Онъ исчезнетъ завтра или послѣ-завтра. Король броситъ его, какъ его предшественниковъ, лишь только успѣетъ воспользоваться имъ, насколько нужно. Тогда Гизо обратится въ ничто. Тогда останутся уступки, ему сдѣланныя, и тогда будетъ слишкомъ поздно видѣть, что онѣ были сдѣланы совершенно напрасно“.

Императоръ Николай I вполнѣ одобрилъ эту точку зрѣнія лорда Пальмерстона на новое министерство Гизо, и на донесеніи барона Бруннова, отъ 28-го декабря 1840 г. (4-го января 1841 г.), противъ вышеприведенныхъ словъ лорда, написалъ:

„C'est de toute vérité“. Только когда англійское правительство стало измѣнять своему первоначальному убѣжденію и стало выказывать готовность пойти на всевозможныя уступки Франціи, тогда императоръ Николай Павловичъ, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ, опять разошелся съ видами англійской политики.

Въ августѣ 1840 года, король бельгійцевъ, Леопольдъ I, вмѣстѣ съ своею супругою гостилъ въ Англіи, у королевы Викторіи, въ Виндзорѣ. Неутомимый въ политическихъ комбинаціяхъ, бельгійскій король воспользовался этимъ случаемъ, чтобы устроить примиреніе между Англіею и Франціею. Онъ не скрывалъ, что серьезная вражда между этими державами можетъ стóить ему престола. Вотъ почему онъ предложилъ измѣнить іюльскую конвенцію въ смыслѣ болѣе благопріятномъ для Мегемета-Али. Лордъ Пальмерстонъ сперва наотрѣзъ отказался исполнить такое требованіе. Но король не успокоился: онъ придумалъ новую комбинацію, въ силу которой слѣдовало заключить новый международный актъ поручительства пяти великихъ державъ за неприкосновенность оттоманской имперіи. Лордъ Пальмерстонъ не усматривалъ особенной надобности ни въ такой общей гарантіи, ни въ заключеніи новаго международнаго акта. Но онъ, какъ бы вскользь, спросилъ барона Бруннова: не признаетъ ли онъ полезнымъ заключеніе особеннаго акта о закрытіи проливовъ?

Такъ былъ поставленъ вопросъ о заключеніи конвенціи о проливахъ.

Черезъ нѣсколько дней лордъ Пальмерстонъ возвратился къ поставленному имъ Бруннову вопросу. Онъ признался въ своемъ намѣреніи предложить заключеніе новаго акта съ Франціею, въ которомъ подтверждались бы два главныя положенія: во 1) соглашеніе, состоявшееся между Портою и Египтомъ, и во 2) закрытіе Босфорскаго и Дарданельскаго проливовъ.

Такая внезапная перемѣна въ воззрѣніяхъ англійскаго министра, очевидно, представляется результатомъ вліянія короля Леопольда I. Послѣдній не могъ простить лорду Пальмерстону іюльской конвенціи и исключенія Франціи. Благодаря бельгійскому королю, положеніе англійскаго министра значительно пошатнулось. Тогда онъ призналъ болѣе благоразумнымъ уступить и согласиться на комбинацію о новомъ международномъ актѣ.

Императорское правительство смотрѣло съ недоумѣніемъ на постоянныя колебанія англійской политики. Оно сознавало слабую сторону іюльской конвенціи, заключающуюся въ отсутствіи въ ней постановленій относительно принудительныхъ мѣръ про-

тивъ египетскаго паши. „Нельзя загнать медвѣдя метлою“,—сказалъ по этому поводу графъ Нессельроде.

Императоръ Николай I не видѣлъ никакой надобности въ новомъ актѣ, и на одномъ донесеніи барона Бруннова, конца 1840 года, онъ положилъ такую резолюцію: „Намъ нечего прибавить ко всему прежде сказанному. Стало быть, нужно молчать и посмотрѣть, что̀ будетъ. Это единственно разумное рѣшеніе“.

Наконецъ, баронъ Брунновъ также протестовалъ противъ всякой мысли о заключеніи особаго акта поручительства въ неприкосновенности оттоманской имперіи.

Въ виду такого настроенія русскаго правительства, понятенъ будетъ отказъ принять французское предложеніе, сдѣланное чрезъ барона Буркнея, французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Лондонѣ. Оно было довольно сложное. По плану Гизо, слѣдовало бы заключить въ Лондонѣ новый актъ изъ слѣдующихъ постановленій: 1) гарантія неприкосновенности Турціи; 2) „христіанскія пожеланія въ пользу сирійскаго населенія“; 3) „коммерческая дорога чрезъ Суэцкій перешеекъ“, и 4) закрытіе проливовъ.

Это французское предложеніе встрѣтило сильную оппозицію не только со стороны барона Бруннова. Даже лордъ Пальмерстонъ долженъ былъ отвергнуть первый пунктъ французской программы, сказавъ, что каждый пойметъ, что эта статья направлена противъ Россіи. Относительно 2-го пункта англійскій министръ и русскій посланникъ были согласны, что имъ устанавливается право вмѣшательства Франціи во внутреннія дѣла Турціи—чего никакъ нельзя желать. Третья статья также была отвергнута лордомъ Пальмерстономъ на томъ основаніи, что каждая держава имѣетъ свой коммерческій трактатъ съ Турціею, въ силу котораго можно пользоваться коммерческою дорогою чрезъ Суэцкій перешеекъ. Такимъ образомъ, оставался только одинъ 4-й пунктъ, относительно закрытія проливовъ.

Лордъ Пальмерстонъ и баронъ Брунновъ согласились между собою въ томъ, что каждый изъ нихъ самостоятельно составитъ свой проектъ конвенціи съ единою статьею о закрытіи проливовъ Босфорскаго и Дарданельскаго. По сличеніи обоихъ проектовъ, оказалось, что они совершенно одинаковы.

Однако, окончательное заключеніе этого акта все-таки состоялось не ранѣе іюля 1841 года. Французское правительство никакъ не желало отказаться отъ своихъ четырехъ статей и въ особенности отъ гарантіи цѣлости Турціи. Вслѣдъ затѣмъ выступилъ князь Меттернихъ, который никакъ не могъ свыкнуться съ мыслью, что въ Лондонѣ, далеко отъ Вѣны, безъ непосред-

ственнаго его руководительства, обдѣлываются европейскія дѣла. Поэтому онъ предписалъ австрійскому посланнику при с.-джемскомъ дворѣ снова поднять вопросъ о неприкосновенности Турціи, отношеніяхъ къ ней европейскихъ державъ и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не скрывалъ своего пламеннаго желанія, чтобы іюльская конвенція поскорѣе была замѣнена такимъ актомъ, который былъ бы подписанъ также Франціею. Австрія и Пруссія сильно опасались разрыва съ Франціею по поводу іюльской конвенціи.

Лордъ Пальмерстонъ категорически отказался заняться изученіемъ поставленныхъ австрійскимъ канцлеромъ вопросовъ. При этомъ случаѣ онъ написалъ для барона Бруннова слѣдующій „портретъ съ натуры" князя Меттерниха:

„У князя Меттерниха много хорошихъ качествъ; но не слѣдуетъ всегда на нихъ полагаться, и надо знать, какъ къ нему относиться. Нужно съ нимъ быть очень вѣжливымъ; показывать ему почтеніе; предоставлять ему думать, что онъ правъ, и потомъ — ничего не принимать изъ того, что̀ онъ предлагаетъ, и остановиться безъ разсужденій. Тогда окажется, что, благодаря изобилію мыслей, имѣющихся въ его головѣ, одна новая комбинація погонитъ другую. Въ концѣ концовъ, все, что̀ имъ предложено, падетъ само собою. Такимъ образомъ, онъ самъ беретъ на себя трудъ разрушить то, что̀ онъ придумалъ, и уничтожить свои собственные проекты".

Баронъ Брунновъ не могъ не признать этотъ мастерски набросанный портретъ австрійскаго канцлера весьма удачнымъ, и высказалъ лорду Пальмерстону полное свое одобреніе. Вообще нашъ дипломатъ былъ въ это время очень доволенъ поведеніемъ своего „благороднаго англійскаго друга". Когда, въ началѣ 1841 года, лордъ Джонъ Россель произнесъ рѣчь въ парламентѣ въ защиту русской политики, баронъ Брунновъ былъ счастливъ, что не лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ членамъ оппозиціи. Это его удовольствіе вытекало не изъ недовѣрія къ Пальмерстону въ виду прежнихъ его вѣроломныхъ поступковъ въ отношеніи Россіи. Нѣтъ, напротивъ! Баронъ Брунновъ утверждаетъ, что еслибы лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ, то было бы хуже, ибо „Пальмерстонъ является въ глазахъ публики настоящимъ сеидомъ Россіи" (sic!!).

Вообще Брунновъ старается, въ это время, смягчить свое прежнее мнѣніе насчетъ англійскаго министра. Намъ кажется, что лэди Пальмерстонъ значительно содѣйствовала такому дружелюбному отношенію къ ея супругу. Лэди Пальмерстонъ, которую Брунновъ признаетъ женщиною съ рѣдкимъ умомъ, убѣ-

дительно доказывала посланнику, что положеніе ея мужа въ министерствѣ чрезвычайно трудное.

„Весьма нелегко“—сказала она ему—„составить себѣ вѣрное понятіе о положеніи моего мужа. Теперь съ нимъ происходитъ совершенно то же самое, что̀ случилось семь лѣтъ тому назадъ. Тогда турки попросили у насъ нѣсколько судовъ. Пальмерстонъ выбивался изъ силъ, чтобы доказать совѣту необходимость дать имъ эти суда. Его коллеги этого не пожелали. Они ему дѣлали всевозможныя непріятности. Что̀ же изъ этого вышло? Вы пошли туркамъ на встрѣчу. Вы сдѣлали то, что̀ мы должны были сдѣлать. Вы пришли имъ на помощь. Вся честь и вся выгода были на вашей сторонѣ; весь стыдъ и срамъ — на нашей. Впослѣдствіи, когда ужъ было поздно, всѣ напали на Пальмерстона. Всѣ стали кричать:—вы этого не предвидѣли! Почему вы намъ этого не сказали? Почему вы этого не предупредили?—Вотъ что̀ тогда случилось“.

„Въ настоящее время — продолжала лэди Пальмерстонъ— дѣла принимаютъ совершенно такой же оборотъ. Пальмерстонъ тщетно старается убѣдить. Никто его не слушаетъ. Всѣ согласны въ одномъ: противодѣйствовать ему. Старый Голландъ, которому рѣшительно нечего дѣлать, первый забавляется тѣмъ, что пишетъ ему каждый день письма размѣромъ въ тома. Это невыносимо! Вотъ какъ проходитъ время,—и ничего не дѣлается“.

Баронъ Брунновъ вполнѣ подтвердилъ, въ своемъ письмѣ, отъ 12-го (24) марта 1841 г., къ вице-канцлеру, основательность жалобъ супруги англійскаго министра. Ему самому приходилось неоднократно доказывать лорду Пальмерстону, говоря о переговорахъ съ Франціею: „наши переговоры *легки*, или они *невозможны*. Они легки—если вы заговорите съ Франціею языкомъ для нея понятнымъ; они невозможны—если вы ей позволите навязать вамъ ея волю“.

Лордъ Пальмерстонъ раздѣляетъ этотъ взглядъ русскаго посланника, но ничего не можетъ сдѣлать въ виду сопротивленія своихъ коллегъ.

Впрочемъ, Брунновъ не вполнѣ оправдываетъ образъ дѣйствія министра: онъ признаетъ за нимъ одну большую слабость. „Это несчастная страсть хотѣть все писать и все дѣлать самому. Онъ даже пишетъ самъ свои пригласительные билеты. Судите сами, можетъ ли онъ предоставить другому сочинить трактатъ“.

Имѣя въ виду отношеніе лорда Пальмерстона и барона Бруннова къ предложеніямъ Гизо, понятно будетъ, что дѣло подписанія конвенціи о проливахъ не вызывало никакихъ затрудненій

съ того момента, когда Россія объявила о своемъ согласіи распространить начало закрытія Босфорскаго пролива также на Дарданельскій проливъ. И такъ какъ даже Франція поставила это начало въ свою программу, то не было уже никакого препятствія для завершенія этого дѣла.

И дѣйствительно, 1-го (13-го) іюля была въ Лондонѣ подписана конвенція о проливахъ, обязательность которой никѣмъ не оспаривается до настоящей минуты.

Императоръ Николай I вполнѣ одобрилъ этотъ актъ, въ убѣжденіи, что Порта, какъ привратница обоихъ проливовъ, исполнитъ свою должность самымъ удовлетворительнымъ для Россіи образомъ. Онъ былъ увѣренъ, что никогда Турція не будетъ воевать противъ Россіи въ союзѣ съ другими европейскими державами и, стало быть, никогда она не пропуститъ чрезъ проливы военныя суда воюющихъ противъ Россіи государствъ. Наконецъ, онъ имѣлъ основаніе думать, что если дарданельскія и босфорскія укрѣпленія будутъ поддерживаться на высотѣ требованій современной артиллеріи, то прорваться силою чрезъ проливы будетъ совершенно невозможно. Словомъ сказать, по убѣжденію императора Николая I, конвенція о проливахъ создала полную безопасность для русскихъ владѣній на Черномъ морѣ.

Впослѣдствіи обстоятельства показали ошибочность такого убѣжденія: крымская война 1854—56 годовъ доказала возможность свободнаго входа въ Черное море флотовъ воюющихъ противъ Россіи иностранныхъ державъ, а насильственный проходъ англійскаго флота чрезъ Дарданеллы въ 1878 году подтвердилъ безсиліе, съ точки зрѣнія артиллерійской, турецкихъ укрѣпленій на этомъ проливѣ.

Впрочемъ, даже въ моментъ подписанія конвенціи о проливахъ существовали разные на нее взгляды.

Баронъ Брунновъ съ восторгомъ оповѣстилъ вице-канцлера о благополучномъ окончаніи этого дѣла и о подписаніи конвенціи.

„Вотъ вамъ однимъ кускомъ бумаги больше—писалъ Брунновъ графу Нессельроде“ 1-го (13-го) іюля 1841 г., въ день подписанія конвенціи, — „и однимъ дипломатическимъ мученіемъ меньше... Ради Бога, не будемъ больше объ этомъ говорить... Уфъ! Довольно.—„Einmal ist nicht immer“... Во всякомъ случаѣ, я васъ поздравляю съ окончаніемъ этого дѣла съ Пальмерстономъ. Съ Эбердиномъ дѣло не прошло бы такъ гладко. Хотите доказательство? Сэръ Робертъ Гордонъ (великобританскій посолъ при вѣнскомъ дворѣ) сказалъ мнѣ вчера вечеромъ:—только мы

одни выигрываемъ отъ конвенціи о проливахъ, *ибо принципъ закрытія исключительно выгоденъ только намъ*".

„Я возразилъ ему, что этотъ принципъ существовалъ съ давнихъ временъ. Онъ отвѣтилъ:—нѣтъ. Правда, трактатъ 1809 г., заключенный съ Англіею, упомянулъ объ этомъ началѣ, какъ о древнемъ правилѣ оттоманской имперіи. Но въ то время оно было для Порты *факультативно*: она могла открывать, по усмотрѣнію, и во время мира Дарданельскій проливъ, и также открывать Босфоръ. Англія только обязалась уважать это начало настолько, насколько Порта того пожелаетъ. Но еслибъ Порта пожелала сдѣлать исключеніе изъ этого правила въ пользу Англіи и допустить англійскій флагъ въ Черное море, то султанъ несомнѣнно имѣлъ на это право, помимо трактата 1809 года".

„Но въ настоящее время"—продолжалъ сэръ Робертъ Гордонъ—„этого больше быть не можетъ. По буквѣ іюльской конвенціи, Порта обязалась по отношенію къ Россіи соблюдать древнее правило своего государства, такъ что она больше не имѣетъ *права* произвольно открывать проливы; напротивъ, она *обязана* держать ихъ закрытыми".

Таковъ былъ взглядъ англійскаго выдающагося дипломата на конвенцію о проливахъ. Въ виду такого взгляда, баронъ Брунновъ считалъ себя еще больше вправѣ искренне радоваться подписанію этого международнаго акта.

VI.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ графа Нессельроде за 1840 г., высказывается увѣренность, что лондонская конвенція 1840 года относительно Египта установитъ, на будущее время, между Россіею и Англіею „глубокое чувство взаимнаго довѣрія и уваженія". Правда, англійская политика считается не съ чувствами, но съ реальными интересами, и никогда Россія не принесетъ въ жертву Англіи свою законную пользу. Однако, продолжаетъ вице-канцлеръ, напрасно усматриваютъ какой-то непримиримый антагонизмъ интересовъ между Россіею и Англіею. Такой антагонизмъ болѣе существуетъ въ воображеніи, нежели въ дѣйствительности.

„Не желая"—продолжаетъ гр. Нессельроде—„ни соперничать съ вліяніемъ англичанъ на морѣ, ни обратить Средиземное море въ русское озеро, ни сокрушить оттоманскую имперію, ни низвергнуть британское владычество въ Индіи, и не требуя

отъ Англіи ничего, кромѣ справедливой доли въ торговыхъ выгодахъ, представляемыхъ обѣимъ странамъ, безъ ущерба каждой изъ нихъ, обширными областями Средней Азіи, мы не усматриваемъ, гдѣ находится театръ серьезнаго между ними столкновенія, если каждая будетъ проникнута тѣми же примирительными чувствами. Въ самомъ дѣлѣ, никогда не существовало между ними ничего, кромѣ пустыхъ предубѣжденій, вызванныхъ, главнымъ образомъ, ошибочною политикою Англіи въ отношеніи Турціи".

Вслѣдствіе же подписанія іюльской конвенціи 1840 года, возникшее въ 1839 году сближеніе между Россіею и Англіею превратилось „въ дѣйствительный союзъ", и такимъ образомъ была возстановлена, на прежнихъ основаніяхъ, „система федераціи европейскихъ государствъ".

Такое же удовольствіе по поводу возстановленія между Россіею и Англіею „дѣйствительнаго союза" высказывалъ графъ Нессельроде послѣ заключенія конвенціи о проливахъ 1841 г. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1841 годъ, вице-канцлеръ, съ одной стороны, смѣется надъ Гизо, утверждавшимъ, что конвенціею о проливахъ Турція „ступила въ европейское право". Но, съ другой стороны, онъ радовался тому, что оппозиція во французскихъ палатахъ вѣрно замѣтила, что конвенція 1841 года продолжила дѣйствіе ункіаръ-искелесскаго трактата, ибо послѣдній актъ имѣлъ для Россіи только одну цѣль: запретить входъ въ Черное море всѣмъ военнымъ судамъ, за исключеніемъ русскихъ. Конвенція же 1841 года превратила эту „гарантію безопасности" въ общепризнанную и „постоянную гарантію".

Итакъ, императорское правительство было совершенно довольно обоими международными актами, подписанными въ 1840 и 1841 годахъ: ими утверждался „настоящій союзъ" съ Англіею и обезпечивалась на вѣчныя времена полная безопасность русскаго побережья на Черномъ морѣ. Послѣдующія политическія событія показали, что такое заключеніе насчетъ обоихъ актовъ было опрометчиво, ибо Англія не чувствовала себя союзницею Россіи и англо-французскій флотъ свободно бомбардировалъ русскій берегъ на Черномъ морѣ въ 1854 году.

Весьма скоро оказалось, что обширныя области Средней Азіи все-таки слишкомъ тѣсны для Англіи и Россіи. Среднеазіатскія дѣла возбуждали безпрерывный обмѣнъ мыслей между обѣими державами, который рѣдко кончался полнымъ согласіемъ. Напротивъ, всегда оставалось многое не досказано и многое не выяс-

нено. Отсюда новыя недоразумѣнія и столкновенія были совершенно неизбѣжны.

Ближайшимъ поводомъ къ такому столкновенію между Россіею и Англіею послужилъ въ 1840 году извѣстный походъ противъ Хивы, подъ начальствомъ генерала Перовскаго. Право Россіи наказать хивинскаго хана за постоянныя разбойническія нападенія на русскіе караваны не могло подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Но англійское правительство старалось противодѣйствовать всѣми средствами успѣху этой экспедиціи и не переставало держать сторону хивинскаго разбойника. Оно послало даже въ Хиву капитана Эббота, съ тайнымъ порученіемъ организовать сопротивленіе хивинскаго хана.

Но баронъ Брунновъ настоятельнымъ образомъ совѣтовалъ своему правительству не обращать никакого вниманія на англійскіе происки и безбоязненно идти впередъ. „Будьте совершенно покойны",—писалъ онъ, 31-го января (12-го февр.) 1840 г., своему правительству—„лишь бы только Перовскій сдѣлалъ свое дѣло: пусть онъ прогонитъ хана, или повѣситъ его, или выпоретъ плетьми — все равно, онъ поступитъ отлично, и никто вамъ въ томъ мѣшать не можетъ. Только умоляю васъ: *предпочтите факты писаніямъ*"!

Впрочемъ, если англійское правительство, въ лицѣ лорда Пальмерстона, открыто осуждало хивинскую экспедицію, то, съ другой стороны, герцогъ Веллингтонъ и нѣкоторые другіе государственные дѣятели Англіи не менѣе открыто одобряли ее.

Старый англійскій полководецъ, на склонѣ своихъ лѣтъ, не переставалъ выказывать императору Николаю I и его политикѣ глубочайшее уваженіе и искреннее сочувствіе. Герцогъ Веллингтонъ не могъ сочувствовать ни реформамъ лорда Грея, ни увлеченіямъ революціями и новыми порядками, со стороны лордовъ Пальмерстона и Джона Росселя. Для герцога стойкая и послѣдовательная въ охраненіи существующаго порядка политика русскаго государя была несравненно болѣе симпатична и, по его глубокому убѣжденію, болѣе благотворна. Вотъ почему баронъ Брунновъ постоянно докладывалъ герцогу Веллингтону о текущихъ политическихъ дѣлахъ, зная, что императоръ Николай I придавалъ особенное значеніе мнѣнію маститаго англійскаго героя. Вотъ почему герцогъ, будучи министромъ, или не у дѣлъ, всегда зналъ о всѣхъ разногласіяхъ и столкновеніяхъ между англійскимъ и русскимъ правительствами. И вотъ почему государь былъ крайне доволенъ отзывомъ герцога Веллингтона о законности хивинскаго похода 1840 года.

Но герцогъ не ограничился громкимъ оправданіемъ этого похода, въ виду неотложной необходимости положить конецъ разбойничеству хивинцевъ. Онъ предостерегалъ насчетъ послѣдствій этого похода и высказалъ мысли, которыя всегда слѣдуетъ помнить въ веденіи среднеазіатскихъ дѣлъ. Напомнимъ еще разъ слова, сказанныя герцогомъ Веллингтономъ барону Бруннову.

„*Въ подобныхъ предпріятіяхъ* (какъ хивинскій походъ)" — сказалъ герцогъ Веллингтонъ—„*помните всегда, что легко идти впередъ, но трудно идти назадъ*" [1]).

Эти золотыя слова герцога Веллингтона весьма часто оправдывались и еще чаще забывались въ среднеазіатскихъ дѣлахъ. Исторія завоеваній въ Средней Азіи есть безпрерывный рядъ случайностей, которыя передѣлывать не было никакой возможности. Можно было ихъ вызвать стихійнымъ движеніемъ впередъ. Но рѣдко можно было ихъ передѣлать по своему желанію разумнымъ и своевременнымъ движеніемъ назадъ. Къ такому именно заключенію должны были придти Россія и Англія уже въ 1840 г., по поводу несчастной экспедиціи на Хиву, подъ начальствомъ Перовскаго.

Въ то время среднеазіатскою политикою Англіи управляла знаменитая остъ-индская компанія. Правда, имѣлся въ Лондонѣ министръ по дѣламъ Индіи, которымъ былъ, въ кабинетѣ лорда Мельборна, лордъ Гобгаузъ. Но роль этого министра была довольно печальная: онъ не имѣлъ никакой дѣйствительной власти. Англійское центральное правительство не имѣло никакой возможности останавливать предпріимчивыхъ главнокомандующихъ индійской арміи, которая содержалась компаніею. Въ 1840 году главнокомандующимъ былъ лордъ Аукландъ, который давалъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ не англійскимъ министрамъ, но правленію остъ-индской компаніи. Послѣднему онъ доносилъ, что пошелъ на Кандагаръ и Кабулъ, что онъ считаетъ нужнымъ занять эти города, и что онъ намѣренъ дойти до Герата. Но англійское правительство не въ состояніи было его остановить, ибо все зависѣло отъ правленія остъ-индской компаніи!

Когда баронъ Брунновъ настаивалъ предъ лордомъ Гобгаузомъ на неотложной необходимости отозвать изъ Хивы капитана Эббота, англійскій министръ соглашался, что этому офицеру нечего дѣлать въ Хивѣ, и что его присутствіе тамъ излишне и вредно. Излишне потому, что онъ не остановитъ русскихъ войскъ; вредно потому, что онъ компрометтируетъ Англію. Но только

---

[1]) Донесеніе бар. Бруннова, отъ 24-го ноября (6-го декабря) 1840 г.

остъ-индская компанія могла отозвать Эббота изъ Хивы—что она и сдѣлала.

Лордъ Гобгаузъ очень смѣялся, узнавъ отъ барона Бруннова, что, по мнѣнію графа Нессельроде, всѣ среднеазіатскіе ханы и эмиры—„негодяи“, съ которыми нужно стараться поменьше имѣть дѣла. Онъ вполнѣ согласился съ такимъ мнѣніемъ и сказалъ Бруннову: „Для нашего спокойствія будемъ стараться не спорить другъ съ другомъ изъ-за этихъ негодяевъ“.

Баронъ Брунновъ совершенно раздѣлялъ это убѣжденіе англійскаго министра и постоянно предостерегалъ свое правительство отъ неосторожнаго движенія впередъ въ дебряхъ и пустыняхъ Средней Азіи. Но, съ другой стороны, онъ уже въ 1840 году усматривалъ въ наступательномъ движеніи Россіи въ Средней Азіи политическое средство вредить и внушать страхъ Англіи.

Впрочемъ, совѣтуя своему правительству не увлекаться завоевательными замыслами, баронъ Брунновъ вовсе не предлагалъ выказывать англійскому правительству излишней уступчивости въ среднеазіатскихъ дѣлахъ. Такъ, напримѣръ, онъ не могъ простить лорду Пальмерстону его вѣроломнаго поведенія въ удержаніи персидскаго острова Карака. Онъ положительно обѣщалъ возвратить Персіи этотъ островъ, незаконнымъ образомъ захваченный англійскою эскадрою въ Персидскомъ заливѣ, если только Афганистану будетъ возвращенъ персіянами Горіанъ. Послѣдніе возвратили Горіанъ, но Англія продолжала удерживать Каракъ. Брунновъ объяснялъ такое вѣроломство не только ненасытнымъ властолюбіемъ Англіи, но также личнымъ характеромъ лорда Пальмерстона, у котораго противорѣчіе было страстью.

„Предложите ему“—писалъ Брунновъ, 10-го (22-го) іюня 1841 года, графу Нессельроде—„оставить за Англіею Каракъ, его первымъ движеніемъ будетъ возвратить его. Предложите ему возвратить его, — онъ пожелаетъ его сохранить. Таковъ ужъ этотъ человѣкъ, созданный Богомъ за наши грѣхи“!

Этой враждебной въ отношеніи Россіи дѣятельности лорда Пальмерстона былъ положенъ временно конецъ лѣтомъ 1841 года, когда министерство лорда Мельборна должно было подать въ отставку. Во главѣ новаго торійскаго кабинета сталъ сэръ Робертъ Пиль и статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ опять сдѣлался лордъ Эбердинъ.

Когда лордъ Пальмерстонъ вышелъ въ отставку, онъ немедленно перемѣнилъ тонъ своихъ бесѣдъ съ русскимъ посланникомъ: онъ сдѣлался ярымъ защитникомъ англо-русскаго союза!

Онъ не находилъ словъ для выраженія своего удивленія къ благородной политикѣ императора Николая I. Въ сентябрѣ 1841 года онъ воспользовался случаемъ, чтобъ прямо-таки объясниться въ любви съ барономъ Брунновымъ.

„Я никогда не былъ бы въ состояніи"—сказалъ онъ русскому посланнику—„достаточно громко подтвердить, сколько признательности и удивленія мы обязаны воздать образу дѣйствія императора. Этотъ образъ дѣйствія отличался истиннымъ величіемъ. Онъ носилъ отпечатокъ воли, сознающей свою силу". Императоръ Николай I, обладая и арміею и флотомъ, оставался спокойнымъ, когда все кругомъ находилось въ тревогѣ. „Вотъ именно что̀"—заключилъ лордъ Пальмерстонъ—„намъ казалось по истинѣ великимъ и чего никто изъ насъ забыть не можетъ". Но лордъ Пальмерстонъ самъ первый это забылъ, когда онъ вскорѣ опять сдѣлался главою Foreign Office'a.

Съ гораздо бо̀льшею искренностію говорилъ бывшій премьеръ, лордъ Мельборнъ, объ отношеніяхъ между Россіею и Англіею. Онъ выражалъ свою искреннюю радость по поводу состоявшагося въ послѣдніе годы бо̀льшаго сближенія между обѣими державами, доказывая барону Бруннову, что такое сближеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ традиціямъ партіи виговъ и, въ частности, убѣжденіямъ знаменитаго Фокса. „Россія"—заключилъ свою рѣчь лордъ Мальборнъ—„изъ всѣхъ державъ есть именно та, въ которой наиболѣе нуждается Англія, для противовѣса честолюбію Франціи".

Если вышедшіе въ отставку англійскіе министры, всегда отличавшіеся своимъ неприязненнымъ отношеніемъ къ Россіи, заговорили такимъ дружескимъ тономъ о русской политикѣ, то понятно будетъ, что лордъ Эбердинъ, сэръ Робертъ Пиль и герцогъ Веллингтонъ, вошедшіе въ составъ новаго торійскаго кабинета, еще съ бо̀льшею силою защищали дружбу и союзъ между Россіею и Англіею. Въ особенности лордъ Эбердинъ былъ искреннимъ приверженцемъ тѣснаго сближенія между обѣими державами.

Но новаго руководителя англійской внѣшней политики чрезвычайно безпокоилъ вопросъ: какъ относится Россія къ Франціи? Не будетъ ли разрыва между этими державами въ виду полнаго разногласія во всемъ между императоромъ Николаемъ I и королемъ Луи-Филиппомъ? Лорда Эбердина тревожилъ этотъ вопросъ по причинѣ распространяемыхъ княземъ Меттернихомъ слуховъ о неминуемости войны между Франціею и Россіею,—

войны, въ которой Англія должна будетъ неизбѣжно принять участіе.

Баронъ Брунновъ воспользовался первымъ случаемъ для объясненія лорду Эбердину настоящаго взгляда императорскаго правительства на режимъ Франціи временъ Луи-Филиппа. Онъ объяснилъ ему, что императоръ Николай I не питаетъ ни малѣйшей ненависти къ французскому народу. То чувство, которое онъ питаетъ къ Франціи, есть скорѣе чувство сожалѣнія и даже жалости, ибо что̀ мы видимъ во Франціи? „Неуваженіе къ власти, отсутствіе религіи, господство журнализма, бунты и ежегодныя перемѣны министерствъ"—вотъ внутреннее положеніе Франціи. Но императоръ Николай I нисколько не желаетъ ни вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, ни навязывать ей своихъ собственныхъ политическихъ убѣжденій.

Лордъ Эбердинъ остался очень доволенъ такими объясненіями русскаго посланника и, въ видѣ отвѣта, увѣрялъ его, что безвозвратно прошло время союза Англіи съ Франціею. Герцогъ Веллингтонъ и сэръ Робертъ Пиль совершенно раздѣляли взглядъ лорда Эбердина на французское правительство. Установленію этого взгляда въ англійскихъ правительственныхъ сферахъ значительно содѣйствовалъ извѣстный англійскій дипломатъ и писатель Бульверъ, набросавшій вѣрный, но мало лестный портретъ короля Луи-Филиппа. По словамъ Бульвера, король любитъ миръ, но не спокойный, а „тревожный". Онъ постоянно въ движеніи и никогда не спокоенъ. Луи-Филиппъ ненавидитъ правительство стойкое и постоянное: онъ любитъ назначать министровъ и ихъ отставлять, составлять министерства и разрушать ихъ.

Въ этомъ самомъ смыслѣ отзывался о французскомъ королѣ также сэръ Робертъ Пиль. Говоря о проектѣ Луи-Филиппа устроить бракъ своего сына, герцога д'Омаль, съ испанскою королевою Изабеллою, англійскій премьеръ заключилъ по-англійски: „After all, Louis-Philippe must be a vulgar fellow" (sic!). Сверхъ того, Пиль прибавилъ слова, сказанныя ему французскимъ министромъ Молé: „въ денежныхъ дѣлахъ, или когда дѣло касается брака,—никогда не слѣдуетъ довѣряться королю Луи-Филиппу".

Для лучшей еще характеристики личности французскаго короля, Пиль разсказалъ барону Бруннову слѣдующій случай. Во время послѣдняго пребыванія Пиля въ Парижѣ, король Луи-Филиппъ пожелалъ видѣть этого знаменитаго англійскаго государственнаго человѣка. Послѣдній сталъ доказывать королю необходимость соединенія вмѣстѣ всѣхъ консервативныхъ элементовъ Франціи. Король прервалъ Пиля словами: „Я вамъ объ-

ясню, почему этого нельзя сдѣлать"... „При этихъ словахъ король взялъ меня за руку",—продолжалъ свой разсказъ сэръ Робертъ Пиль—„повелъ меня черезъ нѣсколько комнатъ и остановился въ большомъ залѣ, въ которомъ находились столъ съ нѣсколькими креслами". „Вотъ видите эту комнату"—сказалъ мнѣ король. „Это—комната, которую мы называемъ зало совѣта, и вотъ видите этотъ стулъ—это то, чтò мы называемъ кресло предсѣдателя". „Въ это именно кресло гг. Молé и Гизò оба желаютъ сѣсть, и вотъ чѣмъ объясняется, почему эти оба дѣятеля не въ состояніи идти́ вмѣстѣ".

Сообщая этотъ разсказъ со словъ сэра Роберта Пиля, баронъ Бруннов замѣчаетъ, что онъ настолько интересенъ, что долженъ храниться въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Но въ тѣхъ же архивахъ хранится собственноручная надпись по-французски (какъ всегда) императора Николая I, сдѣланная имъ на только-что изложенномъ весьма секретномъ донесеніи барона Бруннова, отъ 22-го октября (3-го ноября) 1841 года:

„Я отлично узнаю во всемъ этомъ моего L. P. (Louis-Philippe), какимъ я его всегда себѣ представлялъ. Близко время, когда никто больше не попадется на его безстыдное плутовство".

Въ то самое время, когда происходилъ только-что изложенный обмѣнъ мыслей между с.-петербургскимъ и лондонскимъ кабинетами относительно общаго политическаго положенія, состоялось наконецъ подписаніе международнаго трактата о запрещеніи негроторговли. Дипломатическіе переговоры по этому предмету происходили въ продолженіе многихъ лѣтъ, и еслибъ не случился захватъ русскаго судна „Голубчикъ" съ неграми-невольниками, то, вѣроятно, они не окончились бы подписаніемъ извѣстнаго трактата. Россія отказывалась подписать подобный международный актъ, въ виду полной безполезности его для своихъ интересовъ [1]).

Въ продолженіе 25-ти-лѣтнихъ дипломатическихъ переговоровъ русскіе уполномоченные постоянно отстраняли англійскія предложенія, какъ имѣвшія цѣлью поработить русскій флотъ англійскому и установить чрезвычайныя права въ пользу англійскихъ крейсеровъ. Представители Россіи категорически отклонили безсрочность заключаемаго трактата; они ставили осуществленіе права осмотра въ довольно опредѣленныя границы: они настаивали на освобожденіи отъ осмотра судовъ русско-

---

[1]) Ср. мое „Современное международное право цивилизованныхъ государствъ", 3-е изд., т. I, стр. 332 и слѣд.

американской компаніи; наконецъ, баронъ Брунновъ хотѣлъ предупредить захватъ финляндскихъ судовъ съ грузомъ досокъ, который могъ совершиться подъ предлогомъ подозрѣнія въ участіи въ негроторговлѣ.

Для полной характеристики самаго трактата относительно негроторговли имѣетъ особенное значеніе частное письмо графа Нессельроде къ бар. Бруннову, отъ 24-го января 1843 года.

Вице-канцлеръ разсказываетъ, что когда ёще на ахенскомъ конгрессѣ лордъ Кастльри старался убѣдить императора Александра I въ необходимости приступленія Россіи къ трактатамъ о прекращеніи торговли неграми, императоръ отвѣтилъ: „Согласитесь съ Франціею, и если вы устроите соглашеніе съ нею, то я приступлю къ тому, что̀ будетъ постановлено между вами обѣими“. Тогда Англія заключила конвенціи 1831 и 1833 годовъ, и такимъ образомъ было исполнено поставленное императоромъ Александромъ I условіе, которымъ утверждалось право осмотра. Императоръ Николай, заключая декабрьскій трактатъ 1841 года, выполнилъ обѣщаніе, данное его предшественникомъ. Нѣмецкіе юристы говорятъ, продолжаетъ графъ Нессельроде: Cessant rationes legis, cessat lex ipsa. Отсюда слѣдуетъ: если Англія уступитъ Франціи въ вопросѣ о примѣненіи права осмотра и исключитъ его въ сношеніяхъ съ французскими судами, то другія договаривающіяся въ декабрьскомъ трактатѣ державы имѣютъ несомнѣнное право требовать измѣненія этого акта.

Эти соображенія, переданныя русскимъ посланникомъ лондонскому кабинету, произвели желательное дѣйствіе: англійское правительство рѣшилось дать свою ратификацію трактату, безъ участія Франціи.

Подписанный въ Лондонѣ трактатъ между Россіею, Англіею, Австріею, Пруссіею и Франціею поднялъ цѣлую бурю въ послѣднемъ государствѣ, которая заставила французское правительство не давать своей ратификаціи на этотъ трактатъ. Отказъ Франціи, въ свою очередь, вызвалъ негодованіе англійскихъ министровъ, которые рѣшили, тѣмъ не менѣе, произвести размѣнъ актовъ ратификаціи между остальными контрагентами, который и состоялся 24-го февраля 1842 года.

Ф. Мартенсъ.

ТЯГА

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Теплымъ майскимъ полднемъ Меньшовъ стоялъ около рубки, на пароходѣ „Нереида“. Они „бѣжали“ внизъ по рѣкѣ. Разсѣянно оглядывалъ онъ берега. На палубѣ обоихъ классовъ было пусто.

Съ того времени, какъ онъ „покончилъ“ съ мануфактурой, прошло около полутора года. Теперь онъ ѣхалъ оттуда, прогостивъ тамъ дня три-четыре.

Когда его воспитательница, Настасья Ильинишна, отказалась отъ него, какъ отъ „негодяя“, недостойнаго быть ея названнымъ сыномъ, онъ рѣшилъ, что нога его больше не будетъ на фабрикѣ, гдѣ все давно сдѣлалось ему противно.

Вышло, однако, по другому. Нашлись все-таки „прицѣпки“. И вотъ уже въ третій разъ, за это время, возвращается онъ оттуда.

Больше полугода онъ проживалъ то здѣсь, то тамъ, безъ всякихъ извѣстій съ фабрики. Никогда еще онъ такъ не перебивался. Особенно плохо пришлось ему „въ Питерѣ“. Но объ этомъ житьѣ, впроголодь, вспоминаетъ онъ безъ всякой горечи.

Умнѣе сталъ!.. И насколько умнѣе! Ему самому кажется удивительнымъ, что голова его такъ расширилась, разрослась во

---

*) См. выше: февр., 503 стр.

всѣ стороны. Бездомная, на иной взглядъ, чисто собачья жизнь, не мѣшала ему расширять свою „умственность“. Теперь онъ свободно читаетъ и по-французски, что̀ хотите: и романы, и всякія книжки, статьи, газеты.

Да, поумнѣлъ онъ, но не затѣмъ, чтобы „форсить“ и зря умничать, вилять и такъ и этакъ, или слѣпо вѣрить тому, что̀ вычитъ въ самой послѣдней книжкѣ. Какъ онъ и два года назадъ думалъ про все самое важное въ жизни, такъ думаетъ и теперь, только еще смѣлѣе, „совсѣмъ по своему“. Не мало онъ выдержалъ „баталій“ вездѣ, гдѣ жилъ и сходился съ самымъ „разрывнымъ“ народомъ; многихъ доводилъ часто до бѣшенства своими возраженіями; рисковалъ прослыть за „дрянь“, которую надо истреблять, какъ клоповъ; а не поддался никому.

Нѣтъ, тотъ презрѣнный строчило, въ фабричной конторѣ, который прозвалъ его, три года назадъ, „мусьё Суваринъ“, изъ романа „Жерминаль“—жалкій идіотъ, и больше ничего! Не то что такихъ, какъ этотъ Суваринъ, — буде онъ существовалъ, а не выдуманъ авторомъ,—а самыхъ крупныхъ вожаковъ онъ не считаетъ ни учителями, ни пророками, для такихъ, какъ онъ, Антонъ Меньшовъ.

Не дальше, какъ постомъ, сидѣлъ онъ надъ французской книжкой одного изъ нихъ. Безобразія они умѣютъ обличать. На это каждый—мастеръ. И онъ не хуже любого изъ нихъ изобразитъ — каково въ благоустроенномъ обществѣ приходится тѣмъ, кому бабушка не ворожитъ.

Ну, сроютъ они все до основанія, сожгутъ, взорвутъ, перекромсаютъ и расквасятъ...

А потомъ? Рай земной? Старуха на̀-двое сказала! Они всѣ вѣрятъ въ то, что тѣ самые люди, которые бьются теперь въ общей свалкѣ, станутъ ангелами, сразу освободятся отъ всякой скверны, будутъ мудры, какъ зміи, и невинны, какъ голуби.

Какъ бы не такъ!.. Развѣ кто передѣлаетъ хотя бы его собственный нравъ? Голова его теперь сильнѣе работаетъ, чѣмъ года три, и даже годъ назадъ; но характеръ все тотъ же. На какомъ замѣсили его тѣстѣ, такимъ онъ и останется до гроба. Не въ томъ дѣло, чтобы превратиться въ ангеловъ, а въ томъ, чтобы выбиваться изъ ничтожества, и въ одиночку, и „скопомъ“, ничего не бояться, очищать свои мозги, на все дерзать, что̀ кажется тебѣ самому исполнимымъ...

Но души своей не класть за тѣхъ барановъ, которые даютъ себя стричь, и плетутся туда, куда ихъ гонитъ одинъ какой-нибудь гунявый подпасокъ, съ хворостиной въ рукахъ.

Въ этомъ онъ еще сильнѣе укрѣпился.

Нужды нѣтъ, что для себя лично, онъ, и въ эти полтора года, ничего не сдѣлалъ. Видно—такова его звѣзда. Характеръ мѣшаетъ, „идеи“ не позволятъ ему гнуть шеи. Неужели онъ, способный и не пьющій, не могъ бы добиться прочнаго заработка?

Экая невидаль! Ну, получалъ бы онъ до ста рублей въ мѣсяцъ. А потомъ? Больше хода нѣтъ фабричному рисовальщику. Ну, попалъ бы онъ въ „мастера“... Тогда—прощай всякая свобода: ты мастеровой, холопствующій передъ „ихъ степенствами“, чтобы они не лишили тебя оклада въ двѣ три-тысячи рублей. Ты—„гробъ повапленный“.

Не настала еще минута ему—Антону Меньшову—взобраться выше такого „хамскаго“ положенія. Лучше перебиваться и бродяжить — до поры до времени.

Такъ подбадривалъ онъ себя не въ первый разъ. Не лучше ли смотрѣть „съ кондачка“ на свои временныя мытарства, только бы внутри тебя жилъ и укрѣплялся все тотъ же духъ, а голова глубже и яснѣе понимала и, въ твоихъ собственныхъ глазахъ, ставила тебя выше всѣхъ, съ кѣмъ ты—до поры до времени—долженъ имѣть дѣло.

Не „извергъ“ онъ, какимъ объявила его маменька. Когда она заболѣла воспаленіемъ легкихъ—и это дошло до него—онъ на послѣдніе гроши добрался до фабрики. Старушка сильно обрадовалась ему, и стала быстро поправляться. Онъ погостилъ у нея и, въ тотъ пріѣздъ, часто видалъ учительницу Лаврскую, съ которой раньше—на первое знакомство—обошелся такъ рѣзко.

И она стала подаваться; уразумѣла, небось, хоть и несовсѣмъ, что имѣетъ дѣло, не съ „присучальщикомъ“, а съ человѣкомъ, какихъ она на фабрикѣ не найдетъ, ни среди господъ ученыхъ техниковъ и инженеровъ.

Что-то запало ему въ душу. Онъ поѣхалъ искать работы въ Москву, чтобы быть поближе. И въ самой Москвѣ, и въ ближайшихъ фабричныхъ округахъ, перемѣнилъ онъ цѣлыхъ четыре мѣста. Изъ красильно-набивныхъ мануфактуръ попалъ въ одинъ подмосковный фарфоровый заводъ. Но и тамъ не ужился. Да и заработокъ оказался „жульническій“ — немного больше, чѣмъ у порядочнаго ткача или плоховатаго слесаря.

Передъ Пасхой, перешелъ онъ на Волгу — на фарфоровый заводъ, гдѣ ему предложили работу — выше сортомъ. Кое-какъ онъ мирится съ житьемъ на этомъ заводѣ, гдѣ — хоть шаромъ покати — нѣтъ ни одного „стоющаго“ человѣка, съ кѣмъ бы перемолвить слово.

И на Пасху, и на Троицу, онъ ѣздилъ на фабрику — не изъ-за одной своей „старушки“. Его влечетъ нѣчто другое, хотя онъ и не хочетъ сознаться въ этомъ.

Отчего сейчасъ вотъ такъ сердито и презрительно подумалъ онъ о той конторской „мрази“, о томъ приказчикѣ изъ бухгалтерскаго отдѣленія, который прозвалъ его когда-то „мусьё Суваринъ“?

Оттого, что эта конторская „мразь“, по фамиліи *Щепетильниковъ*, пошелъ теперь въ гору, одѣвается съ иголочки, носитъ pince-nez и ѣздитъ въ городъ на велосипедѣ. И его считаютъ уже на фабрикѣ тайнымъ женихомъ хорошенькой учительницы.

Въ этотъ разъ Меньшову не удалось вывести все это „на чистую воду“; но онъ замѣтилъ, что Лаврская стала заниматься собою, носитъ прическу съ зачесами на уши и цвѣтной модный кушакъ. И что-то въ тонѣ ея явилось новое — ему неизвѣстное. Но онъ себя, до сихъ поръ, такъ держалъ съ нею, что требовать какихъ-нибудь объясненій было бы безтактно.

Хорошо и то, что замолкли толки о его исторіи съ Ѳеничкой Потаповой. Вотъ уже больше полугода, какъ ея нѣтъ на фабрикѣ. Отецъ переведенъ приказчикомъ въ Москву. Кто-то говорилъ ему, что она вышла замужъ за мелкаго лабазника, гдѣ-то въ Таганкѣ.

Пароходъ шелъ тихимъ ходомъ, вдоль длиннаго „переката“. Меньшовъ поднялся наверхъ, къ лоцману и поговорилъ съ нимъ немного. Онъ ѣхалъ съ билетомъ второго класса и зналъ, что ему въ рубкѣ перваго класса сидѣть „не полагается“.

Но его потянуло туда.

Въ окно видѣлъ онъ, что тамъ сидитъ пассажирка — одна, за столомъ, на которомъ поставленъ былъ приборъ.

Кажется, больше никого въ первомъ классѣ и не ѣхало.

Ему захотѣлось вступить съ ней въ разговоръ. Она — несомнѣнно барышня; не изъ тѣхъ „барышенъ“, которыми кишитъ фабрика и заводъ, куда онъ возвращался; а настоящая, изъ хорошаго общества. И что-то въ ней есть особенное, какъ бы иностранное. Такими онъ представлялъ себѣ англичанокъ, въ романахъ, какіе читалъ.

И что-то ему подсказывало, что она дѣвица, а не замужняя, хотя на видъ она уже „подлѣточекъ“, за двадцать-пять.

Онъ оглядѣлъ себя, свое дорожное платье, и спросилъ — едва-ли не въ первый разъ въ жизни — кѣмъ онъ смотритъ:

мастеровымъ, или художникомъ, студентомъ въ штатскомъ платьѣ, или приказчикомъ?

Къ веснѣ онъ — хоть и на плоховатомъ заработкѣ — сталъ опять сильнѣе заниматься собою. Его триковая пара была прилична, галстухъ свѣжій, фуляровый, сѣрая поярковая шляпа. Кажется, „мастеровщиной“ не отдаетъ.

Оглядѣлъ онъ даже руки—не очень ли грязны? Нѣтъ, успѣли уже загорѣть, но не грязны.

Въ рубку вошелъ онъ смѣло, и тотчасъ же сѣлъ на диванъ, вбокъ отъ того мѣста, гдѣ сидѣла пассажирка, и тутъ же рѣшилъ спросить себѣ полъ-порціи холодной ветчины. На это у него хватитъ.

Пассажирка только-что передъ этимъ сняла шляпу, большихъ размѣровъ, изъ темножелтой соломы, съ бантомъ и перомъ.

Меньшовъ, не поворачиваясь къ ней, вбокъ оглядывалъ ее.

Лицо умное, худое, съ не очень свѣжимъ цвѣтомъ щекъ; лобъ высокій; тонкій носъ; въ профиль красивѣе, чѣмъ фасомъ. Волосы — темнорусые — зачесаны въ узелъ, просто, безъ моднаго хохла на лбу. Ротъ не маленькій, но съ волнистой линіей.

Все это, какъ рисовальщикъ, онъ съумѣлъ оцѣнить.

Раза два, мелькомъ, и она взглянула на него, безъ барскаго, брезгливаго выраженія. Глаза—сѣрые, длинные, немного усталые и скорѣе пріятные.

Она была высокая, узкая въ плечахъ, съ сухощавымъ бюстомъ. Изъ-подъ дорожной кофточки выглядывала голубоватая рубашка, мужского покроя, съ высокимъ галстухомъ и узкимъ бѣлымъ воротникомъ, какихъ Меньшовъ еще не видывалъ.

Пароходный лакей поднялся снизу, принесъ графинъ воды, потомъ подалъ пассажиркѣ порцію котлетъ.

Меньшовъ заказалъ ему ветчины и бутылочку „калашниковскаго“.

Въ каюты перваго класса онъ не спускался. Тамъ помѣщалась и общая дамская каюта. Но тамъ все было тихо.

Пассажирка стала ѣсть, не торопливо, очень опрятно. Такой манеры ѣсть Меньшову тоже не приводилось видѣть. Пальцы ея—длинные и суховатые, съ выхоленными ногтями — красиво дѣйствовали ножомъ и вилкой.

Меньшовъ сидѣлъ плотно къ спинкѣ трипового дивана и глядѣлъ чрезъ боковыя стекла на палубу, гдѣ мелькалъ простой пассажиръ, да и то довольно рѣдко.

Послѣ гулкой команды сверху, въ трубу, машинистъ далъ

тихій ходъ, и пароходъ сталъ ползти, незамѣтно шлепая обоими колесами.

Дама вопросительно поглядѣла наверхъ, къ рубкѣ лоцмана, но на лицѣ ея не явилось особаго безпокойства.

— Пожалуй, сядемъ!—выговорилъ Меньшовъ и повернулъ голову въ ея сторону.

Она повременила ѣсть и сдѣлала маленькое движеніе правой рукой.

— Очень можетъ быть,—выговорила она, еще не глядя на него.

Въ этихъ трехъ словахъ зазвучало нѣчто совсѣмъ особенное. Такого русскаго произношенія онъ еще не слыхивалъ. Не то что иностранное, но и не настоящее русское.

„Аристократка",—опредѣлилъ онъ, съ любопытствомъ, безъ злобнаго чувства.

Это его еще больше заохотило вступить съ ней въ разговоръ.

— А вы въ дальнія мѣста?—спросилъ онъ своимъ обычнымъ тономъ.

Изъ-за чего же онъ станетъ сейчасъ же „лебездить" передъ нею, оттого только, что она „столбовàя" и смахиваетъ на англичанку?

Онъ уже не сомнѣвался въ томъ, что она не обрусѣлая иностранка, а настоящая русская барышня, дворянка, помѣщица, и непремѣнно столичная, не деревенская.

Она не сразу ему отвѣтила, сначала основательно дожевала, потомъ отпила немного воды.

— Нѣтъ, я въ три часа должна быть дома. Это вторая отсюда пристань... Селезнево называется.

— Селезнево?—повторилъ онъ.—Такъ это сейчасъ за Барышовскимъ заводомъ.

Туда онъ и ѣхалъ.

— Какже... А вы знаете эту мѣстность?

Вопросъ звучалъ очень просто и мягко. Такъ она говорила бы и съ молодымъ человѣкомъ „изъ общества".

Но этотъ самый вопросъ и взволновалъ его.

Какъ ей отвѣтить? Уклончиво, вообще—значитъ скрыть, кто онъ, какого званія и положенія человѣкъ. Или прямо, и притомъ „неглижà", по фабричному выраженію объявить ей, кто онъ и зачѣмъ ѣдетъ къ пристани „Барышово".

Борьба была мгновенная. Ему даже кровь прилила къ худымъ, загорѣлымъ щекамъ.

— Я тутъ и живу въ настоящее время.

— То-есть гдѣ же?—остановила она его, какъ бы желая получить болѣе опредѣленный отвѣтъ.

— Около самой пристани, на заводѣ.

— На фарфоровомъ заводѣ?

Глаза ея слегка прищурились. Она стала замѣтно хорошѣть, какъ только немного порозовѣла.

— Да, на заводѣ,—отозвался онъ, уже совсѣмъ овладѣвъ собою.

Лакей принесъ ему ѣду и бутылку пива.

Меньшовъ откупорилъ, налилъ полстакана и принялся за ветчину, наблюдая за собою—въ первый разъ—какъ онъ самъ обращается съ ножомъ и вилкой.

Неторопливо проглотилъ онъ кусокъ, обтерся салфеткой и тогда уже, повернувъ голову, прибавилъ:

— На этомъ самомъ заводѣ я и служу.

Онъ могъ бы сказать: „работаю“. Но слово подвернулось ему первымъ.

Не все ли равно? „Служить“—значитъ, подумаетъ она, въ приказчикахъ. Гораздо лучше было бы сказать: „работаю“.

И, чтобы поправиться, онъ прибавилъ еще:

— Я—рисовальщикъ.

Выговорилъ онъ это слово отчетливо, съ видимымъ чувствомъ достоинства, и немного картавя на букву „р“, что̀ придавало его произношенію нѣкоторую барственность.

Пассажирка быстро взглянула на него и переспросила:

— Рисовальщикъ?—Это интересная работа?

Тутъ и онъ распозналъ въ ея выговорѣ почти такую же картавость, какая была и у него.

— Могла бы быть очень интересной,—заговорилъ онъ, наклонившись въ ея сторону, пересталъ ѣсть и положилъ одинъ локоть на столъ.—Фабрика, кромѣ всякой дешевой посуды и разныхъ безвкусныхъ вазъ, спичечницъ и пепельницъ, производитъ и поливныя работы.

— Поливныя,—повторила она очень серьезно, какъ любознательная туристка.—Вѣдь это маіолѝкъ?

Она произнесла слово „маіолѝкъ“ съ удареніемъ на послѣднемъ словѣ.

— Маіо̀лика—по-русски: поливныя издѣлія,—пояснилъ онъ съ своей горделивой и умной усмѣшкой.

— Въ какомъ же родѣ?

— Во всякомъ. Блюда, вазы, камины, печи, изразцы съ цѣлыми картинами и орнаментами.

Она тоже перестала ѣсть и пододвинулась къ нему. Кожа лица еще замѣтнѣе розовѣла и оно дѣлалось все интереснѣе. Меньшовъ подумалъ даже:

„Вотъ оказія! Показалась некрасивой, а теперь почти хорошенькая"!

— И вы сочиняете модели и рисунки?

— Въ томъ-то и бѣда, что далеко не все самъ компоную, а долженъ рабски слѣдовать рисункамъ заказчиковъ. А то, что̀ дѣлаетъ фабрика отъ себя, тутъ на первомъ планѣ—сбыть, хозяйскій интересъ, ярмарочный мужицкій вкусъ. Бороться съ этимъ очень трудно. Тому, кто ставитъ выше всего изящество рисунка и колоритъ—жутко приходится тамъ, гдѣ все основано на купеческомъ разсчетѣ.

Онъ не прислушивался къ своимъ словамъ и не старался выражаться литературно. Но у него вышло горячо и складно. Давно онъ не имѣлъ случая высказаться такой особѣ о своемъ дѣлѣ и положеніи.

Но онъ не хотѣлъ „канючить" и „прибѣдниваться". Та̀къ долженъ говорить всякій артистъ.

И сейчасъ можно было замѣтить, что пассажирка не считаетъ его разночинцемъ, который лѣзетъ въ знакомство съ дамой изъ свѣтскаго общества.

— И вы долго проживете на заводѣ?—спросила она сдержаннѣе, точно боясь показаться нескромной.

— Сказать вамъ откровенно—врядъ ли проживу до осени. Помимо всего прочаго—о чемъ было бы лишнее разсказывать—ужъ очень здѣсь одиноко себя чувствуешь. По̀просту сказать—не съ кѣмъ слова перемолвить... съ сто̀ющимъ человѣкомъ,—добавилъ онъ, отставляя тарелку.—Васъ не обезпокоитъ папироса?

— Здѣсь—почти на воздухѣ,—откликнулась она болѣе мягко, чѣмъ было въ началѣ разговора.—Стало быть, на заводѣ мало служащихъ?

— Довольно, но все это народъ... вы сами понимаете—какой. Промысловый,—добавилъ онъ, улыбаясь красивыми глазами.—Управляющій—совсѣмъ русакъ, изъ старообрядцевъ. Техникъ, если хотите, вышелъ изъ высшаго заведенія, но огрубѣлъ, держитъ себя со всѣми какъ начальство, не удостоиваетъ бесѣды. Вотъ и все. Въ селѣ попъ, да почтовый чиновникъ—больше никакихъ умственныхъ рессурсовъ.

Меньшовъ сдѣлалъ болѣе смѣлый жестъ и сталъ закуривать папиросу. Они кончили завтракъ въ одно время. Лакей при-

шелъ прибрать. Остатокъ недопитаго въ бутылкѣ пива Меньшовъ сказалъ ему унести.

Имъ обоимъ захотѣлось на верхнюю палубу.

II.

Сидѣли они лицомъ къ носу, на бѣлой поперечной скамьѣ, у самой рубки лоцмана.

Вѣтерокъ, дувшій довольно сильно съ утра, стихъ къ полудню. Было весело смотрѣть и на берега, въ этихъ мѣстахъ невысокіе,—даже и правый. Вездѣ зеленѣли поемные луга; часто попадались села съ бѣлыми колокольнями и цвѣтными куполами.

Меньшовъ самъ удивился, что не прошло и четверти часа, какъ у нихъ уже идетъ живой разговоръ. Барышня—онъ еще увѣреннѣе призналъ въ ней дѣвицу—первая заговорила о фабричномъ бытѣ, съ замѣтнымъ сочувствіемъ пролетарію, и сразу задала ему много вопросовъ.

Онъ отвѣчалъ ей спокойно, съ своей усмѣшечкой въ красивыхъ глазахъ и на тонкихъ губахъ. Его тонъ какъ будто немного смущалъ ее. Но она еще не рѣшалась спросить его: какъ онъ самъ относится къ „вопросу", хотя и понимала, что онъ, во всякомъ случаѣ, не сладко смотритъ на хозяевъ и ихъ „мошну́".

На его довольно злую фразу о стадѣ барановъ, которое еще долго будетъ давать себя стричь, она, съ возбужденнымъ взглядомъ, потише звукомъ, спросила его:

— Вы развѣ стоите за самыя сильныя мѣры?

И добавила, выраженіемъ глазъ, то, что̀ она хочетъ сказать.

Сейчасъ же Меньшовъ вспомнилъ прозвище, данное ему конторской „мразью", господиномъ Щепетильниковымъ.

— Долженъ вамъ сказать прямо,—началъ онъ, поводя вбокъ головой,—что я въ „мусьё Суварѝна" не мѣчу.

Она сразу не поняла его.

„А! Милая барышня!—вскричалъ онъ мысленно.—Значитъ, мы больше васъ читали, даромъ, что вы—заграничная"!

— Развѣ забыли... въ „Жерминалѣ" Золя?..

— Я не читала,—просто отозвалась она.

— Не одобряете этого француза?

— То, что̀ я прочла, не дало мнѣ охоты идти дальше.

— „Жерминаль"—вещь хорошая.

— Но я знаю—въ чемъ сюжетъ,—продолжала она менѣе

сдержанно.—И теперь даже вспоминаю. Это тотъ русскій, который...

— Затопляетъ шахты,—выговорилъ Меньшовъ, съ блескомъ въ глазахъ.—Но я не мусьё Суваринъ. Меня многіе изъ моихъ пріятелей называютъ даже буржуемъ.

Она кивнула головой съ тихой улыбкой.

— Это все пришибленные фанатики. Экая важность, что онъ, тайно ото всѣхъ, бомбу броситъ, или машины взорветъ... Не слишкомъ большой толкъ и въ томъ, что онъ пьяную мастеровщину разожжетъ и она произведетъ разгромъ фабрики, а то такъ хозяйскаго дома...

— А въ чемъ же важность?—совсѣмъ тихо и все съ той же тихой улыбкой спросила пассажирка.

— Въ чемъ?

Онъ поглядѣлъ прямо ей въ лицо.

— Сразу не скажешь... Въ томъ, первѣе всего, чтобы стадо барановъ...

— Вы хотите сказать—рабочихъ?—остановила она его.

— Какъ угодно!.. Чтобы жизнь—на этой самой фабрикѣ, или заводѣ, въ угольной шахтѣ, или въ пріискѣ—сдѣлала ихъ другими людьми... чтобы они сами, безъ всякаго сторонняго подстрекательства, вели свою линію, чтобы они поскорѣе сбросили съ себя свою затвердѣлую кору, свою мужицкую темноту и дикость. А вотъ эту-то закваску и облюбовали у насъ господа народолюбцы!

Его выразительный ротъ сложился въ презрительную гримасу.

Пассажирка съ явнымъ удивленіемъ поглядѣла на него.

— Вы... стало... противникъ тѣхъ чувствъ и идей,—поспѣшила она добавить,—которыя нашли такого выразителя, какъ авторъ Раскольникова?

И тутъ она заговорила, тихо волнуясь, о своемъ любимомъ писателѣ, и Меньшовъ заслышалъ что-то знакомое по прежнимъ разговорамъ и на фабрикѣ, у своей воспитательницы, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и въ губернскихъ городахъ. Но у нея это отзывалось не совсѣмъ тѣмъ же самымъ. Для нея Достоевскій былъ тотъ писатель, который заставлялъ ея душу мучиться, пугалъ ее и потрясалъ, производилъ въ ней нѣчто въ родѣ „гипнóза",—она употребила именно этотъ терминъ.

Меньшовъ долго ее слушалъ, не противорѣча; но когда она договорила, онъ ни одной секунды не колебался дать ей „отпоръ". *Какъ* она говорила—ему понравилось, но „очкóвъ" она ему этимъ „не вставила".

И очень льстило ему то, что вотъ онъ, безвѣстный разночинецъ, крестьянскаго рода, какой-то мастеровой, и чувствуетъ себя совершенно равнымъ съ дворянкой изъ тонкаго общества, быть можетъ какой-нибудь титулованной особой. Онъ втянулъ ее въ разговоръ, онъ съумѣлъ заинтересовать собою и своими „идеями". Она ведетъ съ нимъ бесѣду, какъ съ ровней. Между ними—никакой, повидимому, разницы въ умственномъ развитіи.

Этого мало. Онъ—безвѣстный разночинецъ—имѣетъ право считать себя даже болѣе начитаннымъ. Обо многомъ онъ самобытнѣе и смѣлѣе думаетъ, чѣмъ она. Его она не раскуситъ такъ скоро, какъ онъ ее раскусилъ.

И теперь уже онъ можетъ, почти навѣрное, сказать — изъ какихъ она. Хорошаго рода, дочь какого-нибудь генерала или крупнаго петербургскаго чиновника, училась на курсахъ Труба — онъ о такихъ читалъ въ газетахъ—или въ институтѣ, возили ее за границу и долго держали, какъ свѣтскую дѣвицу, не давали читать „опасныхъ" книжекъ. Мать, поди, умерла. И вотъ она теперь если не на полной свободѣ, то все-таки можетъ одна ѣздить—что много значитъ! Здоровье у нея не важное и наружности она не такой, чтобы мужчины увивались. Выѣзжать на балы—ей надоѣло; она, пожалуй, считаетъ себя старой дѣвой. Зато, страстно ушла въ книги, до всего допытывается. Ее интересуетъ народъ, рабочіе, разные другіе вопросы — только все это больше мозгомъ. За идею она собой врядъ ли пожертвуетъ.

Въ ней чуется ему кое-что другое, нынѣшнее. И она— „модница", не только въ фасонѣ платьевъ и въ прическѣ, и въ мужскихъ галстухахъ съ еще невиданными имъ воротничками, а вотъ въ томъ, что она вычитываетъ въ своихъ любимыхъ писателяхъ.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ на это нѣсколько словъ,— заговорилъ Меньшовъ совсѣмъ мягко и, опустивъ голову, положилъ обѣ руки на колѣни.—Вы, значитъ, во всѣхъ этихъ Раскольниковыхъ и братьяхъ Карамазовыхъ вычитываете самое этакое—онъ искалъ слова—забористое, что-ли, и для собственнаго услажденія?

— А какая же цѣна писателя, если онъ не даетъ этого высшаго чувства?

— Не спорю. Но какая въ этой „достоевщинѣ"—это не мое слово—какая въ ней подкладка? Взять хоть бы Раскольникова? Вмѣсто того, чтобы показать, что человѣкъ можетъ дерзать, коли онъ какую-нибудь идею въ себѣ выносилъ, онъ напускаетъ свое... простите, я выражусь не очень нарядно... слюняйство, раскаяніе,

смиреніе, жалкія слова, изувѣрство! Обсахариваетъ разныхъ Сонечекъ и Мармеладовыхъ.

Тутъ онъ поднялъ голову и поправилъ волосы. Голосъ его сталъ сильнѣе.

Она поглядѣла на него построже.

— Такъ вы нàходите, что если кто задумалъ преступленіе— его надо показать во всемъ тріумфѣ, въ апотеозѣ?—произнесла она, совсѣмъ по-своему, съ гласными на иностранный манеръ.

— Я этого не скажу! — Меньшовъ злобно усмѣхнулся.— Но всей этой мертвечиной и психопатіей не могу я восхищаться!..

Она промолчала, и только кончикъ ея башмака, видный изъ-подъ платья, пришелъ въ нервное движеніе.

— И то слава Богу,—продолжалъ Меньшовъ,—что простой народъ, который сталъ почитывать беллетристику,—не очень-то захватываетъ его вашъ любимый писатель.

— Будто?

— Смѣю васъ увѣрить.

И онъ сталъ ей говорить про долгіе годы, проведенные на мануфактурѣ, гдѣ нѣсколько тысячъ рабочихъ, и гдѣ, лѣтъ уже пятнадцать, заведена хорошая библіотека.

— Вашего любимца почитываютъ гораздо меньше другихъ. Всего чаще—„Записки изъ Мертваго дома“. Можетъ, оттого, что имъ и языкъ-то, весь его пошибъ, которымъ вы изволите такъ наслаждаться, кажется довольно чуждымъ и, пòпросту сказать, прѣснымъ и вязкимъ.

Она не стала спорить, сдѣлала ему нѣсколько очень точныхъ вопросовъ—чтò именно читаютъ и какіе рабочіе, старые или молодые, мужчины или женщины. Меньшовъ далъ на это такіе же точные отвѣты. Многое удивляло ее и—кажется— пріятно удивляло, особенно, когда она отъ него перваго услыхала, какіе уже водятся читатели и среди пожилыхъ ткачей и прядильщиковъ, и между молодежью.

— Но вѣдь это очень отрадно!—вырвался у нея возгласъ.

— Какъ сказать!—отозвался Меньшовъ и, съ характернымъ движеніемъ головы, началъ говорить на одну изъ любимыхъ темъ, не совсѣмъ такъ, какъ въ первый свой споръ съ учительницей Лаврской, но вродѣ того.

Пассажирка сидѣла съ поникшей головой. Ей, можетъ быть, начало сдаваться, что этотъ „увріéръ“ рисуется, хочетъ поразить ее парадоксальностью своихъ взглядовъ и оцѣнокъ.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю,—болѣе барскимъ тономъ выговорила она.—Неужели вы противъ просвѣщенія массы?

И ея умные глаза съ грустнымъ налетомъ остановились на немъ пристальнѣе.

— Вовсе нѣтъ! — твердо выговорилъ онъ, выпуская струю дыма:—чѣмъ скорѣе будутъ расшатаны мозги этого...

— Стада?—подсказала она съ улыбкой.

— Именно! Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Но до сихъ поръ толкъ-то еще весьма малый отъ того, что всѣ эти присучальщики и самоткачи читаютъ для засыпки или для забавы самыя разобразцовыя книжки. Онъ не то что Толстого или Тургенева, онъ даже господина Поля Бурже и Гюи де Мопассана вкусилъ; но въ немъ, по прежнему, сидитъ тотъ же полупещерный троглодитъ, первобытный мужиченко, привыкшій все переносить, со всѣмъ сживаться, безъ всякихъ потребностей культурнаго человѣка. Вотъ что̀-съ!

Онъ всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Поднялась и пассажирка. Они прошли вмѣстѣ до конца рубки. Она двигалась большими шагами, по-англійски, и онъ это быстро отмѣтилъ.

— Вы упомянули Мопассана? Неужели его вещи читаютъ простые рабочіе?

— Читаютъ... Я самъ въ книгахъ записи видѣлъ.

И тутъ онъ сообщилъ ей, мимоходомъ, что библіотекой завѣдуетъ его—какъ онъ ее назвалъ—„воспитательница“.

— Что̀ же именно?

— Васъ это должно особенно интриговать. Вѣдь этотъ французскій сочинитель—тоже вашъ любимецъ?

— Его разсказы?

— Да вѣдь онъ теперь весь цѣликомъ существуетъ на русскомъ языкѣ.

— А вы что̀ считаете самымъ глубокимъ?—съ влажнымъ блескомъ въ глазахъ спросила она и остановилась.

— „На водѣ“,—тотчасъ же отвѣтилъ Меньшовъ.

— „Sur l'eau“,—опять точно для себя перевела она.—Да, да!

— Только и это все знаете, какъ говорится: „началъ за здравіе, а свелъ за упокой“.

— Вы хотите этимъ сказать...

— Тоже вѣдь ковыряніе въ своемъ нутрѣ. Талантъ, силища! Это точно! Но въ сердцевинѣ—червоточина. Начало безумія!..

— Вы правы... Это очень вѣрно.

И съ минуту она молчала, опустивъ голову, и замедлила ходъ.

Они сѣли ближе къ носу, на скамейку, откуда имъ видна была труба парохода и убѣгающіе вдаль берега.

Опять горделивая самооцѣнка разлилась по его душѣ. И припомнилъ онъ—почему-то—нѣсколько романовъ Жоржъ-Занда въ русскомъ переводѣ, какіе онъ давно читалъ, когда увлекался мечтами о тѣхъ „аристократкахъ“, въ которыхъ вдругъ загоралась страсть къ человѣку „изъ народа“, къ молодому фермеру или увріéру. И заглавіе одного изъ этихъ романовъ пришло ему вотъ сейчасъ на память, и очень отчетливо.

Пріятно ему было и то, что онъ такъ спокойно себя чувствовалъ.

Еще въ началѣ разговора онъ немножко подтягивалъ себя. А теперь—будь на мѣстѣ этой родовитой барышни та, учительница Лаврская—онъ бы больше волновался.

Отчего? Неужели та его такъ захватила? Эта воспитаннѣе учительницы, тоньше, много ѣзжала, навѣрное говоритъ на четырехъ языкахъ. А какая же между нею и имъ разница? И почему онъ—Антонъ Меньшовъ—не могъ бы попасть въ герои любовной исторіи, во вкусѣ тѣхъ старомодныхъ теперь романовъ, но въ другой, нынѣшней обстановкѣ?

Все возможно — если умѣть дерзать и достигать своихъ замысловъ.

Загудѣлъ ревунъ парохода.

— Да это никакъ къ Барышову пристаютъ? — спохватился Меньшовъ.

— Вы здѣсь выйдете? — спросила пассажирка.

Онъ снялъ шляпу. Она, съ чуть замѣтнымъ колебаніемъ, протянула ему руку.

— Ежели васъ занимаетъ фабричный бытъ... не угодно ли пожаловать какъ-нибудь на заводъ? Отъ усадьбы, куда вы ѣдете, до Селезнева сколько верстъ приходится?

— Кажется, верстъ пятнадцать.

— Такъ это рукой подать!

— Я предложу моимъ друзьямъ. И намъ все покажутъ?

— Наши нáбольшіе не особенно культурный народъ. Но они любятъ почетныхъ посѣтителей.

Говоря это, Меньшовъ взялся за перила трапа и только-что занесъ ногу на первую ступеньку, какъ замѣтно поблѣднѣлъ и лѣвой рукой схватился за грудь.

Пассажирка тревожно спросила:

— Вамъ дурно?

— Нѣтъ, ничего! Старая исторія. Сердце пошаливаетъ.

Онъ сжалъ губы и полузакрылъ глаза.

— Не хотите ли... у меня есть капли?

— Благодарствуйте! Пустяки!

Онъ ожидалъ болѣе сильнаго припадка. Внизъ онъ спустился замедленнымъ шагомъ. Въ груди жженіе не проходило; но упасть онъ уже не боялся.

Расплатившись съ лакеемъ, онъ взялъ матроса, потащившаго его чемоданчикъ.

Когда онъ взошелъ на пристань и обернулся, пассажирка, оставшаяся на верху рубки, ласково поклонилась ему.

Онъ снялъ шляпу и оставался на пристани, пока „Нереида" не отвалила.

III.

По крутому склону приволжскаго берега молодые дубки разбрелись въ разныя стороны. Мѣсто было красивое и веселое. Оттуда, влѣво, видны были спускъ къ рѣкѣ и пристань, къ которой причалилъ, недѣлю назадъ, пароходъ „Нереида".

На травѣ, въ тѣни дубка, лежалъ Меньшовъ, съ полузакрытыми глазами и подложивъ подъ голову закинутыя руки.

Изъ села Барышова—версты за полторы—доносился благовѣстъ ко всенощной. Въ церкви онъ еще не бывалъ, да и не пойдетъ. Въ селѣ живетъ все „церковный" народъ, а на заводѣ, поди, на одну треть если не цѣлая половина—старообрядцы „австрійскаго согласія".

Въ другое время онъ ихъ не оставилъ бы въ покоѣ, сталъ бы присматриваться, вступать въ бесѣды.

Теперь нѣтъ охоты, особенно съ той поры, какъ онъ вернулся оттуда, сверху.

То, что̀ случилось съ нимъ на пароходѣ — не прошло даромъ.

Въ ту же ночь схватила его, подъ утро, одышка, такъ что онъ чуть-чуть не задохнулся, колотье въ сердце и жженіе—до крика. Идти работать онъ не могъ, потребовалъ доктора—здѣсь въ первый разъ. Въ больницу онъ не легъ; но два дня пролежалъ у себя, въ каморкѣ, которую нанималъ въ слободѣ, въ домикѣ стараго рабочаго, изъ раскольниковъ. На заводѣ хозяйскихъ казармъ нѣтъ.

Докторъ—совсѣмъ молоденькій, въ прошломъ году кончилъ—важничать и напускать туману еще не умѣетъ.

Долго онъ его выстукивалъ и выслушивалъ; принесъ съ собою какую-то еще невиданную имъ кишку съ двумя концами, вложилъ ихъ въ оба уха и слушалъ.

„Дѣло—дрянь“!—подумалъ онъ, видя, какъ у доктора лицо все сморщилось и щеки сразу покраснѣли.

— Какой приговоръ положите?—шутливо спросилъ онъ его.

— Штука... непріятная... Гипертрофія, и довольно, батенька, запущенная.

Онъ помнилъ—чтò такое гипертрофія. Извѣстное дѣло—расширеніе. Но, кромѣ сердца, и аорта сильно разбухла. Докторъ далъ ему самому нащупать и сталъ предостерегать его, надавалъ совѣтовъ цѣлый коробъ.

Хорошо еще, что у него занятія, не требующія физическаго напряженія. Но не это одно—опасно. Душевныхъ волненій надо бояться—пуще огня!

Докторъ должно быть по лицу и разговору его догадался—какая у него голова. И всего сильнѣе напиралъ на это; а также насчетъ спиртныхъ напитковъ.

Водки онъ почти что не пьетъ. Что-то съ нѣкоторыхъ поръ и не тянетъ въ эту сторону.

Прописалъ докторъ и лекарство; но, уходя, признался, что это все—„одни палліативы“. Есть у нѣмцевъ такія вòды—Меньшовъ забылъ, какъ онъ назвалъ—куда посылаютъ больныхъ сердцемъ. Дѣйствуютъ—говоритъ—удивительно.

Но объ этомъ чтò же мечтать? Да и не стоитъ!

Приговоръ врача не испугалъ его и не удивилъ.

Коли болѣзнь неизлечима и грозитъ „окончательной гадостью“—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

Но пока сократишься навсегда—развѣ можно дуть на себя, точно ты самъ стеклянный или изъ сахарнаго тѣста?

Вотъ сегодня, передъ обѣдомъ, онъ прошелъ черезъ цѣлый рядъ волненій.

Пріѣхали на заводъ три дамы: пассажирка съ парохода и еще двѣ барыни—владѣлица усадьбы и ея сестра—подруги той барышни. Она оказалась княжной.

Онѣ вызвали его внизъ, въ контору. Техникъ, въ это именно время, пришелъ въ его отдѣленіе и, какъ всегда, хмуро и грубовато, сталъ приказывать ему покончить съ рисункомъ для стѣнъ столовой, изъ поливныхъ изразцовъ. Работа затянулась изъ-за его нездоровья. Онъ себя сдерживалъ, но, на этотъ разъ, тонъ техника показался ему особенно невыносимымъ.

Пріѣздъ посѣтительницъ былъ бы для него пріятнымъ развлеченіемъ; а вышло такъ, что онъ остался ни-при-чемъ. Заводъ пошли показывать управляющій и техникъ. Онъ долженъ былъ отправляться къ своему дѣлу. И когда дамы пришли въ его ком-

нату и княжна обратилась къ нему, какъ къ знакомому, техникъ почти не далъ ему рта раскрыть.

И въ собственныхъ глазахъ онъ очутился настоящей „мастеровщиной“, одѣтъ былъ „чумичкой“; весь „форсъ“ былъ съ него сшибленъ. Княжна поглядѣла на него съ усмѣшечкой:— „вотъ, молъ, ты въ какомъ званіи обрѣтаешься“. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось ему.

И никогда еще его болѣзненность не вливала ему въ душу такого равнодушія и къ собственной судьбѣ, и ко всему, что̀ вокругъ него творится. Если у него и сердце никуда не годится, и жила разбухла—стоитъ заболѣть чѣмъ-нибудь другимъ посерьезнѣе, тогда и конецъ!

Будь это раньше—сегодняшняя „осѣчка“ съ той барышней—развѣ такъ бы перевернула его? Вѣдь онъ началъ же мечтать о томъ,—какъ они будутъ съ ней видаться и умные разговоры разговаривать. Сегодня ему эти мечты кажутся „шутовствомъ“. И никогда еще такъ безпощадно не посмѣивался онъ надъ собою.

При „паскудномъ“ здоровьѣ и при его характерѣ не выбиться ему изъ того ничтожества, въ которомъ онъ обрѣтается. Не можетъ его судьба перевернуться. Развѣ по сказочному или какъ въ старинныхъ романахъ и пьесахъ: оказался бы онъ подкидышемъ, принцемъ, его признала бы мать по родимому пятну или по золотому медальону. И вотъ его вводятъ въ чертогъ, съ вѣнцомъ на головѣ...

Жить ему не много. Но если это вѣрно, то сто̀итъ ли дрожать за свою „шкуру“? Вотъ теперь-то бы и заварить гдѣ-нибудь кашу, добраться опять до „Питера“, тамъ разнюхать все по большимъ фабрикамъ, подобрать команду теплыхъ ребятъ и оттуда опять на мануфактуру, притвориться тихонькимъ, стать закадыкой самыхъ умныхъ рабочихъ, которые считаются вожаками.

Онъ вспомнилъ объ Иванѣ Спиридоновѣ. Въ послѣдній разъ они не видались. Но онъ знаетъ, что Иванъ исправился подъ руководствомъ „дѣвули“ Надежды Николаевны, хлопоталъ цѣлые полгода объ учрежденіи общества трезвости, былъ выбранъ даже первымъ предсѣдателемъ и теперь капли хмельного въ ротъ не беретъ и сталъ ревностнымъ искоренителемъ пьянства.

Можетъ быть, въ такомъ обществѣ всего способнѣе было бы производить „расчищеніе мозговъ“. Стоитъ только вплотную заняться этимъ дѣломъ—предлогъ найдется. И теперь недовольство не улеглось—все изъ-за двухъ копѣекъ прибавки тѣмъ рабочимъ, которыхъ ссадили на миткаль съ болѣе выгодныхъ ма-

терій. За ними увяжутся и остальные. Недовольныхъ двѣсти человѣкъ; а забастуютъ двѣ-три тысячи; а то и всѣ, кто работаетъ въ главномъ корпусѣ, кромѣ бабъ и дѣвокъ.

Все равно—снесутъ тебя на погостъ, не сегодня — завтра! Но этотъ выводъ не дѣйствуетъ на него. Душа его не лежитъ къ такой вознѣ со стадомъ барановъ. И прежде не лежала; а теперь—еще того меньше.

Вѣдь и здѣсь, на заводѣ, есть ребята, сортомъ повыше присучальщиковъ, прядильщиковъ и ткачей—среди точильщиковъ, которые „оболваниваютъ" посуду на своихъ станкахъ. Нѣкоторые—очень способные. Ихъ работа требуетъ ловкости и даже вкуса, когда они отдѣлываютъ орнаменты какой-нибудь вазы или блюда. Въ первые дни онъ даже удивлялся—какой у нихъ видъ. Лица совсѣмъ не деревенскія, многіе въ блузахъ, брѣются, въ выраженіи глазъ смышлёность и какъ будто сознаніе того, что они не машины, а мастера своего дѣла.

Изъ нихъ многіе почитываютъ. Здѣсь также заведена библіотека, хотя и гораздо побѣднѣе, чѣмъ на мануфактурѣ. Вотъ къ такимъ ребятамъ весьма можно бы было „подсыпаться". Да и въ раскольникахъ нашлись бы подходящіе. О вѣрѣ онъ не сталъ бы съ ними препираться. У нихъ, и безъ того, цѣлыхъ два общества: одни — „окружники"; другіе — „противоокружники". Пускай ихъ! Не въ этомъ суть!

Не стоитъ! До тѣхъ поръ, пока фабрика не передѣлаетъ мужицкую душу—ничего не будетъ путнаго! Не лѣзть же изъ-за нихъ въ петлю, хотя бы докторъ сказалъ ему завтра: „Меньшовъ, жить вамъ полагается не больше года"!

Сегодня работа на заводѣ кончилась раньше, кромѣ обжигальныхъ печей, гдѣ она идетъ изо дня въ день—въ извѣстные сроки.

Со стороны слободки, съ двумя улицами, обстроенными все новыми домиками, проходили рабочіе, мужчины и женщины, и въ рощу, и къ пристани.

Меньшовъ оглянулся и примѣтилъ—въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ онъ прилегъ, двоихъ заводскихъ; тѣ сѣли на траву, въ тѣнь.

Меньшовъ призналъ ихъ обоихъ; но не могъ бы назвать по фамиліямъ. Одинъ—высокій, съ тонкими усами, въ легкомъ пиджакѣ и свѣтломъ картузѣ—навѣрное точильщикъ, и, кажется, изъ тѣхъ, что сидятъ за станками, вертятъ ихъ, дѣйствуя ногами взадъ и впередъ, и такъ цѣлыми днями.

Работа здѣсь, для всѣхъ—въ томъ числѣ и для него—длится съ шести часовъ утра до восьми вечера. На обѣдъ даютъ часъ, на чай полчаса—да и то не всѣмъ. И выходитъ длинныхъ двѣнадцать часовъ. Зато хозяева хвалятся тѣмъ, что у нихъ нѣтъ ночной работы, кромѣ какъ при горнахъ, и „никто-де не живетъ въ казармахъ“.

И захотѣлось ему, въ видѣ шутки, завязать вотъ съ этимъ худымъ малымъ разговоръ насчетъ „Трехъ осьмерокъ“. Онъ и по-французски умѣлъ называть ихъ: „Les trois huit“.

Другой рабочій былъ коренастый брюнетъ, въ блузѣ, въ свѣтломъ картузѣ и въ большихъ сапогахъ, съ пухлымъ лицомъ и шершавой бородой. Какъ будто Меньшовъ его видалъ въ отдѣленіи своихъ „собратовъ“—рисовальщиковъ. Кажется, онъ наводитъ „кальки“—работа легкая и не очень доходная. Ею кормится и много дѣвушекъ, которыхъ здѣсь не называютъ „барышнями“, какъ на мануфактурѣ.

Ни тотъ, ни другой не курили. Но врядъ-ли они старообрядцы. У высокаго голова зрѣлаго студента или, вообще, „интеллигента“—опредѣлилъ, про себя, Меньшовъ.

Оба рабочіе спускались къ тому мѣсту, гдѣ онъ лежалъ. Они, видимо, прогуливались, безъ всякой опредѣленной цѣли, и поглядывали на него.

Когда они проходили около него—шагахъ въ трехъ—оба они поклонились ему. Онъ отвѣтилъ на ихъ поклоны и окликнулъ:

— Прогуливаетесь?

Черноватый съ пухлыми щеками засмѣялся.

— Гулянье у насъ... все одно и то же... На рѣку и обратно.

Худой блондинъ усмѣхнулся и ничего не прибавилъ отъ себя.

— Прилягте, братцы. Здѣсь хорошо подъ дубкомъ,—пригласилъ ихъ Меньшовъ.

И тотъ, и другой присѣли, согнувъ колѣни. Черноватый сейчасъ же досталъ изъ кармана желтоватый картузикъ съ сѣмечками и протянулъ Меньшову.

— Побаловаться?.. Не желаете?

— Это дѣвицамъ полагается.

— Подойдутъ и дѣвицы. Имъ небось тоже другого хода нѣтъ, какъ къ рѣкѣ.

Худой подсѣлъ поближе къ Меньшову.

— Вы точильщикъ? — спросилъ Меньшовъ, пододвигаясь къ нему.

— Такъ точно.

Онъ замѣтилъ, что они съ нимъ говорятъ не совсѣмъ такъ,

какъ съ своимъ братомъ рабочимъ, и это ему польстило. Но онъ сейчасъ же рѣшилъ мысленно, что надо съ ними обойтись какъ можно проще—совсѣмъ по товарищески.

— Вы на какомъ же товарѣ?—спросилъ онъ, еще ближе пододвигаясь къ худому.

— Позняковъ у насъ—большой искусникъ,—заговорилъ черноватый въ балагурномъ тонѣ.—Фигурныя вещи оболваниваетъ въ наилучшемъ видѣ—вазы и всякую штуку.

Позняковъ усмѣхнулся въ усы.

— А какой заработокъ?—спросилъ Меньшовъ, обращаясь глазами къ Познякову.

— Порядочный.

— Сдѣльно?

— Нѣтъ, помѣсячно.

— Рублей на двадцать или больше?

— Около того.

Онъ былъ, видимо, не изъ сообщительныхъ, можетъ быть раскольникъ, несмотря на свой „увріéрскій“ типъ.

— И вы также?—обратился Меньшовъ къ черноватому.

— Ни, Боже мой! У меня работа—по вашей части.

— Значитъ, вы рисовальщикъ?

— Тѣхъ-же щей... Хе, хе! Намъ съ вами куда же тягаться? Вы сочиняете отъ себя и прочее такое. А мы отъ руки выводимъ цвѣточки и разводы всякіе. Противъ прочихъ—сортомъ повыше. На тонкомъ фарфорѣ. Да теперь, особенно по причинѣ Макарьевской ярмарки, товаръ пошелъ все дешевый. И конца краю его не видать. Черезъ мѣсяцъ надо, слышь, припасти до десяти тысячъ дюжинъ чашекъ съ блюдечками.

— Десять тысячъ дюжинъ?—переспросилъ Меньшовъ.

— Истинно говорю. А нашему брату отъ этого—польза малая. Тутъ печатаніе идетъ... Бумажки! Разъ-два мазнулъ, потеръ, и готово!..

И онъ весело разсмѣялся.

— Вы тоже на жалованьѣ?

— Да сдѣльно намъ не фитулитъ. То такъ, то этакъ, глядя по требованію товара.

— Вы какъ будете? — съ нѣкоторой оттяжкой выговорилъ Меньшовъ:—по старой вѣрѣ?

— Мы-то?—откликнулся первый—рисовальщикъ.—Нѣтъ, мы вѣры россійской, обыкновенной.

Точильщикъ только повелъ головой.

Онъ интересовалъ Меньшова больше, чѣмъ тотъ балагуръ, самаго зауряднаго фабричнаго сорта.

— А лучше ли, братцы,—началъ онъ,—что здѣсь нѣтъ двухъ смѣнъ, какъ на другихъ фабрикахъ, а работа идетъ скрозь, цѣлый день?

Точильщикъ поглядѣлъ на него вдумчиво.

— Лучше ли?—повторилъ онъ и оперся ладонью о землю, продолжая сидѣть.—Сразу не разсудишь.

— По крайности... ночь моя!—вскричалъ черноватый.—А то какой же сонъ, коли меня въ три часа ночи будятъ?

— Это точно, — какъ бы про себя выговорилъ точильщикъ.

— Однако, братцы, здѣсь здòрово приходится всѣмъ. Какъ ни какъ, выходитъ двѣнадцать часовъ съ лишнимъ.

— Само собою!—подтвердилъ рисовальщикъ.

Онъ прозывался Черновъ.

— А тамъ нѣшто меньше приходится? — спросилъ Позняковъ.

— Гдѣ?

— Да гдѣ въ двѣ смѣны работаютъ.

— Положимъ, на пустякъ; а все-таки меньше. Настоящей работы, коли не считать чистки машинъ, придется часовъ одиннадцать.

— Какъ же съ этимъ быть!—тихо проговорилъ Позняковъ.— Вездѣ такъ. На всемъ свѣтѣ ведется.

— Ну, нѣтъ,—остановилъ его Меньшовъ и перемѣнилъ лежачее положеніе на сидячее.—Въ чужихъ земляхъ давно уже добиваются, чтобы больше восьми часовъ ни подъ какимъ видомъ не работать. Трудовой день долженъ быть раздѣленъ на три равныя части: восемь часовъ работы, восемь сна...

— А остальное на какую потребу?—спросилъ Черновъ.

— Какъ на какую?—построже отозвался Меньшовъ.—Обѣдать, чай пить, прогуляться, книжку, газету почитать.

— Такъ это для грамотѣевъ!

— Постой!—остановилъ Чернова точильщикъ и самъ пододвинулся къ Меньшову.—Читать дѣйствительно... когда же? Сами разсудите. Еще лѣтомъ ежели въ четыре часа подняться. А вечеромъ поужинаешь, а тамъ ужъ и стемнѣло. Да и умаешься день-то деньской.

— На фортупьянахъ-то своихъ вензеля выдѣлывать!..

Черновъ сталъ, сидя на пригоркѣ, крутить ногами, представляя работу точильщиковъ.

И такъ это было потѣшно, что всѣ трое разсмѣялись.

— Скоморошничать охочъ! — замѣтилъ Позняковъ, указавъ головой на Чернова.

— И выходитъ,—продолжалъ онъ искреннѣе и замѣтно оживляясь,—вотъ въ субботу и воскресенье, или тамъ въ праздники что-ли, кто домой не ходитъ—только и есть отдыхъ.

— Здѣсь, правда, изъ ближнихъ деревень не особенно много. Все больше пришлый народъ, особенно кто по старой вѣрѣ.

Онъ такъ это сказалъ, что Меньшовъ тотчасъ же подумалъ: „Нѣтъ, онъ не раскольникъ"!

— А у васъ свой домикъ?—спросилъ онъ мимоходомъ.

— Обзаводиться хочу... потому я тоже дальній... А постой здѣсь кусается... Опять же старообрядцы не больно и пущаютъ нашего брата.

— У нихъ, небось, водятся и начетчики?

Меньшовъ подмигнулъ и усмѣхнулся.

Точильщикъ мотнулъ головой.

— Появляются... точно. Только они на своихъ книгахъ сидятъ... А гражданской печати чураются. Я такъ понимаю... одна въ нихъ закоренѣлость; а народъ темный. Ему книжка не нужна.

И тутъ они потолковали о томъ, кто больше читаетъ. Выходило почти то же, что и на прядильно-ткацкой фабрикѣ. Тамъ ткачи, здѣсь точильщики. Женскій полъ почитываетъ дрянцо; да и то мало.

— Гдѣ имъ?—вмѣшался Черновъ—.Онѣ вонъ юбками повиливаютъ. Глянь, Митя! Это Оля съ Катей на пристань пробираются... Съ приказчиками амуриться, подлыя!

Онъ привсталъ, сдѣлалъ изъ ладони щитокъ отъ солнца и крикнулъ:

— Куда изволите отправляться, честныя дѣвицы?

Этихъ работницъ Меньшовъ узналъ сразу. Онѣ расписываютъ чашки и блюдечки въ томъ помѣщеніи, по которому онъ, каждый день, ходитъ въ свою комнату.

Одна—недурна, сухопарая блондинка, одѣта по-городски, въ свѣтлой рубашкѣ съ кушакомъ и темной юбкѣ, и подъ зонтикомъ. Подруга ея—въ яркомъ ситцевомъ платьѣ—больше смахиваетъ на „барышню", какихъ десятки есть на мануфактурѣ.

Дѣвушки оглянулись.

— Нашей компаніей, значитъ, гнушаться изволите?—продолжалъ балагурить Черновъ.

Онъ уже совсѣмъ поднялся и надѣлъ молодцовато картузъ.

— Идемте-инъ съ нами на пристань!—крикнула Катя.

— Митя! Айда на пристань! Что, въ самомъ дѣлѣ, сволочь-приказчики всѣхъ дѣвокъ у насъ отбиваютъ!

Точильщику хотѣлось, кажется, продолжать бесѣду съ Меньшовымъ. Онъ былъ ею польщенъ. Можетъ быть, до него, какъ и до другихъ рабочихъ, дошли уже слухи, что этотъ главный рисовальщикъ—„башка" и человѣкъ „отчаянный", когда дѣло дойдетъ до того, чтобы постоять за себя. На заводѣ уже знали, что Меньшовъ пошелъ жаловаться управляющему на техника, чтобы тому запретили говорить ему „ты". Этимъ онъ и самого управляющаго поставилъ въ надлежащую позицію. Тотъ мужикъ не злой, но всѣхъ „тычетъ", кромѣ техника и двоихъ довѣренныхъ приказчиковъ, да и то потому, что они—по старой вѣрѣ—въ какихъ-то должностяхъ состоятъ, никакъ одинъ попъ, а другой дьяконъ и „дошлый" начетчикъ.

— Айда!—подтолкнулъ Черновъ точильщика.

Тотъ поднялся и отвѣсилъ поклонъ Меньшову; руки не подалъ.

— Добраго здоровья. Благодаримъ покорно за пріятный разговоръ.

— Счастливо оставаться!—крикнулъ балагуръ.

Оба сняли фуражки и стали спускаться по тропкѣ, догоняя дѣвушекъ. Издали Черновъ показывалъ имъ картузикъ съ сѣмечками. Тѣ засмѣялись и побѣжали къ берегу.

Меньшовъ смотрѣлъ на нихъ вплоть до той минуты, когда всѣ четверо повернули за выступъ береговой крутизны.

И опять нашла на него разъѣдающая дума.

Что онъ такое? Вотъ такой же рисовальщикъ, какъ и тотъ балагуръ-мастеровой, расписывающій блюдечки и чашки. Какая между ними разница? Тотъ заработаетъ двадцать рублей въ мѣсяцъ, а онъ—пятьдесятъ. А себя онъ ставитъ во-о какъ высоко! И когда эти два парня показали ему своимъ тономъ, что они его считаютъ выше себя—это польстило ему. Но развѣ онъ художникъ, артистъ, чтобы такъ высокомѣрно смотрѣть на своихъ товарищей по работѣ и называть ихъ „стадомъ барановъ"? Былъ бы у него настоящій талантъ, онъ давно бы сказался.

Кто мѣшаетъ ему, вотъ сидя здѣсь, на пригоркѣ, набрасывать на бумагу или полотно этотъ красивый приволжскій видъ? Сколько передъ его глазами мелькало бытовыхъ лицъ, фигуръ, сценъ, красочныхъ деталей!... Гдѣ же у него наброски, этюды? Вѣдь никто же не мѣшалъ ему набивать себѣ руку, готовить изъ себя пейзажиста или жанроваго живописца.

Умѣнья нѣтъ? Не учился, какъ слѣдуетъ? Вздоръ! Въ Москвѣ

могъ бы черезъ студентовъ и учениковъ пользоваться хорошими совѣтами настоящихъ художниковъ.

Стало быть—жилки артистической не было. И она не трепещетъ у него и теперь ни отъ картинъ природы, ни отъ потребности влить въ человѣческіе образы свою творческую идею.

Судьба его—влачить тусклую, ничтожную жизнь фабричнаго „умника“, безъ всякой связи съ тѣмъ людомъ, среди котораго онъ выросъ.

Изъ села опять поплылъ благовѣстъ тихими волнами.

Этотъ призывъ—для него безгласенъ. Онъ не можетъ вѣрить за-одно съ фабричнымъ людомъ—ни съ тѣми, кто ходитъ въ церковь, ни съ тѣми, кто здѣсь собирается въ раскольничьи молельни. Они для него чужіе. Ему ихъ не жаль. У него нѣтъ охоты—даже „на послѣдяхъ“, зная про свою неизлечимую и опасную болѣзнь—хоть разъ, хоть въ одномъ мѣстѣ чего-нибудь добиться своимъ вліяніемъ на трудовой людъ.

Сейчасъ онъ выспрашивалъ точильщика такъ, отъ скуки, въ видѣ пустой и бездушной забавы.

Кровь быстро прилила къ его худымъ щекамъ. Всѣми этими вопросами и обличеніями онъ приведетъ себя опять въ такое состояніе, что съ нимъ сдѣлается припадокъ.

Очень нужно!

И голова его заиграла съ той же живостью и въ другую сторону. Все это дѣтскія затѣи и досужія мечты!

„Маниловщина“!—припомнилось ему литературное слово.

Взять хоть бы этотъ фарфоровый заводъ. Народолюбцы сокрушаются въ газетахъ о томъ, что мужичка̀ развращаетъ казарменная жизнь фабрикъ. А здѣсь вотъ нѣтъ ни одной казармы. Всѣ живутъ въ избахъ, даже въ пятистѣнныхъ домикахъ. Хозяева позволяютъ строиться на льготныхъ условіяхъ. Каждый трезвый рабочій легко сдѣлается домовладѣльцемъ. Семейная жизнь не разлагается отъ „свальной“ тѣсноты каморокъ. А все-таки и дѣвки, и вдовы, и замужнія бабы погуливаютъ—и церковныя, и раскольницы.

И пьянство водится, и франтовство у женскаго пола. Онъ этимъ сокрушаться не станетъ. Не огорчаетъ его и то, что здѣсь, кто обзаведется своимъ дворомъ—а они всѣ крестьяне—совсѣмъ отбиваются отъ деревенской родни, дѣлаются настоящей заводской „мастеровщиной“.

Пускай такъ и будетъ—вездѣ. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Изъ-за чего же онъ станетъ подзадоривать ихъ? Производить

между ними пропаганду? И то глупо, что онъ заговорилъ о числѣ часовъ работы съ тѣми парнями.

Какой толкъ въ стачкѣ, коли она, кромѣ „экзекуціи", ничего не даетъ? Особливо здѣсь, гдѣ чуть не половина народа—старообрядцы. Для нихъ хозяинъ—„мужъ древняго благочестія"; они ни подъ какимъ видомъ не пойдутъ противъ него. Пройдетъ цѣлая сотня лѣтъ, а они по прежнему будутъ крестить лобъ двумя перстами и препираться о своемъ „окружномъ посланіи". Проймете вы ихъ идеей правъ труда на полное обладаніе „орудій производства"! Пропади пропадомъ весь свѣтъ—только бы имъ держаться по старинѣ. Не поможетъ тутъ ни школа, ни книжка, ни поучительныя чтенія съ туманными картинами, пока не пробьетъ часъ, когда никто не захочетъ жить по-свински, почувствуетъ себя человѣкомъ, а не вьючнымъ скотомъ.

Розовая заря протянулась надъ плоскимъ берегомъ. Благовѣстъ давно стихъ. Меньшовъ лежалъ все на томъ же мѣстѣ. Голова отяжелѣла отъ всѣхъ этихъ разъѣдающихъ думъ. Чувство полнаго отчужденія и одиночества засосало его.

Вонъ тѣ два парня—Позняковъ и Черновъ — увязались за дѣвицами, угощаютъ ихъ сѣмечками, поѣдутъ кататься въ лодкѣ или пойдутъ на село, въ харчевню, пить чай и пиво. Для нихъ хороши и такія подруги.

Протянется мѣсяцъ, другой—и заводская жизнь станетъ донѣльзя тошна. И опять подвернется какая-нибудь Ѳеничка Потапова.

А тамъ, на прядильно-ткацкой фабрикѣ, образованная дѣвушка не хочетъ разглядѣть — что̀ же, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ собою Антонъ Меньшовъ? Для нея интереснѣе смазливый конторщикъ, съ „капульчикомъ".

Да и вправду: тотъ—служащій, ему обезпечено повышеніе, а потомъ и хозяйская пожизненная пенсія. Развѣ его можно сравнить съ какимъ-то „бѣгуномъ", воображающимъ себя героемъ изъ романа Золя?

„Мусьё Суваринъ",—вдругъ всплыло прозвище противъ воли и заставило его подняться. Это ненавистное слово дразнило его слухъ. Онъ самъ произносилъ его на пароходѣ, когда рисовался передъ княжной.

Нестерпимая тоска глодала его вмѣстѣ съ предчувствіемъ надвигающагося злого недуга—„интересной" болѣзни, отъ которой можетъ сдѣлаться дурно, да еще въ присутствіи пассажирокъ изъ высшаго общества.

Чуть переставляя ноги, побрелъ онъ вверхъ по пригорку. Съ

рѣки донесся отдаленный вой пароходнаго сигнала, и этотъ звукъ прибавилъ еще лишнюю каплю горечи.

IV.

Хозяинъ домика, гдѣ Меньшовъ занималъ свѣтелку—пожилой старообрядецъ, по имени Алимпій—служилъ надсмотрщикомъ въ складѣ посуды. Онъ вышелъ изъ точильщиковъ и былъ изъ другой губерніи—съ приволжской лѣсной стороны.

Сегодня рано они вышли въ одно время изъ дому.

Алимпій—плотный старикъ, съ сѣдой кудрявой головой и свѣжимъ лицомъ, аккуратно одѣтый въ нанковый казакинѣ и картузъ съ большимъ козырькомъ — ласково окликнулъ его у калитки:

— Съ добрымъ утромъ, Антонъ Егорычъ!

Своего постояльца онъ, должно быть, не считалъ никоньянцемъ, потому что Меньшовъ въ церковь совсѣмъ не ходилъ и даже почти не курилъ. Ему, еще съ прошлаго года, докторъ отсовѣтовалъ курить, и онъ разрѣшалъ себѣ папиросу только на воздухѣ.

— Съ добрыми вѣстями!—сказалъ Алимпій, видя, что въ рукѣ его постояльца письмо.

Меньшовъ поклонился ему и присѣлъ на лавку, вдѣланную по другую сторону воротъ. Старообрядецъ приподнялъ картузъ и повернулъ къ заводу бодрой, совсѣмъ еще молодой походкой.

Письмо принесли еще вчера, когда Меньшовъ ходилъ гулять, да стряпуха забыла съ вечера отдать ему.

Руку, по адресу, онъ не узнавалъ. Почеркъ крупный, въ родѣ писарского, и съ ошибками.

Оно оказалось отъ Ивана Спиридонова—съ фабрики.

Писать его пріятель не былъ большой мастеръ; но содержаніе его письма тотчасъ же стало забирать Меньшова. Онъ быстро пробѣжалъ всѣ четыре страницы почтоваго листка; а нѣкоторыя мѣста прочелъ и по второму разу.

Иванъ писалъ ему на „вы“. Онъ дружбы Антона Егорыча не желалъ „клянчить“, но не скрывалъ, что ему было тяжело видѣть, какъ ихъ „пріятельство сошло на нѣтъ“—по чьей винѣ,—онъ самъ не хочетъ допытываться.

Памятуетъ онъ, что вѣрный другъ въ сомнительномъ дѣлѣ познается. И считаетъ онъ своимъ долгомъ извѣстить его о двухъ „матеріяхъ“.

„Первымъ дѣломъ“, ежели Антонъ Егорычъ своимъ положеніемъ на фарфоровомъ заводѣ не доволенъ, то здѣсь, на фабрикѣ, *въ самый разъ* получить работу по усиленной цѣнѣ, такъ какъ цѣлыхъ двое рисовальщиковъ сосѣдняя мануфактура на дняхъ переманила, и никто еще на ихъ мѣсто не посаженъ. А время — самое горячее, горячѣе, чѣмъ было въ прошломъ и въ позапрошломъ году. Къ макарьевской ярмаркѣ надо заготовлять новыя матеріи—нужны будутъ и модные рисунки.

Для успокоенія Меньшова Иванъ упоминалъ и о томъ, что старшій мастеръ, въ красильно-набивномъ отдѣленіи, уже не прежній „швейцаръ“—какъ они его звали, а русскій, изъ техническаго училища, еще молодой господинъ; съ рабочими ладитъ, совсѣмъ не такой дуроломъ, какъ прежній; человѣкъ понимающій и мягкій.

„Вторымъ дѣломъ“ Иванъ, не желая особенно смущать Меньшова, считалъ своимъ непремѣннымъ долгомъ предувѣдомить его, что „много разговоровъ идетъ на фабрикѣ насчетъ конторщика Щепетильникова и Анны Галактіоновны — госпожи Лаврской“.

Иванъ не позволилъ себѣ лишнихъ намековъ, выразилъ только надежду видѣть Меньшова „при исполненіи всѣхъ своихъ желаній“.

„Неужели, — кончалъ онъ письмо, — вы, Антонъ Егорычъ, уступите этому *лодырю* такую дѣвицу, особенно при влеченіи вашего сердца? И какъ бы хорошо это было, послѣ разныхъ треволненій, вкусить у насъ семейнаго благополучія“.

Меньшовъ шелъ на заводъ сильно возбужденный. Ему еще постылѣе стало торчать въ этой раскольничьей дырѣ. Все равно, онъ здѣсь не выживетъ и до зимы. Очень вѣроятно, что къ осени, послѣ макарьевской ярмарки, ему предложатъ опять задѣльную плату.

Иванъ пишетъ дѣло. Въ „самый разъ“ было бы нагрянуть туда, получить мѣсто и показать конторской „тлѣ“—можетъ ли она съ нимъ соперничать.

А потомъ что̀? Анна Галактіоновна—не Ѳеничка Потапова. Ее не увлечешь въ свободное сожительство. Да и законный бракъ съ такимъ „лодыремъ“, какъ онъ, не особенно лестенъ для ученой барышни, у которой есть обезпеченный кусокъ хлѣба и работа по душѣ.

Онъ мысленно употребилъ выраженіе „лодырь“—то самое, какимъ Иванъ, въ письмѣ своемъ, назвалъ конторщика Щепетильникова.

Лаврская, до сихъ поръ, смотритъ на него чуть не какъ на падшую личность. И это всего сильнѣе мозжитъ его—вотъ уже больше года.

Ему, до сихъ поръ, не удалось довести ее до разговора, гдѣ бы она открыла свои карты. И онъ самъ не вызывалъ ее на такое объясненіе, боясь услыхать отъ нея что-нибудь слишкомъ ясно показывающее—за какую дрянь она считаетъ его.

Сколько бы ему ни осталось жить, чѣмъ бы ни разрѣшилось то, что̀ влечетъ его къ этой дѣвушкѣ — онъ не хочетъ отказаться отъ нея.

Меньшовъ шелъ вдоль одного изъ порядковъ слободки, не глядя на всѣ эти примелькавшіеся ему домики. Миновалъ онъ и двухъэтажный кирпичный домъ училища, съ большой вывѣской, на которой золотыми буквами было выведено почетное званіе, имя, отчество и фамилія основателя.

Черезъ открытыя ворота онъ попалъ на узкій первый дворъ завода. Съ обѣихъ сторонъ шли невысокія каменныя строенія: сначала склады готоваго товара, потомъ помѣщенія для горновъ и для обработки глины. Оттуда, изъ открытыхъ оконъ, вылетала мелкая и ѣдкая пыль.

Въ облакахъ этой пыли приходилось Меньшову каждый день подниматься во второй этажъ того же корпуса, гдѣ помѣщались обширныя и довольно свѣтлыя камеры для точильщиковъ. Дальше работали рисовальщики, мужчины и женщины, наводильщики печатныхъ рисунковъ и тѣ, что наводятъ „ка̀льки“.

Всѣ уже были въ сборѣ. И въ отдѣленіи точильщиковъ, у одного изъ оконъ, онъ сейчасъ же узналъ, со спины, худого малаго, Познякова, съ которымъ вчера разговаривалъ на берегу рѣки. Тотъ, безъ устали, вертѣлъ ногой, подъ столешницей своего станка, обдѣлывая не то лахань, не то миску.

И балагуръ Черновъ, сидѣвшій съ кофейникомъ въ рукахъ, повернулся къ нему своимъ пухлымъ, ухмыляющимся лицомъ.

Меньшовъ долженъ былъ докончить рисунокъ большого поливнаго камина въ русскомъ стилѣ. Вчера ему плохо работалось. И сегодня у него совсѣмъ не то на душѣ. Общій складъ этого камина, какой желаютъ имѣть техникъ и управляющій—ему не нравится. Онъ долженъ „приноровляться“ къ тѣмъ работамъ, какія уже были сдѣланы на заводѣ, въ такомъ же родѣ. А онъ находитъ ихъ грубыми, выборъ красокъ безвкуснымъ, слишкомъ много ненужныхъ орнаментовъ. Однимъ словомъ, „нажва̀кано“. Такъ онъ называлъ всегда нагроможденіе всякой всячины, въ

рисункахъ ли матерій, или въ проектахъ вотъ такихъ поливныхъ издѣлій.

Главному рисовальщику отведено было, за перегородкой, мѣсто у окна — тѣсноватое, зато свѣтлое и совсѣмъ въ сторонѣ. До него смутно доходилъ шумъ длинной комнаты, гдѣ работали больше женщины и подростки. Разговаривали вообще немного. Техникъ сильно покрикивалъ, если, при его обходѣ, „галдѣли". У точильщиковъ было еще тише.

Меньшовъ снялъ пиджакъ, надѣлъ парусинную блузу и сѣлъ работать у большого стола изъ бѣлаго дерева, гдѣ онъ наканунѣ приготовилъ нѣсколько листовъ толстой бумаги. На нихъ онъ долженъ былъ наносить части своего проекта и раскрашивать ихъ, послѣ того, какъ одобренъ будетъ общій рисунокъ.

Въ немъ оставалось додѣлать нѣкоторыя украшенія. У него выходило по-своему. Заданный ему образецъ стѣснялъ его. Сегодня онъ находилъ его еще грубѣе и безвкуснѣе, чѣмъ всѣ эти дни.

Съ своимъ недоконченнымъ наброскомъ онъ прошелъ черезъ мастерскія въ другое отдѣленіе, по ту сторону корридора. Тамъ— длинная кладовая для товара, еще не поступившаго въ склады. Въ крайнемъ углу клались и ставились крупныя поливныя вещи, изразцы, вазы, садовыя украшенія, иконостасы, печки.

На полу лежали и части монументальнаго камина, дѣланнаго по заказу какого-то милліонщика въ Москву, для столовой его новыхъ палатъ.

Вотъ въ такомъ же вкусѣ долженъ былъ и Меньшовъ готовить свой рисунокъ.

Онъ долго обходилъ со всѣхъ сторонъ части камина, положенныя такъ, что фасъ выступалъ во всѣхъ своихъ очертаніяхъ,—только добавочныя украшенія ютились по бокамъ.

„Экая безвкусица"!—вслухъ подумалъ онъ.

Выборъ красокъ и рисунокъ орнаментовъ сегодня возмущали его еще сильнѣе. И онъ долженъ брать этотъ вяземскій пряникъ за образецъ.

— Убирайтесь вы всѣ къ чорту!—почти крикнулъ онъ, уходя оттуда.

Свой набросокъ докончилъ онъ быстро, съ небольшимъ въ полтора часа, и въ подробностяхъ украшеній далъ волю своему вкусу. Онъ успѣлъ пройти, и красками, по доброй половинѣ рисунка, когда заслышалъ тяжелые и замедленные шаги на скрипучихъ подошвахъ.

Одна эта походка ученаго техника раздражала его. И сей-

часъ въ дверяхъ покажется его длинная фигура и безкровное, сѣрое лицо, въ картузѣ какого-то особеннаго покроя.

Этотъ обрусѣлый чухонецъ до сихъ поръ не прощаетъ того, что Меньшовъ не далъ себя „тыкать", и уже раза два хмуро и нескладно прохаживался насчетъ его „знатнаго происхожденія".

Если онъ позволитъ себѣ, вотъ сейчасъ, какую-нибудь выходку—добромъ дѣло не кончится!..

— Готово?—спросилъ техникъ, не здороваясь съ нимъ, съ картузомъ на головѣ.

— Осталось немного, — глухо выговорилъ Меньшовъ, не вставая съ мѣста.

— Покажите!

Хотя Меньшовъ почему-то считалъ его чухонцемъ, но техникъ говорилъ по-русски безъ всякаго акцента, только жесткимъ, отрывистымъ звукомъ.

— Да это чортъ знаетъ чтò такое!

Меньшовъ сильно поблѣднѣлъ.

— Иначе... я не умѣю... и не согласенъ,—успѣлъ онъ выговорить.

Губы его замѣтно вздрагивали.

— Да кто васъ спрашиваетъ вашего согласія?! — крикнулъ техникъ и бросилъ рисунокъ на столъ.—Ему платятъ деньги, которыхъ онъ не стоитъ, а онъ Рафаэля изъ себя корчитъ.

— Позвольте!—Меньшовъ схватилъ его за руку.

— Чтò еще!

Тотъ оттолкнулъ его. Его безцвѣтные глаза злобно замигали.

— А то, что вы не смѣете такъ кричать!

— Скажите пожалуйста! Прынцъ какой отъявился!.. По пачпорту податного сословія, а туда же!..

Меньшовъ кинулся къ нему и повалилъ табуретъ. Тотчасъ же у него перехватило дыханіе и потемнѣло въ глазахъ. Онъ опустился на край стола и больше уже ничего не помнилъ, чтò съ нимъ было.

V.

Въ дальней, самой большой залѣ при фабричной читальнѣ собрались на репетицію, утромъ лѣтняго воскресенья.

Кромѣ „áктеровъ" и „актёрокъ"—такъ ихъ звали рабочіе—пришла и публика поглядѣть и послушать, въ ожиданіи засѣданія, которое общество трезвости „Свѣтъ" будетъ имѣть тутъ же.

Сцена занимала глубину залы—широкая и низковатая, съ де-

кораціями и будкой суфлера. Стулья были приготовлены къ засѣданію. Между рампой и первымъ рядомъ стульевъ отвели пространство для стола и нѣсколькихъ креселъ.

Справа и слѣва шли ряды оконъ. Изъ первой, буфетной залы вели двое дверей.

Репетиція первой пьесы кончалась. Передъ суфлерской будкой, на стулѣ, плотно къ рампѣ, сидѣлъ „добрый баринъ“—Павелъ Павлычъ—и подсказывалъ.

Въ сторонѣ, у сцены, стоялъ управляющій и слѣдилъ за игрою. Онъ часто останавливалъ актеровъ, еще чаще актрисъ.

Шла двухъ-актная пьеса изъ жизни мелкихъ петербургскихъ чиновниковъ и лавочниковъ. Въ ней были заняты четверо или пятеро мужчинъ, и три дѣвицы.

Рабочіе—все молодой народъ—играли свободно. Одинъ, черноволосый, по фамиліи Бобровъ—даже очень бойко и убѣжденно. „Барышни“ все еще стѣснялись—по новизнѣ дѣла. Играть на фабрикѣ стали только съ новаго года.

Роли свои онѣ знали гораздо тверже мужчинъ, но говорили невнятно, почти безъ всякихъ интонацій, и рѣшительно не знали—куда имъ дѣвать свои руки.

Изъ нихъ побойчѣе читала высокая, худая „моталка“—Луша, не очень красивая, съ желтоватой кожей и маленькой бородавкой около лѣвой ноздри, но съ „манерами“. Она для праздника надѣла красное платье, сшитое театральнымъ сарафаномъ, съ батистовыми рукавами; на шею—тощую и сухую—бусы; а въ темнорусую косу вплела цвѣтную ленту.

Свою роль она говорила высокимъ жалобнымъ голосомъ; а глазами, въ то же время, плутовато улыбалась или поводила ими вправо и влѣво, хотя по пьесѣ и не нужно было вовсе никому дѣлать глазки.

— Луша!—крикнулъ ей управляющій.—Опять забыли?

— Чево, Сергѣй Сергѣичъ?

— Какъ *чево*?—ласково передразнилъ онъ:—опять „безпрѐмѣнно“?

— Простите, Христа-ради!..

Луша прикрыла глаза ладонью. Она, какъ и всѣ почти мужчины, никакъ не могла произнести слово „безпремѣнно“, съ удареніемъ на второмъ слогѣ, а не на третьемъ.

Точно также всѣ фабричные выговаривали „о̀тчасти“, съ удареніемъ на первомъ слогѣ.

— Господа! извольте пройти это явленіе!—пригласилъ ихъ Павелъ Павлычъ.—Мужчины еле плетутся. Такъ нельзя.

„Добрый баринъ“ втянулся незамѣтно въ это новое развлеченіе фабричныхъ. Они, каждый разъ, усердно просили его пожаловать на репетицію. Управляющій не всегда могъ приходить, за недосугомъ. Но дѣло держалось всего больше имъ. Онъ хлопоталъ объ устройствѣ сцены, давно мечталъ о постоянной труппѣ и часто приглашалъ изъ города настоящихъ актеровъ. И такіе „заправскіе“ и любительскіе спектакли были платные. Фабричные актеры—всѣ состояли при обществѣ трезвости—не только мужчины, но и „барышни“.

— Ну, Бобровъ! Костюкова! Начинайте еще разъ свою сцену!—скомандовалъ управляющій.

Костюковой значилась по фамиліи Луша. Ея партнеромъ былъ „первый сюжетъ“ труппы, ткачъ Бобровъ, красивый брюнетъ, одѣтый по воскресному, въ новый сѣрый пиджакъ и высокіе сапоги; изъ-подъ бортовъ пиджака выступалъ косой воротъ рубашки, расшитой цвѣтной бумагой.

Онъ больше всѣхъ остальныхъ входилъ въ роль. Его смуглое лицо нервно волновалось. Брови онъ сдвинулъ и всей посадкой стройнаго туловища хотѣлъ выразить—какъ онъ возмущенъ поведеніемъ той дѣвушки, которая съ нимъ кокетничала, а теперь пошла на попятный дворъ.

Его пріятеля по пьесѣ—„простака“—игралъ слесарь Чистяковъ, совсѣмъ юный на видъ, похожій на гимназиста, который одѣлся мастеровымъ. Онъ считался первымъ франтомъ во всей мастерской, и никто бы не сказалъ, что онъ всю недѣлю долженъ коптѣть около горна, въ дыму и копоти, съ перепачканнымъ лицомъ и руками.

Бѣлые, совсѣмъ кудельные волосы онъ плотно подстригалъ и былъ еще безусый. Одѣтъ онъ сегодня въ пальто изъ лѣтняго твина, прямо на матерчатый жилетъ, изъ-подъ котораго выпущена была свѣтло-голубая рубашка, также съ косымъ воротомъ, какъ и у Боброва, на сѣрыя панталоны, поверхъ сапоговъ, блестѣвшихъ свѣжей ваксой.

Чистяковъ игралъ веселаго и наивнаго молодого чиновника, и его жидкій голосокъ и тягучее произношеніе шли къ роли. Онъ могъ въ этой труппѣ любителей считать себя соперникомъ Боброва.

Роль зналъ онъ тверже другихъ мужчинъ, и кто-то съострилъ надъ нимъ въ началѣ репетиціи:

— Чистяковъ у насъ—что̀ твоя барышня—на зубокъ вызудилъ!

Управляющій былъ имъ доволенъ и находилъ, что онъ по-

нимаетъ, что̀ играетъ. Но послѣ сцены между любовниками, какъ только молодой чиновникъ началъ вести діалогъ съ дѣвицей, онъ остановилъ его построже:

— Чистяковъ!

— Что̀ прикажете, Сергѣй Сергѣичъ?

— Вы гдѣ учились?

— Въ школѣ здѣшней, а потомъ въ ремесленномъ училищѣ, —отвѣтилъ Чистяковъ, не зная, зачѣмъ это понадобилось Сергѣю Сергѣичу.

Другіе актеры и кое-кто изъ публики настроили себя шутливо и начали переглядываться.

— Книжки, я знаю, вы охочи читать.

— Охочъ! Охочъ!—проговорилъ кто-то внизу, въ залѣ.

Барышни, изъ актерокъ, начали прыскать.

— Небось и Герберта Спенсера читали?

— Читалъ-съ.

— Что̀ же именно?

— Объ изученіи соціологіи,—немножко сконфуженно выговорилъ слесарь.

— Словомъ, вы—интеллигентъ! А какъ вы произнесли слово: атлетъ?

— Я такъ и сказалъ.

— Нѣтъ, не такъ, а атлётъ, съ ё вмѣсто е.

Никто не засмѣялся: всѣ думали сами, что такъ и нужно.

— Это первое. А въ томъ дѣйствіи вы два раза выпалили афёры, также съ ё... Я только не хотѣлъ васъ останавливать.

И, повернувшись къ остальнымъ, онъ прибавилъ:

— И васъ, господа, я покорнѣйше прошу обратить на это вниманіе. Ежели вы играете крестьянина, рабочаго, мастерового—вы можете произносить по-своему. Но даже и швеи, и горничныя въ Петербургѣ не говорятъ „безпрѐмѣнно“ и „ѐтчасти“. И молодой человѣкъ, бывшій въ гимназіи, не долженъ произносить „атлётъ“ и „афёры“.

Чистяковъ пододвинулся къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ управляющій, и сталъ въ позу, выдвинувъ впередъ правую ногу.

— Позвольте вамъ доложить, Сергѣй Сергѣичъ,—началъ онъ, немного стѣсняясь:—„афёры“ не я одинъ произношу.

— Знаю, милый другъ, что всѣ фабричные такъ произносятъ. Но это не резонъ!

— У насъ въ училищѣ Семенъ Ильичъ...

— Кто такой?

— Учитель-съ... всегда говорилъ: „афёры“.

— Ну, и пускай—если ему это нравилось. А въ вашей роли это не полагается.

Управляющій весело засмѣялся. Чистяковъ отошелъ и, ставши опять въ позу, началъ вести сцену съ Лушей.

Минуты черезъ три, объясненіе молодого чиновника съ дочерью отставного офицера долженъ былъ—по пьесѣ—прервать приходъ старой кухарки.

— Ѳедосѣева!.. Ѳедосѣева, вамъ входить! — крикнулъ Павелъ Павлычъ и поднялся со стула.—Гдѣ Ѳедосѣева?

Въ глубинѣ кулисы стояла скамья. На ней присѣла молоденькая дѣвушка въ мантилькѣ и платочкѣ. Ей наскучило долго ждать своего выхода; она прислонилась головой къ кулисѣ и давно уже заснула.

Ее растолкали. Она сразу не могла придти въ себя и разобрать—гдѣ она. Нѣкоторые въ зрителяхъ были убѣждены, что такъ ей и слѣдовало, и она прекрасно представляетъ задремавшую кухарку.

На сценѣ всѣ разомъ расхохотались — и актриса совсѣмъ растерялась, а потомъ подбѣжала къ управляющему.

— Сергѣй Сергѣичъ! Простите, Христа-ради... Просто не взвидѣлась.

— А небось нужно было бы по пьесѣ—не съумѣли бы,— откликнулся онъ.

Роль свою эта худенькая блондинка знала „на зубокъ", но совершенно не умѣла измѣнить тона и говорила голоскомъ пятнадцатилѣтней дѣвочки.

Съ ней долго бились.

И послѣднюю сцену—довольно сложную—пришлось пройти спѣшно. Въ залѣ уже собралось много народу на засѣданіе, которое было назначено въ два часа.

Актеры и актрисы—ихъ было человѣкъ до десяти—окружили Сергѣя Сергѣевича, и онъ имъ далъ еще нѣсколько совѣтовъ и указаній. Подошелъ и Павелъ Павлычъ. Его благодарили за суфлерство и стали просить обоихъ назначить представленіе въ слѣдующее воскресенье. А они находили, что такъ нельзя являться передъ публикой. Срамить и себя, и то дѣло, которое имъ всѣмъ дорого.

Мужчины сейчасъ согласились, а актерки заговорили, что, какъ ихъ ни учи, онѣ лучше играть не будутъ, а роли свои онѣ и теперь вытвердили.

— За что деньги-то собирать будемъ?—строго окрикнулъ ихъ Бобро́въ, считавшійся и у нихъ, и въ обществѣ „башкой".

— Велика цѣна!—возразила Луша.

— Все равно, братцы,—остановилъ управляющій,—хотя бы и по двѣ копѣйки за билетъ,—а у насъ есть мѣста и по полтиннику,—нельзя въ такомъ видѣ...

— Ломать комедь!—подсказалъ Бобровъ.

— Вѣрно, вѣрно!—подхватили остальные актеры.

„Барышни" должны были сдаться и гурьбой сошли по лѣсенкѣ въ залу, гдѣ всѣ почти остались присутствовать на засѣданіи общества „Свѣтъ".

Луша первая запримѣтила въ дверяхъ театральной залы предсѣдателя общества трезвости Ивана Спиридонова.

Противъ третьяго года—передъ его болѣзнью—многое измѣнилось въ его наружности. Въ лицѣ онъ былъ такъ же худощавъ; но его не сразу бы узналъ тотъ, кто не видалъ его около двухъ лѣтъ. Иванъ брился и оставлялъ только довольно длинные усы. Лицо стало отъ этого короче. Онъ смотрѣлъ отставнымъ военнымъ. Лобъ открытѣе отъ порѣдѣлыхъ волосъ на взлобьи, но сѣдина еще не пробивалась. Въ тѣлѣ онъ немного пополнѣлъ.

И прежде, до своего „кризиса"—онъ самъ такъ выражался —онъ на людяхъ одѣвался аккуратно, носилъ больше блузу или пиджакъ съ косыми воротниками; но сразу былъ похожъ на фабричнаго.

Теперь онъ былъ одѣтъ такъ, что въ немъ не легко было бы сразу признать простого ткача и даже ткацкаго подмастерья. На немъ была лѣтняя пара изъ бумажной матеріи и крахмальная рубашка съ цвѣтнымъ галстухомъ. Онъ смотрѣлъ скорѣе конторщикомъ. Въ выраженіи глазъ, во всей посадкѣ тѣла, въ томъ, какъ онъ поднималъ голову и какъ ходилъ—проглядывало что-то новое. Онъ держалъ себя гораздо спокойнѣе и степеннѣе, и точно человѣкъ, постоянно находящійся при отбываніи какой-то обязанности.

А сегодня — и подавно. Общество „Свѣтъ" считалось его дѣтищемъ.

Онъ самъ, своей личной исторіей, служилъ живымъ и разительнымъ примѣромъ того, какъ можно побороть въ себѣ пагубную слабость къ водкѣ, къ той „ехиднѣ", которая гложетъ, изъ года въ годъ, сотни тысячъ русскаго люда и въ деревняхъ, и на фабрикахъ. На себѣ самомъ испыталъ онъ всю глубину паденія пропойцы, дошелъ до „душегубства", и вотъ теперь онъ—на виду своихъ товарищей и начальства, и всѣхъ „право-

славныхъ хрестьянъ"—преобразился и считается первымъ борцомъ за безусловную трезвость.

Всю свою душу полагалъ онъ на хлопоты объ основаніи общества: производилъ пропаганду, читалъ и раздавалъ брошюры, набиралъ членовъ, устраивалъ совѣщанія, привлекъ и рабочихъ изъ другихъ фабрикъ и заводовъ и довелъ—въ первую половину существованія общества—число членовъ и соревнователей до четырехсотъ человѣкъ—мужчинъ и женщинъ. При *его* обществѣ составился и кружокъ любителей изъ рабочихъ и работницъ. Съ осени прошлаго года вотъ въ этихъ залахъ состоялся цѣлый рядъ спектаклей, вечеровъ, засѣданій, чтеній съ туманными картинами. Если до сихъ поръ не было настоящихъ лекцій, то потому, что добиваться разрѣшенія—трудно и мѣшкотно. Но онъ еще третьяго дня былъ у Сергѣя Сергѣевича въ конторѣ, и они составляли списокъ книгъ, откуда можно будетъ читать публично—для отправки его въ округъ.

Иванъ оглядѣлъ залу. Народъ сбирался туговато. Когда онъ проходилъ читальней—тамъ сидѣло нѣсколько человѣкъ за столомъ, съ газетами, и двое играли въ шашки.

Сегодня засѣданіе—важное. Кромѣ выборовъ кандидата въ кассиры и члена правленія, вмѣсто выбывшаго за болѣзнью—предстояли пренія по проекту, который онъ же обдумывалъ въ послѣднее время.

Пора положить основаніе настоящей „самопомощи", чтобы враги общества не суесловили—что, молъ, ничего путнаго не дѣлается, а только одни пустячки — „чорта тѣшатъ" — актерствомъ забавляются, да танцуютъ, да спѣвки устраиваютъ. И безъ того къ Пасхѣ отпало — шутка сказать! — до сорока членовъ, а общество существуетъ всего одинъ годъ.

Видно, не въ моготу выдержать! Врагъ силенъ, гнусная страсть въѣдалась отъ отца къ сыну. Нельзя было и давать поблажку тѣмъ, кто продолжалъ, подъ шумокъ, попивать. Пришлось изъ этихъ сорока отпавшихъ членовъ исключить около десяти человѣкъ.

За это—онъ знаетъ—его многіе поносятъ: „Спиридоновъ-де, что твой хожалый, шпіонитъ, подглядываетъ, уличаетъ, выводитъ на свѣжую воду".

Какая сладость ловить и наказывать? Но какъ было иначе поступать ему — предсѣдателю, — коли всѣ эти провинившіеся члены явно преступили свое формальное обязательство быть трезвыми? Не онъ за ними шпіонитъ, а они сами на міру приня-

лись за прежнее и были усмотрѣны въ нетрезвомъ видѣ. Такихъ членовъ обществу не надо!

А кровные враги „Свѣта", промышляющіе сивухой? Не то что ужъ кабатчики—трактирщики, и тѣ до того дошли, что чуть не гоняютъ отъ себя членовъ, изъ своихъ заведеній, когда тѣ зайдутъ напиться чаю. Соблазняютъ теперь народъ пуще прежняго, даютъ подъ чай и сахаръ гораздо тароватѣе, и принимаютъ подъ закладъ всякое дрянцо—даже въ убытокъ себѣ, только бы ходили къ нимъ.

Самую надежную поддержку могутъ оказывать женщины. Поэтому онъ и старался привлекать ихъ—и замужнихъ, и „барышенъ". Для нихъ театръ и вечеринки — главная приманка. И „актерокъ" онъ особенно отличалъ, и чуть которую поймаетъ подмастерье на работѣ—съ ролью въ рукахъ—особенно изъ мотaлокъ -- онъ первый за нихъ заступится.

Иванъ, изъ актрисъ, чаще разговаривалъ съ Лушей. Онъ находилъ ее „занятнѣе" другихъ и замѣчалъ, что она съ нимъ всегда почтительна и говоритъ складно, спрашиваетъ его мнѣнія—какую книжку прочесть. Объ ней, кажется, ничего зазорнаго не слышно, живетъ при родителяхъ, а не въ холостой каморкѣ и съ молодыми ребятами держитъ себя хоть и свободно, но безъ всякаго „охальства".

Въ проходѣ между окнами и рядами стульевъ Луша повстрѣчалась съ нимъ.

Онъ обратилъ вниманіе на ея сарафанъ. Въ немъ Луша показалась ему красивѣе обыкновеннаго.

Луша улыбнулась ему, когда отдавала поклонъ.

Иванъ пожалъ ей руку.

— Вотъ, Иванъ Прокофьичъ, изъ-за вашего засѣданія мы репетицію скомкали! — сказала она, видимо заигрывая съ нимъ.

— Вечеромъ соберитесь. Намъ ждать нельзя, барышня.

— Сергѣй Сергѣичъ не позволяетъ въ воскресенье играть.

— Значитъ, плохо, коли не позволяетъ.

— Все, видите ли, изъ-за женскихъ ролей.

— Преуспѣвать надо! — шутливо отозвался Иванъ и прошелъ къ сценѣ, гдѣ сейчасъ же надо было распорядиться.

Кто-то, слѣва отъ окна, окликнулъ его.

Настасья Ильинишна кланялась ему. Она сидѣла въ одномъ ряду съ нѣсколькими фабричными женщинами.

Иванъ подумалъ о своемъ письмѣ на фарфоровый заводъ.

Старушка показалась ему совсѣмъ хилой. Она сидѣла, сгорбившись на стулѣ, желтая и сморщенная.

— Какъ ваше здоровье, Настасья Ильинишна? — спросилъ онъ заботливо, наклонившись передъ ней.

— Плохо. Шлютъ меня въ Самару, на кумысъ.

— Что-жъ! Большую пользу можетъ принести.

— Вотъ подожду Антошу, — выговорила она потише и поглядѣла на него.

— А нѣшто онъ сбирался?

Иванъ отвѣта отъ него не получилъ, что̀ его немножко обидѣло; но онъ зналъ, что его „цыдулька“ подѣйствуетъ.

— Проститься со мною.

— Можетъ, и останется.

— Ужъ право не знаю, Иванъ Прокофьичъ.

И какъ бы желая замять этотъ разговоръ, Настасья Ильинишна подалась къ нему и вполголоса спросила:

— Сегодня будете вашъ проектъ предлагать?

— Да думаю ныньче... ежели выборы не затянутся.

— Хорошая идея!..

Она знала, въ чемъ дѣло, отъ старшей учительницы. Обѣ онѣ состояли членами общества „Свѣтъ“.

— Надежда Николавна одобряютъ сильно,—сказалъ Иванъ и, какъ разъ, въ эту минуту, увидалъ, у другой стѣны, ближе къ сценѣ—плотную фигуру своей „сочувственницы“.

Вознесенская поклонилась ему съ мѣста. Она пришла поддержать его, если будутъ сильныя возраженія.

— Да, Настасья Ильинишна... вотъ мнѣ сейчасъ припомнился разговоръ... съ вашимъ пріемнымъ сыномъ—ровно два года назадъ... когда Антонъ Егорычъ здѣсь мѣсто получилъ, а меня произвели въ подмастерья. Тогда ужъ у меня было помышленіе о такой вотъ взаимопомощи. И общество трезвенниковъ представлялось мнѣ. Одно дѣло ужъ на лицо. Другое—съ Божьей помощью—отвоюемъ.

— Надежда Николавна горой стоитъ за это.

— И вы поддержите?

— Мнѣ куда ужъ! Слышите, насилу говорю — всю грудь заложило. Добраго успѣха!

Она пожала ему руку. Иванъ прошелъ къ тому мѣсту, гдѣ поставили столъ и стулья для членовъ правленія. Секретарь раскрывалъ бумаги.

Сцена уже опустѣла, но всѣ актеры и актрисы остались на засѣданіе.

VI.

Собралось до сотни однихъ членовъ общества „Свѣтъ“. Съ посторонними—подростками, дѣвчатами, „барышнями“—до статридцати человѣкъ. Женщины держались вдоль стѣнъ. Изъ „актерокъ“ двѣ-три, въ томъ числѣ и Луша—сидѣли кучкой, слѣва, недалеко отъ сцены, противъ двери за кулисы. Онѣ потихоньку шушукались.

Изъ актеровъ Бобровъ — „первый сюжетъ“ — очутился въ концѣ залы, по самой срединѣ, въ предпослѣднемъ ряду. „Простакъ“ Чистяковъ подсѣлъ къ актрисамъ.

Рядовъ пятнадцать стульевъ, съ проходомъ по срединѣ—были заняты, на двѣ трети, въ разсыпную—по срединѣ погуще. За столомъ правленія сидѣло пять человѣкъ. Иванъ—на предсѣдательскомъ мѣстѣ. Выдѣлялась волосастая бѣлокурая голова кассира—красиваго ткача, съ рыжеватой длинной бородой.

Всѣ члены пріодѣлись. Но красныя рубашки преобладали подъ пиджаками и пальто въ накидку. Было не мало пожилыхъ рабочихъ, съ угрюмыми и хмурыми лицами. Пришло человѣкъ до двадцати фабричныхъ изъ сосѣдней прядильни.

Иванъ приподнялся и зазвонилъ въ колокольчикъ, чтобы прекратился гулъ залы. Не сразу улегся гулъ, и онъ позвонилъ еще разъ, посильнѣе, и даже пустилъ слегка звукъ: „ш-ш-ш“.

Глаза его возбужденно оглядывали всю залу. Ему опять припомнилась та бесѣда съ Меньшовымъ въ трактирѣ „Казбекъ“, о которой онъ сейчасъ упомянулъ, когда говорилъ съ Настасьей Ильинишной.

Чѣмъ онъ былъ полтора года назадъ и чѣмъ сталъ! Изъ ничего выросло цѣлое общество, имѣетъ имя, печатный уставъ, находится въ полномъ ходу; въ кассѣ лежатъ нѣсколько сотъ рублей, и капиталъ этотъ долженъ рости. Отпали члены, неспособные къ болѣе строгой жизни—нужды нѣтъ! Вновь поступать будутъ настоящіе трезвенники. И то, что̀ онъ сбирается предложить собранію—закрѣпитъ ихъ союзъ и сдѣлаетъ жизнь общества еще болѣе привлекательной для всякаго, у кого есть мозги и водка не затопила разумъ и совѣсть.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ предсѣдатель „Свѣта“, Иванъ сталъ какъ-то иначе говорить. Голосъ у него сильнѣе и громче, произноситъ онъ вразумительно, точно читаетъ и старается выражаться отборными словами. Но внутренно онъ всегда волнуется, и рѣчь, отъ напряженія, не течетъ у него такъ плавно, какъ у

другихъ, простыхъ членовъ правленія—вотъ хоть бы у ткача Боброва, которому онъ втайнѣ завидуетъ; но недобраго чувства къ нему не имѣетъ. Сегодня онъ желаетъ самъ предложить его въ члены. Незамѣтно Иванъ, въ послѣдніе три мѣсяца, сталъ думать и рѣшать за все общество, и совѣщанія правленія велъ такъ, что остальные члены только слушали и соглашались.

Выборы должны производиться сначала по запискамъ; потомъ тѣ, кто получатъ самое большое число голосовъ, баллотируются шарами.

Такъ стоитъ и въ уставѣ.

Но по запискамъ — „возня", да есть и не мало плохо-грамотныхъ, которыхъ затрудняетъ писать фамилію своего кандидата. Для баллотировки, до сихъ поръ еще, не заказанъ ящикъ съ шарами; да и стоитъ ли идти на такую „затѣю".

И въ засѣданіи правленія Иванъ первый указалъ—кого бы слѣдовало предложить. Возраженій не было, и онъ считалъ себя въ правѣ руководить и въ этомъ общемъ собраніи.

— Вамъ извѣстно, друзья,—началъ онъ говорить, стоя и немного покачиваясь взадъ и впередъ,—что слѣдуетъ, сегодняшняго числа, выбрать въ двѣ должности — члена правленія и помощника *кастира*.

Вмѣсто „кассиръ" онъ выговаривалъ „кастиръ", какъ многіе другіе фабричные, хотя и зналъ, что писать надо это слово безъ буквы „т".

— И вотъ, друзья, мнѣ такъ думается, что лучше всего будетъ изъ нашихъ собратьевъ почтить выборомъ двоихъ—Пантелея Николаева (онъ повернулъ голову вправо, къ первому ряду стульевъ) на должность помощника „кастира", и Григорія Боброва —въ члены. Оба они вамъ достаточно извѣстны какъ вполнѣ... такъ сказать... достойные вашего довѣрія.

Онъ остановился и, оглядѣвъ залу, спросилъ увѣреннѣе и громче:

— Такъ какъ же, друзья? Желаете ли вы почтить своимъ избраніемъ этихъ именно сочленовъ нашихъ?

— Прошу слова у господина предсѣдателя.

Поднялъ руку и привсталъ слесарь Чистяковъ и весь вспыхнулъ.

— Говорите... я даю вамъ слово.

Иванъ произнесъ это нѣсколько торжественно.

Слесарь взялся за спинку свободнаго стула, передъ собою, и, переминаясь, прошелся ладонью руки по своимъ короткимъ бѣлымъ волосамъ.

— Господа!—почти крикнулъ онъ высокимъ фальцетомъ, и обернулся къ залѣ. — Господа! Предсѣдатель общества предложилъ вамъ, значитъ, выбрать двоихъ. По уставу такъ и слѣдуетъ. Но почему же, Иванъ Прокофьичъ, сейчасъ же—не дожидаясь, кого вы сами найдете подходящимъ что-ли... и прямо говорить: вотъ, молъ, я вамъ рекомендую такого-то и такого-то? Такой порядокъ не въ правилахъ... И не по уставу. Слѣдуетъ писать записки. А потомъ... чтобы баллотировка была.

Чистяковъ сильно волновался и даже отеръ лобъ платкомъ; но онъ довелъ свою рѣчь до конца.

Иванъ усмѣхнулся, и отвѣчалъ не ему, а всей залѣ.

— Вы слышали, друзья, возраженіе? Какъ будто я желаю превысить власть?.. Коли вы правленію довѣряете, я самъ отъ себя никого не навязываю. А чтобъ облегчить процедуру...

— Извѣстное дѣло! Изъ-за чего канителить съ записками!— крикнулъ кто-то на среднихъ рядахъ стульевъ.

— Мы довѣряемъ!—раздался голосъ слѣва.

— Мы вамъ благодарны за довѣріе,—продолжалъ Иванъ, поглядывая въ сторону слесаря.—И впередъ постараемся оправдать себя въ вашихъ глазахъ. Опять же будетъ баллотировка. Никто никого не нудитъ подавать свой голосъ за Петра или за Павла. Вотъ еслибъ я объявилъ: извольте, молъ, выбирать такихъ-то—и безъ всякихъ разговоровъ.

— А то какже? Такъ и выходитъ!—раздался справа очень молодой голосъ.

Но это не былъ голосъ Чистякова.

Иванъ сильно позвонилъ.

Брови его пришли въ движеніе, и онъ пристально взглянулъ въ ту сторону.

— Позвольте! Милостивые государи! Такъ нельзя! Ежели кто желаетъ говорить—тотъ долженъ просить слова. И опять же когда? Когда говорящій кончитъ. Особливо коли это предсѣдатель. Я васъ, милостивые государи, всепокорнѣйше прошу этого себѣ не позволять. Я еще не кончилъ.

— Мы слушаемъ! Извѣстно, нельзя такъ!—раздалось съ разныхъ сторонъ.

— Мнѣ слѣдуетъ сейчасъ же дать отпоръ на такое форменное обвиненіе. Противъ меня, какъ предсѣдателя, выступаютъ, въ такомъ смыслѣ, что я какъ бы вамъ приказываю выбирать—кого мнѣ заблагоразсудится. Это слишкомъ даже обидно!

Щеки Ивана разгорѣлись, и онъ весь пришелъ въ замѣтное волненіе.

— Слишкомъ даже обидно! И за себя лично, и за всѣхъ моихъ сотоварищей по правленію. И нѣшто я въ первый разъ это дѣлаю? И въ позапрошлое собраніе, когда предстояла тоже баллотировка, вы, друзья, обращались прямо къ намъ и желали, чтобъ мы помогли вамъ, указали бы, кого мы считаемъ самыми почтенными и во всѣхъ статьяхъ годящимися. Такимъ же точно манеромъ и нынче. И никакого у меня и помышленія не было представлять изъ себя такого набольшаго!

Поднялся съ своего мѣста Бобровъ и подалъ знакъ, какъ только Иванъ сдѣлалъ передышку, но, повидимому, не совсѣмъ еще кончилъ.

— Вамъ желательно говорить?—громко окликнулъ его Иванъ.

— Да, я прошу слова.

Бобровъ, и по лѣтамъ, и по работѣ, стоялъ гораздо ниже Ивана. Онъ могъ бы окликнуть Боброва и па „ты", но съ нимъ онъ держался на деликатности. Бобровъ жилъ на фабрикѣ съ небольшимъ годъ и работалъ раньше на одной изъ подмосковныхъ прядильно-ткацкихъ мануфактуръ. Очень скоро онъ сдѣлался вліятельнымъ между парнями, а барышни всѣ за нимъ увивались. И талантъ у него открылся по актерской части. Въ пѣвческомъ хорѣ онъ тоже былъ одинъ изъ лучшихъ, и его прочили въ помощники регента. На послѣднемъ спектаклѣ онъ имѣлъ шумный успѣхъ, играя Петра въ „Не такъ живи, какъ хочется"—Островскаго.

— Съ моимъ удовольствіемъ!—сказалъ Иванъ, дѣлая движеніе правой рукой, и опустился на стулъ.

Всѣ стали оборачиваться въ ту сторону, откуда раздался голосъ Боброва.

Онъ тоже взялся рукой за спинку порожняго стула, но на его смугломъ и красивомъ лицѣ, съ острымъ взглядомъ большихъ глазъ, ни одна жилка не дрогнула. Голову откинулъ онъ нѣсколько назадъ.

Рѣчь его зазвучала полной грудью. Онъ владѣлъ собою. Словъ и выраженій онъ не искалъ, какъ Иванъ и другіе, а умѣлъ говорить легко и значительно. И на прежнихъ собраніяхъ онъ уже выступалъ, и всѣ, даже и самые строгіе судьи, находили, что онъ—„мастакъ говорить". Это сейчасъ же чувствовалось и въ очень спокойной увѣренности его тона.

Иванъ, съ своего мѣста, замѣтилъ, что Надежда Николаевна перемѣнила мѣсто, чтобы сѣсть поближе къ Боброву. И Настасья Ильинишна поднялась со стула.

И всѣ „актерки“ притихли и разомъ повернули головы въ его сторону.

— Позвольте, господа,—началъ, откашлявшись, Бобровъ,— и мнѣ отозваться на то, что̀ сейчасъ вышло между предсѣдателемъ и тѣми, кто выразилъ недовольство. И чтобы быть совсѣмъ въ сторонѣ, я сначала заявляю, что еслибы вы и выбрали меня сегодня, я долженъ былъ бы отказаться отъ такой чести.

— Почему?—крикнулъ кто-то.

Бобровъ улыбнулся и поправилъ курчавые волосы, сползшіе на лобъ.

— А потому,—отвѣтилъ онъ,—что за двумя зайцами гнаться не полагается, господа! Члену правленія надобно свободное время, а у меня его, какъ разъ, и нѣтъ. Первымъ дѣломъ, я по пѣвческому хору занятъ, вторымъ—въ труппѣ. Ни того, ни другого бросать не желательно. Стало, надо отказаться, господа, отъ большой чести быть членомъ правленія.

Боброва стали упрашивать сидѣвшіе ближе къ нему.

Раздался опять нервный звонокъ предсѣдателя.

— Милостивые государи!—крикнулъ Иванъ.—Разомъ нельзя всѣмъ говорить. Прошу сѣсть и не нарушать порядка.

Не сразу всѣ замолчали и сѣли на мѣста. Бобровъ продолжалъ стоять въ той же позѣ, держась лѣвой рукой за спинку свободнаго стула. Его смуглое лицо немного разгорѣлось и глаза блестѣли отъ внутренняго довольства такой оваціей.

Въ углу актерокъ замѣтно было сильное возбужденіе. Луша что-то шептала на ухо той бѣлокурой дѣвушкѣ, что̀ заснула во время репетиціи. Съ ними переглядывался, какъ ихъ товарищъ, слесарь Чистяковъ. Для него Бобровъ былъ опасный соперникъ во всѣхъ смыслахъ, но онъ его „уважалъ“ и даже хвалился имъ въ слесарной мастерской, когда рѣчь заходила о ихъ труппѣ.

— Позвольте!—заговорилъ опять Иванъ, обращаясь къ Боброву черезъ всю залу.—Собраніе обижается вашимъ отказомъ. Мы промежъ себя... въ правленіи такъ мека̀ли, что ваши занятія, и по хору, и по актерской части, не будутъ большой помѣхой. Потому какъ члены правленія только засѣдаютъ, а особенныхъ обязанностей на нихъ не возлагается, какъ, напримѣръ, хоть на кастира или на предсѣдателя. Но мы, друзья,— Иванъ обвелъ взглядомъ всю залу,—не можемъ никого силою тащить. Совѣсть у каждаго своя, и ее надо уважать.

Онъ посмотрѣлъ направо, гдѣ торчала стриженая, полудѣт-

ская голова слесаря, и продолжалъ въ другомъ тонѣ—медленнѣе, съ желаніемъ подыскать такія слова, которыя были бы „въ самую цѐнтру“.

— И между прочимъ, милостивые государи,—началъ онъ,—нѐшто то, что̀ вотъ сію минуту, на вашихъ глазахъ произошло, какъ Боброва стали упрашивать и не одинъ человѣкъ, а навѣрно больше половины всѣхъ членовъ въ такихъ чувствахъ были—нешто такое выраженіе этихъ самыхъ чувствъ не показываетъ вамъ, какъ мы были правы, предложивъ вамъ его кандидатомъ въ члены правленія? Намъ это чрезвычайно лестно. И не нужно намъ другого оправданія. Значитъ, мы угадали чувства и мысли всего общества. Попали въ самую, такъ сказать, точку! Слѣдственно, изъ-за чего же вашему предсѣдателю было выслушивать такія... какъ бы это сказать... нареканія, что-ли? Членовъ правле̇нія, во всякомъ случаѣ, я долженъ совсѣмъ выгородить и всю вину взять на одного себя, коли я въ чемъ-нибудь провинился. Не сласть мнѣ—совсѣмъ напротивъ!

Иванъ ожидалъ, что будутъ знаки одобренія его словамъ. Никто не захлопалъ, но нѣсколько головъ стали ему кивать въ знакъ одобренія. Онъ взглянулъ налѣво, гдѣ сидѣла Надежда Николаевна. Лицо у нея порозовѣло отъ жары и глаза блестѣли. Но выраженіе на немъ было такое, что онъ не могъ бы сказать навѣрное—стоитъ ли она на его сторонѣ безусловно, или нѣтъ.

Нѣсколько подальше, около окна, выставлялись двѣ женскихъ головы—обѣ въ платкахъ, одна въ свѣтломъ ситцевомъ платкѣ, другая въ шолковомъ. Онъ узналъ въ первой Степаниду—свою бывшую сожительницу по каморкѣ, все такую же свѣжую и красивую. Она съ замѣтнымъ оживленіемъ своего полнаго лица и большихъ круглыхъ глазъ слѣдила за всѣмъ, что̀ говорили. Рядомъ сидѣла его пріятельница—ткачиха Анисья Авакумова, его ближайшая знакомая, тихая, степенная женщина, слабаго здоровья, но хорошая работница, жена красильщика. Анисья очень полюбила его дочь Машутку и часто зоветъ къ себѣ въ гости, по воскресеньямъ.

И бѣлокурая голова Машутки виднѣлась тутъ же. Но теперь она уже почти взрослая дѣвица, причесана съ кучкой на маковкѣ, въ хорошенькомъ голубомъ платьицѣ, какъ настоящая ученица изъ швейной мастерской. Она вся раскраснѣлась, волнуясь за отца.

Хотя и не раздалось шумнаго одобренія заключительнымъ словамъ Ивана, но онъ не считалъ себя нисколько побитымъ.

Съ такимъ же чувствомъ своего предсѣдательскаго значенія взялся онъ за колокольчикъ, чтобы предложить вмѣсто Боброва другого ткача, тоже изъ актеровъ, молодого же малаго, совсѣмъ трезваго и большого грамотѣя. На совѣщаніи, въ правленіи, о немъ не было рѣчи, но Иванъ бралъ это на себя.

И только-что онъ взялся за колокольчикъ, Бобровъ — все еще не садясь—протянулъ впередъ руку, прося слова.

Отказать ему не было причины.

— Вы желаете говорить?—спросилъ Иванъ, съ приподнятой правой бровью, несовсѣмъ довольнымъ звукомъ.

— Не насчетъ себя,—отозвался Бобровъ.—Обо мнѣ больше чтд же толковать. За честь много благодаренъ; а отказомъ прошу покорнѣйше не обижаться. Но я попросилъ слова у господина предсѣдателя насчетъ именно того, о чемъ онъ сейчасъ говорилъ. Это, господа,—онъ провелъ рукой чисто ораторскимъ жестомъ, — вопросъ самоважнѣйшій. И надо его досконально выяснить и разъ навсегда утвердить.

По залѣ прошло движеніе. Головы направились въ сторону говорившаго.

— По какому же собственно вопросу? — остановилъ предсѣдатель.

— Да все по тому же, Иванъ Прокофьичъ. Позвольте вамъ сказать — вы напрасно считаете, что собраніе поддержало васъ досконально и тѣмъ именно, что такъ почтило меня. Тутъ, братцы, дѣло не во мнѣ. Не Бобровъ, не Ивановъ, не Сидоровъ тутъ замѣшаны; а ваши права. Общество наше—совсѣмъ новое. Существуемъ мы какой-нибудь годъ. И вотъ уже заводятся у насъ порядки, которыхъ никакъ нельзя одобрить. На нихъ-то я указываю вамъ, господа!

Стриженая голова слесаря выплыла справа и стала кивать кучкѣ актрисъ.

— Иванъ Прокофьичъ — предсѣдатель, это точно. Но его права обозначены въ уставѣ. Противъ него самого никто ничего не имѣетъ. Мы всѣ знаемъ и понимаемъ—какія за нимъ есть заслуги. Какъ онъ порадѣлъ для нашего общества—извѣстно не на одной нашей мануфактурѣ, но и во всей округѣ! Все это при немъ и останется въ неприкосновенности. А все-таки имѣетъ ли предсѣдатель право—хотя бы и съ согласія другихъ членовъ правленія—прямо называть своихъ кандидатовъ?

— Вы кого же это спрашиваете?—откликнулся Иванъ, приставъ.

— Спрашиваю я, Иванъ Прокофьичъ, не васъ самихъ, а

все собраніе. И не только спрашиваю, а предлагаю собранію рѣшить это сейчасъ же, какъ вопросъ первѣйшей важности.

— Ставить вопросъ имѣетъ право одинъ предсѣдатель!— нервнѣе остановилъ его Спиридоновъ.

— Я васъ и прошу поставить этотъ вопросъ.

— По уставу, — тотчасъ же перебилъ его Иванъ,— всякій такой вопросъ надо предварительно обсудить въ совѣтѣ и поставить на аншлàгъ за недѣлю.

— Положимъ хоть и такъ, — отвѣтилъ Бобровъ, замѣтно улыбнувшись и не теряя своей увѣренности.—Но разъ уже здѣсь пошла объ этомъ разноголосица—собраніе, быть можетъ, и допуститъ безотлагательно подтвердить то, что находится въ уставѣ? А то какже, господа,—обратился Бобровъ къ залѣ:—вѣдь можетъ случиться, что и опять на слѣдующемъ общемъ собраніи, передъ выборами, выйдетъ такой казусъ.

— Правильно! Правильно! —крикнули нѣсколько человѣкъ.

— Поставить вопросъ! — рѣзкой фистулой взвился голосокъ слесаря.

Онъ вскочилъ и порывисто сталъ говорить съ тѣми, кто сидѣлъ около него.

Иванъ началъ усиленно звонить.

Слѣва одинъ изъ членовъ совѣта мигнулъ ему.

— Надежда Николавна хочетъ говорить. Знакъ дѣлаетъ.

Онъ быстро обернулся въ ея сторону.

— Вамъ угодно? — спросилъ онъ ее и опять взялся за колокольчикъ.

Вознесенская поднялась со стула. И какъ только зала замѣтила это—всѣ примолкли.

— Вы позволите,—начала она въ сторону Боброва,—сказать нѣсколько словъ по этому же вопросу?

Она произносила, какъ всегда, внятно, отчетливо, какъ въ классѣ; но подъ ея дикціей болѣе тонкое ухо распознало бы легкое волненіе.

— Сдѣлайте одолженіе! — отозвался Бобровъ. — Какъ предсѣдателю будетъ угодно,—добавилъ онъ, улыбнувшись красивыми глазами.

— Надежду Николавну собраніе выслушаетъ съ полной охотой,—заговорилъ Иванъ болѣе тревожнымъ тономъ. И, поднявъ голову, спросилъ Боброва черезъ всю залу: — Такъ вы больше ничего не имѣете сказать?

— Коли будутъ пренія, — я не откажусь принять въ нихъ участіе. Но теперь я уступаю свое слово,—сказалъ Бобровъ.

Наступила полная тишина.

— Если я попросила слова, друзья мои,—начала Надежда Николаевна и провела рукой по лицу,—то не изъ желанія вмѣшиваться въ ваши внутреннія дѣла. Отъ меня далека всякая мысль руководить вами. Вы—не дѣти, не маленькіе. Тѣ, кто сидѣли на школьной скамьѣ—давно уже отцы семействъ и должны жить и дѣйствовать, и устроивать жизнь своимъ умомъ.

По залѣ пробѣжалъ сдержанный одобрительный смѣхъ.

— Но я,—продолжала она, возвышая голосъ,—членъ вашего общества, которому глубоко сочувствую во всѣхъ его цѣляхъ и начинаніяхъ.

Въ углу молодежи нѣсколько рабочихъ захлопали. Актрисы шумно поддержали ихъ. И вся зала начала рукоплескать. Надежда Николаевна, съ блестящими глазами, благодарила наклоненіемъ головы.

Иванъ почувствовалъ вдругъ, что его точно что кольнуло въ грудь. И краска бросилась ему въ лицо.

Неужели это зависть? Неужели онъ способенъ недобро отнестись къ своей „сочувственницѣ“, къ той самой Надеждѣ Николаевнѣ, кто, съ малыхъ его лѣтъ, неизмѣнно благоволила къ нему и въ послѣдній его душевный переворотъ такъ сердечно поддерживала его? Еслибы не она—онъ бы не поднялся. Да и на фабрикѣ, въ глазахъ хозяевъ, директора, управляющаго, всѣхъ, отъ кого зависитъ судьба рабочаго—такъ скоро не добился бы прежняго положенія. Онъ опять поставленъ на отвѣтственную должность, служитъ теперь смотрителемъ въ прядильномъ отдѣленіи и жалованье получаетъ больше прежняго, и дана ему одному—съ дочерью—отдѣльная квартирка въ двѣ комнаты.

Стыдно ему сдѣлалось. Онъ даже закрылъ глаза ладонью—точно отъ свѣта, проникавшаго слѣва, а на самомъ-то дѣлѣ отъ душевнаго смущенія.

Но онъ не хотѣлъ лгать передъ самимъ собою — его рѣзнуло по сердцу отъ этого дружнаго и неожиданнаго взрыва рукоплесканій. Ее больше любятъ, почитаютъ и готовы слушать, чѣмъ его, даже и члены изъ сосѣдней прядильни, изъ тѣхъ, кто никогда не бывалъ въ ея ученикахъ.

Онъ уже сознательно и энергичнѣе пристыдилъ себя. Не „гоже“ это, да и глупо въ концѣ концовъ. Развѣ онъ можетъ сказать, навѣрняка, въ какомъ смыслѣ будетъ Надежда Николаевна вести свою рѣчь—за него или противъ него? Ежели она довѣряетъ его постоянному желанію служить дѣлу общества, безъ

всякихъ личныхъ видовъ — она скажетъ что-нибудь и въ его защиту.

И, не отнимая ладони отъ глазъ, онъ напряженно сталъ слушать ее.

— Для васъ, друзья мои,—разносился голосъ Надежды Николаевны, — общество, учрежденное вами—первая, по времени, школа самоуравненія. Вы должны воспитать себя, пріучиться къ исполненію вашихъ обязанностей и къ защитѣ вашихъ правъ.

„Куда она поворачиваетъ? — спрашивалъ Иванъ, начиная испытывать болѣе жгучее безпокойство.—Не такой она человѣкъ, чтобы стала вилять или говорить зря, только чтобы самоё себя тѣшить. У нея, непремѣнно, есть что-нибудь въ головѣ готовое. Но что̀"?

— Надо, господа, съ уваженіемъ относиться къ своему праву. Не поддаваться природному благодушеству. Это, быть можетъ, и похвальная черта нашего народнаго характера—широко смотрѣть на всякій формализмъ...

Иванъ отнялъ ладонь отъ глазъ и поглядѣлъ на залу. Всѣ обернули головы къ Надеждѣ Николаевнѣ. Отъ сердца у него какъ будто немножко отлегло. Онъ понялъ послѣднія слова въ сочувственномъ себѣ смыслѣ.

— Но исполненіе духа устава, или какого бы то ни было уговора, соглашенія, что-ли,—не есть формализмъ.

Опять Ивану начало дѣлаться жутко: онъ зачуялъ въ доводахъ своей руководительницы что-то похожее на протесты слесаря и Боброва.

Поглядѣть въ сторону говорившей онъ не рѣшался. Ему слишкомъ было бы прискорбно на лицѣ Надежды Николаевны видѣть что-нибудь прямо враждебное.

Но голосъ ея звучалъ ровно, значительно, безъ всякаго раздраженія, безъ всякой личной ноты. Она хочетъ говорить только правду, какъ она ее понимаетъ.

— Нѣтъ, друзья, это не формализмъ—ревниво ограждать всѣ свои законныя права, не выполнять, спустя рукава, ничего такого, что̀ составляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вашу обязанность. Вы здѣсь всѣ почти крестьяне, члены сельской общины. У васъ есть міръ, сходка. Вы имѣете право рѣшать свои дѣла на этихъ сходкахъ, по совѣсти, и каждый плательщикъ даетъ свой голосъ, участвуетъ въ приговорѣ. Такъ должно бы быть и по обычаю, и по закону.

Одобрительный гулъ прошелся по залѣ. Иванъ опять закрылъ

глаза рукой. Отъ рѣчи своей сочувственницы ему дѣлалось все тревожнѣе на душѣ.

— А такъ ли это на самомъ дѣлѣ?—спросила она, поднявъ голову, съ жестомъ правой руки.—Вы отлично знаете, что, къ сожалѣнію, далеко не всегда такъ. На сходкѣ орудуютъ два-три богатыхъ мужика или тѣ, у кого горло посильнѣе (послышался сдержанный смѣхъ), или староста, старшина, волостной писарь дѣлаютъ, что̀ хотятъ, а сходъ только поддакиваетъ. Хорошо это? Разумно?—Вы всѣ отвѣтите:—нѣтъ, не ладно! Такъ не подражайте же такимъ мірскимъ сходамъ. Не относитесь халатно, на первыхъ же порахъ, къ своему праву—самимъ намѣчать тѣхъ, кого слѣдуетъ выбирать по уставу.

„Вотъ оно что̀“!—подумалъ Иванъ и покраснѣлъ.

Но онъ не хотѣлъ малодушничать, открылъ лицо, поднялъ голову и даже привсталъ.

Надежда Николаевна замѣтила это движеніе.

— И я нахожу, что тѣ, кто говорили за порядокъ, указанный въ уставѣ—вполнѣ правы. И вы,—указала она рукой въ сторону слесаря,—и вы, Бобровъ.

И тогда она взглянула на Ивана и нѣсколько потише закончила:

— Предсѣдатель вашъ дѣйствуетъ вполнѣ искренно. Вы въ этомъ не можете сомнѣваться. Желая помочь вамъ, онъ и въ предъидущіе разы называлъ тѣхъ, кого онъ съ своими товарищами по совѣту считалъ самыми достойными. Но, по правдѣ сказать, друзья мои, вамъ и тогда не слѣдовало бы давать себѣ поблажку и принимать эти рекомендаціи безъ всякихъ возраженій. Выигрышъ времени?! Возня?! Скука писать имена?! Но на это пошло бы не больше получаса, во всякомъ случаѣ гораздо скорѣе бы все сдѣлалось, чѣмъ сколько длятся теперь вотъ эти пренія.

Въ глубинѣ залы, въ кучкѣ актеровъ и актрисъ, сильно захлопали, а нѣкоторые сдержанно разсмѣялись.

Иванъ поднялся уже во весь ростъ. Онъ вполнѣ овладѣлъ собою. Слишкомъ огорчаться—недостойно уважающаго себя человѣка. Коли Надежда Николаевна заявила передъ всѣмъ собраніемъ, что его намѣреніе было чистое и безкорыстное—что-жъ ему себя самого „шельмовать“!

Онъ разсудилъ—не говорить больше ничего въ свое оправданіе.

Онъ позвонилъ и, обернувшись въ ея сторону, спросилъ почтительно, но предсѣдательскимъ тономъ:

— Вамъ угодно еще что-нибудь сказать?

— Нѣтъ, довольно соображеній, кажется, высказано, и дальнѣйшія пренія врядъ ли нужны.

— Достаточно! Будетъ!—раздались голоса.

Иванъ сильно позвонилъ.

— Господа!—окликнулъ онъ залу.—Тѣхъ, кто желаетъ приступить къ выбору обыкновеннымъ порядкомъ—сначала по запискамъ, потомъ баллотировкой—тѣхъ прошу встать.

Поднялись почти всѣ, кромѣ женщинъ по стѣнамъ и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ.

— Ежели такъ,—крикнулъ Иванъ,—не угодно ли написать на бумажкахъ по двѣ фамиліи. А для этого я объявляю перерывъ на четверть часа.

Сразу всѣ загудѣли и снялись съ мѣстъ. Члены совѣта стали рѣзать бумажки. Никто изъ нихъ не поддержалъ Ивана, что̀ ему показалось болѣе чувствительнымъ, чѣмъ протестъ молодыхъ людей и даже мнѣніе Надежды Николаевны.

— Ихъ же хотимъ избавить отъ канители!—полушутливо сказалъ онъ довольно громко.

И внутри у него опять зашевелился „червякъ"—и противъ всего собранія, и противъ Боброва, и противъ Надежды Николаевны.

Она не подошла къ нему въ перерывъ; съ ней разговаривалъ въ эту минуту директоръ, пришедшій послѣ открытія засѣданія.

VII.

Писаніе бумажекъ—нѣкоторые просили другихъ ставить фамиліи—и баллотировка посредствомъ вставанія взяли около часу.

Выбрали того рабочаго, на котораго указывалъ Иванъ, и пріятеля Боброва—молодого ткача изъ актеровъ. Имъ похлопали.

Но отъ рѣчей и выборовъ многіе разомлѣли. Кое-кто сталъ и пробираться во вторую залу.

Иванъ, съ своего мѣста, видѣлъ все это, и ему было непріятно, что безъ всякой—какъ онъ продолжалъ думать — надобности потеряли столько времени и утомили собраніе. А ему предстояло провести цѣлый проектъ—его любимое дѣтище, которое онъ, въ послѣдніе два мѣсяца, облупливалъ, какъ яичко.

Новаго члена совѣта и помощника кассира онъ пригласилъ сѣсть за столъ.

Съ колокольчикомъ въ рукѣ, Иванъ стоялъ по срединѣ „со-

вѣтскаго" стола и началъ останавливать тѣхъ, кто пробирался, потихоньку, къ выходу.

— Господа! Милостивые государи! Которые изъ уходящихъ члены общества — не угодно ли имъ остаться до конца! Дѣло первѣйшей важности. На аншлагѣ вы, небось, читали, что сегодня будетъ доложено вамъ мною насчетъ кассы самопомощи. Не извольте такъ малодушничать! Ежели кому хочется покурить— на это не надо много времени. Попомните то, что̀ Надежда Николавна говорила вамъ, не больше, какъ часъ тому назадъ. Соблюдайте ваши права. Зачѣмъ вамъ отъ право̀въ своихъ отказываться?

Изъ пробиравшихся къ двери человѣкъ пять-шесть остались. Женщины—даже и не изъ членовъ общества — всѣ сидѣли на своихъ мѣстахъ, и нѣкоторыя посмѣивались, глядя на мужчинъ, желавшихъ незамѣтно „улизнуть".

Когда всѣ опять разсѣлись, Иванъ поправилъ волосы на вискахъ и прошелся правой ладонью по своему уже сильно обнаженному лбу.

— Друзья!—началъ онъ нѣсколько инымъ тономъ.—Между вами найдутся, пожалуй, опять такіе, которые будутъ говорить, что я вамъ навязываю свою выдумку, что я—какъ бы это сказать—хочу властвовать и генерала изъ себя представлять.

Сказавъ это, Иванъ самъ почувствовалъ, что можно бы такихъ словъ не говорить. И ему сдѣлалось досадно на самого себя за такой задоръ. Онъ не совладалъ съ обиженнымъ самолюбіемъ.

И сразу онъ спалъ съ тона и сталъ излагать свой проектъ гораздо хуже, чѣмъ онъ могъ бы—довольно многословно и сбивчиво, старался выражаться отборными словами, и выходило часто такъ, что онъ замѣтно конфузился.

Но суть его предложенія понять было не трудно. Даже и самые „крѣпколобые" уразумѣли — въ чемъ дѣло.

При обществѣ необходима касса взаимопомощи, которая будетъ выдавать временныя ссуды безъ процентовъ и—когда число членовъ увеличится—то и пособія. Для этого каждый членъ обязуется вносить ежемѣсячно по пятнадцати копѣекъ.

Все это можно было изложить въ нѣсколькихъ словахъ; но Иванъ говорилъ больше четверти часа, впадая въ повторенія, и, подъ конецъ, опять пустился въ объясненіе того — какъ онъ понимаетъ свои обязанности, и не согласенъ обвинить себя въ желаніи „властвовать" и гнуть „всѣхъ въ бараній рогъ".

Конецъ его рѣчи не понравился никому, и вся она была встрѣчена холодно.

Надеждѣ Николаевнѣ стало его жаль, и она сейчасъ же попросила слова, высказывая свое полное сочувствіе идеѣ такого союза.

— Вы очень хорошо сдѣлаете, друзья мои,—говорила она,—если на первыхъ же порахъ существованія общества не ограничитесь только тѣмъ, что будете оффиціально воздерживаться отъ вина и искать болѣе разумныхъ развлеченій. Кто истинный трезвенникъ,—подчеркнула она,—тотъ способенъ вкладывать свою лепту на общее благо. А безъ маленькихъ жертвъ—нѣтъ и быть не можетъ взаимопомощи!

Ее слушали совсѣмъ не такъ, какъ предсѣдателя, и Ивана это опять кольнуло.

Ему показалось даже, что Надежда Николаевна, точно нарочно, хотѣла ему дать почувствовать, что безъ ея поддержки и покровительства онъ потеряетъ и ту долю вліянія на своихъ „однообщественниковъ", какая у него была въ ту минуту.

На цифрѣ пятнадцать копѣекъ въ мѣсяцъ сейчасъ же вышла зацѣпка.

Вносъ казался многимъ слишкомъ высокимъ. И безъ того каждый членъ вносилъ за себя и за тѣхъ, кто за послѣдній годъ вышли изъ состава „трезвенниковъ". Нѣкоторые сдѣлали это изъ-за недоимокъ; а не потому только, что имъ не подъ силу было воздерживаться отъ вина.

— Труднò! Труднò! — глухо повторялъ пожилой ткачъ, съ лысиной во всю голову, изъ сидѣвшихъ поближе къ столу совѣта.

— Цѣлый пятиалтынный! — крикнулъ слесарь Чистяковъ, и тотчасъ же нырнулъ внизъ своей стриженой бѣлокурой головой.

— Труднò!—еще разъ, и съ громкимъ вздохомъ, протянулъ тотъ же лысый ткачъ.

— Да вѣдь это, братцы,—окликнулъ ихъ Иванъ, — чистый пустякъ! Цѣна сорокоушки! А съ закуской и того меньше.

— Мало ли чтò!—крикнулъ кто-то изъ средины залы.

— Коли мы трезвенники? — возразилъ другой голосъ.

— Именно потому, что мы трезвенники,—продолжалъ Иванъ.—У насъ, у каждаго, въ мѣсяцъ накопится не малая толика отъ того, чтò мы оставили бы въ трактирѣ, или въ депо вина!—хотѣлъ онъ разсмѣшить залу.

Но никто не засмѣялся.

И это кольнуло Ивана. Онъ не могъ не раздражаться противъ собранія. Вѣдь не „съ бухты-барахты" дѣлалъ онъ такое предложеніе. Со сколькими рабочими толковалъ онъ о кассѣ взаимопомощи. И всѣмъ предлагалъ взносъ въ пятнадцать ко-

пѣекъ въ мѣсяцъ. Всѣ, безъ малѣйшаго исключенія, находили, что пятиалтынный ничего не стоитъ всякому исправному ткачу, прядильщику и даже присучальщику, или хотя бы шуровщику, удѣлить изъ своихъ сбереженій.

„Плёвое дѣло"! — повторялъ каждый изъ нихъ.

„На то мы и трезвенники"!—говорили совершенно искренно другіе, и пожилой народъ, и молодые парни.

Велъ онъ объ этомъ рѣчь и у женатыхъ, нарочно ходилъ по семейнымъ каморкамъ, втравлялъ въ разговоръ и женщинъ. И всякая толковая баба поддерживала его:

— Вѣдь это, Иванъ Прокофьичъ, не пропащія деньги. Въ обчествѣ останется, пособіе или ссуду... хорошее дѣло!

У него, до сихъ поръ, остались въ памяти и голоса ихъ, и то — что̀ именно они говорили.

Здѣсь, въ залѣ, иныхъ нѣтъ на лицо, изъ тѣхъ, съ которыми онъ толковалъ; но многіе — тутъ. Почему же, въ какую-нибудь одну недѣлю, они вдругъ—на попятный дворъ, и находятъ, что тотъ же „пятиалтынный" выплачивать „трудно̀"?

Самый этотъ звукъ „трудно̀", съ рѣзкимъ удареніемъ на послѣдній слогъ, рѣзалъ ему ухо и раздражалъ такъ, что онъ готовъ бы былъ — повтори кто-нибудь то же слово — передразнить его на всю залу.

— Милостивые государи! — началъ онъ уже съ явной насмѣшливой интонаціей: — кому такая пустяшная плата кажется непосильной—тотъ пускай и воздержится. И свои пятиалтынные готовитъ на другое что̀... на сласти, что-ли, или на чайничанье, или опять на франтовство — галстукъ себѣ необыкновенный купитъ, или фуражку изъ чесунчи. Мы такихъ неволить не станемъ. Который изъ насъ трезвенникъ настоящій—тотъ и докажетъ это, поддержитъ, на первыхъ же порахъ—какъ вотъ сейчасъ говорила Надежда Николавна — такое благое дѣло! Съ моей стороны, друзья, я не сомнѣваюсь, когда вы окончательно будете обсуждать мое предложеніе, этотъ самый взносъ не покажется вамъ не подъ силу.

Онъ позвонилъ, и добавилъ:

— Времени у насъ не много осталось. Поэтому и не слѣдуетъ, господа, пространственно говорить. А кто желаетъ кратко —я тому безпрепятственно разрѣшаю.

Эта фраза не очень понравилась, особенно молодежи.

Первымъ поднялся Бобровъ.

— Вы, пожалуста, — задержалъ его Иванъ, — пократче.

— Какъ умѣю!—отвѣтилъ тотъ съ усмѣшечкой, и оглядѣлъ

залу. — Господину предсѣдателю я отвѣчу пословицей: „поспѣшишь, людей насмѣшишь“.

Прошелся легкій смѣхъ въ цѣлой половинѣ собранія.

— Такъ нельзя!—крикнулъ Иванъ рѣзкой нотой.—Вездѣ, въ обществахъ, на засѣданіяхъ, полагается столько-то времени говорить. А то мы, этакимъ манеромъ, до второго пришествія не кончимъ. И безъ того зря потеряли больше часа.

— Сколько же господинъ предсѣдатель соизволитъ удѣлить мнѣ минутъ?—спросилъ Бобровъ, и зала уже громко засмѣялась.

— Десять минутъ на каждаго слишкомъ довольно,—отрѣзалъ Иванъ.

— Слушаю-съ! Мнѣ и пяти будетъ достаточно... Я, господа, объ одномъ спрошу: зачѣмъ намъ особую кассу съ новымъ взносомъ, коли мы и безъ того платимъ въ общество? У насъ есть уже не одна сотня рублей. Позвольте спросить у казначея— сколько у насъ денегъ?

Казначей повелъ огромной курчавой головой, немножко приподнялся и глухо выговорилъ:

— За шестьсотъ рублей есть въ наличности.

— Слышите, господа?—Глаза Боброва блеснули.—Какое мы изъ нихъ употребленіе дѣлали?

— Обществу извѣстно, какое! — вскричалъ Иванъ, не удержавшись. — Икону заказали. Она въ семьдесятъ-пять рублей обошлась.

— Превосходно! А потомъ что̀? Деньги хоть и не ахтительныя, но все-таки шестьсотъ рублей, и онѣ лежатъ подъ спудомъ, мертвымъ капиталомъ.

— Неправда! — крикнулъ опять Иванъ, не вставая.—Про̀центы съ нихъ идутъ.

— Про̀центы, — повторилъ за нимъ Бобровъ. — Извѣстное дѣло! А то бы ужъ совсѣмъ зряшція деньги были. Кто же мѣшаетъ намъ сдѣлать постановленіе, безъ всякихъ тамъ проектовъ и уставовъ, и новыхъ сборовъ—употреблять хотя бы половину нашей наличности на тѣ же самые предметы?

— Такъ, такъ! — крикнулъ слесарь, и нѣсколько голосовъ поддержали его.

Одобрительный гулъ пошелъ и по срединѣ залы, ближе къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Бобровъ, все въ той же позѣ, положивъ правую руку на спинку передняго стула.

Колокольчикъ затрещалъ въ нервной рукѣ предсѣдателя.

— Милостивые государи! — крикнулъ Иванъ.—Такъ нельзя производить обсужденіе.

— Почему? — спросилъ Бобровъ все съ той же усмѣшкой.

— А потому, что вы свои проекты выдумываете; а вамъ слѣдуетъ заниматься тѣмъ, что̀ я предлагаю.

— Помилуйте, Иванъ Прокофьичъ! Какимъ же манеромъ, по вашему, обсуждать сообща что̀ бы тамъ ни было? Вы сдѣлали предложеніе. Превосходно! А мы свое мнѣніе говоримъ... И каждый воленъ на вашъ проектъ свой выкладывать.

— Правильно!—пустили изъ угла молодежи.

Иванъ сильно зазвонилъ.

— И выйдетъ одна ненужная болтовня!—крикнулъ онъ, совсѣмъ красный.—Этого, милостивые государи, я не могу допустить, воля ваша.

— Значитъ,—спросилъ громко Бобровъ, вызывающимъ тономъ,—насъ созывали сюда не за тѣмъ, чтобы мы на полной волѣ говорили, кто что̀ находитъ полезнымъ и справедливымъ, а за тѣмъ, видно, чтобы поддакивать господину предсѣдателю и повторять одно: „Что̀ прикажете! какъ вашей милости будетъ угодно“!

Половина залы разразилась хохотомъ.

Это окончательно взорвало Ивана. Его проняла дрожь и въ первую минуту онъ не нашелся, что̀ ему отвѣтить такому „дерзецу“, какимъ, на его взглядъ, выказывалъ себя Бобровъ.

Его рука схватилась за колокольчикъ.

— Иванъ Прокофьичъ,—удержалъ его казначей,—барышня желаетъ говорить.

— Какая барышня?—сердито спросилъ Иванъ, не оборачиваясь къ нему.

— Надежда Николаевна.

„Ну и пускай!—съ сердцемъ подумалъ Иванъ.—И шутъ съ вами со всѣми“!

— Вамъ угодно?—обратился онъ къ ней.

— Да, позвольте.

— Сдѣлайте одолженіе!

Онъ опустился на свое мѣсто, совсѣмъ разбитый. Сразу все въ немъ точно опало. „Чортъ ихъ дери, съ позволенія сказать“! Онъ всю свою душу положилъ на проектъ о кассѣ—и вдругъ собраніе гогочетъ, въ издѣвку надъ нимъ, и всякій нахалъ можетъ ломаться и зубоскалить.

Еще немного, и его прошибла бы слеза. Все ему сразу опостылѣло. Пускай Надежда Николаевна опять—нежданно-негаданно—выдастъ его головой, вмѣсто того, чтобы поддерживать.

Коли такъ пойдетъ — онъ откажется отъ должности предсѣдателя—пропади-пропадомъ и все общество!

Голосъ Вознесенской непріятно рѣзалъ ему ухо. Въ первый разъ въ жизни онъ готовъ былъ крикнуть ей:

„Мы не школьники въ классѣ! довольно мы слушали вашихъ разглагольствій! У насъ имѣется и своя собственная смѣкалка“.

Но онъ все-таки сталъ прислушиваться.

Надежда Николаевна, послѣ призыва къ „единенію“ и „братству“, выразила свое полное сочувствіе заведенію кассы взаимопомощи. И чтобы не „плодить“ ненужныхъ „пререканій“, она предложила выбрать особую коммиссію.

„Въ камскій мохъ бухнетъ все дѣло“!—вскричалъ про себя Иванъ; но отъ сердца у него немного отлегло. Какъ-ни-какъ, а „сочувственница“ его безусловно одобрила его мысль.

Болѣе спокойно опросилъ онъ собраніе — согласно ли оно назначить особую коммиссію или поручить выработку проекта совѣту.

Раздались голоса:

— Совѣту! Совѣту!

Бобровъ опять было-поднялся, но Спиридоновъ не далъ ему начать и стремительно крикнулъ:

— Кто за порученіе совѣту—вставайте!

Встали около двухъ третей.

Это рѣшеніе собранія могло нѣсколько утѣшить предсѣдателя. Но Ивану было все-таки не по себѣ, когда онъ объявлялъ засѣданіе закрытымъ.

Расходились не сразу. Всѣ замѣтно были возбуждены.

— И за то покорно спасибо,—сказалъ Иванъ, обернувшись къ сидѣвшимъ по близости парнямъ, — что, по крайности, оказали довѣріе совѣту.

Подошла Надежда Николаевна.

— Иванъ Прокофьичъ!—окликнула она Спиридонова.

— Чтò прикажете? — спросилъ онъ, немного привставъ со стула.

— Вы не будете на меня пенять за то, что я сегодня выступила немножко и противъ васъ?

— Ежели такое ваше мнѣніе, — уклончиво вымолвилъ онъ. Ему страстно захотѣлось крикнуть ей:

„Не ожидалъ я этого отъ васъ! Не ожидалъ“.

— Надо радоваться, Иванъ Прокофьичъ, что молодежь такая у насъ самостоятельная. И какъ дѣльно говоритъ этотъ Бобровъ...

— Отъ него никто этого и не отниметъ, Надежда Нико-

лавна. Только у него намѣреніе-то было все вверхъ дномъ поставить. Въ другой разъ и мы умнѣе будемъ!

И онъ нервно засмѣялся.

— Ваша мысль хорошая. И я ей желаю полнаго успѣха.

И она подала ему руку. Иванъ пожалъ. Но отъ сердца у него не отлегло отъ этого рукопожатія. Онъ чуялъ, какъ на него теперь смотрятъ въ разныхъ углахъ залы.

„Скапустился, молъ, нашъ предсѣдатель! По носу ему дали. Такъ и надо. Не важничай“!

И онъ не хотѣлъ сознаться, что самъ подалъ поводъ къ этому. Собственное поведеніе считалъ онъ вполнѣ безупречнымъ. Не стоитъ это „стадо барановъ“—онъ вспомнилъ любимое выраженіе Меньшова—не стоитъ заботъ и стараній. Точно онъ жалованье получаетъ за свое мѣсто! Шутъ съ ними со всѣми! Если такъ дальше пойдетъ—пускай выбираютъ хоть Ваську козла съ хозяйскаго коннаго двора.

Онъ пробирался къ выходу, ни на кого не глядя. Съ нимъ поздоровались ткачиха Авакумова и Ѳедоровна. Машутка стояла съ ними же, и ему показалось, что и дочь его за него сконфужена. Она—дѣвчурка амбиціозная.

— Ловко вы ихъ осаживаете, Иванъ Прокофьичъ!—возбужденно сказала ему Степанида, уставивъ на него свои круглые глаза.

Онъ ничего ей не сказалъ. Мимо него шумно продвинулась кучка молодыхъ людей, окружавшихъ Боброва.

П. Боборыкинъ.

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ИСТОРІИ НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

На нашихъ глазахъ происходило замѣчательное превращеніе: русская литература, которой еще такъ недавно въ западно-европейскихъ руководствахъ отводилось четыре-пять страницъ,—не болѣе того, что̀ удѣлялось литературѣ румынской и новогреческой,—вдругъ стала возбуждать въ Европѣ чуть не удивленіе, близкое къ энтузіазму. Хотя Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь и Грибоѣдовъ, уже давно переведены почти на всѣ европейскіе языки, но они еще мало занимали собою и публику, и цѣнителей. Прелесть Пушкинскаго и Лермонтовскаго стиха пропала въ передачѣ, а содержаніе казалось европейскимъ критикамъ подражаніемъ Байрону. Оцѣнить же чисто-національныя стороны русскаго байронизма, понять—насколько въ Онѣгинѣ, напримѣръ, геніально воспроизведены чисто-русскія явленія и теченія,—европейская критика, при своёмъ полномъ незнакомствѣ съ русской жизнью, конечно, не могла. Еще менѣе могло быть понято ею значеніе Гоголя и Грибоѣдова, съ ихъ воспроизведеніемъ явленій, кажущихся каждому европейцу какою-то грубою и неправдоподобною карикатурою.

Зато и публика, и критика западной Европы въ совершенствѣ поняли и оцѣнили гордость и красу русскаго слова второй половины XIX вѣка—Тургенева. Поразительно, однако, что при всей восторженной внимательности, съ которою Тургеневъ былъ оцѣненъ и изученъ въ Европѣ, это было признаніе чисто-инди-

видуальное, къ одному Тургеневу относившееся. Никому изъ прозорливѣйшихъ европейскихъ критиковъ не приходило на умъ, что такія снѣговыя вершины литературнаго творчества, какимъ былъ авторъ „Записокъ Охотника“ и „Дворянскаго Гнѣзда“, не мыслимы на плоской поверхности. Онѣ неизбѣжно должны быть въ связи съ цѣлою горною цѣпью, съ цѣлымъ рядомъ такихъ же горъ. Слѣдовательно, повѣсти и романы Тургенева должны были выросги на глубоко-замѣчательной литературной почвѣ. И только появленіе въ переводѣ „Войны и Мира“, „Анны Карениной“, „Преступленія и Наказанія“, „Обломова“ и другихъ русскихъ романовъ, подчеркнуло это основное положеніе исторіи литературы. Европейская критика была глубоко удивлена, увидѣвъ, что Тургеневъ, котораго она считала лучшимъ прозаикомъ второй половины вѣка, имѣетъ литературныхъ товарищей, не только не уступающихъ ему въ значеніи, но въ лицѣ Толстого и Достоевскаго стоящихъ иногда выше его по глубинѣ захвата. Такое открытіе не могло пройти безслѣдно, и мы, дѣйствительно, видимъ, что въ Европѣ теперь говорятъ уже не объ отдѣльныхъ русскихъ писателяхъ, а о русской *литературѣ*. Сочиненія Толстого расходятся въ международной книжной торговлѣ въ такомъ количествѣ изданій, къ каждому слову великаго русскаго писателя прислушиваются съ такимъ безконечнымъ вниманіемъ, что, въ концѣ концовъ, можно даже остановиться предъ вопросомъ, гдѣ онъ болѣе знаменитъ и любимъ—у себя дома или за границей. Достоевскій произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе, и много уже можно указать литературныхъ произведеній, въ томъ числѣ такихъ крупныхъ талантовъ, какъ Гауптманъ, Буржé, д'Анунціо, гдѣ вліяніе великаго патологическаго генія сказалось ярко и наглядно. Но не только великіе представители русскаго слова вліяютъ теперь на европейское творчество—европейскій литературный міръ прислушивается и къ голосу цѣлаго ряда второстепенныхъ русскихъ писателей. Въ общемъ, такъ называемое „русское вліяніе“ стало виднымъ явленіемъ европейской литературной жизни, что̀ и повело къ знаменательнѣйшему результату: русской литературѣ отводится мѣсто рядомъ съ литературой англійской, французской и нѣмецкой. Это почетное уравненіе нашей молодой письменности съ литературой главенствующихъ народовъ цивилизованнаго міра, заматерѣлыхъ въ культурной жизни, не покажется, конечно, преувеличеніемъ всякому, кто хоть размышлялъ надъ первоклассньмъ матеріаломъ, даваемымъ новою и новѣйшею русской литературой. Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Гоголь, Бѣлинскій и вся плеяда такъ-называемыхъ

писателей 40-хъ годовъ—развѣ имъ не должно быть отведено мѣсто въ первыхъ рядахъ человѣчества?

Но, собственно говоря, слѣдуетъ придти къ еще болѣе разительнымъ выводамъ. Если брать для сравненія только новѣйшую русскую литературу второй половины XIX столѣтія, то простой перечень ея корифеевъ покажетъ, что мѣсто ея нѣсколько иное. Неужели произведенія Толстого, Тургенева и Достоевскаго стоятъ только *рядомъ* съ англійской и американской литературой второй половины вѣка, кульминаціонными точками которой являются романы Джоржъ Эліотъ, Бичеръ-Стоу, разсказы Бретъ-Гарта, туманная поэзія Броунинга и Вальта Витмана? Только ли рядомъ слѣдуетъ ее помѣстить и съ тою нѣмецкою литературою послѣднихъ 50-ти лѣтъ, во главѣ которой стоятъ Ауэрбахъ, Фрейтагъ, Шпильгагенъ и Поль Гейзе? Наконецъ, не совсѣмъ рядомъ ей мѣсто даже съ французской литературой послѣдняго полувѣка, хотя она блистаетъ такими сильными талантами, какъ Дюма-сынъ, Флоберъ, Зола и Гюи-де-Мопассанъ. Нѣтъ, безъ всякаго національнаго хвастовства можно сказать, что по индивидуальному генію своихъ высшихъ проявленій, а главное по основнымъ теченіямъ своимъ, русская литература новѣйшаго времени стоитъ въ нѣкоторомъ отношеніи выше новѣйшей западно-европейской литературы. Развѣ то, что̀ такъ недавно въ Европѣ являлось послѣднимъ словомъ художественнаго прогресса — реализмъ, развѣ онъ не господствуетъ у насъ уже около семидесяти лѣтъ? И притомъ, какой же человѣкъ съ развитымъ эстетическимъ пониманіемъ не чувствуетъ, насколько мельче позднѣйшій европейскій реализмъ 70-хъ и 80-хъ гг., такъ близко граничащій съ порнографіей и отсутствіемъ идеаловъ, въ сравненіи съ реализмомъ нѣкоторыхъ русскихъ писателей? У послѣднихъ жизненность изображенія въ самомъ дѣлѣ доведена до полнаго воспроизведенія дѣйствительности, и это до послѣднихъ предѣловъ реальное воспроизведеніе, все-таки, озарено свѣтомъ идеала и полно такой любви къ человѣку, о которой и помину нѣтъ даже у болѣе крупныхъ европейскихъ реалистовъ. Тѣ въ своемъ анализѣ жизни дошли до предѣла, гдѣ трезвость и правда изображенія переходятъ въ невольный апоѳеозъ грубѣйшихъ инстинктовъ животной природы человѣка. И несомнѣнно, что именно въ этомъ различіи русскаго и европейскаго реализма и лежитъ тайна огромнаго успѣха новѣйшихъ русскихъ писателей въ публикѣ и критикѣ западной Европы. Всѣ чувствуютъ, что въ общій потокъ европейской литературы, иногда мутный, вливается какая-то свѣжая струя, полная своеобразныхъ красокъ, состав-

ляющихъ результатъ органической работы непочатыхъ и не истощенныхъ еще молодыхъ силъ. Вчерашніе варвары говорятъ какое-то новое слово, которому пришлось оказать глубокое вліяніе на блѣдное творчество послѣдняго періода европейской литературы, — оказать въ силу того, что въ этомъ новомъ словѣ, въ этомъ одухотворенномъ реализмѣ, говоритъ не тоска пресыщенія, а юношески страстный порывъ къ свѣту и правдѣ

II.

Какъ относится такое высокое развитіе русской литературы къ формамъ русской общественной жизни? Литература есть отраженіе жизни, гласитъ историческая наука. У великаго народа всегда бываетъ великая литература—и наоборотъ: великая литература есть продуктъ духовнаго существа великаго народа. А у великаго народа, казалось бы, должны быть соотвѣтствующія формы общественной жизни.

Таковы теоретическія построенія. Такъ ли оно, однакоже, на практикѣ? Нужно ли много распространяться о томъ, что сама русская общественная жизнь находится еще въ совершенно младенческомъ состояніи? Мы, конечно, всего менѣе намѣрены отрицать, что русская общественная жизнь представляетъ собою великую потенцію въ будущемъ,—можетъ быть, величайшую изъ всѣхъ потенцій, вложенныхъ въ русскій національный геній, предназначенную удивить міръ своеобразіемъ своихъ общественныхъ построеній. Но теперь мы говоримъ о настоящемъ и недавнемъ прошломъ, о той оригинальной гражданственности, которая началась у насъ не съ устроенія элементарной школы, а съ учрежденія академіи наукъ, и, продолжая развиваться въ томъ же направленіи, привела къ тому, что мы стоимъ теперь чуть не во главѣ европейскихъ народовъ по литературѣ—и въ хвостѣ по народному образованію. Общественность же создается только участіемъ въ духовной жизни страны среднихъ и низшихъ классовъ. И вотъ почему въ настоящемъ своемъ видѣ наша общественная жизнь слишкомъ блѣдна и незначительна, чтобы выдержать сравненіе съ кипучимъ потокомъ общественной жизни западно-европейской.

Кромѣ литературы, есть и другія проявленія интеллектуальной жизни: наука, техника, живопись, скульптура, музыка. Въ какомъ соотношеніи находятся они съ высокимъ развитіемъ русской литературы?

Безспорно, успѣхи наши въ этомъ направленіи очень велики. И русское искусство, и русская наука, выдвинули не одно славное въ Европѣ имя. Въ общемъ, однако, нельзя не признать, что на поприщѣ науки, пластическаго и тональнаго искусства, Россія не достигла еще той стадіи, при которой могла бы вполнѣ стать на одну доску съ наукой и искусствомъ западной Европы, а тѣмъ болѣе—претендовать на первенство. Достаточно привести въ подтвержденіе, что всякій русскій ученый, техникъ, художникъ и музыкантъ отправляется для „усовершенствованія" за границу. Во всякомъ случаѣ о „русскомъ вліяніи" въ наукѣ и искусствѣ западной Европы пока еще никакой рѣчи не можетъ быть.

И вотъ, если сопоставить фактъ необыкновенно высокаго развитія русской литературы съ тѣмъ, что наука и искусство относительно не такъ высоко стоятъ въ Россіи, а общественная жизнь находится почти въ младенческомъ состояніи, то мы придемъ къ выводу, что новѣйшая русская литература—не только замѣчательное само по себѣ явленіе, она — *самое замѣчательное* явленіе русскаго духа. Вся совокупность стихійныхъ и историческихъ условій, которая создала широкій размахъ русскаго душевнаго склада, ярче всего выразилась въ литературѣ. Въ силу своеобразнаго положенія русской интеллигенціи, вслѣдствіе малой культурности окружающей среды, принужденной замыкаться исключительно въ сферѣ интеллектуальныхъ интересовъ—въ силу такого разлада русская литература есть центральное проявленіе русскаго духа, фокусъ, въ которомъ сошлись лучшія качества русскаго ума и сердца. Нигдѣ она не является такимъ *исключительнымъ* проявленіемъ національнаго генія, какъ у насъ. Въ жизни другихъ народовъ литература есть только частный случай общаго культурнаго состоянія страны, частное проявленіе духовныхъ силъ, которыя болѣе или менѣе равномѣрно распредѣлены по всѣмъ отраслямъ національной жизни. У насъ этого соотвѣтствія нѣтъ, и литература могущественно развивается у насъ по своимъ особымъ внутреннимъ законамъ, при полной дремотѣ общественныхъ силъ и общественной иниціативы. Было бы, конечно, смѣшно думать, что русскій національный геній имѣетъ какое-то особое предрасположеніе къ художественному творчеству и только въ немъ одномъ можетъ проявиться. Дѣло исключительно въ условіяхъ мало-культурной среды, которая одна и есть причина того, что новѣйшая русская литература стала центральнымъ проявленіемъ всѣхъ силъ русскаго духа, которыя при другомъ уровнѣ общественной жизни нашли бы себѣ не столь исключительное примѣненіе.

III.

Такое центральное положеніе русской литературы не могло не сообщить ей особенностей, рѣзко отличающихъ ее отъ литературы другихъ европейскихъ народовъ. Главная изъ нихъ та, что *наша литература никогда не замыкалась въ сферѣ чисто-художественныхъ интересовъ, и всегда была каѳедрой, съ которой раздавалось учительное слово.* Всѣ крупные дѣятели нашей литературы, въ той или другой формѣ, отзывались на потребности времени и были художниками-проповѣдниками [1]). Русская литература начинается съ Кантемира, и чѣмъ же былъ этотъ первый лепетъ нашего художественнаго творчества, еще не нашедшаго себѣ даже соотвѣтственнаго литературнаго выраженія, еще пользовавшагося анти-художественною формою прежняго монашескаго періода русскаго просвѣщенія—силлабическими виршами? Воспитанника древнихъ классиковъ, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи всѣ роды и виды литературы, не прельстила ни безпритязательная любовная пѣснь, ни отрѣшенная отъ жизни идиллія, хотя въ переводѣ этихъ родовъ поэзіи онъ и упражнялъ свой стихъ. Онъ прямо схватился за бичъ сатиры и является въ ней одушевленнымъ поборникомъ и пропагандистомъ Петровской реформы. Такимъ же воинствующимъ публицистомъ и страстнымъ агитаторомъ усвоенія европейской культуры былъ и Ломоносовъ въ своихъ одахъ. Оды Державина могли также выходить изъ чисто житейскихъ побужденій, но настоящій талантъ никогда не можетъ остаться въ сферѣ однихъ такихъ побужденій, и въ общемъ оды Державина являются живою поэтическою лѣтописью своего времени и искреннимъ выраженіемъ восторговъ, возбужденныхъ блестящимъ царствованіемъ Екатерины. Характерно, что даже такое, казалось бы, отрѣшенное по своей темѣ отъ условій мѣста и времени произведеніе, какъ ода „Богъ“, непосредственно вытекло изъ полемическаго желанія автора дать отпоръ шедшему изъ Франціи скептицизму. Творчество четвертаго крупнаго дѣятеля XVIII вѣка, Фонвизина, уже всецѣло посвящено учительнымъ задачамъ глубокаго общественнаго значенія. Тѣмъ же серьезнымъ общественнымъ задачамъ посвятила себя оригинальная, полу-художественная, полу-публицистическая литература памфлета и картинъ нравовъ, которая приняла форму

---

[1]) Эта знаменательная черта съ особенной яркостью обрисовалась въ послѣднія 60 лѣтъ, но начатки ея идутъ очень далеко.

летучихъ листковъ такъ называемой „сатирической журналистики“. Народившійся въ концѣ вѣка сентиментализмъ ударился въ одно приторное воспѣваніе чувства или, вѣрнѣе, чувствительности, но онъ не привлекъ къ себѣ ни одного крупнаго *художественнаго* дарованія (значеніе Карамзина—не художественное), а наиболѣе даровитый изъ пѣвцомъ сентиментализма, Дмитріевъ, высказалъ лучшія стороны своего дарованія въ сатирѣ на „злобу дня“—наводненіе литературы плохими одами. Въ началѣ нашего вѣка выдѣляется дѣятельность писателя, которою литературная карьера особенно ярко подчеркиваетъ учительное значеніе русской литературы. Мы говоримъ о Жуковскомъ, поэтѣ очень симпатичнаго и изящнаго, но не первостепеннаго дарованія, и тѣмъ не менѣе достигшаго первостепеннаго значенія. Чѣмъ же? Тѣмъ, что онъ взялъ на себя роль учителя, въ буквальномъ смыслѣ слова, и знакомилъ русское общество съ литературою Запада въ рядѣ превосходныхъ переводовъ. А изъ оригинальныхъ произведеній Жуковскаго наибольшее впечатлѣніе произвелъ „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“—откликъ на „злобу дня“ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Сверстникъ и современникъ Жуковскаго, Батюшковъ, былъ поэтъ болѣе сильнаго и оригинальнаго дарованія, чѣмъ Жуковскій. Но онъ не достигъ и половины значенія и популярности послѣдняго, потому что его эпикурейская муза, воспѣвавшая наслажденіе, была чужда русскому читателю, привыкшему искать въ литературѣ не только забавы, но и правилъ жизни.

Объ учительномъ значеніи Крылова, конечно, распространяться нѣтъ надобности: оно вытекаетъ изъ самаго существа литературнаго рода, которому посвятилъ себя геніальный баснописецъ. Но не будетъ лишнимъ прибавить, что нигдѣ басня не достигала такого развитія и нигдѣ она не получала такого рѣзкаго національнаго отпечатка, какъ въ русской литературѣ XVIII-го и начала XIX-го вѣка. Въ то время, какъ въ западно-европейскихъ литературахъ (причемъ характерно, что есть литературы, напр. англійская, совсѣмъ не имѣющія выдающихся баснописцевъ) басня привлекала къ себѣ лишь незначительное количество поэтовъ, изъ русскихъ поэтовъ XVIII-го вѣка нѣтъ почти ни одного, который бы не писалъ басенъ. Какъ всякій геній, Крыловъ есть только кульминаціонный пунктъ цѣлой эпохи процвѣтанія русской басни, замѣчательной еще тѣмъ, что она не ограничивалась простымъ подражаніемъ древней баснѣ, стоящей внѣ времени и пространства и довольствующейся моралью самаго общаго и, слѣдовательно, безобиднаго свойства, но бичевала

непосредственно пороки и смѣшныя стороны своего времени. Конечно, процвѣтаніе басни въ русской литературѣ XVIII-го и начала XIX-го вѣка, а затѣмъ исчезновеніе ея, могутъ быть объяснены и тѣмъ, что басня вообще есть младенческая форма литературы, популярная только въ начальномъ періодѣ каждой письменности. Но это объясненіе ни мало не колеблетъ самаго факта, что русскій читатель всѣмъ ходомъ своей литературы пріученъ смотрѣть на нее, какъ на источникъ учительнаго слова на живыя темы современности.

Начало 20-хъ годовъ ознаменовано дѣятельностью писателя, въ лицѣ котораго художественно-учительное значеніе русской литературы едва ли не достигло высшей своей точки. За исключеніемъ комедій Аристофана, создавшихся въ литературѣ народа, у котораго совсѣмъ не было личной нравственности, а была одна только нравственность политическая и общественная,—ни въ одной европейской литературѣ нѣтъ драматическаго произведенія, до такой степени насквозь проникнутаго гражданскою, въ полномъ смыслѣ слова, скорбью, какъ „Горе отъ ума". По искренности и глубинѣ негодующаго чувства и вообще по цѣльности настроенія, геніальная „комедія" Грибоѣдова есть вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящая проповѣдь, страстный призывъ—идти по другимъ путямъ. И это тѣмъ характернѣе, что самъ авторъ отнюдь не былъ ни Катономъ, ни Аристидомъ. Значитъ, силу ему дало богатое общественными настроеніями направленіе цѣлой эпохи, выразителемъ которой онъ явился. Выразителемъ той же эпохи явился и молодой Пушкинъ. Въ Александровскую эпоху Пушкинъ явился живымъ отраженіемъ безпокойнаго настроенія времени, и самъ себя характеризовалъ, какъ поэта, который „свободу лишь умѣетъ славить". Въ первыхъ романтическихъ поэмахъ своихъ онъ бросалъ страстный вызовъ всѣмъ старымъ традиціямъ, провозглашалъ свободу чувства и проповѣдывалъ презрѣніе къ условнымъ формамъ. Со второй половины 20-хъ годовъ улеглось броженіе и самого Пушкина, и общества, и поэтъ вступаетъ въ такъназываемый „объективный" періодъ своего творчества. Но помимо того, что и это стремленіе къ объективному творчеству было отраженіемъ настроенія времени, утомленнаго возбужденіемъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра и жаждавшаго спокойствія,—помимо этого косвеннаго служенія нуждамъ времени, Пушкинъ никогда не былъ въ состояніи совладать съ живою натурою своею и остаться на олимпійскихъ высотахъ безразличнаго творчества. Всеобъемлющій геній его никогда не

успокоивался на чемъ-нибудь одномъ, и никто точнѣе его самого не исполнялъ завѣта, который онъ далъ поэту:

...дорогою свободною иди,
Куда влечетъ тебя свободный умъ.

И такъ какъ отзывчивая натура влекла его то въ одну, то въ другую сторону, то каждая изъ главныхъ литературныхъ теорій у насъ можетъ подтверждать свои положенія ссылками на Пушкина. Да, въ минуту полемическаго раздраженія онъ дѣйствительно воскликнулъ въ стихотвореніи „Чернь“:

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ...

Но развѣ это же самое стихотвореніе не есть полное нарушеніе провозглашенныхъ въ немъ принциповъ? Вѣдь въ немъ нѣтъ ни „звуковъ сладкихъ“, ни молитвъ, и въ общемъ оно представляетъ собою яркій образчикъ тенденціозно-дидактическаго запрещенія идти „дорогою свободною“, куда влечетъ поэта его свободный отъ какихъ бы то ни было запрещеній умъ.

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ —

будто бы, созданъ поэтъ, и вслѣдъ затѣмъ пишется страстный памфлетъ „Клеветникамъ Россіи“ — откликъ „на злобу дня“ въ буквальномъ смыслѣ слова—на дебаты въ одномъ изъ засѣданій французскаго парламента:

Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ—полезный трудъ.
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?

Такъ иронизируетъ поэтъ, когда ему предлагаютъ быть „полезнымъ“. А черезъ нѣсколько лѣтъ, этотъ же жрецъ, единственно изъ желанія быть полезнымъ, берется за „метлу“ журналиста, и великое дарованіе тратится на сметаніе сора, внесеннаго въ литературу Булгариными и К°.

Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя—

проситъ поэта „чернь“, т.-е. публика, всѣмъ ходомъ русской литературы пріученная получать отъ нея поученіе. Но поэтъ презрительно отказывается:

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!

А въ это самое время онъ заканчивалъ „Евгенія Онѣгина“, въ которомъ жизнь „черни“ отразилась съ небывалой до того полнотою, и гдѣ въ плѣнительномъ образѣ Татьяны былъ преподанъ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ и волнующихъ уроковъ жизни, когда-либо преподанныхъ русской литературой. Скоро будетъ семьдесятъ лѣтъ, какъ Татьяна отвѣтила Онѣгину:

Я васъ люблю, къ чему лукавить,
Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна.

И этотъ отвѣтъ не перестаетъ до сихъ поръ волновать русскаго читателя и поднимать въ немъ вопросы нравственнаго порядка. Многое, очень многое въ геніальномъ романѣ перестало интересовать позднѣйшаго читателя, на многое онъ сталъ смотрѣть исключительно съ исторической точки зрѣнія, но образъ Татьяны, олицетворившей въ себѣ полную свободу отъ условности, съ неумолимымъ сознаніемъ долга, навсегда врѣзался въ сердце русскаго читателя. Каждое поколѣніе имѣетъ свое отношеніе къ отвѣту Татьяны, то восторженно-положительное, то насмѣшливо-отрицательное, но во всякомъ случаѣ не безразличное. „Смѣлый урокъ“ на практикѣ былъ данъ поэтомъ, теоретически отъ него отказавшимся. На практикѣ, слѣдовательно, великій поэтъ и въ эпоху своего стремленія къ игнорированію того, что̀ не есть интересъ чисто-художественный, никакъ не могъ уйти отъ общаго характера русской литературы, никакъ не могъ удержаться въ ограниченной сферѣ чисто-эстетическихъ настроеній, и тоже сталъ учителемъ жизни.

Творчество геніальнаго преемника Пушкина, Лермонтова, нашло себѣ опредѣленіе въ его поэтическомъ profession de foi— „Журналистъ, читатель и писатель“. Въ чемъ источникъ его творчества?

. . . Диктуетъ совѣсть,
Перомъ сердитый водитъ умъ.

Совѣсть! Вотъ онъ, тотъ девизъ, который искони былъ девизомъ лучшихъ русскихъ умовъ, и которому въ послѣ-Лермонтовскій періодъ суждено было отодвинуть на второй планъ всѣ остальные источники творчества. Въ творчествѣ самого Лермонтова совѣсть принимаетъ исключительно формы негодованія и озлобленія, въ размѣрахъ, до него совершенно чуждыхъ нашей литературѣ. Имъ владѣетъ безумная жажда активнаго презрѣнія

къ обществу своего времени; ему,—съ такою безпримѣрною рѣзкостью охарактеризовавшему въ плачѣ надъ гробомъ Пушкина „высшіе“ слои этого общества,—ему даже на праздникѣ хочется „смутить веселость“ и „бросить въ глаза“ пустому сборищу—

. . . желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью.

Нельзя къ этому озлобленію безъ оговорокъ примѣнить эпитетъ учителя жизни. Нельзя забыть, что въ лицѣ Печорина эгоизмъ отчасти поставленъ на пьедесталъ. Но въ этомъ эгоизмѣ было столько презрѣнія къ пошлости, Печоринъ такъ ярко подчеркнулъ скуку и томленіе бездѣйствія, которое долженъ былъ испытывать чуткій человѣкъ въ жалкой дѣйствительности 30-хъ годовъ, Лермонтовъ такъ высоко поднялъ *сознаніе личности*, что именно съ него начинается настроеніе, рѣшившееся бросить непримиримый вызовъ косности окружающей среды. Неласковая муза „мести и печали“, которая уже всецѣло стала звать на подвиги добра и любви къ людямъ, была непосредственной преемницей гордой и непреклонной поэтической личности Лермонтова. Изъ всѣхъ поэтовъ наибольшее вліяніе на музу Некрасова оказалъ Лермонтовъ, которому подъ конецъ его жизни уже не были скучны „пѣсни земли“, который первый въ русской поэзіи заговорилъ о „мужичкахъ“, который закончилъ свое поприще самымъ жгучимъ въ русской литературѣ выраженіемъ непреклонности воли и протеста—„Пророкомъ“. Пророкъ Лермонтова знаетъ, во что̀ обходится „гордость“, онъ не строитъ себѣ никакихъ иллюзій насчетъ успѣха стремленія глаголомъ жечь сердца людей, какъ Пушкинскій пророкъ,—сказать кстати, еще одинъ доводъ въ пользу того, что странно считать Пушкина представителемъ равнодушно-объективнаго творчества. Но Лермонтовскій пророкъ, тѣмъ не менѣе, смѣло идетъ на презрѣніе и гоненія, это не удерживаетъ его провозглашать—

. . . любви
И правды чистыя ученья.

И вотъ эти-то завершительные аккорды промелькнувшей ослѣпительнымъ метеоромъ литературной дѣятельности Лермонтова даютъ вполнѣ опредѣленное значеніе его озлобленію. Это—то озлобленіе, которое, говоря словами ученика Лермонтова—Некрасова—

. . . проповѣдуетъ любовь
Враждебнымъ словомъ отрицанья.

И люди, вдумавшіеся въ Лермонтовскую мизантропію —

Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,
И какъ любилъ онъ—ненавидя.

IV.

Смертью Пушкина и Лермонтова заканчивается періодъ *новой* русской литературы и начинается періодъ *новѣйшей*,—новѣйшей потому, что настроенія и идеи, народившіяся въ сороковыхъ годахъ, еще не изжиты и часто еще составляютъ предметъ ожесточенныхъ схватокъ. Въ этомъ новѣйшемъ періодѣ служеніе потребностямъ жизни и взглядъ на литературу какъ на учительную каѳедру всецѣло завладѣваетъ умомъ и сердцемъ людей, стоящихъ во главѣ литературнаго движенія. Начиная съ 40-хъ гг., всякій писатель у насъ становится въ то же время общественнымъ вождемъ и въ основѣ главнѣйшихъ произведеній послѣднихъ 50-ти лѣтъ лежитъ проповѣдь тѣхъ или другихъ общественныхъ взглядовъ и воззрѣній. Всякій писатель долженъ пойти направо или налѣво, а писатель, индифферентный къ общественнымъ вопросамъ, не имѣетъ ни вліянія, ни успѣха въ соотвѣтствующей его таланту степени. Когда съ половины 50-хъ гг. началась эпоха великихъ реформъ, первенствующую роль играла литература. Во главѣ движенія стали не представители общественныхъ группъ, а представители литературы. Вождями новаго поколѣнія были непосредственно публицисты и литературные критики, а въ художественномъ отраженіи — лучшіе наши беллетристы и поэты. Борьба общественныхъ партій происходила почти исключительно на страницахъ журналовъ, и что̀ самое характерное—лозунги сплошь да рядомъ съ внѣшней стороны были чисто-литературные. Вопросъ о поэтическомъ значеніи Пушкина становился существенною частью общественно-политическихъ программъ и краеугольнымъ камнемъ того или другого общественно-политическаго міросозерцанія. Вопросъ о назначеніи искусства раздѣлилъ всю литературу на два лагеря, причемъ люди, считавшіеся передовыми въ общественномъ отношеніи, стояли за служебную роль искусства, а противники поступательнаго движенія—за „чистое“ искусство.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ эпоху Бѣлинскаго русская мысль раскололась на два основныхъ русла, въ ходѣ литературы первенствующую роль получаетъ вопросъ о „направленіи“—слово прямо неизвѣстное европейской критикѣ въ томъ смыслѣ, какъ его у

насъ понимаютъ. Съ тѣхъ поръ какъ кружокъ Бѣлинскаго рѣшительно примкнулъ къ европейскимъ идеямъ 40-хъ годовъ, эти идеи проходятъ красною нитью чрезъ всѣ произведенія писателей, усвоившихъ себѣ міросозерцаніе великаго критика. Все, что̀ составляетъ основаніе славы и значенія Тургенева, Гончарова, Григоровича, Достоевскаго и Писемскаго, въ первой половинѣ ихъ дѣятельности, все, что̀ писали Щедринъ, Некрасовъ, Глѣбъ Успенскій и беллетристы 60-хъ и 70-хъ годовъ, все, что̀ пишетъ въ послѣднія 20-ть лѣтъ Левъ Толстой, все это является передовыми позиціями весьма опредѣленнаго міросозерцанія. Съ другой стороны, писатели, группировавшіеся въ 40-хъ гг. около славянофиловъ, Погодина и Шевырева, а въ 60-хъ гг. и позднѣе около „Русскаго Вѣстника“, Достоевскій, Писемскій и Гончаровъ, въ послѣдній періодъ ихъ дѣятельности,—всѣ эти писатели съ пламеннымъ усердіемъ давали отпоръ новымъ идеямъ и тоже превращали свои произведенія въ органъ проведенія въ сознаніе общества своего міросозерцанія. Даже тѣ изъ поклонниковъ „чистаго“ искусства, которые не пускались въ прямыя схватки, а только *намѣренно* уходили въ область абстрактнаго и намѣренно устраняли въ своихъ произведеніяхъ все, что̀ напоминало „грязь жизни“, этимъ самымъ сообщали имъ весьма опредѣленную окраску. Благодаря такому тѣсному переплетенію художественныхъ и общественныхъ задачъ, чисто-литературныя достоинства рѣдко вліяли на оцѣнку даннаго произведенія въ критикѣ. Его оцѣнивали по преимуществу какъ факторъ прогресса или регресса. Прямо можно сказать, что литературной критики въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ на Западѣ, т.-е. какъ стараніе разобрать непосредственно творческія достоинства самого писателя, у насъ не существуетъ. А между тѣмъ, всѣ наши выдающіеся критики были люди съ весьма тонкимъ эстетическимъ чутьемъ и безграничною любовью къ художественному творчеству. Литературные критики наши, начиная съ 40-хъ гг.,—прямые трибуны, для которыхъ художественныя произведенія—не болѣе какъ предлогъ выяснить ихъ общественные идеалы. Они узаконили особый родъ критическихъ статей „по поводу“, которыя очень мало занимались эстетическою стороною произведенія и очень много—общественными выводами, изъ него вытекающими. Знаменитая борьба по вопросу объ искусствѣ была только предлогомъ для выясненія, съ одной стороны, новаго общественно-политическаго міросозерцанія, а съ другой—противодѣйствія ему. Статьи какъ будто трактовали о Тургеневѣ, Остров-

скомъ, Гончаровѣ, а на самомъ дѣлѣ это были лирическіе манифесты того или другого міровоззрѣнія.

Но самымъ яркимъ проявленіемъ стремленія новѣйшей русской литературы всегда быть учительною каѳедрою нельзя не признать взглядъ на роль печатнаго слова двухъ величайшихъ писателей, стоящихъ на противоположныхъ концахъ періода. Въ срединѣ 40-хъ годовъ Гоголь, а въ наши дни Толстой—съ глубочайшимъ воодушевленіемъ старались убѣдить своихъ современниковъ, что задачи литературы—учительныя, и только. И если значеніе словъ Гоголя ослабляется тѣмъ, что они вылились у него въ періодъ упадка творческихъ силъ, то зрѣлище отреченія Толстого отъ всего, что̀ доставило ему всемірную славу, по истинѣ поразительно. Именно въ тотъ моментъ, когда весь міръ восторженно апплодировалъ ему, какъ геніальному художнику, именно въ тотъ періодъ, когда напряженіе творческихъ силъ его достигало высшихъ предѣловъ въ созданіи „Смерти Ивана Ильича", мелкихъ разсказовъ, „Власти Тьмы" и „Крейцеровой Сонаты",—именно въ этотъ моментъ великій писатель земли русской провозгласилъ, что само по себѣ чистое искусство—не только пустая, но подчасъ и вредная забава. Здѣсь не мѣсто вступать въ споръ съ этимъ слишкомъ очевиднымъ преувеличеніемъ и увлеченіемъ. Мы здѣсь только вспомнимъ, что какъ ни значителенъ тотъ или другой индивидуальный геній, онъ всегда есть порожденіе и выраженіе взглядовъ и настроеній окружающей среды. И вотъ почему въ доведенномъ до крайности взглядѣ графа Толстого мы должны усмотрѣть органическое выраженіе общаго стремленія нашей литературы сѣять „разумное, доброе, честное".

V.

Сообразно всему сказанному, и исторія новѣйшей русской литературы по преимуществу сводится: 1) къ исторіи смѣны идей и настроеній, волновавшихъ русское общество, и 2) къ указанію взаимодѣйствія между общественною жизнью и литературою. Изслѣдователю, который захотѣлъ бы заняться исторіей новѣйшей русской литературы только съ эстетической точки зрѣнія, было бы очень мало дѣла, потому что за послѣднія 50-тъ лѣтъ русская литература, какъ явленіе эстетическое, никакимъ замѣтнымъ движеніемъ не ознаменована. На Западѣ въ это время смѣнился цѣлый рядъ литературныхъ стилей, и кореннымъ образомъ измѣнилась техника писанія. Можно ли себѣ представить

самаго плохенькаго французскаго романиста, который сталъ бы теперь писать въ стилѣ Жоржъ-Зандъ? Цѣлая бездна лежитъ между Золя и Жоржъ-Зандъ, не только въ основныхъ пріемахъ, но и въ языкѣ, въ діалогѣ, въ концентрированіи вниманія читателей и т. д. А въ наши дни манера Золя во французской литературѣ уже обветшала. Въ Германіи долго держалась манерность Ауэрбаха и Поля Гейзе, но теперь она почти исчезла и уступила мѣсто отчасти натуралистической, отчасти мистической школѣ Гауптмана, Зудермана и „юной Германіи". Та же радикальная перемѣна произошла въ Италіи и Скандинавіи. Такимъ образомъ, въ Европѣ произошла рѣзко выраженная эстетическая эволюція, произошла дѣйствительно полная смѣна поколѣній. Но въ Россіи, гдѣ идетъ безпрерывная эволюція *идей*, литературныя формы почти неподвижны. Беллетристическая и поэтическая манера, установившаяся въ 40-хъ годахъ, ни въ чемъ существенномъ не измѣнилась. Между Тургеневымъ и его литературнымъ внукомъ Гаршинымъ разницы въ стилѣ нѣтъ; нѣтъ ея и между Некрасовымъ и Надсономъ. Когда Гюго было 70 лѣтъ, ему поклонялась вся Франція, но никто ему не подражалъ. Толстому теперь тоже подъ 70 лѣтъ, и онъ не только представляетъ собою самую животрепещущую современность, но всякому ясно, что онъ еще долгіе годы будетъ законодателемъ формы русскаго романа. Единственная литературная область, гдѣ за послѣднія 50 лѣтъ замѣчается значительное измѣненіе литературныхъ пріемовъ—это беллетристика изъ народной жизни. Колоритность языка, близость къ землѣ Глѣба Успенскаго, конечно, представляютъ собою значительный шагъ по сравненію не только съ „пейзанами" Григоровича, но и съ крестьянами Тургенева, теперь уже кажущимися намъ условными и недостаточно-жизненными. Но тутъ собственно нѣтъ измѣненія литературной формы, а просто въ 40-хъ годахъ народъ не былъ достаточно изученъ. Что тутъ дѣло именно въ этомъ недостаточномъ изученіи—лучшее доказательство Толстой, человѣкъ почти сороковыхъ годовъ. Отвлекаясь отъ степени таланта и литературнаго значенія, развѣ не должны мы утверждать, что мужики „Власти Тьмы" менѣе колоритны и близки къ дѣйствительности, чѣмъ мужики Глѣба Успенскаго? Что касается изображенія купцовъ и мѣщанъ, то они, конечно, въ наши дни колоритнѣе, чѣмъ въ 40-хъ годахъ. Но родоначальникомъ этой колоритности является человѣкъ конца сороковыхъ годовъ—Островскій. Если типы Островскаго отчасти устарѣли подъ дружнымъ напоромъ нашихъ культурныхъ успѣховъ, то литературная манера Островскаго, его удивительный

языкъ и его яркая бытовая окраска столь же свѣжи теперь, какъ и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Итакъ, повторяемъ еще разъ, исторія новѣйшей русской литературы не можетъ ограничиться одною эстетическою сферою. Она должна быть исторіею идей и взаимодѣйствія русской литературы и русской общественности. Можно различно къ этому относиться, можно возмущаться этимъ взаимодѣйствіемъ съ точки зрѣнія „чистаго" искусства, или можно, напротивъ того, восторгаться такою близостью искусства къ потребностямъ времени, но *понять* ходъ новѣйшей русской литературы можно только путемъ параллельнаго ознакомленія съ русскою общественностью.

Изученіе новѣйшей русской литературы требуетъ обстоятельнаго знанія событій общественной исторіи нашей, съ которою она органически тѣсно переплетена. Въ эпоху „реформенной Россіи" литература и жизнь до такой степени сближаются другъ съ другомъ, что сплошь да рядомъ, при анализѣ того или другого общественнаго явленія, нельзя отличить, гдѣ кончается литературный генезисъ его, и гдѣ начинается непосредственное дѣйствіе общественныхъ силъ. И наоборотъ, при изученіи того или другого факта литературной исторіи, не знаешь, гдѣ кончается общественное воздѣйствіе, и гдѣ начинается сфера чисто-литературнаго творчества. Можно насчитать цѣлый рядъ произведеній, отражающихъ не просто интересы „времени", а прямо интересы того или другого *года*. Чтобы понять, напр., общій тонъ вышедшаго въ 1860 г. Тургеневскаго „Наканунѣ", нужно быть хорошо знакомымъ съ тѣмъ радостно-выжидательнымъ настроеніемъ, которое охватило русское общество подъ вліяніемъ реформаціонныхъ стремленій новаго царствованія. Но для оцѣнки „Отцовъ и Дѣтей", которыхъ отдѣляютъ отъ „Наканунѣ" всего два-три года, уже этого недостаточно. За ничтожный промежутокъ двухъ лѣтъ успѣло выясниться новое общественное теченіе, безъ подробнаго знакомства съ которымъ мы будемъ безсильны понять смыслъ романа. Чрезъ пять лѣтъ послѣ „Отцовъ и Дѣтей", появляется „Дымъ", и опять нужны новыя свѣдѣнія объ измѣненіяхъ общественно-политической атмосферы, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе этихъ пяти лѣтъ. Наконецъ, для пониманія „Нови" требуются уже совсѣмъ новыя свѣдѣнія о явленіяхъ, зачатки которыхъ не идутъ дальше начала семидесятыхъ годовъ.

Мы нарочно взяли для иллюстраціи нашей мысли Тургенева, писателя, высокая художественность котораго составляетъ предметъ восторженнаго удивленія. И именно этотъ-то тонкій художникъ вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собою образецъ самаго тѣс-

наго взаимодѣйствія литературы и общественной жизни, именно онъ тонко и чутко „ловилъ“, говоря терминомъ русской критики, „моментъ“. „Ловить моментъ“ — это второй терминъ, наравнѣ со словомъ „направленіе“, почти неизвѣстный европейской критикѣ. Выше этой похвалы нѣтъ для русскаго писателя, къ какой бы онъ школѣ или направленію ни принадлежалъ. Правда, „моменты“ понимаются весьма различно. Одинъ усматриваетъ его въ торжествѣ реализма, а другой въ это же время рисуетъ торжество идеализма; одинъ провозглашаетъ побѣду позитивизма, а другой стремится показать, что наступилъ моментъ торжества метафизическихъ стремленій. Но все это уже дѣло пониманія и таланта, а не различія метода. Характеристичнымъ остается тотъ фактъ, что никто не довольствуется простымъ воспроизведеніемъ, а всякій стремится къ воспроизведенію непремѣнно тѣхъ явленій, въ которыхъ онъ усматриваетъ геній времени, и что каждому хочется воздѣйствовать на общественное сознаніе въ пользу того міропониманія, къ которому онъ примкнулъ.

VI.

Идейно-проповѣдническій характеръ новѣйшей русской литературы неизбѣжно ведетъ къ тому, что въ исторіи ея совсѣмъ особое мѣсто должна занимать исторія *теоретической* русской мысли. Теоретическая мысль давала лозунги, а проводникомъ ихъ явилось художественное творчество, которое само по себѣ можетъ быть только *органомъ* проведенія извѣстныхъ идей, но никакъ не источникомъ ихъ. Нельзя желать, чтобы русская художественная литература занялась *выработкой* того или другого міровоззрѣнія. Это привело бы къ сухому дидактизму и было бы уже не идейностью, а тою *тенденціозностью*, въ которую впали нѣкоторые второстепенные писатели 60-хъ и 70-хъ гг., не совладавшіе, по бѣдности своего художественнаго дарованія, съ истинными задачами идейнаго творчества. Нѣтъ, сила новѣйшей русской литературы въ ея крупныхъ представителяхъ именно въ томъ, что въ ней идейность не есть абстрактное теоретизированіе, а вполнѣ художественное *претвореніе*. Если мы обратимся къ исторіи творчества важнѣйшихъ представителей русскаго слова новѣйшаго времени, то мы увидимъ, что ходъ ея былъ таковъ. Писатель, какъ сынъ своего времени, пропитывался идеями, которыя носились въ воздухѣ, были предметомъ жаркихъ споровъ въ кружкахъ, обсуждались въ журналахъ, а въ

сороковыхъ годахъ составляли предметъ обширнѣйшей переписки между друзьями. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ сила этого усвоенія идей времени была очень велика, переходила въ прямой энтузіазмъ и сообщала необыкновенную глубину и твердость убѣжденія. Данная идея *органически* проникала все существо писателя, становилась собственностью его духа, приходила на помощь его духовному взору и какъ бы давала ему двойное зрѣніе. Но, ставъ второю натурою, идея могла выразиться только въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ всегда выражаются глубокія настроенія всякой художественной организаціи,—въ художественныхъ образахъ. Такъ, молодой Тургеневъ, подъ вліяніемъ общаго настроенія кружка Бѣлинскаго, выработалъ себѣ весьма опредѣленное міросозерцаніе и въ частности далъ Аннибаловскую клятву бороться съ крѣпостнымъ правомъ. Когда онъ ее давалъ, онъ еще совершенно не установился какъ писатель, и самый размѣръ его таланта не былъ еще ясенъ даже такому прозорливому цѣнителю, какъ Бѣлинскій. Но убѣжденія его получили весьма опредѣленную окраску, вошли въ его плоть и кровь, онъ горѣлъ желаніемъ воплотить ихъ. Поэтому, когда дарованіе его установилось, онъ сталъ не только великимъ художникомъ, но и выдающимся борцомъ за свое міровоззрѣніе. Тотъ же процессъ органическаго претворенія теоретическихъ настроеній можно прослѣдить въ исторіи творчества всѣхъ выдающихся новыхъ писателей нашихъ. Такъ изъ идейнаго броженія, перешедшаго къ намъ во второй половинѣ 40-хъ годовъ изъ Франціи, вышли Достоевскій, Щедринъ и Некрасовъ. Съ другой стороны, въ кружкѣ такъ-называемой „молодой редакціи Москвитянина", съ его мистическою любовью къ русскому быту, получило окраску дарованіе Островскаго. Даже уравновѣшенный „фламандецъ", Гончаровъ, въ своей авторской исповѣди сообщилъ, что въ „Обыкновенной Исторіи" онъ старался отразить „первое мерцаніе сознанія необходимости труда, настоящаго, не рутиннаго, а живого дѣла, въ борьбѣ со всероссійскимъ застоемъ", т.-е. не просто изображалъ, а „задавался цѣлью" сослужить службу обществу. Еще ярче это „задаванье цѣлью" въ „Обломовѣ" и „Обрывѣ". Нечего уже и говорить, насколько „задаванье цѣлью" было сильно въ литературномъ поколѣніи 60-хъ и 70-хъ годовъ, меньше одаренномъ художественнымъ талантомъ и потому еще нагляднѣе подчинявшемся разнымъ теоретическимъ вѣяніямъ.

И вотъ, въ виду рѣшающаго значенія, которое имѣетъ у насъ теоретическая мысль, какъ указательница путей, по которымъ покорно шло художественное творчество, намъ и кажется,

что періоды исторіи новѣйшей русской литературы должны быть установлены соотвѣтственно кругу общественно-этическихъ идей, въ данные годы получившихъ господство. Неправильно было бы дѣлить исторію новѣйшей русской литературы по именамъ ея наиболѣе выдающихся художественныхъ дѣятелей. Если мы дѣлимъ литературу прежнихъ вѣковъ на періоды Ломоносовскій, Державинскій, Пушкинскій, то это вполнѣ правильно. Ломоносовъ, Державинъ и Пушкинъ держали въ свое время скипетръ литературы, правили безраздѣльно литературнымъ движеніемъ и сообщали ему окраску, которая исходила только изъ ихъ произведеній. Но какъ и какіе годы мы назовемъ Тургеневскими, когда не онъ создавалъ настроенія читающей публики, а имѣлъ успѣхъ потому, что отражалъ „моментъ", т.-е. попадалъ въ это настроеніе, подготовленное теоретическою мыслью. Какъ только онъ не попалъ бы въ настроеніе,—значительнѣйшая и наиболѣе вліятельная часть публики отъ него отвернулась бы. Какой же это вождь? И другіе сверстники Тургенева точно также никогда не создавали настроеній, а только подчинялись имъ и выражали ихъ. Какъ ни славенъ и великъ въ наши дни Толстой, но все-таки назвать его именемъ—*какъ художника*—какой бы то ни было періодъ нѣтъ возможности. Толстой—мыслитель, конечно, одинъ изъ властителей думъ нашего времени, но въ годы созданія величайшаго художественнаго произведенія своего, „Войны и Мира", онъ былъ не болѣе, какъ предметомъ очень холоднаго любопытства, а въ годы появленія „Анны Карениной" прямо подвергался высмѣиванію, потому что и критика, и публика, совершенно проглядѣли внутренній смыслъ романа и усмотрѣли въ немъ апоѳеозъ великосвѣтскихъ амуровъ. Легендарная популярность Толстого начинается только съ тѣхъ поръ, какъ онъ выступилъ самъ какъ теоретикъ и воплотилъ въ своихъ тревожныхъ исканіяхъ больную совѣсть вѣка.

Такъ же какъ нельзя установить періоды исторіи новѣйшей русской литературы по именамъ крупнѣйшихъ художественныхъ представителей ея,—нельзя дѣлить ее и по литературнымъ стилямъ. Если мы дѣлимъ нашу литературу XVIII и начала XIX вѣка на эпоху классицизма, или какъ ее почему-то принято называть лже-классицизма, на эпоху сентиментализма, романтизма и т. д.,—то это вполнѣ правильно. Въ эпоху господства каждаго изъ этихъ стилей все содержаніе современной литературы только ими и опредѣлялось,—опредѣлялось или торжествомъ даннаго стиля, или борьбою съ предъидущимъ и послѣдующимъ,

и, слѣдовательно, представляло собою движеніе. Но въ исторіи новѣйшей русской литературы, какъ мы уже говорили, движенія чисто-литературнаго, смѣны литературнаго стиля нѣтъ, вотъ уже 60-тъ лѣтъ. Съ 40-хъ годовъ безраздѣльно установился реализмъ того типа, о которомъ мы говорили выше. Дальнѣйшей эволюціи не замѣчается, если не считать того, что нѣсколько невліятельныхъ, второстепенныхъ, а главное, неискреннихъ дарованій, увлеклось французскимъ символизмомъ. Литературныя традиціи великой плеяды 40-хъ годовъ понынѣ являются законодательными для русскаго литературнаго вкуса.

Итакъ, ни по именамъ ея выдающихся художественныхъ силъ, ни по чисто-литературнымъ направленіямъ, нашу исторію новѣйшей литературы дѣлить нельзя, потому что такое дѣленіе не даетъ характерныхъ признаковъ. Единственнымъ дѣйствительно характеристичнымъ дѣленіемъ, т.-е. такимъ, которое уже въ одномъ названіи носитъ свое опредѣленіе и даетъ представленіе объ основныхъ чертахъ эпохи, это — одно дѣленіе по кругу идей, въ данный періодъ завладѣвшихъ умами, и по именамъ представителей теоретической мысли. Если вы скажете: — это было въ эпоху русскаго гегеліанства, въ эпоху реформъ, въ эпоху, вульгарно называемую эпохою „нигилизма", въ эпоху писаревщины, въ эпоху народничества, и т. д., то представленіе получается яркое и опредѣленное, обнимающее весь комплексъ какъ общественныхъ, такъ и литературныхъ явленій извѣстнаго періода.

VII.

Эпоха, которою начинается исторія новѣйшей литературы, т.-е. конецъ тридцатыхъ и сороковые годы, нашла наиболѣе яркое выраженіе въ дѣятельности Бѣлинскаго. *Его именемъ* можно назвать и самую эпоху, потому что *онъ* дѣйствительно далъ ей свою окраску. Бѣлинскій, конечно, краеугольный камень всей вообще новой русской литературной мысли. Бѣлинскій—первоисточникъ всего великаго, хорошаго, эстетически-вѣрнаго и этически-правильнаго, что̀ было въ русской литературѣ послѣднихъ 60-ти лѣтъ. Но понятно, что всего ярче должно было сказаться вліяніе его въ годы его непосредственнаго воздѣйствія.

Критика Бѣлинскаго была средоточіемъ русской мысли своего времени, энциклопедіей русскаго ума и чувства. Она захваты-

вала все, что̀ интересовало лучшихъ людей эпохи; она старалась, насколько было возможно, отвѣчать на всѣ проклятые вопросы, которые возникали въ душѣ чуткаго человѣка. Вытекая изъ пламеннѣйшаго стремленія передать читателю выношенные путемъ истиннаго страданія идеалы, статьи Бѣлинскаго, его „обзоры", всегда имѣли въ своей основѣ ту руководящую идею, которая была нервомъ времени. Оттого онѣ прокладывали новые пути въ литературѣ и создавали школу.

Правда, кругъ идей, въ защиту которыхъ выступалъ Бѣлинскій, далеко не однороденъ. Дѣятельность его представляетъ собою смѣну двухъ, порою діаметрально-противоположныхъ, настроеній. Но, по существу, раздвоенія тутъ никакого нѣтъ. Все дѣло въ томъ, что передъ нами родовыя муки, болѣзненный процессъ выработки новой русской мысли. Въ послѣдующія эпохи, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, вожди поколѣнія не переживали никакихъ „фазисовъ", не терзались никакими сомнѣніями, и дѣятельность ихъ однородна на всемъ своемъ протяженіи. Это потому, что отправная точка была найдена въ эпоху Бѣлинскаго, и можно было, не сбиваясь, идти впередъ по пути, уже твердо и опредѣленно намѣченному; Бѣлинскому же пришлось пробираться ощупью сквозь предразсвѣтную мглу, и если онъ при этомъ бросался на болотный огонекъ и принималъ его за путеводную звѣзду, то тутъ только фактическая ошибка, и нѣтъ никакого измѣненія въ самомъ главномъ—въ источникахъ исканія. По отношенію къ нимъ Бѣлинскій никакихъ „фазисовъ" не переживалъ, всегда оставался все тѣмъ же беззавѣтнымъ искателемъ истинныхъ задачъ человѣческаго существованія. И въ сущности, значеніе Бѣлинскаго и ослѣпительная красота его духовной личности—не столько въ идеяхъ и взглядахъ его, какъ они ни вѣрны и глубоки сами по себѣ, сколько именно въ его мучительныхъ поискахъ за истиной. Самое содержаніе идей Бѣлинскаго далеко не ему одному принадлежитъ. Оно выработано совмѣстными усиліями цѣлаго кружка, въ которомъ Бѣлинскому очень часто принадлежала только роль выразителя. Но это ни мало не умаляетъ его значенія, потому что заслуга всякаго генія обыкновенно въ томъ и заключается, что онъ ярко завершаетъ цѣлый рядъ подготовительныхъ, неяркихъ попытокъ. Главная заслуга Бѣлинскаго—не въ томъ, что онъ лично додумался до всѣхъ идей, имъ высказанныхъ, а въ томъ, что онъ провелъ ихъ сквозь горнило сожигавшаго его внутренняго пламени и сообщилъ имъ отпечатокъ своей идеально-прекрасной личности.

Непреходящее вліяніе статей Бѣлинскаго зиждется на томъ, что въ нихъ слышно біеніе сердца, безспорно самаго благороднаго, что въ нихъ сказалась никѣмъ другимъ недостигнутая высота настроеній, сила и глубина чувства. Основная задача историка эпохи Бѣлинскаго—ознакомить читателя съ этой борьбой за правду и показать, какъ на основѣ завѣтовъ Бѣлинскаго создалась новѣйшая русская литература, это удивительное сочетаніе художественой красоты и нравственной силы, широкаго размаха и тоски по идеалу...

С. Венгеровъ.

О ТОМЪ
КАКЪ Я БЫЛЪ ДЕКАДЕНТОМЪ

РАЗСКАЗЪ.

...Нѣтъ, кромѣ шутокъ, я дѣйствительно всегда былъ убѣжденъ, что принадлежу къ числу людей далеко не дюжинныхъ. Во-первыхъ, я уменъ, хотя бы уже по одному тому, что вижу вокругъ себя бездну людской глупости. Я вижу, какъ люди, которыхъ вовсе никто не считаетъ особенными дураками, глупятъ на каждомъ шагу. Нѣкоторые, по ихъ увѣренію, дѣлаютъ это потому, что они излишне нервны. Одинъ такой субъектъ говорилъ мнѣ, что думаетъ онъ всегда очень умно, а какъ начнетъ говорить или дѣйствовать, такъ сейчасъ разнервничается и станетъ дуракъ-дуракомъ. А для меня все равно—глупъ ли ты, благодаря своему темпераменту и нервамъ; глупъ ли ты по недостатку воспитанія и образованія—все равно, ты глупъ. Дѣйствительно умный человѣкъ, какъ бы онъ ни разнервничался, глупостей не наговоритъ и не надѣлаетъ.

Затѣмъ, еще сидя на студенческой скамейкѣ, я рѣшилъ, что людямъ не хватаетъ, прежде всего, смѣлости. Меня смѣшили мои товарищи, когда они блѣдные, трепещущіе выходили экзаменоваться, нѣкоторые—несмотря даже на то, что были прекрасно подготовлены и отлично знали свой предметъ. Многіе любятъ объяснять это самолюбіемъ... Странное самолюбіе! Мнѣ мое самолюбіе, по крайней мѣрѣ, всегда подсказывало, что бояться и трепетать передъ господиномъ, который важно сидитъ въ креслѣ и называетъ себя профессоромъ, совсѣмъ не изъ чего. Что онъ, можетъ быть, лучше меня знаетъ римское право,—что̀ же изъ

этого? Сапожникъ знаетъ лучше меня сапожное ремесло, столяръ—столярное... Однако, я не трепещу передъ ними, и мое самолюбіе ни на волосъ не пострадаетъ оттого, что я стамеску назову долотомъ, а долото—стамеской. Римское право—ремесло этого господина въ креслѣ—вотъ и все. А если они трепещутъ потому, что боятся провалиться на экзаменѣ, то трепетъ ихъ не спасетъ, а скорѣй еще погубитъ. Нервная глупость—и не больше. Я никогда не трепеталъ и никогда не проваливался. Я, правда, никогда и не гнался за тѣмъ, чтобы получить высшій баллъ... На что̀ онъ мнѣ? Я зналъ, что въ грядущей жизни баллъ этотъ мнѣ не пригодится. Первыя мѣста занимаются вовсе не первыми учениками, а людьми смѣлыми, предпріимчивыми и находчивыми. И я всегда былъ доволенъ, что чувствовалъ себя смѣлымъ, а въ товарищахъ моихъ замѣчалъ пропасть глупой трусости.

Далѣе, я пришелъ къ убѣжденію, что въ жизни весьма важно чувство мѣры. Убѣдительно прошу не смѣшивать это съ „умѣренностью“. Чувство мѣры, въ связи со смѣлостью даетъ вамъ возможность дѣлать то, на что никогда не рѣшатся другіе—и дѣлать это все не только безнаказанно, но и съ пользой и честью для себя. Геніальные люди всегда обладали этими двумя качествами, т.-е. чувствомъ мѣры и смѣлостью, доведенными до высшей степени,—иначе они не были бы и геніальны. Надо брать верхи всего и въ то же время не перехватить лишняго. Вотъ тутъ-то чувство мѣры и необходимо. Недобрать, какъ и перебрать—одинаково безразсудно.

Ко дню выпуска изъ университета моя карьера была уже почти точно размѣчена. Во-первыхъ, я отлично зналъ, чего я хочу, а хотѣлъ я, прежде всего, богатства. Затѣмъ—высокаго административнаго положенія, и въ-третьихъ—славы. Теперь открыты пути, которыми я могъ бы достичь всего этого. Богатство: можно пріобрѣсти его выгодной женитьбой... Но этотъ шаблонный путь не дуренъ, какъ подспорье, возлагать же всѣ надежды на него—рискованно. Темными аферами — дѣйствовать не только опасно, но и невозможно, имѣя въ перспективѣ другихъ двѣ цѣли, т.-е. положеніе и славу... Высокаго положенія можно добиться службой, напрягая всю свою энергію и всѣ свои способности. Этотъ путь трудный, утомительный, да и длинный. Добьешься высокаго положенія къ тому времени, когда тебѣ уже ничего не нужно. Что̀ толку? Къ тому же, идя по этой дорогѣ, можно не успѣть, за недосугомъ, нажить богатство, да и славу-то пріобрѣсти болѣе за выслугу лѣтъ, чѣмъ за личныя качества.

„А вотъ нельзя ли,—думалъ я,—путемъ славы добиться и богатства, и власти“?

Какіе же пути къ славѣ? О, къ ней много путей! Стало быть, остается выбрать только наилегчайшій и наибыстрѣйшій. Чортъ возьми! Можно, конечно, открыть сѣверный полюсъ... Но тогда за тобой такъ и останется репутація смѣлаго открывателя сѣвернаго полюса—и больше ничего. Откроешь сѣверный полюсъ, ну, пожалуй, откроешь еще и южный, а дальше то что̀-жъ? Вѣдь больше и полюсовъ нѣтъ... Прославишься, а потомъ тебя сдадутъ въ архивъ, положатъ пенсію изъ географическаго общества и не довѣрятъ даже управлять въ званіи губернатора какой-нибудь арктической или антарктической губерніей... Заняться изобрѣтеніями? Но, во-первыхъ, для этого нужно спеціальную подготовку, а во-вторыхъ, особый складъ ума. Да, наконецъ, область изобрѣтеній теперь всецѣло завоевана Эдиссономъ. Теперь изобрѣти что̀ угодно—все равно ему припишутъ. Недавно я ѣхалъ въ вагонѣ по желѣзной дорогѣ и слышалъ, какъ два почтенныхъ господина важно разсуждали объ автоматическихъ тормазахъ Вестингауза:

— Да, славная штука,—говорили они.—Сто̀итъ вотъ только потянуть за эту рукоятку, и поѣздъ, какъ вкопанный, замретъ на мѣстѣ. Удивительно изобрѣтательная голова этотъ Эдиссонъ.

Вотъ извольте послѣ этого изобрѣтать что-нибудь!

Да, наконецъ, все это слава односторонняя. Благодаря ей можно еще, пожалуй, пріобрѣсти состояніе, но власть ужъ не пріобрѣтешь. А мнѣ нужны слава, деньги и власть... И я остановился на литературѣ.

„Вотъ путь, по которому можно дойти до чего угодно, если идти умно. Литература вообще и журналистика въ особенности. Съ этого я долженъ начать,—рѣшилъ я, и, окончивъ курсъ въ университетѣ, принялся за дѣло.

Чтобы быть литераторомъ, надо имѣть талантъ... старое, ходячее убѣжденіе... А кромѣ таланта, надо еще трудолюбіе и усидчивость, потому, чтобы написать какую-нибудь большую повѣсть или романъ, надо таки не мало посидѣть надъ ними и потрудиться, хотя бы механически. А если нѣтъ таланта? Вѣдь не всѣ же, въ самомъ дѣлѣ, одарены такъ, какъ Золя, Додэ, Мопассанъ, Тургеневъ, Толстой... А если нѣтъ трудолюбія, этого достоинства людей всегда хоть нѣсколько, но ограниченныхъ?.. Да для меня, наконецъ, и не важно, есть ли у меня талантъ, и я вовсе не претендую на извѣстность талантливаго писателя. Я видѣлъ русскихъ талантливыхъ писателей: они ѣздятъ на кон-

кахъ и обѣдаютъ по кухмистерскимъ. Я имъ никогда не завидовалъ. Да и притомъ что̀ это за талантливость?.. Одинъ прекрасно описываетъ бытъ мелкихъ чиновниковъ, другой недурно разсказываетъ сцены изъ купеческаго быта. Но бытъ мелкихъ чиновниковъ описанъ уже Гоголемъ, Достоевскимъ, а Островскій до конца проштудировалъ купцовъ. Тургеневъ и Толстой охватили русское дворянство... Что̀ же остается? Нѣтъ, все это не то... не то... Я не претендую на талантъ первоклассн аго художника, потому что не хочу ѣздить на конкахъ и обѣдать по кухмистерскимъ, чего избѣжали Толстой и Тургеневъ только потому, что у нихъ было родовое богатство. У меня ничего нѣтъ родового, и къ выходу изъ университета я имѣлъ только какія-то жалкія пять-шесть тысячъ, съ которыми приходилось выступать въ путь къ славѣ, власти и богатству. Нисколько не задумываясь, я почти всѣ эти пять тысячъ истратилъ на обстановку моей квартиры и на изящный гардеробъ.

Устроившись на своей хорошенькой холостой квартиркѣ и истративъ почти всѣ деньги, я вдругъ почувствовалъ себя на какомъ-то распутьѣ. Журнально-литературная дорога уже была выбрана; въ ресторанѣ, въ которомъ я каждый день завтракалъ, я свелъ уже нѣсколько полезныхъ знакомствъ... Не подумайте, чтобы я искалъ дружбы съ талантливыми литераторами, о, нѣтъ! Это народъ вполнѣ безполезный! Но я познакомился съ управляющимъ одного крупнаго повременнаго изданія. Люди, которые стоятъ около денегъ, всегда самые полезные и вліятельные люди. Управляющій конторою всегда можетъ сдѣлать для васъ больше, чѣмъ самъ отвѣтственный редакторъ. Если управляющій конторой выдастъ вамъ солидный авансъ, то редакторъ волей-неволей будетъ помѣщать ваши статьи, чтобы авансъ этотъ погасить.

Я началъ съ управляющихъ конторами, съ людей около денегъ, а не около дѣла. Итакъ, я познакомился съ однимъ изъ такихъ управляющихъ, съумѣлъ ему понравиться, и онъ пригласилъ меня въ свое изданіе и предложилъ даже авансъ. Авансъ я взялъ и... надо было начинать, а съ чего начать—я положительно не зналъ еще... Въ раздумьѣ шелъ я однажды по Невскому проспекту и разнаивничался до такой степени, что сталъ даже придумывать темы. На углу Большой Конюшенной я лицомъ къ лицу встрѣтился съ однимъ моимъ пріятелемъ, Пѝтой Столбухинымъ, только-что вернувшимся изъ Парижа.

— Cher ami! У тебя слишкомъ узокъ галстухъ... Такіе уже не носятъ,—съ первыхъ же словъ заявилъ Пѝта, прикасаясь двумя пальцами къ воротничку моей рубашки.

— Гдѣ не носятъ?—растерялся я.

— Ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ... Я только-что оттуда... Къ вамъ сюда еще не дошло, но мѣсяца черезъ два, я думаю, дойдетъ...

Я хлопнулъ себя по лбу и, забывъ даже пожать руку Пйтѣ Столбухину, свернулъ въ книжный магазинъ Мелье́.

„Не дошло“, думалъ я, „но дойдетъ... Новые галстухи доходятъ мѣсяца въ два—новыя идеи идутъ дольше... Для нихъ нуженъ по крайней мѣрѣ годъ или полтора“.

И черезъ полчаса я сидѣлъ уже у себя дома, роясь въ цѣломъ ворохѣ брошюръ, книгъ, журналовъ, вышедшихъ за послѣдній годъ и отобранныхъ мною у Мелье́. Никогда въ жизни я не работалъ такъ усидчиво. Я выбиралъ „идеи“ и „направленіе“. И, къ ужасу моему, не нашелъ ни идей, ни направленія.

Я плохо спалъ эту ночь. Утромъ проснулся съ головной болью и съ отвращеніемъ смотрѣлъ на ворохъ книгъ, журналовъ и брошюръ, валявшихся на моемъ письменномъ столѣ.

„Кто же, наконецъ, тамъ теперь славенъ, кто извѣстенъ, кто въ модѣ“?—думалъ я и не могъ рѣшить.

Я зналъ, что Пьеръ Лоти, Мопассанъ, Бурже́—извѣстные писатели, но это было не то... это были беллетристы. Затѣмъ шли поэты отъ Поля Верлёна до Луи Ратисбона включительно... Наконецъ, Меттерлинкъ, какъ драматургъ, какъ новый Шекспиръ. Но все это было не то... не то. Я сдѣлалъ нѣсколько пробъ: написалъ двѣ сценки во вкусѣ Мопассана; маленькій путевой очеркъ во вкусѣ Пьера Лоти; небольшую картинку любви въ манерѣ Бурже́. Все это мнѣ казалось очень недурно сдѣлано, и я, пославъ ихъ въ редакцію изданія, съ управляющимъ котораго былъ уже на дружеской ногѣ, сталъ ожидать результатовъ. Я подписалъ всѣ вещи псевдонимомъ „Керри“. Мои вещички, одна за другой, стали появляться въ свѣтъ. Я сталъ прислушиваться, что̀ говорятъ о нихъ, что̀ говорятъ о новоявленномъ „Керри“... Увы! Никто и ничего не говорилъ. Только управляющій конторой, встрѣтившись со мной въ ресторанѣ за завтракомъ, сказалъ:

— Очень, очень мило.

Это меня взорвало. Я вовсе не имѣлъ въ виду писать „очень мило“. Я шелъ не къ этому. Никому не раскрывая своего псевдонима, я пробовалъ вскользь заговаривать съ моими знакомыми о „Керри“, и всюду наталкивался на поразительное равнодушіе. Я отлично зналъ, что сто̀итъ мнѣ только сказать моимъ знакомымъ, что „Керри“—это я самъ, какъ они немедленно бы заин-

тересовались и, можетъ быть, даже стали бы хвалить мои произведенія, но я удерживался. Пріобрѣсти извѣстность только въ кругу своихъ знакомыхъ—жалкая перспектива, а познакомиться со всей Россіей, конечно, нѣтъ возможности. Нѣтъ, надо, чтобы, никто не зная, кто этотъ „Керри", каждый интересовался бы имъ. Но какъ? Какъ это сдѣлать? Я прислушивался къ моднымъ именамъ и подмѣтилъ, между прочимъ, одно интересное явленіе: такъ, напримѣръ, во многихъ домахъ, гдѣ я бывалъ, особенно часто произносили фамилію философа Нитчше. Я рѣшилъ познакомиться съ сущностью его философіи и сдѣлалъ преинтересный выводъ—не изъ ученія Нитчше, нѣтъ, а изъ нравовъ нашего общества: фамилію Нитчше произносили очень многіе, знали почти всѣ, а читали его сочиненія только нѣсколько человѣкъ. Другіе же при имени Нитчше ограничивались туманнымъ напоминаніемъ объ „Uebermensch'ѣ"—и больше ничего. Стало быть, важно не то, чтобы тебя всего и всѣ читали или понимали, а важно, чтобы твое имя повторялось какъ можно чаще.

Я вспомнилъ, что то же самое было и съ другими извѣстными именами. Такъ, одно время всѣ повторяли фамилію Меттерлинка. Этого даже и читали больше, но почти совсѣмъ не понимали. Говорили фамилію „Меттерлинкъ", называли заглавія его пьесъ и прибавляли при этомъ: „Это удивительно оригинально... Это удивительно ново... и глубоко", добавляли нѣкоторые.

Итакъ, нужно, чтобы твое имя и названіе твоихъ произведеній повторялось какъ можно чаще; нужно, чтобъ про нихъ говорили, что они оригинальны, новы, глубоки, потому что непонятны.

Я внимательно проштудировалъ Меттерлинка и рѣшительно не нашелъ въ немъ ничего глубокаго, но пропасть туманнаго и непонятнаго.

Но теперь уже для меня были важны не Нитчше и не Меттерлинкъ; самое главное—это то, что я уловилъ свое направленіе. Можетъ быть, Нитчше уменъ; можетъ быть, Меттерлинкъ талантливъ, но ихъ не читаютъ и не понимаютъ. Зато всѣ говорятъ о нихъ. Я себѣ представилъ собраніе такъ называемыхъ интеллигентныхъ русскихъ людей отъ какого-нибудь заслуженнаго профессора или маститаго администратора до студента перваго курса включительно. Это, конечно, было бы чрезвычайно скучное собраніе. И вдругъ, вотъ, среди этого собранія появились бы Нитчше и Меттерлинкъ. Боже мой, какъ всѣ бы заволновались! Какъ всѣ бы стали толпиться вокругъ этихъ знаменитостей, ло-

вить ихъ каждое слово, гордиться пожатіемъ ихъ руки и потомъ всю жизнь вспоминать, что имъ пришлось провести четверть часа въ обществѣ Нитчше и Меттерлинка. А, между тѣмъ, съ увѣренностью можно было бы сказать, что девяносто-девять сотыхъ этого собранія никогда не прочло ни одной строчки изъ Нитчше или Меттерлинка, и о первомъ знаютъ только то, что онъ создалъ какого-то „Uebermensch'а", а о второмъ—что онъ необычайно назойливо въ своихъ пьесахъ повторяетъ однѣ и тѣ же коротенькія фразы.

Стало быть, нужно, чтобъ повторялось мое имя и хотя бы совсѣмъ не читались мои произведенія. Dixi!

Я пошелъ и взялъ новый авансъ у управляющаго крупнымъ повременнымъ изданіемъ. Этотъ авансъ былъ мнѣ необходимъ, крайне необходимъ для того, чтобы редакторъ печаталъ все, что̀ я ни представлю. Я зналъ, что теперь, въ виду крупнаго аванса, редакторъ совсѣмъ не будетъ читать моего произведенія въ рукописи, а прямо пошлетъ его въ типографію. Оставалось только написать что-нибудь такое, что̀ бы надѣлало шуму.

И я написалъ.

Я назвалъ мой новый этюдъ „Вздохъ чайной розы" и подписался на этотъ разъ уже новымъ псевдонимомъ „Авениръ-Гедоникъ". Нѣкоторые будутъ смѣшивать съ философомъ Аристиппомъ-Гедоникомъ—и отлично! Пусть смѣшиваютъ! „Вздохъ чайной розы", какъ и слѣдовало ожидать, миновавъ руки редактора, попалъ въ типографію и... появился въ печати.

Крупное изданіе, въ которомъ я напечаталъ мой этюдъ, имѣло, конечно, много враговъ и завистниковъ. Съ пѣной у рта набросились они на редакцію, придравшись къ моей „Чайной розѣ". Газеты, журналы, юмористическіе листки—всѣ подхватили „Чайную розу", какъ верхъ всякой безсмыслицы, и принялись ее трепать съ остервенѣніемъ. Припомнились всѣ старые грѣхи редакціи, упоминалось и о порнографіи, и объ инсинуаціяхъ, и о чемъ вамъ угодно. Но нашъ редакторъ былъ человѣкъ самолюбивый, смѣлый и зубастый, и онъ не остался въ долгу передъ своими противниками.

„Только тупоголовые и толстокожіе бегемоты не могутъ понять всей прелести, тонкости и глубины „Вздоха чайной розы",—отписывался онъ по адресу враговъ.—Вся интеллигентная публика, вся лучшая часть русскаго образованнаго общества съ радостью встрѣтила появленіе новаго таланта въ лицѣ Авенира-Гедоника и съ жадностью прочла его „Вздохъ чайной розы". Мы спѣшимъ оповѣстить нашихъ читателей, что въ портфелѣ

редакціи имѣется еще нѣсколько этюдовъ молодого писателя, которые не замедлятъ появиться на страницахъ нашего изданія".

— Послушайте, — обратился онъ ко мнѣ при первой же встрѣчѣ. — Напишите-ка намъ еще что-нибудь въ родѣ этой ерунды. Ваша „Чайная роза" —верхъ безсмыслицы, но это производитъ скандалъ и потому поднимаетъ подписку... „Дѣлайте шумъ"—это главное, что нужно въ литературѣ.

Я написалъ „Крикъ Ивикова журавля".

На этотъ разъ даже самыя серьезныя изданія отозвались на мой „Крикъ". Появились пародіи, и имя Авенира-Гедоника стало все чаще и чаще повторяться въ обществѣ, наравнѣ съ именами атлета Дубоносова и велосипедиста-чампіона Мурло.

За „Крикомъ" послѣдовали „Слезы зеленой лягушки"... Въ двухъ-трехъ журналахъ появились уже сочувственные отзывы. Нашлись критики, которые въ моихъ туманныхъ образахъ усмотрѣли яркіе символы. Одинъ утверждалъ, что въ „Крикѣ Ивикова журавля" я имѣлъ въ виду армянскій вопросъ, а другой— что „Слезы зеленой лягушки" есть не что иное, какъ памфлетъ по поводу меліораціоннаго кредита.

„Порхающій ландышъ" (слѣдующій мой этюдъ) толковали двояко: одни говорили, что это статья по поводу биржевой горячки; другіе—что это замаскированная проповѣдь буддизма.

Въ какихъ-нибудь два-три мѣсяца „Авениръ-Гедоникъ" побилъ рекордъ и атлета Дубоносова, и бициклиста Мурло. Я нашелъ, что настало время раскрыть мой псевдонимъ въ кругу моихъ знакомыхъ. И кругъ этотъ сразу и значительно расширился. Моего знакомства искали. Книжечка, маленькая, изящная книжечка моихъ этюдовъ, которую я уже успѣлъ собрать и выпустить подъ общимъ заглавіемъ: „Лениметры", встрѣчалась и въ хорошенькихъ будуарахъ нашихъ дамъ, и въ дѣловыхъ кабинетахъ крупныхъ административныхъ и финансовыхъ тузовъ. Никто не понималъ, что значитъ слово „Лениметры", но никто не рѣшался обратиться ко мнѣ за разъясненіемъ, и они отлично дѣлали, что не обращались, потому что я и самъ не зналъ, что значитъ „Лениметры". Эго слово я увидалъ во снѣ и поставилъ его въ заголовкѣ моей книжки. Но и мои читатели, и я, дѣлали видъ, что мы отлично знаемъ его значеніе, причемъ дамы предполагали, кажется, что это какой-то биржевой терминъ, а тузы думали, что это изъ Конфуція.

Слава, завѣтная слава, начинала уже раскрывать мнѣ свои объятія.

Нужно было подумать и о другихъ двухъ цѣляхъ, т.-е. о

богатствѣ и власти. Редакція увеличила мнѣ гонораръ и широко открыла кредитъ по части авансовъ. Но это, конечно, далеко еще не богатство. Одинъ администраторъ звалъ уже меня къ себѣ въ губернію въ качествѣ чиновника по особымъ порученіямъ, но какая же это власть? Я жду другихъ перспективъ и, кажется, дождусь ихъ...

Мѣсяца три тому назадъ я сидѣлъ въ кабинетѣ одного администратора. Мы курили сигары и перекидывались отрывочными фразами... Результатомъ этого были: мой маленькій этюдъ „Перелетные соловьи“ и... мое прикомандированіе къ одному центральному учрежденію.

Въ „Перелетныхъ соловьяхъ“ многіе усмотрѣли символъ новаго нарождающагося департамента, а въ центральномъ учрежденіи, куда я явился вскорѣ послѣ моего назначенія, мои новые сослуживцы отнеслись ко мнѣ не только предупредительно, но и съ нѣкоторой робостью.

Затѣмъ, совсѣмъ уже недавно, я подарилъ публику этюдомъ, подъ названіемъ: „Крапивныя незабудки или насморкъ философа Бир-Ман-Ю“, а вчера состоялось мое избраніе въ директора новаго акціонернаго общества „Возрождаюсь“.

Сегодня написалъ двѣ статьи: одну подъ заглавіемъ—„О необходимости дополненія въ управленіи для разрѣшенія справокъ и объясненій“, а другую—„Проектъ обязательнаго пріобрѣтенія акцій въ виду нормальнаго распредѣленія народнаго богатства“. Ни въ той, ни въ другой, нѣтъ уже болѣе ничего декадентскаго, и если онѣ все-таки не совсѣмъ ясны, то это только для того, чтобы онѣ могли получить движеніе въ ту и въ другую сторону.

Я пересталъ быть декадентомъ, но имя Авенира-Гедоника не только не забудется, а съ каждымъ днемъ будетъ получать все бо̀льшую и бо̀льшую извѣстность. Я же надѣюсь быстрыми шагами идти и къ другимъ двумъ намѣченнымъ мною цѣлямъ.

Недаромъ же я всегда былъ убѣжденъ, что принадлежу къ числу людей далеко не дюжинныхъ...

Влад. Тихоновъ.

ВОСПОМИНАНІЯ
СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ
КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ.

(1854 — 1860 гг.)

Въ майской книгѣ „Вѣстника Европы", за 1893 г., въ статьѣ: „Наканунѣ реформъ", я нашла, что кромѣ признанія интереса историческаго и литературнаго достоинства, заключавшагося въ извѣстныхъ воспоминаніяхъ Ив. С. Аксакова,—въ этой статьѣ высказывалось и желаніе узнать болѣе про то интересное, а для насъ, жившихъ тогда, ужасное и тяжелое время. Это дало мнѣ мысль напечатать мои записки съ 1854-го по 1860-ый годъ.

Въ ноябрѣ 1854 г., великая княгиня Елена Павловна устроила Крестовоздвиженскую общину; я въ нее поступила; тогда это казалось очень ново, и многіе были противъ этого. Сестры поѣхали прямо въ Севастополь, и тамъ Николай Ивановичъ Пироговъ былъ нашимъ главнымъ начальникомъ и руководителемъ.

Были мы при 1-мъ перевязочномъ пунктѣ, на южной сторонѣ Севастополя. Мы ее оставили только уже тогда, когда Малаховъ курганъ былъ занятъ непріятелемъ, такъ что все это происходило на нашихъ глазахъ. Когда же пришлось намъ переѣхать въ Симферополь, я, по желанію Николая Ивановича Пирогова, четыре раза провожала транспортъ раненыхъ и больныхъ. Боже, что̀ это было за трудное и мучительное время! Въ февралѣ умерла наша сестра-настоятельница Екатерина Александровна Хитрово, и великая княгиня назначила меня сестрой-

настоятельницей. Я, побывавъ въ Петербургѣ, опять вернулась въ Крымъ и ѣздила по всѣмъ госпиталямъ, гдѣ служили наши сестры въ десяти городахъ. Когда же въ концѣ 1856 года военно-временные госпитали были закрыты, мы всѣ съѣхались въ Петербургъ; тутъ великая княгиня занялась устройствомъ постоянной общины въ Петербургѣ, и тогда я переписывалась съ Николаемъ Ивановичемъ Пироговымъ; его письма помѣщены въ моихъ запискахъ. Для той же цѣли я ѣздила въ Берлинъ и Парижъ, чтобы видѣть устройство тамошнихъ общинъ. Записки мои кончаются въ половинѣ 1860 г., когда я оставила общину.

I.

Я не начну своихъ воспоминаній, какъ могъ это дѣлать талантливый авторъ писемъ изъ эпохи крымской войны, И. С. Аксаковъ,—съ самыхъ первыхъ дней моей молодости: она прошла такъ, какъ въ то старое время проходила жизнь дѣвушекъ нашего званія, т.-е. въ выѣздахъ, занятіяхъ музыкой, рисованіемъ, домашними спектаклями, балами, на которыхъ я, должна признаться, танцовала съ удовольствіемъ, и, можетъ быть, вполнѣ заслужила бы отъ нынѣшнихъ дѣвицъ, посѣщающихъ лекціи и анатомическіе театры, названіе „кисейной барышни". Но тогда мы всѣ были такія, и мое желаніе поступить въ сестры милосердія встрѣтило сильную оппозицію родныхъ и знакомыхъ.

Теперь это совсѣмъ не то, и въ послѣднюю кампанію въ сестры Краснаго Креста шло очень много, можно почти сказать, что это было модой, и онѣ шли на извѣстное, а тогда...

Вотъ съ этого-то времени я и начну мои воспоминанія.

Въ 1854 году мы съ сестрей были въ деревнѣ у нашей хорошей знакомой, Варвары Петровны Писемской, во владимірской губерніи.

Никогда не забуду я того вечера, когда мы получили газеты съ извѣстіемъ, что французы и англичане высадились въ Крыму. Я не могла себѣ представить, что этотъ красивый уголокъ нашего обширнаго отечества можетъ сдѣлаться театромъ жестокой войны (1849 и лѣто 1850 года мы провели въ Крыму, такъ какъ сестрѣ были предписаны морскія купанья. Какъ хорошо и спокойно тамъ было!).

А чрезъ нѣсколько дней опять извѣстіе объ альминскомъ сраженіи!

Въ октябрѣ мѣсяцѣ мы вернулись въ Москву. Съ какимъ

нетерпѣніемъ мы хватались тогда за газеты; и вотъ, прочитала я, что французскія сестры поѣхали въ военные госпитали; потомъ въ англійскіе госпитали поѣхала миссъ Нейтингаль съ дамами и сестрами. А что-жъ мы то? Неужели у насъ ничего не будетъ? Эта мысль не оставляла меня. На мое счастіе, сестра, съ которой я была очень дружна, раздѣляла мои мысли и согласилась отпустить меня, если и у насъ тоже будутъ посылать. Мы поѣхали къ кн. Софьѣ Степановнѣ Щербатовой, у которой мы были помощницами по попечительству о бѣдныхъ, узнать, неужели ничего не будетъ у насъ. Она сказала: „Говорятъ, что въ Петербургѣ что-то готовится", и совѣтовала подождать княгиню Анну Матвѣевну Голицыну, которая въ это время была въ Петербургѣ. Я всякій день посылала узнать, пріѣхала ли Annette, но дни проходили, а ея все не было.

Но вдругъ я получила записку отъ Софьи Степановны (я ее и теперь помню). Она звала пріѣхать къ ней и писала: „J'ai ce qu'il vous faut".

Когда мы къ ней пріѣхали, она разсказала, что великая княгиня Елена Павловна устроила Крестовоздвиженскую общину, что первый отрядъ собрался, что онѣ на дняхъ проѣдутъ черезъ Москву, и что будутъ посылать еще. Я рѣшилась ждать ихъ и сейчасъ къ нимъ поѣхать, увидаться и все разспросить; а пока я все-таки хотѣла испытать себя и поѣхала къ знакомому мнѣ доктору, ординатору въ полицейской больницѣ, которую графъ Закревскій называлъ „самой гнусной" изъ всѣхъ московскихъ.

Я пріѣхала на визитацію и просила его показать мнѣ всѣхъ перевязочныхъ и потомъ позволить мнѣ пріѣхать провести цѣлыя сутки безвыходно въ госпиталѣ. Онъ удивился, взглянулъ на меня, а я ему сказала: „Павелъ Яковлевичъ, я собираюсь ѣхать въ Севастополь".

— Ну, что-жъ, съ Богомъ! Вы выдержите.

Итакъ, сбудется мое сердечное желаніе чуть не съ самаго дѣтства,—я буду сестрой милосердія!

Первый отрядъ сестеръ проѣхалъ. Я была у нихъ (не помню, гдѣ онѣ останавливались); ихъ было 30; можетъ быть, нѣсколько и больше. Все мнѣ у нихъ понравилось, и онѣ тоже всѣ понравились. Чтобы ѣхать далѣе изъ Москвы, для нихъ были приготовлены хорошіе тарантасы; ихъ провожалъ чиновникъ. Я провела съ ними часа два. Какъ я завидовала, что онѣ уже ѣдутъ! Онѣ мнѣ сказали, что и второй отрядъ уже готовъ и ...ро поѣдетъ, но будутъ посылать еще.

На другой же день я написала въ Петербургъ къ гр. Антонинѣ Дмитріевнѣ Блудовой, чтобы она сообщила кому слѣдуетъ, что я желаю поступить въ сестры, и съ нетерпѣніемъ ждала отвѣта, а между тѣмъ провела сутки безвыходно въ больницѣ, видѣла много перевязокъ и очень была довольна тѣмъ, что все это перенесла очень спокойно и безъ утомленія.

Но какъ было горько и досадно, когда въ отвѣтъ на мое письмо я получила такой отвѣтъ: „Теперь собираютъ петербургскихъ, а когда будутъ вызывать изъ Москвы, тогда и васъ позовутъ“.

На это я написала, что меня очень удивляетъ такое раздѣленіе, и что когда дочь Бакунина, который былъ губернаторомъ въ Петербургѣ, и внука адмирала Ивана Логгиновича Голенищева-Кутузова желаетъ ходить за матросами, то странно, кажется, отказывать ей въ этомъ. На это мнѣ отвѣчали, что въ первый отрядъ, который соберется, и я попаду.

Но что̀ было ужасно при всѣхъ этихъ проволочкахъ—что всякій день приходилось слушать возраженія на мое рѣшеніе. То пріѣдетъ Иванъ Васильевичъ Капнистъ, нашъ родственникъ,—онъ былъ тогда губернаторомъ въ Москвѣ, мы съ нимъ были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ,—и начинаетъ онъ очень серьезно говорить, что пріѣхалъ уговорить меня не поступать такъ опрометчиво и не брать на себя такихъ тяжелыхъ обязанностей. То пріѣдутъ двоюродныя сестры, которыя цѣлый вечеръ болтали о томъ, какъ это хорошо, и что надо служить больнымъ. Я молчала, потому что серьезно думала объ этомъ; но когда я сказала, что поѣду, то онѣ же были противъ меня.

Алексѣй Бакунинъ, который имѣлъ знакомыхъ въ Симферополѣ, привезъ мнѣ письмо, которое получилъ оттуда; въ немъ были описаны всѣ ужасы послѣ альминскаго сраженія и страшное накопленіе госпиталей и тифозными, и ранеными. Но этотъ меня зналъ и не спорилъ, а, прочитавъ письмо, сказалъ: „Вѣдь я тебя знаю,—тебѣ теперь еще больше захотѣлось туда ѣхать“.

Но всего больше меня смущалъ и мучилъ братъ (онъ военный, былъ въ кампаніи 1828 и 29 годовъ); онъ все говорилъ, что это вздоръ, самообольщеніе, что мы не принесемъ никакой пользы, а только будемъ тяжелой и никому ненужной обузой.

Нынѣшнія сестры Краснаго Креста ничего этого уже не испытали.

Наконецъ, я получила приглашеніе явиться въ Петербургъ, но и на дорогѣ еще меня уговаривали вернуться. Тогда поѣзда встрѣчались въ Бологовомъ; я вышла на вокзалъ и тамъ встрѣ-

тила Капниста, брата губернатора, который сталъ серьезно меня уговаривать не продолжать моего пути, а вернуться съ нимъ въ Москву... Но, наконецъ, я—въ Петербургѣ. Написала записочку къ баронессѣ Эдитѣ Ѳедоровнѣ Раденъ. Какой-то будетъ отвѣтъ?

Утромъ я получила записку отъ Эдиты Ѳедоровны. Она приглашала меня пріѣхать къ ней, чтобы идти вмѣстѣ къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

Всѣмъ давно было извѣстно, что великая княгиня—очень образованная и умная женщина, но я не ожидала, что при этомъ она такъ мила и привлекательна. Съ какимъ чувствомъ, съ какимъ жаромъ и участіемъ она относилась къ начатому ею дѣлу! Я была ею очарована. Она сказала мнѣ, что приглашаетъ меня переѣхать во дворецъ. Я отвѣчала, что пріѣхала съ сестрой, при которой есть еще горничная. Она мнѣ отвѣтила, смѣясь: „Est-ce que vous croyez qu'il n'y aura pas de place chez moi aussi pour elle"? [1])

Итакъ, было рѣшено, что мы сейчасъ же переѣдемъ во дворецъ, а обѣдать будемъ съ фрейлинами.

Отрядъ готовился небольшой; кромѣ меня, должны были ѣхать семь сестеръ, три доктора и два фельдшера; но не все еще было готово, а въ это время мы должны были ѣздить въ клинику, т.-е. во второй сухопутный госпиталь, и заняться перевязками подъ руководствомъ доктора Чартораева, и тоже продежурить тамъ сутки. Я очень скоро туда поѣхала на дежурство, тамъ встрѣтилась и познакомилась съ сестрами, которыя тоже собирались ѣхать. Не помню, кто изъ нихъ былъ тогда со мной, и много ли ихъ было, но очень помню, какъ мы проходили всю ночь по этимъ длиннымъ неопрятнымъ корридорамъ. Этотъ госпиталь былъ тогда въ ужасномъ видѣ.

Въ одномъ только случаѣ мнѣ пришлось сдѣлать надъ собой большое усиліе, чтобы не поддаться страху. Незадолго до этого времени какой-то шальной волкъ (тогда говорили, что онъ бѣшеный) забѣжалъ въ Петербургъ и сильно искусалъ одну женщину. Она лежала въ клиникѣ совершенно особенно. Мы отворили къ ней дверь, и она стала насъ звать подойти къ ней. Вотъ тогда-то мнѣ стоило большого усилія подойти и поговорить съ ней, но я не хотѣла тогда позволить себѣ ни малѣйшей слабости, да и противъ больной было совѣстно показать, что я ея боюсь...

Когда я вернулась съ дежурства, напилась кофе и собира-

[1]) Развѣ вы думаете, что у меня не хватитъ мѣста и для нея?

лась отдыхать, кто-то постучался въ дверь, которая вела во внутреннія комнаты дворца. Надо признаться, что я встала и съ нѣкоторой досадой пошла открывать дверь; вдругъ вижу—предо мной стоитъ великая княгиня. Она вошла, сѣла и съ большимъ участіемъ принялась меня разспрашивать, какъ я провела ночь? какое дѣйствіе это дежурство произвело на меня? Говорила, что я должна подумать; что тамъ будетъ гораздо хуже и труднѣе. Не сомнѣваюсь ли я въ себѣ? Если же я раскаялась, то „il ne faut pas persévérer par fausse honte“ [1]). Все это было сказано съ такой добротой, съ такимъ сердечнымъ участіемъ!.. Но я ей отвѣчала, что, напротивъ того, я на себя надѣюсь и все больше и больше желаю ѣхать.

Пока мы готовились къ отъѣзду, я почти всякій день видѣла великую княгиню. Такъ живо вспоминается мнѣ, какъ мы съ ней сидѣли на тюкахъ въ театрѣ Михайловскаго дворца, который весь представлялъ какой-то складочный магазинъ. Сама великая княгиня все придумывала, о всемъ сама хлопотала. Одно меня очень смущало: на тюкахъ, которые готовились для насъ, писалось: „въ Херсонъ“ и „въ Николаевъ“, а мнѣ такъ хотѣлось въ Крымъ, въ Севастополь!

Помню тоже очень, какъ мы всѣ восемь и, кажется, еще нѣсколько готовившихся поступить въ сестры были въ клиникѣ на операціи, и великая княгиня была тутъ же съ нами во все время операціи, которая длилась очень долго; ее дѣлалъ Немертъ (резекція tibia).

Я еще ѣздила раза два на перевязки утренней визитаціи. Помню, что много было гангренозныхъ. Это было хорошее приготовленіе для Севастополя. Знаю, что нѣкоторые доктора надо мной смѣялись, говорили: „Что̀ это за сестра милосердія, которая ѣздитъ на перевязки въ каретѣ“! Но я такъ боялась простудиться и быть вынужденной остаться, что я очень берегла себя. И, слава Богу, я не была хуже другихъ и готовилась очень серьезно къ принятію давно желаемаго званія сестры милосердія, говѣла и причастилась.

И вотъ наступило 10-ое декабря. Мы всѣ восемь, уже одѣтыя въ коричневыя платья, бѣлые передники и бѣлые чепчики, пошли къ обѣднѣ въ верхнюю церковь дворца. Великая княгиня была тамъ; еще были разныя дамы и тоже мои родственники: сестра моя, Ѳедоръ Николаевичъ Глинка съ женой и другіе.

Послѣ обѣдни священникъ громко прочелъ наше клятвенное

---

[1]) Не надо упорствовать изъ-за ложнаго стыда.

обѣщаніе передъ аналоемъ, на которомъ лежали евангеліе и крестъ, и мы стали подходить и цѣловать слова Спасителя и крестъ, а потомъ становились на колѣни передъ священникомъ; и онъ надѣвалъ на насъ золотой крестъ на голубой лентѣ. Эта минута никогда не выйдетъ изъ моей памяти!..

Но и тутъ я имѣла маленькое смущеніе: когда я отошла къ стоящимъ, Ѳеофилъ Толстой, остановя меня; сказалъ: „Qu'avez-vous fait, ma cousine“! [1]) Но уже это было послѣднее сопротивленіе, и затѣмъ всѣ признали un fait accompli [2]). На другой день мы выѣхали въ Москву.

Странно было пріѣхать въ Москву, въ свой родной городъ, и поѣхать не въ домъ, гдѣ мы жили вмѣстѣ съ братомъ, а поѣхать вмѣстѣ съ сестрами въ клинику на Рождественку, гдѣ для насъ было приготовлено помѣщеніе. Мы остались нѣсколько дней въ Москвѣ; экипажи не были готовы. Мы ходили въ клинику, учились бинтовать на фантошѣ. Я помню, что ѣздила только, какъ настоящая москвичка, помолиться въ часовнѣ Иверской Божіей Матери и со всѣми сестрами принять благословеніе митрополита Филарета; да еще была у старой тетушки. А то родные и знакомые пріѣзжали ко мнѣ въ клинику, а двѣ мои сестры даже ночевали со мной въ общей нашей комнатѣ. Странное это было для меня время—точно во снѣ!

Наконецъ, 15-го декабря, мы пустились въ путь; въ двухъ тарантасахъ ѣхали мы, сестры, въ третьемъ—доктора̀, и еще перекладная для клади и фельдшеровъ. И всегда некрасивые и тяжелые четырехмѣстные тарантасы были еще неуклюжѣе, поставленные на полозья и съ привязанными тутъ же колесами. Я не стану подробно разсказывать этого длиннаго путешествія, но разскажу изъ него нѣкоторые эпизоды. И для тѣхъ, которые ѣздятъ или, правильнѣе сказать, которыхъ возятъ нѣсколько вродѣ клади по желѣзнымъ дорогамъ, этотъ разсказъ покажется изъ „временъ очаковскихъ и покоренья Крыма“.

20-го декабря, мы съ трудомъ дотащились до Бѣлгорода и тутъ должны были остаться почти весь день. Надо было бросить полозья и ѣхать на колесахъ. Дорога ужасная! Еще въ нашихъ тарантасахъ мы ѣхали немного скорѣе, но несчастныя сердобольныя, которыхъ везли въ огромныхъ мальпостахъ, ужасно бѣдствовали; экипажи у нихъ безпрестанно вязли и ломались. Въ Бѣлгородѣ насъ повезли прямо въ домъ купца, гдѣ намъ былъ

[1]) Что̀ вы сдѣлали, кузина!

[2]) Совершившійся фактъ.

приготовленъ обѣдъ; а я могла исполнить свое желаніе ѣхать поклониться св. Іосафу. Потомъ насъ еще повезли въ женскій монастырь; тамъ чудотворный образъ Корсунской Божьей Матери.

До Харькова мы доѣхали скоро; тамъ была дневка, и мы обѣдали у генералъ-губернатора Кокошкина, гдѣ насъ очень любезно приняли.

Мы надѣялись теперь безпрепятственно продолжать нашъ путь. Но увы! Когда 24-го декабря, почти у Екатеринослава, мы подъѣхали къ Днѣпру, намъ объявили, что насъ перевезутъ, но экипажей нельзя перевезти, парòмъ не ходитъ, что слишкомъ большія закраины и много льда. Нечего дѣлать. Мы взяли самыя нужныя вещи, подушки и отправились по льду до *дуба* (такъ называются здѣсь большія лодки съ палубой); часто ледъ насъ затиралъ, и тогда всѣ находящіеся на лодкѣ раскачивали ее съ протяжнымъ крикомъ: „Качай дуба! Качай дуба“!

Наконецъ, мы стали приставать къ ледянымъ закраинамъ другого берега, но нѣсколько разъ онъ оказывался слишкомъ тонкимъ и ломался подъ досками, которыя на него бросали. Наконецъ удалось намъ перебраться на берегъ и достигнуть Екатеринослава, кто на дрожкахъ, кто на перекладной, а кто и пѣшкомъ. Наши экипажи не скоро переправились, и намъ пришлось остаться нѣсколько дней. Какъ я рада была, когда мы опять поѣхали! Но вотъ чтò было ужасно: несмотря на то, что мы ѣхали съ подорожной по казенной надобности, намъ запрягали по три пары воловъ нѣсколько станцій сряду. Этотъ постоянно медленный воловій шагъ выводилъ меня совершенно изъ терпѣнія. Еще помню, какъ мы, 30-го декабря, совсѣмъ сбились съ дороги; ночь была непроглядная, лошади останавливались; дождь, вѣтеръ, и въ перспективѣ—провести ночь въ степи. Еще такъ, на авось, мы подвинулись, не зная куда. И вдругъ увидали огни и кое-какъ до нихъ доѣхали. Это оказалась Новая Грушевка, имѣніе барона Штиглица, гдѣ управляющій и его семейство встрѣтили насъ очень радушно. Надо было имѣть въ перспективѣ провести ночь въ завязнувшихъ тарантасахъ, въ непроглядной тьмѣ, чтобы оцѣнить вполнѣ свѣтлыя, теплыя комнаты, кипящій самоваръ и сонъ на постланныхъ постеляхъ! Тутъ мы остались ночевать и уже на волахъ пустились утромъ далѣе, чтобы ѣхать день и ночь.

Но когда мы пріѣхали въ Нововоронцовку, то нашъ погонщикъ намъ объявилъ, что онъ насъ не „свалитъ“ на станціи, а онъ знаетъ, куда насъ „свалитъ“, и свалилъ онъ насъ передъ хорошимъ домикомъ. Это распорядился полковникъ Солн-

цевъ, управляющій имѣніемъ графа Воронцова, и намъ былъ сдѣлапъ самый милый пріемъ.

Полночь на 1-ое января 1855 г. пробило, когда мы сидѣли за столомъ, поздравляли другъ друга и отъ всей души желали всего хорошаго. Грустно и тяжело было встрѣтить новый годъ совсѣмъ съ чужими, а все-таки надо было стараться быть повеселѣе.

На слѣдующій день, послѣ завтрака, мы пустились въ путь; намъ заложили двѣ пары воловъ. Ихъ оказалось мало, припрягли еще двѣ пары, и вотъ восемь воловъ съ трудомъ насъ тащатъ по три версты въ часъ. Это нестерпимо! Только послѣднія двѣ станціи намъ дали лошадей, и мы скоро доѣхали до Берислава.

Въ Бериславѣ мы должны были найти письмо отъ Николая Ивановича Пирогова съ распоряженіемъ его—куда намъ ѣхать. Письмо это и было оставлено, но сестры второго отдѣленія взяли его и распорядились по немъ, т.-е. нѣкоторыя изъ нихъ поѣхали въ Херсонъ, а другія въ Симферополь; тутъ эти двѣ дороги расходятся.

Изъ трехъ докторовъ, которые ѣхали съ нами, двое посылались тоже великой княгипей на перевязочный пунктъ, а третій, докторъ Василій Ивановичъ Тарасовъ, былъ назначенъ докторомъ нашей общины и долженъ былъ всѣмъ распоряжаться. Онъ и написалъ Николаю Ивановичу и послалъ эстафетъ (тогда еще не было телеграфа). Я должна признаться, что меня очень обрадовало то, что уже другія отправились въ Херсонъ,—авось мы попадемъ въ Севастополь. Но намъ пришлось ждать отвѣта нѣсколько дней. Здѣсь можно было уже чувствовать, что мы подвигаемся къ мѣсту, гдѣ война, слышать разсказы, какъ мы бѣжали изъ Евпаторіи, и иногда смѣшные разсказы; напримѣръ, какъ наши бѣжали подъ Перекопомъ, воображая, что за ними гонится непріятель, а за ними гнались казаки, чтобы ихъ остановить... Мы пробыли въ Бериславѣ и крещенскій сочельникъ, а въ Крещеніе ходили на іордань на Днѣпръ. Очень было красиво: высокая гора, на которой стоитъ городъ, была вся покрыта народомъ. Черезъ нѣсколько дней полученъ былъ отвѣтъ: ѣхать въ Симферополь. И вотъ, то на волахъ, то на парѣ верблюдовъ (эти по крайней мѣрѣ идутъ скорѣе, по семи верстъ въ часъ) мы добрались до Симферополя.

Пріѣхали прямо въ домъ, гдѣ жили сестры перваго отдѣленія. Впечатлѣніе было очень грустное. Онѣ со всѣмъ рвеніемъ и усердіемъ принялись за дѣло; симферопольскіе госпитали были переполнены ранеными и особливо тифозными, и сами сестры стали

очень скоро заболѣвать. Когда я пріѣхала, то уже четыре сестры умерли; иныя поправлялись, а другія еще были очень больны, и сама старшая этого отдѣленія, она же и начальница всей общины, Александра Петровна Стаховичъ, лежала еще въ постели.

Я знала Симферополь прежде. Мы тутъ провели зиму 1850 года, когда пріѣзжали съ сестрой, но этотъ мирный, тихій городокъ былъ неузнаваемъ. Мы тогда хорошо тутъ жили. У меня были и знакомые, и первый добрѣйшій и милѣйшій Владиславъ Максимовичъ Княжевичъ. Я сейчасъ пошла къ нему, и тутъ же, для увеличенія грустнаго впечатлѣнія, узнала о смерти дяди. На другой день я отыскала въ госпиталѣ своего давнишняго и хорошаго московскаго знакомаго, Александра Михайловича Дмитріева. Онъ раненъ; но ему лучше. Онъ очень удивился и обрадовался, увидавъ меня.

Не вдругъ мы узнали окончательное распоряженіе насчетъ сестеръ; но, наконецъ, было рѣшено, что всѣ сестры будутъ въ Севастополѣ. Уже 16 сестеръ второго отдѣленія тамъ, на южной сторонѣ, т.-е. именно въ Севастополѣ, а сестры перваго отдѣленія тоже туда поѣдутъ, какъ только поправятся. Сестры, что̀ пріѣхали со мной, тоже должны туда ѣхать. Сестра-начальница сначала пожелала, чтобы я осталась тутъ заняться ихъ домашними дѣлами. Я скрѣпя сердце согласилась, но мои сестры подняли плачъ и приходили въ ужасъ, какъ имъ ѣхать безъ меня; а такъ какъ Александра Петровна Стаховичъ стала чувствовать себя крѣпче, то и рѣшила, что я могу уѣхать.

И вотъ, мы стали собираться. Надо было и то, и другое приготовить и взять съ собой. При первомъ отдѣленіи находился чиновникъ Филиппов, такой мѣшкотный; онъ меня нѣсколько разъ выводилъ изъ терпѣнія съ укладкой разныхъ мелочей, и продержалъ насъ такъ, что мы выѣхали поздно и только доѣхали до Бахчисарая. Тутъ дорога была хороша, а тамъ, что̀ ближе къ Севастополю, то хуже. Мы не рѣшились ѣхать дальше, а ночевать тутъ же.

Приходила ко мнѣ сестра Лоде; онѣ уже недѣли три при бахчисарайскомъ госпиталѣ. Она мнѣ очень понравилась; жаль, если мы не будемъ съ ней вмѣстѣ.

Утромъ на измученныхъ лошадяхъ и по ужасной дорогѣ подвигались мы къ Севастополю. Хорошо еще, что въ моемъ тарантасѣ было заложено пять лошадей; и вотъ, когда какой-нибудь тарантасъ завязнетъ, ихъ туда вели и пристегивали. Можно легко себѣ представить, какъ наше путешествіе совершалось медленно; но погода была великолѣпная, легкій морозъ, воздухъ

чистый и свѣжій, и мѣстами такъ сухо, что мы могли идти пѣшкомъ.

Въ пять часовъ мы были на Сѣверной, и долго не знали, гдѣ намъ пріютиться. Наконецъ, Тарасовъ отыскалъ смотрителя морского госпиталя, и тотъ далъ намъ комнату, всю заваленную разными тюками, на которыхъ мы и расположились, а его жена и теща пришли насъ напоить чаемъ. Онѣ здѣсь тоже на бивуакахъ: ихъ госпиталь совсѣмъ разрушенъ бомбами, и они сюда перешли на четвертый день бомбардировки, но никого изъ всего госпиталя не только не убило, но и не ранило.

Боже! какъ я была глупа, слушая пальбу! Мнѣ надо было себѣ говорить, что это стрѣляетъ въ насъ непріятель, а то такъ и кажется—на Ходынкѣ ученье.

19-ое января мы провели дома, только выходили полюбоваться черезъ бухту на Севастополь. Какъ онъ красивъ! Смотрѣли на вражескій флотъ, который очень гордо красуется на горизонтѣ, —а нашъ!...

На другой день ѣздила съ сестрой Алекс. Иван. Травиной познакомиться съ сестрами. Ихъ старшая сестра Меркулова очень пріятной наружности, и очень мнѣ понравилась. Ходили въ госпиталь, гдѣ занимаются сестры. Но нашъ докторъ никакъ не хочетъ, чтобъ мы, не отдохнувъ хорошенько, поступили въ госпитали. Итакъ, мы опять вернулись на Сѣверную.

Наконецъ, 21-го января, мы пошли въ бараки. Очень мы всѣ были рады приняться за дѣло. Но странно, дико все это казалось: и доктора̀ незнакомые, и все такое чуждое. Какой-то французъ съ радостью закричалъ: „Ah, la soeur“! и еще болѣе обрадовался, когда я съ нимъ заговорила. Но не долго мы тутъ оставались. Пріѣхалъ Николай Ивановичъ и сказалъ, что лучше и намъ тоже переѣхать на ту сторону, т.-е. именно въ Севастополь, чему мы очень обрадовались. Прошло дня три, покуда намъ приготовили квартиру. Доктора тутъ же съ нами помѣстились.

Какъ мнѣ живо вспоминаются эти двѣ маленькія комнатки и звуки органа (въ этомъ домѣ помѣщалась католическая церковь). Но мы недолго оставались тутъ, а перешли въ тотъ же домъ, гдѣ помѣщалась Меркулова съ сестрами. Мы очень желали, т.-е. я и она, соединиться совершенно; я ей даже предлагала, такъ какъ ея сестеръ было гораздо больше, быть старшей надъ всѣми, но она этого не захотѣла, и было положено, que nous ferons ménage commun [1]), и дежурство тоже. Но ни

[1]) Будемъ вести хозяйство сообща.

ея, ни мои сестры не были этимъ довольны. Мы надѣялись, что это потомъ обойдется. Оно и обошлось.

Николай Ивановичъ Пироговъ былъ неутомимъ и всѣмъ распоряжался; онъ нашелъ, что въ собраніи, гдѣ былъ первый перевязочный пунктъ, необходимо провѣтрить, такъ какъ тамъ постоянно стала появляться рожа. Онъ велѣлъ раненыхъ, которые были покрѣпче, отправить на Сѣверную въ бараки, а прочихъ перевели въ Николаевскую батарею, въ которой и прежде уже лежали больные, т.-е. раненые. Двѣ или три сестры второго отдѣленія жили тамъ; другія изъ того же отдѣленія приходили туда дежурить. И я, и мои сестры, сначала тоже туда ходили на дежурство. Перевязочный пунктъ открыли въ такъ называемомъ Инженерномъ домѣ. Это были на дворѣ небольшіе домики, такъ что постоянно изъ одного помѣщенія въ другое надо было ходить по двору.

Живо мнѣ вспоминается, какъ, бывало, идешь по двору, вдругъ что-то блеснетъ: тепло, несмотря на февраль,—такъ и кажется, что это зарница, но раздавшійся гулъ вамъ тяжело напомнитъ про бомбы.

При перевязочномъ пунктѣ должна была жить сестра Травина, для завѣдыванія хозяйствомъ, аптекой и порядкомъ. Еще мы заняли небольшой домъ,—тамъ тоже должна была жить одна сестра.

Четвертое помѣщеніе—домъ Гущина de funeste mémoire, на дверяхъ котораго, какъ мы говорили, должна была быть та же надпись, что̀ на дверяхъ ада у Данте: „Lasciate ogni speranza, voi chi'ntrate“ [1]). Тутъ тоже жили двѣ сестры второго отдѣленія, а мы, прочія сестры, дежурили по суткамъ то въ томъ, то въ другомъ домѣ. Я больше дежурила на перевязочномъ пунктѣ. Сначала все это было странно, чудно̀, но въ это время раненыхъ не было такъ много; иногда трехъ человѣкъ вдругъ принесутъ, иногда сами приходятъ. Но что̀ дальше, то больше, и часто отъ 16-ти до 20-ти. Тутъ же, тотчасъ, и начинаются операціи: ампутаціи, резекціи, трепанаціи. Большею частью все дѣлалъ самъ Николай Ивановичъ. Докторовъ очень много всѣхъ націй, даже американцевъ. Всѣ они очень учтивы, даже черезчуръ. Говорятъ: „Ayez la bonté de faire ceci ou cela,—ayez la complaisance de donner toutes les deux heures cette médecine“ [2]). И русскіе доктора очень внимательны и учтивы.

[1]) Оставьте надежду всѣ входящіе.

[2]) Будьте добры сдѣлать то, или это; сдѣлайте одолженіе, давайте черезъ два часа это лекарство.

Я не хочу въ подробности описывать всѣ эти страданія, всѣ эти операціи, мученія, крики; да это, несмотря на ужасы, по самому своему продолженію становилось монотонно, и продолжалось не день, не три, не недѣлю, не мѣсяцъ,—а мѣсяцы!

Когда мы пріѣхали, Севастополь былъ еще очень красивъ. И улица, гдѣ мы жили, площадь, гдѣ была лавка со всякимъ товаромъ и даже много посуды, стекла, и Екатерининская улица, —все было совершенно нетронуто. Какъ-то разъ я ходила покупать разныя мелочи, и забывала, что мы окружены огненнымъ кольцомъ непріятельскихъ батарей. Вотъ тутъ ко мнѣ подошелъ докторъ Ребергъ; онъ ѣхалъ съ нами изъ Петербурга и сказалъ мнѣ, что сейчасъ ходилъ гулять на наши бастіоны. Только-что онъ отъ меня отошелъ, какъ ко мнѣ подошелъ унтеръ-офицеръ, спрашивая меня довольно грозно:

— Кто съ вами говорилъ?

Я отвѣчаю:—Докторъ. Онъ мнѣ говоритъ:—Берегитесь, это дѣло серьезное; онъ, кажется, шпіонъ.

Тогда я ему сказала, что онъ можетъ идти на перевязочный пунктъ, гдѣ этотъ докторъ постоянно работаетъ. Слово *шпіонъ* здѣсь возбуждало всегда страшное волненіе.

Очень было тяжело ходить по Севастополю и встрѣчать отряды, которые идутъ на батареи. Они идутъ бойко, весело, но за ними три или четыре человѣка несутъ носилки. Сердце такъ и сожмется, и подумаешь: „Для котораго это изъ нихъ“? Или встрѣтишь четырехъ человѣкъ, которые несутъ носилки; на иныхъ нѣтъ ни движенья, ни звука, а съ другихъ раздается еще стонъ,—и подумаешь: „Право, лучше тому, для котораго уже все кончилось! А этому еще сколько придется выдержать и, можетъ быть, для такого же конца“!—А съ какимъ терпѣніемъ наши солдаты переносили свои страданія! Сколько разъ я слышала эти слова: „Господь за насъ страдалъ, и мы должны страдать“!

Несмотря на то, что на южной сторонѣ не оставляли больныхъ, и мы ходили только за ранеными, но въ одинъ день семь сестеръ слегли въ тифѣ, а потомъ такъ и продолжалось: то двѣ, то одна занемогаютъ, и доктора тоже стали болѣть, такъ что уходъ за ранеными и за больными сестрами сталъ очень затруднителенъ. Хорошо, что въ это время А. П. Стаховичъ со своимъ отдѣленіемъ пріѣхала. Она съ большимъ числомъ сестеръ осталась на Сѣверной, гдѣ уже тогда было много больныхъ, а къ намъ отдѣлили нѣкоторыхъ.

Не могу вспомнить, въ какое время,—въ началѣ ли марта, или позднѣе,—пріѣхало еще отдѣленіе сестеръ изъ Петербурга.

Ихъ помѣстили на Павловскій мысокъ, но, сколько мнѣ помнится, послѣ 26-го мая и потери трехъ редутовъ, Селенгинскаго, Волынскаго и Камчатскаго, ихъ перевели въ морской госпиталь, который былъ въ Михайловской батареѣ.

Начиная писать эти воспоминанія, я не думала придерживаться хронологическаго порядка, но скоро увидала, что это необходимо: безъ этого нельзя сдѣлать яснымъ, какъ постепенно положеніе наше все ухудшалось и ухудшалось.

Не помню въ точности, какого именно числа февраля я дежурила на Николаевской батареѣ; рано утромъ у одного раненаго сдѣлалось сильное кровотеченіе, и врачъ послалъ позвать доктора А. Л. Обермиллера. Помочь раненому было невозможно,— кровотеченіе было изъ сонной артеріи, но тутъ же Обермиллеръ сказалъ доктору, по-латыни, что государь Николай Павловичъ умеръ! Для насъ это было совершенно неожиданно; мы слышали только, что великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, которые жили болѣе мѣсяца въ Севастополѣ и часто посѣщали на южной сторонѣ наши госпитали, вдругъ уѣхали, но мы всѣ рѣшили, что это вѣрно для императрицы. А между тѣмъ, тутъ же было велѣно всѣмъ идти въ соборъ для присяги. А я, глядя на нашего скончавшагося солдатика, мысленно повторяла слова послѣдней погребальной пѣсни: *Къ судіи бо отхожу, идеже нѣсть лицепріятія: раби и владыки вкупѣ предстоятъ, царь и воинъ, богатъ и убогъ въ равномъ достоинствѣ, кійждо бо отъ своихъ дѣлъ или прославится, или постыдится...*

И мы въ эти дни похоронили одну изъ сестеръ. Здѣшній священникъ Петропавловской церкви, отецъ Арсеній Лебединцевъ, который къ намъ часто ходилъ и котораго мы всѣ полюбили, отпѣвалъ ее, также и монахъ Веніаминъ, который еще изъ Петербурга пріѣхалъ съ общиной и оставался съ сестрами на Сѣверной. Стаховичъ съ сестрами тоже пріѣхала проводить. Грустны и торжественны были эти проводы! Надо было черезъ бухту ѣхать на Сѣверную,—на Южной уже никого не хоронили. И вотъ, при звонѣ колоколовъ, при пѣніи „Святый Боже“, которому постоянно вторила пальба, съ развѣвающимися хоругвями, при чудной погодѣ, мы пошли на Графскую пристань, и на катерѣ, съ гробомъ и духовенствомъ, переѣхали бухту. Никогда не забуду я этого дня!

Въ началѣ марта, послѣ одной ночи, въ которую была сильная бомбардировка, утромъ, докторъ Тарасовъ прислалъ мнѣ сказать, что необходимо послать сестеръ въ домъ Собранія, такъ какъ тамъ много раненыхъ, а тѣ маленькіе домики, въ кото-

рыхъ былъ нашъ перевязочный пунктъ, недостаточны для такого числа.

Взявъ съ собой одну сестру, я пошла въ домъ Собранія. Это прекрасное строеніе, гдѣ прежде веселились, открыло вновь свои богатыя, краснаго дерева, съ бронзою, двери, для внесенія въ нихъ окровавленныхъ носилокъ. Большая зала изъ бѣлаго мрамора, съ пилястрами изъ розоваго мрамора черезъ два этажа, а окна—только вверху. Паркетные полы. А теперь въ этой танцовальной залѣ стоитъ до ста кроватей съ сѣрыми одѣялами и зеленые столики; все очень чисто и опрятно. Въ одну сторону большая комната; это—операціонная, прежде бывшая билліардной; за ней еще двѣ комнаты; въ другую сторону еще двѣ комнаты, съ прекрасными, съ золотомъ обоями, и въ нихъ тоже койки. Утромъ было 11 ампутацій, и потомъ еще нѣсколько, въ продолженіе дня. Сначала не обошлось безъ суеты и лишней бѣготни, пока устроились въ новомъ помѣщеніи. Вечеромъ Тарасовъ объявилъ намъ, что князь Васильчиковъ велѣлъ сказать, что ночью будетъ дѣло, и чтобы все было наготовѣ и исправно.

И вотъ собрались доктора, и, разумѣется, первымъ явился неутомимо работающій, живой, одушевленный и возбуждающій и въ другихъ одушевленіе и ревность къ труду, Николай Ивановичъ Пироговъ. Ясно помню и другихъ докторовъ, постоянно находившихся на перевязочномъ пунктѣ; а именно: нашъ общинный врачъ В. И. Тарасовъ, Ребергъ, Дмитріевъ. Эти трое пріѣхали вмѣстѣ со мною; но Дмитріевъ скоро занемогъ тифомъ, и такъ пострадалъ, что принужденъ былъ уѣхать. Съ Николаемъ Ивановичемъ, который, какъ мнѣ помнится, пріѣхалъ еще въ ноябрѣ, пріѣхали Обермиллеръ, Каде и Калашниковъ; этотъ послѣдній всегда былъ при Гущиномъ домѣ. Были еще присланные великой княгиней Еленой Павловной, Бенерсъ, Пабо, Хлѣбниковъ, Тюринъ. Изъ полковыхъ докторовъ былъ постоянно при перевязочномъ пунктѣ Иванъ Михайловичъ Добровъ, да еще два, какъ служащіе при госпиталѣ, а не какъ хирурги, Рождественскій и Ульрихсонъ.

Въ этотъ вечеръ собралось восемь докторовъ и восемь фельдшеровъ, да ко мнѣ пришли двѣ сестры; мы всѣ приготовляли, рѣзали, катали бинты. Наша дежурная комната была въ дамской уборной. Тамъ жила постоянно одна сестра, которая завѣдывала хозяйствомъ, имѣла чай, сахаръ, водку для больныхъ. У насъ почти постоянно кипѣлъ самоваръ, такъ какъ часто надо было поить раненыхъ чаемъ съ виномъ или водкой, чтобы под-

нять пульсъ, прежде чѣмъ хлороформировать. А какъ ужасно, когда по слабости раненаго операцію дѣлали безъ хлороформа: что за страшные были тогда крики!

И въ этотъ вечеръ у насъ въ большой залѣ все приготовлено: стаканы, водка, самоваръ кипитъ. Въ операціонной, вокругъ Николая Ивановича, сидятъ доктора. Въ одиннадцатомъ часу начала раздаваться пальба, и тотчасъ же стали раскрываться настежь наши парадныя двери: то двое, то трое носилокъ сряду; то два человѣка ведутъ подъ руки раненаго. Доктора ихъ осматриваютъ, при затруднительныхъ случаяхъ зовутъ другъ друга на совѣщаніе, раздаются слова: „Этого на Николаевскую батарею"! (значитъ, легко раненъ) „Этого въ Гущинъ домъ"! (Значитъ, безъ всякой надежды). „Этого оставить здѣсь"! (Значитъ, будетъ ампутація, экзартикуляція или резекція).

Ночь началась очень страшно, но, слава Богу, всего было только 50 раненыхъ и 4 ампутаціи.

Съ 10-го на 11-е марта у насъ произошла большая тревога. Я только-что собралась уйти въ пустую комнату отдохнуть, какъ вдругъ слышу—пальба все сильнѣе и сильнѣе; я вышла на крыльцо съ дежурнымъ докторомъ. Мы смотрѣли и слушали, различая, когда стрѣляютъ наши, когда—непріятели. Меня этому еще прежде солдаты научили. Точно былъ фейерверкъ: такъ и сверкали выстрѣлы, освѣщая окрестныя строенія. Все пришло въ движеніе; забили тревогу; какъ будто и на насъ повѣяло войной: то пройдетъ толпа, то слышенъ говоръ, то между двумя выстрѣлами раздается хохотъ и очень дико звучитъ между свистомъ ядеръ и бомбъ. Прискакалъ къ намъ Обермиллеръ и объявилъ, что сейчасъ явятся всѣ доктора. Я послала за сестрами. На горѣ зажгло домъ ракетой, и пожаръ какъ-то грозно освѣщалъ Севастополь. Но у насъ раненыхъ было немного,—ихъ носили на третій перевязочный пунктъ. Утромъ наши доктора поѣхали туда и перевезли до ста раненыхъ, а болѣе 50-ти осталось у насъ. Съ 7-ми часовъ вечера до 11-ти продолжались операціи, а на другой день—съ 10-ти час. до 2-хъ.

Я знаю, что доктора и даже сестры, при позднѣйшей, болѣе консервативной хирургіи, поразились бы, еслибъ я подробнѣе стала описывать то множество ампутацій, которыя дѣлались у насъ всякій день; но пусть они вспомнятъ, что всѣ ранены были ядрами и осколками бомбъ, и поэтому, кромѣ ранъ, былъ всегда и ушибъ; къ этому еще—скученье раненыхъ, дурныя условія и зараженный воздухъ. Мы и доктора не ходили за больными, а почти всѣ получили тифъ; солдаты были утомлены, и часто послѣ

операціи, при первой перевязкѣ, оказывалась гангрена: резекціи шли неудачно; ампутаціи ногъ кончались хуже, чѣмъ рукъ. Руки лучше заживали и скорѣй, когда ампутація была выше локтя, а ноги—напротивъ того; и ампутаціи бедра, особливо въ верхней трети, всегда почти имѣли печальный исходъ. Но что было ужасно, это когда одному человѣку дѣлали ампутацію двухъ членовъ заразъ, и однако были такіе молодцы, что и это выдерживали. Я видывала ихъ у насъ на перевязочномъ пунктѣ, видѣла ихъ потомъ въ симферопольскихъ и екатеринославскихъ госпиталяхъ. Было также очень тяжело, именно у насъ на перевязочномъ, когда, послѣ того какъ больной подавалъ надежды на выздоровленіе, онъ вдругъ начинаетъ лихорадить, пожелтѣетъ, и докторъ говоритъ, что надо его отправить въ Гущинъ домъ—для больного это все равно, что смертный приговоръ. А нечего дѣлать, вполнѣ сознаешь, что нельзя только-что принесеннымъ раненымъ быть въ соприкосновеніи съ такимъ больнымъ и видѣть умирающаго. На перевязочномъ пунктѣ не должны умирать.

Въ Гущиномъ домѣ, куда я ходила, постоянно увидишь трехъ или четырехъ умирающихъ; всякое утро, если погода была теплая, всѣхъ больныхъ на койкахъ выносили на дворъ, а если придешь черезъ полчаса какъ они внесены, то уже духъ былъ невыносимый, несмотря на цѣлыя вёдра ждановской жидкости. Однако и въ этомъ ужасномъ мѣстѣ были такіе, которые выздоравливали. Я сама имѣла удовольствіе отдать одному обратно его деньги, которыя онъ мнѣ поручилъ переслать женѣ послѣ его смерти.

Въ этомъ госпиталѣ были постоянно двѣ сестры, Григорьева и Голубцова, и это былъ великій подвигъ: такъ тамъ было безотрадно. Бѣдная Голубцова много вытерпѣла: во-первыхъ, ихъ экипажъ опрокинулся и у нея были сломаны два ребра; потомъ у нея былъ тифъ, нѣсколько дней она была совершенно безъ сознанія, и наконецъ, когда лѣтомъ было не мало случаевъ холеры, она была при этомъ госпиталѣ и умерла холерой.

Въ продолженіе марта иныя сестры выздоравливали, другія занемогали, одна еще умерла.

Пасха въ 1855 году была ранняя, 27-го марта. Въ вербное воскресенье я тоже слегла въ тифѣ, на страстной недѣлѣ причастилась запасными дарами, и хотя была въ памяти и даже всякій день одѣвалась, но дальше кровати не могла идти. Грустно было такъ проводить страстную недѣлю и встрѣтить Христово Воскресеніе не въ церкви, которую не смѣли иллюминовать снаружи, чтобы не сдѣлать цѣлью для выстрѣловъ,—а на постели.

А еще было грустнѣе, когда въ понедѣльникъ утромъ началась страшная бомбардировка. Вас. Ив. Тарасовъ пришелъ тотчасъ ко мнѣ и потребовалъ, чтобы я сейчасъ же переѣхала на Николаевскую батарею. Но пришелъ Яни, офицеръ, который намъ доставлялъ все, что̀ нужно по хозяйству, дровъ или воды. Я у него спросила:—Можно здѣсь остаться?—Онъ отвѣчалъ:—Очень можно!

И я опять спокойно легла и слушала пальбу, но грозная записка отъ Тарасова и экипажъ отъ Николая Ивановича заставили меня послушаться; отправивъ прежде сестеръ, я тоже, подъ тихимъ весеннимъ дождемъ, при неумолкаемой пальбѣ, переѣхала на Николаевскую.

Кстати, постараюсь описать это странное строеніе, отъ котораго послѣ не осталось камня на камнѣ. Кто его видѣлъ, тотъ самъ вспомнитъ, а я боюсь, что не съумѣю описать подробно для другихъ.

Это—длинное, огромное строеніе, которое служило и казармой, и батареей. Во всю длину его тянулась длинная—не знаю, какъ и назвать—галерея, не галерея, а скорѣе длинный коридоръ; по сторонамъ—ниши, даже можно назвать почти комнаты, но только ничѣмъ онѣ не отдѣлены отъ прохода, довольно просторны, такъ что въ нихъ стояло шесть и восемь кроватей или только нары. Тутъ большія окошки, но въ нихъ не очень свѣтло, такъ какъ вдоль всего строенія, по внутренней его сторонѣ, что̀ къ городу, идетъ наружная крытая галерея. Съ другой стороны, которая обращена къ морю, углубленія или ниши, только гораздо меньше, что̀ нужно для пушки, и маленькія окна или, лучше сказать, амбразуры. Въ иныхъ еще въ это время стояли пушки и даже люди бывали на-готовѣ. Все строеніе въ два этажа, длинныя галереи перебиваются сѣнями, и лѣстница внизъ. На одномъ концѣ—хорошія комнаты, гдѣ помѣщался главный штабъ и жилъ графъ Дмитрій Ероѳеевичъ Остенъ-Сакенъ, а на другомъ концѣ, что̀ къ Графской пристани—пороховой погребъ. Все строеніе казематировано, и намъ отвели казематъ довольно просторный, отдѣленный отъ другихъ, но сырой и темный, такъ какъ онъ былъ обращенъ къ морю, а маленькое окошечко служило только амбразурой для пушки.

Была у насъ желѣзная печка, и тутъ мы и пекли, и варили, и устроились, точно цыгане: кастрюли, горшки, все въ одной комнатѣ. Наша дверь прямо открывалась на ту длинную галерею, какую я сейчасъ описала. Всѣ койки были заняты фрактуристами (fractura complicata); у многихъ дѣлается ган-

грена, духъ ужасный, а ихъ стоны такъ и слышны, когда все умолкаетъ и ляжешь спать.

И несмотря на все это, я очень скоро поправилась и могла, сначала по крайней мѣрѣ, ходить по нашимъ палатамъ.

Во всякомъ длинномъ корридорѣ по срединѣ висѣли образа и передъ ними теплилась лампадка. И вотъ вечеромъ всякій, кто только могъ вставать, приходилъ помолиться передъ этими образами. Какъ теперь вижу, какъ тѣ, которые лишались правой руки, сейчасъ же начинали креститься лѣвой.

Скоро я могла идти хоть днемъ на перевязочный пунктъ. Въ эти дни площадь, между Николаевской и Собраніемъ, бывала наполнена солдатами; они тутъ и ночуютъ, и обѣдаютъ, одни уходятъ, другіе приходятъ. Трудно было по ночамъ и проходить въ Собраніе. Усиленная бомбардировка продолжалась до 10-го апрѣля, когда въ однѣ сутки случилось 238 человѣкъ раненыхъ, а 11-го—только 28 человѣкъ. Потомъ иные дни было потише, потомъ опять сильнѣе.

Какъ я была рада, когда съ 11-го апрѣля я могла опять черезъ день дежурить по цѣлымъ суткамъ! Солдаты насъ очень любятъ и рады, когда мы къ нимъ приходимъ; для нихъ было большое утѣшеніе, когда къ нимъ заходили женщины. Была у насъ одна старушка, которой еще 10-го марта въ ея домѣ осколкомъ бомбы раздробило бедро. Я ее уговорила на ампутацію, и несмотря на худыя условія (она лежала вмѣстѣ съ мужчинами) и на то, что разъ въ этой комнатѣ разбило окно осколкомъ, и что ей было 60 лѣтъ,—она выздоровѣла! Но что̀ было ужасно—это видѣть раненыхъ дѣтей, какъ они, бѣдняжки, мучаются и страдаютъ. Былъ у насъ мальчикъ семи лѣтъ съ перебитой ножкой; была даже грудная дѣвочка, которой мать была убита въ то время, какъ она ее кормила. Дочь моей старушки тоже кормила своего ребенка, и взялась кормить и нашу раненую малютку, но ребенокъ скоро умеръ. Господи, какъ все это было ужасно и тяжело!...

Въ домѣ же Собранія, въ одной комнатѣ, бывшей прежде нарядной гостиной, лежали у насъ и оперированные офицеры. А то былъ еще особый офицерскій госпиталь въ такъ называемомъ Екатерининскомъ дворцѣ; но это не только не дворецъ, но и домъ-то небольшой и довольно низкій; онъ былъ близко къ Графской пристани. Его тоже и слѣда не осталось.

Въ этой больницѣ завѣдывала хозяйствомъ и ухаживала за тяжело ранеными сестра Александра Ивановна Травина, нашего третьяго отряда.

Во время этой сильной и продолжительной бомбардировки, по случаю болѣзни сестеръ, къ намъ пріѣхало много сестеръ изъ перваго и даже четвертаго отряда. Онѣ и остались у насъ, такъ что персоналъ сестеръ нѣсколько измѣнился. Иныхъ перевела Стаховичъ, по разстройству ихъ нервъ, другихъ—послѣ разныхъ глупыхъ сплетней. Да и при громѣ пушекъ и блескѣ ракетъ онѣ все-таки потихоньку шептались. Не стану о нихъ и вспоминать, только разскажу, до какого абсурда все это доходило. Меня, напримѣръ, приходили предостерегать, что одна сестра изъ маленькаго окошка на море подаетъ разные сигналы непріятельскимъ кораблямъ, или что другая сестра, купаясь въ морѣ, говорила, что она уплыветъ къ французамъ!

Положа руку на сердце, и передъ Богомъ, и передъ людьми, твердо могу сказать, что всѣ сестры были истинно полезны, разумѣется, по мѣрѣ силъ и способностей своихъ. Во-первыхъ, денежнаго интереса не могло и быть, такъ какъ сестры Крестовоздвиженской общины были всѣмъ обезпечены, но жалованья не получали. Были между нами и совсѣмъ простыя и безграмотныя, и полувоспитанныя, и очень хорошо воспитанныя. Я думаю, что были такія, которыя до поступленія никогда и не слыхали, что̀ есть и чѣмъ должны быть сестры милосердія, но всѣ знали и помнили слова Спасителя: „Егда сотвористе единому изъ сихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе". И всѣ трудились, не жалѣя ни силъ, ни здоровья. Но однако разныя сплетни и распоряженія, которыя я находила ненужными и несправедливыми, довели меня до того, что я отказалась быть старшей сестрой, а только исполняла обязанности сестры при нашихъ раненыхъ, чему я была очень рада: не надо было хлопотать о сестрахъ, заниматься хозяйствомъ, писать отчеты.

Когда мы уѣзжали, великая княгиня просила часто писать въ Петербургъ; но чтобъ облегчить корреспонденцію, которая была бы очень затруднительна и оффиціальна, если писать прямо на имя ея высочества,—намъ было разрѣшено писать къ m-me Шабель или къ Эдитѣ Ѳедоровнѣ Раденъ, а все это будетъ читаться великой княгиней. Я писала къ Раденъ, и по необходимости должна была написать и обо всѣхъ этихъ неурядицахъ, и о томъ, что я остаюсь не старшей, а младшей сестрой на Южной сторонѣ. Что̀ писали другія въ это время—я не знаю, но, думаю, было много сплетенъ и разныхъ пустяковъ. Жаль, если всѣ эти письма хранятся въ архивѣ общины; ихъ не стоитъ беречь. Надо сохранять только то, что̀ касается чести и той великой помощи, которую, благодаря неутомимымъ попеченіямъ и живому

и благотворному участію великой княгини Елены Павловны, принесла община въ это грустное время.

Кстати о письмахъ. Великая княгиня распорядилась напечатать въ „Морскомъ Сборникѣ“ отрывки изъ писемъ сестеръ; когда я вдругъ прочитала выписку изъ своего письма къ сестрѣ, то мнѣ даже было непріятно и неловко, особенно когда доктора стали смѣяться и приступать, что вотъ какъ я описываю именно нашъ перевязочный пунктъ.

Были у меня въ Севастополѣ и старые знакомые. Во-первыхъ, двоюродный братъ, Александръ Бакунинъ, пришелъ съ тобольскимъ полкомъ, въ которомъ онъ служилъ юнкеромъ, послѣ того что былъ профессоромъ въ Одессѣ. Еще мичманъ Творогòвъ, который мальчикомъ жилъ у насъ въ Москвѣ; старшій комендантъ Кизмеръ, графъ Дмитрій Ероѳеевичъ Остенъ-Сакенъ, оба старинные знакомые нашего дома.

Если и пріятно было видѣть Александра Бакунина, то и тяжело было провожать его, и слѣдить глазами, какъ онъ идетъ по Екатеринославской улицѣ на четвертый бастіонъ, и видѣть, какъ въ этомъ направленіи на чистомъ голубомъ небѣ появляются маленькія бѣленькія облачка, и знать, что это лопаются бомбы. Но, слава Богу, оставаясь до послѣдняго дня, онъ не былъ раненъ.

Мы почти весь апрѣль оставались на Николаевской батареѣ; я только иногда ходила отдыхать на нашу квартиру. Въ половинѣ или концѣ апрѣля къ намъ пріѣхала, какъ старшая, сестра Лоде.

И у насъ все пошло по старому. Раненыхъ—то больше, то меньше. Утромъ операціи, перевязка. Съ 19-го на 20-е апрѣля ночь была ужасная: болѣе ста раненыхъ и 60-ти операцій въ одно утро! Къ нашимъ постояннымъ трудамъ прибавились новыя хлопоты: всѣмъ ампутированнымъ стали раздавать деньги; у кого нѣтъ ноги, тому 50 руб., у кого нѣтъ руки—40 руб., а у которыхъ нѣтъ двухъ членовъ, то 75 руб. Наши раненые, разумѣется, сейчасъ же просятъ насъ взять деньги на сохраненіе. Но, принявъ, надо все записать аккуратно: имя, полкъ, родину, родныхъ. Суммы соберутся большія. Вотъ у меня въ одинъ день собралось до двухъ тысячъ серебромъ, и какъ страшно было ихъ беречь; вѣдь мы не имѣли ни комодовъ, ни сундуковъ. А было еще хлопотливѣе то, что больной вдругъ проситъ дать ему рубль или даже 50 коп., а размѣнять 50-ти-рублевую бумажку въ Севастополѣ было очень трудно. Потомъ еще, при отправленіи больныхъ въ другіе госпитали, надо отыскать всякаго,

отъ кого взялъ на сбереженіе деньги, и отдать ему. Въ началѣ мая у насъ именно отправляли больныхъ на Сѣверную, такъ что у насъ на перевязочномъ пунктѣ въ Собраніи осталось только 16 человѣкъ, а на Николаевской батареѣ, гдѣ бывало болѣе 1.000—только 47. И какъ было грустно, что всѣхъ моихъ знакомыхъ увезли!

Въ это время я часто ходила на нашу квартиру въ домѣ генерала Павловскаго; мы были хорошо знакомы съ его дочерью и воспитанницей. Съ ними въ катерѣ генерала мы ѣздили купаться на Хрустальныя воды, какъ называется это мѣсто въ Артиллерійской бухтѣ. И я думаю, что это купанье насъ много подкрѣпляло и спасало. Но съ конца іюня пришлось отъ этого отказаться, такъ какъ мы разъ, придя садиться въ лодку, увидали въ ней штуцерную пулю.

Помню также, какъ разъ мы шли отъ купанья, и вдругъ раздался громкій гулъ отъ пролетѣвшаго ядра. Одна сестра сѣла на земь и открыла для защиты надъ собой зонтикъ, такъ что мы всѣ расхохотались.

Еще живо помню я, какъ разъ шла изъ дому въ Собраніе; встрѣчались мнѣ то солдаты, идущіе на работу,—они идутъ бодро и весело, а за ними неизбѣжныя и, къ несчастью, необходимыя носилки; то огромныя фурштадтскія телѣги на тройкахъ съ турами; то четыре человѣка несутъ больного на зеленой кровати. Боже мой! Какъ грустно! Это изъ собранія—въ Гущинъ домъ. Но вотъ, идетъ ко мнѣ на встрѣчу высокій мужчина съ краснымъ воротникомъ, военный—ихъ такъ много. И вдругъ я слышу возгласъ:—Екатерина Михайловна, такъ это вы! Покуда я васъ не увидалъ, мнѣ все не вѣрилось, что это точно вы сюда пріѣхали.—И Николай Васильевичъ Бергъ стоитъ передо мной, и его голосъ, такъ звучно оглашавшій стихами наши бутырскія рощи, въ одну минуту перенесъ меня отъ настоящаго военнаго въ прошлое мирное и тихое время. Онъ и потомъ нѣсколько разъ приходилъ ко мнѣ. Онъ, кажется, служилъ у князя Горчакова и жилъ на Сѣверной.

Я должна нѣсколько подробнѣе описать ужасную ночь съ 10-го на 11-е мая. Но я чувствую, что мнѣ теперь такъ живо этого не описать, какъ я описывала сестрѣ моей въ письмѣ отъ 13-го мая. Пропускаю всѣ возгласы, которые тогда такъ и лились съ пера, и привожу прямо описаніе:

„Съ понедѣльника на вторникъ наши выходили рыть новыя траншеи,—кажется, между пятымъ и шестымъ бастіономъ,—и устроивать батареи подъ прикрытіемъ войска. Мы были наготовѣ всю

ночь, но ночь прошла благополучно, и во вторникъ днемъ все было тихо и спокойно. Вечеромъ опять ждутъ и все необходимое готовятъ въ нашей бѣлой мраморной съ розовыми пилястрами залѣ. Тюфяки уже безъ кроватей, а лежатъ на полу въ нѣсколько рядовъ; нѣсколько столиковъ съ бумагой, а на одномъ—примочки, груды корпіи, бинты, компрессы, нарѣзанныя стеариновыя свѣчи. Въ одномъ углу большой самоваръ, который кипитъ и долженъ кипѣть во всю ночь, и два столика съ чашками и чайниками. Въ другомъ углу столъ съ водкой, виномъ, кислымъ питьемъ, стаканами и рюмками. Все это еще въ полумракѣ, въ какой-то странной тишинѣ, какъ передъ грозой; въ залѣ 15-ть, а можетъ быть и болѣе докторовъ; иные сидятъ въ операціонной комнатѣ, другіе попарно ходятъ по залѣ. Офицеръ и смотритель торопливымъ шагомъ входятъ и выходятъ, распоряжаясь, чтобы было больше фельдшеровъ, больше рабочихъ.

„А когда посмотришь въ дверь или въ рядъ высокихъ оконъ по обѣимъ сторонамъ нашей залы, то ночь такая свѣтлая, тихая, тонкій серпъ луны блеститъ такъ ярко, звѣзды такія ясныя!.. Но вотъ въ десятомъ часу точно молнія блеснула, и раздался трескъ, даже стекла задребезжали въ рамахъ. И блеститъ все чаще и чаще... Нельзя разслышать отдѣльныхъ ударовъ, но все сливается въ одинъ гулъ. Это пальба на 5-мъ и 6-мъ бастіонахъ, тамъ, гдѣ работаютъ новыя батареи. Въ городъ бомбы не долетаютъ.

„Мы сидимъ и слушаемъ все въ томъ же полумракѣ. Такъ проходитъ около часа... Вносятъ носилки, другія, третьи. Свѣчи зажглись. Люди забѣгали, засуетились, и скоро вся эта большая зала наполнилась народомъ, весь полъ покрылся ранеными; вездѣ, гдѣ только можно сѣсть, сидятъ тѣ, которые притащились кое-какъ сами. Что̀ за крикъ, что̀ за шумъ! просто адъ!

„Пальба не слышна за этимъ гамомъ и стонами. Одинъ кричитъ безъ словъ, другой: „Ратуйте, братцы, ратуйте“! Одинъ, увидя штофъ водки, съ какимъ-то отчаяніемъ кричитъ: „Будь мать родная, дай водки“!

„Во всѣхъ углахъ слышны возгласы къ докторамъ, которые осматриваютъ раны: „Помилуйте, ваше благородіе, не мучьте“!.. И я сама, насилу пробираясь между носилокъ, кричу: „Сюда рабочихъ“! Этого надо отнести въ Гущинъ домъ, этого—въ Николаевскую батарею, а этого—положить на койку. Много приносятъ офицеровъ; вся операціонная комната наполнена ранеными, но теперь не до операцій: дай Богъ только всѣхъ перевязать. И мы всѣхъ перевязываемъ.

Принесли офицера; все лицо облито кровью. Я его обмываю, а онъ достаетъ деньги, чтобы дать солдатамъ, которые его несли; это многіе дѣлаютъ. Другой раненъ въ грудь; становишься на колѣни, чтобы посвѣтить доктору и чтобы узнать, не навылетъ ли,—подкладываешь руку подъ спину и отыскиваешь выходъ пули. Можешь себѣ представить, сколько тутъ крови!.. Но довольно! Если бы я разсказала всѣ ужасныя раны и мученья, которыя я видѣла въ эту ночь, ты бы не спала нѣсколько ночей!..

„Наконецъ разсвѣло. Пальба прекратилась. При домѣ Собранія есть маленькій садикъ. Представь себѣ,—и тамъ лежатъ раненые. Я беру водки и бѣгу туда. Тамъ, при чудномъ солнечномъ восходѣ изъ-за горы надъ бухтой, при веселомъ чириканьѣ птичекъ, подъ бѣлыми акаціями въ полномъ цвѣту, лежитъ человѣкъ до 30-ти тяжело раненыхъ и умирающихъ. Какая противоположность съ этимъ яснымъ весеннимъ утромъ! Я позвала двухъ севастопольскихъ обывателей, которые всю ночь съ большимъ усердіемъ носили раненыхъ, перенести и этихъ. Говорили, что въ эту страшную ночь выбыло изъ строя 3.000 человѣкъ; у насъ перебывало болѣе 2.000 и было 50 раненыхъ офицеровъ".

На другой день начались операціи и продолжались во весь день до вечера, только съ небольшимъ перерывомъ для отдыха и обѣда. На третій день пальба была меньше и раненыхъ тоже; мы думали, что можно отдохнуть, но вдругъ двери отворились и пошли носилки за носилками; и это оказались несчастные, которые были ранены еще въ ту ужасную ночь, и такъ и пролежали тамъ почти двое сутокъ. Инымъ французы давали воды и галетокъ. Всѣ были ранены въ ноги.

Я могла бы, послѣ этихъ ужасныхъ воспоминаній, разсказать что-нибудь поотраднѣе... Вотъ вспоминается мнѣ великолѣпный вечеръ 19-го мая. Я была у сестеръ на Сѣверной; возвращалась я назадъ черезъ бухту на катерѣ съ А. П. Стаховичъ. Такъ было хорошо! Море какъ зеркало, пальбы почти никакой; въ воздухѣ что-то пріятное, успокоительное. И вотъ, зайдя на минуту въ Собраніе, я пошла домой, чтобы хорошенько отдохнуть, но сейчасъ же приходитъ почти вслѣдъ за мной сестра Степанова и говоритъ, что меня просятъ сейчасъ же идти въ Собраніе. Иду поспѣшно, не понимая, зачѣмъ меня зовутъ; вѣдь я только-что ушла оттуда. И первая сестра, которая меня встрѣтила, говоритъ: „Творогова сейчасъ принесли сюда; онъ раненъ въ грудь съ лѣвой стороны навылетъ".

Онъ былъ страшно блѣденъ и такъ слабъ, что насилу мнѣ отвѣтилъ. Прежде чѣмъ я пришла, онъ уже исповѣдывался и причастился. У насъ постоянно дежурили тоже священники, имѣя при себѣ запасные дары. Я не имѣла никакой надежды и всю ночь въ полутемной комнатѣ просидѣла подлѣ него, прислушиваясь съ напряженнымъ вниманіемъ къ его дыханію, ожидая ежеминутно послѣдняго его вздоха. Но къ утру онъ сталъ не такъ блѣденъ и слабъ и отвѣчалъ мнѣ въ полной памяти. Но я все-таки не рѣшилась 21-го, въ именины великой княгини, ѣхать на Сѣверную, гдѣ начальница, сестры и доктора справляли праздникъ основательницы нашей общины. Итакъ, я не знаю, кто и что̀ тамъ было. Я боялась оставить моего раненаго, такъ какъ положеніе его было очень опасно, хотя на третій день Николай Ивановичъ и всѣ доктора начали подавать надежду на его выздоровленіе. Ухаживать за нимъ мнѣ было очень удобно, такъ какъ онъ и еще нѣкоторые раненые офицеры оставались въ домѣ Собранія, хотя и былъ особенный офицерскій госпиталь въ Екатерининскомъ дворцѣ.

Я всегда слыхала, что Нахимовъ очень внимателенъ ко всѣмъ раненымъ морякамъ, а тутъ я увидѣла это и на дѣлѣ. На другой же день онъ былъ два раза у Творогова,—спрашивалъ, что̀ онъ желаетъ, что̀ можно сдѣлать для его семейства, такъ какъ въ эту минуту не было еще никакой надежды на его жизнь. Онъ также очень внимателенъ и къ матросамъ, присылаетъ табакъ, варенье и пр., часто приходитъ навѣщать ихъ. Какъ же морякамъ не любить такого начальника?

25-го мая, только-что мы сѣли обѣдать на балконѣ, спасаясь отъ мухъ, которыхъ въ комнатѣ цѣлый рой, — одна бомба за другой вдругъ начали свой грозный полетъ. Мы продолжали обѣдать, но Твороговъ прислалъ за мной.—Я испугалась, пошла, думая, что ему стало хуже. Но онъ мнѣ сказалъ, что желаетъ, чтобы я была въ Собраніи, гдѣ менѣе опасности (не знаю, отчего онъ это находилъ, такъ какъ наши госпитали были постоянно обстрѣливаемы). Ожидали, что начнется бомбардировка. Бомбардировки города не было, но была ужасная пальба на бастіонахъ; намъ хорошо это было видно съ террасы, на которую можно было выйти съ хоръ залы Собранія. Шумъ, трескъ,—настоящій адъ! А когда стемнѣло, то точно фейерверкъ: по десяти и болѣе бомбъ вдругъ летали. У насъ раненыхъ было мало, такъ какъ съ тѣхъ бастіоновъ носили на Павловскій мысокъ. Черезъ день только Николай Ивановичъ съѣздилъ туда, и къ намъ перевезли 200 человѣкъ, и пошли операціи. Результатъ ночи съ

25-го на 26-е былъ очень грустный: мы потеряли Селенгинскій, Волынскій и Камчатскій редуты, и непріятельское кольцо все тѣснѣе и тѣснѣе окружало Севастополь. Это произвело большое уныніе.

Въ это же время Н. И. Пироговъ и многіе изъ докторовъ, которые именно были съ нами на перевязочномъ пунктѣ, собирались уѣзжать, да и перевязочный пунктъ рѣшили перевести на Сѣверную, на Михайловскую батарею, т.-е. такой пунктъ, какой былъ у насъ въ Собраніи, гдѣ дѣлаются большія операціи и лежатъ больные, а на Южной будетъ только подаваться самая первая, необходимая помощь.

Сестеръ рѣшили оставить только пятерыхъ. А. П. Стаховичъ не хотѣла этимъ распоряжаться, а предложила, чтобы сестры сами заявили свое желаніе. Я первая очень пожелала остаться, и многія тоже вызвались, но рѣшено, что довольно пяти.

Я забыла сказать, что великая княгиня, зная давно, что Николай Ивановичъ думаетъ уѣхать, поручила общину графу Дмитрію Ерофеевичу Остенъ-Сакену, такъ что онъ, послѣ отъѣзда Николая Ивановича, сталъ нашимъ главнымъ начальникомъ и покровителемъ. Онъ и всегда былъ очень внимателенъ къ сестрамъ и показывалъ большое участіе къ намъ.

Теперь, дойдя въ моихъ воспоминаніяхъ до 6-го іюня, не могу не остановиться и не написать подробно объ этомъ днѣ. Мнѣ такъ живо вспоминается все то, что̀ тогда было, все, что̀ я тогда испытала и перечувствовала, что кажется, будто это было не такъ давно.

Начну мои воспоминанія съ самаго вечера 5-го іюня. Мы опять съ мая мѣсяца жили въ домѣ Павловскаго; только сестра Меркулова съ своими сестрами осталась на Николаевской батареѣ.

Только-что мы поужинали и хотѣли лечь спать, чтобы хорошенько отдохнуть, какъ вдругъ бомба разорвалась близко отъ насъ, такъ что осколки посыпались на деревья нашего садика. Сестры хотѣли сейчасъ бѣжать на Николаевскую батарею, а я рѣшительно сказала, что останусь; французы попалятъ съ великимъ трескомъ, да и перестанутъ. Четыре сестры тоже остались. Но перестали только на полчаса, а затѣмъ опять поднялась адская трескотня и съ нашей Константиновской батареи; съ густымъ и полнымъ звукомъ несутся ядра надъ моремъ въ ихъ корабли, а они съ кораблей пускаютъ ракеты по нѣскольку вдругъ—настоящій фейерверкъ!

Я, сестра Куткина и Павловская, мы сѣли у открытаго

окошка смотрѣть на это грозное и красивое зрѣлище. Какъ сейчасъ вижу,—вдругъ три ракеты блестятъ все ярче и ярче, и поднимаются все выше и выше, точно прямо къ намъ. Какъ я усердно помолилась въ эту минуту! Но, слава Богу, не знаю, куда онѣ долетѣли, но насъ не тронули. Когда разсвѣло, я крѣпко заснула, но вбѣгаетъ Павловская и кричитъ: „Штурмъ! Надо скорѣй уходить“!

Но однако штурма въ эту ночь не было. Такъ какъ съ вечера у насъ все было уложено и приготовлено, то мы сейчасъ собрались и отправили весь свой багажъ на Николаевскую батарею, куда и велѣно было носить раненыхъ.

Сестра Куткина, которая со мной дежурила, ушла туда, а я осталась при девяти офицерахъ. Иные уже давно у насъ лежатъ, въ томъ числѣ и Твороговъ; ему, слава Богу, было лучше, но онъ жаловался, что эти близкіе выстрѣлы очень болѣзненно на него дѣйствуютъ.

А бѣдный молоденькій юнкеръ, которому недавно отняли ногу, метался, выходилъ изъ себя, умолялъ, чтобы его перевезли на Сѣверную. Я его успокоила, пообѣщавъ, что при первой возможности онъ будетъ туда перевезенъ.

Куперницкій, штурманскій офицеръ, находящійся при перевязочномъ пунктѣ и которому въ особенности были поручены флотскіе раненые, поѣхалъ на Сѣверную, чтобы узнать, приготовлено ли помѣщеніе въ 4-мъ №. Комнаты были очищены, но въ нихъ ровно ничего не было, такъ что раненыхъ надо было перевозить на ихъ кроватяхъ.

Во время его поѣздки братъ его былъ раненъ на бастіонѣ, и онъ прямо оттуда велѣлъ перенести его на баркасъ; тѣ же рабочіе перенесли изъ Собранія юнкера и еще двоихъ. Я ихъ провожала до баркасовъ. Ночь была темная, но совершенно тихая и теплая. Съ одной стороны серебристый свѣтъ новаго мѣсяца, съ другой—то раскаленныя ядра, то ракеты.

Кровати поставили на баркасъ, и самъ Куперницкій съ ними уѣхалъ, поручивъ мнѣ на двухъ приготовленныхъ баркасахъ отправить остальныхъ раненыхъ, а чтобъ было кому ихъ перенести, обратиться къ дежурному офицеру при Графской пристани, такъ какъ рабочіе должны были немедленно вернуться на бастіонъ.

Я такъ и сдѣлала, но тутъ вышло непредвидѣнное затрудненіе: дежурный офицеръ сказалъ мнѣ, что у него нѣтъ рабочихъ.

— Такъ прикажите же людямъ, которые на баркасахъ, перенести раненыхъ.

На это онъ объявилъ, что они обязаны работать только на водѣ, а не на землѣ.

— Но что́ же будетъ? — вскрикнула я. — Они останутся ждать тутъ подъ ядрами, а раненые будутъ лежать въ Собраніи также въ опасности? Боже мой, что́ же мнѣ дѣлать?

— Что́ хотите.

— По́ крайней мѣрѣ, не препятствуйте имъ идти, если я ихъ на это уговорю.

— Извольте, уговаривайте.

Я подошла къ баркасамъ и сказала:

— Вы знаете, что вы должны перевезти раненыхъ, но некому ихъ нести, а покуда я достану рабочихъ, вы простоите тутъ всю ночь. Гораздо лучше, если вы сами за ними пойдете, а я вамъ еще и заплачу за труды.

Они согласились охотно, и мои раненые, которые долго и съ такимъ нетерпѣніемъ меня ожидали, были, наконецъ, перенесены на баркасы.

Проводя ихъ, я вернулась въ Собраніе. Какое грустное и тяжелое впечатлѣніе производила эта большая опустѣвшая зала, освѣщенная одной свѣчой, которую я держала въ рукахъ, и сверкающими въ окнахъ выстрѣлами!..

Итакъ, мы оставили этотъ домъ, гдѣ столько перебывало страдальцевъ; нашимъ единственнымъ убѣжищемъ въ Севастополѣ стали казематированные своды Николаевской батареи.

Взявъ изъ Собранія нѣкоторыя вещи, я тоже пошла туда продолжать свое дежурство. Тамъ было много тяжело раненыхъ, тѣснота, духота страшная. По временамъ я выходила на галерею подышать свѣжимъ воздухомъ и посмотрѣть на грозно-прекрасную картину: на горѣ въ Севастополѣ было нѣсколько пожаровъ, и какой былъ рѣзкій эффектъ бѣлаго, яркаго свѣта брандскугеля, если онъ падалъ близко отъ краснаго пламени пожаровъ. А на Малаховомъ курганѣ такъ и сверкалъ баталіонный огонь.

Александръ Бакунинъ скоро пришелъ и разсказалъ, что французы пытались штурмовать Малаховъ курганъ, но, потерявъ много людей, лѣстницы и фашины, были отбиты. Солдаты бросались имъ на встрѣчу какъ львы. Успѣхъ очень всѣхъ одушевилъ, но ждали новой попытки.

Тутъ мы уже совсѣмъ устроились въ Николаевской, только нашъ казематъ былъ съ большимъ окошкомъ не на море, а на Севастополь, на площадь, на Екатерининскую улицу и на Mamelon-Vert, откуда на насъ стрѣляли.

Черезъ день я могла съѣздить на 4-й №, куда перевезли Творогова и другихъ офицеровъ. Очень мнѣ хотѣлось знать, хорошо ли они перенесли переѣздъ, и будетъ ли тамъ ординаторомъ нашъ докторъ В. Ив. Тарасовъ, чего я очень желала, и очень была довольна, что онъ тамъ; я долго у него сидѣла.

Теперь стало очень затруднительно попадать на Сѣверную, такъ какъ вольныхъ лодокъ уже не было, а надо было доставать казенныя. На этотъ разъ я поѣхала туда съ Яни; ему надо было побывать на Михайловской батареѣ, гдѣ теперь былъ перевязочный пунктъ, и гдѣ профессоръ Гюбенетъ замѣнилъ Н. Ив. Пирогова, который 5-го уѣхалъ въ Симферополь, а оттуда въ Петербургъ.

Тамъ я познакомилась и съ новыми сестрами и въ первый разъ была въ этомъ госпиталѣ. Вернулась я на гичкѣ съ Куперницкимъ. Чтò за милая штучка эта гичка, и какъ скоро она плыветъ! Все было такъ спокойно; прошла я въ казематъ сестры Линской. Тамъ былъ Ив. Ив. Кизмеръ; мы пили вмѣстѣ чай и радовались недавнему успѣху. Вернулась я къ себѣ поздно. Вижу — записка отъ А. П. Стахович. Она пишетъ, что проситъ насъ всѣхъ немедленно собраться и ѣхать къ нимъ на Сѣверную, что онѣ насъ ждутъ, что въ другомъ мѣстѣ мы можемъ быть полезнѣе! Я была удивлена, поражена, не могла понять, отчего, когда штурмъ былъ такъ успѣшно отраженъ, мы должны оставить Севастополь? Я тотчасъ пошла къ графу Сакену, которому теперь была поручена община, узнать, что это значитъ, и спросить, что мнѣ дѣлать; уѣхать я никакъ не хотѣла.

Сначала онъ отказался меня принять; мнѣ сказали, что онъ пріѣхалъ съ бастіоновъ и легъ; а я отвѣчала, что мнѣ совершенно необходимо его видѣть, и въ горизонтальномъ онъ или въ вертикальномъ положеніи, это мнѣ все равно; я пробуду у него одну минуту.

Когда онъ меня принялъ, я ему поспѣшно разсказала, что я только-что пріѣхала съ Сѣверной, видѣла нашего доктора Тарасова; онъ мнѣ ничего подобнаго не говорилъ. А возвратившись, нашла такую записку и показала ему письмо А. П. Стахович, спрашивая, чтò мнѣ дѣлать. Онъ тоже не понималъ, отчего вдругъ такое распоряженіе, и отвѣчалъ мнѣ очень неопредѣленно. Тогда я попросила дать мнѣ казака, чтобы послать записку доктору Тарасову и узнать, чтò это значитъ. А чтобъ не терять времени, я пошла написать записку въ канцелярію главнаго штаба; тамъ всѣ радовались побѣдѣ, отраженному штурму, писали реляціи, и я еще болѣе не понимала, зачѣмъ намъ

уѣзжать. Однако, отправивъ записку съ казакомъ на Сѣверную, я все-таки сказала сестрамъ, чтобъ онѣ были наготовѣ и уложились, а сама поужинала и, совсѣмъ одѣтая, легла и скоро заснула, такъ какъ двѣ ночи не спала.

Но вдругъ, въ первомъ часу ночи, страшная перестрѣлка на Малаховомъ курганѣ заставила меня вскочить и выбѣжать на нашу галерею. Увидя два яркихъ огня на курганѣ (это значило, что просятъ о помощи), я подумала: неужели я глупо сдѣлала, что не уѣхала? Но огни очень скоро погасли, штуцерная перестрѣлка прекратилась, а казакъ подалъ мнѣ записку отъ доктора, который писалъ, что уѣзжать намъ нѣтъ нужды, что это какое-то недоразумѣніе.

Я потомъ слышала, что сестры, на Сѣверной, ночью поспѣшно ушли изъ бараковъ въ какой-то новый, готовившійся для госпиталя, лагерь. Какой это именно былъ—не знаю. Думаю, что это въ тотъ, который былъ, какъ его называли, на Сѣверныхъ-Горахъ, потому что до того мѣста, гдѣ потомъ былъ тоже госпиталь на Бельбекѣ, очень далеко. Отчего у нихъ была такая тревога—не знаю. Потомъ мнѣ только нѣкоторыя сестры разсказывали съ большой досадой про этотъ ничѣмъ не мотивированный побѣгъ.

Я мало пишу о другихъ отдѣленіяхъ и о другихъ сестрахъ. Хотя разстояніе между нашими отрядами считалось очень небольшое, но способы сообщенія были очень затруднительны, да къ тому же у всѣхъ было слишкомъ много дѣла, чтобы имѣть возможность посѣщать другъ друга; а по разсказамъ, которые я теперь отчасти и перезабыла, не хочу писать, не будучи увѣрена, что они справедливы.

Изъ перваго отряда я знала только тѣхъ сестеръ, которыя поступили къ намъ на перевязочный пунктъ. Знала я еще нѣкоторыхъ сестеръ, Гординскую и Домбровскую. Гординская была помощницей начальницы и старшей при баракахъ. Ихъ обѣихъ очень хвалили. Помню, что я разъ была у нихъ и съ сестрой Гординской ходила въ палатки, гдѣ тоже было много больныхъ. Я была тамъ въ очень хорошую погоду и съ удовольствіемъ ходила по этому лагерю, отыскивая въ палаткахъ своихъ знакомыхъ больныхъ. Въ эту минуту погода была прекрасная, и хотя мѣстность очень грустная, но каждый маленькій кустикъ, каждая травка такъ свѣжо зеленѣли, воздухъ былъ такой чистый, пріятный!..

Но этотъ госпиталь былъ открытъ ранней весной, и бѣдныя сестры, ходя въ него изъ бараковъ, мучились, идя по не вылаз-

ной, липкой грязи, и тамъ иногда цѣлый день находились подъ дождемъ.

Не знаю тоже, когда именно сестры были помѣщены въ Михайловскую батарею, прежде ли, или послѣ только того остались тамъ, какъ туда былъ переведенъ отъ насъ перевязочный пунктъ, который очень скоро вернулся на Южную сторону, въ Николаевскую батарею (на Михайловской онъ былъ всего десять дней), а тамъ остался главный флотскій госпиталь. Потомъ тамъ и была ранена сестра Васильева: осколкомъ бомбы ей переломило руку, но, слава Богу, она хорошо поправилась.

Тоже не знаю, когда открытъ госпиталь на Сѣверныхъ Высотахъ и Бельбекѣ, и когда сестры туда переѣхали, и сколько и кто тамъ былъ. Знаю только, что на Бельбекѣ жила сама А. П. Стаховичъ, а на Сѣверныхъ Высотахъ—сестра Чупати, но кто еще съ ними и сколько—не знаю.

Я бы очень желала, чтобы кто-нибудь, пользуясь всѣми письмами и оффиціальными бумагами и обращая вниманіе не на сплетни, а на дѣйствія, описалъ всѣ труды Крестовоздвиженской общины во всѣхъ мѣстахъ и городахъ, гдѣ работали тогда сестры. А то жаль, что нѣтъ именно полнаго отчета о дѣятельности общины съ первой же минуты ея созданія неустанными и столь душевными заботами великой княгини Елены Павловны. Тогда это было совершенно новое дѣло. Даже въ Парижѣ les soeurs de St. Vincent de Paul только въ крымскую кампанію поступили въ военные госпитали. Это онѣ мнѣ сами разсказывали, когда я проводила съ ними цѣлые дни въ военномъ госпиталѣ Val de Grâce,—и всѣ непріятности и обиды, которыя имъ пришлось тамъ перенести.

Мнѣ часто приходилось спорить съ сестрами Краснаго Креста, которыя говорили, что сестры Крестовоздвиженской общины не такъ работали и не такъ были поставлены, какъ онѣ теперь,—что̀ совершенно ошибочно, а особливо по госпитальному начальству мы были лучше поставлены, если судить только по тому, что̀ я видѣла и, особливо, что̀ слышала на Кавказѣ, гдѣ была сестрой Краснаго Креста больше года при военныхъ госпиталяхъ.

Но возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Итакъ, мы были совершенно правы, что не уѣхали съ Николаевской батареи, такъ какъ черезъ десять дней перевязочный пунктъ опять вернулся къ намъ. Опять пріѣхала сестра Лоде, какъ старшая, а съ ней и прочія сестры.

Только перевязочный пунктъ, вмѣсто большихъ, высокихъ

комнатъ дома Собранія, помѣщался въ тѣсныхъ трехъ казематахъ подъ сводами, да на мѣсто Николая Ивановича Пирогова—Гюбенетъ и совершенно не тотъ персоналъ докторовъ.

И теперь работали непрерывно, аккуратно, но не было того товарищескаго чувства, которое соединяло всѣхъ вокругъ Николая Ивановича; не было того оживленія, той живости, того душевнаго участія!.. А работы все прибавлялось и прибавлялось, и опять пошли у насъ однообразно мучительные дни, то менѣе, то болѣе раненыхъ, то много, то меньше операцій...

Остановлюсь на пріѣздѣ въ Севастополь архіерея Иннокентія. Въ самый день своего пріѣзда онъ съ графомъ Сакеномъ приходилъ въ наши казематы благословить сестеръ. А на другой день было молебствіе на площади передъ Адмиралтействомъ. Съ одной стороны этой площади—церковь, съ другой—круглый фасадъ дома Красильникова. Въ этотъ домъ постоянно въ эти дни летали бомбы, и многихъ ранило, но объ этомъ никто и не думалъ: онѣ летали и дальше, и долетаютъ и перелетаютъ черезъ площадь. Генералы, войско, народъ, нѣсколько дамъ въ шляпкахъ и я съ сестрами спокойно тутъ стоимъ. Духовенство въ золотомъ облаченіи; хоругви развѣвались и блистали при яркомъ утреннемъ солнцѣ. Стройно неслось пѣніе.

Когда окончилось молебствіе, архіерей, въ своемъ богатомъ облаченіи, въ митрѣ, блистающей золотомъ и алмазами, небольшой ростомъ и уже съ посѣдѣлой бородой, подошелъ къ analоямъ, гдѣ лежали образа Божіей Матери и святыхъ угодниковъ. Изъ заднихъ рядовъ вышло по нѣскольку человѣкъ неустрашимыхъ защитниковъ Севастополя. Они пришли съ бастіоновъ, защищающихъ городъ, чтобы принять благословеніе архипастыря и отнести на бастіоны образа, которые усердіе соотечественниковъ прислало изъ разныхъ мѣстъ Россіи.

Передавая имъ образа, архіерей Иннокентій говорилъ имъ краткія рѣчи, но, къ сожалѣнію, за шумомъ и отдаленіемъ, намъ ничего не было слышно. Когда онъ отдалъ всѣ образа и запѣли: *Спаси, Господи!* — какъ усердно всѣ молились при словѣ: *побѣды!*...

Во все пребываніе мое въ Севастополѣ я такъ отрадно и такъ успокоительно не молилась. Опять вошли въ церковь для литургіи, а когда служеніе окончилось, архіерей, во всемъ еще облаченіи, вышелъ на паперть благословлять войско, при воскресномъ пѣніи: *Воскресеніе Христово видѣвше*... и еще: *Предварившие утро яже Марія и обряще камень отваленъ отъ гроба.*

Какъ было тогда радостно это пѣніе,—точно и Севастополь

можетъ воскреснуть! А потомъ, взойдя въ церковь, архіерей разоблачился и вышелъ оттуда, благословляя всѣхъ и направляясь прямо къ графу Сакену. Я слышала потомъ, что архіерей Иннокентій очень желалъ и собирался посѣтить всѣ бастіоны, но графъ его упросилъ этого не дѣлать.

Еще разскажу одинъ день, совершенно выходящій изъ общаго порядка нашихъ дней; я знаю, что меня даже осуждали за это, но я не могла отказаться, да правду сказать—и не хотѣла.

Какъ-то, очень неожиданно, встрѣчаю я въ нашихъ безконечныхъ корридорахъ священника и съ нимъ черкеса. Священникъ обратился ко мнѣ съ просьбой согласиться быть воспріемницей обращеннаго имъ въ христіанство молодого человѣка, уже заслужившаго георгіевскій крестъ. Воспріемникомъ будетъ генералъ Липранди. Священникъ такъ настоятельно меня упрашивалъ, что мнѣ пришло въ голову, не ошибка ли это, не отыскиваетъ ли онъ нашу начальницу, и просила сестру Зихель ему это объяснить. Но онъ сказалъ, что знаетъ и, именно, отыскиваетъ сестру Бакунину, и я согласилась. Надо было приготовить одежду для крещаемаго, и одинъ фельдшеръ вызвался сходить купить мнѣ голубую ленту и коленкору; но только-что онъ ушелъ, мнѣ стали говорить, что на этой улицѣ очень опасно. Боже мой! Съ какимъ нетерпѣніемъ я его ждала, тѣмъ болѣе, что во все время, что онъ ходилъ, пальба не прекращалась. Но, слава Богу, онъ вернулся цѣлъ и невредимъ.

Въ назначенный для крестинъ день, переѣхавъ черезъ бухту, мы сѣли въ присланную за нами коляску: со мной была одна севастопольская жительница. Лагерь—за пять верстъ; я рада была ѣхать туда и, послѣ пяти мѣсяцевъ, подышать чистымъ воздухомъ. Вотъ передъ нами высоты Инкермана; туманъ покрываетъ ихъ и мѣшаетъ видѣть тѣ высоты,—по ту сторону Черной рѣчки,—которыя заняты французами и англичанами, а съ этой стороны—тѣ, которыя ближе увѣнчаны батареями, а еще ближе, между кустами держи-дерева и дуба (который на этой безплодной почвѣ не ростетъ какъ дерево)—балаганы, землянки и коегдѣ, кое-гдѣ, палатки. Вдали, на Мекензевой горѣ, бѣлѣются палатки, а ближе въ сторонѣ домикъ въ три окошка; возлѣ него собрались тѣснѣе палатки, и маленькія, и очень большія.

Выйдя изъ коляски, я увидѣла навѣсъ изъ сучьевъ съ сухими листьями и подъ нимъ, на подпоркахъ тоже изъ сучьевъ—зрительная труба; въ нее безпрестанно смотритъ дежурный офицеръ по направленію къ непріятелямъ, не подходятъ ли, не имѣютъ ли намѣренія перебраться на нашу сторону и отрѣзать

Севастополь. И я посмотрѣла въ трубу, но за туманомъ ничего не видѣла.

Въ палаткѣ, устроенной изъ двухъ солдатскихъ, было приготовлено все для крещенія: покрытый столъ, на немъ образъ, по срединѣ аналой и чанъ, покрытый краснымъ сукномъ; возлѣ поставили черкеса въ бѣлой рубашкѣ съ голубыми лентами; по правую его сторону генералъ съ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ, по лѣвую—я. Возлѣ него очень молоденькій юнкеръ, почти дитя, сынъ генерала; въ его честь и новоокрещенный названъ Рафаиломъ.

Пôлы съ одной стороны палатки были подняты, и тамъ виднѣлись юнкера, офицеры, солдаты. Священникъ совершилъ благоговѣйно обрядъ крещенія; съ пѣніемъ: „Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся“—сливалась очень отдаленная пальба, не нарушая его стройности. Послѣ крещенія, пропѣвъ молебенъ архангелу Рафаилу, священникъ провозгласилъ многолѣтіе царю, воспріемникамъ, военачальнику Павлу, рабѣ божіей Екатеринѣ и новоокрещенному Рафаилу. Поздравили другъ друга, и я пошла съ моимъ кумомъ въ маленькую палатку полковника днѣпровскаго полка. Къ великому горю священника и новоокрещеннаго, ихъ азовскій полкъ наканунѣ получилъ приказаніе и ушелъ ближе къ Севастополю, на Сѣверную. Отъ этого такъ рѣдки палатки и такъ мало людей.

Нѣсколько минутъ разговаривала я съ генераломъ; онъ изъявилъ мнѣ свое удивленіе, что я пошла въ сестры. Я ему отвѣчала, что еслибы я была мужчиной, то давно имѣла бы честь служить подъ его начальствомъ; но когда сдѣлали воззваніе къ женщинамъ, я не могла не отозваться... Генералъ уѣхалъ по направленію къ домику, а я съ моимъ крестникомъ, но уже одѣтымъ въ красивый черкесскій мундиръ и съ георгіевскимъ крестомъ, пошла въ палатку къ священнику. Тамъ мы завтракали вчетверомъ. Священникъ, узнавъ, что учредительницей нашей общины великая княгиня Елена Павловна, съ чувствомъ пилъ за ея здоровье. Но пора ѣхать. Подали коляску, мой крестникъ посадилъ меня, и пара славныхъ лошадей повезла насъ обратно въ Севастополь, который совсѣмъ исчезалъ въ знойномъ туманѣ.

Даже и теперь, несмотря на то, что столько лѣтъ прошло, такъ сердце и сжалось, когда я стала вспоминать роковые дни конца іюня и 1-ое іюля!.. Но чувствую, что теперь такъ не опишу живо и горячо, какъ писала къ сестрѣ подъ первымъ впечатлѣніемъ 3-го іюля, и поэтому включаю сюда отрывокъ изъ этого письма:

3-го іюля, Севастополь.

..."Бѣдный Севастополь! Сколько крови льется въ немъ и за него!.. И, наконецъ, французамъ удалось попасть въ Нахимова. Сколько, сколько времени они въ него мѣтили! Онъ такъ неосторожно разъѣзжалъ по всѣмъ бастіонамъ; никто не носилъ эполетъ, а онъ постоянно ихъ носилъ, и когда ему говорили: "Тутъ опасно, отойдите", онъ всегда отвѣчалъ: "Вы знаете-съ, я ничего-съ не боюсь".

"Эта ужасная вѣсть сейчасъ донеслась и до насъ; пошла какая-то зловѣщая суета. Послѣ своей несчастной раны въ голову, П. С. Нахимовъ прожилъ полторы сутокъ, но не приходилъ въ себя и не говорилъ. Онъ лежалъ на Сѣверной; тѣло его перевезли сюда, въ его домъ, безъ всякой церемоніи.

"Но я тебѣ буду описывать только то, что̀ сама видѣла, а это все будетъ въ газетахъ. Хотя у насъ большія строгости для выхода сестеръ, но я сказала старшей сестрѣ Лоде, что иду поклониться Нахимову; еще двѣ сестры пошли со мной.

"Уже готовились къ выносу въ церковь для отпѣванія. Это было въ пятницу послѣ обѣда. На улицѣ стояли войска и пушки, множество офицеровъ морскихъ и армейскихъ. Во второй комнатѣ стоялъ гробъ, обитый золотой парчой, кругомъ много подушекъ съ орденами, въ головахъ сгруппированы три адмиральскихъ флага, а самъ онъ былъ покрытъ тѣмъ прострѣленнымъ и изорваннымъ флагомъ, который развѣвался на его кораблѣ въ день синопской битвы. Священникъ, въ полномъ облаченіи, читалъ Евангеліе. По загорѣлымъ щекамъ моряковъ, которые стояли на часахъ, текли слезы. Съ тѣхъ поръ я не видала ни одного моряка, который бы не сказалъ, что радостно бы легъ за него. Одинъ только сказалъ мнѣ: "Жаль его, ну да все равно,—я самъ за нимъ скоро умру". Онъ говорилъ это, лежа на операціонномъ столѣ.

"Въ церковь мы не ходили, а потомъ пошли на бульваръ. Это близъ того мѣста, гдѣ библіотека; очень высокое мѣсто, и внизу церковь близъ Графской пристани. Мы простояли нѣкоторое время: все еще ходили въ церковь прощаться. Наконецъ, заунывный трезвонъ и все болѣе и болѣе слышное пѣніе возвѣстили намъ, что вышли изъ церкви. Процессія повернула совсѣмъ не туда, куда я ожидала, а прямо къ намъ на гору и прошла мимо насъ. Его несли въ недостроенную церковь равноапостольнаго князя Владиміра, гдѣ уже были схоронены адмиралы Лазаревъ, Корниловъ, Истоминъ,—два послѣдніе тоже павшіе за Севастополь.

„Никогда не буду я въ силахъ передать тебѣ этого глубоко-грустнаго впечатлѣнія. Представь себѣ, что мы были на возвышенности, съ которой виденъ весь Севастополь, бухта съ нашими грустно разснащенными кораблями, море съ грознымъ и многочисленнымъ флотомъ нашихъ враговъ, горы, покрытыя нашими бастіонами, на которыхъ Нахимовъ бывалъ безпрестанно, ободряя еще болѣе примѣромъ, чѣмъ словами. Дальше, горы съ непріятельскими батареями, съ которыхъ такъ безпощадно громятъ Севастополь, и съ которыхъ и теперь они могли бы стрѣлять прямо въ процессію. Но они были такъ любезны, что во все это время не было ни одного выстрѣла.

„Представь же себѣ этотъ огромный видъ, а надъ всѣмъ этимъ, и особливо надъ моремъ, мрачныя, тяжелыя тучи: только кое-гдѣ вверху блистало свѣтлое облачко. Заунывная музыка, перезвонъ колоколовъ, печально-торжественное пѣніе; очень много священниковъ, генераловъ, офицеровъ, на всѣхъ лицахъ грустное выраженіе...

„Такъ хоронили моряки своего синопскаго героя, такъ хоронилъ Севастополь своего неустрашимаго защитника!

„Ты не можешь себѣ представить того тяжелаго чувства, съ которымъ я смотрѣла на это, и какъ я наплакалась! И сколько, сколько, я думаю, теперь поминаютъ новопреставленнаго Павла!

„Говорятъ, что онъ все жалованье свое и все, что̀ могъ, отдавалъ, чтобы помогать морякамъ. А какъ онъ тоже былъ внимателенъ къ нашимъ раненымъ“!.....

...И опять пошли грустно однообразные, грозные дни, и какъ-то все болѣе и болѣе терялась надежда на что-нибудь хорошее. Бомбы все чаще и дальше къ намъ залетали. Ѣздила я раза два на 4 №, но одинъ разъ мои гребцы отказались меня везти туда, говоря, что далеко и опасно, а привезли меня только въ Сухую-Балку; оттуда мнѣ пришлось идти до госпиталя пѣшкомъ. Въ половинѣ іюля я имѣла утѣшеніе проводитъ Творогова въ Николаевъ.

Весь іюль продолжалось все то же. Вспомню теперь только изъ ряда вонъ выходящіе случаи и событія, а то страшныя раны, оторванныя ноги, несчастные, которые вмѣсто рукъ поднимали обнаженныя кости, проломанныя головы—всѣ эти ужасы только съ разными перемѣнами повторялись изо дня въ день.

Но вотъ, въ одно лѣтнее, привѣтливое и ясное послѣ-обѣда, внесли однѣ за другими 13 носилокъ; двое изъ принесенныхъ были сильно изранены и ихъ сейчасъ же отнесли въ Гущинъ

домъ, а 11 остались у насъ. Но что̀ за странное было ихъ состояніе! Они всѣ были безъ памяти, какъ-то ползали по полу, а руками дѣлали такіе жесты, какъ бы плавали. Это было послѣдствіе камуфлета; они работали въ минѣ и подошли близко къ непріятельской минѣ, а тѣ свою и взорвали, и вотъ отъ этого они и получили такое страшное сотрясеніе мозга. Ихъ обливали холодной водой, потомъ положили на койки и все прикладывали холодные компрессы; только съ половины ночи они начали приходить въ себя, но не всѣ вдругъ, а то одинъ, то другой; и какъ-то странно они опоминались, точно въ мелодрамѣ: „Гдѣ я? Что̀ со мной? Какъ я сюда попалъ“? Иные только вспоминали, что были въ минѣ. Я всю ночь проходила отъ одного къ другому—такъ меня это интересовало. Къ утру десятеро совсѣмъ опомнились, но одинъ пришелъ въ себя только черезъ сутки,—и всѣ они скоро и совсѣмъ поправились.

Кстати, упомянувъ Гущинъ домъ, я вспомнила вообще, какія были у насъ перемѣны по госпиталямъ. Сначала, когда мы перешли на Николаевскую, попытались еще нѣкоторыхъ оперированныхъ, для которыхъ боялись дурного воздуха батареи,—хотя въ ней постоянно поливали ждановской жидкостью,—класть въ небольшія комнаты дома Собранія. Но это скоро оказалось слишкомъ опаснымъ. Орлова домъ, Гущинъ домъ и Инженерный домъ (гдѣ одно время была холерная больница, но, слава Богу, холерныхъ было немного, и холера скоро совсѣмъ прекратилась, только сестра, которая ходила за больными, умерла холерой) были закрыты: тамъ уже было слишкомъ опасно. Гангренозныхъ перевели въ Екатерининскій дворецъ, а офицерскій госпиталь былъ переведенъ на Сѣверную, въ Михайловскую батарею и на 4 №. Въ гангренозной подвизалась сестра (не помню ея имени), здоровая, бодрая, простая женщина, уже немолодая. Это именно былъ подвигъ великій,—такъ все тамъ было безнадежно и тяжело, и физически, и морально.

Иногда офицеры оставались и у насъ на Николаевской, послѣ раны или послѣ операціи, въ ожиданіи или смерти, или возможности переѣхать на Сѣверную.

Не только у насъ на перевязочномъ пунктѣ, но и во всѣхъ госпиталяхъ, которые были на Южной сторонѣ (про Сѣверную навѣрное не знаю) всѣхъ больныхъ поили чаемъ, даже и два раза въ день. Откуда былъ этотъ чай и сахаръ — навѣрное не знаю. Помню, что два брата Кефали, евреи-караимы, очень часто къ намъ приходили и часто доставляли намъ, что̀ было нужно для больныхъ.

Около этого времени случилась большая тревога. Вдругъ закричали, что бомба упала на крышу порохового погреба. Ив. Ив. Кизмеръ, несмотря на жаръ и на свою полноту, съ великой смѣлостью побѣжалъ стремглавъ туда, — и всѣ въ недоумѣніи ждали, что̀ будетъ, хотя и знали, что погребъ великолѣпно защищенъ. Но, слава Богу, бомбу не разорвало; кто говорилъ, что фитиль погасъ, а кто—что онъ выпалъ, прежде чѣмъ бомба упала.

Какъ-то и я разъ бѣжала по нашему корридору, въ тревогѣ не понимая, что̀ могло случиться. Выйдя изъ операціонной въ наши казематы, вдругъ слышу, что-то пахнетъ дымомъ все сильнѣе и сильнѣе. Бѣгу и вижу густой дымъ въ нашемъ корридорѣ. И что̀ же это? Одна изъ сестеръ разложила костеръ на полу (полъ у насъ былъ каменный) и варитъ изъ кизиля варенье! Разумѣется, я сейчасъ прекратила это неумѣстное хозяйственное занятіе, погасила огонь, и ей пришлось лакомиться недовареннымъ вареньемъ.

Вспомнивъ этотъ больно женскій и легкомысленный поступокъ въ то время, какъ мы были не только на военномъ, но и въ осадномъ положеніи, — я вспомнила другую женщину, въ которой ничего почти не было женскаго. Это—въ то время очень извѣстная Прасковья Ивановна; она была какая-то темная личность; много про нее говорили, можетъ быть, и лишняго. Она ходила на 4-ый бастіонъ и Малаховъ курганъ; солдаты ее очень любили,—она какъ-то все пришучивала; офицеры надѣвали на нее разные фольговые и изъ бумаги вырѣзанные ордена, давали ей денегъ. И вотъ разъ она пришла и проситъ одну сестру купить ей шолковой матеріи на платье, и когда та ей принесла нѣжно-лиловый гроденапль, — она очень ему обрадовалась. Но не удалось ей, бѣдной, пощеголять въ этомъ платьѣ; скоро послѣ этого ей оторвало обѣ ноги, когда она шла на бастіонъ, и она тутъ же умерла. Сестра, у которой хранилась ея матерія, продала ее, чтобы употребить эти деньги на ея погребеніе и поминовеніе.

Вспоминаю еще одинъ грустный случай, даже помню, что это было 20-го іюля, и, какъ по повѣрью, въ этотъ день все набѣгали тучи, блистала молнія и гремѣлъ громъ. И вотъ отъ этой ли бурной погоды, или отъ особенной болѣзненности раненаго, но одинъ раненый умеръ подъ хлороформомъ. И это былъ единственный случай, а то бывало, если и случится обмираніе, то сейчасъ же приводили въ чувство,—а тутъ что̀ ни дѣлали, ничего не помогло. Въ сущности же нечего было этого несчастнаго и хлороформировать: у него отымали всего одинъ палецъ на ногѣ, а такія операціи прежде всегда дѣлались безъ хлороформа.

Но вотъ никакъ не могу вспомнить и не отыскала и въ своихъ письмахъ, когда именно пришло къ намъ курское ополченіе. Думаю, что это было въ послѣдней половинѣ августа. Помню, какъ они входили съ пѣснями; иныхъ мы зазвали къ себѣ, потчивали виномъ, водкой. Но скоро и ополченцевъ стали приносить къ намъ ранеными, и они какъ-то совсѣмъ падали духомъ; стоны и крики ихъ были ужасны! Вотъ флотскіе — тѣ были терпѣливы и тверже, и лучше переносили и раны, и операціи. Армейскихъ по терпѣнію и твердости можно считать серединой; но и между ними были очень твердые и терпѣливые. Я помню одного, у котораго вся рука была раздроблена, а когда я хотѣла его усадить попокойнѣе, онъ мнѣ отвѣчалъ: „Я могу и постоять, а есть раненые въ ноги, тѣмъ необходимо сидѣть“.

Помню еще одного; онъ былъ легко раненъ и пришелъ только перевязаться; но, видя его усталое и утомленное лицо, я стала его уговаривать воспользоваться этимъ и остаться у насъ, чтобы хоть нѣсколько отдохнуть.

— Нѣтъ, этого нельзя,—отвѣчалъ онъ мнѣ:—ужъ насъ, старыхъ солдатъ, мало осталось, а молодые могутъ и оторопѣть.

И этотъ безвѣстный и скромный герой, твердо исполняя свой долгъ, сейчасъ же ушелъ на бастіонъ.

Но пора вернуться къ послѣдовательному разсказу. Въ самыхъ послѣднихъ числахъ іюля я наконецъ могла попасть на Бельбекъ. Мнѣ давно хотѣлось видѣть сестеръ Назимову, Никитину и другихъ, но устроить это было довольно трудно. При помощи Яни, на его катерѣ, я съ Кутkиной переѣхали черезъ бухту на 4 №, гдѣ Яни и докторъ Тарасовъ добыли намъ фурштадтскую телѣгу на парѣ; сидѣнье на веревкахъ съ ковромъ довольно покойно, но жара нестерпимая. Эти пять или шесть верстъ дорога мѣстами была прескверная, а мѣстами прекрасная. Но вдругъ нашъ возница останавливается и говоритъ, что рѣшительно не знаетъ, куда насъ везти, а дорогъ множество, одна другую пересѣкаетъ.

Къ счастью, въ это время мы увидали офицера верхомъ и попросили его потрудиться подъѣхать и объяснить намъ, какъ попасть на Бельбекъ. Онъ очень любезно началъ толковать нашему кучеру.

— А! это госпиталь,—отвѣчаетъ тотъ:—знаю.

Пріѣхали. Фруктовый садъ; подъ регулярно посаженными деревьями палатки. Спрашиваемъ: гдѣ сестры?—Дальше.—И мы

ѣдемъ опять версту и, какъ было намъ указано, поворачиваемъ на мостъ черезъ рѣчку, такую грязную, что въ ней вода совершенно желтая и густая; потомъ аллея пирамидальныхъ тополей и подъ большими орѣховыми деревьями палатки сестеръ; палатокъ немного, онѣ большія, но въ нихъ ужасно душно. Кругомъ фруктовый садъ, тѣни мало.

Всѣ знакомыя сестры бросились ко мнѣ на встрѣчу, болтали, разсказывали; думаю, что много было экзажерацій въ этихъ жалобахъ и разсказахъ, тѣмъ болѣе, что въ это время было очень непріятное столкновеніе и отчаяніе одной сестры. Но, благодаря добротѣ и вниманію графа Дмитрія Ероѳеевича, все кончилось благополучно. Мы пообѣдали съ сестрами, немного погуляли. Слава Богу, всѣ сестры были здоровы. Хотя госпиталь отъ нихъ не очень близко, но ходить туда—по саду. Подышать хорошимъ воздухомъ и пріятно, и полезно, но мы съ сестрой Куткиной спѣшили уѣхать: вѣдь надо было опять попасть къ доктору Тарасову и имѣть возможность переѣхать бухту; тутъ я тоже имѣла гичку. Какъ я выучилась ею управлять, и какъ она быстро скользитъ и вертится подъ моей рукой! Когда намъ встрѣчались катера или боты, то мы ихъ обходили подъ кормой, а у другихъ проскальзывали передъ носомъ. А тамъ вдругъ мѣстами въ совершенно спокойное море упадетъ бомба, и выскочитъ оттуда какое-то водяное чудовище съ брызгами и грязью.

Къ вечеру мы вернулись на нашу Николаевскую батарею.

У насъ вдоль всей батареи идетъ довольно узкая галерея тоже подъ сводами; такая же и въ нижнемъ этажѣ. Вотъ съ этой-то галереи мы и смотримъ на пальбу, особливо съ Mamelon Vert бомбы падаютъ къ намъ, или передъ нами, на площадь, или черезъ насъ въ море, и мы смотримъ, куда летитъ, долетитъ или перелетитъ.

Почти во всей нижней галереѣ расположились солдаты; тутъ они и ночуютъ, и работаютъ,—кто шьетъ сапоги, кто чинитъ платье, а кто завелся хозяйствомъ и въ кадочкахъ солитъ огурцы. Свободное мѣсто на галереѣ только противъ операціонныхъ казематовъ и нашихъ окошекъ. Вотъ на этомъ-то свободномъ мѣстѣ, особливо по вечерамъ, сходятся офицеры, доктора, сестры; тутъ разсказываются новости, переносятся сплетни. Это что-то въ родѣ аѳинскихъ портиковъ, только Платоновъ нѣтъ, врядъ ли есть и Аристофаны, но, кажется, Клеоновъ много...

Живо помню, какъ я разъ, хотя не спала передъ этимъ всю ночь, а не могла уйти съ этой галереи: начиналась гроза, и такъ это было грозно-красиво! То сверкнетъ зеленоватый и бѣло-

блестящій зигзагъ молніи; то появятся красно-огненные шары, которые поднимаются довольно тихо, вдругъ падаютъ съ ужасной быстротой и съ трескомъ лопаются на воздухѣ; то мѣсяцъ освѣтитъ все; то надвинется страшная, темная туча, и наконецъ разражается страшная гроза и громъ.

Все грустнѣе и грустнѣе становилось у насъ. Никогда не забуду я 4-е августа! Сколько у насъ было тогда ожиданій, надеждъ! Мы знали, что будетъ большое дѣло на Ѳедюхиныхъ горахъ, а среди насъ было какое-то зловѣщее молчаніе. И не только на непріятельскихъ бастіонахъ,—это понятно,—но удивительно было, что и наши батареи молчали. И вотъ, въ этой непривычной для насъ тишинѣ тянется безконечный день безъ всякихъ извѣстій. Только поздно вечеромъ, и то подъ тайной, мнѣ сказалъ одинъ, что все потеряно—и дѣло проиграно.

5-го, уже при страшной пальбѣ, мы узнали подробности. Говорили, что раненыхъ до 8-ми тысячъ, нѣсколько генераловъ убито; говорили, что сестры ѣздили на позицію.

Въ эти же дни бомба попала въ Михайловскій соборъ, во время службы, и взорвала весь полъ, но ранила только одного. Въ Преображеніе уже была устроена церковь въ Николаевской батареѣ, въ нижнемъ этажѣ, такъ что въ нее можно было ходить прямо по галереямъ. Я была очень рада, что въ Преображеніе могла быть у обѣдни. Но теперь можно сказать, что почти и вся жизнь Севастополя сосредоточилась на Николаевской батареѣ: ресторанъ, магазины—все перевезено сюда.

Скажу также и о мелочныхъ перемѣнахъ въ нашей общинской жизни. Сестрѣ Лоде что-то у насъ не понравилось, и она стала просить, чтобы ее опять помѣстили въ Бахчисарай. На ея мѣсто, старшей сестрой къ намъ пріѣхала баронесса Екатерина Осиповна Будбергъ, хорошая, дѣльная и добрая сестра. Но что̀ мнѣ не нравилось, это—то, что у насъ въ общинѣ, гдѣ все должно, кажется, быть основано на любви, милосердіи, полной готовности дѣлать все, что̀ возможно, стало вводиться какое-то чиновническое и формальное отношеніе къ дѣлу. Я знаю, что были сестры, которыя на меня сердились за то, что я хожу къ больнымъ не въ мой дежурный день, а я именно хожу, чтобы поговорить съ ними, что̀ они очень любятъ. И я съ удовольствіемъ всегда вспоминаю, какъ одинъ изъ раненыхъ, который, слава Богу, уже поправлялся, расхваливъ сестеръ, спросилъ меня:

—Да кто же васъ прислалъ сюда? покойный государь или Александръ Николаевичъ?

Я ему отвѣчала, что великая княгиня Елена Павловна. А

другой раненый перебилъ его и говоритъ:—Вѣдь я тебѣ давно толкую, что это вдовушка Михаила Павловича все устроила. Да исполнитъ же Богъ всѣ ея желанія, и да будетъ она всегда счастлива и здорова!

Тутъ и другіе раненые стали желать вел. княгинѣ всевозможнаго счастья. Меня это очень порадовало, какъ доказательство того, что мы полезны и любимы.

Ѣздили мы тоже съ сестрой Будбергъ на Сѣверную въ больничный лагерь, гдѣ ея сестра, Матильда Осиповна Чупати—старшей сестрой; у нея восемь сестеръ. Всѣ раненые въ палаткахъ, ампутированные—въ большихъ госпитальныхъ, а легко раненые —въ маленькихъ солдатскихъ; лагерь—на высокомъ, совершенно открытомъ мѣстѣ; не только нѣтъ ни одного дерева, даже нѣтъ и кустиковъ. Солнце должно тутъ жечь безпощадно. Но когда мы тамъ были, день былъ совсѣмъ не жаркій. Я почти все время просидѣла у сестры Нины Грибаричъ; она нездорова и желала меня видѣть. Потомъ мы обошли весь лагерь, а изъ лагеря заѣхали на рынокъ, который теперь на Сѣверной. Это—кочевье бѣдныхъ жителей Севастополя, и все болѣе и болѣе ихъ прибавляется; у иныхъ шалаши изъ сучьевъ, у другихъ что-то въ родѣ цыганскихъ палатокъ или убѣжища изъ кое-какъ сколоченныхъ досокъ. Тутъ, возлѣ этихъ импровизированныхъ и дикихъ жилищъ, валяется разная домашняя рухлядь: кадочки, боченки, вёдра, горшки.

Вотъ, припоминая все это, разскажу одинъ несчастный случай. У насъ уже давно не приносили женщинъ, и ихъ мало оставалось въ городѣ, только иногда на нижней галереѣ появлялись дѣти и, бросая мячикъ, громко и весело кричали:—Бомба летитъ!—Вдругъ намъ принесли женщину съ оторванной ногой. Я стала съ ней разговаривать и спрашиваю ее:—Зачѣмъ же вы не уйдете на Сѣверную? Туда уже многіе ушли.

— Да и мы на Сѣверной,—отвѣчала она.—Да вотъ захотѣлось огурчиковъ посолить, я и пришла въ домъ за ведромъ, а тутъ меня и хватило!

Да такъ хватило, что она скоро и умерла.

На рынкѣ сестра Будбергъ купила картофелю, капусты, а я—винограду, уже довольно хорошаго.

Чѣмъ дальше, тѣмъ становилось все грознѣе и грознѣе. Разъ былъ такой взрывъ, что всѣ мгновенно проснулись отъ гула и сотрясенія. У насъ даже изъ иныхъ оконъ стекла посыпались. Говорили, что это нашимъ удалось взорвать непрія-

тельскій погребъ на бывшемъ Камчатскомъ редутѣ, и что тамъ было до 3.000 пудовъ пороху.

Въ половинѣ августа была у насъ большая новость, но, увы! не предвѣщающая ничего хорошаго. Стали строить или, правильнѣе сказать, наводить мосты черезъ бухту отъ Николаевской батареи къ Михайловской. Мостъ крѣпкій, но, разумѣется, пловучій на бочкахъ и качающійся, но широкій, такъ что два и даже три экипажа могутъ разъѣхаться; перила веревочныя.

Дочь генерала Павловскаго и его воспитанница, которыя тоже должны были оставить свой хорошенькій домъ и жить съ нами въ маленькомъ казематѣ, котораго окошко обращено къ морю, очень желали побывать на Бельбекѣ и повидать еще знакомыхъ сестеръ. Не говорилось, но очень чувствовалось, что все это не долго продолжится, и Павловская упросила меня ѣхать съ ней, доказывая, что теперь это гораздо легче и удобнѣе, такъ какъ не надо хлопотать о переѣздѣ на лодкѣ черезъ бухту, а спокойно переѣдемъ черезъ мостъ. Я согласилась. Съ 4-го тамъ очень много раненыхъ, и мнѣ хотѣлось видѣть сестеръ, подышать свѣжимъ воздухомъ (отъ купанья мы уже давно должны были отказаться)—да и должна признаться, что хотѣлось проѣхать по мосту, который только видѣла изъ амбразуры нашей батареи,—проѣхать по морю, аки по суху.

Одинъ изъ знакомыхъ намъ ординарцевъ графа Сакена былъ такъ любезенъ, что взялся добыть экипажъ. И вотъ онъ самъ намъ пришелъ сказать, что экипажъ готовъ. Но что̀ это былъ за экипажъ! Какая-то несчастная телѣжонка на измученной лошадёнкѣ. Какъ мы три тамъ помѣстились, — я и не понимаю. А нашъ учтивый кавалеръ провожалъ до моста, а мы, вмѣсто благодарности, смѣялись, говоря, что онъ насъ провожаетъ, чтобы видѣть, не разсыплется ли нашъ экипажъ. Однако, мы очень благополучно переѣхали черезъ мостъ. День былъ прекрасный, море такъ и блистаетъ по обѣимъ сторонамъ моста (онъ почти съ версту). Было такъ тихо, что онъ совсѣмъ не качался; велѣно по немъ ѣздить шагомъ. Мы начали съ того, что поѣхали въ лагерный госпиталь на Сѣверную. Сестра Грибаричъ поправляется. Мы были тамъ недолго и поѣхали на Бельбекъ, но насилу отыскали туда дорогу по очень живописному ущелью;—впрочемъ, когда рѣдко выѣзжаешь, все кажется красиво,—только пыль была ужасная.

Сестры насъ встрѣтили очень радушно. Сестеръ тутъ много, и я познакомилась съ сестрами пятаго поѣзда. Когда онѣ пріѣхали,—навѣрное не знаю, но, кажется, недавно. Отдохнувъ не-

много и напившись кофе, я пошла отыскивать своихъ знакомыхъ раненыхъ въ лагерѣ.

Теперь у насъ съ начала августа ужасно грустно: раненые почти не остаются у насъ; очень тяжело раненыхъ сейчасъ же отправляютъ на Сѣверную, да и послѣ операціи больной остается недолго, двое, трое сутокъ, и всякій вечеръ шаланда отвозитъ отъ насъ много больныхъ, а утромъ опять все занято новыми; и такъ проходитъ передъ вами длинная вереница лицъ, за которыми не успѣешь и понаблюдать, и походить. И проходятъ они большей частью въ могилу!.. И какъ я бывала рада, когда отыщу какого-нибудь, который поправляется. А это такъ рѣдко.

Лагерь довольно далеко отъ сестеръ—черезъ большой виноградный садъ. Виноградъ или оборванъ, или еще зеленъ. Я пошла туда съ сестрой Медвѣдевой, моей давнишней знакомой. Она, до отъѣзда, жила у Варвары Петровны Тургеневой, матери Ивана Сергѣевича, съ которой мы были давно знакомы. Медвѣдева дежуритъ при офицерскихъ палаткахъ. Мы долго ходили съ ней по всему лагерю, пообѣдали съ сестрами на воздухѣ подъ прекрасными деревьями, но тотчасъ послѣ обѣда спѣшили уѣхать на 4-й № къ нашему доктору Тарасову. У него теперь сестра Линская, которая прежде, съ самаго своего пріѣзда со 2-мъ отдѣленіемъ, была на Николаевской; очень хорошая и добросовѣстная сестра. На зиму она оставалась на Бельбекѣ и тамъ умерла.

Мы заѣхали къ доктору для того, чтобы взять у него катеръ доѣхать до Николаевской. Мы боялись, что Павловскую и ихъ воспитанницу не пропустятъ черезъ мостъ, такъ какъ въ это время женщинъ изъ Севастополя выпускали, но назадъ на Южную безъ пропускного билета не пускали. Разумѣется, это не касалось сестеръ. Мы славно проѣхали на шестивесельномъ катерѣ, ни одна бомба насъ не тревожила, только далеко отъ насъ упало одно ядро въ море.

Съ 24-го августа началась сильная бомбардировка бастіоновъ; въ городъ къ намъ не стрѣляли, а прежде—на площадь передъ нашими окнами, гдѣ расположенъ полкъ,—такъ часто попадали, что мнѣ полковникъ сказалъ, что у него тутъ выбыло 30-ть человѣкъ. Я сама видѣла, стоя на галереѣ, что когда летитъ бомба, солдаты со смѣхомъ разбѣгаются, точно играютъ въ мячикъ, а потомъ съ безразсуднымъ любопытствомъ сбѣгаются на нее, прежде чѣмъ она лопнетъ. Но, слава Богу, я не видала ни одного несчастья. Разъ, еще въ половинѣ августа, бомба упала на галерею около окошка перваго операціоннаго стола, пробила сводъ, прошла въ лавку и тамъ лопнула. Я за минуту до

этого ушла за водкой. Въ операціонномъ казематѣ только отбило штукатурку, разбило окно, рамы, и была страшная пыль. Мы отъ души благодарили Бога, что въ это время не было операціи, а то нельзя ручаться,—насъ всѣхъ поразило бы и разбросало, да и оперированному могъ быть причиненъ большой вредъ. Въ лавкѣ все было переломано: шкафы, прилавки разбиты въ щепки, и мальчикъ приказчикъ такъ былъ раненъ, что пришлось отнять стопу; но онъ, славу Богу, выздоровѣлъ. Тотчасъ послѣ этого, купцы стали укладывать все, что̀ уцѣлѣло, и уѣхали; а тутъ начали рыть мины, чтобы взорвать Николаевскую батарею.

24-го и 25-го августа, раненыхъ съ бастіоновъ приносили очень много, до 1.000 человѣкъ въ день, и бывало на трехъ столахъ до 100 операцій. Съ этихъ дней уже не только дежурныя, а всѣ сестры—за дѣломъ; теперь было не до отдыха, и сестры оказались всѣ очень усердны и дѣятельны. Два вечера сряду, бухта и Севастополь были освѣщены горѣвшими въ бухтѣ кораблями. Первымъ сгорѣлъ самый большой транспортъ, на которомъ находились смола и сало,—онъ горѣлъ очень ярко; а на другой день сгорѣлъ фрегатъ „Коварный". Живописно бѣгалъ огонь по снастямъ,—какъ будто это была иллюминація!!.. И такъ послѣдніе дни своего существованія Севастополь былъ ярко освѣщенъ горѣвшими кораблями, остатками нашего несчастнаго потопленнаго Черноморскаго флота!

Екатерина Бакунина.

ВЪ РОДНУЮ СЕМЬЮ

ОЧЕРКЪ.

I.

Въ судьбѣ шестилѣтняго Пети произошелъ переворотъ. Это случилось восьмого января, вечеромъ, когда въ одной изъ петербургскихъ приходскихъ церквей Ольга Ивановна обвѣнчалась съ Никаноромъ Полушниковымъ. Впрочемъ, вѣсть объ этомъ событіи дошла до чухонской деревни, гдѣ воспитывался Петя, гораздо позже. Самъ Петя, хотя ему и толковали, что мама вышла замужъ и теперь у него есть папа, очень мало обратилъ вниманія на столь важное обстоятельство, не предчувствуя, какія послѣдствія оно можетъ имѣть. Петя даже и слово „мама“ плохо понималъ въ связи съ взлохмаченной петербургской тетей, которая давно какъ-то пріѣзжала и привезла ему сапоги и булокъ. Матерью онъ звалъ чухонку Мавру Ивановну, которую такъ звали всѣ остальныя дѣти, а отцомъ—ея мужа Павла, блѣднокудраго и тихаго мужика, который лѣтомъ жилъ съ ними и крѣпко храпѣлъ ночью въ избѣ, а по зимамъ уѣзжалъ на заработки.

Петя былъ отданъ Маврѣ Ивановнѣ совсѣмъ крошечнымъ на „вольное воспитаніе“. Мавра Ивановна получала за него по четыре рубля въ мѣсяцъ. Она спала съ нимъ сама, мѣняла ему бѣлье, давала молоко вмѣсто соски, даже купала его иногда. Этого всего она, конечно, не могла дѣлать для Анютки. Анютку прислали изъ воспитательнаго дома, съ платой по два рубля въ мѣсяцъ, да и то недолго, первое время. У Анютки не было въ Питерѣ родной мамы, ей не привозили ни сапоговъ, ни булокъ,

и Маврѣ Ивановнѣ за нее не прислали ни разу ни бруска мыла, ни фунта кофею, ни бумазеи на платье. Поэтому и вышло, что Анютка боялась Мавры Ивановны и бѣгала отъ нея, а Петя очень любилъ „эйди", какъ онъ звалъ ее по-чухонски, и вѣчно цѣплялся за ея платье, едва только началъ ходить.

За Петю платили исправно. Ольга, Петина мать, жила въ горничныхъ у графини, на хорошемъ жалованьѣ. Семь лѣтъ тому назадъ, когда случился „грѣхъ"—Ольга сильно бѣдствовала. Друга ея взяли въ солдаты, вернулся онъ женатый, и поступилъ сразу на хорошее мѣсто—управляющимъ въ бани. Оскорбленная Ольга приняла его неласково, но стала кричать, что она судомъ заставитъ его платить за Петю. Управляющій испугался, началъ платить, но вскорѣ пересталъ и вовсе куда-то исчезъ. А Ольга, между тѣмъ, пристроилась къ графинѣ и вздохнула свободнѣе.

Правда, графиня была изъ захудалыхъ, не важная и не богатая, довольно пожилая, но Ольгу она любила, дарила хорошіе подарки и принимала участіе въ ея судьбѣ.

— Ну, что́ же, милая, какъ вашъ ребенокъ? Получаете извѣстія?—часто спрашивала она ее.

Ольга опускала глаза и вздыхала.

— Благодаримъ покорно, сударыня, ростетъ. Несчастное дитя... Сирота... Всякій его можетъ обидѣть...

И графиня сочувственно кивала головой.

— Самое лучшее ему было бы умереть,—продолжала Ольга. —Несчастный ребенокъ такой... А вѣдь вотъ, живъ!—Тутъ графиня махала руками и съ негодованіемъ возражала:

— Это грѣхъ, моя милая, такъ говорить о собственномъ сынѣ. Господь знаетъ, что́ дѣлаетъ. Можетъ быть, онъ пристроитъ васъ и вашего ребенка такъ, что даже и не ожидаете. Надо надѣяться, а не роптать.

Ольга опять вздыхала и томно глядѣла внизъ. Она была не очень красива, лѣтъ тридцати-трехъ, уже увядшая, съ неровными зубами и нездоровымъ, измученнымъ лицомъ петербургской горничной. Волосы были пышно завиты на лбу; на худыхъ щекахъ лежалъ легкій слой розовой пудры. Но черные глаза смотрѣли еще живо, и въ лицѣ, во всей фигурѣ, съ затянутой таліей и бѣлымъ передникомъ поверхъ платья, оставалась неуловимая интересность. Ольга много танцовала и не чувствовала недостатка въ поклонникахъ.

Свои обязанности относительно Пети она исполняла — пла-

тила исправно — и всѣ были довольны: и воспитательница, и Петя, и сама Ольга.

II.

Такъ шли дѣла, пока не исполнились слова графини, предрекавшей, что Ольга непремѣнно пристроится.

Лѣтомъ, на дачѣ около Царскаго, за Ольгой сталъ ухаживать довольно пріятный „кавалеръ", Никаноръ Полушниковъ. Онъ былъ очень молодъ, лѣтъ двадцати-двухъ, занятій опредѣленныхъ не имѣлъ, хотя говорилъ, что осенью получитъ „прелестное мѣсто". Пока же онъ все игралъ на гитарѣ и съ необыкновенной силой влюбился въ Ольгу. Можетъ быть, его прельстила бойкость ея глазъ и рѣчей и завитки на лбу, можетъ быть, онъ надѣялся, что, живя у графини, Ольга не мало припасла на черный день — однако онъ сразу обнаружилъ серьезность своихъ намѣреній и сдѣлалъ Ольгѣ формальное предложеніе.

Ольга, съ истерическими рыданіями, повѣдала все графинѣ и просила совѣта.

Графиня подумала-подумала и велѣла позвать жениха.

Никаноръ Полушниковъ вошелъ тихо, довольно мѣшковато, и остановился у дверной притолки. Онъ вообще мало имѣлъ „кавалерскаго" ухорства и среди женскаго пола бралъ больше томностью. Но теперь, передъ барыней, онъ не былъ и томенъ, а просто казался вялымъ, кислымъ и злымъ. Въ голубыхъ, водянистыхъ глазахъ съ красноватыми вѣками, въ курносомъ, бѣломъ и кругломъ лицѣ, не лишенномъ пріятности, именно чувствовалась странная злость, мало соединимая съ его короткой, мягкотѣлой фигурой. Графиня, впрочемъ, этого не замѣтила. Полушниковъ ей не понравился, но она подумала тотчасъ же, что нельзя быть слишкомъ требовательной, и что вообще люди этого класса не бываютъ очень изящны и красивы. Кромѣ того, ее нѣсколько затруднила молодость жениха.

— Здравствуйте, мой другъ,—начала она однако.—Вы Никаноръ... Полушкинъ?

Никаноръ вытянулъ шею, уныло поправилъ галстухъ и произнесъ, прокашлявшись:

— Да-съ. Точно такъ-съ. Никаноръ Полушниковъ.

— Гм... да, Полушниковъ. Вы, кажется, выразили желаніе жениться на Ольгѣ?

— Да-съ. Я выразилъ. Я имъ не единожды выразилъ такое

мое желаніе. Потому что онѣ мнѣ чрезвычайно понравились, и я ихъ полюбилъ со всей страстью, а онѣ...

Графиня была старая дѣвушка и хотя безъ излишней щепетильности входила въ подробности жизни людей, которымъ сочувствовала и помогала—однако тутъ какъ-то невольно перебила объясненіе этого, вѣроятно не очень развитого, человѣка.

— Но обдумали ли вы вполнѣ этотъ шагъ? Вы молоды, Ольга старше васъ...

— Онѣ тоже все говорятъ, что я противъ ихъ молодъ, но это даже очень странно, и какъ онѣ теперь слегка похудѣвши, то кажутся очень молоденькими, а я какъ былъ передъ ими— такъ и есть ничто, какъ говорится вассалъ и рабъ...

— Ну, хорошо, это, конечно, ваше личное дѣло... Но вамъ извѣстно, что у Ольги есть сынъ, котораго вы непремѣнно должны узаконить... дать имя...

— И дадимъ-съ... Объ этомъ у насъ съ Ольгой Ивановной переговорено. Онѣ, конечно, стѣснялись съ перваго начала, но такъ какъ я для ихъ все готовъ, лишь бы онѣ согласны были вступить въ законный бракъ...

Графиня была тронута столь горячей любовью въ простомъ человѣкѣ.

— Что жъ, — сказала она: — Ольга должна цѣнить такую привязанность. Желаю вамъ счастья. Но вамъ необходимо раньше поступить на мѣсто, иначе какъ же вы станете жить? У Ольги ничего нѣтъ, а я приданаго ей дать не могу,—поспѣшно прибавила она, боясь, что Полушниковъ возлагаетъ на нее смутныя надежды.

— Намъ ничего и не надо-съ. Мы не продаемъ, не покупаемъ. А мѣсто мнѣ съ осени готово — въ шикарномъ погребѣ сидѣльцемъ.

Графиня даже слегка прослезилась отъ такого безкорыстія и, въ порывѣ великодушія, произнесла:

— Я, съ своей стороны, готова все, что̀ могу... Я Ольгѣ даю двадцать-пять рублей на свадьбу, платье, фату, и, кромѣ того, съ удовольствіемъ буду посажёной матерью.

Полушниковъ низко поклонился, но къ ручкѣ не подошелъ, что̀ графинѣ понравилось, ибо она не считала себя сторонницей такихъ обычаевъ. Она была скуповата, и обѣщаніе денегъ и платья кольнуло ее, однако отступать уже было поздно. Такимъ образомъ, Ольгу просватали, и начались дѣятельныя приготовленія къ свадьбѣ.

О Петѣ за все это время, до Рождества, почти не вспо-

миналось. Будетъ время подумать о немъ послѣ свадьбы! А пока Ольга погрузилась въ выборъ нарядовъ и вѣчныя ссоры со своимъ очень влюбленнымъ, мягкимъ, плаксивымъ, но злымъ женихомъ.

III.

Мѣсто Никаноръ Полушниковъ дѣйствительно получилъ, но далеко не такое „прелестное“, какъ ожидалъ. Восемнадцать рублей жалованья и комната. При этомъ были какіе-то вычеты, требовалось посылать рубля два-три матери-вдовѣ, жившей въ Царскомъ съ двумя сестрами, да кормиться, послѣ свадьбы, двоимъ! Въ погребѣ приходилось сидѣть съ утра до поздней ночи.

Ольга было-призадумалась, но графиня, которая уже нашла ей замѣстительницу, опрятную нѣмку Эмилію, не дала Ольгѣ и слова выговорить:

— Нѣтъ, нѣтъ, моя милая. Конечно, дѣло ваше, но я положительно не совѣтую отказывать Никанору. Не Богъ вѣсть какія у васъ требованія, жить можно и на эти деньги. Другіе и этого не имѣютъ. Вамъ посланъ случай дать имя вашему ребенку—и вы не имѣете права лишать его имени...

Если и было у Ольги скоплено немного — все пошло на устройство свадьбы. Одинъ за другимъ выплывали необходимѣйшіе расходы. Понадобилось купить подарки новой роднѣ, сестрамъ-швеямъ и матери, очень почтенной старушкѣ въ наколкѣ, со степенными манерами. Нужно было сдѣлать кое-что изъ бѣлья, купить свѣчи, башмаки, перчатки, цвѣты шаферамъ... посуду для будущаго хозяйства... Взяли за паспортà... А тутъ еще, какъ на грѣхъ, благодаря короткому мясоѣду, всѣ священники были завалены работой, и ни одинъ не соглашался вѣнчать дешевле, чѣмъ за двѣнадцать рублей, да и то въ темнотѣ. А если свѣтлѣе—то пятнадцать. Трое пѣвчихъ тоже стоили особо. А карета? А подножье? Одни припасы для свадьбы съ пивомъ и медомъ обошлись больше двадцати рублей. Хорошо еще, что нашлась знакомая, благодушная и хитрая кумушка чиновница на Петербургской Сторонѣ, которая предложила устроить свадьбу у нея и присмотрѣть за угощеніемъ. Было условлено, что за это она можетъ пользоваться половиной остатковъ отъ угощенія.

Ольга нѣсколько разъ принималась рыдать и совершенно сбилась съ ногъ. Графиня тоже была не въ духѣ: какъ посаженой матери, ей пришлось, кромѣ обѣщаннаго, купить еще и образъ. Графиня уже раскаивалась, что взяла на себя эту роль.

Къ тому же Ольга, какъ ни старалась, все еще не могла найти достойнаго посажёнаго отца.

Наконецъ, насталъ день свадьбы. Каждую минуту съ задняго хода являлись какія-то лица, знакомые и знакомыя Ольги. Сама Ольга рыдала съ утра, потому что посажёнаго отца такъ и не было. Вѣнчаніе сосѣдній священникъ назначилъ ровно въ шесть и грозился уйти, если не прибудутъ вò-время, потому что въ этотъ день у него было чуть не десятокъ свадебъ.

По счастью, о затрудненіяхъ узналъ швейцаръ противоположнаго дома, черный, еще не очень старый, юркій и большой знатокъ этихъ дѣлъ. Онъ предложилъ себя въ посажёные отцы съ явнымъ удовольствіемъ, утверждая при этомъ, что онъ безсчетное количество паръ благословлялъ, и всѣ оставались очень довольны.

Графиня, въ кружевной наколкѣ, съ кислымъ выраженіемъ лица, присутствовала при туалетѣ невѣсты, который происходилъ въ столовой. Подруги и знакомыя, все больше такія же горничныя, съ блѣдными, истомленными лицами нездоровой петербургской прислуги, хлопотали около Ольги. Свадебныя платья ихъ поражали своимъ разнообразіемъ: тутъ были и свѣтлыя, и темныя, шолковыя, изъ твердаго и ломкаго канауса съ слежавшимися складками, густыхъ цвѣтовъ; были и шерстяныя съ манчестеровыми рукавами попышнѣе, и совершенно странныя, очевидно вывернутыя наизнанку, изъ такой матеріи, у которой лицевая сторона другого, естественнаго рисунка. Народъ все прибывалъ. Невѣстѣ прикололи фату съ цѣлымъ потокомъ тяжеловѣсныхъ и твердыхъ флёръ-д'оранжей, символизирующихъ невинность.

Появился и юркій швейцаръ, весьма прилично одѣтый, въ черной визиткѣ и темнокрасномъ галстухѣ. Онъ тотчасъ же сталъ распоряжаться съ умѣлымъ видомъ — и ему покорились, даже сама графиня, смутно представлявшая свою роль. Впрочемъ, она рѣшилась терпѣть до конца.

Пріѣхалъ шаферъ, сіяющій конторщикъ отъ Санъ-Галли, съ бѣлымъ цвѣточкомъ въ петлицѣ, и объявилъ, что женихъ въ церкви. Всѣ засуетились. Ольга заплакала.

— Позвольте, позвольте!—вскрикнулъ юркій швейцаръ.— Сію минуту! Только благословимъ! Гдѣ хлѣбъ? Гдѣ образъ? Ваше сіятельство!—обратился онъ съ почтительной снисходительностью къ графинѣ.—Пожалуйте!

Графиня покорно подошла. Швейцаръ вручилъ ей чрезвы-

чайно тяжелый, круглый хлѣбъ, черный, со вставленной въ верхнюю корку солонкою. Самъ онъ держалъ образъ.

— Станьте на колѣни!—приказалъ онъ рыдающей, но не очень сильно, чтобы не смыть пудру, Ольгѣ.

И онъ, съ толковымъ и серьезнымъ видомъ, покрестилъ Ольгу иконой. Кресты онъ дѣлалъ короткіе, быстрые и ловкіе. Потомъ далъ Ольгѣ поцѣловать образъ и отдалъ его графинѣ, а самъ взялъ у нея ковригу, продѣлалъ съ нею надъ Ольгиной головой то же самое, такъ же далъ поцѣловать и отступилъ, приглашая графиню жестомъ повторить его дѣйствія.

У графини все это вышло гораздо хуже. Особенно ковригу она качала съ трудомъ и путалась, начинать ли справа или слѣва. Однако всѣ ждали въ глубокой серьезности и молчаніи, и едва кончилось благословеніе—кортежъ двинулся.

Хотя церковь находилась рядомъ, а карета была одна, всѣ „барышни" желали ѣхать въ каретѣ. Поэтому многія прибыли только къ концу церемоніи.

Батюшка спѣшилъ. Громадная приходская церковь была темна. Люстры молчаливо и сумрачно висѣли въ вышинѣ, едва видныя: зажечь каждую стоило еще десять рублей. Немногочисленныя свѣчки въ придѣлѣ у аналоя и передъ образами не разгоняли мракъ, а усиливали его. Яркія одежды поблекли, люди казались печальными тѣнями, и чуть видными, какъ сквозь дымъ, непрозрачный и тяжелый. У всѣхъ и на сердцѣ стало скучно,—почти не разговаривали.

Даже священникъ и дьяконъ, несмотря на свѣтлое облаченіе, двигались какъ сумрачные призраки. Только временами рѣдкія свѣчи бросали блики на желтое золото ихъ ризъ. Двое пѣвчихъ, уже немного охрипшихъ, совершенно терялись во мглѣ. Служба шла быстро, и черезъ четверть часа все было кончено. Дьячокъ свернулъ розовое атласное подножье и сунулъ его подмышку. Пѣвчіе кашляли. Начинался тихій говоръ. Новобрачные растерянно и слегка разочарованно смотрѣли другъ на друга. Никаноръ былъ очень недоволенъ церемоніей. Онъ, сколько ни слушалъ, даже не замѣтилъ словъ: „жена да боится мужа", такъ дьяконъ прочиталъ ихъ торопливо, а онъ, Никаноръ, именно настаивалъ на дьяконѣ изъ-за этихъ словъ. Они придаютъ пышность свадьбѣ.

Грустное и темное впечатлѣніе понемногу сгладилось, когда пріѣхали въ квартиру чиновницы, гдѣ долженъ былъ открыться вечеръ. Графиня думала, что ея обязанности кончены, старыя кости ея просили покоя, но неумолимый швейцаръ объяснилъ,

что тутъ-то обязанности и начинаются. Пришлось ѣхать на Петербургскую Сторону. Тамъ изъ небольшого зальца вынесли всю мебель, только у одной стѣны стоялъ столъ, на которомъ опять лежали ковриги хлѣба съ солонками. Молодыхъ поставили на колѣни, на шубу, и опять юркій и дѣловитый швейцаръ съ необыкновенной точностью началъ производить свои манипуляціи надъ склоненными головами молодыхъ. На этотъ разъ церемонія затянулась, потому что поочередно благословляла и другая пара, со стороны жениха, а потомъ и родная мать Полушникова, степенная и прямая старушка въ бѣломъ чепчикѣ и сѣромъ платьѣ съ пелеринкой. У Ольги родныхъ не было. Она вспомнила объ этомъ обстоятельствѣ, къ которому давно привыкла, и опять громко заплакала.

Наконецъ, всѣ молитвенныя церемоніи были исполнены и принялись за поздравленіе молодыхъ. Донское шампанское кипѣло надъ распластаннымъ пирогомъ и ветчиной. Гостямъ попроще—палили меду. Около печки, въ углу, давно пріютился молоденькій гармонистъ, почти мальчикъ, худенькій, съ такой гигантской, тяжелой и сложной гармоніей, что казалось удивительнымъ, какъ онъ съ нею справляется. Черная, неуклюжая, съ цѣлымъ лѣсомъ клапановъ въ видѣ бѣлошляпочныхъ грибовъ, она грозила раздавить своего господина. Однако мальчикъ принатужился и заигралъ маршъ, кончивъ—заигралъ опять сначала, и все время игралъ тотъ же маршъ, пока пили здоровье новобрачныхъ.

Каждую минуту кричали: „горько"! и Ольга, точно нѐхотя, но съ довольной улыбкой подставляла щеку. Полушниковъ, до сихъ поръ всегда скромный, вдругъ разошелся: развязно обнималъ жену за талію и говорилъ ей что-то на ухо, притопывая ногами.

Особенно упорствовалъ въ крикахъ „горько" одинъ усатый и сѣдоватый приказчикъ съ веселыми морщинами на добромъ лицѣ. Онъ, вѣроятно, подкрѣпился раньше, и теперь его требованія превышали всякую мѣру; онъ буквально послѣ каждаго глотка стоналъ свое убѣдительное „горько" и съ ожиданіемъ смотрѣлъ на молодыхъ. Ольга отказывалась. Приказчикъ упорствовалъ и надоѣлъ свыше терпѣнія. Наконецъ его увели.

Гармо́нистъ заигралъ польку. Молодые пошли первые. Фата съ тяжелыми флёръ-доранжами цѣплялась за каблуки новобрачнаго. Впрочемъ онъ прекрасно танцовалъ, откидывая ножку на второмъ пà.

Эта полька длилась долго, около трехъ-четвертей часа. Почти

съ первыхъ же звуковъ пошла танцовать одна пара: молоденькій приказчикъ съ одутлымъ лицомъ и дѣвушка небольшого роста, блѣдноватая, въ сѣромъ платьицѣ и темныхъ перчаткахъ на двѣ пуговицы. Гармонистъ игралъ безъ перерыва. И эта пара танцовала также безъ перерыва, ни разу не остановившись, крѣпко держась другъ за друга и дѣлая круги въ тѣсной комнатѣ. Бѣдной графинѣ (ей еще не удалось уѣхать) казалось, что она бредитъ: подъ рѣжущіе звуки гармоніи, среди начинающейся мглы, черезъ извѣстный промежутокъ времени, опять появлялась подпрыгивающая пара въ объятіяхъ другъ друга. Приказчикъ смотрѣлъ внизъ, въ лицѣ его выражалось стараніе и удовольствіе отъ добросовѣстнаго исполненія долга. И безъ конца, безъ конца кружились они, неразлучные и неизмѣнные.

Когда уѣхала графиня, которая все-таки слегка всѣхъ стѣсняла, сдѣлалось еще веселѣе. Танцовали кадриль и опять польку. Въ кадрили, когда дирижеръ кричалъ: „живѣе"!—кавалеры начинали неистово дергать за руки дамъ, а передъ балансированьемъ топали сразу обѣими ногами и, раздвинувъ руки, наклоняли голову, какъ будто желая боднуть. Потъ лился градомъ съ неистовыхъ танцоровъ. Пили, угощались и опять танцовали. Становилось жарче и туманнѣе. Свѣчи по стѣнамъ тускло мерцали среди мглы. Гармониста три раза смѣняли. Игралъ и самъ Полушниковъ, который оказался такимъ же искуснымъ гармонистомъ, какъ гитаристомъ. Вообще, онъ былъ очень доволенъ и много и часто говорилъ о своей любви къ Ольгѣ.

Въ шесть часовъ утра, наконецъ, молодые сѣли въ громыхающую карету и отправились на Лиговскую улицу, въ узенькую, сыроватую комнату, которая полагалась Никанору Полушникову, сидѣльцу въ „шикарномъ" винномъ погребѣ.

IV.

„Ольга Ивановна! первымъ долгомъ посылаемъ поклонъ. Получили письмо съ тремъ рублямъ, за что благодарны. Но теперь Петю привезти безъ разчета какъ-то сумлительно. Такъ какъ вамъ извѣстно, какъ онъ воспитанъ, у насъ онъ вѣдь парное молоко пьетъ, не даромъ будете платить. Съ самаго съ вашего бракосочетанія мы отъ васъ почти что ничего не получаемъ. Я думаю, необидно вамъ разсчитаться, какъ слѣдуетъ, сынъ вашъ былъ убогій, онъ у насъ получилъ здоровье. Богъ накажетъ, кто добрыя дѣла забываетъ. Теперь за вами за восемь

мѣсяцевъ, вы постарайтесь прислать десять рублей, а на остальные осьмнадцать форменную росписку, тогда я привезу Петю. Старайтесь сдѣлать, какъ лучше. Ахъ! трудно ребенку съ мамкой разставаться, онъ вдругъ не можетъ перенести, надо помаленьку отвыкать. Онъ для меня сынъ родной, я годъ цѣльный все плачу, какъ я разстанусь. Деньги и росписку форменную присылайте, безъ разсчета не привезу"...

Ольга прочитала письмо и залилась злыми слезами. Было ясно, что надо добыть десять рублей, все равно гдѣ. Прошелъ почти цѣлый годъ послѣ ея свадьбы съ Никаноромъ, а Петя все еще жилъ въ своей чухонской деревнѣ. У Ольги родился другой сынъ, Костя, толстый ребенокъ съ глупымъ видомъ. Сама Ольга похудѣла, опустилась, ходила растрепанная и оборванная. Въ узенькой комнаткѣ съ промерзающими косяками окна и отстающими обоями въ углу было то невыносимо холодно, то удушливо жарко и всегда пахло дѣтскими пеленками. Вдоль стѣны стояли кровать, мягкая скамейка въ видѣ дивана, обитая полинявшей шторой, и комодъ съ филейной салфеткой. Надъ комодомъ довольно криво висѣли блѣдные фотографическіе портреты Ольгиныхъ подругъ, а повыше—портретъ графини, которая совсѣмъ Ольгу покинула, привязалась къ новой „камеристкѣ" своей, Эмиліи, раскисла и уѣхала за границу. Въ переднемъ углу висѣли образа, тѣ самые, свадебные. Немножко на отлетѣ, пониже Спаса, висѣлъ выцвѣтшій портретъ отца Іоанна Кронштадтскаго. А еще ниже, совсѣмъ на рединѣ „святой" стѣны —хорошая гравюра съ „Тайной вечери", Леонардо да-Винчи. Эта гравюра попала къ Ольгѣ отъ графини. Никаноръ долго разсматривалъ ее, не зная, причислить ли ее къ образамъ, или къ картинамъ. И наконецъ, въ нерѣшительности, повѣсилъ ее на булавочкахъ хотя и на святой стѣнѣ, однако пониже отца Іоанна.

Никаноръ оказался не очень дурнымъ мужемъ. Правда, онъ по службѣ не преуспѣвалъ, жаловался на безденежье, стоналъ, что женился на Ольгѣ, когда могъ, „при его наружности и способностяхъ", взять любую купчиху, однако не пилъ, не курилъ, маленькимъ сыномъ своимъ даже гордился. Сначала Ольга думала, что заберетъ его въ руки, но Никаноръ былъ непобѣдимо упрямъ и золъ. Онъ легко плакалъ, казался мягкимъ, какъ тряпка, но и рыдая повторялъ: „погоди, погоди, я тебѣ отплачу", и если чего не хотѣлъ, то никакія силы его не могли заставить это сдѣлать.

Съ самой свадьбы Ольга зарвалась, и такъ они и не могли

поправиться. За Петю не платили и наконецъ рѣшили его выписать, потому что дома онъ при другихъ не будетъ стоить четырехъ рублей. Объ усыновленіи его Никаноръ молчалъ. Однажды Ольга завела рѣчь, но онъ вдругъ злобно усмѣхнулся, и она невольно умолкла.

Ольга съ радостью оставила бы Петю въ деревнѣ, будь деньги. Но денегъ не было, и выбора не было. Когда еще съ прежними долгами расплатишься.

Никаноръ съ утра сидѣлъ въ погребѣ. Въ окно узкой комнаты четы Полушниковыхъ едва проникалъ осенній свѣтъ, отраженный отъ сѣрой противоположной стѣны. Стѣна отстояла такъ близко, что ни одного кусочка неба нельзя было видѣть изъ этого окна, даже нагнувшись. Ольга сложила деревенское письмо, отерла слезы и, машинально забавляя ребенка, который хотѣлъ спать и куксился у нея на рукахъ, ломала голову, откуда взять десять рублей. Чѣмъ дольше мальчикъ останется въ деревнѣ, тѣмъ труднѣе будетъ его выкупить... А тамъ, пожалуй, черезъ судъ станутъ требовать... Ольга была опытна и знала твердо, что „люди довольно низки“.

Въ это время дверь нерѣшительно скрипнула... Ольга укладывала ребенка около постели, не сразу обернулась, къ тому же темносѣрыя сумерки повисли въ комнатѣ и узнать вошедшую закутанную фигуру казалось труднымъ. Однако Ольга, приглядѣвшись, не безъ удивленія спросила:

— Ты, Маша? Откуда такая?

— Я и есть,—отвѣтила гостья.—Только ты не кричи. Я къ тебѣ пока, тутъ и останусь. Можно, что-ли?

— Да раздѣвайся скорѣе. И разсказывай, откуда ты взялась. Вѣдь ужъ второй годъ тебя не видать.

Маша медленно принялась раскутываться. Развязавъ шали и платки, она оказалась рослой, видной дѣвушкой, съ пріятнымъ, довольно свѣжимъ и обыкновеннымъ лицомъ и стрижеными, какъ послѣ болѣзни, волосами. Она сѣла около стола и оглядывала комнату. Ольга зажгла жестяную лампу и принесла кипятку для чаю.

— Вонъ какъ живете,—проговорила Маша.—Бѣдно живете.

Ольга обидѣлась.

— Какъ ни какъ, да по закону,—проговорила она не безъ ядовитости.—Ну, а Модестъ Аполлоновичъ—здоровъ?

— Что въ законѣ, что безъ закона—рѣдко, когда счастье,—усмѣхнулась Маша.—Я вотъ тебѣ про Модеста-то и разскажу.

— Да ну, говори ты толкомъ,—торопила Ольга, которая горѣла отъ любопытства.

— Толкомъ и разскажу. Видались мы съ тобой позапрошлой весною. Сколько разъ этотъ самый Модестъ насъ съ тобою шеколадомъ угощалъ? То у Андреева, то у Исакова. Потомъ однажды ужинали въ ресторанѣ. Ты была, еще кто-то изъ дѣвушекъ и онъ. А какой онъ самъ-то, помнишь? Развѣ сказать, что парикмахеръ? Никогда! Баринъ, изъ самыхъ франтоватыхъ, аристократовъ, присяжный повѣренный какой-нибудь... И насчетъ дамъ онъ, насчетъ обращенія...

— Да это сейчасъ видать было, что онъ на дамъ золъ,— вставила Ольга, слушавшая съ жадной внимательностью.—Ну и что жъ, вы съ нимъ познакомились? А мѣсто?—Вѣдь у тебя мѣсто на пятнадцать рублей было... Вотъ мѣсто!

— А слушай,—продолжала Маша, прикусивъ кусочекъ сахара и схлебнувъ чай съ блюдечка.—Онъ мнѣ и объяснялъ, почему онъ долженъ быть побѣдительный для женскаго пола. Потому что онъ дамскій парикмахеръ въ шикарной парикмахерской на Невскомъ. А дамскій втрое получаетъ противъ мужского, если онъ съ обхожденіемъ и способенъ. У Модеста большія способности. Многія дамы, какъ пріѣдутъ, сейчасъ: „а гдѣ мсьё Модестъ"? И никого больше не хотятъ. А то на̀ домъ требуютъ. Онъ очень много по-французски знаетъ и тоже изъ заграничнаго. Впрочемъ, ты сама могла все это видѣть. Ну, и тѣмъ онъ меня чрезвычайно поразилъ, что такой человѣкъ, съ образованіемъ и все другое, вдругъ передо мной на колѣняхъ, и что обожаю, и люблю, а самъ въ рыданіи. Ну, я отъ мѣста отошла и съ нимъ на Троицкой въ комнатѣ и поселилась. Тамъ мы у хозяйки посейчасъ и жили, а теперь я скрываюсь.

— Какъ скрываешься? Почему?

— Да очень просто. Все это у насъ хуже да хуже пошло. Совсѣмъ онъ обращеніе перемѣнилъ. У меня въ Покровъ сынъ родился—ну, онъ, конечно, на это очень золъ. Зачѣмъ, молъ, сейчасъ же и ребенокъ? Это, говоритъ, связа, расходы, да къ тому же и совсѣмъ немодно: сію же минуту и ребенокъ! Очень на меня обижался. Какъ родился ребенокъ, я долго больна была, а потомъ онъ ужъ вовсе звѣремъ сталъ. Я говорю—ну, отдай въ Воспитательный, а онъ меня какъ ляскнетъ, больную-то:— сама плати двадцать-пять рублей! А у него деньги есть, я знаю, только ему на другое нужны. Я, погодя немного, опять:—отдай въ Воспитательный!—Онъ опять ляскъ, даже въ глазахъ круги. Ну, что̀ это за обращеніе? А самъ все поѣдомъ ѣстъ. Это даже очень низко. Вотъ я и удумала штуку.

— Смотри,—сказала крайне заинтересованная Ольга.—Онъ тебя такъ и вовсе броситъ.

— Эка, хватилась!—Да на что онъ мнѣ нуженъ?—Я его съ обращеніемъ любила, а не мужика. Я ему написала записку, что не увидитъ онъ меня ни на этомъ свѣтѣ, ни въ будущемъ, потому что я больше не существую, а сама скрылась. Скрылась, а ребенка ему оставила.

Ольга всплеснула руками.

— Вотъ такъ разъ!—Куда жъ ты теперь дѣваешься?—А ребенка-то зачѣмъ оставила?

— А пускай.—Всѣ знаютъ, что его ребенокъ. Небось, не отвертится теперь, заплатитъ двадцать-пять рублей, свезетъ въ Воспитательный. А я, какъ узнаю, что онъ свезъ—сейчасъ на прежнее мѣсто пойду. Очень зовутъ опять, прибавку даже обѣщаютъ. Пока у тебя побуду, а то онъ меня найдетъ, кинетъ мнѣ ребенка—куда я тогда?

Ольга засмѣялась.

— А и хитрая же ты, Машка!—съ удовольствіемъ сказала она.—Только, увидишь, онъ тебѣ номерка не дастъ. Такъ и не найдешь потомъ ребенка. Ты бы сама лучше въ Воспитательный свезла. Шутъ съ нимъ—связываться!—Ужъ неужли не прикопила двадцати-то пяти рублей?

— Мнѣ сейчасъ барыня, куда я поступаю, двадцать-пять впередъ дастъ. Не первый день меня знаютъ. А не желаю. И денегъ мнѣ не жалко, а не хочу. У меня мысль такая, я для мысли. Его ребенокъ—пусть платитъ. Потому что это ужъ окончательно свинство, и я не допущу.

— А коли слѣдъ ребенка-то потеряешь?

— Не потеряю. Пока маленькій, пока я не справилась съ деньгами, какъ надо—пускай. А потомъ найдется. Я же его мало и грудью кормила, привязаться-то не успѣла къ нему, не очень жалѣла. Вотъ, думаю, теперь мой рветъ и мечетъ! Завтра утромъ сходить надо къ хозяйкѣ потихоньку, узнать.

И она опять спокойно прихлебнула чай.

Ольга съ невольнымъ уваженіемъ посмотрѣла на свою твердохарактерную подругу. И вдругъ у нея мелькнула счастливая мысль.

— Маша, а Маша! Вотъ ты говоришь, тебѣ впередъ дадутъ... Выручи ты меня, Христа ради, въ ножки тебѣ поклонюсь... Дай десять рублей. Дѣло такое...

И Ольга подробно разсказала свое дѣло. Петю выкупить нужно—иначе такіе долги наростутъ, что никогда не справиться.

Маша выслушала серьезно, не прерывая.

— Плохо,—сказала она наконецъ.—Зарветесь. И служить ты идти не можешь отъ грудного-то, законнаго. Ладно, я дамъ, у меня и такъ есть, безъ барыни. А только когда отдадите-то?

Ольга подумала и безъ слезъ, дѣловымъ тономъ сказала, что могутъ отдать черезъ годъ. И дѣло было рѣшено.

Пришелъ Никаноръ на минутку изъ погреба. Маша ему очень понравилась. Извѣстіе о томъ, что Петю можно выписать, не только не обрадовало его, но неожиданно испугало и разозлило. Онъ, хотя никогда не говорилъ этого Ольгѣ, втайнѣ глупо надѣялся, что „пащенокъ“ не пріѣдетъ, такъ, куда-нибудь дѣвается, пропадетъ,—и онъ, Никаноръ, его не увидитъ, и люди не будутъ смѣяться... Мать Никанора, поссорившись съ Ольгой, принялась убѣждать сына, что надъ нимъ непремѣнно люди станутъ смѣяться. И Никаноръ забоялся и обозлился.

Однако выбора не было, и письмо съ деньгами отослали въ деревню на слѣдующее утро.

V.

Чухонка Мавра Ивановна слегка погрѣшила противъ правды, когда написала, что Петя въ деревнѣ „здоровье получилъ“. Онъ менѣе всего походилъ на крѣпкаго деревенскаго мальчугана. Большой не по лѣтамъ, худенькій, узенькій, съ тонкими костями, ровно блѣдный—Петя смотрѣлъ исподлобья, взоромъ не то строгимъ, не то капризнымъ. Петя зналъ, что его везутъ „домой“, къ „родной“ мамѣ, но не могъ вѣрить, что его настоящая мама, Мавра Ивановна, не будетъ при немъ. Однако непривычная тревога мучила его, и онъ ни на секунду не выпускалъ изъ рукъ юбки Мавры Ивановны.

Послѣднее время и въ деревнѣ что-то удивляло Петю. Ему не давали булки, когда онъ просилъ. Старшій братъ Ваня больно побилъ его, когда Петя взялъ его новый поясъ. Сапоги износились, другихъ не дали, а когда онъ сильно порѣзалъ ногу, его же стали бранить. Мама одинъ разъ сильно ударила по рукѣ за ужиномъ, когда Петя не въ очередь потянулся къ чашкѣ. Прежде это случалось только съ Анюткой. Она тоже была на воспитаніи, но отъ казны, и къ ней никогда никто не пріѣзжалъ. Спать Петя привыкъ съ мамой, но теперь она иногда не брала его къ себѣ—и Петя долго и тихо плакалъ отъ обиды и недоумѣнія. Впрочемъ, когда пришло послѣднее письмо и стали собираться къ отъѣзду, мама начала выть и причитать, дала Петѣ

бѣлый пряникъ, а Петя, охвативъ ее руками, думалъ, что ему все равно, куда ѣхать, лишь бы она была съ нимъ.

Сапогъ все-таки не было; Петѣ надѣли на грязныя ножки широкіе шерстяные чулки и старыя резиновыя калоши, у которыхъ носки отставали отъ подошвъ. Шапки тоже не было; а такъ какъ стоялъ уже ноябрь и порядочные холода, то Петину голову завернули въ кусокъ разорвавшагося одѣяла. Пріѣхали въ Петербургъ съ поздней машиной. Извозчикъ стоилъ по крайней мѣрѣ полтину, а потому Мавра Ивановна разсудила идти пѣшкомъ.

Петя, котораго она вела за руку, сначала покорно шелъ въ своихъ калошахъ, потомъ подумалъ и сказалъ:

— Эйди, вѣдь у меня ножка болитъ.

Онъ говорилъ и по-чухонски, и по-русски, потому что ихъ деревня была смѣшанная, и сама Мавра Ивановна часто говорила по-русски. Впрочемъ Петя на обоихъ языкахъ говорилъ нечисто и мало, хотя понималъ все.

— Ножка болитъ?—отозвалась Мавра Ивановна.—Ничего, пройдетъ, сыночекъ. У родныхъ мамы и папы сейчасъ молоко будемъ пить съ булками.

Петя покорился и шагалъ, прихрамывая. Мама крѣпко держала его за руку; ему было страшно, но не очень, потому что она съ нимъ. Ну, пускай папа и мама дадутъ чаю съ булками, а потомъ домой, въ деревню, со своей мамой, къ Ванѣ и Анюткѣ, къ поросятамъ и кошкѣ. Дошли—было поздно, Мавра Ивановна устала, потому что тащила еще мѣшокъ холщевый съ добромъ, всякими тряпками и деревенскимъ гостинцемъ—медомъ.

Никаноръ уже пришелъ изъ погреба. Ольга только-что уложила ребенка. Увидавъ новоприбывшихъ, она ахнула, потомъ расцѣловалась съ Маврой Ивановной, поцѣловала сына и почему-то принялась громко рыдать. Грудной ребенокъ заворочался и пискнулъ. Ольга тотчасъ же умолкла и неловко и суетливо принялась раскутывать Петю, который смотрѣлъ исподлобья удивленно и строго и не выпускалъ руки Мавры Ивановны.

— Никаноръ,—говорила Ольга.—Да чего жъ стоишь столбомъ? Поди на кухню, попроси самовара у Аннушки! Экій, прости Господи, психопатъ! Шевельнуться не можетъ, когда его просятъ!

— Позвольте поздороваться, — сказала Мавра Ивановна, и поздоровалась съ Никаноромъ за руку.—Супругъ Ольги Ивановны?

— Точно такъ,—глуховато отвѣтилъ онъ.—Никаноръ Полушниковъ.

— Вотъ папа, Петичка,—сказала Мавра Ивановна немного тягучимъ, очень ласковымъ голосомъ.—Поцѣлуй папу!—Но Петя, вдругъ охваченный ужасомъ, отвернулся и спряталъ голову въ платьѣ Мавры Ивановны.

Никаноръ, даже и послѣ отправки денегъ, почему-то̀ не представлялъ себѣ, что Петю точно привезутъ. Теперь же, когда мальчикъ стоялъ передъ нимъ, онъ испытывалъ необыкновенную злобу отъ этой неожиданности и вдругъ съ совершенной ясностью увидѣлъ и увѣровалъ, что „люди“, дѣйствительно, „будутъ смѣяться“.

Его одутловатое, блѣдное лицо не выразило привѣтливости, и Ольга, вдругъ замѣтивъ это, уязвилась и вскрикнула:

— Нечего, нечего! Не слушай, Петька! Какой это тебѣ папа! Онъ тебѣ не папа!

Мавра Ивановна покачала головой.

— Ну, что это, Ольга Ивановна! Сразу ребенку такія слова! Напротивъ того, ему другое должно внушить!

Никаноръ исчезъ подъ предлогомъ распоряженій о самоварѣ. Начались вздохи и охи и различныя привѣтствія. Ольга, раскутывая Петю, замѣтила, что онъ безъ шапки и безъ сапогъ.

— Неужли-жъ это вы его такъ и везли?—воскликнула она.

— А какъ же?—И Мавра Ивановна подняла на нее свои голубые, подслѣповатые глаза. Мавра Ивановна была женщина лѣтъ тридцати, но казавшаяся гораздо старше, съ грубой загорѣлой кожей темнѣе волосъ, которые у нея лежали очень гладко, плоскіе и желтые, слегка разноцвѣтные. Губы она поджимала плотно и говорила съ весьма сильнымъ финскимъ произношеніемъ.

— А какъ же везти еще его?—спокойно продолжала она.— Отъ васъ присылокъ никакихъ не было. Откуда жъ ему сапоги взять? Мы вамъ о томъ писали.

— У меня ножка болитъ,—сказалъ Петя.

— Болитъ? Болитъ? — подхватила Ольга. — Да что̀ это съ нимъ? Ахъ, Боже мой! Въ калошахъ, въ чулкахъ рваныхъ!

— А вы не прислали цѣлыхъ,—невозмутимо отвѣтила Мавра Ивановна.—И ничего не болитъ. Шелъ, усталъ, то и заболѣло. А такъ не болитъ.

Ольга всплеснула руками.

— Всю дорогу съ вокзала шелъ? Ну, подумать только! Да это уморить надо ребенка! Это какую совѣсть надо имѣть!

— Почему это—совѣсть? Вы деньги на извозчика не присылали. Это къ чему же такъ говорить...

Ольга посадила Петю къ себѣ на колѣни. Петя тревожно вслушивался въ разговоръ двухъ мамъ и неловко пытался сползти съ колѣнъ, чтобы опять прильнуть къ Маврѣ Ивановнѣ. Онъ отлично вспомнилъ эту петербургскую маму: такъ же у нея и въ ушахъ стеклянныя серьги, такъ же волосы напереди взлохмачены и стоять коломъ, только теперь зуба во рту съ одной стороны нѣтъ. И платье на плечахъ торчитъ. Петя понималъ, что онѣ хотятъ ссориться, что петербургская бранитъ настоящую за него, что будто настоящая его обижаетъ, а это неправда и не можетъ быть, потому что онъ самъ, Петя, настоящую изо всѣхъ силъ любитъ... Ему было обидно и хотѣлось ударить петербургскую маму, а потомъ укрыться къ „эйди" на колѣни, которая его отъ всѣхъ защититъ.

Онъ, наконецъ, выскользнулъ изъ рукъ Ольги и прильнулъ къ чухонкѣ. Ольга поймала его недружелюбный, злой взоръ исподлобья и сказала недовольнымъ тономъ, выбирая добро изъ узла:

— Совсѣмъ ему испортили характеръ въ деревнѣ. Очень испортили, сразу видать. Сколько еще возни будетъ съ этимъ ребенкомъ! Ну да здѣсь баловать не станемъ.

— И нисколько онъ не испорченъ, а только ребенокъ знаетъ, кто его любитъ,—проговорила торжествующая Мавра Ивановна. —Тяжело ребенку съ мамкой разставаться. Еще какъ онъ перенесетъ. А вотъ, застращивайте его сразу словами, онъ у васъ и вовсе заболѣетъ.

Сердце Пети билось отъ страха и горя, хотя онъ до сихъ поръ не понималъ, что̀ будетъ дальше. Когда пришелъ Никаноръ, Петя еще глубже спрятался въ складки платья Мавры Ивановны и не могъ принудить себя взглянуть въ блѣдное, полное и злобное лицо „папы".

Никаноръ взбѣсился и сразу хотѣлъ проявить строгость, но сдержался, потому что струсилъ. И Ольга начала бы скандалить, да и передъ Маврой Ивановной онъ чувствовалъ нѣкоторую робость. Пусть, это еще не уйдетъ. А пока онъ удовольствовался тѣмъ, что незамѣтно, съ тихой яростью, пребольно ущипнулъ Петю за ногу, надѣясь, что испуганный мальчикъ не посмѣетъ пожаловаться. Петя, точно, ничего не сказалъ, только вздрогнулъ отъ боли и тихо заплакалъ, неистово прижимаясь къ чухонкѣ. Она разсѣянно утѣшала его, гладя по головкѣ, и сладкія, приторныя, слова утѣшенья чередовались съ язвительными, которыя она бросала Ольгѣ, опять затѣявшей перебранку: какихъ-то тряпокъ недоставало въ привезенномъ добрѣ.

VI.

Сѣрый, почти черный, ноябрьскій день едва освѣщалъ узкую комнату. Свѣтъ, отраженный отъ мрачной стѣны противоположнаго флигеля, былъ такъ слабъ и туманенъ, что даже розовые обои комнатки казались зловѣщими. Въ правомъ, совсѣмъ черномъ углу горѣла лампадка и красныя, слабыя пятна падали на позолоченныя ризы иконъ.

У стола, приставленнаго къ окну, сидѣлъ Петя. Ноги его недоставали до полу. Онъ не двигался; блѣдное, серьезное и мрачное лицо его застыло въ одномъ выраженіи. Около стула лежали какія-то игрушки: деревянный, липкій отъ краски, конь съ мочальной уздой, картинки стараго моднаго журнала, коробки изъ-подъ папиросъ и леденцовъ... много коробокъ. Но Петя, прежде особенно любившій коробки, теперь не игралъ. Онъ сидѣлъ и думалъ.

Ребенокъ кричалъ на постели. Ольга укачивала его и громко и однообразно напѣвала, стараясь заглушить его голосъ своимъ. Мавра Ивановна вышла купить себѣ что-то на дорогу—она сегодня уѣзжала.

Когда стукнула дверь, Петя вздрогнулъ и хотѣлъ соскочить со стула. Но это была не Мавра Ивановна, а Маша, та самая Маша, которая выручила Ольгу и дала десять рублей для Пети. Маша поздоровѣла, казалась веселой и розовой съ холода. Одѣта она была легко, въ одномъ платкѣ, накинутомъ поверхъ чернаго, ловко стянутаго платья съ бѣлоснѣжнымъ передникомъ.

— Здравствуй, Ольга, — сказала она живо и поцѣловалась съ подругой. Растрепанная, измученная Ольга казалась старухой передъ нею.

— Маша! Что такъ давно не заглядывала? Правда, что-ль, на мѣстѣ? А какъ же твой-то?

Маша засмѣялась и махнула рукой.

— Модестъ? Да ну его! У меня мѣсто, я тебѣ скажу, такое —прелесть! Я сразу же на мѣсто пошла. Только и отдохнула.

— А ребенокъ гдѣ?

— Въ Воспитательномъ. Гдѣ жъ ему еще быть? Вотъ, разскажу тебѣ, катавасія-то вышла! Вотъ смѣялись-то мы! Пришелъ Модестъ тогда изъ магазина—сейчасъ получаетъ письмо отъ меня, такъ и такъ, меня не ищи, я больше не существую; однако не воображай себѣ, чтобы я изъ-за такого дурака на грѣхъ пошла, я, можетъ, лучше тебя найду; а въ наслѣдство

получай ребенка. Всѣ знаютъ, что—твой. Такъ онъ, милая моя, прибѣжалъ къ хозяйкѣ—лица на немъ нѣтъ. „Моя-то,—кричитъ, —что̀ надѣлала! Покинула мнѣ мальца“! Ужъ онъ тутъ ругалъ меня, ругалъ—мнѣ хозяйка все разсказала—а потомъ кричитъ: „Берите его, вотъ двадцать пять рублей, тащите въ Воспитательный“! Хозяйка хочетъ ѣхать, а онъ одумался и говоритъ: „Постойте, я съ вами поѣду, а то вы номерокъ этой дряни отдадите, а я не желаю“. И поѣхалъ.

— И что жъ, не отдаетъ номерка?

— Модестъ-то? Нѣтъ. Онъ опять около меня кружитъ. Иди, молъ, опять ко мнѣ, а то я номерокъ уничтожу, и ты свое дитя потеряешь. Да не очень-то я глупа.

— Не пойдешь?

— На муку-то на эту? То постыла была, то снова милой сдѣлалась? Знаю его: по-своему только хочетъ сдѣлать. Да шалишь, не на такую напалъ. А ребенокъ — что̀ мнѣ съ него теперь? Вотъ подростетъ... Небось, не уничтожитъ номерка. Добудемъ.

Маша подошла къ столу.

— Этой твой, что-ли?—прибавила она, взглянувъ на Петю.

— Мой... Ужасно какъ испортили въ деревнѣ,—повторила опять Ольга, точно извиняясь.

— Мамка-то уѣхала?

— Нѣтъ еще... Сейчасъ поѣдетъ.

Маша съ интересомъ взглянула на Петю.

— Ты что жъ молчишь-то? Не радъ, что-ли, въ Питерѣ оставаться?

Петя взглянулъ исподлобья на новую тетю. Какая она! Опять вся странная, чужая, какъ все здѣсь ему странно и чуждо. Можетъ быть, и эта тоже ему не тетя, а мама?

— Что̀ жъ ты насупился, глупенькій?—продолжала Маша.— Я тебя не съѣмъ, нечего чужаться. Что̀, хорошо здѣсь?

Петя посмотрѣлъ, почесалъ грязной, тонкой ручкой затылокъ съ торчащими желтоватыми волосами и сказалъ:

— Нѣтъ, нехорошо здѣсь. Домой хочу.

— Ишь ты!—проговорила Маша съ любопытствомъ. — Не нравится! Что-жъ тебѣ тутъ не нравится? Маму, папу вѣдь любишь?

При воспоминаніи о папѣ брови Пети сдвинулись. Но за два послѣдніе дня онъ сильно присмирѣлъ и понялъ, что надо непремѣнно говорить „да“, если спрашиваютъ, любитъ ли онъ папу, маму.

— Да,—прошепталъ онъ, опуская голову.—И эйди люблю,—прибавилъ онъ поспѣшно.

— Это чухонка-то твоя? Ишь ты! А ты посмотри, какъ въ Питерѣ-то хорошо. Улицы, панель. Видалъ фонари-то?

— Видалъ. Я въ деревню поѣду.

— Фу ты, какой упрямый! Чего тебѣ въ деревнѣ? Что тамъ въ деревнѣ-то есть? А здѣсь въ окно только посмотрѣть...

Петя давно смотрѣлъ въ это окно и думалъ. Вдругъ онъ улыбнулся и сказалъ:

— А въ деревнѣ земля. А здѣся каменье. Земли не видать.

Маша расхохоталась.

— Вотъ чудной! Земли въ городѣ захотѣлъ! Тебѣ тутъ панель, грязи нѣтъ.

— А еще, а еще,—вдругъ спѣша заговорилъ Петя, точно боясь, что позабудетъ свою мысль,—еще въ деревнѣ облаки. А тутъ, глянь, амбары.

И онъ указалъ на сѣрую стѣну противоположнаго дома.

Маша еще громче расхохоталась. Ольга стояла около безъ улыбки и мрачно проговорила:

— Очень спортили въ деревнѣ. Страсть какъ спортили. Будетъ возни.

Петя еще ниже наклонилъ голову и замеръ. Ему было стыдно, что онъ сталъ говорить съ этими тетями или мамами, и обидно, что надъ нимъ смѣялись. Потомъ ему сдѣлалось страшно, какъ когда онъ одинъ разъ, въ деревнѣ, на опушкѣ лѣса потерялъ эйди, которая брала грибы и отошла отъ Пети. Онъ кричалъ, а никого не было. Только большущія сосны ворчали. И когда эйди вышла изъ-за сосны, онъ съ воплемъ кинулся къ ней.

Такъ же кинулся онъ къ ней и теперь, когда она вошла въ комнату съ покупками. Но Мавра Ивановна была угрюма и озабочена и слегка отстранила Петю, не замѣтивъ его изумленнаго и горестнаго взора. Мавра Ивановна заходила къ деверю, который долго наставлялъ ее уму-разуму и объяснилъ ей, что ее хотятъ обмануть. Мавра Ивановна и сама была не промахъ, а деверь ее окончательно укрѣпилъ и утвердилъ.

Ольга зажгла лампу и поставила ее на столъ.

Былъ праздникъ, погребъ заперли рано, явился Никаноръ. Увидавъ Машу, онъ галантно раскланялся и улыбнулся. Маша ему очень нравилась.

— Скоро ужъ и на машину пора,—сухо проговорила Мавра Ивановна, стягивая холщевый мѣшокъ.

Петя, который держался за ея юбку, разжалъ пальцы и при-

сѣлъ на край обитой скамейки. Его ситцевый костюмъ висѣлъ на стѣнкѣ не уложенный. Онъ хотѣлъ-было сказать объ этомъ, но вдругъ понялъ какъ-то, что не нужно говорить, что совершается неслыханная бѣда—и не заплакалъ, а только замеръ, притаился и смотрѣлъ.

— Надо бы съ хозяевами по-хорошему разсчитаться,—опять суховато и сосредоточенно проговорила Мавра Ивановна и присѣла у стола, поправляя платокъ.

Маша, не желая мѣшать, но любопытствуя, отошла къ сторонкѣ, гдѣ стояла кровать и спалъ грудной ребенокъ. Никаноръ сидѣлъ по другую сторону стола, Ольга тоже взяла стулъ. Разговоръ обѣщалъ быть торжественнымъ. На Петю никто не смотрѣлъ. Онъ не двигался у комода, на скамейкѣ, и держалъ за рукавъ свое длинное пальто, которое добылъ со стѣны, увидавъ, что „эйди“ собирается.

— Мы иначе, какъ по хорошему, и не разсчитываемся,—начала Ольга.—Только не знаю, къ чему вы это теперь заговорили. У насъ разсчетъ конченъ. Присылали письмо, просили десять рублей, да на осьмнадцать форменную росписку—и дадено вамъ. Чего жъ еще?

— Такъ. А на дорогу-то гдѣ?

Ольга взвизгнула.

— Три-то рубля я вамъ здѣсь дала на пряники, что-ли? Еще трехъ рублей мало?

— Да-съ, эти три рубля я у хозяина впередъ выклянчилъ,—заговорилъ осмѣлившійся Никаноръ. — А чтò мнѣ? Это, можно сказать, не мой ребенокъ-съ. По мнѣ-съ, онъ хоть бы и вовсе не существовалъ. И даже не въ примѣръ лучше. Я только по добротѣ по своей...

— Молчи ты!—оборвала его Ольга и опять обратилась къ Маврѣ Ивановнѣ. — Чего-жъ вы еще путаете? Отпираться отъ трехъ рублей станете?

— Отпираться не стану, а то и путаю, что я несогласна.

Ольга вскочила и стулъ загремѣлъ.

— Это еще чтò?

— А то же, что несогласна. Мнѣ разсчету нѣтъ. По четыре въ мѣсяцъ за семь мѣсяцевъ двадцать восемь, а еще онъ у меня двѣ недѣли даромъ жилъ. Я даромъ несогласна.

— Какія двѣ недѣли? Какія двѣ недѣли? Это что вы не везли-то? Такъ мы не обязаны...

— Это точно-съ, обязательства нѣтъ...

— Двѣ недѣли даромъ, — упрямо повторяла чухонка, — да чай, да кофей, да сахаръ, да...

Ольга была внѣ себя.

— Кровопійца ты, а не мамка!—завизжала она, наступая.— Совѣсть-то твоя гдѣ, а? Не видишь, какъ люди бьются, рубашку послѣднюю готова снять!

Мавра Ивановна тоже поднялась.

— Ну, ты не очень-то,—сказала она сурово.—А я въ судъ подамъ, коли такъ.

— Хорошо же, хорошо!—вскрикнула Ольга, захлебываясь, и вдругъ грубо схватила Петю за руку. — Ты-жъ все выла о немъ, да причитала, любишь его очень. На́ тебѣ его, бери, увози къ чорту, знать его не хочу! Плакали мои десять рубликовъ, а другихъ не увидишь! Пошла и съ нимъ вмѣстѣ, жила чухонская!

И она такъ толкнула Петю, что онъ отлетѣлъ прямо къ Маврѣ Ивановнѣ. Никаноръ смѣялся, открывая широкій ротъ. Петя уцѣпился-было за юбку Мавры Ивановны, но она, потерявъ свое обычное спокойствіе, вдругъ оторвала отъ себя его тонкіе пальцы и толкнула его прочь, къ Ольгѣ, такъ сильно, что онъ упалъ бокомъ на скамейку.

— Сама родила, другимъ прикидываешь! — закричала она вдругъ неестественнымъ, не то плачущимъ, не то злымъ, пронзительнымъ голосомъ. — Я его не даромъ любила, даромъ нѣтъ тебѣ ничего! Да провались онъ, да опаршивѣй онъ...

Петя еще разъ попробовалъ, въ пылу криковъ, подползти къ Маврѣ Ивановнѣ, но она опять выдернула свое платье и, размахивая руками, подступала къ Ольгѣ. Платокъ свалился у нея съ головы, всегда плоско лежащіе волосы растрепались и лицо изъ сѣраго сдѣлалось кирпичнымъ.

Петя смотрѣлъ-смотрѣлъ, и ему стало казаться, что его „эйди" тутъ нѣтъ, что она уѣхала, а что это другая, такая, какъ всѣ эти петербургскія мамы. Когда она обернулась къ нему и, среди криковъ, ткнула его пальцемъ, съ бранью и ненавистью — ему стало такъ страшно, что онъ метнулся въ сторону, въ уголъ. Крики и брань наполняли всю комнату. Заплакалъ ребенокъ на постели, но никто не обращалъ на него вниманія. Ольга, чуть не въ истерикѣ, упрекала теперь чухонку, что она не ходитъ въ церковь, и не признаетъ святыхъ и мучениковъ, а что это запрещено, и она на нее тоже въ судъ подастъ. Мавра Ивановна все тѣмъ же высокимъ и скрипучимъ голосомъ нанизывала бранныя слова, какія только знала по-русски, проклиная и

Ольгу, и ея мужа, и ребенка ихъ, а главное, Петю, съ непонятной, неожиданной злобой,—и торопливо завязывала узлы и покрывалась.

— Что-жъ, мальчёночка-то не берете?—ядовито сказалъ Никаноръ.

— Подавитесь вы имъ!—отвѣчала Мавра Ивановна.—И глядѣть на него не желаю. Наплачешься еще, молодецъ, съ чужимъ отродьемъ. Высмѣютъ тебѣ люди глаза-то. Подожди. А я этого такъ не оставлю. Притянутъ васъ за низость за вашу. Держала, грѣла, любила—и вотъ тебѣ за все, про все!

Свалка опять вспыхнула. Ольга опять кричала, что пускай Мавра Ивановна беретъ Петю и убирается. Мавра Ивановна бросала Петей въ нее и повторяла свои проклятія, — но Петя уже не слышалъ и не слушалъ. Онъ бросился ничкомъ на скамью, обитую старой шторкой, и натянулъ себѣ на голову пальто, которое держалъ за рукавъ. Онъ зналъ, что это *имъ* дерутся, потому что онъ не нуженъ. Ему было такъ страшно, что онъ не плакалъ, а только дрожалъ. Гораздо страшнѣе, чѣмъ тогда, въ лѣсу, когда онъ остался одинъ и большія сосны ворчали вверху. Тогда „эйди" только потерялась, а потомъ нашлась, а теперь ее совсѣмъ нѣтъ нигдѣ. Эта, растрепанная и красная, толкающая его прочь, совсѣмъ не она. Пусть она уѣдетъ. Петѣ все равно, гдѣ быть. Никто, ни мамы, ни этотъ папа, не хотятъ его. Лучше ему нигдѣ не быть. Страшно.

И Петя, дрожа, все укутывался въ пальто, стараясь сдѣлаться совсѣмъ маленькимъ.

Онъ даже не замѣтилъ, что ссора понемногу стихла—Ольга и чухонка стали сговариваться, уступать другъ другу. На полуторахъ рубляхъ сошлись, хотя полный миръ и не возстановился. Да и некогда было, времени почти не оставалось. Чухонка сурово схватила свои узлы и, покрестившись на иконы, вышла, занятая разсчетами, еще злобная, позабывъ о Петѣ. Ольга вышла за ней.

Въ комнатѣ остались Никаноръ и Маша, которая все время молчала, слушая съ большимъ любопытствомъ и удовольствіемъ.

— Видѣли, Марья Гавриловна, сколь люди низки?—торжествующе спросилъ Никаноръ. — Даромъ, говоритъ, двѣ недѣли жилъ!

— Чтò ужъ, извѣстно не родные,—жеманясь и кокетничая проговорила Маша.—Это понимать должно.

Никаноръ обернулся къ Петѣ и пытался сдернуть съ него пальто.

— Чего молчишь, пащенокъ? Вонъ твоя любезная-то какова! Цѣнить долженъ, что въ родную семью пріѣхалъ!

Никаноръ сказалъ это, желая понравиться Машѣ. А чтобы мальчикъ чувствовалъ, онъ незамѣтно просунулъ руку подъ пальто и больно ущипнулъ его подъ колѣномъ. Петя только охнулъ и глубже зарылся головой въ подушку. Жаловаться и плакать было некому и не за чѣмъ: онъ пріѣхалъ навсегда въ родную семью...

З. Гиппіусъ.

ИЗЪ М. ГЮЙО

I.

ВЪ РУДНИКѢ.

Бей крѣпче, смѣлѣй, скалу раздирая,
Бей глубже, кирка̀!
Изъ трещины вырвется искра, пылая,
И мракъ озаритъ, нестерпимо ярка.

Бей глубже мнѣ въ грудь, печаль роковая!
Въ страданьѣ глухомъ
Лучъ знанья таится,—и, душу терзая,
Ты жизнь озаряешь мнѣ рѣзкимъ огнемъ.

II.

СОМНѢНЬЕ—ДОЛГЪ.

О, нѣтъ! я не изъ тѣхъ, кто можетъ забывать,
Кто дѣтски вѣритъ вновь, обласканный судьбою,
А въ горькій мигъ спѣшитъ хулить и отрицать.
Нѣтъ! то, что̀ видѣлъ я—всегда передо мною;
Утратилъ близкихъ я,—я не забуду ихъ!
Я слышалъ страшный вопль,—и вѣчно, съ той же силой,
Тотъ вопль отчаянья въ ушахъ звучитъ моихъ,
И ни весенній шумъ, ни сладкій голосъ милой,
Ничто въ моей душѣ его не заглушитъ:
Гдѣ плакала печаль, тамъ смѣхъ не зазвенитъ!...

Счастливцы, въ чьихъ сердцахъ все—только тѣнь, мгновенье;
За богохульствомъ ихъ звучитъ благословенье,
Вся жизнь по нимъ скользитъ: такъ послѣ зимнихъ дней
Еще свѣжѣй луга̀, и рощи зеленѣй.
Въ забывчивыхъ сердцахъ молчатъ воспоминанья;
Отрадно вѣрить имъ, ихъ жгучій гнѣвъ остылъ;
Что̀ имъ до нашихъ слезъ, до нашего страданья!
Такъ сладко уступить приливу свѣжихъ силъ,
Когда—намъ кажется—приходъ весны счастливой
Всѣ раны исцѣлитъ и юность намъ вернется!
Сомнѣнье долгое пугаетъ умъ лѣнивый;
Упорная печаль—такой тяжелый гнетъ!
Когда въ природѣ все такъ полно пробужденья,
Какъ хочется и намъ помолодѣть, забыть,
Какъ страстно жаждемъ мы и вѣрить, и любить!
Въ насъ утихаетъ гнѣвъ, смолкаютъ всѣ мученья,
И въ душу просится молитва примиренья...

Но я останусь твердъ: сомнѣнье—долгъ святой.
Какъ! позабыть, простить одинъ призывъ напрасный,
Вопль, потерявшійся въ безбрежности нѣмой?!
Нѣтъ, не повѣрю я,—я не смягчусь душой,
Пока здѣсь, на землѣ, есть хоть одинъ несчастный!

И. Тхоржевскій.

ВЪ ЮЖНОМЪ УЭЛЬСѢ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

I.

Уэльсцы и ихъ столица.

Было воскресенье. Поѣздъ подходилъ къ Ньюпорту.

— Ну, вотъ, выпейте здѣсь вашъ послѣдній стаканъ пива— и затѣмъ зарекитесь до завтра, — сказалъ мнѣ мой спутникъ, человѣкъ бывалый въ тѣхъ мѣстахъ.

— Отчего же послѣдній? — удивился я.

— Оттого, что мы подъѣзжаемъ къ границѣ Англіи. За Ньюпортомъ начинается уэльское княжество (Валлисъ), гдѣ въ воскресенье всѣ буфеты и рестораны закрыты. Пользуйтесь же послѣднимъ случаемъ, тѣмъ болѣе, что въ Уэльсѣ и въ будни такого пива не найдете,—отвѣтилъ онъ.

Я послѣдовалъ совѣту моего спутника, и не раскаялся. Дѣйствительно, какъ только поѣздъ вошелъ въ предѣлы Уэльса, мы словно прочли Дантовскую надпись: „Lasciate ogni speranza, voi, ch'entrate"! — Въ Кардифѣ, въ этой уэльской столицѣ, мы нашли все запертымъ и убраннымъ, словно передъ непріятельскимъ нашествіемъ. Магазины и рестораны были рѣшительно всѣ закрыты; конки, омнибусы, даже извозчики исчезли съ лица земли, и лишь какой-то господинъ, очевидно изъ рабочихъ или мелкихъ ремесленниковъ, а можетъ быть торговцевъ, остановившись посреди улицы на углу передъ нашей гостинницей, громко, съ какой-то фанатической яростью и съ отчаянной жестикуляціей, проповѣдывалъ „Божіе слово", несмотря на лившій дождь. Его

слушало нѣсколько человѣкъ, остановившихся на тротуарахъ и жавшихся къ стѣнѣ, съ серьезными, почти мрачно-угрюмыми лицами. Такъ и казалось, что какой-нибудь мѣстный герой взываетъ къ храбрости и патріотизму гражданъ, разбѣжавшихся въ минуту опасности и потерявшихъ голову въ виду непріятельскаго нашествія.

Такое строгое, чуть ли не аскетическое соблюденіе воскреснаго отдыха я раньше замѣчалъ лишь въ Шотландіи, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ случается даже, что жители не даютъ высадиться пассажирамъ съ пароходовъ, прибывающихъ въ воскресенье. Въ Англіи же вообще и въ Лондонѣ, откуда я прямо пріѣхалъ въ Кардифъ, воскресный отдыхъ хотя и соблюдается довольно строго, но все-таки не съ такимъ пуританскимъ ригоризмомъ, и питейная торговля тамъ производится большую часть дня, а табачныя, конфектныя и газетныя лавочки открыты цѣлый день; открыты и всѣ рестораны, содержимые иностранцами; работаютъ конки и омнибусы, торгуютъ желѣзнодорожные и садовые буфеты, и въ лѣтнее время играютъ оркестры въ общественныхъ паркахъ. Воскресная строгость въ Кардифѣ меня поэтому очень поразила, и сейчасъ же показала, что я среди „другого народа", въ „другой странѣ", что я, словомъ, въ Уэльсѣ, а не въ Англіи.

Эта разница, однако, между Уэльсомъ и Англіей продолжается всего 24 часа въ недѣлю, и съ наступленіемъ понедѣльника Уэльсъ трудно отличить отъ Англіи и Кардифъ отъ Лондона, если, конечно, судить не по размѣрамъ. Тотъ же языкъ, тѣ же обычаи и порядки. Англія вообще не знаетъ провинціализма, кромѣ лингвистическаго: каждый изъ англичанъ точно жилъ и родился въ столицѣ. Нѣтъ здѣсь ни провинціальной неуклюжести и простоватости, ни того робкаго благоговѣнія, какое испытываетъ, напр., житель Царевококшайска передъ налетѣвшей „столичной штучкой". Всюду и вездѣ въ провинціи замѣтите и здѣсь тѣ же „столичныя" манеры держаться, говорить, дебатировать, тотъ же обиходъ жизни, тѣ же клубы, редакціи, общества, собранія, съѣзды, выставки, вообще тѣ же общественные интересы и домашнюю жизнь. И въ этомъ отношеніи уэльскія графства ничѣмъ не отличаются отъ остальной Англіи, несмотря на то, что уэльсцы считаютъ себя еще понынѣ отдѣльной народностью, и дѣйствительно составляютъ нѣчто обособленное и своеобразное, но эта обособленность носитъ скорѣе поэтически-духовный характеръ, чѣмъ прозаически-матеріальный.

Они—кельты по темпераменту, склонны къ мистицизму и болѣе музыкальны, чѣмъ англо-саксы, но совершенно слились съ по-

слѣдними по своимъ жизненнымъ привычкамъ и учрежденіямъ, по своей культурности и политическимъ взглядамъ.

— За границей я называю себя англичаниномъ, а дома— уэльсцемъ,—сказалъ мнѣ какъ-то редакторъ газеты „Южно-уэльская ежедневная почта", выходящей въ Свонси (Swansea). И это самое вѣрное опредѣленіе отношеній уэльсцевъ къ остальной Англіи. Въ то время какъ ирландцы и даже шотландцы считаютъ себя не только исторически отдѣльными народностями, но и часто заявляютъ свою національность и практически, въ политикѣ и экономической жизни, и носятъ эту обособленность и за предѣлами общаго отечества,—уэльсцы находятъ нравственное удовлетвореніе въ одномъ пріятномъ сознаніи, что они не исчезли вовсе съ лица земли, и что, несмотря на 600-лѣтнюю совмѣстную и нераздѣльную политическую жизнь съ остальной Англіей, они все-таки съумѣли сохранить свой старый кельтскій языкъ и свою духовную цѣльность. Они считаютъ себя чистокровными аборигенами великобританскаго острова, и смотрятъ съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ на смѣшанное, „темное" происхожденіе англичанъ, живущихъ за предѣлами Уэльса. Правда, англійскій языкъ является господетвующимъ даже въ Уэльсѣ, и на немъ говоритъ все почти населеніе княжества, тогда какъ на древнемъ національномъ нарѣчіи говорятъ лишь двѣ трети населенія; но все-таки сохраненіе еще понынѣ этого нарѣчія живымъ и разговорнымъ, когда столько сотенъ лѣтъ звучитъ кругомъ англійскій языкъ, и когда всѣ оффиціальныя сношенія происходятъ по-англійски, является вполнѣ справедливо предметомъ національной гордости уэльсцевъ; особенно если вспомнить, что ихъ ближайшіе сосѣди, монксы и корнуольцы, давно позабыли свои древне-кельтскія національныя нарѣчія, и даже ирландцы, такъ шумно отстаивающіе свою независимость, замѣнили свой языкъ англійскимъ, даже въ самыхъ захолустныхъ деревняхъ „Зеленаго" острова.

Сохраненіемъ своей національности, насколько послѣдняя выражается въ языкѣ и въ духовныхъ свойствахъ народа, уэльсцы обязаны всецѣло своей интеллигенціи. Такимъ образомъ, Уэльсъ подтверждаетъ еще разъ ту, къ сожалѣнію, еще далеко не всѣми усвоенную истину, что подражательность и обезличенность составляютъ удѣлъ лишь однѣхъ невѣжественныхъ массъ и полукультурной аристократіи. Простой, безграмотный и невѣжественный человѣкъ является самымъ грубымъ космополитомъ, будучи рѣшительно вездѣ одинъ и тотъ же, въ Китаѣ ли, въ Россіи или Англіи. Онъ можетъ отличаться своей внѣшностью, носить

косу, или бороду, но его духовный міръ будетъ все-таки вездѣ одинаковъ. Кто только изучалъ суевѣрныя примѣты у разныхъ народовъ, знаетъ, какъ удивительно однообразны представленія невѣжественной массы. Настоящая національная, какъ и индивидуальная, самобытность, начинается лишь съ грамотой и просвѣщеніемъ, и чѣмъ выше уровень умственнаго развитія народа, тѣмъ больше оригинальности въ его учрежденіяхъ, литературѣ, искусствѣ, тѣмъ больше національной самобытности во всемъ этомъ. Смотрите, напр., сколько истинно-національнаго въ каждой изъ западно-европейскихъ конституцій, несмотря на одинъ и тотъ же общечеловѣческій принципъ, проникающій ихъ всѣхъ.

Итакъ, уэльская національность если еще тлѣетъ, то благодаря лишь интеллигенціи, раздувшей около ста лѣтъ тому назадъ чуть ли не совсѣмъ погасшую искру. Въ настоящее время уэльское народное самосознаніе настолько уже окрѣпло, и самъ народъ настолько уже выросъ, что интеллигенція можетъ и совсѣмъ сложить руки—и національное дѣло пойдетъ своимъ порядкомъ. Но въ первое время, повторяемъ, единственнымъ воскресителемъ національнаго чувства являлась интеллигенція, воспользовавшаяся для своей цѣли „эйстедфодами и періодической печатью.

„Эйстедфодъ“ (Eisteddfod), это—очень оригинальное учрежденіе, извѣстное въ глубокой древности, и чуть ли не совсѣмъ исчезнувшее подъ напоромъ разныхъ обстоятельствъ. Ни у одного европейскаго народа, кромѣ уэльсцевъ, его нѣтъ, и не было. Лишь древнія олимпійскія игры отчасти могутъ быть сравниваемы съ эйстедфодами, которые состоятъ въ томъ, что разъ въ году происходитъ публичное состязаніе уэльсцевъ въ стихотворствѣ, въ литературной и музыкальной композиціи, пѣніи и игрѣ на національной трехструнной арфѣ. Побѣдители на состязаніи вознаграждаются денежными преміями и разными почетными званіями и значками. Героемъ эйстедфода обыкновенно является самый лучшій поэтъ. Онъ получаетъ званіе національнаго барда, которое носитъ до тѣхъ поръ, пока его не побѣдитъ другой какой-нибудь поэтъ на одномъ изъ слѣдующихъ годичныхъ состязаній. Собранія эйстедфода открываются согласно древнимъ обычаямъ; произносятся старинныя молитвы, бывшія въ употребленіи еще у друидовъ; главные „жрецы“ носятъ подобающіе старинные костюмы; собраніе благословляется мечомъ подъ открытымъ небомъ, и вообще, по возможности, вся національная старина воспроизводится съ большой пунктуальностью. Но, конечно, весь центръ тяжести всякаго эйстедфода, весь его смыслъ заключается

въ происходящихъ состязаніяхъ. Участниками ихъ являются почти исключительно люди изъ рабочаго класса.

Очень часто они образуютъ пять-шесть конкуррирующихъ хоровъ, по 150—200 человѣкъ въ каждомъ. Кромѣ обще-національнаго эйстедфода, происходящаго обыкновенно въ какомъ-нибудь крупномъ уэльскомъ городѣ, какъ Кардифъ, Свонси, Абэрнствитъ и др., ежегодно устроивается еще множество мѣстныхъ, не только въ городахъ, но и во многихъ деревняхъ, имѣющихъ своихъ собственныхъ бардовъ, друидовъ и архидруидовъ, и гдѣ самая большая премія не превышаетъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ фунтовъ стерлинговъ. Въ послѣдніе годы обще-національные эйстедфоды значительно расширили свои программы, и включили преміи за лучшіе предметы искусства по живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, вышиванію и пр. Само собой разумѣется, что все на эйстедфодахъ происходитъ на національномъ языкѣ, и всѣ преміи выдаются за работы съ національно-уэльскимъ характеромъ.

Что же касается до періодической печати, то въ настоящее время на уэльскомъ языкѣ печатается до шестидесяти изданій, состоящихъ, однако, изъ однихъ лишь еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ журналовъ. Для ежедневной газеты на уэльскомъ языкѣ еще не хватаетъ читателя, и ее замѣняютъ англійскія, которыхъ въ Уэльсѣ издается до восьми: двѣ утреннихъ въ Кардифѣ и шесть вечернихъ въ Кардифѣ, Свонси и Ньюпортѣ. Еженедѣльныхъ же газетъ на англійскомъ языкѣ выходитъ въ Уэльсѣ около восьмидесяти.

Разница между англійскими и уэльскими изданіями—огромная. Въ то время какъ первыя поставлены исключительно на коммерческую ногу и даютъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, громадные доходы, вторыя составляютъ любительское дѣло и едва-едва оплачиваютъ себя. Сотрудникъ уэльской газеты совершенно не знаетъ, чтò такое гонораръ. По своему характеру уэльская печать столь же оригинальна, сколько и эйстедфоды. Ея сотрудники, это—ея читатели, главнымъ образомъ городскіе ремесленники и рудокопы. Они посылаютъ „письма въ редакцію“, пишутъ самостоятельныя статьи, составляютъ отчеты о разныхъ эйстедфодахъ, церковныхъ событіяхъ и пр. По содержанію, уэльская газета имѣетъ полу-религіозный и полу-литературный характеръ, съ примѣсью политики и школьнаго дѣла. Когда я былъ въ Кардифѣ, одинъ изъ мѣстныхъ журналистовъ указалъ мнѣ на одну большую еженедѣльную уэльскую газету, состоявшую изъ восьми страницъ, въ которой около семи столбцовъ; почти треть ея было занято полемикой о крещеніи, при чемъ

спорили сапожникъ, углекопъ и проповѣдникъ, и каждый изъ нихъ отстаивалъ догмы своей собственной секты. Въ той же газетѣ сильно доставалось Солисбери за его политику въ Индіи и выражались симпатіи афридисамъ „въ борьбѣ ихъ за правое дѣло"; тамъ же были помѣщены портреты побѣдителей какого-то эйстедфода и напечатана „ученая" статья по поводу представленныхъ на конкурсъ работъ. Мой собесѣдникъ, мѣстный журналистъ—уэльсецъ, гордившійся своимъ національнымъ языкомъ, увѣрялъ меня, что „ученую" статью писалъ его знакомый портной, но о достоинствахъ ея, однако, онъ не хотѣлъ распространяться, прибавивъ лишь, что „смѣлости" въ ней много, и что онъ самъ не ожидалъ этого отъ портного.

Какъ видите, уэльская газета есть раньше всего выразительница духовнаго настроенія своихъ читателей и на руководящую роль не посягаетъ. Напрасно будете также искать въ ней отчетовъ о скачкахъ или о „футболѣ", занимающихъ столько мѣста у печатающихся на англійскомъ языкѣ изданій. Какъ весталки, уэльскія газеты призваны охранять священный огонь въ національномъ храмѣ и боятся оскверниться чѣмъ-либо нечистымъ, въ родѣ англосаксонской выдумки конскихъ скачекъ.

Знаніе своего стариннаго языка является такимъ образомъ главнымъ и даже единственнымъ національнымъ признакомъ уэльсцевъ. Но въ Кардифѣ нѣтъ и этого признака. Здѣсь царствуетъ англійскій языкъ, и если кто и знаетъ по-уэльски, то хранитъ свое знаніе про себя. Все-таки Кардифъ считается по праву „столицей" княжества уэльскаго. Въ Уэльсѣ это—самый большой городъ, самый богатый и промышленный. Уэльсцы справедливо гордятся Кардифомъ, какъ третьимъ портомъ въ Англіи по числу посѣщающихъ его судовъ и первымъ въ мірѣ по вывозу угля. Кардифъ—его доки и склады, его библіотеки и школы, его газеты и благоустройство—является какъ бы олицетвореніемъ культурности и энергіи всего уэльскаго народа, отраженіемъ его роста и значенія. Какъ главный центръ уэльской торговли и промышленности, Кардифъ собралъ вокругъ себя, въ предѣлахъ 25-ти-мильнаго радіуса, почти половину всего населенія Уэльса, около 800.000 душъ.

Правда, первенство Кардифа сильно оспариваетъ Swansea, лежащій къ западу отъ него и обладающій также прекраснымъ и весьма оживленнымъ портомъ, но цифры пока на сторонѣ Кардифа, ростущаго съ замѣчательной быстротой, напоминающей лишь ростъ американскихъ городовъ. Въ 1801 году въ немъ было всего 1.018 жителей, въ 1851 г.—18.351, а теперь, въ

1897 г., по даннымъ регистратуры, ихъ уже 170.063. Развитіе его порта идетъ тѣмъ же быстрымъ шагомъ. Въ 1840 г., напр., когда былъ выстроенъ первый докъ, изъ Кардифа вывезли всего 162.568 тоннъ угля, въ 1880 г.—4.897.440 тоннъ, а въ прошломъ году вывозъ угля изъ его порта достигъ 16 слишкомъ милліоновъ тоннъ.

Своимъ ростомъ Кардифъ обязанъ природѣ и личной энергіи человѣка. Первая дала ему въ близкое сосѣдство одинъ изъ обширнѣйшихъ въ мірѣ каменноугольныхъ районовъ, а вторая создала портъ, равный которому трудно найти, чтобы достойно оцѣнить его; не нужно быть ни инженеромъ, ни купцомъ, стоитъ только пройтись по каменнымъ набережнымъ его огромныхъ доковъ, взглянуть на множество судовъ, нашедшихъ здѣсь пріютъ, и увидѣть тѣ машины, которыми пользуются при нагрузкѣ угля, и ту сѣть рельсовъ, которая раскинулась между ними.

Доки въ Кардифѣ принадлежали до 1887 года маркизу Бюту, составившему потомъ акціонерную компанію съ капиталомъ приблизительно въ четыре милліона фунтовъ. Эти доки и рядомъ съ ними лежащіе сталелитейные заводы, извѣстные подъ именемъ Dowlais Works, созданы, конечно, безъ всякихъ казенныхъ субсидій и разныхъ покровительственныхъ тарифовъ. Единственные ихъ покровители и защита, это — личная энергія ихъ строителей, развитой общественный инстинктъ и, что̀ главнѣе всего, чувство собственнаго достоинства, такъ глубоко сидящее въ каждомъ англичанинѣ, подразумѣвая также и уэльсца, и шотландца. Гдѣ есть это чувство, тамъ есть и самодѣятельность, и насколько оно важно даже въ промышленномъ развитіи страны— показала между прочимъ исторія возникновенія доковъ въ Барри, вблизи Кардифа, извѣстнаго подъ названіемъ Barry Dock и составляющаго опасную конкурренцію съ доками маркиза Бюта.

Въ 1882 г., депутація отъ группы судовладѣльцевъ явилась къ маркизу съ какой-то жалобой на неудобства или дороговизну порта. Маркизъ, считая себя монополистомъ, выслушалъ депутацію довольно высокомѣрно и заявилъ, что если судовладѣльцы недовольны, то они могутъ себѣ искать другого порта.

— Хорошо,—отвѣтили судовладѣльцы, и черезъ нѣсколько дней уже составилась новая компанія, съ капиталомъ въ нѣсколько милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, съ цѣлью устройства новаго дока, недалеко отъ Бютовскихъ. Когда объ этомъ было доложено маркизу, онъ разсмѣялся.—Да неужели найдутся такіе дураки, что бросятъ деньги въ воду? — воскликнулъ онъ. — Но „дураки“ оказались далеко не дураками, и въ 1889 году былъ

открытъ самый большой докъ въ мірѣ. Площадь его поверхности равна 73 акрамъ, и его средства настолько велики, что въ немъ легко нагружаютъ отъ 150.000 до 200.000 тоннъ угля въ рабочую недѣлю, т.-е. въ пять съ половиною дней. Въ настоящее время вблизи дока возникъ уже цѣлый городъ, съ 30.000 жителей, составляющій предмѣстье Кардифа. Въ прошломъ году Баррійскій докъ отвлекъ отъ Бютовскихъ доковъ около $2^1/_2$ милліоновъ тоннъ угля, и, само собою разумѣется, его близкое сосѣдство и соперничество значительно отбавило спѣси у Бютовской компаніи, и послѣдняя, вмѣсто того, чтобы третировать судовладѣльцевъ свысока, какъ бывало прежде, дѣлаетъ все возможное, чтобы угождать имъ, и выказываетъ такое рвеніе къ расширенію и улучшенію своего дѣла, что Кардифъ, а вмѣстѣ съ нимъ и вся уэльская промышленность, можетъ только выиграть отъ этой свободной и вполнѣ достойной конкурренціи.

Мы видѣли, чѣмъ Кардифъ обязанъ человѣческой предпріимчивости; посмотримъ теперь, что дала ему природа. Съ этой цѣлью предпримемъ прогулку въ каменноугольный районъ, гдѣ мы познакомимся не только съ источникомъ богатства южнаго Уэльса, но и съ тѣмъ классомъ рабочихъ, которыми вполнѣ вправѣ гордиться Англія.

II.

Спускъ въ шахту.

Въ южномъ Уэльсѣ находится самый обширный каменноугольный бассейнъ въ Англіи, имѣющій около тысячи квадратныхъ миль, изъ которыхъ до 153 лежатъ подъ морскимъ дномъ въ заливахъ Свонси и Кармартенскомъ. Въ этомъ огромномъ бассейнѣ добывается самый цѣнный уголь въ мірѣ, дающій наименьше дыма и наибольше теплоты, такъ называемый полуантрацитъ, идущій главнымъ образомъ на отопленіе океанскихъ пароходовъ во всѣхъ моряхъ свѣта.

Отъ Кардифа на сѣверъ, въ глубь каменноугольнаго и рудокопнаго района, ведутъ три желѣзныя дороги, почти параллельныя другъ другу. Сначала онѣ проходятъ черезъ небольшую и ровную долину, на которой расположенъ Кардифъ, а затѣмъ врѣзываются въ одно изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ Англіи. Везшій меня поѣздъ шелъ по долинѣ рѣки Таффъ, впадающей у Кардифа въ Бристольскій заливъ, а затѣмъ по долинѣ ея притока Ронлда (Rhondda). Обѣ эти рѣки очень узки и несутся съ

чрезвычайной стремительностью, извиваясь между холмами и питаясь многочисленными горными ручейками, ниспадающими журчащими каскадами съ высокихъ вершинъ полуобнаженныхъ горъ. Поѣздъ, оставляя Кардифъ, почти все время мчится среди высокихъ горъ, то ныряя въ ихъ мрачные тоннели, то несясь вдоль ихъ крутыхъ или отлогихъ склоновъ. То-и-дѣло изъ окна вагона вы видите огромныя насыпи изъ угольнаго мусора и пыли, нагроможденныя на естественныя возвышенности; вы видите десятки и сотни вагоновъ, нагруженныхъ углемъ или пустыхъ, какъ-то ухитрившихся забраться по узкоколейнымъ путямъ въ отдаленныя ущелья или вскарабкаться на крутые утесы. Высокія дымящіяся трубы, вертящіяся въ воздухѣ подъемныя колеса, черные, закопченные навѣсы, встрѣчающіеся на каждомъ шагу,—все говоритъ и напоминаетъ вамъ, что вы въ царствѣ каменноугольной промышленности, гдѣ, на основаніи послѣднихъ данныхъ, вырабатывается слишкомъ 34 милліона тоннъ угля и занято до 100.000 шахтныхъ рабочихъ. Всего шахтъ въ четырехъ южныхъ графствахъ Уэльса считалось въ 1896 г.—399. По склонамъ горъ, на вырѣзанныхъ террасахъ, тянутся ровными или кривыми линіями деревни углекоповъ, и то тутъ, то тамъ лѣпятся къ горамъ также одинокія постройки, своимъ уютнымъ видомъ и зелеными палисадниками значительно смягчающія общій угрюмый тонъ гористой мѣстности.

Минуя станцію Понтинриддъ, желѣзнодорожный путь расходится по двумъ направленіямъ: къ долинѣ рѣки Мертиръ и рѣки Рондда. Нашъ поѣздъ поворачиваетъ въ долину Рондды, въ которой имѣется отъ 50 до 60 копей. Въ нѣдрахъ этой сравнительно очень небольшой долины работаютъ около 35.000 человѣкъ. Разработка копей здѣсь почти сплошная, и желѣзная дорога во многихъ мѣстахъ соединяется здѣсь вѣтвями, идущими по направленію разныхъ портовъ на берегу Бристольскаго и Кардиганскаго заливовъ. Не мало человѣческихъ жизней уже погибло въ этой долинѣ, и не мало разсказовъ о совершавшихся здѣсь геройскихъ подвигахъ можете услышать отъ здѣшнихъ старожиловъ. Тутъ какъ бы каждое отверстіе, ведущее въ темныя глубины земли, разсказываетъ вамъ свою печальную, а иногда дивно прекрасную человѣколюбивую повѣсть. Вотъ, напр., крупная каменноугольная разработка, извѣстная подъ именемъ Большая-Западня и ознаменовавшаяся, пять лѣтъ тому назадъ, страшнымъ пожаромъ, въ которомъ погибло много людей. Вотъ „Tynewydd Pit", которая была затоплена 19 лѣтъ тому назадъ и въ теченіе восьми дней продержала въ нѣдрахъ своихъ, между

жизнью и смертью, шесть взрослыхъ и одного 13-лѣтняго мальчика. Вотъ, вправо, черезъ рѣку, шахта, пострадавшая отъ взрыва въ 1877 г. Немного повыше ея находятся Penygraig-Collieries, гдѣ случились два разрушительныхъ взрыва. Въ верхней части долины, по обѣ стороны желѣзнодорожнаго полотна расположены шахты, принадлежащія Glamargan Coal Company.

Здѣсь мы, въ обществѣ другихъ англійскихъ журналистовъ, выходимъ изъ поѣзда и, подъ руководствомъ встрѣтившаго насъ служащаго компаніи, направляемся въ помѣщеніе конторы, выстроенной у дороги, огибающей высокую гору. Контора помѣщается въ одноэтажномъ небольшомъ зданіи, позади котораго расположены мастерскія, навѣсы, сараи, вагоны, телѣжки, штабеля бревенъ и досокъ — и все это покрыто толстымъ слоемъ черной пыли, перерѣзывается въ разныхъ направленіяхъ рельсами и вѣнчается огромной трубой, которая стоитъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, какъ бы не желая смѣшиваться съ остальными сооруженіями, не доходящими и до пятой части ея вышины. Немного подальше, вдоль главной желѣзнодорожной линіи, выстроенъ рядъ коксообжигательныхъ печей, составляющихъ, очевидно, гордость директора-распорядителя, который при встрѣчѣ съ нами въ конторѣ сообщилъ, что раньше спустимся въ шахту, а потомъ осмотримъ „самое главное“, а именно его коксодѣлательныя печи, которыя издали напоминали какія-то „геенны огненныя“.

Директоръ-распорядитель, мистеръ Гудъ, является и главнымъ собственникомъ акцій гламорганской каменноугольной компаніи, и главнымъ ея управляющимъ и инженеромъ. Онъ насъ встрѣтилъ одѣтымъ въ простую рабочую куртку, подпоясанную кожанымъ ремнемъ, въ кожаной шапкѣ, въ родѣ тѣхъ, какія одѣваютъ матросы въ дождь, въ высокихъ сапогахъ и съ палкой въ рукѣ. Это былъ типичный англійскій инженеръ, который какъ-то ухитряется держаться бариномъ, умѣя работать и подчасъ работая не хуже всякаго изъ своихъ рабочихъ.

— Не желаете ли, господа, одѣть шапки вмѣсто шляпъ?— предложилъ онъ всѣмъ намъ, подавая цѣлую кучу новенькихъ шапокъ:—а то тамъ въ шляпахъ неудобно.

Мы всѣ, конечно, воспользовались его предложеніемъ.

— Спички и трубки прошу оставить здѣсь!—произнесъ онъ повелительно.

Затѣмъ, имѣя его во главѣ, все наше общество, съ поднятыми воротниками, чтобы не запачкать бѣлье, въ низкихъ шапкахъ, съ палками, тронулись къ шахтѣ, къ мѣсту спуска.

По дорогѣ мистеръ Гудъ шутливо предупредилъ насъ, что компанія не отвѣчаетъ ни за нашу жизнь, ни за нашу цѣлость и невредимость.—У насъ,—сказалъ онъ,—вообще приняты всѣ мѣры къ безопасности рабочихъ, но всего не предусмотришь. Въ каменноугольномъ дѣлѣ, особенно при глубокихъ разработкахъ, есть столько возможностей къ несчастнымъ случаямъ, что совершенно нельзя предвидѣть, откуда бѣда можетъ нагрянуть...

Слова его настроили всѣхъ насъ какъ-то торжественно и серьезно, словно мы шли на великій подвигъ. Бывшія съ нами двѣ молодыя дамы, кокетливо носившія теперь предложенныя имъ маленькія шапки, вмѣсто своихъ дамскихъ шляпокъ съ широчайшими полями, выразили даже нѣкоторое желаніе благородно ретироваться. Но жребій уже былъ брошенъ: съ зажженными фонариками въ рукахъ каждаго изъ насъ мы уже вошли въ клѣть подъемной машины, и отступленіе было бы позорно.

Пока служащіе дѣлали какія-то приготовленія, мы осматривали наши фонарики, оказавшіеся очень хитраго устройства, системы какого-то манчестерскаго инженера Приствича. Чтобы углекопы не имѣли возможности закуривать объ огонь свои трубки и папиросы во время работы и тѣмъ увеличивать опасность отъ взрыва, лампы или, лучше, фонарики дѣлаются совершенно закрытыми, и когда ихъ раскрываютъ, то огонь моментально тухнетъ. Фонарики составляютъ собственность компаніи и ни копоти, ни дыма они не даютъ.

— Держитесь!—произнесъ вдругъ мистеръ Гудъ,—и мы всѣ ухватились за желѣзныя палки, прибитыя къ верхней части стѣнокъ клѣти. Палки эти были покрыты толстымъ слоемъ жидкой и черной грязи, словно сгустившимися чернилами, но никто изъ насъ не обратилъ на это вниманія. Обычныя понятія о чистотѣ и изяществѣ какъ-то сразу исчезли, и мы всецѣло отдались никогда раньше не испытанному нами настроенію совершенно полнаго опрощенія. Цивилизація, съ ея туалетнымъ мыломъ и тонкими духами, съ ея шлейфами и фраками, бѣлоснѣжными салфетками и свѣтлыми обоями, показалась давно-забытымъ прошлымъ, чѣмъ-то чужимъ и далекимъ.

Но вотъ машина стала спускаться. Въ клѣти наступила глубокая темнота, несмотря на наши фонарики, которые мы сами же заслоняли, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Машина быстро опускалась съ сильнымъ шумомъ. Мы молчаливо, съ неопредѣленнымъ страхомъ прислушивались къ ея движенію, чувствуя себя въ рукахъ страшной силы, надъ которой мы потеряли всякій контроль. Гдѣ-то тамъ, на поверхности земли, при-

водимый въ движеніе паромъ, быстро вертится барабанъ съ діаметромъ въ 25 футъ, разматывая толстый стальной канатъ, и ни обратно подняться, ни выскочить, ни остановиться мы не можемъ, а должны, вопреки даже нашей волѣ, летѣть внизъ. И все ниже и ниже опускается клѣть и, кажется, даже быстрѣе прежняго; шумъ усиливается; въ ушахъ—какъ будто сразу кто-то воткнулъ свои пальцы, и вдругъ мы стали подниматься вверхъ... Но нѣтъ! мы все идемъ внизъ, и, наконецъ, мы погрузились въ какой-то тусклый свѣтъ, хлынувшій въ рѣшетчатую дверь нашей клѣти, и быстро остановились. Мы на глубинѣ 1.710 футовъ подъ землей, на огромной глубинѣ, уступающей лишь нѣкоторымъ шахтамъ въ Ланкаширѣ, гдѣ, какъ, напр., вблизи Вигана, люди работаютъ на глубинѣ 2.448 футовъ, или близъ Манчестера, гдѣ находится самая глубокая каменноугольная шахта въ Англіи, имѣющая 2.688 футовъ глубины.

Мы выходимъ изъ подъемной машины, довольные, что наконецъ чувствуемъ подъ собою твердую землю—и оказываемся въ какомъ-то сыромъ и мрачномъ подземельѣ. Электрическія лампочки, висящія у высокаго сводчатаго потолка, безпомощно борются съ тьмою, которая напираетъ на насъ изъ разныхъ коридоровъ, выходящихъ своими отверстіями въ „камеру", въ которой мы находимся. Откуда-то каплетъ на васъ черной грязью, слышенъ свистъ не то вѣтра, не то паровика; неопредѣленный гулъ окружаетъ васъ со всѣхъ сторонъ. Какіе-то темные люди, точно подземные духи, то появляются, то исчезаютъ, съ фонариками въ рукахъ, вдали, въ окружающемъ мракѣ. Вдругъ раздается грохотъ, словно гремитъ въ горахъ. Громъ быстро приближается, ростетъ, ширится. Онъ наступаетъ со всѣхъ сторонъ, снизу и сверху, слѣва и справа. Все обратилось въ какой-то оглушительный трескъ, отъ котораго дрожитъ земля. Съ напряженнымъ вниманіемъ вы начинаете всматриваться въ темноту и замѣчаете, что изъ глубины ея на васъ несется какой-то огонекъ, должно быть какое-нибудь подземное одноглазое чудище. Вы въ страхѣ отступаете въ сторону—и мимо васъ проносится одинъ, два, три и больше вагончиковъ, наполненныхъ углемъ, и моментально останавливаются у подъемной машины. Это прислана добыча изъ мѣста, гдѣ она спокойно пролежала десятки тысячъ лѣтъ. За этими вагончиками слѣдуютъ другіе, изъ другихъ корридоровъ и штоленъ. Всѣ они являются какъ бы сами, примчатся и остановятся, словно живыя существа, двигаясь по рельсамъ посредствомъ кабелей, намотанныхъ на машины. Посредствомъ же остроумно приспособленнаго подъемнаго крана

вагоны съ углемъ ставятся на подъемныя платформы и доставляются наверхъ, откуда, нагруженные бревнами, рельсами, кирпичами или же пустыми, возвращаются обратно, разбѣгаясь по штольнямъ. Никакихъ лошадей въ посѣщенной нами шахтѣ не держатъ и мальчики моложе 14 лѣтъ къ работѣ не допускаются (по закону мальчики могутъ быть допущены, достигнувъ 12 лѣтъ, и работа ихъ подлежитъ лишь нѣкоторымъ ограниченіямъ до 16-лѣтняго возраста).

Вскорѣ двинулись мы къ такъ называемому „забою“, т.-е. къ самому мѣсту добычи угля.

Мы двигались впередъ гуськомъ, медленно и съ остановками, имѣя впереди насъ шахтера. Внизу, подъ ногами, то-и-дѣло попадались бревна, рельсы, какія-то трубы. Сверху мѣшали ходить поперечныя балки, торчавшія позади, и мѣстами очень низкій потолокъ. Пришлось ходить нагнувшись, освѣщая путь фонарикомъ, такъ какъ электрическій свѣтъ сюда уже не доходилъ. Мѣстами путь былъ загороженъ стѣнками или брезентами, повѣшенными ради регулированія воздушнаго теченія. То-и-дѣло по сторонамъ попадались машины для передвиженія вагончиковъ, вентиляціонные измѣрители, какія-то трубы, колеса, канаты и разные снаряды, значеніе и употребленіе которыхъ осталось для насъ непонятнымъ. Температура была далеко не ровная, но воздухъ былъ свѣжій, хорошій и дышалось легко. Кое-гдѣ мы проходили мимо углубленій въ стѣнахъ, хорошо освѣщенныхъ и выложенныхъ кирпичемъ. Въ большинствѣ случаевъ входъ въ нихъ закрывался брезентомъ. Это были убѣжища для рабочихъ, куда они заходили во время ѣды, чтобы поправить огонь въ лампѣ или чтобы выкурить трубку.

И вдругъ мы услышали шумъ какъ бы отъ громаднаго водопада; вода какъ будто бѣшено неслась, падая съ высокаго обрыва.—Не прорвало ли?—спросилъ кто-то. Оказалось, что это такъ шумѣлъ воздухъ въ одномъ изъ вентиляціонныхъ каналовъ за стѣной, въ сосѣдней штольнѣ.

Пройдя съ полверсты, мы, наконецъ, очутились лицомъ къ лицу съ углекопомъ, откалывавшимъ уголь своей острой киркой, напоминавшей сапогъ иного франта съ длиннымъ и узкимъ носкомъ. Температура въ этомъ мѣстѣ стояла очень высокая. Фонарикъ углекопа висѣлъ у потолка. Самъ онъ былъ весь въ поту, струившемся грязными ручейками по его шеѣ и лицу. На тѣлѣ у него была только рубашка безъ рукавовъ, коротенькіе штаны и башмаки. Работа, хотя и тяжелая, очевидно далеко не вредная для здоровья, если судить по сложенію представившагося намъ

углекопа. Это былъ прямо-таки сильный, могучій человѣкъ. Работа въ залежахъ южнаго Уэльса считается, однако, совершенно легкой въ сравненіи съ тою, которая производится въ шахтахъ восточной Англіи, гдѣ толщина угольнаго пласта бываетъ не больше 2—3 футовъ и углекопамъ приходится работать сидя или лежа. Въ Уэльсѣ толщина пласта около 5—7 футовъ. Самыя же толстыя угольныя залежи въ Англіи находятся въ Стафордширѣ, гдѣ толщина выемки достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ футовъ.

Стоя здѣсь въ тѣсной, жаркой и темной, какъ говорятъ въ Россіи, „печи", около шестисотъ ярдовъ подъ землей, и бесѣдуя съ углекопами, мы какъ будто совершенно забыли, что есть еще иной міръ, и что сама атмосфера, насъ окружающая, кишитъ опасностями. Въ теченіе того небольшого промежутка времени, который мы провели въ шахтѣ, мы уже какъ-то привыкли къ этой темнотѣ, къ угольной пыли, стоявшей тучей, къ высокой температурѣ и къ разнымъ неудобствамъ ходьбы. Овладѣвшее нами сознаніе безопасности развязало нашъ языкъ, и мы стали болтливѣе, смѣлѣе и веселѣе, словно находились въ самой обыкновенной обстановкѣ, въ гостиной пріятеля. Нѣкоторые изъ моихъ спутниковъ попробовали даже откалывать уголь, пряча небольшіе кусочки блестящаго антрацита въ карманъ „на память".

Обратно мы пустились въ путь гораздо смѣлѣе прежняго, но зато многіе поплатились за это порядкомъ: кто стукался лбомъ о балки, кто падалъ, спотыкаясь. Наконецъ, съ благопріобрѣтенными шишками и синяками, мы добрались до „камеры". Отсюда нашъ обратный подъемъ произошелъ такъ же благополучно, какъ и спускъ, съ тою лишь разницей, что, поднимаясь, мы вдругъ почувствовали словно стали опять спускаться, и это чувство продолжалось до тѣхъ поръ, пока голубой свѣтъ не ударилъ намъ въ глаза. Мы теперь были опять на поверхности земли, гдѣ въ первый моментъ всѣ предметы показались намъ сѣро-голубыми, словно въ утреннія сумерки.

Оставивъ подъемную клѣть, мы раньше всего поспѣшили умыться и почиститься, что̀ далеко не было столь легкимъ дѣломъ, несмотря на предложенную намъ въ изобиліи теплую воду, на мыло и щетки. Принявъ кое-какъ свой обычный видъ, мы пошли осматривать верхнія, надземныя принадлежности шахты. Мистеръ Гудъ хотѣлъ насъ повести сейчасъ же къ своимъ любимымъ коксовальнымъ печамъ, но, по желанію нѣкоторыхъ изъ насъ, онъ намъ раньше показалъ разныя мастерскія и машинныя

отдѣленія и между прочимъ колеса, приводящія въ движеніе вентиляціонный аппаратъ.

— Гдѣ же самъ аппаратъ?—полюбопытствовалъ кто-то.

— Хотите видѣть?—спросилъ Гудъ.

— Пожалуйста, если можно.

— Отчего же, можно... посмотримъ и аппаратъ,—произнесъ Гудъ нехотя, какъ бы жертвуя своими знаменитыми печами, и онъ повелъ насъ въ помѣщеніе вентилятора, куда было допущено всего нѣсколько человѣкъ.

— Придерживайте шапки, чтобы не слетѣли,—предупредилъ насъ мистеръ Гудъ, открывая дверь съ улицы въ какую-то темную, грязную и тѣсную конуру.

Мы осторожно вошли одинъ за другимъ, стараясь держаться подальше отъ стѣнъ, покрытыхъ грязной и черной гущей, точно смолой. Дверь съ улицы за нами захлопнулась, и мы очутились совершенно впотьмахъ. Придерживаясь за чей-то рукавъ, я двигался впередъ и затѣмъ повернулъ въ сторону, гдѣ остановился у какого-то барьера. Признаюсь, меня почему-то особенно сильно интересовалъ вентиляціонный аппаратъ, эти замѣчательныя легкія, которыми дышитъ столько миль подземныхъ галерей огромной каменноугольной копи, и я надѣялся дать читателямъ подробное описаніе вентилятора. Къ сожалѣнію, моя надежда оказалась тщетной, и я долженъ смиренно признаться, что, кромѣ какого-то совершенно невѣроятнаго хаоса, я ничего не могъ различить. Что-то такое страшно гудѣло и быстро вращалось, поднимая тучу пыли, но что это было, я въ тусклыхъ сумеркахъ тѣснаго (а можетъ быть и не тѣснаго) помѣщенія не могъ разглядѣть. Мистеръ Гудъ, однако, чувствовалъ себя здѣсь, видимо, какъ дома, и онъ началъ намъ объяснять дѣйствіе вентилятора, котораго мы не видѣли, и въ окружавшемъ насъ гулѣ я едва могъ разслышать, что онъ даетъ въ теченіе одной минуты отъ 300.000 до 400.000 кубич. футовъ свѣжаго воздуха, и что послѣдній двигается въ подземныхъ каналахъ со скоростью 10—15 футовъ въ секунду. Но меня эти свѣдѣнія уже не увлекали, и я захотѣлъ обратно, на „вольный“ воздухъ, вдали отъ этого искусственно созданнаго вѣтра, дувшаго со всѣхъ сторонъ съ страшной силой, словно въ кругу ада, гдѣ Данте помѣстилъ грѣшныхъ любодѣевъ. Я невольно повернулся въ сторону выхода, какъ вдругъ моя лѣвая нога ушла внизъ по колѣно въ какое-то невѣдомое пространство. Я вскрикнулъ и ухватился за чью-то руку.

— Не падайте!—крикнулъ мнѣ ея законный обладатель, и

тутъ же самъ поскользнулся и угодилъ ногой въ какую-то другую дыру.

— Эй, мистеръ Гудъ, помогите!—вскрикнулъ онъ въ свою очередь.

— Ничего, ничего!—произнесъ мистеръ Гудъ.—Мы стоимъ на рѣшеткѣ,—прибавилъ онъ для нашего успокоенія, и съ этимъ пріятнымъ сознаніемъ, что подъ нами желѣзная рѣшетка, а не бездонная пропасть, мы кое-какъ извлекли наши ноги изъ таинственныхъ отдушинъ и поспѣшили на свѣтъ божій, счастливые, что отдѣлались такъ дешево.

— Теперь бы посмотрѣть коксообжигательныя печи,—предложилъ намъ Гудъ.

— Нѣтъ, спасибо, какъ-нибудь въ другой разъ,—отвѣтилъ я;—вотъ, можетъ быть, другіе хотятъ. Но оказалось, что и другіе уже тоже были удовлетворены всѣмъ видѣннымъ, и мы всѣ отправились обратно въ контору, гдѣ насъ ждала щедрая закуска.

III.

Углекопы, ихъ прошлое и настоящее.

Спустя часъ-другой, выйдя изъ конторы, я замѣтилъ большую толпу углекоповъ, поднимавшихся по дорогѣ, очевидно, возвращаясь съ работы домой, туда, вверхъ, къ рядамъ домовъ, выстроенныхъ террасами вдоль горнаго склона. И мнѣ сильно захотѣлось подняться съ ними, заглянуть хоть бы въ одинъ изъ этихъ домиковъ и посмотрѣть, какъ живутъ эти представители самаго тяжелаго и опаснаго труда. Я уже собирался-было посовѣтоваться на этотъ счетъ съ кѣмъ-нибудь изъ служащихъ компаніи, какъ вдругъ одинъ изъ проходившихъ мимо меня рабочихъ, съ жестянкой въ рукѣ, кивнулъ мнѣ дружески головой, произнеся:

— Ну, что̀, все осмотрѣли?

Это оказался одинъ изъ тѣхъ углекоповъ, съ которыми наше общество разговорилось, будучи внизу въ шахтѣ, у забоя.

— А вы домой?—спросилъ я его.

— Домой,—отвѣтилъ онъ.

— А вотъ я все осмотрѣлъ, а главнаго не видѣлъ,—сказалъ я.

— Чего же именно?

— Да, вотъ, какъ вы живете... Хотѣлось бы очень посмотрѣть.

Углекопъ улыбнулся.

— Не лучше и не хуже другихъ рабочихъ въ Англіи,— произнесъ онъ.—Но если вамъ любопытно, то милости просимъ ко мнѣ. Я вотъ живу тутъ на горѣ, четвертый домъ отъ угла, на второй террасѣ... Только не сейчасъ. Раньше я помоюсь... Такъ гостей не принимаютъ,—прибавилъ онъ съ улыбкой, оглянувъ себя.

Я, конечно, поблагодарилъ и условился минутъ черезъ двадцать или черезъ полчаса быть у него въ домѣ.

Раньше, однако, чѣмъ отправиться къ нему, считаю не лишнимъ дать здѣсь бѣглый очеркъ общаго положенія углекоповъ въ Англіи.

Среди англійскихъ рабочихъ углекопы занимаютъ теперь одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ по своимъ превосходнымъ организаціямъ, такъ и по своей многочисленности и высокому умственному развитію. Рядомъ съ углекопами могутъ стать лишь механики (такъ называемые „engineers") и рабочіе на прядильныхъ фабрикахъ. Всего рудокоповъ въ Англіи считается около 600.000. Согласно отчету инспектора южно-уэльскаго горнаго округа, въ одномъ южномъ Уэльсѣ работало въ 1896 году въ шахтахъ, подъ землей, 70.662 человѣка, изъ которыхъ 7.779 было мальчиковъ (отъ 12 до 16 л.). На дневной поверхности работало 13.296 мужчинъ и 276 женщинъ. Всего, значитъ, шахты этого округа занимали 92.013 человѣкъ, что составляетъ увеличеніе за послѣднія десять лѣтъ на 29.804 чел. При этомъ инспекторъ обращаетъ вниманіе на то, что увеличеніе коснулось главнымъ образомъ взрослыхъ работниковъ мужского пола. Женщины же все меньше и меньше встрѣчаются на работахъ при шахтахъ, а трудъ малолѣтнихъ хотя и возросъ противъ 1886 года, но не въ такой пропорціи, какъ трудъ взрослыхъ и какъ можно было бы ожидать по росту населенія.

Англійскіе углекопы въ нѣкоторомъ родѣ составляютъ особенную расу. Ихъ занятіе переходитъ изъ рода въ родъ. Живутъ они отдѣльными поселками и деревнями, мало смѣшиваясь съ прочимъ городскимъ или сельскимъ населеніемъ. Большая часть ихъ браковъ заключается между ними же. Сто и даже пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, такая обособленность углекоповъ являлась просто вынужденной, такъ какъ въ то время углекопы пользовались такой дурной славой, что никто другой не хотѣлъ бы связываться съ ними родственными узами. Какъ сами углекопы, такъ и ихъ жены и дочери, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Англіи,

особенно тамъ, гдѣ существовалъ женскій трудъ, жили крайне грубой и прямо-таки скотской жизнью. Работая вмѣстѣ—мужчины, женщины и дѣти — въ шахтахъ по 14 — 16 часовъ въ сутки, они выбирались изъ нѣдръ земли на свѣтъ божій какъ будто лишь затѣмъ, чтобы забыться въ пьянствѣ и азартныхъ забавахъ и играхъ. Женщины работали вмѣстѣ съ мужчинами въ темныхъ подземныхъ галереяхъ раздѣтыми до-нагà и, конечно, о цѣломудріи тутъ и рѣчи не могло быть. Сама работа въ то время была куда-тяжелѣе нынѣшней. Тогда еще не было этихъ подъемныхъ машинъ, способныхъ поднимать сразу по 10—15 тоннъ, не было ни вагоновъ-самокатовъ, ни электрическаго освѣщенія, ни усовершенствованныхъ лампочекъ, ни могущественныхъ вентиляторовъ, ни гигантскихъ водокачекъ, ни правительственнаго надзора, ни вообще разныхъ другихъ снарядовъ и преимуществъ, какіе мы знаемъ теперь.

Каменноугольная шахта была тогда сама по себѣ нѣчто ужасное, какое-то отвратительное подземелье, съ лужами и не провѣтренное, въ которомъ копошились и задыхались несчастные рабочіе. Женщинамъ же приходилось еще труднѣе, чѣмъ мужчинамъ; на нихъ возлагалась работа—перетаскиванье угля съ одного мѣста въ другое, при чемъ имъ приходилось ползать на четвереньках, съ перекинутыми черезъ плечо ремнями, по тѣснымъ проходамъ, или же подниматься по крутымъ и высокимъ лѣстницамъ.—О, сэръ! — воскликнула разъ такая работница въ отвѣтъ правительственному коммиссару на вопросъ объ условіяхъ ея труда:—это тяжкая, тяжкая, тяжкая работа. Я бы хотѣла, чтобы первая женщина, пробовавшая таскать уголь, сломала бы себѣ спину, и никто бы больше не пробовалъ („O, sir, this is sore, sore, sore work. I wish to God, that the first woman who tried to bear coal had broken her back, and none Would have tried it again“).

Молодыя дѣвушки, работая въ шахтахъ, теряли всякій слѣдъ женскаго стыда и становились столь же грубы и циничны, какъ ихъ товарищи — мужчины. Какъ уже замѣчено выше, женская работа въ шахтахъ существовала лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Англіи. На сѣверѣ Англіи, напр., эта работа прекращена еще въ прошломъ вѣкѣ, а въ толстыхъ залежахъ Стафордшира она вовсе никогда и не существовала. Въ Шотландіи же, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Іоркшира и въ южномъ Уэльсѣ женщины работали подъ землею наравнѣ съ мужчинами.

Особенно плачевно было положеніе дѣтей, которыхъ родители эксплуатировали самымъ безбожнымъ образомъ. Какъ было

доказано парламентскими коммиссіями, часто жестокіе родители брали съ собою маленькихъ дѣтей трехъ-и четырехлѣтняго возраста и заставляли ихъ держать свѣчки или лампы при работѣ взрослыхъ. Помимо тяжелаго, сверхсильнаго труда, возлагавшагося на дѣтей, послѣднія еще много терпѣли и отъ побоевъ, и отъ голода, и отъ ушибовъ при паденіи.

Само собою разумѣется, что эта ужасная жизнь, съ ея колотушками и голодовками въ дѣтствѣ, съ ея безнравственностью въ юномъ возрастѣ, безшабашнымъ разгуломъ въ среднемъ и съ ея постояннымъ изнурительнымъ трудомъ не могла остаться безъ слѣда на внѣшности и здоровьѣ населенія углекоповъ. И дѣйствительно, послѣднее, бывало, выдѣляетъ изъ своей среды самое большое число калѣкъ и неспособныхъ къ труду. Это, вообще, было хилое, болѣзненное населеніе, среди котораго 50-лѣтній возрастъ считался уже крайнимъ для рабочаго, и въ 45—50 лѣтъ человѣкъ уже былъ инвалидомъ и попадалъ на содержаніе въ рабочемъ домѣ на счетъ своего прихода.

Замѣчательный отчетъ коммиссіи 1842 о трудѣ женщинъ и дѣтей въ шахтахъ, съ его показаніями рабочихъ и другихъ, съ его иллюстраціями и портретами, произвелъ, въ свое время, самое тяжелое впечатлѣніе на англійское общество. Большинство англичанъ и не подозрѣвало о существованіи такого порядка вещей, такъ сказать, подъ самымъ ихъ носомъ. И это страшное открытіе вызвало сейчасъ же вмѣшательство законодательной власти, которая разъ навсегда положила конецъ женскому труду въ шахтахъ, установила минимумъ дѣтскаго возраста десятью годами, запретила расплату съ рабочими въ кабакахъ и установила инспекторскую власть. Это была первая мѣра, начавшая собою цѣлый рядъ законодательныхъ актовъ, давшихъ, вмѣстѣ съ созданіемъ трейдъ-юніоновъ и потребительныхъ и производительныхъ коопераций, а также, конечно, при помощи общаго *обязательнаго* элементарнаго образованія, одинъ изъ поразительнѣйшихъ результатовъ и лучшій изъ примѣровъ благодѣтельнаго государственнаго вмѣшательства, когда дѣло идетъ о защитѣ слабыхъ противъ сильныхъ.

Законодательный актъ 1842 года явился, главнымъ образомъ, результатомъ энергіи великаго англійскаго филантропа, лорда Ашли (впослѣдствіи лордъ Шефтсбюри). Законъ 1842 года и называется его именемъ, биллемъ лорда Ашли, внесшаго его въ парламентъ и проведшаго его, несмотря на оппозицію владѣльцевъ копей.

Съ тѣхъ поръ прошло около 55 лѣтъ. Умеръ лордъ Шефтс-

бюри, ушла въ вѣчность и вся та армія тружениковъ, печальная участь которыхъ такъ взволновала его благородное сердце; давно залиты водою, завалены и закрыты всѣ тѣ длинныя и узкія подземелья, въ которыхъ когда-то копошилась эта армія, слышались стоны женщинъ и дѣтей и раздавалась грубая, циничная ругань ихъ мужей, отцовъ и братьевъ. Открыты новыя шахты, вырыты новыя подземныя галереи, въ которыхъ работаетъ новое поколѣніе, не знавшее ни ранняго дѣтскаго труда, ни грубыхъ проклятій матерей, ни безотвѣтственнаго произвола шахтовладѣльца. Безпорядочная, голодная и грубая хаотическая масса, прошедши черезъ горнило парламентскихъ биллей и школьнаго просвѣщенія, вылилась въ прекрасныя формы организованнаго труда, въ мощныя, осмысленно-сплоченныя трейдъ-юніоны, въ культурныя, развитыя общественныя клѣточки, и бывшій „сбродъ", „подонки общества", съ которымъ ни одинъ порядочный рабочій не хотѣлъ породниться, обратился въ аристократію труда, въ самый богатый и умственно-развитой рабочій классъ, выдѣлившій изъ своей среды больше членовъ парламента, чѣмъ всѣ другіе рабочіе классы, вмѣстѣ взятые.

И теперь, какъ и прежде, углекопы составляютъ „отдѣльную расу", но это уже высшая раса, еще разъ доказавшая, насколько нравственный обликъ людей зависитъ отъ окружающей соціально-экономической обстановки. Та самая опасность этого труда, которая въ былое время заставляла углекопа цѣнить жизнь ни въ грошъ и на все смотрѣть съ точки зрѣнія разгульнаго „пропади моя телѣга!", теперь является высокооблагораживающимъ элементомъ. Находясь постоянно лицомъ къ лицу съ смертью, рабочій начинаетъ смотрѣть на жизнь какъ-то серьезнѣе и глубже. Спускаясь въ глубокую шахту, онъ, словно инокъ въ пещерѣ, уединяется отъ мірского шума, и предоставленный, день за день, лишь самоуглубленію и самосозерцанію, онъ съ каждымъ ударомъ кирки уходитъ какъ бы дальше и дальше въ свой собственный духовный міръ. И неудивительно, что общій типъ современнаго англійскаго углекопа—въ одномъ мѣстѣ больше, въ другомъ меньше—отличается замѣчательной нравственной стойкостью, честностью и экзальтированной религіозностью. По своей привычкѣ англійскій углекопъ молчаливъ, но когда онъ начинаетъ говорить, вы всегда слышите въ его рѣчи какой-то отзвукъ душевнаго міра, какое-то журчаніе скрытой поэтической струи.

Лучшимъ доказательствомъ высокой нравственной дисциплины англійскаго углекопа послужила бывшая въ 1893 г. стачка. Это

была безпримѣрная въ лѣтописяхъ цивилизованнаго міра борьба труда съ капиталомъ. Никогда раньше столько рабочихъ не сплотилось воедино и никогда раньше не было проявлено ими столько повиновенія, единодушія и стойкости, несмотря на великія страданія и мученичества. Исторія этой стачки, разыгравшейся на нашихъ глазахъ, вкратцѣ слѣдующая.

Въ концѣ 1892 и въ началѣ 1893 года многіе крупные шахтовладѣльцы средней Англіи, конкуррируя между собою, заключили съ газовыми и желѣзнодорожными компаніями крайне убыточные контракты, въ надеждѣ на сокращеніе рабочей платы углекопамъ. И дѣйствительно, 23-го іюня 1893 г. исполнительный комитетъ федераціи углекопныхъ рабочихъ союзовъ средней Англіи получилъ приглашеніе на совѣщаніе съ представителями союза шахтовладѣльцевъ. Совѣщаніе это состоялось 30-го іюня въ Лондонѣ, и на немъ хозяева предложили своимъ рабочимъ сбавку въ 25% съ рабочей платы, основываясь на низкихъ цѣнахъ заключенныхъ контрактовъ. Исполнительный комитетъ передалъ это предложеніе хозяевъ на усмотрѣніе особыхъ делегатовъ отъ углекопныхъ союзовъ. Собравшись на конференцію въ Бирмингамѣ, делегаты отвергли предложеніе хозяевъ, какъ насчетъ сбавки платы, такъ и насчетъ передачи вопроса на рѣшеніе третейскаго суда, по той простой причинѣ, что хозяева, заключая контракты, вѣдь не спрашивали у рабочихъ предварительно, согласны ли они на пониженіе платы. Такимъ образомъ открылась одна изъ замѣчательнѣйшихъ стачекъ, которая называлась собственно не стачкой (strike), а „недопущеніемъ“ (lockout), такъ какъ рабочіе хотѣли работать, но хозяева закрыли шахты и не допускали ихъ къ работѣ на старыхъ условіяхъ. Это „недопущеніе“ сразу лишило работы 350.000 углекоповъ, т.-е. всѣхъ членовъ федераціи; затѣмъ одновременно остались безъ занятій и около милліона человѣкъ, работающихъ на сталелитейныхъ, желѣзнодорожныхъ, механическихъ, кораблестроительныхъ и др. заводахъ, производство которыхъ зависитъ отъ большихъ запасовъ угля, не говоря уже о женахъ и дѣтяхъ какъ этихъ всѣхъ рабочихъ, такъ и углекоповъ.

Свое рѣшеніе не согласиться на предложеніе хозяевъ углекопы приняли какъ одинъ человѣкъ, при чемъ одинъ изъ ихъ главныхъ вождей, членъ парламента Сэмъ Вудсъ, бывшій самъ углекопомъ, объяснилъ это тѣмъ, что дѣло шло не столько о большей или меньшей заработной платѣ, сколько о принципѣ, который важно былъ установить разъ навсегда, а именно, что углекопъ долженъ жить, а не прозябать, и если его рабочая

плата будетъ сведена до границы голоданія, то ему незачѣмъ работать и лучше уже умереть совсѣмъ голодной смертью. Вотъ почему углекопы и не считаютъ возможнымъ передать дѣло третейскому суду, такъ какъ никто, кромѣ нихъ самихъ, не можетъ указать имъ минимумъ ихъ жизненныхъ потребностей. Они же сами считаютъ этимъ минимумомъ существовавшую въ то время плату, которая была отъ семи до восьми шиллинговъ за восьмичасовой рабочій день.

Это объясненіе Вудса поставило вопросъ на новую точку зрѣнія. Въ политической экономіи появился новый терминъ „living wages" (достаточная для жизни рабочая плата), не просто wages, а именно living wages, и въ печати и на митингахъ стали тогда всюду дебатироваться вопросы, какъ опредѣлить границу между „достаточной" и „голодной" платой, и возможно ли, вообще, установить предѣльный минимумъ рабочей платы, когда цѣны на товары не знаютъ такого предѣла? Однако, всѣ были согласны въ томъ, что шахтовладѣльцы хватили черезъ край, предложивъ сразу урѣзать одну четверть платы, и подъ тяжестью этого общественнаго осужденія шахтовладѣльцы заявили, что ихъ плохо поняли и что они, будто, предложили сбавку 25% не со всей рабочей платы, а лишь съ той ея части, которая составляла цѣну труда до 1889 года, т.-е. сбавка составляла бы всего 17%. Но углекопы, вообще, не хотѣли слышать ни о какой сбавкѣ, и lockout продолжался. Прошелъ мѣсяцъ, другой—350.000 семействъ углекоповъ, считавшихъ свыше полутора милліона душъ, жили сбереженіями и выдачами изъ общаго фонда. Но все стало приходить къ концу, и изъ района „недопущенія" начали появляться печальныя вѣсти о наступившей нуждѣ и лишеніяхъ. Вѣсти эти, чѣмъ далѣе, тѣмъ становились хуже. Въ газетахъ стали появляться, наконецъ, душу раздирающія описанія голодныхъ дѣтей и блѣдныхъ, исхудалыхъ матерей, такъ что даже нѣкоторыя изъ шахтовладѣльцевъ были глубоко тронуты и открыли столовыя для дѣтей. Газета „Daily Chronicle" 16-го сентября напечатала воззваніе и открыла подписку въ пользу нуждающихся, давшую въ нѣсколько недѣль много тысячъ фунтовъ; другая газета, вечерній „Sun", послѣдовала примѣру первой и тоже собрала большой капиталъ. Отдѣльныя лица, главнымъ образомъ изъ бѣдныхъ классовъ, жертвовали кольца, серьги и другія вещи въ пользу фонда для стачниковъ. Вообще слѣдуетъ сказать, что за исключеніемъ лишь очень немногихъ пожертвованій отъ состоятельныхъ лицъ, вся помощь углекопамъ приходила отъ ихъ же брата рабочаго и отъ ремесленниковъ и мелкихъ служащихъ.

Въ концѣ сентября многіе изъ шахтовладѣльцевъ отпали отъ своего союза и опять открыли свои шахты, но большинство хозяевъ, и при томъ самые крупные, продолжали упорно требовать сбавки, и, сбывъ залежавшіеся у нихъ запасы угля по очень высокимъ цѣнамъ, были даже рады прекращенію добычи его. 9-го октября мэры городовъ Шеффильда, Лидса, Бредфорда, Ноттингэма и другихъ сдѣлали попытку примирить обѣ стороны, но шахтовладѣльцы опять поставили такое условіе, которое углекопы должны были отклонить. 15-го октября въ Гайдпаркѣ, въ Лондонѣ, произошла огромная демонстрація въ пользу углекоповъ, на которой, по словамъ „Times", было 20.000, а по словамъ „Sun"—250.000 человѣкъ. Я отлично помню эту демонстрацію и могу смѣло сказать, что истина по срединѣ, и народу было тамъ никакъ не меньше ста тысячъ.

25-го октября, опять-таки подъ напоромъ общественнаго мнѣнія, шахтовладѣльцы сдѣлали, наконецъ, шагъ къ рѣшенію спора, и заявили письмомъ на имя федераціи, что они готовы обсудить съ представителями рабочихъ положеніе дѣла. 3-го ноября и весь слѣдующій день представители той и другой стороны совѣщались въ Лондонѣ, и на ихъ переговоры возлагались тогда очень большія надежды. Я помню ту огромную толпу журналистовъ, рабочихъ и разныхъ другихъ заинтересованныхъ лицъ, какая тогда дежурила у подъѣзда „Вестминстерской гостинницы", на улицѣ Викторіи, ожидая окончанія переговоровъ. Но и тутъ дѣло кончилось ничѣмъ. Между тѣмъ наступившая зима обострила нужду, и многочисленные митинги въ пользу голодающихъ семей углекоповъ устраивались по всей странѣ. Замѣчательная женская демонстрація, на которой выступили, въ качествѣ ораторовъ пріѣхавшія изъ Іоркшира жены углекоповъ, происходила въ St. James's Hall, въ Лондонѣ, когда среди присутствовавшихъ было собрано 255 фунтовъ стерлинговъ.

Прошелъ октябрь мѣсяцъ, наступилъ ноябрь, а положеніе не только не улучшалось, а дѣлалось еще хуже и хуже. Промышленная дѣятельность страны была нарушена, уголь продавался по небывало высокимъ цѣнамъ, и убытокъ, причиненный шахтами, желѣзнымъ дорогамъ, заводамъ и пр., оцѣнивался милліонами фунтовъ въ недѣлю. Наконецъ, 13-го ноября въ палатѣ общинъ Гладстонъ сообщилъ пріятную новость, что углекопы и шахтовладѣльцы приняли его предложеніе собраться еще разъ на совѣщаніе, и что лордъ Розбери согласился предсѣдательствовать на этомъ совѣщаніи. 17-го ноября, въ 11 часовъ утра, обѣ стороны сошлись въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ

кабинетѣ Розбери, а въ 4 часа того же дня споръ, благодаря такту и уму предсѣдательствовавшаго министра, былъ приведенъ къ желательному концу. Вопросъ былъ рѣшенъ такимъ образомъ, что хозяева обязались сейчасъ же открыть свои шахты и допускать въ нихъ углекоповъ на старыхъ условіяхъ, но въ то же время обѣ стороны должны избрать изъ своей среды примирительный совѣтъ (замѣтьте: примирительный, conciliation board, а не третейскій судъ), который и поставилъ бы свое рѣшеніе. Этотъ совѣтъ былъ составленъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ, согласно уговору, но рѣшеніе его не измѣнило рабочей платы.

Вѣсть о результатахъ переговоровъ подъ предсѣдательствомъ Розбери стала извѣстной сейчасъ же во всемъ районѣ стачки и была встрѣчена во всѣхъ деревняхъ углекоповъ небывалымъ взрывомъ радостнаго восторга. Въ тотъ же вечеръ были зажжены костры и бенгальскіе огни, пущены ракеты; пѣлись гимны, играли оркестры и, по словамъ очевидцевъ, мужчины и женщины ходили по улицамъ, цѣлуя и обнимая встрѣчныхъ знакомыхъ, поздравляя другъ друга и провозглашая ура въ честь Розбери и „living wages“. Очевидно, настрадавшаяся душа жаждала исхода.

За все время этой замѣчательной стачки, несмотря на голодъ и холодъ, на негодованіе рабочихъ и во многихъ мѣстахъ на полное почти отсутствіе помощи, рабочіе вели себя примѣрно и лишь разъ или два произошли безпорядки, вызванные безтактностью управляющаго одной шахтою вблизи Фетерстона.

Стачка 1893 года, какъ уже сказано, происходила лишь въ средней Англіи и въ сосѣднихъ графствахъ. Южно-уэльскіе же углекопы въ ней не участвовали, какъ не участвовали и сѣверо-англійскіе. Въ то время южно-уэльсцы имѣли свою собственную организацію или, лучше, свой собственный принципъ, шедшій въ разрѣзъ съ принципомъ, за который боролись англичане. Въ то время какъ послѣдніе считаютъ необходимымъ отстаивать извѣстный минимумъ платы, первые, т.-е. углекопы въ южномъ Уэльсѣ, придерживались съ 1876 года такъ называемой Sliding scale (мѣняющейся скàлы), состоящей въ томъ, что рабочая плата соразмѣряется съ рыночными цѣнами на уголья, и устанавливается она не той или другой стороной, а постояннымъ комитетомъ, „Sliding scale joint Committee“, состоящимъ изъ девяти представителей отъ рабочихъ и девяти отъ хозяевъ. Скàла дѣйствовала, такъ сказать, автоматически. Комитетъ самъ повышалъ или понижалъ плату, согласно выработаннымъ нормамъ. Начиная съ 1876 года, т.-е. со дня установленія скàлы, плата рабочимъ мѣнялась 13 разъ, и, за исключеніемъ одного лишь раза, всѣ

случаи были въ пользу рабочихъ. Всякая отрасль шахтной работы имѣла свои опредѣленныя нормы и для каждой шахты отдѣльно, въ зависимости отъ множества мѣстныхъ условій, какъ отъ качества угля, отъ глубины залежи и пр. Въ общемъ средній заработокъ выходилъ немногимъ меньше, чѣмъ въ средней Англіи.

Но помимо „комитета передвижной скалы", у уэльскихъ углекоповъ никакой другой организаціи не было, и въ случаѣ какого-нибудь кризиса они остаются безъ вождей, безъ капиталовъ и безъ какой бы то ни было руководящей организаціи. Этотъ недостатокъ и сказался явно въ 1893 году, когда федерація хотѣла вовлечь въ борьбу и южно-уэльсцевъ, значительно портившихъ цѣны на трудъ; но кромѣ междоусобицы въ средѣ самихъ южно-уэльскихъ углекоповъ, ничего тогда изъ этой попытки не вышло. Правда, агентамъ федераціи удалось увлечь уэльскихъ haulier'овъ, занимающихся въ шахтахъ отвозомъ угля на лошадяхъ отъ „забоя" до мѣста подъема. Haulier'ы заработываютъ значительно меньше настоящихъ углекоповъ, всего три-четыре шиллинга въ день, и они бросили работу, потребовавъ 20% прибавки. Къ нимъ примкнула и часть углекоповъ, такъ что въ Уэльсѣ неожиданно вспыхнулъ чрезвычайно острый кризисъ, прекрасно иллюстрировавшій разницу въ характерѣ уэльсцевъ и англичанъ. Пылкость кельтскаго темперамента дала знать себя въ первый же моментъ. Въ какихъ-нибудь два-три дня, безъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ и приготовленій, десятки тысячъ людей побросали свою работу и насильно потребовали, чтобы ихъ примѣру послѣдовали и тѣ изъ ихъ товарищей, которые еще продолжали работу. Началась междоусобная война; потребовалось вмѣшательство полиціи и даже военной силы, для охраны одной части рабочихъ противъ насилій другой. Такое положеніе вещей долго, конечно, не могло продолжаться, и послѣ нѣсколькихъ многолюднѣйшихъ митинговъ, происходившихъ подъ открытымъ небомъ у высокаго утеса вблизи Понтинридда, и на которыхъ было произнесено много рѣчей и пропѣто не мало духовныхъ гимновъ (чисто уэльская черта), углекопы успокоились и возобновили работы. Однако, агитація противъ системы sliding scale продолжалась съ неослабѣвающей силой и, какъ теперь оказывается, не безъ успѣха: въ то время, какъ я писалъ эти строки, въ газетахъ появилось извѣстіе, что „мѣняющаяся" или подвижная скала, просуществовавшая въ Уэльсѣ и Монмоутсширѣ слишкомъ двадцать лѣтъ, осуждена окончательно, такъ какъ состоявшееся на дняхъ голосованіе углекоповъ дало слѣдующіе результаты: противъ скалы 41.245 голосовъ, за—

12.014, большинство противъ—29.231. Въ голосованіи приняли участіе 130 шахтъ. Остальныя воздержались. Рѣшеніе это служитъ предвѣстникомъ серьезной стачки, которая, впрочемъ, раньше шести мѣсяцевъ, т.-е. до истеченія срока, требующагося договоромъ, послужившимъ основаніемъ для sliding scale, наврядъ ли можетъ состояться.

IV.

Углекопъ—дома

Деревня углекоповъ находилась высоко на склонѣ горы, вдоль по дорогѣ, огибавшей ее внизу. Она состояла всего изъ двухъ параллельныхъ другъ другу длинныхъ улицъ, одна повыше другой, дѣлавшихъ на концахъ своихъ повороты внизъ. Каждая улица состояла изъ одного сплошного ряда кирпичныхъ двухъ-этажныхъ домовъ, выходившихъ фасадами на улицу и имѣвшихъ позади себя огороды. Въ концѣ нижней улицы находилось большое и высокое одноэтажное зданіе для училища, рядомъ съ небольшой церковью.

Въ зданіи училища вечеромъ, очевидно, происходили занятія для юношей и взрослыхъ, судя по объявленіямъ, вывѣшаннымъ въ передней. Тутъ было объявленіе совѣта гламорганскаго графства объ имѣющихся въ его распоряженіи 50 стипендіяхъ для выдержавшихъ конкурсный экзаменъ и желающихъ слушать лекціи по штейгерскому дѣлу; было объявленіе кардифскаго общества University Extension о началѣ курса лекцій по исторіи Англіи XVI-го вѣка; завѣдующій минералогическимъ кабинетомъ объявлялъ, что онъ по вторникамъ и субботамъ—къ услугамъ тѣхъ, которые хотятъ выслушать его объясненія коллекцій и т. д.

Еще пониже стоялъ домъ, въ которомъ помѣщались библіотека, читальня, клубъ и зала для митинговъ. Это была очень большая зала, съ эстрадой и органомъ. Здѣсь, должно быть, часто происходили танцовальные вечера, такъ какъ вывѣшанное на видномъ мѣстѣ объявленіе гласило, что „танцы въ тяжелыхъ сапогахъ или въ сапогахъ съ торчащими гвоздями не разрѣшаются“.

Вообще объявленія сослужили намъ большую службу. Благодаря имъ, мы, напр., имѣли возможность узнать, что въ стѣнахъ клуба разъ въ недѣлю происходятъ репетиціи оркестра и спѣвки хора; что предполагавшаяся экскурсія велосипедистовъ въ четвергъ не состоится, въ виду объявленія конторы, что шахта

будетъ на этотъ разъ открыта цѣлый день. Мы также узнали, что манеры читателей въ читальнѣ реугулируются слѣдующимъ, не лишеннымъ бытового интереса, объявленіемъ, за подписью библіотечнаго комитета: „Библіотекарь уполномоченъ,—предупреждало оно,—изгнать изъ читальни и запретить входъ въ теченіе семи дней всякому, кто будетъ изобличенъ въ плеваніи на полъ“.

Подъ горой, черезъ дорогу, находился трактиръ и магазинъ. На многихъ изъ дверей у входа красовались хорошо вычищенныя мѣдныя доски съ именами обывателей. Каждая семья занимала отдѣльный домикъ. Большинство домовъ принадлежало каменноугольной компаніи, отдававшей ихъ въ аренду по три—четыре шиллинга въ недѣлю и предоставлявшей рабочимъ право выкупа ихъ въ полную собственность, съ разсрочкою платежа. Этимъ правомъ многіе воспользовались и стали полными хозяевами своихъ домовъ. Мѣдныя доски на дверяхъ въ большей части случаевъ и являлись признакомъ того, что домъ занимаетъ его собственникъ, а не временный квартирантъ.

Общій наружный видъ деревни былъ довольно приличный и далеко не носилъ того грязновато-угрюмаго вида, какой можно было бы ожидать отъ жилищъ углекоповъ, въ ста или двухстахъ шагахъ отъ самой шахты. Хорошо вымощенная улица, бѣлыя кисейныя занавѣски на окнахъ, окрашенныя и покрытыя лоснящимся лакомъ наружныя двери и отлично одѣтыя дѣти, попадавшіяся на улицѣ, говорили о нѣкоторомъ достаткѣ и осѣдлой, благоустроенной жизни.

Когда я зашелъ къ углекопу, я засталъ его за столомъ, накрытымъ бѣлой скатертью и уставленнымъ разной посудой и остатками ѣды. Углекопъ, очевидно, только-что покончилъ съ своимъ чаепитіемъ. Вымытый, причесанный, въ чистой фланелевой рубашкѣ, но безъ верхняго платья, онъ былъ очень мало похожъ на того трубочиста, котораго я видѣлъ въ шахтѣ. Его чисто выбритое, мужественное лицо оживилось пріятной улыбкой, когда онъ увидѣлъ меня.

— Это, вотъ, иностранецъ, журналистъ... Интересуется видѣть домъ англійскаго углекопа, — произнесъ онъ въ сторону жены, женщины среднихъ лѣтъ въ черномъ заношенномъ платьѣ и съ блѣднымъ пріятнымъ лицомъ.

— Ну, что-жъ, покажите, очень рада, — отвѣтила та, очевидно предупрежденная о моемъ посѣщеніи, и начала извиняться, что у нея не совсѣмъ прибрано.

— У насъ, знаете, чистка и уборка начинается, когда они

приходятъ съ работы,—прибавила она, указавъ глазами на мужа и взрослаго сына, тоже работавшаго съ отцомъ въ шахтѣ.

— Вы его видѣли,—сказалъ мнѣ его отецъ.

Молодой человѣкъ, съ едва пробивающимися усиками, одѣтый, какъ и отецъ его, улыбнулся и произнесъ: „Да, вы меня видѣли въ шахтѣ, я стоялъ около отца.

Но хотя я, навѣрное, его видѣлъ, я бы самъ никогда не узналъ его. Передо мною былъ „приличный“ молодой человѣкъ, съ совершенно интеллигентнымъ лицомъ, ничего общаго какъ будто не имѣвшій съ тѣми черными, запыленными рабочими, которыхъ я встрѣчалъ внизу, въ шахтѣ.

Углекопъ повелъ меня показать свое жилище: оно состояло изъ двухъ комнатъ, кухни и чулана съ маленькой прачешной въ нижнемъ этажѣ и трехъ комнатъ и ванны—въ верхнемъ. Комнаты были маленькія, но всѣ отлично меблированныя, увѣшанныя фотографіями, гравюрами и разными картинками. Вездѣ—чистота, порядокъ. Самая парадная комната была нижняя, первая съ улицы. Сюда, очевидно, совсѣмъ почти не заходили и принимали здѣсь лишь почетныхъ гостей. Она была устлана сплошнымъ мягкимъ коврикомъ, уставлена мягкой мебелью, а на карнизѣ ея камина красовался цѣлый рядъ стеклянныхъ, фарфоровыхъ и металлическихъ бездѣлушекъ, цѣна которымъ на рынкѣ грошъ, но которыя очень дороги всякой рабочей семьѣ въ Англіи. Въ переднемъ углу у окна стояла фисъ-гармонія, на крышкѣ которой возвышалась кипа нотъ.

— Это мой сынъ играетъ,—сказала мнѣ мать съ гордостью, замѣтивъ, что я обратилъ вниманіе на ноты и на музыкальный инструментъ.

— Вы, вѣроятно, и членъ хора?—спросилъ я сына.

— Да, пою, но плохо... Вотъ отецъ, тотъ когда-то хорошо пѣлъ, да и теперь...

— У насъ-въ деревнѣ отличный хоръ. Года три тому назадъ, онъ взялъ призъ на эйстедфодѣ въ Кардиганѣ, — произнесъ отецъ.—Наши уэльскіе хоры вообще славятся. Я самъ пѣлъ въ 1887 году въ хорѣ, когда мы побили профессіональныхъ пѣвцовъ въ Кристальномъ дворцѣ, въ Лондонѣ... Тысяча человѣкъ тогда нашихъ пѣли, все рабочіе. Когда мы предложили состязаться, профессіоналисты только фыркнули. Гдѣ намъ, молъ, съ ними состязаться! Они въ разныхъ тамъ операхъ да Albert-Hall'ахъ поютъ, да все разныя Мендельсоновскія и Генделевскія ораторіи, а мы чтò? Такъ себѣ, какія-то тамъ уэльскія пѣсни да церковные воскресные гимны распѣваемъ. И не хотѣли, да

ужъ очень призъ былъ лакомый, не устояли и приняли нашъ вызовъ. И что же? Осрамились! Пѣли Россини, Генделя и др.— и по всѣмъ нумерамъ въ программѣ наши взяли. Это было десять лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ уэльсцы уже всѣми признаются лучшими пѣвцами... Я-то только отсталъ,—произнесъ углекопъ грустно.

— Отчего же?—спросилъ я.

— Голосъ совсѣмъ потерялъ послѣ случая въ шахтѣ,—отвѣтилъ онъ.

— Что это былъ за случай?—заинтересовался я.

— Шахту залило.

— И много погибло?

— Шесть человѣкъ; четверо нашихъ спаслось.

— Какъ же это было?

Углекопъ улыбнулся, взглянувъ на жену и сына.

— Я уже объ этомъ много разъ разсказывалъ,—произнесъ онъ.—Этотъ случай и въ газетахъ былъ описанъ... Ничего особеннаго. Въ нашемъ дѣлѣ это часто случается, хотя, конечно, рѣдко бываетъ, чтобы такъ благополучно кончилось, какъ со мною...

— Онъ четыре дня пробылъ въ водѣ, въ шахтѣ,—произнесла жена его:—съ четверга до понедѣльника... Его всѣ считали навѣрное погибшимъ, настолько, что мнѣ въ тотъ же день, какъ случилось несчастье, выдали деньги изъ кассы страхового общества углекоповъ.

— Съ тѣхъ поръ я и потерялъ голосъ, не пою, а хриплю,— произнесъ углекопъ:—и вмѣсто пѣнья я занялся огородничествомъ,—прибавилъ онъ, разсмѣявшись.

— Тутъ, при домѣ?—спросилъ я.

— Да, конечно. Хотите взглянуть на мой огородишко?— предложилъ онъ мнѣ, и мы вышли съ нимъ черезъ кухню на заднiй дворикъ.

Небольшая полоска земли оказалась воздѣланной съ замѣчательной старательностью и любовью. Маленькiя грядки были засажены разнаго рода овощами, а въ иныхъ мѣстахъ прикрыты парниковыми рамами.

— Вотъ въ прошлую субботу за эту морковь,—указалъ онъ мнѣ на одну грядку,—я получилъ на выставкѣ огородничества почетный отзывъ и десять шиллинговъ...

— А гдѣ происходила выставка,—въ Кардифѣ?—спросилъ я.

— Ну, въ Кардифъ-то я и не сунулся бы, а это тутъ, у насъ, въ сосѣднемъ мѣстечкѣ. Мы каждый годъ устраиваемъ выставки... Такъ, маленькое состязанiе между шахтами...

— Но развѣ у васъ есть время, чтобы заниматься этимъ?

— Въ томъ-то и бѣда, что времени у насъ даже слишкомъ много бываетъ свободнаго. У насъ въ шахтѣ всего дня четыре или пять въ недѣлю работы, да и то не всегда полныхъ. Иной день только четыре часа работы... Если бы не собственные огороды, да коопераціи, было бы очень трудно жить. Ну, а теперь, конечно, овощи свои, да и все намъ дешевле обходится. Иные изъ насъ, кто знаетъ другое ремесло, заработываютъ и въ нашей кооперативной лавкѣ: сапоги дѣлаютъ, или шьютъ платье или исполняютъ какую-нибудь другую работу... Вотъ у меня дочь, 15-ти лѣтъ, тамъ тоже учится шить...

Я взглянулъ на часы. Пора было къ поѣзду. Крѣпко пожавъ руку своего собесѣдника и жены его, я поспѣшилъ къ вокзалу, на платформѣ котораго я засталъ всѣхъ моихъ спутниковъ.

Было уже около шести часовъ, когда мы возвращались обратно въ Кардифъ. Солнце спряталось за вершинами горъ, и въ долинѣ, по которой бѣжалъ поѣздъ, залегла все болѣе и болѣе сгущавшаяся тѣнь, въ которой потонула и угольная пыль, и копоть сосѣднихъ шахтъ. Даже возвышавшіяся, то тутъ, то тамъ, горы шахтенскаго мусора приняли въ вечернихъ сумеркахъ красивый видъ фантастическихъ силуэтовъ.

День, съ его прозой и стукомъ, уходилъ, и на его мѣсто выступала ночь съ ея таинственнымъ шопотомъ, въ которомъ опять послышались баллады старыхъ уэльскихъ бардовъ объ ихъ любимомъ героѣ Артурѣ, рыцарѣ Круглаго Стола, совершавшемъ свои подвиги въ этихъ самыхъ горахъ и убитомъ у ихъ подошвы за правое дѣло, въ защиту своей чести въ борьбѣ съ вѣтреникомъ-племянникомъ, принцемъ Модредомъ.

С. И. Р—тъ.

БЕЗПОЧВЕННИКИ

— „Les Déracinés“, rom., par Maurice Barrès. Par. 1897“.

Окончаніе.

VII.

Первый нумеръ!

I.

— Ну, а какъ же ты могъ установить свой финансовый бюджетъ?—спросилъ Ракадò своего друга Ренодена.

— О, это уже дѣло спеціалиста, который за свои сношенія съ нужными людьми и съ газетами долженъ получать отъ 15 до 25 процентовъ,—возразилъ молодой репортеръ.

— До 25-ти процентовъ?!—воскликнулъ Ракадò. — Такъ я самъ буду это дѣлать.

— Это было бы хорошо, въ видахъ предосторожности; гдѣ же услѣдить за простымъ служащимъ! Но съумѣешь ли ты распознавать, куда и когда надо мѣтить? Зачастую для этого денежные люди выбираютъ спеціальныхъ агентовъ, которымъ уже указано, сколько они могутъ потратить на газетныя объявленія, на рецензіи и т. п. Напримѣръ, въ панамскомъ дѣлѣ господамъ Батіò и Привà приходится имѣть дѣло съ восьмьюстами человѣкъ. Какъ ты сдѣлаешь, чтобы завязать съ ними выгодныя сношенія?

— Я ихъ заставлю меня бояться!

Реноденъ пожалъ плечами:

— Для этого тебѣ пришлось бы знать самую суть или хоть клочки этой сути: помимо этого, нельзя сдѣлать изъ себя шантажиста.

Ракадо, убѣжденный въ своемъ безсиліи, съ ужасомъ подумалъ, что до появленія „Настоящей Республики“ осталось какихъ-нибудь четыре или пять дней, и обратился къ другу:

— Чего-жъ тебѣ надо отъ меня? Зачѣмъ ты такъ со мною говоришь? Ты видишь, какъ мнѣ это больно, и неужели ты, мой старый товарищъ, не захочешь мнѣ помочь?

Наконецъ, Реноденъ добился своей желанной цѣли: Ракадо не могъ обойтись безъ его совѣтовъ и назначилъ ему содержаніе въ триста франковъ въ мѣсяцъ. Взамѣнъ, и Реноденъ тотчасъ же оказалъ ему услугу: вмѣсто помѣченной въ бюджетѣ траты на „Агентство Гаваса“, т.-е. шестисотъ франковъ,—репортеръ устроилъ такъ, что тѣ же свѣдѣнія „Гаваса“ сотрудникъ одной большой газеты взялся доставлять „Настоящей Республикѣ“ за двѣсти.

Остальные товарищи не касались финансовой стороны газеты; для нихъ она была лишь средствомъ всенародно заявить о своихъ убѣжденіяхъ, о своихъ идеалахъ.

— Не мѣшало бы заинтересовать вашей „Республикой“ коекого изъ виднѣйшихъ дѣятелей, — замѣтилъ какъ-то Ракадо, и вотъ, въ одно прекрасное утро, Ремерспахеръ и Стюрель поднялись въ третій этажъ большого дома, гдѣ жилъ тогда Бутелье́.

Они смотрѣли весьма серьезно на это порученіе и не чувствовали никакой неловкости, думая, что дѣйствуютъ въ его духѣ.

Бутелье́ встрѣтилъ ихъ безъ особаго волненія и знакомымъ имъ красивымъ, глубокимъ голосомъ началъ такъ:

— Вы теперь уже парижане, господа! Вы—взрослые мужчины. Какія же обязанности вы возложили на себя? Какъ и чѣмъ служите вы своему отечеству?

Какъ и было условлено, Ремерспахеръ отвѣчалъ первый:

— Уходя изъ лицея въ Нанси, вы сказали своимъ ученикамъ, что не хотѣли бы терять ихъ изъ виду. Насъ здѣсь человѣкъ шесть, въ Парижѣ: Сюре́-Лефоръ, записавшійся въ адвокаты...

— Знаю, — перебилъ Бутелье́: — я съ нимъ иногда встрѣчаюсь. Знаю также понемногу и о всѣхъ другихъ; знаю, что Мушфрену тяжело живется; но вы-то что̀ намѣрены предпринять?

— Мы почти кончили всѣ свои занятія и, желая имѣть, такъ сказать, достойную цѣль въ жизни, хотимъ издавать газету.

— А! — протянулъ Бутельé, и на его вдругъ освѣтившемся лицѣ мелькнулъ горячій насмѣшливый взглядъ, который исчезъ съ быстротою молніи; но тонъ, которымъ звучалъ этотъ возгласъ, встревожилъ и оскорбилъ молодыхъ людей, ясно говоря:—Вотъ какъ?!.. Только-то? Да вы, чортъ возьми, все еще напоминаете собою Номени и Невшатò!..

Чуткій Стюрель увидалъ, что о добродушіи тутъ нѣтъ и помину, несмотря на то, что Бутельé поспѣшилъ поправиться и измѣнить тонъ.

— А! Это любопытно!—продолжалъ онъ говорить, какъ человѣкъ, оправившій маску на лицѣ.—Но вотъ что̀, господа, если вы хотите посредствомъ печати вмѣшаться въ жизнь народа, то помимо капитала, надо еще вѣдь имѣть понятіе о положеніи различныхъ партій, о характерныхъ чертахъ ихъ предводителей, ихъ ораторовъ и публицистовъ... Чему вы сочувствуете? Къ кому изъ нихъ вы себя причисляете?

— Но мы сначала выскажемъ свои убѣжденія, и общественное мнѣніе само насъ причислитъ къ тѣмъ или къ другимъ.

— Г-нъ Стюрель!—уже не просто серьезно, а даже строго промолвилъ Бутельé.—Вы человѣкъ талантливый, просвѣщенный, хорошо воспитанный, вамъ слѣдовало бы прикомандироваться, въ качествѣ секретаря, къ какому-нибудь политическому дѣятелю, если васъ интересуютъ дѣла народныя. Вы могли бы легко найти такое мѣсто.

Стюрель вспыхнулъ и взглядомъ призвалъ товарища къ себѣ на помощь.

— Конечно, вашъ совѣтъ былъ бы превосходенъ, если бы мы избрали общественную дѣятельность, какъ карьеру, для своей личной выгоды...

Брови профессора надвинулись, онъ протянулъ руку впередъ.

— Вы ошибаетесь! Я даю вамъ этотъ совѣтъ вовсе не въ видахъ утилитарныхъ. Я даже не задаюсь вопросомъ, есть ли у васъ литературный талантъ, который, впрочемъ, я въ васъ допускаю; но этого мало! Я стараюсь и самому себѣ, и вамъ уяснить, въ чемъ состоитъ вашъ долгъ...

И какимъ тономъ онъ сказалъ это слово: *долгъ*! Ремерспахеръ могъ бы смутиться, оробѣть; но онъ, какъ уроженецъ Лотарингіи, человѣкъ основательный и знаетъ, что если начать придираться къ словамъ, то незамѣтно очутишься во власти своего противника и рискуешь сказать или сдѣлать что-нибудь лишнее, чего бы не слѣдовало и не хотѣлось.

— Такъ вотъ,—продолжалъ онъ, не выходя изъ своей ко-

леи:—у меня много работы, но я все-таки согласился примкнуть къ товарищамъ, которые еще не нашли себѣ цѣли въ жизни, а между тѣмъ не хотятъ безцѣльно прозябать...

— Постойте, господа: я васъ сейчасъ удивлю! — перебилъ его Бутельѐ.—Есть у меня два пріятеля: одинъ изъ нихъ скромный портной въ г. Нанси; другой—такой же смиренный садовникъ, тоже лотарингецъ. Когда мои *обязанности*, моя работа, даютъ мнѣ возможность отдохнуть, я счастливъ, что могу побыть съ ними и потолковать. За что же я ихъ такъ люблю? За то, что они служатъ мнѣ примѣромъ исполненнаго долга въ 1870 году, а съ тѣхъ поръ исполняютъ долгъ свой, отстаивая програму главы республиканской партіи,—Гамбетты. Вотъ люди, которые дѣйствительно полезны; за это я люблю ихъ, уважаю.

— А насъ считаете достойными порицанія?

— Вы не явно, но все-таки противитесь дисциплинѣ, воображая, что новое поколѣніе внесетъ въ жизнь свой, новый идеалъ. Въ этомъ-то и есть та пропасть, которая насъ раздѣляетъ. Дисциплина — это самоотреченіе, которое въ интересахъ партіи болѣе необходимо, нежели развитіе и умъ: это даже первѣйшая изъ гражданскихъ добродѣтелей! Конечно, я съ удовольствіемъ замѣчаю новые запросы въ молодомъ поколѣніи: это вѣдь признакъ его повышенія; но въ то же время, скажу мимоходомъ, что для общаго благосостоянія французской демократіи несравненно важнѣе, чтобы число умѣющихъ подписать свой брачный контрактъ повысилось на два процента, нежели оригинальный способъ выражать хитроумныя или рѣдкія мысли. Не стремитесь обособляться и не ищите къ этому поводовъ: вы лучше сдѣлаете, если примкнете къ главнымъ силамъ своего отечества, вмѣсто того, чтобы имъ противиться, какъ возмущенные или какъ жертвы!..

Только четыре года минуло съ тѣхъ поръ, какъ онъ простился съ ними въ лицеѣ Нанси; но какъ они перемѣнились! Какъ онъ самъ за это время измѣнился! Тогда онъ былъ философомъ, воспитателемъ „души"; теперь онъ упорно отказывается переступать за предѣлы политическаго строя. Его цѣль теперь— подчинить своему вліянію уже не юныхъ лицеистовъ, а цѣлыя политическія общества, и, пользуясь ихъ пріемами, онъ начинаетъ говорить ихъ языкомъ.

Вставая, Бутельѐ произноситъ въ заключеніе:

— Господа! Помните, что есть два рода республиканцевъ: *природные* республиканцы, которые не допускаютъ. чтобы кто-либо обсуждалъ республиканскій строй; и *разсудочные*, которые

составляютъ себѣ понятіе о немъ, какое имъ придется по вкусу. Вы, господа, республиканцы *разсудочные*, которыхъ я могу уважать, но допускать которыхъ не могу! Мы въ жизни встрѣтимся, но не поймемъ другъ друга никогда!

Товарищи слушали его стоя, и когда онъ проводилъ ихъ до дверей, ушли, не обмѣнявшись съ нимъ рукопожатіемъ.

Очутившись въ конторѣ, въ кругу своихъ друзей, Ремерспахеръ и Стюрель все еще продолжали недоумѣвать.

— Да какихъ же, наконецъ, онъ придерживается убѣжденій?—говорили они.

— Онъ оппортунистъ или радикалъ, смотря по окружающимъ его условіямъ,—замѣтилъ Ренoденъ.

— Именно!—подхватилъ Сюре-Лефоръ: — онъ гамбеттистъ, который противится ограниченіямъ, внесеннымъ Жюлемъ Ферри въ нѣкоторые вопросы, какъ, напримѣръ, въ желѣзнодорожныя конвенціи...

— Значитъ, такія громкія слова, какъ *долгъ*, *возмущенные*, *жертвы*, и его отреченіе—все это обрушилось на насъ только потому, что мы не заявили себя ни оппортунистами, ни радикалами?

Ренoденъ, считавшій что его друзья еще очень юны, если могутъ принимать это къ сердцу, проговорилъ безпристрастнымъ тономъ эксперта:

— Все это только *проба*; вамъ слѣдовало предложить ему нашу газету въ его распоряженіе.

Всѣ возмутились, закричали: какъ будто Бутелье́ притворщикъ, фарисей!..

— Нѣтъ,—возразилъ Ремерспахеръ: — онъ философъ и вѣритъ, что носитъ истину... Наконецъ, я видѣлъ Тэна, я съ нимъ говорилъ! Онъ, какъ и Бутелье́, вѣритъ въ истину, но онъ не намѣренъ ни мѣшать мнѣ, ни отговаривать меня. Вы, какъ и я, конечно, понимаете, что̀ такое вѣра: это убѣжденіе, въ которое вѣрятъ, которому служатъ люди сообща.

— Кстати,—подхватилъ Сюре-Лефоръ:—помните вы, какъ Робеспьеръ сопоставляетъ религіозныя и нравственныя убѣжденія съ принципами республиканскими?

Онъ всталъ и принялся декламировать наизусть извѣстный отрывокъ, служащій нагляднымъ подтвержденіемъ силы духа и возвышенности помысловъ этого звѣрски-жестокаго героя.

— „Всякое вѣрованіе, которое служитъ человѣку утѣшеніемъ и возвышаетъ его душу, должно быть признано всѣми. Отвергайте всѣ тѣ, которыя клонятся къ тому, чтобы ее уни-

зить и испортить. Оживляйте и возвышайте великія понятія о нравственности, которыя люди хотѣли потушить. Какая тебѣ польза изъ того, если ты убѣдишь человѣка, что его духъ угаснетъ вмѣстѣ съ жизнью, на краю гроба? Развѣ мысль о разрушеніи способна внушить ему чувства болѣе возвышенныя, нежели мысль о безсмертіи души? Развѣ онъ будетъ тогда чувствовать больше уваженія къ себѣ подобнымъ и къ самому себѣ; больше преданности отчизнѣ; больше смѣлости противъ тирановъ; больше презрѣнія къ смерти"?

Сюре-Лефоръ, уже три года изучавшій знаменитыхъ ораторовъ, декламировалъ горячо, искренно увлекаясь; лицо его пылало благороднымъ волненіемъ. Сенъ-Фленъ слушалъ его со слезами на глазахъ; Ремерспахеръ и Стюрель, презрительно относившіеся къ „курсамъ Моле́", которые посѣщалъ ихъ товарищъ, любовались его краснорѣчіемъ и почувствовали нѣкоторое уваженіе къ дарованію, какого они за нимъ еще не знали. Въ заключеніе, молодой ораторъ вызвалъ въ друзьяхъ своихъ подъемъ духа и сознаніе, какъ высока предстоящая имъ задача, восторженными словами:

— „Мысль о Верховномъ Существѣ и о безсмертіи души постоянно взываетъ къ правосудію: слѣдовательно, она же, сама по себѣ, есть и мысль соціальная и республиканская"!

Съ утра 24-го іюня 1884 года друзья собрались въ „конторѣ" „Настоящей Республики", которая на другой день должна была впервые появиться на свѣтъ.

Какъ лихорадочно и страстно увлекается Рокадо, весь послѣдній мѣсяцъ изучая тайны типографскаго и газетнаго искусства! Онъ не брезгаетъ никакими подробностями, не стѣсняется по нѣскольку разъ переспрашивать одно и то же, лишь бы превзойти эту премудрость. Бываетъ, иной разъ, что онъ какъ бы теряетъ мужество, поддается непроизвольному сомнѣнью. Тогда его воображеніе спѣшитъ къ нему на помощь и надѣляетъ его друзей самыми преувеличенными совершенствами: Ремерспахера—умомъ и научными познаніями; Стюреля—тонкостью чутья; Сенъ-Флена, Сюре-Лефора, Ренодена — самыми сильными общественными связями, самыми возвышенными чувствами. И онъ успокоивается, какъ земледѣлецъ, для котораго его собственные коровы и волы, его овцы и бараны—самые лучшіе на базарѣ.

Заслыша на лѣстницѣ шаги своихъ сотрудниковъ, Ракадо смущается и, волнуясь какъ юноша, ожидающій появленія се-

кундантовъ, съ которыми долженъ отправиться на свою первую дуэль, гонитъ прочь Леонтину, толкая ее въ сосѣднюю комнату:

— Ступай прочь, прочь!—и спѣшитъ получше натянуть на себя сюртукъ, за который онъ уплатилъ изъ денегъ, обозначенныхъ въ графѣ *общихъ расходовъ*. Онъ чистится и принаряжается, несмотря на свою природную неряшливость, и принимаетъ строго-приличный видъ *порядочнаго человѣка въ траурѣ*.

Мушфренъ тоже волнуется. Ракадо заранѣе благодаритъ своихъ редакторовъ, которые вынимаютъ изъ кармана свои статьи, уже готовыя къ печати. Они—сила нравственная; Ракадо—сила физическая. Этотъ гигантъ съ желѣзными мышцами можетъ преслѣдовать благородныя цѣли, можетъ чистосердечно увлекаться, но для него сильнѣе всякихъ другихъ доводовъ—власть денегъ. Всѣ его труды, всѣ его занятія—лишь средства проложить себѣ путь къ деньгамъ. На лицѣ друзей его видно, что они придаютъ большое значеніе своему дѣлу. Ремерспахера перваго просятъ прочесть его статью, которою онъ счелъ полезнымъ продолжить свою замѣтку о Тэнѣ. Если первая замѣтка имѣла успѣхъ у великаго ученаго, развѣ это не залогъ къ успѣху второй? Вся его юная фигура, не напыщенные, но и не робкіе пріемы, показываютъ, что въ него можно вѣрить. И если остальные его сотрудники похожи на него, то впечатлѣніе Леонтины не обманываетъ ея, когда она въ письмѣ къ подругѣ предсказываетъ новой газетѣ успѣхъ.

Посаженная въ одиночное заключеніе, она отъ скуки пишетъ нѣсколько словъ на почтовомъ листкѣ съ бланкомъ „Настоящей Республики“:

„Ты спрашиваешь, что̀ это за новое ремесло, за которое взялся Оноре́? Ты знаешь, конечно, кто такой Викторъ Гюго? Ну, такъ вотъ: онъ теперь самъ—Викторъ Гюго“!—и, продолжая описывать контору газеты, замѣчаетъ: „Въ Парижѣ нужна во всемъ представительность, и даже большая. Мы занимаемъ квартиру въ три комнаты; но этого вѣдь мало: нужна и обстановка... Красивѣе всего—кабинетъ чернаго дерева съ зелеными занавѣсями изъ тяжелаго репса на подкладкѣ. Когда я увидала, что въ немъ засѣдаетъ мой шенапанъ Ракадо, я чуть не шлепнулась на полъ,—до того мнѣ это было пріятно“...

Очевидно, слова философской статьи, долетавшія къ ней сквозь затворенную дверь, не поколебали ни тона, ни здраваго смысла Леонтины.

— Въ началѣ и въ концѣ исторіи французскаго народа (продолжалъ за дверью голосъ Ремерспахера) есть у насъ твер-

дыя основы для нашего сужденія: это—„Исторія политическихъ учрежденій“ Фюстеля де-Куланжа и „Происхожденіе современной Франціи“ Тэна. Въ промежуткѣ—полная пустота! Говорю такъ не потому, чтобы позабылъ о страстныхъ и искреннихъ рѣчахъ Мишле́; но его отношеніе къ исторіи совсѣмъ другого рода... Тэнъ даетъ намъ блестящее опредѣленіе того, что̀ онъ называетъ „духомъ классицизма“. Пусть такъ! Но онъ недостаточно опредѣляетъ, откуда и какъ проникъ этотъ духъ въ нашъ народъ. Ничто такъ не важно для развитія дальнѣйшей жизни всей націи, какъ познать, при какихъ условіяхъ и благодаря какимъ элементамъ такъ серьезно измѣнился самый духъ нашего политическаго строя...

Прислушиваясь къ строгимъ ноткамъ его голоса, Леонтина должна бы почувствовать нѣкоторую тревогу: если хваленая замѣтка Ремерспахера о Тэнѣ была тяжеловѣсна, то какова же была для начинающей газеты такая передовая статья?! Пагуба, да и только!.. даже для газетки въ два су!

Когда пришелъ чередъ Стюреля, онъ смутился, робко объявляя заглавіе своего труда: „Человѣкъ—знамя“.

— Ремерспахеръ частенько дразнилъ меня,—застѣнчиво оговорился онъ,—что я слишкомъ много значенія придаю выдающимся личностямъ. Онъ возражаетъ, что такое мнѣніе хорошо для дѣтей, для низшихъ слоевъ народа, которые неспособны обнять всю ширь и сложность міровыхъ задачъ... Прекрасно! значитъ, мы съ нимъ согласны; моя цѣль вѣдь не та, чтобъ доказать, будто отдѣльный индивидуумъ создаетъ исторію. Я хочу только высказать одобреніе отдѣльнымъ личностямъ, какъ средству—возбуждающимъ и воспитательнымъ образомъ вліять на развитіе ея. Я убѣжденъ въ томъ, что хоть временно приносятъ пользу такія „живыя знамена“, и что въ народѣ даже является сама собой потребность создать такого „представителя народа“ въ періоды нравственной расшатанности и безпорядка...

Полная неподвижность примолкшихъ товарищей еще больше смутила Стюреля: у Ремерспахера она означала простое вниманіе, у Ренодена — порицаніе, у Ракадо — безпокойство. Стюрель отказался читать вслухъ свое произведеніе, и Ракадо принялъ отъ него рукопись, которую одни изъ присутствующихъ стали пробѣгать, стоя за плечами Ракадо, а другіе поочередно передавали другъ другу ея отдѣльные листки.

Смыслъ ея ясенъ: онъ ставитъ въ заслугу Деруләду и лигѣ патріотовъ, что они, начиная съ мая 1882 года, настойчиво требуютъ, чтобы французы дружно, всѣми силами стремились къ

полному возрожденію своей отчизны. Мысль одного изъ патріотовъ XVI-го вѣка опять ожила въ устахъ Дерулэда.

— Все дѣло въ томъ, чтобы все, что̀ только есть во Франціи истинно французскаго, пробудилось, слилось во-едино и дѣйствовало въ полномъ согласіи и пониманіи другъ друга...

Стюрелю самому еще не удалось, однако, ясно выразить свою мысль, которая прямо ведетъ къ такому выводу: ослабѣвшая Франція больше не въ силахъ создавать „французовъ“ изъ „иностранныхъ“ элементовъ, вошедшихъ въ ея составъ; бывало, служа естественнымъ путемъ народовъ сѣвера, направляющихся на югъ, Франція подбирала ихъ на пути, и они служили ей опорой, но теперь эти иноплеменные пришлецы-бродяги пересоздаютъ насъ по своему образу и подобію!

Видя восторгъ, который вызывала въ товарищахъ горячность Стюреля, Ракадо не посмѣлъ открыто проявить свою тревогу за участь газеты; но зато въ смежной комнатѣ онъ отвелъ душу, налетѣвъ коршуномъ на Мушфрена, который сообщалъ Леонтинѣ, что статьи просто убійственно плохи! Шумъ этого столкновенія мѣшалъ слушать статью Сенъ-Флена и заслужилъ всеобщее порицаніе, хотя причина его и была неизвѣстна.

Еще небрежнѣе, чѣмъ его друзья, отнесся Сенъ-Фленъ къ интересамъ „Настоящей Республики“: онъ безъ церемоніи отворачивался отъ публики, совершенно игнорируя ее, и заступался за клерикаловъ, за католицизмъ.

— Вамъ противно клерикальное направленіе? Но чѣмъ же лучше семинаристовъ и пономарей—Гомэ, Бувара и Пекюше́ и всѣ отъявленные анти-клерикалы? Католицизмъ вѣдь все-таки далъ намъ самый совершенный изъ общественныхъ порядковъ. Къ чему требовать бо̀льшаго? Развѣ не то должны мы считать истиной, что̀ удовлетворяетъ нашимъ духовнымъ нуждамъ и немощамъ?..

Ремерспахеръ возражаетъ ему; Сюре-Лефоръ внутренно смѣется, а вслухъ заявляетъ, что у каждаго, очевидно, свое собственное представленіе о религіи.

— Я восхищаюсь поступкомъ Сенъ-Флена; но все-таки я не рѣшился бы писать въ „Настоящей Республикѣ“, еслибы само собою не было понятно, что за свои убѣжденія отвѣтчикъ только онъ одинъ!

Мало знакомый съ порядками печати, Сенъ-Фленъ предлагаетъ стушеваться.

— Я не хочу никого стѣснять, я ухожу!—заявляетъ онъ, но Ремерспахеръ и Стюрель возстаютъ противъ такого рѣшенія, говоря, что разнообразіе взглядовъ даже оживитъ газету.

Сюре-Лефоръ думаетъ про себя, что они слишкомъ много значенія придаютъ пустякамъ, и полупрезрительно восклицаетъ подъ шумокъ:

— Мечтатели!.. Поэты!..

Какъ человѣкъ болѣе прозаическаго направленія, онъ для своихъ статей намѣтилъ совсѣмъ иную цѣль: обрисовать главнѣйшихъ представителей знаменитыхъ „курсовъ" Моле́, основанныхъ въ 1832 году братьями Боше́, вѣрноподданными Орлеанскаго дома [1]). Съ ноября и по іюнь мѣсяцъ, разъ въ недѣлю происходятъ „пробныя засѣданія парламента" въ залѣ медицинской академіи, гдѣ есть и каѳедры, какъ въ палатѣ, и трибуна, и центръ, и крайняя лѣвая, и крайняя правая. Курсы Моле́ печатаютъ еженедѣльный отчетъ объ этихъ упражненіяхъ въ диспутахъ и судоговореніи, объ измѣненіяхъ въ законѣ и предложеніяхъ.

Сюре-Лефоръ участвовалъ въ этихъ опытныхъ засѣданіяхъ въ самую, пожалуй, цвѣтущую ихъ пору: каждый разъ въ преніяхъ участвовало отъ восьмидесяти до ста-двадцати человѣкъ, которыхъ и описалъ Лефоръ въ томъ же 1884 году, особенно выдѣляя представителя „крайней лѣвой"—Лагерра, и „правой", монархической—Оффрея. Затѣмъ, покончивъ съ отдѣльными лицами, онъ принялся доказывать пользу большихъ преній по вопросу о пересмотрѣ конституціи,—главный изъ вопросовъ, которые разбирались тогда на „курсахъ Моле́". Система парламентаризма была отвергнута подавляющимъ большинствомъ, и въ этой школѣ парламентаризма—какъ это ни странно!—въ послѣднемъ засѣданіи постепенно отвергнуты были формы государственнаго управленія: монархическая имперія и республиканская!.. Сюре-Лефоръ считалъ, что настроеніе преній на знаменитыхъ „курсахъ" служитъ какъ бы предвѣстниками грядущаго настроенія выборныхъ округовъ, такъ какъ этимъ объясняется усиленіе всесословныхъ представителей. Большинство оказалось тогда, въ 1884 г., не на сторонѣ „правой", какъ было до тѣхъ поръ, а —„лѣвой": изъ этого Сюре-Лефоръ выводилъ заключеніе, что на будущихъ общихъ выборахъ предстоитъ основательное противодѣйствіе общей подачѣ голосовъ. Но протестъ этихъ юныхъ политиковъ противъ строя монархическаго, противъ имперіи или республики—вѣдь это лишь признакъ того же тревожнаго состоянія, которое отражается въ статьяхъ Ремерспахера, Стюреля и Сенъ-Флена...

[1]) Моле́ (Comte de Molé) 1788—1855 г., государствен. дѣятель и министръ при Луи-Филиппѣ.

Ближе всего, пожалуй, къ типу журналиста подходитъ ихъ товарищъ Мушфренъ, который, шатаясь по разнымъ кафé улицы Монмартръ, успѣлъ поживиться кой-какимъ матеріаломъ для разоблаченій въ игривомъ вкусѣ.

Въ два часа ночи, когда газета была уже „разверстана", когда сотрудники ушли, Леонтина расположилась ночевать на тюфякахъ, на полу; Мушфренъ устроился въ пріемной, и всѣ трое заснули подъ ревъ и гудѣніе печатныхъ станковъ.

II.

Въ пять часовъ утра, когда Ракадо увидалъ еще свѣжій листъ перваго нумера своей газеты, ему спросонья показалось, что ее совершенно немыслимо прочесть. Къ двѣнадцати часамъ онъ пошелъ въ одну изъ пивныхъ, куда собирались журналисты, побывалъ и въ другой, и въ третьей. Его принимали ласково, но по справедливости высмѣивали редакцію „Настоящей Республики". Тѣмъ болѣе растрогало его, что эти самые сотрудники не побоялись принести ему, на слѣдующіе нумера, свой даровой трудъ.

Тѣмъ не менѣе, дня три спустя, онъ замѣтилъ Стюрелю:

— Газету писать вѣдь не то, что стихи или статьи историческаго и философскаго содержанія. Я люблю рѣзкости!

Таково было также мнѣніе Наполеона, а также и мнѣніе большинства.

— Вотъ именно: мы рѣзко отличаемся отъ другихъ газетъ,— возразилъ Стюрель. — Мы проводимъ мысли, которыя найдутъ свой кругъ читателей, до сихъ поръ имѣвшихъ мало подобнаго матеріала для чтенія. Это будетъ крайне любопытный опытъ.

— Но не могу же я заниматься опытами,—въ заключеніе объявилъ Ракадо. Среди разочарованій, однако, на первой же недѣлѣ существованія газеты были у него два утѣшенія: во-первыхъ, въ редакцію явился юноша неряшливаго вида, глаза котораго восторженно сіяли, и просилъ разрѣшенія быть имъ полезнымъ, потому-что онъ „почитатель ихъ газеты". Это былъ не кто иной, какъ Фанфурно, сынъ выгнаннаго сторожа лицея, успѣвшій обѣднѣть и осиротѣть. Денегъ онъ не просилъ; его пріютили, и онъ сдѣлался вѣрнымъ слугой Мушфрена. Во-вторыхъ, нѣкоторые изъ депутатовъ пожелали работать въ „Настоящей Республикѣ" и тоже безвозмездно.

Главнымъ изъ разочарованій Ракадо была подписка: вмѣсто

пятисотъ подписчиковъ, на которыхъ онъ разсчитывалъ, у него набралось только два десятка.

Мѣсячный бюджетъ давалъ поводъ думать, что годовой дефицитъ на 37.000 фр. превзойдетъ цифру заранѣе предусмотрѣнныхъ убытковъ. Ракадо шопотомъ повѣрялъ свои тревоги Ренодену, которой отвѣчалъ ему спокойно:

— Не падай духомъ! Наши литераторы довольны; взгляни на этотъ вопросъ съ болѣе серьезной стороны...

— Я и самъ знаю, что одной продажей газета существовать не можетъ...

— Если ты дашь мнѣ 33 процента со всѣхъ договоровъ, которые будетъ заключать „Настоящая Республика", я возьмусь тобой руководить!

Онъ ужъ заблаговременно составилъ себѣ такой планъ, что можетъ считать себя счастливымъ, если вмѣсто своихъ тяжело добытыхъ трехсотъ франковъ ему будетъ обезпечено хоть вдвое больше.

Послѣ одного кораблекрушенія, которое надѣлало въ свое время много шума, единственный уцѣлѣвшій человѣкъ разсказывалъ, какъ жадно и безжалостно онъ подстерегалъ, когда умретъ его спутникъ въ лодкѣ, чтобы утолить жажду его кровью... Такое же точно безсердечіе проявляетъ и Реноденъ, зная, что придетъ минута, когда онъ будетъ сосать кровь своихъ погибающихъ товарищей, и все-таки думаетъ только о своей личной выгодѣ.

Ракадо вытеръ себѣ лобъ, покрытый потомъ, и не возмутился, но почувствовалъ, что вся его вѣра въ дружбу пропала.

— Прежде я легко могъ бы обезпечить тебѣ доходъ въ 2.000 фр. въ мѣсяцъ отъ любого изъ банковъ, но теперь не вижу другого источника, какъ только панамскія дѣла. „Компанія" даетъ субсидіи и поручила это Маріусу Фонтану, котораго лично я не знаю, но я самъ познакомлю тебя съ барономъ Рейнакомъ, имѣющимъ тамъ большое вліяніе.

Въ сущности же, онъ приберегалъ для самого себя личные подходы къ Фонтану.

Когда баронъ принялъ молодыхъ людей, Реноденъ началъ ему говорить, что молодежь усердно читаетъ новую газету.

— Но у молодежи нѣтъ вѣдь сбереженій,—возразилъ богачъ съ тонкой улыбкой искуснаго фехтовальщика, который любуется своей ловкостью и хочетъ проучить новичка.

Бесѣда публициста съ финансистомъ, если они говорятъ о субсидіи, носитъ характеръ поединка. Рейнакъ чувствовалъ, что

его унижаетъ борьба съ такимъ ничтожнымъ противникомъ. Пробѣгая небрежно столбцы „Настоящей Республики“, онъ проговорилъ:

— Вамъ нѣтъ еще двадцати-пяти лѣтъ, а у васъ порнографической замѣтки ни одной! Развѣ вы такъ наивны?.. Во-первыхъ, я не повѣренный „Компаніи“, а во-вторыхъ, мы помогаемъ только тѣмъ, кто можетъ этого требовать, а вы не можете!

— Неужели, баронъ, изъ-за какой-нибудь сотни золотыхъ вы захотите нажить себѣ врага!?—нашелся Реноденъ.

Это была геніальная уловка, но уловка мелочного свойства. Рейнакъ благоволилъ улыбнуться, и обѣщалъ зачислить ихъ въ числѣ получающихъ субсидію. Нѣсколько дней спустя, Реноденъ и Ракадо явились въ „Компанію Панамы“, но тутъ ихъ постигло разочарованіе: вмѣсто ежемѣсячной субсидіи въ двѣ тысячи франковъ, имъ выдали эту сумму въ видѣ единовременнаго пособія, но попросили полностью подписать на лѣвой сторонѣ условія.

Выходя оттуда, они встрѣтили не мало хищниковъ низкой пробы; Реноденъ называлъ ихъ товарищу по именамъ.

— Они скорѣй меня попадутъ на каторгу!—замѣтилъ ѣдко Ракадо, но... ошибся въ разсчетѣ.

— Имѣй терпѣніе!—утѣшалъ его Реноденъ: — Панамскій каналъ еще не прорытъ. Оно даже и лучше, что ихъ скаредность ни къ чему насъ не обязываетъ. Зайдемъ къ Фойо; ты меня угостишь, а я тебѣ дамъ кой-какіе полезные совѣты.

— Эти богачи ничего такъ не боятся, какъ газетныхъ слуховъ,—продолжалъ онъ, уже сидя въ кофейной.—Еще есть возможность содрать съ него за наши убытки,—и онъ продиктовалъ своему наивному товарищу слѣдующія строки:

„Преданные патріоты обратили наше вниманіе на тотъ поразительный фактъ, что въ мірѣ государственныхъ дѣятелей выдающееся мѣсто занимаютъ нѣкоторые представители нѣмецкихъ финансистовъ. Говорятъ, реакціонеру, завербованному за послѣднія сутки, не даютъ ходу. Какъ это такъ выходитъ, что какіе-то пришлые люди, родомъ изъ Франкфурта и чуть не вчера принявшіе французское подданство, оказываются всесильны въ министерствѣ, и особенно въ военномъ? Это сущій скандалъ!.. Надѣюсь, намъ не придется больше повторять“!..

Ракадо побѣжалъ бѣгомъ въ типографію, и на утро замѣтка уже появилась на столбцахъ „Настоящей Республики“. Реноденъ подхватилъ нумеръ газеты и понесъ показать его Рейнаку.

— Баронъ, я долженъ передъ вами извиниться въ томъ, что представилъ вамъ своего сотрудника по „Настоящей Республикѣ“. Онъ, вѣроятно, остался недоволенъ пріемомъ, который ему оказала „Панамская Компанія“ и, по неопытности своей, произвелъ теперь маленькое нападеніе, которое я берусь прекратить. И Реноденъ, чтобы придать газетѣ въ его глазахъ больше вѣса, пояснилъ, что она ведется учениками и послѣдователями Бутелье́.

— Я Бутелье́ глубоко уважаю,—возразилъ Рейнакъ.—Онъ займетъ видное мѣсто на ближайшемъ засѣданіи палаты.

Затянувъ бесѣду съ барономъ насколько могъ, Реноденъ поднялся уходить и прибавилъ еще разъ:

— Наконецъ, относительно этой замѣтки смѣю васъ увѣрить, что вы можете быть спокойны; что же касается самого ея автора, для бо́льшаго удобства лучше всего вамъ быть въ отсутствіи, еслибы онъ явился сюда. Только, пожалуйста, пусть это остается между нами.

— Само собою разумѣется, мой милый Реноденъ! Повѣрьте, что и я въ свою очередь хотѣлъ бы сдѣлать вамъ пріятное. Вы человѣкъ и умный, и достойный.

— Скажите лучше это издателямъ газетъ.

— Скажу, непремѣнно скажу!.. Кстати, вы не охотникъ? Надо, чтобы вы пріѣхали поохотиться вмѣстѣ съ ними на куропатокъ.

Два дня спустя, Ракадо зашелъ къ барону, разсчитывая на крупную субсидію, но секретарь холодно его принялъ:

— Г. баронъ занятъ.

— Но когда можно видѣть?

— Г. баронъ чрезвычайно занятъ и, вдобавокъ, скоро долженъ уѣхать... Если угодно, я могу передать.

— Я хочу видѣть лично!—съ предвзятою грубостью настаивалъ Ракадо, считая ее полезной.

— Говорятъ же вамъ, что онъ не принимаетъ!—такъ же грубо повторилъ ему секретарь.

— Хорошо же! „Настоящая Республика“ выскажется насчетъ барона Рейнака.

— Не моя обязанность разбирать частныя дѣла. Если будете скандальничать, я позову полицію!..

Ракадо все это разсказалъ Ренодену, который похихикалъ себѣ въ бороду своимъ тонкимъ, но холоднымъ смѣхомъ. Отложивъ на нѣсколько дней свои совѣты товарищу, онъ потомъ убѣдилъ его, „какъ слабѣйшаго, подать примѣръ вѣжливости“.

И „Настоящая Республика“ пошла на мировую съ нѣмецкимъ барономъ, упомянувъ объ охотѣ, въ которой вмѣстѣ съ нимъ принимали участіе: Бутельé, Реноденъ и другіе извѣстные журналисты.

О роли Ренодена во всей этой исторіи Ракадо составилъ себѣ весьма смутное представленіе.

VIII.

Борьба.

I.

Стюрель тормазитъ хитроумныя дѣла своихъ товарищей: онъ просматриваетъ тщательно всѣ столбцы газеты и отказывается печатать замѣтки Мушфрена, слишкомъ отзывающія улицей Монмартръ. Такая щепетильность раздражаетъ Ракадо, и, наконецъ, онъ рѣшается высказать свое мнѣніе о „наивности“ направленія газеты... „которая, впрочемъ, редактируется превосходно“...

— Мнѣ предлагаютъ сотрудника, который въ то же время будетъ завѣдывать и матеріальнымъ отдѣломъ, отдѣломъ „publicité“. Вѣдь всякая газета только и живетъ, что объявленіями.

Стюрель ничего не могъ противъ этого возразить, и въ назначенный день и часъ они сошлись съ этимъ новымъ сотрудникомъ, чтобы вмѣстѣ отобѣдать въ Елисейскихъ-Поляхъ.

Дѣйствительно, все въ этомъ господинѣ было и разсудительно, и прилично, и опрятно; сомнительнаго достоинства были только его бѣлье и его взглядъ. За столомъ, послѣ обѣда, зашла рѣчь о томъ, что всѣ газеты живутъ отдѣломъ *разоблаченій*.

— Но какого свойства?

— Такого, которое приноситъ больше всего доходу.

На лицѣ Стюреля отразилась грусть.

— Но есть же газеты, которыя добываютъ деньги, не дѣлая ничего предосудительнаго?—попробовалъ онъ возразить.

— Вотъ какъ! Которая же это, позвольте спросить?

Стюрель принялся называть ихъ поочередно, но на каждую изъ нихъ его новый сотрудникъ только съ улыбкой поглядывалъ на Ренодена, который какъ бы нечаянно присоединился къ ихъ компаніи. Стюрель назвалъ трехъ или четырехъ изъ своихъ любимыхъ публицистовъ, отличавшихся прямотой и великодушіемъ, но и имъ досталось. Чтобы положить предѣлъ этимъ возраженіямъ, онъ наконецъ сказалъ:

— Хотя бы вы и были правы, чего я, въ виду высокаго развитія этихъ людей, не допускаю, но я все равно не буду потворствовать такимъ подлымъ сплетнямъ и пересудамъ!

— „Подлымъ сплетнямъ"!.. „Пересудамъ"!.. Гм.! Вольному воля!—бормоталъ новый знакомый, котораго, однако, Ренодену удалось успокоить.

— Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—я буду совѣтоваться съ г. Стюрелемъ и преклонюсь передъ требованіями благопристойности... Баккара̀ меня погубила, но... я порядочный человѣкъ!.. Чортъ возьми! вѣдь я тоже порядочный человѣкъ!

Стюрель, тронутый, пожалъ ему руку, и, по просьбѣ Ракадо, его новый знакомый перешелъ къ изложенію „дѣла".

— Ну, такъ вотъ,—началъ онъ, понижая голосъ.—Мнѣ извѣстна нѣкая картинка нравовъ, которая должна разбираться на судѣ. Лицами компрометтированными являются одинъ коммерсантъ и адвокатъ. Мы напечатаемъ въ бѣглой замѣткѣ имя послѣдняго, у котораго нѣтъ ни гроша, но при этомъ заявимъ, что начато слѣдствіе для разоблаченія, кто такой этотъ коммерсантъ. Я зайду къ нему, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, и онъ дастъ намъ кругленькій кушъ, чтобы мы только молчали.

Онъ кончилъ и обвелъ всѣхъ самодовольнымъ взглядомъ.

— Довольно!—воскликнулъ Стюрель и, подхвативъ свои перчатки, шляпу и тросточку, поспѣшилъ уйти.

— Пусть такъ!—обидѣлся новый блюститель интересовъ „Настоящей Республики".—Но въ такомъ случаѣ я не ручаюсь за успѣхъ.

Въ одинъ прекрасный день, придравшись къ случаю, Ракадо поспѣшилъ освободить себя отъ обязательства выплачивать Ренодену условленные 33%, да и вообще въ правленіи „Настоящей Республики" царилъ теперь духъ крайней разсчетливости. Мушфренъ самъ, вмѣсто разсыльнаго, разносилъ по утрамъ газеты; никто и не подозрѣвалъ, что полицейскія сенсаціонныя извѣстія доставляла въ редакцію Леонтина, которая ежедневно заходила для этого въ полицейское управленіе; Ракадо продавалъ билеты въ театръ, продавалъ книги, спекулировалъ на даровыхъ билетахъ желѣзной дороги; за 100 фр. онъ ухитрился продать два билета на мѣсто у самой гильотины во время одной смертной казни, т.-е. право, полученное имъ, какъ представителемъ печати...

Посреди всѣхъ этихъ жалкихъ пошлостей и дрязгъ, Стюрель, Сенъ-Фленъ, Ремерспахеръ и Сюре-Лефоръ продолжаютъ жить

стремленіями къ идеалу, но въ сущности безцѣльная газетная печать не даетъ ходу ихъ дѣятельности. Болѣе, чѣмъ когда-нибудь Ремерспахеръ сосредоточиваетъ свое вниманіе на высшихъ ученыхъ курсахъ; Стюрель ищетъ себѣ утѣшенія въ воспоминаніяхъ о прелестной армянкѣ и какъ бы отраженіемъ отъ этого чувства—въ дружбѣ съ Терезой Алисонъ; Сюре-Лефоръ, которымъ день ото дня сильнѣй овладѣваетъ жажда славы и рукоплесканій, смотритъ на весь міръ, какъ на курсы Моле́ въ увеличенныхъ размѣрахъ. Что же касается Сенъ-Флена,—въ самый разгаръ зимы онъ вернулся на родину, вслѣдствіе одного замѣчанія, которое небрежно проронилъ Мушфренъ, но которое, тѣмъ не менѣе, служитъ крупнымъ обвиненіемъ въ непорядочности этого дрянного человѣка.

Сенъ-Фленъ, не привыкшій имѣть дѣло съ женщинами, случайно сошелся съ молоденькой блондинкой, которую погубилъ крупный торговецъ,—человѣкъ грубый, считавшій, что за деньги имѣетъ право какъ угодно вертѣть бѣдной дѣвушкой. Она не даромъ носила прозвище „худышки"; привязавшись другъ къ другу, бѣдные молодые люди то предавались восторженнымъ мечтамъ о счастьѣ, то вмѣстѣ тосковали, ища возможности миновать дорогу къ кладбищу. Но, увы! пришелъ день, когда Сенъ-Фленъ проводилъ въ послѣднее жилище свою любящую подругу и вернулся въ свою опустѣлую квартиру разбитымъ и будто вдругъ постарѣвшимъ.

Какъ-то разъ вечеромъ, когда товарищи собрались въ кафе́, и грустное молчаніе бѣдняги стѣсняло и смущало даже беззастѣнчиваго Ренодеиа, Мушфренъ, изъ любви къ пошлости и къ дрязгамъ, окликнулъ Сенъ-Флена:

— Ты знаешь, вѣдь твоя „худышка"... преувеличивать тоже не годится... Вѣдь я... я...

— Знаю! — возразилъ Сенъ-Фленъ, блѣднѣя, и поспѣшилъ уйти.

Вслѣдъ за нимъ поднялись и другіе, оставивъ одного Мушфрена.

До деликатныхъ ли чувствъ въ такое время? Ракадо видитъ и понимаетъ только одно, что пачка денежныхъ бумагъ, которыя онъ носитъ на груди, становится все тоньше. Но вопреки всѣмъ и всему, онъ не теряетъ надежды оправиться. У него въ рукахъ выгодное дѣло, которое ему доставилъ черезъ красавицу Аравіанъ его вѣрный слуга, Мушфренъ.

Его грубость и безобразіе привлекаютъ красавицу, какъ нѣчто новое и еще неизвѣданное, хотя она сама, въ письмѣ къ

одному французскому дипломату, который вмѣстѣ съ нею посѣтилъ Египетъ, называетъ Мушфрена „сиволапымъ“, „мужланомъ“, котораго мать родила на свѣтъ отъ какого-нибудь „лѣшаго-урода“.

„Онъ только потому и журналистъ,—пишетъ она дальше,—что служитъ какъ бы въ лакеяхъ у одного журналиста. Если вамъ случится читать въ газетахъ о вѣроятности успѣха панамскаго предпріятія, о самой хорошенькой изъ женщинъ, о самыхъ сокровенныхъ чувствахъ такого-то потентата—такъ и знайте, что всѣ эти свѣдѣнія сообщилъ мой „сиволапый“.

„Лично я, кажется, не имѣю въ его глазахъ такой высокой цѣны, какую онъ придаетъ моей бирюзѣ и моимъ жемчугамъ; но на горничную мою онъ смотритъ иначе. Ее передергиваетъ, когда она прислуживаетъ ему за столомъ, и она старается поскорѣе отдернуть руку, какъ отъ дикаго медвѣдя; но, судя по его взглядамъ, за рукой ея онъ готовъ бы погнаться... Я ужъ и то ей говорю:—Роза, подумайте хорошенько: стоитъ ли того размножать такую прекрасную породу людей? Кажется, она и безъ того здѣсь велика...

„Онъ показалъ мнѣ своего „патрона“, такого же мужичину, какъ онъ самъ; впрочемъ, за моимъ уродомъ хоть то достоинство, что онъ умѣетъ доставить женщинамъ развлеченіе. Эти господа, благодаря своимъ связямъ съ полиціей, даютъ мнѣ возможность познакомиться съ отличительными сторонами парижской жизни: мы посѣщаемъ кабаки съ дурной репутаціей, а въ кварталѣ Моберъ у меня теперь даже завелись друзья. Потомъ мы отправимся изучать бульвары на окраинахъ Парижа и набережныя рѣки Сены... Помните, въ Египтѣ, мы съ вами вмѣстѣ любовались красотой заходящаго солнца, которое, переходя отъ желтаго оттѣнка къ алому и, наконецъ, къ багровому, утопаетъ въ сладострастной нѣгѣ гдѣ-то глубоко за предѣлами земли; и мы восхищались соловьиной пѣснью въ листвѣ потемнѣвшихъ пальмовыхъ деревъ и вѣковѣчнымъ спокойствіемъ уединенія...

„Но и здѣсь, въ Парижѣ, выродки рода человѣческаго, которые упиваются ядами локусты въ атмосферѣ, пропитанной запахомъ больницъ и каторжныхъ работъ, выводятъ меня за предѣлы заурряднаго.—Астина Аравіанъ“.

Судя по ея письму, дипломатъ, заинтересованный предпріимчивостью молодыхъ людей, пожелалъ, чтобы они напечатали въ своей газетѣ замѣтку о положеніи его земляковъ, французовъ въ городѣ X, гдѣ онъ находился.—Это даже будетъ полезно для

молодой начинающей газеты, которой хотѣлось бы привлечь на себя вниманіе.

Черезъ посредство Мушфрена, Ракадо отвѣчалъ:

— Это будетъ стоить 1.000 франковъ!

Красавица заложила нѣкоторыя изъ своихъ драгоцѣнностей и заплатила впередъ; Ракадо пожалѣлъ, что не спросилъ больше. Спустя недѣлю, онъ объявилъ, что такое направленіе можетъ повредить газетѣ, и прибавилъ, что перестанетъ писать въ этомъ духѣ, если ему не уплатятъ 30.000 франковъ. Она удивительно спокойно отнеслась къ такой крупной цифрѣ, и Ракадо, вспоминая ея отвѣтъ, ликуетъ:

— Дѣло въ шляпѣ!..

Однако, 15-го февраля, дипломатъ далъ знать, что онъ можетъ согласиться не больше, какъ на 5.000 франковъ. Сообщая Ракадо это безотрадное извѣстіе равнодушнымъ тономъ, прекрасная армянка возбудила въ немъ самую непримиримую ненависть къ себѣ; но дѣлать нечего, пришлось помириться на 5.000 фр., тѣмъ болѣе, что ото всего капитала Ракадо оставалось на лицо лишь восемь тысячъ.

Въ порывѣ отчаянной рѣшимости, онъ бросился къ Бутельѐ, и, покаявшись, что неосторожно обязался печатать свѣдѣнія, которыя могутъ повредить правительству, признался, что освободиться отъ этого обязательства ему будетъ стоить нѣсколько тысячъ франковъ.

Бутельѐ не прервалъ его и, внимательно выслушавъ до конца, пожалъ ему руку:

— Вы поступаете какъ честный человѣкъ и добрый слуга своего отечества,—проговорилъ онъ.—Всякому свойственно ошибаться, и, повѣрьте, правительство, если будетъ дѣйствовать сознательно, придетъ вамъ на помощь въ такомъ полезномъ дѣлѣ.

Возбужденный такою нежданною удачей, Ракадо въ мигъ представилъ себѣ возможность окончательно рѣшить этотъ вопросъ, и предложилъ „Настоящую Республику“ въ полное распоряженіе Бутельѐ:

— Пусть она будетъ вашимъ ѻрганомъ, вашимъ орудіемъ, вашей „вещью“, дорогой учитель!

У Бутельѐ какъ разъ не было подчиненныхъ ему мелкихъ людишекъ, и услужливость Ракадо оказалась ему нà-руку; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему нѣсколько страшно было рисковать своей собственной карьерой. Онъ сказалъ, что хочетъ еще потолковать объ этомъ, когда займетъ видное мѣсто въ политикѣ, а до тѣхъ поръ обѣщалъ добиться для газеты постоянной ежемѣсячной субсидіи отъ министерства.

II.

Весь апрѣль мѣсяцъ вопросъ о субсидіи оставался еще нерѣшеннымъ. Въ началѣ мая, на одной изъ вечеринокъ на виллѣ Сентъ-Бёвъ, въ присутствіи Терезы Алисонъ и ея матери, баронъ де-Нель съ таинственнымъ видомъ сообщилъ Стюрелю:

— Ваше дѣло подвигается!

— Какое дѣло? — насторожился тотъ, встревоженный самодовольнымъ выраженіемъ лица барона, и заставилъ его высказаться яснѣе.

— Мы кончимъ тѣмъ, что дадимъ „Настоящей Республикѣ" значительный кушъ.

— Но это возмутительно! Мы и не думали просить!—горячился молодой журналистъ.

— Никогда не повѣрю, чтобы г. Стюрель обращался за деньгами къ вашему министру!—съ презрѣніемъ воскликнула Тереза.

— Извините, но какъ ни жаль мнѣ говорить непріятное г-ну Стюрелю, а просьба о субсидіи—совершившійся фактъ, и ее даже поддерживаетъ одно высокопоставленное лицо... Не знаю, впрочемъ, что̀ тутъ такое, что̀ могло бы особенно взволновать г. Стюреля?

Однако, Тереза Алисонъ бросала на своего друга такіе краснорѣчивые взгляды, что Сюре-Лефоръ, свидѣтель этой сцены, невольно подумалъ:

„Очевидно, для Стюреля этотъ вопросъ представляетъ 50.000 фр. годового дохода"!

— Я утверждаю, что я тутъ рѣшительно ни-при-чемъ; я даже совсѣмъ противнаго мнѣнія!

— Этой сдѣлкой имѣлось въ виду угодить вамъ; въ противномъ случаѣ,—почти съ дерзкою любезностью заключилъ баронъ,—я постараюсь принять мѣры, и если мое мнѣніе имѣетъ какой-нибудь вѣсъ, вашей газетѣ откажутъ.

— Я буду вамъ весьма признателенъ,—весь блѣдный, проговорилъ Стюрель.

Выйдя вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, онъ захотѣлъ тотчасъ же пойти предупредить объ этомъ Ремерспахера:

— Довольно съ меня этого Ракадо! Покончимъ съ нимъ разъ и навсегда!

— Признаться сказать, ты не имѣлъ права лишать газету субсидіи,—замѣтилъ Ремерспахеръ:—а самъ могъ всегда выйти изъ ея состава.

Справедливый упрекъ озадачилъ, но не смутилъ Стюреля.

— Наконецъ, все тамъ такъ подозрительно; самъ Ракадо и его газета... все это—такая грязь!..

Ремерспахеръ, сосредоточенно пуская клубы дыма, изрекъ свое рѣшеніе:

— Самъ не ходи: ты только его раздражишь. Пошли къ нему Лефора: онъ—единственный изъ насъ, который ближе знакомъ съ закулисными сторонами политики.

На слѣдующій же день, 4-го мая, Сюре-Лефоръ съ самымъ торжественнымъ видомъ объявилъ Ракадо, что они всѣ уходятъ. Сначала Ракадо сдерживался, но потомъ далъ волю своей ярости и озлобленію:

— Ты самъ поступаешь неискренно! Ты не демократъ!— кричалъ онъ. —И на что̀ вамъ понадобилось содрать съ меня шкуру, чтобы разыграть роль джентльменовъ?

На утро, 5-го мая, въ годовщину своей клятвы на могилѣ Наполеона, Ракадо былъ у Бутелье́, который встрѣтилъ его сердито:

— Г-нъ Стюрель далъ знать министру, что газета отказывается отъ субсидіи. Это еще что̀ значитъ? Очень было нужно съ нимъ держать совѣтъ..

Бѣдный Ракадо возражалъ, оправдывался...

— Мы здѣсь не для того, чтобы разъяснять таинственное,— замѣтилъ профессоръ.—Во всякомъ случаѣ, вамъ придется ограничиться пока субсидіей „Внутреннихъ Дѣлъ“.

— Не хватитъ! — искренно вырвалось у несчастнаго.

— Ну, тогда постарайтесь продержаться до общихъ выборовъ; тогда я, можетъ быть, что-нибудь для васъ сдѣлаю.

Здоровенный малый чуть не разрыдался и, вернувшись къ Мушфрену, съ горечью прибавилъ, передавъ вкратцѣ (на подробности духу не хватило!), какъ было дѣло.

— Всѣ насъ бросаютъ! Только и осталось у меня, что трое кретиновъ на рукахъ: ты, Леонтина и Фанфурно.

Онъ написалъ товарищамъ самыя пошлыя и дерзкія письма съ просьбами о деньгахъ, но отвѣта не было. Чтобы не помереть съ голоду, имъ пришлось продавать почтовыя марки...

Какъ ни тягостно положеніе Ракадо, онъ, однако, не унываетъ. Добрая слава газеты имѣетъ для него меньше значенія, нежели матеріальныя ея стороны, и онъ смѣло приноситъ ее въ жертву. 15-го мая 1885 года „Настоящая Республика“ выходитъ въ свѣтъ въ новомъ видѣ: только названіе ея остается неприкосновенно, а столбцы заполняются выборками изъ вчераш-

нихъ газетъ. Но это мало печалитъ Ракадо, у котораго нѣтъ самолюбія присяжнаго журналиста. Въ Парижѣ, гдѣ борьба—дѣло для всѣхъ понятное, неудача не можетъ унизить человѣка; но для Ракадо это все равно, что шагъ по дорогѣ на родину, а вернуться туда, спустивъ материнское наслѣдство, было бы для него немыслимо. И въ письмѣ своемъ къ отцу онъ вовсе не изъ лести, а чистосердечно говоритъ:

„Пойми же хорошенько мое положеніе. Твои долги — мои долги, твои дѣла — мои дѣла; и мнѣ же самому пріятнѣе выплатить скорѣе деньги, которыя ты займешь для меня. Не всю жизнь проживу я въ Парижѣ; а вернувшись на родину, я буду радъ, если у меня еще будетъ цѣла земля"...

На большомъ бѣломъ, некрашенномъ столѣ валяются теперь въ пыли канцелярскія принадлежности: бумага, перья, чернильницы,—словомъ все, что̀ Леонтина, бывало, приготовляла къ приходу сотрудниковъ. Но и это не тревожитъ Ракадо: почемъ знать? его неожиданно можетъ выручить какая-нибудь счастливая случайность! Вся штука въ томъ, чтобы съ грѣхомъ пополамъ протянуть до выборовъ... Но вотъ бѣда! Настоящій собственникъ газеты, въ виду неуплаты арендной суммы, грозитъ ее отобрать; типографъ, въ домѣ котораго пріютилась контора редакціи, становится грубѣе.

— Я вамъ давалъ помѣщеніе, чтобъ вамъ печатать; вы больше не пользуетесь моими услугами,—извольте убираться вонъ!

Съ трудомъ удалось Ракадо уломать его потерпѣть еще денька два, т.-е. до 17-го мая.

Посреди своихъ оптимистическихъ стремленій, онъ, однако, не можетъ заглушить въ себѣ неотвязчивой, мучительной мысли:

„Кому же, въ сущности, принесла пользу моя газета? Ремерспахеру, Лефору и Стюрелю, которые, отпихнувшись отъ моей ладьи, теперь пересядутъ на лучшую. Но я... я медленно иду ко дну"!..

Наконецъ, всѣ его надежды на Парижъ разсѣялись; помощь отъ отца что-то медлитъ. Еще два дня—и передъ нимъ лежитъ долго-жданное письмо. Съ какимъ волненіемъ онъ разрываетъ конвертъ!..

„Сейчасъ получилъ я твою депешу, милый мой Оноре́,—писалъ отецъ. — Ты торопишь меня высылкою тебѣ денегъ; но я вѣдь потому и молчалъ, что ты уже взялъ у меня все свое, и больше мнѣ нечего тебѣ дать. Ты говоришь, что я могу взять въ банкѣ. Прошу тебя, не безпокой меня! Помни, что я тебѣ предлагалъ болѣе вѣрное дѣло на родинѣ, но ты предпочелъ

самъ надѣть на себя путы. Напрасно ты тратишься на телеграммы и на марки; я ничѣмъ не могу тебѣ помочь. Ты забываешь, чего стоило мнѣ твое воспитаніе и требованіе выдѣлить наслѣдство, которое бѣдная мать твоя, конечно, не разсчитывала отнимать у меня до моей смерти. Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ, что ты, сверхъ того, успѣлъ еще задолжать десять тысячъ франковъ, я спать не могу... даже по ночамъ! Думается мнѣ, что меня вгонитъ въ гробъ сожалѣніе, что я потратилъ такую массу денегъ на ребенка, который не приноситъ мнѣ ничего, кромѣ огорченій"!

Желчь хлынула къ лицу Ракадо, и онъ громко проговорилъ:

— У меня только и осталось, что Мушфренъ и Леонтина... чтобъ я ихъ кормилъ!..

И какимъ тономъ сказаны эти слова!..

Шагая тревожно по своей конторѣ, Ракадо обливался холоднымъ потомъ. Наконецъ, примостившись у стола, онъ битый часъ писалъ новое и, по его мнѣнію, убѣдительное письмо къ отцу, доказывая, что газетное дѣло непремѣнно дастъ большіе барыши, но сначала требуетъ большихъ затратъ. Купить газету ему стоило, по его словамъ, 40.000 франковъ, изъ которыхъ онъ уже будто бы уплатилъ 30.000 фр.; все затрудненіе—въ 10.000 фр., которыя она, т.-е. собственница газеты, требуетъ немедленно.

„Съ женщинами трудно имѣть дѣло, все у нихъ нервы,— продолжалъ онъ.—Прости, что я тебѣ надоѣдаю и помоги, сдѣлай все, что̀ можешь... И знаешь что̀? Не лучше ли тебѣ совсѣмъ переѣхать въ Парижъ? Можно продать всю движимую собственность и, обративъ въ деньги все имущество, на старости лѣтъ немножко отдохнуть. Я бы тебя научилъ играть на биржѣ; это служило бы тебѣ развлеченіемъ"...

Затѣмъ слѣдовалъ перечень наглядныхъ и легкихъ способовъ нажиться на биржевыхъ операціяхъ...

„Я твердо разсчитываю получить отвѣтъ. Присылай же какъ можно больше денегъ"!..

Распахнувъ дверь въ сосѣднюю комнату, Ракадо позвалъ Леонтину и Мушфрена. Они имѣли видъ жалкихъ оборванцевъ при яркомъ свѣтѣ роскошнаго майскаго утра.

— Садись, пиши! — приказалъ онъ, и Леонтина повиновалась.

„Милостивый государь, господинъ Ракадо!—диктовалъ издатель: — Вашъ сынъ, пріобрѣтая право на газету „Настоящая Республика", остался мнѣ долженъ срокомъ къ 1-му мая

10.000 фр. До сего дня я ждала терпѣливо; но у меня у самой наступаютъ платежи, а дѣла газеты идутъ въ настоящую минуту не особенно бойко. Сынъ вашъ долженъ порядочно получить, но не сейчасъ; а потому прошу васъ выслать необходимую мнѣ сумму и прошу васъ вѣрить, милостивый государь, что мнѣ очень жаль васъ безпокоить"!..

— Поняли?—спросилъ Ракадо у своихъ друзей.—Старику не очень-то хочется раскошелиться; вотъ я ему и вру, что̀ ни попало. Охъ, ужъ эти мнѣ деревенскіе скареды!!.

Всѣ почему-то притихли.

— Знаешь, голубушка!—обратился Ракадо къ Леонтинѣ:— Выйди на минуту: мнѣ надо бы потолковать съ Мушфреномъ.

— Умоляю тебя, Антуанъ: достань хоть сколько-нибудь денегъ!—началъ онъ, и его лицо вдругъ осунулось и постарѣло.— Уговори Астину; это необходимо!

— Денегъ у нея нѣтъ.

— Но есть камни, которые мнѣ не даютъ покоя: жемчугъ и бюрюза...

— Еслибъ ты зналъ, какъ она не любитъ помогать газетамъ!

— Вотъ еще! Все равно, только у нея одной есть деньги!

Мушфренъ повиновался.

Въ тотъ вечеръ Ракадо и Леонтина просидѣли дома, угрюмо, молчаливо. Чутьемъ, какъ звѣри, бѣдная женщина угадывала приближеніе грозы; но звѣри могутъ хотя вытьемъ выражать свою тревогу, а ей приходилось отказывать себѣ даже въ этой отрадѣ. Въ сумерки, когда ночь наступила, Леонтина забилась въ уголъ и залилась слезами, прислушиваясь къ грозному реву столичной суеты...

Къ полуночи вернулся Мушфренъ.

— Она сказала, что денегъ нѣтъ! Какъ журналистъ, я ей не интересенъ; но она обѣщала взять меня въ проводники, если я покажу ей хорошенько притоны: „Père Lunette" и „Château Rouge". Ей бы хотѣлось вечеромъ побывать на набережной Сены и посѣтить прибрежные кабачки и трактиры...

— Причуды богачей!..—какъ говорили у меня на родинѣ,— замѣтилъ Ракадо.

16-го мая опять заходилъ типографъ и домовладѣлецъ для того, чтобъ возобновить свои требованія и угрозы. Ракадо, въ отчаяніи, написалъ отцу:

„Если тебѣ совершенно невозможно достать для меня денегъ, пришли мнѣ сейчасъ же такую телеграмму:—Не могу выслать

10.000 фр. раньше какъ въ концѣ мѣсяца. Ручаюсь за тебя въ платежѣ кому слѣдуетъ"...

Но 17-го утромъ пришелъ отрицательный отвѣтъ на его послѣднее посланіе, съ обычными замѣчаніями и наставленіями. Согласно своему обѣщанію, типографъ хотѣлъ ихъ выселить въ тотъ же день, но Ракадо увѣрилъ его, что къ двумъ часамъ ожидаетъ телеграммы, а самъ, захвативъ съ собою Мушфрена, ушелъ, оставляя дома Леонтину,—будто бы поджидать телеграфиста, а на самомъ дѣлѣ—чтобы не быть дома, когда явится опять хозяинъ.

Зайдя къ Бутелье́, друзья почти обрадовались, что его не оказалось дома; но, выходя, замѣтили, что и онъ вышелъ только другимъ ходомъ. Вооружившись храбростью, Ракадо подошелъ къ нему и спросилъ, не можетъ ли баронъ Рейнакъ помочь его газетѣ? Но Бутелье́, который страшно торопился, удивился такому вопросу и отвѣтилъ раздражительно, что даже не понимаетъ, чѣмъ именно можетъ имъ помочь извѣстный финансистъ?

Неудачники зашли въ кафе́ „Cardinal" въ надеждѣ, что тамъ имъ предложатъ какую-нибудь сдѣлку; но напрасно! И тамъ ихъ постигла неудача. Имъ пришло въ голову объявить, что Ракадо прочтетъ лекцію по двадцати су за входъ, и они рѣшили послать Леонтину сообщить объ этомъ товарищамъ и знакомымъ; прямо просить денегъ они уже не смѣли.

Часовъ въ одиннадцать они вернулись домой, но дверь оказалась на запорѣ. Леонтина рыдала... Безъ денегъ, безъ крова! Они поняли, что надежда погибла.

— Что̀ жъ подѣлаешь? — заговорила Леонтина.—Не бѣда! Я всегда найду себѣ въ портерной подругу, которая меня пріютитъ.

Но Ракадо понималъ, что̀ это значитъ, и испытывалъ ѣдкое, бѣшеное чувство злобы.

— Послушай! — обратился онъ къ другу, когда женщина удалилась:—я всегда былъ для тебя другъ и братъ; еще сегодня мы подѣлились съ тобою нашими послѣдними крохами...

— Да, да!

— Смотри, какъ меня состарило горе! И эту несчастную... тоже... Мнѣ нужны деньги! Черезъ три мѣсяца мы снова заживемъ; а пока... Я прожился, ты обносился; у тебя нѣтъ даже женщины, которая...

Мушфренъ представилъ себѣ, что̀ будетъ, если Ракадо его броситъ... и залился слезами.

— Послушай, другъ мой, Антуанъ! Я тебя умоляю... ну, хоть одну единственную... жемчужину или... бирюзу!..

— Нѣтъ, это невозможно! Напиши еще разъ отцу...

— Писалъ!.. Пожалуйста, узнай, когда ея не бываетъ дома... Нельзя ли мнѣ пробраться... наверхъ, покуда ты внизу займешь чѣмъ-нибудь обоихъ слугъ?.. Она и не замѣтитъ, а я одной жемчужиной спасу газету отъ окончательнаго краха!.. Потомъ можно ее вернуть...

Мушфренъ молчалъ, но какъ будто согласился. Ракадо бросился его обнимать:

— Ты спасешь мнѣ жизнь!—воскликнулъ онъ.

III.

Въ то же утро, т.-е. 18-го мая, Ракадо получилъ еще отвѣтъ отъ отца, который предупреждалъ его, что вѣрно ловкіе мошенники имѣютъ съ нимъ дѣло, если явилась такая спѣшная потребность въ деньгахъ!.. Въ заключеніе слѣдовали опять укоры и негодующій отказъ отъ поручительства.

Пославъ отцу убѣдительную просьбу, написанную искренно, хоть и съ разсчетомъ разжалобить его, Ракадо сталъ поджидать товарища, который вскорѣ вернулся отъ красавицы-армянки.

— Всѣ свои драгоцѣнности и деньги она носитъ при себѣ,— объявилъ онъ.

Ракадо обезумѣлъ отъ горя; сталъ укорять товарища за то, что ему приходится его кормить; потомъ сталъ его обнимать и, наконецъ, послалъ въ портерную за Леонтиной. Ея появленіе нѣсколько успокоило его, и онъ выслушалъ ея разсказъ, что она будто бы ночевала у какой-то подруги, которая дала взаймы ей десять франковъ. Они нашли и наняли себѣ какую-то лачугу за двадцать су въ день и, по совѣту Леонтины, командировали Мушфрена къ Стюрелю просить денегъ.

Пока онъ былъ въ отлучкѣ, Ракадо съ Леонтиной спѣшили поѣсть кой-какіе кусочки мяса, которые были засунуты у нея въ карманѣ, чтобъ только не пришлось дѣлиться съ нимъ.

Мушфренъ принесъ цѣлыхъ двадцать франковъ, но утаилъ половину, и всѣ втроемъ пошли въ винный погребъ, чтобы потопить свое горе въ винѣ.

— Хоть и то развлеченье!—выговорила Леонтина.

Они вернулись домой часовъ въ десять и, отуманенная винными парами, Леонтина крѣпко заснула; Мушфренъ тоже легъ въ растяжку, въ уголкѣ. Но Ракадо шагалъ тревожно по комнатѣ, бормоча и выкрикивая что-то гнѣвнымъ голосомъ.

— У нея!.. У нея одной!.. Но для того, чтобъ ее заставить,—отъ меня съ Мушфреномъ слишкомъ несетъ оборванцемъ!

Ему даже пріятно было всячески обзывать себя. Были минуты, когда ему казалось, что онъ вотъ-вотъ задохнется. Какимъ-то особымъ, круговымъ движеніемъ руки, онъ отиралъ не только лобъ, но и всю голову. Какъ ни позорны соображенія, которыя мучаютъ его, онъ все-таки представляетъ картину силача-мужчины, который не хочетъ покориться ударамъ судьбы.

— Надо знать самому, на чтò идешь, и упорствовать на своемъ. Да!.. Это рискованно, но зато быстро! — вырвалось у него.

Мушфренъ проснулся и спросилъ, зѣвая:

— Какая нелѣпость взбрела тебѣ на умъ?—но выраженіе лица Ракадо лучше всякихъ словъ разогнало его сонъ.

Когда, еще попозже ночью, они заговорили громче, Леонтина проснулась въ испугѣ: Мушфренъ горячо отказывался отъ чего-то:

— Нѣтъ, нѣтъ! Это невозможно... Я не могу, не могу!..

Какъ ни давно знала она обоихъ друзей, какъ ни близко была знакома съ ихъ дурными сторонами и недостатками, они все-таки готовили ей еще нежданные и нежеланные сюрпризы.

Вытянувшись впередъ, выпятивъ подбородокъ и втянувъ грудь, Ракадо напомнилъ ей собаку, которая лаетъ, но безъ шума. Мушфренъ, сидя, тоже поразилъ ее своимъ испуганнымъ видомъ.

Они молча переглянулись и умолкли.

— Ложись!—грубо приказалъ ей Ракадо и задулъ свѣчу.

Но черезъ полчаса опять зажегъ и, съ измѣнившимся лицомъ, принялся писать отцу коротко, но искренно:

„Прости меня, отецъ, за все, чтò я до сихъ поръ писалъ тебѣ; но вѣдь когда человѣка теребятъ со всѣхъ сторонъ, поневолѣ онъ можетъ измѣниться. Итакъ, жду къ 22-му означенную сумму; пожалуйста же, вспомни обо мнѣ и не забудь: мнѣ придется выбирать одно изъ двухъ: или смерть, или позоръ“!

Отвѣтомъ (окончательнымъ на этотъ разъ) былъ рѣшительный отказъ отца выслать требуемую сумму:—„Я знать ничего больше не хочу,—писалъ старикъ,—и лучше буду жить беззаботно, нежели получать отъ друзей такой пріемъ, который мнѣ пришлось встрѣтить на дняхъ, когда я просилъ взаймы денегъ. Ты, вѣрно, связался съ негодяями; а мнѣ ужъ не по лѣтамъ переносить такіе отказы“.

IX.

Тайное дѣло.

I.

Г-жа Алисонъ недостаточно цѣнила Стюреля, обращеніе котораго казалось ей *натянутымъ*, и въ одинъ прекрасный день спросила:

— А что̀, получили вы свою субсидію?

Стюрель обидѣлся, но отвѣчалъ:

— Я вышелъ изъ состава „Настоящей Республики"; ея издатель, кажется, хочетъ ее поддержать, но меня это совершенно не касается.

— Г-нъ Стюрель не солидаренъ съ людьми, для которыхъ онъ скорѣе благодѣтель, нежели другъ и товарищъ, — вступилась Тереза.

— Да я ни въ чемъ его не обвиняю; я только сожалѣю, что г. Стюрель теряетъ удобный случай заниматься, какъ бы ему хотѣлось,—возразила мать, въ сущности не питавшая къ нему никакой злобы.

Дочь пожурила ее за обиду и, чтобъ загладить дурное впечатлѣніе, пригласила Франсуа на прогулку вечеромъ въ Булонскомъ-Лѣсу. Съ ними поѣхала г-жа Кулонво̀, и молодые люди, были предоставлены самимъ себѣ. У моста въ Сенъ-Клу они вышли изъ коляски и не спѣша пошли вдоль перилъ, оставивъ позади обѣихъ почтенныхъ дамъ. Подъ мостомъ, облитыя луннымъ свѣтомъ, клубились волны Сены, и, молча, молодые люди склонились надъ ними, любуясь ихъ игрой. Въ полутьмѣ ночи, Тереза казалась Стюрелю какой-то нѣжной, миніатюрной и воздушной феей, передъ которой онъ былъ лишь грубый и недостойный рабъ. Его чувства, его заботы и благоговѣніе какъ бы обвиваютъ молодую дѣвушку невидимой пеленой, сотканной изъ преданности, дружбы, ласки...

Въ лѣтній вечеръ ярко загораются огнями прибрежныя кафе̂; но отъ ихъ грубаго разгула Терезѣ хочется уйти подальше, и, сдѣлавъ знакъ рукой по направленію къ экипажу, она пошла со своимъ спутникомъ къ Французской аллеѣ, которая выходитъ на набережную. На ближайшихъ скамейкахъ виднѣются парочки влюбленныхъ, которые близко жмутся другъ къ другу. Словъ не

слышно; но таинственная полутьма, мягкій свѣтъ луны, сплетшіяся вѣтви деревъ, отъ которыхъ вѣетъ ночной прохладой, вся эта тишина смущаютъ Терезу и Стюреля. Молодая дѣвушка говоритъ ему потихоньку, что и въ прошломъ году она приходила на эту же самую скамейку; но вскорѣ умолкаетъ, и они, уже молча, возвращаются къ коляскѣ, гдѣ разговоръ идетъ о Гюго, здоровье котораго газеты называютъ шаткимъ. Да оно и понятно: восьмидесяти-трехлѣтнему старцу трудно перенести воспаленіе въ легкихъ, если у него сердце плохо.

Проѣзжая по набережной, г-жа Алисонъ вдругъ наклонилась впередъ и проговорила:

— Ахъ, бѣдная!.. Гдѣ ужъ тутъ найти экипажъ!

Со стороны дороги обрисовался изящный обликъ женщины съ зонтикомъ въ рукахъ: она сдѣлала движеніе, какъ бы махая кучеру. Съ нею идутъ два какихъ-то субъекта, которые, однако, не вторятъ ей жестами. Жаль бѣдную женщину; она устала и вѣрно не знаетъ дороги, потому что все идетъ впередъ, удаляясь отъ Парижа. Но это еще не объясняетъ, почему Стюрель вздрогнулъ, взглянувъ на нее. Тереза удивляется про себя, что ея другъ не предложилъ, что пересядетъ на козлы и уступитъ свое мѣсто незнакомкѣ. Но для Стюреля это не незнакомка: онъ сразу узналъ въ ней красавицу Астину съ страшно напряженнымъ, испуганнымъ выраженіемъ на лицѣ. А эти бродяги въ шапкахъ, низко надвинутыхъ на лобъ, чтобъ скрыть лицо отъ узкой полосы луннаго свѣта, развѣ это не Ракадо и Мушфренъ со своимъ неизмѣннымъ портфелемъ - трубкой подъмышкой?..

Тереза печально призадумалась: пожалѣла, что въ своемъ эгоизмѣ счастливой женщины не пришла на помощь бѣдной незнакомкѣ. Ужасъ и какъ бы предчувствіе кровавой развязки сковали члены Стюреля; и впослѣдствіи онъ не могъ безъ содроганія вспомнить, что предоставилъ несчастную ея судьбѣ... Но, быть можетъ, она и сама хотѣла съ собою покончить?..

Въ восемь часовъ вечера, когда Астина Аравіанъ шла къ своимъ знакомымъ, чтобы вмѣстѣ съ ними отправиться въ театръ, Мушфренъ и Ракадо подстерегли ее на улицѣ и, несмотря на свое смущеніе при видѣ ея блестящаго наряда и пышной красоты, успѣли уговорить ее промѣнять вечеръ въ театрѣ съ друзьями на прогулку по пустынному прибрежью Сены. Больше всего любила она эти прогулки. Ракадо самъ усадилъ ее въ эки-

пажъ и, подъ предлогомъ спѣшной справки, удалился; они съѣхались съ нею (каждый порознь) у моста Нейльи и тотчасъ же отослали экипажъ. Шапки у нихъ были нахлобучены такимъ образомъ, чтобъ ея кучеръ не могъ разглядѣть ихъ лицо. Довольно долго шли они все дальше въ глушь и, наконецъ, объявили, что не туда зашли; Астина пожалѣла, что отпустила экипажъ. Нѣсколько разъ, противъ воли своихъ спутниковъ, она пыталась позвать извозчика; но напрасно!

А впереди было страшное, пустынное пространство.

— Ну, Ракадо, будьте же любезны и отведите меня поскорѣе домой. Я вамъ за это обѣщаю субсидію для вашей газеты.

И Ракадо какъ будто бы поддался увѣщанью.

— Обопритесь на насъ хорошенько: мы не изъ слабенькихъ!—проговорилъ онъ; оба насильно взяли подъ-руки молодую женщину и зашагали впередъ такъ стремительно, что раза два она оборвала свою кружевную юбку. Они не идутъ, они мчатся вдоль по шоссейной дорогѣ, которая сажени на двѣ тянется надъ мрачными водами Сены. Какъ одинъ и тотъ же порывъ вѣтра гонитъ ихъ теченіе, такъ одно и то же чувство сжимаетъ сердце троихъ путниковъ среди безлюдной, унылой мѣстности. Вотъ уже двадцать минутъ, какъ они никого не встрѣчаютъ.

Сжимая локоть молодой женщины, Мушфренъ невольно заставляетъ ее нагибаться.

Вдругъ Астина вырвалась и побѣжала. Негодяи—за ней.

Трагизмомъ вѣяло отъ темнаго неба, отъ безумнаго бѣгства людей, стремившихся нагнать и прикончить жертву, которая могла бы только возбуждать ихъ страстныя вожделѣнія. Что̀ за крикъ отдавался въ ночномъ воздухѣ! Что за жалобные возгласы и стоны!

— Негодяй!—задыхаясь, выкрикнула несчастная, когда ее нагнали, и она увидала, что Ракадо занесъ надъ нею свою могучую руку. Лицо его выражало неумолимую жестовость; круглые глаза налились кровью...

Минутъ десять еще раздавались стоны... Астина Аравіанъ лежала на землѣ, сраженная ударомъ молотка по виску, изъ котораго брызнула струя крови, обагрившая веселенькую сизую пташку на ея шляпкѣ. Въ глубокихъ потемкахъ свершилось ужасное дѣло и кануло безслѣдно ощущеніе, которое, быть можетъ, испытала красавица, умирая. Богъ вѣсть, было ли ей время хотя бы подумать: „Ахъ, какъ обидно умирать“!

Убійцы долго наносили ей удары зря,—словно какому-нибудь непобѣдимому кумиру или злѣйшему врагу.

Дрожащими руками они рвутъ на ней кружева и платье, срываютъ бирюзу и жемчугъ. Окровавленную голову своей жертвы они уносятъ подальше и зарываютъ въ землю, а на берегу, въ крови, остается обнаженное тѣло, брошенное негодяями подъ открытымъ небомъ.

II.

На слѣдующій день послѣ описанныхъ выше происшествій въ газетахъ появились тревожныя извѣстія о болѣзни Виктора Гюго. Маститый старецъ страдалъ удушьемъ, и ему дѣлали подкожныя впрыскиванія морфіемъ; питался онъ только бульономъ; обнималъ своихъ внуковъ; пожималъ руки друзьямъ и товарищамъ...

Съ тревожнымъ напряженіемъ вся Франція слѣдила за явнымъ приближеніемъ смерти; поэты просиживали ночи напролетъ передъ домомъ великаго патріота, читая въ портерной его стихи. Что ни часъ, то они подходили къ нему подъ окно, и оттуда къ нимъ доносились самыя послѣднія вѣсти о его здоровьѣ.

Съ утра пронеслись тревожные слухи: Гюго простился со своей внучкой Жанной; началась агонія. 22-го мая, весь Парижъ встрепенулся, когда въ столбцѣ „Новѣйшія Извѣстія“ всеобщее вниманіе привлекъ бюллетень, за подписью трехъ докторовъ, напечатанный жирнымъ шрифтомъ:

„Положеніе чрезвычайно опасное. 9 час. 20 мин. утра“.

И тутъ же, по близости, въ „Дневникѣ приключеній“, Стюрель съ ужасомъ увидалъ слѣдующія строки:

„Сегодня, на разсвѣтѣ, въ прибрежныхъ пустыряхъ Бильянкура обнаружено мертвое тѣло женскаго пола, обезглавленное и совершенно обнаженное. Прохожіе, которые замѣтили его, были поражены его несравненной красотою. До настоящей минуты еще не удалось установить личность убитой“...

На лбу Стюреля выступилъ холодный потъ. Онъ поспѣшилъ вернуться къ себѣ и заперся на ключъ, двигаясь какъ автоматъ. Ему не хотѣлось никуда идти: хотѣлось только побороть въ себѣ желаніе идти *туда*... провѣрить! Но это влеченіе было такъ сильно, такъ настоятельно, что онъ въ пять часовъ дня былъ уже на дорогѣ въ „Моргъ“. На углу улицы Вивьенъ его остановилъ громкій крикъ газетчика:

— *Смерть Виктора Гюго!..*

И въ эту минуту всѣ его личныя бѣды и тревоги отошли

на заднiй планъ: главное теперь—воздать божеское поклоненiе кумиру почти всего просвѣщеннаго человѣчества.

Одинъ изъ свидѣтелей кончины великаго человѣка говоритъ о ней такъ:

„Чрезвычайно больно было слышать предсмертное клокотанье въ горлѣ умирающаго. Сначала оно походило на рѣзкiй шумъ морского прибоя, потомъ этотъ шумъ сталъ слабѣе и, наконецъ, умолкъ совершенно. Кто-то подошелъ къ часамъ и сломалъ пружину: они стали на 12 час. 27 мин. пополудни“.

Хоть и не было въ палатѣ засѣданiй, но зала и корридоры кишѣли народомъ. Депутаты и журналисты поджидали дальнѣйшихъ вѣстей, которыя пришли въ 12 час. 50 минутъ:

„Викторъ Гюго скончался въ половинѣ перваго пополудни. Всѣ заспѣшили; всѣ ринулись къ дому покойнаго поклониться его праху, приблизиться къ ореолу его славы... Городской совѣтъ, прервавъ засѣданiе, двинулся туда же. Ходили слухи, что великiй учитель и отецъ народа будетъ погребенъ на счетъ государства и положенъ въ Пантеонъ, а пока будетъ выставленъ подъ сводами Трiумфальныхъ-воротъ. Весь просвѣщенный мiръ углубился въ составленiе сочувственныхъ телеграммъ, которыя бурнымъ потокомъ готовились нахлынуть со всѣхъ сторонъ. И, читая ихъ, у многихъ навернутся на глаза чистыя слезы умиленiя и любви къ славному герою“.

„Было бы непростительной мелочностью, — подумалъ Стюрель, — отвлекаться въ сторону отъ такого многознаменательнаго событiя и обратить свое вниманiе на трупъ женщины, покончившей свое существованiе какъ какая-нибудь безъ слѣда уничтоженная вещь“.

23-го мая, рядомъ съ длинными столбцами восторженныхъ похвалъ Виктору Гюго и сердечнаго излiянiя печали всего мiра, Стюрель увидалъ опять нѣкоторыя свѣдѣнiя о „преступленiи въ Бильянкурѣ“: за недостаткомъ указанiй, которыя могли бы дать полицiи лицо и одежда жертвы, производились тщательные поиски вдоль Сены и въ окрестностяхъ ея.

„Настоящая Республика“ въ тотъ же день напечатала объявленiе о лекцiи Ракадо, назначенной на 26-е число, во вторникъ. Незамѣтно Франсуа дошелъ до „Морга“ и тамъ чуть не лишился чувствъ...

Несмотря на то, что тѣло убитой было прикрыто, Стюрелю говорило что-то—это она; но какъ рѣшиться сказать властямъ, кто она, и кàкъ, и почему онъ ее узналъ? Онъ ушелъ съ тяжелымъ сердцемъ и дня три провелъ вдали отъ людей, не видя

даже Терезы Алисонъ и находя себѣ единственную отраду въ бесѣдѣ съ природой. Но газеты 26-го мая окончательно разсѣяли его сомнѣнія: тѣло Астины было узнано. По тому ужасу, который охватилъ его, Стюрель могъ убѣдиться, что все еще любитъ эту красавицу-армянку, хотя разлука съ нею и не особенно была ему ощутительна: благодаря своей вѣрѣ въ жизнь, онъ былъ убѣжденъ, что придетъ время, когда они опять сойдутся какъ друзья, во многомъ понимающіе другъ друга, какъ понимала нѣкогда чувства и ощущенія Стюреля только одна Астина. Убѣдившись въ ея смерти, Стюрель лишенъ даже возможности спокойно оплакивать ее; онъ съ ужасомъ вопрошаетъ себя объ участи Мушфрена и Ракадо. Его влечетъ къ нимъ безотчетное чувство, присущее убійцамъ, которыхъ тянетъ взглянуть еще хоть разъ на мѣсто преступленія. Вотъ почему вечеромъ 26-го онъ пошелъ на лекцію Ракадо.

Тамъ уже было человѣкъ тридцать въ сборѣ,—бо̀льшею частію завсегдатаи портерной, которымъ раздала билеты Леонтина, или пріятели Ремерспахера, Стюреля и Сенъ-Флена. „Настоящей" публики газета не съумѣла привлечь. Небольшія кучки собравшихся болтали, посмѣивались, выражая свое пренебрежительное отношеніе къ лектору, котораго они пришли слушать. Въ девять часовъ начали впускать желающихъ; въ половинѣ десятаго Ракадо поднялся на эстраду и занялъ мѣсто за столикомъ, крытымъ зеленымъ сукномъ. Не говоря уже о томъ, что онъ сбрилъ себѣ бороду, онъ вообще произвелъ на товарищей впечатлѣніе человѣка, который только-что всталъ послѣ легкаго бронхита и заявляетъ знакомымъ:

— Доктора говорятъ, что у меня чахотка!

Онъ разложилъ на столѣ кой-какія бумаги и началъ говорить...

Зная тонъ и общій характеръ его писемъ къ отцу, можно было смѣло утверждать, что Ракадо-ораторъ столько же похожъ въ эту минуту на Ракадо-земледѣльца, сколько Сара Бернаръ, играющая Федру—на самоё Федру. Изъ статей Ремерспахера и Стюреля, помѣщенныхъ въ „Настоящей Республикѣ", онъ составилъ себѣ докладъ, который дополнилъ, для разнообразія, кой-какими воззрѣніями на Виктора Гюго и назвалъ статью: „Новая правда о нравственности". Тема эта была отвлеченная, но онъ сдѣлалъ ее современною, приплетя различныя воззрѣнія на Виктора Гюго, которыя почерпнулъ въ то же утро изъ одной газетной статьи.

— Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами о Викторѣ Гюго,—

началъ онъ.—Конечно, некрологи составлены подъ впечатлѣніемъ обстановки, окружающей его смертный одръ; а это вѣдь цѣлый придворный штатъ личностей весьма посредственнаго развитія...

Въ рядахъ слушателей раздались легкія возраженія.

— Викторъ Гюго былъ выразителемъ не современной истины, а только воззрѣній, которыя казались достойными этого названія мало-образованнымъ людямъ 1848 года,—продолжалъ ораторъ. —Жаль, что онъ умеръ не тогда, когда по справедливости можно было восхвалять его; тогда намъ, вѣроятно, не пришлось бы терять время на разсужденія о погребальномъ кажденіи, которое тогда ему по праву бы совершали. Но теперь, хоть насъ всего сорокъ человѣкъ, надо же имѣть храбрость признаться, что для него самого, да и для всѣхъ было прискорбно его чрезмѣрное долгоденствіе...

Восклицанія, которыя прервали его рѣчь, слились въ порывистый гулъ; затѣмъ любопытство взяло верхъ: каждый подумалъ, что будетъ потѣха, и нѣсколько голосовъ прокричало:

— Слушайте! Слушайте!..

Ракадо, повидимому, нимало не смущался; скорѣе—наоборотъ.

— Вотъ еще! Велика фигура—Гюго! Его лесть парижанамъ меня не касается; я вѣдь не здѣшній! Что же касается его выспреннихъ мечтаній о томъ, что образованность будто бы уничтожитъ злобу и нужду... Я его считаю просто льстецомъ.

Взрывъ веселаго смѣха перебилъ его. Очевидно, Ракадо былъ единственнымъ противникомъ общаго мнѣнія всей Франціи, которая сплотилась вокругъ великаго старца.

— Продолжайте, г. Ракадо! Дураки, реакціонеры могутъ убираться вонъ!

Всѣ стали искать, откуда раздавался голосъ, и увидѣли тощаго, косматаго полуребенка—Фанфурно. Собраніе стало еще веселѣе. Возмущаться—значило бы придавать слишкомъ серьезное значеніе словамъ и, очевидно, словамъ несимпатичнымъ, которыми такъ смѣло сыпалъ неумѣлый ораторъ.

— Тщетно оскорблялъ Гюго всѣ вѣроученія: въ сущности, онъ самъ лишь читалъ тѣ же церковныя проповѣди, только загроможденныя лестью. Вотъ, напримѣръ, устарѣлое выраженіе: *долгъ, обязанность;* бросимъ его! Это—простой инстинктъ, который вложила въ насъ природа, сама поучая насъ наглядными примѣрами. Чему же она учитъ насъ? Жить на счетъ ближняго; жить непремѣнно и во что̀ бы то ни стало, — вотъ чему она учитъ! Слово *братство*—слово лживое и пустое! надо замѣнить его паразитизмомъ. Еслибъ Викторъ Гюго не былъ плѣненъ ста-

рыми убѣжденіями, на которыя онъ какъ будто нападалъ, ему слѣдовало бы посвятить себя воспѣванію именно этого понятія, этого слова!..

Перейдя затѣмъ къ смыслу статей „одного изъ наиболѣе блестящихъ сотрудниковъ „Настоящей Республики", г. Мориса Ремерспахера, Ракадо замѣтилъ, что онъ въ цѣломъ рядѣ „блестящихъ" статей развивалъ мысль о необходимости для человѣка сообразоваться съ законами природы;—о томъ, какъ и самъ Тэнъ находилъ подтвержденіе этому въ лицѣ своего знаменитаго дерева.

— И что же, господа? Я самъ видѣлъ это дерево; но видѣлъ и то, что оно могло обезпечить себѣ существованіе лишь въ ущербъ двумъ своимъ сосѣдямъ; я изучилъ его и имѣю основаніе думать, что оно заглушило, уничтожило еще третье, которое пришлось совсѣмъ удалить...

— Въ этомъ есть доля правды, — шепнулъ Ремерспахеръ Стюрелю: — необходимо открыть новыя основы нравственности; но какимъ ничтожествомъ вѣетъ отъ его морали! Бѣдняга нравственно разслабленъ...

Стюрель вздрогнулъ. И въ самомъ дѣлѣ, передъ нимъ былъ какой-то жалкій и новый для него человѣкъ, но отнюдь не та совокупность давно знакомыхъ чертъ характера и воззрѣній, которую онъ столько лѣтъ обобщалъ подъ именемъ Ракадо. Теперь единственная его связь съ этимъ субъектомъ—напряженный вопросъ, который онъ силится разрѣшить, разглядывая его: „Убилъ онъ, или нѣтъ"?

Въ заключеніе, ни для кого не пріятный ораторъ объявилъ, что люди были бы совершенно счастливы, если бы нашъ разумъ, вмѣсто того, чтобы создавать намъ обманчивыя и безсильныя тонкости нравственности, такъ же, какъ и наука, подтверждалъ мысль, что всякое живое существо имѣетъ право „властвовать надъ другими, какъ полноправный властелинъ".

— Ну, въ этомъ принципѣ „цезаризма" ты повиненъ,—замѣтилъ Ремерспахеръ Стюрелю.—Это онъ говоритъ въ отместку твоей рѣчи на могилѣ Наполеона.

Ораторъ кончилъ. Ни звука, ни апплодисмента, — если не считать возгласовъ Фанфурно. Слушатели вышли вонъ молча, и Фанфурно съ ненавистью указалъ на нихъ Ракадо:

— Ужъ и рѣзали жъ вы имъ правду въ глаза!

Ремерспахеръ замѣтилъ Ракадо:

— Твой „паразитизмъ" могъ бы оказаться и справедливымъ, еслибъ человѣкъ жилъ уединенно, въ сторонѣ отъ общества

людей; но человѣкъ—животное, склонное къ общественной жизни, къ политической совмѣстной дѣятельности. А потому самое лучшее для него—уважать общество, которое ему даетъ все, что у него есть, и которое, впрочемъ, съумѣетъ заставить уважать себя!

По совѣсти, онъ считалъ это возраженіе необходимымъ, но въ то же время ему жаль стало бѣдняка, который изъ кожи лѣзъ, чтобъ заработать жалкіе тридцать франковъ, и онъ предложилъ, хлопнувъ его по плечу:

— Ты вѣрно хочешь пить? Пойдемъ, выпьемъ кружку пива!

Ракадо отказывался, говоря, что не можетъ оставить Леонтину; но товарищамъ удалось уговорить ихъ обоихъ. Мушфренъ куда-то исчезъ, а всѣ остальные вскорѣ усѣлись вокругъ столика въ портерной.

— А все-таки я говорилъ правду!—во время бесѣды замѣтилъ Ракадо.—Дѣтства своего я не помню; помню лицей, да и то не самый лицей, не тотъ, который состоялъ изъ Виргилія, Боссюэ, Бутельé, а изъ васъ всѣхъ! Чему жъ вы учите меня, чему? Тому, что каждый долженъ самъ стоять за себя. Тому, что если у кого и есть средства,—тотъ не раздѣлитъ ихъ со мною!

Обыкновенно говорливая, Леонтина молчала; молчали и всѣ остальные; а на нее жалко было смотрѣть. Чтобы оживить грустную пирушку, Реноденъ сказалъ:

— А знаешь, Ракадо: говорятъ, убитая-то женщина писала въ „Настоящей Республикѣ“?

Онъ не зналъ ничего про близость къ ней Стюреля, какъ не зналъ, кто она собственно такая. Товарищи видѣли, какъ поблѣднѣлъ Стюрель, и не рѣшились разспрашивать его, а Ракадо, полуприкрывъ вѣками глаза, принялъ такую позу, которая навела бы внимательнаго наблюдателя на мысль, что онъ собирается съ духомъ для неизбѣжной борьбы, и что сердце его готово разорваться, до того оно сильно бьется.

— Но ты-то знаешь эту женщину... ты помнишь ее? Видѣлся ты съ нею хоть иногда?—спросилъ онъ Стюреля.

Послѣдній только отрицательно качнулъ головой и глазъ не спускалъ съ лица товарища, на которомъ какъ будто яснѣе прежняго была написана хитрость.

— Что она писала въ „Настоящей Республикѣ“,—это невѣрно,—продолжалъ Ракадо:—но я ей оказалъ кой-какія услуги... Впрочемъ, я собираюсь пойти сообщить все, мнѣ извѣстное, судебному слѣдователю. Сюре-Лефоръ будетъ мной руководить...

— Нельзя ли воспользоваться хорошенькимъ интервью?.. — спросилъ Реноденъ.

— Нѣтъ, благодарю! „Настоящая Республика" опять возродится. Я обдумываю только кое-какія соображенія.

Какъ имя убитой красавицы-армянки, такъ и слово „Республика" имъ было одинаково больно слышать.

— За процвѣтаніе „Настоящей Республики"!—предложилъ Ремерспахеръ, чтобы разсѣять тяжелое настроеніе.

Леонтина залилась слезами.

— Ну, чего плачешь? Послѣ завтра поѣдемъ за̀-городъ на цѣлый день,—утѣшалъ ее Ракадо.

— Развѣ вы уже не были за̀-городомъ вечеромъ, въ четвергъ?..— спросилъ его Стюрель такимъ грубымъ тономъ, который всѣхъ поразилъ.

— Нѣтъ, я провелъ весь день и весь вечеръ съ Леонтиной,—возразилъ Ракадо и тотчасъ же закричалъ на гарсона за то, что тотъ долго не подавалъ ему пера и чернилъ.

Всѣмъ какъ-то тяжело дышалось. Ракадо усѣлся, и Сюре-Лефоръ принялся ему диктовать заявленіе къ слѣдователю, которому было поручено дѣло.

III.

Всѣ эти дни Стюрель терзается тяжелыми думами, неразрѣшимыми сомнѣніями. Его мучаетъ вопросъ, не отъ него ли и отъ остальныхъ товарищей нахватался Ракадо воззрѣній, которыя его погубили? Не исполнилъ ли бы онъ, Стюрель, свой долгъ, еслибъ сказалъ Ракадо, глядя прямо ему въ глаза:—А я вѣдь, пріятель, встрѣтилъ тебя вмѣстѣ съ Мушфреномъ и Астиной Аравіанъ, на берегу въ Бильянкурѣ!

Но почему же онъ такъ не сдѣлалъ? Или его удержало разсужденіе всѣхъ благоразумныхъ людей:—„Чего мнѣ соваться въ эту грязь? Она только запачкаетъ и смутитъ мой душевный покой! И наконецъ, что̀ за честь быть близкимъ къ грабителямъ и убійцамъ? Да притомъ еще въ такое время, когда и я тоже такъ живо сочувствую славѣ Виктора Гюго"?

Но нѣтъ! Въ сущности, Стюрель только, такъ сказать, топчется на мѣстѣ, а впередъ не двигается ни на шагъ въ своихъ разсужденіяхъ... Въ среду, 27-го мая, ему, впрочемъ удалось себя увѣрить, что онъ остановился на рѣшеніи выждать послѣдствія бесѣды Ракадо со слѣдователемъ. 27-го, 28-го, 29-го онъ метался, не

находя себѣ мѣста; ходилъ то въ кафе, то въ портерную..., Реноденъ живо интересовался нѣкимъ генераломъ Буланже, у котораго вышли какія-то распри съ генеральнымъ консуломъ въ Тунисѣ; Ремерспахеръ ссорился съ Лефоромъ по поводу вопроса о политическомъ значеніи Виктора Гюго... Посреди патріотическихъ хлопотъ и волненій, на спорахъ товарищей или въ думахъ о мучительномъ вопросѣ совѣсти по поводу убійства,— всегда и повсюду Стюрель чувствовалъ себя теперь растеряннымъ и одинокимъ.

О „преступленіи въ Бильянкурѣ" всѣ позабыли и думать; все вниманіе было сосредоточено на волѣ покойнаго поэта, на прощаніи съ нимъ народа, на его погребеніи, на его завѣщаніи:

„Я отказываюсь отъ церковныхъ молитвъ; но каждаго прошу въ душѣ молиться за меня"...

И Стюрель пожелалъ, чтобы ничто его больше не отвлекало отъ исполненія этого святого долга...

Но вотъ въ воскресенье утромъ, когда онъ былъ еще въ постели, до него долетѣлъ крикъ газетчиковъ:

— Убійца арестованъ!

Наканунѣ, то-есть, въ субботу, 30-го мая, Ракадо былъ вызванъ къ судебному слѣдователю, который получилъ его заявленіе.

Почти въ полдень Ракадо просилъ передать свою карточку; но прошелъ цѣлый часъ, а онъ все еще поджидалъ, чтобъ его пригласили войти, и наконецъ подвинулся поближе къ полицейскому, который возсѣдалъ за какой-то конторкой на возвышеніи, какъ „пѣшка" (учитель) въ лицеѣ.

— Какъ вамъ кажется, долго мнѣ дожидаться? — спросилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто бы хотѣлъ сказать:—„Вы не повѣрите, какъ это скучно! Я потратилъ время на то, чтобы придти на помощь правосудію; положимъ, я пришелъ по доброй волѣ, но согласитесь, что каждый долженъ съ своей стороны приложить стараніе"...

Этотъ дипломатическій пріемъ оказывается излишнимъ: сторожа и полицейскіе только о томъ и думаютъ, какъ бы болтать между собою. Ракадо пошелъ походить по коррилору; ему то-и-дѣло попадались защитники,—эти тюремныя крысы, которыя здѣсь чувствуютъ себя какъ дома. Отдаваясь своимъ мыслямъ, онъ только всѣми силами старался проникнуться сознаніемъ своей невинности, для того, чтобы войти въ роль человѣка, который „ничего не знаетъ, ни въ чемъ не виноватъ"...

И, наконецъ, кто можетъ его уличить? Ужъ конечно не Мушфренъ, его сообщникъ, и не Леонтина: имъ чистая выгода скрыть концы; да они, кстати, дали клятву—присягнуть, въ случаѣ необходимости, что онъ, Ракадо, провелъ съ ними весь день и весь вечеръ 21-го мая...

Возбуждающее средство скоро помогаетъ, но и скоро утрачиваетъ свое доброе вліяніе; такъ было и съ храбростью Ракадо. На короткое время приливъ ея выручилъ его; но продолжительность ожиданія, неизвѣстность, отняли у него увѣренность въ благополучномъ исходѣ свиданія съ представителемъ суда, и онъ почти желалъ, чтобы на сегодня пріемъ вовсе не состоялся.

Вдругъ его неожиданно позвали, и онъ очутился наединѣ съ судебнымъ слѣдователемъ, который вѣжливо обратился къ нему:

— Вы пожелали дать намъ свѣдѣнія о г-жѣ Аравіанъ? Къ присягѣ я васъ не привожу; посмотрю только, можно ли будетъ вызвать васъ въ качествѣ свидѣтеля. Угодно вамъ будетъ сообщить, что̀ именно вамъ извѣстно?

Въ этой маленькой комнаткѣ, одинъ съ чужимъ для него человѣкомъ, Ракадо чувствовалъ себя жутко, и дорого бы далъ за добрый взглядъ, за плоскую шутку! Всю жизнь ему ласки не хватало... а эти оффиціальные представители закона такъ противны!..

Онъ заговорилъ; и самый звукъ его голоса придалъ ему смѣлости; онъ избѣгалъ упоминанія о Мушфренѣ, а только сказалъ, что Астина сама приходила просить напечатать въ его газетѣ статью о положеніи французовъ за границей. Такимъ образомъ онъ, Ракадо, имѣлъ возможность послужить своимъ соотечественникамъ и оказать услугу этой дамѣ. Онъ слышалъ, что ей нравилось посѣщать притоны и трактиры низкопробнаго общества, какъ это дѣлалъ принцъ Уэльскій. Что̀ же мудренаго, если ей, пожалуй, пришлось имѣть дѣло съ какими-нибудь бродягами?

Слѣдователь задалъ ему вопросъ, другой, и поблагодарилъ, прощаясь съ нимъ. Отъ восторга, что все сошло благополучно, Ракадо сталъ какъ-то вдругъ развязнѣе, моложе и, прилагая страшное стараніе, чтобы держаться совершенно непринужденно, пошелъ къ выходу, который былъ на разстояніи какихъ-нибудь трехъ-четырехъ шаговъ.

Въ эту минуту, больше для того, чтобъ только что-нибудь сказать, нежели для очистки совѣсти, слѣдователь спросилъ небрежно—ему во слѣдъ:

— Вы сбрили бороду, г. Ракадо?

— Бороду?.. Да!.. Нѣтъ...—забормоталъ несчастный, и какъ

на грѣхъ, ему вдругъ вспомнились всѣ, какіе онъ слышалъ, разсказы объ искусствѣ судейскихъ ловить преступниковъ невзначай, въ послѣднюю минуту, когда тѣ уже успокоились, что они свободны.

— Но... что̀ съ вами? Вы страшно поблѣднѣли; вы упадете... Сядьте!

Поблѣднѣвшій, дрожащій Ракадо опустился на стулъ. Слѣдователь не крикнулъ надъ нимъ громовымъ голосомъ:—Несчастный! Ты выдалъ себя!..—но молча, пристально посмотрѣлъ на него и, наконецъ, проговорилъ:

— Я вынужденъ васъ задержать. Я васъ не арестую, не пошлю въ Мазасъ, но вы должны остаться здѣсь, чтобъ быть у меня подъ рукою.

Ракадо принялся плакать, умолять; но, увидавъ, что это ни къ чему не поведетъ, пришелъ въ неограниченную ярость. Онъ грозилъ именемъ Бутельѐ; онъ кричалъ, что прикажетъ смѣстить чиновника и сторожей; что всѣ судьи и судейскіе—„юбочники"... и, рванувъ со стола зеленое сукно, сбросилъ на полъ чернильницу, книги, бумаги и даже часы...

— Отъ роду еще не видывалъ я такихъ неловкихъ преступниковъ!—убѣжденно произнесъ чиновникъ.

Въ корридорѣ на шумъ столпились служащіе и защитники; послѣдніе—не безъ злорадства по адресу журналиста, который для нихъ представлялъ вѣчно враждующій и враждебный лагерь. Но вотъ дверь распахнулась, и въ нее вылетѣлъ Ракадо.

— Прочь, богачи, мошенники и тунеядцы!—закричалъ онъ, потрясая въ воздухѣ руками.

Тщетно уговаривали его сторожа предпочесть обычный, благородный выходъ непріятному, т.-е. въ маленькую дверцу, которую они уже открыли слѣва отъ главнаго входа. Эта дверца захлопнулась за нимъ подъ грохотъ адвокатскаго веселья.

Очутившись съ нимъ наединѣ, безъ свидѣтелей, сторожа набросились на него, повалили и принялись тузить, преимущественно въ грудь и въ лицо. Но, вотъ, послышались торопливые шаги несчастнаго внизъ по витой лѣсенкѣ, и все затихло.

Его усмирили...

Для Стюреля ясно, что въ его рукахъ жизнь Ракадо и Муффрена. Онъ долженъ самъ рѣшить, суждено ли имъ сложить голову на плахѣ. Сто̀итъ ему только появиться и сказать:

— Я видѣлъ ихъ обоихъ вмѣстѣ съ убитой.

Да, они убійцы! На нихъ кровь его возлюбленной, его подруги!

По мѣрѣ того, какъ въ немъ закипала злоба, его сознаніе прояснялось, и у него ужъ не осталось ни тѣни сомнѣнія въ томъ, что его обязанность—предать преступныхъ товарищей въ руки правосудія.

„Такъ и порѣшимъ“! — заключилъ онъ свои пространныя думы.

Но разъ придя къ такому опредѣленному рѣшенію, онъ не спѣшилъ его выполненіемъ, зная, что, все равно, виноватые не уйдутъ отъ возмездія.

Онъ занялся чтеніемъ; но ему не читалось.

„Негодяи! — думалъ онъ. — Да, негодяи, отъ которыхъ необходимо очистить общество; но мое ли это дѣло? Говорилъ ли я когда, что слѣдуетъ уважать общественные порядки и тѣ условія, которыя ими управляютъ? Поступалъ ли я самъ, заботился ли всегда поступать, имѣя въ виду лишь общественное благо? Относился ли я серьезно къ бѣдственному положенію Мушфрена, которому случалось голодать“?...

И его воображеніе живо рисовало ему картины того, чтò произойдетъ, если онъ выдастъ этого бѣдняка. Конечно, эту вѣсть разнесутъ повсюду газеты; и земляки, читая, будутъ величать его то „доносчикомъ“, то „человѣкомъ, благодаря которому“... и т. д. Но все-таки отъ правды онъ не уйдетъ, а эта правда такова: оба, и Стюрель, и Мушфренъ—уроженцы Невшатò; оба вмѣстѣ уѣхали въ лицей Нанси и вмѣстѣ вышли оттуда; затѣмъ Мушфренъ исхудалъ отъ трехлѣтней голодовки, а Стюрель въ довершеніе всего послалъ его на плаху!.. Ему чудится, что всѣ они, товарищи, пошли на приступъ, брать Парижъ; вотъ они въ него вступаютъ бодрые, молодые; вотъ изо всѣхъ окошекъ въ нихъ мѣтятся, стрѣляютъ... Двое ранены: Мушфренъ и Ракадо. А онъ, счастливецъ Стюрель, живъ и невредимъ, бросается впередъ, выбиваетъ ихъ изъ сѣдла, помогаетъ выбрасывать ихъ трупы въ помойную яму...

Отъ ужаса, что онъ дѣйствительно такой злодѣй и доносчикъ, холодный потъ выступаетъ у него на лбу. Напрасно гудитъ надъ нимъ обѣденный колокольчикъ; Стюрель ничего не видитъ и не слышитъ. Сумерки сгустились; изъ окна ему видно, какъ фонарщикъ своей длиннѣйшей палкой съ фитилемъ зажигаетъ уличные фонари. Самый вздоръ, самыя пустыя и постороннія мелочи приходятъ ему въ голову; онъ старается въ темнотѣ забыться, присмирѣть, только бы постараться не чувствовать... не

жить! Онъ, какъ больной, не хочетъ думать о своей болѣзни, чтобы не обострить ее... Но въ то время, какъ онъ, было, ужъ успокоился на мысли, что его обязанность разыгрывать роль правосудія,—ему зашепталъ на ухо невѣдомый голосъ:

— „Что-жъ, и чудесно! Презирай эти дрязги и занимайся сотрудничествомъ болѣе усердно, чѣмъ когда-нибудь! Молодецъ! Безупречный товарищъ! Честь тебѣ и слава! Твое великодушіе, спасая жизнь двоимъ мерзавцамъ, завѣдомо дастъ имъ возможность найти себѣ еще другія жертвы"...

Съ ужасомъ возставая противъ такого оборота, Стюрель вскочилъ и побѣжалъ къ товарищамъ, которымъ откровенно разсказалъ, какъ было дѣло, взявъ клятву никому не говорить.

Ремерспахеръ рѣшилъ:

— Конечно, Мушфренъ сообщникъ Ракадо!

— Да; но не могу же я теперь одинъ взять на себя отвѣтственность за все; мы когда-то сплотились во-едино, такъ будемъ же и теперь дѣйствовать сообща.

— Проще всего, тебѣ бы не соваться,—замѣтилъ Сюре-Лефоръ:—затаскаютъ тебя по судамъ. Пусть ты ничего не видалъ и не слыхалъ... Брось ты это!

— По-моему, Мушфренъ и Ракадо равно зловредные члены общества,—заявилъ Ремерспахеръ:—довольно того, какъ поступилъ Мушфренъ съ товарищемъ своимъ, Сенъ-Фленомъ. Вспомните: мы и тогда вѣдь не одобрили его поступка. Теперь само правосудіе караетъ ихъ... Если ты хочешь ихъ щадить, Стюрель, зачѣмъ же ты признавался мнѣ? Я могу тебя упрекнуть, что ты мнѣ понапрасну навязалъ нравственное бремя. И, наконецъ, общественное мнѣніе не справляется, нищета или что̀ другое породило преступленіе: оно обязано карать преступника—и только!

Попросивъ товарищей ждать его обратно въ первомъ часу ночи, Стюрель смѣшался съ толпой, которая, какъ бурный потокъ, извиваясь, огибала Тріумфальную арку...

X.

Жертвы и Вутелье.

I.

Въ то воскресенье, 31-го мая, съ самаго разсвѣта члены семьи Виктора Гюго и двадцать человѣкъ членовъ представителей городского управленія проводили драгоцѣнные останки вели-

каго патріота до Тріумфальныхъ воротъ и торжественно водворили его тамъ на сутки, чтобы дать народу возможность ему поклониться. Десятитысячная толпа ужъ поджидала его.

— Шляпы долой!..—пронесся крикъ, когда гробъ былъ уже поставленъ на возвышеніи, подъ сводомъ.

Толпы народа подходили вереницей, не переставая; почетное дежурство состояло изъ получасовыхъ смѣнъ школьныхъ учениковъ, которымъ было нарочно назначено такое короткое дежурство, чтобы эта высокая честь могла осчастливить возможно бо̀льшее количество учащихся и, такъ сказать, подняла бы патріотическое чувство въ дѣтскихъ сердцахъ.

Всѣ эти дѣти, и развѣвающіяся черныя одежды, и украшенія, и толпы народа, терявшіяся вдали, — все это производило впечатлѣніе общаго усилія пигмеевъ удержать при себѣ великана. По мѣрѣ того, какъ проходилъ этотъ день, преисполненный волненій, возрасталъ торжественный подъемъ духа людей, которые передъ прахомъ великаго патріота чувствовали себя неизмѣримо ничтожнѣе, чѣмъ обыкновенно. Это сознаніе никого не унижало; оно, напротивъ, ободряло; оно побуждало всѣхъ сплотиться духомъ; оно призывало ихъ вѣрить въ силу духа,—силу, которая еще жива въ неподвижномъ тѣлѣ, распростертомъ предъ лицомъ несмѣтнаго множества его почитателей, пришедшихъ ему поклониться. Не всѣ, конечно, лица отражали восторженное чувство, не всѣ горѣли любовью къ родинѣ и къ „нему“, который такъ пламенно ее любилъ; были тутъ лица разгульныя, насмѣшливыя; но не было ни одного безчувственнаго, безучастнаго. Всю ночь провелъ народъ на улицахъ, на площадкахъ безъ сна. И, можетъ быть, въ ночь нашлось не мало и такихъ, которымъ, подобно Стюрелю, въ эти минуты стало ясно ихъ философское стремленіе.

„Каждый изъ этихъ людей,—думалъ онъ, бродя среди возбужденныхъ массъ народа и самъ заражаясь ихъ возбужденіемъ,— каждый въ отдѣльности, по дѣйствіямъ своимъ, по роду жизни, принадлежитъ къ своему особому, частному строю; но по внутренней силѣ своей каждый принадлежитъ и къ общественной жизни, къ жизни сообща. И эта духовная сила,—народная сила, слившаяся во-едино, сегодня трепещетъ, волнуется, возвышаетъ умъ и чувство. „Милліоны людей падутъ жертвою грѣха и проклятья, единственно по той причинѣ, что природа породитъ, благодаря имъ, нѣчто истинно-великое“, говорилъ самъ Викторъ Гюго. Все наше ничтожное существованье—одинъ лишь мигъ въ міровомъ движеніи. И какой-нибудь Ракадо или Мушфренъ

одинаково необходимы для цѣльности его, какъ и любой изъ насъ"...

Наступила ночь, и Стюрель отчасти убѣдилъ себя примириться съ ужаснымъ, но совершившимся фактомъ преступленія и необходимостью за него возмездія...

Въ полночь, онъ вернулся въ кафе „Вольтеръ", гдѣ его поджидалъ Ремерспахеръ и Сюре-Лефоръ; но ему удалось убѣдить лишь послѣдняго отправиться вмѣстѣ.

Былъ уже третій часъ утра. Имъ открыли не сразу послѣ звонка; они спросили, тутъ ли Мушфренъ?

— Опоздали!—былъ отвѣтъ; но тотъ же отвѣтъ, послѣ подачки, значительно измѣнился:

— Въ пятомъ этажѣ, налѣво!

Имъ дали огарокъ, чтобы свѣтить дорогой, и они пошли вверхъ по лѣстницѣ—сырой, холодной, безконечной. Остановившись у дверей Мушфрена, Стюрель постучалъ разъ, другой и третій.

— Кто тамъ?—чуть дыша, спросилъ кто-то за дверью.

Сюре-Лефоръ чувствовалъ вообще презрѣніе къ побѣжденнымъ и не прочь былъ отъ шутокъ, связанныхъ съ его профессіей. Онъ измѣнилъ голосъ и прокричалъ сурово:

— Откройте! Полиція идетъ!..

Среди наступившей тишины Стюрелю показалось, что онъ слышитъ, какъ стучитъ сердце несчастнаго Мушфрена, и ему стало жутко при мысли, что они совершаютъ надъ нимъ нравственное насиліе. Ключъ въ замкѣ повернулся, и... при свѣтѣ своего одинокаго огарка, друзья увидѣли такую страшную картину людской нищеты, которую потомъ всю жизнь они ужъ не могли забыть.

Посреди комнаты стоялъ Мушфренъ—въ одной рубашкѣ, старенькой, потертой, едва доходившей до колѣнъ. Онъ трясся, бѣдный карликъ; онъ былъ чуть живъ отъ слабости, отъ страха,—этотъ жалкій, еще живой скелетъ! Онъ дрожалъ, какъ пламя огарка отъ порыва сквозняка, который врывался съ лѣстницы. Онъ узналъ товарищей, но, вытянувъ впередъ шею, только и могъ, что растерянно пролепетать:

— А?.. А?..

Съ момента преступленія, 21 мая, вотъ уже цѣлыхъ десять дней Мушфренъ весь истерзался ожиданіемъ, что преступленіе раскроютъ, и ему было почти жаль прежней голодовки, съ которой онъ начиналъ свыкаться. Правъ былъ Ла-Меттри, когда сказалъ: „Не совѣсти, а висѣлицы бойся"!..

— Что̀?—повторялъ онъ.—Что̀?

— Мушфренъ!—объявилъ своимъ отчетливымъ голосомъ Лефоръ.—Ракадо сознался!

— А, онъ сознался, негодяй!—И, какъ бы видя предъ собой на очной ставкѣ своего сообщника, Мушфренъ принялся обливать его ушатами самой грязной брани. Онъ метался по комнатѣ и вообще былъ весь живымъ олицетвореніемъ отребья. Но на постели тоже зашевелился какой-то грязный комъ и что-то тамъ живое развернулось, какъ заспанная собака... То была Леонтина.

— Ври! Ври!.. Да оставишь ли ты моего *хозяина* въ покоѣ?—кричала она, подступая къ Стюрелю и готовясь къ дракѣ.

— Молчать!—крикнулъ на нихъ въ свою очередь Стюрель.

Порывъ ярости Мушфрена длился не больше двухъ минутъ. И онъ, и Леонтина, присмирѣли; та даже залилась слезами. Въ этой ужасной и позорной обстановкѣ, цѣлые пучки цвѣтовъ, сорванные наканунѣ на прогулкѣ, благоухали, украшая грубый кувшинъ съ водой. Эту картину дополнялъ Фанфурно, который притаился въ дальнемъ уголкѣ этой жалкой конуры. Бѣдняки, повидимому, давали пристанищѐ еще болѣе бѣдному, чѣмъ они сами.

— Мы не хотимъ твоей погибели, Мушфренъ,—заговорилъ Стюрель.

— Я буду тебя защищать!—прибавилъ Лефоръ.

— Что жъ, прекрасно! Наше несчастіе хоть чѣмъ-нибудь будетъ полезно этимъ господамъ!—съ горечью замѣтила Леонтина.

И тонъ, и взглядъ этихъ отбросовъ общества—тонъ и взглядъ не отдѣльныхъ людей, а цѣлаго класса имъ подобныхъ. Ихъ взаимныя чувства и отношенія, это—не чувства и отношенія отдѣльнаго человѣка къ человѣку, а цѣлаго класса, особенно многочисленнаго въ необъятномъ мірѣ культурнаго человѣчества; и эти отношенія—единственныя, возможныя между жалкими бѣдняками и обезпеченными людьми, которые имѣютъ и время, и возможность предаваться наукѣ и своей склонности къ анализу. Эти несчастные, наконецъ, вышли каждый изъ своего угла, и полуодѣтые, забывая чувство стыда, благодаря опасности, которая имъ угрожаетъ, прижались другъ къ другу, сбившись въ кучку посреди убогой каморки. Свѣча догорала, и ея колеблющійся, скудный свѣтъ боролся съ занимающимся сѣренькимъ разсвѣтомъ. Въ полумглѣ нельзя было ясно различить отдѣльныя черты злополучныхъ бѣдняковъ, и они производили впечатлѣніе какой-то неопредѣленной кучи, въ которой выдѣлялась тощая спина Леонтины, тщедушные, дряблые члены карлика-Мушфрена, скор-

чившагося отъ страха, и Фанфурно, вытянувшійся впередъ какъ уличный мальчишка, который слѣдитъ напряженно за пятымъ дѣйствіемъ потрясающей драмы.

— Можете вы выслушать меня?—повторялъ Сюре-Лефоръ, для котораго эта зловѣщая обстановка имѣла большое значеніе, какъ для будущаго слѣдователя.—Въ состояніи вы что-нибудь понять?.. Не отвѣчайте ничего на допросѣ; пусть васъ обвиняютъ, пусть осыпаютъ разспросами. Главное, ничего не говорить! Я сдѣлаю, что тебя оправдаютъ, я повидаю Бутелье́...

Но они молчатъ. Все равно, ихъ трепетное сердце, растерянные взгляды и движенія говорятъ за нихъ, и говорятъ краснорѣчиво.

„Я родилась для того, чтобы бѣдствовать,—безъ словъ говоритъ падшая женщина въ лицѣ Леонтины.—Мы были слишкомъ добродушны, и для насъ *никто* не сдѣлалъ и трети того, что̀ *мы* дѣлали для другихъ! Ракадо кормилъ Мушфрена и пріютилъ Фанфурно. Ракадо вывелъ на дорогу Стюреля, Ремерспахера, Сюре-Лефора. И насъ же теперь готовы швырнуть за бортъ. Всю вину въ преступленіи валятъ теперь на насъ“!

„А я? Чего мнѣ было нужно?—разсуждаетъ Мушфренъ.—Только не голодать! Въ лицеѣ я былъ не хуже другихъ и легко могъ бы сдѣлаться потомъ знаменитостью въ медицинѣ... Другіе поступаютъ вѣдь и хуже насъ“!

„Г-нъ Ракадо геніальный человѣкъ!—думаетъ Фанфурно.—Онъ насъ не выдастъ, а моя обязанность не измѣнять его подругѣ и Мушфрену. Для меня ясно, что если онъ подвергалъ свою жизнь опасности, то имѣлъ единственно въ виду не прозябать въ нищетѣ и дать ходъ своимъ силамъ“.

„Что будетъ съ моей бѣдной Леонтиной? — вѣроятно, размышляетъ Ракадо, сидя подъ арестомъ.—Она для меня такая вѣрная подруга, и я же ее погубилъ“!

Нѣтъ, въ сравненіи съ чувствами этихъ подонковъ общества, стоящихъ внѣ закона, любовь свѣтскихъ красавицъ,—чувственныхъ и честолюбивыхъ,—слишкомъ безцвѣтна. Леонтина и ея возлюбленный испытали всю горечь и глубину наслажденія вмѣстѣ дрожать за жизнь свою.

— Бѣдняга Ракадо! — вырвалось вслухъ у Леонтины.—Не сладко ему просыпаться!

Около пяти часовъ утра товарищи вышли изъ убогой конуры Мушфрена и, проходя по бульвару Сенъ-Мишель, близъ площади Медичи, оглянулись на виноторговлю, гдѣ въ 1883 году тотъ же Мушфренъ предложилъ товарищамъ смѣлый тостъ:

— Долой Нанси! Да здравствуетъ Парижъ!..

„Однако, судя по разнообразію минувшихъ трехъ лѣтъ, — подумалъ про себя Стюрель: — весьма вѣроятно, что жизнь еще готовитъ мнѣ въ будущемъ много трагическаго и нежданнаго“!

Сюре-Лефоръ, съ своей стороны, предавался размышленіямъ:

„Я взялъ на себя дѣло, которое, кажется, займетъ важное мѣсто въ ряду самыхъ громкихъ“!

II.

Какъ ни былъ пораженъ Реноденъ трагическимъ участіемъ Ракадо въ преступленіи, онъ все-таки далъ о немъ хорошіе отзывы перваго и второго іюня, и вся періодическая печать черпала изъ нихъ свои свѣдѣнія. Въ то время споры политическаго характера вертѣлись, главнымъ образомъ, вокругъ разлада „клерикаловъ“ и „анти-клерикаловъ“. Единогласно, первые ухватились за новый процессъ, какъ доказательство, насколько вредны послѣдствія той системы воспитанія, которой придерживается республика.

Уже въ понедѣльникъ Бутелье́ увѣдомили, что убійство въ Бильянкурѣ намѣрены эксплуатировать съ цѣлью, чтобы подорвать его кандидатуру въ депутаты; и онъ пожалѣлъ, что сунулся хлопотать за „Настоящую Республику“ передъ министрами.

Во вторникъ утромъ Сюре-Лефоръ раздосадовалъ его извѣстіемъ, что въ это дѣло могли запутать и Мушфрена; вдобавокъ, онъ же сообщилъ ему подъ секретомъ, что убитая красавица-армянка была, повидимому, подругою Стюреля; но касательно обвиненія Ракадо и Мушфрена въ томъ, что они дѣйствительно ее убили, имѣлъ осторожность высказаться въ отрицательномъ смыслѣ; тѣмъ болѣе, что они оба были членами товарищескаго союза, который былъ тѣсно связанъ вопросами чисто-духовнаго, умственнаго характера.

Бутелье́ хмурился и неоднократно замѣчалъ своему молодому собесѣднику, что это отвратительный скандалъ, который можетъ служить единственно противникамъ текущаго государственнаго строя; онъ даже высказалъ удивленіе, что нашелся блюститель закона, который не побоялся арестовать Ракадо... если все, чтò говорилъ Лефоръ, дѣйствительно вѣрно. Молодой защитникъ и его профессоръ въ заключеніе условились, какъ повести атаку на варварскія злоупотребленія тайными предписаніями.

— Я отдался этому дѣлу весь — душой и тѣломъ, — говорилъ

Лефоръ.—Если Ракадо пожелаетъ, я даже готовъ его защищать. Это чудесный случай для адвоката, и я сегодня же буду сопровождать Мушфрена, котораго вызываютъ къ слѣдователю на допросъ. Я считалъ нужнымъ предупредить объ этомъ *васъ*, какъ нашего естественнаго вождя и покровителя. Вы сами убѣдитесь: вмѣшаетесь вы, или нѣтъ,—а публика, все равно, взвалитъ на васъ отвѣтственность за вашихъ учениковъ.

— Вы правы,—согласился Бутельé:—и я вижу, что судьба Ракадо въ надежныхъ рукахъ. Можете на меня разсчитывать, если я только въ состояніи облегчить вамъ ваши сношенія съ этимъ несчастнымъ, котораго мнѣ бы хотѣлось считать неповиннымъ въ убійствѣ.

— Для меня было бы чрезвычайно важно повидаться съ нимъ, и главное—избѣжать ареста Мушфрена.

— Такъ я сейчасъ пойду и переговорю съ кѣмъ слѣдуетъ!

Они разстались, и Сюре-Лефоръ пошелъ прямо къ Мушфрену.

— Слышишь ты, слышишь?—повторялъ онъ ему внушительно, даже поднимаясь по лѣстницѣ суда.—Держись своего разсказа и ни одного слова лишняго... Понялъ?

Въ корридорѣ, гдѣ прохаживается Мушфренъ въ ожиданіи, пока его вызовутъ, въ продольной стѣнѣ есть стеклянныя окна, которыми освѣщается другой такой же корридоръ, параллельный этому. Въ тотъ, второй, выходятъ двери судейскихъ камеръ, и всѣмъ лицамъ, призваннымъ къ допросу, приходится по немъ проходить; а потому каждый, поглядывая на арестантовъ мимоходомъ, невольно поддается мысли:

— Вотъ что̀ меня ожидаетъ; и, быть можетъ, не дальше, какъ черезъ пять минутъ!

Если бы посторонній наблюдатель могъ сравнить въ настоящую минуту обоихъ друзей—одного по ту, другого по сю сторону перегородки, то изъ нихъ двоихъ онъ навѣрно счелъ бы болѣе хладнокровнымъ не свободнаго Мушфрена, а уже арестованнаго Ракадо. Первый былъ пораженъ, встревоженъ полнымъ невѣдѣніемъ того, что̀ его ожидаетъ. Чтобы скрыть свое волненіе, онъ (какъ и Ракадо, нѣсколько дней тому назадъ) развязно подходилъ къ сторожу и спрашивалъ, скоро ли его примутъ?

— Имѣйте терпѣнье,—отвѣчалъ ему тотъ.—Успѣете еще повидаться, можете быть спокойны!

Равнодушіе, съ которымъ этотъ полицейскій произнесъ: „имѣйте терпѣнье“! вызвало въ несчастномъ Мушфренѣ трусливую дрожь,

и онъ принужденъ былъ сѣсть, чтобы незамѣтно было, какъ у него трясутся ноги. Затѣмъ, чтобы убить время, онъ подошелъ и заглянулъ въ окно перегородки; каковъ же былъ его ужасъ, когда онъ увидѣлъ въ полутемномъ корридорѣ, прямо противъ себя, рослую фигуру своего товарища и друга—Ракадо! Но Ракадо—опустившагося, унылаго, грязнаго, съ пробивающейся щетиной на обритомъ лицѣ. Отойдя на другой конецъ своего корридора, Мушфренъ услышалъ покашливанье Ракадо, по сторонамъ котораго стояли жандармы. Вернувшись къ окну, Мушфренъ былъ удивленъ, что лицо Ракадо не выражало ни страха, ни удивленія при видѣ товарища; напротивъ того, губы его совершенно сознательно и раздѣльно шептали съ видимымъ усиліемъ заставить Мушфрена понять его мысль:

— Возь-ми об-рат-но шка-тул-ку въ Вер-дё-нѣ,—отчеканивалъ онъ беззвучно.—Жем-чугъ у по-дру-ги Ле-он-ти-ны, въ Вер-дё-нѣ.

Испуганный, ошеломленный, Мушфренъ видѣлъ своего товарища какъ въ туманѣ и, какъ въ туманѣ, смутно угадывалъ его желаніе; но точныхъ словъ разобрать не могъ и только смотрѣлъ на своего несчастнаго друга вытаращенными глазами, даже разинувъ ротъ отъ нервнаго напряженія. И вдругъ—его вниманіе привлекли кандалы, которыя были на рукахъ и на ногахъ у Ракадо; съ этой минуты ужъ не онъ самъ, не его злополучный товарищъ поглотилъ все его вниманіе, а вся та ужасная, неизбѣжная обстановка, которая окружаетъ арестанта: жандармы, сторожа и снующіе мимо защитники заключенныхъ. Несчастный Ракадо! Если бы Мушфренъ былъ человѣкъ болѣе обстоятельный и хладнокровный, на сторонѣ его оказались бы всѣ шансы на успѣхъ.

Въ сущности, противъ Ракадо еще не было вѣскихъ уликъ. На подозрѣнье наводила только уплата за квартиру редакціи 25 мая; предположеніе пограничнаго стража, который „*какъ будто бы*“ припоминалъ его лицо, и, наконецъ, сбритая борода. Вотъ и все!

Но толки въ печати раздули этотъ процессъ, придавая ему политическую окраску, какъ дѣлу, поднимающему вопросъ о цѣлесообразности философскаго направленія современнаго образованія. Изъ профессіональнаго самолюбія, а также изъ боязни за свою карьеру, слѣдователь не хотѣлъ допустить, что могъ ошибаться; въ то же время ему не хотѣлось заходить слишкомъ далеко въ своихъ разслѣдованіяхъ, и потому на долю Мушфрена досталось сравнительно милостивое отношеніе судейскихъ. Послѣ

нѣкотораго колебанія, судъ не подписалъ приказа объ арестѣ Мушфрена.

На другой день, въ среду, 3-го іюня, Реноденъ напечаталъ статью въ духѣ лекціи Ракадо:—„Каждое живое существо борется за свое мѣсто на жизненномъ пиру; но онъ тѣсенъ, и потому сильнѣйшее стремится къ *цезаризму*, т.-е. къ власти надъ другими".

Всѣ партіи дружно отозвались на это:

— Поднимемъ споръ!

И подняли споръ всѣ партіи соціалистовъ и позитивистовъ, католиковъ и протестантовъ. Преступленіе въ Бильянкурѣ кануло куда-то въ бездну, а въ вышинѣ,—въ высшихъ слояхъ,—умные люди вели горячій бой, подобные богамъ Гомера, которые помогаютъ смертнымъ въ ихъ кровавыхъ битвахъ. Но этого все-таки было мало для того, чтобы выгородить Ракадо или Мушфрена; и надо отдать Сюре-Лефору полную справедливость, что онъ дѣйствовалъ превосходно. Онъ съумѣлъ внушить Ракадо довѣріе къ себѣ и необходимость ни въ чемъ не признаваться; онъ давалъ прекрасные совѣты Мушфрену, отъ котораго самъ не требовалъ никакихъ признаній; наконецъ, онъ такъ съумѣлъ себя поставить относительно Бутелье́, что тотъ согласился по его указанію разъ двадцать ходатайствовать въ пользу его дѣла. Къ этому его принудило напоминаніе Лефора, что Ракадо и Мушфренъ (если бы онъ вздумалъ отъ нихъ отступиться) могутъ ему навредить, обнаруживъ, что онъ хлопоталъ въ ихъ пользу передъ „секретнымъ фондомъ". Всю эту трагикомическую обстановку Сюре-Лефоръ подвелъ съ такою ловкостью, которая прямо прочила его въ знаменитые парламентскіе дѣятели.

Послѣ долгихъ поисковъ, когда тайная полиція напала на вѣрный слѣдъ и накрыла жемчугъ и шкатулку въ Верденѣ, у подруги Леонтины,—Сюре-Лефоръ и тутъ не потерялся: онъ убѣдилъ Ракадо признаться и въ то же время настаивать на томъ, что сообщниковъ у него нѣтъ. Мушфренъ стоялъ на своемъ: онъ провелъ весь этотъ вечеръ и всю ночь съ Леонтиною и съ Фанфурно; вдобавокъ, былъ установленъ фактъ, что они не воспользовались крадеными вещами...

Въ общественной дѣятельности и въ своихъ дѣловыхъ сношеніяхъ Сюре-Лефоръ держался одинаково искусной тактики; его замѣтили, его отличили, обратили вниманіе на даръ краснорѣчія, который, впрочемъ, не помогъ ему выручить Ракадо. Зато его старанія и хлопоты передъ самимъ Греви, хоть и не привели къ оправданію товарища, открыли ему доступъ въ

высшія правительственныя сферы, а впослѣдствіи и въ воинственныя махинаціи Вильсона. Бутелье́, однако, отказался лично ходатайствовать о помилованіи Ракадо; онъ дорого бы далъ, чтобы это дѣло вообще оставалось подъ спудомъ, и радъ былъ содѣйствовать возможно скорѣйшему прекращенію его.

III.

Изъ всей кучки товарищей, у одного только Ренодена хватило смѣлости присутствовать на казни Ракадо. Все время, пока тянулось дѣло, онъ съумѣлъ обратить на себя вниманіе печатными статьями; благодаря его замѣткамъ и рецензіямъ, начальство прибавило ему содержанія. Для Сюре-Лефора онъ оказался и другомъ, и полезнымъ человѣкомъ; и, несмотря на свое ничтожное званіе мелкаго репортера, онъ заставилъ Бутелье́ незамѣтно считаться съ его мнѣніемъ. Ремерспахеръ и Стюрель приняли его предложеніе получить отъ него самыя свѣжія извѣстія о казни, и оба провели всю ночь безъ сна, поджидая товарища въ той самой комнаткѣ Ремерспахера, которую въ одно прекрасное солнечное утро посѣтилъ Тэнъ. Лежа безъ движенія, безъ разговоровъ, товарищи испытывали чувство мучительной тоски и грусти. Разсвѣтъ заглянулъ въ окно и привелъ ихъ въ ужасъ своимъ безотраднымъ оттѣнкомъ; онъ обливалъ все вокругъ красновато-желтымъ свѣтомъ, который напоминалъ имъ цвѣтъ крови въ корзинѣ съ отрубями, куда падаетъ (быть можетъ, въ эту самую минуту) голова ихъ злополучнаго друга, Ракадо...

Часа не прошло послѣ разсвѣта, какъ явился Реноденъ.

Ракадо прекрасно принялъ смерть.

— Онъ шелъ ей на встрѣчу безъ нахальства, тяжелымъ, но ровнымъ шагомъ, какъ усердный жандармъ-лотарингецъ,—пояснилъ Реноденъ.

Толпа долго волновалась, глядя на него; но затѣмъ одинъ голосъ крикнулъ:

— Браво! — и другіе его поддержали, принялись аплодировать. Многіе шикали, свистѣли. Реноденъ узналъ выскочку-Фанфурно, который привѣтствовалъ послѣдній подвигъ своего господина тѣмъ же безцвѣтнымъ голоскомъ, какимъ ободрялъ его на лекціи 26-го мая.

Передавая эти факты, репортеръ старался говорить шутливо, но это ему не удавалось; да и цвѣтъ его лица былъ зеленовато-блѣдный.

Тутъ только замѣтили его товарищи, какъ мало походилъ теперь на бывшаго мецената-Ренодена этотъ человѣкъ—еще совсѣмъ молодой, но уже носящій на себѣ печать преждевременной дряхлости;—человѣкъ, котораго они слушали теперь молча, какъ чужого.

Какъ только онъ замѣтилъ, что пріятели не расположены шутить, онъ заявилъ, что ему несовсѣмъ здоровится, и пошелъ спать.

— Въ словахъ у него мнѣ показалась нѣкоторая сердечность; но въ душѣ..?—проговорилъ вслухъ Ремерспахеръ.

Поутру они получили телеграмму отъ Сенъ-Флена:

„Сочувствую вамъ, какъ другъ".

Они переглянулись и вспомнили про остальныхъ.

— А вѣдь Сюре-Лефоръ спалъ въ эту ночь!

— Ну, а Мушфренъ?

— По-моему, онъ теперь все равно, что умеръ.

Но Ремерспахеръ возразилъ, качнувъ головою:

— Нѣтъ, даже Ракадо не умеръ! Его преступленіе сдѣлаетъ свое дѣло. Про Мушфрена я и не буду говорить: ты отвѣчаешь передъ обществомъ за ту кривую, которую начертитъ его жизнь въ общественномъ порядкѣ.—И видя, что Стюрель пораженъ такимъ жестокимъ укоромъ въ эту тяжелую минуту, Ремерспахеръ счелъ нужнымъ прибавить:

— Послѣ долгихъ размышленій, я, наконецъ, нашелъ возможнымъ допустить тотъ принципъ, который въ насъ развивалъ Бутелье́...

— Ну, ужъ Бутелье́!..

— Я говорю не о словахъ его, а объ его образѣ дѣйствій, который прямо говоритъ: „Поступай такъ, какъ выгоднѣе для общества". Я бы, конечно, долженъ былъ выдать Мушфрена, или, по крайней мѣрѣ, заставить тебя выдать твою тайну. Но я колебался: я пришелъ къ заключенію, что общество по отношенію къ Ракадо и Мушфрену поступало отнюдь не по правиламъ философіи Канта. Если отдѣльный индивидуумъ обязанъ служить на пользу обществу, то и общество обязано заботиться о немъ. Словомъ, я считаю, что на мнѣ (какъ и на тебѣ, Франсуа!) лежитъ отвѣтственность за то, что̀ можетъ еще случиться впереди.

— А я разсуждалъ такъ, — возразилъ Стюрель.—Если на фабрикахъ, на стеклянныхъ заводахъ, обыкновенно получается извѣстный процентъ бракованной и битой посуды, то тѣмъ болѣе въ небольшой кучкѣ живыхъ существъ, которыя хотѣли превзойти другихъ, долженъ былъ оказаться тоже бракъ. По-моему, цѣной

бѣдствій Ракадо и Мушфрена, мы, ихъ товарищи, должны стремиться къ совершенству. Отвратительно ихъ преступленіе, но по отношенію къ намъ всѣмъ я смотрю на нихъ какъ на жертвы... Вотъ почему я отказался отъ показаній противъ этихъ бѣдняковъ.

Нѣсколько времени спустя, Стюрель заговорилъ опять:

— Мы поступили вѣдь не легкомысленно; не правда ли? Мы судили по совѣсти!

— Да; по своей; но... не по общественной...

Начиная съ лѣта 1885 года, можно было уже приблизительно исчислить послѣдствія „убійства въ Бильянкурѣ": они надѣлали шуму по всему свѣту; отрубить голову какому-нибудь Ракадо— еще не значитъ, что его преступленія какъ бы не бывало!

Бутельé хочется оправдать себя, и онъ разсуждаетъ такъ:

— Этотъ негодяй, Ракадо, былъ по складу своего ума скорѣе практикъ, нежели теоретикъ: онъ и убилъ для того только, чтобы спасти свою газету. Мысль основать „Настоящую Республику", конечно, не его: ее подсказалъ ему не кто иной, какъ Франсуа Стюрель, человѣкъ блестящаго ума, но безъ всякой дисциплины. Размышленія о „паразитизмѣ" этому Ракадо подсказалъ, несомнѣнно, Ремерспахеръ, замѣчательный молодой человѣкъ, котораго, впрочемъ, и самъ Тэнъ уважаетъ... Самое пикантное во всей этой исторіи—тò изліяніе чувствъ, съ которымъ весь ихъ маленькій мірокъ обратился нѣкогда ко мнѣ, а также и тотъ фактъ, что я ихъ принялъ за анти-республиканцевъ.

Такая редакція, мало-по-малу, переходя изъ устъ въ уста, до того исказилась, что оказались виноватыми, вдобавокъ, и Ремерспахеръ, и Стюрель. Молва дошла и до пансіона г-жи Кулонвò.

— Я всегда подозрительно смотрѣла на знакомства этого Стюреля...—самодовольно говорила г-жа Алисонъ.—Я прекрасно знала, что онъ живетъ съ какими-то плутами и мошенниками.

Между Терезой и Стюрелемъ никогда не было серьезныхъ объясненій; поэтому послѣдній, не задумываясь, переѣхалъ изъ виллы на другой берегъ Сены, а весной уѣхалъ пораньше на родину, и прямо въ Невшатò. Между тѣмъ, узнавъ о помолвкѣ молодой дѣвушки съ барономъ де-Нель, епископъ города Нанси напечаталъ статью, въ которой, опираясь на знаменитыя восклицанія Ракадо, громилъ философское направленіе республики, возлагая на профессора отвѣтственность за нравственное направленіе молодежи. Бутельé смѣло явился на мѣсто, откуда разда-

лись обвиненія въ томъ, что его ученіе развращаетъ молодежь; и въ одной публичной и въ нѣсколькихъ частныхъ лекціяхъ онъ съ такой яркостью освѣтилъ свою высокую честность, свое горячее чувство долга, что эта полемика сослужила крупную службу его кандидатурѣ.

Все затрудненіе теперь было въ деньгахъ.

Весь капиталъ Бутелье́ былъ не больше 4—5.000 франковъ. Правда, совѣтъ избирателей, который съѣзжается по этому поводу въ Нанси, имѣетъ обыкновеніе дѣлать на это сборъ; но онъ же требуетъ отъ будущаго депутата взносъ въ размѣрѣ хоть 10.000 фр. собственнаго капитала. Однако, затрудненіе не въ этомъ, а въ тѣхъ предварительныхъ крупныхъ затратахъ, которыя необходимы, чтобы пройти въ депутаты. Бутелье долженъ, напримѣръ, выдать субсидію въ 30.000 газетѣ „Республиканская Лотарингія", которая, надо полагать, ведется непорядочно, если ея акціонеры утомились приносить ей непосильныя жертвы... Въ Понтъ-а-Муссонѣ онъ долженъ основать журналъ, выходящій по два раза въ мѣсяцъ. Короче говоря,—Бутелье́ предстоитъ занять мѣсто депутата города Понтъ-а-Муссона.

Но Бутелье́ не хотѣлъ никому обязываться и дорожилъ своей свободой, а потому счелъ для себя болѣе подходящимъ заработать необходимыя деньги и принялъ способъ, на который ему указалъ Рейнакъ: словомъ, взялся поддерживать и развивать въ народѣ восхищеніе панамскимъ предпріятіемъ. Въ числѣ прочихъ остроумныхъ пріемовъ особенно удачна оказалась его мысль привезти въ Парижъ и выставить напоказъ, для публики, гигантскія землечерпательныя машины, которыя были заказаны въ гор. Люттихѣ для работъ на Панамскомъ перешейкѣ. Печать громко зашумѣла про этихъ гигантовъ, и въ результатѣ, 25-го іюля того же 1885 года Лессепсъ получилъ отъ общаго собранія акціонеровъ разрѣшеніе сдѣлать еще заемъ въ 6.000.000 франковъ.

Положимъ, черезъ годъ, тотъ же Лессепсъ выдалъ машиностроительной компаніи 6.000.000 фр. неустойки, чтобъ нарушить контрактъ, но Бутелье́ не могъ же отвѣчать за то, что онъ будетъ приведенъ въ исполненіе въ Панамѣ.

Слѣдуя правилу Гамбетты — „никогда не имѣть секретаря, за всѣмъ слѣдить самому",—Бутелье́ такъ хорошо изучилъ газеты и журналы, что безъ малѣйшаго промедленія, на требованіе справокъ, могъ указать „Панамской Компаніи", — который изъ парижскихъ или провинціальныхъ органовъ печати стоитъ того, чтобы она ему платила. Компанія охотно выдала 50.000 фр.

такому умѣлому ревнителю ея интересовъ... Все, казалось, шло успѣшно, когда сущій вздоръ чуть-было не разстроилъ всего дѣла за день до выборовъ.

Два избирателя въ Нанси, оба завзятые пьяницы, поспорили, кто изъ нихъ выпьетъ больше пива, и побѣжденный (подъ общій хохотъ разгульной компаніи) обязался заплатить за богатый гробъ, который выигравшій долженъ поставить къ себѣ въ спальню. Проигралъ Гулеттъ, приверженецъ Бутельé, и выполнилъ условіе такъ же честно, какъ и его противникъ Анріонъ. Ночью доски принялись трещать и навели тѣмъ ужасъ на несчастнаго; его еще больше напугали чрезмѣрные винные пары, и онъ, промучившись галлюцинаціями около недѣли, вынесъ свой гробъ въ садъ. Гулеттъ водворилъ его обратно; но тутъ, на радость шутникамъ и любителямъ посмѣяться, Анріонъ отправилъ это орудіе пытки въ свою спальню... въ деревнѣ!.. Его находчивость оскорбила Гулетта, который съ нимъ подрался; и вотъ, за день до выборовъ, Анріонъ поклялся отомстить, проваливъ кандидатуру „*чужого* человѣка“.

— Ни нашему купечеству, ни ремесленникамъ, ни земледѣльцамъ не нуженъ какой-то профессоръ, котораго къ намъ суютъ насильно журналисты!—горячился онъ, и не хотѣлъ ничего слушать, собираясь сказать на эту тему громовую рѣчь.

Такой оборотъ дѣла могъ все испортить, и вотъ люди, подосланные Бутельé, всю ночь напролетъ поили Анріона; отсутствіе его на выборахъ смутило его партію...

4-го октября 1885 года, Бутельé былъ выбранъ въ депутаты! Сюре-Лефоръ, на время приготовленій къ выборамъ, предложилъ свои услуги Бутельé, и теперь, три дня спустя послѣ баллотировки, во время „*торжественнаго и прощальнаго пунша*“, онъ просилъ слова—„*въ качествѣ бывшаго ученика, который выражаетъ признательность своему учителю*“.

Зало городского училища было биткомъ набито. Какъ и обыкновенно послѣ выборовъ, каждому казалось, что онъ и въ мысляхъ не имѣлъ выбирать никого другого. Молодой адвокатъ, подкупавшій своей изящной фигурой, говорилъ отчетливо и притомъ самымъ пріятнымъ, самымъ авторитетнымъ голосомъ, обращаясь къ Бутельé:

— „Милостивый государь! Вамъ предстоитъ занять мѣсто въ большомъ и почетномъ собраніи. Поднявъ уровень умственнаго развитія нашей родной земли, вы поднимете и общій тонъ парламентскаго концерта, а слѣдовательно и всей Франціи, служа выразителемъ нашихъ желаній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы

вамъ поручили руководить нашими умственными интересами; отнынѣ мы васъ просимъ руководить и всѣми остальными интересами вообще... И вы окажетесь вполнѣ этого достойны; не правда ли, Поль Бутелье́? Прежде вашимъ рукамъ ввѣрялись юноши; теперь же—взрослые! Мы—народъ пограничный и тѣмъ болѣе чувствуемъ необходимость сплотиться и стать твердо, какъ скала. Но всѣ наши укрѣпленія, всѣ наши войска и прочія сокровища военной силы не могли бы ничего сдѣлать, еслибъ мы не имѣли счастливой возможности всей душой чувствовать, что у насъ есть надежная опора въ лицѣ достойнаго гражданина Лотарингіи!..

Громкіе клики радости перебили молодого оратора, по наружности (но только по наружности!..) сдержаннаго и холоднаго, и всѣ глаза, всѣ руки устремились въ ту сторону, гдѣ виновникъ торжества сіялъ,—дѣйствительно великолѣпный, несмотря на блѣдность, на свои черные волосы; у него сіяли глаза и умный лобъ.

Онъ всталъ, хотѣлъ заговорить...

Въ эту минуту, весьма разумно желая дать публикѣ отдохнуть отъ рѣчей, издатель „Республиканской Лотарингіи" подалъ знакъ музыкантамъ, и всѣ умолкли. Съ послѣдней нотой музыки Гулеттъ вдругъ загремѣлъ своимъ добродушно-пьянымъ голосомъ:

— *Признательные лотаринцы пьютъ здоровье Бутелье*!

— Ловко!..—шепнулъ Сюре-Лефоръ на ухо Бутелье́.—Ну, и голосъ у него!

Толпа рукоплескала. Бутелье́ готовился сказать рѣчь, но передъ тѣмъ, какъ встать, отвѣтилъ своему сосѣду:

— Другъ мой! Когда вы такъ горячо и такъ великодушно отнеслись ко мнѣ, я восхищался вашимъ ораторскимъ талантомъ, который (помните?) я предсказалъ вамъ еще пять лѣтъ тому назадъ. Но, восхищаясь вами, я главнымъ образомъ любовался тѣмъ, что вы успѣли до такой степени освободиться отъ всякаго акцента и вообще отъ всѣхъ другихъ особенностей, присущихъ лотаринцу!..

Съ французск. А. Б—г—.

КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ

А. МИЦКЕВИЧА.

Wer den Dichter will verstehen
Muss in Dichters Lande gehen.
Göthe.

I.

АКЕРМАНСКІЯ СТЕПИ.

Всплываемъ на просторъ сухого океана;
Повозка зыблется по волнамъ шумныхъ нивъ,
Ныряетъ въ зелени; кругомъ цвѣтовъ разливъ,
И острова по нимъ разбросаны бурьяна.

Ужъ вечеръ настаетъ; стези нѣтъ, нѣтъ кургана;
Смотрю на небеса—звѣздъ путеводныхъ нѣтъ.
Тамъ облако блеститъ, а тамъ денницы свѣтъ...
То блещетъ Днѣстръ, а то—маякъ у Акермана.

Стой!—Тихо какъ!.. Летятъ высоко журавли;
Я слышу ихъ—орлы бъ ихъ видѣть не могли;
Я слышу мотылька, что̀ по цвѣтамъ порхаетъ,

И какъ змѣя скользитъ между стеблей травы...
Услышать могъ бы я и голосъ изъ Литвы;
Напрягъ я слухъ... Пошелъ! Никто тамъ не взываетъ.

II.

МОРСКАЯ ТИШЬ.

Чуть вѣетъ сонный флагъ на ставкѣ кормовой;
Скользитъ по лону водъ прозрачный лучъ, играя;
Такъ въ грезахъ счастія невѣста молодая,
Проснувшись и вздохнувъ, ложится на покой.

Корабль легко скользитъ, колеблемый волной,
На мачтахъ парусà заснувшіе прильнули,
Какъ знамя мирное надъ мирною землей;
Доволенъ плаватель; матросы отдохнули...

О, море! въ глубинѣ полипа ты таишь;
Онъ спитъ среди грозы и бури завываній
И щупальцы свои онъ выпускаетъ въ тишь.

О, мысль! въ глуби твоей есть змѣй воспоминаній;
Онъ спитъ въ годину бурь, и бѣдствій, и страданій;
Но жалитъ онъ, когда покой ты ощутишь.

III.

ПЛАВАНІЕ.

Шумъ больше; чудища морей снуютъ толпами...
Матросъ наверхъ взбѣжалъ—„готовьтеся"—кричитъ;
Взбѣжалъ—и, ухвативъ узлы снастей руками,
На сѣти призрачной онъ паукомъ виситъ.

О, вѣтеръ! Вотъ корабль, не сдержанъ удилами,
Ныряетъ въ пѣнистой метели, весь дрожитъ;
Онъ небо бьетъ челомъ, онъ въ воздухѣ летитъ,
И, вѣтромъ поднятый, онъ мчится съ облаками.

Мой духъ за мачтой вслѣдъ полету отдался,
Невольный кликъ съ толпы веселостью слился,
И парусомъ встаетъ мое воображенье.

Простеръ я руки, палъ на лоно корабля—
Сдается—бѣгъ ему прибавитъ грудь моя...
Легко мнѣ! Любо! Птицъ я знаю ощущенье.

IV.

БУРЯ.

Разорванъ парусъ, течь на килѣ, ревъ волны,
Шумъ бури, голоса встревоженной громады,
Насосовъ визгъ; снастей остатки снесены;
Закатъ кровавъ; нигдѣ надежды и отрады.

Побѣду вихрь завылъ... На горы шумной пѣны,
Изъ волнъ, поднявшихся грозою бѣдъ и золъ,
Духъ смерти блѣдной сталъ и на корабль пошелъ,
Какъ приступомъ солдатъ на рухнувшія стѣны.

Одинъ, какъ мертвый, легъ; другой въ слезахъ упалъ
Въ объятья друга; тотъ себѣ ломаетъ руки;
Тотъ молится, чтобъ Богъ спасенье ниспослалъ...

Одинъ лишь мыслилъ тамъ, тая безмолвно муки:
Счастливъ, кто молится, кто силы потерялъ,
И есть кому надъ кѣмъ пролить слезу разлуки.

V.

ВИДЪ ГОРЪ ИЗЪ СТЕПЕИ КОЗЛОВСКИХЪ.

Пилигримъ.

Тамъ!.. Не Алла ль поднялъ замерзнувшія нивы?
Изъ льдистыхъ тучъ престолъ для ангеловъ онъ слилъ?
Иль чтобъ отнять у звѣздъ пути съ востока, Дивы
Тѣ стѣны возвели обломками свѣтилъ?

Какое зарево! Горятъ дворцы ль Царь-Града?
Аллахъ ли, разорвавъ покровы ночи, тамъ
Дорогу показалъ, повѣсивъ тѣ лампады,
Плывущимъ по морю воздушному мірамъ?

Мирза.

Тамъ?.. Я туда всходилъ: тамъ вѣчныя метели,
И жадно зѣвы рѣкъ тамъ пьютъ изъ ихъ гнѣзда;
Я путь свой пролагалъ, орлы гдѣ не летѣли,
Гдѣ нѣтъ для облаковъ обычнаго слѣда,
Гдѣ въ тучахъ черныхъ громъ дремалъ, какъ въ колыбели,
Гдѣ надъ чалмой моей горѣла лишь звѣзда...
То Чатырдагъ!

Пилигримъ.

Ага!

VI.

БАХЧИСАРАЙ.

Чертоги ханскіе заброшены стоятъ.
На тронахъ и софахъ, на косякахъ предсѣній,
Чтò терли лбы пашей, въ пріютахъ наслажденій
Лишь скачетъ саранча и вьется скользкій гадъ.
Сквозь окна пестрыя на стѣны и на своды
Впился ползучій плющъ; давно отвоевалъ
Онъ дѣло рукъ людскихъ во имя силъ природы
И библіи глаголъ—„Руина“—начерталъ.

Изъ мрамора бассейнъ стоитъ среди твердыни;
Фонтанъ гарема то; онъ слезы льетъ, журчитъ,
И тихій зовъ его разносится въ пустынѣ...

Гдѣ жъ вы, любовь, и власть, и слава? Надлежитъ
Вамъ перейти вѣка. Струя лишь мигъ бѣжитъ...
Позоръ вамъ! Вы прошли—а ключъ журчитъ донынѣ.

VII.

БАХЧИСАРАИ — НОЧЬЮ.

Расходятся съ молитвъ поклонники корана,
Въ вечерней тишинѣ смолкаетъ звукъ изана,
Затмилася лицомъ румяная заря,
И ночь зоветъ уснуть сребристаго царя.

Висятъ лампады звѣздъ, блестя въ небесъ гаремѣ.
Какъ лебедь въ озерѣ—въ лазурныя моря
Всплываетъ облако въ лучистой діадемѣ;
Бѣлѣетъ грудь его—румянятся края.

Тѣнь бросилъ минаретъ, тѣнь пала съ кипариса...
Вдали чернѣется стѣснившійся гранитъ,
Какъ дьяволы, совѣтъ собравши у Эвлиса

Подъ кровомъ сумрака. На ихъ челѣ блеститъ
Порою молнія и съ быстротой Фариса
Въ пустынныхъ небесахъ, безмолвная, бѣжитъ.

VIII.

ГРОБНИЦА ПОТОЦКОИ.

Въ странѣ весны, цвѣтутъ гдѣ чудные сады,
Ты, роза, отцвѣла! Мгновенья жизни милой
На родинѣ твоей, какъ мотылекъ унылый,
Слетѣвъ, оставили червя въ твоей груди.

Тамъ, въ Польшѣ, наполночь, блистаетъ свѣтъ звѣзды...
Въ стезѣ той отчего съ такой онъ льется силой?
Не твой ли взоръ зажегъ горячіе слѣды
На небесахъ предъ тѣмъ, какъ скрыться за могилой?

О, полька! и мои окончитъ дни тоска;
Пусть броситъ горсть земли мнѣ добрая рука;
И путникъ о твоей судьбинѣ разсуждая,

Мнѣ дастъ услышать звукъ родного языка;
А вѣщій, о тебѣ пѣснь грустную слагая,
Помянетъ и меня, на близкій гробъ взирая.

Съ польскаго, Кн. Алексѣй Кугушевъ.

ФРАНЦУЗСКІЙ АДВОКАТЪ
XVIII-го СТОЛѢТІЯ

— Un avocat-journaliste au XVIII-e siècle. Linguet. Par Jean Cruppi. Paris, 1895.

Адвокатура во Франціи считаетъ вѣками свою исторію. То общественное вліяніе и значеніе, которое она проявила въ нашемъ столѣтіи, давъ исторіи Франціи рядъ блестящихъ именъ, явилось не сразу и далось адвокатурѣ не даромъ. Вторая половина XVIII-го вѣка, эпоха непосредственно предшествовавшая „великой революціи", бурно и тревожно пронеслась и надъ сословіемъ французскихъ адвокатовъ.

Типичнымъ дореволюціоннымъ адвокатомъ XVIII-го столѣтія, обратившимъ на жизнь и задачи сословія вниманіе всей французской печати и публики, и въ концѣ концовъ, цѣною своей гибели, какъ адвоката, совершившимъ весь этотъ переворотъ, по всей справедливости долженъ почитаться Николай Лэнгé; Лэнгé вступилъ въ сословіе парижскихъ адвокатовъ въ 1764 году и съ позоромъ былъ исключенъ изъ него въ 1776 году подъ дружнымъ давленіемъ какъ наиболѣе видныхъ членовъ сословія, такъ и сплотившагося противъ него прокурорскаго надзора.

Недавно во французской литературѣ (въ 1895 г.) появилась книга Крюпи: „Un avocat-journaliste au XVIII-me siècle—Linguet", обратившая на себя вниманіе. Это добросовѣстное и талантливое историческое изслѣдованіе, посвященное личности Лэнгé, необычайно ярко рисуетъ положеніе тогдашней адвокатуры, обнимая собою дѣятельность Лэнге именно какъ адвоката. Дѣятельность эта продолжалась сравнительно недолго, немного болѣе

десяти лѣтъ, но она успѣла проявиться въ столь разнообразныхъ, яркихъ и плодотворныхъ формахъ, что представляетъ изъ себя по истинѣ цѣлую эпопею. Въ 1776 году, когда Лэнге говорилъ въ судебномъ засѣданіи парламента въ послѣдній разъ, весь Парижъ столпился слушать его. Придворныя дамы, помѣщавшіяся за мѣстомъ старшаго предсѣдателя въ особой аристократической нишѣ-фонарѣ, наравнѣ съ остальною публикою, бѣшено апплодировали ему. При выходѣ толпа такъ напирала, тѣснясь къ прославленному адвокату, что на смерть задавила подростка-лицеиста, случайно потерявшаго своего гувернера. Кучеръ, везшій Лэнге изъ Palais de Justice, немилосердно билъ своихъ клячъ, горланя во всю мочь: „да здравствуетъ Лэнгé, эта умная голова“! Ему вторила вся уличная парижская толпа.

Въ теченіе 15 лѣтъ слава Лэнге, сначала какъ адвоката, а потомъ, по исключеніи изъ сословія, какъ журналиста, создавшаго впервые отрасль политическаго журнализма, была шумна и необычайна. Портреты, бюсты, медали съ его изображеніями шли такъ же ходко, какъ и изображенія Вольтера; въ музеѣ восковыхъ фигуръ Парижа онъ занималъ мѣсто между королемъ прусскимъ и тѣмъ же Вольтеромъ. Дамы носили шляпки „à la Linguet“, а когда, несмотря на протесты части печати и публики, состоялось его исключеніе изъ сословія, модницы измѣнили только фасонъ шляпокъ, назвавъ ихъ „Linguet rayé“.

Лудовикъ XV пожелалъ принять Лэнге въ торжественной аудіэнціи послѣ блестящей защиты имъ графа Моронжіé, не удостоивъ самого графа на выходѣ даже поклономъ. По словамъ Крюпи, Лэнге одно время „былъ богомъ въ глазахъ Лудовика XVI, оставаясь въ то же время дьяволомъ въ глазахъ его министровъ“, которыхъ онъ не переставалъ затрогивать и безпокоить. Не создавъ лично для себя карьеры, несмотря на то, что въ числѣ его кліентовъ былъ такой всемогущій впослѣдствіи сановникъ, какъ герцогъ д'Эгіонъ, не наживъ денегъ, которыя одно время сами плыли къ нему, когда, по общему признанію, онъ вдругъ незамѣтно сталъ первымъ адвокатомъ своего времени, Лэнге весь ушелъ въ общественную тревогу и въ общественное служеніе, благодаря свойствамъ своего непримиримаго и безпокойнаго характера,—быть можетъ, даже самъ не желая того.

Съ 1755 по 1793 годъ имъ написано множество книгъ, всего 80 томовъ. Сюда, кромѣ самостоятельныхъ сочиненій по самымъ разнообразнымъ вопросамъ и отраслямъ знанія, вошли его судебныя рѣчи, защитительныя записки, журнальныя статьи,

мемуары и проч. За исключеніемъ его „Mémoires sur la Bastille“, которой не миновалъ и онъ во время своей журнальной дѣятельности, большинство его сочиненій въ настоящее время забыто, но это объясняется, по мнѣнію Крюпи, исключительно тѣмъ, что многочисленныя его писанія, зарождавшіяся въ пылу лихорадочной дѣятельности, были почти всѣ произведеніями минуты (de circonstance) и потому являются гораздо болѣе дѣйствіями, „дѣлами“, нежели „писаніями“.

Шумъ, возбужденный этими спѣшными страницами воспоминаній, полемикъ и судебныхъ рѣчей, нерѣдко полныхъ дѣйствительно новыхъ идей и захватывающаго интереса, смолкъ тотчасъ же, какъ смолкаетъ бряцаніе оружія немедленно послѣ битвы.

Чтобы оживить эти погребенныя творенія, чтобы дать имъ вновь лихорадочный трепетъ жизни, приходится воскрешать самыя событія, среди которыхъ они зародились, и выяснять цѣль, къ которой каждое изъ нихъ стремилось.

Если исполнить именно это, то удастся проявить, пожалуй, одну изъ оригинальнѣйшихъ фигуръ конца XVIII вѣка, одну изъ тѣхъ типичныхъ личностей, въ которой всего полнѣе, ярче и рельефнѣе отразилась общая сумятица, всеобщій хаосъ идей тѣхъ нѣсколькихъ десятковъ лихорадочно-тревожныхъ годовъ, которые, непосредственно ей предшествуя, подготовили „великую“ французскую революцію.

I.

Николай-Симонъ-Анри Лэнгé родился въ Реймсѣ въ 1736 г. Судьбѣ угодно было, замѣчаетъ его біографъ, чтобы этотъ будущій срыватель Бастиліи появился на свѣтъ именно 14 іюля. Отецъ его былъ довольно замѣчательный человѣкъ. Онъ доживалъ свой вѣкъ въ Реймсѣ въ качествѣ зятя мѣстнаго прокурора, занимая скромную должность судебнаго пристава, но ранѣе онъ былъ профессоромъ въ „Collége de Navarre à Paris“. Онъ былъ образованнымъ гуманистомъ; ему улыбалась карьера. Неожиданно онъ впалъ, однако, въ самый ярый пессимизмъ, потомъ предался магіи и спиритизму и кончилъ изступленными конвульсіями парижскаго діакона-проповѣдника. Королевское lettre de cachet совлекло его прямо съ каѳедры проповѣдника и отправило въ ссылку въ Реймсъ, холодный и напыщенный городъ, полный роялистскихъ традицій. Здѣсь онъ былъ дважды женатъ, имѣлъ много (10) дѣтей и, повидимому, совершенно успокоился и излечился отъ тревогъ своего мятежнаго духа.

Третій по счету сынъ его, Николай Лэнгé, получилъ образованіе въ „Collége de Navarre à Paris“, тамъ, гдѣ отецъ его былъ нѣкогда профессоромъ. Здѣсь изучались по преимуществу древніе языки. Ученики могли говорить даже между собою и съ начальствомъ только по-латыни или по-гречески. Культъ классицизма, богомъ котораго считался Цицеронъ, былъ въ полномъ ходу. „Не считая этого, чему еще обучали тогда въ 28 коллежахъ Парижа“?—задается вопросомъ Крюпи.—„Des sottises“! (глупостямъ) —отвѣчаетъ на это Дону; „философіи вздора“!—прибавляетъ деМэстръ.

Но въ латыни и греческомъ всѣ были сильны. Въ 1750 г., на долю Лэнгé выпали первые школьные успѣхи. Между товарищами онъ былъ провозглашенъ „императоромъ реторики“, и получилъ первую награду. Въ 1751 г. парижскимъ университетомъ ему были присуждены всѣ три первыя награды. Слѣдуетъ замѣтить, что во второй половинѣ XVIII столѣтія знаменитѣйшими „тенорами“ латыни и греческаго языка считались Лагарпъ, Тюрго, Лэнгé и Робеспьеръ. Только жизнь перваго изъ нихъ мирно протекла подъ сѣнью парнасскихъ рощъ. Остальные три, хотя и въ противоположныхъ лагеряхъ, проявили собою истинныхъ революціонеровъ. Несмотря на все различіе ихъ натуръ и происхожденія, общая черта этихъ рѣшительныхъ революціонеровъ та, что они явились продуктомъ самаго строгаго и законченнаго „классическаго“ образованія. Судьба Лэнгé связана съ судьбой знаменитаго дѣятеля революціи, Робеспьера, еще одною общею чертою. Головы обоихъ, увѣнчанные нѣкогда лаврами „императоровъ реторики“, скатились въ одну и ту же окровавленную корзинку палача, съ промежуткомъ лишь въ нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ отличіе отъ названныхъ двухъ своихъ современниковъ, начавшихъ очень мирно свою житейскую карьеру,—Тюрго въ качествѣ товарища прокурора въ Парижѣ, и Робеспьеръ въ качествѣ провинціальнаго адвоката въ Аррасѣ—Лэнге съ первыхъ же своихъ шаговъ вступаетъ на путь протеста и возмущенія. Брошенный безъ связей, знакомствъ и безъ гроша въ карманѣ на мостовую Парижа, онъ сразу проявляетъ по истинѣ „великолѣпное“ пренебреженіе къ такъ называемымъ вѣрнымъ классическимъ средствамъ и проторенньмъ житейскимъ благоразуміемъ путямъ, чтобы проложить себѣ дорогу. Лэнге какъ бы намѣренно создаетъ себѣ самую трудную жизненную программу. Великодушно и безъ малѣйшихъ колебаній отказавшись въ пользу своихъ многочисленныхъ малолѣтнихъ сестеръ и братьевъ отъ доли слѣдовавшаго ему послѣ отца скромнаго наслѣдства, Лэнге

очутился прежде всего въ самой жестокой нищетѣ. Не теряя ни минуты, ему приходилось думать о своемъ существованіи. У него являлась-было мысль сразу записаться въ адвокаты. Но сословіе тогдашнихъ адвокатовъ, въ средѣ которыхъ насиженныя мѣста адвокатской практики перекупались за большія деньги или передавались по наслѣдству, мало привлекало его. Обладая прекрасными математическими способностями, онъ мечталъ-было сдѣлаться инженеромъ (его брошюры „О свѣтовыхъ законахъ" и „О воздушномъ телеграфѣ", имѣли нѣкоторый успѣхъ); но безъ спеціальной подготовки все это оказалось неосуществимымъ. Буквально подъ вліяніемъ голода, не безъ внутренней борьбы и душевнаго возмущенія, онъ на первыхъ порахъ принимаетъ мѣсто домашняго секретаря при герцогѣ de Deux-Ponts, прославленномъ на всю Европу своею оригинальною и ослѣпительною роскошью магнатѣ. Онъ былъ въ родѣ нашего „великолѣпнаго" князя Тавриды, съ тою впрочемъ разницею, что въ его жилахъ текла настоящая королевская кровь. Впослѣдствіи онъ былъ владѣтельнымъ княземъ Палатината и герцогомъ баварскимъ. Во время путешествія герцога по Европѣ съ визитами къ коронованнымъ особамъ, Лэнге въ числѣ другихъ обязанностей долженъ былъ скакать впереди въ качествѣ курьера и имѣть высшее шталмейстерское наблюденіе за его конюшней. При одномъ изъ такихъ путешествій слуга загналъ и бросилъ по дорогѣ лошадь и, боясь отвѣтственности, свалилъ вину на Лэнге, утверждая, что тотъ продалъ ее въ одномъ изъ промежуточныхъ городовъ и утаилъ деньги. Вскорѣ истина обнаружилась и невинность Лэнге стала очевидною, но это не помѣшало ему во время объясненій съ герцогомъ вести себя такъ горделиво, съ такимъ высокомѣрнымъ достоинствомъ, что онъ долженъ былъ оставить свое мѣсто.

Для характеристики нравовъ тогдашняго французскаго общества замѣтимъ, что этотъ случай съ лошадью, равно какъ и послѣдующіе слухи, уже вовсе лишенные основанія, о томъ, что Лэнге будто бы укралъ у своего школьнаго товарища Доре сто луидоровъ, появились черезъ 15 лѣтъ, въ разгаръ его адвокатской славы.

Сословіе парижскихъ адвокатовъ, настаивавшее на исключеніи его въ 1775 г., въ числѣ прочихъ обвинительныхъ пунктовъ занесло въ свой questionnaire слѣдующій знаменательный пунктъ: „вы злоупотребили довѣріемъ герцога de Deux-Ponts въ то время, когда состояли при немъ"?.. Въ своемъ отвѣтѣ, опубликованномъ впослѣдствіи въ его мемуарахъ, Лэнге, опровергнувъ фактически это обвиненіе, съ справедливымъ негодованіемъ вос-

клицаетъ: „Какъ бы то ни было, съ тѣхъ поръ прошло 17 лѣтъ. Мнѣ теперь тридцать-восемь. Какая низость идти съ своими розысками въ невѣдомое дѣтство человѣка, который съ тѣхъ поръ въ теченіе болѣе десяти лѣтъ дѣйствуетъ на сценѣ, къ сожалѣнію, при слишкомъ ослѣпительномъ освѣщеніи, и въ дѣятельности котораго, тѣмъ не менѣе, вамъ не удалось найти и тѣни предосудительнаго“. Затѣмъ, по адресу своего главнаго противника въ сословіи, знаменитаго Жербье, прославленнаго своимъ наружнымъ благородствомъ и изысканнымъ краснорѣчіемъ, отъ котораго не уцѣлѣло, впрочемъ, и слѣда для потомства, онъ продолжаетъ: „Покопавшись глубже въ моемъ дѣтствѣ, нашлось бы, можетъ быть, еще кое-что. Г. Жербье, выступая въ дѣлѣ маркиза де-Брюнуа въ качествѣ его обвинителя, нашелъ же возможнымъ публично изобличать его и въ томъ, что, будучи пяти лѣтъ отъ роду, онъ больно ударилъ лакея, неловко несшаго его на рукахъ. Сторонники и друзья г. Жербье могли бы открыть и относительно меня, что я укусилъ свою кормилицу, будучи еще у груди; тогда вопросъ о моемъ исключеніи прошелъ бы уже безъ всякихъ затрудненій“!

Послѣ недолговременныхъ своихъ скитаній по Европѣ, въ качествѣ конюшаго и секретаря блистательнаго герцога де-Дё-Понъ, Лэнге поселяется въ Парижѣ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ по коллежу, Дорà, такимъ же бѣднякомъ, какъ и онъ самъ. Оба друга страстно упражняются во всевозможныхъ видахъ литературнаго творчества. Лэнге съ настоящею яростью и упорствомъ истаго работника, въ горделивомъ сознаніи своей интеллектуальной силы, которую онъ не умѣлъ пока ни направлять, ни сдерживать, умудряется въ такую эпоху, когда появленіе каждой книги считалось еще цѣлымъ событіемъ, въ какія-нибудь шесть лѣтъ (началъ свою литературную карьеру на 22 году) проявить себя во всѣхъ видахъ творчества, издать цѣлый рядъ сочиненій. Попутно онъ исправляетъ посредственные стихи пріятеля своего Дорà и своимъ анонимнымъ сотрудничествомъ доставляетъ даже нѣкоторый успѣхъ его дѣтски задуманной и слабо написанной трагедіи „Зюлика“. Самъ онъ въ этотъ періодъ ставитъ на сцену полу-сатирическую комедію въ стихахъ: „Les filles-femmes“, имѣвшую нѣкоторый успѣхъ, о которой впослѣдствіи знатоки отзывались, что иные діалоги не посрамили бы самого Мольера. Но настоящіе литературные дебюты Лэнге, заронившіе столько горечи въ его сердце, благодаря дружному и кастовому недоброжелательству тогдашней критики, и за этотъ шестилѣтній періодъ все еще были впереди.

Въ 1762 году онъ издаетъ нѣсколько брошюръ въ защиту іезуитовъ и посланіе въ стихахъ на ту же тему. Это была несчастная мысль дебютировать съ защитою столь неблагодарной темы. Именно въ началѣ этого года парижскій парламентъ, къ великому удовольствію энциклопедистовъ и всѣхъ свободомыслящихъ, постановилъ объ изгнаніи іезуитовъ изъ предѣловъ Франціи. Постановленіе это строго приводилось въ исполненіе. Въ каждомъ домѣ искали іезуита, іезуитскія школы закрывались, іезуиты прятались и скрывались, какъ настоящіе прокаженные. Парламентъ, пользовавшійся въ то время огромной силой, оппонировавшій самому королю, сыгралъ этимъ одновременно въ руку и королю, и общественному мнѣнію. Это не помѣшало ему, впрочемъ, въ томъ же году, испугавшись собственнаго свободомыслія, приказать истребить руками палача только-что появившіяся сочиненія Жанъ-Жака Руссо: „Emile" и „Contrat Social", а на придачу и нѣсколькихъ живыхъ людей, въ числѣ которыхъ былъ протестантъ Каласъ (невинно осужденный за убійство якобы собственнаго сына съ религіозной цѣлью) и пасторъ Рашетъ.

Лэнге, защищая іезуитовъ, возсталъ только противъ насилія со стороны побѣдителей. Въ постановленіи парламента объ изгнаніи цѣлаго класса людей онъ усматривалъ актъ, направленный противъ свободы мысли и личности, — хотя бы эта мысль и эти личности были одѣты въ рясы іезуитовъ. Стихи его были довольно неуклюжи, а брошюры оказались неудачными и успѣха не имѣли, такъ какъ ратовали за абстрактнаго общечеловѣка. Это не было тогда еще въ модѣ. Въ томъ же 1762 году онъ выступаетъ въ качествѣ историка, и печатаетъ „Исторію Александра Великаго". Въ издававшемся тогда Гриммомъ повременномъ изданіи „La Correspondance", такъ характеризуется это сочиненіе: „Г. Лэнге, молодой исторіографъ, даетъ публикѣ сочиненіе, которое, къ сожалѣнію, недостаточно созрѣло въ тиши его кабинета. Не трудно догадаться, что въ сущности исторія царствованія Людовика XIV-го послужила автору образцомъ, и въ этомъ все несчастіе. Впрочемъ, даже въ качествѣ посредственной исторіи оно заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, такъ какъ написано недурно и читается не безъ удовольствія".

Послѣ почтительнаго посвященія книги королю польскому Станиславу и очень скромнаго вступленія, въ которомъ Лэнге опредѣляетъ задачу писателя, какъ безкорыстнаго носителя нелицепріятной истины, съ первыхъ же строкъ текста онъ разражается слѣдующею тирадою:

„Еслибы всѣ люди были разумны, быть можетъ, они умѣли

бы лучше понимать значеніе тѣхъ похвалъ, которыми окружаютъ обыкновенно побѣдителей. Они бы не видѣли въ этомъ ничего другого, кромѣ языка безсилія, которое ищетъ обезоружить жестокость. Они бы не связывали славы съ значеніемъ „побѣдителя", значенія, которое, къ сожалѣнію, многіе короли считаютъ необходимымъ для своего величія; и такимъ образомъ исторія хотя бы нѣсколько отмстила за родъ человѣческій. Я не думаю, чтобы когда-либо существовали тираны, кинжалы которыхъ оказались бы столь пагубными для человѣчества, какъ прославленная дѣятельность Александра и Цезаря. Спокойная и обдуманная жестокость Тиверіевъ, Нероновъ, Домиціановъ, лишала Римъ лишь горсти гражданъ, на протяженіи многихъ лѣтъ. Но одно сраженіе, подобное сраженію при Арбеллахъ или Фарсалѣ, стоило многихъ тысячъ людей, и опустошало цѣлыя страны. Многіе историки восхваляли Цезаря, и особенно стояли на томъ, что въ своихъ сраженіяхъ онъ погубилъ какъ разъ милліонъ людей. Если это такъ, то родъ человѣческій не имѣлъ болѣе лютаго врага. Калигула, Коммодъ, Геліогабалъ, въ сравненіи съ нимъ были чудомъ кротости и милосердія".

Въ этой тирадѣ уже чуется настоящій Лэнге. Истинная его природа, его свободомысліе, его наклонность идти наперекоръ общепринятымъ понятіямъ и мнѣніямъ, въ этомъ сочиненіи уже даютъ свои замѣтные ростки.

„Нужно было,—говоритъ Крюпи,—имѣть нѣкоторое мужество, чтобы злословить насчетъ воинствующихъ королей въ такую минуту, когда Европа за шесть послѣднихъ лѣтъ только-что потеряла на поляхъ сраженій именно милліонъ людей. Надъ этимъ даже свободомыслящіе философы того времени не задумывались. Кто прочелъ опытъ молодого писателя, былъ только непріятно пораженъ фамильярною смѣлостью, съ которою онъ оскорбительно отзывался о „герояхъ"—о Цезарѣ и Александрѣ. Исторія того времени, мало освѣдомленная, зато очень чопорная и вѣрная разъ установленнымъ традиціямъ, вышивала свои узоры по готовой канвѣ. Всякій новый источникъ принимался какъ оскорбленіе, всякій новый взглядъ—какъ заблужденіе. Монархи по преимуществу распредѣлялись на двѣ группы: группу героевъ и группу извергов. Это были не живые люди съ своими достоинствами и пороками, а манекены, оснащенные либо одною добродѣтелью, либо однимъ порокомъ. Критика, по поводу сочиненія Лэнге, наградила его прозвищемъ „защитника тирановъ", прозвищемъ, которое впослѣдствіи, въ 1793 г., и стоило ему головы".

Послѣ этой новой литературной неудачи, благодаря покровительству д'Аламбера, который обратилъ на него все-таки нѣкоторое вниманіе, Лэнге попадаетъ домашнимъ секретаремъ къ принцу де-Бовò, главнокомандующему французскихъ войскъ, предпринявшихъ демонстративную компанію въ Португалію. Результатомъ этой поѣздки было только знакомство Лэнге съ испанскимъ языкомъ и испанскою литературою (впослѣдствіи онъ перевелъ на французскій языкъ избранныя драмы Кальдерона и Лопе де-Вега, и издалъ ихъ), а затѣмъ путешествіе по Европѣ.

Въ Ліонѣ онъ чуть-было не затѣялъ устройства фабрики для изготовленія особаго, изобрѣтеннаго имъ, мыла (по холодному способу изготовленія). Въ Голландіи онъ живо заинтересовался блистательными промышленными успѣхами крохотной страны, по сравненію съ бѣдной экономической жизнью могущественной Франціи того времени. Въ качествѣ „фланирующаго философа", онъ въ 1763 г. возвратился во Францію, чрезъ Аббевиль (на Соммѣ, 157 килом. отъ Парижа), прежнюю столицу кантона Понтье, и рѣшился здѣсь остановиться и пожить нѣкоторое время. Никакихъ узъ родства или знакомства тутъ у него не было. Случайная остановка эта, тѣмъ не менѣе, опредѣлила всю его дальнѣйшую судьбу.

Городокъ былъ замкнутый, гордый своими прежними коммунальными вольностями, промышленный, дѣятельный, но очень подозрительный ко всѣмъ вновь прибывающимъ. Лэнге чуть не приняли за англійскаго шпіона. Мэръ города (mayeur) Дюваль де-Сикуръ—по отзыву Крюпи—„дуракъ на подкладкѣ фанатическаго звѣрства"—едва не арестовалъ его (впослѣдствіи, въ 1766 г., именно этотъ Дюваль де-Сикуръ будетъ предсѣдательствовать въ возмутительномъ процессѣ кавалера де-Лабара, гдѣ мы, въ качествѣ защитника, впервые встрѣтимся съ Лэнге). Тутъ же, въ Аббевилѣ, проживалъ и бывшій мэръ (представитель либеральной партіи) Дувиль, изъ породы смѣлыхъ и яростныхъ, хотя и скрытыхъ республиканцевъ. Это—будущій другъ Лэнге; но у власти былъ въ то время, побѣдившій его какъ разъ въ послѣднее время на выборахъ, Дюваль де-Сикуръ. Матросъ какой-то донесъ мэру, что Лэнге бродитъ по порту и всѣмъ интересуется. Лэнге позвали къ допросу. Онъ отвѣчалъ à la Rousseau, что „изучаетъ природу и людей, останавливаясь всюду, гдѣ находитъ предметы для своего изученія, утоляя жажду у перваго встрѣчнаго ручья". Чтобы доказать, что онъ не опасный и не безпутный праздношатающій, и въ отплату за гостепріимство, Лэнге предложилъ городскому начальнику прочесть курсъ лекцій „по математикѣ".

Обезоруженный мэръ согласился, порѣшивъ, однако, зорко наблюдать за нимъ. Лекціи имѣли огромный успѣхъ, особенно среди военной молодежи.

Тогда Лэнге остался въ Аббевилѣ и поселился у нѣкой вдовы Деверите́, прекрасной женщины, имѣвшей книжную торговлю. Сюда собирались всѣ „beaux esprits“ Аббевиля. Блестящій и остроумный говорунъ, Лэнге скоро сдѣлался здѣсь центромъ. Его пребываніе въ Аббевилѣ стало настоящимъ событіемъ. Онъ вдругъ сдѣлался „великимъ“ человѣкомъ провинціи. Завязались дружескія отношенія, особенно съ бывшимъ мэромъ Дувилемъ. Чествуя въ лицѣ Лэнге философа, свалившагося неожиданно ему съ неба, отставленный мэръ испытывалъ двойное удовольствіе удовлетворять своимъ умственнымъ потребностямъ и досаждать Дювалю де-Сикуръ. Онъ переманилъ Лэнге въ свой домъ и предложилъ ему заняться образованіемъ своего сына. Нѣсколько знакомыхъ семействъ послали своихъ дѣтей учиться вмѣстѣ. Учениками его были, кромѣ молодого Дувиля, Гайяръ Дэсталандъ, Дюманіель де-Савезъ, и знаменитый впослѣдствіи кавалеръ Лефевръ де-ла-Боръ.

Старику Дувилю удалось втянуть Лэнге даже въ нѣкоторые мѣстные интересы. Такъ, онъ писалъ брошюры о судоходствѣ Соммы и новомъ портѣ въ Аббевилѣ. Не удержался онъ и отъ попутной характеристики нравовъ Аббевиля, пустивъ неожиданно выходки по адресу 59 дѣвицъ, угрожавшихъ умаленію народонаселенія, благодаря скупости ихъ родителей. Не безъ основанія обрушился онъ въ спеціальной брошюрѣ также на претензіи мѣстныхъ суконныхъ фабрикантовъ, требовавшихъ все новыхъ и новыхъ охранныхъ налоговъ и привилегій.

Все вмѣстѣ взятое вооружило противъ него такъ называемую „благонамѣренную часть общества“ Аббевиля.

Въ одно прекрасное утро, по приказу Дюваля де-Сикура, у него былъ сдѣланъ неожиданно обыскъ. По счастью, ничего не нашли.

Несмотря на эти непріятныя осложненія, пребываніе въ Аббевилѣ дало Лэнге много отрадныхъ минутъ и временное, хотя и незначительное, удовлетвореніе его самолюбію. Въ своихъ мемуарахъ онъ называетъ это время блаженнымъ временемъ, дававшимъ ему дышать полною грудью.

Его писательская энергія какъ бы воспрянула здѣсь за̀ново. Въ 1764 г. имъ написаны въ Аббевилѣ: памфлетъ, трагедія, финансовый проектъ и, кромѣ того, пространный юридическій трудъ,

озаглавленный: „О необходимости реформы въ отправленіи правосудія“.

Въ памфлетѣ, весьма дерзкомъ и смѣломъ, озаглавленномъ „Les fanatismes des philosophes“, Лэнге съ новой точки зрѣнія развивалъ идеи Руссо о вредѣ цивилизаціи. Онъ объявлялъ, что философы искони были злѣйшими врагами человѣческаго рода, и что ихъ фанатизмъ опаснѣе даже всякаго религіознаго фанатизма. Онъ пытался установить, что самые отвратительные тираны имѣли своими воспитателями наиболѣе знаменитыхъ философовъ.

Философы всѣхъ временъ, по его мнѣнію, были лишь „мерзкимъ исчадіемъ льстецовъ“, наклонныхъ разрушать счастье „малыхъ сихъ“—и отнимать у нихъ единственное утѣшеніе—„блаженное невѣдѣніе“. Что касается до правителей, то ужъ если нужно ихъ учить кому, то не философамъ. Эти всѣ поступаютъ такъ же, какъ поступалъ „ростовщикъ“ Сенека, который, сфабриковавъ цѣликомъ Нерона, довелъ свой цинизмъ до того, что для этого же изверга сочинилъ свой знаменитый „Трактатъ о милосердіи“.

Трагедія, написанная имъ въ эту пору, была „Смерть Сократа“. Она никогда не была поставлена на сцену.

Экономическій этюдъ его, касаясь налоговъ или „королевской десятины“, внушаетъ ему, между прочимъ, такую тираду: „Видя богатаго человѣка, я не представляю его себѣ иначе, какъ несомаго на плечахъ всѣхъ несчастныхъ, рабочая сила которыхъ служитъ ему и пищею, и нарядомъ“. И во имя этого несчастнаго, Лэнге горячо протестуетъ противъ барщины того времени, на которую тратится лучшая народная кровь. О его сочиненіи юридическаго содержанія: „Реформа судопроизводства“, мы скажемъ нѣсколько ниже.

Неудовлетворенный своими литературными дебютами, осыпаемый градомъ хуленій и насмѣшекъ современной ему литературной критики, порвавшій, послѣ изданія своего памфлета противъ философовъ, связь даже съ д'Аламберомъ, который пытался-было ему покровительствовать, Лэнге снова остается одинокимъ, безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій и безъ всякихъ средствъ къ жизни. Онъ быстро покидаетъ Аббевиль и, очутившись вновь въ Парижѣ, чувствуетъ себя еще болѣе жалкимъ, непризнаннымъ и оскорбленнымъ.

Дѣлая теперь справедливую и вполнѣ благопріятную для Лэнге характеристику его литературной дѣятельности этого періода, отдавая должное глубинѣ, а для того времени и поразительной

новизнѣ его, казавшихся лишь съ перваго взгляда парадоксами, идей, оцѣнивая по достоинству точность, ясность и силу его почти современнаго намъ стиля, Крюпи дѣлаетъ ему лишь одинъ упрекъ: „Лэнге родился слишкомъ рано. Сразу онъ заговорилъ языкомъ Рошфора и Лассаля". Лэнге даже шелъ дальше ихъ. Если согласиться съ Крюпи, этотъ казненный революціею „защитникъ тирановъ", по своимъ идеямъ, былъ бы причисленъ нынѣ къ анархистамъ.

II.

Съ конца 1764 года начинается второй періодъ жизни и дѣятельности Лэнге.

Написавъ новую книгу: „Революція въ римской имперіи", онъ въ вступленіи къ этой книгѣ прощается съ литературой. Вотъ какую отповѣдь читаетъ ему по этому случаю Гриммъ въ своей „Correspondance": „Лэнге только-что выпустилъ въ свѣтъ свою „Исторію революціи въ римской имперіи" и въ своемъ вступленіи желаетъ распроститься съ литературой, при чемъ чистосердечно признаетъ, что его не завалили лаврами на этомъ поприщѣ. Онъ сознаетъ, что его произведенія почти сплошь оказались неудачными, хотя и не можетъ открыть причину этому. Я ее ему открою. Онъ пишетъ нестерпимо скучно. Парадоксы удаются только геніямъ. Я желаю добраго вечера г. Лэнге-автору, и много удачъ г. Лэнге-адвокату и его кліентамъ".

Дѣйствительно, 12-го октября 1764 г., по настоянію и подъ вліяніемъ одного своего почтеннаго родственника, онъ, уже будучи 28 лѣтъ отъ роду (возрастъ нѣсколько устарѣлый для стажьера), вносится въ списокъ „стажіеровъ" и сословія адвокатовъ при парламентѣ (barreau des avocats au Parlement). „Стажъ" въ то время длился четыре года.

Съ невеселыми мыслями и не съ большою охотою вступаетъ Лэнге въ сословіе современныхъ ему адвокатовъ. Въ его мемуарахъ можно отмѣтить слѣдующее мѣсто: „Меня никогда особенно не привлекала профессія адвоката. Съ нѣкоторою горечью рѣшаюсь я на этотъ шагъ. Но нужно же и мнѣ стать чѣмъ-нибудь въ жизни. Я предпочитаю быть богатымъ поваромъ, нежели голодающимъ и къ тому же никѣмъ не признаннымъ умникомъ".

Не слѣдуетъ думать, что роль адвоката дѣйствительно не соотвѣтствовала его истинному призванію. Вся его адвокатская дѣятельность докажетъ противное. Что касается до матеріальныхъ

интересовъ, которые толкнули его на эту дорогу, то, въ оправданіе Лэнге, вспомнимъ хотя бы Жоржъ-Зандъ, которая первую свою, прославившую ее, повѣсть написала для того, чтобы имѣть „нѣсколько карманныхъ денегъ“.

Ранѣе, чѣмъ слѣдить далѣе за Лэнге сперва въ качествѣ скромнаго, никому невѣдомаго „стажіера“, а вскорѣ уже и шумно прославленнаго адвоката, попытаемся немногими чертами охарактеризовать тотъ новый міръ, въ который вступаетъ Лэнге.

Этотъ новый міръ—„Дворецъ Юстиціи“, „Palais de Justice“. Дворецъ въ полномъ значеніи слова, ибо тутъ дѣйствительно была резиденція королей. Сперва въ немъ жили только короли, которые самолично и творили правосудіе (Лудовикъ IX Святой). Потомъ здѣсь жили и короли, и царскіе совѣтники, которые составляли парламентъ (они неприхотливо помѣщались въ Консьержери, теперешней тюрьмѣ). Творилось правосудіе уже сообща. Наконецъ, при Лудовикѣ XII, парламентъ вполнѣ завладѣлъ зданіемъ Дворца, а король, страдавшій подагрой и любившій ѣздить для моціона на маленькомъ осленкѣ, перебрался напротивъ, въ небольшой дворецъ, гдѣ имѣлся большой садъ.

Мало-по-малу отправленіе правосудія вовсе отошло отъ королей къ парламенту. Сохранились только посѣщенія королями Palais de Justice въ экстренныхъ, торжественныхъ случаяхъ и торжественныя засѣданія въ присутствіи короля, которыя назывались „lits de Justice“.

Къ тому времени, которое насъ интересуетъ и въ которое дѣйствовалъ въ качествѣ адвоката Лэнге, парламентъ представлялъ изъ себя уже очень сложную и очень могучую машину общаго государственнаго управленія Франціи. Онъ въ то время былъ на дѣлѣ „правительствующимъ“.

Своимъ политическимъ значеніемъ и возвышеніемъ парламентъ, главнымъ образомъ, обязанъ былъ тому, что служилъ одно время орудіемъ борьбы королевской власти съ феодальными порядками и притязаніями. Изданіе и примѣненіе драконовскихъ законовъ, для возвышенія королевскаго престижа, возложено было на парламентъ; короли, чтобы не имѣть личныхъ счетовъ съ надменными притязаніями все еще сильныхъ владѣтельныхъ особъ, въ этомъ какъ бы умывали руки.

Во время случайныхъ ослабленій королевской власти (передъ вступленіемъ на престолъ Франціи Генриха IV-го, въ малолѣтство Лудовика XIV), парламентъ никогда не упускалъ случая воспользоваться своимъ преобладающимъ положеніемъ для полновластнаго управленія страной. Какъ извѣстно, онъ призналъ

недѣйствительнымъ духовное завѣщаніе Лудовика XIII и вовсе устранилъ регентство Маріи де-Медичи. Онъ же призналъ недѣйствительнымъ и духовное завѣщаніе самого „великаго“ короля Лудовика XIV, хотя при жизни его трепеталъ и преклонялся предъ нимъ раболѣпно.

Во второй половинѣ XVIII-го столѣтія—по словамъ Крюпи—парламентъ судитъ, правитъ и представляетъ изъ себя тотъ центръ, куда стекаются и гдѣ переплетаются интересы рѣшительно всего государственнаго строя Франціи.

Самъ король, со всею своею неограниченною властью, появляется среди него по праву еще деспотомъ, но въ дѣйствительности уже нерѣдко почти обвиняемымъ, котораго то-и-дѣло осуждаютъ высокомѣрные судьи, сохраняющіе при этомъ лишь наружно торжественно-приниженный видъ все еще колѣнопреклоненныхъ вѣрноподданныхъ.

Мы не будемъ касаться здѣсь всей сложной и своеобразной внутренней организаціи и внѣшняго устройства Дворца. Это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко. Съ дѣятельностью Лэнге, какъ адвоката, связаны, главнымъ образомъ, судебные функціи и органы парламента. Поэтому на нихъ мы только и остановимся.

Чтобы понять обширные предѣлы судебной юрисдикціи парижскаго парламента, достаточно сказать, что онъ замѣнялъ собою девять нынѣ существующихъ апелляціонныхъ палатъ почти по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, и что онъ же восполнялъ собою и нынѣшній верховный кассаціонный судъ, такъ какъ со всей Франціи дѣла стекались къ нему не только по апелляціямъ, но и на ревизію. Засѣданія его разбивались на сессіи по мѣсяцамъ въ году. Дѣла каждаго округа имѣли свою очередь. По замѣчанію Крюпи, были злополучные округа, которые нѣсколько лѣтъ подъ рядъ никакъ не могли попасть въ очередь. Во главѣ парламента стоялъ первый президентъ. Это былъ своего рода верховный властитель, окруженный всевозможными знаками отличій и почестями, имѣвшій свое роскошное помѣщеніе во Дворцѣ. За нимъ шли президенты отдѣльныхъ палатъ (chambres), числомъ 20. Затѣмъ 150 членовъ парламента, и gens du roi—въ качествѣ прокурорскаго надзора. Это—высшіе чины парламента. Въ большинствѣ своемъ все это были люди съ состояніемъ, съ предками, со связями при дворѣ. Ихъ должности имѣли отчасти наслѣдственный характеръ. Нерѣдко онѣ переходили отъ отца къ сыну. Въ нихъ какъ бы косвенно играли лучи судейской несмѣняемости. Всѣ эти господа, большею частью воспитанные въ духѣ легкаго и безвреднаго янсенизма—очень

умѣренные либералы, но за то очень большіе политиканы. Они умудряются одною рукою изгонять мракъ невѣжества изъ умовъ Франціи путемъ изгнанія іезуитовъ, а другою, и притомъ въ то же самое время, сжигать философскія сочиненія лучшихъ умовъ той же Франціи.

За высшими чинами слѣдовали цѣлые батальоны канцелярскихъ дѣятелей, состоящихъ при томъ же парламентѣ, самыхъ разнообразныхъ наименованій, но съ строго замкнутыми задачами и обязанностями: служить безпрекословно видамъ и интересамъ парламента.

Какова же общая нравственная характеристика этого правящаго и судящаго безапелляціонно „парламентскаго сословія" въ эпоху, которая насъ занимаетъ?

Не подлежитъ сомнѣнію, что среди старинной французской магистратуры были люди съ стойкимъ и независимымъ характеромъ, хранители лучшихъ и благороднѣйшихъ традицій. Попадались они и среди парламентской клики временъ Лудовика XV-го. Напримѣръ, достаточно назвать Мальзэрба, президента одной изъ палатъ парламента (chambres des aides). Но именно къ концу XVIII-вѣка парламентская юстиція въ общемъ утратила уже свои прежнія добродѣтели. По словамъ Крюпи, юстиція эта „ходила уже тогда на двухъ своихъ костыляхъ". Первый костыль была—продажность, проникшая изъ канцеляріи до высшихъ судейскихъ ступеней; и второй—вліяніе и закулисныя ходатайства. Вліяніе сильныхъ (приближенныхъ ко двору) было такъ велико, что оно по истинѣ считалось тою незримою осью, на которой въ сущности вращалась вся судебная машина.

Съ внѣшней стороны, однако, весь судебный ритуалъ былъ обставленъ необыкновенною торжественностью. Позолота потолковъ, ярко-красный пурпуръ и горностай судейскихъ мантій, освѣщенный въ вечернія засѣданія восковыми свѣчами, импонировали и рѣзали глазъ своимъ недосягаемымъ величіемъ.

Впрочемъ, если порыться въ архивахъ парламента, то окажется, что сохраненіе и такого внѣшняго престижа стоило уже не малаго труда. Крюпи приводитъ одну тираду изъ наказа старшаго предсѣдателя своимъ подчиненнымъ членамъ. Имъ внушается: „присутствовать болѣе аккуратно на засѣданіяхъ, слушать внимательно пренія, а не спать и не болтать о пустякахъ между собой, не бродить также по заламъ Дворца безцѣльно, увлекая за собой судей и изъ другихъ отдѣленій".

Чтобы понять значеніе послѣдняго попечительнаго замѣчанія, слѣдуетъ имѣть въ виду нѣкоторыя топографическія, а отчасти

и историческія особенности этого „Дворца Юстиціи". Съ выселеніемъ королей, къ нему придвинулся весь праздный, а за нимъ и торговый міръ уже и въ то время достаточно шумнаго Парижа.

Одно время и во дворѣ, и въ стѣнахъ его шла самая оживленная, пестрая и разнообразная ярмарка. Въ знаменитой залѣ des Pas Perdus нарасхватъ раскупались мѣста для лавчонокъ и кіосковъ. Здѣсь велась самая оживленная и разнообразная торговля; особенно бойко шли ювелирное, парфюмерное и книжное дѣло. Можно себѣ представить, какая разнообразная толпа посѣщала этотъ вѣчный базаръ, особенно пока это было въ модѣ. Судейскія и адвокатскія тоги буквально должны были нырять среди волнъ разношерстной публики, среди которыхъ мелькали и лица молодыхъ, хорошенькихъ женщинъ. Оффиціальное предостереженіе, цитированное выше, не лищено, такимъ образомъ, своей бытовой и исторической пикантности.

Къ моменту вступленія Лэнге въ сословіе адвокатовъ парламента Дворецъ уже утратилъ нѣсколько свой специфически-ярмарочный видъ, но въ залахъ и корридорахъ его все еще было достаточно оживленно и шумно. Сюда являются для сообщенія другъ другу политическихъ новостей и для тонкихъ словопреній. Здѣсь разнаго рода новаторы и прожектёры въ умственной сферѣ, которыми кипѣлъ до-революціонный Парижъ, не прочь принимать позы настоящихъ проповѣдниковъ. Торговые прилавки изъ залы des Pas Perdus были уже почти сплошь изгнаны, за исключеніемъ, однако, прилавковъ книгопродавцевъ, которые, наоборотъ, здѣсь-то и свили свои постоянныя гнѣзда. Они непрерывнымъ поясомъ охватывали собою стѣны обширной залы, гостепріимно давая пріютъ лишь 12 длиннымъ дубовымъ скамьямъ. Но это были не простыя дубовыя скамьи, предназначенныя для отдохновенія перваго встрѣчнаго: нѣтъ, это были скамьи особенныя, почти священныя. Каждая изъ нихъ носила свое особенное названіе: „Столбъ консультацій", „Осторожность", „Добрая вѣра", „Святая Вероника", „Горностаевая шпага" и т. п.

Эти скамьи принадлежали адвокатскому сословію. Все сословіе, состоявшее изъ 600 человѣкъ, раздѣлялось на 12 группъ или колоннъ, къ которымъ приписывались „стажіеры". Каждая колонна имѣла въ залѣ des Pas Perdus свою скамью, надъ которой надзиралъ сосѣдній книгопродавецъ. Когда товарищи подвергали остракизму своего сочлена, деликатное порученіе объявить обвиненному роковую сентенцію возлагалось на соотвѣтствующаго книгопродавца. Такое изгнаніе со скамьи предрекало обыкновенно и самое исключеніе изъ сословія. Если про-

винившійся былъ чутокъ и догадливъ, онъ спѣшилъ самъ покинуть сословіе.

Итакъ, въ самомъ парламентѣ оффиціально существовало сословіе адвокатовъ (это—настоящее barreau: les avocats au Parlement). Какова же была его организація, въ чемъ заключались его интересы, каково было общественное его значеніе? По словамъ Крюпи, это было замкнутое сообщество законниковъ съ полу-религіознымъ, во всякомъ случаѣ очень набожнымъ и строго католическимъ оттѣнкомъ. Оно даже называлось: „собратствомъ св. Николая". Не мало духовныхъ лицъ числилось еще въ его спискахъ. Ежегодный торжественный выборъ старшины сословія (batonnier) совпадалъ съ празднованіемъ св. „патрона ордена" Николая Чудотворца, и приходился на 9-е мая.

Эти законники почти всѣ были довольно плохими ораторами, но зато они были отличными эрудистами, всецѣло поглощенными казуистикою и изученіемъ догмы права. Живя въ тискахъ мертвыхъ традицій, недоступные никакимъ новымъ вѣяніямъ и идеямъ, отъ души ненавидящіе протестантовъ, слегка подтрунивающіе надъ папой, но въ ужасѣ творящіе крестное знаменіе при одномъ словѣ „разводъ", они были еще менѣе либеральны и менѣе скептичны, чѣмъ сама магистратура, которая по крайней мѣрѣ усиливалась играть извѣстную политическую роль.

Исполняя обязанности защитниковъ по уголовнымъ дѣламъ, стоя бокъ-о-бокъ со всѣми ужасами пытки, они не возмущались ею. Они серьезно дебатировали лишь доказательное значеніе „большихъ" и „малыхъ" допросовъ.

Въ общемъ, однако, это все были хорошіе люди и добросовѣстные труженики, зарывавшіеся въ свои фоліанты и отвѣтственные иски съ утра и до ночи. Они почти никогда не снимаютъ съ себя тоги и бѣлыхъ брыжжей, они всегда адвокаты, всегда при исполненіи своихъ обязанностей. И по квартирамъ группируются они вокругъ Palais de Justice, чтобы быть ближе къ источнику общаго заработка. Чуждые всякимъ общественнымъ волненіямъ и политическимъ вѣяніямъ, эти законченные и безнадежные рутинёры—строгіе юристы, поглощенные либо пріобрѣтеніемъ состоянія, либо забавляющіеся „цицеронствомъ" (à ciceronner). Магистратура и прокуратура охотно ихъ терпитъ и даже поощряетъ, такъ какъ они ничѣмъ не мѣшаютъ имъ, не тормазятъ своимъ непрошенно-энергичнымъ или черезъ-чуръ страстнымъ отношеніемъ къ дѣлу—„естественнаго" хода правосудія. Въ государствѣ сословіе просто не въ счету. Оно влечетъ къ себѣ только такъ называемыхъ „приличныхъ" молодыхъ

людей хорошихъ семействъ, отчасти талантливыхъ, но, главнымъ образомъ, лишенныхъ необходимыхъ наслѣдственныхъ рессурсовъ.

Можно себѣ живо представить тѣ чувства отчужденія и затаенной вражды, которыя испытывалъ Лэнге ко всему этому новому міру, насыщенному условностями и традиціями, всегда и всюду противными его впечатлительной и экзальтированно-непримиримой натурѣ. Къ тому же насчетъ дѣйствительно темныхъ и даже мрачныхъ сторонъ тогдашнихъ судебныхъ порядковъ у него уже окончательно составился довольно опредѣленный взглядъ. Почти непосредственно передъ вступленіемъ своимъ въ число адвокатовъ онъ выпустилъ въ свѣтъ два изъ своихъ наиболѣе удачныхъ сочиненія, оба юридическаго содержанія: „Реформа юстиціи“ и „Реформа гражданскихъ законовъ“. Гдѣ и когда Лэнге успѣлъ изучить догму права, судопроизводства и ихъ исторію—остается его тайной, но по общепринятому мнѣнію къ 1764 году онъ уже владѣлъ этими предметами съ тою полнотою знаній и широтою взглядовъ, которыя весьма выгодно выдѣляли названныя двѣ книги даже изъ ряда другихъ писаній Лэнге.

О современной ему судебной машинѣ Лэнге, какъ и слѣдовало ожидать, былъ весьма невысокаго мнѣнія. Въ „Реформѣ юстиціи“ онъ между прочимъ пишетъ: „Ранѣе всего необходимо упразднить этотъ водопадъ судопроизводственныхъ осложненій, это паденіе тяжущихся со ступени на ступени инстанцій, паденіе, увлекающее ихъ въ пропасть, изъ которой ни одному уже не выбраться“. Онъ требуетъ введенія народнаго элемента (попросту присяжныхъ) въ коллегіальные суды (présidaux), съ тѣмъ, чтобы они постановляли окончательные приговоры и рѣшенія, и жестоко издѣвается надъ остатками феодализма, мѣстными сеніоріальными судами, которые выродились въ настоящую каррикатуру (синьоры назначили вмѣсто себя baillis, которые нерѣдко бывали невѣжественны и всегда продажны). Въ критикѣ гражданскихъ законовъ Лэнге не менѣе радикаленъ. Онъ ярко обрисовываетъ ихъ невообразимый хаосъ, который приводитъ на практикѣ къ тому, что въ процессѣ изъ-за ста пистолей адвокату приходится перерыть десятокъ фоліантовъ, ранѣе нежели выудить что-либо подходящее.

Современное ему состояніе французскаго законодательства онъ живописуетъ въ слѣдующихъ немногихъ строкахъ: „представьте себѣ огромное поле, на которомъ раскиданы вперемежку голыши (обычаи) всевозможныхъ образованій и періодовъ и обломки кирпичей (указовъ, законовъ, рѣшеній), и людей, ко-

торые устремляются за ними, чтобы съ великимъ трудомъ собрать каждый разъ и сдѣлать изъ нихъ кучу; эти люди горделиво именуютъ себя архитекторами (я бы назвалъ ихъ мусорщиками). Такова наша юриспруденція и наши господа юрисконсульты".

Не лишено также интереса и то, какъ Лэнге отзывается объ адвокатахъ, своихъ будущихъ коллегахъ. „Въ святилищѣ богини правосудія,—говоритъ онъ,—есть люди, предназначенные передавать ей моленія прибѣгающихъ къ ея заступничеству. Имъ однимъ, подобно служителямъ оракуловъ въ древности, принадлежитъ право вопрошать богиню и говорить съ нею. Подобно этимъ священнослужителямъ, они очень ревниво слѣдятъ за тѣмъ, чтобы имъ было уплочено ранѣе, нежели они откроютъ ротъ". Можно себѣ довольно живо представить, какими косыми взглядами взглянули на Лэнге эти авгуры, узнавъ въ никому невѣдомомъ „стажіерѣ" дерзкаго автора двухъ названныхъ юридическихъ сочиненій, въ которыхъ колебались всѣ „священные" устои тогдашняго судоустройства. На почетныхъ адвокатскихъ скамьяхъ, въ ожиданіи дѣлъ, возсѣдали обыкновенно старики (les anciens) съ туго-набитыми портфелями; вокругъ нихъ почтительнымъ полукругомъ группировались молодые „стажіеры". Для Лэнге, которому, по усвоенному „стажіерами" обычаю, приходилось притворяться, что и онъ куда-то спѣшитъ, хотя у него не было еще ни одного дѣла, были особенно притягательны эти сословныя „говорильни", эти маленькія фехтовальныя залы, гдѣ наперерывъ молодежь пробовала остроту своего адвокатскаго оружія—языка. Лэнге сразу обратилъ здѣсь на себя вниманіе товарищей, но лишь къ своей невыгодѣ. Его вызывающая, маленькая, но дерзкая фигура, его заносчивыя и жесткія тирады, его запальчивый тонъ, его простой и образный языкъ не нравился старикамъ (aux anciens). А безъ ихъ авторитетной аппробаціи репутація молодого адвоката не могла быть сдѣлана.

Уже позднѣе, Лэнге, сознавъ неумѣстную колкость своихъ пріемовъ, заносилъ слѣдующую тираду въ свои мемуары:

„Я бродилъ по Дворцу какъ потерянный; мою неловкость и неувѣренность въ себѣ принимали за дерзость, всѣ мои слова встрѣчались какъ злая насмѣшка или оскорбленіе. Я не зналъ тогда, что для того, чтобы имѣть легкій доступъ въ сословіе, нужно заручиться протекціею старшаго, нужно слѣдовать по его пятамъ, нужно укрывать его разрушеніе, нужно избавлять его усталую руку, а подчасъ и истощенную голову, отъ трудовъ, требуемыхъ общественнымъ довѣріемъ, посвятить ему собственную

свою молодость, чтобы дожить, наконецъ, до той минуты, когда можешь поглотить чужую. Однимъ словомъ, въ качествѣ новаго Елисея слѣдовало дебютировать не иначе какъ подъ благодѣтельнымъ покровомъ ветхаго плаща пророка Ильи".

Въ этой мрачной картинѣ были, конечно, и преувеличенія. Однако посмотримъ на интимную жизнь сословія, отмѣтимъ, на чемъ держалось оно, въ чемъ были его блескъ, его слава,—и тогда, быть можетъ, намъ станетъ понятнѣе, почему именно Лэнге, этотъ „анархистъ по идеямъ", такъ не пришелся по вкусу современной ему адвокатурѣ. Въ то время, когда вступилъ въ сословіе Лэнге, уже умеръ Кошэнъ, безсмертный Кошэнъ, которому „Римъ, Аѳины и Лондонъ соорудили бы памятники",—по мнѣнію его современниковъ,—но уцѣлѣвшая проза котораго, по отзыву Крюпи, совершенно неудобочитаема въ наши дни. „Скипетръ краснорѣчія онъ передалъ непосредственно въ руки Жербье", который въ то время и былъ „орломъ сословія". Въ ту пору судебное краснорѣчіе было чуждо простоты и особенно страдало неточностью выраженій. Это было нѣчто расплывчатое, звонкое, торжественное, испещренное безконечными латинскими цитатами изъ классиковъ, съ великими трудностями разысканными и притянутыми за уши къ мало подходящимъ случаямъ. Тогдашній форумъ краснорѣчія былъ въ сущности давно устарѣлою школою реторики. Каждый ораторъ преслѣдовалъ одну только задачу; по внѣшнимъ пріемамъ уподобиться Цицерону, тая въ себѣ надежду превзойти его благородствомъ и гармоничностью тона. По словамъ Крюпи, всѣ тогда „цицеронили".

Судебный языкъ XVIII столѣтія неустойчиво колеблется, отыскивая еще себѣ пути между прошлымъ, которое рушится, и новымъ, которое еще ждетъ своихъ творцовъ въ лицѣ именно Лэнге и Мирабо. Только съ ихъ появленіемъ туманъ реторики на трибунѣ окончательно проясняется, судебный языкъ находитъ новыя благородныя формы, находитъ точность, чистоту и ясность выраженій.

По отношенію къ судебному краснорѣчію, Лэнге явился въ XVIII столѣтіи настоящимъ реформаторомъ. Послѣ первыхъ же, нѣсколько неувѣренныхъ шаговъ „стажіера" онъ разомъ завоевываетъ положеніе перваго судебнаго оратора своего времени. Освобожденный самыми недостатками своими отъ всякой школы и предвзятыхъ формъ, онъ успѣлъ сразу найти тотъ дѣловой языкъ, простой и нервный, который свойственъ нашему современному краснорѣчію.

Понятно, съ какимъ отвращеніемъ и ужасомъ должны были

взглянуть старики (les anciens) на дерзкаго и необузданнаго оратора. Старость признаетъ идеалы только въ прошломъ. Не даромъ еще въ 1698 г. „великій" Дагессо уже оплакивалъ умаленіе краснорѣчія въ сословіи: „мы видимъ, какъ угасаютъ великіе люди, но не видимъ нарождающихся изъ ихъ праха"!—горько восклицалъ онъ. Точно также и XVIII вѣкъ считалъ своихъ знаменитостей недосягаемыми. Въ особенности славились: Терассонъ, Легуве, Буше, Аржи, Трейаръ, Анріонъ, Ранзеу, Римберъ и „легковѣсный" Фальконэ, о которомъ говорили, что онъ „кричитъ во слѣдъ большимъ, чтобы имѣть ихъ практику". Но слава несравненнаго Жербье выдѣляла его и изъ этой группы, и онъ, по выраженію Крюпи, „возвышался надъ всѣмъ сословіемъ, какъ дубъ возвышается надъ соснами".

Бѣглая характеристика Жербье тѣмъ болѣе умѣстна здѣсь, что именно въ лицѣ этого типичнаго и прославленнаго оратора своего времени, возросшаго и воспитаннаго въ строгихъ преданіяхъ и традиціяхъ сословія, пришедшій съ вѣтру Лэнге нашелъ сразу свою воплощенную противоположность, своего яростнаго противника, а впослѣдствіи и своего заклятого, непримиримаго врага.

Сопоставляя судьбу Жербье и Лэнге, Крюпи въ концѣ концовъ признаетъ ихъ обоихъ своего рода неудачниками. Онъ находитъ, что одинъ родился слишкомъ поздно, другой—слишкомъ рано. Жербье съ своимъ пристрастіемъ къ классицизму и убѣжденіями янсениста, съ пластичной фигурой и прекрасной наружностью, торжественный въ рѣчахъ, не большого ума, но за то души возвышенной, былъ въ сущности человѣкомъ еще XVII вѣка. За то Лэнге, некрасивый, съ выдающеюся впередъ нижнею челюстью, небольшого роста, подвижной и нервный, революціонеръ въ душѣ, весь повернутый лицомъ къ будущему, идетъ далѣе самыхъ передовыхъ идей своего вѣка даже и тогда, когда думаетъ, что съ ними сражается.

Былъ ли дѣйствительно талантливъ Жербье?—задается вопросомъ Крюпи, и самъ отвѣчаетъ на это:—„вѣроятно,—такъ какъ онъ отлично удовлетворялъ своему времени. Къ счастью для его славы, онъ былъ импровизаторъ. То немногое, что̀ случайно уцѣлѣло изъ его рѣчей, пусто, звучно и не имѣетъ цѣны. Оно даетъ весьма малое представленіе о томъ, въ чемъ таилась его истинно-ораторская мощь". Надо думать, что самый процессъ рѣчи, самые ораторскіе пріемы его побѣждали слушателей. Онъ славился голосомъ очаровательно-гармоничнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ. Мало того, онъ въ совершенствѣ владѣлъ арсе-

наломъ цитатъ и эффектомъ общихъ мѣстъ. Литературно-образованный, онъ не избѣгалъ чужихъ мнѣній и словъ, которыя искусно вплеталъ въ видѣ красивыхъ гирляндъ въ свои шаблонно-построенныя, но эффектно-декорированныя рѣчи. Онъ былъ незамѣнимымъ ораторомъ для такъ называемыхъ торжественныхъ случаевъ.

Въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ онъ ловко умѣлъ импровизировать привѣтствіе королю или принцамъ крови, когда тѣ неожиданно посѣщали судебныя засѣданія. Такъ въ Palais de Justice долго жили слова привѣтствія, сказанныя имъ Христіану VI, королю датскому, когда тотъ, въ качествѣ „знатнаго иностранца", вступилъ въ судебное парламентское засѣданіе. Обращаясь къ королю, Жербье неожиданно восклицаетъ: „Montez au Capitole! Venez admirer ces augustes sénateurs, ce corps antique et véneré! „Montez au Capitole"!—Этотъ ораторскій пріемъ былъ долго признаваемъ недосягаемымъ. Магистратура была особенно восхищена имъ. Адвокатура имъ гордилась. Эффектъ признавался классическимъ. Еще въ 1824 г., по словамъ Берье-отца, когда старики хотѣли укорить молодыхъ, то вспоминали Жербье и, поднявъ правую, задрапированную широкимъ рукавомъ тоги, руку, торжественно восклицали: „Montez, montez au Capitole"!

III.

Первое, прославившее Лэнге, судебное дѣло былъ знаменитый процессъ кавалера Лефевра-де-Ла-Баръ и его соучастниковъ. Возникло оно въ концѣ 1765 года. Въ провинціальномъ городѣ Аббевилѣ, томъ самомъ, гдѣ разглагольствовалъ нѣкогда Лэнге въ качествѣ фланирующаго философа, было изсѣчено, повидимому, сабельными ударами деревянное изображеніе распятаго Христа, очень чтимое населеніемъ. Такъ какъ прямыхъ виновниковъ этого кощунства открыто не было, несмотря на всѣ старанія властей и усилія духовенства, которое въ торжественныхъ шествіяхъ къ изсѣченному кресту возбуждало населеніе къ доносамъ и выдачѣ, во что бы то ни стало, виновниковъ, то стоявшій во главѣ мѣстной юстиціи засѣдатель, уже извѣстный намъ Дюваль-де-Сіокуръ, пользуясь чисто чиновничьею покладистостью мѣстнаго генеральнаго прокурора Гикé, испросилъ себѣ разрѣшеніе возбудить совершенно новое обвиненіе (на чтò и было получено согласіе изъ Парижа), которое бы поглотило и, такъ сказать, всосало въ себя нераскрытое въ сущности преступленіе объ оскорбленіи святыни.

Дювалю-де-Сіокуру было предоставлено произвести нѣчто въ родѣ повальнаго обыска, для раскрытія „кощунственнаго свободомыслія вообще въ городѣ". На этой отвратительной почвѣ, насыщенной доносами и шпіонствомъ, и возникъ печальный процессъ Ла-Бара, который далъ Дювалю-де-Сіокуру подходящій случай свести свои личные счеты съ семействами враждебныхъ ему лицъ (Дюваля, Ла-Бара и друг.).

Одинъ изъ заподозрѣнныхъ, молодой д'Эсталондъ, успѣлъ во-время бѣжать за границу, а несчастный кавалеръ Ла-Баръ, какъ наиболѣе скомпрометтированный, вмѣстѣ съ „Энциклопедическимъ Словаремъ" Вольтера, найденнымъ у него при обыскѣ, былъ немедленно преданъ суду. Это былъ первый пробный шаръ Дюваля-де-Сіокура, который, въ компаніи еще двухъ судей, приговорилъ Ла-Бара къ выдернутію языка, смерти и сожженію трупа, а Вольтера, въ лицѣ его „Словаря", къ торжественному сожженію рукою палача.

Въ такомъ положеніи вступилъ въ процессъ въ качествѣ защитника дотолѣ никому невѣдомый „стажіеръ" Лэнге.

Обращеніемъ къ нему Лэнге былъ всецѣло обязанъ тому обстоятельству, что, проживая въ Аббевилѣ, былъ нѣкогда учителемъ въ домѣ отца одного изъ заподозрѣнныхъ,—Дюваля. Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакой возможности прослѣдить за всѣми захватывающими перипетіями этого процесса, подробно воспроизводимыми Крюпи на основаніи новыхъ, доселѣ мало извѣстныхъ документовъ. Но мы должны опредѣлить въ немъ участіе Лэнге, какъ защитника. Въ чемъ, однако, могла проявляться тогда защита? Ордонансомъ, отъ апрѣля 1670 года, адвокатамъ была вовсе воспрещена словесная защита обвиняемыхъ передъ судомъ. Они имѣли право плэдировать только по гражданскимъ дѣламъ. Оставались: подача совѣтовъ, меморіи, защитительныя записки и ходатайства передъ высокопоставленными и вліятельными лицами.

Былъ еще одинъ надежный рессурсъ: печатаніе защитительныхъ записокъ, которыя въ выдающихся процессахъ быстро расходились по рукамъ, волновали умы и производили свое дѣйствіе на общественное мнѣніе. Но на этотъ разъ процессъ былъ исключительный; предварительное слѣдствіе производилось въ строжайшей тайнѣ, и какъ предписывалось изъ Парижа отъ главнаго генеральнаго прокурора Жоли-де-Флери, „dans toute la rigueur de l'ordonnance". Процессъ Ла-Бара находился подъ особою охраною царившаго въ то время еще сполна юридическаго принципа, который гласилъ, что въ преступленіяхъ ужасныхъ, вы-

дающихся, достаточно и самомалѣйшихъ уликъ и основаній для преданія суду, и что въ подобныхъ экстренныхъ случаяхъ судейская совѣсть вправѣ даже нѣсколько уклоняться отъ закона...

Такой судья, какъ Дюваль-де-Сіокуръ, подъ сѣнью подобнаго судопроизводственнаго режима, могъ уклоняться куда ему было угодно. И онъ дѣйствительно „уклонился". Этотъ—по выраженію Крюпи—„ловкій плутъ" умѣлъ отлично сочетать свои маленькіе личные счеты съ большими правительственными задачами, которыя затѣяли преслѣдовать въ процессѣ Ла-Бара. Послѣ осужденія Дамьена (покушеніе на жизнь короля), процессъ Ла-Бара считался едва ли не самымъ важнымъ процессомъ своего времени. Лудовикъ XV, котораго нѣкоторые придворные, горячо убѣжденные въ совершенной невиновности кавалера Ла-Бара, тщетно умоляли повлiять на предстоящее рѣшеніе парламента, лишь съ наивною безнадежностью восклицалъ: „Какъ! хотятъ, чтобы я не далъ имъ защитить Царя Небеснаго, когда они только-что такъ отлично защитили царя земного!" (намекъ на лютую казнь Дамьена).

При подобномъ положеніи дѣла всѣ адвокаты естественно глядѣли на аббевильскій процессъ какъ на дѣло совершенно погребенное. Можно было еще, пожалуй, навлечь и на себя лично непріятности. Лэнге принялся, однако, за защиту съ энергіей и скоро весь страстно предался ей. Въ своихъ мемуарахъ онъ отмѣчаетъ: „я вынесъ по поводу этого дѣла всѣ непріятности и огорченія, какія только возможны; мнѣ не позволяли опубликовать ни одной защитительной записки. Приходилось ограничиваться только рукописною работою, которая стоила неимовѣрныхъ усилій и не успѣла спасти несчастнаго Ла-Бара".

Приговоръ аббевильскаго суда о кавалерѣ Ла-Барѣ былъ утвержденъ 5-го октября 1786 года. Дѣло прошло въ парламентѣ почти незамѣтно, въ числѣ прочихъ 32-хъ, назначенныхъ къ слушанію на тотъ же день, дѣлъ, подъ № 23-мъ, какъ будто рѣчь шла о какомъ-нибудь заурядномъ и безспорномъ искѣ по векселю.

Ла-Баръ былъ казненъ въ Аббевилѣ и прахъ его былъ сожженъ и разсѣянъ по вѣтру при апплодисментахъ аббевильскихъ ханжей. Любопытная подробность: главный генеральный прокуроръ Жоли-де-Флери, на обязанности котораго лежала провѣрка счета, представленнаго палачомъ Самсономъ, командированнымъ въ Аббевиль для казни Ла-Бара, скинулъ со счета „за вырваніе языка". Осужденный, въ этотъ моментъ казни, оказалъ нѣкоторое сопротивленіе, и галантный палачъ не сталъ настаи-

вать. Генеральный прокуроръ, „свято соблюдая интересы казны" вычеркнулъ изъ счета палача „незаработанныя" въ дѣйствительности 20 ливровъ, ибо „языкъ вырванъ не былъ". Палачъ получилъ выговоръ, а генеральный прокуроръ избѣжалъ начета контроля.

Но если, къ своему величайшему горю и отчаянію, Лэнге ничего не могъ сдѣлать для спасенія бывшаго своего ученика, кавалера Ла-Бара, за то благодаря ему, и только ему, были спасены остальные трое молодыхъ людей: Дувиль-де-Савезъ и Муаснель, которые томились въ аббевильской тюрьмѣ во власти Дюваля де-Сіокура, ожидая своей очереди.

Процессъ Ла-Бара, ставшій всемірно-извѣстнымъ, благодаря возстановленію впослѣдствіи памяти невинно-осужденнаго, занималъ лучшіе умы того времени и произвелъ огромное впечатлѣніе и на Беккарію. Всю честь защиты по этому дѣлу общественное мнѣніе, одно время, приписывало исключительно Вольтеру. Но вотъ что̀ самъ Вольтеръ пишетъ Кондорсе́ по этому поводу въ 1774 году: „Лэнге съ безкорыстнымъ и благороднымъ самоотверженіемъ принялъ на себя защиту обвиняемыхъ изъ Аббевиля. Если признавать за Лэнге тѣ или другіе грѣхи, то нужно же признать, что въ числѣ его книгъ есть хорошія, и въ числѣ его поступковъ—дивные"!

Крюпи, перелистовавшій самолично все архивное производство и особенно тщательно прокурорскую переписку по этому дѣлу (не изданную вовсе), удостовѣряетъ, что Лэнге сыгралъ въ этомъ процессѣ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ это можно было думать, особенно имѣя въ виду существовавшій въ тѣ времена судопроизводственный порядокъ. По необходимости онъ вышелъ совершенно изъ легальныхъ рамокъ возможной тогда адвокатской защиты. Онъ совершилъ даже рядъ воспрещенныхъ дѣяній, напечатавъ безъ разрѣшенія генералъ-прокурора послѣдовательно нѣсколько страстныхъ и вмѣстѣ дѣльныхъ защитительныхъ записокъ. Онъ вывелъ на свѣжую воду всю гнусную подкладку этого дѣла, обрисовалъ роль Дюваля де-Сіокура въ процессѣ и добился наконецъ того, что по намеку свыше этотъ послѣдній былъ вынужденъ самъ отвести себя отъ предсѣдательствованія въ засѣданіи, въ которомъ судились трое молодыхъ людей, соучастниковъ Ла-Бара. По отзыву опять-таки того же Вольтера, въ защитительныхъ запискахъ своихъ по этому дѣлу, какъ впрочемъ и въ большинствѣ своихъ писаній, Лэнге „жёгъ, но свѣтилъ" въ одно и то же время (Il brûle, mais il eclaire)!

Записки его въ короткій срокъ разошлись въ такомъ коли-

чествѣ, читались съ такою жадностью и были изложены съ такою силою убѣдительности, что, по словамъ Вольтера, скоро уже не отыскивалось въ цѣлой Франціи ни одного судьи, который рѣшился бы осудить соучастниковъ Ла-Бара. И точно, по устраненіи Дюваля-де-Сіокуръ отъ разбирательства дѣла въ качествѣ предсѣдателя, участь обвиняемыхъ была обезпечена. Всѣ трое были торжественно оправданы. Дѣло это разомъ дало славу адвокату Лэнге, но дало ему и враговъ, и завистниковъ, сила и мощь которыхъ по тѣмъ временамъ могли быть страшны.

Вторымъ, не менѣе громкимъ дѣломъ, въ которомъ въ качествѣ все еще лишь пишущаго, а не плэдирующаго адвоката проявилъ силу своего таланта Лэнге, должно быть названо дѣло герцога д'Эгіона, нѣкогда всемогущаго губернатора Бретани.

Случайно ослабивъ свое вліяніе при дворѣ и впавъ въ немилость, герцогъ неожиданно для себя, но къ великой радости многочисленныхъ своихъ завистниковъ, попалъ подъ судъ по обвиненію въ превышеніи власти и другихъ служебныхъ злоупотребленіяхъ. Одолѣвшая его „магистратура" потирала уже руки въ ожиданіи того, что „скатится, наконецъ, голова" этого высокомѣрнаго и гордаго вельможи, претензіи котораго „уравняетъ парламентъ".

Изверившись въ консультаціи и меморіи другихъ наиболѣе знаменитыхъ адвокатовъ, напичканныхъ латинскими цитатами, римскимъ правомъ и не идущими вовсе къ дѣлу законами, герцогъ, по собственной своей иниціативѣ, тайкомъ отъ нихъ, обратился къ содѣйствію Лэнге. Этотъ сразу поставилъ дѣло на надлежащую почву. Въ своихъ запискахъ въ защиту бывшаго всесильнаго властителя онъ такъ искусно и ловко привелъ въ связь съ инкриминируемыми дѣяніями всю неприглядную систему управленія тогдашней Франціи, такъ глубоко изучилъ слѣдственный матеріалъ, проявилъ такую эрудицію и такъ широко поставилъ затрагиваемые процессомъ вопросы, что общественное мнѣніе какъ-то разомъ поколебалось и стало склоняться въ пользу оправданія герцога д'Эгіона. По мнѣнію самого Лэнге, въ томъ, что его сіятельный кліентъ будетъ оправданъ парламентомъ, не могло быть уже серьезнаго сомнѣнія. Осторожный царедворецъ не внялъ, однако, энергичнымъ и настойчивымъ призывамъ своего защитника „торжественно оправдаться передъ лицомъ цѣлой Франціи", и, воспользовавшись удобною минутою, черезъ всемогущую въ то время Дюбари, добился прекращенія дѣла по высочайшему повелѣнію. Лудовикъ XV, съ упоеніемъ читавшій „Эгіонаду" (рядъ сочиненныхъ въ пользу герцога д'Эгіона записокъ

Лэнге), отзывался о ней съ большой похвалой и, наконецъ, громогласно объявилъ: „нашъ кузенъ д'Эгіонъ оказался совершенно невиннымъ".

Вскорѣ герцогъ д'Эгіонъ вошелъ опять въ большую милость и былъ сдѣланъ полномочнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

По поводу защитительныхъ записокъ Лэнге, по этому и другимъ дѣламъ, Крюпи замѣчаетъ, что когда онъ перечелъ ихъ въ „Annales du barreau de Paris", то, помимо содержанія, онъ былъ пораженъ силою, простотою и нервностью ихъ слога, такъ что писанія современныхъ Лэнге адвокатовъ, даже самыхъ знаменитыхъ, рядомъ съ ними показались ему лишь пустою и никому не нужною мертвечиною. По отзыву современнаго Лэнге періодическаго изданія „Correspondance", Гримма, Лэнге-адвокатъ имѣлъ высшій даръ—„простые единичные судебные случаи возводить на степень общихъ вопросовъ, способныхъ заинтересовать каждаго". Безъ сомнѣнія, это величайшая похвала адвокату, и притомъ адвокату того времени, когда общечеловѣческое этическое значеніе правосудія далеко еще не всѣми было сознано.

Разставаясь съ Лэнге, какъ съ защитникомъ герцога д'Эгіонъ, мы не можемъ, однако, пройти мимо слѣдующей характерной подробности. Другой, по словамъ Крюпи, на мѣстѣ Лэнге добился бы черезъ своего сіятельнаго кліента всяческихъ милостей. Но у Лэнге вышла только ссора съ нимъ изъ-за гонорара. Когда писались записки, герцогъ требовалъ для себя защиты „самаго высокаго давленія" и обѣщалъ за это „золотой дождь". Когда была напечатана первая записка, герцогъ въ счетъ гонорара прислалъ Лэнге сто луидоровъ и притомъ серебряной монетой. Слуги герцога притащили цѣлый мѣшокъ. Лэнге счелъ это за оскорбленіе, опрокинулъ его ногой и приказалъ унести обратно. Тогда герцогъ явился лично, извинился, уплатилъ золотомъ двѣсти луидоровъ, а въ будущемъ сулилъ самый роскошный гонораръ, отговариваясь лишь временнымъ стѣсненіемъ. Выросла цѣлая „Эгіонада", но гонорара не прибывало. Будучи уже министромъ, герцогъ звалъ Лэнге иногда къ себѣ обѣдать, но о гонорарѣ уже больше не заикался. Наконецъ, Лэнге, разсерженный подобной „забывчивостью", написалъ ему письмо, которое начиналось такъ: „Г. герцогъ, когда вы обратились ко мнѣ, вы были между эшафотомъ и трономъ; я удалилъ васъ отъ перваго и приблизилъ къ послѣднему". Затѣмъ онъ перечислялъ подробно всѣ свои труды, опредѣлялъ ихъ значеніе и цѣну, причемъ по адресу своихъ товарищей по профессіи дѣлалъ коварное указаніе на то, что тѣ, не принеся ему ровно никакой

пользы, озаботились, однако, полученіемъ своевременно своего гонорара впередъ, въ чемъ онъ, однако, не послѣдовалъ ихъ примѣру.

Отвѣтъ полновластнаго министра не заставилъ себя ждать. Раздосадованный, онъ со своей стороны упрекалъ Лэнге въ черной неблагодарности: „Развѣ не сажалъ я васъ на своихъ обѣдахъ посреди посланниковъ самыхъ могущественныхъ державъ!—восклицалъ герцогъ.—Кто изъ вашихъ товарищей можетъ похвастать этимъ“! Въ тотъ вѣкъ всеобщаго искательства и напудреннаго лакейства, когда самъ Вольтеръ тщетно мечталъ о томъ, чтобы имѣть счастье представиться королю, подобный упрекъ даже въ устахъ полномочнаго министра того времени не долженъ казаться черезъ-чуръ наивнымъ.

Взбѣшенный Лэнге окончательно разсорился съ герцогомъ, не пожелалъ принять отъ него никакой „милости“, но и не простилъ ему „своего гонорара“. Уже въ царствованіе Людовика XVI, послѣ исключенія изъ сословія, Лэнге добился у парламента присужденія ему, „на точномъ основаніи законовъ Франціи“, съ бывшаго его кліента, герцога д'Эгіона, за оказанный „широкій и плодотворный трудъ“ адвоката—23 тысячи ливровъ.

IV.

Въ качествѣ новаго „орла“ судебнаго краснорѣчія, Лэнге выступилъ только въ 1772 г. Извѣстно, что именно въ 1771 году старый парламентъ, послѣ неподчиненія приказу короля о распущеніи, былъ разогнанъ силою. Въ ночь съ 19-го на 20-е января, по распоряженію канцлера Мопу, всѣ члены парламента были арестованы и высланы на основаніи lettres de cachet. Вслѣдствіе этого судебная жизнь въ парламентѣ на нѣкоторое время вовсе пріостановилась. Адвокаты рѣшились не выступать въ новомъ парламентѣ, который былъ наскоро слаженъ канцлеромъ Мопу изъ парламентскихъ подонковъ на строго бюрократическихъ началахъ. Въ публикѣ и прессѣ новый парламентъ былъ крайне непопуляренъ. Но это длилось не долго. Нѣкоторыя основанія реформы все-таки отвѣчали духу времени, упрощали судопроизводство, вводили устность процесса, а адвокатамъ была вновь предоставлена словесная защита обвиняемыхъ.

Въ виду формальной стачки (graive des avocats) сословія адвокатовъ, находчивый Мопу немедленно учредилъ особый классъ адвокатовъ-чиновниковъ, которые назывались, въ отличіе отъ

первыхъ, avocats du Parlement. Они были крайне непопулярны. Скоро, однако, стакнувшіеся адвокаты должны были сдаться. Подъ вліяніемъ нужды и даже „голода“, они должны были приняться за работу. Мопу предвидѣлъ это. Онъ убѣдилъ сперва бѣднѣйшихъ 28 человѣкъ, а за ними пошли и остальные. Лэнге не былъ въ числѣ первыхъ, но за всѣми пошелъ и онъ.

Любопытно, какъ Мопу принудилъ сдаться и Жербье, который въ средствахъ не нуждался и могъ выдержать больше другихъ. Онъ арестовалъ на одну ночь въ Бастиліи двухъ сестеръ знаменитаго адвоката, какъ бы въ чемъ-то заподозрѣнныхъ, и выпустилъ ихъ тотчасъ, какъ только адвокатъ согласился надѣть тогу. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, уже не было и помину о старомъ парламентѣ; всѣ устремились въ новый—„и жизнь въ Palais de Justice пошла съ новымъ блескомъ“. Наплывъ публики былъ огромный. Всѣ хотѣли слушать уголовныя дѣла и пренія адвокатовъ. Тутъ-то и развернулся во весь ростъ Лэнге въ качествѣ судебнаго оратора.

Судьбѣ было угодно, чтобы на первыхъ же порахъ онъ схватился именно съ Жербье, все еще слывшимъ „великолѣпнымъ и недосягаемымъ“. Дѣло было крайне несложное. Лэнге ратовалъ за какого-то увѣчнаго безрукаго фермера, котораго, въ „справедливомъ гнѣвѣ своемъ“, изувѣчилъ помѣщикъ. По словамъ Крюпи, Жербье, говорившій первымъ, былъ по обыкновенію „великолѣпенъ“. Публика была въ восторгѣ. Лэнге, поднявшись для возраженія, сдѣлалъ видъ, что онъ совершенно потрясенъ рѣчью противника, и объявилъ, что такой чудной рѣчи онъ не слыхалъ во всю свою жизнь. Но этого мало, глядя на своего кліента, онъ замѣтилъ, что и тотъ въ восторгѣ, что и тотъ сжигаемъ страстнымъ желаніемъ апплодировать. „Но, увы!—воскликнулъ Лэнге,—для этого ему не хватаетъ одной руки“! Взрывъ общаго хохота покрылъ слова находчиваго адвоката, и на другой же день въ газетахъ только и было рѣчи, что объ ораторскомъ успѣхѣ Лэнге, побившаго „самого Жербье“.

Рѣчи, наиболѣе прославившія Лэнге, были произнесены имъ по дѣламъ маркиза де-Гуи, дѣвицы де-Кампъ, супруги виконта де-Бамбель и, наконецъ, графа Моранжіе. Въ первомъ дѣлѣ шла рѣчь о разлученіи супруговъ по иску маркизы, претендовавшей на скупость, неуважительность и даже жестокость своего мужа. Вся эта семейная трагедія окончилась, однако, простымъ фарсомъ; холодная иронія и жесткій сарказмъ Лэнге здѣсь развернулись съ полной силой. На основаніи подлинныхъ писемъ старѣю-

щей, но не потерявшей еще всѣхъ своихъ прелестей маркизы, счетовъ изъ магазиновъ и подробнаго бюджета ежегодныхъ ея расходовъ, онъ доказалъ, какъ дважды два—четыре, что, отуманенная великолѣпіемъ окружающей ее знати, маркиза просто потеряла голову и ищетъ собственнаго своего разоренія. Процессъ окончился неизбѣжнымъ примиреніемъ супруговъ, доставивши адвокату лавры, а супругамъ—остроты, заимствованныя изъ рѣчи Лэнге, которыми ихъ стали нескончаемо угощать и въ свѣтѣ, и въ печати.

Второе дѣло—дѣвицы де-Кампъ, именуемой супругой виконта де-Бамбель, гораздо болѣе серьезно и даже принципіально. Молодая дѣвица, протестантка, хорошей фамиліи, влюбилась въ католика виконта и была обвѣнчана съ нимъ лишь по протестантскому обряду пасторомъ. Виконтъ впослѣдствіи, увлекшись женщиной другой, не сталъ признавать своего перваго брака, не признавалъ ребенка и отказывался давать даже содержаніе. Все сословіе адвокатовъ, строго-католическое, находило, что браться за такое „невозможное дѣло“ постыдно. Генеральный прокуроръ Вакрессонъ, поднявшись для того, чтобы дать свое заключеніе противъ дѣвицы де-Кампъ, началъ съ того, что прочелъ цѣлую отповѣдь Лэнге, приглашая молодыхъ адвокатовъ не искать себѣ примѣра въ Лэнге, который избралъ себѣ опасное искусство „покрывать все достойное уваженія сарказмами, а смѣлостью и дерзостью импонировать публикѣ и судьямъ“. Послѣ трехчасового совѣщанія парламентъ вынесъ, однако, рѣшеніе, которымъ постановлялъ: ребенка отдать въ монастырь за счетъ виконта, „для воспитанія въ строгихъ правилахъ католицизма“, дѣвицѣ де-Кампъ присудить 12 тысячъ ливровъ, а тѣ мѣста записокъ и прошеній Лэнге, которыя въ чемъ-либо оскорбляли лица или нравы, уничтожить.

Благодаря публичности процесса, всѣ симпатіи были, однако, на сторонѣ Лэнге и его симпатичной кліентки, которая вскорѣ сдѣлала блестящую партію, выйдя замужъ за богатаго негоціанта ванъ-Робе, который увлекся ею именно въ теченіе процесса.

Чтобы болѣе полно охарактеризовать ораторскіе пріемы Лэнге, остановимся еще съ нѣкоторою подробностью на его защитѣ въ дѣлѣ графа Моранжіе.

Въ 1779 году, процессъ Моранжіе надѣлалъ въ обществѣ очень много шуму.

Въ эпоху появленія первыхъ признаковъ революціи во Франціи общество ни разу еще не дѣлилось такъ рѣзко на два противоположныхъ лагеря. Знать горячо защищала графа Моранжіе, а

буржуазія стала рѣшительно на сторону его обвинителей: Дюжонквая и г-жи Веронъ, его бабки. Необходимо было примкнуть къ „моранжистамъ“ или къ ихъ противникамъ.

Въ этомъ дѣлѣ Лэнге достигъ апогея своей славы. Найдя поддержку въ Вольтерѣ, онъ, по словамъ Крюпи, предводительствовалъ знатью и повелъ ее къ одной изъ ея послѣднихъ побѣдъ.

Кліентъ Лэнге, графъ Моранжіе, представитель стариннаго рода, былъ генералъ-маіоръ, сынъ маршала королевскихъ войскъ и зять герцога Сентъ-Этіена. Это былъ, повидимому, типичный расточитель, вполнѣ оцѣненный кликою ростовщиковъ, у которыхъ подпись его пользовалась особымъ почетомъ и благоволеніемъ.

По словамъ адвокатовъ, его противниковъ: Дру, Делакруа, Вермей и Фальконэ,—Моранжіе съ ловкостью, граничащей съ мошенничествомъ, достигалъ того, что, имѣя лишь 5 т. фунтовъ дохода, жилъ такъ, какъ будто у него ихъ было 60 тысячъ. Онъ занималъ палаццо, держалъ швейцара, кучера, выѣздного, четырехъ лакеевъ. Была у него и любовница, дѣвица Марія Жоліо, стоившая ему довольно дорого.

Этотъ-то расточитель подписалъ на 300 тысячъ экю векселей на имя г-жи Веронъ.

Онъ не оспаривалъ своей подписи, но утверждалъ, что эти бумаги у него мошеннически выманены, и что валюты по нимъ онъ никогда не получалъ. Его противники, наоборотъ, утверждали, что валюта была уплачена сполна, и что кредиторы являются, такимъ образомъ, жертвою самаго наглаго обмана. Въ этомъ состояла вся суть дѣла.

Въ интересахъ разрѣшенія именно этого спора, Вольтеръ написалъ свое извѣстное: „Письмо о теоріи вѣроятности въ юриспруденціи“.

Съ перваго взгляда казалось весьма страннымъ, чтобы такой опытный человѣкъ, какъ графъ, позволилъ себя такъ дерзко обойти.

Провинціальный судъ первой инстанціи, гдѣ разбиралось дѣло, такъ и взглянулъ на искъ. Моранжіе былъ приговоренъ къ уплатѣ 300 тысячъ экю, къ штрафу и публичному выговору. Лэнге принялъ защиту его уже въ парламентѣ, т.-е. въ апелляціонной инстанціи. О рѣчи Лэнге современныя газеты отзывались слѣдующимъ образомъ: „Публика съ одинаковымъ восторгомъ слушала и читала рѣчь г. Лэнге. Въ теченіе нѣсколькихъ дней адвокатъ былъ рѣшительно осажденъ толпою любопытныхъ, при-

ходившихъ за этою меморіею". О самой рѣчи Крюпи отзывается такъ: „Особенно хорошо ея вступленіе. Хорошо тѣмъ благородствомъ тона, тою ясностью и безпартійностью, съ которою ораторъ представляетъ всѣ pro и contra дѣла. Въ началѣ онъ оставляетъ читателя подъ сомнѣніемъ, на что онъ въ особенности будетъ напирать. Зарождается любопытство и вниманіе. Это ораторскій пріемъ безусловно удачный. Общій планъ рѣчи распадается затѣмъ на три положенія, которыя предстоитъ развить и обосновать: могла ли вдова Веронъ дать взаймы 300 тыс. экю? Дала ли она эти 300 тыс. экю? Получилъ ли ихъ Моранжіе? Какъ видимъ, вполнѣ простая и жизненная постановка спорныхъ вопросовъ въ защитѣ, обычная для нашего времени, казалась, однако, истиннымъ ораторамъ того времени слишкомъ тривіальною. Для Цицерона и латинскихъ цитатъ не оставалось никакого мѣста при подобномъ построеніи защиты, и это почиталось большимъ грѣхомъ противъ элоквенціи".

Чтобы составить себѣ понятіе о слогѣ Лэнге, слогѣ простомъ, нервномъ и ясномъ, почти современномъ намъ, приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ этой рѣчи.

„Чтобы дать взаймы извѣстную сумму, — говоритъ Лэнге, — господа, необходимо прежде всего ее имѣть. Вамъ говорили здѣсь, что госпожа Веронъ—вдова извѣстнаго банкира. Тридцать лѣтъ тому назадъ она овдовѣла; нѣтъ ничего, конечно, удивительнаго въ томъ, что о дѣлахъ мужа она не имѣла никакого понятія— все состояніе такого рода коммерсантовъ заключено обыкновенно въ ихъ портфелѣ. Вдовою она оказывается въ нищетѣ, но она не жалуется, а смиренно покоряется своей участи. Вдругъ открывается, что покойный тайно передалъ одному своему другу-финансисту все свое огромное состояніе. Этотъ-то искусный сообщникъ, по имени Шофаръ, кассиръ пошлинныхъ откуповъ, дѣлаетъ вдовѣ визитъ. Онъ предлагаетъ ей, не въ видѣ возврата должнаго, а вѣрнѣе въ видѣ дара 260 тыс. экю золотомъ и нѣкоторое количество столовой серебряной посуды. Между ними возникаетъ борьба великодушій; начинается съ того, что вдова отказывается отъ этого роскошнаго подарка; добросовѣстный финансистъ настаиваетъ; не менѣе добросовѣстная вдова колеблется. Наконецъ, она отправляется съ вопросомъ къ юристамъ: можетъ ли она воспользоваться щедростью кассира? Получивъ, конечно, утвердительный отвѣтъ, она принимаетъ даръ. Вы, можетъ быть, подумаете, что теперь, гарантированная отъ нищеты такимъ непредвидѣннымъ обстоятельствомъ, она поспѣшитъ помѣстить свой капиталъ въ торговые обороты, или подъ закладныя, или упо-

требитъ его на покупку титулованныхъ земель, которыя, доставивъ ей положеніе въ обществѣ, послужатъ ей мѣстомъ отдохновенія? Нѣтъ, господа, эта скромная вдова больше всего боится шума. Столь же молчаливая, сколько и состоятельная, она не обмолвилась ни словомъ о своемъ счастьѣ даже дочери. Она отправляется къ нѣкоему нотаріусу Келье, и только ему одновременно ввѣряетъ и тайну, и золото; онъ же обѣщаетъ ей безъ огласки пустить въ оборотъ ея капиталы. Аккуратно получая годовые проценты, вдова Веронъ не мѣняетъ внѣшней обстановки своей жизни. Она такъ скромно выдаетъ замужъ свою дочь, что никто не подумалъ бы, что въ ея распоряженіи есть довольно-таки полновѣсная шкатулка. Семья ростетъ. Рожденіе нѣсколькихъ дѣтей начинаетъ стѣснять богатую, но осторожную бабушку. Вообразивъ, что въ провинціи воспитаніе будетъ дешевле и жизнь будетъ легче, она покидаетъ столицу. Своимъ мѣстожительствомъ она выбираетъ Витри-Франсуа, и туда же увозитъ и свою шкатулку. Нотаріусъ, при ея отъѣздѣ изъ Парижа, возвращаетъ ей именно золотомъ тѣ 260 т. экю, которыя онъ отъ нея золотомъ же и получилъ. Дальновидная капиталистка, уже тогда предвидѣвшая, что ей понадобится нѣкогда 300 тыс. экю, чтобы дать ихъ взаймы, постаралась съэкономить за это время изъ своихъ годовыхъ доходовъ еще 40 тыс., что̀ округлило ея капиталъ до 300 т. экю золотомъ, съ которыми она и путешествуетъ. Въ Витри ея скаредность нѣсколько ослабѣваетъ. Она занимается воспитаніемъ своего внука—столь извѣстнаго въ будущемъ—Дюжонквая. Этотъ-то баловень судьбы и есть будущій наслѣдникъ всего золота, существованіе котораго скрываютъ отъ него только для того, чтобы сдѣлать его болѣе достойнымъ этой роскоши. Ему предоставляютъ скромныхъ учителей. Бабушка готовитъ его въ магистратуру. Но какимъ образомъ этого юношу, думающаго, что онъ безъ средствъ, побудить избрать именно эту дѣятельность, столь почетную, гдѣ право распоряжаться состояніями другихъ пріобрѣтается полнымъ отреченіемъ съ своей стороны отъ всѣхъ способовъ, могущихъ обезпечить личное пріобрѣтеніе? У вдовы Веронъ есть для этого очень простой способъ: открыть завѣсу, скрывающую отъ него его богатство. Въ день, избранный судьбою для разоблаченія этой тайны, она беретъ своего внука за руку и торжественными шагами вводитъ его въ святилище, гдѣ покоится золото, долженствующее достаться ему. Выраженіе ея глазъ, жесты, осанка—все указываетъ на важность шага, на который она рѣшается. Дрожащей рукой открываетъ она шкафъ. Въ немъ появляются, въ строй-

номъ порядкѣ, сложенные мѣшки монетъ, и когда юноша убѣдился, что все это, стоящее какъ въ столбнякѣ—именно золото, старуха, цѣлуя его, говоритъ: „Возьми! Все это для тебя. Возьми"!

„Послѣ такой торжественно убѣдительной церемоніи молодой Дюжонквай не противится больше планамъ своей бабушки. Поприще его дѣятельности опредѣлено; наиболѣе подходящимъ онъ оказывается для юридической карьеры. Тотчасъ же рѣшаютъ поскорѣе возвратиться въ Парижъ. По возвращеніи туда, необходимо имѣть ровно 300 т. экю. Эта сумма немного поубавилась во время житья въ Витри. Учителя будущаго судьи и содержаніе остальной семьи нѣсколько пощипали капиталы. Что̀ дѣлаетъ тогда древняя и осторожная правительница, одна заправляющая всѣми пружинами этой машины? У нея есть еще брилліанты и драгоцѣнности, входившіе въ составъ фидеикомисса г-на Шотаръ. Отъ такихъ безполезныхъ вещей освобождаются. Ихъ продаютъ, и кому же? пріѣзжимъ евреямъ, которые, захвативъ свою покупку, безслѣдно исчезаютъ. Изъ этой сдѣлки извлекаютъ какъ разъ нужныя 40 т. фунтовъ, и семейство является въ Парижъ, имѣя опять-таки ровно 300 т. экю золотомъ, чтобы одолжить ихъ графу Моранжіе".

„Нужно ли присовокуплять,—продолжаетъ Лэнге,—что скромный, щедрый Шотаръ, нотаріусъ и писцы, его служащіе, всѣ ихъ подлинныя записи и реестры безвременно погибли; безпощадное время похитило у этой погруженной въ отчаяніе семьи всѣ титулы, всѣ документы, которые такъ пригодились бы ей въ настоящую критическую для нея минуту. Бѣдняги адвокаты, у которыхъ въ 1770 г. спрашивали совѣта, можно ли принять даръ отъ богатаго кассира,—они тоже навѣрное умерли. Неудивительно,—это были, безъ сомнѣнія, самые знающіе, а слѣдовательно и старѣйшіе. Они отошли въ вѣчность"...

Лэнге рисуетъ далѣе картину всей массы золота, повсюду путешествующей съ семьей. О существованіи его никто изъ членовъ семьи не имѣетъ понятія, знаетъ о немъ лишь только бабушка, и при такихъ-то обстоятельствахъ золото это на извозчичьемъ возкѣ путешествуетъ изъ Парижа въ Витри. Рядомъ съ такимъ богатствомъ онъ рисуетъ намъ дѣйствительное положеніе въ сущности умирающей съ голоду семьи, принужденной продать свою обстановку въ Витри, чтобы уплатить мелкіе долги и наканунѣ почти отъѣзда съ трудомъ добывающей 80 фунт. залогомъ пары серегъ.

Съ ожесточеніемъ и холодной ироніей подбираетъ адвокатъ

цѣлый рядъ несообразностей. Затѣмъ онъ желаетъ установить, въ какое время и при какихъ обстоятельствахъ могла быть вручена графу Моранжіе эта огромная сумма въ 300 т. экю.

Въ своемъ показаніи графъ утверждалъ, что, желая занять 300 т. экю, онъ вошелъ въ переговоры съ молодымъ Дюжонкваемъ черезъ посредство какой-то свахи. Что этотъ ловко завлекъ его въ конуру, занимаемую Веронами въ третьемъ этажѣ дома улицы Сенъ-Жака; что тамъ онъ написалъ и подписалъ знаменитые векселя и попросилъ у своихъ кредиторовъ выдать ему немедленно лишь 1.200 фунт., отложивъ до другого дня полученіе всей остальной суммы.

Согласно этому разсказу, Дюжонквай, какъ ловкій плутъ, моментально завладѣлъ бумагами, затѣмъ, дѣлая видъ, что онъ торопится, отсчитывая въ два мѣшка 1.200 фр. и провожая Моранжіе до его экипажа, съумѣлъ отвлечь вниманіе своей жертвы. Не требуя немедленнаго взноса валюты по векселямъ, которые такимъ образомъ остались „до завтра“ въ рукахъ Вероновъ, графъ уѣхалъ, получивъ лишь 1.200 фунтовъ.

На основаніи разсказа Дюжонквая, Лэнге рисуетъ слѣдующую картину доставленія графу обѣщаннаго золота.

„Повидимому, если только этому можно повѣрить, онъ приступилъ 23 сентября, т.-е. на другой день послѣ того, какъ векселя были подписаны, къ операціи доставки экю. Прежде всего Дюжонквай усѣлся за столъ съ кучей золота, и мы застаемъ его за слѣдующимъ занятіемъ: онъ считаетъ деньги и раскладываетъ ихъ въ мѣшки по 600 и по 200 луи, что̀ составитъ всего 13 мѣшковъ одного рода и 23 другого. Окончивъ эту операцію, онъ самъ переноситъ всю сумму и достигаетъ этого въ 13 пріемовъ. Каждый разъ онъ беретъ подъ мышку одинъ мѣшокъ въ 600 луи, а въ каждый изъ каржановъ—по одному въ 200. Однимъ словомъ, на исполненіе этого важнаго порученія онъ употребляетъ почти все утро 23-го сентября, съ 7½ ч. до часу дня. Доблестный Дюжонквай въ теченіе 6-ти часовъ совершилъ свои 13 рейсовъ; но такого рода фактъ физически невозможенъ, восклицаетъ Лэнге; и онъ пускается въ исчисленіе саженей, отдѣляющихъ первую ступень лѣстницы, ведущей къ Моранжіе отъ улицы Дюжонквая. Сдѣлавъ свои 13 концовъ, Дюжонквай прошелъ 5½ миль; но едва ли самый лучшій ходокъ одолѣлъ бы это разстояніе въ 6 часовъ.

„Такимъ образомъ,—продолжаетъ Лэнге,—если бы Дюжонквай проходилъ это разстояніе лишь въ видѣ прогулки, не будучи обремененъ тяжелой ношей, если бы онъ шелъ по совершенно

гладкой поверхности, не отступая ни на шагъ отъ прямого направленія, не отдыхая ни минуты во все продолженіе пути, то и тогда ему едва-ли бы хватило времени на прохожденіе всего этого разстоянія. Но онъ далеко не въ положеніи скорохода по гладкой дорогѣ:—Дюжонквай нагруженъ, ему мѣшаютъ, дорога его полна препятствій"... Лэнге подробно, до мелочей останавливается на этой картинѣ, и дѣлаетъ это съ великимъ увлеченіемъ.

„Представьте себѣ несчастнаго, бѣгущаго съ полными карманами—3 фунта 4 унціи колотятъ его по обѣимъ ногамъ во все продолженіе пути. Подъ мышкой у него 600 луи, т.-е. ровно 10 фунтовъ; мѣстность, по которой онъ идетъ, не горизонтальна, это—наклонная плоскость, склонъ которой направляется какъ разъ къ мѣсту отправленія; но это еще не все: никто не повѣритъ, чтобы можно было идти, не сворачивая съ прямого пути, по такой людной улицѣ, какъ улица Сенъ-Жака, по мостовой, постоянно расколачиваемой лошадьми и экипажами, переполненной идущимй на работу ремесленниками, отъ которыхъ нельзя ожидать большого вниманія къ прохожимъ — уклоненія отъ прямого пути здѣсь неизбѣжны: значитъ, къ пяти съ половиной милямъ разстоянія нужно по крайней мѣрѣ прибавить на эти отклоненія еще полъ-мили".

Наконецъ, на этомъ подъемѣ, на этой неудобной дорогѣ оказывается еще препятствіе, находившееся тамъ именно 23-го сентября утромъ. Это препятствіе, столь же значительное, какъ и вытекающій изъ него аргументъ, составляетъ предметъ истиннаго ликованія Лэнге. „Это огромный камень, предназначенный для новой строящейся церкви св. Евгенія, который двигаютъ съ трудомъ. Улица загромождена кабестенами и приведенными для работъ 80-ю рабочими и толпой любопытныхъ. На этотъ разъ Дюжонквай уличенъ. Какимъ чудомъ могъ онъ совершить свои 23 рейса, протискиваясь въ толпѣ и не потерявъ при этомъ ни одной минуты? Въ заключеніе Лэнге утверждаетъ, что весь разсказъ молодого Дюжонквая носитъ характеръ басни. Вероны не могли внести 300 т. экю.

Послѣднее слово было за парламентомъ. Тамъ процессъ начался съ назначенія докладчика, нѣкоего Гуденъ, очень уважаемаго астронома, но мало извѣстнаго юриста. Едва онъ взялся за дѣло, какъ опять начались волненія. Лэнге потребовалъ временнаго освобожденія арестованнаго Моранжіе, и въ этомъ требованіи крайне дерзко обошелся съ судьями провинціальнаго суда. Судьи эти были не кто иные, какъ бывшіе адвокаты; такимъ обра-

зомъ оказалось, что Лэнге обращался столь дерзко со своими же сотоварищами. Эти послѣдніе, какъ мы увидимъ послѣ, не простили ему этого. Парламентъ отказалъ въ просьбѣ объ освобожденіи Моранжіе, и съ этого момента ярость партизановъ графа не знала границъ.

Судъ былъ ежедневно переполненъ враждующими заговорщиками и каждую минуту можно было опасаться рукопашной схватки. Лэнге не ходилъ по корридорамъ безъ провожатыхъ. „Онъ всегда окруженъ, писали въ газетахъ, толпою болѣе 60-ти человѣкъ военныхъ, рыцарей св. Людовика или знатныхъ—все сторонниковъ графа; эти люди всюду слѣдуютъ за адвокатомъ и вмѣстѣ съ нимъ навѣщаютъ графа въ тюрьмѣ".

Ожесточеніе придворныхъ противъ Вершейля (адвоката Вероновъ) дошло до крайняго ожесточенія.

Въ одно изъ первыхъ засѣданій апелляціоннаго суда „являются триста рыцарей св. Людовика; они завладѣваютъ судебными мѣстами; самыми дерзкими рѣчами, угрозами, презрительными жестами стараются устрашить оратора и въ своей наглости доходятъ до того, что плюютъ на его платье".

Внѣ суда тоже были не меньшія волненія. Провинціальные дворяне берутъ примѣръ съ парижскихъ. Они открываютъ подписку „исключительно среди знати" для покрытія мелкихъ долговъ графа. Провансальская аристократія съ своей стороны дѣлаетъ то же. Жеводанская аристократія споритъ, проситъ, переписывается съ Вольтеромъ.

Король, заинтересованный всѣмъ этимъ шумомъ, сперва держалъ себя вполнѣ нейтрально. Дворъ напрасно добивался, чтобы дѣло было перенесено въ совѣтъ, на личное усмотрѣніе короля; Людовикъ XV выслушивалъ все, но молчалъ. Наконецъ, однажды, прервавъ свое молчаніе, онъ проронилъ слѣдующую простую фразу: „Моранжіе или мошенникъ, или глупецъ". Этого было достаточно, чтобы аристократія начала приходить въ отчаяніе.

Однако, мало-по-малу, Людовикъ XV, увлекаясь охватившей всѣхъ лихорадкой процесса, рѣшился высказаться, и у него сорвалась рѣшающая формула: „король,—повторяли придворные,—готовъ держать пари 1.000 противъ одного, что Моранжіе и не дотрогивался до ста тысячъ экю. Лэнге хорошо сдѣлалъ, взявъ его защиту"!

Эта фраза короля, которую оспаривала противная сторона, становится самой реальной изъ „22-хъ вѣроятностей" которыми, по словамъ Вольтера, адвокату можно отстоять невинность кліента.

Наконецъ, наступаетъ день, когда защитникъ графа произ-

носитъ рѣчь, которую мы отчасти цитировали, и на этотъ разъ даже противники преклонились передъ силою его таланта.

Лэнге въ модѣ; имъ занятъ весь Парижъ.

Приговоръ долженъ быть вынесенъ 4-го сентября 1773 г.

„Съ утра,—говоритъ враждебная Лэнге газета,—весь апелляціонный судъ, съ 6-ти час., оказался въ засѣданіи, и масса любопытныхъ наполняла залы суда. Вдова Рошенъ, ея двѣ дочери и Дюжонквай съ 5-ти часовъ въ судѣ. Утромъ же въ большой залѣ появляется и Лэнге. Въ парадномъ, но не въ адвокатскомъ костюмѣ, со шляпой на головѣ и при шпагѣ, онъ самоувѣренно прогуливается по заламъ и весело разговариваетъ съ придворными. Всѣ удивлены его спокойствію въ такую рѣшительную для графа минуту. Лэнге, если вѣрить его сдержанности, очевидно заранѣе знаетъ рѣшеніе суда. Толпа его окружаетъ, слѣдуетъ за нимъ по пятамъ, и онъ удаляется“.

Въ полдень происходитъ очень важное обстоятельство: „изъ совѣщательной комнаты выходятъ младшіе члены суда“.

Свѣдущіе люди объясняютъ толпѣ всю важность этого выхода младшихъ членовъ суда.

Этотъ уходъ доказываетъ, что есть голоса за тяжкое уголовное наказаніе.

Дѣйствительно, только старшіе члены парламента одни компетентны обсуждать такого рода наказанія, и достаточно, если одинъ изъ членовъ парламента подастъ голосъ за смертную казнь, чтобы всѣ младшіе принуждены были воздержаться отъ подачи голоса. Въ настоящемъ случаѣ легко было угадать, въ чемъ дѣло: судьи, сторонники оправданія графа, во-время убѣдились, что всѣ младшіе члены—на сторонѣ Вероновъ, и тогда обвиненіе неминуемо. Одинъ изъ сторонниковъ Моранжіе подаетъ голосъ за смертную казнь, и всѣ клерки должны были немедленно удалиться.

Наконецъ, въ 6 ч. вечера, послѣ одиннадцатичасового лихорадочнаго ожиданія, отворяются двери совѣщательной комнаты. Два друга Лэнге, предсѣдатели отдѣленій, выходятъ первыми и во всеуслышаніе радостно выкрикиваютъ, что „Моранжіе оправданъ по всѣмъ пунктамъ“!

Дѣйствительно, черезъ минуту самъ первый президентъ спускается съ главной лѣстницы, окруженный толпою придворныхъ, наполнявшихъ зданіе суда. Приговоромъ векселя признаны безденежными; въ пользу Моранжіе присуждено 1.000 фунтовъ судебныхъ издержекъ; Дюжонквай сосланъ на три года; вдова Веронъ приговорена къ выговору и къ штрафу въ пользу бѣдныхъ.— Лэнге побѣдилъ.

„Ко всѣмъ безчисленнымъ особенностямъ дѣла графа недоставало лишь одного—а именно, чтобы его оправданіе послужило ко вреду его адвоката, и чтобы результатомъ спасенія клiента явилась если не гибель, то по крайней мѣрѣ крайняя опасность для его защитника“...

Такъ говорилъ Лэнге въ своихъ мемуарахъ, и въ его словахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго, если принять во вниманіе, что въ тотъ самый моментъ, когда, напутствуемый апплодисментами Вольтера и представленный королю, онъ походилъ на тріумфатора,—его сотоварищи, съ помощью не разъ побѣжденнаго имъ публично прокурорскаго надзора, направляли всѣ свои усилія къ тому, чтобы исключить Лэнге изъ сословія.

11-го февраля 1774 года, всего пять мѣсяцевъ спустя послѣ оправданія Моранжіе, когда Лэнге готовился уже выступить въ новомъ громкомъ процессѣ маркизы Бетлонъ противъ маршала де-Брольи—это имъ удалось. Въ теченіе цѣлаго десятка лѣтъ сословіе сперва съ испугомъ, а потомъ съ негодованіемъ и ужасомъ видитъ, какъ этотъ пришедшій съ вѣтра смѣльчакъ завладѣваетъ вниманіемъ публики, клiентовъ, увлекаетъ за собою суды и парламентъ, и смѣло выхватываетъ знамя перваго адвоката своего времени.

„На каждый вѣкъ достаточно одного Лэнге“!—съ ужасомъ восклицаетъ Жербье, — и „святое собратство“, дружно сомкнувшись, глухо вторитъ ему. Къ Лэнге предъявляютъ формальное обвиненіе, и послѣ долгой и упорной борьбы съ обѣихъ сторонъ, —борьбы, проявившейся въ крайне рѣзкой и безтактной формѣ,— достигаютъ того, что парламентъ соглашается, наконецъ, утвердить постановленіе сословія о совершенномъ исключеніи Лэнге изъ списка адвокатовъ.

Мы приведемъ здѣсь только голый перечень обвинительныхъ пунктовъ, предъявленныхъ противъ Лэнге:

1) „Вы не любите римскаго права“.

2) „Вы оскорбляли сословіе; вашъ тонъ—не тонъ сословія. Вы можете навлечь на него тѣ непріятности, которыя навлекаете лично на себя“.

3) „Журналъ, изданіе котораго вы предпринимаете, не совпадаетъ съ занятіями, свойственными адвокатурѣ“ (Онъ приступилъ къ изданію „Литературнаго и политическаго журнала“, имѣвшаго вскорѣ огромный успѣхъ).

4) „Вы слишкомъ мало скрываете ваше недовольство существующими законами“.

5) „У васъ недоразумѣнія съ герцогомъ д'Эгіономъ изъ-за гонорара".

6) „Вы злоупотребляли довѣріемъ герцога де-Дё-Понъ, когда были къ нему близки".

Этимъ и исчерпывался весь обвинительный актъ!

Н. Карабчевскій.

ЖИЗНЕННАЯ ДРАМА
ПЛАТОНА

ОЧЕРКЪ

Предпринявъ полный русскій переводъ Платона, я прежде всего столкнулся съ вопросомъ: въ какомъ порядкѣ переводить и издавать Платоновы діалоги, при отсутствіи порядка общепринятаго? Убѣдившись въ невозможности твердо установить и послѣдовательно провести порядокъ хронологическій, при недостаточности данныхъ историческихъ, при шаткости и противорѣчивости филологическихъ соображеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ находя и неудобнымъ, и недостойнымъ—втискивать живую картину Платонова творчества въ деревянныя рамки школьныхъ дѣленій по отвлеченнымъ темамъ и дисциплинамъ позднѣйшаго происхожденія, я долженъ былъ искать внутренняго начала единства, обнимающаго совокупность Платоновыхъ твореній и дающаго каждому изъ нихъ его относительное значеніе и мѣсто въ цѣломъ.

Такого начала единства для произведеній Платона искали уже многіе его издатели, переводчики и критики въ теченіе всего XIX столѣтія, но ни одна изъ существующихъ попытокъ опредѣлить и провести такое начало по всему Платону не кажется мнѣ удовлетворительною. Въ особомъ трактатѣ, которымъ будетъ сопровождаться мой переводъ, я разберу подробно главныя изъ этихъ попытокъ, а теперь укажу для примѣра лишь на двѣ самыя яркія—Шлейермахера и Мунка.

По Шлейермахеру, порядокъ Платоновыхъ произведеній уста-

новленъ заранѣе самимъ Платономъ, его мыслію и намѣреніемъ; всѣ діалоги суть лишь послѣдовательное выполненіе одной программы, или одного художественно-философско-педагогическаго плана, составленнаго Платономъ еще въ юности и все болѣе уяснявшагося въ частностяхъ въ теченіе всей его философской дѣятельности. По этому взгляду, каждый большой діалогъ (послѣ перваго—*Федра*) есть прямое, самимъ Платономъ предопредѣленное, продолженіе или восполненіе своего предъидущаго и подготовленіе къ своему послѣдующему, и этотъ главный стволъ идейнаго наростанія сопровождается, какъ бы отростками, нѣсколькими мелкими діалогами, также преднамѣренно написанными для выясненія того или другого второстепеннаго вопроса, связаннаго съ предметами главныхъ діалоговъ. Весь Платонъ представляется такимъ образомъ, какъ одна a priori построенная система философскихъ идей, курсъ философіи, художественно изложенный.

У Мунка дѣло берется болѣе живымъ образомъ. Задачек Платона было изобразить жизнь идеальнаго мудреца въ лицѣ Сократа [1]). За первымъ вступительнымъ діалогомъ *Парменидъ*, гдѣ Сократъ является любознательнымъ юношей, слѣдуютъ три послѣдовательныя группы діалоговъ, въ которыхъ Сократъ выступаетъ сначала борцомъ за правду противъ господствовавшей софистики, потомъ учителемъ правды, и наконецъ мученикомъ за правду; послѣднимъ діалогомъ, естественно оказывается *Федонъ*, содержащій предсмертную бесѣду Сократа и описаніе его смерти.

Несостоятельность обоихъ взглядовъ бросается въ глаза. Шлейермахеръ прямо предполагаетъ нѣчто психологически и исторически невозможное. Конечно, такой чисто-головной философъ и кабинетный писатель, какъ, напримѣръ, Кантъ, болѣе подходилъ бы къ представленію Шлейермахера. Если вспомнить многовѣковое развитіе чисто формальной силы мышленія отъ первыхъ схоластиковъ и до Лейбнице-Вольфовской философіи, воспитавшей автора трехъ критикъ; если принять во вниманіе національный характеръ германскаго ума, личный характеръ и образъ жизни самого Канта,—жизни, всецѣло замкнутой тѣснымъ кругомъ между письменнымъ столомъ и университетскою аудиторіей,—то относительно его, пожалуй, можно было бы допустить, что вся совокупность его сочиненій есть лишь методическое выполненіе одной заранѣе составленной программы. Однако мы положительно знаемъ, что и здѣсь не было ничего подобнаго. Умственная про-

[1]) Die natürliche Ordnung der Platonischen Schriften dargestellt von Dr. Eduard Munk. Berl. 1857.

изводительность Канта прошла черезъ три по крайней мѣрѣ весьма различныя стадіи, вовсе не бывшія прямымъ продолженіемъ или подготовленіемъ одна другой: мы знаемъ про долгій „догматическій сонъ“ его ума въ уютной колыбели Лейбнице-Вольфовской системы; знаемъ, какъ онъ былъ пробужденъ сильнымъ толчкомъ скепсиса Юма къ открытію критическаго идеализма, и какъ, затѣмъ, побужденія иного порядка привели его къ созданію этики абсолютнаго долга и религіи въ предѣлахъ чистаго разума. Во время догматическаго сна, Канту, конечно, не грезилась его разрушительная критика, а когда онъ ее производилъ, то онъ не думалъ объ опредѣленномъ планѣ новой нравственной и религіозной постройки. Если даже Кантъ — олицетворенная апріорность и методичность—не могъ не только совершить, но и задумать свой полувѣковой умственный трудъ по одной заранѣе составленной программѣ или опредѣленному плану, то что̀ же сказать о Платонѣ? Начать съ того, что въ древней Греціи не было ученыхъ кабинетовъ, а слѣдовательно не могло быть и кабинетныхъ ученыхъ. Но главное—личность самого Платона. Человѣкъ, жившій полною жизнью, не только открытый для всякихъ впечатлѣній, но жаждавшій, искавшій ихъ, человѣкъ въ началѣ своего поприща переживш ій одну изъ величайшихъ трагедій всемірной исторіи—смерть Сократа, бѣжавшій затѣмъ изъ отеческаго города, много странствовавшій по свѣту, вступавшій въ сношенія съ таинственнымъ пиѳагорическимъ союзомъ, неоднократно и послѣдній разъ уже въ глубокой старости тѣсно сближавшійся съ могущественными правителями, чтобы при ихъ помощи создать образцовое государство,—такой человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть черезъ всю свою жизнь методичнымъ выполнителемъ одной заранѣе установленной философско-литературной программы.

Отъ взгляда Шлейермахера остается только та общая истина, что есть внутренняя связь между всѣми твореніями Платона. Но эта связь не заключалась въ преднамѣренномъ замыслѣ полнаго философскаго курса. Такого замысла не было у Платона. Не было у него также намѣренія посвятить свою жизнь идеализованной біографіи своего учителя. По Мунку выходитъ, что образъ Сократа, какъ идеалъ мудрости и правды, всецѣло и съ неизмѣнной силой до конца владѣлъ умомъ Платона и объективировался въ немъ такъ, чтобы порядокъ Платоновыхъ твореній выражалъ собою теченіе жизни не самого Платона, а лишь воспоминаемое и воспроизводимое теченіе Сократовой жизни. Но вѣдь на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Въ нѣкоторыхъ діалогахъ дѣйствительно

Сократъ владѣетъ творчествомъ Платона и воплощается въ немъ со всею полнотою художественной правды, и рѣчи Сократовы здѣсь—его настоящія рѣчи, только прошедшія черезъ прямо открытую для нихъ мысль Платона, получившія отъ нея, можетъ быть, нѣсколько новыхъ черточекъ и красокъ, но сохранившія все свое существо. Однако въ другихъ—въ большей части діалоговъ—Сократъ есть только принятый разъ навсегда литературный пріемъ, обычный псевдонимъ Платона,—псевдонимъ иногда неудачный—когда ему приходится говорить такія рѣчи, которыхъ дѣйствительный Сократъ не только не говорилъ, но и не могъ бы говорить: напримѣръ, когда воображаемый Сократъ серьезно разсуждаетъ о метафизическихъ и космологическихъ вопросахъ, которые дѣйствительный Сократъ признавалъ безплодными и нестоющими вниманія, но которыми Платонъ сталъ особенно интересоваться много времени послѣ смерти учителя и подъ другими разнородными вліяніями. Что же это за біографія Сократа, хотя бы идеализованная?

Ясно, что Сократъ можетъ быть принятъ какъ средоточіе Платоновыхъ твореній не самъ по себѣ и не въ событіяхъ своей жизни, а лишь чрезъ то мѣсто, которое онъ занялъ въ жизни и мысли Платона; а мѣсто это при всей своей важности не было всеобъемлющимъ; личность и образъ мыслей Платона сложились подъ преобладающимъ вліяніемъ Сократа, но не были поглощены имъ. Значитъ, собственное начало единства Платоновыхъ твореній нужно искать не въ Сократѣ, какъ полагаетъ Мункъ, и не въ отвлеченной теоретической половинѣ Платонова существа, какъ выходитъ по Шлейермахеру, а въ самомъ Платонѣ, какъ цѣломъ, живомъ человѣкѣ. Конечно, настоящее единство—*здѣсь*. Мѣнялись возрасты, мѣнялись отношенія и требованія, душевныя настроенія и самыя точки зрѣнія на міръ, но все это мѣнялось въ живомъ лицѣ, которое оставалось самимъ собою и своимъ внутреннимъ единствомъ связывало всѣ произведенія своего творчества.

Ближайшимъ образомъ діалоги Платона выражаютъ, конечно, его философскій интересъ и философскую работу его ума. Но свойство самого философскаго интереса, очевидно, зависитъ также и отъ личности философа. Для Платона философія была прежде всего *жизненною задачею*. А жизнь для него была не мирная смѣна дней и годовъ умственнаго труда, какъ, напримѣръ, для Канта, а глубокая и сложная, все его существо обнимающая драма. Развитіе этой драмы, о которой мы отчасти имѣемъ прямыя свидѣтельства, отчасти же догадываемся по косвеннымъ указаніямъ, отразилось и увѣковѣчилось въ діалогахъ. Итакъ, самъ

Платонъ, какъ герой своей жизненной драмы—вотъ настоящій принципъ единства Платоновыхъ твореній, порядокъ которыхъ естественно опредѣляется ходомъ этой драмы.

I.

Безъ всякаго сомнѣнія, завязка жизненной драмы Платона дана въ его отношеніяхъ къ Сократу живому—въ первомъ актѣ, а память о Сократѣ умершемъ возвратно звучитъ, какъ нѣкій Leitmotiv, и въ актахъ послѣдующихъ. Что̀ же такое Сократъ, въ чемъ самая сущность его значенія? Сократъ былъ tertium quid, третья искомая и ищущая сторона пошатнувшейся въ своихъ основахъ греческой жизни,—сторона справедливая, безпристрастная, примиряющая двѣ другія враждующія стороны и потому непримиримо ненавидимая обѣими. Дѣло шло о самомъ принципѣ жизни человѣческой. Первоначально древне-эллинская, какъ и вся языческая жизнь покоилась на двойномъ, но нераздѣльномъ устоѣ религіознаго и государственнаго закона. θειος νομος,—νομος βασιλευς. Отеческіе боги и отеческій укладъ общежитія — только два выраженія, двѣ стороны одного жизненнаго начала. Корень—общій: святыня домашняго очага съ нераздѣльнымъ отъ него культомъ предковъ. Когда семейно-родовая, домашняя община была включена въ болѣе широкую и могущественную гражданскую, когда выше и сильнѣе рода сталъ городъ,—естественно, и богами вышними, вмѣсто родовыхъ и домо̀выхъ, стали боги городской общины.

Новыя времена стараются, хотя не всегда и не вездѣ успѣшно, отнять у божества полицейскую функцію, а у полиціи—божественную санкцію. Задача трудная. Въ тѣ времена она и не ставилась. Самая эта слитность первобытной религіи съ политикою, или полиціей, была такая своеобразная, такъ видоизмѣняла оба элемента, что намъ почти невозможно составить о ней живого представленія. Какъ вода въ своихъ конкретныхъ свойствахъ нисколько непохожа ни на водородъ, ни на кислородъ отдѣльно взятые, такъ религіозно-полицейскій строй древней жизни вовсе не напоминалъ ни религіи, ни полиціи въ нашемъ смыслѣ этихъ словъ. И если главные боги отеческіе по существу были городскіе стражи, то и человѣческіе стражи города (φυλακες Платоновой Политіи) были по существу божественны, еще болѣе, конечно, нежели Одиссеевъ „божественный" свинопасъ Эвмей.

Такая нетронутая, райская цѣльность жизненнаго сознанія

не могла быть долговѣчной. Она держалась на фактѣ непосредственной и безотчетной вѣры людей: въ дѣйствительность и силу родовыхъ и городскихъ боговъ, въ святость и божественность родного города. И съ какого изъ двухъ концовъ ни поколебать эту двойную вѣру,—рушится за-разъ все зданіе. Если боги отеческіе не дѣйствительны, или безсильны, то откуда святость отеческихъ законовъ? Если законы отеческіе не святы, то на чемъ зиждется предписанная или отеческая религія? Итакъ, нужно, чтобы двойная вѣра, на которой держится бытовой укладъ даннаго общества, была неприкосновенна вполнѣ. Но какъ же это сдѣлать? Вѣра, когда она есть только фактъ, принятый чрезъ преданіе, есть дѣло чрезвычайно непрочное, неустойчивое, всегда и всѣмъ застигаемое врасплохъ. И слава Богу, что такъ. Исключительно фактическая, слѣпая вѣра несообразна достоинству человѣка. Она болѣе свойственна или бѣсамъ, которые вѣруютъ и трепещутъ, или животнымъ безсловеснымъ, которыя, конечно, принимаютъ законъ своей жизни *на вѣру*, „безъ размышленій,—безъ тоски, безъ думы роковой,—безъ напрасныхъ, безъ пустыхъ сомнѣній“.

Я сказалъ о бѣсахъ и животныхъ не для красоты слога, а для историческаго напоминанія, а именно, что религіи, основанныя на одной фактической, слѣпой вѣрѣ, или отказавшіяся отъ иныхъ, лучшихъ основъ, всегда кончали или дьявольскою кровожадностью, или скотскимъ безстыдствомъ.

II.

Слѣпая и безотчетная религія обидна прежде всего для своего предмета, для самого божества, которое не этого требуетъ отъ человѣка. Какъ безграничное Благо, чуждое всякой зависти, оно хотя даетъ мѣсто въ мірѣ и бѣсамъ, и животнымъ, но радость его не въ нихъ, а въ „сынахъ человѣческихъ“; и чтобы эта радость была совершенною, оно сообщило человѣку особый даръ, которому завидуютъ бѣсы, и о которомъ ничего не знаютъ животныя. Важны, конечно, тѣ дары, посредствомъ которыхъ создался первоначальный внѣшній образъ человѣческой сверх-животной жизни,—то, что̀ мы называемъ образованностью. Не было бы ея безъ огня и земледѣлія. „Великіе благодѣтели человѣчества—Прометей, Деметра и Діонисъ. Но „трижды величайшимъ“ называется и есть отецъ нашъ Гермесъ Трисмегистъ. Въ тѣлесный образъ человѣческаго общежитія онъ вложилъ его жи-

вую душу и двигательницу жизни — философію, — не для того, чтобы даромъ и въ готовомъ видѣ получилъ человѣкъ вѣчную истину и блаженство, а для того, чтобы трудовой путь человѣческій къ истинѣ и блаженству огражденъ былъ съ двухъ сторонъ—и отъ суевѣрнаго демонскаго трепета, и отъ тупой животной безотчетности".

Вотъ почему люди, поддавшіеся той или этой темной силѣ, люди потемнѣвшіе и другихъ старающіеся потемнить,—за что они справедливо и называются obscurantes,—постоянную свою и упорную, хотя безплодную ненависть сосредоточиваютъ именно на философіи, будто бы подрывающей всякую вѣру, тогда какъ, по правдѣ, философія подрываетъ и дѣлаетъ невозможною только темную вѣру, лѣнивую и неподвижную. Эту заслугу философіи высоко цѣнили носители истинной свѣтлой вѣры, находившіе, какъ извѣстно, что философія для эллиновъ имѣла то же значеніе, какъ законъ для іудеевъ,—значеніе провиденціальнаго руководства при переходѣ изъ тьмы язычества къ свѣту Христову, при чемъ они допускали, что и въ язычествѣ не все было только тьмою. Для темной вѣры греческая философія, какъ впослѣдствіи и христіанская религія, казалась атеизмомъ. Между тѣмъ уже первый родоначальникъ этой философіи, Ѳалесъ, какъ говоритъ древнее извѣстіе, объявилъ, что „все полно боговъ". Но для ревнителей отеческой религіи это было слишкомъ много. На что имъ эта полнота боговъ? Они почитали лишь своихъ, нужныхъ для текущей жизни, гражданскихъ и военныхъ боговъ, а до божественнаго содержанія „всего" имъ рѣшительно не было никакого дѣла. За *своихъ* боговъ ручались свои отеческіе преданія и законы, а что ручалось за полноту вселенскихъ? Мысль Ѳалеса? Но вотъ мысль другихъ философовъ—Ксенофана, Анаксагора—идетъ дальше и открываетъ другое. Они отвергаютъ всякую множественность боговъ, и на ея мѣстѣ у перваго является божество—какъ абсолютно-единое, а у второго—какъ зиждительный умъ вселенной. Для охранительнаго ума толпы и ея правителей это уже было явное потрясеніе основъ и вызывало соотвѣтствующее противодѣйствіе.

III.

Философы впервые произвели существенный расколъ въ греческой жизни. До нихъ могли существовать по городамъ лишь партіи, такъ сказать, матеріальныя, вытекавшія изъ столкновенія и борьбы чисто-фактически образовавшихся общественныхъ группъ,

силъ и интересовъ. Принципіальнаго противорѣчія между ними не было, ибо всѣ одинаково признавали одинъ принципъ жизни—отеческое преданіе. Никто на него не покушался, и за отсутствіемъ принципіальныхъ разрушителей не могли явиться и принципіальные охранители. Они неизбѣжно явились, какъ только философы коснулись святыни отеческаго закона и подвергли критикѣ самое его содержаніе. Повсюду въ Греціи возникаютъ двѣ *формальныя* партіи: одна, по принципу, охраняетъ существующія основы общежитія, другая—по принципу же—ихъ колеблетъ. Первыя побѣды вездѣ принадлежали охранителямъ. Ихъ принципъ опирался на инстинктъ самосохраненія въ народныхъ массахъ, на всю силу противодѣйствія хотя уже тронувшихся, но еще не разложившихся общественныхъ организмовъ. Самая близость разложенія обостряла охранительныя вожделѣнія страхомъ за ихъ безуспѣшность. „Не смѣйте этого трогать, а то развалится“.—„Но достойно ли оно охраненія“?—„Не смѣйте спрашивать! Оно достойно уже тѣмъ, что существуетъ, что мы къ нему привыкли, что оно *свое*; и пока мы сильны—горе философамъ“! Тѣ могли отвѣчать на это: „велика истина, и она пересилитъ“!—но въ ожиданіи этого Ксенофанъ всю жизнь бродилъ бездомнымъ скитальцемъ, а Анаксагоръ лишь благодаря личнымъ связямъ избѣгъ смертной казни, замѣненной для него изгнаніемъ. Но въ судьбѣ Анаксагора уже предчувствуется побѣда философіи.

Этотъ главный предшественникъ Сократа, изъ іонійскихъ Клазоменъ, въ Малой Азіи, пришедшій въ Аѳины, гдѣ стяжалъ и славу, и гоненія, отмѣчаетъ собою переходъ древней философіи, съ мѣста ея рожденія въ торговыхъ греческихъ колоніяхъ, къ истинному средоточію эллинской образованности, гдѣ, несмотря на гоненія, философія стала настоящею общественною силой всеэллинскаго, а затѣмъ и всемірно-историческаго значенія.

IV.

Не по случайности эмпирической эллинская философія возникла въ колоніяхъ, а расцвѣла въ Аѳинахъ. Если купцы-мореходы, которыми основался и жилъ рой греческихъ колоній, неизбѣжно разбивали замкнутость традиціоннаго отеческаго уклада и, принося въ родной городъ знакомство со многимъ и разнообразнымъ *чужимъ*, давали способнымъ умамъ матеріалъ и возбужденіе къ сравнительной оцѣнкѣ „своего“ и „чужого“, къ

необходимому сужденію и возможному осужденію, чѣмъ во всякомъ случаѣ подрывалась непосредственная вѣра въ безусловное значеніе „своего", какъ такого, и вызывалось философское стремленіе къ *внутренней* правдѣ,—то съ другого конца такое дѣйствіе мысли, возбужденной сопоставленіемъ различныхъ законовъ жизни, *сосуществующихъ* въ познанномъ просторѣ міра,—такое критическое дѣйствіе зародившейся мысли получало новую силу и новое оправданіе тамъ, гдѣ исключительность царящаго закона жизни разбивалась еще и въ порядкѣ временной смѣны—утвержденіемъ и упраздненіемъ законоположеній по измѣнчивой волѣ народнаго множества,—какъ оно было въ подвижной аѳинской демократіи.

Колоніальнымъ грекамъ *условность* отеческаго закона открылась въ пространствѣ, аѳинянамъ—во времени. Если любознательный мореплаватель начиналъ скептически относиться къ традиціонному отечественному строю потому, что слишкомъ *много* видѣлъ другого разнаго на чужбинѣ, то аѳинскій гражданинъ, и не выходя изъ родныхъ стѣнъ, и не глядя на „чужое", долженъ былъ усомниться въ достоинствѣ и значеніи „своего", такъ какъ оно слишкомъ *часто* мѣнялось на его глазахъ и даже при его собственномъ участіи. Это не мѣшаетъ любить родину, можетъ быть даже усиливаетъ любовь къ ней, какъ къ чему-то совсѣмъ близкому, животрепещущему; но религіозное благоговѣйное отношеніе къ народнымъ законамъ, какъ къ чему-то высшему и безусловному, непремѣнно должно при этомъ пасть подъ первыми ударами критической мысли. Сюда вполнѣ приложима насмѣшка библейскаго писателя надъ идолопоклонникомъ, который собственными руками возьметъ кусокъ дерева, мрамора или металла, сдѣлаетъ изъ него статую, а затѣмъ приноситъ ей жертвы и мольбы, какъ богу. Законъ, какъ произведеніе неустойчивой воли, мнѣнія и прихоти людей—не болѣе заслуживаетъ поклоненія, чѣмъ вещественное издѣліе рукъ человѣческихъ.

V.

Вся сила той критики, которую древнѣйшая, т.-е. до-Сократовская философія обращала на боговъ и уставы отеческіе, можетъ быть выражена однимъ словомъ—*относительность*. „То, что вы считаете безусловнымъ и потому неприкосновеннымъ,—говорили философы своимъ согражданамъ,—на самомъ дѣлѣ весьма относительно и потому подлежитъ разсмотрѣнію и сужденію, а

въ своей мнимой безусловности — осужденію и упраздненію". Этою обличительною и отрицательною задачей дѣло философовъ, какъ извѣстно, не ограничивалось. Съ критикою мнимо-безусловнаго связывались у нихъ попытки опредѣленія истинно-безусловнаго. Отвергнувъ или отодвинувъ на второй планъ данные традиціонные устои жизни человѣческой, они утверждали открываемыя разумомъ первоосновы жизни всемірной, космической — отъ воды и воздуха первыхъ іонійцевъ до равновѣсія единящей и раздѣляющей силы у Эмпедокла, до Анаксагорова мірового ума и Демокритовыхъ атомовъ и пустоты.

Во всемъ этомъ была истина, но чтобы найти ее среди такой пестроты, чтобы понять и оцѣнить всѣ эти разнообразныя и повидимому противорѣчивыя идеи, какъ части слагающагося умственнаго цѣлаго, нуженъ былъ рѣдкій даръ умозрѣнія и синтеза, который и явился впослѣдствіи въ лицѣ Платона, Аристотеля и Плотина. Но сначала естественнымъ образомъ выдѣлилась и обособилась болѣе доступная отрицательная сторона пережитаго греческимъ умомъ философскаго процесса. За два вѣка умственнаго движенія въ Греціи народился цѣлый классъ людей съ формально развитыми мыслительными способностями, съ литературнымъ образованіемъ и съ живымъ умственнымъ интересомъ, людей, утратившихъ всякую вѣру въ расшатанные традиціонные устои народнаго быта, но при этомъ не имѣвшихъ нравственной геніальности, чтобы отдаться всею душой исканію лучшихъ, истинныхъ нормъ жизни. Эти люди, которыхъ проницательность общественнаго сознанія сразу и связала съ философіей, и отдѣлила отъ нея особымъ названіемъ *софистовъ*, — жадно схватились за то понятіе относительности, которымъ философы подрывали темную вѣру; возведя это понятіе въ неограниченный всеобщій принципъ, софисты обратили его остріе и противъ самой философіи, пользуясь видимою противорѣчивостью размножившихся философскихъ ученій.

Если опытное знакомство съ чужими заморскими странами и опытъ демократическихъ перемѣнъ у себя дома давали познать двоякую относительность традиціонныхъ жизненныхъ нормъ по мѣсту и времени и тѣмъ вызывали философовъ на ихъ отрицательную критику, то опытъ самой философіи въ многоразличіи ея системъ заставлялъ, повидимому, и къ ней прилагать такую же критику и изъ относительности философскихъ построеній заключать о несостоятельности всѣхъ мыслимыхъ нормъ, или какихъ бы то ни было опредѣляющихъ началъ бытія. Не только вѣрованія и законы городовъ, — провозгласили софисты, — но все

вообще относительно, условно, недостовѣрно; нѣтъ ничего хорошаго или худого, истиннаго или ложнаго *по существу*, а все только по условію или положенію—ου φυσει, αλλα θεσει μονον, и единственнымъ руководствомъ во всякомъ дѣлѣ, за отсутствіемъ существенныхъ и объективныхъ нормъ, остается только практическая цѣлесообразность, а цѣлью можетъ быть только *успѣхъ*. Никто не можетъ ручаться безусловно за правду своихъ стремленій, за истинность своихъ мнѣній, но всѣ безъ исключенія одинаково желаютъ успѣха или торжества для своихъ стремленій и мнѣній. Вотъ, значитъ, единственное настоящее содержаніе жизни—искать практическаго успѣха всѣми возможными средствами, а такъ какъ эта цѣль для единичнаго человѣка достигается только при поддержкѣ другихъ, то главная задача—убѣдить другихъ въ томъ, что̀ нужно для себя самого. А потому важнѣйшее и полезнѣйшее искусство есть искусство словеснаго убѣжденія, или—*риторика*.

VI.

Софисты, вѣрившіе въ одну *удачу*, могли быть побѣждены не разумными аргументами, а только фактическою *неудачею* своего дѣла. Имъ не удалось убѣдить Грецію въ правотѣ своего абсолютнаго скептицизма и не удалось замѣнить философію риторикой. Явился Сократъ, которому удалось осмѣять софистовъ и открыть философіи новые и славные пути. Понятна вражда софистовъ къ Сократу. Но на первый взглядъ можетъ казаться страннымъ то, что въ этой враждѣ оказалась солидарною съ софистами и превзошла ихъ другая партія.

Естественною казалась бы вражда между тѣми, кто стоялъ за неприкосновенность традиціонныхъ вѣрованій и жизненныхъ нормъ, и тѣми, кто, какъ софисты, были отрицателями по преимуществу, отрицали безъ исключенія всѣ опредѣляющія начала общежитія, принципіально отвергали самую возможность такихъ началъ, т.-е. какихъ бы то ни было устоевъ жизни и мысли. И была, конечно, вражда между охранителями и софистами, но она вообще не принимала трагическаго оборота. Софисты въ концѣ концовъ благоденствовали, а вся тяжесть охранительнаго гоненія обрушилась какъ разъ на философовъ наиболѣе положительнаго направленія, утверждавшихъ добрый и истинный смыслъ мірового и общественнаго порядка—сначала на Анаксагора, учившаго, что міръ зиждется и управляется верховнымъ Умомъ, а

затѣмъ и въ особенности на Сократа. Передъ нимъ утихла поверхностная вражда между охранителями и софистами, и два прежніе противника соединили свои усилія, чтобы избавиться отъ одинаково имъ ненавистнаго олицетворенія высшей правды. Ихъ связало то, въ чемъ они были неправы.

А между тѣмъ, со стороны Сократа вовсе не было безусловной, непримиримой вражды ни къ принципу софистовъ, ни къ принципу охранителей отеческаго преданія и закона. Онъ искренно и охотно признавалъ тѣ доли правды, которыя были у тѣхъ и у другихъ. Онъ дѣйствительно былъ третьимъ, синтетическимъ и примиряющимъ началомъ между ними. Вмѣстѣ съ софистами онъ стоялъ за права и за необходимость критическаго и діалектическаго изслѣдованія; какъ и они, онъ были противъ слѣпой, безотчетной вѣры, не хотѣлъ ничего принимать безъ предварительнаго испытанія. За эту критическую пытливость, которая болѣе всего бросалась въ глаза, и толпа, и такіе плохіе мыслители, какъ Аристофанъ, прямо смѣшивали Сократа съ софистами. Но, съ другой стороны, онъ признавалъ смыслъ и правду и въ народныхъ вѣрованіяхъ, и въ практическомъ авторитетѣ отеческихъ законовъ. И свое благочестіе, и свою патріотическую лояльность онъ показывалъ на дѣлѣ до самаго конца. Нельзя заподозрить его искренность въ предсмертной жертвѣ Эскулапу, а отказомъ бѣжать изъ темницы, послѣ смертнаго приговора, онъ поставилъ свои обязанности къ родному городу выше сохраненія самой жизни.

VII.

При отсутствіи прямого принципіальнаго антагонизма и въ ту и въ другую сторону, чѣмъ же объясняется эта непримиримая ненависть къ Сократу съ обѣихъ сторонъ? Дѣло именно въ томъ, что антагонизмъ здѣсь былъ не принципіальный въ смыслѣ отвлеченно-теоретическомъ, а жизненный, практическій и можно сказать личный—въ болѣе глубокомъ значеніи этого слова. Косвеннымъ, а иногда и прямымъ смысломъ своихъ рѣчей Сократъ говорилъ обѣимъ сторонамъ вещи окончательно для нихъ нестерпимыя и противъ которыхъ у нихъ не находилось разумнаго возраженія.

Охранителямъ Сократъ какъ бы говорилъ такъ: „Вы совершенно правы и заслуживаете всякой похвалы за то, что хотите охранять основы гражданскаго общежитія,—это дѣло самое важное. Прекрасно, что вы охранители, бѣда лишь въ томъ, что

вы—*плохіе* охранители: вы не знаете и не умѣете, что̀ и ка̀къ охранять. Вы дѣйствуете ощупью, какъ попало, подобно слѣпымъ. Слѣпота ваша происходитъ отъ самомнѣнія, а это самомнѣніе, хотя несправедливо и пагубно для васъ и для другихъ, однако, заслуживаетъ извиненія, ибо зависитъ не отъ злой воли, а отъ вашей глупости и невѣжества".—Чѣмъ же можно на это отвѣтить, кромѣ темницы и яда?

А софистамъ Сократъ говорилъ: „Прекрасно вы дѣлаете, что занимаетесь разсужденіями и все существующее и несуществующее подвергаете испытанію вашей критической мысли; жаль только, что мыслители вы плохіе и вовсе не понимаете ни цѣлей, ни пріемовъ настоящей критики и діалектики".

Сократъ указывалъ, а главное, доказывалъ неопровержимымъ образомъ умственную несостоятельность своихъ противниковъ, и это была, конечно, вина непрощенная. Вражда была непримирима. Если бы даже Сократъ никогда прямо не обличалъ аѳинскихъ отцовъ отечества, какъ плохихъ охранителей, и софистовъ, какъ плохихъ мыслителей, этимъ дѣло не измѣнилось бы: онъ все равно обличалъ и тѣхъ, и другихъ, самою своею личностью, своимъ нравственнымъ настроеніемъ и положительнымъ значеніемъ своихъ рѣчей. Онъ самъ былъ живою обидой для плохихъ консерваторовъ и плохихъ критиковъ,—какъ олицетвореніе истинно-охранительныхъ и истинно-критическихъ началъ. Безъ него, если обѣ партіи были недовольны другъ другомъ, зато каждая была невозмутимо довольна сама собою.

Пока охранители могли видѣть въ своихъ противникахъ людей безбожныхъ и нечестивыхъ, они сознавали свое внутреннее превосходство и заранѣе торжествовали побѣду: могло казаться въ самомъ дѣлѣ, что они стоятъ за саму вѣру и за само благочестіе; была видимость принципіальнаго, идейнаго спора, въ которомъ они представляли положительную, правую сторону. Но при столкновеніи съ Сократомъ положеніе совершенно мѣнялось: нельзя было отстаивать вѣру и благочестіе, какъ такія, противъ человѣка, который самъ былъ вѣрующимъ и благочестивымъ,—приходилось отстаивать не саму вѣру, а только *отличіе* ихъ вѣры отъ вѣры Сократовой, а отличіе это состояло въ томъ, что вѣра у Сократа была зрячая, а у нихъ слѣпая. Сразу обнаруживалась такимъ образомъ *недоброкачественность* ихъ вѣры, а въ ихъ стремленіи непремѣнно утвердить именно эту порочную слѣпую вѣру проявлялась слабость и *неискренность* ея. Во имя чего они могли стоять именно за *темноту* вѣры? Во имя ли того, что *всякая* вѣра должна быть темною? Но вотъ

тутъ на лицо былъ Сократъ, наглядно опровергавшій такое предположеніе самымъ фактомъ своей свѣтлой, зрячей вѣры. Ясно было, что они стояли за тьму не въ интересахъ вѣры, а въ какихъ-то иныхъ, чуждыхъ вѣрѣ интересахъ. И дѣйствительно, аѳинскіе охранители того времени,—по крайней мѣрѣ болѣе образованные между ними,—были люди невѣрующіе. Иначе и быть не могло. Разъ въ извѣстной средѣ началось умственное движеніе, возникла и развилась философія,—непосредственная вѣра, требующая младенческаго ума, становится невозможною для всякаго человѣка, затронутаго этимъ движеніемъ. Нельзя охранять то, чтò пропало, и вѣра обскурантовъ есть только обманчивая личина, надѣтая на ихъ дѣйствительное невѣріе. У людей болѣе живыхъ и даровитыхъ между аѳинскими охранителями, напр. у Аристофана, подлинное чувство прорывается сквозь маску: обличая мнимое нечестіе философовъ, онъ тутъ же проявляетъ свое собственное—въ грубомъ издѣвательствѣ надъ богами. Чтò же охранялось такими охранителями и чтò ими двигало? Ясно, что даже не страхъ божій, а лишь страхъ за тотъ старый, привычный бытовой строй, который былъ исторически связанъ съ данною религіей.

Сократъ самымъ фактомъ своей положительной и вмѣстѣ съ тѣмъ безстрашной и свѣтлой вѣры обличалъ внутреннюю негодность такого безвѣрнаго и гнилого консерватизма. И опять-таки самымъ фактомъ безусловно критическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно положительнаго отношенія своего мышленія къ дѣйствительной жизни онъ обличалъ внутреннюю несостоятельность софистической псевдокритики. Пока софисты имѣли противъ себя или народныя массы, или людей хотя высшаго класса, но мало причастныхъ философскому движенію и неискусныхъ въ діалектикѣ, то могло казаться, что софистика представляетъ собою права прогресса противъ народной косности, права мысли противъ умственной неразвитости, права знанія и просвѣщенія противъ темнаго невѣжества. Но когда противъ софистическаго разгрома всѣхъ жизненныхъ началъ вооружался „мудрѣйшій изъ эллиновъ“, человѣкъ во всякомъ случаѣ бòльшей умственной силы и діалектическаго искусства, чѣмъ они,—то всѣ увидали, что чисто-отрицательный характеръ ихъ разсужденій зависѣлъ не отъ необходимости мышленія человѣческаго, а въ лучшемъ случаѣ отъ неполноты и односторонности *ихъ* взглядовъ и пріемовъ,—ясно стало, что причина здѣсь не въ мышленіи и критикѣ, а лишь въ плохомъ мышленіи и плохой критикѣ.

VIII.

Итакъ, вина Сократа помимо всякой прямой полемики противъ охранителей и разрушителей состояла въ томъ, что самая точка зрѣнія его открывала идейную наготу и тѣхъ, и другихъ.

Въ немъ былъ лучъ истиннаго свѣта, открывающаго и себя самого, и чужую тьму. Передъ лицомъ лже-охранителей, утверждавшихъ, что должно безусловно, безъ всякихъ разсужденій принимать народныя вѣрованія и повиноваться отеческимъ уставамъ потому только, что они даны и установлены, *положены прежде насъ*,—и передъ лицомъ лже-мыслителей, учившихъ, что никакой безусловной обязанности не можетъ быть, что не нужно повиноваться вовсе ничему, а только искать своей выгоды и успѣха,—передъ этою двойною ложью Сократъ и словами и жизнью своею утверждалъ: *есть* безусловная обязанность, но лишь къ тому, чтò само безусловно, чтò *по существу* и, слѣдовательно, всегда и вездѣ хорошо или достойно; и *есть* оно, это безусловное, есть существенная норма для жизни человѣческой, есть *Добро* само по себѣ. Оно одно по истинѣ желательно, или есть высшее благо для человѣка, основаніе и мѣрило всѣхъ другихъ благъ, и на немъ только, какъ на безусловной правдѣ и критеріи всего справедливаго, должно быть построено человѣческое общежитіе. Если вѣрованія народныя и уставы отеческіе сообразны или могутъ быть связаны съ безусловною нормою жизни, ихъ должно принимать и повиноваться имъ. Требуется, значитъ, отчетливая оцѣнка всего даннаго, требуется разсужденіе, критика, но не какъ искусство для искусства, а какъ *исканіе правды*, чтобы дѣйствительно найти ее.

Что безусловное добро есть и что подлинно есть только то, чтò достойно быть,—въ это Сократъ вѣрилъ, но его вѣра была не слѣпою, а совершенно разумною, во-первыхъ, уже потому, что это была собственно вѣра въ разумъ, требующій, чтобы существующее было сообразно ему, имѣло смыслъ, или было достойно бытія; а, во-вторыхъ, вѣра Сократа имѣла раціональный характеръ и потому, что искала своего осуществленія или оправданія во всемъ, и для этого непремѣнно требовала послѣдовательной работы мыслящаго ума.

Вѣря въ бытіе безусловнаго добра, Сократъ не снабжалъ его заранѣе никакими ближайшими опредѣленіями; оно было для него не даннымъ въ готовомъ видѣ, а *искомымъ*; но нельзя что-нибудь искать, если не вѣришь, что оно есть.

IX.

Согласно разумной вѣрѣ, безусловное Добро *есть* само по себѣ; но обладаніе имъ не дано человѣку безусловно, а требуетъ необходимыхъ условій. Цѣль впереди, и нуженъ процессъ ея достиженія. Предполагается Сократомъ лишь общее понятіе о томъ, что̀, будучи хорошо само по себѣ, можетъ и все другое дѣлать хорошимъ. Чтобы дѣйствительно достигнуть того, что̀ единственно достойно достиженія, первое условіе—отвергнуть все, что̀ не таково, вмѣнить все прочее въ ничто. „Я знаю только, что ничего не знаю"—за это исповѣданіе, какъ думалъ Сократъ, Пиѳія провозгласила его мудрѣйшимъ изъ эллиновъ. Первое условіе истинной философіи есть *нищета духовная*. Удивительное предвареніе первой евангельской заповѣди, удивительное согласіе дельфійскаго оракула съ нагорною проповѣдью, замѣченное еще отцами церкви первыхъ вѣковъ христіанства!

Объявленіе своей духовной нищеты среди кажущагося богатства есть, конечно, духовный подвигъ. Но это подвигъ, теряющій всю свою цѣну, если на немъ остановиться, какъ дѣлаютъ скептики, у которыхъ смиренное сознаніе своей недостаточности переходитъ въ противоположное—въ самодовольство и гордость. Для такого перехода требуется маленькая прибавка, чуждая Сократу и евангелію: „я ничего не знаю, да и знать ничего нельзя и не нужно". Утѣшеніе рѣшительно ни на чемъ не основанное. Истинная духовная нищета не утѣшается сама собою, между нею и утѣшеніемъ лежитъ *скорбь* о своемъ состояніи: „блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся". И этому евангельскому плачу не противорѣчилъ смѣхъ Сократа, выражавшій не радость о своей нищетѣ, а лишь осужденіе мнимаго богатства. Объявленіе о своемъ незнаніи было для Сократа лишь первымъ началомъ его *исканія*, духовная нищета вызывала въ немъ духовный голодъ и жажду. „Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся"—новое согласіе истинной философіи и истинной религіи, эллинской и еврейской мудрости.

X.

Еслибы Сократъ ограничивался исповѣданіемъ своего незнанія, онъ былъ бы, конечно, самымъ пріятнымъ человѣкомъ и для охранителей, и для софистовъ. Обскурантизмъ первыхъ и боль-

товня вторыхъ одинаково требовали незнанія,—незнанія о томъ, чтò по существу желательно и обязательно, чтò стоитъ и слѣдуетъ знать. „Мы ничего не знаемъ по настоящему,—говорили охранители,—поэтому нужно слѣпо вѣрить въ отеческіе уставы". —„Да, ничего нельзя знать,—подтверждали софисты,—поэтому нужно стремиться къ своей выгодѣ, успѣху и ко всякой силѣ, дающей выгоду и успѣхъ". И тѣ, и другіе, фактическое незнаніе спѣшили произвольно и недобросовѣстно возвести въ законъ, чтобы вывести изъ него то, чего имъ хотѣлось, чтобы оправдать и навязать другимъ свою темноту и свое пустословіе.

И это удалось бы имъ, — такъ ихъ заключенія льстили духовной лѣни и всѣмъ низшимъ сторонамъ человѣческой природы, и такъ ихъ, повидимому, оправдывала несостоятельность противорѣчившихъ другъ другу философскихъ ученій. Отъ философовъ, уронившихъ себя такими противорѣчіями, легко, казалось, отдѣлаться и охранителямъ, и софистамъ. Но они „считали безъ хозяина" — безъ Логоса-Гермеса и его вѣковѣчнаго дара человѣку. Ни гоненія городовъ, ни противорѣчія самихъ философовъ не пугали философію, которая устами одного человѣка заглушала темныя и пустыя рѣчи многоголовой толпы. Воплощенная въ Сократѣ, на улицахъ и площадяхъ аѳинскихъ, поднимала она свой голосъ, и доказавъ всякому, что онъ ничего не знаетъ, выводила отсюда безпокойныя, но единственно достойныя человѣка заключенія: „кто позналъ свое незнаніе, тотъ уже нѣчто знаетъ и можетъ знать больше; ты не знаешь, — такъ узнавай; не обладаешь правдой — ищи ее; когда ищешь, она уже при тебѣ, только съ закрытымъ лицомъ, и отъ твоего умственнаго труда зависитъ, чтобы она открылась".

Это требованіе внутренняго подвига отъ человѣка при неустанномъ духовномъ подвижничествѣ самого Сократа въ исканіи правды, обличая темную косность охранителей и праздное движеніе софистовъ, у тѣхъ и у другихъ отнимало возможность быть самодовольными. А кто покушается на самодовольство темныхъ или пустыхъ людей, тотъ сначала—человѣкъ безпокойный, потомъ нестерпимый, наконецъ преступникъ, заслуживающій смерти.

XI.

Сократъ обвиненъ, какъ извѣстно, въ томъ, что „боговъ, почитаемыхъ городомъ, не почитаетъ, а вводитъ другія, новыя божества", и еще въ томъ, что „развращаетъ юношество". Въ

этихъ ложныхъ обвиненіяхъ ясно сквозитъ подлинная сущность дѣла. Нельзя было просто обвинять Сократа, какъ Анаксагора, въ атеизмѣ; его благочестіе было явно. Да и для обвинителей дѣло было не въ богахъ вообще, а лишь въ тѣхъ, которыхъ почитаетъ или узаконяетъ (νομίζει) городъ. И настоящій смыслъ обвиненія былъ не въ томъ, что Сократъ ихъ не почитаетъ,—на самомъ дѣлѣ онъ почиталъ между прочимъ и ихъ,—но онъ почиталъ ихъ не потому, что ихъ признаетъ городъ, а лишь потому, или постольку, поскольку въ нихъ по правдѣ было или могло быть нѣчто божественное, — онъ почиталъ ихъ *по существу*, по внутренней связи ихъ съ безусловнымъ, а не по условію—φύσει οὐ θέσει. Въ этомъ и было его преступленіе. Оно усиливалось тѣмъ, что онъ „вводилъ *другія, новыя* божества. И тутъ сказывается истинное свидѣтельство о положительномъ характерѣ Сократова ученія и особенно о его отношеніи къ религіи: онъ не убавлялъ капитала народнаго благочестія, а напротивъ, прибавлялъ къ нему. Но и этотъ приростъ вѣры былъ преступленіемъ, потому что и здѣсь Сократъ дѣйствовалъ *по существу*, не справляясь съ внѣшними обстоятельствами признанныхъ имъ истинныхъ божественныхъ проявленій, стары ли они, или новы, почитаются ли городомъ, или нѣтъ. Третье преступленіе состояло въ томъ, что Сократа слушали; что онъ производилъ дѣйствіе на живые, еще не окаменѣвшіе умы и сердца. Онъ развращалъ юношество тѣмъ, что подрывалъ въ немъ довѣріе и уваженіе къ темнымъ и пустымъ руководителямъ, къ слѣпцамъ, ведущимъ слѣпцовъ.

XII.

Сократъ долженъ былъ умереть какъ преступникъ. Вотъ трагическій ударъ въ самомъ началѣ жизненной драмы Платона. Подобно нѣкоторымъ древнимъ трагедіямъ, а также Шекспировскому Гамлету, эта драма не только кончается, но и начинается трагическою катастрофой. Но насколько историческая дѣйствительность глубже и значительнѣе поэтическаго вымысла! Возьмемъ произведеніе Шекспира. По внушенію грубыхъ личныхъ страстей, злодѣй убиваетъ отца молодого Гамлета. Естественное чувство и естественная обязанность родовой мести требуетъ покарать убійцу, и эта обязанность осложняется для Гамлета преступнымъ участіемъ его матери въ страшномъ дѣлѣ. Тайное братоубійство, мужеубійство, цареубійство, похищеніе престола, двойная, тройная измѣна—все это въ ближайшемъ жизненномъ

кругѣ героя, а въ его собственномъ существѣ — безвыходное противорѣчіе сознанія и воли, чувства и темперамента. Вотъ безспорно великолѣпный образецъ трагическаго положенія, достойный сильнѣйшаго изъ поэтовъ.

Но замѣтьте, что хотя драма происходитъ послѣ многихъ вѣковъ христіанства, она имѣетъ смыслъ только на почвѣ чисто-языческаго понятія о родовой мести какъ нравственномъ долгѣ. Центръ драмы именно въ томъ, что Гамлетъ считалъ своею обязанностью отмстить за отца, а его нерѣшительный темпераментъ задерживалъ исполненіе этой мнимой обязанности. Но вѣдь это только частный случай; нѣтъ никакой общей и существенной необходимости, чтобы человѣкъ, исповѣдующій религію, запрещающую мстить, сохранялъ понятія и правила, требующія мести.

Отнимите эту естественную въ язычникѣ, и совершенно противоестественную въ христіанинѣ идею обязательной мести, и въ чемъ же будетъ основаніе для драмы? У человѣка гнуснѣйшимъ образомъ убили благороднаго отца, отняли мать и оттѣснили его самого отъ наслѣдственнаго престола. Высокая степень горя и бѣдствія! Но предположите, что этотъ человѣкъ съ глубокимъ убѣжденіемъ стоитъ—не скажу даже на христіанской, а хотя бы на стоической, буддійской или Толстовской точкѣ зрѣнія; тогда изъ его горестнаго положенія вытекаетъ лишь одна простая и чисто-внутренняя обязанность—резигнаціи. Онъ можетъ мужественно принять эту обязанность, или малодушно роптать на нее, но и въ томъ и другомъ случаѣ никакого явнаго и необходимаго дѣйствія, а слѣдовательно, и никакой трагедіи изъ его несчастія не вытекаетъ. Ясно, что создать настоящую трагедію изъ положенія человѣка, безропотно, или хотя бы съ ропотомъ переносящаго свои бѣдствія, совершенно невозможно, какъ бы велики ни были эти бѣдствія, и какова бы ни была геніальность поэта.

Чтобы изъ горестнаго положенія Гамлета вышла та великолѣпная трагедія, которую мы знаемъ, нужно было Шекспиру создать *особыя* условія, изъ существа положенія не вытекающія, а именно, во-первыхъ, нужно было, чтобы всѣ ужасы, совершенные въ Эльзинорѣ, пали на голову человѣка, который, несмотря на свою фактическую принадлежность къ христіанству, искренно вѣритъ въ обязательность для себя кровной мести; не будь этой слѣпой вѣры, усомнись Гамлетъ въ своей мнимой обязанности мстить и вспомни онъ хотя на минуту о своей дѣйствительной обязанности прощать враговъ,—трагедія бы пропала, и у плачев-

наго факта остался бы только одинъ смыслъ жизненнаго испытанія. А развѣ была какая-нибудь внутренняя необходимость Гамлету такъ сильно вѣрить въ пережитый высшимъ сознаніемъ человѣческимъ законъ родового быта?

Но, во-вторыхъ, и допустивши въ Гамлетѣ случайную силу этого исторически пережитого, мы видимъ, что трагедіи всетаки не вышло бы, если бы Гамлетъ прямо исполнилъ свой мнимый долгъ, убивъ злодѣя-узурпатора и занявъ по праву свой престолъ. Тогда ему оставалось только, какъ въ передѣлкѣ Сумарокова, жениться на Офеліи, и представленіе, вмѣсто величавой отходной Фортинбраса, оканчивалось бы нѣжными словами Офеліи:

Иди, мой князь, во храмъ,
Яви себя въ народѣ,
А я пойду отдамъ
Послѣдній долгъ природѣ! [1])

XIII.

Итакъ, кромѣ случайной вѣры Гамлета въ законъ кровной мести, требовалось для трагедіи еще другое условіе—неспособность Гамлета исполнить вообще какой-нибудь законъ, требовалось, чтобы этотъ человѣкъ былъ только мыслителемъ, или, если угодно, резонеромъ, а не дѣятелемъ,—требовался, однимъ словомъ, тотъ характеръ, котораго я не стану разбирать, чтобы не повторять достаточно извѣстнаго и превосходнаго его анализа въ блестящемъ очеркѣ Тургенева: „Гамлетъ и Донъ-Кихотъ".

Значитъ, внѣшняя случайность получила трагическій интересъ лишь благодаря индивидуальности героя. Но, скажутъ, такъ и должно быть. Несовсѣмъ. Въ поэзіи были трагедіи, основанныя главнымъ образомъ на внутренней необходимости, хотя и не безусловной, однако обусловленной объективно-историческими силами, а не индивидуально-субъективнымъ характеромъ.

Мало замѣчаютъ обыкновенно, что сюжетъ Гамлета есть лишь обновленный сюжетъ древней Орестіи. У Ореста, какъ и у Гамлета, благородный отецъ убитъ родственнымъ злодѣемъ при главномъ участіи собственной жены убитаго, матери Ореста. Но тутъ само положеніе создаетъ трагедію, независимо отъ индивидуальности героя. Смиреніе, резигнація, прощеніе враговъ, вовсе

[1]) Разумѣется посѣщеніе родительской могилы.

невозможны для Ореста—такого понятія не существовало въ его время. Естественный законъ родовой жизни еще господствовалъ надъ всѣмъ сознаніемъ, но трагедія была въ томъ, что самый этотъ законъ наканунѣ своего паденія *раздвоился*. Родъ всесиленъ, но кто представляетъ родъ: мать или отецъ? Какой натуральный союзъ есть настоящій: матріархальный или патріархальный? Центръ тяжести трагедіи не въ личности Ореста, а въ объективномъ историческомъ столкновеніи двухъ законовъ, тѣснившихъ другъ друга въ натуральномъ человѣчествѣ—закона гинекократическаго и андрократическаго. Трагедія здѣсь происходитъ по существу, какой бы характеръ и какія бы мысли ни были у Ореста,—все равно: эти два объективные закона отцовскаго и материнскаго права предъявляютъ ему свои противорѣчивыя требованія, сталкиваются въ его груди.

Но, скажутъ, изъ этого преимущества древней трагедіи вытекаетъ и ея важный недостатокъ,—именно слабость индивидуальнаго и субъективнаго интереса. Конечно, такъ; и эстетика уже давно различила здѣсь два рода: древнюю трагедію общей необходимости и новую трагедію индивидуальнаго характера. Но развѣ сущность трагическаго въ жизни человѣчества исчерпывается этою противоположностью, развѣ есть внутреннее основаніе для того, чтобы въ трагедіи преобладали непремѣнно *или* та, или *эта* сторона, развѣ невозможно такое трагическое положеніе, чтобы наиболѣе значительное и универсальное столкновеніе объективныхъ дѣйствующихъ въ мірѣ началъ показывало свою силу на самой могучей и глубокой индивидуальности?

XIV.

Нѣтъ внутренней необходимости, чтобы драма была непремѣнно односторонней. Но гдѣ же эта высшая, синтетическая и полная драма? Въ поэзіи я такой не знаю, но въ дѣйствительной исторіи она бывала, и о такой именно жизненной драмѣ, превосходящей и древнюю Орестію, и новаго Гамлета, у насъ теперь рѣчь.

Хотя она происходила ранѣе христіанства, но положеніе опредѣляется въ ней уже на духовной почвѣ. Убитъ отецъ, но не кровный, а духовный, воспитатель въ мудрости, отецъ лучшей души. Это еще личное, хотя и высокое отношеніе. Но вотъ уже сверхличное: *убитъ праведникъ*. Убитъ не грубо-личнымъ злодѣяніемъ, не своекорыстнымъ предательствомъ, а торжественнымъ

публичнымъ приговоромъ законной власти, волею отечественнаго города. И это еще могло бы быть случайностью, еслибы праведникъ былъ законно убитъ по какому-нибудь дѣлу, хотя невинному, но постороннему его праведности. Но онъ убитъ именно за нее, за правду, за рѣшимость исполнить нравственный долгъ до конца.

Судьба Сократа была рѣшена слѣдующими его словами къ судьямъ: „Васъ, мужи аѳинскіе, я уважаю и люблю, но слушаться буду бога больше, чѣмъ васъ, и пока есть во мнѣ дыханіе и силы, не перестану философствовать и васъ увѣщевать и обличать обычными своими рѣчами“.

Трагизмъ не личный, не субъективный, не въ разлукѣ ученика съ учителемъ, сына съ отцомъ. Сократу, все равно, жить оставалось ужъ не долго. Трагизмъ—въ томъ, что лучшая общественная среда во всемъ тогдашнемъ человѣчествѣ—Аѳины—не могла перенести простого, голаго принципа правды; что общественная жизнь оказалась несовмѣстимою съ личною совѣстью; что раскрылась бездна чистаго, безпримѣснаго зла и поглотила праведника; что для правды смерть оказалась единственнымъ удѣломъ, а жизнь и дѣйствительность отошли къ злу и лжи.

Какъ же жить въ этомъ царствѣ зла, какъ жить тамъ, гдѣ праведникъ долженъ умереть? Посмотрите, насколько это „быть или не быть“, которое Платону пришлось сказать надъ трупомъ законно и явно отравленнаго Сократа, глубже и значительнѣе Гамлетовскаго „быть или не быть“, вызваннаго беззаконнымъ и тайнымъ, въ сущности случайнымъ отравленіемъ его отца?

Конечно, главную силу трагизма этого положенія могла сознательно испытать лишь такая высокая и богатая индивидуальность, какъ Платонъ; но самый источникъ трагизма—не въ индивидуальности, не въ субъектѣ, а въ этомъ глубокомъ, роковомъ и объективномъ столкновеніи глубочайшаго зла съ воплощеніемъ правды. И столкновеніе это не обусловлено историческою стадіей общественнаго развитія, какъ въ Орестіи, — оно безусловно и универсально, какъ самый принципъ высшей правды, провозглашенный Сократомъ: „слушаться я долженъ бога больше, чѣмъ васъ“, — и какъ отвѣтъ зла: „ты долженъ умереть, ибо жизнь общества несовмѣстима съ правдою божьею и человѣческою“.

Когда Гамлетъ говоритъ свое „быть или не быть“, онъ разумѣетъ—быть или не быть *мнѣ*, Гамлету?—вопросъ личный, и весь монологъ наполненъ личнымъ элементомъ: ударами судьбы, сорными травами житейскаго сада, сновидѣніями за гробомъ. Для

Платона вопросъ былъ въ томъ: быть или не быть правдѣ на землѣ—вопросъ универсальный, хотя живо ощутить его значеніе могла, конечно, лишь великая личность—вотъ истинное соотвѣтствіе, настоящій синтезъ всеобщаго и индивидуальнаго, субъективнаго и объективнаго началъ въ драмѣ,—и этотъ синтезъ, никакимъ поэтомъ не придуманный, произошелъ въ дѣйствительной исторіи.

Пояснивъ или подчеркнувъ съ помощью новаго сопоставленія общеизвѣстную завязку Платоновой жизненной драмы, я долженъ теперь перейти къ ея дальнѣйшему развитію и къ той окончательной трагической катастрофѣ, на которую, если не ошибаюсь, до сихъ поръ не обращали достаточнаго вниманія.

Владиміръ Соловьевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1898.

Продовольственная нужда. — Извѣстія изъ уѣздовъ козловскаго и воронежскаго.— Письмо гр. Л. Н. Толстого.—Новый походъ противъ продовольственныхъ ссудъ.— Программа „бывшаго предводителя дворянства“ и книга Г. А. Евреинова.—Рѣчь черпскаго уѣзднаго предводителя. — Ходатайство нижегородскаго дворянскаго собранія.—Перемѣна въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Post-Scriptum.

Въ положеніи продовольственнаго дѣла все ярче и ярче выступаетъ на видъ то противорѣчіе, на которое мы указали въ предъидущемъ обозрѣніи. Размѣры нужды обрисовываются все съ бо́льшею и бо́льшею ясностью—а о борьбѣ съ возможными или, лучше сказать, неизбѣжными ея результатами все еще слышно мало. Руководствуясь оффиціальнымъ источникомъ—послѣднимъ выпускомъ изданія министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ: „1897-ый годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи“,—„С.-Петербургскія Вѣдомости“ (№ 23) рисуютъ слѣдующую картину крестьянскаго хозяйства въ центральныхъ губерніяхъ, всего болѣе пострадавшихъ отъ неурожая: „Крестьяне курской губерніи очень плохо обезпечены продовольственнымъ хлѣбомъ, и еще того хуже — кормами для скота, недостатокъ которыхъ вынуждаетъ крестьянъ продавать не только излишки скота, а нерѣдко даже послѣднюю лошадь или корову. Неурожай 1897 г. можетъ отразиться на благосостояніи крестьянскаго населенія тяжелѣе, чѣмъ 1891-92 гг., и надолго подорвать и расшатать его хозяйство. Въ орловской губерніи крестьяне уже въ октябрѣ находились въ бѣдственномъ положеніи; это выражалось въ обезцѣненномъ сбытѣ скота и въ заключеніи невыгодныхъ сдѣлокъ, по которымъ крестьяне запродавали свой трудъ на различнаго рода работы. Въ тульской губерніи неурожай выразился въ формѣ болѣе тяжелой, чѣмъ неурожай 1891 и 1892 гг.; продовольственнаго хлѣба тамъ давно уже не хватаетъ, а скотъ мѣстами продаютъ лишь за цѣну шкуры.

Въ рязанской губ. кое-гдѣ кормятъ скотъ березовыми и дубовыми листьями, запасенными еще осенью; продовольственный хлѣбъ начали покупать съ октября, а нѣкоторые крестьяне не имѣли даже сѣмянъ ржи для посѣва. Въ тамбовской губерніи базары и ярмарки переполнены скотомъ, но покупателей мало, а потому скотъ убиваютъ, чтобы воспользоваться хотя бы его шкурой. Крестьяне воронежской губ. усиленно ликвидируютъ свой живой и отчасти мертвый инвентарь и обезсилятъ его окончательно, если не явится къ нимъ посторонняя помощь. Крестьяне оренбургской губ. уже въ октябрѣ продовольствовались за счетъ общественныхъ магазиновъ. Въ остальныхъ губерніяхъ (калужской, пензенской, саратовской, симбирской, ставропольской, области кубанской), при значительномъ недоборѣ хлѣбовъ и кормовъ, идетъ массовая распродажа скота, обезцѣненность котораго дошла до невозможныхъ размѣровъ". Къ этой общей картинѣ присоединимъ двѣ частныя, бросающія рѣзкій свѣтъ на игнорируемую или забываемую дѣйствительность. Одна изъ нихъ относится къ козловскому уѣзду, тамбовской губерніи („Новое Время", № 7885). По словамъ очевидца, въ наиболѣе пострадавшей мѣстности этого уѣзда десятина ржи дала около одной четверти, т.-е. *только вернула сѣмена*; на прокормленіе у крестьянъ не осталось ничего или почти ничего. Между тѣмъ, именно въ этой мѣстности надѣлы у крестьянъ малые, поденная плата особенно низкая (15—20 коп.), общественные магазины засыпаны особенно неисправно. Немногимъ лучше положеніе менѣе пострадавшихъ мѣстностей: здѣсь урожай былъ самъ-другъ или самъ-$2^1/_2$, и хлѣба, послѣ обсѣмененія, хватило мѣсяца на два. Солому для прокормленія скота и на топливо крестьяне начали покупать съ осени. Чтобы имѣть деньги, крестьяне, даже сравнительно зажиточные, уже въ ноябрѣ стали распродавать скотину, сдавать землю и брать впередъ плату за будущія лѣтнія работы. Значительная часть добытыхъ такимъ образомъ денегъ шла на уплату аренды за истекшій годъ, такъ какъ десятина земли, заарендованная по 15—18 руб., дала отъ 5 до 6 руб., а все остальное крестьянамъ пришлось уплатить изъ собственныхъ средствъ. Цѣна трехлѣтней лошади упала, въ началѣ декабря, до пяти рублей. Хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ начали раздавать съ декабря, но только дѣтямъ, старикамъ и женщинамъ (по 30 фунт. въ мѣсяцъ); мужчины съ 18 до 55 лѣтъ ничего не получаютъ. Въ лучшемъ случаѣ хлѣба изъ магазиновъ хватитъ мѣсяца на три; нѣкоторые магазины, и притомъ именно въ наиболѣе пострадавшихъ мѣстностяхъ, были пусты уже къ началу февраля. Земская помощь будетъ крайне недостаточна, потому что, сравнительно съ ходатайствомъ, ссуда разрѣшена только въ одной четвертой части. По словамъ письма, полученнаго корреспондентомъ „Новаго Времени"

отъ одного изъ мѣстныхъ крестьянъ, „скоро все охладѣетъ, и не знатно, какъ будутъ къ веснѣ крестьяне пробавляться"...

Не лучше, чѣмъ въ козловскомъ уѣздѣ, обстоитъ дѣло въ воронежскомъ, къ которому относится письмо госпожи З. Соколовой, присланное гр. Л. Н. Толстымъ въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей" и напечатанное въ № 39 этой газеты [1]). „Есть цѣлыя села,—пишетъ госпожа Соколова,—гдѣ не родилось ни овса, ни проса, ни травъ, т.-е. ничего не убирали, кромѣ жалкой ржи. Работа у помѣщиковъ, по случаю меньшаго урожая и у нихъ, окончилась скорѣе обыкновеннаго и оплачивалась плохо; этимъ, и тѣмъ еще, что и прошлый годъ далъ меньше обыкновеннаго ржи, объясняется то, что крестьяне еще до уборки хлѣба нуждались въ немъ и продавали мелкій скотъ: телятъ, овецъ, свиней. Продажа эта съ тѣхъ поръ такъ и продолжается; разница лишь та, что теперь сбываютъ и крупную скотину, но дешево—коровъ, напр., по 11 р. и все сообразно съ этимъ. Собранный въ ничтожномъ количествѣ овесъ проданъ еще осенью, т.-е. какъ только былъ обмолоченъ. Продавали потому, что мужику нужны были деньги не только на подати, но и на уплату за аренду земли. Дѣло въ томъ, что у насъ надѣльной земли или мало, или вовсе нѣтъ (напр. у бывшихъ дворовыхъ), и потому рѣдкій крестьянинъ не пріарендовываетъ къ своей землѣ по 1/2, 1, 2, 3 десятинки. Вѣдь у насъ нѣтъ ни заводовъ, ни фабрикъ—живутъ землей и работой по помѣщичьимъ хуторамъ... Нужны деньги и на покупку корма скоту и топки—и вотъ, видя, какое ничтожное количество убрали они своей соломы, потянулись мужики по арендаторамъ и господамъ еще осенью, за старой и новой соломой, и платили за солому втрое и вчетверо противъ обычнаго. Выдавали на дрова валежникъ изъ казеннаго лѣса даромъ, но давали по одному возу на дворъ, и тотъ не попалъ бѣднѣйшимъ, ибо бѣднѣйшіе не имѣютъ лошадей... Что̀ можно было продать, то продано: нѣтъ овецъ, нѣтъ, значитъ, и шерсти, нѣтъ и овчины, которой можно было бы заплатать дыры, которыя такъ замѣтны на полушубкахъ нашихъ школьниковъ... Бѣда еще въ томъ, что если и есть на что̀ купить хлѣба, то покупать-то негдѣ. На базарахъ въ Воронежѣ и Усмани продаютъ мужикамъ всякую дрянь, и теперь уже въ с. Орловѣ мука доходила до 80-ти коп. Устроены были нами въ с. Макарьѣ и въ с. Орловѣ склады для продажи ржи и муки, продавали и у себя въ экономіи по низшей цѣнѣ; но рожь наша къ концу, и если не будетъ помощи, то склады закроются. Куда дѣваться? Вотъ мужики макарьевскіе и придумали *сдавать свои земли* яровыя и паровыя кула-

[1]) По удостовѣренію Л. Н. Толстого, госпожа Соколова вовсе не думала о напечатаніи ея письма и только по просьбѣ своихъ друзей согласилась на это.

камъ за хлѣбъ. Операція эта производилась всегда, но въ меньшемъ размѣрѣ и все-таки „по-божески", т.-е. за десятину давали 6, 7 руб. деньгами, а въ нынѣшнемъ году эта сдѣлка состоитъ въ томъ, что стали мужикамъ давать по 3 руб. за десятину; 50 коп., 1 руб. или 1½ рубля староста бралъ въ подать, а на остальную сумму мужикъ получалъ рожь разсчетомъ по 60 коп. за пудъ. Весной крестьяне эту же свою землю возьмутъ у кулака въ аренду по девяти рублей... Если склады хлѣба и будутъ существовать, т.-е. средства на это найдутся, то немногіе будутъ въ состояніи покупать хлѣбъ; ибо уже и теперь завѣдующіе нашими складами жалуются, что вмѣсто денегъ носятъ имъ и ради Бога просятъ взять за рожь холсты, столешники, домотканныя юбки и пр. бабье добро. Появились въ оборотѣ старинные рубли и четвертаки завѣтные, которые долго бабы берегли замотанными въ клубки... Рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобы не пріѣзжали или не приходили попросить ржи ради Христа, иногда верстъ за 20. Слышала, что изъ одной деревни староста прямо гналъ ходившаго за кусочками крестьянина другой деревни, говоря, что своимъ односельчанамъ не хватаетъ кусочковъ на подачу, а коли всѣхъ пускать по селу просить, такъ помирать надо... Мретъ много дѣтей, чему причиной, вѣроятно, и плохое питаніе... Очень тяжело то, что, слыша о нашей помощи нѣсколькимъ деревнямъ, крестьяне прочихъ деревень ѣдутъ къ намъ на хуторъ съ надеждой на помощь, и намъ приходится имъ отказывать; и еще тяжелѣе то, что некуда ихъ даже послать за помощью. Буквально ни откуда нѣтъ никакой помощи. Въ тяжелый 1891-ый годъ помогали съ разныхъ сторонъ: государство, земство, жертвователи изъ столицъ, городовъ; по деревнямъ устраивались попечительства (я не знаю, возможно ли было бы намъ, уже знакомымъ въ уѣздѣ людямъ, открыть столовыя по деревнямъ). Тогда, въ 1891-мъ году, кромѣ того былъ удешевленный и даровой провозъ ржи, сѣна, картофеля... Напишите, почему въ городѣ равнодушны, безучастны теперь къ деревенской нуждѣ. Я хочу вѣрить, что не знаютъ о нуждѣ, не знаютъ, какъ взяться за дѣло. Я вѣрю, что когда изъ деревень все больше и больше будутъ доходить просьбы о помощи, многіе отзовутся и подумаютъ о деревнѣ". Что госпожа Соколова не ошибается—доказательствомъ этому служитъ сообщеніе редакціи „Русскихъ Вѣдомостей", что для описанной мѣстности уже имѣется въ виду пожертвованій на сумму свыше 2.000 рублей [1]). Расширеніе

[1]) Денежныя пожертвованія госпожа Соколова проситъ высылать по слѣдующему адресу: Воронежъ, Дворянская ул., д. Адлеръ, доктору Филарету Ивановичу Хрущову, для доктора К. Соколова. Мы можемъ удостовѣрить, что въ неурожайную

размѣровъ помощи, пріуроченной, конечно, не къ одному только воронежскому уѣзду,—сильно двинется впередъ, мы въ этомъ убѣждены, благодаря письму гр. Л. Н. Толстого, помѣщенному въ томъ же № „Русскихъ Вѣдомостей“. „Мнѣ хорошо извѣстно,—говоритъ великій писатель, сослужившій народу такую большую службу во время голода 1891-92 г.,—что таково положеніе крестьянъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ козловскаго, елецкаго, новосильскаго, чернскаго, ефремовскаго, землянскаго, нижнедѣвицкаго и другихъ уѣздовъ черноземной полосы... Правда, что положеніе большинства нашего крестьянства таково, что очень трудно иногда бываетъ провести черту между тѣмъ, что̀ можно назвать голодомъ, и нормальнымъ состояніемъ, и что та помощь, которая особенно нужна въ нынѣшнемъ году, была также нужна, хотя и въ меньшей степени, и въ прошломъ, и во всякое время; правда, что благотворительная помощь населенію очень трудна, такъ какъ часто вызываетъ желаніе воспользоваться помощью и тѣхъ, которые могли бы продышать и безъ этой помощи; правда, что то, что̀ могутъ сдѣлать частные люди, только капля въ морѣ крестьянской нужды; правда и то, что помощь въ видѣ столовыхъ, удешевленія продажи хлѣба или раздачи его, прокормленія скота и т. п., суть только палліативы и не устраняютъ основныхъ причинъ бѣдствія. Все это правда, но правда и то, что во̀-время оказанная помощь можетъ спасти жизнь старика, ребенка, можетъ замѣнить отчаяніе, враждебность заброшеннаго человѣка чувствомъ вѣры въ добро и въ братство людей. И что̀ важнѣе всего, несомнѣнно правда то, что всякій человѣкъ нашего круга, который вмѣсто того, чтобы не только думать объ увеселеніяхъ: театрахъ, концертахъ, подписныхъ обѣдахъ, бѣгахъ, выставкахъ и т. п., подумаетъ и о той крайней, сравнительно съ городской показной жизнью, нуждѣ, въ которой сейчасъ, въ эту самую минуту, живутъ многіе и многіе изъ нашихъ братьевъ,—что такой человѣкъ, если онъ постарается, хоть какъ бы то ни было, неумѣло, пожертвовавъ хотя малѣйшей долей своихъ удовольствій, помочь этой нуждѣ,—несомнѣнно поможетъ самому себѣ въ самомъ важномъ на свѣтѣ дѣлѣ: въ разумномъ пониманіи смысла жизни и въ исполненіи въ ней своего человѣческаго назначенія“. Такія слова, сказанныя такимъ человѣкомъ, не могутъ прозвучать безслѣдно...

Какъ ни важна организація частной помощи, еще важнѣе, конечно, своевременное назначеніе продовольственныхъ ссудъ, въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ потребностямъ населенія. Въ этой области, по видимому, не произошло до сихъ поръ никакой перемѣны. Хода-

---

годину 1891-93 г. д-ръ Хрущовъ былъ въ Воронежѣ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ организаторовъ помощи голодающимъ.

тайство воронежскаго губернскаго земскаго собранія, о которомъ мы говорили въ предъидущемъ обозрѣніи, не привело къ желанной цѣли, такъ какъ по прежнему продолжаютъ находить, что доставкою въ воронежскую губернію 735 тысячъ пудовъ хлѣба продовольственная нужда будетъ вполнѣ покрыта. Воронежское земство, съ своей стороны, остается вѣрнымъ своему прежнему взгляду. Въ подтвержденіе этого взгляда земская продовольственная коммиссія, въ своемъ послѣднемъ докладѣ, привела факты, убѣдительная сила которыхъ едва ли подлежитъ сомнѣнію. Къ 15 января 1892 г., населенію воронежской губерніи было выдано на продовольствіе 1.238.245 пуд. хлѣба, къ 15 января 1898 года—1.116.144 пуд.; разница между обѣими цифрами составляетъ всего 122.101 пуд. Другими словами, интенсивность нужды въ настоящую минуту почти столь же велика, какъ и въ злополучный голодный годъ; а между тѣмъ, населеніе не успѣло еще оправиться послѣ тогдашняго бѣдствія, и экономическія условія его теперь значительно хуже. Усиленная выдача ссудъ, судя по примѣру 1892-го года, должна уже начаться, притомъ, именно съ февраля мѣсяца. Въ 1891-1892 гг. по 1-е февраля было выдано только 22,1% общаго количества продовольственныхъ ссудъ; въ февралѣ — 16,6%; въ мартѣ—17,2%; въ апрѣлѣ—15,5% и т. д. Шесть лѣтъ тому назадъ большой поддержкой для крестьянъ воронежской губерніи служили заработки въ южныхъ, плодородныхъ мѣстностяхъ; въ нынѣшнемъ году этотъ рессурсъ почти не существуетъ, вслѣдствіе неурожая, постигшаго сѣверный Кавказъ и область войска Донского. Та же причина усиливаетъ обратный наплывъ въ воронежскую губернію многихъ ея уроженцевъ, обыкновенно проживающихъ на сторонѣ. Все это вмѣстѣ взятое приводитъ къ убѣжденію, что разсчетъ, положенный въ основаніе воронежскихъ ходатайствъ, нисколько не преувеличенъ, а скорѣе ниже дѣйствительности. Часть населенія распродаетъ скотъ, не имѣя возможности прокормить его и нуждаясь въ средствахъ на покупку хлѣба. „Цѣны на крестьянскій скотъ—говоритъ коммиссія—сильно пали; заработковъ у населенія мало, чтобы не сказать нѣтъ никакихъ. Положеніе дѣлъ во всякомъ случаѣ очень серьезное и отвѣтственное и, въ виду этого, заранѣе надлежало бы принять всѣ мѣры къ тому, чтобы ослабить тяжелыя послѣдствія нынѣшняго неурожая. Необходимо было бы немедленно принять мѣры къ удержанію въ крестьянскихъ хозяйствахъ скота вообще и рабочаго въ особенности“... Пока время не ушло и благопріятныя условія не измѣнились, весьма важно было бы предоставить воронежскому земству дѣйствовать въ предѣлахъ его законной компетенціи и распорядиться закупкою хлѣба и снабженіемъ населенія купленнымъ зерномъ, а скота—кормами“. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній,

коммиссія предложила экстренному губернскому собранію, созванному на 24-ое января, вновь ходатайствовать о разрѣшеніи продовольственной ссуды въ размѣрѣ всего губернскаго продовольственнаго капитала (т.-е. въ размѣрѣ 1.396.425 руб., необходимыхъ для покупки 2.606.000 пуд. хлѣба). Губернское собраніе согласилось вполнѣ съ заключеніемъ коммиссіи.

Въ воронежской губерніи экстренныя губернскія собранія, вызванныя продовольственнымъ дѣломъ, происходили три раза (28-го августа, 5-го ноября, 24-го января); столько же разъ собиралось въ экстренныя сессіи, съ тою же цѣлью, и тульское губернское земство (24-го іюля, 12-го октября, 1-го декабря). О другихъ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, у насъ нѣтъ по этому предмету точныхъ свѣденій; но можно утверждать, не рискуя ошибкой, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ экстренныя губернскія (и уѣздныя) земскія собранія, созванныя для борьбы съ послѣдствіями неурожая, привлекали достаточное число гласныхъ и исполняли свою задачу, насколько это было въ ихъ силахъ. Немногіе единичные факты противоположнаго свойства ничего не измѣняютъ въ этомъ общемъ выводѣ. Нужно совершенно особое настроеніе, чтобы возликовать по поводу извѣстія объ *одномъ* несостоявшемся, за неприбытіемъ законнаго комплекта гласныхъ, губернскомъ земскомъ собраніи — и обратить это извѣстіе въ аргументъ противъ оставленія продовольственнаго дѣла въ рукахъ земства. Перепечатывая, съ злораднымъ торжествомъ, телеграмму о несостоявшемся тамбовскомъ губернскомъ земскомъ собраніи и объ уменьшеніи на 75% (сравнительно съ земскимъ ходатайствомъ) продовольственной ссуды для тамбовской губерніи, „Московскія Вѣдомости" увѣряютъ, что „въ этой телеграммѣ отразилось, какъ въ фокусѣ, все печальное положеніе нашего продовольственнаго дѣла: тутъ есть и свидѣтельство о полномъ индифферентизмѣ земства къ продовольственному дѣлу, и земская тенденція къ преувеличенію нужды населенія, и неизбѣжность со стороны правительства умѣрить фантазіи земскихъ радѣтелей народнаго блага"... *Индифферентно* ли земство относится къ продовольственному дѣлу—объ этомъ можно судить по знакомымъ уже намъ постановленіямъ воронежскимъ и тульскимъ. Немало труда понесло и тамбовское губернское земство, въ своихъ предъидущихъ сессіяхъ—и если *одно* собраніе его не состоялось, то прежде произнесенія обвинительнаго приговора, хотя бы даже надъ однимъ лишь тамбовскимъ земствомъ, не мѣшало бы привести въ ясность причины неявки большинства гласныхъ, можетъ быть совершенно случайныя... Что касается до уменьшенія ссуды на 75%, то гдѣ же ручательство въ томъ, что уменьшенная ссуда окажется достаточной для удовлетворенія самыхъ вопіющихъ нуждъ на-

селенія? Исторія 1891-1892 гг. представляетъ цѣлый рядъ случаевъ, когда ссуда, о которой просило земство, сначала подвергалась значительному сокращенію, а въ концѣ концовъ выдавалась именно въ размѣрахъ указанныхъ земствомъ или даже еще болѣе высокихъ. И въ нынѣшнемъ году первое ходатайство воронежскаго земства было отклонено вовсе, а второе—въ значительной степени уважено; весьма возможно, что послѣднему ходатайству посчастливится еще больше. Признавать административный отказъ, быть можетъ еще не окончательный, безусловнымъ доказательствомъ неосновательности ходатайства—значитъ, падать ницъ передъ непогрѣшимостью администраціи, существующею только въ воображеніи ея поклонниковъ. Не болѣе убѣдительны и другіе доводы московской газеты. Первый изъ нихъ заключается въ томъ, что орловское губернское земское собраніе возбудило ходатайство о взысканіи съ населенія продовольственной ссуды „чрезъ агентовъ правительства, и притомъ какъ можно успѣшнѣе, даже прежде выкупныхъ платежей". Сомнительнымъ кажется намъ, прежде всего, самое извѣстіе о такомъ ходатайствѣ, заимствованное „Московскими Вѣдомостями" изъ дружественнаго имъ „Народа" (петербургской газеты, мало кому знакомой даже по имени). Всѣ вообще сборы и недоимки, не исключая и земскихъ, всегда взыскиваются чинами полиціи, т.-е. правительственными агентами; какимъ же образомъ орловское земство могло ходатайствовать о томъ, что̀ разумѣется само собой? Какимъ образомъ, далѣе, оно могло ходатайствовать объ *успѣшномъ* взысканіи ссуды? Понятна, хотя и не всегда симпатична, просьба о взысканіи строгомъ, энергичномъ, неукоснительномъ: всѣ эти качества зависятъ, болѣе или менѣе, отъ самого взыскателя—но *успѣшность* взысканія обусловливается, главнымъ образомъ, состоятельностью должника. Допустимъ, наконецъ, что въ орловскомъ губернскомъ земскомъ собраніи состоялось постановленіе *въ родѣ* приписываемаго ему охранительными газетами: чтобы установить его значеніе, нужно было бы знать настоящіе его мотивы, а не довольствоваться, какъ это дѣлаютъ „Московскія Вѣдомости", *догадками* „Народа". Для искорененія въ населеніи убѣжденія, что „ссуда—подачка", нѣтъ надобности въ какихъ-либо экстраординарныхъ мѣрахъ: крестьянамъ очень хорошо извѣстно, что продовольственныя ссуды подлежатъ возврату. Правда, значительная ихъ часть сложена Всемилостивѣйшимъ манифестомъ; но вѣдь этимъ путемъ неоднократно слагались и всякія другія недоимки—а народъ не выводилъ же отсюда заключенія о возможности не платить налоги...

Что сознаніе вреда „неумѣстной щедрости въ выдачѣ продовольственныхъ ссудъ начинаетъ, хотя и весьма медленно, проникать въ земскую среду"—въ доказательство этому приводится московской га-

зетой еще рѣчь „извѣстнаго сельскато хозяина", И. І. Шатилова, произнесенная на одномъ изъ послѣднихъ тульскихъ губернскихъ земскихъ собраній. Что говорилъ г. Шатиловъ въ собраніи губернскаго земства—этого мы не знаемъ: но у насъ есть подъ рукою № „Калужскаго Вѣстника", въ которомъ упоминается о мнѣніи, высказанномъ имъ въ новосильскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. „Населеніе новосильскаго уѣзда задолжено; ссуды развращаютъ населеніе; слѣдуетъ избѣжать повторенія *оргій* (!), происходившихъ въ 1891 г.; поэтому ссудъ не надо, а достаточно продажи хлѣба по дешевой [1]) цѣнѣ" — вотъ сущность мнѣнія, убѣдившаго большинство новосильскаго собранія. Есть ли у населенія деньги, чтобы покупать хотя бы дешевый хлѣбъ—этотъ вопросъ, очевидно, не смущаетъ г. Шатилова: въ его глазахъ важны только общія мѣста о вредѣ ссудъ—и вовсе не важна фактическая нужда, для удовлетворенія которой нѣтъ другого средства, кромѣ ссуды... Къ новосильскому собранію не примкнуло, однако, ни одно изъ остальныхъ уѣздныхъ собраній тульской губерніи, не примкнуло и тульское губернское собраніе, включившее новосильскій уѣздъ въ число нуждающихся въ ссудѣ. Прежде чѣмъ пропѣть хвалебный гимнъ г. Шатилову, „Московскимъ Вѣдомостямъ" не мѣшало бы припомнить, что „извѣстный сельскій хозяинъ" пошелъ въ разрѣзъ съ людьми, авторитетнѣйшими для нашихъ „охранителей"—съ земскими начальниками. Одинъ изъ нихъ, состоящій гласнымъ новосильскаго уѣзднаго собранія, подалъ даже особое мнѣніе, въ которомъ удостовѣрилъ, что населеніе его участка „не обладаетъ достаточной покупной способностью", для пріобрѣтенія хлѣба на собственныя средства, и не „можетъ обойтись безъ продовольственной ссуды". Одно изъ двухъ: или московская газета не знаетъ фактовъ, оглашенныхъ въ земскихъ докладахъ—или не хочетъ ихъ знать, разъ что они не соотвѣтствуютъ ея предвзятой мысли. Она проповѣдуетъ довѣріе къ земскимъ начальникамъ, пока они отрицаютъ существованіе народной нужды—и не обращаетъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія, какъ только они, вопреки обычному шаблону, становятся на истинно-земскую почву. Въ послѣднемъ случаѣ мнѣніе любого гласнаго, поющаго въ униссонъ съ „охранительной" печатью, является для нея болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ свидѣтельство ея обычныхъ любимцевъ... Особенно возмутительнымъ такое отношеніе къ народной нуждѣ становится тогда, когда оно идетъ рука объ руку съ выпрашиваніемъ новыхъ льготъ для помѣстнаго дворянства. Спасти крестьянскую семью отъ обнищанія, *ссудивъ* ее хлѣбомъ — это, на языкѣ извѣстныхъ органовъ печати, *по-*

[1]) Подъ именемъ *дешевой* цѣны здѣсь слѣдуетъ разумѣть не искусственно удешевленную, а просто заготовительную цѣну хлѣба, мало доступную, во время неурожая, для наиболѣе нуждающейся части населенія.

дачка, развращающая населеніе; возложить на государство *безвозвратную* жертву, чтобы поддержать благосостояніе дворянскаго дома— это, на томъ же языкѣ, актъ высокой мудрости и справедливости. Болѣе безцеремонной игры съ критеріями нравственности и долга нельзя себѣ и представить.

Въ то самое время, когда столбцы реакціонныхъ газетъ остаются закрытыми для извѣстій о ростущей народной нуждѣ, о надвигающемся призракѣ голода, они еще больше прежняго наводняются прожектами, клонящимися къ благополучному (для дворянъ) разрѣшенію дворянскаго вопроса. Особенною откровенностью и обстоятельностью отличается программа „бывшаго предводителя дворянства", напечатанная въ № 32 „Московскихъ Вѣдомостей". Необходимы, по мнѣнію „бывшаго предводителя", слѣдующія мѣропріятія: „1) установленіе неотчуждаемости дворянскихъ земель (т.-е. неотчуждаемости ихъ въ руки лицъ, принадлежащихъ къ другимъ сословіямъ); 2) установленіе недробимости (дальше извѣстнаго предѣла) вотчинныхъ дворянскихъ имѣній; 3) установленіе свободнаго перехода изъ частныхъ банковъ въ банкъ дворянскій всѣхъ дворянскихъ имѣній; 4) уменьшеніе въ дворянскомъ банкѣ платежей до размѣра, согласованнаго съ нынѣшнею доходностью имѣній; 5) обезпеченіе дворянскихъ имѣній отъ продажи съ торговъ устройствомъ спеціальныхъ опекунскихъ установленій; 6) пересмотръ устава дворянскаго банка, въ смыслѣ приданія ему бо̀льшей связи съ мѣстными дворянскими установленіями (заботу объ исправномъ поступленіи платежей предполагается соединить „съ непрестанной заботой о судьбѣ каждаго имѣнія, въ видѣ всесторонней помощи для наилучшаго завѣдыванія имъ и для предупрежденія его продажи съ публичнаго торга"); 7) облегченіе для сельско-хозяйственныхъ имѣній (путемъ „предоставленія соотвѣтствующихъ льготъ") устройства фабричныхъ и заводскихъ производствъ, переработывающихъ продукты этихъ имѣній; 8) уменьшеніе и упорядоченіе земскаго обложенія и усиленіе для того вліянія дворянскаго элемента въ земскихъ дѣлахъ; 9) установленіе, на ряду со штатными земскими начальниками, должностей сверхштатныхъ или почетныхъ земскихъ начальниковъ, съ тѣми же служебными правами, обязанностями и отвѣтственностью, но безъ содержанія отъ казны; 10) возложеніе на земскихъ начальниковъ обязанности надзора, въ предѣлахъ подвѣдомственныхъ имъ участковъ, за дѣятельностью общественныхъ уѣздныхъ органовъ, безъ права вмѣшательства въ дѣла этихъ установленій; 11) возложеніе той же обязанности въ уѣздѣ на уѣзднаго предводителя дворянства, а равно и обязанности наблюденія за дѣятельностью земскихъ начальниковъ; 12) назначеніе на должности вице-губернаторовъ и губернаторовъ пре-

имущественно такихъ лицъ, которыя пробыли въ теченіе своей службы не менѣе двухъ трехлѣтій земскими начальниками или предводителями дворянства; 13) учрежденіе на мѣстахъ спеціально-дворянскихъ институтовъ, лицеевъ и военныхъ корпусовъ, и 14) изданіе закона, по которому закрѣпленіе на вѣчныя времена за своимъ родомъ жалуемаго дворянскаго достоинства возможно было бы лишь въ томъ случаѣ, если одно изъ первыхъ двухъ поколѣній новаго дворянскаго рода пробудетъ по меньшей мѣрѣ въ теченіе 25 лѣтъ владѣтелемъ земельнаго участка, по размѣрамъ не менѣе вотчиннаго имѣнія".—Редакція „Московскихъ Вѣдомостей", признавая эту программу „весьма полной, глубоко-обдуманной и цѣлесообразной", видитъ въ ней только одинъ недостатокъ: пріуроченіе ея исключительно къ помѣстному, земскому дворянству, между тѣмъ какъ для государства необходимо и дворянство служилое, безземельное. Полнѣйшимъ сочувствіемъ къ программѣ дышатъ и вызванныя ею замѣтки разныхъ читателей и почитателей московской газеты (между ними оказался даже купецъ, признающій солидарность интересовъ дворянства и сельскаго населенія!). Изъ-за прожекта „бывшаго предводителя" виднѣется, такимъ образомъ, цѣлая общественная группа, едва ли многочисленная, но вліятельная и твердо вѣрящая въ успѣхъ. Не мѣшаетъ, поэтому, присмотрѣться поближе къ нѣкоторымъ сторонамъ программы, особенно типичнымъ.

Если измѣрять степень „обдуманности" проекта не согласованіемъ его съ требованіями жизни, съ интересами государства и народа, а внутреннею связью его частей, взаимно дополняемыхъ одна другою, то отказать въ этомъ качествѣ программѣ „бывшаго предводителя" никакъ нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, возможность отчужденія дворянскихъ имѣній только въ дворянскія руки, уменьшая спросъ на эти имѣнія, угрожаетъ пониженіемъ ихъ цѣнности—и вотъ, на сцену выступаетъ цѣлая вереница мѣръ, направленныхъ къ предупрежденію этого результата. Уменьшеніе числа покупателей предполагается уравновѣсить выгодами, сопряженными съ покупкой—уменьшеніемъ банковыхъ платежей, льготами по устройству сельско-хозяйственныхъ промышленныхъ заведеній, увеличеніемъ арендной платы. Чрезвычайно характерна послѣдняя черта: авторъ проекта предвидитъ, что чѣмъ меньше земли останется въ оборотѣ, тѣмъ больше будетъ число желающихъ пріобрѣсти ее хоть въ пользованіе—и прямо разсчитываетъ на затруднительное положеніе большинства, какъ на средство обогащенія привилегированныхъ немногихъ. Теперь сельскія общества или отдѣльные крестьяне, окруженные со всѣхъ сторонъ помѣщичьими владѣніями, могутъ, при совокупности благопріятныхъ обстоятельствъ, купить наиболѣе необходимые для нихъ земельные участки и этимъ освободиться отъ зависимости, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тяжелой; тогда они

будутъ обречены, въ лучшемъ случаѣ, на безконечную аренду, на условіяхъ, которыя имъ заблагоразсудитъ продиктовать сосѣдній помѣщикъ. Трудиться надъ подъемомъ цѣны помѣщичьихъ имѣній будутъ, впрочемъ, не только мѣстные крестьяне, но и всѣ непривилегированные обитатели имперіи, доставляя средства на покрытіе убытковъ, которые неизбѣжно будетъ терпѣть дворянскій банкъ, обращенный, по выраженію проекта, изъ „чисто кредитнаго установленія“ въ „дѣйствительно дворянское“... И это еще не все: подъема цѣнъ на дворянскія имѣнія, несмотря на ограниченіе числа возможныхъ ихъ покупателей, „бывшій предводитель“ ожидаетъ отъ увеличенія личныхъ преимуществъ, связанныхъ съ дворянскимъ землевладѣніемъ (см. пун. 9 и 12 програмы). Нужна большая наивность и вмѣстѣ съ тѣмъ большая смѣлость, чтобы соединять, такимъ образомъ, вопросъ экономическій съ вопросомъ политическимъ: большая наивность — потому что немного найдется покупщиковъ, которые согласились бы поднять цѣну на имѣніе изъ-за гадательнаго разсчета на блестящую служебную карьеру; большая смѣлость—потому что меньше всего заслуживаютъ назначенія на отвѣтственную должность именно тѣ, которые готовы оплатить его повышеніемъ покупной цѣны на дворянское имѣніе...

На степень средства къ достиженію узкой, своекорыстной цѣли—увеличенія цѣнности дворянскихъ имѣній—низводится, въ програмвѣ „бывшаго предводителя“, и уменьшеніе земскаго обложенія. Не совсѣмъ ясно, проектируется ли оно для однихъ дворянскихъ имѣній или для всей земельной собственности вообще: повидимому—только для первыхъ, такъ какъ отъ уменьшенія земскихъ платежей ожидается увеличеніе спроса именно на дворянскія имѣнія. Остановимся, однако, на предположеніи, болѣе выгодномъ для составителя програмы: допустимъ, что онъ имѣетъ въ виду равномѣрное пониженіе земскаго обложенія, независимо отъ принадлежности землевладѣльца къ тому или другому сословію. И въ этомъ случаѣ интересъ общій приносится въ жертву интересамъ частнымъ: ради облегченія землевладѣльцевъ проектируется систематическое сокращеніе общеполезныхъ расходовъ. Хорошо, нечего сказать, мнѣніе „бывшаго предводителя“ о помѣстномъ дворянствѣ, если онъ считаетъ усиленіе его въ земствѣ гарантіей экономіи во что бы то ни стало—той экономіи, противъ которой вооружаются въ послѣднее время даже начальники губерній! Въ соображеніяхъ, разъясняющихъ програму, „бывшій предводитель“ идетъ, впрочемъ, еще дальше, чѣмъ въ самомъ ея текстѣ; „наиболѣе радикальной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе цѣлесообразной мѣрой“ является у него здѣсь уже не усиленіе дворянскаго элемента въ земскихъ учрежденіяхъ, а „полное упраздненіе

нынѣшняго земства, съ передачей всѣхъ его дѣлъ въ руки администраціи и представителей помѣстнаго дворянства". И нельзя не признать, что это—единственный послѣдовательный выводъ изъ ультра-дворянскихъ предпосылокъ. Пока представители „помѣстнаго дворянства" образуютъ одну изъ составныхъ частей всесословнаго земства, до тѣхъ поръ имъ нелегко отрѣшиться отъ земской почвы и земскихъ традицій, нелегко воспользоваться своимъ численнымъ перевѣсомъ для служенія узко-сословнымъ цѣлямъ. Совсѣмъ иными явились бы они въ качествѣ *единственныхъ* совѣтниковъ и сотрудниковъ администраціи. Земскія собранія, составленныя изъ однихъ дворянъ и ограниченныя совѣщательною ролью, были бы точными копіями съ нынѣшнихъ дворянскихъ собраній; отъ всего сдѣланнаго земствомъ, даже при дѣйствіи положенія 1890-го года, скоро уцѣлѣли бы одни жалкіе остатки, а изъ обязательныхъ расходовъ, не подлежащихъ сокращенію, все, что только можно, оказалось бы перенесеннымъ на „податныя сословія"... Лучшій аргументъ въ пользу этой части своего проекта „бывшій предводитель" видитъ въ исторіи области войска Донского, „гдѣ, по упраздненіи существовавшаго въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ земства и по возложеніи всѣхъ его обязанностей на администрацію, оказалась возможность вести мѣстное хозяйство въ должномъ порядкѣ, при весьма небольшомъ земельномъ обложеніи". Какъ нельзя болѣе кстати, почти одновременно съ статьею „бывшаго предводителя", появилось въ газетахъ извѣстіе о постановленіи донского дворянскаго собранія, бросающемъ совершенно иной свѣтъ на отсутствіе въ донскомъ краѣ земскихъ учрежденій. Находя, что благосостояніе населенія донской области клонится къ упадку, донское дворянство затруднилось указать средства поправить дѣло и постановило, въ концѣ концовъ, ходатайствовать непосредственно передъ Государемъ Императоромъ о созывѣ въ Новочеркасскѣ коммиссіи, *съ участіемъ представителей станичныхъ обществъ* и дворянства, для выясненія истинныхъ причинъ переживаемаго донскимъ краемъ экономическаго кризиса и мѣръ, могущихъ поднять этотъ край. Очевидно, что при существованіи въ области войска донского земскихъ учрежденій задача, намѣченная дворянствомъ, могла бы быть исполнена земскими собраніями, безъ обращенія къ особой коммиссіи; столь же очевидно и то, что „свобода отъ земства" не послужила на пользу донскому краю. Въ другомъ постановленіи донского дворянства это выразилось еще яснѣе: оно прямо рѣшило ходатайствовать о введеніи въ донской области земскихъ учрежденій. Близко принявъ къ сердцу положеніе массы населенія и не надѣясь найти, собственными силами, выходъ изъ этого положенія, донское дворянство далеко опередило тѣ великорусскія дворянскія собранія, которыя

умѣютъ хлопотать только о своихъ сословныхъ интересахъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ заранѣе дало краснорѣчивый отвѣтъ ревнителямъ не по разуму, задумавшимъ искать на Дону рѣшительный аргументъ противъ земскаго самоуправленія. Прибавимъ къ этому, что вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій на Кавказѣ и за Кавказомъ также поднятъ именно дворянскими собраніями. Съ измышленіями „бывшаго предводителя" идетъ въ разрѣзъ, такимъ образомъ, само дворянство, вездѣ, гдѣ оно не подпало подъ власть близорукаго самопоклоненія и самообожанія.

Не касаясь учрежденія „сверхштатныхъ или почетныхъ земскихъ начальниковъ", такъ какъ объ этой выдумкѣ намъ случалось уже говорить и раньше, перейдемъ къ обязанности „надзора за дѣятельностью общественныхъ уѣздныхъ органовъ", которую „бывшій предводитель" предлагаетъ возложить на земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ предводителей дворянства. Этотъ пунктъ программы сочиненъ, очевидно, на тотъ случай, еслибы не удалось упразднить земство; цѣль его—обузданіе земскихъ управъ, земскихъ коммиссій, земскихъ врачей, земскихъ учителей, однимъ словомъ, всѣхъ земскихъ дѣятелей, поголовно признаваемыхъ подозрительными и ненадежными. Правомъ вмѣшательства въ дѣла „общественныхъ органовъ" земскіе начальники и предводители, правда, не облекаются, но имъ предоставляется сообщать, кому слѣдуетъ, о замѣченныхъ ими „упущеніяхъ" и „уклоненіяхъ". Такія сообщенія, повторяясь настойчиво и часто и находя благосклонныхъ слушателей, ограничили бы самостоятельность „общественныхъ органовъ" ничуть не меньше, чѣмъ могло бы ограничить ее прямое вторженіе въ ихъ сферу дѣйствій. Избѣгая пререканій, исходъ которыхъ былъ бы предопредѣленъ заранѣе, земскіе дѣятели стали бы, сплошь и рядомъ, соглашаться со всѣми требованіями „наблюдателей",—и „общественные органы" ничѣмъ, de facto, не отличались бы отъ сословныхъ. Эта метаморфоза сдѣлалась бы еще болѣе неизбѣжной, еслибы во главѣ мѣстной администраціи оказались, согласно проекту „бывшаго предводителя", преимущественно лица, занимавшія должность предводителей и земскихъ начальниковъ. Привыкнувъ, въ прежнемъ званіи, смотрѣть на дѣло съ спеціально-дворянской точки зрѣнія, они внесли бы эту привычку и въ новую свою дѣятельность,—и борьба между поднадзорными „общественными органами" и надзирающими представителями дворянства была бы безнадежно неравной. Не говоримъ уже о вопіющей несправедливости такого порядка, при которомъ помѣщикъ, въ теченіе шести лѣтъ носившій званіе почетнаго земскаго начальника, т.-е. управлявшій *одною* волостью, въ часы, свободные отъ собственнаго хозяйства, имѣлъ бы больше правъ на постъ вице-губернатора или губернатора, чѣмъ, на-

примѣръ, предсѣдатель губернской земской управы или непремѣнный членъ губернскаго присутствія [1]).

Составитель разбираемой нами программы, а вслѣдъ за нимъ и многіе ея поклонники, возлагаютъ большія надежды на тотъ пунктъ ея, по которому закрѣпленіе дворянскаго достоинства за новымъ дворянскимъ родомъ обусловливается нахожденіемъ въ его владѣніи, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, такъ называемаго вотчиннаго имѣнія, т.-е. земельнаго участка не ниже опредѣленной величины. Мы видимъ въ этомъ пунктѣ, наоборотъ, лучшее доказательство убожества мысли прожектеровъ. Пока дворянство пріобрѣтается преимущественно государственной службой, можно ли *требовать* отъ новыхъ дворянъ обязательнаго обращенія въ землевладѣльцевъ, подъ опасеніемъ потери только-что пріобрѣтеннаго права? Можно ли ожидать, что такіе „землевладѣльцы по неволѣ" почувствуютъ тягу къ землѣ, до тѣхъ поръ имъ совершенно чуждой, и передадутъ эту тягу своимъ дѣтямъ, выросшимъ въ городѣ, внѣ всякой связи съ деревней? Можно ли ставить сохраненіе права въ зависимость отъ случайныхъ обстоятельствъ— отъ возможности купить имѣніе и удержать его за собою въ теченіе извѣстнаго срока? При дѣйствіи порядка, предлагаемаго г. „бывшимъ предводителемъ", у насъ непремѣнно появились бы съ одной стороны „мнимые" помѣщики, фиктивно покупающіе землю и фиктивно владѣющіе ею, съ другой—землепромышленники, извлекающіе пользу изъ такихъ фиктивныхъ продажъ. Изъ одного имѣнія выкраивалось бы нѣсколько „дворянскихъ вотчинныхъ участковъ", и они уступались бы, номинально, „новымъ дворянамъ", нуждающимся, на время, въ земельномъ цензѣ. Допустимъ, наконецъ, что въ большинствѣ случаевъ землевладѣніе „новыхъ дворянъ" было бы не фиктивное; что̀ выиграло бы отъ того дворянство, какъ сословіе, разъ что по истеченіи законнаго срока землевладѣльцы malgré eux спѣшили бы, одинъ за другимъ, сбросить съ себя навязанное имъ бремя?.. Намъ скажутъ, можетъ быть, что вся программа г. „бывшаго предводителя"—одинъ изъ тѣхъ продуктовъ празднаго фантазерства, на которые не стоитъ возражать серьезно. Это было бы совершенно справедливо, еслибы оцѣнка проектовъ и прожектовъ зависѣла исключительно отъ ихъ внутренняго достоинства; но кому же неизвѣстно, что она усложняется разными побочными обстоятельствами, съ которыми по необходимости слѣдуетъ считаться? Можно ли, напримѣръ, быть увѣреннымъ въ томъ, что къ добровольцамъ, апплодирующимъ теперь про-

[1]) Въ мотивахъ къ проекту „бывшаго предводителя" одною изъ приманокъ къ пріобрѣтенію „дворянскаго имѣнія" прямо выставлена „возможность пользоваться правами государственной службы у себя дома, не покидая своего хозяйства, и заслужить, владѣя имѣніемъ, преимущественное право на высшія должности".

граммѣ г. „бывшаго предводителя“, не присоединятся, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, цѣлыя дворянскія собранія или предводительскіе съѣзды?..

Отъ узко-эгоистическихъ поползновеній, преслѣдующихъ узко-сословныя цѣли, отрадно перейти къ широкому, свободному взгляду на дворянскій вопросъ, ищущему точки опоры въ безспорныхъ историческихъ фактахъ и не обольщающемуся ни иллюзіями, ни громкими фразами. Книга Г. А. Евреинова: „Прошедшее и настоящее значеніе русскаго дворянства“, смѣло можетъ быть названа добрымъ дѣломъ. Автора ея никто не заподозритъ въ зависти къ дворянству или въ другихъ аналогичныхъ побужденіяхъ, которыя публицисты извѣстнаго сорта столь охотно приписываютъ своимъ противникамъ. Въ литературѣ г. Евреиновъ былъ извѣстенъ, до сихъ поръ, какъ авторъ интересной брошюры: „Замѣтки о мѣстной реформѣ“, вышедшей въ свѣтъ въ 1888 г., незадолго до изданія положенія о земскихъ начальникахъ. Въ свое время мы разсмотрѣли ее подробно [1]), гораздо чаще споря, чѣмъ соглашаясь съ авторомъ: напоминаемъ объ этомъ, чтобы оградить его отъ обвиненія въ солидарности съ нашимъ журналомъ. Теперь между нами нѣтъ разногласія, хотя, быть можетъ, къ одинаковымъ выводамъ мы приходимъ не вполнѣ одинаковыми путями. „Здоровый ростъ русскаго государства требуетъ не возвращенія на путь сословныхъ привилегій, а спокойнаго завершенія совершающагося у насъ, съ начала столѣтія, естественнаго процесса обращенія привилегій въ общее право“: въ этихъ заключительныхъ словахъ г. Евреинова основная мысль его труда выразилась совершенно опредѣленно и ясно. Сочувственно относясь къ дѣятельности земскихъ учрежденій, высоко цѣня ихъ заслуги, авторъ полагаетъ, что съ наибольшей пользой помѣстное дворянство послужило и можетъ еще послужить государству и народу именно въ рядахъ всесословнаго земства. Никакихъ особыхъ „государственныхъ полномочій“ предоставлять дворянству не слѣдуетъ уже потому, что „всякая привилегія, личная или корпоративная, явилась бы, въ дѣйствительности, ограниченіемъ правъ другихъ состояній — ограниченіемъ, отъ котораго дворянство ничего бы не выиграло“... „Самые жизненные интересы нашего отечества требуютъ, прежде всего, устраненія тѣхъ условій, которыя обращаютъ въ инертную и безправную массу девять-десятыхъ населенія Россіи“. Эти условія—прикрѣпленіе крестьянъ къ сельскому обществу, неопредѣленность ихъ гражданскихъ правъ, сохраненіе для нихъ унизительнаго тѣлеснаго наказанія, господствующее въ ихъ средѣ невѣжество, сословная ихъ замкнутость, обременяющая ихъ сословными (мірскими)

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 9 „Вѣстн. Европы“ за 1888 г.

повинностями и сборами. „Нормальное и правильное теченіе исторической жизни русскаго народа должно привести къ гражданской и политической равноправности крестьянъ съ остальнымъ населеніемъ государства“. „Искусственными и безпочвенными“ являются, слѣдовательно, всѣ предположенія, ведущія къ противоположной цѣли — къ расширенію дворянскихъ привилегій, въ ущербъ правамъ крестьянъ... Любопытно было бы знать, что̀ и какъ возразятъ г. Евреинову присяжные защитники сословности? Пока они хранятъ молчаніе, хотя, конечно, злобствуютъ противъ книги, такъ не во̀-время ставшей поперекъ ихъ излюбленной дороги.

Среди воинствующаго большинства тульскаго дворянскаго собранія, съ шумными подвигами котораго мы ознакомили читателей въ нашемъ предъидущемъ обозрѣніи, далеко не послѣднюю роль играетъ, по видимому, г. Сухотинъ, бывшій земскій начальникъ чернскаго уѣзда, а теперь, со времени послѣднихъ выборовъ, его предводитель. Еще будучи земскимъ начальникомъ, г. Сухотинъ пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность циркуляромъ, обратившимъ на себя вниманіе печати [1]); вступивъ въ свою новую должность, онъ собралъ волостныхъ старшинъ своего уѣзда и произнесъ рѣчь, извлеченіе изъ которой напечатано въ „Гражданинѣ“ (№ 11). Вся рѣчь г. Сухотина in extenso была разослана, въ копіяхъ, волостнымъ старшинамъ чернскаго уѣзда, съ порученіемъ объявить содержаніе ея на сельскихъ и волостныхъ сходахъ. Въ виду широкой гласности, данной, такимъ образомъ, словамъ г. Сухотина, мы считаемъ себя въ правѣ цитировать ихъ не только по изложенію „Гражданина“, но и по копіи съ рѣчи, присланной намъ изъ чернскаго уѣзда. „Самое важное“ — читаемъ мы въ „Гражданинѣ“—„это вселить въ населеніи сознаніе необходимости оказывать уваженіе родителямъ, старшимъ, начальству, духовенству и всѣмъ по положенію своему того заслуживающимъ; этого требуютъ заповѣди Божіи, этого требуютъ и законы гражданскіе; этого требуетъ сама жизнь, ибо если мы не будемъ покоряться и уважать другъ друга, то и жить станетъ невозможно“. Иначе изложено это мѣсто въ полученной нами копіи: „самое важное—это вселеніе въ населеніи сознанія, что нѣтъ въ мірѣ равноправныхъ, а потому каждый изъ насъ долженъ оказывать должное уваженіе старшему себя по лѣтамъ, по положенію извѣстному и тому подобнымъ причинамъ. Кому изъ насъ неизвѣстно, что гдѣ если верхъ беретъ не происхожденіе, то беретъ верхъ капиталъ, образованіе и т. п., а

[1]) См. Внутр. Обозр. въ №№ 1 и 3 „Вѣстн. Европы“ за 1895 г.

потому всѣ эти лжеученія, что передъ Богомъ мы всѣ равны, а потому другъ съ другомъ должны быть равны и быть за панибрата, есть не что иное, какъ одинъ пустой разговоръ, что на каждомъ шагу вы можете видѣть у себя, даже между своимъ сословіемъ; такъ напримѣръ, крестьянинъ нѣсколько зажиточный пользуется между своими односельчанами извѣстнымъ уваженіемъ и привилегией; почему же послѣ этого происхожденіе либо извѣстное общественное положеніе не можетъ требовать со стороны младшихъ себя, не пользующихся положеніемъ этимъ, извѣстнаго уваженія"? Средствами къ достиженію цѣли—возвращаемся къ тексту „Гражданина" — г. Сухотинъ признаетъ „воспитаніе и образованіе ввѣреннаго старшинамъ населенія". „Для этого"—говоритъ онъ—„почаще вызывайте къ себѣ сельскихъ старостъ, уясняйте имъ ихъ обязанности, указанныя 58 и 60 ст. общ. полож., а также уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій; эти правила проповѣдуйте на каждомъ волостномъ сходѣ. Тѣхъ крестьянъ, которые будутъ относиться неуважительно къ родителямъ, старшимъ, властямъ, а также къ чужому имуществу, подвергайте дисциплинарному наказанію въ предѣлахъ, указанныхъ въ 84 ст. общ. полож. [1]). Вамъ дано это право со дня выхода вашего изъ крѣпостной зависимости, но вы до сего времени, по невѣденію, имъ не пользовались... Сельскіе старосты, что касается поддержанія уваженія къ власти, порядка, благочинія, должны быть полные хозяева надъ ввѣренными имъ обществами. Знайте, что староста, не умѣющій себя поставить хозяиномъ и распорядителемъ общества, не долженъ служить въ этой почетной для крестьянина должности и долженъ быть удаленъ, ибо онъ принесетъ обществу болѣе вреда, чѣмъ пользы". Затѣмъ г. Сухотинъ переходитъ къ школьному вопросу. Изъ этой части его рѣчи въ „Гражданинѣ" приведенъ только небольшой отрывокъ: „ваше дѣло (т.-е. дѣло старшинъ) заключается въ томъ, чтобы вселять въ населеніи убѣжденіе въ необходимости развить въ средѣ своей въ самомъ широкомъ смыслѣ грамотность; цѣль ваша будетъ достигнута уже и тогда, если у васъ будетъ половина населенія, умѣющая читать, писать и знать молитвы. Достигнуть сего можно обязавъ родителей, путемъ приговоровъ, посылать всѣхъ дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, въ церковь по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а также въ школы, которыя въ настоящее время находятся у насъ въ вѣденіи духовенства" (послѣднее очередное чернское уѣздное собраніе постановило передать всѣ земскія школы — весьма

---

[1]) Ссылка на ст. 84 общ. полож., встрѣчающаяся какъ въ присланной намъ копіи, такъ и въ изложеніи „Гражданина"—ошибка или описка: дисциплинарно-карательная власть волостного старшины предусмотрѣна ст. 86, сельскаго старосты — ст. 64 общ. положенія.

немногочисленныя, судя по тому, что на содержаніе ихъ тратилось всего 6.000 рублей — въ духовное вѣдомство). Въ копіи, намъ присланной, рекомендація церковно-приходскихъ школъ занимаетъ гораздо больше мѣста и ведется съ гораздо бо̀льшей энергіей. „Мнѣ приходилось“—читаемъ мы здѣсь—„слышать разговоръ отъ нѣкоторыхъ, даже изъ крестьянъ, такого рода: да что, батюшка, толку изъ этихъ (т.-е. церковно-приходскихъ) школъ, тамъ только учатъ пѣть молитвы. Конечно, разговоръ этотъ не есть убѣжденіе, лично сознанное говорящими, а есть повтореніе какого-либо непрошеннаго просвѣтителя. На это я скажу вамъ, что это есть вздоръ одинъ: учатъ тамъ всему тому, чему учили и учатъ и въ другихъ школахъ, а слѣдовательно и тамъ открыта возможность учиться, хотя бы и на профессора; но за то тамъ гдѣ учатъ пѣть молитвы, которыя всякій христіанинъ долженъ знать, тамъ не выйдутъ ваши дѣти такія, которыя по окончаніи курса, быть можетъ, и въ профессора не будутъ годиться, и домой приходятъ, не зная ни одной молитвы Господней“. Объяснивъ, какъ должны составляться приговоры объ открытіи церковно-приходскихъ школъ, г. Сухотинъ продолжаетъ: „если будутъ преподаны вамъ какіе-либо совѣты, противные тѣмъ, которые я вамъ даю въ настоящее время, какъ предводитель дворянства, по отношенію къ приговорамъ, составленіе которыхъ въ томъ или другомъ направленіи, какъ мнѣ извѣстно изъ практики, всецѣло зависитъ отъ васъ, старшинъ, то совѣтую вамъ этимъ совѣтамъ лучше съ осторожностью довѣряться“, чтобы не остаться вовсе безъ школъ. Въ заключеніе г. Сухотинъ высказываетъ мысль, что „народу нужна съ нашей стороны (т.-е. со стороны начальства) свободная доступность и одновременно извѣстная строгость, и строгости этой онъ не боится, также какъ не боится каждый солдатъ строгаго начальника, а боится онъ несправедливости“. По удостовѣренію г. Сухотина, подтвержденному ссылкой на старшинъ бывшаго его участка, населеніе этого участка любитъ его, несмотря на всю его строгость, и онъ гордится этою любовью, ибо „дѣйствительно былъ строгъ, но строгъ съ тѣми, съ кѣмъ нужно было быть строгимъ“...

Рѣчи уѣздныхъ предводителей дворянства, преподающія крестьянамъ или крестьянскимъ властямъ общія правила дѣйствія и поведенія, составляютъ явленіе довольно рѣдкое; въ печати, по крайней мѣрѣ, о нихъ слышно очень мало. И это вполнѣ естественно: хотя уѣздные предводители и признаны оффиціально совѣтниками и руководителями волостныхъ старшинъ, но самое понятіе о *совѣтѣ* предполагаетъ съ одной стороны свободное, добровольное обращеніе къ совѣтчику, съ другой—выжиданіе такого обращенія. Насколько, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ быть полезенъ совѣтъ, данный въ видѣ

опредѣленнаго отвѣта на опредѣленный вопросъ, настолько сомнительна польза наставленій, забѣгающихъ впередъ, заранѣе разрѣшающихъ *возможныя* недоразумѣнія, старающихся обнять и предусмотрѣть цѣлый рядъ разнообразныхъ комбинацій. Особенно неудобными и даже опасными такія наставленія становятся тогда, когда граничатъ съ предписаніями. Уѣздный предводитель, какъ предсѣдатель уѣзднаго съѣзда—начальникъ волостныхъ старшинъ; слушая или читая его напутственную рѣчь, имъ нелегко отличить обязательное отъ необязательнаго, личное *мнѣніе* оратора отъ *требованія* власти. Когда предводитель дворянства говоритъ волостнымъ старшинамъ: „составленіе приговоровъ (мірскихъ) въ томъ или другомъ направленіи зависитъ всецѣло отъ васъ", то въ этихъ словахъ они легко могутъ усмотрѣть не простое констатированіе факта, а его *одобреніе*, т.-е. санкцію давленія, оказываемаго старшинами на волостные сходы—или даже возведеніе его на степень обязанности, лежащей на старшинахъ. Между тѣмъ, такое давленіе противозаконно, не нравственно и вредно: противозаконно—потому что ставитъ волю одного лица на мѣсто воли населенія, организованнаго законодателемъ въ самоуправляющуюся группу; не нравственно—потому что ведетъ къ систематической лжи, приписывая міру рѣшеніе отдѣльнаго лица (въ свою очередь, быть можетъ, исполняющаго чужое приказаніе); вредно—потому что поощряетъ служеніе личнымъ интересамъ, сплошь и рядомъ идущимъ въ разрѣзъ съ общими, мірскими. Въ словахъ г. Сухотина злоупотребленіе принимаетъ характеръ правила, котораго не только можно, но слѣдуетъ держаться—и это правило тѣмъ охотнѣе будетъ усвоено волостными старшинами, чѣмъ больше оно оставляетъ мѣста для ихъ самовластія... Въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи г. Сухотинъ говоритъ объ „уваженіи и привилегіи", которыми „пользуется между своими односельчанами крестьянинъ нѣсколько зажиточный". Фактъ и здѣсь подмѣченъ, быть можетъ, вѣрно (хотя уваженіе къ *богатству* еще не равносильно уваженію къ *богачу*)—но это фактъ нежелательный, прискорбный, а г. Сухотинъ разсматриваетъ его какъ нѣчто должное, какъ одну изъ опоръ проповѣдуемой имъ морали. Аналогичнымъ смѣшеніемъ понятій объясняются и другіе перлы, разсыпанные въ рѣчи г. Сухотина—напр., мысль о воспитаніи и образованіи народа путемъ... чтенія устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій!.. Отъ вопіющихъ противорѣчій рѣчь г. Сухотина не свободна и въ той части, которая посвящена спеціально школьному вопросу. Только-что провозгласивъ необходимость развить въ средѣ народа грамотность *въ самомъ широкомъ смыслѣ*, ораторъ спѣшитъ заявить, что эта цѣль будетъ достигнута, какъ только *половина* населенія будетъ знать молитвы и умѣть читать и писать. Бòльшій запасъ свѣденій кажется ему нужнымъ только для будущихъ про-

фессоровъ, и онъ старается убѣдить своихъ слушателей—путемъ ироніи, едва ли для нихъ понятной,—что приготовленіе въ профессора не входитъ въ число задачъ начальной школы. Чтобы уронить въ глазахъ крестьянъ земскую или вообще свѣтскую школу, онъ употребляетъ пріемъ столь же старый, сколько непохвальный: онъ намекаетъ на то, что въ свѣтскихъ школахъ не учатся или, по крайней мѣрѣ, не выучиваются молитвамъ—совершенно забывая, что вся отвѣтственность за это упущеніе, еслибы оно существовало не только въ воображеніи систематическихъ враговъ свѣтской школы, упадала бы на духовенство, не исполняющее въ земскихъ школахъ своего учительскаго долга... Не оправдываются тенденціозные „совѣты" г. Сухотина и тѣмъ обстоятельствомъ, что чернское земство передало свои школы духовному вѣдомству. Примѣръ нѣкоторыхъ другихъ земствъ, поступившихъ такимъ же образомъ (напр., вольскаго, въ саратовской губерніи), удостовѣряетъ, что земство всегда можетъ возобновить открытіе собственныхъ школъ —и, слѣдовательно, волостной или сельскій сходъ не долженъ быть лишаемъ права высказаться за устройство школы прежняго типа, столь хорошо знакомаго крестьянамъ. Конечно, пока въ земскомъ собраніи господствуютъ единомышленники г. Сухотина, мірскіе приговоры объ открытіи земскихъ школъ будутъ оставляемы безъ послѣдствій; но вавилонскому плѣненію земства будетъ же когда-нибудь положенъ конецъ, и уже по этому одному случайное рѣшеніе даннаго состава гласныхъ не должно быть возводимо на степень закона, безусловно обязательнаго для всего населенія уѣзда... Мы исчерпали далеко не всѣ характеристичныя черты рѣчи г. Сухотина: мы ничего не сказали, напримѣръ, о магической силѣ, которую онъ приписываетъ дисциплинарно-карательной власти волостного старшины, о „хозяйскихъ" правахъ сельскаго старосты по отношенію къ сельскому обществу, о „панибратствѣ", какъ синонимѣ равноправности, о строгости „съ кѣмъ нужно", какъ о способѣ пріобрѣсти любовь солдатъ и крестьянъ [1]). Достаточно, думается намъ, и вышесказаннаго, чтобы показать неудобство „вступительныхъ рѣчей" въ новоявленномъ тульскомъ вкусѣ...

Чѣмъ рѣже ходатайства дворянскихъ собраній выходятъ изъ заколдованнаго круга спеціально-дворянскихъ дѣлъ и интересовъ, тѣмъ бо̀льшаго вниманія и сочувствія заслуживаютъ исключенія изъ общаго правила. Такимъ исключеніемъ является недавнее ходатайство нижегородскаго дворянства о преобразованіи средней школы. Первона-

[1]) Отъ вниманія нашихъ читателей не ускользнулъ, безъ сомнѣнія, и своеобразный языкъ г. Сухотина—еще болѣе своеобразный, чѣмъ даже языкъ редактора „Гражданина".

чально рѣчь шла только о нижегородскомъ александровскомъ дворянскомъ институтѣ (стоящемъ на одномъ уровнѣ съ мужскими гимназіями); но большинство подготовительной коммиссіи, а затѣмъ—и собранія, рѣшило раздвинуть рамки вопроса, одинаково важнаго для всѣхъ учащихся, къ какому бы сословію они ни принадлежали. „Гораздо выше, достойнѣе, логичнѣе и правильнѣе"—воскликнулъ одинъ изъ ораторовъ большинства (г. Зененко)—„стоять грудью за всѣхъ, просить объ отмѣнѣ для всѣхъ того, что̀ признается невозможнымъ". Главные пункты постановленія, положеннаго въ основаніе ходатайства, заключаются въ слѣдующемъ: „1) признать желательнымъ оставленіе двухъ типовъ школъ: одной съ сокращеннымъ преподаваніемъ латинскаго языка и съ уничтоженіемъ греческаго языка, а другой—совсѣмъ безъ древнихъ языковъ; въ программы обоихъ типовъ школъ ввести преподаваніе законовѣдѣнія, естественныхъ наукъ, гигіены; съузить (?) преподаваніе родного языка и сдѣлать французскій и нѣмецкій языки обязательными; 2) обратить вниманіе на физическое развитіе учащихся; 3) понизить требованія учебной программы, приравнявъ ее къ среднему умственному уровню учащихся, и выкинуть излишній балластъ, служащій напраснымъ обремененіемъ памяти учащихся никому не нужными фактами, именами и цифрами; 4) отмѣнить переходные экзамены; 5) улучшить личный составъ педагоговъ, для чего учредить учительскую семинарію для подготовленія учителей для среднихъ учебныхъ заведеній и увеличить оклады жалованья учителей; 6) улучшить способы преподаванія и отмѣнить стѣсняющія преподавателя распоряженія о прохожденіи курса въ точно опредѣленное время, а также высылку изъ округа темъ на сочиненія для аттестата зрѣлости; 7) допустить врача заведенія до наблюденія не только за здоровьемъ ученика, но и за вліяніемъ ученія на него, для чего предоставить врачу въ педагогическомъ совѣтѣ учебнаго заведенія право рѣшающаго, а не только совѣщательнаго голоса, какъ теперь, и 8) ходатайствовать о допущеніи реалистовъ въ университетъ на естественный, физико-математическій и медицинскій факультеты, а также объ увеличеніи числа высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, какъ общеобразовательныхъ, такъ и спеціальныхъ". Кое-что въ этой программѣ представляется по меньшей мѣрѣ спорнымъ (напр. совершенное исключеніе греческаго языка изъ круга предметовъ, преподаваемыхъ въ средней школѣ, съуженіе преподаванія родного языка, пониженіе требованій программы)—но достоинство ея заключается въ прямой, откровенной и широкой постановкѣ вопроса о неудовлетворительности существующей системы средняго образованія. Дворянство поднимаетъ этотъ вопросъ уже не въ первый разъ; ходатайства, сходныя съ нижегородскимъ, возбуждались, нѣсколько лѣтъ тому на-

задъ, дворянскими собраніями (если намъ не измѣняетъ память) воронежскимъ и смоленскимъ, подвергшимися за то громамъ реакціонной печати. И теперь, вѣроятно, мы услышимъ новыя варіаціи на тему: „всякъ сверчокъ знай свой шестокъ", раздающіяся каждый разъ, когда дворянство осмѣливается поступать не по указкѣ, завѣщанной Катковымъ...

Ходатайство нижегородскаго дворянскаго собранія совпало съ перемѣной въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія. Преемникомъ гр. И. Д. Делянова назначенъ Н. П. Боголѣповъ, бывшій профессоръ и ректоръ московскаго университета, а въ послѣднее время —попечитель московскаго учебнаго округа. Приведя, по этому поводу, списокъ лицъ, управлявшихъ, съ самаго начала нынѣшняго вѣка, министерствомъ народнаго просвѣщенія, „Московскія Вѣдомости" обращаютъ вниманіе на тотъ любопытный фактъ, что между предшественниками Н. П. Боголѣпова не было ни одного профессора. „Въ лицѣ Н. П. Боголѣпова"—говоритъ московская газета—„министерство народнаго просвѣщенія впервые пріобрѣтаетъ своего управляющаго изъ среды русскихъ ученыхъ, съ честью занимавшаго профессорскую каѳедру въ старѣйшемъ разсадникѣ русскаго образованія—московскомъ университетѣ". Въ западно-европейскихъ государствахъ, особенно во Франціи, университетская каѳедра не разъ служила ступенью къ министерскому портфелю. Съ именемъ Гизо, какъ министра просвѣщенія, тѣсно связана коренная реформа начальной школы, съ именами Дюрюи и Ж. Симона—крупныя улучшенія въ сферѣ средняго и высшаго образованія. Безслѣдно прошло, наоборотъ, управленіе бывшихъ профессоровъ Вилльмена и Кузена; большимъ шагомъ назадъ ознаменовалось управленіе бывшаго профессора Фортуля. Прежнія занятія министра не играютъ, очевидно, господствующей роли въ значеніи его государственной работы; они являются только однимъ изъ моментовъ, опредѣляющихъ ея направленіе и содержаніе—и моментомъ не всегда существенно важнымъ. Къ тому же заключенію ведутъ и нѣкоторые факты изъ нашего недавняго прошлаго. Профессорами были, до призыва къ управленію министерствомъ финансовъ, и Н. Х. Бунге, и И. А. Вышнеградскій—и это не помѣшало имъ, какъ министрамъ, идти почти во всемъ къ разнымъ цѣлямъ и разными путями... Какъ ни велико различіе между призваніемъ профессора и задачей попечителя учебнаго округа, у нихъ есть одна соединительная черта: близкое отношеніе къ вопросамъ высшаго образованія. Прежде, чѣмъ стать во главѣ министерства народнаго просвѣщенія, попечителями учебныхъ округовъ были и кн. Ливенъ, и гр. Уваровъ, и Е. П. Ковалевскій, и А. А. Сабуровъ, и бар. Николаи, и гр. Деляновъ; а между тѣмъ,

какъ мало общаго каждый изъ нихъ имѣлъ съ другими! Какъ много, съ другой стороны, сдѣлалъ въ сравнительно короткое время А. В. Головнинъ, между тѣмъ какъ онъ очень мало, до своего назначенія министромъ, соприкасался съ вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія (онъ былъ лишь весьма недолго членомъ главнаго правленія училищъ)!.. Ничего, такимъ образомъ, не предрѣшая, занятіе, въ теченіе долгихъ лѣтъ, профессорской каѳедры составляетъ, однако, безспорно благопріятное условіе для дѣятельности министра народнаго просвѣщенія, по крайней мѣрѣ настолько, насколько она касается университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ этой области — судя по тому наслѣдству, которое досталось Н. П. Боголѣпову — предстоитъ большой, но въ высшей степени благодарный трудъ по открытію новыхъ спеціальныхъ школъ и расширенію существующихъ, давно переставшихъ отвѣчать быстро ростущей потребности въ техническихъ знаніяхъ. Предстоитъ также разрѣшить нѣкоторые частные вопросы, относящіеся къ университетскому уставу 1884 г., а можетъ быть и общій вопросъ о пересмотрѣ этого устава, возникающій въ виду явнаго противорѣчія между намѣреніями его составителей и исполненіемъ его въ дѣйствительности... Классическая средняя школа давно уже перестала быть—а отчасти никогда и не была—тѣмъ, чѣмъ желали ее видѣть авторы устава 1871 г. Поколебленная частными поправками, она навлекаетъ на себя массу серьезныхъ нападеній, требующихъ всесторонней повѣрки. Все больше и больше обращаетъ на себя вниманіе, наконецъ, начальная народная школа, о которой—послѣ долгаго періода равнодушія, близкаго къ забвенію,—вспомнилъ, въ послѣдніе годы или мѣсяцы своей жизни, покойный графъ Деляновъ. Нужно надѣяться, что его смерть не остановитъ начатаго дѣла. Начальное образованіе нуждается не въ однихъ матеріальныхъ средствахъ, которыя, въ надлежащихъ размѣрахъ, можетъ дать ему только государство: оно нуждается въ покровительствѣ, благодаря которому пали бы преграды, на каждомъ шагу затрудняющія и замедляющія его развитіе. Воскресныя школы, вечерніе курсы, народныя библіотеки и читальни, народныя чтенія—все это опутано у насъ цѣлою сѣтью рестриктивныхъ правилъ, оставляющихъ слишкомъ мало мѣста для личной и общественной инициативы. Громадные результаты могутъ быть достигнуты здѣсь даже безъ всякихъ затратъ со стороны казны,—одной отмѣной устарѣвшихъ запрещеній... Съ формальной точки зрѣнія, министерство народнаго просвѣщенія не имѣетъ, съ 1862 г., никакого соприкосновенія къ печати (за исключеніемъ только участія министра народнаго просвѣщенія въ совѣщаніи четырехъ министровъ, отъ которыхъ зависитъ, по „временнымъ" правиламъ 1882 года, запрещеніе періодическихъ изданій); но на са-

комъ дѣлѣ связь между ними не можетъ быть порвана вполнѣ, и печать, какъ одинъ изъ проводниковъ знанія и мысли, имѣетъ право разсчитывать на сочувствіе и заступничество министра народнаго просвѣщенія...

Post-Scriptum.—Наше обозрѣніе было уже окончено, когда мы прочли въ „Дневникѣ" кн. Мещерскаго („Гражданинъ", № 12 и 13) отзывъ о книгѣ Г. А. Евреинова. Содержаніе этого отзыва можно было предугадать заранѣе. Авторъ книги, ненавистной „гражданамъ" извѣстнаго сорта, выставляется бюрократомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ либераломъ, не имѣющимъ понятія о деревнѣ, представляющимъ себѣ будущую Россію „въ видѣ земскаго мужицкаго царства, воспитываемаго, въ лучшемъ случаѣ, въ духѣ всесословныхъ кулаковъ, а въ худшемъ—въ духѣ Желябовыхъ". Убѣждая кого слѣдуетъ не обращать вниманія на мнѣнія г. Евреинова, кн. Мещерскій заканчиваетъ свою замѣтку слѣдующей тирадой: „революція тогда начинается, когда на противоисторическіе, противонародные вожделѣнія и ропоты интеллигенціи правительство начинаетъ смотрѣть какъ на общественную силу, ибо тогда оно понемногу и постепенно даетъ свои силы въ распоряженіе затаенныхъ враговъ самодержавія, дворянства и народа, и начинается торжество европейской доктринерской лжи надъ исторической правдою русской народной жизни". Старая пѣсня разыграна здѣсь какъ по нотамъ, со всѣми своими основными мотивами. Едва ли много новаго прибавитъ къ ней второй членъ двойственнаго союза, такъ и не перешедшаго въ тройственный [1])...

---

[1]) Что „С.-Петербургскія Вѣдомости" не намѣрены упасть въ объятія „Московскихъ Вѣдомостей" и „Гражданина", хотя бы по одному только дворянскому вопросу—это видно съ достаточною ясностью изъ статьи гр. П. Кутузова, напечатанной въ № 43 газеты кн. Ухтомскаго.

КИТАЙСКІЙ ПУБЛИЦИСТЪ.

По поводу временнаго занятія русскою эскадрою порта Артуръ и бухты Да-лянь-вань.

Въ самомъ концѣ прошедшаго года, 28 декабря, въ пекинской газетѣ „Го-вэнь-бао" появилась весьма любопытная и характерная—руководящая статья отъ имени редакціи, гдѣ авторъ старается выяснить, съ своей національной точки зрѣнія, отношенія Китая къ европейскимъ правительствамъ вообще, и въ частности—къ Германіи. Приводимъ ее въ нижеслѣдующемъ переводѣ.

„Когда 1-го ноября германская эскадра овладѣла бухтою Цзяо-чжоу, то наша редакція, порицая все неблагоразуміе (взбалмошность) поступка нѣмцевъ, между прочимъ, позволила себѣ замѣтить, что сегодня нѣмцы заняли Цзяо-чжоу, а завтра русскіе утвердятся въ портѣ Артурѣ. Это было высказано нами только изъ соображенія положенія дѣлъ и притомъ въ смыслѣ предположенія, что такова должна быть политика русскаго правительства. Но не прошло и мѣсяца, какъ дѣйствительно поднятъ былъ вопросъ объ охранѣ Россіею для Китая порта Артуръ, а когда это состоялось, то пошла рѣчь о занятіи Англіей Чусанскаго архипелага и о невозвращеніи Японіей бухты Вэй-хай-вэй. Такова тоже должна быть политика всѣхъ иностранныхъ государствъ. Почему? А въ силу закона борьбы за существованіе, распространяющагося и на государственную политику. Кто не борется, тотъ не заслуживаетъ права на существованіе. Въ данномъ случаѣ это вовсе не обозначаетъ, чтобы Россія, Англія и Японія имѣли намѣреніе воспользоваться нашею территоріей и завладѣть нашими стратегическими пунктами, но онѣ вынуждены къ этому, въ видахъ собственныхъ соображеній, обстоятельствами. Такъ люди ведутъ свою государственную политику. Въ чемъ же заключается наша политика? По этому предмету мы стороною слышали разсужденія иностранцевъ, проживающихъ въ Пекинѣ, и потому нѣсколько знакомыхъ съ стремленіями Китая. Нашъ другъ иностранецъ сообщаетъ намъ:—Я слышалъ, что китайское правительство полагаетъ, что Россія связана нынѣ съ Китаемъ узами крѣпкой дружбы. Въ 1894 г., она съумѣла настоять на возвращеніи Японіей Китаю утраченнаго имъ Ляодуна. Въ настоящее время, она, не требуя ни малѣйшаго вознагражденія, взялась сохранить для Китая бухты Люй-шунь (портъ Артуръ и Да-лянь-вань).

Всѣмъ недоброжелателямъ Китая она, безъ сомнѣнія, дастъ отпоръ такъ что отнынѣ Китай можетъ быть совершенно спокоенъ...

„Допустимъ, что, благодаря помощи Россіи, иностранныя державы уже не будутъ болѣе питать противъ Китая коварныхъ замысловъ, и онъ получитъ возможность влачить свои недолгіе дни, предаваясь забавамъ и удовольствіямъ. Отчего бы и не такъ? Но я слыхалъ, что государству прежде всего необходимо самому заботиться о поддержаніи своего существованія, тогда и люди будутъ поддерживать его. Никто, конечно, не скажетъ, что безъ собственной заботливости о внутреннемъ благоустройствѣ, и только при чужой помощи, Китай могъ бы обезпечить себѣ продолжительное благоденствіе и спокойствіе; а безъ сомнѣнія скажутъ, что настоящее обращеніе съ нами русскихъ есть въ сущности желаніе ихъ пріобрѣсти портъ Артуръ и бухту Да-лянь-вань и, подъ благовиднымъ именемъ охраненія ихъ для насъ, въ дѣйствительности овладѣть ими навсегда. Впрочемъ, это по всей вѣроятности только плодъ излишней мнительности постороннихъ наблюдателей, и я не смѣю положительно утверждать, чтобы русскіе имѣли подобныя намѣренія. Коль скоро сказано, что они охраняютъ это мѣсто для насъ, то конечно оно будетъ передано Китаю, когда онъ будетъ въ силахъ защищать его самъ. Теперь я позволю себѣ спросить: при какихъ силахъ и когда Китай будетъ въ состояніи самъ охранять занятые порты? Если съ подобнымъ запросомъ мы обратились бы къ нашему правительству, то я увѣренъ, что члены его, обмѣнявшись молчаливымъ взглядомъ, не въ состояніи были бы отвѣтить на него ни одного слова. До 1894 г., нельзя сказать, чтобы укрѣпленія и доки порта Артура и Да-лянь-ваня не были устроены въ совершенствѣ, и чтобы сухопутныя и морскія силы ихъ были незначительными; и, несмотря на это, все это погибло въ теченіе какихъ-нибудь нѣсколькихъ дней подъ ударами незначительнаго японскаго отряда. Теперь допустимъ, что, по возвращеніи этихъ бухтъ, Китай, цѣною полнѣйшаго истощенія своихъ силъ, смогъ бы довести ихъ до того состоянія силы, въ которомъ онѣ находились до 1894 г., и тогда русскіе, конечно, скажутъ:—Да, вѣдь этими крѣпостями въ прежнее время въ состояніи были овладѣть японцы. Ясно, что онѣ сами не въ состояніи держаться и дать отпоръ непріятелю? Удобнѣе будетъ, если мы будемъ охранять ихъ вмѣсто васъ. Что можетъ сказать въ отвѣтъ на это Китай? И тѣмъ болѣе, что при настоящемъ положеніи своихъ финансовъ онъ при всемъ желаніи никоимъ образомъ не можетъ возстановить ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были до 1894 г. Въ такомъ случаѣ, Россіи едва-ли когда-нибудь будетъ возможно сложить съ себя бремя охраненія для насъ этихъ портовъ. Но этимъ дѣло не оканчивается. Извѣстно, что въ оборонѣ морскихъ портовъ

укрѣпленія играютъ важную роль. У насъ же въ портахъ Артуръ и Да-лянь-вань въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остались одни укрѣпленія безъ орудій, а въ другихъ—и самыя укрѣпленія разрушены. Коль скоро мы просимъ кого-либо защищать для насъ эти бухты, то само собою разумѣется, что ихъ нельзя защищать съ пустыми руками, а слѣдовательно, необходимо потребуется возвести укрѣпленія и вооружить ихъ. Далѣе, извѣстно, что въ мѣстахъ стоянки военныхъ судовъ для исправленія ихъ необходимы доки, а докъ въ портѣ Артуръ въ настоящее время безъ машинъ и матеріальныхъ складовъ. Когда же мы просимъ кого-либо съ своею эскадрою оберегать нашъ портъ, то невозможно, чтобы суда могли вѣчно обходиться безъ починки—значитъ, потребуется возстановить доки. Допустимъ, что укрѣпленія и доки будутъ возстановлены китайскимъ правительствомъ, но если они въ какомъ-либо отношеніи не будутъ соотвѣтствовать своему назначенію, то непремѣнно пойдутъ безконечные протесты. А если такъ, то Россіи не только придется оберегать эти бухты вмѣсто насъ, но еще и работать въ нихъ для насъ. При такихъ условіяхъ, я опасаюсь, что никогда не наступитъ день возвращенія ихъ Китаю. Принявъ на себя это тяжелое бремя, Россія, даже еслибы и пожелала когда-либо избавиться отъ него, то не могла бы сдѣлать этого въ силу обстоятельствъ.

„Жаль, что Китай, не торопясь самъ изысканіемъ средствъ къ обезпеченію самостоятельнаго существованія, возлагаетъ на другихъ такое тяжелое и великое бремя, лишая ихъ возможности когда-либо избавиться отъ него,—а самъ, напротивъ, пользуясь тѣмъ, что есть кому поручить его, получаетъ возможность предаваться лѣни, самоуслажденію и мимолетному покою. Но я опасаюсь, что внезапный ударъ грома разразится такъ быстро, что мы не успѣемъ закрыть ушей, и что постигшая насъ бѣда извнѣ повлечетъ за собою скорби внутреннія, такъ что не останется ни минуты, чтобы насладиться даже мимолетнымъ покоемъ. Прискорбно!

„Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что до тѣхъ поръ, пока Китай самъ не будетъ въ состояніи защищать бухты Артуръ и Да-лянь-вань, до тѣхъ поръ Россія не можетъ сложить съ себя заботу по охраненію ихъ. Такимъ образомъ, отъ этихъ двухъ бухтъ за Китаемъ останется одно только пустое имя, да и оно въ глазахъ постороннихъ зрителей будетъ казаться непринадлежащимъ намъ. Тогда Англія потребуетъ Чусанъ [1]), а Японія завладѣетъ бухтою Вэй-хай-вэй [2]).

---

[1]) Группа о-вовъ у Нинъ-по'скаго побережья подъ 30° слишкомъ с. ш., которую по конвенціи 1846 г., Англія обязалась защищать отъ всякаго непріятельскаго нападенія, а Китай—никогда никому не уступать ее.

[2]) Бухта на сѣверномъ берегу Шаньдунскаго полуострова, занятая японцами по симоносакскому договору впредь до уплаты Китаемъ военной контрибуціи.

Подъ вліяніемъ обстоятельствъ, требованія этихъ державъ будутъ безъ сомнѣнія настойчивы. При невозможности сопротивляться имъ, Китаю останется только поднести имъ эти мѣста. Но этимъ дѣло не окончится. За этими державами поднимется также Франція—и скажетъ, что эти нѣсколько державъ имѣютъ въ Китаѣ порты для стоянки своихъ эскадръ, и только у одной Франціи нѣтъ такого порта. Какой же послѣ этого, скажутъ французы, смыслъ имѣетъ постановленіе договоровъ о предоставленіи иностраннымъ державамъ въ Китаѣ одинаковыхъ преимуществъ? И, конечно, Франція не удовольствуется до тѣхъ поръ, пока не получитъ въ южномъ Китаѣ какого-нибудь порта въ родѣ Амая и т. п. Въ такомъ случаѣ, Китай будетъ походить на расчлененіе человѣческаго организма, съ оставленіемъ одной только безсмысленной головы на огромномъ, неуклюжемъ тѣлѣ,—въ увѣренности, что этого вполнѣ достаточно, чтобы оно услаждало свои чувства и вкусъ и тѣмъ поддерживало свое существованіе и радовалось своими радостями. Невозможность этого не можетъ не сознать самый глупый человѣкъ! И это вовсе не мои преувеличенныя опасенія! Изъ того, какъ Китай думаетъ бороться съ иностранными державами за свое существованіе, слѣдуетъ, что въ будущемъ, внѣ всякаго сомнѣнія, его постигнетъ такое несчастье. Если китайцы добровольно и безъ сожалѣнія примирятся съ своимъ несчастіемъ, то это будетъ служить рѣшительнымъ указаніемъ на то, что у нихъ нѣтъ уже ни человѣческаго чувства, ни небомъ дарованной природы, и тогда напрасно, съ чувствомъ глубокой скорби, я писалъ бы это никому ненужное разсужденіе. Но если у нихъ сохранилось еще человѣческое чувство и небомъ дарованная природа, то почему бы имъ, въ то время, когда хотятъ расчленить Китай, но еще не расчленили его, не воспрянуть духомъ, не пріободриться и не приняться энергично за изысканіе средствъ къ обезпеченію самостоятельнаго существованія? Какъ же быть, чтобы достигнуть этого?

„Всякое дѣйствіе непремѣнно имѣетъ свои причины. Желаніе Англіи и Японіи пріобрѣсти Чусанъ и Вэй-хай-вэй вызвано охраною для Китая Россіею порта Артуръ и бухты Да-лянь-вань, а это послѣднее—занятіемъ Германіей бухты Цзяо-чжоу. Это настоящія—ближайшія причины. Занятіе же нѣмцами бухты Цзяо-чжоу вызвано было завистью къ выгодамъ, полученнымъ отъ Китая Россіею и Франціей, а зависть къ этимъ выгодамъ произошла отъ того, что по ляо-дунскому вопросу всѣ три державы работали совмѣстно, но получили неодинаковую благодарность. Таковы прошедшія и отдаленныя причины настоящаго положенія вещей. Въ то время, когда Россія, Франція и Германія требовали отъ Японіи возвращенія Ляо-дуна, германскій посланникъ просилъ китайское правительство о предоставленіи Германіи 20-лѣтней привилегіи на снабженіе Китая оружіемъ, а оно оставило

эту просьбу безъ отвѣта. Тогда германскій посланникъ съ недовольствомъ заявилъ: „Китай не уступаетъ намъ такой мелочи, и я опасаюсь, что ему дорого придется поплатиться за это". Вслѣдствіе этого, германское правительство посовѣтовало Японіи увеличить военную контрибуцію на 30 милліоновъ ланъ. Китай негодовалъ на ненасытную алчность Японіи, не зная, что къ этому ее втайнѣ подстрекала Германія, которая подъ вліяніемъ чувства недовольства давно уже искала случая показать себя Китаю. Но теперь уже поздно думать о поправленіи прошедшаго и о разсѣяніи стараго непріязненнаго чувства. Поговоримте лучше о настоящемъ цзяо-чжоу'скомъ приключеніи.

„Несмотря на то, что Китай изъявилъ свое согласіе на всѣ шесть требованій Германіи по миссіонерскому дѣлу, представитель ея до сихъ поръ не обмолвился ни однимъ словомъ о возвращеніи Цзяочжоу. Относительно движеній ея въ Китаѣ только и слышно о подвозѣ провіанта, постройкѣ казармъ, захватѣ таможенной станціи, учрежденіи мѣстнаго управленія и изданіи объявленій о покупкѣ земли. Это служитъ яснымъ указаніемъ на то, что Германія смотритъ на Цзяо-чжоу'скую бухту какъ на свою территорію. А дѣятельность ея дома, заключающаяся въ отправленіи въ Китай новой эскадры съ сильнымъ дессантомъ подъ начальствомъ принца Генриха, объявленіе манифеста о войнѣ однимъ братомъ съ порученіемъ веденія ея другому,—все это ясно указываетъ на то, что Германія смотритъ на Цзяо-чжоу какъ на базу для осуществленія своихъ широкихъ замысловъ въ Китаѣ. Несмотря на это, Китай все еще продолжаетъ унижаться и, не обращая вниманія на свое критическое и опасное положеніе, стремится во что бы то ни стало къ мирному разрѣшенію вопроса, нисколько не думая объ измѣненіи плана и о принятіи хоть какихъ-нибудь мѣръ къ самозащитѣ. Въ данномъ случаѣ, наше положеніе совершенно тождественно съ тѣмъ, когда, при вторженіи разбойниковъ въ домъ, вся семья, сложа руки, ожидаетъ поголовнаго истребленія. Конечно, пассивная ли смерть отъ руки злодѣевъ, или же смерть послѣ взаимной борьбы съ ними, будетъ та же смерть,—но смерть неодинаковая по обстоятельствамъ, тѣмъ болѣе, что оказывающіе сопротивленіе разбойникамъ едва ли всегда и всѣ погибаютъ. Связанное животное и то борется, а тѣмъ болѣе—человѣкъ. Въ настоящее время Китай дѣйствительно хуже связаннаго животнаго. Во время паденія Вэй-хай-вэй'я, когда адмиралъ Динъ-Жу-чанъ съ остатками разбитой эскадры защищался до послѣдней крайности и когда силы истощились, умеръ, оставивъ суда непріятелю, то всѣ лучшіе люди укоряли его въ томъ, что онъ погубилъ флотъ. Почему онъ не попытался,—говорили они,—прорваться и умереть въ бою съ японцами, вмѣсто того, чтобы отрав-

ляться опіумомъ? И никто не жалѣлъ объ его смерти. Съ своей стороны и правительство также поставило ему это въ вину. А между тѣмъ, настоящее положеніе самого правительства, по отношенію къ чужеземному оскорбленію, ничѣмъ не отличается отъ поведенія Динъ-Жу-чана въ Вэй-хай-вэй'ѣ, доведшаго его впослѣдствіи до самоубійства. Вдобавокъ, въ данномъ случаѣ китайское правительство, унижаясь, добивается во что бы то ни стало мирнаго разрѣшенія цзяо-чжоу'скаго вопроса, не осмѣливается заикнуться ни однимъ словомъ о разрывѣ и войнѣ, и только трепещетъ при мысли о повтореніи того, что было въ японо-китайскую войну 1894 г. Обратившійся въ привычку, вѣчный страхъ передъ призраками прошедшаго, незнаніе собственнаго положенія и положенія иностранцевъ—вотъ больное мѣсто нашихъ государственныхъ людей. Въ нашихъ международныхъ сношеніяхъ съ иностранными державами мы, благодаря отсутствію обстоятельнаго знакомства съ ихъ внутреннею и внѣшнею политикою, ходимъ во мракѣ и, основываясь на собственныхъ соображеніяхъ, то хвастливо утверждаемъ, что намъ нечего бояться, то впадаемъ въ другую крайность,—проникаемся постояннымъ страхомъ предъ ними и думаемъ, что ихъ нельзя оскорблять. Это—другое больное мѣсто въ нашей иностранной политикѣ.

„Мы не будемъ говорить о минувшихъ дѣлахъ съ начала открытія торговыхъ сношеній съ посторонними державами, а позволимъ себѣ обратить вниманіе на ближайшія событія.

„Въ дѣлѣ Китая съ Японіей въ 1894 г., въ столицѣ и захолустьяхъ, въ высшихъ и низшихъ слояхъ, знатоки и невѣжды всѣ имѣли смѣлость въ одинъ голосъ требовать войны съ Японіей, считая ее, подъ вліяніемъ пустого тщеславія, вызваннаго минувшими успѣхами надъ французами въ Лансонѣ, не страшною. Эти воинственные клики были обязаны нашему незнакомству съ внутреннею и внѣшнею политикой Японіи. Въ настоящее время, по поводу захвата нѣмцами Цзяо-чжоу'ской бухты, ни въ столицахъ и захолустьяхъ, ни въ высшихъ и низшихъ слояхъ общества, ни между знатоками и невѣждами, нигдѣ не раздается ни одного голоса за войну. Всѣхъ обуяла робость, подъ вліяніемъ прошлаго столкновенія съ Японіей, доходящая до того, что сопротивленіе Китая Германіи признается дѣломъ немыслимымъ. И это опять-таки объясняется нашимъ незнаніемъ ни внутренней, ни внѣшней политики Германіи.

„Теперь я позволю себѣ сдѣлать сравненіе между силами Японіи и Германіи въ приложеніи ихъ къ Китаю.

„Японія отдѣлена отъ Китая незначительнымъ воднымъ пространствомъ, которое переходится пароходами въ три, и самое большее—въ пять дней, что обезпечиваетъ ей удобную и быструю перевозку войска

и провіанта. Германія же отдѣлена отъ Китая громаднымъ пространствомъ, для перехода котораго чрезъ Суэцъ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, требуется не менѣе 37 дней, такъ что перевозка войска и провіанта сопряжена съ затрудненіями [1]). Далѣе, Японіи, благодаря ея исправному положенію, при единственномъ условіи внутренняго спокойствія, нечего бояться внѣшняго нападенія, и потому, въ случаѣ войны на китайской территоріи, это дастъ ей возможность сосредоточить здѣсь всѣ свои силы и помыслы и не отвлекаться въ другое мѣсто. Что же касается Германіи, то, благодаря занимаемому ею положенію въ центрѣ Европы, съ которою ея границы повсюду переплетаются, ей необходима вездѣ самая бдительная оборона. Къ тому же императоръ Вильгельмъ II—человѣкъ отважный и воинственный, напоминающій Наполеона и часто помышляющій, при помощи своей арміи, поднять значеніе государства, такъ что всѣ государства остерегаются его и заблаговременно принимаютъ мѣры съ цѣлью положить преграду его необузданности. Поэтому нѣмцы, хотя и ослѣплены блескомъ своего внѣшняго могущества, но въ дѣйствительности у нихъ много заботъ внутреннихъ. Это—второе несходство Германіи съ Японіей.

По своей торговлѣ въ Китаѣ Японія, сравнительно съ другими странами, занимаетъ 8-е или 9-е мѣсто, тогда какъ Германія идетъ непосредственно за Англіей, занимающей первое мѣсто. Купцы ея разсѣяны повсюду, и нѣтъ ни одного порта, открытаго для иностранной торговли въ Китаѣ, въ которомъ не было бы множества нѣмецкихъ фирмъ. Потому торговыя потери Японіи, въ случаѣ разрыва ея съ Китаемъ, были бы не особенно значительны. Не въ такомъ видѣ представляется дѣло въ случаѣ разрыва Германіи съ Китаемъ. Если бы она захотѣла повсюду защищать своихъ купцовъ, то для этого ни въ какомъ случаѣ не хватило бы ея военныхъ силъ; если бы она отозвала ихъ всѣхъ, то это вызвало бы шумные протесты въ средѣ ея торговаго міра. Мы не можемъ знать, какія выгоды она получила бы послѣ войны, но вѣрно то, что, въ ожиданіи ихъ, торговые интересы ея понесли бы громадный вредъ. Это—третья черта несходства въ положеніи Германіи и Японіи по отношенію къ Китаю. Изъ этого видно, какія затрудненія встрѣтитъ Германія, въ случаѣ разрыва ея съ Китаемъ, при перевозкѣ войскъ и военныхъ запасовъ, въ снабженіи углемъ и въ починкѣ своихъ судовъ, и какія заботы и опасности ожидаютъ ее дома, вмѣстѣ съ утратою торговыхъ выгодъ. Ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ она не можетъ долго держаться противъ

[1]) Японская эскадра снабжается углемъ изъ собственныхъ копей и починку судовъ производитъ въ собственныхъ докахъ, тогда какъ Германіи за углемъ и починкою судовъ придется обращаться къ другимъ.

Китая и не пойти на уступки. Но если бы она, не обращая ни на что вниманія, отважилась бы затѣять ссору, то что̀ же изъ этого? Ей, безъ сомнѣнія, давно уже извѣстно, что Китай не будетъ посылать ультиматумъ въ Берлинъ.

„Кромѣ того, извѣстно, что между Германіей и Франціей существуетъ старинная вражда. Настоящій союзъ ея съ Россіей и Франціей вызванъ глубокимъ опасеніемъ только-что установившейся непоколебимой дружбы Франціи съ Россіей. Если я не присоединюсь къ нимъ, разсуждаетъ Германія, а онѣ соединенными силами нападутъ на меня, то мнѣ будетъ угрожать наступленіе непріятеля и съ фронта, и съ тыла. Вотъ почему она не можетъ не соединиться съ Россіей, а соединяясь съ нею, не можетъ не соединиться и съ Франціей. Но, поддерживая союзъ съ Россіей и Франціей, Германія въ то же время, для обезпеченія себя со стороны Франціи, заключила союзъ съ Австріей и Италіей. Идея этого союза принадлежитъ ей, тогда какъ союзъ ея съ Россіей и Франціей есть союзъ невольный. Эти тайные замыслы Германіи и тонкіе разсчеты не могутъ быть неизвѣстны французамъ, которые развѣ могутъ хоть на минуту забыть позоръ посрамленія государства и пораженія своей арміи?

„Далѣе, извѣстно, что отношенія Германіи съ Англіей дружественны только по наружности, а въ душѣ Германія ее ненавидитъ. Въ нынѣшнемъ году, когда Германія задумала посягнуть на власть Англіи въ Африкѣ, тогда англійскій первый министръ, маркизъ Солсбери, отдалъ тамошнему англійскому гарнизону слѣдующій приказъ: „Если германская эскадра вздумаетъ нарушить неприкосновенность нашей территоріи, то бейте ее хорошенько“. Понявъ трудность своего предпріятія, нѣмцы отступили. Однажды германскій императоръ Вильгельмъ II упалъ съ лошади и зашибъ палецъ до крови; увидавъ льющуюся изъ пальца кровь, онъ вскричалъ: „я былъ бы очень радъ, если бы у меня вылилась вся англійская кровь“. Извѣстно, что мать его—англичанка. Вотъ какую глубокую ненависть питаетъ къ англичанамъ германскій императоръ.

„Обрисовавъ дѣйствительное положеніе настоящихъ международныхъ сношеній Германіи, я хотѣлъ познакомить моихъ соотечественниковъ съ великими заботами ея въ Европѣ, требующими отъ нея напряженнаго вниманія и потому лишающими ее возможности, въ случаѣ разрыва съ нами, двинуться на насъ всѣми своими силами. Въ такомъ случаѣ, чего же намъ безпокоиться, преклоняться въ страхѣ, трепетать и, подъ вліяніемъ минувшей японо-китайской войны, не смѣть съ достоинствомъ и прямотою обратиться къ Германіи съ порицаніемъ ея дѣйствій? Безъ войны Германія не возвратитъ намъ Цзяочжоу'ской бухты; безъ возвращенія ея и русскія войска, конечно, не очи-

стять порта Артуръ и бухты Да-лянь-вань, а безъ этого—требованія Англіи и Японіи относительно уступки—одной Чусана, а другой Вэй-хай-вэй'я—день ото дня будутъ настоятельнѣе. Во всякомъ случаѣ лучше погибнуть, оказывая сопротивленіе, чѣмъ пассивно ожидать, пока васъ истребятъ,—тѣмъ болѣе, что проведенная мною параллель между положеніемъ Германіи и Японіи на Востокѣ еще не даетъ основаній предрѣшать побѣду въ ея пользу, и едва ли нѣмцы будутъ въ состояніи довести Китай до полнаго уничтоженія. Я желалъ бы, чтобы наши государственные люди, серьезно взвѣсивъ эти двѣ альтернативы, немедленно принялись за отысканіе средствъ къ самосохраненію. Тогда пылкіе энтузіасты, поборники правды и глубокіе патріоты, при видѣ грозной опасности, будутъ знать, какъ имъ поступить".

Перев. И. Поповъ.

Пекинъ.—28-го дек. 1897.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1898.

Окончаніе процесса Эмиля Золя и его политическое значеніе.—Ошибочные выводы иностранной печати.—Вопросъ о дѣлѣ Дрейфуса и общественное мнѣніе во Франціи.—Правительственное сообщеніе о критскомъ вопросѣ.

Дѣло Эмиля Золя, разбиравшееся въ Парижѣ предъ судомъ присяжныхъ въ продолженіе болѣе двухъ недѣль (съ 7-го по 23-ье февраля, нов. ст.), останется однимъ изъ самыхъ громкихъ процессовъ современной эпохи какъ по внутреннему своему значенію, такъ и по важности затронутыхъ имъ интересовъ и вопросовъ. Особый блескъ придавало этому процессу участіе вождей французской арміи и многихъ политическихъ, литературныхъ и ученыхъ знаменитостей, въ качествѣ свидѣтелей со стороны защиты; нѣкоторыя изъ показаній, данныхъ на судѣ, были настоящими событіями. Газеты всего міра внимательно слѣдили, изо дня въ день, за различными эпизодами судебнаго разбирательства, нерѣдко полными драматизма. Иностранные наблюдатели, даже вообще доброжелательные къ Франціи, находили тутъ благодарный матеріалъ для снисходительныхъ разсужденій и выводовъ объ упадкѣ общественныхъ и политическихъ нравовъ при республикѣ, о слабости правительственнаго авторитета и о тяжеломъ кризисѣ, переживаемомъ страною подъ вліяніемъ анти-патріотической агитаціи, немыслимой ни въ какомъ благоустроенномъ государствѣ. Подобное отношеніе къ нынѣшнимъ французскимъ дѣламъ свидѣтельствуетъ лишь о недостаточномъ пониманіи политическаго строя и быта страны, въ отличіе отъ порядковъ и понятій, господствующихъ въ другихъ мѣстахъ Европы. Существенная особенность французской жизни заключается въ постоянномъ, свободномъ и часто необычайно шумномъ разглашеніи закулисныхъ слабостей, недостатковъ и грѣховъ правительственнаго персонала, тогда какъ повсюду принято ихъ скрывать по мѣрѣ возможности; французы разоблачаютъ болѣзнь, а не замалчиваютъ ее,—и это обстоятельство производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто Франція больна, а другія страны здоровы. Французы съ трескомъ раскрываютъ свои малѣйшіе общественные недуги, а другія націи ведутъ себя сдержанно и терпѣливо, иногда запуская свои внутреннія болячки, быть можетъ, до полной ихъ неизлечимости при данныхъ условіяхъ,—какъ это мы видимъ, напр., относительно нѣкоторыхъ военно-политическихъ аномалій въ Германіи. Не разъ возбужда-

лись въ нѣмецкой печати и въ германскомъ парламентѣ щекотливые вопросы о ненормальныхъ отношеніяхъ прусскаго военнаго класса къ простымъ „бюргерамъ", по поводу случаевъ явнаго оффиціальнаго покровительства кровавой расправѣ офицеровъ съ обидѣвшими ихъ обывателями, или по поводу поощренія стрѣльбы часовыхъ по прохожимъ, не разслышавшимъ окриковъ, на улицахъ Берлина, или по поводу жалобъ на жестокости при обученіи солдатъ изъ низшихъ сословій; и всякій разъ эти публичныя пренія проходили вполнѣ спокойно и оканчивались ничѣмъ, несмотря на глухое недовольство бюргерства противъ надменнаго привилегированнаго „юнкерства". Вспомнимъ процессъ барона Тауша, бывшаго начальника берлинской тайной полиціи, или дѣло церемоніймейстера фонъ-Котце, арестованнаго по обвиненію въ разсылкѣ пасквилей на разныхъ представителей высшихъ придворныхъ кружковъ: обнаружились какъ будто поразительные нравы въ верхнихъ слояхъ общества, но никакого политическаго кризиса изъ-за этого не произошло, и публика по неволѣ должна была успокоиться, за невозможностью касаться извѣстныхъ темъ, такъ что замѣченныя-было язвы скрылись отъ нескромныхъ взоровъ и не вызвали надлежащаго леченія. Въ дѣлѣ Тауша выступилъ обвинителемъ имперскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Маршалль фонъ-Биберштейнъ; оказалось, что начальникъ тайной полиціи, преслѣдовавшій его своими интригами, подготовлялъ и устраивалъ тѣ министерскія перемѣны, которыя удивляли нѣмцевъ своею неожиданностью; онъ имѣлъ доступъ—хотя и не прямой—къ императору Вильгельму и доводилъ до его свѣдѣнія ложные слухи въ видѣ фактовъ, провѣренныхъ будто бы секретнымъ разслѣдованіемъ; онъ пользовался услугами темныхъ личностей, поручалъ своимъ агентамъ печатать въ газетахъ статьи противъ правительства или отдѣльнаго вѣдомства и докладывалъ кому слѣдуетъ, что эти статьи вышли изъ кабинета того или другого министра; онъ былъ уличенъ на судѣ въ мошенническихъ продѣлкахъ и признанъ виновнымъ, — и тѣмъ не менѣе, въ результатѣ, его оставили на службѣ, а обвинявшій его Маршалль фонъ-Биберштейнъ лишился министерскаго поста. Нѣмецкое общественное мнѣніе не могло отнестись равнодушно къ этимъ разоблаченіямъ и къ ихъ страннымъ послѣдствіямъ; но оно воздержалось отъ какихъ-либо манифестацій и не произвело и сотой доли того шума, который неизбѣжно былъ бы вызванъ подобными явленіями во Франціи. Нельзя отрицать, что шумъ, непріятный самъ по себѣ, имѣетъ часто значеніе спасительнаго набата, побуждающаго думать о мѣрахъ борьбы противъ скрытаго органическаго недуга; зло не теряетъ своей разрушительной силы отъ того, что оно развивается и дѣйствуетъ въ тиши, подъ покровомъ тайны. Одни шумятъ и кричатъ изъ-за пустой ца-

рапины, взывая къ помощи врачей; другіе безмолвно хранятъ въ себѣ глубокія раны; посторонніе могутъ считать первыхъ опасно больными, а вторыхъ — здоровыми, хотя это будетъ несомнѣнно противорѣчить дѣйствительности. Заграничные журналисты грубо ошибаются, когда самодовольно указываютъ на мнимые симптомы разложенія и безсилія, обнаруженные будто бы во Франціи замѣшательствами изъ-за дѣла Дрейфуса. Франція волнуется и способна волноваться до самозабвенія по поводу фактовъ, которые въ другихъ странахъ казались бы слишкомъ заурядными или не подлежали бы вовсе обсужденію и критикѣ; однако изъ этого еще не слѣдуетъ, что волнующіеся французы находятся въ самомъ дѣлѣ въ болѣе критическомъ положеніи, чѣмъ другіе народы, привыкшіе сдерживать и заглушать свои чувства. Конечно, процессъ Золя возможенъ былъ только во Франціи; но при всей странности многихъ своихъ подробностей онъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ не о нравственномъ упадкѣ, а напротивъ, о кипучей жизненности французскаго общества, о богатствѣ и энергіи душевныхъ силъ, расточаемыхъ съ такою поразительною щедростью, съ такимъ самоотверженіемъ и изяществомъ. Съ этой точки зрѣнія процессъ Золя представляетъ собраніе любопытнѣйшихъ „человѣческихъ документовъ", въ высшей степени характерныхъ и поучительныхъ.

Къ сожалѣнію, весь интересъ этого процесса пропалъ для значительной части нашей читающей публики, такъ какъ нѣкоторыя изъ наиболѣе распространенныхъ нашихъ газетъ съ самаго начала наложили на дѣло Золя печать чего-то мелкаго и пошлаго, подъ вліяніемъ ложнаго убѣжденія, что франко-русская дружба обязываетъ насъ къ солидарности съ худшими элементами парижской журналистики и съ злѣйшими врагами нынѣшняго французскаго правительства—съ Рошфоромъ, Дрюмономъ и ихъ многочисленными подражателями. Наши патріоты старались умалить значеніе процесса и систематически извращали его смыслъ, повторяя нелѣпыя сказки такихъ завѣдомо лживыхъ газетъ, какъ „Intransigeant" и „Libre Parole"; самъ Золя выставлялся простымъ орудіемъ „еврейскаго синдиката", за-одно съ сенаторами, бывшими министрами юстиціи, академиками и профессорами, свидѣтельствовавшими на судѣ въ его пользу. Наши патріоты думали угодить оффиціальной Франціи и особенно ея арміи, слѣдуя взглядамъ стараго любимца парижской толпы, перемѣнчиваго и безпринципнаго Рошфора; они какъ будто не знали, что Рошфоръ ежедневно осыпаетъ министровъ площадными ругательствами и спеціально клеймитъ позорнѣйшими кличками военнаго министра, генерала Бильо, — и не было еще такихъ политическихъ дѣятелей (кромѣ развѣ Буланже), которыхъ Рошфоръ не смѣшивалъ бы съ грязью; ни одинъ порядочный и интеллигентный французъ не придаетъ какого-либо вѣса

его злобнымъ выходкамъ. Понятно, что въ той окраскѣ, какая дана была дѣлу Зола̀ Рошфоромъ, оно утрачивало общій интересъ и превращалось въ нѣчто жалкое и противное, въ предметъ скучнѣйшихъ сѣтованій и нелѣпѣйшихъ разсужденій, напоминающихъ тонкія политическія догадки нѣкоторыхъ гоголевскихъ героевъ.

А между тѣмъ какъ ярко обрисовывается французскій національный духъ въ разнообразныхъ порывахъ всего общественнаго движенія, которое сосредоточилось, какъ въ фокусѣ, въ процессѣ Золя! Знаменитый романистъ, быть можетъ, повредилъ своей личной репутаціи преувеличенно-рѣзкимъ обвинительнымъ тономъ своихъ „манифестовъ"; онъ перенесъ въ область политики обычные пріемы художника-натуралиста, отыскивающаго самые сильные эпитеты для болѣе картиннаго и рельефнаго выраженія своихъ мыслей; можно даже сказать, что онъ слишкомъ узко понялъ самый вопросъ о дѣлѣ Дрейфуса и вообще не проявилъ большого политическаго пониманія въ своихъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ, — но заслуга его заключалась уже въ самой рѣшимости направить противъ себя судебные громы и бурю народныхъ страстей, съ цѣлью публичнаго всесторонняго разъясненія темнаго дѣла, безпокоящаго общественную совѣсть. Золя потерпѣлъ неудачу, какъ публицистъ и политическій дѣятель; въ его обращеніяхъ къ Франціи и къ президенту республики встрѣчается не мало наивнаго въ политическомъ смыслѣ; многое даже просто непонятно для насъ по своей экстравагантности, — какъ будто онъ хотѣлъ наглядно показать, что увлекается свыше мѣры, какъ истинный южанинъ. Психологія толпы, столь художественно изображаемая въ его романахъ, осталась для него закрытою книгою на практикѣ; онъ точно умышленно вызывалъ раздраженіе и негодованіе публики своими рѣчами, хотя едва ли имѣлъ въ виду отталкивать отъ себя общественныя и народныя симпатіи. До конца процесса онъ поступалъ въ томъ же духѣ, удивляясь, однако, враждебнымъ манифестаціямъ, упорно преслѣдовавшимъ его, и въ заключеніе, осужденный приговоромъ суда, онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ бросить въ лицо рукоплескавшей толпѣ слово: „людоѣды"! Не трудно было видѣть, что та же французская толпа относилась вполнѣ спокойно и не безъ уваженія къ первому виновнику открытой агитаціи въ пользу Дрейфуса, сенатору Шереръ-Кестнеру, и къ его единомышленникамъ въ политическомъ и ученомъ мірѣ; противъ нихъ не выступали никакіе „людоѣды", вопреки всѣмъ усиліямъ мелкой прессы, проникнутой тенденціями Рошфора. Эмиль Золя принялъ на себя роль защитника справедливости, нарушенной, по его мнѣнію, въ дѣлѣ Дрейфуса; но онъ испортилъ эту роль огульнымъ и явно несправедливымъ обвиненіемъ цѣлаго ряда лицъ въ сознательной, преступной недобросовѣстности, безъ малѣйшаго къ тому

повода. Легкость, съ какою Золя выставилъ свое отчасти фантастическое обвиненіе, ничѣмъ не можетъ быть объяснена;—привычка къ художественному творчеству побудила его какъ будто забыть, что дѣло идетъ о живыхъ людяхъ, а не о герояхъ литературныхъ произведеній. Притомъ, обвиненіе высказано въ самой рѣзкой и категорической формѣ; оно направлено противъ всѣхъ участниковъ обоихъ военныхъ процессовъ—Дрейфуса и Эстергази,—начиная съ военныхъ министровъ, бывшаго и настоящаго, вмѣстѣ съ начальникомъ генеральнаго штаба и его сотрудниками, и кончая экспертами, сличавшими преступную записку съ безспорными письмами подсудимыхъ. Относительно экспертовъ въ дѣлѣ Эстергази заявлено авторомъ, что они „составили лживые и мошенническіе доклады, если не предположить, что по врачебному изслѣдованію они окажутся страдающими болѣзнью глазъ или сужденія". По здравому смыслу, надо было бы думать, что ложная экспертиза могла, значитъ, ввести въ заблужденіе вполнѣ добросовѣстныхъ судей, и что, слѣдовательно, обвинять послѣднихъ нѣтъ уже разумнаго основанія; однако и судьи—завѣдомые преступники: по словамъ Золя, „военный судъ осмѣлился, по приказанію, оправдать Эстергази,—величайшая пощечина всякой правдѣ, всякому правосудію. Первый военный судъ могъ быть неразумнымъ, второй—обязательно преступенъ. Второй военный судъ, по приказу, покрылъ беззаконіе, совершивъ въ свою очередь юридическое преступленіе, заключающееся въ сознательномъ оправданіи виновнаго". Въ такомъ случаѣ, очевидно, были уже излишни „лживые и мошенническіе доклады" экспертовъ. Странно, что для послѣднихъ допускается еще возможность ссылки на болѣзнь, и объ нихъ не говорится, что они дѣйствовали по приказу, а военные судьи, опиравшіеся на этихъ ненормальныхъ или лживыхъ экспертовъ, обвиняются въ преступномъ и намѣренномъ неправосудіи. Наконецъ, почему оправданіе „какого-нибудь Эстергази" (un Esterhazy) есть пощечина всякой правдѣ и всякой справедливости? Съ какихъ это поръ оправданіе кого бы то ни было, даже и виновнаго, составляетъ преступленіе? Если судьи не нашли достаточныхъ уликъ противъ Эстергази и поэтому оправдали его, то какъ можетъ посторонній человѣкъ навязывать имъ свое личное убѣжденіе въ его виновности и приписывать имъ недобросовѣстное освобожденіе завѣдомаго преступника? Какъ могъ Золя считать себя болѣе свѣдущимъ судьею въ дѣлѣ Эстергази, чѣмъ лица, непосредственно разбиравшія дѣло на основаніи документовъ и свидѣтельскихъ показаній, сущность которыхъ неизвѣстна ни Эмилю Золя, ни кому-либо другому изъ публики? Требовать осужденія кого-либо во что бы то ни стало—вообще не особенно симпатично, и то, что было вполнѣ естественно со стороны семьи Дрейфуса, является неумѣстнымъ и страннымъ, когда исходитъ

отъ крупнаго писателя, не заинтересованнаго въ дѣлѣ. Существуетъ хорошее изреченіе: лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго. Примѣняя этотъ принципъ къ данному случаю, можно бы сказать: лучше оправдать десять преступныхъ Эстергази, чѣмъ осудить одного невиннаго Дрейфуса. Эмиль Золя твердо убѣжденъ въ невинности послѣдняго, и это убѣжденіе не было поколеблено категорическими заявленіями генераловъ Мерсье, Буадефра и Пелье, имѣвшихъ въ рукахъ всѣ секретныя свѣдѣнія по дѣлу Дрейфуса. Золà имѣлъ полное право остаться при своемъ взглядѣ и высказать это передъ присяжными; но въ своемъ заключительномъ словѣ, въ засѣданіи 21-го февраля, онъ пошелъ дальше и, даже не упомянувъ объ авторитетныхъ увѣреніяхъ и ссылкахъ названныхъ военныхъ свидѣтелей, нѣсколько разъ торжественно поклялся въ невинности Дрейфуса,—чтò уже совершенно непостижимо. Мало того: онъ опять повторилъ, что само правительство безусловно убѣждено въ невинности Дрейфуса, но не хочетъ раскрыть истину; онъ намекнулъ также, что истина хорошо извѣстна въ посольствахъ и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и что „завтра она сдѣлается извѣстною всѣмъ",—но все-таки онъ оставилъ эту истину въ туманѣ, хотя ничто не мѣшало ему, по крайней мѣрѣ, сказать, въ чемъ дѣло, не дожидаясь завтрашняго дня. Клятвы, которыми закончилъ свою рѣчь Золя, очень красивы и эффектны по формѣ, но онѣ загадочны и совершенно не убѣдительны по существу. „Дрейфусъ невиненъ, — говорилъ онъ, — клянусь въ этомъ. Отвѣчаю за это моею жизнью, моею честью. Въ этотъ торжественный часъ, передъ этимъ трибуналомъ, представляющимъ собою человѣческую справедливость, передъ вами, господа присяжные, передъ всею Франціею, передъ всѣмъ міромъ, клянусь, что Дрейфусъ невиненъ. Клянусь моими сорокалѣтними трудами и тѣмъ значеніемъ, какое они могли мнѣ дать,—что Дрейфусъ невиненъ. И всѣмъ, чтò я пріобрѣлъ, именемъ, которое я себѣ составилъ, моими сочиненіями, которыя способствовали распространенію французскаго языка и литературы, клянусь, что Дрейфусъ невиненъ. Пусть рухнетъ все это, пусть мои труды погибнутъ, если Дрейфусъ не невиненъ! Онъ невиненъ".—Такъ говорить можно только про самого себя, или про близкаго товарища и друга,—а Золя не зналъ Дрейфуса, никогда не видалъ его, и не знаетъ никого изъ его семьи. Откуда же почерпнулъ онъ эту непоколебимую вѣру въ незнакомаго ему, чужого человѣка, душа котораго, даже для знавшихъ его лицъ, по пословицѣ,—потемки? Клятвы Золя должны были крайне озадачить присяжныхъ и публику, такъ какъ онѣ были вполнѣ голословны и рѣшительно противорѣчили свидѣтельствамъ единственныхъ компетентныхъ лицъ въ процессѣ, располагавшихъ всѣми фактическими данными по дѣлу

Дрейфуса. Съ одной стороны, люди, посвященные въ тайны военнаго шпіонства, видѣвшіе и слышавшіе все, что относится къ дѣлу Дрейфуса и что осталось недоступнымъ для постороннихъ,—люди незапятнанной репутаціи, пользующіеся общимъ довѣріемъ и уваженіемъ, и каждое слово которыхъ на судѣ дышало прямодушіемъ и искренностью,—начальникъ генеральнаго штаба Буадефръ, бывшій военный министръ Мерсье и генералъ Пеллье,—ручались своею военною честью, что Дрейфусъ виновенъ, и что объ этомъ имѣются у нихъ положительныя свѣдѣнія, независимо отъ фактовъ, бывшихъ на разсмотрѣніи военнаго суда въ 1894 году;—съ другой стороны, писатель, знающій о Дрейфусѣ лишь то, что извѣстно всѣмъ изъ газетъ, клянется весьма краснорѣчиво, что Дрейфусъ невиненъ, и повторяетъ свою клятву пять разъ. Само собою разумѣется, что присяжные ни на минуту не могли затрудниться въ выборѣ, и при всемъ своемъ желаніи сохранить безпристрастіе они должны были неминуемо отнестись къ словамъ Золя, какъ къ эффектной выходкѣ художника, далекаго отъ дѣйствительной жизни. Но присяжнымъ предстояло рѣшить вопросъ вовсе не о томъ, виновенъ ли Дрейфусъ, а о томъ, имѣлъ ли право Золя обвинить военныхъ судей по дѣлу Эстергази въ сознательной недобросовѣстности, въ преступномъ нарушеніи служебнаго долга по приказу высшаго начальства. Оффиціальное преслѣдованіе было ограничено только этимъ пунктомъ, чтобы не давать сторонамъ возможности вновь обсуждать дѣло Дрейфуса, признаваемое окончательно рѣшеннымъ и не подлежащимъ нынѣ пересмотру. Эмиль Золя не доказалъ и не могъ доказать справедливости своихъ обвиненій; онъ даже не пытался это сдѣлать, и его талантливый адвокатъ, Фернандъ Лабори, довольствовался только доказательствомъ личной добросовѣстности и искренности самого Золя, въ чемъ и безъ того никто не сомнѣвался. Въ обыкновенное время, при спокойномъ общественномъ настроеніи, Золя былъ бы вѣроятно оправданъ, такъ какъ ежедневно появляются въ парижской печати и остаются безнаказанными несравненно болѣе рѣзкія и оскорбительныя статьи противъ должностныхъ лицъ, чѣмъ письмо къ президенту республики, за которое преданъ суду Золя; однако, исключительныя обстоятельства не позволяли присяжнымъ быть снисходительными, и они признали Золя виновнымъ. Золя имѣлъ неосторожность сказать въ своемъ обращеніи къ присяжнымъ, что глава министерства, Мелинъ, далъ имъ приказъ постановить обвинительный приговоръ, и конечно это странное замѣчаніе не могло имъ понравиться; правительство ничего не приказывало присяжнымъ, но на нихъ несомнѣнно подѣйствовалъ тонъ свидѣтелей-генераловъ, особенно Буадефра, который поставилъ даже передъ присяжными вопросъ о довѣріи къ вождямъ арміи со стороны представителей на-

ціи,—хотя присяжные, выбранные для сужденія по данному уголовному дѣлу, не имѣютъ никакого отношенія къ національному представительству, предъ которымъ отвѣтственны вожди арміи. Золя былъ осужденъ не только потому, что онъ былъ дѣйствительно виноватъ, но и главнымъ образомъ потому, что оправданіе его могло быть принято какъ оскорбленіе арміи въ лицѣ ея высшихъ начальниковъ и ея военныхъ судей, обиженныхъ подсудимымъ. Возбужденныя чувства толпы, выражавшіяся въ злобныхъ нападкахъ на Золя, также требовали удовлетворенія и успокоенія. Когда улягутся страсти и жизнь войдетъ въ обычную мирную колею, суровый судебный приговоръ подвергнется разсмотрѣнію въ кассаціонномъ судѣ, куда поступила уже жалоба адвоката Лабори, а кассаціонныхъ поводовъ было много въ этомъ процессѣ, при настойчивомъ стремленіи предсѣдателя не дозволять защитѣ касаться предметовъ, о которыхъ предоставлено было свободно говорить генераламъ. Очень можетъ быть, что рѣшеніе суда будетъ отмѣнено, и что процессъ повторится вновь, при новомъ судейскомъ составѣ, среди менѣе напряженной общественной атмосферы.

Въ дѣлѣ Золя выразилась вся сила общественнаго интереса, возбужденнаго во Франціи вопросомъ о виновности или невиновности Дрейфуса. На судѣ выслушаны были показанія многихъ весьма почтенныхъ лицъ, глубоко озабоченныхъ этимъ вопросомъ и внимательно изучавшихъ всѣ относящіяся къ нему данныя; ученые спеціалисты, привыкшіе имѣть дѣло съ архивными рукописями, посвящали свое время изслѣдованію почерковъ Дрейфуса и Эстергази, сравнительно съ почеркомъ преступной записки, факсимиле которой было обнародовано въ газетахъ; бывшіе министры юстиціи, Траріѐ и Тевене́, тщетно старались выяснить темныя стороны процесса 1894 года и рисковали своимъ авторитетомъ и популярностью, чтобы добиться истины,—точно такъ же, какъ и сенаторъ Шереръ-Кестнеръ; полковникъ Пикаръ, стоявшій во главѣ секретнаго бюро военнаго министерства, сознательно разбилъ свою карьеру, напавъ на слѣдъ виновности Эстергази въ продѣлкахъ, которыя приписаны были Дрейфусу, и увлекся своею идеею до того, что дѣйствительно нарушилъ свои служебныя обязанности, допустивъ оглашеніе писемъ своего начальника, генерала Гонза, ради оправданія своихъ дѣйствій. О какихъ-либо закулисныхъ вліяніяхъ пресловутаго „синдиката Дрейфуса“ не было и рѣчи на судѣ, и самый этотъ синдикатъ долженъ быть признанъ миѳомъ, сочиненнымъ газетами. Лучшіе люди страны волновались и продолжаютъ волноваться изъ-за того, что, быть можетъ, произошла судебная ошибка, вопреки всей добросовѣстности военныхъ судей, а ни правительство, ни начальники арміи, не въ силахъ раз-

сѣять возникшія сомнѣнія, будучи связаны чисто-формальною причиною—невозможностью законно огласить секретные акты процесса, разбиравшагося при закрытыхъ дверяхъ. Мы видимъ, что французское общество способно горячо принимать къ сердцу возможность осужденія невиннаго, и что представители различныхъ классовъ и профессій ведутъ изъ-за этого страстную борьбу въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, добиваясь правды;—по такому поводу слѣдовало бы говорить о великихъ національныхъ преимуществахъ Франціи, а не объ ея упадкѣ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторыя иностранныя газеты.

Что касается самой сущности спора, то неясные пункты его сохранили все свое значеніе и послѣ процесса Золя, и прибавились еще новые матеріалы для агитаціи, которая, вѣроятно, окончится лишь съ формальнымъ пересмотромъ дѣла Дрейфуса. Генералъ Мерсье уклонился отъ отвѣта на предложенный ему вопросъ: не былъ ли предъявленъ военному суду по дѣлу Дрейфуса секретный документъ, оставшійся неизвѣстнымъ подсудимому и его адвокату,—и молчаніе генерала всѣми понято было въ томъ смыслѣ, что онъ не могъ дать отрицательнаго отвѣта. Другой свидѣтель, адвокатъ Салль, слышавшій отъ одного изъ членовъ военнаго суда о секретномъ документѣ, доставленномъ въ залу совѣщаній бывшимъ военнымъ министромъ, также упорно молчалъ, когда защита предлагала ему только сказать: „нѣтъ",—если это неправда. Салль не имѣлъ права отвѣтить утвердительно, ибо онъ разоблачилъ бы этимъ случайно довѣренную ему тайну процесса Дрейфуса, о которомъ запрещено было сообщать что-либо на судѣ; но простымъ отрицаніемъ онъ не нарушилъ бы установленныхъ правилъ, и если онъ не произнесъ ни слова, то это значитъ, что отрицаніе было съ его стороны невозможно. Теперь считается уже несомнѣннымъ, что въ дѣлѣ Дрейфуса допущена была существенная неправильность, могущая служить законнымъ поводомъ къ его пересмотру. Почти всѣ увѣрены также, что преступную записку—единственный письменный документъ, поставленный въ улику Дрейфусу и предъявленный его защитнику,—писалъ не Дрейфусъ, а кто-нибудь другой; особенно интересные доводы въ этомъ смыслѣ представилъ членъ института, извѣстный филологъ Луи Гавѐ, который разобралъ не только орѳографію, но и стиль писемъ Дрейфуса и Эстергази, въ связи съ слогомъ записки, съ точки зрѣнія профессора литературы: есть отдѣльныя выраженія, встрѣчающіяся только въ письмахъ Эстергази и повторяющіяся въ запискѣ,—выраженія не совсѣмъ правильныя, какихъ никогда не употребляетъ Дрейфусъ, отлично владѣющій литературнымъ языкомъ; эти особенности слога и правописанія, весьма характерныя для Эстергази, безусловно убѣждаютъ Гавѐ, что никто другой не могъ быть авторомъ записки, кромѣ

Эстергази. Какъ производилась экспертиза предъ военнымъ судомъ 1894 года, можно видѣть изъ удивительныхъ показаній эксперта Бертильона, который постоянно говорилъ какими-то загадками, ссылался на свою особую научную систему, имѣющую прославить его послѣ его смерти, и наконецъ проговорился, что онъ сравнивалъ почеркъ записки съ письмами Матье Дрейфуса, брата осужденнаго, въ виду обычнаго семейнаго сходства почерковъ. Полковникъ Пикаръ объяснилъ, что въ его бюро доставлены были клочки телеграммы, адресованной на имя Эстергази изъ того же источника, откуда добыта и знаменитая записка, которая первоначально также была разорвана на мелкіе клочки; изъ этого надо заключить, что секретные матеріалы попадали въ помѣщенія, хотя и секретныя, но все-таки доступныя тайному контролю, и что иностранныя агентства и посольства будутъ впредь болѣе радикально истреблять извѣстнаго рода бумаги, при помощи огня. Положеніе Эстергази на судѣ было крайне тяжелое. Формально оправданный военнымъ судомъ по недостатку уликъ, а отчасти потому, что главныя улики отнесены были уже раньше къ другому лицу, онъ продолжалъ быть подсудимымъ и долженъ былъ выслушивать о себѣ невѣроятныя вещи; онъ рѣшилъ не отвѣчать на вопросы защиты и заявилъ объ этомъ съ оттѣнкомъ негодованія по поводу бросаемыхъ въ него клеветъ,—но онъ подвергнутъ былъ настоящей пыткѣ однимъ изъ адвокатовъ, Альберомъ Клемансо, который въ теченіе около получаса въ послѣдовательномъ порядкѣ уличалъ его въ преступныхъ или подозрительныхъ дѣйствіяхъ, подъ видомъ обычнаго допроса, безъ полученія какихъ бы то ни было отвѣтовъ. Послѣдній вопросъ, разсчитанный на наибольшій эффектъ, касался отношеній съ германскимъ военнымъ агентомъ Шварцкоппеномъ и былъ остановленъ предсѣдателемъ, какъ неумѣстный. Сохраняя безмолвіе подъ градомъ ядовитѣйшихъ обвиненій, Эстергази избѣгнулъ опасности запутаться въ словесномъ турнирѣ съ ловкимъ адвокатомъ и возбудилъ къ себѣ естественное чувство состраданія въ публикѣ. Было что-то мучительно жестокое въ этой безцѣльной травлѣ человѣка, молчаливо стоявшаго предъ судомъ въ роли свидѣтеля, и этотъ мнимый допросъ повредилъ только интересамъ защиты. Можно было пожалѣть и злосчастнаго Эстергази, хотя бы и виновнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ бы осужденъ безповоротно, еслибы попался до процесса Дрейфуса; а теперь надъ нимъ тяготѣетъ непрерывный общественный судъ, отъ котораго некуда уйти и нельзя даже скрыться въ уединеніи тюремной кельи. Между тѣмъ приговоръ по дѣлу Эстергази, не очистивъ его отъ позорнаго клейма въ глазахъ общества, закрѣпилъ осужденіе Дрейфуса, а процессъ Золя вновь указалъ на многое въ пользу обвиненнаго офицера, несмотря на увѣренность на-

чальниковъ въ его преступности. Генералы и полковники производили на судѣ впечатлѣніе военныхъ людей стараго типа, соединяющихъ прямоту характера съ довѣрчивостью и съ нѣкоторою долею откровенной наивности; адвокаты легко сбивали ихъ съ позиціи, и только генералъ Пеллье соблюдалъ послѣдовательность въ своихъ мысляхъ и въ своемъ изложеніи. Буадефръ ссылался на профессіональную тайну въ вопросѣ о документѣ, бывшемъ въ рукахъ „дамы подъ вуалью" и возвращенномъ майоромъ Эстергази военному министру; затѣмъ онъ долженъ былъ согласиться съ адвокатомъ Лабори, что у военныхъ нѣтъ профессіональныхъ тайнъ, а могутъ быть только тайны государственныя; когда же Клемансо напомнилъ ему, что документъ, признаваемый имъ секретнымъ, гулялъ по Парижу и попалъ обратно въ военное министерство по доброй волѣ Эстергази, и что, слѣдовательно, или этотъ документъ не можетъ считаться секретнымъ, или государственныя тайны плохо охраняются въ военныхъ бюро, то Буадефръ не зналъ что̀ отвѣчать и сталъ говорить вообще о честности и самоотверженной службѣ своихъ подчиненныхъ. Полковникъ Анри, врагъ и обличитель своего бывшаго начальника Пикара, запутавшись въ противорѣчивыхъ объясненіяхъ, не нашелъ ничего лучшаго, какъ обругать Пикара — лжецомъ.

Въ судебномъ засѣданіи 17 февраля, генералъ Пеллье неожиданно выразилъ готовность внести желанный свѣтъ въ дѣло Дрейфуса и нанести окончательный ударъ сторонникамъ пересмотра; онъ торжественно заявилъ слѣдующее: „Во время запроса Кастелена въ парламентѣ (именно о дѣлѣ Дрейфуса) получилось въ военномъ министерствѣ безусловное доказательство виновности Дрейфуса—безусловное!— и я его видѣлъ. Получилась бумага, происхожденіе которой не можетъ быть оспариваемо, и которая гласитъ: „Будетъ обсуждаться запросъ по дѣлу Дрейфуса. Не говорите никогда о нашихъ сношеніяхъ съ этимъ жидомъ (ce juif)". И эта бумага подписана! Она не подписана извѣстнымъ именемъ, но къ ней приложена визитная карточка, на которой сбоку прибавлено нѣсколько незначительныхъ словъ, съ той же условною подписью, какъ и записка; а на карточкѣ обозначено полное имя лица. Такъ вотъ, господа, — хотѣли добиться пересмотра процесса окольнымъ путемъ;—я даю вамъ этотъ фактъ и ручаюсь за него своею честью; прошу допустить генерала Буадефра для подтвержденія моего показанія". Буадефръ могъ явиться только на другой день; онъ вкратцѣ подтвердилъ слова Пеллье и послѣ этого обратился къ присяжнымъ съ извѣстнымъ уже заявленіемъ о довѣріи. Генералъ Пеллье былъ возмущенъ, когда позднѣе Пикаръ высказалъ предположеніе о подложности этого документа, явившагося на сцену какъ разъ въ нужный моментъ, во время первыхъ розысковъ объ

Эстергази. Но только французскій генералъ могъ серьезно повѣрить, что иностранные военные агенты способны посылать другъ другу свои визитныя карточки при запискахъ, сообщающихъ en toutes lettres о секретныхъ сношеніяхъ съ такимъ-то офицеромъ, безъ малѣйшей къ тому надобности. Самый текстъ записки не имѣетъ разумнаго смысла: во-первыхъ, не было повода прямо говорить о предметѣ и называть имена, когда адрессату и безъ того должно быть хорошо извѣстно, о какомъ дѣлѣ идетъ рѣчь; во-вторыхъ, со стороны иностраннаго агента было бы смѣшно предупреждать коллегу о сохраненіи тайны по такому предмету, который повсюду и всегда признавался бы безусловно секретнымъ; въ-третьихъ, нельзя допустить, что военный дипломатъ тратилъ бы лишнія слова для обозначенія Дрейфуса, какъ жида, ибо съ одной стороны это не было новостью для адрессата, а съ другой—этимъ не принято интересоваться въ секретныхъ военно-международныхъ дѣлахъ. Записка, столь торжественно разглашенная Пеллье и Буадефромъ, могла быть составлена только умышленно, ad hoc, чтобы ввести почтенныхъ генераловъ въ заблужденіе; на это указываетъ не только безцѣльность и безсмысленность содержанія, но и грубый казарменный стиль, несвойственный дипломатамъ и военнымъ агентамъ въ такомъ центрѣ, какъ Парижъ; а приложеніе визитной карточки есть само по себѣ нелѣпость, свидѣтельствующая о поддѣлкѣ. Образованнѣйшіе и выдающіеся во всѣхъ отношеніяхъ французы выказываютъ замѣчательное легковѣріе, когда дѣло касается иностранныхъ и международныхъ дѣлъ; до сихъ поръ, напримѣръ, даже въ оффиціальныхъ сферахъ Франціи, не говоря уже о печати, продолжаютъ упорно игнорировать категорическое заявленіе германскаго правительства, что никто изъ его агентовъ не имѣлъ сношеній съ Дрейфусомъ,—такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ дипломатія будто бы обязана говорить завѣдомую неправду. Германскій министръ иностранныхъ дѣлъ, фонъ-Бюловъ, могъ, конечно, ничего не сказать или выразиться настолько дипломатически, что изъ его словъ нельзя было бы извлечь никакого опредѣленнаго заключенія; но приписывать ему желаніе положительно и прямо отрицать какой-либо фактъ, дѣйствительно существующій или существовавшій, когда всегда есть возможность уклониться отъ отвѣта въ случаѣ надобности, — это значитъ обнаруживать полное непониманіе политическихъ обычаевъ и нравовъ, господствующихъ въ современной Европѣ и въ частности въ Германіи. Оттого, быть можетъ, и вся путаница изъ-за дѣла Дрейфуса оказывается столь сложною и темною, и правильный выходъ изъ нея становится все болѣе труднымъ.

Въ послѣднее время иностранныя газеты много говорили о новой попыткѣ устройства критскихъ дѣлъ въ духѣ традиціонныхъ національныхъ стремленій Греціи. По этому поводу появилось въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, отъ 28-го января, подробное сообщеніе, которое мы приводимъ здѣсь цѣликомъ, въ виду его несомнѣнной политической важности:

„Въ общемъ положеніи дѣлъ на турецкомъ Востокѣ, по сравненію съ прошлымъ, совершились значительныя перемѣны: то революціонное броженіе на островѣ Критѣ, противъ котораго Россія первая возвысила свой голосъ, было подавлено совмѣстными усиліями державъ, изъявившими готовность принять всѣ необходимыя мѣры, дабы воспрепятствовать насильственному захвату острова Греціею; полковникъ Вассосъ, со своими эмиссарами и волонтерами, принужденъ былъ покинуть Критъ, гдѣ, благодаря энергичнымъ усиліямъ, возстановлено было сравнительное спокойствіе; критяне не возбуждали болѣе требованій о присоединеніи къ Греціи и съ радостью приняли дарованную имъ автономію; наконецъ, благодаря мощному заступничеству нашего Августѣйшаго Монарха, прекращены были военныя дѣйствія между Турціею и Греціею; уполномоченные эллинскаго правительства отбыли въ Константинополь для совмѣстнаго обсужденія съ турецкими делегатами условій мира (нынѣ благополучно заключеннаго), между тѣмъ какъ европейскіе представители въ Царьградѣ заняты были выработкою основаній для автономнаго управленія островомъ Критомъ, взятымъ всѣми державами подъ ихъ покровительство.

„Такъ какъ примѣненіе на практикѣ автономныхъ началъ прежде всего требовало установленій на островѣ прочной правительственной власти, а между тѣмъ всѣ сдѣланныя по сему предмету предложенія державъ постигла полная неудача,—то Россія сочла возможнымъ, при вышеуказанныхъ условіяхъ, поставить на очередь кандидатуру греческаго королевича Георга, назначеніе котораго на постъ критскаго генералъ-губернатора, удовлетворяя вполнѣ законнымъ вожделѣніямъ христіанскаго населенія острова, вмѣстѣ съ тѣмъ являлось залогомъ успокоенія всего эллинскаго народа, съ тревогою взирающаго на безвѣстность будущей судьбы своихъ единоплеменниковъ.

„Принятая съ сочувствіемъ Франціею, Англіею и Италіею, кандидатура королевича встрѣтила, однако, сопротивленіе какъ со стороны Германіи и Австріи, такъ и со стороны султана, попрежнему настаивающаго на назначеніи критскимъ генералъ-губернаторомъ одного изъ своихъ подданныхъ.

На сдѣланныя султаномъ въ этомъ смыслѣ предложенія—наше правительство неизмѣнно отвѣчало, что ни одна изъ великихъ дер-

жавъ не дастъ своего согласія на кандидатуру турецко-подданнаго и что, въ виду принятаго всѣми иностранными правительствами единодушнаго рѣшенія не допускать увеличенія оттоманскихъ войскъ на островѣ, султанъ лишенъ былъ бы всякихъ средствъ къ водворенію турецкаго генералъ-губернатора на Критѣ.

„Предлагая назначить на этотъ постъ королевича Георга, Россія имѣла въ виду обезпечить цѣлость оттоманской имперіи, такъ какъ со стороны королевича заранѣе послѣдовало согласіе на признаніе сюзеренныхъ правъ султана,—и сохранить миръ на Востокѣ, для чего необходимо было поставить во главѣ управленія Критомъ лицо, которое могло бы водворить тамъ полное спокойствіе и съ должнымъ авторитетомъ поддерживать генералъ-губернаторскую власть, защищая какъ христіанское, такъ и мусульманское населеніе острова.

„Таковы единственныя цѣли безкорыстно предложеннаго Россіею рѣшенія критскаго вопроса, разъ навсегда устраняющаго всякій поводъ для державъ къ вмѣшательству, вызываемому періодически возникавшими на островѣ кровавыми событіями.

„Высказавъ откровенно какъ султану, такъ и великимъ державамъ, взглядъ свой на настоящее положеніе критскаго вопроса, Россія отнюдь не настаиваетъ на предложенномъ ею рѣшеніи; если бы какая либо изъ европейскихъ державъ изыскала иной выходъ изъ затрудненій, который, удовлетворяя требованіямъ султана и державъ, а равно и вожделѣніямъ критянъ, могъ бы впослѣдствіи послужить основаніемъ для окончательнаго рѣшенія критскаго вопроса, то, конечно, русское правительство не преминуло бы дать на это свое согласіе.

„Но столь многосложная задача намъ представляется трудно выполнимою, и вотъ почему Россія не считала возможнымъ принять на себя иниціативу какихъ бы то ни было новыхъ предложеній.

„Оставаясь въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ какъ съ Турціею, такъ и съ тѣми европейскими державами, которыя не отнеслись сочувственно къ ея предложеніямъ, Россія не замедлила предупредить европейскія правительства, что она слагаетъ съ себя отвѣтственность за всѣ неблагопріятныя послѣдствія, которыя могутъ, по ея мнѣнію, возникнуть отъ дальнѣйшихъ проволочекъ въ разрѣшеніи критскаго вопроса, и что для насильственнаго водворенія генералъ-губернаторской власти она ни подъ какимъ видомъ не допуститъ увеличенія на островѣ турецкихъ войскъ и ни въ какомъ случаѣ не приметъ участія въ какихъ бы то ни было понудительныхъ мѣрахъ противъ критскаго населенія, уже такъ давно терпѣливо выжидающаго окончательнаго рѣшенія своей судьбы“.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1898.

— **Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 года, собранныя и изданныя Ц. И. Щукинымъ. Двѣ части. М. 1897.**

Въ „Вѣстникѣ Европы“ было разсказано о московскомъ музеѣ г. Щукина, и въ „Литературномъ Обозрѣніи“ отмѣчены изданія разнаго рода историческихъ матеріаловъ, сдѣланныя г. Щукинымъ на основаніи его коллекцій. Къ этимъ изданіямъ присоединяются „Бумаги, относящіяся до отечественной войны“ и заимствованныя, конечно, изъ тѣхъ же собраній музея. Это—два большихъ тома, содержаніе которыхъ будетъ имѣть свой особый интересъ для историковъ отечественной войны. Бумаги—частью оффиціальныя, частью современныя письма и дѣловыя бумаги частныхъ лицъ; ихъ общій интересъ заключается въ томъ, что онѣ относятся особенно или исключительно къ бытовой, домашней, закулисной сторонѣ великихъ событій того времени. До сихъ поръ было уже издано не мало частныхъ воспоминаній и писемъ, раскрывающихъ эту внутреннюю сторону двѣнадцатаго года; изданіе г. Щукина прибавляетъ къ этому много любопытныхъ подробностей по современнымъ показаніямъ.

Въ числѣ документовъ есть между прочимъ письма частныхъ лицъ, не имѣвшихъ возможности выбраться изъ Москвы при вступленіи непріятеля: они были свидѣтелями пожара, потомъ съ края Москвы слышали кремлевскіе взрывы; во время пребыванія французовъ въ Москвѣ съ первыхъ дней были свидѣтелями крайняго разстройства дисциплины и порядка во французской арміи, что̀ уже съ этихъ поръ заставляло ожидать послѣдовавшаго истребленія. Въ оффиціальныхъ документахъ, въ предписаніяхъ Ростопчина, въ донесеніяхъ московскаго полиціймейстера Ивашкина и пр., находимъ свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ передъ вступленіемъ французовъ въ Москву и первыхъ дняхъ послѣ ихъ удаленія, первыя мѣры для возстановленія порядка

и пр. По копіямъ съ бумагъ московской управы благочинія здѣсь изданы: донесеніе Кутузова импер. Александру отъ 4 сентября 1812, гдѣ онъ объясняетъ оставленіе Москвы и свой планъ фланговаго движенія, чтобы вынудить отступленіе непріятеля по старой разоренной дорогѣ; предписаніе Ростопчина московской полиціи о вывозѣ пожарныхъ трубъ, отъ 1 сентября 1812 г.; первыя распоряженія и донесенія московской полиціи по выходѣ непріятеля изъ Москвы и т. д.

Московская полиція по вступленіи французовъ была выведена изъ города и частію отпущена, кто куда желалъ, съ тѣмъ, чтобы вернуться къ службѣ по первому требованію. При возстановленіи полицейской службы, московскій полиціймейстеръ долженъ былъ, по приказу Ростопчина, взять въ свое распоряженіе драгунскую конную и пѣшую команду изъ Владимірскаго ополченія, и получилъ въ то же время слѣдующее „тайное" предписаніе Ростопчина (напечатанное въ сборникѣ г. Щукина по собственноручному подлиннику), помѣченное Иваш-кинымъ 13 октября:

„1-е. По пріѣздѣ вашемъ въ Москву употребите всевозможное стараніе для удостовѣренія о тѣхъ людяхъ, кои употреблены были непріятелями во время ихъ пребыванія въ Москвѣ; и оныхъ берите и сажайте подъ крѣпкой караулъ.

2-е. Обозрѣвъ городъ, отправьте отъ себя къ министру полиціи рапортъ, описавъ, что сожено, число оставшихся жителей, больныхъ и раненыхъ французскихъ.

3-е. Осмотрите хлѣбъ всякаго рода, собранный французами и возьмите его подъ присмотръ.

4-е. Приложите стараніе, чтобы оставшіеся въ цѣлости домы не были дограблены нашими".

Вскорѣ уже были составлены, вкратцѣ, донесенія о томъ, что̀ въ Москвѣ сгорѣло и было уничтожено, и что̀ уцѣлѣло, и списокъ лицъ, которыя при французахъ исполняли въ Москвѣ разныя службы (этотъ списокъ былъ уже извѣстенъ). О положеніи города въ первое время по уходѣ французовъ находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ донесеніи командира драгунской команды отъ 15 октября:

„...Вступя въ Москву, я съ прискорбіемъ увидѣлъ тѣ опустошенія, которыя учинены врагами, къ тому же пожары, грабежи и недостатокъ въ припасахъ, все сіе, соединясь вмѣстѣ къ несчастію жителей, представляло самое ужаснѣйшее зрѣлище: грабители (т.-е. уже тѣ „наши", которыхъ предвидѣлъ Ростопчинъ) ходили тысячами по улицамъ города и оныхъ наказано уже болѣе шести сотъ человѣкъ, да еще подъ карауломъ содержалось слишкомъ двѣсти человѣкъ. Я въ то же мгновеніе первѣе всего принялся унимать отъ разграбленія оставшееся послѣ непріятеля въ цѣлости, наконецъ успѣлъ нѣкото-

рымъ образомъ сдѣлать сему прекращеніе и на другой день по вступленіи нашемъ, благодаря Всевышняго, пожары и грабежи были остановлены; послѣ сего я обратилъ вниманіе на доставленіе жителямъ жизненныхъ припасовъ, что̀ самое успѣшно начато торговцами здѣшними... Въ гошпиталяхъ же, строеніе коего цѣло, и прочихъ казенныхъ зданіяхъ найдено было мною множество раненыхъ россіянъ, которые оставались безъ всякаго призора и пропитанія, и онымъ въ самоскорѣйшемъ времени подалъ помощь и доставилъ, сколько могъ найти, хлѣба, дабы они утолили ужасный ихъ голодъ; найденные жъ мною въ разныхъ мѣстахъ французскіе солдаты всѣ взяты и находятся теперь подъ стражей".

Не совсѣмъ понятно исполненіе одного распоряженія. Въ половинѣ ноября 1812 импер. Александръ далъ московскому главнокомандующему повелѣніе принять мѣры къ сожженію труповъ людей и лошадей, которые будутъ найдены на поверхности земли или зарытыми не глубоко, не только на мѣстахъ, гдѣ происходили сраженія, но и тамъ, гдѣ проходила ретирующаяся непріятельская армія,—для того, чтобы „при наступленіи весны не возникло какой-либо заразы въ воздухѣ". Повелѣніе было исполнено, и по „вѣдомости", относящейся вѣроятно только къ Москвѣ и ближайшей окрестности, значится, что въ разныхъ частяхъ города сожжено было до двѣнадцати тысячъ человѣческихъ труповъ и многія тысячи лошадей,—но рапортъ объ исполненіи помѣченъ уже 13-мъ апрѣля 1813: весна уже совсѣмъ наступала.

Далѣе, въ „Бумагахъ" помѣщенъ цѣлый рядъ прошеній о пособіяхъ и вознагражденіяхъ за разграбленное имущество, или о розыскѣ похищеннаго,—отъ князей до купцовъ, мѣщанъ и коллежскихъ регистраторовъ, обыкновенно съ подробными списками вещей и иногда съ обозначеніемъ цѣнъ.

Княгиня Засѣкина приложила къ своей просьбѣ длинный списокъ вещей—цѣлый инвентарь барской обстановки нача̀ла столѣтія, описывая по комнатамъ мебель и разныя украшенія. Напримѣръ, въ гостиной была орѣховая мебель, и между прочимъ „большой диванъ на дельфиновыхъ ногахъ и на задней доскѣ бронзовыхъ три фигуры изъ Миѳологіи"; былъ „столъ овальный, продолговатый большой, съ ящикомъ, и четыре статуи поддерживаютъ оный и яблоко золотое и кругомъ бронза съ вавилончикомъ (?) чернымъ". Въ пріемной была „люстра объ осми свѣчахъ съ птичьками, бронзовая съ хрусталемъ, убранная кумполомъ". Отдѣлъ фарфора описанъ съ великой подробностью, очень удивительной, если пропавшія вещи описывались на память. Здѣсь упомянуты: „масляница съ курицей, хохлатая съ цыплятами, подарена на новоселье"; цѣлая коллекція чайныхъ чашекъ „съ

ландшафтами", очень разнообразными: „двѣ изъ розоновъ гирлянды съ коемачьками золотыми; одна палевая съ ландшафтами цвѣтными мелкими, и около оныхъ мелкія гирлянды съ бортикомъ золотымъ... По зеленой землѣ мальчикъ пускаетъ змѣя, внутри вызолочена... По красной землѣ дѣвочка и кошка, внутри вызолочена... По бѣлой землѣ розанъ и на немъ бабочка и девизъ. На бѣлой землѣ Шарада съ цвѣткомъ. По бѣлой землѣ съ нотами и съ девизомъ, а внутри вызолочена... Двѣ руки соединенныя, и на верху ихъ Амуръ, а внизу девизъ... Лира въ облакахъ, обвитая змѣей, подарена въ рожденье" и т. д. Между прочимъ, музыкальные инструменты на цѣлый оркестръ.

У первостатейнаго купца Кожевникова также было много разграблено, въ томъ числѣ, кромѣ всякихъ домашнихъ цѣнныхъ вещей: „кафтановъ изъ разныхъ матерій 14-ть, съ пуговицами золотыми, стальными, перламутровыми, шелковыми... Четыре мундирныя пары, московскія (?)... Алая московская (?) мундирная пара, съ золотымъ шитьемъ... Шуба медвѣжья; тулупъ калмыцкій. Кафтанъ аглицкаго сукна... Рому 4 ведра. Малаги 3 ведра... Музыкальные инструменты... Книгъ: шесть записныхъ".

Много было похищено у дѣвицы Рудометовой: „спензеръ голубой, атласный, выстеганный на пуху мелкими клѣточками... Табакерка золотая съ емалью, на манеръ книжки... Кольцо... Серги... Перстень червоннаго золота съ бирюзою, а манеромъ сдѣланъ незабудки. Шесть ложекъ серебреныхъ... петербургскимъ фасономъ" и пр.

У мѣщанина Гречишникова записано собраніе иконъ, или собственно серебряныхъ окладовъ съ нихъ. Студентъ Гольдбахъ при содѣйствіи полиціи розыскалъ свои „разные планы, книги на разныхъ діалектахъ". Коллежскій регистраторъ Мокроусовъ просилъ пособія „за старостію лѣтъ и слабостію въ глазахъ зрѣнія", такъ какъ имущество его было расхищено, и на первомъ планѣ онъ указалъ слѣдующіе предметы: картины сухими красками за стеклами—„Симеонъ Богопріимецъ, Юпитеръ и Леда, Меркурій и Геркулесъ, Пирамъ и Терезба (Тизба);... собака оболонка съ щенятами; Сократъ философъ съ книгою;... Сусанна съ судіями, 6 разныхъ кунштовъ" и т. д. Солдатская жена Арина Осипова жаловалась на Наполеона: „я, именованная по причинѣ бывшей тогда болѣзни и по причинѣ малолѣтнихъ дѣтей моихъ, не могши выттить изъ Москвы, оставалась въ оной, но какъ неистовый врагъ Наполеонъ приказалъ въ скорости французамъ и сообщникамъ своимъ все грабить и жечь, каковому жребію подпало и мое имущество" и т. д., и она прилагаетъ реестръ.

Отмѣтимъ еще забавную подробность въ показаніяхъ двухъ дворовыхъ людей по дѣлу о расхищеніи имущества купца Дьякова. Одинъ, дворовый человѣкъ кн. Черкаской, находится у нея „въ казначей-

ской должности, и во время вступленія въ Москву французскихъ войскъ и бытія *республики* оставался здѣсь въ Москвѣ" и пр. Другой, дворовый человѣкъ генерала Татищева, показывалъ, что жительство имѣлъ въ Москвѣ и „производилъ мѣдное мастерство" и „во время входа сюда, въ Москву, французскаго войска и бывшаго пожара и *республики*" выѣхать не успѣлъ и пр.

— Д-ръ Люборъ Нидерле, проф. чешскаго университета въ Прагѣ. Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Переводъ съ чешскаго подъ редакціей Д. Н. Анучина. Съ 459-ю рисунками и картою. Спб. 1898.

Наша литература весьма небогата общими сочиненіями по доисторической археологіи, которая въ послѣднее время широко разработывается въ европейской наукѣ. Единственный цѣльный трудъ подобнаго рода предпринятъ былъ въ изслѣдованіи гр. А. С. Уварова о каменномъ вѣкѣ; затѣмъ, въ предѣлахъ русской археологіи, на цѣльное изслѣдованіе разсчитаны, хотя еще не окончены, „Русскія древности" Н. П. Кондакова и гр. И. И. Толстого. Другія, въ послѣднее время весьма многочисленныя, работы русской археологіи посвящаются почти исключительно частнымъ изслѣдованіямъ въ отдѣльныхъ пунктахъ, по отдѣльнымъ вопросамъ науки. Это послѣднее совершенно естественно, потому что необходимо прежде всего собрать самый матеріалъ археологіи на громадныхъ пространствахъ нашего отечества, матеріалъ, до послѣдняго времени почти неизвѣстный и нетронутый, притомъ весьма разнообразный—отъ настоящаго каменнаго вѣка до древностей историческаго времени (первыхъ вѣковъ нашей исторіи), которыя требуютъ тѣмъ больше вниманія, что онѣ немногочисленны и нуждаются въ заботѣ объ ихъ сохраненіи. Если цѣльныя работы по первобытной археологіи еще не по средствамъ нашей наукѣ (она не имѣетъ ни матеріальныхъ средствъ для обширныхъ изслѣдованій, ни богатыхъ музеевъ западной Европы, ни спеціальной постановки дѣла), то во всякомъ случаѣ для опредѣленія тѣхъ фактовъ, которые добываются изслѣдованіями на русской почвѣ, необходимо знакомство съ тѣми результатами, которые выработаны на болѣе широкомъ горизонтѣ западной науки,—какъ съ другой стороны эти результаты были уже не однажды дополняемы и исправляемы изслѣдованіями на русской территоріи.

Въ предисловіи г. Анучинъ указываетъ, что еще въ 1875 году былъ изданъ подъ его редакціей переводъ сочиненія Лёббока: „Доисторическія времена или первобытная эпоха человѣчества, представленная на основаніи изученія остатковъ древности и нравовъ и

обычаевъ современныхъ дикарей". Въ свое время книга Лёббока была едва ли не лучшимъ научно-популярнымъ изложеніемъ доисторической археологіи; но уже тогда въ ней оказывались значительные пробѣлы, напр. недостатокъ свѣдѣній о древностяхъ Германіи, славянскихъ земель и вообще восточной Европы. Къ русскому переводу г. Анучинъ присоединилъ поэтому значительныя добавленія, — но въ настоящее время изслѣдованія такъ размножились, что требуется уже гораздо болѣе широкая переработка матеріала, въ обиліи собраннаго между прочимъ въ славянскихъ земляхъ и въ Россіи.

„Въ разныхъ частяхъ Европы было сдѣлано много важныхъ находокъ, систематическихъ раскопокъ, появились новыя цѣнныя изслѣдованія, роскошныя археологическія изданія, цѣлый рядъ общихъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ науки и по всей ея совокупности. Усиленное стремленіе къ изученію отдаленной старины проявилось въ Италіи, Испаніи, славянскихъ областяхъ Австріи, Венгріи, Финляндіи, Россіи; возникли новые археологическіе музеи и существенно обогатились коллекціи древностей въ музеяхъ старыхъ. Все это значительно расширило область изслѣдованій, обогатило массою новыхъ данныхъ научный матеріалъ, возбудило новые вопросы, сопоставленія, догадки, гипотезы. Прежнія общія сочиненія, въ родѣ Лёббока, оказались уже неудовлетворяющими новому положенію науки, ушедшей далеко впередъ и значительно расширившей районъ своихъ изысканій. Болѣе и болѣе стала сознаваться потребность въ общемъ сочиненіи, которое бы представляло собою сводку прежнихъ и новыхъ данныхъ по доисторической антропологіи и археологіи Европы, и притомъ не только Западной—Франціи, Англіи, Скандинавіи, Швейцаріи и т. д.,— но и Средней и Восточной, включая сюда Славянскія земли, Венгрію, Румынію, Грецію, Россію и даже сосѣднія азіатскія окраины — Сибирь, Кавказъ, Малую Азію. Включеніе всѣхъ этихъ странъ являлось неизбѣжнымъ слѣдствіемъ расширенія области археологическихъ изысканій, указавшихъ на важное значеніе Востока въ исторіи древнѣйшей культуры Европы и на мощное вліяніе, которое имъ оказывалось въ разныя эпохи на эволюцію искусства, техники, творческой мысли Запада. Европейскіе изслѣдователи не могли не убѣдиться въ этой важности изученія восточныхъ и прежде всего славянскихъ и русскихъ древностей, и съ конца 70-хъ годовъ мы видимъ цѣлый рядъ ихъ—посѣщающихъ Россію, изучающихъ русскіе музеи, собирающихъ матеріалъ на югѣ Россіи, на Кавказѣ, въ Сибири и т. д. Говорить теперь о доисторическихъ древностяхъ Европы, игнорируя археологическій матеріалъ, собранный въ восточной ея половинѣ, является невозможнымъ, ибо все болѣе и болѣе становится очевидною культурная связь Запада съ Востокомъ и многообразное вліяніе по-

слѣдняго на ростъ и развитіе культурныхъ элементовъ Западной Европы. Изслѣдователь, ставящій себѣ задачею сообщеніе данныхъ по доисторической археологіи и антропологіи, не можетъ, поэтому, основываться лишь на результатахъ изслѣдованій въ Западной Европѣ; онъ долженъ быть одинаково знакомымъ какъ съ археологической литературой романскихъ и германскихъ странъ, такъ и славянскихъ, имѣть достаточное понятіе о находкахъ и изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ не только на Западѣ, но и въ Австро-Венгріи, Россіи, Финляндіи и т. д. Въ этомъ заключается существенная трудность изложенія данныхъ о доисторическомъ періодѣ человѣчества согласно ихъ современному состоянію, — трудность, съ которой приходится считаться какъ западнымъ изслѣдователямъ, такъ и русскимъ, и первымъ, можетъ быть, даже въ большей степени, въ виду обычнаго незнакомства ихъ съ русскимъ и другими славянскими языками".

Вслѣдствіе этого въ археологической литературѣ не появлялось труда, который обнималъ бы всю совокупность собранныхъ данныхъ. „Попытки соединить въ одномъ обзорѣ западную до-историческую старину съ восточною, связать древнѣйшую культуру романо-германской Европы съ соотвѣтственными культурными эпохами славяно-восточнаго міра можно было ожидать всего скорѣе отъ изслѣдователя изъ западныхъ славянъ, который соединялъ бы нѣмецкую эрудицію съ знаніемъ славянскихъ языковъ и древностей и былъ бы знакомъ ближе съ современнымъ состояніемъ русской археологіи". Такимъ ученымъ является профессоръ чешскаго университета въ Прагѣ Нидерле, который издалъ въ 1893 на чешскомъ языкѣ обширное сочиненіе, являющееся теперь въ русскомъ переводѣ.

Русская книга представляетъ однако не простой переводъ чешскаго подлинника. Дѣло въ томъ, что проф. Нидерле, въ виду русскаго перевода, взялъ на себя трудъ вновь пересмотрѣть и дополнить первоначальный текстъ. „Каждый печатный листъ оригинала доставлялся авторомъ переводчику съ поправками, вставками, дополненіями; послѣдняя глава была совершенно передѣлана, а равно приложены мѣстами новыя, иногда довольно обширныя примѣчанія". Такимъ образомъ переводъ становится новымъ исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ книги Нидерле. Кромѣ того, къ переводу присоединяются иногда примѣчанія переводчика и редактора. Г. Анучинъ оговаривается, что не вездѣ согласенъ съ выводами и предположеніями Нидерле, но справедливо находитъ, что гипотезы и обобщенія, хотя бы не вполнѣ доказанныя, существенно полезны уже тѣмъ, что останавливаютъ вниманіе на фактахъ, требующихъ объясненія, и могутъ способствовать ихъ полному объясненію.

Планъ книги Нидерле очень широкій, хотя онъ держится спе-

ціально археологической программы и не вводитъ вопроса о реставраціи доисторическаго быта на основаніи нравовъ и обычаевъ современныхъ дикарей, какъ было нѣкогда сдѣлано въ книгѣ Лёббока и другихъ подобныхъ изслѣдованіяхъ. Но въ собственно археологической рамкѣ Нидерле входитъ въ большія подробности, обильно пользуясь между прочимъ разысканіями въ славянскихъ земляхъ и въ Россіи, и соединяетъ доисторическія судьбы европейскаго человѣчества съ древнѣйшими племенами Европы (какъ иберы, лигуры, баски и пр.) и предками европейскихъ народовъ современныхъ (народы Греціи, Италіи, Галліи, Германіи, племена славянскія).

Въ обширномъ введеніи Нидерле объясняетъ значеніе доисторической археологіи и ея отношеніе къ антропологіи и исторіи, даетъ очеркъ развитія этой науки и ея современнаго состоянія, указываетъ главныя археологическія учрежденія, общества, съѣзды, періодическія изданія и основную литературу. Затѣмъ изложеніе дѣлится на двѣ части: періодъ до-металлическій и періодъ металловъ. Первая часть заключаетъ нѣсколько главъ: начала человѣчества; четвертичный человѣкъ; человѣчество въ неолитическую эпоху; доисторическія племена каменнаго вѣка въ Европѣ. Вторая ставитъ слѣдующія темы: начатки употребленія металловъ; бронзовый вѣкъ; древнѣйшій желѣзный вѣкъ; расцвѣтъ желѣзнаго вѣка; далѣе, глава о древности средневѣковой, о паденіи римскаго государства, германцахъ и славянахъ, о сношеніяхъ съ Востокомъ и появленіи христіанства; наконецъ, глава о европейскихъ племенахъ въ концѣ доисторической эпохи.

Нидерле приводитъ большую массу археологическихъ фактовъ и широко воспользовался литературой предмета. Въ основныхъ вопросахъ, какъ происхожденіе человѣчества, давность его существованія и т. п., онъ воздерживается вообще отъ рѣшительныхъ выводовъ,— которыхъ въ сущности и не допускаетъ современное положеніе науки, —но указываетъ существующія мнѣнія. Изложеніе Нидерле простое и отчетливое, и множество рисунковъ даетъ ему большую наглядность.

— В. П. Горленко. Южно-русскіе очерки и портреты. Кіевъ, 1898.

Въ этой изящно изданной книжкѣ собраны отдѣльные очерки автора, давно извѣстнаго своими трудами въ области исторіи литературы, малорусской старины и этнографіи. Это — живые, легко читающіеся разсказы изъ малорусской старины и недавняго прошлаго, гдѣ затронуты иногда весьма серьезные интересы историческіе и литературные.

Въ статьѣ: „Родина Гоголя“ авторъ описываетъ и эту родину, и

ближайшую ея обстановку, которая запечатлѣна въ первыхъ произведеніяхъ Гоголя, внушенныхъ этою природой и преданьями этого быта: то время давно миновало, но г. Горленко и теперь, въ современномъ „Миргородѣ“ и современныхъ сельскихъ типахъ и нравахъ, видѣлъ тѣ самыя картины, которыя нѣкогда вдохновляли Гоголя. „Нѣтъ, это не было минутное душевное настроеніе! Все кругомъ вѣяло тѣмъ далекимъ временемъ. Я не встрѣчалъ нигдѣ въ Малороссіи (какъ въ Миргородѣ) такихъ удивительныхъ старинныхъ типовъ, бритыхъ лицъ, длинныхъ усовъ, козацкихъ черноокихъ лицъ, старосвѣтскихъ костюмовъ, въ особенности женскихъ, между которыми нерѣдко попадаются даже шушуны гетьманской эпохи (родъ длиннаго суконнаго кафтана въ мелкихъ сборкахъ). Кто любитъ эти видѣнія прошлаго, исчезающія типическія черты жизни, наводящія на цѣлый рядъ мечтаній, пусть ѣдетъ въ Миргородъ, пока желѣзный путь не прошелъ близъ него, стирая по своему обыкновенію все старинное и своебытное.

„А въ какой очарованный міръ перенесся я, когда на другой день, часовъ въ пять свѣтлаго, погожаго утра, вышелъ на базаръ, шумѣвшій у самаго моего окна! Это была картина, буквально выхваченная изъ „Вечеровъ“ и даже „Вія“, лучшая иллюстрація къ нимъ“...

Въ статьѣ: „Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка“, г. Горленко останавливается на „таинственной книгѣ“, происхожденіе которой разъясняется только теперь, именно на знаменитой „Исторіи Русовъ“. Появившись впервые на свѣтъ въ двадцатыхъ годахъ съ именемъ архіепископа Георгія Конисскаго, эта „Исторія“ въ началѣ не возбуждала никакихъ сомнѣній, и пріобрѣла великую популярность не только между южно-русскими читателями, которыхъ увлекалъ одушевленный малорусскій патріотизмъ „Исторіи“, но и между читателями не-малороссами, которые находили въ ней замѣчательныя художественныя достоинства. Повидимому, извѣстный Максимовичъ, или же Гоголь, познакомилъ съ „Исторіей“ Пушкина, который возъимѣлъ о ней высокое мнѣніе; Гоголь несомнѣнно пользовался ею при созданіи „Тараса Бульбы“; позднѣе ею вдохновлялся Шевченко; для малорусскихъ историковъ она была авторитетнымъ источникомъ, и одинъ изъ нихъ, Маркевичъ, по выраженію г. Горленка, прямо обобралъ ее, и т. д. Написанная въ романтическо-либеральномъ духѣ малороссійскаго патріотизма, послѣ половины двадцатыхъ годовъ она не могла разсчитывать на печать; изъ нея являлись только отрывки, и въ первый разъ она была издана уже въ 1846, Бодянскимъ, въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи и древностей, гдѣ прошла, во-первыхъ, подъ прикрытіемъ имени Георгія Конисскаго и, во-вторыхъ, какъ говорятъ, благодаря значенію гр. Строгонова, тогдашняго предсѣдателя Общества... Болѣе близкое изученіе источниковъ

малорусской исторіи заставило, наконецъ, усомниться какъ въ авторствѣ Конисскаго, такъ и въ достовѣрности многихъ показаній „Исторіи“. Послѣднее объяснялось въ концѣ концовъ не намѣренной выдумкой, а довѣрчивостью къ преданіямъ, которыя принимались за фактъ; но кто былъ дѣйствительнымъ авторомъ замѣчательной „Исторіи“, тѣмъ „великимъ живописцемъ“, какимъ называлъ Конисскаго Пушкинъ, долго внушало недоумѣніе. Нѣкоторымъ указаніемъ на источникъ „Исторіи“ было то, что въ предисловіи къ „Исторіи“ упомянуто, что она была „передана“ Конисскимъ своему ученику, Григорію Полетикѣ, а сочинена при могилевскомъ монастырѣ „искусными людьми“. Эти искусные люди и самъ Конисскій должны были прикрыть настоящаго автора; и изслѣдователи „таинственной книги“ думали сначала, что этимъ авторомъ былъ именно Григорій Полетика, малорусскій патріотъ, нѣкогда депутатъ Екатерининской коммиссіи. Г. Горленко приходитъ къ другому заключенію. Собравши свѣдѣнія о сынѣ депутата, Васильѣ Полетикѣ, малорусскомъ патріотѣ другой, Александровской, эпохи, прослѣдивъ его переписку съ однимъ изъ его друзей, также заинтересованнымъ малорусской стариной, г. Горленко приходитъ къ увѣренности, что составителемъ „Исторіи Русовъ“ былъ именно этотъ Вас. Гр. Полетика. Свою характеристику этого лица, собранную по немногимъ сохранившимся даннымъ, г. Горленко заключаетъ слѣдующими словами объ его трудѣ: „Пусть ложна идея этой книги, идея отождествленія стараго козацкаго порядка съ понятіемъ о „вольности“ и взглядъ на представителей „старшины“, какъ на творцовъ „самобытности“. Наука и факты исторіи выяснили фальшь этого взгляда, показали истинный характеръ малороссійской исторіи и ея демократическія начала. Но за этой книгой остается горячая любовь къ родинѣ, живость и блескъ разсказа, подробности, взятыя изъ неписанныхъ источниковъ и преданій, которые служили подспорьемъ цѣлой серіи историковъ. За авторомъ неотъемлемо остаются возвышенность мысли и талантъ,—и эти черты сохранятъ навсегда „таинственной книгѣ“ ея историческое значеніе.

Въ статьѣ: „Шевченко—живописецъ и граверъ“, авторъ собралъ подробныя свѣдѣнія о художественныхъ работахъ Шевченка, его картинахъ, акварелляхъ, наброскахъ и гравюрахъ, которые разсѣяны по разнымъ рукамъ и частью только были изданы. Эти работы не отличались вообще большимъ совершенствомъ, особенно за первое время, до ссылки; но авторъ справедливо указываетъ интересъ этихъ рисунковъ Шевченка для его біографіи, а также въ качествѣ комментарія къ его поэзіи. Эти рисунки „досказываютъ пробѣлы, или намекаютъ иногда на созданное уже или предположенное. Необычайныя и сильныя впечатлѣнія природы и людей, встрѣченныхъ въ ссылкѣ,

отражаются въ его рисункахъ живыми образами и выражаются иногда эскизами, доходящими до трагизма. Художественная и техническая удача встрѣчаетъ его въ послѣдніе годы жизни въ области гравированія офортомъ, въ которой цѣнители отводятъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ. Но значеніе его поэзіи сообщаетъ вообще его живописнымъ работамъ цѣну дорогихъ воспоминаній, въ которыхъ выразилась, хотя не съ тою силой, но съ тою же искренностью, одна изъ сторонъ его даровитой природы".

Въ статьѣ: „Двѣ поѣздки съ Н. И. Костомаровымъ" авторъ разсказываетъ о своихъ встрѣчахъ съ Костомаровымъ въ послѣдніе годы его жизни въ Петербургѣ и потомъ въ Малороссіи, гдѣ они сдѣлали вмѣстѣ двѣ поѣздки по мѣстностямъ, имѣвшимъ интересъ по историческимъ воспоминаніямъ.

Въ статьѣ о Квиткѣ-Основьяненкѣ авторъ даетъ, на нашъ взглядъ, очень вѣрную характеристику этого писателя, вызывавшаго весьма разнорѣчивые отзывы критики и въ прежнее время, и позднѣе.

Статья: „Завѣты деревни", находитъ эти завѣты въ произведеніяхъ народной поэзіи и народнаго преданія. Авторъ указываетъ высокій интересъ этихъ произведеній народнаго творчества, „гдѣ выражаются представленія, понятія, чувства и взгляды сельской, чуждой „культуры" и даже грамотности, массы. Съ наслажденіемъ слушаешь и читаешь эти самородки, созданія умовъ творческихъ и часто сильныхъ, лишенныхъ лишь „обработки". Но безъ всякаго наслажденія берешься часто за чтеніе изслѣдованій *о нихъ*, а иногда испытываешь при этомъ чувства совсѣмъ противуположныя"... А именно, авторъ съ большимъ раздраженіемъ, безъ сомнѣнія искреннимъ, но какъ будто нѣсколько простодушнымъ, возстаетъ противъ тѣхъ новѣйшихъ изслѣдованій, которыя раскрываютъ въ народно-поэтическихъ произведеніяхъ разныхъ странъ и племенъ множество примѣровъ большого сходства или даже полнаго тождества. „Господствующій въ послѣднее время въ такихъ изслѣдованіяхъ „сравнительный методъ,—говоритъ г. Горленко,—можетъ отогнать хоть кого! Подъ предлогомъ изысканія взаимодѣйствія народностей, заимствованій и вліяній, господа фольклористы превратили свои работы чуть не въ простую библіографію, въ научную гимнастику, чуждую живой стороны предмета, его духовной сущности. Любая сказка или пѣсня обращаются въ предметъ головоломнѣйшихъ сближеній, къ которому привлекаются всѣ народности, отъ „молдавана и до финна", съ праматерью Азіей во главѣ. Благо нашелся трудолюбивый нѣмецъ, составившій громадный сравнительный указатель этнографическаго матеріала всѣхъ странъ. Съ этою книжкою въ рукахъ,—гуляй по земному шару! Большое число совпаденій и сближеній объясняется, въ концѣ концовъ, присущими

всѣмъ народностямъ общечеловѣческими чертами. Замѣтныхъ, ясныхъ, ощутительныхъ выводовъ методъ этотъ пока далъ мало"...

„Признавая въ извѣстной степени надобность и пользу этихъ работъ, нельзя относиться съ одной этой стороны къ созданіямъ, которыя трепещутъ жизнію, полны образовъ, чувства, красокъ. Сравнительный методъ—одна статистика и генеалогія. А въ народныхъ произведеніяхъ такъ много данныхъ психологіи, такъ много интереснаго для критики. Читая же фольклористовъ, какъ будто перелистываешь однѣ ревизскія сказки да подворныя описи, гдѣ отсутствуютъ живыя явленія и люди" (стр. 212—213).

Но дѣло въ томъ, что если разъ совпаденія существуютъ, онѣ должны составить предметъ научнаго изслѣдованія: онѣ могутъ происходить не только изъ общечеловѣческихъ основаній народнаго чувства и фантазіи, но также отъ причинъ чисто историческихъ, междуплеменного воздѣйствія и заимствованія, и только изъ критическаго анализа этихъ совпаденій можетъ явиться самая исторія народно-поэтическаго творчества, т.-е. цѣлой области духовной жизни народа. Но справедливо то, что за этимъ анализомъ совпаденій должна слѣдовать другая работа, а именно выдѣленіе тѣхъ типическихъ особенностей, которыя та или другая народность налагаетъ на общераспространенный сюжетъ. Извѣстная тема можетъ повторяться въ нѣмецкомъ, французскомъ, малороссійскомъ сказаніи, но она не повторится во всѣхъ подробностяхъ: у каждаго народа эти подробности будутъ складываться подъ вліяніемъ своей среды и въ концѣ концовъ тождественный сюжетъ получитъ особую окраску народнаго характера, бытовыхъ особенностей и т. д. Тотъ сравнительный методъ, противъ котораго вооружается г. Горленко, есть необходимая, хотя и не окончательная ступень изслѣдованія. По мнѣнію автора, „все зависитъ отъ степени таланта изслѣдователей"; но въ дѣйствительности положеніе вопроса зависитъ не столько отъ таланта, сколько отъ самой послѣдовательности критическаго изслѣдованія. Нашъ „сравнительный методъ" возникъ еще весьма недавно, и всю важность его значенія мы увидимъ, если представимъ себѣ то положеніе вопроса, какое ему предшествовало. Это было полное отсутствіе всякой исторической критики; о народной поэзіи судили только по непосредственному впечатлѣнію, и не далѣе, какъ въ сороковыхъ годахъ, это впечатлѣніе бывало весьма различно: въ то время, когда одни относились къ народной поэзіи только съ неясными лирическими восторгами, не отдавая себѣ отчета въ ея историческомъ смыслѣ, другіе оставались къ ней довольно хладнокровны, видя въ ней только первобытную ступень патріархальнаго творчества, которая не можетъ имѣть значенія при болѣе высокомъ уровнѣ литературнаго развитія: лите-

ратурная обработка народно-поэтическаго содержанія, какъ у Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, считалась несравненно выше того первоначальнаго матеріала, на которомъ она была основана. Сознательное отношеніе къ народной поэзіи и правильная оцѣнка ея достоинства были пріобрѣтены только съ тѣхъ поръ, когда приступило къ ея анализу научное изслѣдованіе, и первымъ пріемомъ этого изслѣдованія былъ сравнительный методъ. Въ сущности онъ до сихъ поръ не окончилъ своего дѣла; остается еще много вопросовъ, требующихъ объясненія; но нѣтъ сомнѣнія, что за тою работою сличеній и отождествленій, которая такъ мало удовлетворяетъ нашего автора, послѣдуетъ другая работа, гдѣ будутъ именно выдѣлены и собраны отличительныя національныя черты, которыя возстановятъ національную особность поэтическаго творчества,—отмѣтивъ и собравъ то, что̀ въ этомъ творчествѣ является оригинальнымъ и единичнымъ.

Не останавливаемся на другихъ статьяхъ сборника г. Горленка, какъ, напримѣръ: Кіевъ въ 1799 году; М. М. Макаровскій; Аполлоновы житницы; Захолустье. Довольно сказать, что все это—очень живые очерки изъ малорусской бытовой старины, литературы и современной народной жизни, написанные съ знаніемъ исторіи, художественнымъ вкусомъ и чутьемъ народной жизни, какіе вмѣстѣ встрѣчаются не часто.

— **Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ и А. Н. Майковѣ. Николая Барсукова. Спб. 1898.**

Брошюра г. Барсукова посвящена главнымъ образомъ воспоминаніямъ автора, тогда вольнослушателя Спб. университета, о знакомствѣ съ Костомаровымъ и поѣздкѣ вмѣстѣ съ нимъ и А. Н. Майковымъ въ Новгородъ въ 1862 году. У г. Барсукова сохранился подробный дневникъ этого путешествія, который доставитъ не безъинтересный матеріалъ для біографіи Костомарова.

„Въ августѣ 1859 года,—говоритъ г. Барсуковъ,—я вступилъ вольнымъ слушателемъ въ Императорскій С.-Петербургскій университетъ. На мое счастье, каѳедру русской исторіи занялъ Н. И. Костомаровъ, и съ ноября того же 1859 года началъ свои вдохновенныя лекціи. Всѣ онѣ, отъ первой до послѣдней, были мною записаны. Мнѣ довелось быть свидѣтелемъ и славы Костомарова, и захожденія этой славы, въ 1862 году.

„Иныхъ, какъ говорятъ (?), лекціи Костомарова влекли на площадь; меня же неудержимо потянули онѣ къ Полному Собранію Русскихъ Лѣтописей, изданному по высочайшему повелѣнію Археографической Коммиссіей; а потому я и до сей минуты съ благодарностью и благо-

словеніями поминаю и буду поминать до скончанія жизни моей это почтенное имя“.

Можетъ нѣсколько удивить выраженіе: „какъ говорятъ“. Неужели и до сихъ поръ такъ говорятъ? И если прежде такъ говорили, то авторъ, близко знавшій Костомарова, могъ бы свидѣтельствовать, что говорили совсѣмъ не основательно. Самое путешествіе въ Новгородъ, описываемое г. Барсуковымъ, достаточно указываетъ, гдѣ были настоящіе интересы Костомарова—на современной ли площади, или въ той древности, остатки которой онъ съ такой ревностью отыскивалъ въ старыхъ храмахъ, развалинахъ, лѣтописяхъ и легендахъ древняго Новгорода. Именно въ это время Костомаровъ читалъ лекціи о Новгородѣ и писалъ свои „Народоправства“. При осмотрѣ новгородскихъ древностей, какъ разсказываетъ г. Барсуковъ, у Костомарова всегда были на готовѣ въ памяти старыя новгородскія легенды и цитаты изъ лѣтописей.

Авторъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующія подробности. Во-первыхъ, „въ высшей степени оригинальное письмо“, полученное тогда г. Барсуковымъ отъ Костомарова на славяно-русскомъ языкѣ. Это письмо было не единственное въ своемъ родѣ и существуетъ, напримѣръ, очень оригинальный разсказъ на славяно-русскомъ языкѣ о представленіи оперы „Пророкъ“, гдѣ очень искусно выдержано архаическое міровоззрѣніе, какъ будто бы это представленіе описывалъ человѣкъ XV—XVI вѣка. Далѣе разсказывается, что во время поѣздки въ Новгородъ Костомаровъ, поговоривши съ бабой, которая готовила имъ уху, объявилъ спутникамъ о „внезанно явившейся“ у него мысли, что „Новгородцы непремѣнно должны быть малороссійскаго происхожденія“, потому что баба выговаривала не: хлѣбъ, а: хлібъ,—изъ этого сдѣлано было потомъ заключеніе о легкомысленности Костомарова. Намъ кажется, что тутъ есть неточность: предположеніе о южномъ происхожденіи новгородцевъ сдѣлано было Костомаровымъ гораздо раньше и именно на основаніи старой лѣтописи, гдѣ уже сказались особенности новгородскаго нарѣчія, еще до знакомства съ бабой, варившей уху.

Эта подробность указываетъ только на общую черту въ характерѣ дарованія Костомарова. Онъ всегда искалъ живыхъ впечатлѣній, искалъ какихъ-либо уцѣлѣвшихъ остатковъ той старины, какую онъ изучалъ по книжнымъ и рукописнымъ источникамъ. Въ упомянутомъ выше разсказѣ г. Горленко упоминаетъ, что Костомаровъ „всегда и прежде старался посѣщать мѣста, о которыхъ шелъ разсказъ въ его изслѣдованіяхъ. Въ молодости онъ изъѣздилъ всю Волынь вдоль и поперекъ, и сдѣлалъ вообще тысячи верстъ по южному краю. Когда онъ работалъ надъ „Мазепой“, то посѣтилъ Батуринъ, Бахмачъ и окрест-

ныя мѣстности, ѣздилъ съ Ѳ. Г. Лебединцевымъ въ Бѣлую Церковь, а раньше совершилъ большое путешествіе съ П. П. Чубинскимъ". Когда онъ странствовалъ по Волыни въ сороковыхъ годахъ, его занимала уже эпоха Хмельницкаго, которой и былъ посвященъ его первый большой историческій трудъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ; ему надо было видѣть Новгородъ и новгородскіе монастыри, когда онъ работалъ надъ исторіей Новгорода; чтобы представить себѣ времена языческой древности, ему надо было самому устроивать купальскіе огни и т. п.; свою книгу о древней миѳологіи онъ счелъ необходимымъ печатать славянскимъ шрифтомъ; начитавшись древнихъ памятниковъ, онъ самымъ серьезнымъ образомъ писалъ письма на церковно-славянскомъ языкѣ и т. д. Рядомъ съ историческимъ изслѣдованіемъ шла работа фантазіи, которая возстановляла для него давно прошедшія времена съ ихъ обстановкой, обычаемъ, языкомъ; его мысль и воображеніе дѣйствовали вмѣстѣ и, безъ сомнѣнія, здѣсь заключается необходимое условіе такъ называемой художественной исторіи: Костомаровъ самъ переносился въ тѣ отдаленныя времена, въ ту особую жизнь, которую онъ изучалъ, и отсюда происходили „вдохновенныя лекціи".—Т.

Въ февралѣ мѣсяцѣ въ редакцію доставлены слѣдующія новыя книги и брошюры:

Антроповъ, П. А.—Финансово-статистическій Атласъ Россіи 1885—1895 г. Составленъ по оффиціальнымъ документамъ. Спб. 98. Ц. 5 р.

Барсуковъ, Н.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XII. Спб. 98. Стр. 542. Ц. 2 р. 50 к.

Брекеръ, М.—Очеркъ исторіи искусствъ. Перев. съ нѣм. Н. Ломона. Спб. 98. Стр. 256. Ц. 1 р. 50 к.

Булгаковъ, С.—О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. Теоретическій этюдъ. М. 97. Стр. 260. Ц. 1 р. 25 к.

Бюхеръ, Карлъ.—Происхожденіе народнаго хозяйства и образованіе общественныхъ классовъ. Двѣ публичныя лекціи. Перев. съ нѣм., п. р. С. Н. Булгакова. Спб. 97. Ц. 50 к.

Варта, Петръ (Э. И. Пильцъ). — Поворотный моментъ въ русско-польскихъ отношеніяхъ. Перев. съ польскаго. Спб. 97. Стр. 15.

Германъ, д-ръ Ф. П.—Заслуги женщинъ въ дѣлѣ ухода за больными и ранеными. Харьк. 98. Стр. 81

——— Историческіе матеріалы къ физіологіи дыханія. Харьк. 97. Стр. 202.

Геффдингъ, проф. Г.—О принципахъ этики. Перев. съ нѣм. (Международ. Библіотека, № 50). Спб. 98. Стр. 61. Ц. 15 к.

Горовая, Н. А.—Гигіено-діэтетическія основы леченія чахотки. Кіевъ, 98. Стр. 74. Ц. 35 к.

Гротъ, Яковъ.—Фритіофъ, скандинавскій витязь, поэма Тегнера. Перев. съ швед. 3-ье изд., съ приложеніемъ перевода первоначальной саги. Спб. 98. Стр. 165. Ц. 75 к.

Гурьевъ, А.—Промышленные синдикаты. Экономическое и общественное значеніе предпринимательскихъ союзовъ. Вып. 1: Значеніе синдикатовъ для интересовъ потребителей. Спб. 98. Стр. 130. Ц. 1 р.

Дементьевъ, К. Г.—Фабрично-химическій контроль основныхъ производствъ минеральной химіи. Съ 27 рис. и 60 табл. Спб. 98. Стр. 330.

Диккенсъ, Чарльзъ.—Блестящая будущность (Great expectations), сокращенный перевод. съ англійскаго. А. Н. Энгельгардтъ. Съ 10-ю оригинальными рисунками. Спб. 1898. 282 стр. Ц. 1. р.

Дюкло, Е.—Защита отъ болѣзней. Перев. съ франц. М. 98. Стр. 27. Ц. 15 к.

Евреиновъ, Г. А.—Прошлое и настоящее значеніе русскаго дворянства. Спб. 98. Стр. 103.

Елецъ, Ю.—Императоръ Менеликъ и война его съ Италіей. По документамъ и походнымъ дневникамъ Н. С. Леонтьева. Спб. 98. Стр. 302. Ц. 2 р.

Ермиловъ, В. Е.—Гордость вѣка (Н. И. Новиковъ). Біограф. очеркъ. М. 98. Стр. 44. Ц. 15.

Златковскій, М. Л.—Джонъ Буль конца вѣка. Политическая трагикомедія въ 5 картин. Спб. 98. Стр. 161. Ц. 1 р.

Z., N.—О женщинахъ, мысли, факты и афоризмы. Спб. 98. Стр. 83. Ц. 50 к.

Ивановскій, В. В.—Русское государственное право. Т. I: Верховная власть и ея органы. Вып. 6. Мѣстныя установленія общественнаго управленія. Каз. 98. Стр. 386—558. Ц. 1 р.

Ирвингъ.—Жизнь Магомета. Перев. Л. Никифорова. М. 98. Стр. 407. Ц. 1 р. 50 к.

Кайгородовъ, Дм.—Третій стѣнной календарь петербургской весны. Спб. 95. Таблица.

Кейра, Ф.—Воображеніе и память. Перев. съ франц. Е. Максимовой. Спб. 98. Стр. 117. Ц. 40 к.

Клингенъ, И.—Основы хозяйства въ Сочинскомъ округѣ. Спб. 97. Стр. 129.

Кнейппъ, Себастьенъ, пасторъ.—Какъ надо жить. Указаніе и совѣты для здоровыхъ и больныхъ дѣтей, для простой и разумной жизни и естественныхъ методовъ леченія. Перев. съ 21-го нѣмец. изд. Спб. 98. Стр. 184. Ц. 80 к.

Клоддъ, Эд.—Первобытный человѣкъ. Популярныя бесѣды. Перев. съ англ. М. 98. Стр. 186. Ц. 50 к.

Круковскій, М.—Доброе сѣмя. Сборникъ стихотвореній для школьнаго возраста. Спб. 98. Стр. 85. Ц. 25 к.

Лаппо-Данилевскій, А.—Очеркъ внутренней политики имп. Екатерины II. Спб. 98. Стр. 63.

Лохвицкая, М. А. (Жиберъ).—Стихотворенія. Т. II. 1896—98. М. 98. Стр. 102.

Лукашевичъ, Клавдія.—Свѣтлячокъ. Сборникъ разсказовъ, сказокъ, сценъ изъ дѣтской жизни для младшаго возраста. М. 98. Стр. 125.

Маллесонъ, Ф.—Первоначальное воспитаніе дѣтей. Перев. съ англ. Е. И. Бошнякъ. М. 98. Стр. 141. Ц. 50 к.

Менге, Руд.—Иеака. Перев. съ нѣм. Авг. Ветнекъ. Съ картой Иеаки. Рев. 98. Стр. 34. Ц. 25 к.

Мижуевъ, П. Г.—Взгляды и дѣятельность національной ассоціаціи для распространенія техническаго и реформы средняго образованія въ Англіи. Спб. 97. Стр. 80. Ц. 40 к.

——— Народное образованіе въ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Спб. 97. Стр. 147.

——— Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи. Спб. 98. Стр. 170. Ц. 80 к.

Орловъ, Ѳ. Е.—Дневникъ заграничной командировки 1869—1872 г. Съ 3 портр. и матеріалами для біографіи. М. 98. Стр. 346. Ц. 1 р. 50 к.

Реклю, Элизе.—Соединенные Штаты. Ч. I. Перев. съ франц. Н. Березина. 70 рис. и 12 картъ. Спб. 98. Стр. 382. Ц. 1 р. 50 к.

Ремке, І.—Очеркъ исторіи философіи. Пособіе для самообразованія и для студентовъ. Перев. съ нѣмецк. Н. Лосскаго, подъ редакціей Я. Колубовскаго. Спб. 1898. 344 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Рибо, Т.—Эволюція общихъ идей. Перев. съ франц. И. Спиридонова. М. 98. Стр. 338. Ц. 80 к.

Руже, Максъ.—Женщина въ своей половой индивидуальности. Перев. съ англ. Спб. 98. Стр. 27. Ц. 40 к.

Саловъ, И. А.—Забытыя картинки. Повѣсти и разсказы. М. 98. Стр. 263. Ц. 1 р. 50 к.

Сеайль, Габріель.—Леонардо да-Винчи, какъ художникъ и ученый (1452—1519 г.). Опытъ психологической біографіи. Перев. съ франц. Спб. 98. Стр. 336. Ц. 2 р.

Сергѣенко, П.—Герои. Сцены изъ дѣтской жизни. М. 98. Стр. 135. Ц. 85 к.

Скворцовъ, А.—Основанія политической экономіи. Спб. 98. Стр. 432. Ц. 2 р. 50 к.

Смирновъ, А. В.—Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность. Вып. 2-й, г. Владиміръ 97. Стр. 264. Ц. 1 р.

Смирновъ, Ил.—Утро. (Добрыя души, чтеніе для дѣтей и народа). Разск. съ рис. М. 98. Стр. 32. Ц. 5 к.

——— Изъ дѣтской жизни. Разсказы для дѣтей, съ рис. М. 98. Стр. 88. Ц. 40 коп.

Соколовъ, В. К.—Методика ариѳметики, съ приложеніемъ сборника задачъ въ предѣлахъ первой сотни. Спб. 98. Стр. 136. Ц. 60 к.

——— Задачи по ариѳметикѣ въ предѣлахъ первой сотни. Спб. 98. Стр. 208. Ц. 40 к.

Соловьевъ, Владиміръ.—Судьба Пушкина. Спб. 98. Стр. 40. Ц. 50 к.

Спенсеръ, Герб.—Слезы, смѣхъ и граціозность. Спб. 98. Стр. 24. Ц. 20 к.

Сперанскій, С. В.—Къ исторіи нищенства въ Россіи. Спб. 97.

Спиліоти, Н. М.—Къ вопросу о продажахъ національныхъ имуществъ. Кіевъ, 97. Стр. 85.

Суворовъ, Н.—Средневѣковые университеты. М. 98. Стр. 245. Ц. 1 р. 25 к.

Сѣверцовъ, В. (Псевдонимъ).—Гдѣ счастье? Разсказы и сказки. Спб. 98. Стр. 240. Ц. 1 р.

Сѣченовъ, Ив.—Физіологическіе очерки. Ч. II. Съ 101 рис. (Образовательная Библіотека, № 9). Спб. 98. Стр. 285. Ц. 90 к.

Тальботъ.—Старшины Вильбайской школы. Перев. съ англ. М. Шишмаревой. Съ 24 рис. Спб., 98. Стр. 344. Ц. 1 р.

Тароновскій, Н. Г.—Повѣсти и разсказы. Харьк., 98. Стр. 176. Ц. 75 к.

Толстой, гр. А. К.—Драматическая Трилогія. I. Смерть Іоанна Грознаго. II. Царь Ѳедоръ. III. Царь Борисъ. Спб. 98. Стр. 559. Ц. 2 р. 50 к.

Тонковъ, В. Н.—Артеріи, питающіе межпозвоночные узлы и спинно-мозговые нервы человѣка. Диссерт. на ст. д-ра медиц. Спб. 98. Стр. 111.

Туръ, К. И.—Голосъ жизни о крестьянскомъ неустройствѣ. Спб. 98. Стр. 175. Ц. 75 к.

Харузинъ, В. Н.—Сказки русскихъ инородцевъ, съ краткими бытовыми очерками и иллюстраціями. Съ предисловіемъ В. М. Михайловскаго. М. 98. Стр. 297. Ц. 1 р. 50 к.

Хвольсонъ, О. Д.—Курсъ физики. Т. II: Ученіе о звукѣ (акустика). Ученіе о лучистой энергіи. Съ 597 рис. въ текстѣ. Спб. 98. Стр. 701. Ц. 5 р.

Цейль, М. А.—Правительствующій Сенатъ. Справочная книга. Спб. 98. Стр. 362. Ц. 2 р. 75 к.

Цуриковъ, Н.—Диктанты—Задачи. М. 98. Стр. 196. Ц. 60 к.

Шершеневичъ, Г. Ф.—О чувствѣ законности. Каз. 97. Стр. 28. Ц. 30 к.

Шрейдеръ, Д. И.—Страна восходящаго солнца, разсказы о японцахъ. Спб. 98. Стр. 60. Ц. 20 к.

Э., Л.—Новыя теченія въ польскомъ обществѣ. Спб. 98. Стр. 167.

Энгель, Эрн.—Цѣнность человѣка. Перев. съ англ. М. 98. Стр. 86. Ц. 40 к.

— Артельная мастерская женскихъ рукодѣлій. Спб. 98. Стр. 12.

— Общедоступная Богословская Библіотека. Собраніе лучшихъ сочиненій извѣстнѣйшихъ писателей-богослововъ въ русской и иностранной богословской литературѣ по всѣмъ отраслямъ богословскаго знанія. Вып. I: Собесѣдовательное богословіе. Спб. 98. Стр. 487.

— Почтово-телеграфная статистика за 1896 годъ. Спб. 97. Стр. 41 in 4°.

— Сборникъ трудовъ врачей спб. Маріинской больницы. Д. Б. Вып. V. Спб. 98.

— Съѣздъ по общимъ сельско-хозяйственнымъ вопросамъ. Травосѣяніе вообще и крестьянское въ частности. Сельскохозяйственные сервитуты. Изд. п. р. Т. И. Осадчаго. Кіевъ, 98. Стр. 112.

— Утренняя Заря. Сборникъ стихотвореній для дѣтей младшаго возраста. Спб. 98. Стр. 74. Ц. 20 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Ferdinand Brunetière. Manuel de l'histoire de la littérature française. Paris, 18 8. Стр. 524.

Исторія литературы и критика занимаются изученіемъ однихъ и тѣхъ же явленій, но отражаютъ ихъ каждая совершенно иначе. Историки литературы стремятся къ полнотѣ изложенія, къ тому, чтобы дать наиболѣе свѣдѣній о ходѣ умственнаго движенія въ данной странѣ и въ данную эпоху. Лучшими качествами историка литературы считаются безпристрастіе, полнота знаній и отсутствіе слишкомъ рѣзко выраженной индивидуальной окраски. Не личная точка зрѣнія историка, а установившіяся общія оцѣнки находятъ себѣ мѣсто въ исторіи литературы. Преувеличенныя индивидуальныя сужденія скорѣе вредятъ историку литературы и лишаютъ его произведенія твердаго значенія. Критикъ же имѣетъ право высказывать, главнымъ образомъ, свое отношеніе къ изучаемымъ произведеніямъ, пользоваться литературой такъ, какъ художникъ пользуется жизнью, то-есть какъ матеріаломъ и средствомъ отражать собственную душу. Если правъ былъ Золя, говоря, что „художественное произведеніе—природа, прошедшая черезъ темпераментъ художника", то и критика есть не что̀ иное, какъ передача мыслей и чувствъ писателя при свѣтѣ литературныхъ произведеній, которыя создаютъ то или другое настроеніе. Критика имѣетъ право быть субъективной, въ этомъ ея творческая сила. И историкъ литературы, конечно, менѣе всего долженъ быть равнодушнымъ лѣтописцемъ случайныхъ литературныхъ событій. Но, не освѣщенная общей философской идеей, не вносящая теоретическаго синтеза въ разрозненныя событія литературной жизни, исторія литературы теряетъ всякое значеніе и становится простымъ перечнемъ книгъ и авторовъ. Въ сочетаніи безличнаго изложенія и твердой теоретической основы сужденій заключается своеобразность исторіи литературы въ противоположность болѣе живому, иногда болѣе художественному, но вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе научному роду произведеній, относящихся къ области критики.

Во Франціи исторія литературы—очень распространенная, развитая литературная область. Были и есть въ настоящее время много историковъ литературы, совершенно отличныхъ отъ критиковъ. Такова, напримѣръ, исторія литературы Дезирé Низара. Устарѣвшая въ настоящее время, она имѣетъ однако несомнѣнныя достоинства, бла-

годаря своей трезвой и твердой оцѣнкѣ литературныхъ произведеній: Низаръ разсматриваетъ всю литературу съ точки зрѣнія національнаго французскаго духа. Изъ новѣйшихъ французскихъ историковъ литературы наиболѣе твердымъ является Фагэ, для котораго опять-таки самымъ важнымъ является исторія идей, а не отдѣльныхъ случайныхъ литературныхъ явленій. Его исторія XVI, XVII и XVIII вѣковъ французской литературы останавливается главнымъ образомъ на типичныхъ явленіяхъ, изучаетъ духъ времени и строго исключаетъ всякое проявленіе индивидуальныхъ взглядовъ и вкусовъ. Въ самое послѣднее время исторія литературы особенно процвѣтаетъ во Франціи: появляются одна за другой новыя исторіи литературы, какъ будто бы къ концу вѣка стремленіе подводить итоги все болѣе и болѣе овладѣваетъ современной мыслью. Исторія литературы Лансона—одно изъ самыхъ видныхъ произведеній этого рода, хотя въ ней авторъ проявляетъ слишкомъ большую индивидуальность сужденій, позволяя себѣ останавливаться не на однихъ типичныхъ явленіяхъ и проявлять свои личные вкусы.

Область исторіи литературы не всегда, однако, строго разграничена съ областью критики; многія изъ лучшихъ исторій литературы написаны настоящими критиками, которые отрекаются для этого рода произведеній отъ широкой индивидуальной манеры и замѣняютъ строгостью теорій индивидуальность вкуса. Тэнъ былъ несомнѣнно лучшимъ изъ историковъ литературы текущаго вѣка, будучи въ то же время великимъ критикомъ. Этого нельзя было бы сказать объ его предшественникѣ Сентъ-Бёвѣ—истинномъ критикѣ, который въ историческихъ произведеніяхъ, какъ въ „Исторіи Портъ-Роайяля“, значительно ниже самого себя; онъ возвышается только тогда, когда дѣло идетъ о характеристикѣ отдѣльныхъ явленій, отдѣльныхъ писателей, т.-е. всего того, въ чемъ сказывается сила психологическаго анализа, художественность пониманія и т. д. Въ послѣднее время въ роли Тэна, т.-е. критика, занявшагося исторіей литературы, выступилъ Фердинандъ Брюнетьеръ. Появленіе его новой книги: „Manuel de l'histoire de la littérature française“, не могло никого удивить. Брюнетьеръ хорошо извѣстенъ теоретичностью своихъ сужденій; въ своихъ лекціяхъ, въ сочиненіяхъ, обнимающихъ отдѣльныя эпохи французской литературы, онъ всегда выказывалъ стремленіе обобщать литературныя явленія своими строго выработанными философскими идеями. Въ отсутствіи свободнаго эстетическаго отношенія къ литературѣ заключается недостатокъ Брюнетьера, какъ критика. Въ его сужденіяхъ нѣтъ жизни и свободнаго культа красоты. Но для историка литературы закованность ума является большимъ качествомъ, и вотъ почему читатель, знакомый съ общею дѣятельностью Брюнетьера, приступитъ съ большими ожиданіями къ его книгѣ, въ краткомъ видѣ

излагающей исторію литературы, и, прибавимъ тотчасъ же, не обманется въ своихъ ожиданіяхъ. Сводная книжка, заключающая въ одномъ, сравнительно небольшомъ, томѣ всю исторію французской литературы, оригинальна по замыслу и исполненію. Самая краткость ея является новизной. Не обиліе свѣдѣній—ихъ даютъ всякія справочныя книги—составляетъ, по мнѣнію Брюнетьера, задачу историка литературы, а сводъ литературныхъ явленій, систематическое распредѣленіе ихъ не въ историческомъ и хронологическомъ порядкѣ, а въ ихъ внутреннемъ соотношеніи, въ той зависимости, которая существуетъ между смѣняющимися родами литературныхъ произведеній, въ томъ, какъ одни теченія вытекаютъ изъ другихъ, хотя бы вслѣдствіе коренного влеченія мысли къ низверженію существующаго, къ созиданію новаго. Брюнетьеръ отказывается отъ прежнихъ дѣленій литературы по вѣкамъ или по литературнымъ жанрамъ; напротивъ, въ смѣнѣ жанровъ онъ видитъ двигательную силу литературы, и болѣе всего его интересуютъ моменты перехода отъ одного рода произведеній къ другому. Въ этихъ моментахъ для него ярче всего сказывается литературная жизнь смѣняющихся поколѣній. Въ этомъ основномъ взглядѣ, проникающемъ его исторію литературы, видна излюбленная теорія Брюнетьера объ эволюціонномъ началѣ въ литературѣ. Но и помимо идеи эволюціи Брюнетьеромъ руководитъ въ его исторіи, и главнымъ образомъ въ его распредѣленіи литературнаго матеріала, нѣсколько другихъ общихъ идей. Все литературное прошлое Франціи ему кажется связаннымъ съ колебаніемъ между индивидуализмомъ и общественностью въ идеалахъ общества. Стремленіе къ индивидуализму онъ считаетъ основнымъ признакомъ переходныхъ эпохъ и приписываетъ ему значеніе, главнымъ образомъ, какъ обновляющему элементу въ литературѣ, какъ реакціи противъ существующаго. Но основнымъ стремленіемъ французскаго духа онъ считаетъ тяготѣніе къ общественности, къ универсальности, общепонятности; съ этимъ связаны и другія качества — назидательность и близость къ природѣ, естественность. Говоря о классической литературѣ XVII вѣка, т.-е. о самомъ полномъ воплощеніи національнаго идеала въ литературѣ, Брюнетьеръ даетъ интересное опредѣленіе національнаго идеала. Какъ бы различны ни были такія произведенія, какъ басни Лафонтэна, изреченія Ларошфуко, проповѣди Боссюэта,—говоритъ онъ,—общее ихъ значеніе заключается въ томъ, что они имѣютъ значеніе для всѣхъ временъ и для всѣхъ странъ, выражаютъ правду о человѣкѣ вообще, а не только о французѣ XVII вѣка, что они естественны постольку же, какъ и гуманны, гуманны постольку же, какъ и естественны, и, такъ сказать, составляютъ часть природы и человѣчества, воплощенную въ образѣ вѣчности—sub specie aeternitatis.

Этотъ характеръ гуманности не мѣшаетъ имъ въ то же время

быть національными, и подъ этимъ словомъ Брюнетьеръ понимаетъ три понятія, связанныя между собой, но которыя можно и должно различать. Во-первыхъ, французская литература становится истинно-національной, освобождаясь отъ всякаго иностраннаго вліянія оригинальностью формы. Продолжая пользоваться испанскими и итальянскими сюжетами, французскіе писатели перевоплощаютъ ихъ, согласно особенностямъ французскихъ идеаловъ, и это стремленіе оставаться оригинальными даже въ заимствованіяхъ замѣчается и выдвигается на видъ самими французами. Такъ Буало въ своей диссертаціи о „Джіокондѣ" Лафонтэна съ большой увѣренностью отдаетъ предпочтеніе въ сюжетѣ, заимствованномъ изъ Аріосто,—не Аріосто, а Лафонтэну. Этимъ онъ какъ бы утверждаетъ, что въ художественномъ произведеніи форма имѣетъ больше значенія, чѣмъ самая сущность.

Французская литература становится національной и другимъ путемъ, развивая изъ себя самой и вдали отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній болѣе внутреннія качества, не легко поддающіяся опредѣленію, и національность которыхъ опредѣляется тѣмъ, что иностранцы не видятъ и не чувствуютъ ихъ. Таковы, напримѣръ, качества, которыя болѣе всего цѣнятся самими французами въ драмахъ Расина: глубина, точность анализа или этическаго взгляда; кажущаяся, но на самомъ дѣлѣ очень искусная небрежность стиля, подражающаго своими изгибами тому, что̀ есть наиболѣе скрытаго въ движеніяхъ страсти; гармонія частей и, въ общемъ, все, что̀ ораторская форма французскихъ трагедій „похитила въ исключительное владѣніе у всѣхъ тѣхъ, кто не дышалъ при рожденіи воздухомъ Франціи". Таковы, напримѣръ, нѣкоторыя качества Боссюэта. Повсюду отдаютъ справедливость стилю и точности его языка. Въ немъ признаютъ историка и полемиста, его превозносятъ какъ оратора съ болѣе широкимъ краснорѣчіемъ, чѣмъ у Цицерона, и болѣе нервнаго, чѣмъ Демосѳенъ. Но едва ли за предѣлами Франціи вполнѣ умѣютъ цѣнить естественность, простоту, даже нѣкоторую интимность, скрывающуюся за пышностью этого неподражаемаго краснорѣчія, въ которомъ такъ мало реторики и аффектаціи, такое отсутствіе литературнаго тщеславія. Другой примѣръ представляетъ Лафонтэнъ; какъ мало иностранцевъ понимаютъ это единственное въ своемъ родѣ соединеніе эпикурейской небрежности, галльскаго коварства и чистой поэзіи. Наиболѣе трудно иностранцамъ понять, что самый національный изъ французскихъ поэтовъ вдохновлялся древними, и что сборникъ басней, въ которой нѣтъ ни одной, не заимствованной изъ чужихъ источниковъ, является въ то же время глубоко оригинальнымъ и творческимъ.

Но это еще не исчерпываетъ особенности произведеній XVII в.; наиболѣе національная черта въ нихъ,—это невозможность отдѣлить чисто французскій элементъ отъ того, что̀ въ нихъ есть общечеловѣ-

ческаго. Они универсальны и въ то же время не могли бы родиться нигдѣ, кромѣ Франціи XVII вѣка. Въ этомъ отношеніи они соотвѣтствуютъ итальянской живописи „ренессанса" или греческой скульптурѣ лучшихъ временъ, образцы которой національны именно своимъ общечеловѣческимъ характеромъ, потому что имъ повсюду подражали и, однако, нигдѣ не съумѣли близко подойти къ воспроизведенію ихъ. То же самое относится къ трагедіи Расина или комедіи Мольера. Онѣ естественны, общечеловѣчны, и постольку національны, поскольку универсальны; универсальность обусловливаетъ ихъ національность.

Это порождаетъ третью особенность, которая объясняетъ другія и объясняется ими: литературныя произведенія XVII вѣка проникнуты поучительностью, дидактичностью или моралью въ высокомъ смыслѣ этихъ словъ.

Таково опредѣленіе національной французской литературы, являющееся центромъ всѣхъ сужденій Брюнетьера. Все литературное прошлое Франціи онъ распредѣляетъ сообразно съ тѣмъ, приближается ли оно или удаляется отъ центральныхъ качествъ французской литературы. Менѣе всего вниманія онъ удѣляетъ литературѣ среднихъ вѣковъ: ея суровый характеръ, скованный церковной дисциплиной, мистицизмъ, представляющій единственный путь къ проявленію духовной свободы, настолько чужды національному идеалу, что Брюнетьеръ съ трудомъ можетъ отыскать опору для своихъ теорій о борьбѣ индивидуализма и общественности, какъ главной особенности французской литературы, о сочетаніи національности и универсальности въ чисто французскихъ произведеніяхъ.

Поскольку французская литература является частью общеевропейской, она не интересуетъ своего строгаго историка. Однообразіе, безличность и неподвижность средневѣковой литературы кажутся ему отрицаніемъ всего національнаго, и средневѣковая французская литература интересуетъ его только съ эволюціонной точки зрѣнія, какъ путь развитія эпопеи изъ исторіи. Страннымъ образомъ онъ видитъ спасеніе французской средневѣковой литературы въ схоластикѣ, которая возбудила въ французахъ обособленность отъ другихъ литературъ и внушила имъ принципы равенства, если не братства, т.-е. общественности, въ противоположность индивидуализму феодальнаго идеала. Въ общемъ средніе вѣка ему кажутся наиболѣе безплодными среди всѣхъ позднѣйшихъ эпохъ французской литературы. Въ этомъ сужденіи сказывается, конечно, особенность Брюнетьера, для котораго имѣютъ значеніе только рѣзкіе контуры и типичныя явленія, оправдывающія тѣ законы литературнаго развитія, которые онъ опредѣляетъ въ общемъ очень вѣрно. Но все индивидуальное, а также то, что̀ составляетъ оттѣнки въ литературныхъ замыслахъ и въ поэзіи, отбрасы-

вается имъ, какъ нѣчто ненужное для общаго стройнаго теченія національной идейной жизни.

Болѣе широко разработаны двѣ дальнѣйшія части книги Брюнетьера: классическая эпоха и новая литература. Эпоху классицизма онъ распредѣляетъ на отдѣльные періоды: образованіе классическаго идеала, расцвѣтъ національнаго духа въ литературѣ и распаденіе классицизма. Вышеприведенное опредѣленіе классическаго идеала служитъ ему мѣриломъ для сужденій о литературѣ XVII и XVIII вѣка, причемъ всякое уклоненіе отъ проповѣди морали и отъ универсальности въ сторону свободы личности онъ считаетъ нарушеніемъ національныхъ традицій.

Взгляды Брюнетьера на классическую литературу представляютъ мало новизны. Его преклоненіе передъ великими писателями вѣка Лудовика XIV не разъ проявлялось въ его прежнихъ этюдахъ и лекціяхъ, и новыхъ характеристикъ въ краткомъ „руководствѣ", конечно, трудно найти. Гораздо своеобразнѣе его обзоръ новой литературы, т.-е. всего XIX вѣка, въ которомъ онъ намѣчаетъ цѣлый рядъ колебаній между индивидуализмомъ и побѣдой общественности. Началомъ новой литературы (l'âge moderne) онъ считаетъ „Исповѣдь" Руссо, которая имѣла двоякое вліяніе на современниковъ: она создала культъ личности и подняла вѣру въ нравственныя основы жизни, забытыя во время господства террора. Романтизмъ былъ литературнымъ отраженіемъ освобожденной личности, а проповѣдь нравственности, возобновленная Руссо послѣ вѣкового индифферентизма Вольтеровской эпохи, привела къ расцвѣту религіозной литературы, мистицизму Шатобріана, къ проповѣди Бональда, Ламмене́ и др.

Но романтизмъ не былъ полнымъ воплощеніемъ національнаго французскаго идеала. Свобода личности, ставшая основой романтизма, привела къ отрицанію формы; личность, характеръ ставились выше красоты, и уродство объявлено было равноправнымъ съ красотой по своей выразительности. Это чрезмѣрное увлеченіе индивидуализмомъ должно было привести къ реакціи въ сторону прежняго классицизма. Брюнетьеръ отмѣчаетъ знаменательный 1843 г., когда „Burgraves" Гюго потерпѣли жестовое пораженіе на сценѣ, а посредственная трагедія Понсара, „Лукреція", имѣла успѣхъ только благодаря своей вѣрности классическимъ традиціямъ. Это—моментъ поворота къ прежнему культу красоты и формы. Такимъ образомъ, Брюнетьеръ считаетъ, что парнасская школа была во французской поэзіи XIX вѣка болѣе полнымъ отраженіемъ національнаго духа, чѣмъ романтизмъ съ его исключительнымъ культомъ личности. Но поэтамъ-парнасцамъ съ ихъ совершенствомъ формы недоставало, по убѣжденію Брюнетьера, одного изъ существенныхъ качествъ національной французской литературы—морали, стремленія къ этическому совершенству. Этотъ эле-

ментъ внесенъ во французскую литературу XIX вѣка драмами Дюма̀, которыя Брюнетьеръ привѣтствуетъ какъ осуществленіе основной черты національнаго духа—общественности. Съ драмами Дюма французская литература становится естественной, т.-е. реальной, и клонится въ сторону общественныхъ интересовъ и морали.

Драмами Дюма Брюнетьеръ заканчиваетъ свой обзоръ современной литературы, полагая, что въ нихъ національное творчество XIX вѣка достигло вершины своего развитія. Онъ приписываетъ общественной проповѣди Дюма громадное значеніе, говоритъ, что въ литературѣ она восторжествовала надъ дилеттантизмомъ и скептицизмомъ Ренана и его послѣдователей, надъ натурализмомъ, созданнымъ Флоберомъ и Гонкуромъ, а также надъ чистымъ искусствомъ (l'art pour l'art) нѣкоторыхъ литературныхъ группъ. Послѣ *индивидуализма* романтиковъ и *безличности* натуралистовъ французская литература стала *общественной* (sociale)—и въ этомъ Брюнетьеръ, вѣрный своимъ основнымъ взглядамъ на литературу, видитъ великое торжество современности. Едва ли, конечно, можно согласиться съ Брюнетьеромъ, что драмы Дюма—послѣднее слово художественнаго творчества нашего вѣка. Но, выходя изъ своего пониманія національнаго французскаго идеала въ литературѣ, онъ въ самомъ дѣлѣ не могъ останавливаться на болѣе новыхъ художественныхъ произведеніяхъ, слишкомъ удаляющихся отъ національныхъ образцовъ, чтобы считаться типичными явленіями, подлежащими изученію историка литературы.

Отмѣтимъ очень счастливое нововведеніе Брюнетьера въ распредѣленіи матеріала, подлежавшаго его изученію. Книга его состоитъ изъ двухъ параллельно развивающихся частей; наверху болѣе крупнымъ шрифтомъ напечатаны разсужденія (le Discours) Брюнетьера о національныхъ идеалахъ, объ элементахъ литературы разныхъ эпохъ, объ эволюціи жанровъ и т. д.—словомъ, всѣ руководящія идеи его обзора; внизу же болѣе мелко и компактно напечатанъ очень обстоятельный и сжатый перечень литературныхъ фактовъ и явленій, біографіи писателей, формулы ихъ таланта, перечень и разборъ произведеній. Сжатыя характеристики отдѣльныхъ писателей сдѣланы съ большимъ мастерствомъ.

II.

Joseph Capperon. Notes d'art et de littérature. Paris 1898. Стр. 393.

Жозефъ Капперонъ, литературный и художественный критикъ, умеръ сравнительно молодымъ, 30-ти лѣтъ, и оставилъ рядъ цѣнныхъ статей о текущихъ явленіяхъ литературы и искусства. Собранныя въ одинъ сборникъ, онѣ составляютъ интересную книгу, дающую понятіе о литературной жизни Франціи за послѣднія нѣсколько лѣтъ. Въ не-

большомъ очеркѣ, предшествующемъ книгѣ, Максъ Леклеркъ даетъ характеристику жизни и дѣятельности молодого критика, сочетавшаго значеніе литературы съ большимъ интересомъ къ живописи и искусству. Его статьи въ „Journal de Genève" обнаруживаютъ чуткость къ окружающей духовной жизни. Онъ умѣлъ отличать намѣчающіеся таланты и давать вѣрныя оцѣнки новымъ явленіямъ въ литературѣ и искусствѣ. „Не нужно,—писалъ онъ,—пренебрегать ни одной травкой, пробивающейся изъ обнаженной почвы, прежде чѣмъ собрана жатва. По отношенію къ современной жизни критикъ долженъ быть подобнымъ полевому работнику, наклоняющемуся ко всему, что̀ высится и ростетъ.—Капперонъ умеръ въ 1896 г., не давши, какъ говоритъ его біографъ,—„полной мѣры своего таланта". Но то, что̀ осталось отъ него, статьи, собранныя въ изданномъ недавно томикѣ, вызываютъ интересъ своими характеристиками писателей и политическихъ дѣятелей, а также ясными разборами литературныхъ школъ и смѣны направленій въ искусствѣ.

Особенность книги Капперона—та, что литературный критикъ соединяется въ немъ съ знатокомъ искусства. Въ книгѣ его есть нѣсколько бѣглыхъ и интересныхъ характеристикъ художественныхъ выставокъ и отдѣльныхъ художниковъ даже изъ тѣхъ, которые не пользуются общимъ признаніемъ публики. Онъ умѣетъ цѣнить—что̀ такъ рѣдко случается съ французами—иностранныхъ художниковъ, и обращаетъ вниманіе своихъ соотечественниковъ на англійскихъ, голландскихъ и бельгійскихъ художниковъ, къ которымъ французы относятся съ недовѣріемъ, какъ ко всему чужому. Онъ говоритъ съ большимъ уваженіемъ о пейзажахъ знаменитаго англійскаго живописца Тернера, такъ мало извѣстнаго во Франціи. Онъ высказываетъ также чрезвычайно вѣрныя сужденія о бельгійскомъ художникѣ Фердинандѣ Кнопфѣ и о голландцѣ Израэльсѣ. Этихъ двухъ сѣверныхъ художниковъ онъ объясняетъ съ большимъ пониманіемъ и тонкостью вкуса, и его характеристики приближаютъ обоихъ художниковъ къ пониманію французской публики. „Іосифъ Израэльсъ,—говоритъ онъ,—интересенъ тѣмъ, что изображаетъ не только природу своей родины, грустный сѣрый свѣтъ, падающій въ маленькія окна, но и мѣстныхъ жителей—мужчинъ, женщинъ, дѣтей, все жалкое и нищенское населеніе Голландіи. Его домашнія сцены, освѣщенныя слабымъ свѣтомъ, теряютъ, конечно, отъ того, что невольно вызываютъ воспоминаніе о теплыхъ тѣняхъ и великолѣпномъ освѣщеніи Рембрандта. Гораздо лучше—его рыбачки, возвращающіяся съ моря, въ мокрыхъ одеждахъ, выдѣляющіяся въ прозрачномъ воздухѣ блѣднаго дня". Израэльсъ, грустный художникъ жалкаго рыбацкаго населенія Голландіи, вполнѣ обрисовывается въ этой краткой характеристикѣ французскаго критика. Съ большимъ восхищеніемъ отзывается Капперонъ о картинахъ

Фердинанда Кнопфа. „Это художникъ очень странный,— говоритъ онъ,—но заставляющій признавать себя, умѣющій осуществить очень цѣльно свои замыслы. Его картины изображаютъ женщинъ строгой красоты формъ, живущихъ какой-то холодной, ледяной жизнью, нѣсколько похожихъ на женщинъ Энгра (Ingres), выражающихъ въ своихъ свѣтлыхъ глазахъ и нервной мимикѣ цѣлый міръ величія, страданія и жестокости. Живописецъ слѣдуетъ по пути нѣкоторыхъ художниковъ слова, ищетъ въ совершенствѣ формъ отраженіе тайны, которую не всегда можно выразить незаконченностью и туманностью. Имя Фердинанда Кнопфа слѣдуетъ запомнить".

Если имѣть въ виду, что Капперонъ былъ однимъ изъ первыхъ критиковъ, отмѣтившихъ странный талантъ Кнопфа, и что съ тѣхъ поръ этотъ бельгійскій художникъ пріобрѣлъ очень громкую и заслуженную славу, то приходится признать чуткость и правильность его сужденія. Много другихъ сужденій о современныхъ художникахъ, признанныхъ и непризнанныхъ, разбросаны въ его книгѣ. Онъ — большой поклонникъ пейзажиста Клода Моне́, въ которомъ онъ цѣнитъ умѣнье вдохновляться природой, съ остротой, непонятной для многихъ людей, у которыхъ недостаточно развито зрѣніе. Онъ говоритъ съ большимъ восторгомъ объ извѣстныхъ картинахъ Моне́ „Les Meules", гдѣ изображены два большихъ стога сѣна гдѣ-то на сжатомъ лугу; въ цѣлой серіи картинъ повторяются эти же два стога сѣна, изученные съ исключительной любовью во всѣ часы дня и во всѣ времена года. Въ этой простой темѣ художникъ съумѣлъ обнаружить тонкое пониманіе всевозможныхъ свѣтовыхъ эффектовъ, и обнаружить мастерство кисти, которая ни на что не намекаетъ и все говоритъ. Капперонъ преклоняется предъ такимъ культомъ природы и понимаетъ, что это—настоящее искусство, которое рано или поздно должно завоевать себѣ общее признаніе, какъ это въ самомъ дѣлѣ и случилось. Теперь Клодъ Моне́, картины котораго наполняютъ собою половину одной новой залы въ люксамбургскомъ музеѣ въ Парижѣ, считается однимъ изъ главныхъ представителей новой французской живописи. Въ той же залѣ много картинъ, принадлежащихъ кисти Ренуара, ученика и друга Клода Моне́, которому Капперонъ тоже посвящаетъ обстоятельную, хотя и краткую характеристику, отмѣчая всѣ особенности художника: „свѣжесть красокъ,—говоритъ онъ,—легкость тканей, нѣжность кожи, голубые глаза, отраженіе свѣта въ волосахъ, гибкій рельефъ человѣческаго тѣла въ проникающей его атмосферѣ—это чудо живого колорита онъ воплотилъ съ такимъ поразительнымъ успѣхомъ, что нужно обратиться къ Рубенсу или къ нѣкоторымъ англичанамъ, Генсборо или Тернеру, чтобы найти нѣчто подобное этой кисти".

На ряду съ характеристиками художниковъ Капперонъ даетъ инте-

ресные очерки, касающіеся литературныхъ явленій. Въ его книгѣ встрѣчаются характеристики новыхъ литературныхъ направленій, сдѣланныхъ въ то время, когда изучаемыя имъ явленія едва только намѣчались. Такъ нѣсколько очерковъ его книги посвящено символизму и декадентству, о которыхъ онъ говоритъ очень трезво, безпристрастно и въ большинствѣ случаевъ вѣрно. По случаю смерти Леконта-де-Лиля, Капперонъ даетъ бѣглый очеркъ современной поэзіи и ея судьбы во Франціи. Въ общемъ ему кажется, что поэтовъ читаютъ очень мало; если извѣстный издатель Лемеръ успѣшно повелъ свое изданіе современныхъ поэтовъ, то только потому, что издаваемые имъ поэты стали знаменитыми прозаиками. Не стихи Поля Бурже обогатили издателя, а его романы. Точно также стихи Леконта-де-Лиля, Сюлли-Прюдома, Жана Лагòра, при всѣхъ своихъ литературныхъ достоинствахъ, никогда не были и не могли быть популярными. Извѣстностью въ публикѣ пользуется, благодаря разнымъ случайностямъ, Лоранъ Тальядъ —извѣстная жертва прославляемаго имъ „красиваго жеста" анархистовъ, или же Монтескью-де-Фезанзакъ, извѣстный своими эксцентричными выходками и странностями одежды. О стихахъ Анатоля Франса, достойныхъ войти въ изысканнѣйшія антологіи, публика не знаетъ, также, какъ не знала бы о Морисѣ Бушорѣ, если бы его нѣжная поэзія не служила текстомъ для кокетливаго театра маріонетокъ. Морисъ Роллина, соотечественникъ Жоржъ-Зандъ и нервный пѣвецъ сумерокъ и моря, остался бы тоже незамѣченнымъ въ провинціальной тиши, еслибы ему не создалъ славу шумливый журналистъ Альберъ Вольфъ. Слава Франсуа Коппе выросла помимо литературныхъ достоинствъ его поэзіи, а извѣстность Ришпена и Эдмонда Аракура создана была главнымъ образомъ тѣмъ, что Сара Бернаръ сдѣлалась исполнительницей ихъ произведеній. Послѣднимъ изъ поэтовъ, имѣвшихъ успѣхъ исключительно благодаря своей поэзіи, Капперонъ считаетъ Эредіа, доказывая такимъ образомъ, что публика отстаетъ въ своихъ вкусахъ отъ развитія поэзіи лѣтъ на двадцать и совершенно не слѣдитъ за новыми поэтами, если они не обратятъ на себя вниманіе какими-нибудь эксцентрическими выходками, какъ нѣкоторые изъ декадентовъ, тоже болѣе извѣстныхъ по имени, чѣмъ по своимъ произведеніямъ. Капперонъ говоритъ о цѣломъ рядѣ поэтовъ, почти скрытыхъ отъ глазъ читателей. Онъ высоко цѣнитъ Анатоля Франса, связаннаго блестящими нитями съ парнасской школой. Онъ ему кажется грекомъ александрійской эпохи, который съ любопытствомъ относится ко всѣмъ культамъ и преисполненъ мудростью всѣхъ школъ; это гость банкета Таисы, увѣнчанный пышными розами и вливающій въ золотой кубокъ капли восточныхъ ликеровъ. За Анатолемъ Франсомъ онъ еще видитъ другихъ наслѣдниковъ Парнасса, гибкаго Катуля Мендеса, обладающаго внѣшностью и ловкостью

грека времени декаданса; затѣмъ идутъ менѣе замѣтные Луи Менаръ и Андре́ Терье́, лирикъ съ языческой душой. Совершенно отдѣльно отъ другихъ стоитъ „грустный и благородный пѣвецъ пѣсенъ (cantilènes), широкихъ, какъ вздохи моря; это—самый задумчивый изъ парнасцевъ. Въ одной рукѣ у него цвѣтокъ лотоса съ бѣлыми лепестками, а другою онъ чертитъ слово „Иллюзіи", заглавіе его творенія, освѣщеннаго лучомъ луны". Такимъ рисуетъ Капперонъ поэта Жана Лагора, котораго онъ называетъ буддійскимъ врачомъ, усыпляющимъ скорбь жизни, убаюкивающимъ чувства. Сюлли Прюдомъ и Франсуа Коппе́ дополняютъ списокъ поэтовъ, къ которымъ критикъ причисляетъ и менѣе извѣстныхъ, каковы: Альберъ Мэра, веселый поэтъ парижскихъ впечатлѣній, и Габріэль Викеръ. Капперонъ говоритъ и о провинціальныхъ поэтахъ, о знаменитомъ Роллина, котораго онъ называетъ „Виргиліемъ, испорченнымъ Золя", и восхваляетъ за поэму „Быкъ", которая могла бы быть эпизодомъ Виргиліевскихъ георгикъ. Затѣмъ онъ называетъ бретонскаго поэта Легофика (Legoffic), молодого голубоглазаго кельта, автора бретонскихъ пѣсенъ, и бельгійца Жоржа Роденбаха, истиннаго поэта, который живетъ въ магическомъ кругу монастырей тихаго Брюгге, освѣщеннаго луннымъ сіяніемъ. Верлэнъ, Малармé, Бушоръ и Ришпэнъ заканчиваютъ очеркъ Капперона, который предсказываетъ большое развитіе свободному стиху и говоритъ о парнасской поэзіи и ея талантливыхъ представителяхъ какъ объ отжившемъ прекрасномъ прошломъ.

Въ книжкѣ Капперона есть кромѣ того нѣсколько удачныхъ очерковъ, касающихся какъ отдѣльныхъ писателей, такъ и общихъ явленій въ литературѣ и искусствѣ. Говоря о Мопассанѣ, онъ даетъ полное и ясное опредѣленіе національнаго французскаго духа. Въ статьѣ о Жюлѣ Леметрѣ онъ оправдываетъ его отъ обвиненія въ скептицизмѣ, и съ большой живостью и оригинальностью рисуетъ портретъ критика-импрессіониста. Объ Александрѣ Дюма онъ говоритъ съ осужденіемъ, высказывая оригинальные взгляды на этическія задачи драмы. Въ очеркѣ, посвященномъ Вилле-де-Лиль-Аданѣ, онъ талантливо разбирается въ психологіи оригинальной натуры художника.

III.

J. K. Huysmans. La Cathédrale. Paris, 1898. Стр. 488.

Всякая новая книга Гюисманса является событіемъ въ текущей французской литературѣ. Начиная со своихъ реалистическихъ романовъ, Гюисмансъ пріучилъ читателей къ сюрпризамъ; каждая книга представляетъ попытку какого-нибудь новаго рѣшенія самаго глубокаго

вопроса въ жизни—вопроса о высшей правдѣ, — каждая книга изучаетъ новый путь и каждая заканчивается вопросомъ. Основное качество Гюисманса—его глубокая искренность. Онъ не можетъ остановиться на исходѣ, который его не удовлетворяетъ, и обладаетъ достаточнымъ мужествомъ, чтобы терпѣливо и добросовѣстно искать новыхъ путей. Исканіемъ же путей руководитъ художественный инстинктъ Гюисманса: его прежде всего привлекаетъ эстетическая сторона того или другого идеала. Но, увлекаясь ею, онъ вникаетъ въ то, что̀ скрывается за внѣшностью, и разочарованный отходитъ отъ ученія или вѣрованія, формы котораго ему казались таинственно-привлекательными.

Внутреннее исканіе правды и эстетическое увлеченіе разными самобытными и необычайными вѣрованіями опредѣляетъ всю серію новыхъ романовъ Гюисманса. Его первыя натуралистическія повѣсти и романы, „Soeurs Vatarg“, „En Menage“, „La Rade“, менѣе характерны въ этомъ отношеніи. Въ нихъ онъ слѣдуетъ формулѣ Золя, раскрывая безнадежную сѣрость и уродство жизни, причемъ, однако, и въ этой первой манерѣ Гюисманса сказывалось стремленіе искать и въ пошломъ чего-то безграничнаго; тамъ, гдѣ торжествуетъ матерія и жизнь неизмѣнно складывается въ буржуазныя рамки, онъ искалъ проявленія духа и останавливался главнымъ образомъ не на подробностяхъ жизни, грязныхъ и пошлыхъ, а на отношеніи къ нимъ людей съ чуткой, протестующей душой, хотя бы и съ слабой волей. Герои его „En menage“ и „La rade“—люди съ сознательнымъ, критическимъ отношеніемъ къ жизни, искатели идейныхъ удовлетвореній, жертвы своей идейной тоски, а не люди жизни и жизненныхъ инстинктовъ, подобно героямъ Золя и другихъ натуралистовъ.

Но особенности творчества Гюисманса проявились болѣе полно, когда онъ порвалъ съ натурализмомъ и сдѣлался изслѣдователемъ разныхъ своеобразныхъ обособленныхъ настроеній, вѣрованій и вмѣстѣ съ тѣмъ привычекъ въ жизни. Три романа, внутренно связанныхъ между собой, представляютъ послѣдовательную исторію трехъ различныхъ путей, слѣдуя которымъ современный человѣкъ пытается удовлетворить своимъ духовнымъ и эстетическимъ требованіямъ. Каждый изъ трехъ романовъ всесторонне охватываетъ какой-нибудь одинъ эстетическій или этическій идеалъ и, изучивъ его всецѣло, развѣнчиваетъ его. Въ романѣ „A rebours“ Гюисмансъ съ необычайной силой фантазіи, съ огромной эрудиціей и любовью къ предметамъ, ко всему, что̀ можетъ разбудить въ душѣ человѣка необычайныя и неожиданныя настроенія, даетъ полную картину декадентства—древняго и новаго, со всѣми его извращенными вкусами, со всей отзывчивостью къ самымъ скрытымъ оттѣнкамъ красоты. И затѣмъ, исчерпавъ всѣ ухищренія, до которыхъ можетъ додуматься безплодная, лишенная твор-

ческой силы фантазія и праздный вкусъ, Гюисмансъ развѣнчиваетъ идеалъ своего героя, показываетъ, какая гибель таится въ этомъ стремленіи не углубляться въ тайну жизни, а уходить отъ нея. Д'Эзесенту, создавшему жизнь наизнанку, приходится отказаться отъ жизни среды своихъ коллекцій небывалыхъ растеній и цвѣтовъ, отъ симфоній духовъ и ликеровъ, отъ тишины темныхъ, завѣшанныхъ тканями чертоговъ.

Въ слѣдующемъ романѣ „Là-bas“ изображается и тоже развѣнчивается идеалъ уже болѣе духовный. Послѣ развращенности жизненныхъ привычекъ рисуется болѣе пагубная извращенность чувствъ— въ демонизмѣ, тоже изученномъ, какъ и декадентство, въ его древнихъ и новыхъ проявленіяхъ. Изображая демонизмъ съ цѣлой массой самыхъ гнусныхъ подробностей, Гюисмансъ твердо стоитъ на томъ, что на пути зла душа не можетъ найти удовлетворенія. Въ романѣ „En route“ онъ изучаетъ путь общенія человѣка съ Богомъ подъ руководствомъ церкви. Отъ изображенія магіи и чернокнижниковъ Гюисмансъ переходитъ къ описаніямъ католическаго культа, церквей, литургическаго пѣнія и монастырей. Въ этихъ описаніяхъ художникъ находитъ самое большое удовлетвореніе. Его эстетическое чувство видитъ въ католицизмѣ неистощимый матеріалъ для самыхъ изысканныхъ настроеній. Художественныя впечатлѣнія незамѣтно сливаются у него съ нравственнымъ идеаломъ. Герой Гюисманса, отражающій душевный міръ автора, не успокаивается въ католицизмѣ. Онъ подходитъ къ нему какъ художникъ, чувствующій себя вѣчно „по пути“ (En route), какъ онъ самъ называетъ свой романъ. Онъ знаетъ, что одно только эстетическое удовлетвореніе возможно для его скептическаго разума, вѣчно враждующаго противъ мистическихъ влеченій души. Въ „En route“ описано его пребываніе въ монастыряхъ траппистовъ и рисуется привлекательность и успокоенность монашескаго идеала. Но самъ Дюрталь, герой романа—только дилеттантъ; послѣ посѣщенія траппистовъ онъ возвращается въ Парижъ все съ тѣмъ же вопросомъ въ душѣ. Новая книга Гюисманса, „La Cathédrale“, продолжаетъ дальнѣйшее развитіе католическихъ мечтаній Гюисманса въ лицѣ того же Дюрталя. Послѣ монастырей онъ начинаетъ изучать соборы.

Гюисмансъ даже не называетъ своей новой книги, „La Cathédrale“, романомъ. Это—исторія шартрскаго собора. Дюрталь подходитъ къ изученію этого собора, посвященнаго Мадоннѣ, съ благоговѣйнымъ настроеніемъ, способствующимъ къ пониманію символическаго языка архитектуры.

Прежде чѣмъ пріѣхать въ Шартръ, Дюрталь прошелъ черезъ уединеніе траппистскаго монастыря. Этотъ пройденный путь благо-

честія, а также настроенія, среди которыхъ онъ живетъ въ Шартрѣ, и которыя приводятъ его затѣмъ къ изученію другихъ святынь, съ тою же полухудожественною и полублагочестивою цѣлью, Дюрталь припоминаетъ самъ въ „La Cathédrale". Книга эта почти безъ фабулы. Переѣздъ въ Шартръ подъ вліяніемъ друга Дюрталя, аббата Жеврезэна, и его благочестивой gouvernante, любовь къ шартрскому собору, какъ къ самому прекрасному изъ святилищъ Богоматери, жизнь въ этомъ маленькомъ полумертвомъ городкѣ, среди исключительныхъ занятій исторіей собора, церковныхъ книгъ и житій малоизвѣстныхъ святыхъ, и, наконецъ, когда исчерпаны всѣ подробности собора, отъѣздъ изъ Шартра къ новымъ святилищамъ—вотъ все содержаніе книги. „La Cathédrale" является какъ бы дневникомъ благочестиво настроенной души въ ея искреннемъ исканіи красоты и пониманіи святыни. Характеръ дневника книга получаетъ благодаря тому, что герой—или, что̀ то же самое, авторъ—отмѣчаетъ всѣ постепенные этапы своей духовной жизни. Такъ, въ концѣ книги онъ дѣлаетъ бѣглый обзоръ своего внутренняго міра, подраздѣляя его на три части: прошлое, настоящее и будущее.

„Прошлое—когда я былъ еще далекъ отъ всего этого въ Парижѣ, Господь мною внезапно овладѣлъ и вернулъ меня къ церкви путемъ моей любви къ искусству, къ мистикѣ, къ литургіи и церковному пѣнію. Но во время этого обращенія я могъ изучать мистику только по книгамъ, обладая ею только въ теоріи и нисколько на практикѣ. Я слышалъ въ Парижѣ плоскую музыку, ослабленную и приниженную голосами женщинъ или же совершенно изуродованную органомъ. Таково было мое состояніе, когда я уѣхалъ къ траппистамъ. Въ этомъ убѣжищѣ я созерцалъ мистическое ученіе, уже не только разсказанное въ книгахъ и формулированное въ катехизисахъ, но и проведенное въ жизни. Я увидѣлъ монаховъ, наивно живущихъ мистической жизнью. Я могъ убѣдиться, что знаніе внутренняго совершенства—не обманъ, что то, что̀ утверждали св. Тереза и Іоаннъ Креститель, справедливо. Въ этомъ монастырѣ мнѣ пришлось также познакомиться съ восторгами истиннаго богослуженія и настоящаго церковнаго пѣнія.

„Настоящее: въ Шартрѣ я занялся новыми упражненіями, шелъ по новымъ слѣдамъ. Подъ обаяніемъ несравненнаго великолѣпія этого собора и подъ вліяніемъ умнаго, чрезвычайно свѣдущаго патера, я сталъ изучать символику церкви, толковать эту великую науку среднихъ вѣковъ, которая является спеціальнымъ языкомъ церкви и раскрываетъ образами и знаками то, что̀ литургія объясняетъ словами.

„Будущее: отправившись отсюда въ Солэмъ, я закончу свое религіозное воспитаніе, я увижу и услышу, самое совершенное исполненіе литургіи и грегоріанскаго пѣнія, которое я могъ слышать только въ

очень сокращенномъ видѣ, въ маленькомъ монастырѣ съ его ограниченнымъ количествомъ священнослужителей и пѣвцовъ. Прибавивъ къ этому мои личныя знанія религіозной живописи, большею частью извлеченной изъ монастырей и собранной въ музеяхъ, прибавивъ мои изслѣдованія различныхъ соборовъ, я смогу сказать себѣ, что прошелъ весь кругъ мистики, извлекъ эссенцію среднихъ вѣковъ, собралъ въ единый букетъ всѣ разрозненные стебли, разбросанные въ теченіе столькихъ вѣковъ, и разсмотрѣлъ болѣе глубоко одинъ изъ этихъ стеблей—символику, многія части которой потеряны вслѣдствіе небрежнаго къ нимъ отношенія".

Въ этихъ словахъ Дюрталя, опредѣляющаго содержаніе своей жизни за послѣдніе годы, Гюисмансъ намѣчаетъ и свои настроенія, побудившія его заняться исторіей католическаго культа, и свои болѣе художественныя, чѣмъ благочестивыя цѣли. „La Cathédrale", какъ онъ самъ утверждаетъ, посвящена изученію церковной символики и носитъ очень католическій характеръ, хотя, конечно, несмотря на все стараніе автора поддаться церковной дисциплинѣ, въ немъ чувствуется разсуждающій художникъ, полный литературныхъ воспоминаній и воспринимающій изъ католичества только то, что̀ близко его художественно настроенной душѣ. Все его изученіе Шартра сводится къ толкованію архитектурныхъ символовъ, и въ этомъ отношеніи въ книгѣ его масса чрезвычайно красивыхъ мыслей, аллегорій, сравненій. Такъ, изъ двухъ стилей въ церковной архитектурѣ онъ считаетъ романскій стиль воплощеніемъ стараго завѣта, а готическій стиль—новаго завѣта. Библія—неумолимая книга Іеговы, суровая книга Бога Отца, передается въ твердой угрюмости романскаго стиля, между тѣмъ какъ нѣжныя и утѣшительныя Евангелія воплощаются въ готическомъ стилѣ, съ его порывами, надеждами и вкрадчивыми изгибами. Въ связи съ этимъ различіемъ двухъ стилей, воплощающихъ различіе между двумя завѣтами, нѣкоторые соборы представляютъ соединеніе воедино двухъ различныхъ элементовъ одной и той же общей цѣли. Нѣкоторые католическіе храмы, начатые въ болѣе суровомъ романскомъ духѣ, заканчиваются готическими улыбающимися башенками и шпицами. Перечисливъ цѣлый рядъ часовенъ, церквей и соборовъ, Дюрталь, т.-е. Гюисмансъ, приходитъ къ заключенію, что шартрскій соборъ—самый совершенный, потому что въ немъ сохраненъ параллелизмъ двухъ завѣтовъ. Архитектурное твореніе носитъ характеръ цѣльности, хотя и состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ томовъ, ибо крипта, на которой покоится готическій соборъ, сдѣлана въ чисто романскомъ стилѣ.

Отъ символики стиля Гюисмансъ переходитъ къ столь же символическому значенію каждой отдѣльной части во внутренности церкви. Оказывается, что каждое окно, каждая колонна—слова особаго языка.

Крыша есть символъ милосердія, покрывающаго тьмы грѣховъ. Самые кирпичи и черепки крыши напоминаютъ о воинахъ и рыцаряхъ, отстаивающихъ святилище противъ язычниковъ,—замѣщенныхъ теперь грозами и бурями. Соединенные между собою камни зданія—символъ единенія душъ. Самые сильные камни представляютъ собою души, наиболѣе далеко ушедшія по пути совершенства. Онѣ мѣшаютъ своимъ маленькимъ сестрамъ выскользнуть изъ стѣнъ и упасть. Окна—эмблема внѣшнихъ чувствъ, которыя должны быть закрыты передъ суетой міра и открыты дарамъ Неба; расписныя стекла, вставленныя въ нихъ, пропускаютъ лишь лучи истиннаго Солнца, т.-е. Бога. Они пропускаютъ лишь солнечное сіяніе и отталкиваютъ вѣтеръ, снѣгъ и градъ, т.-е. на образномъ языкѣ церкви, ложныя ученія и ереси.

Въ томъ же эмблематическомъ, болѣе чѣмъ символическомъ духѣ объясняется и самое расположеніе частей въ церкви: три портала, напоминающихъ о трехъ гвоздяхъ распятаго Христа, число колоннъ, цвѣтъ одеждъ священнослужителей, распредѣленіе красокъ на иконахъ, и т. д. Все это, конечно, разсказано Гюисмансомъ художественно, съ безконечными ссылками на церковные авторитеты, съ цѣлымъ рядомъ вставленныхъ красивыхъ легендъ о святыхъ. Можно поставить въ упрекъ автору „Cathédrale“ то, что онъ смѣшиваетъ неподвижный эмблематическій языкъ церкви и символизмъ, принятый въ искусствѣ. Символика церкви—внѣшняя и условная, между тѣмъ какъ художникъ пользуется всѣмъ видимымъ міромъ какъ символомъ, и становится тѣмъ болѣе глубокимъ, чѣмъ шире и жизненнѣе его символы. Но Гюисмансъ увлекся католицизмомъ, поддался ему и хочетъ построить мостъ отъ условнаго церковнаго ученія къ свободному искусству. Эту попытку все-таки нельзя назвать удачной. Книга его интересна, какъ цѣлая сокровищница знаній, отрытыхъ въ книгахъ, мало доступныхъ среднему читателю; Гюисмансъ кромѣ того поражаетъ рѣдкимъ знаніемъ церквей и монастырей. Но общій духъ въ „La Cathédrale“ слишкомъ проникнутъ католицизмомъ, авторъ слишкомъ благоговѣетъ передъ дисциплиной, чтобы его произведеніе могло быть результатомъ свободнаго творчества.

На обложкѣ „La Cathédrale“ помѣчены два будущія произведенія Гюисманса: „Исторія св. Лидвины Скіедамской“ и „Послушникъ“ (Oblat). Какіе оригинальные сюжеты для художника, который началъ натурализмомъ, прошелъ чрезъ декадентство, а теперь становится историкомъ и панегиристомъ католицизма!—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 марта 1898.

Курское губернское земство и земская статистика.—Можайское уѣздное земство и уѣздный агрономъ.—Вопросъ о губернскомъ агрономѣ въ с.-петербургскомъ губернскомъ земствѣ.—Выборы и партіи. — Ходатайство о возобновленіи учительскихъ съѣздовъ.—Оригинальная полемика.—Отвѣтъ на возраженіе. — Рѣчь управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, 19-го февраля.

Въ земской жизни есть такія стороны, которымъ издавна суждено развиваться среди помѣхъ и задержекъ, встрѣчаемыхъ отчасти извнѣ, но отчасти и внутри самого земства. Сюда относится, прежде всего, земская статистика, судьбы которой могутъ служить довольно вѣрнымъ показателемъ теченій, господствующихъ въ земствѣ и вокругъ земства. Возникнувъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, т.-е. въ одну изъ эпохъ, сравнительно благопріятныхъ для земской дѣятельности, земская статистика испытывала на себѣ всѣ превратности, съ которыми вообще приходилось имѣть дѣло земскимъ учрежденіямъ. Ее заподозривала и ограничивала администрація; противъ нея открывались походы въ самихъ земскихъ собраніяхъ; статистическія работы обрекались на сожженіе, статистическія бюро то закрывались, то открывались вновь; въ земскихъ статистикахъ одни видѣли піонеровъ новаго метода, одинаково важнаго и въ научномъ, и въ практическомъ отношеніи, другіе—опасныхъ агитаторовъ, которыхъ не слѣдуетъ допускать въ деревню. Много разъ можно было думать, что земская статистика пріобрѣла, наконецъ, права гражданства или, по меньшей мѣрѣ, право на существованіе: ея пріемы переносились въ правительственныя изслѣдованія, ея представители получали административныя порученія, ея выводы цитировались въ объяснительныхъ запискахъ къ законопроектамъ—но затѣмъ опять начинался періодъ недовѣрія, и статистика, то здѣсь, то тамъ, оказывалась висящею на волоскѣ. Около этого „волоска“ всегда носится цѣлый рой ночныхъ птицъ, враждебныхъ свѣту; онѣ стараются разорвать его или громко радуются его разрыву. Болѣе активную роль играютъ, въ этомъ отношеніи, земцы, которымъ почему либо не нравится появленіе чужого глаза въ „тихихъ селахъ, въ глухихъ деревняхъ“; болѣе пассивную берутъ на себя мраколюбивыя газеты. Прочитавъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 4) ликованія по поводу „новаго провала земской статистики въ Курскѣ“ мы предположили, сначала, что имѣемъ дѣло именно съ такой комбинаціей условій—съ союзомъ земскихъ и газет-

ныхъ „гасильниковъ". Курское губернское земское собраніе—такъ увѣрялъ авторъ статьи—„постановило *прекратить земскія статистическія работы* (курсивъ въ подлинникѣ); постановленіе это было настолько необходимо, что не вызвало даже ни одного протеста и у явныхъ сторонниковъ всякихъ земскихъ и прогрессивныхъ поползновеній". И вотъ, именно категоричность послѣдняго увѣренія заставила насъ усомниться въ его основательности. Мы знали, что въ курскомъ губернскомъ земскомъ собраніи есть люди неспособные ни производить coup d'état въ одной изъ самыхъ важныхъ отраслей земской дѣятельности, ни даже относиться къ нимъ безгласно и безучастно; намъ казалось немыслимымъ, что въ такомъ собраніи *прекращеніе* земскихъ статистическихъ работъ могло быть рѣшено единодушно, безъ всякаго противодѣйствія и спора. Мы стали наводить справки—и что̀ же? Оказалось, что о *прекращеніи* статистическихъ работъ въ постановленіи курскаго губернскаго собранія нѣтъ и рѣчи. Согласно съ предложеніемъ смѣтно-ревизіонной коммиссіи, оно состоялось въ слѣдующей формѣ: „Курское губернское земское собраніе, *въ виду обстоятельствъ, не зависящихъ ни отъ земства, ни отъ состава статистическаго бюро*, опредѣляетъ *пріостановить* производство оцѣночно-статистическихъ работъ въ губерніи и въ смѣту 1898 г. на эти работы ничего не вносить". Итакъ, работы не прекращены, а только пріостановлены, и притомъ пріостановлены по причинамъ, не зависящимъ отъ статистическаго бюро; между тѣмъ, статья „Московскихъ Вѣдомостей" прямо связывала *ликвидацію* статистики съ докладомъ фатежской уѣздной земской управы о *несостоятельности* мѣстной земской статистики (т.-е. изслѣдованія фатежскаго уѣзда, произведеннаго статистиками губернскаго земства). Дѣйствительно, противъ пріемовъ и выводовъ этого изслѣдованія высказано было много возраженій, изложенныхъ въ журналѣ особой коммиссіи, собиравшейся въ Фатежѣ въ октябрѣ прошлаго года; но въ томъ же журналѣ приведены и отвѣты земскихъ статистиковъ, на сторону которыхъ сталъ одинъ изъ членовъ коммиссіи. Еще бо̀льшую поддержку они нашли, какъ мы слышали, при обсужденіи спорныхъ вопросовъ въ губернской оцѣночной коммиссіи. Какъ бы то ни было, нападенія большинства фатежскихъ земцевъ были направлены не противъ существованія земской статистики, а противъ отдѣльнаго труда, подлежавшаго, по ихъ мнѣнію, провѣркѣ и исправленію: къ *ликвидаціи* статистики они ни въ какомъ случаѣ привести не могли, да и не привели. Чѣмъ же вызвано, на самомъ дѣлѣ, единодушное рѣшеніе собранія пріостановить оцѣночно-статистическія работы (а не всѣ статистическія работы вообще)? Документальныхъ данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ у насъ нѣтъ; но мы имѣетъ основаніе думать, что

губернское земство встрѣтило посторонния, непреодолимыя препятствія какъ къ сохраненію прежняго личнаго состава статистическаго бюро, такъ и къ его обновленію... Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: курское губернское земство неповинно въ прегрѣшеніи, ему приписанномъ, и къ тѣмъ печальнымъ страницамъ въ лѣтописи земства, которыя повѣствуютъ о самоограниченіяхъ и самоискаженіяхъ, нѣтъ повода прибавлять еще одну, сочиненную „Московскими Вѣдомостями“.

Совершенно достовѣрнымъ, наоборотъ, является, къ сожалѣнію, самоискаженіе, совершенное можайскимъ (московской губерніи) уѣзднымъ земствомъ. Въ московской губерніи уже около восьми лѣтъ существуетъ земская агрономическая организація, распространяющаяся отъ центра къ окружности; сначала учреждена была должность губернскаго агронома, а затѣмъ, мало-по-малу, и уѣзды стали обзаводиться, при содѣйствіи губернскаго земства, своими спеціальными агрономами. Такихъ уѣздовъ въ прошломъ году было семь: верейскій, волоколамскій, дмитровскій, звенигородскій, клинскій, можайскій и рузскій (теперь къ нимъ присоединился еще подольскій). Результаты системы были по истинѣ блестящіе: въ волоколамскомъ уѣздѣ, напримѣръ, травосѣяніе существовало, въ минувшемъ году, въ 70 селеніяхъ, съ площадью надѣльной земли въ 26.664 дес., что̀ составляетъ 21°/₀ всей надѣльной площади уѣзда. Къ 1-му января 1899 г. это отношеніе можетъ, по разсчету губ. управы, увеличиться до одной трети. Менѣе быстро, но все-таки очень успѣшно развивалось дѣло и въ можайскомъ уѣздѣ. Особенно удаченъ былъ именно 1897-ой годъ: хорошій урожай клевера, при общемъ недостаткѣ травъ, обратилъ на себя вниманіе крестьянъ и вызвалъ сразу около *тридцати* мірскихъ приговоровъ о переходѣ, съ помощью земства, къ правильному травосѣянію. Повышались также, и довольно значительно, обороты сельско-хозяйственнаго склада, снабжавшаго крестьянъ, отчасти за наличныя деньги, отчасти въ кредитъ, сельско-хозяйственными орудіями и сѣменами. Между тѣмъ, вновь избранное можайское уѣздное собраніе, большинствомъ 21 голоса противъ 7, постановило упразднить должность уѣзднаго агронома и отклонило всѣ предложенія управы, относившіяся къ сельско-хозяйственнымъ мѣропріятіямъ. Это постановленіе сдѣлалось предметомъ оживленныхъ преній въ губернскомъ земскомъ собраніи. Многочисленные и убѣжденные защитники земской агрономіи обнаружили весьма понятное желаніе знать, чѣмъ именно вызванъ шагъ назадъ, сдѣланный можайскимъ земствомъ. Это желаніе—если судить по отчету, напечатанному въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 18),—осталось неудовлетвореннымъ: изъ числа четырехъ представителей можайскаго уѣзда трое оказались членами меньшинства, стояв-

шаго, въ уѣздномъ собраніи, за агрономическую организацію, и не хотѣли брать на себя выясненіе мотивовъ, которыми руководилось большинство—а четвертый, принадлежавшій, очевидно, къ большинству, упорно хранилъ молчаніе, несмотря на прямо обращенные къ нему вопросы. Есть поводъ предполагать, что большинство можайскаго собранія дѣйствовало въ интересахъ личнаго землевладѣнія. Распространеніе между крестьянами травосѣянія уменьшаетъ нужду въ арендованіи покосовъ, а слѣдовательно и доходы землевладѣльцевъ: вотъ, повидимому, тотъ рѣшающій аргументъ противъ агрономической организаціи, который неудобно было высказать открыто въ губернскомъ собраніи. Нужно ли доказывать, что этотъ аргументъ не только мало симпатиченъ, но и мало основателенъ? Однажды проникнувъ въ среду крестьянства, травосѣяніе непремѣнно будетъ развиваться все больше и больше; отнять у него поддержку земства—значитъ только замедлить, но не остановить поступательное его движеніе. Всего труднѣе пробить первую брешь въ стѣнѣ рутины, тяготѣющей надъ крестьянскимъ хозяйствомъ: разъ что это сдѣлано, все дальнѣйшее составляетъ только вопросъ времени. Гораздо благоразумнѣе приспособляться къ новымъ условіямъ, чѣмъ вступать въ безнадежную борьбу съ ними. Въ волоколамскомъ уѣздѣ, сосѣднемъ съ можайскимъ, успѣхи травосѣянія, какъ мы слышали, также шли сначала въ разрѣзъ съ выгодами крупныхъ землевладѣльцевъ; но послѣдніе постарались внести соотвѣтствующія измѣненія въ систему эксплуатаціи имѣній—и теперь не имѣютъ повода жаловаться на прогрессъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Нужно надѣяться, что ихъ примѣръ не пройдетъ безслѣдно для можайскихъ землевладѣльцевъ, и что можайское земство не замедлитъ загладить свою ошибку. Съ этой точки зрѣнія мы жалѣемъ о томъ, что московское губернское собраніе не согласилось съ губернской управой, предлагавшей обратиться къ можайскому уѣздному собранію съ просьбою пересмотрѣть постановленіе объ упраздненіи уѣзднаго агронома. Никакого нарушенія правъ уѣзднаго земства такая просьба въ себѣ не заключала бы, именно потому, что это была бы только *просьба*—а между тѣмъ, она могла бы открыть для можайскаго земства путь къ почетному отступленію. Ничего не было бы въ ней и несовмѣстнаго съ достоинствомъ губернскаго земства: польза населенія важнѣе, чѣмъ корпоративное самолюбіе, и для достиженія первой можно забыть о послѣднемъ. Другой выходъ, еще болѣе соотвѣтствующій интересамъ народной массы, былъ предложенъ гласнымъ Н. Ѳ. Рихтеромъ: онъ полагалъ, что просьбы можайскихъ крестьянъ о ссудахъ на травосѣяніе могутъ быть удовлетворяемы губернскимъ земствомъ, какъ это дѣлается для тѣхъ уѣздовъ, гдѣ еще не введена уѣздная агрономическая организація.

Большинствомъ собранія это предложеніе было отклонено, какъ посягательство на самостоятельность уѣзднаго земства. Для насъ не совсѣмъ ясно, какимъ образомъ самостоятельность уѣзднаго земства можетъ пострадать отъ помощи, оказанной населенію непосредственно губернскимъ земствомъ, въ области, гдѣ послѣднему съ самаго начала принадлежала инипіатива и руководящая роль. Понуждать къ чему-либо уѣздныя земства, требовать отъ нихъ чего-либо губернское земство, безъ сомнѣнія, не уполномочено; не можетъ оно и замѣнять ихъ въ томъ, что̀ спеціально лежитъ на ихъ обязанности—но *восполнять* ихъ дѣятельность оно имѣетъ и формальное, и нравственное право... Любопытно было бы знать, какъ и изъ кого составилось въ можайскомъ уѣздномъ собраніи большинство, упразднившее агрономическую организанію. На основаніи земскаго положенія 1890 года, можайское уѣздное земское собраніе состоитъ изъ 16 гласныхъ отъ перваго избирательнаго собранія (т.-е. отъ дворянства), трехъ—отъ второго и восьми—отъ сельскихъ обществъ; къ этимъ двадцати-семи гласнымъ слѣдуетъ прибавить еще уѣзднаго предводителя дворянства, городского голову Можайска и, вѣроятно, депутатовъ отъ духовенства и отъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Въ голосованіи объ агрономической организаціи принимало участіе 28 лицъ, т.-е. почти всѣ члены собранія. Мы узнаемъ изъ преній въ губернскомъ собраніи, что въ составъ меньшинства входили предводитель дворянства и, по меньшей мѣрѣ, еще два гласныхъ отъ личныхъ землевладѣльцевъ; слѣдовательно, изъ числа гласныхъ отъ сельскихъ обществъ съ меньшинствомъ подали голосъ не болѣе четырехъ, т.-е. не болѣе половины всѣхъ гласныхъ-крестьянъ—а можетъ быть и еще меньше. Попытка объяснить это странное явленіе была бы возможна только тогда, еслибы было извѣстно, сколько въ можайскомъ уѣздномъ собраніи засѣдаетъ земскихъ начальниковъ и была ли подача голосовъ, въ данномъ случаѣ, открытая или закрытая. Теперь можно только догадываться о наличности такихъ вліяній, которыя заставили гласныхъ отъ крестьянъ пойти въ разрѣзъ съ интересами своего сословія.

Можайскій инцидентъ, какъ и все вообще ближайшее прошлое московскаго земства, доказываетъ, между прочимъ, раціональность системы, начинающей новое дѣло съ губерніи и постепенно распространяющей его на уѣзды. Губернское земство, по самому своему составу, меньше поддается постороннимъ, случайнымъ вліяніямъ, болѣе способно къ послѣдовательному, систематически-обдуманному веденію широкаго, сложнаго дѣла. Ему сравнительно легко объединить, согласовать стремленія уѣздовъ—и вызвать ихъ тамъ, гдѣ они не возникаютъ сами собою. Представимъ себѣ, что можайская агрономическая организація существовала бы безъ всякой связи съ губернскимъ земствомъ.

Ея внезапное упраздненіе образовало бы въ земскомъ хозяйствѣ пробѣлъ, трудно восполнимый; условія, благопріятныя для ея возстановленія, наступили бы, можетъ быть, еще не скоро, и попытки сельско-хозяйственныхъ улучшеній, исходящія отъ самого населенія, могли бы надолго остаться безъ поддержки и руководства. Иное дѣло—теперь: если губернское земство и не считаетъ возможнымъ идти прямо въ разрѣзъ съ уѣзднымъ и *активно* помогать можайскимъ крестьянамъ, то оно, конечно, не откажетъ имъ въ совѣтахъ и наставленіяхъ, столь важныхъ при переходѣ отъ одной системы хозяйства къ другой, новой и непривычной для народа. Этого мало: оно найдетъ, безъ сомнѣнія, такую комбинацію, при которой можайскій уѣздъ не вовсе будетъ лишенъ и болѣе реальной помощи со стороны губернскаго земства. Нельзя не пожалѣть, поэтому, что петербургское губернское земское собраніе, въ послѣдней сессіи своей, отклонило (равенствомъ голосовъ) предложеніе губернской управы и экономическаго совѣта объ учрежденіи должности губернскаго агронома, изъ которой, какъ изъ зерна, неизбѣжно развилась бы цѣлая агрономическая организація. Правда, собраніе поручило управѣ выработать основанія, на которыхъ губернское земство могло бы принять участіе въ расходахъ по содержанію уѣздныхъ агрономовъ—но этимъ путемъ дѣло едва-ли пойдетъ впередъ съ желательною быстротою; не будетъ, по крайней мѣрѣ на первое время, центра, изъ котораго оно могло бы быть направляемо къ желаемой цѣли. Почти во всемъ слѣдуя за другими, болѣе предпріимчивыми земствами, петербургское губернское земство не всегда, къ сожалѣнію, въ достаточной мѣрѣ пользуется ихъ опытомъ и замедляетъ этимъ тэмпъ безъ того уже не скораго движенія. До извѣстной степени, быть можетъ, это зависитъ отъ состава собранія, одну треть котораго (приблизительно) образуютъ гласные отъ города Петербурга [1]), не отличающіеся, за немногими исключеніями, большимъ интересомъ къ земскому дѣлу. Значительная ихъ часть вовсе или почти вовсе не посѣщаетъ засѣданія губернскаго собранія; такъ напримѣръ, въ томъ засѣданіи, гдѣ обсуждался вопросъ о народномъ образованіи въ губерніи, изъ восемнадцати представителей столицы присутствовало только *два*! Нужно надѣяться, что гласные, которыхъ пошлетъ въ губернское земское собраніе новая петербургская дума, будутъ ближе принимать къ сердцу интересы губерніи, столь тѣсно связанные съ интересами столицы.

---

[1]) Въ составъ петербургскаго губернскаго земскаго собранія входятъ, на основаніи нынѣ дѣйствующаго земскаго положенія, 18 гласныхъ отъ города С.-Петербурга, 32 гласныхъ отъ уѣздовъ, губернскій предводитель дворянства, 8 уѣздныхъ предводителей и депутаты отъ вѣдомствъ духовнаго, удѣльнаго и государственныхъ имуществъ.

Кстати о новой городской думѣ. Не успѣла она еще приступить къ своей дѣятельности, какъ уже летятъ съ разныхъ сторонъ палки подъ колеса вообще городского общественнаго управленія. Появляются мрачныя картины городскихъ выборовъ, имѣющія цѣлью показать, что изъ такого источника не можетъ выйти ничего добраго; провозглашается заранѣе тщета усилій, направленныхъ къ пріисканію подходящихъ кандидатовъ на званіе городского головы. Конечной же цѣлью этого похода является вовсе не улучшеніе избирательной системы, несомнѣнно требующей коренныхъ преобразованій, а упраздненіе самого городского самоуправленія, особенно въ столицахъ. Близорукіе поклонники административнаго усмотрѣнія не замѣчаютъ, что сами даютъ оружіе своимъ противникамъ. Посмотримъ, напримѣръ, что̀ говоритъ петербургскій корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 47), участвовавшій, по его словамъ, въ весеннихъ петербургскихъ выборахъ (происходившихъ не по участкамъ, а сразу для всего города, и отмѣненныхъ столичнымъ по городскимъ дѣламъ присутствіемъ). Онъ негодуетъ противъ избирательной агитаціи, выражающейся въ посѣщеніи избирателей главарями партій, въ назойливой разсылкѣ циркуляровъ, кандидатскихъ списковъ и т. п.; но развѣ подобные пріёмы были бы возможны, еслибы избирателями были, напримѣръ, всѣ плательщики квартирнаго налога? Развѣ они не произрастаютъ именно на почвѣ крайне-ограниченнаго избирательнаго права, противъ котораго всегда возставали и возстаютъ всѣ искренніе друзья самоуправленія?.. Изображается, дальше, затруднительное положеніе избирателя передъ массой ящиковъ, съ именами лицъ, бо̀льшею частью ему совершенно незнакомыхъ; но развѣ баллотировка шарами—единственная форма выборовъ? Развѣ не обсуждался уже неоднократно вопросъ о замѣнѣ ея записками, въ которыхъ каждый избиратель отмѣчалъ бы только имена намѣченныхъ имъ самимъ кандидатовъ, извѣстныхъ ему если не лично, то по репутаціи? Развѣ нельзя облегчить задачу избирателей раздѣленіемъ города на бо̀льшее еще число участковъ (т.-е. уменьшеніемъ, въ каждомъ участкѣ, числа избираемыхъ), конечно—безъ ограниченія избираемости лицами, жительствующими въ данномъ участкѣ, какъ это установлено нынѣ дѣйствующимъ закономъ, по которому на участки раздѣлены не только избиратели, но и избираемые? Провозглашается, наконецъ, неизбѣжная связь между выборами, какъ бы они ни были организованы, и образованіемъ партій, отъ которыхъ, кромѣ вреда, ничего, будто бы, ожидать нельзя. Допустимъ, что выборы немыслимы безъ партій, хотя недавнее прошлое нашихъ земствъ и нашихъ городовъ сплошь и рядомъ доказываетъ противное; несостоятельно, во всякомъ случаѣ, предположеніе о вредоносности выборовъ. Своими поразительными успѣхами благо-

устройство западно-европейскихъ городовъ обязано всецѣло самоуправленію, не требующему, но и не исключающему существованія партій—да и у насъ въ Россіи въ два съ половиною десятилѣтія со времени изданія городового положенія 1870-го года сдѣлано, въ этомъ отношеніи, гораздо больше, чѣмъ въ предшествующіе вѣка... Отстаивать спасительную силу начальственнаго произвола и вѣрить въ непогрѣшимость административныхъ назначеній [1]), значитъ не знать и не хотѣть знать исторіи русскаго управленія вообще и городского управленія въ особенности.

Почти съ самаго начала существованія земской школы большую роль въ ея развитіи и усовершенствованіи играли такъ называемые учительскіе *съѣзды*, т.-е. періодическія собранія учащихъ въ начальныхъ школахъ, на которыхъ, подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ, обсуждались практическіе вопросы школьнаго дѣла и школьной жизни. Свободно допускавшіеся при гр. Д. А. Толстомъ, поощрявшіеся при бар. А. П. Николаи, эти съѣзды были запрещены, въ 1885 г., распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія гр. И. Д. Делянова. Возможными остаются, съ тѣхъ поръ, только педагогическіе или учительскіе *курсы*, т.-е. такія собранія, на которыхъ учащіе обращаются въ учащихся, выслушиваютъ рядъ лекцій или бесѣдъ и участвуютъ въ практическихъ занятіяхъ, организуемыхъ инспекторомъ народныхъ училищъ или другимъ должностнымъ лицомъ учебнаго вѣдомства. Нисколько не отрицая пользу учительскихъ курсовъ, въ особенности для учителей, начинающихъ свою дѣятельность и слабо къ ней подготовленныхъ, мы думаемъ, что они не могутъ замѣнить собою учительскихъ съѣздовъ, въ особенности для учителей опытныхъ и свѣдущихъ, нуждающихся не столько въ поученіи и наставленіи, сколько въ свободномъ обмѣнѣ мыслей, въ взаимной повѣркѣ наблюденій и впечатлѣній. Совершенно понятнымъ и какъ нельзя болѣе симпатичнымъ является, поэтому, недавнее постановленіе московскаго губернскаго земскаго собранія, рѣшившаго ходатайствовать о допущеніи вновь учительскихъ съѣздовъ, на основаніяхъ, дѣйствовавшихъ до 1885-го года. Совершенно понятно и то, что „охранительная“ печать отнеслась къ ходатайству земства, какъ къ „вредной либеральной затѣѣ“; но весьма прискорбно, что она могла прикрыться, на этотъ разъ, авторитетомъ Ѳ. Д. Самарина. Въ своемъ особомъ мнѣніи Ѳ. Д. Самаринъ подчеркнулъ, прежде всего, физическую невозможность осу-

[1]) Картину административныхъ назначеній „Москов. Вѣдомости“ могли бы найти у своихъ друзей въ „Гражданинѣ“: кн. В. П. Мещерскій рисуетъ такія картины всякій разъ, когда ему представляется къ тому случай, въ формѣ интимныхъ бесѣдъ, хлопотъ и суеты такъ-называемыхъ имъ „кумушекъ“.

ществленія главной задачи учительскихъ съѣздовъ, на которыхъ, „по ихъ многолюдству, краткосрочности и неизбѣжной стѣснительности внѣшней обстановки, крайне трудно обсуждать и выяснять вопросы сколько-нибудь сложные и могущіе вызывать разногласіе". Почему же, однако, учительскіе съѣзды непремѣнно должны быть многолюдны и краткосрочны? Развѣ ихъ нельзя созывать по-уѣздно (какъ и предполагаетъ московское губернское земство), т.-е. въ числѣ отъ 50 до 100 учащихъ, вовсе не особенно значительномъ? Развѣ, въ случаѣ надобности, нельзя раздѣлить учащихъ на двѣ очереди, призывая на съѣздъ то одну, то другую? Въ двѣ недѣли—срокъ, проектируемый московскимъ земствомъ,—можно обсудить и сдѣлать весьма многое. Намъ пришлось присутствовать въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ на двухъ учительскихъ съѣздахъ, продолжавшихся только одну недѣлю и все-таки не прошедшихъ безслѣдно для участниковъ. Засѣданія происходили и утромъ, и вечеромъ; члены съѣзда оказывались столь же неутомимыми, какъ и его руководитель (инспекторъ народныхъ училищъ), и шести- или семидневная работа была такъ плодотворна, какъ не бываютъ иногда гораздо болѣе продолжительные труды, отмѣченные печатью оффиціальности и формализма. Срокъ засѣданій съѣзда зависитъ преимущественно отъ размѣра земской ассигновки: если она достаточна, ничто не мѣшаетъ продлить занятія съѣзда и больше чѣмъ на двѣ недѣли. Это не потребуетъ большихъ расходовъ: учащіе, какъ мы убѣдились на опытѣ, готовы довольствоваться самой небольшой субсидіей, лишь бы только подольше продолжалось собраніе, являющееся событіемъ и праздникомъ въ ихъ сѣрой, утомительно-однообразной жизни. „Стѣснительность внѣшней обстановки" въ уѣздномъ городѣ не можетъ быть велика: посторонняя публика, если она и допускается на съѣздъ, собирается не въ большомъ числѣ; участники съѣзда не столько произносятъ рѣчи, сколько ведутъ непринужденную бесѣду. Второе возраженіе г. Самарина заключается въ томъ, что „всякая школа, а начальная въ особенности, должна развиваться въ одномъ опредѣленномъ направленіи, безъ рѣзкихъ колебаній и безъ крутыхъ переходовъ отъ одной системы къ другой... Учителя начальныхъ школъ должны вести дѣло въ томъ духѣ и направленіи, которые указаны закономъ, и въ тѣхъ предѣлахъ, которые установляются учрежденіями, наблюдающими за учебнымъ дѣломъ; между тѣмъ, съѣзды внушаютъ учителямъ мысль, что они могутъ имѣть голосъ въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся общей постановки учебнаго дѣла". Чтобы разсѣять всѣ эти страхи, достаточно припомнить нѣмецкую поговорку, какъ будто бы нарочно созданную для Россіи: „es ist dafür gesorgt, das die Bäume nicht in den Himmel wachsen". Никакихъ преградъ на пути, предначертанномъ

для русской начальной школы, учительскіе съѣзды не могли бы создать уже потому, что во главѣ ихъ стояло бы лицо, назначенное или допущенное учебной администраціей. Пренія, подъ его руководствомъ и надзоромъ, не могли бы принять такого направленія, которое внушило бы учащимъ превратныя или преувеличенныя представленія о ихъ значеніи и роли—а еслибы подобныя представленія какъ-нибудь и возникли, то они не замедлили бы разбиться въ прахъ при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Въ программу учительскихъ съѣздовъ всегда входили, притомъ, вопросы преимущественно практическіе; обсуждалась не организація школьнаго дѣла—обсуждались способы веденія его при *данной* организаціи, при *данныхъ* условіяхъ... Еще менѣе основательно, наконецъ, опасеніе г. Самарина, что учительскіе съѣзды могутъ умалить положеніе законоучителя въ начальной школѣ. „Законоучитель,—говоритъ г. Самаринъ,—по самому значенію преподаваемаго имъ предмета и по своему сану долженъ занимать въ начальной школѣ положеніе по крайней мѣрѣ равноправное съ преподавателями остальныхъ предметовъ; при устройствѣ же учительскихъ съѣздовъ онъ неизбѣжно будетъ низверженъ на степень преподавателя второстепеннаго предмета, въ родѣ рисованія или рукодѣлія, а преобладающее значеніе получитъ учитель, который будетъ руководствоваться въ своей дѣятельности постановленіями съѣзда, выработанными безъ участія законоучителя и, слѣдовательно, чуждыми для послѣдняго". Постановленія съѣзда, какъ собранія свѣтскаго, не касались бы преподаванія закона Божія и, слѣдовательно, не могли бы повлечь за собою конфликтовъ между учителемъ и законоучителемъ—конфликтовъ, которые, притомъ, всегда оканчиваются не въ пользу перваго... Мы не можемъ представить себѣ у насъ, на русской почвѣ, въ собраніи, оффиціально разрѣшенномъ и оффиціально руководимомъ, такихъ постановленій, которыя „низвергли" бы законъ Божій на степень второстепеннаго предмета. Онъ останется, во всякомъ случаѣ, внѣ сферы дѣйствій съѣздовъ и сохранитъ значеніе, присвоенное ему закономъ, поддерживаемое администраціей и оберегаемое самою жизнью. Ничто не мѣшаетъ, наконецъ, существованію особыхъ законоучительскихъ съѣздовъ, одно время пошедшихъ-было въ ходъ и могущихъ принести значительную долю пользы.

Между нашими охранительными газетами завязалась оригинальная полемика, интересная и для тѣхъ, которые не могутъ примкнуть ни къ одной изъ спорящихъ сторонъ. Началась она съ статьи „Гражданина", который, какъ только заходитъ рѣчь о вѣротерпимости, почти всегда выгодно отличается отъ своего московскаго собрата по ору-

жію. „По вопросамъ о русской народности и о православной вѣрѣ,—замѣтилъ кн. Мещерскій въ своемъ „Дневникѣ",—у насъ есть люди, которые самымъ безцеремоннымъ образомъ позволяютъ себѣ свой суровый фанатизмъ и свою безпощадную нетерпимость оправдывать и, такъ сказать, украшать священною памятью Александра III и культомъ этой памяти... Это создаетъ въ нашей духовной атмосферѣ недоразумѣніе, смущающее многихъ". Отрицая, чтобы въ программу прошлаго царствованія входило что-либо похожее на насиліе и нетерпимость, кн. Мещерскій формулируетъ ее такъ: „православной церкви—господство; каждой вѣрѣ—почитаніе; русской народности подобаетъ все объединяющая и все подчиняющая сила, но каждой народности да будетъ свобода во всемъ, что этому объединенію и этому подчиненію не препятствуетъ". Князя Мещерскаго поспѣшили поддержать „С.-Петербургскія Вѣдомости", заявляя, что страстно-партійнаго взгляда на вѣротерпимость можетъ держаться только „печать съ окраской рептилій нѣкоторыхъ слоевъ бюрократіи", а „общество устало отъ искусственнаго разжиганія въ его средѣ религіозной розни, національной вражды и всякихъ отрицательныхъ инстинктовъ". Въ томъ же № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" появилась статья г. Гольмстрема: „Великій работникъ Россіи"—подробно развивающая мысль „Гражданина" о программѣ прошлаго царствованія. „Александръ III побѣдилъ,—восклицаетъ г. Гольмстремъ,—поэтому не зовите насъ снова на битву; вамъ не одержать лучшихъ и болѣе чистыхъ побѣдъ! Онъ побѣдилъ ради мира: не вызывайте борьбы, чтобы дать пищу вашей злобѣ... Надо умѣть пользоваться плодами побѣдъ, давая побѣжденнымъ миръ, вмѣсто озлобленія. Идти впередъ—не то же самое, что биться... Въ Бозѣ почившій великій царь былъ спасительнымъ маякомъ въ бурныя времена, но онъ не дожилъ до мирныхъ дней, не дожилъ до завершенія своего великаго дѣла въ духѣ мира, единенія и любви". Въ статьѣ г. Гольмстрема „Московскія Вѣдомости" усмотрѣли стремленіе исказить идеи почившаго императора, предать забвенію *истинный* его обликъ. По мнѣнію московской газеты, „продолжать дѣло Александра III—значитъ дѣлать именно то, что̀ дѣлалъ Александръ III. Задача фальсификаторовъ прямо противоположна: имъ нужно привести къ тому, чтобы дѣло императора Александра III больше не дѣлалось... Борьбу противъ торжествующаго зла Александру III пришлось вести очень недолго. Если не двѣнадцать, то ужъ во всякомъ случаѣ десять лѣтъ его царствованія были эпохой полнаго, безмятежнаго мира. Онъ былъ не только *миротворецъ*, но прежде всего *миродержецъ*—и если намъ дорогъ миръ, мы должны держать его такъ именно, какъ онъ его держалъ. То, что̀ Александръ III дѣлалъ за послѣднія десять лѣтъ своего царство-

ванія, составляетъ систему правленія нормальнаго, а вовсе не какого-то исключительнаго, приспособленнаго лишь къ междоусобной брани... Эта система велика именно тѣмъ, что проникнута вѣчными началами, лежащими въ самой сущности общественныхъ и политическихъ явленій... Если мы желаемъ служить идеѣ Александра III-го, то, конечно, должны дѣлать именно то самое, что̀ дѣлалъ онъ, въ полной увѣренности, что и теперь онъ дѣлалъ бы то же самое". Отвѣчая „Московскимъ Вѣдомостямъ", г. Гольмстремъ не сдерживаетъ своего гнѣва. „Выходка г. Грингмута" — пишетъ сотрудникъ кн. Ухтомскаго — „показываетъ лишній разъ, что великія имена и идеи для многихъ—предметъ спекуляцій, и они умаляютъ то, что̀ берутся защищать... Благородный пріемъ открытаго боя — не въ нравахъ нынѣшнихъ руководителей *Московскихъ Вѣдомостей*. Инсинуаціи, перетасовка, прострація мысли, свили себѣ гнѣздо на Страстномъ бульварѣ". Рѣзкость этихъ нападеній отнюдь не смягчается редакціонной замѣткой, предпосланной отвѣту г. Гольмстрема. „Едва ли" — читаемъ мы здѣсь — „г. Грингмутъ, систематически занимающійся всякими фальсификаціями чужихъ словъ, идей и даже чувствъ, достоинъ того, чтобы на робко-анонимныя выходки его органа обращалось серьезное вниманіе. Вѣдь подобнаго рода дѣятельность сама за себя говоритъ"! Дальше этихъ предѣловъ откровенность, въ газетной полемикѣ, идти не можетъ. Мнѣніе петербургской газеты о московской представляется тѣмъ болѣе характеристичнымъ, что последняя еще недавно предлагала первой наступательный и оборонительный союзъ по дворянскому вопросу. Если припомнить, что уже годъ тому назадъ „С.-Петербургскія Вѣдомости" отзывались о „Московскихъ" въ выраженіяхъ не менѣе сильныхъ, чѣмъ теперь, то придется признать, что въ отношеніяхъ консервативной печати къ реакціонной господствуетъ чувство, весьма мало похожее на уваженіе. Это—признакъ мало благопріятный для дальнѣйшаго торжества ретроградныхъ стремленій...

Мы сказали выше, что не можемъ примкнуть ни къ одной изъ спорящихъ сторонъ... Вполнѣ сочувствуя честной горячности, съ которою „С.-Петербургскія Вѣдомости" выступаютъ, уже не въ первый разъ, противъ національнаго и религіознаго фанатизма, мы думаемъ, что многое въ нашемъ недавнемъ прошломъ разсматривается ими сквозь призму предвзятой идеи и представляется не такимъ, какимъ оно было въ дѣйствительности. Къ исторической точности московская газета, въ данномъ случаѣ, приближается больше, чѣмъ петербургская. Основанія для системы, во главѣ угла ставящей терпимость къ иновѣрцамъ и инородцамъ, слѣдуетъ искать, въ настоящую минуту, не позади, а впереди... Спѣшимъ прибавить, что если нѣкоторые факты,

очень еще къ намъ близкіе, понимаются „Московскими Вѣдомостями" правильнѣе, чѣмъ „С.-Петербургскими", то совершенно неправильны выводы, дѣлаемые изъ нихъ газетой г. Грингмута. Народной и государственной жизни чужда неподвижность; „вѣчныя начала" не осуществляются въ правительственной системѣ, созданной условіями времени и мѣста.

Наша замѣтка о „Союзѣ писателей" вызвала отвѣтъ со стороны г. Quidam („Московскія Вѣдомости", № 38). Не возражая ни слова ни противъ общихъ замѣчаній нашихъ о значеніи и назначеніи суда чести, ни противъ указаній на личный составъ союза, опровергающихъ тенденціозныя выдумки по этому предмету, сотрудникъ московской газеты ограничивается обвиненіемъ насъ въ „передержкѣ", „увёрткѣ", „подтасовкѣ", заключающейся въ неполной передачѣ одного мѣста его статьи. „Самозванный союзъ"—было сказано въ этой статьѣ—„примется сочинять ходатайства, высказывать различныя пожеланія, домогаться того, другого, третьяго; *и всѣ его ходатайства, пожеланія и домогательства будутъ скрѣплены подписомъ и печатью русской литературы*". По словамъ г. Quidam, мы привели только первую половину этой фразы, опустивъ вторую (напечатанную курсивомъ). Просимъ раскрыть нашу февральскую хронику: на стр. 881-й *вся* вышеприведенная фраза перепечатана буквально! На слѣдующей страницѣ мы повторили одну первую ея половину, такъ какъ именно къ ней непосредственно относились наши замѣчанія; но передъ глазами нашихъ читателей она однажды прошла *цѣликомъ*—и мы, слѣдовательно, ничего отъ нихъ не скрывали. На чьей же сторонѣ оказывается „передёржка"?... На этомъ мы могли бы покончить наше возраженіе; но, не желая оставлять невыясненною даже ничтожную подробность, скажемъ еще два слова о „хитрости", которую приписываетъ намъ г. Quidam. Мы назвали союзъ писателей „небольшимъ частнымъ обществомъ"—и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтили, что „внѣ союза остаются почти одни не-либералы". Сотрудникъ московской газеты видитъ въ этомъ противорѣчіе, котораго, очевидно, нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Писателей у насъ такъ немного, что даже всѣ они вмѣстѣ взятые не составили бы *большого* частнаго общества; тѣмъ менѣе можетъ образоваться такое общество изъ *части* писателей, хотя бы, *сравнительно*, и болѣе многочисленной...

Въ одной изъ петербургскихъ газетъ („Нов. Вр.", 20-го февраля) появилась рѣчь г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, произнесенная имъ 19-го февраля, при пріемѣ наличнаго персонала служащихъ въ министерствѣ. Воздавъ въ прошедшемъ долж-

ное своимъ ближайшимъ предшественникамъ, г. управляющій министерствомъ, по отношенію къ предстоящему будущему, высказался въ слѣдующихъ словахъ:

„Я считаю излишнимъ распространяться здѣсь относительно моей програмы. Въ краткомъ очеркѣ интересны только програмы очень широкія, т.-е. неисполнимыя. Скажу только слѣдующее: я сознаю, что во всѣхъ областяхъ народнаго образованія жизнь выставила требованія усовершенствованій и нововведеній. Но я держусь того мнѣнія, что тѣ и другія должно производить съ большою осторожностью и постепенностью. Я не сторонникъ быстрой радикальной ломки".

Начальное народное образованіе ждетъ у насъ не только усовершенствованій и нововведеній, но еще и повсемѣстнаго его распространенія; въ этомъ отношеніи мы стоимъ, за самыми небольшими исключеніями, ниже всѣхъ другихъ культурныхъ странъ. Если усовершенствованія и нововведенія въ томъ, что̀ уже существуетъ, дѣйствительно могутъ иногда требовать, для успѣха самаго дѣла, осторожности и постепенности, то въ дѣлѣ народнаго образованія—какъ и во всякомъ дѣлѣ, касающемся удовлетворенія народныхъ нуждъ, въ родѣ голода,—нельзя опасаться дурныхъ послѣдствій отъ поспѣшности. Необходимо облегчить какъ можно скорѣе участь нуждающихся въ насущномъ хлѣбѣ, какимъ является, въ настоящемъ случаѣ, начальное народное образованіе...

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга XII. Спб. 98. Стр. 543. Ц. 2 р. 50 к.

Новый выпускъ обширнаго труда М. П. Барсукова отличается такимъ же богатствомъ свѣдѣній о событіяхъ начала 50-хъ годовъ, какое представляли предъидущіе выпуски. Погодинъ по-прежнему остается центральною фигурой, около которой движется цѣлая панорама лицъ и верениц событій. Интересъ настоящаго выпуска увеличивается и оттого, что время, къ которому относится хроника, возбуждаетъ въ насъ и теперь особый интересъ; это были послѣдніе годы царствованія имп. Николая I. О размѣрѣ подробностей, вошедшихъ въ составъ этого обширнаго выпуска, можно судить по одному тому, что онъ обнимаетъ собою всего два года: 1852 и 1853 г., и останавливается какъ разъ наканунѣ крымской войны, когда появилось въ рукописи знаменитое въ свое время письмо, или, вѣрнѣе, посланіе Погодина, отъ 7-го декабря 1853 года, имѣвшее цѣлью возбудить патріотизмъ и внушить презрѣніе къ силамъ западной Европы. Погодинъ отмѣчаетъ въ своемъ „Дневникѣ“: „Грановскій сказалъ, что мое заключеніе (въ томъ посланіи) ему не понравилось. Можетъ быть. Это голосъ партіи“. Впрочемъ, и П. А. Граббе, по прочтеніи тогда посланія Погодина, писалъ: „Она (т.-е. записка) изобличаетъ ученаго и патріота, а не политика“. Совершенно особаго рода интересъ въ этомъ выпускѣ представляетъ цѣлая глава изъ личной исторіи самого Погодина о памятной всѣмъ, жившимъ въ ту эпоху, покупкѣ правительствомъ у него „Древлехранилища“, за полтораста тысячъ рублей,—со всѣми перипетіями, которыми сопровождалось это дѣло; подробности этой покупки являются нынѣ впервые тщательно собранными изъ самыхъ различныхъ источниковъ.

Финансово-Статистическій Атласъ. 1885—1895 г. Составленъ по оффиціальнымъ даннымъ. Спб. 98. Ц. 5 р.

Атласъ даетъ наглядные, графически изображенные отвѣты на всѣ вопросы по самымъ существеннымъ предметамъ государственной и экономической жизни страны, какъ въ общей картинѣ, такъ и детально, по губерніямъ. Какъ разнообразны предметы, на которыхъ остановился авторъ, можно судить уже потому, что атласъ состоитъ изъ 29 картограммъ и 7 діаграммъ, напечатанныхъ, кстати сказать, весьма роскошно и отчетливо, въ шесть красокъ. При одномъ взглядѣ на карту получается тутъ же отвѣтъ по вопросамъ, напримѣръ, какъ распредѣлены по отдѣльнымъ мѣстностямъ государственные доходы и расходы, производительность ихъ, обложенность населенія, торговая и промышленная дѣятельность, сбереженія населенія, потребленіе крѣпкихъ напитковъ, задолженность, земское хозяйство, народное образованіе, и т. д., и т. д. Послѣдняя картограмма, основанная на двухъ главныхъ источникахъ по предмету народнаго образованія,—мин. народн. просвѣщ. и земства—представляетъ мало утѣшительную картину: мѣстности, съ нѣсколько приподнятымъ народнымъ образованіемъ по расходу на него, являются пока какими-то оазисами, обозначенными нѣсколько болѣе густыми красками на блѣдномъ фонѣ пустыни: небольшіе, петербургскій, рижскій и варшавскій районы на западѣ; въ центрѣ — московскій, такой же небольшой, какъ и предъидущіе, и только на востокѣ довольно обширный районъ (Казань — Вятка — Пермь), и на югѣ—такой же (Курскъ—Кіевъ—Полтава — Харьковъ—Херсонъ—Симферополь); наконецъ, еще одинъ районъ: Закавказье. Во главѣ атласа помѣщено обширное введеніе его составителя, а въ заключеніе приложены 4 таблицы съ вычисленіями. Безъ сомнѣнія, этотъ атласъ послужитъ настольною книгою для каждаго, кто пожелалъ бы имѣть подъ рукою справку по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ государственной, экономической и культурной жизни европейской Россіи.

Чайные округи субтропическихъ областей Азіи. Отчетъ Главн. Управленія Удѣловъ. Проф. А. Н. Краснова. Съ 97 рис. Вып. II. Спб. 98. Стр. 247—618. Ц. 3 р.

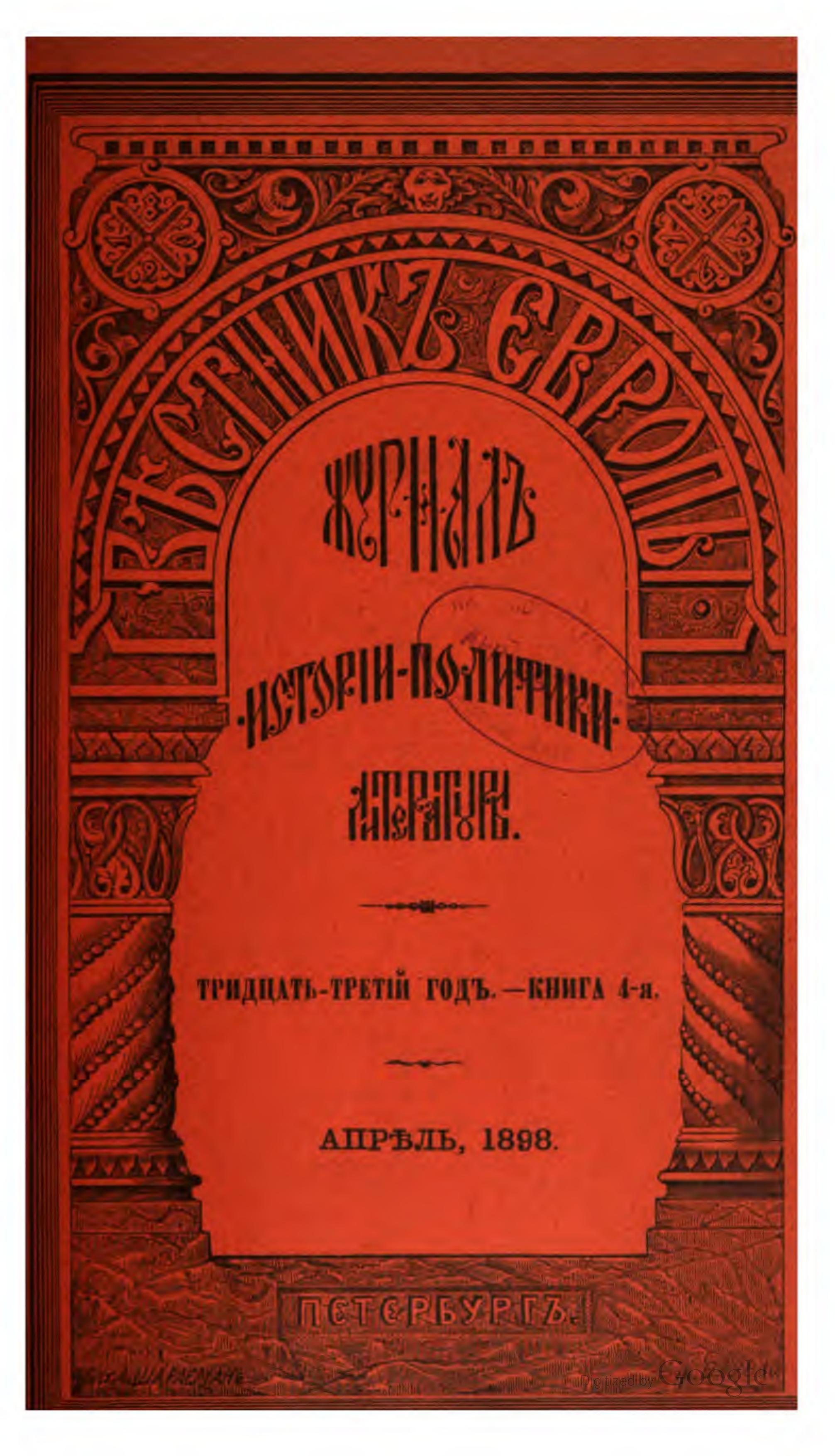
Мы указывали на цѣль этого изслѣдованія при появленіи перваго его выпуска, посвященнаго исключительно Японіи. Новый выпускъ обнимаетъ собою Китай, Индію, Цейлонъ, и вмѣстѣ представляетъ общее заключеніе, въ утвердительномъ смыслѣ, по вопросу, насколько наше Закавказье, а именно, его черноморское прибрежье, названное имъ „Колхидою“, допускаетъ возможность разведенія собственнаго чая и другихъ субтропическихъ растеній.

Архивъ села Михайловскаго. Т. I. Спб. 98. Стр. 239.

Въ селѣ Михайловскомъ, московской губерніи, сохранились въ семейномъ архивѣ различныя письма и документы конца XVIII и начала XIX вѣка, между прочимъ, также и письма гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго къ владѣвшей въ то время этимъ селомъ М. С. Бахметьевой, его близкой пріятельницѣ. Текстъ писемъ изданъ съ сохраненіемъ подлинной „орѳографіи“ того времени, которая, впрочемъ, свидѣтельствуетъ только о господствовавшей тогда безграмотности въ отечественномъ языкѣ даже и въ средѣ высшихъ сословій. Въ началѣ тома помѣщена обширная статья, біографическаго характера, подъ заглавіемъ: „Алеханъ“, гр. С. Шереметева; изданіе текста сопровождается примѣчаніями А. П. Барсукова и А. О. Круглаго, и снабжено рисунками, портретами и многочисленными факсимиле.

Локкъ, Джонъ. — Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Перев. съ англ. А. Н. Савина. М. 98. Стр. 735. Ц. 3 р.

Русскій переводъ одного изъ капитальнѣйшихъ трудовъ англійскаго философа сдѣланъ нынѣ въ первый разъ, — спустя двѣсти лѣтъ послѣ появленія въ свѣтъ оригинала. Какъ извѣстно, философія Локка стоитъ въ близкомъ отношеніи къ философіи Декарта, съ которымъ онъ расходится по вопросу о происхожденіи идей, отрицая ихъ врожденность и усматривая источникъ всѣхъ идей исключительно во внѣшнемъ и внутреннемъ опытѣ. Переводчикъ предпосылаетъ своему труду оцѣнку системы Локка, съ объясненіемъ ея достоинствъ и слабыхъ сторонъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 4-я.
АПРѢЛЬ, 1898.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1898.

Стр.

I.—ТЯГА. — Романъ въ двухъ частяхъ. — Часть вторая: VIII-XV.—**П. Д. Боборыкина** . . . 455

II.—ВОСПОМИНАНІЯ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ.—1854-1860 гг.—II.—**Екатерины Бакуниной** . . . 511

III.—КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ А. МИЦКЕВИЧА.—IX-XVIII. — Съ польскаго, Кн. **Алексѣй Кугушевъ** . . . 557

IV.—РОССІЯ И АНГЛІЯ НАКАНУНѢ РАЗРЫВА.—1853-1854 гг.—**Ф. Ф. Мартенса** . . . 563

V.—САМА ПРИРОДА.—Бытовой очеркъ, Аллена.—Съ англ., **А. Б—г**— . . . 611

VI.—ВЕШНІЕ ВСХОДЫ.—Изъ воспоминаній, встрѣчъ и переписки 70-хъ годовъ.—**В. Назарьева** . . . 661

VII.—СТАРАЯ РАКИТА.—Стих. **А. М. Жемчужникова** . . . 719

VIII.—ДВА УЧЕНЫХЪ СЪѢЗДА.—Изъ поѣздки въ Канаду.—**П. Алексѣева** . . . 720

IX.—ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. — Наши промышленные успѣхи и невзгоды.—I-IV.—**Л. З. Слонимскаго** . . . 750

X.—ИЗЪ ЭПИГРАММЪ И ЭПИТАФІЙ НА СМЕРТЬ МОЛЬЕРА. — По изданію 1725 г.—Перев. **Як. Ивашкевичъ** . . . 766

XI.—ЖИЗНЕННАЯ ДРАМА ПЛАТОНА.—XV-XXX. — **Вл. Соловьева** . . . 769

XII.—ХРОНИКА.—НАРОДНАЯ ШКОЛА ВЪ ШВЕЦІИ.—**Ан. Ар—чъ** . . . 794

XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Именной указъ и Высочайшій рескриптъ 24-го февраля.—Причины, отъ которыхъ зависитъ степень вниманія къ общественнымъ бѣдствіямъ.—Личныя впечатлѣнія отъ поѣздки въ воронежскую губернію.—Чрезвычайное воронежское губернское земское собраніе.—Письмо г. Писарева о положеніи дѣлъ въ епифанскомъ уѣздѣ (тульской губерніи).—Расширеніе круга дѣйствій суда присяжныхъ.—Ежегодный созывъ дворянскихъ собраній.—Рѣчь управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія . . . 815

XIV.—ЗАМѢТКА.—Результаты „условнаго осужденія".—**Г. Б.** . . . [illegible]

XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Европейская политика на дальнемъ Востокѣ. Соперничество великихъ державъ относительно Китая. — Два правительственныя сообщенія.—Мирныя пріобрѣтенія и ихъ значеніе. — Заботы объ усиленіи флотовъ въ Англіи и Германіи.—Европейскій концертъ въ критскомъ вопросѣ.—Соединенные-Штаты и Испанія.—Перемѣна министерства въ Австріи . . . [illegible]

XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. II.—Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ и обрядахъ и т. д., собр. П. В. Шейномъ, т. I, вып. I.—Минусинскіе и ачинскіе инородцы.—На Востокѣ, Влад. Шуфа.—**Т.** —Всемірная торговля въ XIX в. и участіе въ ней Россія.—**Л. С.**—Новыя книги и брошюры . . . [illegible]

XVII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. — Emile Zola, „Paris".—II.—H. Sudermann, Johannes.—**З. В.** . . . 876

XVIII.—НЕКРОЛОГЪ.—А. А. Рихтеръ.—**Ө. Ө. Ворононова** . . . [illegible]

XIX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Взрывъ въ курскомъ Знаменскомъ монастырѣ.—Неосторожность „сенсаціонной" прессы.—Попытка связать „пропаганду невѣрія" съ заботой о народномъ благѣ.—Организація „народныхъ развлеченій", предпринятая московской городской думой. — Несогласованность закона о печати съ жизнью.—Еще о книгѣ Г. А. Евреинова. — Духоборцы на Кавказѣ и въ Сибири.—Продовольственный вопросъ въ В. Э. Обществѣ. [illegible]

XX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Отъ Комитета Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ.—II. Отъ Харьковскаго Комитета по присужденію премій при Университетѣ, въ память 25-ти-лѣтія царствованія Имп. Александра II. . . [illegible]

XXI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Шекспиръ въ переводѣ А. Л. Соколовскаго, въ 8 том.—Экономическое ученіе Маркса, Л. З. Слонимскаго.—Стихотворенія А. М. Жемчужникова, въ 2 том.—Теорія и практика желѣзнодорожнаго права, П. М. Рабиновича.—С. Булгаковъ. О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. Изд. М. Н. Водовозовой. — Иллюстрированный Словарь общеполезныхъ свѣдѣній. Подъ редакціей Эльпе.

XXII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XX стр.

ТЯГА

Романъ въ двухъ частяхъ.

VIII *).

Опять подъ сиплую музыку органа, въ трактирѣ „Казбекъ", сидѣли два пріятеля, какъ два года тому назадъ.

Но они были уже на „вы".

Меньшовъ пріѣхалъ наканунѣ, первый пришелъ къ Спиридонову, въ его казарму, не засталъ и оставилъ записочку, гдѣ предлагалъ сойтись въ трактирѣ въ послѣобѣденный часъ.

На взглядъ Ивана, онъ очень сильно измѣнился, даже и съ послѣдняго своего житья на фабрикѣ. Лицо потемнѣло, а глаза еще болѣе ушли во впадины. И голосъ сдѣлался глухой и слабый.

На заводѣ онъ „раскастилъ" техника, и дѣло дошло чуть не до ручной расправы. Иванъ этого сразу не одобрилъ и даже вслухъ пожалѣлъ, что онъ „взбудоражилъ" Меньшова своимъ письмомъ. Вообще, въ его тонѣ звучали уже другія ноты. Онѣ давали чувствовать, что теперь еще менѣе, чѣмъ два года назадъ, Меньшову удастся сбить его своими „разрывными" мыслями, что онъ считаетъ себя на правомъ пути и благодаритъ :пода Бога за тотъ переломъ, изъ котораго вышелъ побѣди:емъ.

А непутёваго, хотя умнѣйшаго и даровитаго, пріятеля ему ю все-таки искренно жаль. И когда Меньшовъ сталъ его раз-

*) См. выше: мартъ, стр. 44.

спрашивать насчетъ той „мрази“—своего соперника конториста—глаза его потемнѣли, а въ щекахъ заиграли нервныя струйки.

Иванъ сталъ его урезонивать.

— Пора вамъ подумать, Антонъ Егорычъ, о своей судьбѣ. Такъ, батюшка, нельзя. Ежели вы полюбили образованную дѣвицу и считаете себя стоющимъ повести ее къ вѣнцу, что-ли, надо хоть какую ни на есть позицію занять! А здѣсь—коли вы хоть чуточку за собою будете слѣдить—вамъ можно осѣсться. Пропустите оказію—и опять начнется вскую шатаніе.

Меньшовъ остановилъ его, взявъ за руку. Они сидѣли рядомъ за тѣмъ же столомъ и пили чай.

Спиридоновъ былъ даже радъ показать лишній разъ въ публикѣ, что никакихъ спиртныхъ напитковъ, даже пива, не употребляетъ.

— Гдѣ мнѣ думать о супружеской пристани! — тряхнувъ головой, заговорилъ Меньшовъ.—Мое дѣло дрянь... любезнѣйшій Иванъ Прокофьичъ.

— Почему такъ?

— Такъ, значитъ, медицинская наука постановила.

И онъ какъ бы злорадно сталъ подробно разсказывать Ивану,—какъ съ нимъ стали безпрестанно случаться „сюрпризы“, и какъ на заводѣ докторъ опредѣлилъ его болѣзнь.

Иванъ опустилъ голову. Онъ всегда думалъ, что Меньшовъ „не проченъ“, но не въ такой степени.

— Всѣ—подъ Богомъ ходимъ, Антонъ Егорычъ! Но много ли, мало ли Господь соблаговолитъ положить вамъ вѣку — вы вѣдь желаете добиться... отъ той особы — онъ сталъ говорить тише — полной, такъ сказать, взаимности. Не захотите же вы обманно подъѣзжать къ ней?

— Гдѣ мнѣ теперь о законномъ бракѣ думать!

Слова эти вырвались у Меньшова горячо.

И онъ махнулъ рукой.

— Такъ достойнѣе было бы, Антонъ Егорычъ, поставить на всемъ этомъ крестъ.

Меньшовъ взглянулъ на него искоса.

— Пѣсенка моя пропѣта,—обронилъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Эхъ, Антонъ Егорычъ! Антонъ Егорычъ! — горячѣе заговорилъ Иванъ, подавшись къ Меньшову. — Такая у васъ голова! Могли бы вы столько добра надѣлать — и все вы ни въ сихъ, ни въ этихъ. И сами себѣ крылья обрѣзываете. И не хотите вы общему дѣлу послужить...

— Какому это?—прежнимъ насмѣшливымъ звукомъ остановилъ его Меньшовъ.

— Вы на то—къ примѣру — чего я добился, не желаете посмотрѣть, какъ на стоющее дѣло. И совершенно напрасно. Какъ тамъ ни посмотри на общество „Свѣтъ“ —а все-таки оно первое по счету въ этой округѣ. Изъ него можетъ вырости большущихъ размѣровъ махинища, раскинуться, яко кедръ ливанскій. Ну, да загадывать очень я не стану. Беремъ, каково оно есть, въ началѣ. Вотъ я, положимъ, предсѣдатель. Всю душу свою положилъ на него. Думаю и ворочаю мозгами больше другихъ. А между прочимъ... завелись уже молодчики—хотятъ изъ себя господина Гамбетту изображать.

Меньшовъ усмѣхнулся.

— Изъ молодыхъ, да ранніе. Въ позитуру встанетъ и пойдетъ слова нанизывать. И норовитъ взбаламутить все собраніе.

Въ Иванѣ всплыло горькое чувство, еще не улегшееся съ прошлой недѣли. И въ эту минуту успѣхъ Боброва, его протесты и возраженія—самая его фигура, и голосъ, и тонъ—все это заново захватило его.

— И вотъ, любезнѣйшій Антонъ Егорычъ, вы знаете — мы съ вами не одного толка. А я бы душевно былъ радъ—захоти вы войти въ нашъ „Свѣтъ“, какъ слѣдуетъ, вплотную. По крайности, лестно будетъ сразиться, коли вы напротивъ выступать будете. Можетъ, и васъ самого оно забрало бы, вы бы себѣ экзаментъ произвели во всѣхъ частяхъ! Ужъ коли наша мастеровщина—вы нашъ народъ вѣдь такъ обзываете? — дѣйствительно стадо барановъ, то мнѣ самому начинаетъ такъ сдаваться: по крайности, гонять его хворостиной будетъ Антонъ Егорычъ Меньшовъ, а не всякій лодырь или дерзецъ, которому желательно въ господины Гамбетты попасть!

Иванъ злобно засмѣялся. Меньшовъ не сразу отвѣтилъ, и сдѣлалъ нѣсколько глотковъ.

— Я вамъ скажу то же слово, что̀ и прежде: все это—затычки. И вы, Спиридоновъ, будете этимъ забавляться, пока оно вамъ не набьетъ оскомины.

— А вы думаете, — горячо возразилъ Иванъ: — мнѣ больно весело нести всю эту обузу на своихъ плечахъ? И на первыхъ же порахъ видѣть озорство и дубиноголовіе?

— Никто васъ не тянетъ.

— Позвольте-съ. Какую же закоренѣлость надо имѣть, Антонъ Егорычъ, коли суть нашего общества не понимать?

— Полноте,—остановилъ его Меньшовъ съ гримасой. — Вы

живой примѣръ: положимъ, достало у васъ характера себя передѣлать. Не пересилила васъ винная горечь—развѣ вы обязаны этимъ обществу „Свѣтъ"? Сначала вы сдѣлались трезвенникомъ, а потомъ уже стали хлопотать объ обществѣ. Такъ или нѣтъ?

— Положимъ, что и такъ. Но отъ кого же поддержка-то пойдетъ для другихъ прочихъ? Антонъ Егорычъ! Батюшка!

Иванъ раскраснѣлся отъ разговора и выпитыхъ чашекъ чаю, и лобъ его заблестѣлъ испариной. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ строгій трезвенникъ — онъ сталъ втрое больше пить чаю.

— А другихъ прочихъ?—повторилъ онъ, довольный своимъ доводомъ.

— Сколько у васъ отпало въ одинъ годъ?

Меньшовъ уже слышалъ про это.

— Не одинъ десятокъ, — уклончиво отвѣтилъ Спиридоновъ.

— Что̀ же это обозначаетъ, Иванъ Прокофьичъ? Но положимъ, что они всѣ до сегодня себя соблюдали, и будетъ у васъ къ новому году еще столько же членовъ — какой же толкъ въ этомъ?

— Ну, ужъ это позвольте! Вы, батюшка, на одномъ мѣстѣ топчетесь.

Въ возгласѣ Ивана Меньшовъ заслышалъ новыя ноты. Съ нимъ говорилъ не прежній тихонькій „благопріятель", имѣвшій большой „решпектъ" къ его умственности; а человѣкъ, знающій себѣ цѣну, руководитель цѣлаго общества.

— Почему же? — съ оттяжкой спросилъ Меньшовъ.

— А потому же, Антонъ Егорычъ. Скажите же на милость, какъ васъ понимать?.. Ежели я уразумѣлъ суть всѣхъ вашихъ прежнихъ разсужденіевъ...

„Разсужденіевъ",—повторилъ про себя Меньшовъ, и его глаза улыбнулись.

— Соизвольте меня дослушать,—выговорилъ Иванъ уже совершенно такой интонаціей, какія онъ пускалъ на засѣданіяхъ. —А то мы до второго пришествія не кончимъ!—добавилъ онъ опять своей любимой фразой.

— Я слушаю.

— Изъ вашихъ разсужденіевъ выходитъ: до тѣхъ поръ ничего путнаго не будетъ, пока нашъ братъ, простецъ, фабричная мастеровщина, не вытравитъ изъ себя мужицкую закваску, по другому не станетъ жить, и мозги свои, и все прочее не передѣлаетъ. Такъ аль нѣтъ?

— Положимъ.

— Нѣтъ, Антонъ Егорычъ. Надо на чистоту. Вѣдь Иванъ

Спиридоновъ не даромъ два раза на мѣсяцъ ведетъ засѣданія. Тоже и мы свою — какъ это по ученому говорится — логику, что-ли, имѣемъ.

— Ну, положимъ, и такъ... Хотя надо во многомъ столковаться...

Меньшовъ махнулъ рукой, какъ бы желая добавить: „да не стоитъ“!

— А коли такъ, то почему же вы на наше общество смотрите какъ на затычку—или, какъ вы года два называли—дай Богъ на памяти—диверсію?

— И теперь такъ же назову.

— Не понимаю! Убей Богъ мою душу—не понимаю! Первымъ дѣломъ—наше общество даетъ поддержку всякому, кто восчувствовалъ, что водка—пакость и лютый врагъ рода человѣческаго. А кто не выдержалъ—такъ намъ его и не надо. То, что вы, Антонъ Егорычъ, изволили мнѣ въ отместку сказать—я не считаю аргу́ментомъ.

Слово *аргументъ*, съ удареніемъ на второмъ слогѣ, Иванъ выговорилъ медленно и вѣско. Собесѣдникъ его увидалъ въ этомъ явное желаніе показать, что и „мы-де умѣемъ по книжному говорить, коли на то пошло“.

— Эта самая поддержка, батюшка Антонъ Егорычъ,—продолжалъ Иванъ,—ежели человѣкъ укрѣпится и станетъ, не облыжно, а взаправду трезвенникъ—въ два, въ три года его передѣлаетъ. На мѣсто кабака и сивухи, вотъ, чай будетъ, да книжка, да одѣться захочетъ почище, да заработать побольше, да сынишку отдать въ училище, а то и въ гимназію. Вы, вотъ, здѣшній, съ измальства, а ваша милость по утрамъ видали—сколько отсюда хозяйскихъ линеекъ ѣздитъ въ городъ съ фабричными мальцами? Ась?!

— Знаю, что ѣздятъ. Изъ нихъ такіе же закорузлые буржуи выйдутъ, какъ и изъ ихъ тятенекъ, разныхъ конторщиковъ да смотрителей.

— Позвольте... Водятся ужъ гимназисты; и реалисты, и тѣ— въ синихъ мундирахъ съ серебрянымъ галуномъ — какъ вы ихъ зовете?

— Классики, что-ли?

— Ну, да, самые эти классики. У двоихъ ткачей и у одного красильщика есть уже такіе подростки. Положимъ, я вамъ по душѣ откроюсь — не очень-то я въ большое умиленіе прихожу вотъ отъ такихъ гимназистиковъ. Сейчасъ его въ господскую учобу, чтобъ и по-латынскому, и по-греческому зналъ, и въ адво-

каты вышелъ. Такъ вѣдь это меня — Ивана Спиридонова — не больно-то утѣшаетъ. Я и отцамъ ихъ тоже говорилъ въ глаза! Но по *вашему*-то, Антонъ Егорычъ, вѣдь такъ именно и должно быть? Иначе какъ же стряхнуть съ себя мужицкую сермягу, а съ ней и всю свою мужицкую закваску вытравить?

На зубахъ Ивана громко щелкнулъ сахаръ „въ угрызку". Онъ отхлебнулъ съ блюдечка, потомъ выпрямился и задорно взглянулъ на Меньшова.

— Это все — капля въ морѣ, — нѐхотя вымолвилъ тотъ, и мотнулъ головой.

— Капля-то камень точитъ, другъ любезный!

Этотъ возгласъ: „другъ любезный", покоробилъ Меньшова; но онъ подавилъ въ себѣ обиженность.

— Второе дѣло,—началъ Иванъ уже совсѣмъ предсѣдательскимъ тономъ: — при такомъ обществѣ, какъ „Свѣтъ", можно чего-чего ни придумать и ни завести! Спору нѣтъ, народъ у насъ еще тугъ на подъемъ, у многихъ вотъ эта кость толста,—онъ ударилъ себя по лбу,—и я отъ васъ не скрою, что по первому же абцугу, не дальше, какъ на послѣднемъ общемъ собраніи, мою идею—онъ протяжно выговорилъ это слово — не приняли въ полномъ видѣ. Однако, мы надѣемся все-таки ее провести.

— Какую такую идею?—переспросилъ Меньшовъ упавшимъ голосомъ, точно онъ хотѣлъ показать Ивану, что всѣ эти пренія онъ считаетъ для себя ни мало не занимательными.

— А такую, что будетъ у насъ касса взаимопомощи. Это какъ по вашему выходитъ? За — или противъ того, что̀ ваша милость изволитъ проповѣдовать?—спросилъ Иванъ потише голосомъ и наклонившись къ своему собесѣднику.

— Касса взаимопомощи! много вы соберете!.. Два рубля съ полтиной!..

— А въ Англіи-то... эти, какъ бишь ихъ... союзы... они съ чего начинали? Также съ грошей.

— То Англія!

— Эхъ, батенька! Этотъ аргументъ ужъ совсѣмъ швахъ, не извольте обижаться.

Съ блескомъ въ глазахъ, Иванъ повелъ головой и сталъ наливать кипятокъ въ чайникъ.

Губы Меньшова повела болѣе злобная усмѣшка.

— Все это—затычки,—выговорилъ онъ глухимъ голосомъ, и продолжалъ вполголоса.—Ну, вотъ вы предсѣдатель общества; идеи проводите; а извѣстно ли вамъ про то, что̀ у васъ идетъ промежду вашими ближайшими товарищами-ткачами? Я хоть и

на Волгѣ жилъ, а знаю. А вы услаждаетесь говорильнями своими, въ коммиссіяхъ да засѣданіяхъ, ха, ха!

Иванъ оглянулся. Въ комнатѣ, по счастью, никого не сидѣло; но онъ все-таки, пониже нагнувшись надъ столомъ, спросилъ:

— Подходящее ли трактиръ мѣсто для такого разговора, Антонъ Егорычъ?

— Очень мнѣ нужно! Да и никого здѣсь нѣтъ!—онъ тоже осмотрѣлся.—И то, что̀ мнѣ—человѣку со стороны—извѣстно, то и для васъ должно быть не тайна.

— Вы насчетъ чего же? Все про эти двѣ копѣйки? которыхъ на миткаль съ матерій поставили? Такъ вѣдь имъ прибавили.

— А остальнымъ? А ихъ восемьсотъ человѣкъ, коли не больше.

— Такъ вѣдь они нерезонно ворчатъ на директора и на хозяевъ. Они только сорвать хотятъ въ свою пользу. Они споконъ вѣку стояли на миткалѣ. Ровно ничего они не прогадали. Съ какой же стати имъ накидывать по двѣ копѣйки, приравнивать ихъ къ тѣмъ, которые прежде матеріи работали и потеряли на миткалѣ?

— Съ какой стати?

— Да, здорово живешь?

— А съ какой стати, — заговорилъ Меньшовъ порывистымъ полушопотомъ,—ваши хозяева загребаютъ чистую прибыль, здорово живешь? А? Вотъ вы двадцать лѣтъ стояли между двумя станками или бѣгали за кареткой, а, поди, до сихъ поръ ни разу на досугѣ не произвели разсчета—сколько хозяевамъ идетъ, безъ всякаго резона, копѣекъ изъ каждаго аршина миткаля? Желаете, я вамъ это сейчасъ по пальцамъ разочту, Иванъ Прокофьичъ?..

— Слыхали!—перебилъ его Иванъ.

И тотчасъ же онъ вспомнилъ, какъ когда-то—не такъ, чтобы очень давно — одинъ выгнанный конторщикъ выкладывалъ ему на костяхъ вотъ этотъ самый разсчетъ.

Отчего же онъ на него не подѣйствовалъ? Не больно смутится онъ имъ и теперь.

— Да что̀ слыхали-то?—переспросилъ Меньшовъ.

— Да вотъ: во что̀ обходится хозяевамъ и хлопокъ, и вся наша работа.

— А во сколько?—продолжалъ допрашивать Меньшовъ.

— Сейчасъ я не могу наобумъ сказать.

— Однако... вы, Иванъ Прокофьичъ, прошли черезъ всѣ мы-

тарства—и въ прядильщикахъ, и въ самоткачахъ, а потомъ въ подмастерьяхъ.

— Прошелъ... Вамъ это вѣдомо!

— Однако, видно, этого не знаете доподлинно—какъ на всю работу, начиная отъ чистки и расчески хлопка, вплоть до тканья, нейдетъ больше полуторы, много двухъ копѣекъ?!

— Знаю-съ и это,—выговорилъ рѣшительно Иванъ.

— И то знаете, во сколько на аршинъ миткаля обойдется ваша самоткацкая работа?

— И это намъ извѣстно. Такимъ же манеромъ вѣдомо намъ и то, какой чистый барышъ приходится хозяевамъ, даже коли положить имъ всѣмъ жалованье, какого они за свое умѣнье нигдѣ не получатъ; и проценты съ ихъ капитала...

— А-а!—громче воскликнулъ Меньшовъ и откинулъ голову своимъ характернымъ жестомъ.—Вы все это знаете? Такъ что̀ же, по вашему, изображаетъ собою *чистый барышъ* вашихъ хозяевъ? Развѣ они тоже не здорово живешь откладываютъ себѣ на каждый пай по двѣсти тысячъ рублей? А вы, Иванъ Прокофьичъ, изволили сейчасъ выразиться, что, молъ, тѣ, кто матерій не работалъ, норовятъ теперь сорвать съ хозяевъ по двѣ копѣйки—здорово живешь! И превосходно, что они этого хотятъ,—только хотятъ-то, опять-таки, какъ стадо барановъ, не вѣдая, что̀ такое хозяйскій барышъ, изъ чего онъ состоитъ? Дойди они до этого своей башкой, они не о двухъ бы копѣйкахъ на кусокъ заговорили! Двѣ копѣйки! Когда на каждый аршинъ—слышите—на каждый аршинъ, а не на кусокъ миткаля хозяева положатъ себѣ въ карманъ эти двѣ копѣйки—ужъ доподлинно здорово живешь!

Меньшовъ нервнымъ движеніемъ руки отставилъ отъ себя допитую чашку.

— Эхъ, Антонъ Егорычъ!—заговорилъ Иванъ.—Мудреное это дѣло — разобрать до тонкости, изъ чего состоитъ прибыль. Вамъ и книги въ руки. Пытались и мы доходить. Когда я еще безусымъ прядильщикомъ былъ, мнѣ кто-то далъ почитать толстую книгу, „Капиталъ“ господина Маркса. Не одолѣлъ, грѣшный человѣкъ—одна цыфирь оскомину набила. Ну, положимъ,—Иванъ сталъ говорить еще тише:—изъ-за этихъ двухъ копѣекъ пойдутъ промежду ткачей бродить дрожжи. Что же, по вашему, мнѣ зачинщикомъ, вожакомъ, что-ли, дѣлаться? Небось, вы сколько разъ издѣвались надъ стадомъ-то барановъ, когда припоминали стачку, что̀ четыре года была? Тоже и теперь выйдетъ, какъ только изъ-за красильнаго корпуса покажутся сѣрыя

шинели. И останешься въ дуракахъ! А то и тамъ очутишься, какъ это говорится у господина Щедрина, въ тундрахъ сѣвера!

Переведя дыханіе, Иванъ кончилъ свою рѣчь громче и вѣско, убѣжденно выговаривая каждое слово.

— По моему, Антонъ Егорычъ, все дѣло въ самомъ нутрѣ человѣка, въ его, значитъ, душѣ. Ежели онъ не владѣетъ своей душой и совѣсть у него заглохла—никакія забастовки, никакія книжки не помогутъ! Съ себя надо начать каждому изъ насъ!

Онъ постучалъ о чайникъ. Ему пора было уходить.

Меньшовъ сидѣлъ къ нему вбокъ, облокотившись о край стола. По его глазамъ Спиридоновъ тутъ только замѣтилъ, что тотъ его не слушаетъ и какъ будто перемогается. Щеки поблѣднѣли. Рукой онъ прижалъ грудь съ лѣвой стороны.

— Неможется вамъ?—спросилъ онъ его, привставая.

— Ничего! Авось пройдетъ!—выговорилъ Меньшовъ.—Все это, Иванъ Прокофьичъ, выѣденнаго яйца не стоитъ. Да и напрасно вы столько пороху потратили. Моя пѣсенка спѣта.

Онъ сѣлъ по-другому, съ наклоненной головой и не отнимая руки отъ лѣвой половины груди.

Иванъ въ первый разъ почувствовалъ, что Меньшову дѣйствительно ни до чего нѣтъ дѣла, что ему прочитанъ какой-то приговоръ.

— Полноте, дружище,—возразилъ онъ ему гораздо теплѣе. —Неужели и счастья своего не будете добиваться?

Меньшовъ взглянулъ на него затуманенными глазами, точно не понимая сразу, на чтò тотъ намекаетъ.

— Добиваться!—повторилъ онъ, силясь усмѣхнуться.—Гдѣ же мнѣ! Вѣдь у того фертика сколько, поди, лѣтнихъ брюкъ и галстуховъ! И на велосипедѣ я его видѣлъ вчера!

Онъ засмѣялся и всталъ. Лобъ его былъ влаженъ и дышалъ онъ тяжело.

Ивану стало за него жутко.

IX.

Шоссейная ѣдкая пыль слѣпила глаза Меньшову. Онъ шелъ отъ станціи желѣзной дороги, часу во второмъ, по жарѣ. Ему опять было сильно не по себѣ. Послѣ разговора съ Спиридоновымъ, въ трактирѣ „Казбекъ“, онъ насилу дотащился до дому и весь вечеръ пролежалъ. Но на другой день ничего не сказалъ Настасьѣ Ильинишнѣ. Онъ скрывалъ отъ нея и ту діагнозу,

какую поставилъ ему докторъ въ Барышовѣ, скрылъ и подтвержденіе этой діагнозы фабричнымъ старшимъ врачомъ, когда онъ ходилъ къ нему за рецептомъ и тотъ заново выстукалъ и выслушалъ его. Вторая діагноза была еще безотраднѣе. Фабричный докторъ сказалъ ему, сильно нахмурившись:

— Совѣтую избѣгать малѣйшаго волненія...

— Что жъ, докторъ! Одинъ конецъ!

— Каковъ конецъ — вотъ въ чемъ вопросъ!—еще строже выговорилъ докторъ.—Внезапнаго разрыва артеріи можетъ и не быть или паралича сердца. Но быстро могутъ явиться тяжкія осложненія... весьма тяжкія,—протянулъ онъ, еще сильнѣе сдвинувъ свои черныя косматыя брови.

Но на него этотъ вторичный приговоръ особенно не подѣйствовалъ. Съ осложненіями или безъ осложненій—конецъ одинъ.

Что̀ жъ тутъ удивительнаго, что онъ такъ „окаменѣлъ". Если его пѣсенка спѣта—изъ-за чего биться?

Вотъ сейчасъ на вокзалѣ, провожая свою пріемную мать, онъ прощался съ нею навсегда. Въ разныя „глупости", въ родѣ предчувствій, онъ не вѣритъ; но онъ не надѣется, да и не желаетъ такъ долго тянуть.

Его старушка тоже очень плоха. У нея, кажется, чахотка, Онъ объ этомъ докторовъ не допрашивалъ, да и не все ли равно—какъ называется болѣзнь, которая приведетъ по прямому пути къ смерти?

Самый печальный и вмѣстѣ вѣрный признакъ—то, что она не считаетъ своего положенія „серьезнымъ". Старый больничный врачъ самъ настоялъ на леченіи кумысомъ въ Самарѣ. Ей дали отпускъ на два мѣсяца и единовременное пособіе. Она прощалась съ нимъ, вотъ сейчасъ, полная надеждъ на абсолютное выздоровленіе.

Съ своимъ „Антошей" она давно не воюетъ. Его возвращеніе на фабрику и обрадовало ее, и сильно взволновало, такъ, что она прихворнула больше обыкновеннаго: потъ, ночью усиленный кашель, мокрота съ кровью.

Радовалась она и тому, что Антошу приняли, хоть и запаснымъ, но безъ всякихъ оттяжекъ. Мастера швейцарца больше нѣтъ, и прежнія исторіи забыты.

Опять по ея ходатайству нашелъ онъ себѣ здѣсь пропитаніе. Но это не обижаетъ его: не все ли едино — какъ дотягивать свою лямку?

Одно его еще подзадориваетъ—заставить „шикозную" Анну Галактіоновну, считающуюся самой красивой женщиной на всю

мануфактуру, по другому взглянуть на него, показать, есть ли разница между нимъ и какой-нибудь конторской „мразью“.

Только это и даетъ еще ему чувство жизни.

Съ тревогой думалъ онъ, застанетъ ли ее дома, когда пойдетъ къ ней, вернувшись на фабрику, съ книжкой, по порученію Настасьи Ильинишны. Какъ она ни финти, а онъ съумѣетъ распознать, въ какихъ она чувствахъ къ франту-конторщику.

Онъ былъ уже за четверть версты отъ поворота къ слободѣ. Теплый вѣтеръ продолжалъ крутить столбы пыли. Дышалось ему тяжко. Но онъ не взялъ на вокзалѣ извозчика. Приходилось жить на гроши, до „дачки“, черезъ двѣ недѣли.

Сзади раздался рѣзкій звонъ велосипеда. Меньшовъ обернулся. Отъ вокзала кто-то беззвучно катилъ на резиновыхъ шинахъ. Это былъ, точно нарочно, чтобы поддразнить его, конторщикъ Щепетильниковъ, въ свѣтлосѣрой парѣ, бѣлой фуражкѣ, съ панталонами, пристегнутыми у щиколки ремнями.

Пухловатое лицо этого франта, его бородка, подстриженная на щекахъ, и pince-nez, и галстухъ, и булавка, и вся его посадка—туловищемъ впередъ, по-жокейски—возмущали Меньшова. Онъ оглянулъ его вызывающимъ взглядомъ. Но тотъ даже не повернулъ головы. Одна минута—и велосипедъ катилъ уже въ облакахъ пыли за сто саженъ. Черезъ пять минутъ Щепетильниковъ будетъ на фабрикѣ. Быть можетъ, онъ тоже торопится къ госпожѣ Лаврской—послѣ обѣда—проводить ее въ рощу или въ городъ. Вѣдь онъ уже на такомъ положеніи, что ему полагается пролетка отъ хозяевъ.

А ты—глотай пыль и задыхайся отъ учащеннаго боя сердца. Взять извозчика за тридцать копѣекъ тебѣ нельзя, не рискуя—„до дачки“—очутиться безъ единой копѣйки и питаться баранками изъ пекарни, да и то еще если возьмешь харчевую книжку.

— Анна Галактіоновна!—окликнулъ Меньшовъ учительницу Лаврскую, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ея квартиры.—А я у васъ былъ сейчасъ.

Она поклонилась ему издали, и когда подошла, протянула руку; но во всей ея повадкѣ чувствовалась сейчасъ же немного брезгливая сдержанность, которая такъ его колола и волновала.

— Вотъ книжка... отъ Настасьи Ильинишны.

— Благодарствуйте.

— Вы не домой?—спросилъ онъ и пошелъ съ ней рядомъ.

— Да, на минуту. Только надѣть шляпу и мантилью.

Она была безъ шляпы, подъ зонтикомъ, въ свѣженькомъ батистовомъ лифѣ, старательно причесана, по-модному, съ большими зачесами на уши. Это дѣлало уже ея лицо, немного пополнѣвшее въ послѣдній годъ.

— Вы позволите пройти съ вами?

— Пожалуйста.

Но это „пожалуйста“ звучало суховато, если не брезгливо. Кровь начала приливать къ его щекамъ. Онъ долженъ былъ сейчасъ же заставить ее измѣнить тонъ.

— Эту книжку вы для себя? — спросилъ онъ и поглядѣлъ на нее, усмѣхнувшись глазами.

— Конечно. А вы ее читали развѣ?

Вопросъ звучалъ почти дерзостью.

— Читалъ-съ. И уже два года назадъ, Анна Галактіоновна.

— Вотъ какъ!

— Позвольте.—Онъ остановился и протянулъ руку, какъ бы желая остановить и ее.—Вы, кажется, считаете меня малограмотнымъ разночинцемъ?—выговорилъ онъ съ дрожью въ голосѣ.

— Ха, ха! Съ какой стати?

Она замѣтно смутилась.

— Ученостью намъ съ вами нечего тягаться, Анна Галактіоновна.

Они медленно пошли по тротуару и были уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ея домика.

— Я и не имѣла никогда ни малѣйшаго намѣренія.

— Полноте, — прервалъ онъ ее. — Вотъ уже больше года, какъ вы изволите относиться ко мнѣ съ высоты вашего... какъ бы это сказать... если не величія, то интеллигенціи. И вы—я предполагаю—считаете меня великимъ дерзецомъ, если не нахаломъ? А позвольте, Анна Галактіоновна, припомнить одну подробность. Это было на Пасхѣ, въ послѣдній мой пріѣздъ. Вы у Настасьи Ильинишны при мнѣ говорили про успѣхи вашего старшаго класса.

— Помню! Чтò жъ изъ этого?

Она вся выпрямилась, и ея быстрые, хорошенькіе глаза прошли по его лицу.

— Вы заставляли ихъ на голоса читать сцену изъ „Минина“ въ Кремлѣ.

— Ну да! Чтò жъ изъ того?

— Вы изволили тогда сказать увѣренно, съ непогрѣшимостью педагогички, что эта сцена принадлежитъ перу Пушкина.

— Что жъ изъ этого?—нетерпѣливо повторяла она.

— Стало быть, вы и своей школьной командѣ изволили выдать это за Пушкина?

— Вы меня, кажется, допрашиваете?

— Нѣтъ-съ, только освѣдомляюсь.

— И вотъ тогда у моей мамаши, отъ которой я принесъ вамъ прощальный поклонъ, не хотѣлъ я вамъ замѣтить... тутъ были еще гости... что сцена эта отнюдь не изъ Пушкина, а изъ драматической хроники Островскаго—„Козьма Мининъ Сухорукъ". А у Александра Сергѣевича Пушкина не имѣется во всѣхъ его сочиненіяхъ ни цѣлой пьесы, ни отдѣльной сцены на такой сюжетъ.

Она вся вспыхнула и даже полузакрыла глаза.

— Можетъ быть... я не помню...—выговорила она и тотчасъ же закусила губу.

— Клеветать на васъ не буду, Анна Галактіоновна, и педантствовать не стану. Но вы доподлинно—какъ я вамъ теперь докладываю—выдали эту сцену за Пушкинскую. Да не въ этомъ суть... Анна Галактіоновна!—Коли бы я былъ такой дерзецъ и нахалъ, какимъ меня считаютъ—я бы васъ при всѣхъ поддѣлъ; а я не хотѣлъ этого... промолчалъ, думая, что вы просто обмолвились.

Лаврская не сразу ему отвѣтила.

— Что же, Антонъ Егорычъ,—въ первый разъ назвала она его по имени и отчеству:—вы желали мнѣ доказать, что вы больше меня знаете и читали?

— Нѣтъ-съ, не то, Анна Галактіоновна, совсѣмъ не то. Но судить о человѣкѣ не слѣдуетъ только по ярлыку, который къ нему прилѣпятъ, или по тому, что онъ, какъ я, многогрѣшный, немножко повыше ткача или паровщика!

Она пожала плечами.

— Я табелью о рангахъ не интересуюсь, monsieur Меньшовъ.

Ему до боли захотѣлось крикнуть: „Знаю я, кѣмъ ты интересуешься"!

Голова его горѣла. Слова и цѣлыя фразы толпились въ ней. И въ то же время онъ сознавалъ, какъ нелѣпо въ этомъ разговорѣ ведетъ себя. Ни одинъ юнкеръ, никакой писарекъ изъ фабричной бухгалтеріи—если ему нравится дѣвушка, и онъ хочетъ довести ее до взаимности—не будетъ такъ безсмысленно дразнить ее, точно подростка-гимназистку.

— Былъ бы несказанно счастливъ,—заговорилъ онъ съ уси-

ліемъ, чувствуя опять приступъ сердцебіенія:—узнать, какія такія сокровища ума и души имѣются у тѣхъ, кто...

Онъ не докончилъ. Къ тротуару подлетѣла пролетка съ кучеромъ, одѣтымъ въ безрукавку и картузъ—форма для выѣздовъ служащихъ помельче — и съ нея соскочилъ Щепетильниковъ, успѣвшій перемѣнить костюмъ велосипедиста на темную визитку съ длиннымъ хвостомъ и шляпу цилиндръ.

— Вы за мной?—спросила его Лаврская.

— Какъ было сказано. Пароходъ отходитъ ровно въ три.

— Я сейчасъ буду готова. Только надѣть шляпу и взять мантилью.

— Не угодно ли, я довезу?

Меньшова контористъ какъ бы и не замѣчалъ. А они были „шапочно" знакомы.

— Вы, кажется, меня не узнаете?—спросилъ его Меньшовъ, и рѣсницы его вздрогнули.

— Ахъ! Мое почтенье!

И, не подавая ему руки, онъ подсадилъ Лаврскую въ пролетку.

Она поклонилась Меньшову молча и тотчасъ же повернула голову къ своему кавалеру.

Черезъ пять минутъ мимо Меньшова, шедшаго обратно въ сторону своей казармы, проѣхала та же пролетка къ главнымъ воротамъ.

Онъ невольно остановился и долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ. Его душило. Нестерпимая обида заглодала уже не одного „артиста", который долженъ за ничтожную плату выдумывать завитушки для мужицкихъ ситцевъ,—а такого мужчину, какъ онъ, съ его наружностью, обаяніемъ на женщинъ, смѣлостью взглядовъ и умственнымъ развитіемъ, еще *небывалымъ*—онъ въ этомъ былъ увѣренъ! — съ тѣхъ поръ, какъ на русскихъ фабрикахъ загудѣлъ паръ и загрохотали тысячи станковъ.

А со стороны главнаго корпуса доносился все тотъ же несмолкаемый гулъ, похожій на морской прибой.

„Идіотъ! Идіотъ"!—чуть не съ плачемъ повторилъ онъ, подавленный тѣмъ, что̀ онъ вынесъ по собственной винѣ...

X.

У крыльца главной конторы столкнулись Спиридоновъ и хожалый Благомѣрный—все такой же видный, какъ и два года назадъ,—въ бѣломъ картузѣ и просторномъ сакъ-пальто, съ па-

лочкой въ правой рукѣ; только борода стала посѣрѣе отъ сѣдины.

Въ послѣднее время они незамѣтно сблизились. Благомѣрный—съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Иванъ такъ себя „ограничилъ“ и опять „правильнымъ“ человѣкомъ сдѣлался — видимо искалъ его пріятельства, и за глаза и въ глаза выказывалъ ему уваженіе. Но про себя онъ не особенно сладко смотрѣлъ на всѣ тѣ „затѣи“, которыя пошли со времени открытія общества „Свѣтъ“.

Благомѣрный давно выработалъ себѣ свой взглядъ на рабочихъ, фабрику, хозяйскую власть, въ особенности на все то, что̀ было заведено матерью молодыхъ хозяевъ—школа, аптека, больница, пріютъ, ясли. Онъ прямо не называлъ этого „баловствомъ“, но и не очень-то сладко смотрѣлъ на всѣ такія „заведенія“.

Противъ „трезвенниковъ“ онъ, разумѣется, ничего не имѣлъ, но разныя сборища, тамъ, въ залахъ, читальни, танцы, театръ, чтеніе журналовъ и газетъ—считалъ уже предосудительнымъ баловствомъ, хотя до сихъ поръ воздерживался отъ рѣшительнаго разговора на этотъ предметъ съ предсѣдателемъ Спиридоновымъ.

— А! Михаилъ Ефимычъ!—поздоровался Иванъ съ хожалымъ:—вы къ Сергѣю Сергѣевичу?—спросилъ онъ его на ходу, поднимаясь по лѣстницѣ.

— Къ нему-съ. Разбирательство будетъ... довольно казусное. Вы туда же?

— Сергѣй Сергѣичъ вызвалъ.

— По какому случа̀ю?—спросилъ хожалый вполголоса, наклонивъ къ нему ухо.

— Да должно быть насчетъ домика въ слободкѣ.

— Хотите пріобрѣсть?

— Подумываю и такъ, и этакъ.

Они вошли въ корридоръ.

— А какое разбирательство у васъ?—спросилъ Иванъ.—По скандальной части?

— И весьма. Вотъ, Иванъ Прокофьичъ, утруждаете вы себя по предмету водворенія трезвенниковъ, а посмотрите, какія колѣна выкидываютъ ваши сотоварищи?

— Да неужто изъ трезвенниковъ кто?—тревожно остановилъ Иванъ.

— Ужъ не знаю. Я списка вашихъ сочленовъ не имѣю. Вотъ послушайте, коли вамъ любопытно.

Съ управляющимъ Ивану не удалось переговорить—день выдался горячій: полна комната народа. Сергѣй Сергѣичъ сказалъ ему только:

— Боюсь, Иванъ, что ты опять, какъ тогда, все тянуть будешь! Рѣшайся скорѣе и приходи—въ началѣ будущей недѣли.

Теперь, противъ третьяго года, онъ болѣе склоненъ былъ сдѣлаться домовладѣльцемъ въ хозяйской слободкѣ, на льготныхъ условіяхъ. Строить избу въ Ляховѣ—надо сразу имѣть сотню, другую въ карманѣ. А тутъ входи прямо въ готовый домъ и выплачивай по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ. Онъ даже осматривалъ на дняхъ вновь отстроенные домики, и одинъ ему особенно полюбился, угловой, совсѣмъ снаружи отдѣланный; даже крыша выкрашена.

Онъ медлилъ уходить. Хожалый подошелъ къ нему и на ухо сказалъ:

— Вонъ... барышня-то... съ жалобой на своего обидчика.

— Да это изъ моей бывшей команды!

Иванъ сейчасъ же призналъ молодую ткачиху, бывшую сначала въ катушечномъ отдѣленіи, Пелагею Маслову. Она при немъ и стала работать матеріи. Кажется, онъ на брильянтинъ ее поставилъ, коли ему память не измѣняетъ.

Иванъ зналъ, чьихъ она и родителей была. Оба померли на фабрикѣ, и отецъ, и мать. На рукахъ у нея остался братишка-подростокъ. Онъ теперь уже долженъ быть вызывальщикомъ.

Пелагея стояла къ нему въ полъ-оборота, такъ, что ей не видно было ни Ивана, ни хожалаго. Она держала руки въ карманахъ своего короткаго пальто, песочнаго цвѣта; на головѣ шолковый бѣлый платокъ; невысокаго роста, стройная, лицо продолговатое, блѣдное, маленькій носъ и красивыя темныя брови, немного сдвинутыя. Сейчасъ видно, что дѣвушка съ характеромъ.

Разбирательство его заинтересовало. Онъ пододвинулся поближе къ порожнему столу у правой стѣны, откуда ему будетъ удобнѣе все видѣть.

Хожалый въ это время подошелъ къ столу управляющаго и сталъ по ту сторону Пелагеи.

— Пришелъ ли тотъ... какъ его... Емельянъ Игнатьевъ?—спросилъ Сергѣй Сергѣичъ, какъ всегда, лѣтомъ, въ парусинномъ пиджакѣ и съ папиросой.

— Здѣсь!—отвѣтилъ хожалый.

Къ столу подошли разомъ и подсудимый, и его жена. Онъ—званіемъ красильщикъ—весь развихленный, съ землистымъ лицомъ пьяницы, еще не старый, съ выраженіемъ совершеннаго

равнодушія, въ затасканной кумачевой рубахѣ, съ пиджакомъ въ накидку и о босу ногу, въ опоркахъ.

Держа его за свѣсившуюся полу пиджака, встала, рядомъ съ нимъ, и жена, въ ситцевомъ платкѣ на головѣ и кацавейкѣ, старообразная, съ желтоватыми пятнами на щекахъ и совсѣмъ безъ бровей.

— Ты знаешь,—обратился управляющій къ красильщику:—вотъ съ этой дѣвицей—онъ указалъ рукой на Пелагею Маслову—вчера, ночью, ты произвелъ дебошъ. Полѣзъ къ ней, въ первомъ часу ночи. И вообще такъ безобразничалъ, что попалъ въ будку. Хожалый Благомѣрный можетъ все это подтвердить. Онъ тебя и арестовалъ. Сознаешься ты въ этомъ?

— Это точно, Сергѣй Сергѣичъ, нечистый попуталъ,—сипло залепеталъ рабочій и развелъ руками. Лицо оставалось такимъ же равнодушнымъ.

— Пелагея Маслова живетъ съ вами въ одной каморкѣ, потому что при ней братъ-подростокъ—продолжалъ управляющій.—Но это не резонъ, чтобы такъ безобразничать!!

— Господинъ управляющій,—жалобно заговорила жена красильщика.—Какъ передъ моимъ Господомъ—онъ находился въ безчувственномъ видѣ... ему это съ пьяныхъ глазъ показалось...

— Ну, матушка,—остановилъ ее управляющій.—Хорошо же ты своего муженька защищаешь!

Кто-то прыснулъ сзади.

— По нашимъ правиламъ, тебя, Емельянъ Игнатьевъ, вмѣстѣ съ женой слѣдуетъ выдворить изъ казармы на вольную квартиру, тѣмъ паче, что ты уже нѣсколько разъ былъ замѣченъ въ пьянствѣ и буйствѣ. Проси сейчасъ же прощенія у Пелагеи. Если она тебя проститъ, я, быть можетъ, еще сдѣлаю тебѣ снисхожденіе.

Протянулось молчаніе. Пелагея, все еще держа руки въ карманахъ пальто, приблизилась къ столу.

— Сергѣй Сергѣичъ,—заговорила она пріятнымъ, низковатымъ голосомъ:—какъ вамъ будетъ угодно, а я ему этого не могу простить. Ни подъ какимъ видомъ,—произнесла она тверже и опустила рѣсницы.—Они оба цѣлый годъ меня обижали всячески. На всю казарму кричали, что я самаго зазорнаго поведенія. А это неправда!—почти крикнула она и подняла голову.—Я не такая, я не развратная! Только по сиротству я должна, живя въ одной каморкѣ, выносить такія обиды. Вамъ всякій скажетъ, что они оба похвалялись, чуть не каждый день, какъ они меня изъ каморки выгонятъ.

Переведя духъ, она добавила медленно и вѣско:

— Не могу я ему простить! Вотъ мое послѣднее слово.

И отошла въ сторону.

Сергѣй Сергѣичъ усмѣхнулся и закурилъ новую папиросу.

— Барышня съ душкомъ!—шепнулъ хожалый Ивану.

— Чтожъ! Такъ и надо!

Ивану нравилось, какъ молодая ткачиха повела себя.

Коли чувствуешь такую обиду—нельзя мириться. Пьянъ-пьянъ, однако небось понималъ, что̀ дѣлаетъ.

Разумѣется, главный соблазнъ и „нѐчисть"—то, что въ казармахъ выдаются такія вотъ сожительства: мужъ съ женой и молодая дѣвушка съ мальчикомъ-братомъ. Или семейство и вдова съ дочерью, а то такъ вдовецъ, тоже съ взрослой дочерью. Вотъ и выходятъ такія безобразія!

— Стало быть,—спросилъ управляющій другимъ тономъ, посерьезнѣе:—вы, Пелагея Маслова, не согласны его простить?

— Нѣтъ, Сергѣй Сергѣичъ, не могу я этого сдѣлать!

— Ну, ступайте. Даю вамъ сроку до четверга.

Повернувъ голову къ красильщику и его женѣ, онъ добавилъ:

— Ежели Пелагея тебѣ твое безчинство не проститъ, я тебя предупреждаю, что мы должны будемъ выдворить тебя на вольную квартиру.

Пелагея, молча, поклонилась и, не поднимая глазъ на своего „обидчика", пошла къ двери.

— Ваша милость, господинъ управляющій!—заголосила-было жена красильщика; но сторожъ у двери и хожалый стали ее выпроваживать. Мужъ ея такъ и остался съ заспаннымъ, равнодушнымъ лицомъ и побрелъ за нею.

Въ корридорѣ Иванъ нагналъ Маслову.

— Паша!—окликнулъ онъ ее по старой памяти, какъ звалъ, когда былъ подмастерьемъ.

Она обернулась и вскинула на него очень красивыми синими глазами.

— Ахъ! Иванъ Прокофьичъ! Вы нѐшто были тамъ?

И она немного покраснѣла.

— Былъ и все слышалъ!

— Можетъ, осуждаете меня?

— Ни мало! Такъ ихъ, подлецовъ, и нужно! Этакое животное!

— Мочи моей нѣтъ. Да я дольше осени не желаю въ семейныхъ каморкахъ оставаться.

Она брезгливо повела своими немножко блѣдными губами.

— А парнишко вашъ?

— Ему семнадцать лѣтъ скоро. Можетъ въ холостую камеру.

— Избалуется.

— И тутъ соблазновъ-то не мало. Сами знаете.

Смотря на нее, Иванъ подумалъ:

„Какая она разумная!.. И характеръ есть“!

Ему стало какъ бы досадно, что онъ раньше точно не замѣчалъ ея. И тутъ же онъ вспомнилъ, что она пріятельница ткачихи Авакумовой, къ которой часто ходитъ въ гости Машутка.

— Вы вѣдь никакъ дружны съ Анисьей? — спросилъ онъ, провожая ее и въ сѣни.

— Какже... Машеньку вашу у нея видаю. Какая она у васъ умница. И по ученью отлично идетъ.

Онъ прислушивался къ ея говору: и голосъ пріятный, и складно говоритъ. Припомнилось ему, что она и книжку любитъ почитать.

— Что̀ же вы къ намъ нейдете въ общество? — съ оттѣнкомъ упрека спросилъ онъ.

— Какъ же мнѣ?.. Я—одинокая. Анисья—та для мужа.

— У насъ есть и барышни. И не одна. Всѣ актерки наши сами пришли... Не то что при отцахъ или при братьяхъ. И вы бы въ труппу поступили.

— Гдѣ!—она махнула рукой.—Только срамиться! Ни одна не можетъ противъ мужчинъ. На это надо родиться.

Они сошли съ крыльца.

— Коли вы Машутку мою такъ одобряете, — возбужденно сказалъ Иванъ и протянулъ ей руку:—зайдите когда къ намъ, въ досужее время... чайку попить. Ко мнѣ можно — я вдовецъ.

— Благодарствуйте!

Она опять немного покраснѣла и крѣпко пожала ему руку.

Иванъ поглядѣлъ ей вслѣдъ—какъ она перебирала ногами въ свѣтлыхъ ботинкахъ и подумалъ.

„Можно бы и у себя поселить ее, коли бы она была одна; да пересудовъ не оберешься“.

XI.

Къ вечеру Иванъ пошелъ въ новую слободку, не за тѣмъ, чтобы осмотрѣть еще разъ тотъ домикъ, который контора готова уступить ему, а по просьбѣ одного изъ домохозяевъ, какъ предсѣдатель общества трезвости.

Слободку отдѣлялъ отъ мануфактуры кочковатый пустырь. Мѣсто было потное, но тѣ десятины, гдѣ выстроили домики фабричныхъ, осушили дренажемъ. Слободка быстро обстроивалась. Выведены были уже три линіи—въ видѣ покоя. Всѣ строенія были однихъ и тѣхъ же размѣровъ, обнесены деревянными рѣшетками, домики—обшитые тесомъ, въ пять оконъ, съ желѣзными крышами; на дворѣ—сарайчики и погребицы. На недавно доконченныхъ строеніяхъ розоватый колеръ теса весело отливалъ отъ тѣхъ, что стояли уже два года и больше.

По главному порядку, шедшему вдоль канавы, отдѣлявшей пустырь отъ слободки, выровнялось до пятнадцати домиковъ.

Къ одному изъ нихъ направлялся Иванъ. Тамъ жилъ землякъ его—Павелъ Пантелеевъ, изъ Ляхова, сушильный смотритель. Какъ „лукавый мужиченко“ и „подхалимъ“, онъ, въ прошломъ году, выпросилъ себѣ домикъ ,хотя—въ деревнѣ—у него исправный домъ и порядочная запашка. Многіе этимъ обижались — изъ желающихъ водвориться въ новой слободкѣ; но онъ забѣжалъ къ молодымъ хозяевамъ, и Сергѣй Сергѣичъ долженъ былъ водворить его, противъ своего желанія.

Павелъ живетъ тутъ, какъ и другіе домовладѣльцы, настоящимъ съемщикомъ. При немъ жена Марья — дошлая бабёнка, такая же сладкая на языкъ и хитрая, какъ и онъ, скопидомка и колотовка. У нихъ двѣ горницы для жильцовъ: одна — на большую семью; другая—попросторнѣе—для семерыхъ рабочихъ. Они живутъ артелью; готовитъ имъ стряпуха, а отъ хозяевъ идетъ — какъ вездѣ на вольныхъ квартирахъ — за ту же помѣсячную плату—*квасъ* и *капуста*.

Вотъ съ этой артелью у хозяевъ завелись „контры“. Изъ семи холостыхъ постояльцевъ Пантелеева трое были „трезвенники“. Его и позвали они „посодѣйствовать“ улаженію этихъ самыхъ „контръ“. И Павелъ, сегодня, приходилъ къ нему—во время работы, умасливалъ и на прощанье сказалъ:

— Надо же и вамъ, Иванъ Прокофьичъ, насчетъ вашей команды глаза открыть.

Эти слова припомнились ему, когда онъ подходилъ къ калиткѣ домика Пантелеевыхъ.

Ничего нѣтъ мудренаго, что окажется опять какой-нибудь „изьянъ“ въ поведеніи его трезвенниковъ. Не дальше, какъ вчера, хожалый Благомѣрный уже доложилъ ему „конфиденціально“, что двое молодыхъ ребятъ, одинъ „голадровщикъ“, другой „вàтерщикъ“ — замѣчены имъ въ посѣщеніи питейныхъ домовъ, и онъ надѣется какъ-нибудь уличить ихъ.

Совсѣмъ уже стало темнѣть, когда Иванъ вошелъ на дворъ и поднялся въ сѣни. Хозяева занимали первую же комнату, всего въ одно окно.

И Пантелеевъ, и жена его, были дома, и какъ только Павелъ увидалъ его, сейчасъ же вскочилъ—они ужинали—и сталъ усаживать. Марья — маленькая, моложавая женщина, съ круглымъ лицомъ и быстрыми глазами—предложила поставить самоварчикъ, но Иванъ отъ чая отказался.

Пантелеевы сѣли около него, по обѣ стороны, и стали вза-пуски говорить, вполголоса. Дощатая перегородка отдѣляла ихъ каморку отъ артельной горницы.

— Сегодня, послѣ того, какъ Павелъ былъ у него на фабрикѣ —случилась драка. Пьяный красильщикъ — давно уже замѣченный въ буйствѣ—полѣзъ на другого жильца съ хлѣбеннымъ ножемъ. Насилу ихъ розняли. Призвали хожалаго, и тотъ отвелъ его въ сторожку. Завтра будетъ разбирательство въ конторѣ. Но и съ остальными жильцами нѣтъ справу.

— Такъ кулабродятъ, такъ кулабродятъ,—шептала Марья, подпирая подбородокъ ладонью. — Мочи моей нѣтъ! И потаскушекъ начали водить! Только я наотрѣзъ имъ сказала—этой гадости ни я, господа, ни хозяинъ, потакать не будемъ. Такъ они въ голосъ заорали: „мы-де всѣ разомъ уйдемъ, и доживать не станемъ до будущаго перваго числа“.

„Контры“ между хозяевами и этой артелью начались изъ-за того, что Пантелеевы съ прошлаго мѣсяца стали просить жильцовъ: надбавить имъ десять копѣекъ на рубль, коли они желаютъ получать квасъ и капусту. А они не хотятъ, да еще скверными словами ругаютъ хозяйку—какъ только кто изъ нихъ подопьетъ.

— Послушайте, однако, хозяева,—замѣтилъ, тоже вполголоса, Иванъ:—вѣдь, кажется, вамъ контора не позволяетъ брать съ постояльцевъ выше установленной таксы?

— Такція!—подхватилъ Павелъ, и слащавое выраженіе мигомъ исчезло съ его лица, пополнѣвшаго за два года.—Такція, Иванъ Прокофьичъ! Какъ это вы изволите такъ говорить? Полагается рубль съ человѣка — а насчетъ кваса и капусты ничего не опредѣлено. Это отъ нашей доброй воли зависитъ.

— А на вольныхъ квартирахъ какъ же?—спросилъ Иванъ.

— Батюшки мои!—страстно зашептала Марья, придвинувшись къ нему еще ближе.—Нѣшто тамъ у нихъ такое помѣщеніе, какъ у насъ? Вы, небось, бывали въ слободкѣ! Въ одну каморку—вотъ съ эсту, не больше—двѣнадцать человѣкъ впихнуто.

И на нарахъ, и подъ нарами валяются. Грязь, смрадъ, хуже хлѣва!.. Прости, Господи!

И оба они начали взапуски жаловаться:—они прогадали съ этими „домиками". Пускать холостежь—прямой убытокъ, ежели давать имъ квасъ и капусту. Дрова дороги, зимой не выручишь—съ самой большой горницы—и четырехъ рублей.

— Чѣмъ же я-то могу поспособствовать вамъ? Тутъ и начальство устранило себя...

Павелъ сталъ говорить о трезвенникахъ. Иванъ—предсѣдатель общества, имѣетъ право внушить имъ, что они—не такіе, „какъ другіе прочіе". Имъ бы слѣдовало смирять остальныхъ; а они, не меньше другихъ, „кулабродятъ" и всячески честятъ хозяевъ.

Марья уже совсѣмъ на ухо добавила:

— Одинъ-то, лабароторщикъ Вавило... выпиваетъ. Ей Богу, Иванъ Прокофьичъ. Намедни я пару сорокоушекъ пустыхъ нашла въ сѣняхъ. И отъ него частенько отшибаетъ душокъ. Съ мѣста не сойти! Онъ и васъ, значитъ, въ обманъ вводитъ!

Ивану дѣлалось жутко. Точно онъ въ самомъ дѣлѣ полицейскій. Этого „лабараторщика" Вавилу онъ только въ лицо зналъ.. Кто же за него поручится?!

Павелъ перебилъ жену и въ другое ухо нашептывалъ:

— Вотъ теперь всѣ они въ сборѣ, ужинаютъ никакъ. Чтò вамъ стоитъ, Иванъ Прокофьичъ? Загляните туда. У васъ званіе такое... Вы у нихъ набольшій. Надо же вамъ доподлинно знать—которые настоящіе трезвенники, а которые облыжно себя выдаютъ. Да и насъ со старухой въ обиду не дайте. Народъ отпѣтый! Они и Сергѣя-то Сергѣича ни въ грошъ не ставятъ.

— Меня и подавно! — обронилъ Иванъ, все еще въ нерѣшительности—заглянуть ему, или нѣтъ, въ артельную горницу.

— Просительно просимъ васъ, Иванъ Прокофьичъ!—жалобно протянула Марья.

Ивану показалось малодушіемъ—дольше отказываться. На то онъ и предсѣдатель, чтобы производить нравственное давленіе на своихъ сочленовъ.

— Извольте, я заверну.

Черезъ полчаса Иванъ, опустивъ голову, пробирался прямо по пустырю къ заднимъ воротамъ мануфактуры, гдѣ стоятъ амбары съ хлопкомъ и склады строительныхъ матеріаловъ.

Онъ гдѣ-то сорвалъ вѣтку березы и хлопалъ ею по воздуху.

У Пантелеевскихъ жильцовъ вышло нѣчто очень некрасивое. У него нѣтъ-нѣтъ да вспыхнутъ щеки.

Вмѣсто роли примирителя, онъ очутился въ настоящихъ хожалыхъ. Только тѣмъ нѣтъ никакого дѣла до того, *кто* провинился, когда надо его тащить въ сторожку. А его ударило въ сердце.

Вошелъ онъ въ комнату тихо. И первое, чтò увидалъ—бутылку водки передъ „лабараторщикомъ" Вавилой. Онъ угощалъ остальныхъ.

Какъ было не сдѣлать ему строжайшаго выговора? А тотъ, вмѣсто того, чтобы повиниться, началъ дерзить. Онъ былъ уже „на взводѣ". Случился тутъ еще трезвенникъ. И отъ того пахло виномъ. Они вдвоемъ прямо заорали: „Знать, молъ, мы тебя не знаемъ,—вотъ выискался нàбольшій! И на общество-то ваше паршивое плевать хотимъ! Вы-де только новые поборы выдумываете, потомъ прикарманите все"...

И пошли, и пошли!

Пантелеевъ вступился тутъ. Тогда они впятеромъ стали его ругать „сквалыгой, ростовщикомъ, кровопійцей", и чуть не выгнали его.

Ну, исключитъ онъ двоихъ членовъ. Но этого мало. Онъ обязанъ начать дѣло. Такъ нельзя этого оставить. Какой же онъ будетъ „авторитетъ" имѣть? Ужъ и безъ того разные доморощенные „Гамбетты" норовятъ натравлять на него въ собраніяхъ!

Никогда еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ наладилъ общество „Свѣтъ", не проходилъ онъ черезъ такое горькое чувство.

„Дичь-то какая, Господи!—повторялъ онъ.—Дремучая дичь"!

И на душѣ поднималось сердитое желаніе приструнить всю эту фабричную „сволочь", держать ее въ ежовыхъ рукавицахъ, памятуя денно и нощно, что все это—„стадо барановъ". Хуже! Бараны и овцы—только глупы: куда первый скакнетъ, хотя бы въ помойную яму—туда и всѣ остальные. А эти—дерзецы, пьяницы, охальники, ругатели.

„Безшабашные прохвосты"!—выбранился онъ вслухъ.

Подальше больницы, гдѣ электрическій свѣтъ уже падалъ ровными волнами, онъ столкнулся съ своимъ пріятелемъ хожалымъ, и не утерпѣлъ, сейчасъ же разсказалъ ему про то, чтò вышло въ домикѣ Пантелеева. Отъ него же узналъ, какъ тотъ рабочій, чтò бросился съ ножемъ за обѣдомъ, бушевалъ въ сторожкѣ, и его должны были связать.

Хожалый придержалъ Ивана за рукавъ, подъ самымъ электрическимъ фонаремъ.

— Эхъ, Иванъ Прокофьичъ! Чтò я вамъ всегда докладываю! Вы только себя тѣшите со всей этой филантропіей. Не токма что мужескій, а женскій-то полъ, ваши артистки—малолѣтки, мелюзга, почти что младенцы—и какъ себя аттестуютъ?!.. Не угодно ли прислушать... Вотъ изъ моихъ сегодняшнихъ рапортичекъ... Я сейчасъ изобразилъ. Онѣ пойдутъ завтра къ докладу.

Онъ полѣзъ въ карманъ своего сакъ-пальто и вынулъ оттуда два продолговатыхъ листка съ нумерами, исписанные красивымъ почеркомъ, съ усами и завитушками, и, отставивъ ихъ отъ глазъ подальше, сталъ разбирать.

Сочинялъ онъ свои „рапортички“ слогомъ, получившимъ извѣстность въ главной конторѣ.

— Вотъ-съ... одинъ экземпляръ. Барышни ваши... не угодно ли прислушать?

Онъ началъ читать съ выраженіемъ, звонко и разставляя слова.

— „Разборщица ситцевой фабрики, проходя, *пьяная*, изъ слободки ко двору, позволила себѣ кричать и ругать своихъ поклонниковъ за то, что ей мало уплатили“.

— Чтò это вы?!

— Честнòй человѣкъ! Двадцать фабричныхъ свидѣтелями были. Продолжаю:

— „Безнравственное поведеніе этой вавилонской блудницы извѣстно почти всѣмъ сторожамъ фабрики“.

— Вотъ паскуда!—вырвалось у Ивана.

— А теперь это:

Хожалый перемѣнилъ листокъ и прочелъ такъ же вѣско:

— „Дѣти, живущія въ новой казармѣ, вооружившись деревянными сѣкирами, изволили проходить церемоніальнымъ маршемъ по двору, причемъ эти будущіе воины пѣли громко пѣсни самаго зазорнаго характера, при встрѣчѣ же съ женщинами старались выразить болѣе паскудно свои безстыдныя вожделѣнія“.

— А чьи дѣти-то? Двоихъ граверовъ, одного раклиста, одного рисовальщика! Такъ то-съ, Иванъ Прокофьичъ! Распуста одна! Распуста!

Иванъ ничего не могъ сказать... Они пошли въ ногу.

XII.

Въ послѣобѣденную передышку, въ квартирѣ Спиридонова, состоящей изъ комнаты съ перегородкой, гдѣ жила Маша—за чаемъ сидѣли Иванъ, его дочь и двѣ пріятельницы—ткачихи, Анисья Авакумова и Пелагея Маслова.

Паша въ первый разъ была у нихъ въ гостяхъ и немного принарядилась. Отъ питья чая ея блѣдныя щеки порозовѣли. Платокъ она сняла. Свои пепельные вьющіеся волосы она красиво причесала.

Иванъ, въ блузѣ съ разстегнутымъ воротомъ, пилъ съ блюдечка, и по лицу его видно было, что онъ—въ благодушномъ, тихомъ настроеніи. Отъ Пелагеи онъ переводилъ взглядъ на свою Машутку, чистенько одѣтую, съ пелериной—точно институтка, и на другую ткачиху, Анисью, одѣтую въ темную ситцевую кофту, съ темнымъ же платкомъ на головѣ, какъ она каждый день одѣвалась на работу.

Обѣ пріятельницы работали въ одномъ отдѣленіи, и даже рядомъ: Анисья года на три старше Паши, но смотритъ уже женщиной зà-тридцать, щеки у нея совсѣмъ прозрачныя отъ худобы—и добрые голубые глаза. Въ выраженіи ихъ до сихъ поръ есть еще что-то дѣвическое.

И говоритъ она слабымъ, молодымъ и высокимъ голоскомъ.

Оглядывая всѣхъ трехъ, Иванъ думалъ:

„Придетъ же часъ, когда на фабрикѣ такихъ женщинъ и барышенъ будетъ не полдюжины, не дюжина, а двѣ-три сотни“?

Ему хотѣлось узнать, какъ кончилась исторія Пелагеи съ тѣмъ пьянымъ „охальникомъ“, но онъ стѣснялся разспрашивать ее при дочери, хотя и зналъ, что для подростка Машуткиныхъ лѣтъ не было никакой „нѣвидали“ въ такомъ скандалѣ.

— Ну, чтò же, Пашенька,—особенно мягко обратился онъ къ ней, отхлебнувъ съ блюдечка:—у васъ теперь другіе, небось, сожители?

— Другіе... Я не въ той каморкѣ.

Пелагея опустила рѣсницы и проговорила быстро, однимъ духомъ:

— Не хотѣла я имъ прощать, Иванъ Прокофьичъ. Да жена его очень убивалась, даже въ ноги мнѣ поклонилась. Только я сама попросила Сергѣя Сергѣича перевести меня въ каморку, гдѣ вдова съ подросткомъ... въ той же казармѣ.

— По добротѣ вы, барышня, такъ поступили. А онъ этого не заслуживаетъ!

Маша слышала про эту исторію, но сдѣлала видъ, что она ничего не понимаетъ.

— Тяжело здѣсь всякой дѣвушкѣ, которая соблюдаетъ себя, —продолжалъ Иванъ.—Особливо ежели она, какъ вы, Пашенька, круглая сирота. Вы вѣдь деревенская?—спросилъ онъ.

— Какже, Иванъ Прокофьичъ.

— И сродственники есть?

— Дядя и тетка, и братъ есть двоюродный. Да я ихъ— вотъ уже больше пяти лѣтъ—не видала. Отсюда—далеко. И живутъ въ бѣдности.

— А ежели бы—продолжалъ Иванъ, и глаза его блеснули—своимъ домкомъ жить:—вы не прочь были бы отъ деревенской жизни?

Пелагея поглядѣла на него своими красивыми глазами съ синимъ отливомъ и стала говорить медленно, точно она вслухъ разсуждала сама съ собою:

— Чтожъ! Я деревенское житье любила. Прежде, когда тятенька съ маменькой были живы... я и въ полѣ работала, когда мы на побывку ѣздили. Врядъ ли и жать разучилась.

— Чтой ты?—остановила ее Авакумова.—А я ничего не умѣю,—серпа-то въ руки взять. Мы съ мужемъ самые закоренѣлые фабричные,—прибавила она съ тихимъ смѣхомъ.

— Вотъ оно что̀! Этакихъ-то, какъ вы, Пашенька, по нынѣшнимъ временамъ немного найдется на фабрикѣ,—началъ опять Иванъ и, обернувшись къ дочери, спросилъ:—А ты, Машутка, небось, затосковала бы въ деревнѣ, ежели тебя туда на вѣки вѣчные водворить?

Маша замигала и тотчасъ же опустила голову.

— Я не знаю, тятенька,—тихо проговорила она и стала нервно вертѣть между пальцами обгрызанный кусочекъ сахара.

— Куда же ей?—заговорила ласково Авакумова.—Изъ нея модистка выйдетъ... первый сортъ! Какъ же ее въ избу засадить да заставить за коровой ходить, Иванъ Прокофьичъ!

— Нѣшто это такъ страшно? Пашенька, какъ вы скажете? —спросилъ Иванъ, кивнувъ ей черезъ столъ.

— Привычка нужна. Ежели домъ хорошій, всего въ изобиліи—что̀ жъ тутъ такого страшнаго?

— Да, Машунька у насъ городская барышня будетъ, изъ нея не выкроишь деревенской хозяйки!

Говоря такъ, Иванъ внутренно не былъ доволенъ тѣмъ, что

его дочь видомъ такая „магазюлька“ и по доброй волѣ въ деревню ее не заманишь.

Онъ не станетъ ее неволить, дѣлать „мужичкой“, если она здѣсь будетъ хорошей работницей и найдетъ себѣ мужа по душѣ.

А какъ же ему-то строить свою избу безъ семьи? Въ домовладѣльцы *новой* слободки онъ, послѣ исторіи у Пантелеевыхъ, не пойдетъ и уже заявилъ объ этомъ управляющему.

И опять его глаза остановились на умной головѣ Пелагеи Масловой.

Ей навѣрно уже лѣтъ около двадцати-пяти. Она немногимъ моложе своей товарки, Анисьи Авакумовой. Ему съ Пасхи пошелъ всего тридцать-шестой.

— Не угодно ли ѐще чашечку?—раздался голосокъ Маши.

Она предложила Авакумовой.

— Нѣтъ, Машенька, покорно благодарствую... Даже въ жаръ кинуло. Никакъ пятую выпила.

Она опрокинула чашку на блюдечко и положила на донышко кусочекъ сахару.

— А какъ ваше здоровьице, Анисья Кузьминишна?—заботливо спросилъ ее Иванъ, давно знавшій, что она—съ самыхъ первыхъ своихъ неудачныхъ родовъ—не можетъ наладиться.

— Да какъ сказать, Иванъ Прокофьичъ, скриплю!.. А частенько припадаю. Отъ стоянья на мѣстѣ тоскуютъ ноги...

Она чего-то не досказала, но онъ понялъ: чѣмъ она „тосковала“.

— А муженекъ—съ вами?

— Нѣтъ, Иванъ Прокофьичъ, онъ въ красильномъ корпусѣ,—протянула она своимъ высокимъ дѣвичьимъ голоскомъ.

— И вмѣстѣ рубликовъ тридцать слишкомъ наколотите?

— Да, слишкомъ,—повторила Авакумова, и лицо ея приняло строго вдумчивое выраженіе, какое замѣчается у фабричнаго народа, чуть рѣчь зайдетъ о „заработкѣ“.

— Только другіе противъ меня обижены,—помолчавъ, выговорила ткачиха.

— По какому случàю?—полушутливо спросилъ Спиридоновъ.

— Да вотъ все съ этимъ миткалемъ. Мы матеріи ткали.

— Такъ вѣдь вамъ вышла прибавка, въ двѣ копѣйки на кусокъ?

— Не всѣмъ... Я попала въ этотъ комплектъ, а иные не угодили. Видите, Петръ Акимычъ и Степанъ Васильичъ такъ рѣшили... кто, молъ, году полнаго не стоялъ на тѣхъ станкахъ...

— Вотъ оно чтò!—протянулъ Иванъ.

— У нихъ тамъ по всему второму этажу сильно обижаются.. Которые и подмастерья—за нихъ же. Обижаются всѣ.

— Да вѣдь изъ нихъ миткальщиковъ-то, которые споконъ вѣку только его и работали, добрая половина. Надо и на хозяйское мѣсто стать... по справедливости.

— Этимъ ихъ не урезоните. Намъ прибавили и имъ подавай!.. И сильно они уважаютъ... нашего трезвенника.

— Кого это?—съ безпокойствомъ спросилъ Иванъ.

— Боброва. Онъ больно ужъ говорить мастеръ. Сами знаете, Иванъ Прокофьичъ.

— Да-а!—точно про себя выговорилъ Иванъ, и поднялся.— Я вмѣшиваться въ это не намѣренъ. А вы бы все-таки, Анисья Кузьминишна, кого изъ нихъ поудержали. Такому молодцу, какъ Бобровъ, рисковать нечѣмъ. А вы—женщина слабаго здоровья. Ежели, чего Боже сохрани, начнется всамомдѣлишная смута, можно и женщинѣ въ зачинщицахъ очутиться! Толку изъ всего этого не будетъ! Все равно, что въ четвертомъ году... Похорохорятся и струхнутъ... А хозяева ни въ жизнь уступки не сдѣлаютъ— даже и послѣ стачки... Изъ амбиціи не сдѣлаютъ. Зря я вамъ говорить не стану.

— Еще бы!—со вздохомъ откликнулась Авакумова.

Онѣ поднялись вмѣстѣ съ Пелагеей и стали прощаться съ Машей. Каждая поцѣловала ее.

— И тебѣ, Машунька, пора въ мастерскую?—окликнулъ ее отецъ.

— Какже, тятенька.

— Такъ двинемтесь всѣ вчетверомъ. А вы насъ не забывайте, дорогія гостьи.

Въ корридорѣ Иванъ сказалъ Пелагеѣ вполголоса:

— Навѣщайте мою дѣвочку. А тѣмъ, что̀ вы говорили про деревенскую жизнь, много меня утѣшили.

На дворѣ, не доходя садика, они разошлись. Маша затрусила своими худыми ножками въ сторону школы, гдѣ внизу помѣщается швейная мастерская; Иванъ взялъ налѣво; а подруги-ткачихи пошли къ главному корпусу. До смѣны оставалось всего двадцать минутъ.

Получаса не прошло, и въ огромной палатѣ, въ половину этажа, гдѣ одни только ткацкіе станки производили немолчный шумъ и трескъ, Пелагея и Анисья стояли уже—каждая въ узкомъ промежуткѣ между двумя станками—и зорко слѣдили за тѣмъ, какъ идетъ работа направо и налѣво.

И куда ни повернешься, на чтò ни кинешь взглядъ—вездѣ чугунъ и желѣзо, зубцы и шпульки, ремни и блоки. Все трясется, и гудитъ, и стонетъ, и мычитъ. Но никто изъ работающихъ тутъ—мужчинъ и женщинъ—не слышитъ этого оглушающаго шума. Они умудряются перекликаться и даже болтать, когда нѣтъ подмастерья или мастера по близости. Но духота и напряженіе даютъ о себѣ знать: кровь приливаетъ къ головѣ, спина начинаетъ ныть, и отъ топтанья на мѣстѣ въ ногахъ мурашки. Много женщинъ—босыя, безъ платковъ на головѣ. Температура стоитъ выше двадцати градусовъ.

Пелагея Маслова такъ и осталась въ шолковомъ платкѣ на головѣ — въ опрятной корсеткѣ изъ кретона и въ новыхъ ботинкахъ. Она отличается, на весь ихъ отрядъ, опрятностью и чистотой работы. Ея глаза съ синимъ отливомъ быстро слѣдятъ за работой обоихъ станковъ, и рука—то-и-дѣло—протягивается къ ниткѣ. Тѣло у нея сухощавое, на ногахъ она крѣпка, не знаетъ ни головныхъ болей, ни кашля, ни разныхъ дѣвичьихъ немощей.

Она работаетъ, а голова гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Тамъ—у Спиридоновыхъ — ей по душѣ. И Машутка ей нравится, и отецъ ея—завидный вдовецъ. На всю фабрику извѣстно—какъ онъ съумѣлъ себя передѣлать и опять—на хорошемъ мѣстѣ, всѣ его уважаютъ, предсѣдатель общества... Кто знаетъ—можетъ, и мастеромъ когда-нибудь будетъ. Да и не старъ еще. И ей слышится его голосъ,—такой ласковый и душевный,—когда они шли по корридору казармы.

Подруга ея,—Анисья Авакумова—прямо противъ нея—тихо движется между двумя станками. Но у нея лицо опало, и брови приподняты по угламъ. Почти каждый день, подъ-вечеръ, чувствуетъ она боли отъ стоянья. И доктора ей давно сказали, что она не вылечится отъ послѣдствій своихъ родовъ—семь лѣтъ назадъ—коли не броситъ работу ткачихи. Грозятъ какой-то еще болѣе опасной болѣзнью.

Развѣ можно бросить? Пока есть силы держаться на ногахъ—все будешь поворачиваться вправо и влѣво и стоять, часами, и ночью, и на разсвѣтѣ, и въ полдень, а кругомъ—сотни станковъ стучатъ и стучатъ безъ начала и конца.

XIII.

Въ рощѣ, въ полуверстѣ отъ мануфактуры, игралъ хоръ драгунскихъ трубачей, на высокой лужайкѣ, оцѣпленной веревками.

День былъ праздничный. Молодой хозяинъ захотѣлъ повеселить фабричныхъ и всѣхъ оповѣстилъ наканунѣ, что въ послѣобѣденные часы въ рощѣ будетъ музыка.

Сошлось народу не одна тысяча, всѣ почти, которые не разбрелись по сосѣднимъ деревнямъ. Явились и рабочіе сосѣдней фабрики туда, по дорогѣ къ архіерейскому дому.

Трубачи, въ только-что сшитыхъ красныхъ фуражкахъ съ черными околышами, играли стоя. И по рединѣ ихъ круга— капельмейстеръ, въ мундирномъ сюртукѣ, бѣлокурый, по всѣмъ примѣтамъ изъ нѣмцевъ.

Поближе къ музыкантамъ скучилось мѣстное начальство — исправникъ, его помощникъ и два урядника. Роща значилась уже за чертой города, въ уѣздѣ.

Одинъ изъ урядниковъ, въ очкахъ, рыжій, съ огромной головой, въ парусинномъ кителѣ, сдерживалъ народъ, напиравшій на веревки. Подальше, была очищена еще просторная площадка— для танцевъ. Тамъ за порядкомъ слѣдило нѣсколько фабричныхъ сторожей, съ палочками. Издали бѣлѣлъ и картузъ хожалаго Благомѣрнаго.

Въ сторонѣ отъ полиціи стоялъ, съ однимъ изъ техниковъ и съ „добрымъ бариномъ", управляющій Сергѣй Сергѣичъ, въ чесунчѣ, грызъ кедровые орѣшки и балагурилъ съ фабричными барышнями.

Онъ „обожалъ" всякія развлеченія для народа, и у него была мечта:—въ этой самой рощѣ—построить „всамдѣлишный" лѣтній театръ и двѣ открытыхъ ротонды для разсказчиковъ, пѣсенниковъ и хора музыки. И чтобы „обязательно" два раза въ недѣлю были гулянья, съ продажей чая и прохладительныхъ питей, безъ водки и даже безъ пива.

— Кто же, братцы, у васъ дирижировать танцами будетъ?— спросилъ онъ молодыхъ парней, стоявшихъ поближе къ нему— вперемежку съ дѣвушками.

Актерка Луша—въ томъ же театральномъ сарафанѣ, съ бусами на шеѣ—первая откликнулась.

— Чистяковъ у насъ на всѣ руки!

Слесарь—опять въ голубой рубашкѣ, но уже безъ выпуска, подъ жилетъ, и въ короткомъ лѣтнемъ пиджакѣ—стоялъ тутъ же.

— Что желаете—вальсъ или польку?

— Польку, польку!—закричали многіе.

Работницы изъ ткачихъ и мотальщицъ—пришли, разряженныя въ кофточки и цвѣтныя юбки, но больше съ платочками на головѣ или въ длинныхъ косахъ. Швеи и дочери смотрителей и мелкихъ служащихъ—въ шляпкахъ и модныхъ накидкахъ.

Конторская молодежь держалась въ сторонѣ отъ фабричной, поближе къ начальству.

Управляющій замѣтилъ это кому-то изъ молодыхъ ткачей.

— Помилуйте, Сергѣй Сергѣичъ,—вмѣшался въ разговоръ Бобровъ, и его энергичное лицо повела усмѣшка.—Они на насъ смотрятъ какъ на самую презрѣнную мастеровщину. Да и гдѣ же намъ съ ними тягаться? Вѣдь иной—шутка-ли?—по восьми рублей въ мѣсяцъ жалованья получаетъ, да и то въ неоплатномъ долгу у хозяевъ!..

Нѣсколько ткачей прыснули.

— И безъ нихъ обойдемся!—заговорилъ Чистяковъ, плутовато поглядывая на барышенъ.—Намъ бы, Сергѣй Сергѣичъ, послѣ польки лянсé протанцовать. И кадрель нашу... фабричную.

— Какую такую?—спросилъ Павелъ Павлычъ.

— Та, обнаковенная, барышнямъ нашимъ пріѣлась... а такую, шестнадцатигранную, значитъ.

— Да какъ же ее играть?—полюбопытствовалъ управляющій.

— Все равно, что простую... мѣщанскую. Только раздѣленіе другое.

— Дѣйствуй!

Трубачи уже играли польку. И тотчасъ же на кругу затоптались и закружились пары. Дѣвочки-подростки танцовали безъ кавалеровъ. Нѣсколько парней, въ поддёвкахъ и просто въ рубашкахъ,—стали, въ одиночку, „выдѣлывать вензеля“—и публика поощряла ихъ своими окликами:

— Лихо, Мишенька! Наяривай, братъ! Хоть и безъ дамы, да какъ лихо!

Дирижеръ танцевъ, Чистяковъ, подхватилъ актерку, которая, на репетиціи, заснула. Она была въ короткой, песочнаго цвѣта, накидкѣ и въ платочкѣ, танцовала очень легко, уткнувъ голову въ его плечо. Кавалеръ ея закидывалъ руку высоко и качалъ ею вверхъ и внизъ, умѣлъ кружиться на одномъ мѣстѣ мелкими па и поворачивать даму „а ребуръ“.

Сторожа и хожалые съ трудомъ сдерживали напоръ народа, съ трехъ сторонъ обступившаго площадку густой стѣной. Плясъ

шелъ и подальше отъ музыкантовъ, но тамъ уже безъ всякаго надзора.

Къ тому мѣсту, гдѣ стояла полиція, подошелъ и молодой хозяинъ, а за нимъ директоръ Степанъ Васильевичъ и двѣ дамы.

Управляющій грызъ свои орѣшки и весело поглядывалъ на общій плясъ молодежи.

— Вотъ, батенька,—говорилъ онъ Павлу Павлычу:—самая вѣрная оттяжка отъ кабака! А дайте-ка срокъ, когда мы здѣсь возведемъ нѣкоторый храмъ музъ.

— Депо вина станетъ, своимъ чередомъ, дѣйствовать,—шутливо отозвался тотъ.

— Пущай! Однако, ежели каждую недѣлю будутъ здѣсь увеселенія, и притомъ трезвенныя—всякому будетъ лестно даромъ музыки послушать и за пятачокъ въ театрѣ побывать! Вотъ и начальникъ трезвенниковъ! Спиридоновъ!—окликнулъ онъ Ивана, примѣтивъ его въ толпѣ, около его пріятеля, Благомѣрнаго.— Поди-ка сюда!

Иванъ поклонился и—не безъ труда—протискался къ нему.

— Ну что̀, Иванъ Прокофьичъ?—спросилъ его Сергѣй Сергѣичъ. — Небось, душа твоя радуется, глядя на то, какъ твои трезвенники упражняются въ танцовальномъ искусствѣ?

— Что-жъ, Сергѣй Сергѣичъ,—отозвался Спиридоновъ:—вы намъ въ руку играете. И за это мы вамъ челомъ бьемъ.

— Видишь, какъ тотъ стриженый молодецъ—въ голубой рубашкѣ—дѣйствуетъ?

— Чистяковъ?—подсказалъ Иванъ.

— Да, Чистяковъ! Онъ въ нашей труппѣ—первый кавалеръ. Насчетъ рѣчистости въ засѣданіяхъ—противъ Боброва никто не выстоитъ, зато Чистяковъ беретъ и ногами, и тонкимъ обхожденіемъ.

Трубачи смолкли, но пары все еще продолжали вертѣться.

И гулъ отъ толпы сейчасъ же пошелъ со всѣхъ сторонъ. Народъ все прибывалъ. Мальчишки забирались на ближнія сосны и березы.

Иванъ съ поклономъ отошелъ отъ управляющаго. Онъ уважалъ Сергѣя Сергѣича безъ всякаго „подхалимства"; но ему, какъ смотрителю и предсѣдателю „общества", не хотѣлось, чтобы разные вотъ такіе Бобровы и другіе „форсистые" ребята считали его „подлипалой", а то такъ и „наушникомъ".

Прямо на него налетѣла пара и чуть не сшибла его—Чистяковъ съ Лушей. Они разомкнулись.

Луша разгорѣлась, и ея коса съ цвѣтной лентой запала ей на грудь.

— Иванъ Прокофьичъ! Чтò же вы не танцуете?—окликнула она его и задорно на него поглядѣла.

— Гдѣ же намъ! Я и отродясь не умѣлъ.

— А вы попросили бы вашу даму! — сказала Луша.

— Какую такую?

— Ну, ужъ нечего. Мы все знаемъ... Вонъ ваша слабость!

И она указала своей полуобнаженной и загорѣлой рукой, въ бѣломъ рукавѣ, черезъ весь танцовальный кругъ.

— Тамъ народу—чтò песку морского,—отшутился Иванъ.— Я вотъ и Машутку свою потерялъ, оттѣснили.

— Да она, какъ разъ, съ вашимъ предметомъ.

Луша опять показала рукой.

По ту сторону круга Иванъ увидѣлъ Пелагею Маслову съ Анисьей Авакумовой и ткачихой Степанидой Ѳедоровой. При нихъ была и его Машутка.

— Нешто не узнаёте?—продолжала приставать Луша.

Она уже давно съ нимъ заигрывала. И первая пронюхала, что Иванъ Прокофьичъ сталъ похаживать къ Авакумовой и чай тамъ распивать съ „Пашкой" и къ себѣ ихъ приглашать.

Ивану не очень понравилось такое приставаніе. Онъ тотчасъ же затѣмъ подумалъ, что никому никакого дѣла нѣтъ до того, къ кому онъ расположенъ. Ежели и будутъ чтò болтать, то всѣ „стòющіе" люди на фабрикѣ, и товарищи, и начальники—знаютъ, что онъ не „бабникъ" и хорошую дѣвушку „ни въ какомъ разѣ не осрамитъ".

— Что-жъ вы къ нимъ нейдете?—продолжала въ томъ же тонѣ Луша. — Вотъ сейчасъ меня Чистяковъ на лянцé пригласилъ. И вы бы, Иванъ Прокофьичъ, такимъ же манеромъ вашу злючку...

— Вы про кого же это такъ?—построже спросилъ Иванъ.

— Да все про вашу прынцессу—Пелагею!

— Что-жъ, барышня,—остановилъ онъ ее отеческимъ тономъ: —каждой изъ васъ посовѣтую быть похожей на такую прынцессу.

Хоръ грянулъ „повѣстку" къ кадрили. Распорядитель Чистяковъ подлетѣлъ къ Лушѣ.

— Вы говорили: лянцé?—спросила она его и крикнула Спиридонову:—Знаете, Иванъ Прокофьичъ, въ тихомъ омутѣ черти водятся. Ха, ха!

Пары живо уставлялись со всѣхъ четырехъ сторонъ. Чистяковъ ровнялъ ихъ и перебѣгалъ съ одного конца на другой.

— Ну что-жъ? — окликнулъ его управляющій: — вашу фабричную—будете? Какъ, бишь, ее?

— Шестнадцатигранную! — прокричалъ Чистяковъ фальцетомъ и сталъ съ своей дамой противъ того мѣста, гдѣ два урядника охраняли узкій проходъ отъ музыкантовъ, для начальства.

Трубачи опять грянули. Пары тронулись—раздѣленныя нѣсколькими саженями — нѣкоторыя почти бѣгомъ. Голосокъ Чистякова прорывался сквозь громъ мѣднаго хора.

— Баланцѐ! — пищалъ онъ и выдѣлывалъ ногами; а на лицѣ его играла блаженная улыбка отъ сознанія, что онъ дирижеръ и покажетъ свое искусство не въ простой „мѣщанской" кадрили, а въ „шестнадцатигранной".

Долго затянулась фабричная кадриль. Ивану трудно было пробиться сквозь толпу къ тому мѣсту, гдѣ въ началѣ стояла Маша съ обѣими ткачихами. Подъ-конецъ онъ потерялъ ихъ изъ виду.

Его отнесло къ другой лужайкѣ, гдѣ выплясывала мелюзга— кто во чтò гораздъ, больше школьники и подростки изъ фабричныхъ.

Особенно одинъ приземистый мальчуганъ—лѣтъ уже четырнадцати, въ розовой рубашкѣ и пиджакѣ въ накидку, съ картузомъ, заломаннымъ на правое ухо, подъ звуки кадрили изъ какой-то оперетки, выдѣлывалъ вензеля—одинъ, то подперевъ руки въ боки, то закидывая ихъ за шею—забавнымъ взмахомъ.

Въ числѣ зрителей Иванъ замѣтилъ гимназиста—въ мундирѣ и въ парусинной фуражкѣ съ серебрянымъ значкомъ на околышѣ.

И того, и другого—подростковъ—онъ узналъ. Плясунъ былъ Миша, сынъ ткача Веденеева, съ которымъ онъ—лѣтъ пять назадъ—работалъ рядомъ.

Этотъ Миша отлично учился въ школѣ и съ прошлаго лѣта состоялъ уже въ „вызывальщикахъ". Настасья Ильинишна, библіотекарша, говорила ему, не одинъ разъ, какой изъ него вышелъ читатель.

— Помилуйте, Иванъ Прокофьичъ,—разсказывала она ему недавно.—Я дѣвицу одну знаю въ городѣ, кончившую курсъ въ гимназіи. Та мнѣ призналась, что не могла никакъ одолѣть новаго романа Золя—„Римъ"; а Миша—какъ только книжку эту мы получили—сейчасъ же попросилъ ее и въ одну недѣлю проглотилъ. И я его нарочно поэкзаменовала — изъ того, чтò вы всѣ „столбцами зовете"—описанія Рима и то, чтò про папу есть— все превосходно помнитъ и можетъ повторить.

А гимназистъ—помоложе Миши и очень маленькаго роста— сынъ подмастерья Козлова, въ ткацкомъ отдѣленіи. Иванъ сей-

часъ же подмѣтилъ, что гимназистъ держится особо отъ остальной мелюзги,—въ родѣ какъ барченокъ, и на его пухлыхъ, розовыхъ губахъ усмѣшечка: „вонъ, молъ, какъ они по-мужицки ломаются“.

Миша подлетѣлъ къ гимназистику. Они вмѣстѣ росли, но съ тѣхъ поръ, какъ Васю Козлова отецъ отдалъ въ „классическую“ гимназію и его, каждое утро, отвозятъ въ городъ въ хозяйской линейкѣ,—стали видаться рѣдко.

— Полечку отдернуть не желаешь? — крикнулъ онъ гимназисту.

Тотъ даже отодвинулся, пожалъ своими круглыми плечами и тотчасъ же покраснѣлъ.

— Отстань!—брезгливо кинулъ онъ.

— Гимназёръ! Экая фря! Братцы! — крикнулъ Миша другимъ подросткамъ.—Ихъ степенство не желаетъ якшаться съ нами. У нихъ пуговицъ сколько и спереди и сзади понашито!

— Ха, ха!—раздался смѣхъ около гимназиста, и двое фабричныхъ школьниковъ, посмѣлѣе, подбѣжали къ нему сзади и дернули за полы.

— Сволочь! Брысь! — огрызнулся Вася, уже весь красный отъ гнѣва и обиды.

Иванъ подошелъ къ нимъ.

— Вася, здравствуй! И ты, Миша, поди-ка сюда!

Онъ взялъ ихъ обоихъ за руки и отвелъ въ сторону.

— А вы ступайте! Нечего тутъ горло драть!

Мальчуганы принялись опять за плясъ.

— Послушай!—сказалъ Иванъ гимназистику.—Ты, братъ, что же какъ чураешься вотъ хоть бы его?—указалъ онъ на вызывальщика.—Что ты за прынцъ? Тятька твой такой же былъ простой рабочій, какъ и его отецъ. Тебѣ, Миша, тоже не слѣдуетъ его задирать, а сдачи можешь дать — не важничай! Онъ вызывальщикъ, значитъ хоть малость да заработываетъ, а за тебя папенька съ маменькой платятъ большія деньги, а еще неизвѣстно что изъ тебя выйдетъ. Отъ тебя не убудетъ, что ты со всѣми попляшешь. Такъ-то!

Миша, убѣгая, не утерпѣлъ и высунулъ языкъ гимназистику. Тотъ погрозилъ ему кулакомъ, но не пустился за нимъ бѣжать, не желая смѣшиваться съ „фабричной сволочью“.

Иванъ глядѣлъ на нихъ въ раздумьи, и ему припомнился его разговоръ съ Меньшовымъ, въ трактирѣ „Казбекъ“—мѣсяцъ тому назадъ. Вотъ она—высшая-то умственность, съ малыхъ лѣтъ! Такой карапузикъ гимназистикъ, Вася Козловъ—развѣ онъ послу-

жить рабочему люду, когда пройдетъ ученье? Какъ бы не такъ! Онъ будетъ норовить на казенныя харчи: на службу или на жирные хàпанцы докторовъ, либо брехуновъ-адвокатовъ!

Будь у него самого сынишка въ такомъ возрастѣ и позволяй ему заработокъ поддерживать его въ гимназіи, гдѣ по-латынскому и по-греческому обучаютъ—ни въ жизнь не пустилъ бы онъ его туда! И хозяева напрасно этому поблажаютъ. Никакъ, кое за кого изъ гимназистовъ и плату вносятъ.

Меньшова онъ цѣлыхъ двѣ недѣли не видалъ. Здѣсь ли онъ? врядъ ли придетъ. Терпѣть онъ не можетъ никакихъ такихъ сборищъ, когда хозяева передъ народомъ благодѣтелями выказываютъ себя, особливо если тутъ и полиція, и все фабричное начальство въ сборѣ.

„Развѣ ищетъ—нѣтъ ли здѣсь его крàли“?—спросилъ про себя Иванъ, пробираясь, въ обходъ, къ лужайкѣ, гдѣ играли драгуны.

„Ничего-то онъ не добьется“,—продолжалъ онъ раздумывать о пріятелѣ. И опять ему стало совѣстно, что онъ его взбудоражилъ тогда, весной, письмомъ своимъ. „На незаконную любовь онъ ее не собьетъ, да и замужъ она не пойдетъ за мастерового“. По всѣмъ „видимостямъ“, она—съ большой амбиціей. Вотъ, конторщикъ-то Щепетильниковъ сколько времени увивается, а о помолвкѣ что-то еще не слыхать. Такъ у него жалованья сто рублей въ мѣсяцъ при даровой квартирѣ, и пролетка ему полагается, когда ѣздитъ въ городъ“.

„Ни въ сихъ, ни въ оныхъ—мой Антонъ Егорычъ“,—думалъ Иванъ, озираясь отъ времени до времени—не увидитъ ли гдѣ Машутки съ двумя подругами-ткачихами.

Человѣкъ въ его положеніи, настоящій рабочій, да еще въ званіи смотрителя—можетъ повести свою линію съ полной надеждой на то, что дѣло вы́горитъ, если онъ „по-честно́му“ думаетъ о хорошей дѣвушкѣ.

Паша ведетъ себя съ нимъ степенно, не форситъ и не пристаетъ, вонъ какъ Луша, а все-таки показываетъ, что она очень и очень цѣнитъ его ласку и вниманіе.

Недалеко отъ музыкантовъ съ нимъ повстрѣчался Валерьянъ Иванычъ — старый приказчикъ изъ главной конторы. Споконъ вѣка сидитъ онъ у перваго пролета въ корридорѣ, рядомъ съ кассой.

— Иванъ Прокофьичъ! здравствуй!—окликнулъ онъ Спиридонова и остановился.

Все такой же онъ степенный, съ тихой усмѣшечкой въ гла-

захъ, рослый, чуть-чуть съ просѣдью, бритое лицо, и одѣтъ старательно, въ свѣтлую пару.

— Пришли посмотрѣть, какъ наши ребята выплясываютъ, Валерьянъ Иванычъ?

— Трезвенники твои дѣйствуютъ?

— Какже, какже! Слесарь-то Чистяковъ — первый у нихъ распорядитель!

— И Боброва я запримѣтилъ.

— Тотъ, насчетъ танцевъ, ему уступитъ. На много! За то въ другомъ въ чемъ считается—звѣздой! — насмѣшливо выговорилъ Иванъ.

— Знаю, знаю!

Старый приказчикъ взялъ Ивана подъ-локоть и отвелъ его въ сторонку, къ дверямъ, гдѣ было совсѣмъ почти пусто.

— Иванъ Прокофьевъ,—началъ онъ вполголоса: — ты у нашихъ ткачей довѣренное лицо... И по обществу вашему, и вообще. Я собирался все съ тобой покалякать. Извѣстно ли тебѣ, что промежду ткачей что-то, какъ будто, затѣвается?

— Насчетъ прибавки?—такъ же тихо спросилъ Иванъ.

— Да, насчетъ прибавки. И мнѣ доподлинно извѣстно, что этотъ самый Бобровъ тутъ первый зачинщикъ.

— Не знаю, Валерьянъ Иванычъ, не хочу грѣха на душу брать. Онъ малый самомнительный и форсистый. И большую имѣетъ способность складно говорить... Ежели онъ начнетъ на это подталкивать—его многіе послушаютъ.

— Вотъ видишь! Онъ у тебя въ обществѣ... Ты бы ему сдѣлалъ внушеніе, что-ли.

— Это дѣло его... партикулярное, Валерьянъ Иванычъ. Поди-ка, скажи ему слово, онъ сейчасъ тебя осадитъ: „это, молъ, до общества „Свѣтъ“ не касается! На то, молъ, полиція есть, чтобы за нами слѣдить“. Опять же, мы съ нимъ не то что въ ссорѣ, а на тонкой деликатности.

— Такъ хоть на другихъ бы подѣйствовалъ!

— Теперь... ежели взять холостежь, которые по артельнымъ каморкамъ живутъ—мнѣ къ нимъ резону нѣтъ являться... Опять же я теперь въ смотрителяхъ. Съ ткачами и съ прядильщиками прямого дѣла у меня нѣтъ.

— Ужъ я тебѣ говорю, что не обойдется безъ смуты... Хорошо, коли повинятся сразу, вотъ какъ въ тотъ разъ.

Къ нимъ подошелъ хожалый Благомѣрный и снялъ картузъ, кланяясь пониже старшему приказчику.

— Вотъ и онъ тебѣ то же скажетъ.

Валерьянъ Иванычъ указалъ рукой на хожалаго и сталъ пробираться къ тому мѣсту, откуда видны были голова молодого хозяина и военныя фуражки полицейскихъ.

— Чтò такое говорилъ Валерьянъ Иванычъ? — спросилъ вполголоса хожалый.

— Да насчетъ недовольства промежъ ткачей... Все изъ этихъ двухъ копѣекъ прибавки.

— Мутьяны есть. Кабы мнѣ Сергѣй Сергѣичъ далъ приказаніе—я бы съ ними живой рукой справился.

— Кто же доподлинно?

— Первый Бобровъ... А потомъ сумнителенъ мнѣ вашъ пріятель Антонъ Егорычъ...

— Онъ этимъ не занимается.

— Однако... Зачѣмъ же это къ нему—третьяго дня—отъявился молодецъ изъ Петербурга... и переночевалъ у него? А поутру—чѣмъ свѣтъ—улетучился?

— Не знаю, любезный другъ, и не хочу поклеповъ взводить.

— Навѣрно, это былъ посланецъ отъ теплыхъ ребятъ. Тамъ, слышь, началось волненіе. Мнѣ это отъ вѣрныхъ людей извѣстно. Вонъ посмотрите, какъ Меньшовъ-то вашъ поглядываетъ... И видъ-то у него совсѣмъ такой... поднадзорный.

Иванъ усмѣхнулся отъ слова „поднадзорный“ и поглядѣлъ въ сторону музыкантовъ, куда хожалый указывалъ рукой.

Меньшовъ — на полголовы выше толпы — кого-то искалъ глазами.

„Навѣрно, ее“,—подумалъ Спиридоновъ.

Трубачи заиграли „Камаринскую“. И разомъ, на всѣхъ лужайкахъ, заплясали и подростки, и молодые мужики, и пожилые рабочіе, въ одиночку, выдѣлывая мудреныя колѣна—нѣкоторые въ-присядку. Иванъ засмотрѣлся на одного ткача—кажется, немного подъ хмелькомъ, въ поддёвкѣ и въ картузѣ на затылкѣ. Онъ правой рукой развѣвалъ ситцевымъ платкомъ, а лѣвой поводилъ въ тактъ съ переборомъ ногъ, весь отдавшись пляскѣ. Хоръ ускорялъ темпъ, и плясуновъ все прибывало. И конца не было повторенію все одного и того же подмывательнаго мотива.

XIV.

Меньшовъ бродилъ одинъ. Онъ не хотѣлъ продираться впередъ, гдѣ стояли „нàбольшіе“—молодой хозяинъ, директоръ съ двумя дамами, полиція, старшіе служащіе въ конторѣ. Не смѣ-

шивался онъ и съ толпой фабричныхъ. Въ немъ все это „народное“ гулянье, устроенное на хозяйскій счетъ, поднимало брезгливое и невеселое чувство. И тутъ—баре и ихъ крѣпостные—точь въ точь, какъ въ доброе старое время, когда—въ именины помѣщика — мужики и бабы допускались на барскій дворъ, передъ балкономъ, водили хороводъ, плясали въ присядку. Бабъ угощали брагой, мужиковъ—по стаканчику водки. Здѣсь только нѣтъ угощенія, кромѣ музыки, за которую заплатилъ хозяинъ. И тамъ, и тутъ—своя „вотчинная полиція“: тамъ староста и бурмистръ, земскій, сотскій; здѣсь—фабричные хожалые и десятники; а такъ какъ фабричнаго мужичья—нѣсколько тысячъ, то и земская полиція. Вотъ и вся разница.

Не тѣшило его и то, что фабричная молодежь научилась танцовать „лянце́“ и „шестнадцатигранную кадре́ль“, и отшибаетъ отъ нихъ франтоватыми лакеями и горничными. Подъ всѣмъ этимъ онъ распознавалъ еще непробудную „дичь“ и вѣковую забитость личности. Онъ оглядывался въ разныя стороны, какъ бы ища признаковъ того—какъ глубоко въѣлось въ этотъ полумужицкій людъ „холо́пство“, передававшееся изъ рода въ родъ.

Будь онъ иначе настроенъ—онъ бы навѣрное замѣтилъ, что весь народъ держался вольно, безъ оранья и толкотни, но и безъ подобострастной приниженности. И господскіе танцы, и трепакъ подъ звуки камаринской Глинки — шли одинаково свободно.

Вонъ стоитъ управляющій и балагуритъ съ молодежью. И работницы-моталки, подростки, молодые парни, вызывальщики, подносчики, прядильщики—весело и непринужденно заговариваютъ съ нимъ.

Никто не ломитъ шапокъ и вокругъ хозяина съ директоромъ.

Все это должно было бросаться и ему въ глаза; но онъ не замѣчалъ этого. Безпокойный взглядъ его искалъ кого-то.

Около круга, гдѣ стояли трубачи, виднѣлось нѣсколько дамскихъ шляпъ. Онъ узналъ голову жены управляющаго и еще даму крупнаго роста, жену техника машинно-слесарнаго отдѣленія, и нѣсколько учительницъ. Плотная фигура въ короткой мантильѣ заставила его поморщиться.

Не будь тутъ этой „дѣвули“—Вознесенской—онъ подошелъ бы поближе разглядѣть, кто еще стоялъ въ той же группѣ. Она раскланяется съ нимъ чопорно и съ усмѣшечкой неисправимой гувернантки, которая не хочетъ высказывать своего явнаго презрѣнія къ такой „падшей душѣ“, какъ онъ.

Онъ повернулся въ сторону отъ музыкантовъ и сейчасъ же призналъ, саженяхъ въ сорока отъ себя, Ивана Спиридонова: тотъ прохаживался съ старымъ приказчикомъ.

Старикъ этотъ никогда никакихъ непріятностей ему не сдѣлалъ; ему было даже извѣстно, что раза два Настасья Ильинишна, черезъ него, хлопотала за своего питомца. Можетъ быть, поэтому онъ и сторонился его. Когда другіе хвалили его простодушіе и готовность помочь, его тихій юморъ въ разсказываніи разныхъ исторій изъ фабричнаго быта, говорили про его страстную любовь къ охотѣ на перепеловъ и глухарей, Меньшова это не трогало. Онъ видѣлъ въ этомъ конторщикѣ образецъ фабричнаго „двороваго", воспитаннаго, по милости господъ, въ ихъ „людскихъ", для обученія грамотѣ и „цыфири", чтобы потомъ переписывать вѣдомости въ „экономіи" или въ передней господскаго дома.

Онъ зло усмѣхнулся, видя, какъ Иванъ что-то почтительно выслушиваетъ отъ старика, прохаживаясь съ нимъ, въ сторонкѣ, короткими шажками.

И пускай его примазывается къ конторскимъ. Туда ему и дорога! Въ председателяхъ общества онъ не усидитъ; и теперь уже тѣ, кто позубастѣе, въ родѣ Боброва, недовольны имъ и хотятъ его „спустить". Да и вся-то его просвѣтительная затѣя разсыплется прахомъ. Года не пройдетъ — и онъ очутится въ самыхъ ординарнѣйшихъ фабричныхъ ловкачахъ, домикъ заполучитъ на льготныхъ условіяхъ и будетъ добиваться довѣреннаго мѣста приказчика при товарныхъ кладовыхъ, ѣздить съ господами „къ Макарію" и прислуживать имъ въ родѣ лакея.

Еще одинъ шагъ—и онъ будетъ помогать начальству въ „устраненіи" всѣхъ, кто волнуетъ фабричныхъ. И, точно въ подтвержденіе мысли Меньшова, Иванъ очутился уже съ хожалымъ Благомѣрнымъ. Они что-то секретно говорили другъ другу на ухо.

„Такъ и есть, и съ *сикофантомъ* въ дружбу лѣзетъ",—проговорилъ про себя Меньшовъ.

Онъ уже давно замѣчалъ, что Спиридоновъ ведетъ пріятельство со старшимъ хожалымъ мануфактуры.

Краска вдругъ бросилась ему въ лицо. Справа—недалеко отъ управляющаго и Павла Павлыча, на окраинѣ круга танцующихъ, взглядъ его схватилъ очертанія женской головы въ шляпкѣ съ двумя перышками, торчавшими въ видѣ кинжаловъ, одно—красное, другое—черное.

Это была Лаврская, только-что пришедшая на гулянье.

И тотчасъ же глаза его стали искать, по близости, ненавистную ему, ухмыляющуюся физіономію Щепетильникова, его свѣтло-сиреневый костюмъ и соломенную шляпу съ трехцвѣтной лентой.

Но его около Лаврской не было.

„А, вонъ ты гдѣ — гусь лапчатый"! — вскричалъ про себя Меньшовъ, увидавъ, какъ контористъ пробрался къ молодому хозяину и сталъ ему что-то говорить на ухо. Тотъ кивнулъ нѣсколько разъ головой, должно быть въ знакъ согласія, и что-то отвѣтилъ.

Сегодня господинъ Щепетильниковъ особенно блистателенъ. На немъ, вмѣсто соломенной шляпы, цилиндръ и длинный черный сюртукъ, при бѣломъ атласномъ галстухѣ. Кажется, даже лакированныя ботинки.

Ищутъ ли они другъ друга глазами—контористъ и учительница? Она, кажется, взглянула въ его сторону; онъ—весь ушелъ въ прислуживаніе хозяину.

Хозяинъ что-то еще ему сказалъ—и онъ бѣжитъ черезъ площадку къ дирижеру и передаетъ ему приказаніе. Дирижеръ даетъ знакъ старшему музыканту, управляющему хоромъ. Заиграли вальсъ изъ „Евгенія Онѣгина".

Это напомнило Меньшову житье въ Москвѣ, когда онъ ходилъ въ Большой театръ и вмѣстѣ со студентами и курсистками до сипу вызывалъ баритона.

Познакомься онъ съ Лаврской тамъ—въ студенческомъ кружкѣ—она навѣрное иначе взглянула бы на него. Тамъ онъ сошелъ бы, въ ея глазахъ, за „агитатора", только выдающаго себя „увріеромъ". А здѣсь онъ—фабричный рисовальщикъ, мастеровой, пониже старшихъ приказчиковъ, смотрителей и раклистовъ. Вотъ это и возмущало его въ ней. Небось, у дѣвули Вознесенской и она радикальничаетъ! Онѣ всѣ тамъ, на своихъ посидѣлкахъ, разглагольствуютъ о равенствѣ и братствѣ. Фразы нанизывать легко; а *человѣка* распознать, хотя бы и въ мастеровомъ—это особая статья.

Горечь все сильнѣе растравляла его,—чувство своего глубокаго одиночества, невозможность подняться надъ мастеровщиной въ глазахъ той, кто такъ обижаетъ его своимъ брезгливымъ отношеніемъ.

Потомъ, жалость покрыла это чувство, жалость къ себѣ, къ своей житейской незадачѣ, къ безпощадной болѣзни, которая такъ предательски подкралась и кажетъ неминуемую смерть, послѣ мучи-

тельныхъ страданій, и къ позорной долѣ: быть неудачнымъ соперникомъ такой „мрази“, какъ конторщикъ Щепетильниковъ.

Теперь онъ смотрѣлъ только на нее. Она разговаривала съ управляющимъ и съ одной изъ своихъ товарокъ по школѣ. Ея нѣжный профиль выступалъ въ тѣни бортовъ шляпки, и немного узковатые искристые глаза дѣлали ее сегодня еще красивѣе. Тонкій перехватъ таліи былъ ему также виденъ, и шея, окруженная кружевнымъ боркомъ.

Неужели нѣтъ хода къ душѣ этой дѣвушки? Не самъ ли онъ виноватъ своимъ глупымъ задоромъ? Развѣ въ послѣднюю ихъ встрѣчу, когда онъ передалъ ей книгу отъ своей пріемной матери, его тонъ не былъ мальчишески нелѣпъ?

Съ какой стати началъ онъ корчить изъ себя педанта? Обличать ее въ незнаніи русскихъ образцовыхъ авторовъ, прохаживаться насчетъ того, что она приписала Пушкину то, чего тотъ никогда не писалъ?

Всякая бы разсердилась на ея мѣстѣ. Да и онъ самъ бы взбѣсился, еслибъ кто-нибудь „утеръ ему носъ“ въ такомъ точно случаѣ.

Захоти онъ взять себя въ руки — развѣ бы онъ не могъ „подсыпаться“ къ такой барышнѣ? У него всѣ данныя, чтобы возбудить въ ней интересъ къ себѣ. *Его* лицо и весь складъ, или облизанная физія того конториста, съ носомъ въ видѣ молодой картофелины и комичными желтоватыми глазами и всей его „щепетильностью“ сидѣльца съ Никольской?

И нуженъ пустякъ: — немножко слѣдить за собою, помягче говорить, вызвать ее на душевный разговоръ, не „съ бацу“, не такъ, какъ въ послѣдній разъ; а съ умомъ, и чтобы она почуяла въ тонѣ его рѣчи не одинъ только задоръ умника и озорника, а почтительную симпатію къ себѣ. Всякая на это ловится.

Въ эту минуту не одна только обида и ревнивая горечь заговорили въ немъ. Никакого Донъ-Жуана онъ не желалъ изъ себя строить. Но никогда еще онъ такъ не нуждался въ сближеніи съ женской душой. Ему до боли нужно было слышать ласковое слово, видѣть теплый взглядъ, ощущать сочувственный трепетъ сердца красиваго и развитого существа.

Лаврская отдѣлилась отъ группы, съ которой стояла. Можетъ быть, у нихъ условлено съ Щепетильниковымъ — сойтись подъ конецъ гулянья, и тотъ проводитъ ее до дому? Нѣтъ, контористъ все еще трется около хозяина и, кажется, до сихъ поръ еще не примѣтилъ ея.

Меньшовъ пошелъ къ ней на встрѣчу. Ей было трудно пробираться сквозь густую толпу фабричныхъ. И никто не помогалъ ей. Онъ растолкалъ народъ и очутился около нея.

— Анна Галактіоновна!—окликнулъ онъ ее почтительно.— Васъ здѣсь совсѣмъ затрутъ. Позвольте предложить вамъ руку?

Она пристально взглянула на него, прежде чѣмъ что-нибудь отвѣтить,—точно она не была увѣрена, въ какомъ онъ видѣ.

— Благодарствуйте! — мягко выговорила она, не рѣшаясь сразу пойти съ нимъ.

— Позвольте, — повторилъ Меньшовъ. — Васъ затолкаютъ.

Онъ взялъ ее подъ-руку и сталъ своей свободной рукой расталкивать народъ.

Когда они выбрались изъ толпы, Лаврская отдернула руку.

— Вы желаете, быть можетъ, туда, гдѣ играетъ хоръ?— все такъ же почтительно спросилъ Меньшовъ.

— Нѣтъ. Нисколько не желаю. Мнѣ пора.

— Прикажете сказать вашимъ подругамъ, что вы уходите?

— Зачѣмъ... Я не боюсь идти одна. Здѣсь такъ все прилично... Кажется, ни одного пьянаго.

— Или вскричать извозчика? Сегодня навѣрное найдутся тамъ у канавки.

— Я въ городъ не поѣду. Мнѣ только до фабрики.

— Позвольте быть вашимъ спутникомъ?

Голосъ его дрогнулъ.

— Пожалуйста,—чопорно отозвалась она.

— Анна Галактіоновна!—окликнулъ Меньшовъ, снялъ шляпу и остановился.—Позвольте попросить у васъ извиненія.

Она тоже пріостановилась и взглянула на него такъ, какъ будто догадывалась, въ чемъ дѣло

— Мнѣ прискорбно, что у насъ съ вами нѣтъ настоящаго тона. И въ этомъ я признаю себя безусловно виноватымъ.

Она промолчала.

— Говорю это чистосердечно, Анна Галактіоновна... И тогда... въ нашъ послѣдній разговоръ...

— Что-жъ! Вы оказались правы. Съ моей стороны было бы смѣшно обижаться. Я ошибалась, и довольно грубо ошибалась.

— Превосходно! Но мнѣ не слѣдовало такъ ехидничать, разыгрывать изъ себя педанта. Вы меня простите. Я человѣкъ— обреченный!..

— На что?—спросила она съ усмѣшкой.

— На то, на что мы всѣ обречены,—отвѣтилъ онъ взвол-

нованно.—Я больной человѣкъ. Смерти я не боюсь. Но у меня порокъ сердца, и часто я не могу сдержать себя.

Только-что онъ выговорилъ это, какъ ему стало гадко на себя.

„Экая мерзость! — выбранился онъ мысленно.—Разжалобить хочешь смазливую дѣвчонку своимъ убожествомъ. Пошлякъ“!

— Развѣ вы такъ серьезно больны? — спросила Лаврская, мѣняя тонъ.

— Да что̀ объ этомъ! — вскричалъ онъ съ сильнымъ жестомъ.—Рисоваться я не буду. Господа медики діагнозы свои поставили. И тамъ, гдѣ я раньше работалъ, и здѣсь... Всѣ кончимъ однимъ и тѣмъ же, Анна Галактіоновна. Я къ тому это сказалъ, что мнѣ моя—какъ здѣсь фабричные говорятъ—срывчатая натура портитъ и тотъ кусочекъ жизни, который мнѣ остался.

Она шла съ опущенной головой. Голосъ Меньшова, языкъ, какимъ онъ выражался, скорбныя ноты и горделивые жесты дѣйствовали на нее въ первый разъ.

— И здоровье Настасьи Ильинишны васъ смущаетъ?—спросила она, поднявъ голову.—Кажется, ея положеніе ухудшилось?

— Судя по ея письмамъ—нѣтъ. Да она умѣетъ себя подбадривать. Можетъ, не сознаётъ опасности.

— Вамъ будетъ тяжко потерять ее?

— Я и теперь—полный бобыль. Съ этимъ я давно свыкся. И опять я... не о томъ сокрушаюсь. Меня огорчаетъ, а чаще бѣситъ вотъ то, что насъ... людей одного развитія и толка—раздѣляетъ ровъ какой-то... цѣлый оврагъ. И происходитъ одно безконечное недоразумѣніе... Такъ вышло, сдается мнѣ, и между нами, Анна Галактіоновна. Понимаю, вамъ и нельзя было взглянуть на меня безъ предвзятыхъ мыслей...

— Почему же это?

Она остановилась.

— Вы здѣсь были вновѣ... тогда, года полтора назадъ. Ваша старшая сослуживица, госпожа Вознесенская, вводила васъ въ здѣшнюю жизнь.

— Вы хотите сказать, что я подпала подъ ея вліяніе? Напрасно!

Легкая краска показалась на ея лицѣ. Меньшовъ, не желая того, задѣвалъ ея больное мѣсто. Съ Надеждой Николаевной онѣ уже болѣе полугода были въ холодноватыхъ отношеніяхъ. Лаврская желала выказывать во всемъ свою самостоятельность—и на совѣтахъ, какіе бывали у нихъ въ школѣ, очень часто не соглашалась съ нею, не хотѣла признавать ея старшинства.

— Не она, такъ другіе... Я знаю, какую мнѣ репутацію здѣсь создали.

— Я никакихъ пересудовъ не выношу!

— Каковъ бы я ни былъ, — продолжалъ Меньшовъ, болѣе замѣтно волнуясь:— позвольте считать себя несовсѣмъ недостойнымъ... хорошей, честной бесѣды съ развитой дѣвушкой... Корчить изъ себя Гончаровскаго Марка Волохова я отнюдь не желаю. Но право, Анна Галактіоновна, иногда задыхаюсь, не отъ одной только болѣзни сердца, а отъ ужаснаго душевнаго одиночества. Мнѣ это на роду написано: ни въ сихъ, ни въ оныхъ состоять. Вотъ сейчасъ, на этомъ праздникѣ фабричныхъ пейзанъ, я ни къ народу не могъ пристать, ни къ тѣмъ, у кого онъ находится въ барщинѣ. И здѣшняя интеллигенція сторонится отъ меня... Чувствую, что такъ будетъ до послѣдняго вздоха.

— Всѣ мы испытываемъ то же одиночество,—задумчиво отозвалась Лаврская.

— Вы не можете быть въ моемъ положеніи. Вашего общества ищутъ...

Онъ не договорилъ. Это могло показаться ей намекомъ; а онъ не хотѣлъ ни выдавать своей ревности, ни унижать себя соперничествомъ съ „господиномъ Щепетильниковымъ“.

— На вашемѣ мѣстѣ,—заговорила Лаврская, какъ бы уклоняясь отъ всякаго болѣе интимнаго разговора,—я бы всей душой жила интересами трудовой массы.

Это звучало для него вычитанной фразой.

Онъ не сдержалъ усмѣшки въ глазахъ.

— Намъ,—продолжала она:—нѣтъ времени и повода входить въ дѣла фабрики, это требуетъ постояннаго участія въ жизни рабочихъ. А вы—въ самомъ водоворотѣ... И какъ человѣкъ, стоящій выше ихъ по развитію, вы могли бы...

— Эхъ, Анна Галактіоновна!—Меньшовъ махнулъ рукой.— Долго надо объ этомъ говорить. Если позволите — когда-нибудь я вамъ выскажу мое исповѣданіе вѣры... по этому вопросу. Только боюсь, что вы найдете его бездушнымъ или возмутительнымъ. И за то большое вамъ спасибо, что вы сами заговорили со мною объ этомъ...

— Скажите,—перебила она:—правда ли, что вотъ сейчасъ есть недовольство между ткачами? Снаружи все такъ тихо, веселятся и танцуютъ подъ хозяйскую музыку; а внутри, тамъ, происходитъ броженіе?

Ея хорошенькіе глазки вопросительно оглянули его.

„Чтò ты меня выспрашиваешь?—подумалъ онъ про себя.— Не по порученію ли твоего ухаживателя“?

И сразу вся эта курсисточка встала передъ нимъ въ другомъ освѣщеніи. Она любопытна—и только! Нѣтъ въ ней и того интереса къ „трудовой массѣ“, какой есть въ „дѣвулѣ“ Вознесенской, не говоря уже о той жалости, какая теплится всегда въ сердцѣ его пріемной матери.

Нѣтъ въ этой хорошенькой курсисточкѣ и никакого интереса къ *нему*! Нимало онъ не пронялъ ее тѣмъ, что сейчасъ изливался передъ нею. Она видитъ и знаетъ одно: этотъ неудачникъ льнетъ къ ней и желаетъ показаться интереснымъ. Отчего же и не поразузнать отъ него что-нибудь пикантное насчетъ рабочихъ?

И наружность ея перестала сразу привлекать его. Она только смазлива—не больше. Глазки—маленькіе, съ какой-то плутоватой бойкостью, безъ огня и глубины. Въ выраженіи лица, въ походкѣ, въ голосѣ—ничего такого, чего нѣтъ въ сотнѣ барышенъ, которыя принуждены питаться скучнѣйшей работой учительницы. Настоящее ихъ дѣло—выходить замужъ и дѣлаться барыньками средней руки.

Онъ такъ долго молчалъ, что Лаврская поглядѣла на него искоса, съ недоумѣніемъ.

— Васъ затрудняетъ сказать мнѣ правду?—спросила она полунасмѣшливо.

— Меня? — почти крикнулъ Меньшовъ. — Ха, ха! Меня, почтѐннѣйшая Анна Галактіоновна, ничего не затрудняетъ... Я еще такой вещи не встрѣчалъ. Чтò жъ мнѣ вамъ отвѣчать? Я агитаціей ни здѣсь, да и нигдѣ не занимаюсь. Это, быть можетъ, очень ужъ обыкновенно и нимало не интересно. Но какъ быть? Ни хвастать, ни рисоваться не желаю. Слыхалъ и я, стороной, что недовольство есть. Оно всегда есть, было и будетъ. Двухъ копѣекъ имъ прибавки не даютъ. Пожалуй, они и забастуютъ. Такъ, зря, по щучьему велѣнью. Но прибавки все-таки не получатъ. Исторія старая и довольно-таки заурядная!

Выговоривъ все это, Меньшовъ почувствовалъ, что имъ больше не о чемъ бесѣдовать. Ему было все равно — поняла это его спутница или нѣтъ. Онъ шелъ уже развинченной поступью, съ опущенной головой и не смотрѣлъ на нее. Вѣткой, сорванной по дорогѣ, онъ ударялъ себя по ногѣ. Еще немного—онъ бы замурлыкалъ.

— Я думала,—сказала, помолчавъ, Лаврская:—вы гораздо сочувственнѣе относитесь къ рабочимъ?..

— А вотъ теперь увидали,—подхватилъ Меньшовъ съ гор-

деливымъ поворотомъ головы:—во-очію убѣждаетесь, что ваша сослуживица, госпожа Вознесенская, безусловно права.

— Въ чемъ?

— А въ томъ, что я—бездушный себялюбецъ. Никого знать не хочу, народъ презираю, и выше всего ставлю свое собственное *я*. Есть французское прозвище для такихъ экземпляровъ, какъ я... да боюсь переврать, да и прононсъ у меня отчаянный. По самоучителю выучился.

И онъ уже не дѣлалъ себѣ внутренно упрековъ, что опять глупо повелъ себя. Ему было тоскливо и больно за душевную пустоту около этой красивой барышни, о которой онъ мечталъ больше года. Его уже тяготило то, что они идутъ рядомъ и онъ долженъ ее „занимать".

Они подходили къ оградѣ мануфактуры. Слѣва, изъ-за опушки рощи, искрился закатъ, бросая на дорогу розоватый отсвѣтъ. Передъ ними выступали, изъ-за заборовъ, тяжелые корпуса складовъ съ побурѣлыми желѣзными крышами. Запахъ деревьевъ и травы на лужайкахъ смѣнялся прѣснымъ запахомъ хлопка и прессованныхъ матерій.

Злобно глядѣлъ Меньшовъ на эту усадьбу „ихъ степенствъ", гдѣ всѣ родятся, живутъ и умираютъ въ угоду ихъ хозяйскому самоуправству, гдѣ человѣкъ—ничто, единица, разсчетная книжка въ зеленой обложкѣ; а *все*—аршинъ миткаля; гдѣ считаютъ не на количество душъ, а на цифры „веретенъ" и „станко̀въ".

Но то, что̀ съ особенной силой схватило его за сердце въ эту минуту—онъ не станетъ выливать передъ этой франтоватой курсисточкой. Да и никто больше здѣсь на фабрикѣ не услышитъ отъ него ни единаго слова отъ души.

— Кажется, музыка перестала играть?—спросила Лаврская, когда они миновали заднія ворота.

— Я ничего не слышу.

— Сегодня въ городѣ спектакль, и эти же трубачи играютъ.

— Гдѣ?—почти грубовато отозвался Меньшовъ.

— Въ Собраніи... благотворительный спектакль... Артисты Малаго театра.

— Вы сбираетесь?

— Да... Мы вмѣстѣ съ женой старшаго доктора.

— Туда васъ и довести?

— Если вы торопитесь, Меньшовъ, я и одна дойду.

— Мнѣ некуда торопиться. И на спектакль я не сбираюсь.

Ему не захотѣлось даже спросить ее:

„Господинъ Щепетильниковъ навѣрно тамъ будетъ"?

Они—пара. Быть ей женой завѣдующаго отдѣленіемъ конторы. А онъ—изъ такихъ „подхалимовъ", которые съумѣютъ пролѣзть всюду „безъ мыльца".

— Пожалуйста... будете писать Настасьѣ Ильинишнѣ—мой искренній привѣтъ.

Лаврская протянула ему руку, остановившись въ проходѣ между двумя казармами, ведущими къ больницѣ.

— Непремѣнно-съ,—сухо отозвался Меньшовъ и пожалъ ея руку, почти не глядя на нее.

И вслѣдъ ей онъ даже не посмотрѣлъ, точно она перестала для него существовать.

Онъ пошелъ замедленнымъ шагомъ дальше, по направленію къ главному корпусу.

Ему некуда было идти. Въ городѣ у него нѣтъ теперь больше знакомыхъ. Тотъ „подневольный" обыватель, къ которому онъ два года назадъ ходилъ въ гости, давно переведенъ въ другое мѣсто. Два гимназиста—въ студентахъ и переѣхали въ Москву. Знакомые студенты тоже перевелись.

Пошелъ бы онъ посмотрѣть на актеровъ Малаго театра въ Дворянское Собраніе. Но у него нѣтъ и лишнихъ двухъ рублей заплатить за стулъ. А райка тамъ нѣтъ!

И опять сознаніе своей отверженности начало сосать его—полнаго отщепенца, вотъ среди этого фабричнаго муравейника, гдѣ живетъ до десяти тысячъ душъ, считая всѣхъ чернорабочихъ, каменщиковъ, плотниковъ, землекоповъ. Усадьба „ихъ степенствъ" разростается. Вонъ, вправо отъ угла главнаго корпуса выступаетъ, по ту сторону рѣчки, новое длинное одноэтажное строеніе. Оно совсѣмъ почти готово. Къ осени туда поставятъ цѣлыхъ четыре тысячи самоткацкихъ станковъ—тамъ будетъ сосредоточено все производство миткаля, котораго теперь не хватаетъ для набивныхъ тканей. Уже не двѣ тысячи кусковъ будетъ выбрасывать въ день эта махина, а пять-шесть тысячъ!

А миткальщикамъ все-таки не накинутъ ничтожныхъ двухъ копѣекъ, изъ-за которыхъ—какъ всѣ толкуютъ—идетъ между ними волненіе. Изъ-за чего же съ ними церемониться? Сколько ни поставь станковъ—народу всегда будетъ больше спроса. Чего же имъ еще? Выпишутъ изъ Америки такія машины, что одинъ ткачъ будетъ разомъ работать на восьми и десяти станкахъ. Ему накинутъ процентиковъ двадцать на теперешнюю суточную „заработку". А кто не попадетъ въ избранники—не прогнѣвайся: покоптитъ и на теперешней миткалевской платѣ.

Въ груди его клокотало отъ этихъ „разрывныхъ" мыслей.

И была минута, когда онъ всѣмъ своимъ существомъ почувствовалъ почти негодованіе на самого себя за то, что сторонится отъ „активнаго дѣла“ изъ-за своихъ презрительныхъ взглядовъ на фабричный людъ.

Великая нужда, что они—стадо барановъ, полумужичье, не доразвившееся до высшихъ потребностей; но они—*сила* въ рукахъ того, кто съумѣетъ направить ее,—накалить пустой паровикъ до температуры взрыва!

Теперь все это позади. Онъ—обреченный человѣкъ. Каждый фибръ докладывалъ ему про негодность къ какому бы то ни было напряженію воли, къ выполненію хорошо задуманнаго плана.

Онъ двигался позади сквэра, еле переставляя ноги. На столбахъ вспыхивали электрическіе шары. Въ пролетѣ между деревьями садика и стѣной красильно-набивной фабрики—пролетѣла открытая коляска съ легкимъ шумомъ резиновыхъ шинъ.

Меньшовъ быстро поглядѣлъ ей вслѣдъ. Два заводскихъ жеребца катили экипажъ ровной рысью. Спина кучера—огромныхъ размѣровъ, обхватъ таліи, перепоясанной золотымъ поясомъ, покачиванье этой живой туши—все дерзко кричало о милліонахъ. Въ коляскѣ сидѣлъ молодой хозяинъ и рядомъ съ нимъ конторщикъ Щепетильниковъ. Они ѣхали въ городъ на спектакль.

Никогда еще Меньшова не поражалъ такъ самый простой фактъ: кто бы ни былъ этотъ хозяинъ—сила не въ немъ, а въ его *правахъ*. Онъ—„дофинъ“, наслѣдный принцъ всего этого королевства и никто не лишитъ его ни одного грошеваго „початка“, если онъ самъ не постарается худо вести дѣло, когда будетъ полнымъ обладателемъ своихъ владѣній.

„Куда идти“?—спросилъ себя Меньшовъ, испытывая приступъ тоски—предвѣстницы припадка. Онъ уже подходилъ къ зданію главной конторы. Съ угла, отъ парадныхъ воротъ, отдѣлилась темная фигура въ форменной фуражкѣ.

Они шли на встрѣчу другъ другу. Меньшовъ разглядѣлъ форму—письмоносецъ или телеграфный курьеръ.

— Вы господинъ Меньшовъ?—окликнулъ онъ его и приподнялъ фуражку.—Я къ вашей милости.

— Что̀ такое?

— Депе́шка. Вотъ росписка. Можно и карандашомъ.

Курьеръ потоптался на мѣстѣ, какъ бы ожидая на водку, и ушелъ. Депешу Меньшовъ раскрылъ дрожащими руками, самъ не понимая, почему онъ такъ волнуется.

Онъ разобралъ слова:

„Мать ваша опасна. Зоветъ васъ къ себѣ проститься".

Депеша была подписана фамиліей врача въ кумысномъ заведеніи, около Самары.

Дыханіе его стало тяжелымъ. Онъ присѣлъ на выступъ крыльца. И прежде чѣмъ голова его закружилась, подумалъ, что для поѣздки къ умирающей Настасьѣ Ильинишнѣ онъ долженъ идти нищенствовать передъ своими фабричными господами.

XV.

Запахъ рыбныхъ щей и постнаго масла разносился по всему верхнему корридору одной изъ новыхъ каменныхъ казармъ.

Здѣсь съ ранней весны устроена просторная и свѣтлая столовая, человѣкъ на сто, съ котлами для горячаго—въ самой залѣ, и съ печами по близости—влѣво отъ входной двери. Чугунные столбы поддерживаютъ потолокъ. Между ними—свободный проходъ. Направо и налѣво по длинному столу. Съ двухъ сторонъ идутъ окна.

Иванъ Спиридоновъ поднялся въ верхній корридоръ казармы ровно въ полдень, во вторую смѣну артельщиковъ. Первая бываетъ раньше, около десяти часовъ.

Онъ шелъ не обѣдать—ѣлъ онъ у себя, а „побалакать" съ распорядительницей—женой одного изъ служащихъ. Нѣсколько фабричныхъ барынь составили кружокъ—пока еще безъ всякаго устава—и на первыхъ порахъ завели вотъ эту артельную столовую, выпросивъ у хозяевъ помѣщеніе.

Дѣло идетъ недурно, и есть надежда, что пойдетъ еще лучше. Въ обѣ смѣны ходитъ уже до полутораста человѣкъ. Обѣдъ обходится въ мѣсяцъ рубля въ три съ полтиной. Каждый скоромный день—мясо. Въ постные—какъ сегодня—щи съ головизной и каши „до отвалу" съ подсолнечнымъ масломъ.

Цѣна за каждый обѣдъ отмѣчается въ книжкѣ. Разъ на разъ не приходится. И книжки разныхъ цвѣтовъ—однѣ для ткачей, другія—для прядильщиковъ и прочихъ рабочихъ. Обѣ смѣны имѣютъ по два старосты—по счетной части и для надзора за ѣдой. Обѣденный староста рѣжетъ мясо и хлѣбъ и разливаетъ масло въ чашки каши. Ѣдятъ партіями въ шесть человѣкъ.

У кружка есть и другая цѣль. Вотъ къ ней-то Спиридонова эти барыни и хотятъ привлечь: поддержка женъ и дѣтей фабричныхъ пьяницъ, особенно тѣхъ, кто живетъ за оградой мануфак-

туры, на вольныхъ квартирахъ. Многія терпятъ самую жалкую долю, и никто объ нихъ до сихъ не подумалъ. Нѣтъ имъ никакой защиты отъ безпутства ихъ мужей.

Ивану хотѣлось и приглядѣться, какъ дѣйствуетъ артель. Между посѣтителями столовой есть и его трезвенники. Въ томъ числѣ и тотъ веселый малый, изъ ляховцевъ, Филатъ Барыковъ, который, два года назадъ, былъ только ставельщикомъ, а теперь —уже ткачъ.

Иванъ вошелъ въ столовую, когда кончали ѣсть щи съ головизной. Направо два „кухаря“ накладывали кашу въ деревянныя чашки. Одинъ изъ старостъ большой ложкой разливалъ масло. Онъ былъ тоже изъ общества трезвости—высокій, съ кудельными волосами и бородой и добродушнымъ, женоподобнымъ лицомъ.

Иванъ окликнулъ его:

— Добраго здоровья, Василій Лукичъ!

Староста отдалъ ему поклонъ молча, поглощенный своимъ дѣломъ. Къ нему подходили, по порядку, молодые парни изъ артельщиковъ съ чашками каши.

Справа, около чугунной колонны, на свободномъ краю стола, лежало много цвѣтныхъ книжекъ. Тутъ были: другой староста, и рядомъ съ нимъ пожилая дама, небольшого роста, въ очкахъ, въ сѣромъ, простомъ платьѣ. Онъ не зналъ доподлинно, чья она жена—не то доктора, не то кого-нибудь изъ старшихъ конторщиковъ.

— А! Иванъ Прокофьичъ!—ласково обратилась она къ нему. —Спасибо, что завернули къ намъ. Мы давно васъ поджидаемъ... Вотъ я сейчасъ управлюсь съ книжками. Посмотрите, какъ у насъ идетъ дѣло. Кажется, всѣ довольны.

— Ну, чай, есть которыхъ не сразу удовлетворишь?—сказалъ Иванъ, оглянувшись на тѣхъ, кто сидѣли за правымъ столомъ.

— Вчера и то обижались,—шутливо отозвался староста.— Солонина была во щахъ хорошая. А тѣ—вонъ на томъ столѣ,— онъ указалъ рукой,—говядины стали просить у барыни.

— Будетъ и говядина,—успокоивала распорядительница.— Третьяго дня насъ поставщикъ обманулъ... да и дорога была.

— Небось, сударыня, почесываются: „дорого, молъ“?—въ томъ же тонѣ спросилъ Иванъ.

— Разумѣется... Человѣкъ до двадцати отстали.

— А почемъ сходитъ?

— Въ округу—копѣекъ одиннадцать.

— Чего же дешевле! Мясо каждый скоромный день... Щи съ рыбой... Масло подсолнечное... Всего до отвалу.

— Въ первое время хлѣба ѣли ужасно много!

Распорядительница разсмѣялась.

— Благо дешево!—пошутилъ староста.

— До семи пудовъ въ день сходило.

— Вотъ такъ утроба?—вырвалось у Ивана громкимъ возгласомъ.

— Теперь почти вдвое меньше ѣдятъ,—досказала такъ же весело распорядительница.

— Сластёнами у васъ будутъ, сударыня.

— Только бы привилось!

— Да на что ужъ лучше! Въ каморкахъ артелью я тоже живалъ, когда холостымъ былъ. Тогда и говядина, и масло, да и вся прочая провизія дешевле была; а дай Богъ памяти— меньше трехъ рублей въ мѣсяцъ намъ не обходилось.

— Вотъ вы бы имъ это и разсказали, Иванъ Прокофьичъ.

— Да они и сами знаютъ превосходно. А у нашего брата фабричнаго такой уже нравъ. Сразу ничѣмъ доволенъ не будетъ!..

Иванъ оглянулся на лѣвый столъ и въ самомъ концѣ его, противъ окна, увидалъ голову Боброва.

Тотъ также поглядывалъ на него издали и, кажется, съ усмѣшечкой:—Зачѣмъ-де ты сюда залѣзъ; надъ нами надзоръ, что-ли, производить"?

Это не совсѣмъ пріятно кольнуло Ивана. Въ послѣднія двѣ недѣли онъ, какъ предсѣдатель „общества", то-и-дѣло наталкивался на всякаго рода заминки, умничанье, а то такъ и прямо уклоненіе отъ правилъ. И всѣ, точно разомъ, стали ему перечить. Исторія въ домикѣ Павла Пантелеева многимъ не понравилась, и виноватымъ оказался, какъ будто, онъ же, за то, что удалилъ изъ „общества" пьяницу и буяна. А за то никто не скажетъ ему спасибо, что просилъ управляющаго за него, чтобы не доводить до судебнаго разбирательства.

И во всемъ этомъ онъ чуялъ вліяніе „господина Гамбетты"— Боброва.

Но это же его и подбило сохранить и здѣсь свое достоинство и не смущаться тѣмъ, что тотъ краснобай и „самозванный вожакъ" возсѣдаетъ тутъ.

— Хлѣбъ-соль, господа!—сказалъ Иванъ, подходя сначала къ лѣвому столу.

— Благодарствуйте, Иванъ Прокофьичъ!—крикнулъ кто-то поближе къ углу.

Спиридоновъ узналъ голосъ своего земляка, Филата Барыкова.

— Какъ насдобили кашу-то! Такъ и блеститъ! Дайте, братцы, отвѣдать!—сказалъ Иванъ, чувствуя, что ему почему-то дѣлается неловко.

— Садитесь, попробуйте!—пригласилъ его Филатъ.

— Вотъ такъ каша!—похвалилъ Иванъ, присаживаясь къ нимъ.

— Похàять нельзя!—откликнулся пожилой ткачъ въ красной рубахѣ съ отстегнутымъ воротомъ.

— И цѣна здоровая!—замѣтилъ кто-то, слѣва отъ Ивана. Возгласъ этотъ показался ему слишкомъ возбужденнымъ.

Онъ обернулся туда и узналъ одного изъ трезвенниковъ— шуровщикà Михѣева—молодого, здороваго малаго, съ закоптѣлымъ, широкимъ лицомъ.

И до обонянія его дошла струя какъ бы спиртного духа. Отъ кого? Прямо отъ этого Михѣева. И глаза шуровщика были на особый манеръ блестящи. Несомнѣнно, онъ выпилъ, хотя и не очень. Но его возгласъ показывалъ, что вино начинаетъ его забирать.

— Къ намъ захотѣли въ артель поступить?—спросилъ онъ Спиридонова, и на этотъ разъ спиртный духъ былъ еще явственнѣе.

— Довольно мнѣ и того, что я въ трезвенникахъ значусь,— сказалъ съ удареніемъ Иванъ и значительно поглядѣлъ направо и налѣво.

Филатъ, какъ смышленый малый, сейчасъ же понялъ этотъ намекъ.

— Охъ, тяжелъ сей искусъ, Иванъ Прокофьичъ!—дурачливо выговорилъ онъ.—И очень у васъ тамъ пріятно, насчетъ барышенъ актеровъ и прочаго другого; а боюсь, хоша и не имѣю большого пристрастія къ чаркѣ.

Нѣсколько человѣкъ разсмѣялись.

— Строгость большая,—сказалъ кто-то на той скамьѣ, гдѣ примостился Иванъ.

— И не говори, милый человѣкъ! Страсти!

Этотъ возгласъ пустилъ Михѣевъ. Онъ тряхнулъ головой и полѣзъ ложкой въ кашу, подмигивая тѣмъ, кто сидѣлъ рядомъ съ нимъ.

Краска появилась на щекахъ Спиридонова. Онъ не счелъ возможнымъ пропустить это мимо ушей. Такому шуровщику, вмѣсто того, чтобы куражиться, слѣдовало бы стыдъ имѣть и постараться скрыть, что онъ „довольно серьезно" выпилъ.

Какъ же можетъ предсѣдатель общества трезвости пропу-

стить это безъ вниманія? Да тотъ же Бобровъ будетъ вездѣ издѣваться надъ нимъ и разглагольствовать: „Какая, молъ, баба нашъ предсѣдатель! Никто знать его не хочетъ!.. Трезвенники являются среди бѣла дня въ публичномъ мѣстѣ и нимало не церемонятся показывать, что они преспокойно себѣ выпиваютъ".

— Однако, Михѣевъ, — началъ онъ тихо, но съ легкой дрожью въ голосѣ:—тебѣ бы нечего балагурить надъ нашими строгостями. Ты, я замѣчаю, устава нашего совсѣмъ не знаешь, хотя и состоишь членомъ.

— Гдѣ его знать! Я грамотѣ, Иванъ Прокофьичъ, плохо обученъ. Не такъ, какъ ваша милость,—протянулъ Михѣевъ, уже съ явной издѣвкой въ голосѣ.

— Ну, такъ я тебѣ, любезный другъ, напомнилъ бы, какой такой есть въ уставѣ параграфъ пятый.

— Па-ра... какъ ваша милость изволите называть?

— Нечего ломаться!—строже остановилъ его Иванъ и всталъ со скамьи, но не отошелъ, а продолжалъ говорить надъ мѣстомъ Филата Барыкова.

— Тебѣ его, небось, когда ты поступалъ въ трезвенники, читали?

— Запамятовалъ, Иванъ Прокофьичъ.

Шуровщикъ замоталъ головой.

— Ну, такъ я тебѣ его припомню. Тамъ говорится, что коли поведеніе члена будетъ идти противъ устава общества,—а всѣ вотъ здѣсь видятъ, что ты выпилъ,—то совѣтъ, послѣ внушенія, исключаетъ такого облыжнаго трезвенника. Вотъ что̀ тамъ говорится!

— Ну и пущай!—пробормоталъ Михѣевъ.

— То-то и оно!—выговорилъ Иванъ, сдерживая себя.

— Я и самъ, коли такъ, не желаю!

— Чего же не желаешь, милый другъ?—внушительно спросилъ Иванъ.

— Экая нéвидаль! Мы тоже не въ услуженіи у обчества. И чтобы надъ нами такъ куражиться!

— Ну, объ этомъ мы послѣ поговоримъ,—остановилъ его Иванъ и отошелъ отъ стола.

Онъ замѣтилъ, что Бобровъ прислушивается съ своего мѣста.

Начали вставать съ обоихъ столовъ.

Ивану было бы очень непріятно столкнуться съ Бобровымъ, и онъ поспѣшилъ вернуться къ распорядительницѣ.

— Вотъ и мы управились со старостой, Иванъ Прокофьичъ.

Кажется, она, говоря такъ, не замѣтила того, что̀ вышло за лѣвымъ столомъ.

— Ничего нѣтъ мудренаго, сударыня,—началъ вполголоса Иванъ,—что ваша команда привередничаетъ. И дорого, и солонины не хотятъ ѣсть... Коли сначала за галстухъ заложишь!

Она посмотрѣла на него вопросительно.

— Мнѣ даже и весьма непріятно,—продолжалъ онъ:—въ родѣ какъ полицейскій надзоръ производить... Такая моя удача.

— Вы нашли кого-нибудь въ нетрезвомъ видѣ?—тихо спросила распорядительница.

— Не въ безобразіи... За обѣдомъ сойдетъ... Но для трезвенника—не полагается, и я долженъ обязанность свою соблюсти.

— Какъ это жалко! Вамъ, Иванъ Прокофьичъ, надо оставаться на своемъ посту... послужить благой цѣли. И нашему кружку оказать содѣйствіе.

— Я всей душой, сударыня!

— Мнѣ поручили вамъ передать: у насъ будетъ завтра вечеромъ совѣщаніе.

Она назвала—въ какомъ именно мѣстѣ.

— Что-жъ! Я съ моимъ особеннымъ удовольствіемъ... Ежели что̀ экстренное не задержитъ, буду неукоснительно.

— А теперь я сама должна торопиться. Артель накормила—надо и о своихъ домашнихъ подумать. Ихъ безъ обѣда не оставить...

Она засмѣялась и, уходя, пожала Спиридонову руку, потомъ о чемъ-то поговорила еще съ обоими старостами. Тотъ, что̀ завѣдуетъ счетной частью—сталъ собирать книжки.

Иванъ подождалъ, пока столовая совсѣмъ очистится. Онъ видѣлъ, какъ Бобровъ прошелъ мимо него, шагахъ въ пяти, съ кѣмъ-то разговаривая. Съ нимъ не раскланялся. И это его задѣло, хотя онъ сознавалъ, что такъ лучше, а то между ними могъ выйти какой-нибудь непріятный обмѣнъ словъ.

— Иванъ Прокофьичъ! Почтеніе!

Къ нему подошелъ Филатъ Барыковъ и протянулъ руку.

Этого малаго онъ любилъ: съ виду такой балагуръ, а башка хорошая, работящъ, попиваетъ, но умѣренно и во всякомъ общественномъ дѣлѣ непремѣнно станетъ на „правильной" сторонѣ.

— Совсѣмъ столицу нашу забыли, Иванъ Прокофьичъ!

— Какую такую?

— А Ляхово?

— Вотъ собираюсь... въ эту субботу—на цѣлые три дня.

— Слухъ идетъ, домикъ хотите мастерить? Напротивъ старой избы?

— Крѣпко подумываю.

— Что-жъ! Распрекрасное дѣло! И хозяюшкой обзавестись слѣдуетъ.

Они пошли по корридору.

— Никакъ, Власъ скоро въ запасъ выходитъ? — спросилъ Филатъ.

Съ Власомъ, мужемъ Авдотьи, они вмѣстѣ учились въ школѣ.

— Должно, скоро.

— Мнѣ Дуняша сказывала намедни. Небось сюда его пристроите?

— Какъ самъ разсудитъ.

— Соблазнъ-то у насъ кишмя-кишитъ... на фабрикѣ. Такая распута идетъ... Духъ скверный!

Иванъ придержалъ Филата въ сторонѣ и сталъ говорить тише:

— Скажи мнѣ, любезный другъ, въ вашей-то смѣнѣ... Бобровъ у васъ вожакомъ считается? А?

Спиридоновъ пытливо посмотрѣлъ въ лицо Филату.

— Это точно, Иванъ Прокофьичъ... начинаетъ въ силу входить по всему ткачеству.

Въ Иванѣ закопошилось самолюбивое чувство: вотъ онъ на такомъ посту, а вѣдь ему неизвѣстно, чтò теперь бродитъ въ ткачахъ, готовится ли что-нибудь и кто ихъ ведетъ, отъ кого пойдетъ „пароль и лозунгъ".

— Я, братъ, отъ вашего дѣла вдалекѣ, — говорилъ онъ такъ же тихо, когда они пододвигались по лѣстницѣ.—А молва идетъ—и Богъ ее знаетъ, откуда она поднимается. Нéшто и Василія Степаныча стали неодобрять? Давно ли все хорошо было? Кажется, и насчетъ прогулу большихъ строгостей нѣтъ, и въ пособіи не отказываетъ. Опять же вотъ хоть бы эту столовую взять. Онъ вошелъ въ это дѣло... И хозяина просилъ отдѣлать помѣщеніе. Слышно, отъ себя что-то далъ деньги на обзаведеніе кухни.

— Ругаютъ сильно... Иванъ Прокофьичъ.

— Все насчетъ той прибавки? Ты, небось, получилъ?

— Да меня не смѣщали, Иванъ Прокофьичъ.

— Такъ вѣдь ропщутъ тѣ, которые спокон вѣку миткаль работали.

— Это точно. И ихъ разобрало: почему-ста и намъ не при-

бавить? Онъ рядомъ со мной стоитъ и то же самое работаетъ. Ему прибавили, а мнѣ нѣтъ.

— Разница большая: одного лишили допрежь выгодной заработки, а этого ничего не лишали.

— Такъ-то оно такъ; а обижаются.

— Небось, Бобровъ тутъ тоже подзадориваетъ?—спросилъ еще тише Иванъ; они вышли уже на дворъ.

И тотчасъ же ему стало совѣстно: точно онъ вывѣдываетъ у Филата—что̀ твой тайный агентъ.

— Мнѣ, братъ, все равно,—заговорилъ онъ горячѣе.—Ты меня, Филатъ, знаешь не со вчерашняго дня. Начальству я подхалимствовать не буду.

— Еще бы, Иванъ Прокофьичъ!

— Ни здѣсь, ни тамъ у насъ, въ деревнѣ. Мнѣ что̀ директоръ, что̀ земскій — все едино. У меня свое начальство есть— совѣсть. А только изъ-за чего же народъ мутить, когда причина пустая?

— Какъ будто и мнѣ оно такъ сдается!—выговорилъ уже совсѣмъ серьезно Филатъ.

— Ужъ если недовольство заявлять, такъ надо твердой ногой на чемъ-нибудь стать, на такомъ, чтобы сразу било въ носъ. Проси двѣ копѣйки надбавки—по всей линіи. Или опять насчетъ часовъ, или смѣны. А то двѣ копѣйки добавить—и между тѣмъ работаютъ по двѣнадцати часовъ въ сутки, считая чистку машинъ.

— Нéшто двѣнадцать?—остановилъ Филатъ.

— А то сколько же? Сочти хорошенько.

— За моремъ, слышно, Иванъ Прокофьичъ, добиваются, чтобы, значитъ, всего по восьми часовъ работать, чтобы день на три части?

— Ты откуда это вычиталъ, Филатъ?

— Въ газетахъ... давно пишутъ. А есть ли доподлинно хоть въ одномъ мѣстѣ, чтобы этого добились?

— Шумятъ много, а чтобы повсемѣстно такъ было... что-то не доводилось мнѣ ни слышать, ни читать.

— Хоть бы десять часовъ. Опять же, кто сдѣльно — тому въ убытокъ будетъ.

— Извѣстное дѣло. Слѣдственно, все надо съ разумѣніемъ. А не такъ вотъ... потому что краснобаи завелись,—докончилъ онъ ѣдко.

Филатъ остановился.

— Прощенья просимъ, Иванъ Прокофьичъ. Такъ въ Ляховѣ, значитъ, безпремѣнно побываете?

— Приду на цѣлыхъ три дня.

— А тамъ и за домикъ приметесь?

— Пора, пора!

Они простились по-пріятельски. Филатъ пошелъ скорымъ шагомъ въ дальнюю казарму, позади больницы. Иванъ тоже поспѣшилъ къ себѣ—онъ еще не обѣдалъ, изъ-за посѣщенія артельной столовой.

Маша, навѣрное, ужъ отправилась въ швейную. У нихъ есть стряпуха—ходитъ къ нимъ два раза въ день, а живетъ въ слободѣ. Маша не прочь и постряпать, да не успѣваетъ. Въ мастерской она изъ самыхъ лучшихъ ученицъ и уже кое-что заработываетъ. Дѣвочка она очень самолюбивая. Ей хочется идти впереди всѣхъ.

Это его радуетъ, а все-таки онъ нѣтъ-нѣтъ да и подумаетъ о томъ, что изъ нея деревенской жительницы не сдѣлаешь. Все будетъ ее тянуть на фабрику, или въ городъ, особливо если сразу повалитъ къ ней работа и она начнетъ, при даровыхъ харчахъ и квартирѣ, заработывать до двадцати рублей въ мѣсяцъ.

„Паша—не то!—воскликнулъ онъ про себя.—Та не обманетъ". Не изъ-за того она про деревню такъ говоритъ, чтобы къ нему только поддѣлаться. Она гордая. Ни въ чьей денежной поддержкѣ не нуждается.

И никогда еще ему не было такъ жутко идти домой и садиться за столъ одному... Избу онъ будетъ строить непремѣнно; но и здѣсь кто же мѣшаетъ начать новую жизнь вдвоемъ?..

П. Боборыкинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ
СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ
КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ.

(1854 — 1860 гг.)

II [1]).

Приступаю теперь къ описанію событій 26-го и 27-го августа. Въ моей тихой и уединенной жизни, мнѣ кажется иногда: да точно ли все это было, и я это видѣла? Но когда я всецѣло погружусь въ эти воспоминанія,—зеленый лугъ, сосновая роща передъ моимъ окномъ пропадаютъ изъ глазъ,— и я вижу площадь, войско, ряды французскаго войска, идущаго на Малаховъ курганъ, блескъ ножей на ихъ штуцерахъ!..

26-го, утромъ, та же пальба, такъ же много раненыхъ. Вѣтеръ, ужасный, мостъ такъ и качается, волны заливаютъ его, но что̀ удивительно,—не только люди, но и лошади идутъ спокойно, а мостъ подъ ними извивается змѣей!

У насъ сестра-хозяйка—именинница, и, несмотря на пальбу, она таки-справляетъ именины; напекла пироговъ и даже пирожнаго. Александръ Бакунинъ пришелъ ко мнѣ уже когда зажгли свѣчи. Я его давно не видала; знала, что онъ не раненъ, знала тоже, что онъ живъ, отъ Муравьева, который былъ на 4-мъ бастіонѣ. Въ этотъ разъ еще грустнѣе было смотрѣть съ нашей

---

[1]) См. выше: мартъ, 132 стр.

галереи, по которой я его проводила, какъ онъ удаляется во мракъ по Екатерининской улицѣ, и видѣть, какъ сверкаютъ надъ его головой бомбы, и знать, что тысячи смертей летаютъ надъ нимъ!

Я пошла съ сестрой Смирновой въ пріемную. Пальба тише; операцій не дѣлаютъ, раненыхъ не приносятъ. Я подошла къ столу, гдѣ лежитъ книга, въ которую записываютъ приносимыхъ раненыхъ. Цифры во всѣ эти дни доходили до 1.000. Слава Богу, все тихо и спокойно; раненыхъ нѣтъ; надо идти отдохнуть... Вдругъ блеснуло въ окошкѣ; за блескомъ—страшный гулъ, трескъ, шумъ; рамы, стекла—все летитъ! Свѣчи гаснутъ, служителя бѣгутъ. Мы съ сестрой прижались къ стѣнѣ. Промелькнула у меня мысль, что если это пороховой погребъ, то отчего же мы не взлетѣли на воздухъ? Проходитъ минута, другая... все тихо и темно. Мы зажгли свѣчи и пошли въ палаты. Изъ раненыхъ, слава Богу, никто не ушибленъ, но на кроватяхъ—рамы, стекла, разные обломки... Чтò жъ это было? Сбѣжала сверху Дуня Алексѣева и сестра Куткина; онѣ говорятъ, что у нихъ тоже всѣ рамы и перегородки попадали; что въ другомъ казематѣ у сестеръ страшный крикъ; что, вѣрно, онѣ переранены. Я сейчасъ хотѣла идти къ нимъ, но вотъ и онѣ прибѣгаютъ. Иныя нѣсколько ушиблены или порѣзаны стеклами и страшно перепуганы, такъ какъ многія уже легли и даже спали. И другія жительницы батареи тоже кричатъ и бѣгутъ; сбѣгаются и докторá. Но чтò же это было? Чтò это за взрывъ, отъ котораго не осталось не только стеколъ, но ни одной рамы во всей батареѣ? Потомъ разсказывали, что везли на баркасѣ до 140 пудовъ пороху, и у самой Графской пристани попала въ него ракета и взорвала баркасъ.

Наконецъ всѣ нѣсколько успокоились, и я пошла къ намъ наверхъ. Тамъ тоже опустошеніе: разорено все; чтò было на столахъ—изломано, перебито, облито чернилами; въ шкафахъ вся посуда перебита. Перегородка, которая отдѣляла нашъ казематъ отъ корридора, упала. Только въ маленькомъ казематѣ Павловской, гдѣ окошко обращено къ морю, уцѣлѣла часть перегородки. Но вѣтеръ такъ и ходитъ по всей Николаевской. Для утѣшенія и согрѣванія, мы принялись ставить самоваръ и пить чай. Сестры Куткина и Алексѣева остались ночевать у Павловской. Тутъ было все-таки уютнѣе, чѣмъ въ нашемъ большомъ казематѣ, совершенно открытомъ, съ большимъ окномъ, обращеннымъ прямо на непріятельскія батареи. А третья моя жилица, Маланья Селиверстова, севастопольская обывательница, осталась на галереѣ, устремивъ испуганные взоры на пороховой погребъ.

А я пошла къ себѣ и заставила окно ширмами отъ вѣтра, а отъ прохожихъ завѣсила ситцевымъ одѣяломъ; вездѣ одинаковая опасность, и если Господь хочетъ помиловать, то и вездѣ помилуетъ. Я вспомнила тутъ слова одного солдата, который мнѣ говорилъ:

— Что̀ такое бомба? бомба—глупость, а на все воля Божья!

Я крѣпко заснула подъ свистъ ракетъ.

27-е августа.—Какъ я теперь написала это несчастное число, такъ передо мной и встали всѣ событія этого ужаснаго дня!

Мы поднялись очень рано; пальба продолжалась; холодно; вѣтеръ, довольно сильный, такъ и ходитъ по нашей безоконной батареѣ.

Въ одиннадцатомъ часу я вышла изъ пріемной и пошла по нашей галереѣ, чтобы попросить кофе. Масса народу; всѣ толпятся и смотрятъ.

— Что̀ такое?

— Посмотрите; ряды непріятелей подходятъ къ № 2-му и къ Малахову кургану.

Да, точно! Ножи на ихъ штуцерахъ сверкаютъ на солнцѣ. Да, это штурмъ!

Съ Павловскаго мыска по дорогѣ къ Малахову кургану поскакалъ Хрулевъ и его свита, и все скоро закрылось пылью и дымомъ.

Видя, что всѣ какъ-то въ смятеніи, я вернулась въ пріемную помогать доктору при операціяхъ и завязывать лигатуры.

Вдругъ вбѣгаетъ сестра Зихель,—на ней лица нѣтъ. Она говоритъ, что надо спасаться, что со всѣхъ сторонъ штурмуютъ. За ней вбѣгаетъ Александра Петровна Стаховичъ и прерывающимся голосомъ говоритъ мнѣ:

— Ради Бога, сестра, надо уходить! Графъ Сакенъ велѣлъ торопиться!

Какъ досадно, какъ горько! Но нечего дѣлать, иду къ намъ наверхъ; сестры въ тревогѣ; у иныхъ хоть дорожные мѣшки въ рукахъ, а другія ничего и не берутъ съ собой. Я говорю Александрѣ Петровнѣ, что мнѣ необходимо собраться; у меня есть офицерскія и солдатскія вещи;—хорошо еще, что рано утромъ я успѣла иное отдать; у меня ключъ отъ аптеки, его надо передать доктору. Но Александра Петровна все спѣшитъ, говоря:

— Черезъ полчаса на площади, можетъ быть, будутъ рѣзаться.

Я ей отвѣчаю, что мнѣ невозможно все вдругъ такъ бросить; даю ей честное слово, что я за ними послѣдую, можетъ-быть и догоню ихъ, и она наконецъ уходитъ со всѣми сестрами.

Тогда я принялась на̀скоро все убирать и брать съ собой то,

что̀ необходимо. Показывая и на свои, и на сестрины мѣшки и чемоданы, которые къ намъ надо переслать, прошу у смотрителя еще солдата; а потомъ, вспомнивъ, что отъ большого вѣтра мостъ въ водѣ, надѣваю свои мужскіе сапоги и, отдавъ вещи солдатамъ, иду отыскивать до̀ктора.

Сдавъ ему шолкъ для лигатуръ и ключъ отъ аптеки, я оставляю съ сокрушеннымъ сердцемъ нашу Николаевскую батарею, нашу Южную сторону, нашъ бѣдный Севастополь!..

Отъ сильнаго вѣтра мостъ сильно качается, и я должна была взять за руку нашего служителя-солдата, чтобы перейти бухту подъ усиленной пальбой.

На Михайловской батареѣ я нашла сестеръ; все тамъ въ величайшемъ безпорядкѣ, такъ какъ всѣ вещи живущихъ сестеръ сносятся въ одну комнату и готовятъ пушки для пальбы.

Крикъ, шумъ такой, что не слышно бомбардировки. А тутъ еще сестры, служащія на Михайловской батареѣ, особливо ихъ старшая, бранятъ начальницу.

Я и не упомянула бы объ этомъ, если бы всѣ эти мелкіе безпорядки и неурядицы не повели впослѣдствіи къ большимъ перемѣнамъ въ общинѣ. Да и многія сестры занимались въ это время мелочами, хлопотали о своихъ мѣшкахъ, чемоданахъ, плакали о сундукахъ,—точно онѣ и не понимали, что̀ происходитъ передъ ихъ глазами, что̀ Россія теряетъ въ эту минуту!..

А какъ ужасно мы провели этотъ день, глядя черезъ бухту на Севастополь! Еще сначала войско поспѣшнымъ шагомъ шло туда, а жители,—откуда ихъ такъ много набралось!—еще поспѣшнѣе, съ тяжелыми узлами, бѣгутъ на эту сторону.

А между тѣмъ, то бомба, то ракета, падаютъ въ море, въ ту или другую сторону моста.

Но Богъ милуетъ. Одна бомба упала и на мостъ, но одни остановились, другіе побѣжали впередъ и только двѣ доски летятъ прочь; ихъ сейчасъ же чинятъ, и всѣ продолжаютъ идти.

Вдругъ видимъ, что и войска идутъ на эту сторону... Они несутъ знамена, которыя были въ комнатахъ графа Сакена, и тутъ же—въ красномъ—идутъ и плѣнные...

Поѣхали полуфурки и возы, нагруженные до-нѐльзя. На одномъ сидитъ на самомъ верху коммиссаръ перевязочнаго пункта и заботливо держитъ, прижавъ къ себѣ, корзину съ котятами, а кошка сидитъ съ нимъ рядомъ!

Стали носить и раненыхъ на Сѣверную. Вдругъ на Малаховомъ курганѣ огромное изверженіе земли, камней: это—взрывъ погреба или мины.

Кромѣ раненыхъ, лежащихъ въ казематахъ Михайловской батареи, лежатъ раненые въ магазинахъ; до нихъ нѣтъ и четверти версты.

Мы пошли съ сестрой Надежиной, чтобы напоить ихъ водкой; мы шли туда болѣе получаса—такъ все было загромождено телѣгами, полуфурками и т. п. Народъ валитъ толпами; солдаты разныхъ полковъ скликаются. Крикъ, шумъ страшный!

Какую ужасную ночь мы провели! Никогда не забуду я этой картины! Какъ ужасно горѣлъ весь Севастополь, — огромное пламя! А въ бухтѣ затапливали всѣ наши несчастные оставшіеся корабли... По мосту все гуще и гуще идетъ войско и остальные жители; ядра такъ и летаютъ.

Говорили, что подъ тѣмъ окошкомъ, въ которое мы смотрѣли на Севастополь, оторвало голову часовому.

Тутъ я узнала про нашего доктора В. И. Тарасова; иные говорили, что онъ совсѣмъ уѣхалъ, а другіе—что онъ поѣхалъ встрѣчать Н. Ив. Пирогова, который сюда ѣдетъ.

Въ ужасномъ положеніи была бѣдная Д. Алексѣева; передъ ея глазами горѣлъ ея родной городъ, ея собственный домъ, и она знала, что ея единственный братъ еще тамъ, на Южной сторонѣ!..

Намъ было сказано, чтобъ мы не ставили самоваровъ въ корридорѣ, не выходили туда со свѣчой, потому что вездѣ порохъ. А между тѣмъ бомбы разрывались со всѣхъ сторонъ.

Разсвѣло. Только однѣ мачты видны отъ кораблей; густой, черный дымъ поднимается надъ Севастополемъ. Одни войска идутъ по мосту. Когда я услыхала, что идетъ тобольскій полкъ, я побѣжала къ мосту, въ надеждѣ узнать объ Александрѣ Бакунинѣ. Спрашиваю унтеръ-офицера. Онъ мнѣ отвѣчаетъ:

— Прапорщикъ Бакунинъ сейчасъ пошелъ въ гору.

Слава Богу, живъ и здоровъ! Тобольскій полкъ прошелъ послѣднимъ; сейчасъ же начали разводить мостъ и притягивать его къ Сѣверной. Графъ Сакенъ и оставшееся съ нимъ войско переѣхали на пароходахъ.

У моста я встрѣтила нашего служителя; онъ сказалъ мнѣ, что всѣ наши вещи везутъ на катерѣ, а мнѣ онъ очень бережно отдаетъ мой хрустальный стаканъ, который спасъ въ своемъ карманѣ!

Когда привезли всѣ наши вещи, пошла опять ужасная толкотня; кто отыскиваетъ, кто плачетъ, что все пропало.

Но времени терять нельзя, надо скорѣй все укладывать на возы и отправлять на Бельбекъ. Ждутъ съ минуты на минуту

взрыва Николаевской батареи; увѣряютъ, что камни долетятъ сюда. Одинъ солдатъ, услыхавъ это, говоритъ мнѣ:

— Небось, матушка, ничего не будетъ:—она не взорвется.

— Какъ, почему ты такъ думаешь?

— Да мина та не такъ сдѣлана.

И въ самомъ дѣлѣ она не взорвалась. А Александровская два раза взрывалась; камни сыпались въ море, какъ огромный градъ.

Скоро половина сестеръ уѣхала. Мы тоже поѣхали съ Александрой Петровной, но мы заѣхали на Сѣверное укрѣпленіе, и тамъ, найдя раненыхъ, я и сестра Надежина остались, чтобы ихъ перевязать и напоить водкой. Очень мы были рады, когда къ намъ присоединился флотскій докторъ Шелома.

Къ счастью я встрѣтила А. Д. Княжевича, который служилъ, какъ мнѣ помнится, при полевомъ почтамтѣ; онъ могъ намъ выдать находящіеся тамъ въ тюкахъ: корпію, бинты, компрессы и казенный шолкъ для лигатуръ, а то у насъ ничего не было. Помню, что явился къ намъ какой-то офицеръ и требовалъ, чтобы мы накормили раненыхъ. Я ему отвѣчала, что онъ долженъ бы былъ прежде спросить, имѣли ли мы сами что̀ поѣсть въ этомъ мѣстѣ. Мы провели тутъ весь день.

Какъ тяжело было слышать звонъ нашихъ колоколовъ, который доносился до насъ съ Южной стороны! Туда пробрались французскіе мародеры, несмотря на запрещеніе главнокомандующаго, такъ какъ взрывы все продолжались въ разныхъ мѣстахъ.

И вотъ, какъ теперь вижу на плоскомъ мысѣ трехъ-этажную круглую Павловскую батарею; вдругъ изъ нея поднимается черный столбъ, расширяется кверху, какъ рисуютъ изверженіе огнедышащихъ горъ, только не огненный, а черный. Страшный гулъ, трескъ. Летятъ обломки, сыплются камни, взвивается дымъ и пыль, и менѣе чѣмъ въ минуту отъ трехъ-этажнаго зданія остались только двѣ небольшія насыпи.

Не хочу и повторять того ужаснаго разсказа, который потомъ ходилъ у насъ объ оставленныхъ и погибшихъ тамъ людяхъ.

Всей душой желаю—и надѣюсь, что это неправда; и тогда многіе утверждали, что это неправда, что тамъ никого не осталось.

Къ вечеру пришелъ къ намъ А. Бакунинъ и многіе другіе изъ нашего перевязочнаго пункта; послѣ такого дня и ночи обрадуешься, увидавъ даже тѣхъ, которые и не были симпатичны.

Слава Богу, всѣ, даже всѣ служителя нашего пункта вышли живы и здоровы; только у многихъ ничего не осталось, кромѣ того, что̀ было на нихъ.

Ночью мы съ сестрой Надежиной уѣхали на Бельбекъ. И

вотъ насъ окружаютъ высокія, красивыя деревья; воздухъ легкій и свѣжій — вся прелесть южной долины. Тихо; только иногда вспорхнетъ или чирикнетъ птичка...

Но, Боже мой, какъ тяжело! Съ какой бы радостью я вернулась подъ наши своды, подъ непріятельскіе выстрѣлы! Но, увы! намъ уже нѣтъ туда возврата,—и пришлось идти въ маленькую палатку, которую очень радушно раздѣлила со мной сестра Гардинская.

Сестры, которыя давно были на Бельбекѣ, имѣли всѣ свое дѣло, свои палатки, а мы, пріѣхавшія съ Николаевской батареи, толкались безъ дѣла, comme des âmes en peine. Но я черезъ день уѣхала въ лагерь на Сѣверныя высоты, узнавъ, что тамъ лежитъ мой крестникъ черкесъ, смертельно раненый при штурмѣ на Малаховомъ курганѣ.

Какую грустную ночь я провела тамъ! Этотъ лагерь, и всегда невеселый, сталъ еще грустнѣе. Дождь такъ и льетъ; во всѣхъ палаткахъ огонь, но не видно ни солдатъ, безпечно прохаживающихся, не слышно разговоровъ, а только по ужасной грязи раздаются поспѣшные шаги служителя: онъ идетъ за фельдшеромъ или за священникомъ. Въ палаткахъ слышны стоны и крики страданья. Я отыскала своего крестника въ маленькой солдатской палаткѣ, на которую была надѣта еще офицерская. И онъ тоже очень страдалъ. Его стоны смѣшивались съ звуками страннаго чуждаго языка; косматая бѣлая шапка была надвинута на черные блестящіе глаза; красивыя черты исказились отъ страданья. Онъ метался на кровати, однако узналъ меня. На другой кровати, противъ него, бѣлокурый молодой человѣкъ съ важностью разбиралъ старыя газеты и объявленія, и, безъ умолку говоря, разсказывалъ мнѣ, какъ посредствомъ шарманки онъ устроитъ новый телеграфъ и на Волгѣ пароходы, а вѣдь съ Каспійскаго моря—рукой подать до Балтійскаго моря. И я отвѣчаю ему отъ времени до времени, чтобы его успокоить: „Хорошо; такъ точно". Мой крестникъ иногда закричитъ на него, что онъ вздоръ говоритъ. И я съ грустью слѣжу за движеніями умирающаго, и его стоны сливаются съ этими безумными рѣчами контуженнаго юнкера. А дождь такъ и стучитъ въ палатку, вѣтеръ такъ и рветъ, такъ и завываетъ, а иногда раздается глухой гулъ со стороны Севастополя и напоминаетъ о продолженіи этихъ ужасныхъ взрывовъ на бастіонахъ и батареяхъ. Черныя тучи съ южной стороны, т.-е. той, гдѣ былъ Севастополь, освѣщены багровымъ заревомъ пожара!.. Къ утру мой крестникъ скончался!..

Какая безотрадная долина, какая жалкая растительность! Тутъ одна палатка; возлѣ нея лежитъ два ряда покойниковъ: они покрыты холстомъ, но видно, что ихъ болѣе 60-ти, и невдалекѣ роютъ огромную могилу. Два утра сряду я ходила туда, и всякій разъ видѣла новые ряды покойниковъ и новую вырытую братскую могилу; только на второй день немного въ сторонѣ опустили розовый гробъ съ серебрянымъ крестомъ, и я стала на колѣни и молилась, а священникъ бросилъ послѣднюю горсть земли. Какъ все грустно и безжизненно! А надъ Севастополемъ поднимается еще черный дымъ. Только воздухъ совсѣмъ перемѣнился—такой теплый и пріятный; небо не покрыто тучами, а чисто и ясно, и на безоблачномъ и голубомъ небѣ ярко и величественно блеститъ солнце... Да будетъ же оно символомъ будущаго возрожденія новоокрещеннаго и новопреставленнаго раба божія, воина Рафаила, за вѣру и царя на брани убіеннаго!

Больничный лагерь на Сѣверной сторонѣ производилъ на меня всегда тяжелое впечатлѣніе и по его грустной обнаженной мѣстности, и по множеству трудно раненыхъ, и по обстановкѣ, и по отношенію начальства къ сестрамъ и сестеръ между собою, и грубости нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вечеромъ я уѣхала на Бельбекъ, но и тамъ я тоже находилась безъ дѣла и ждала и надѣялась на пріѣздъ Николая Ивановича Пирогова, а пока ходила все-таки въ лагерь больныхъ, но не ходила въ палатки французовъ,—не могла забыть, какъ въ самое то время, какъ притягивали мостъ къ Сѣверной сторонѣ, я, увидавъ на носилкахъ раненаго француза, у котораго текла кровь, подошла къ нему, чтобы перевязать его, и, не имѣя ничего въ рукахъ, изорвала свой носовой платокъ, а онъ мнѣ гордо сказалъ: „Et pourtant nous avons pris Sébastopol“!

Однако, пришлось мнѣ пойти къ французамъ. Докторъ Ульрихсонъ, которому велѣно было переписать всѣхъ раненыхъ плѣнныхъ, находящихся въ этомъ госпиталѣ, пришелъ просить меня идти съ нимъ и помочь ему, такъ какъ онъ не зналъ по-французски. Итакъ, я стала ходить и къ нимъ. Но скоро пріѣхалъ Н. И. Пироговъ,—не помню навѣрное числа,—но это было въ самыхъ первыхъ числахъ сентября, 4-го или 5-го; съ нимъ вернулся и нашъ докторъ Тарасовъ, хотя между сестеръ и ходилъ слухъ, что онъ уволенъ отъ должности врача при общинѣ. Пріѣхали также и нѣкоторые изъ врачей, которые были съ нимъ прежде на перевязочномъ пунктѣ. Я просила Николая Ивановича дать мнѣ какое-нибудь дѣло. Онъ мнѣ сказалъ: „Ступайте въ опера-

ціонную палатку". Я не помню, какая тамъ была сестра, но знаю, что она этимъ обидѣлась, хотя ей и говорили, что тутъ нѣтъ ничего для нея обиднаго, такъ какъ все перемѣнилось, и главный хирургъ—не тотъ.

Николай Ивановичъ съ своими ассистентами обошелъ всѣ палатки, переглядѣлъ всѣхъ раненыхъ, нашелъ очень много упущеній и запущеній; не знаю, были ли въ этомъ виноваты доктора, или наплывъ больныхъ въ предъидущіе дни былъ такъ великъ, что недоставало ни средствъ, ни времени. Сестеръ нельзя въ этомъ винить, у нихъ недоставало знанія и опытности, но усердія было много, и онѣ постоянно и безъ устали работали и перевязывали ввѣренныхъ имъ больныхъ.

Я думаю, ни доктора, ни нынѣшнія сестры, не повѣрятъ тому, что̀ я сейчасъ разскажу. Когда съ одного больного сняли компрессы и бинты, и промыли, то рука его выше локтя сама отвалилась! Я сама видѣла эту руку, мнѣ ее показалъ докторъ Бекерсъ. Съ перваго же дня начались операціи, и въ этой же палаткѣ осталось 12 человѣкъ оперированныхъ; они были поручены мнѣ, но очень было грустно, что изъ 12-ти скоро осталось 7. Всякій день были новыя операціи людей очень истощенныхъ и изстрадавшихся, а другихъ, которые только могли выдержать перевозку, отправляли въ транспортъ.

Живо помню, какъ Николай Ивановичъ Пироговъ по нѣскольку часовъ сряду простаивалъ при отправкѣ транспортовъ, и какъ, несмотря на дождь, грязь и темноту, онъ всякій день ходилъ въ лагерь больныхъ, что̀ и отъ нашихъ палатокъ было довольно далеко, а его маленькая квартира была еще дальше.

Въ эти же первые дни сентября въ общинѣ было цѣлое событіе — это пріѣздъ Екатерины Александровны Хитрово, начальницы сердобольныхъ сестеръ въ Одессѣ. Всѣ мелкія неурядицы, глупыя дрязги, нелѣпыя сплетни, которыя доходили до великой княгини чрезъ переднюю и всѣми задними лѣстницами, очень ее безпокоили, и она просила сестру Екатерину Александровну Хитрово поѣхать въ Крымъ и управлять общиной. Она пріѣхала съ одной молодой сестрой ихъ общины, сама оставалась въ платьѣ и золотомъ крестѣ одесскихъ сестеръ, и держала себя очень скромно, любезно со всѣми, никакъ не давая чувствовать, „qu'elle est revêtue de pleins pouvoirs par la Grande Duchesse", хотя и говорили: „aussi on sentait un grand malaise, quelque chose d'incohérant". Она мнѣ съ первой минуты очень понравилась,—сейчасъ было видно, что хорошо воспитанная; говорили, что она очень умна, очень религіозна. Но я долго боялась поддаться этому

впечатлѣнію, чтобы не обмануться, какъ это со мной случалось уже нѣсколько разъ. Но чѣмъ я больше узнавала Екатерину Александровну, тѣмъ больше я ее любила и уважала, и мы съ ней такъ сошлись, что я и теперь, хотя этому такъ давно, съ глубокимъ чувствомъ вспоминаю о ней. Несмотря на то, что̀ ей было сказано, или, можетъ быть, даже написано противъ меня, это не помѣшало нашему сближенію.

Правда, что все это былъ великій вздоръ, — меня ей представили жоржъ-зандисткой,—и это было совершенно нелѣпо. Я знаю, что у меня было много недостатковъ, что во многомъ я не была тѣмъ, чѣмъ должна быть сестра милосердія,—помню, что графъ Сакенъ, смѣясь, называлъ меня „la plus humble et la plus soumise des soeurs",—знаю, что я далеко не подхожу къ тому идеалу сестры милосердія, который имѣю въ умѣ. Я знала много сестеръ милосердія,—и только одна для меня олицетворяла этотъ идеалъ—это Е. А. Хитрово. Бывало, поговоришь съ этой истинной сестрой милосердія,—и чувствуешь, что ея разговоръ и пріятенъ, и полезенъ, съ ней отведешь душу. Къ несчастью, я мало могла пользоваться этимъ.

Но вернусь къ моему разсказу. Какъ я уже прежде сказала, больныхъ всѣхъ отправляли, и ихъ оставалось очень мало. Сестры тоже уѣзжали въ Бахчисарай и въ Симферополь. Я предложила Николаю Ивановичу остаться съ двумя сестрами на Бельбекѣ на зиму; но онъ нашелъ, что это не нужно, и предложилъ мнѣ провожать транспорты больныхъ и раненыхъ отъ Симферополя до Перекопа. Я съ удовольствіемъ согласилась, тѣмъ болѣе, что меня давно мучила мысль о транспортахъ.

Послѣдній вечеръ, что̀ я провела на Бельбекѣ, очень мнѣ памятенъ; все думалось, что вотъ на другой день праздникъ, во всей Россіи теперь звонятъ и торжественно выносятъ крестъ. Такъ хотѣлось бы услыхать церковное пѣніе и поклониться кресту!.. Но только слышался отдаленный барабанный бой или раздавались глухіе звуки шаговъ уходившаго или приходившаго войска. Вечеръ былъ теплый; небольшой серпъ луны какъ-то таинственно освѣщалъ большія орѣховыя деревья и нашу опустѣвшую стоянку. Оставалась только одна палатка. Сестры, которыя должны были тутъ зимовать, переѣхали въ домикъ. Насъ сидѣло только четверо у большого стола, и послѣ того множества сестеръ, которыя тутъ собирались, и той суеты, которая тутъ царила, было что-то меланхолическое въ этой опустѣлой долинѣ... Но не долго я могла предаваться такому настроенію. Вывелъ меня изъ него нашъ письмоводитель Филипповъ, на котораго,

не знаю отчего, такая напала паника, что при каждомъ неясномъ звукѣ, долетавшемъ до насъ въ тишинѣ этого теплаго вечера, онъ терялся, начиналъ говорить, что опасно, что онъ сейчасъ уѣдетъ, а мы ему говорили, смѣясь, что онъ не можетъ уѣхать отъ сестеръ. И нашъ смѣхъ вовсе не гармонировалъ съ этой поэтической ночью и обстановкой.

Утромъ я уѣхала съ сестрами въ Бахчисарай, но ни въ квартирѣ сестеръ, ни въ бесѣдкѣ въ саду, мы не могли помѣститься: такъ было много сестеръ. И мы помѣстились въ какомъ-то татарскомъ домикѣ съ разбитыми стеклами,—тѣсно, холодно, однимъ словомъ, скверно! Но чистая бахчисарайская вода показалась намъ лучше всякаго лимонада; она, дѣйствительно, очень хороша, послѣ того, что̀ мы пили на Бельбекѣ,—придешь, бывало, къ столу и не вдругъ разберешь, въ которомъ графинѣ квасъ, въ которомъ вода,—а эта чистая, холодная вода казалась нектаромъ.

Я думала уѣхать на другой же день, но пришлось прождать до вечера Николая Ивановича, отъ котораго я должна была получить полную инструкцію для слѣдованія при транспортѣ. Она у меня есть, написанная его рукою. Привожу ее цѣликомъ:

1) „Въ какой мѣрѣ возможна перевязка раненыхъ на этапахъ и сколько, примѣрно, нужно сестеръ на каждую сотню раненыхъ?

2) „Какимъ образомъ утоляется жажда раненыхъ на пути и снабжены ли они или сопровождающіе транспортъ средствами, необходимыми для этой цѣли?

3) „Выдаются ли раненымъ, кромѣ ихъ шинелей, еще каждому одѣяло или халатъ, или же (трудно-больнымъ) полушубокъ?

4) „Какъ приготовляется пища на этапахъ и возможно ли снабдить этапъ теплыми напитками въ холодное время?

5) „Осматриваютъ ли транспортъ, растянутый иногда на цѣлую версту и болѣе, отъ одного этапа до другого, врачи или фельдшера?

6) „Соблюдается ли порядокъ, назначенный въ снабженіе больныхъ пищею, т.-е. кормятъ ли ихъ на тѣхъ этапахъ, гдѣ изготовлено должно быть для этой цѣли?

„Н. Пироговъ.

„Бахчисарай, 15-го сентября 1855 г.“

На другой день я и еще четыре сестры, запихавшись и согнувшись въ три погибели въ татарскомъ дилижансѣ или, попросту сказать, въ крытой фурѣ, поѣхали въ Симферополь. Пріѣхали туда въ пятомъ часу въ страннопріимный домъ Таранова, гдѣ двѣ комнаты были отведены для сестеръ.

Екатерина Александровна тоже пріѣхала въ Симферополь; однако еще А. П. Стаховичъ распоряжается въ общинѣ, и мнѣ пришлось идти къ ней, чтобы получить отъ нея деньги, необходимыя для поѣздки, такъ какъ надо все купить и всѣмъ запастись. Она была очень разстроена, и только именемъ Николая Ивановича я могла получить отъ нея все, что̀ мнѣ было нужно, т.-е. денегъ и бѣлья изъ склада. Я слышала, что почти всѣ сестры 1-го и 2-го поѣзда, какъ исполнится годъ (мы вѣдь присягали на годъ), а можетъ быть и ранѣе, собираются уѣхать, а иныя уѣхали и прежде.

Наконецъ, 21-го сентября, въ пятомъ часу, выступилъ нашъ транспортъ, и я и три сестры со мной въ тарантасахъ, на измученныхъ фурштадтскихъ лошадяхъ, поѣхали за ними шагъ за шагомъ. Транспортъ на волахъ, 139 подводъ; на всѣхъ устроено нѣчто въ родѣ кибитокъ, неуклюжихъ, низенькихъ, крытыхъ рогожей.

На подводахъ по четыре человѣка; только на тѣхъ, гдѣ самые трудные или ампутированные, по три. Еще ѣдетъ докторъ, офицеръ и два фельдшера.

Долго мы ѣхали до нашего ночлега—аулъ Сарабузъ. Совсѣмъ стемнѣло, когда мы пріѣхали. Насъ встрѣтили страшный крикъ, шумъ: отводятся квартиры раненымъ и больнымъ.

Домики разбросаны не регулярно по обѣимъ сторонамъ Салгира, и намъ отведенъ домикъ. Цѣлое татарское семейство насъ окружило; пришелъ къ намъ и майоръ, который здѣсь продовольствуетъ больныхъ, какъ это было устроено въ то время и на всѣхъ этапахъ до Перекопа.

Жена его живетъ тутъ же, и онъ приглашалъ къ ней напиться чаю; я рада была не хлопотать о самоварѣ (который мы возили съ собой, также какъ и уголья), но прежде чѣмъ пойти къ нимъ, мы пошли на солдатскія кухни, посмотрѣть ужинъ больныхъ. Напившись чаю у майорши, мы вернулись въ свою саклю. Но меня ужасно мучило, что я еще не знаю, какіе у насъ больные и какъ они проведутъ ночь. На другое утро я очень обрадовалась, увидавъ, что опасно раненыхъ у насъ нѣтъ.

Въ 6 часовъ, при восходѣ солнца, мы пошли на перевязку. Съ большимъ удовольствіемъ я увидала, что фельдшера готовили разныя примочки и теплую воду. Корпія не очень хорошая, но порядочная. Перевязывали мы, четыре сестры, два фельдшера и докторъ. Къ девяти часамъ все было кончено. Больные пообѣдали, мы позавтракали и въ первомъ часу выѣхали.

До Экибаша, нашего второго ночлега, было 20 верстъ; мы пріѣхали туда въ 8 часовъ. Опять темно, опять крики, лай со-

бакъ, размѣщеніе больныхъ, и мы—въ своей новой саклѣ, на войлокахъ у низенькаго столика. Одно грустно и досадно: передовой пропалъ безъ вѣсти и ужина для больныхъ нѣтъ; хорошо, что многіе не хотятъ ѣсть. Потомъ мы узнали, что онъ проѣхалъ не въ тотъ аулъ.

На другое утро мы очень спѣшили,—перевязочныхъ у насъ 325 человѣкъ, а всѣхъ больныхъ до 500,—намъ предстоялъ переходъ въ 30 верстъ. Какъ только мы перевяжемъ одного, онъ тотчасъ идетъ обѣдать. Надѣялись скоро выѣхать, но всего одинъ колодезь,—напоить воловъ надо много времени,—такъ что мы выѣхали только въ 12 часовъ. Пасмурно; накрапываетъ дождь; если погода перемѣнится, бѣда больнымъ и намъ! И вотъ мы опять ѣдемъ и ѣдемъ, и все та же степь, и все тянется тотъ же безконечный обозъ. Впереди—верховой казакъ; сзади, въ крытой телѣжкѣ, на лошадяхъ—докторъ и офицеръ. Мы то обгонимъ весь транспортъ, то остановимся и всѣхъ пропустимъ мимо себя, считая, всѣ ли подводы тутъ, или, выйдя изъ тарантаса, идемъ по степи. И тянется нашъ обозъ—и больше ничего. Мы вѣдь ѣдемъ не по большой дорогѣ, гдѣ много ѣзды, а проселкомъ, отъ аула, въ которомъ ночевали, до аула, гдѣ будетъ ночлегъ, и даже не проѣзжая мимо ни одного аула.

Иногда мы обгоняли нашъ транспортъ и останавливались; между нами стоялъ боченокъ съ виномъ; онъ намъ служитъ столомъ, и мы на немъ располагали нашъ обѣдъ; случалась у насъ и говядина, и курица, а то только сыръ и икра. На наше счастье, вдругъ явится татаринъ съ огромной корзиной прекраснаго винограда. Онъ дорогъ, но въ дорогѣ, въ степи, это—находка.

Въ этотъ день мы очень запоздали, но, слава Богу, туча разсѣялась, звѣзды ярко сіяютъ; уже десять часовъ, а мы все ѣдемъ. Скучно! пошли пѣшкомъ. Одиннадцать часовъ, все пустая степь; нашъ кучеръ, старый фурштадтскій солдатъ, очень усердно насъ утѣшаетъ и говоритъ: „Слышите, собаки брешутъ: видно, близко аулъ“. Но долго слышали мы ихъ лай и только въ первомъ часу доѣхали. Аулъ до того растянутъ, что наша квартира —съ полверсты отъ кухни; я съ одной сестрой и татариномъ иду туда посмотрѣть, какъ размѣстили больныхъ. Ужинъ есть, но много ли найдется на него охотниковъ: такъ поздно, а возлѣ подводъ раздаются разныя жалобы и крики, что нѣтъ квартиръ и всѣмъ помѣщенія. Я сейчасъ пошла къ доктору и просила его идти туда и все уладить. Это—славный старикъ, докторъ медицины, Александръ Николаевичъ Муравьевъ; онъ все время находится при перевязкѣ и самъ перевязываетъ или даетъ

лекарство и всякаго внимательно разспрашиваетъ. Во всѣхъ этихъ переходахъ мы потеряли нашего провожатаго татарина и уже кое-какъ, вдвоемъ съ сестрой, добрались до нашей квартиры, избѣгая собакъ, верблюдовъ и ямъ, которыхъ множество приготовлено, чтобы ссыпать въ нихъ хлѣбъ, а собакъ въ аулѣ множество, особливо вокругъ нашихъ кухонь. На другой день мы не спѣшили: переходъ маленькій, всего 15 верстъ. Погода славная, солнце свѣтитъ; хохлатые жаворонки такъ и распѣваютъ. И нашъ транспортъ, слава Богу, не наводитъ большой тоски: очень мало трудныхъ; многіе идутъ возлѣ подводъ, а другіе, сидя на подводахъ, играютъ въ карты; если найдется такой, что умѣетъ разсказывать сказки, то онъ и говоритъ, а другіе внимательно слушаютъ. И мнѣ иногда случалось идти возлѣ подводы и прислушиваться. Иные даже пѣли.

Въ Біюкъ-Барашке мы пріѣхали рано и, посмотрѣвъ, какъ размѣстили больныхъ, пошли на свою квартиру, маленькую татарскую саклю. Въ ней на мѣсто пола — битая глина, на мѣсто потолка—одна крыша, а вмѣсто стеколъ—бумага, но стѣны чисты, очень тепло.

И мы принялись пить чай на маленькомъ столикѣ, сидя на войлокахъ. Пришли къ намъ и два офицера, которые завѣдуютъ продовольствіемъ больныхъ на этихъ этапахъ, и еще офицеръ, который провожаетъ нашъ транспортъ. Мы ихъ тоже поили чаемъ; потомъ, взявъ фонарь, пошли на кухню, посмотрѣть ужинъ больныхъ. Кто можетъ, приходитъ туда ужинать, а другимъ разносятъ по квартирамъ. Хотя было еще рано, но мы легли спать. Все было такъ тихо и спокойно; и люди, и собаки, и кошки —все умолкло, а то подчасъ отъ нихъ такой шумъ, что хуже бомбъ.

Какъ вѣрно изображеніе восхода и заката солнечнаго на степи у Саврасова, и какъ хорошо оно вставало въ туманѣ въ Біюкъ-Барашке! Въ туманѣ собираются наши раненые къ перевязочному пункту; они толпятся возлѣ двухъ досокъ, на которыхъ все приготовлено. Тѣ, которые насилу дошли, хромая, сидятъ въ отдаленіи, а прочіе, одинъ передъ другимъ, стараются подойти скорѣе, сбрасываютъ шинели, развязываютъ бинты. Иной говоритъ:—Перевяжи же! Вѣдь ты всѣ эти дни меня перевязывала!

И такъ мы перевязываемъ около трехъ часовъ. Докторъ тоже перевязываетъ, или съ ложкой въ рукахъ даетъ лекарство. Офицеръ переходитъ отъ насъ къ кухнѣ, отъ кухни къ воламъ. Кончивъ тутъ перевязку, мы идемъ по квартирамъ, перевязывать

тѣхъ, что̀ тяжело ранены. Въ 9 часовъ все кончено, и мы идемъ къ себѣ—пить кофе на этотъ разъ, что̀ большая рѣдкость. У насъ было и свѣжее масло, только изъ вареного молока. Докторъ и офицеръ тоже пришли къ намъ пить кофе. Мы съ ними въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Больные очень жалѣютъ, что мы ѣдемъ только до Перекопа. Сестры очень дружны между собой, да и нашъ фурштадтскій старикъ Алексѣй находитъ, что гораздо лучше возить сестеръ, чѣмъ кули.

Опять ѣхали мы цѣлый день, и только отъ времени до времени наша степь оживлялась проходомъ орловскаго ополченія; молодцы, и хорошо одѣты, въ черныя полукафтанья. Съ иными мы разговаривали. Я спросила у одного, знаетъ ли онъ, кто мы.

— Какъ же: сестры милосердія; мы про васъ въ „Вѣдомостяхъ“ читали.

А другой, который со мной разговорился, когда я ему сказала, что мы оставили Севастополь, возразилъ рѣшительно:

— Ну, а мы его опять возьмемъ!

Въ девятомъ часу пріѣхали въ Качкары. Опять шумъ, гамъ, лай и крикъ!

На другой день мы опять должны были спѣшить, такъ какъ переѣздъ до Перекопа ужасный—32 версты!

Выѣхали въ 11 часовъ; нѣсколько верстъ ѣхали проселкомъ, и тутъ только и увидишь вдали верблюда или вола, или дрохва пролетитъ надъ головами.

Выѣхали на большую дорогу; можно считать версты, будутъ проѣзжіе, будетъ развлеченіе. Но какое грустное развлеченіе! Вотъ воловьи возы, нагруженные мебелью и разнымъ хламомъ, а наверху сидятъ цѣлыя семейства. Какъ на нихъ грустно смотрѣть! Это все семейства флотскихъ изъ Севастополя, гдѣ они жили въ своихъ домахъ и въ довольствѣ; а теперь они все потеряли и пробираются, бѣдные, въ Николаевъ.

До Перекопа мы ѣхали 12 съ половиною часовъ, такъ что пріѣхали туда только въ половинѣ 12-го. Госпиталь освѣщенъ—это какая-то бывшая жандармская казарма; хорошо, что всѣхъ положатъ вмѣстѣ, только очень тѣсно ихъ положили.

Но что̀ меня ужасно взволновало и чего я никакъ не могла уладить, какъ ни старалась: офицеръ, который распоряжался размѣщеніемъ больныхъ на койки или на полу, никакъ не хотѣлъ положить слабаго больного на койку, говоря, что на нихъ велѣно класть только раненыхъ. Напрасно я ему говорила, что у насъ есть раненые совсѣмъ здоровые, а больные

гораздо слабѣе, а одинъ и очень слабый. Но онъ преспокойно отвѣчалъ:

— Генералъ такъ приказалъ.

Я отвернулась отъ него и не удержалась, чтобы громко не сказать:

— Приказаніе глупое, да и исполненіе такое же!—и пошла постараться хоть на полу уложить покойнѣе моего больного.

Ужинъ былъ готовъ. Намъ отвели маленькую, чистую комнату; въ ней стоятъ столъ и лавки, а всѣ эти дни мы сидѣли на полу. Напившись чаю, въ два часа мы легли спать, въ половинѣ шестого встали и пошли на перевязку. Къ намъ пришли двѣ сестры. Ихъ здѣсь четыре; онѣ присланы Екатериной Александровной Хитрово изъ Одессы, но не изъ ея общины, а изъ новонабранныхъ прямо въ крестовоздвиженскія сестры. Е. А. Хитрово, кажется, отправляла сестеръ и въ Херсонъ, и въ Николаевъ, такъ какъ тамъ сестеръ, присланныхъ изъ Петербурга, было слишкомъ мало по множеству больныхъ, которые тамъ находились.

И здѣсь сестрамъ очень много дѣла: онѣ перевязываютъ во всѣхъ госпиталяхъ, а госпиталя помѣщаются во всѣхъ домахъ нѣсколько побольше прочихъ. А когда приходитъ транспортъ (и это бываетъ довольно часто), онѣ тоже приходятъ на перевязку; тутъ я познакомилась и съ ихъ старшей сестрой. Кажется, она хорошая женщина, и прекрасно исполняетъ свой долгъ, но въ ея тонѣ и съ больными, и съ здоровыми, есть непріятная рѣзкость; она входитъ въ палату и громко говоритъ: „Здорово, ребята"! И часто, по привычкѣ, тѣ отвѣчаютъ: „Здравія желаемъ вашему благородію"! И смѣшно, и досадно!

Мы пошли къ сестрамъ, и я съ старшей сестрой пошла по всѣмъ госпиталямъ. А послѣ обѣда мы зашли къ Озерецковскимъ; это очень милое и привѣтливое семейство, а ихъ хорошенькая дача, съ деревьями, зелеными кустарниками—настоящій оазисъ въ этой солончатой мѣстности. Ночевать мы вернулись въ нашу казарму, и 28-го сентября, рано утромъ, выѣхали обратно въ Симферополь.

Намъ предстояло скучное путешествіе — ѣхать на измученныхъ лошадяхъ 130 верстъ, и во всю дорогу—только одни небольшіе станціонные домики.

На первой станціи мы покормили лошадей, и въ 10 часовъ вечера пріѣхали на ночлегъ; но на станціи не только не было свободной комнаты, гдѣ бы переночевать, но даже и такой, гдѣ бы напиться чаю. На наше счастье, два офицера предложили

намъ для этого свою комнату, а я провела ночь въ тарантасѣ, и едва только разсвѣло, нашъ Алексѣй запрягъ своихъ коней, и мы, полусонныя, поѣхали въ Айбары, гдѣ пили чай и обѣдали, хоть и очень плохо, а все же — обѣдъ.

Въ Трехобломъ мы прибыли рано, а такъ какъ мы ѣхали на своихъ и не имѣли подорожной, то смотритель не хотѣлъ насъ пустить ночевать на станцію; но я ему объявила, что кто ѣдетъ по казенной надобности, тотъ имѣетъ право останавливаться въ казенномъ домѣ. Онъ сталъ просить хоть какой-нибудь бумаги, а я ему возразила, что довольно взглянуть на наши платья и кресты, чтобы убѣдиться въ нашемъ правѣ, прошла мимо него, сѣла на диванъ, и больше насъ никто не безпокоилъ. Мы сами поднялись въ четыре часа утра и остановились покормить лошадей въ корчмѣ, близъ Салгира. Отъ нечего дѣлать и чтобы сократить время, мы гуляли по степи, которая была вся покрыта, точно лиловымъ ковромъ, цвѣтами Colchicum autumnale, а въ два часа пріѣхали въ Симферополь. Тотчасъ же я пошла къ Екатеринѣ Александровнѣ Хитрово, и съ ней вмѣстѣ вечеромъ къ Николаю Ивановичу Пирогову, гдѣ увидала Елизавету Петровну Карцеву. О ней я не буду говорить: она слишкомъ хорошо извѣстна и теперь, какъ самая отличная сестра, и въ Крестовоздвиженской, и въ Георгіевской общинахъ. Она произвела на меня очень пріятное впечатлѣніе. Елизавета Петровна очень встревожена была всѣмъ, что̀ здѣсь происходило. Всѣ, и довольныя, и недовольныя прежнимъ управленіемъ, были въ какомъ-то трагикомическомъ смятеніи, всѣ перешептывались. А. П. Стаховичъ говоритъ, что она уходитъ, а тутъ же распускаютъ слухъ, что она получила письмо изъ Петербурга, гдѣ ее умоляютъ оставаться. Да и во всемъ другомъ сплетней и слуховъ нѣсть конца. Вотъ, напр., я ѣду въ Перекопъ, а мнѣ говорятъ, что тамъ французъ; ѣду обратно, опять говорятъ, что онъ на такой-то станціи. А пріѣхала на станцію, — говорятъ, что тутъ нигдѣ никого нѣтъ, а французъ—за семь верстъ отъ Бахчисарая, гдѣ церковь св. Анастасіи. А бахчисарайскія сестры туда ходили на богомолье, и тамъ рѣшительно все спокойно.

Мнѣ пришлось написать Николаю Ивановичу отчетъ о транспортѣ и свои замѣчанія. Меня это очень затрудняло. Исписала цѣлый листъ кругомъ. Что̀ было написано, совершенно не помню: не то отчетъ, не то журналъ, не то замѣчанія.

Зная, что я должна Николаю Ивановичу докладывать, я еще въ дорогѣ кое-что записывала. Были тутъ и возгласы въ родѣ того: „Мало людей настолько добросовѣстныхъ, чтобы исполнять

свой долгъ въ виду только Бога и степи"! Были также замѣчанія и о сестрахъ, которыя истинно и много трудятся.

Въ Симферополѣ, оказалось, очень много госпиталей: всѣ присутственные дома, всѣ большія зданія, Благородное Собраніе, гимназія, домъ казенной палаты,—все занято, а Присутствіе—въ домѣ предсѣдателя Владислава Максимовича Княжевича. Онъ—мой давнишній знакомый, и былъ очень внимателенъ ко мнѣ, да и во всѣхъ сестрахъ принималъ большое участіе.

Всегда буду вспоминать съ большой благодарностью, что онъ, несмотря па всѣ хлопоты и тревоги того времени, какъ только узналъ, что всѣ сестры благополучно вышли изъ Севастополя, сейчасъ написалъ къ моей сестрѣ и успокоилъ ее гораздо раньше, чѣмъ она могла получить мое письмо.

Приведу здѣсь стихи моей сестры, написанные ею въ каретѣ, когда она получила о насъ извѣстіе и ѣхала на Каменный Островъ. Она тогда жила въ Петербургѣ и часто гостила у великой княгини Елены Павловны, то на Каменномъ, то въ Ораніенбаумѣ.

Стихи эти такъ и остались неотправленными, и я ихъ прочла только тогда, когда вернулась въ Москву. Да, тяжело ужасно было тѣмъ, у кого были тогда въ Крыму родные!

* * *

Ты въ каждый мигъ и дня и ночи
Въ моей душѣ, въ моихъ мечтахъ!
Въ незримый край вперяю очи,
Живу не здѣсь, а въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ ты на поприщѣ страданья.
Молюсь, страдая и любя,
Но въ сердцѣ грустномъ упованье:
Господень крестъ хранитъ тебя!

* * *

Полна тревогою разлуки,
Не замѣчаю, что́ кругомъ;
Внимая пѣсенъ сладкихъ звуки,
Въ душѣ я слышу пушекъ громъ.
И отчужденная душою—
Молюсь, страдая и любя,
Твержу, борясь съ моей тоскою:
Господень крестъ хранитъ тебя!

* * *

Вокругъ меня сады, аллеи,
Краса цвѣтущая дворцовъ,
Но все мнѣ видятся траншеи
И раны страшныя, и кровь...

Смыкая, открывая вѣжды,
Молюсь, страдая и любя.
Но въ сердцѣ лучъ святой надежды:
Господень крестъ хранитъ тебя!

* * *

О, счастья радостныя вѣсти!
Тебя Господь намъ сохранилъ.
И вѣрю я: мы будемъ вмѣстѣ,
Великъ Господь щедротъ и силъ!
Благодарю всѣмъ сердцемъ Бога,
Молюсь, блаженствуя, любя;
Въ душѣ спокойной вѣры много
Въ Господень крестъ:—онъ спасъ тебя!

1855 года, 8-го сентября.

Продолжаю о госпиталяхъ. Итакъ, ихъ было много. Во всѣхъ были помѣщены сердобольныя изъ Петербурга и Москвы; я слышала, что ихъ было 80; многія изъ нихъ хворали, и даже говорили, что 20 умерло, что̀ выходитъ очень много, и гораздо больше, чѣмъ умерло сестеръ. Можетъ быть, это и оттого, что сестры были моложе, и обставлены были удобнѣе; сестры ходили дежурить, проводили въ госпиталяхъ сутки и возвращались отдыхать въ общину, а главное—имѣли готовое содержаніе отъ общины; а сердобольныя жили по двѣ и по одной при госпиталѣ, получали деньги на пищу, и должны были сами хлопотать о своемъ содержаніи; иныя и не умѣли, и не хотѣли этимъ заняться; другія экономничали, желая сберечь деньги, и все это дурно вліяло на ихъ здоровье.

Кстати, вспомню очень странную память сумасшедшаго—и одно очень странное совпаденіе.

Изъ всѣхъ сердобольныхъ знала я только одну, которая жила прежде у моей тетушки, а потомъ поступила во вдовій домъ, и была уже сердобольной, когда стали имъ предлагать ѣхать въ Крымъ. Она прибѣжала ко мнѣ спрашивать совѣта; я, разумѣется, совѣтовала ѣхать, такъ какъ тогда только и думала, какъ попасть туда. Въ ея госпиталѣ было отдѣленіе для сумасшедшихъ; вдругъ она получаетъ отъ одного изъ больныхъ записку, въ которой онъ проситъ у нея чаю,—а Екатерина Михайловна Бакунина ей послѣ отдастъ; она сейчасъ пошла къ нему, и онъ ей разсказалъ, гдѣ меня видѣлъ, и далъ письмо ко мнѣ. Но она только тогда убѣдилась, что я точно въ Крыму, когда я сама пришла къ ней.

Я тоже ходила нѣсколько разъ и къ больному юнкеру, что̀ лежалъ прежде съ моимъ крестникомъ. Онъ былъ всегда очень

радъ, когда я къ нему приходила. Онъ, слава Богу, совсѣмъ поправился. Этимъ госпиталемъ одно время завѣдывалъ нашъ докторъ Тарасовъ, который и остался докторомъ общины и много трудился и сочувствовалъ устройству и успѣху ея. Моей знакомой сердобольной, Клеопатрой Александровной Мальвиной, онъ былъ очень доволенъ.

Въ концѣ сентября или началѣ октября сестры поступили въ бараки, которые стали наполняться больными. Обязанности старшей сестры исполняла Е. П. Карцева, а сестры ѣздили туда на суточныя дежурства. Сестеръ въ эту минуту было много, но многія изъ нихъ собирались уѣхать, такъ какъ срокъ ихъ кончался: 1-ое и 2-ое отдѣленіе поступили въ ноябрѣ. Я же, когда была въ Симферополѣ, оставалась въ страннопріемномъ домѣ Таранова, гдѣ находились и больныя сестры. Опять появился у насъ тифъ.

Мнѣ говорили, да и самой мнѣ казалось, что тотъ транспортъ, который мы провожали, былъ устроенъ лучше, чѣмъ другіе, такъ какъ знали, что Николай Ивановичъ посылаетъ сестеръ съ транспортомъ.

Я предложила Николаю Ивановичу поѣхать на первый этапъ неожиданно, чтобы посмотрѣть, что тамъ дѣлается. И вотъ, узнавъ, что вечеромъ ушелъ транспортъ, я на зарѣ велѣла заложить тройку въ телѣгу — и съ сестрой Антиповой поѣхала въ аулъ Сарабузъ, первый этапъ больныхъ, прямо къ раздачѣ говядины и обѣда; мы хлопотали, чтобы всѣ были накормлены, помогли перевязкѣ, указали на глупое распоряженіе,—а именно: тяжело раненые были помѣщены далеко отъ кухни,—подбили доктора побранить фельдшера, а докторъ просилъ меня побранить офицера; роздали табакъ (бѣлье на этотъ разъ было хорошо); но транспортъ былъ устроенъ гораздо хуже, чѣмъ тотъ, который мы провожали; у насъ былъ докторъ, очень расторопный офицеръ, два фельдшера и 500 больныхъ на 130 подводахъ, да еще 9 подводъ для тяжестей; въ этомъ же транспортѣ на 130 подводахъ были и тяжести, и 600 человѣкъ, лекарь, одинъ фельдшеръ и какой-то вялый офицеръ. Къ четыремъ часамъ мы были дома.

Опять я скоро собралась провожать транспортъ и опять только до Перекопа; дальше Николай Ивановичъ не позволялъ; онъ находилъ, что возвращеніе затруднительно, и хотѣлъ, чтобы сестры, которыя совсѣмъ уѣзжаютъ, провожали транспортъ и, доведя его до мѣста, продолжали бы свой путь дальше; но это не уладилось. Кажется, сестры не соглашались, а можетъ быть и что другое помѣшало,—навѣрное не знаю. Знаю только, что еще

до Перекопа одинъ разъ четыре сестры (за старшую была А. М. Медвѣдева) провожали транспортъ и вернулись въ Симферополь.

9-го октября, Николай Ивановичъ Пироговъ прислалъ мнѣ сказать, что транспортъ готовъ и выступаетъ, но опять только до Перекопа мы должны провожать его и остаться тамъ нѣсколько дней, чтобы хорошенько посмотрѣть, что̀ тамъ дѣлается. Я сейчасъ послала сказать, чтобы мнѣ приготовили лошадей.

Еще когда сестры были на Бельбекѣ, туда великая княгиня велѣла прислать лошадей изъ своего имѣнія, полтавской губ., Карловки, но вдругъ я узнаю, что ихъ куда-то услали. Такъ было это досадно, и мы только въ пять часовъ могли выѣхать. И что̀ же? Транспортъ на лошадяхъ, а все еще стоитъ у заставы. Но мнѣ сказали, что есть передовые на волахъ; наконецъ, мы поѣхали впередъ, перегнали еще три подводы. Изъ одной привсталъ полупьяный унтеръ-офицеръ и, глядя на насъ, сказалъ:—Никакъ милосердныя! Значитъ, надо ѣхать скорѣй готовить ужинъ!

Однако мы пріѣхали прежде него.

Тихо въ аулѣ Сарабузъ. Ночь чудная; луна такъ и блещетъ, такъ и сверкаетъ въ струйкахъ Салгира, который извивается по аулу. Но нельзя было, однако̀, восхищаться красотой ночи, особливо старшей сестрѣ, и оставить сестеръ la passer à la belle étoile. Наша прежняя квартира занята; я велю позвать десятскаго татарина и приказываю ему отыскать намъ квартиру. Онъ сейчасъ же это и сдѣлалъ. Мы раскладываемся, хлопочемъ съ самоваромъ. Со мною опять тѣ же сестры, что̀ ѣхали и въ первый разъ. Часа черезъ два пріѣхали и наши больные. Всѣ подводы конныя; раненыхъ 105, а больныхъ 380.

Молчаливый аулъ оживился; подводчики развели яркіе огни (бурьянъ горитъ какимъ-то бѣлымъ пламенемъ, въ родѣ бенгальскаго огня), и они, и нѣкоторые больные собрались вокругъ огней, и слышенъ не полусонный и монотонный разговоръ чумака, который только чумакуетъ за солью черезъ Перекопъ или Чангарскій мостъ,—тутъ иной разсказываетъ про нѣметчину, потому что ходилъ туда съ товаромъ, а другой говоритъ, что былъ за Дунаемъ, и въ Тамани, и въ Сибири—не далеко, ходилъ только до томской области.

Докторъ у насъ—студентъ изъ Харькова, очень вялый, а офицеръ очень проворный (и къ моей великой радости—распорядился перемѣнить солому у больныхъ), два фельдшера, но перевязки мало, всего 50 съ чѣмъ-то человѣкъ; есть изъ нихъ 28 ампутированныхъ, но въ очень хорошемъ состояніи.

Въ Экибашъ мы пріѣхали благополучно и оттуда во̀-время выѣхали. Ѣдемъ себѣ по нашей однообразной степи, но вдругъ на горизонтѣ что-то блеститъ, то въ той, то въ другой сторонѣ. Наконецъ, видимъ, что это—войско, а тамъ вдали у аула еще больше, а ближе къ намъ стоятъ по два солдата, не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга.

Мы ѣхали впереди всего транспорта. Намъ кричатъ:—Стой! —Что̀ это?—Цѣпь...—Какъ, зачѣмъ?—Подхожу къ гренадеру (а его товарищъ пошелъ за офицеромъ) и спрашиваю, что̀ они тутъ дѣлаютъ. Онъ отвѣчаетъ мнѣ, смѣясь:

— Говорятъ, что французъ тутъ шляется, такъ мы его и стережемъ!

Пришелъ офицеръ и говоритъ, что ихъ сегодня только сюда привели и велѣли быть наготовѣ, но это только предосторожность. Насъ пропустили, и опять мы не видимъ ничего воинственнаго, а только табуны немного оживляютъ голую степь.

Главныя наши хлопоты на ночлегѣ состоятъ теперь въ томъ, что мы по утрамъ поимъ иныхъ больныхъ чаемъ, а другихъ кофеемъ. Чайникъ, въ которомъ варится кофе, кое-какъ разогрѣвается на кизякѣ, а для самовара возимъ уголья; но они такъ истерлись, что годятся для зубного порошка, а не для самовара. И вотъ, подъ большимъ колпакомъ, сдѣланнымъ изъ плетня и глины, который трубой выходитъ кверху, мы, сидя на глиняномъ полу, варимъ кофе. Татаринъ, татарченокъ лѣтъ десяти, еще двѣ татарки, одна съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, и прехорошенькая татарочка лѣтъ пяти, моя большая пріятельница, хлопочутъ, чтобы развести самоваръ лучинами. Татаринъ рѣжетъ ихъ, а дѣвочка подаетъ, а я, съ Монтандономъ въ рукахъ (Guide du voyageur en Crimée), разговариваю съ татариномъ, спрашиваю, скоро ли у него будетъ марушка (жена). Онъ отвѣчаетъ, что хочетъ марушку въ 100 карбованцевъ (серебряный рубль), а про татарокъ, что̀ съ нами сидятъ, женъ его братьевъ, говоритъ, что одна стоила одинъ карбованецъ, а другая —50. Всѣ хохочутъ надъ моимъ татарскимъ языкомъ. Потомъ пришли еще шесть татарокъ, и были очень довольны, когда я имъ раздала булавокъ. Мы въ этой саклѣ большіе пріятели; старикъ хозяинъ, провожая насъ, кричитъ: „Твой у моя“! А я отвѣчаю: „Якши“!

Въ Перекопъ пріѣхали довольно рано, какъ и всегда, на шестой день. Я ѣхала съ той мыслью, что эту ночь больнымъ нашимъ покойно будетъ въ госпиталѣ, но когда вошла туда, была ужасно непріятно поражена: тамъ уже лежитъ 500 больныхъ;

только что пришедшій изъ Польши гренадерскій корпусъ очень страдаетъ отъ тифа. Иные говорятъ, что они съ собой принесли болѣзнь; другіе—что имъ очень неудобно, нѣтъ для нихъ никакого жилья, даже говорятъ, что нѣтъ палатокъ!

И опять было распоряженіе помѣстить только раненыхъ въ госпиталь, а всѣхъ больныхъ—въ палатки. Хорошо еще, что это большія госпитальныя палатки на сукнѣ, и въ нихъ было довольно тепло. Мы поѣхали ночевать къ сестрамъ. Я, по желанію Николая Ивановича, осталась въ Перекопѣ на нѣсколько дней; ходила цѣлые дни изъ госпиталя въ госпиталь, записывала, замѣчала, чтобы все передать ему. Иногда вечеромъ, чтобы вздохнуть свѣжимъ воздухомъ, ходила къ Озерецковскимъ, и вполнѣ отдыхала отъ шума, криковъ, брани, стоновъ, слушая прекрасное пѣніе жены сына Озерецковскаго, у которой великолѣпный контральто.

Я удивлялась, какъ ко всему можно привыкнуть: когда я пожила нѣсколько дней въ Перекопѣ, гдѣ вода соленая, то послѣ другая вода мнѣ казалась нехороша и слишкомъ прѣсна.

20-го мы вернулись въ Симферополь, и какъ только я пріѣхала, пошла къ Николаю Ивановичу отдать ему отчетъ о транспортѣ и о перекопскомъ госпиталѣ.

Въ общинѣ я нашла большія перемѣны. А. П. Стаховичъ подъ конецъ все бросила, и у насъ было настоящее междуцарствіе; въ субботу она уѣхала, а съ ней, за исключеніемъ только четверыхъ, и все 1-ое отдѣленіе. Я ходила къ ней прощаться. Признаюсь, что мнѣ не хотѣлось, но Николай Ивановичъ говорилъ, что надо. Я ему отвѣчала, что, прощаясь, надо что-нибудь сказать, а я не могу.

— Ну, и не говорите, а все-таки идите прощаться.

Я и пошла. Разумѣется, прощанье было самое холодное. Въ воскресенье, въ домѣ, гдѣ жили сестры, былъ молебенъ съ водосвятіемъ, и послѣ молебна Николай Ивановичъ представилъ намъ Екатерину Александровну Хитрово, какъ старѣйшую сестру, замѣняющую начальницу, при чемъ сказалъ, что всѣ важныя дѣла должны рѣшаться сестрой-начальницей съ старшими сестрами, имъ самимъ и священникомъ. Онъ надѣется, что все пойдетъ хорошо, что и сестры поймутъ святую обязанность, которую взяли на себя.

Екатерина Александровна перебила его рѣчь, замѣтивъ, что она только временно будетъ въ нашей общинѣ; она и оставалась всегда въ одѣяніи одесской общины. Въ Тарановскомъ домѣ, гдѣ въ это время былъ госпиталь сестеръ, у насъ опять были ти-

фозныя изъ тѣхъ, что̀ не были больны въ Севастополѣ; иныя были въ очень трудномъ положеніи, но поправлялись; умерла только одна сестра, и то по своей неосторожности.

27-го ждали государя. Цѣлый день суета страшная, скачутъ верхомъ, бѣгутъ пѣшкомъ, ѣдутъ въ экипажахъ. Бульваръ вокругъ собора наполненъ народомъ; священники въ соборѣ съ утра. Всѣ улицы освѣщены плошками; на обнаженныхъ деревьяхъ альянтуса и бѣлой акаціи качаются отъ сильнаго вѣтра разноцвѣтные фонари, повѣшенные безъ всякаго порядка, и низко, и высоко.

Съ нашего балкона былъ очень хорошій эффектъ. Теперь здѣсь всѣ дома заняты для генераловъ, да и безъ пріѣзда государя Симферополь совсѣмъ не тотъ мирный и тихій городокъ, какимъ я его знала въ 1850-мъ году. Дома всѣ переполнены, правда, большею частью больными или бѣжавшими изъ Севастополя и другихъ городовъ. Видишь и нарядныхъ дамъ, но мужская половина населенія напоминаетъ госпиталь: или безъ руки, или безъ ноги, съ подвязанной рукой, съ завязанной головой или изнуренные болѣзнью.

На улицахъ до того тѣсно, что пройти нельзя; всевозможныя телѣги, великороссійскія, малороссійскія, новороссійскія, всевозможныя татарскія, отъ самой длинной маджары до двухъ-колесной арбы, и нѣмецкія фуры, покрытыя холстомъ, все это заложено худыми лошадьми, косматыми верблюдами и всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и роста волами.

И все это до того загромождаетъ улицы, что не знаешь, какъ и пройти...

Однимъ словомъ, въ 50-мъ году въ Симферополѣ было 13 тысячъ жителей, а теперь—60 тысячъ.

Въ 10-мъ часу кто-то закричалъ:—Ѣдетъ государь!—Одни кинулись къ окошкамъ,—иные къ воротамъ. А потомъ сказали, что это не государь; но народъ долго стоялъ, и иллюминація долго горѣла. Государь пріѣхалъ очень поздно.

Это время я проводила очень уединенно; въ госпитали не ходила,—а это для меня было единственное разсѣяніе: боялась, что сестры или сердобольныя будутъ на меня коситься и подумаютъ, что я теперь хожу, чтобы встрѣтить гдѣ-нибудь государя. Къ Николаю Ивановичу тоже не хожу безъ дѣла: меня мучила мысль, что, наконецъ, ему такъ надоѣдятъ сестры и разговоры о сестрахъ, что онъ махнетъ рукой на общину.

Я задумала опять поѣхать съ транспортомъ и пошла въ главный госпиталь, откуда они отправляются, узнать—будетъ ли

транспортъ. Тамъ никто ничего не зналъ. Тогда я пошла отыскивать генерала Остроградскаго. Я не помню его оффиціальнаго титула, но знаю, что онъ завѣдывалъ госпиталями. Онъ былъ добрый человѣкъ,—самъ, бывало, таскаетъ койки,—славный былъ бы фельдфебель, но не распорядитель! Я отыскала его, наконецъ, въ правленіи. Стала ему говорить о томъ, что̀ дѣлается въ Перекопѣ, какія были перемѣны, а онъ мнѣ отвѣчаетъ совершенно равнодушно: — А я этого не знаю. — Меня это совершенно взорвало, и я говорю ему: — Да вѣдь вы тамъ начальникъ?— Какъ же, начальникъ!—Я имѣла убѣжденіе, что начальники должны знать, что̀ у нихъ дѣлается,—и еще много ему наговорила, и сказала, что сейчасъ ѣду къ Николаю Ивановичу. А Остроградскій былъ такъ любезенъ, что проводилъ меня на крыльцо, и скоро самъ пошелъ къ Николаю Ивановичу, къ которому я пришла раньше, чтобы спросить у него, не угодно ли ему, чтобы я ѣхала на другой день въ транспортъ. Онъ мнѣ сказалъ, что ему было бы очень угодно, да рѣшусь ли я сама, такъ какъ холодно, а ѣхать надо уже не до Перекопа, а до Берислава. Я, разумѣется, рѣшилась. Погода была вѣтреная, но довольно теплая, а главное—было сухо. Я только боялась грязи для лошадей, такъ какъ тарантасъ тяжелъ, и очень была рада, что Остроградскій пришелъ къ Николаю Ивановичу, такъ какъ при этомъ послѣднемъ я могла отъ него добиться, чтобы всѣ больные были въ суконныхъ нижнихъ платьяхъ, а то они, несмотря на холодъ, все еще въ холстинныхъ. Было еще ужасное распоряженіе: когда транспортъ отправляли изъ Симферополя, то на всякую подводу давали только по два полушубка, хотя больныхъ было по четыре на подводѣ! Но что̀ еще хуже,—когда больные продолжали дальше свой путь въ Россію, гдѣ холоднѣе, полушубки отбирались и отправлялись обратно въ Симферополь!

Тѣмъ же порядкомъ мы проѣхали пять ночлеговъ, но на мѣсто Перекопа нашъ транспортъ былъ остановленъ въ Армянскомъ-Базарѣ—пять верстъ, не доѣзжая до Перекопа. Больные кое-какъ были размѣщены по нетопленнымъ домамъ, и городничій объявилъ, что для сестеръ нѣтъ квартиры, но унтеръ-офицеръ распорядился иначе, и намъ отвели хорошенькій армянскій домикъ,—чисто, тепло. Одно было грустно и тяжело: больнымъ нѣтъ ужина, а за неимѣніемъ котловъ мы не могли напоить ихъ ни кофеемъ, ни чаемъ; однимъ небольшимъ самоваромъ не напоишь двухсотъ человѣкъ.

Утромъ я поѣхала въ Перекопъ въ контору хлопотать, чтобы больнымъ прислали водки и устроили обѣдъ; видѣла тамъ и ко-

мендантa; а потомъ явилась прямо къ генералу Богушевскому, спросить, когда пойдетъ транспортъ, и хлопотать, чтобы оставили полушубки и покрышки на телѣгахъ. Сначала онъ былъ очень нелюбезенъ, но потомъ, когда пришла его жена и, узнавъ, кто я, сказала, что знаетъ все мое семейство, и тогда оба стали очень любезны. Она говорила, что ея сестра ей писала, что я тутъ, и она очень желала меня видѣть. Я была очень рада, что могла подробно ему разсказать о несчастномъ положеніи транспорта въ Армянскомъ-Базарѣ. Они могутъ сказать въ извиненіе то, что на мѣсто 2.000 человѣкъ, которыхъ они могли бы помѣстить, у нихъ 5.000! Но я все надѣялась, что хоть что-нибудь да сдѣлаютъ, хоть котлы и солома будутъ.

Купивъ все, что̀ нужно для продолженія нашего пути, и намъ, и лошадямъ, мы поѣхали обѣдать къ сестрамъ, и, совсѣмъ приготовившись, ждали, когда мимо насъ пойдетъ транспортъ, чтобы присоединиться къ нему. Выѣхали мы только въ половинѣ шестого; совсѣмъ уже смеркалось, только новый мѣсяцъ едва свѣтилъ сквозь густыя тучи, а потомъ стало совершенно темно. Мы тащились нога за ногу—переходъ 27 верстъ—и пріѣхали во второмъ часу ночи. Разумѣется, тутъ не до ужина.

Только утромъ оглядѣлись, гдѣ мы находимся. Большое село Чаплинка, 300 домовъ, малороссійскія, чистенькія бѣленькія хатки, просторно, широкія лавки. Больные очень довольны, что они въ христіанскихъ домахъ, да и хозяева даютъ имъ и то, и другое; разговаривать можно; печки теплыя, солома есть.

Если не было ужина, зато обѣдъ рано готовъ, порціи говядины большія, водка хорошая; но мы все-таки поили ихъ чаемъ, кофеемъ, а тѣхъ, которые слабы—краснымъ виномъ. Хотя все это дѣлается въ одно время, но есть такіе проворные молодцы, что успѣваютъ всего напиться, да еще подвернутся, когда я раздаю крестики да рубашки. А мы очень смотримъ, чтобы два раза не поить одного, хотя нашъ транспортъ и небольшой, но все же 370 человѣкъ—вѣдь это цѣлая деревня.

Выѣхали мы въ часъ и только въ девять часовъ вечера доѣхали до Малой-Маячки, которая совсѣмъ не малое, а большое село. Я утромъ походила по хатамъ, чтобы посмотрѣть нашихъ больныхъ. Они очень рады, что имѣютъ отъ хозяевъ посуду, изъ кухни приносятъ обѣдъ на квартиру и они садятся вокругъ стола.

Въ этотъ день мы рано пріѣхали на ночлегъ въ Чернавку, 9-й этапъ отъ Симферополя. До Берислава переходъ былъ небольшой, но по пескамъ, и мы съ большимъ трудомъ тащились.

Всѣ больные, которые могли только идти, шли пѣшкомъ, изъ жалости къ лошадямъ, которыя едва передвигали ноги. И вотъ мы еле-еле подвигались подъ туманомъ и снѣжкомъ, такъ что и небо, и земля, и вода, и деревья, и люди, все было сѣро, все въ одномъ тонѣ.

Но, слава Богу, довольно рано мы достигли Берислава. Тамъ, на другое утро, могли напоить всѣхъ больныхъ въ послѣдній разъ чаемъ. Чай пожертвовалъ дистанціонный офицеръ, и намъ приготовили два котла и ведро кипятку.

Мы спѣшили выѣхать обратно, чтобы еще засвѣтло проѣхать пески, и при лунѣ, но тоже подъ облаками и туманомъ, доѣхали ночевать въ Черную-Долину, а на другой день вечеромъ добрались до Перекопа, гдѣ пробыли еще одинъ день; я обошла всѣ госпитали и пустилась въ Симферополь.

Когда я вернулась изъ Берислава, то нашла все приготовленнымъ для меня уже не въ Тарановской богадельнѣ, а въ домѣ общины, въ одной комнатѣ съ Е. А. Хитрово. Насъ раздѣляютъ ширмы, и у меня, и у нея по окошку, столъ, этажерка, три кресла. Это такая роскошь, отъ которой мы давно отвыкли. Я могла быть одна и писать письма не подъ несмолкаемый говоръ сестеръ! А писать было надо. Помню, какъ было мнѣ затруднительно объявить сестрѣ, что я не вернусь въ годовой срокъ и останусь еще.

Въ ноябрѣ кончался срокъ и 2-го отдѣленія. Изъ перваго осталось очень немного, да и изъ 2-го не больше: были и прежде уѣхавшія изъ него, и по нездоровью, и по другимъ причинамъ.

Срокъ нашего 3-го отдѣленія кончался 10-го декабря. И я, и сестры моего отдѣленія, почти уже собирались уѣхать.

Хотя я очень привязалась къ общинѣ и къ нашему дѣлу, но какъ обмануть ожиданія сестры, которая считаетъ дни до моего возвращенія!

Въ это время Николай Ивановичъ совершенно предался занятіямъ по устройству общины, устройству службы сестеръ въ баракахъ и всего, что̀ касалось общины. Я помню, какъ я пришла спрашивать у него, что̀ онъ желаетъ,—чтобы я шла дежурить въ бараки, или опять ѣхала съ транспортомъ? Онъ мнѣ сказалъ, что очень радъ, что я пришла, и что ему надо со мной переговорить. И тутъ же прочиталъ всѣ измѣненія и перемѣны и всю реорганизацію, которую онъ хочетъ сдѣлать. И долго, долго мы съ нимъ говорили, а когда пришла Екатерина Александровна, то они опять (такъ какъ объ этомъ было говорено уже нѣсколько разъ) принялись приступать ко мнѣ вдвоемъ, говоря,

что они на меня надѣются, что невозможно въ эту минуту оставить общину. Я возражала и то, и другое, говорила, что я не нахожу себя способной имъ содѣйствовать. Тутъ Николай Ивановичъ сказалъ мнѣ:

— Что же вы хотите, чтобы я васъ въ глаза хвалилъ?

— Что вы это говорите!...—И я обѣщалась не уѣзжать въ срокъ, если мое присутствіе полезно, но не связывала себя никакими обѣтами.

Трудно было приняться за письмо къ сестрѣ. Письмо было очень длинно; много, много разговоровъ и разсужденій было въ немъ написано...

Такъ какъ бараки были наполнены больными, то дѣла у насъ тогда было много. Въ нихъ скромно начали такъ блестяще потомъ пройденную карьеру Сергѣй Петровичъ Боткинъ, какъ докторъ, и Елизавета Петровна Карцева, какъ сестра милосердія.

Въ общинѣ, все это время, Екатерина Александровна и Николай Ивановичъ много хлопотали о томъ, чтобы ввести разныя перемѣны, но какъ-то это плохо принималось. И вотъ было у насъ разъ совѣщаніе: Николай Ивановичъ, Екатерина Александровна, сестра Карцева, священникъ отецъ Арсеній и я. Много толковали объ устройствѣ общины, а потомъ былъ судъ надъ сестрою за одинъ проступокъ. Позвали обвиняемую и еще пять сестеръ. Имъ предложили рѣшить: сдѣлать ли провинившейся только выговоръ, или записать въ протоколъ. Подавали голоса, разумѣется, какъ водится, начиная съ меньшой. Ей былъ только сдѣланъ выговоръ по просьбѣ сестеръ, да и, по правдѣ, это такъ и слѣдовало. Я думаю, что она по своей простотѣ и не понимала, что сдѣлала. Но я вспомнила объ этомъ потому, что сестрамъ такой судъ не понравился, и я напрасно долго, долго толковала имъ, что такъ гораздо лучше, гораздо правильнѣе, чѣмъ зависѣть отъ одной, которая скорѣе можетъ быть несправедлива, можетъ имѣть досаду или быть особенно нерасположенной къ провинившейся. Но сколько я ни говорила до потери голоса, j'ai prêché dans le désert и никого не убѣдила... Почти всѣ предпочитали во всякомъ дѣлѣ деспотическое управленіе одной, хотя бы съ капризами и несправедливое—общему участію многихъ. Да, много надо времени, чтобы все устроилось какъ слѣдуетъ! Я съ сестрами дежурила въ баракахъ; но вотъ на одномъ дежурствѣ получила записку отъ Тарасова, что Николай Ивановичъ желаетъ, чтобы я догнала транспортъ, который уже выѣхалъ, потому что тамъ много ампутированныхъ. Было мнѣ это очень не по сердцу: ѣхать съ транспортомъ еще ничего, но

догонять... Да и выѣхать я сейчасъ не могла: надо было справить теплую одежду для сестеръ, добыть форейтора и пару лошадей, чтобы ѣхать пятерикомъ,—грязь невылазная.

Только 22-го ноября, утромъ, мы могли выѣхать. И всегда довольно безобразный экипажъ и упряжь—на этотъ разъ были еще безобразнѣе; у насъ же внутри тарантаса уложены рубашки, чулки, рукавицы, самоваръ, чайники и пр. Со мной на этотъ разъ ѣдутъ только двѣ сестры. Путь дальній. Если мы догонимъ транспортъ, то поѣдемъ съ нимъ до Екатеринослава; это 460 верстъ; а такъ какъ мы не будемъ ѣхать прямой дорогой, а по деревнямъ, то выйдетъ и больше. Въ тарантасъ заложено пять лошадей, три изъ Карловки и кучеръ оттуда же, хохолъ Осипъ Бирюкъ, въ своей свиткѣ, и форейторъ на фурштадтскихъ лошадяхъ, въ военной шинели и фуражкѣ, съ ужасно глупымъ лицомъ, неуклюжій и плохо управлявшій лошадьми; а сзади тарантаса—мѣшки съ угольями, щепками, овсомъ, и надъ всѣмъ этимъ еще огромный пукъ сѣна съ бурьяномъ!—да и можетъ ли быть иначе,—вѣдь сѣно казенное!

Погода сѣрая, мрачная, дождь льетъ, и намъ положили доску съ верхней ступеньки лѣстницы на верхнюю подножку тарантаса.

Простились мы очень нѣжно съ Екатериной Александровной. Жаль мнѣ было съ нею разстаться, такъ хорошо мнѣ съ нею жилось но не думала я, крича ей изъ тарантаса: „До свиданія“!—что этого свиданія никогда не будетъ, и что я вижу ее въ послѣдній разъ!..

И такъ мы ѣхали или, лучше сказать, съ трудомъ тащились по грязи; а къ вечеру, когда стало темнѣть, все становилось холоднѣе и холоднѣе, точно дождь замерзалъ налету; грязь прилипала къ колесамъ, лошади останавливались на каждомъ шагу и наконецъ совсѣмъ стали. Тарантасъ—ни съ мѣста, точно пустилъ корни. А кругомъ—степь, ночь, холодъ! Стоимъ мы такъ часъ,—темно и пусто. И еще проходитъ больше часа,—и никто не ѣдетъ, все тихо... Но, вотъ, что-то скрипнуло... Ближе... слышно, что это немазанныя татарскія маджары, но чего ждать отъ татаръ! Вотъ слышны голоса. Это не татарскій говоръ. Какое счастье! Это ведутъ плѣнныхъ французовъ изъ Керчи въ Одессу. Я прошу офицера позволить имъ намъ помочь. Онъ только затрудняется тѣмъ, какъ имъ растолковать, что̀ намъ надо. А я сейчасъ же заговорила съ ними по-французски, и они съ удовольствіемъ подбѣжали къ тарантасу, а мы усѣлись въ него. И вотъ,—крики по-французски, по-татарски, по-русски, по-мало-

россійски, и вмѣстѣ съ тѣмъ усилія 20-ти слишкомъ рукъ, которыя поднимаютъ и пихаютъ тарантасъ, заставляютъ лошадей идти впередъ. Но не надолго, опять стали, и опять намъ помогаютъ, а одного изъ нихъ, который всѣми управляетъ и черезъ меня учитъ нашего несчастнаго форейтора, какъ ему ладить и управлять лошадьми, я занимаю разговоромъ. Узнавъ, что онъ былъ chasseur d'Afrique и 12 лѣтъ провелъ въ Африкѣ, я вспоминаю, что читала въ „Revue des deux Mondes" о зефирахъ и о „Gérard, le grand chasseur de lions", и стала его разспрашивать о нихъ. Онъ былъ очень радъ встрѣчѣ съ нами и долго насъ провожалъ; а такъ какъ прежде чѣмъ быть солдатомъ въ Африкѣ, онъ былъ кондукторомъ дилижансовъ, то могъ давать хорошіе и полезные совѣты нашимъ возницамъ.

23-го—мы ѣхали потихоньку и безъ всякихъ приключеній. Съ 23-го на 24-е—цѣлый день лилъ дождь. Что̀ за ужасная грязь! Всѣ на станціи сидѣли со свѣчами. Я вышла въ корридоръ; станціонный смотритель стоитъ на вытяжку противъ двери комнаты, которую занимаетъ генералъ Ушаковъ.

— А куда ѣдетъ генералъ?—спрашиваю я его:—въ отпускъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Его превосходительство изволятъ ѣхать осматривать госпитали въ Перекопѣ и Бериславѣ.

— А, госпитали!—И съ этими словами я быстро отворяю двери и вхожу въ комнату генерала, а смотритель остается съ разинутымъ ртомъ отъ удивленія, что его превосходительство такъ хорошо принялъ сестру. Неважное обстоятельство—выпить стаканъ жидкаго чаю съ генераломъ—вывело насъ въ этотъ день изъ ужаснаго положенія.

Разсвѣло. Генералъ уѣхалъ, и адъютанты тоже. И наши лошади весело и бойко побѣжали по дорогѣ; передъ нами небольшая балочка, но она вся наполнена водой. Въѣхалъ туда тарантасъ очень бойко, но на срединѣ лошади упрямятся, останавливаются, прыгаютъ на одномъ мѣстѣ, бьютъ задними ногами, рвутъ постромки, гужи; дуга падаетъ въ воду, а вода такъ глубока и при сильномъ вѣтрѣ такъ волнуется, что часто перебѣгаетъ черезъ грядки тарантаса.

Бѣдный нашъ кучеръ Осипъ, съ возгласомъ: „За что̀ Господь меня караетъ"!—прыгаетъ въ воду и по поясъ въ водѣ завязываетъ постромки и поправляетъ дугу. На наше счастье, къ намъ на встрѣчу ѣдетъ легонькій экипажъ и счастливо переѣзжаетъ черезъ воду. Мы просимъ сказать смотрителю, чтобы онъ прислалъ ямщиковъ намъ помочь, и вотъ что̀ значитъ напиться чаю съ его превосходительствомъ: не только смотритель присы-

лаетъ ямщиковъ, но самъ является верхомъ, хлопочетъ вокругъ экипажа, закладываетъ почтовыхъ лошадей на уносъ, и былъ до того снисходителенъ, что далъ лишнюю пару до слѣдующей станціи и ничего не хотѣлъ взять, кромѣ законныхъ прогоновъ. Мы очень ему были благодарны и спокойно и хорошо доѣхали до слѣдующей станціи на семерикѣ. Смотритель же той станціи, на которую мы пріѣхали, никакъ не хотѣлъ дать намъ опять лошадей, и хотя мы пріѣхали рано, но дни короткіе, лошади измучены, и надо ихъ кормить по крайней мѣрѣ три часа, а пускаться въ путь на ночь невозможно.

Грустно и тяжело было сидѣть тутъ съ мучительной мыслью о транспортѣ! Онъ долженъ сегодня пройти мимо этой станціи въ Армянскій-Базаръ, а завтра, можетъ быть, поѣдетъ и дальше! Что же мы тогда сдѣлаемъ? И вотъ сидимъ мы съ сестрой Никитиной и печально объ этомъ разговариваемъ. Мы обѣ съ ней въ этотъ день были именинницы, и грустно проводили этотъ день. Сестра Антипова лежитъ, у нея начинается тифъ, а мы сидимъ у окошка и смотримъ на дорогу. Вотъ показалось нѣсколько неуклюжихъ закрытыхъ телѣгъ. Вотъ и офицеръ. Я быстро выбѣжала на дорогу и спрашиваю:—Это какой транспортъ?

— Ахъ, сестрица, какъ мы рады!

Тутъ я увидала, что это все юнкера. — Нѣтъ, господа, вы не нашъ транспортъ. Нашъ выѣхалъ 19-го.

— А мы выѣхали 15-го, и съ тѣхъ поръ все бѣдствуемъ.

И вотъ ихъ человѣкъ десять входятъ со мной на станцію, и тутъ я увидала, что половина изъ нихъ—подвыпивши; они начинаютъ ссориться, браниться; я стала стараться ихъ остановить, угрожала, что все это будетъ извѣстно генералу Богушевскому, какъ они на станціи срамятъ русскій мундиръ. Но они не унимаются, а одинъ высокій юнкеръ, съ георгіевскимъ крестомъ на шинели, начинаетъ драку,—и пошла такая кутерьма, что мы схватили свои мѣшки и убѣжали въ комнату смотрителя. Но, однако, шумъ скоро прекратился, и одинъ изъ юнкеровъ, не участвовавшій въ этомъ побоищѣ, приходилъ умолять насъ простить его товарищей. Я ему говорю, что мы ихъ прощаемъ, и въ доказательство, что не будемъ жаловаться, не спрашиваемъ ихъ фамилій. Является потомъ другой, а наконецъ и тотъ, который началъ схватку, проситъ прощенья, и въ знакъ прощенья проситъ дать ему поцѣловать руку. Я поспѣшила исполнить его желаніе, лишь бы только онъ поскорѣе ушелъ. Тутъ началась истинная комедія. Онъ проситъ и другую сестру, чтобы она дала ему поцѣловать ея „прелестную ручку“, а она прячетъ руки и

говоритъ, что она не архіерей, чтобъ у нея руки цѣловали (она изъ духовнаго званія), такъ что мнѣ, наконецъ, пришлось ей почти приказать дать руку, только чтобъ онъ ушелъ.

Наконецъ они уѣхали, и мы опять пошли въ комнату для проѣзжающихъ, и затѣмъ проѣзжіе мѣнялись одинъ за другимъ. Вотъ ополченецъ изъ орловской губерніи кричитъ и горячится точно въ виду непріятеля, а вотъ другой жалуется, что слишкомъ скоро заложили, не дали ни согрѣться, ни отдохнуть (у него курьерская подорожная), а третій жалуется, что его цѣлыя сутки держатъ на станціи (у него подорожная частная).

Ночевать насъ позвали въ маленькій домикъ—возлѣ станціи, гдѣ мы всегда пили чай; намъ тамъ было очень покойно; оставалась одна еврейка съ дѣвочкой, а евреи, содержатели станціи, такъ и проплутали всю ночь до утра, несмотря на то, что у нихъ былъ лучшій ямщикъ и отъ Армянскаго-Базара всего 18 верстъ,—такова была темнота и грязь.

Когда я встала и взглянула въ окошко, мнѣ вспомнились слова Наполеона, „qu'il a trouvé un cinquième élément en Pologne — la boue". И мнѣ такъ и представилось, что наши лошади станутъ на этихъ 24-хъ верстахъ, которыя намъ надо проѣхать до Перекопа, а потому я рѣшилась лучше ѣхать на волахъ, и послала къ становому свое открытое предписаніе отъ губернатора, графа Адлерберга, съ просьбой двухъ паръ воловъ. Привели пару какихъ-то замученныхъ телятъ. Заложили. Еле-еле они оттащили тарантасъ отъ станціи при крикахъ татарина:—айда! и Осипа:—цобъ, цо-объ! И волы идутъ-нейдутъ, такъ что чувствуешь, что они не стоятъ, но и непримѣтно, чтобы мы подвигались. Такъ ѣхать 24 версты невозможно: мы заморозимъ больную сестру. И вотъ мы рѣшаемся отпустить воловъ и заложить своихъ лошадей. Авось мы и доѣдемъ. Но съ какимъ страхомъ мы глядимъ на всякое мѣсто, покрытое водой! Всякая большая лужа представляется намъ мѣстомъ нашего постояннаго пребыванія. Вотъ лощина вокругъ колодцевъ—цѣлое море! Въѣхали туда; широко и глубоко, но, слава Богу, земля подъ водою твердая. Наконецъ, и Армянскій-Базаръ; въ немъ грязь невылазная, но проѣхали благополучно, а тутъ опять степь, и ѣхать лучше..

Вотъ и Перекопъ. У заставы Соляного Правленья госпиталь № 8. Тутъ стоятъ транспортныя телѣги. Ну, если это нашъ транспортъ и онъ ѣдетъ сегодня же въ Чаплинку! Какъ мы поѣдемъ за нимъ! Мы проѣхали 24 версты, а туда—еще 27!..

Я увидала доктора на крыльцѣ, выскочила изъ тарантаса

прямо въ грязь и, не поклонившись ему, спрашиваю:—Когда вы выѣхали изъ Симферополя? Есть съ вами ампутированные?

— Мы выѣхали изъ Симферополя 18-го; съ нами нѣтъ раненыхъ.

Слава Богу! это не нашъ транспортъ.

— А есть еще транспортъ въ Армянскомъ-Базарѣ?

— Есть, только тотъ, который выѣхалъ изъ Симферополя 15-го.

Итакъ, мы, успокоившись, поѣхали къ бѣленькому домику сестеръ, которыя насъ радушно и весело встрѣтили.

Самое утѣшительное было то, что мы могли уложить спокойно больную сестру и позвать къ ней доктора.

Въ это время въ Перекопѣ старшей сестрой была очень хорошая сестра изъ нашего третьяго отдѣленія, Александра Ивановна Травина; но я тотчасъ замѣтила, что одесскія сестры, которыя были здѣсь прежде, какъ-то отъ нея отстранялись. Это очень грустно, а главное то грустно, что это почти вездѣ такъ.

Чтобы узнать о судьбѣ нашего транспорта, я немедленно послѣ обѣда, съ сестрой Травиной, поѣхала къ генералу Богушевскому. Но и онъ тоже ничего не знаетъ о судьбѣ нашего транспорта. На другой день, утромъ, въ телѣгѣ на одной лошадкѣ, по страшной грязи, мы съ сестрой Травиной поѣхали въ Армянскій-Базаръ. Тамъ только нашли транспортъ, вышедшій 15-го, а о нашемъ—ни слуху, ни духу. Наконецъ, 27-го, пришелъ писарь изъ конторы съ бумагой, только-что полученной изъ Симферополя, что транспортъ, состоящій изъ 450 человѣкъ, выѣхалъ 19-го, долженъ быть 24-го въ Перекопѣ, а извѣщеніе объ этомъ получено 27-го! Какова распорядительность!.. Вечеромъ этого же дня я поѣхала къ коменданту, и тамъ, наконецъ, узнала, что нашъ транспортъ—въ Армянскомъ-Базарѣ. Много труда было по узкимъ и топкимъ отъ грязи переулочкамъ отыскать квартиру доктора и офицера.

Наконецъ, мы ихъ отыскали и прямо сказали имъ, что, по приказанію Н. Ив. Пирогова, мы должны имъ сопутствовать. Они отвѣчали, что очень рады, что авось ихъ больные будутъ смирнѣе, такъ какъ всѣ солдаты очень уважаютъ сестеръ. И тутъ офицеръ сталъ разсказывать, какъ они все время бѣдствовали съ подводчиками, и, кажется, всю дорогу будетъ такъ продолжаться; да оно почти такъ и было. Потомъ я разговорилась съ докторомъ и наконецъ спрашиваю у него:—Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

— Я Алекс. Алекс. Х...

Я не могла удержаться отъ восклицанія, у меня сердце замерло.

— Вы знаете мою фамилію?

— Да, вы были въ Боговутскомъ госпиталѣ.

— А вы слышали о сухой корпіи? Это—моя метода. Цынга оттого у насъ развилась, что это было ужасное помѣщеніе въ котàрахъ (т.-е. овчарняхъ) безъ свѣта и воздуха.

Потомъ онъ предложилъ мнѣ съѣздить съ нимъ посмотрѣть ампутированныхъ. Слава Богу: если всѣ больные такіе же, то есть надежда, что они всѣ благополучно доѣдутъ, но, увы! —у многихъ раны портились, особливо при сильныхъ холодахъ. На другой день транспортъ долженъ былъ выступить. Я просила офицера или доктора заѣхать къ намъ, когда они поѣдутъ черезъ Перекопъ, чтобы мы могли къ нимъ присоединиться.

Боговутскій госпиталь, который меня такъ испугалъ, въ это время былъ уже закрытъ. Но больные разсказывали мнѣ, что иныхъ докторовъ они и въ глаза не видали, а одинъ носилъ съ собой 10 аршинъ бинта и, подходя къ раненому, говорилъ: „Я бы тебя перевязалъ имъ, да ты не стоишь, ты пропьешь". Такъ и уѣхалъ съ этимъ бинтомъ. Больные хотѣли писать жалобу государю. Все это я слышала, но за вѣрность не могу поручиться.

Какъ только мы пообѣдали, тотчасъ все уложили и стали ждать проѣзда транспорта. И чтò это было за безконечное жданье! Совсѣмъ стемнѣло, а транспорта все нѣтъ и нѣтъ.

Наконецъ, только въ половинѣ десятаго, вошелъ къ намъ докторъ и сказалъ, что транспортъ прошелъ Перекопъ, а онъ заѣзжалъ за лекарствами и ждетъ теперь ихъ. Онъ такъ перезябъ, что пришлось его напоить чаемъ. Нашъ тарантасъ сейчасъ принялись закладывать при фонаряхъ, и наконецъ въ одиннадцатомъ часу мы выѣхали.

Насъ поѣхало только двѣ. Больной сестрѣ было лучше, но она еще лежала въ постели, а въ Екатеринославъ должны были къ намъ пріѣхать изъ Петербурга десять сестеръ.

Въ это время между Перекопомъ и Бериславомъ вмѣсто прежнихъ 4-хъ этаповъ было ихъ устроено 8. Шло ужасно много транспортовъ, и транспорты пропускали иные этапы и шли въ тѣ, которые были свободны.

На этотъ разъ мы остановились у самаго близкаго, маленькой деревни Любомировки, и то мы до нея добрались да-

леко за полночь. Такъ было темно, что подводчики по замерзлой землѣ ощупью отыскивали дорогу. Каково это больнымъ!

Только утромъ я пошла посмотрѣть больныхъ. У нашего крыльца стоялъ офицеръ; тутъ же собрались наши подводчики да еще дворники изъ Армянска—требовать денегъ за сѣно, за овесъ. Брань, крикъ ужасный! Я пошла дальше. Вдругъ обгоняетъ меня солдатъ на деревяшкѣ и говоритъ мнѣ:—А когда же мы въ Москву?—Въ Москву? Такъ ты меня знаешь? — Да, какже. Я изъ Кузминокъ кн. С. М. Голицына.—Ахъ, Андрей Куликовъ! Очень рада; не именинникъ ли ты сегодня? — Да, именинникъ. Да вотъ, жаль, и молебна-то нельзя отслужить.

Я подошла къ нѣсколькимъ солдатамъ. Одинъ изъ нихъ безъ руки весело кричитъ:—Здравствуйте, Катерина Михайловна! А гдѣ моя маменька Борщевская? (онъ такъ звалъ сестру Борщевскую отъ того, что она ему дала крестъ).

А другой говоритъ:—Вы меня не узнаете? Я Лукьянъ Чепчухъ. Мои семь рублей были у васъ на Николаевской, и вы уже съ Бельбека прислали мнѣ ихъ въ Сѣверный лагерь.

Потомъ я вошла въ избу, биткомъ набитую нашими больными. Я принесла чулки, вязаныя варежки, и вотъ со всѣхъ сторонъ начали кричать:—Дай, матушка, одинъ чулокъ, у меня вѣдь только одна нога!—А мнѣ на обѣ, да у меня одна рука, въ портянки въ два часа не обулся. — Дай мнѣ на правую руку!—Вотъ кстати, а мнѣ на лѣвую!—И мнѣ на лѣвую!—И мнѣ тоже!

— Да неужто не найдется кому на правую? — кричитъ одинъ, смѣясь.—У кого правая рука? Говорите!

Раздавъ безрукимъ, я пошла отыскивать по телѣгамъ безногихъ. Въ нашемъ транспортѣ 80 ампутированныхъ и 20 со сложными переломами...

То по грязи, то по замерзлой дорогѣ, 3-го, мы доѣхали до Берислава; но не только въ этомъ маленькомъ городкѣ, но подъѣзжая къ нему, въ степи, было тѣсно: два транспорта, кадры полковъ второго корпуса. Тутъ и полуфурки, и маджары, и дилижансы, и таратайки офицеровъ, и все это ѣдетъ и на лошадяхъ, и на волахъ; ѣдутъ въ пять, въ шесть рядовъ, а мокрый песокъ такъ замерзъ, что дорога, всегда тяжелая, на этотъ разъ была прекрасная. Съ трудомъ, на измученныхъ лошадяхъ, подымались мы на крутую и безконечную гору Берислава. Я тотчасъ пошла въ госпиталь узнать, не тутъ ли Николай Ивановичъ. Но его не было. Потомъ—на кухню, но вотъ горе! Намъ объявили, что для нашего транспорта не готовятъ ужина; кое-какъ размѣстятъ

людей, но сестрамъ нѣтъ квартиры,—а морозъ очень большой. Въ ту же минуту подходитъ къ намъ плацъ-адъютантъ Берислава и очень любезно предлагаетъ намъ свою собственную квартиру. Я помню, какъ мы были благодарны г. Петровскому и прекрасно отдохнули въ его теплой и чистой комнаткѣ, тѣмъ болѣе, что и насчетъ больныхъ были спокойны. Видѣла доктора бериславскаго госпиталя, и онъ мнѣ сказалъ, что всѣ 30 человѣкъ слабыхъ нашего транспорта приняты уже имъ въ больницу.

Довольно поздно выѣхали мы изъ Берислава, но переходъ былъ короткій, всего 10 верстъ до нѣмецкой колоніи. Напрасно хвалили мнѣ нѣмецкія колоніи: ничего я не нашла хорошаго,—ни особенной опрятности, ни чистоты; дома довольно большіе, но зато народу въ нихъ много, дѣтей куча и преплаксивыя. То ли дѣло маленькія бѣленькія хатки и всегда особая—для сестеръ.

Ночь была пребезконечная и пребезпокойная. На разсвѣтѣ мы пошли посѣтить больныхъ по домамъ. Тутъ уже нѣтъ этаповъ, а людямъ даютъ на руки сырую говядину и крупы, а они сами себѣ готовятъ. Иные этимъ очень довольны, другіе ропщутъ.

Выѣхали мы въ 10 часовъ и опять оба транспорта вмѣстѣ. Что̀ за ужасная была дорога! — вся покрыта одной сплошной, до-нѐльзя скользкой льдиной, и лошади безпрестанно падаютъ; такъ и видишь, какъ шесть, десять и даже больше лошадей лежатъ распростертыя, и усиленные удары и помощь нѣсколькихъ людей заставляютъ ихъ съ трудомъ подняться на ноги. И по этой-то узкой и скользкой дорогѣ надо то спускаться, то подниматься на гору. Мы безпрестанно должны были отстегивать уносныхъ лошадей, чтобы нашъ неловкій форейторъ не попалъ подъ нихъ.

И вотъ, такимъ образомъ и мы, и транспортъ бьемся, до 4-хъ часовъ. Начинаетъ смеркаться, но утѣшаютъ: всего, говорятъ, осталось 5 верстъ. Однако опять бѣда: гора, спускъ прекрутой и предлинный, съ косогоромъ и размоинами. Транспортъ—въ самомъ жалкомъ положеніи. Вотъ одна подвода попала въ рытвину, и подводчикъ не знаетъ, какъ ее оттуда вытащить. Вотъ другой отпрягъ лошадь и самъ везетъ свою телѣгу; а этотъ тормазитъ за два колеса свою и осторожно спускаетъ; а тутъ лошадь сѣла на заднія ноги и опускается, скользя по горѣ. А тамъ дальше телѣга на парѣ: коренная бѣжитъ и тащитъ пристяжную, которая давно упала; всѣ больные, которые могли

идти, бредутъ пѣшкомъ. Мы тоже вышли. Осипъ, осмотрѣвъ дорогу, бѣжитъ и кричитъ:—Погоняй спускъ! Что̀ мене робить? А есть другой шляхъ, чтобъ объѣхать?—Не ма̀.—Ну такъ надо какъ-нибудь спустить тарантасъ.

Я зову казака, служителей и какого-то мужика, который, къ нашему счастью, стоялъ тутъ съ веревками. Докторъ тоже пришелъ. Отложили всѣхъ лошадей, кромѣ коренной; всѣ четыре колеса подтормазили, и пять человѣкъ держатъ тарантасъ, а лошадь тоже не шагаетъ, а съѣзжаетъ на заднихъ ногахъ. Но, слава Богу, всѣ спустились благополучно. Опять бѣда—ручей. Сначала проѣзжали его по льду, но потомъ его проломили, а подъемъ отъ ручья крутой. Мы обошли дальше, чтобы пройти по льду. Поднялись, сѣли въ экипажъ—опять пригорокъ. Лошади еле насъ тащатъ.

Слава Богу, вотъ деревня; но это не Мѣловая, куда мы ѣдемъ, —до нея еще верста. Нѣкоторые подводчики и больные бѣгутъ къ офицеру, прося его остаться тутъ, такъ какъ лошади совершенно пристали. Опять горки и косогоры, но, слава Богу, доѣхали.

Сотскій проводилъ насъ на квартиру, и вотъ, выѣхавъ въ 10 часовъ, мы только въ 8 часовъ стали на ночлегъ. Хозяинъ только удивляется, какъ мы могли проѣхать по этой дорогѣ, да еще по гололедицѣ. И должна я признаться, къ своему стыду, что въ этотъ вечеръ я не въ состояніи была идти къ больнымъ по избамъ.

На другой день опять то же, только переходъ былъ въ 18 верстъ, и мы пріѣхали въ 5 часовъ. Тутъ была дневка. Боже мой, какъ мучительны, какъ томительны дневки! Ужъ я не говорю о томъ, что на этотъ разъ мы стояли въ небольшой хаткѣ съ хозяевами, что тутъ же хозяйка варила кушанье, да тутъ же было еще два артиллериста, да нашъ кучеръ и форейторъ спали на полу. Но вотъ что̀ было ужасно: больные помѣщены тѣсно; кромѣ того, почти во всякой хатѣ по нѣскольку человѣкъ больныхъ хозяевъ. Грустно, тяжело! Мы пошли ходить изъ хаты въ хату. Скользко, холодно! (Я потомъ узнала, что въ этотъ день было 26^0 мороза). Въ одной хатѣ больные жалуются, что померзли, а въ другой—что отбились отъ своего десятка и не знаютъ, какъ бы пообѣдать.

Тутъ встрѣтился намъ подводчикъ, рослый мужчина; онъ горько плачетъ: у него изъ восьми лошадей осталось только четыре.

Взошли мы въ хату, гдѣ собрались самые слабые. Глядя на

нихъ, ясно было видно, что врядъ ли мы довеземъ ихъ до слѣдующей станціи. Ужасно видѣть умирающаго и на постели, но знать, что въ послѣднія минуты его будутъ трясти на подводѣ въ морозъ — страшная, ужасная необходимость! Умершихъ мы можемъ оставлять, но умирающихъ должны везти. Сердце ноетъ, какъ объ этомъ подумаешь, и молишь Бога, чтобы скорѣй до отъѣзда прекратились ихъ страданія!..

Пошли мы дальше. Нѣсколько подрядчиковъ бѣгаютъ съ 50-рублевой бумажкой, которую имъ далъ офицеръ, и никакъ не могутъ ее размѣнять. Но что̀ же дѣлать? Офицерамъ всегда даютъ крупныя ассигнаціи, и они не знаютъ потомъ, какъ и разсчитываться.

А тутъ старикъ подводчикъ стонетъ и плачетъ. Онъ намъ говоритъ, рыдая:—Со вчерашняго дня я не знаю, гдѣ мой сынъ. Можетъ, онъ замерзъ эту ночь въ степи.

Морозъ ужасный, земля потрескалась. Но, слава Богу, сынъ его оказался живъ и здоровъ.

Наконецъ, пошли мы къ доктору и офицеру. Первый въ горѣ, говоритъ намъ:—Мы всѣхъ людей переморозимъ!

А офицеръ совсѣмъ растерялся:—Что̀ я буду дѣлать,—говоритъ онъ:—у меня хлѣба для людей только на одинъ день. И лошади нейдутъ, надо ихъ перековать, а у подводчиковъ не достанетъ денегъ, если будемъ дневать часто. Боже мой! лучше бы я лежалъ въ жестокой горячкѣ, чѣмъ быть съ этимъ транспортомъ! Мы вѣдь не доѣдемъ до Екатеринослава!—А у самого слезы на глазахъ.

— Полноте такъ унывать! Авось Богъ поможетъ!—А я сама готова была расплакаться.

Потомъ мы опять идемъ по больнымъ, и такъ проходитъ длинный, безконечный день. Хоть то хорошо, что люди довольны тѣмъ, что была дневка.

На другой день легкая морозная погода, и послѣ долгихъ толковъ рѣшили, что можно доѣхать до Золотой-Балки. Транспортъ выѣхалъ, а мы остались, чтобы перековать лошадей, и то только могли подковать одну.

Какъ поднялись мы въ гору, такъ и ужаснулись: такой былъ холодъ и вѣтеръ и тоже мученье, — по льду падаютъ лошади. Хотя мы выѣхали гораздо позднѣе, но мы всѣхъ обогнали. Транспортъ растянулся на всѣ 24 версты; такъ и видишь, что то у одной, то у двухъ или трехъ подводъ упали лошади и лежатъ. И что̀ еще мучительнѣе: мы не можемъ послать нашего кучера имъ помогать; онъ совсѣмъ измучился, подымая своихъ лошадей;

а за форейтора сердце замираетъ, такъ часто подъ нимъ падаетъ лошадь. Мѣсяцъ уже давно взошелъ, когда, наконецъ, мы увидали церковь. Но спускъ съ горы былъ опять очень трудный. Мы съ сестрой пошли пѣшкомъ, и только съ помощью нашихъ безрукихъ больныхъ, которые тоже предпочли идти пѣшкомъ, мы благополучно спустились по этой скользкой горѣ. Хатки въ деревнѣ маленькія, тѣсныя, и я прямо отправилась къ священнику, прося его пустить насъ переночевать. И онъ, и жена его, приняли насъ очень радушно, только совѣстились, что у нихъ очень холодно.

Мы пили съ ними чай, разговаривали съ священникомъ о Державинѣ, о Глинкѣ, объ Авдотьѣ Павловнѣ Глинкѣ, которою онъ восхищается; справлялся о Погодинѣ, о Шевыревѣ. Въ этихъ разговорахъ я какъ-то морально отдохнула, а потомъ и физически. Хотя было и холодно и наше все бѣлье сильно промерзло въ нашихъ мѣшкахъ, но мы были однѣ и могли лечь по-европейски, а не по-азіатски, какъ всѣ эти дни, т.-е. въ полномъ одѣяніи.

Подъ шубой я проспала и отдохнула прекрасно, и встала совсѣмъ здорова, несмотря на то, что вода, которая стояла въ стаканѣ возлѣ меня, совсѣмъ замерзла. Сестра улеглась около самой печки и отъ этого угорѣла.

Только утромъ собрались всѣ больные. Опять пошла я съ докторомъ по больнымъ. Право, сердце надрывается! Въ этотъ день у насъ умерло трое, да четвертый—подводчикъ. Дѣлать тутъ опять дневку было невозможно. Рѣшились ѣхать только 7 верстъ до Осокоровки,—авось туда всѣ съѣдутся. И вотъ транспортъ съѣзжаетъ на Днѣпръ, ледъ крѣпкій, славный, дорога гладкая и не скользкая.

Какіе живописные берега! Камни, скалы, деревья, бѣленькіе домики по склонамъ, а иные лѣпятся къ скаламъ. Какъ славно скакалъ нашъ пятерикъ мимо двухъ большихъ мачтовыхъ барокъ!

Въ этотъ день всѣ доѣхали благополучно. Офицеръ досталъ хлѣба; мы помѣстились въ порядочной, чистенькой хаткѣ. Въ переднемъ углу много образовъ, и между ними Madonna della segiola подъ именемъ Богородицы Трехъ радостей.

Тутъ была только одна старушка, которая сидѣла, молчала и глядѣла на насъ; а когда я ей стала говорить, что же она не спитъ, она отвѣчала: „Дайте мене васъ побачить“.

Это—имѣніе кн. Воронцова, и, слава Богу, народъ тутъ живетъ хорошо; а то страдаешь, глядя на больныхъ, да и на хозяевъ,

которые шесть дней ходятъ на панщину. И что̀ это за тяжелая у нихъ жизнь! Боже мой, сколько страданья вездѣ и всѣмъ!..

Утромъ мы разглядѣли, какое хорошее мѣстоположеніе этой небольшой деревни. По скату горы большіе деревья, сады и плавни Днѣпра, который тутъ образуетъ цѣлый заливъ.

А наша старушка уже у печки, печетъ пампушки для своего правнука, который босыми ножками бѣгаетъ по холодному земляному полу.

Вотъ вошелъ сѣдой старикъ; борода и волосы его покрыты инеемъ. Онъ сѣлъ и сталъ развязывать ремешки, которыми къ его ногамъ привязаны подковы. Только-что онъ вошелъ, старушка принялась бранить его: „Якій дурень! А что если-бъ тебя силой посылали, ты бы говорилъ: старъ я, слабъ, гдѣ мнѣ! Вотъ ужъ можно сказать: охота пуще неволи! Прости Господи, точно не въ умѣ"!

— А гдѣ же ты былъ, дѣдушка?—спрашиваю я.

— Да на охотѣ, матушка, всю ночь въ полѣ.

— Въ этотъ морозъ!

— Такъ что-жъ, ничего. Только, жаль, лисичка ушла, а зайчика поймалъ.

Старушка опять принимается его бранить; онъ—ея мужъ, прадѣдъ мальчика.

— А сколько ему лѣтъ?—спрашиваю я.

— Да, вотъ, мнѣ семьдесятъ-семь, а онъ годомъ меня старше.

Каковъ старикъ! И онъ давно не ѣстъ мяса, а тутъ жаловался только, что глаза горятъ.

Было у меня все это время сильное, пламенное желаніе: 10-го декабря—день, въ который я надѣла крестъ, годъ тому назадъ,—быть въ церкви и отслужить благодарственный молебенъ. Я никакъ не надѣялась, что это желаніе исполнится, но рѣшили, что по такому холоду и по такой скользкой дорогѣ надо дѣлать маленькіе переходы.

До села Марьина, гдѣ былъ назначенъ нашъ ночлегъ, надо было ѣхать черезъ Новую-Воронцовку, гдѣ мы встрѣчали новый годъ. Итакъ я рѣшилась заѣхать къ управляющему Солнцеву. Насъ встрѣтили такъ же радушно, какъ и тогда, но вотъ что̀ меня очень огорчило: три часа до нашего пріѣзда проѣхалъ Николай Ивановичъ.

Вотъ еслибъ я имѣла малодушіе, вмѣсто того, чтобы оставаться въ Осокоровкѣ, уѣхать къ Аннѣ Давыдовнѣ Солнцевой, чтобъ лучше отдохнуть, я бы его видѣла; а какъ мнѣ это было нужно!

Мы отправили своего вѣрнаго Осипа въ Марьино и оста-

лись обѣдать, а послѣ обѣда, вмѣстѣ съ Анной Давыдовной, въ большихъ саняхъ четверкой, по-городски, съ форейторомъ и сзади слуга, мы поѣхали въ церковь.

Какъ мнѣ ясно и теперь видится эта маленькая церковь безъ купола и колокольни, а надъ тесовой крышей только крестъ блеститъ розовымъ сіяніемъ заката... Когда мы вошли, шла вечерня. Потомъ я просила священника отслужить благодарственный молебенъ. Какъ я молилась, какъ благодарила Господа за то, что могла хоть не лепту, а милліонную часть лепты вложить въ великое общее дѣло! Какъ я просила Бога простить мнѣ все, что я сдѣлала въ продолженіе этого года противъ даннаго мной обѣта, благодарила за свои силы, за свое здоровье!..

Анна Давыдовна Солнцева довезла насъ до священника, гдѣ мы ночевали очень покойно. И на другой день мы не спѣшили, пообѣдали у него. Переходъ былъ всего семь верстъ до Грушовки, имѣнія барона Штиглица. Душа отдыхаетъ въ такомъ имѣніи. Хаты славныя; воловъ, коровъ, овецъ, и особливо свиней—бездна! Куры, утки, гуси—во всякомъ дворѣ. Видно, что крестьянамъ жить хорошо, что объ нихъ есть попеченіе. Больница, докторъ и всѣ пособія. Мы очень рано пріѣхали, а вечеромъ я пошла въ домъ управителя; тамъ собралась большая компанія, больше нѣмецкая, но хорошо говорящая по-русски. Они съ большимъ любопытствомъ разспрашивали про Севастополь, а мнѣ показывали изданіе Тимме съ портретомъ Павла Степановича Нахимова.

Я вспомнила, что мнѣ разсказывали про этотъ портретъ: когда Тимме хотѣлъ нарисовать П. С. Нахимова, то онъ сказалъ:—„Зачѣмъ? За то, что я исполняю свой долгъ-съ? За это нечего-съ. Это пусть съ Кошки (Кошка—извѣстный тогда казакъ) да съ Асланбекова (первый севастопольскій красавецъ) рисуютъ портреты, а съ меня не нужно-съ".

А когда ему показали его портретъ, нарисованный Тимме въ церкви, то онъ сказалъ: „Да это-съ просто разбой-съ! Если-бъ я зналъ-съ, велѣлъ бы его вывести-съ! Ну, а теперь Богъ съ нимъ, отдайте ему, если нравится, а мнѣ не нужно-съ"!

Хотя у насъ была дневка, но мы встали со свѣчами, и какъ только начало разсвѣтать, я пошла по больнымъ. Я обѣщала доктору помочь ему переписать больныхъ, и вотъ мы съ нимъ пошли, я по одной сторонѣ, онъ по другой. Однако, случалось намъ сбиваться и заходить въ избу, гдѣ уже былъ другой; вѣдь здѣсь не одна прямая улица нашихъ русскихъ селъ, а нѣсколько, съ переулочками и закоулочками.

Вечеръ мы провели у вдовы прежняго управляющаго; у нея четыре дочери,—старшая замужемъ за здѣшнимъ докторомъ; милое, добродушное семейство.

На другое утро рано сталъ собираться транспортъ, а я пошла къ здѣшнему доктору—взять нужныя намъ лекарства. Только-что я вернулась, докторъ и офицеръ стали меня просить скорѣй ѣхать и догнать слабыхъ больныхъ, которыхъ уже отправили, а они должны остаться, выпроводить прочихъ. Остановиться надо въ Чартамлыкѣ. Ну, ужъ никогда не забуду я этого Чартамлыка! Уложились мы на̀скоро и скоро догнали транспортъ и поѣхали за нимъ. Часто я высовывалась изъ тарантаса и смотрѣла, гдѣ же этотъ Чартамлыкъ?

— Боже мой! Поглядите, сестра, вѣдь тутъ остановиться нельзя, а это и долженъ быть Чартамлыкъ!.

И передъ нами не деревня, а маленькія хатки, разбросанныя по балкѣ, одна отъ другой на четверть или на полверсты. Казакъ, котораго я послала еще впередъ узнать и посмотрѣть, прискакалъ ко мнѣ и говоритъ:

— Тутъ оставить людей невозможно! Тутъ есть—кто говоритъ за три, а кто за пять верстъ—большая деревня.

Нечего дѣлать, надо рѣшиться ѣхать туда, но что̀ скажутъ докторъ и офицеръ? Однако, что̀ же дѣлать?

Поѣхали. Спустились подъ гору, поднялись. Что̀ же это? Всѣ подводы съѣхались въ одно мѣсто и стали. Подъѣзжаю—шинокъ. Подводчики и больные, которые ходятъ, ушли туда, а слабые лежатъ и зябнутъ на повозкахъ. И казакъ ушелъ туда же. Послала я Осипа, но все не выходятъ. Я выскочила изъ тарантаса и прямо въ шинокъ, и такъ закричала на всѣхъ, что они тотчасъ побѣжали вонъ, а высокаго, чернобородаго подводчика я повернула и такъ повелительно указала ему на дверь, что и заплаченная чарка осталась невыпитой.

Транспортъ тронулся. Я всѣхъ встрѣчавшихся стала разспрашивать о деревнѣ, куда мы ѣхали. Мнѣ стали говорить, что насъ туда не пустятъ, что тамъ казенная аптека. Можно легко себѣ представить, каково было мое положеніе: я ѣду одна съ самыми слабыми, и не знаю, пустятъ или нѣтъ!

Но вотъ взяли направо, показалось село; я велѣла повернуть и поѣхала скорѣе, хотя было ужасно скользко. Проѣхала деревню. Слава Богу! Вотъ нашъ казакъ, а съ нимъ сотскій, чтобы разставлять людей. Пока больные по скользкой дорогѣ не доѣхали, онъ указалъ намъ квартиру: маленькая, темная, сырая хатка. Моя товарка въ горѣ, а Осипъ говоритъ, что все, что̀ у

насъ есть въ тарантасѣ, и не помѣстится въ этой хаткѣ. Я имъ объявляю, что мнѣ все равно, что мнѣ дѣла нѣтъ до того, какъ мы проведемъ ночь, но надо, чтобы сотскій шелъ скорѣе къ больнымъ, и сама пошла за ворота деревни ждать ихъ.

Вдругъ пріятный голосокъ раздается подлѣ меня: „Маменька проситъ васъ пожаловать къ намъ чай пить". И хорошенькая 12-ти-лѣтняя дѣвочка стоитъ передо мной.

— А кто ваша маменька?

— А папенька мой здѣсь съ аптекой изъ Херсона.

— Съ удовольствіемъ! Сестра сейчасъ пойдетъ съ вами, а мнѣ надо видѣть офицера и знать, что весь транспортъ пріѣхалъ.

Я скоро дождалась офицера и потомъ пошла въ большой господскій домъ. Аптекарь занимаетъ только двѣ комнаты. Онъ—нѣмецъ, она—русская. Пріемъ и угощеніе были самые радушные. Разговорились про Севастополь, и она разсказала, что ея братъ лежалъ въ Собраніи, что у него была отнята нога. Тогда я вспомнила, что это тотъ юнкеръ, котораго я 6-го іюня провожала до баркаса. Онъ, бѣдный, черезъ недѣлю умеръ. Мы собрались идти ночевать въ нашу хатку, но аптекарша просила сдѣлать ей великое одолженіе—остаться ночевать у нея. Хотя намъ и было совѣстно, но мы согласились.

Не мудрено дать лишнюю комнату, но аптекарша дѣлилась съ нами своей; а комната была хорошая, высокая, теплая, сухая. И послѣ волненій этого дня мы хорошо могли отдохнуть.

На другой день мнѣ необходимо было написать письма въ Симферополь къ доктору Тарасову и Екатеринѣ Александровнѣ. Такъ какъ мы должны были быть въ Никополѣ, отъ котораго Неплюево, гдѣ мы ночевали, въ восьми верстахъ, то я имѣла возможность отдать ихъ на почту. И на этотъ разъ сестра пошла съ докторомъ къ больнымъ, а я осталась писать.

Вдругъ вошелъ какой-то господинъ и вскрикнулъ: „Вы какъ здѣсь"! Я тоже его узнала. Онъ былъ смотрителемъ госпиталя въ Севастополѣ, Яковлевъ, и я его всякій день видѣла на Николаевской батареѣ. Онъ теперь живетъ съ женой въ Никополѣ, и хотя у нихъ только двѣ комнаты съ землянымъ поломъ, но онъ самъ уйдетъ къ знакомымъ, а мы должны пріѣхать ночевать къ нимъ,—и не отставалъ, пока я ему не дала честное слово, что поѣду прямо къ нему.

Рано мы пріѣхали въ Никополь. Я сейчасъ пошла въ пріемную госпиталя, гдѣ мы должны оставить нашихъ самыхъ слабыхъ больныхъ и взять на ихъ мѣсто другихъ, покрѣпче. Обошла

и госпиталь! Иные—еще слава Богу, а другіе!.. Боже мой! лучше и не вспоминать.

Отъ Никополя до Екатеринослава намъ остается 115 верстъ, но это прямой дорогой, а вѣдь мы ѣдемъ съ деревни на деревню.

На другой день, пообѣдавъ съ нашими хозяевами въ 12 часовъ, мы поѣхали за транспортомъ до Красногригорьева, огромной деревни на нѣсколько верстъ. И меня очень безпокоило, что я не отыщу ни доктора, ни фельдшера. Но такъ какъ всѣхъ слабыхъ больныхъ мы сдали, то въ этомъ и не было большой нужды.

16-го декабря, выѣхали мы почти вмѣстѣ съ транспортомъ. Хорошо, что офицеръ ѣхалъ сзади насъ; опять начались наши бѣдствія по балкамъ. Спускъ не длинный, но крутой и кривой, прямо на рѣчку. Хорошо еще, что мы вышли, а то Осипу пришла дикая мысль, что если онъ спуститъ скоро, то лучше будетъ. Но вотъ тарантасъ раскатился на бокъ, на бокъ—и совсѣмъ опрокинулся. Мы и офицеръ подбѣжали къ тарантасу, стараемся приподнять его очень спокойно, даже со смѣхомъ, но я вскрикиваю: „Боже мой! шкворень пополамъ! Чтò мы будемъ дѣлать"?

Кое-какъ связали веревками; но офицеръ никакъ не хотѣлъ посадить насъ въ изломанный тарантасъ, и посадилъ въ свой маленькій, а самъ сѣлъ на козлы. Меня это очень безпокоило: хотя онъ румяный и полный, но былъ раненъ въ ногу, и отъ этого въ холодъ страдаетъ. Нѣсколько разъ, видя, что нашъ тарантасъ бредетъ помаленьку, я хотѣла сѣсть въ него, но онъ никакъ не допустилъ, и мы скорѣе транспорта пріѣхали въ Тумановку.

Опять огромная деревня. Намъ отвели квартиру очень далеко, но въ томъ концѣ была кузница, а намъ она была необходима для нашего тарантаса, который тоже скоро пріѣхалъ. Очень трудно въ темную ночь въ этихъ огромныхъ селеніяхъ отыскать доктора и фельдшера, который всегда находится при слабыхъ больныхъ. Да ужъ тутъ съ тѣхъ поръ, какъ мы проѣхали Бериславъ, я не могу ходить одна. Вотъ и въ этой деревнѣ я ходила со старушкой нашей хозяйкой, которая вооружилась огромной палкой: тутъ держатъ презлыхъ собакъ, ради волковъ, которые во множествѣ водятся на плавняхъ.

Но сколько я ни ходила,—не отыскала ни фельдшера, ни больныхъ, и только утромъ нашла ихъ.

Выѣхали мы въ десятомъ часу и рѣшили, чтобы не ѣздить въ сторону, пропустить одинъ этапъ и ѣхать прямо на Александровку (Безбородка тожъ). Туманъ самый печальный, погода самая

грустная; густой иней на все садится. На дняхъ была тутъ метель; въ иныхъ мѣстахъ много снѣгу, бурьянъ весь опушенъ инеемъ, все бѣло и мутно. Скучная, ровная мѣстность—степь.

Но мы на нее радуемся, а то всякая маленькая балочка—бѣда! съ ея раскатами и закатами. Ѣдемъ тихо и долго, и вотъ деревня. Проводникъ объявляетъ, что дальше онъ не знаетъ дороги. Взяли другого. Ѣдемъ еще верстъ десять. Стало темнѣть все больше и больше. Отъ снѣгу только нѣсколько бѣлѣется; но все мутно, неясно.

Люди начинаютъ жаловаться на безконечный переходъ; лошади начинаютъ останавливаться. Вотъ въ туманѣ огонекъ, другой. Залаяли собаки. Ночлегъ, отдыхъ. Пріѣхали на господскій дворъ. Офицеръ прибѣгаетъ къ намъ внѣ себя и говоритъ, что помѣщикъ не позволяетъ разставлять людей, что насъ напрасно привезли сюда, что это Маленькая-Безбородка, намъ надо въ Большую; что онъ дастъ проводника, но туда еще 4 версты. И докторъ тоже ходилъ напрасно къ помѣщику.

— Кто помѣщикъ?—спрашиваю я.

— Александръ Яковлевичъ Савельевъ.

— Ахъ, это тотъ, съ которымъ я познакомилась въ Екатеринославѣ.

И я пошла къ нему, а онъ говоритъ, что деревня мала, что много больныхъ, предлагаетъ свой домъ (manière de parler); домъ нетопленный. Хватаетъ меня за руку, проситъ обогрѣться, пить у него чай. Я отвѣчаю, что ни за что на свѣтѣ не оставлю теперь транспорта, хоть замерзну съ нимъ! (Тоже и съ моей стороны—manière de parler tragique; я очень хорошо знала, что не замерзну).

Но ужасно было досадно, тяжело, — ночью въ ту минуту, какъ думалъ, что доѣхалъ, согрѣешься, отдохнешь,—опять ѣхать, опять четыре версты дороги!

Достали проводника, поѣхали. Боже мой, какъ долго мы ѣхали! И опять была балка: пришлось выходить и идти пѣшкомъ. Наконецъ, очень поздно, мы дотащились. Это тоже помѣщичья деревня другого брата Савельева. Мы остановились въ первой, указанной намъ, маленькой хаткѣ, вмѣстѣ съ хозяйкой и дѣтьми. Легли одѣтыя на узкія лавки, но такъ было поздно и такъ мы умаялись въ этотъ день, что скоро заснули.

На другое утро я ходила съ докторомъ по больнымъ, что̀ въ этихъ большихъ деревняхъ очень затруднительно. Докторъ мнѣ сказалъ, что управляющій очень сожалѣетъ, что мы не поѣхали прямо къ нему, и поэтому, вернувшись, я послала попро-

сить у него молока, котораго не могли найти во всей деревнѣ. Самъ управляющій пришелъ къ намъ съ извиненіями (не понимаю, въ чемъ онъ извинялся) и прислалъ намъ горшокъ молока въ полведра, а экономка явилась съ сливочнымъ масломъ и сожалѣніемъ, что не у нея остановились, и—какъ бы она насъ успокоила и покойно бы уложила!..

Выѣхали въ 12 часовъ. Переходъ маленькій, скоро доѣхали. Опять огромное село, да что̀ еще хуже—такъ разбросано, что хата отъ хаты очень далеко, такъ что отъ одной хаты я не могла докричаться до другой, возлѣ которой стояла женщина, и надо было идти десять минутъ, а иногда и болѣе, чтобы услыхать отвѣтъ на вопросъ, есть ли больные: „Не ма̀“!

Далѣе мы ѣхали хорошо и рано пріѣзжали на мѣсто. Наконецъ, 20-го декабря—транспортъ на 32-й, а мы на 29-й день —пріѣхали благополучно въ Екатеринославъ.

Екатерина Бакунина.

КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ

А. МИЦКЕВИЧА.

IX [1]).

МОГИЛЫ ГАРЕМА.

Мирза пилигриму.

Изъ виноградника любви Аллахъ скосилъ
Незрѣлые плоды; жемчужины востока
Собравъ съ морей утѣхъ, онъ въ раковинахъ рока
На лонѣ вѣчности и мрачной смерти скрылъ.

Завѣса времени не дастъ воспоминаній
О нихъ; надъ тлѣніемъ въ саду чалма блеститъ,
Какъ тѣней ихъ бунчукъ; именъ ихъ начертаній
Несвыкнувшійся глазъ ничей не разглядитъ.

О, розы райскія! Подъ скромности листами
Увяли ваши дни безгрѣшными цвѣтами,
Отъ глазъ невѣрнаго сокрытые навѣкъ.

Сегодня лишь гяуръ васъ взоромъ оскорбляетъ...
Позволилъ я. Прости, пророкъ! Изъ нихъ роняетъ
Слезу на прахъ святой лишь этотъ человѣкъ.

---

[1]) См. выше: мартъ,. 289 стр.

X.

БАИДАРЫ.

Ударовъ не щажу; какъ вѣтеръ, конь мой мчится.
Плывутъ у ногъ моихъ долины, кручей рядъ,
Въ потокъ сливаются, уносятся назадъ...
Я одурѣть хочу и вихремъ ихъ упиться...

Когда же конь лихой отъ шпоръ моихъ усталъ,
И свѣтъ зари угасъ подъ покрываломъ ночи—
Какъ въ зеркалѣ разбитомъ, призракъ скалъ,
И рощей, и долинъ улавливаютъ очи.

Земля заснула. Нѣтъ мнѣ сна! На встрѣчу волнъ
Кидаюсь въ море я; несется черный холмъ...
Чело склонивъ, простеръ я руки въ нетерпѣньѣ...

И валъ настигъ... Хаосъ, и грохотъ, и шипѣнье!..
Я жду, пока мой умъ закружится, какъ челнъ
Въ водоворотѣ струй, чтобъ потонуть въ забвеньи.

XI.

АЛУШТА ДНЕМЪ.

Гора ужъ отрясла мглу съ персей обнаженныхъ;
Намазомъ утреннимъ колосья нивъ шумятъ;
Клонится влажный лѣсъ; съ волосъ его зеленыхъ,
Какъ съ четокъ, сыплются рубины и гранатъ.

Луга въ цвѣтахъ. Цвѣты надъ лугомъ пестрымъ рѣютъ;
То—мотыльки. Они, какъ радуги роса,
Наметомъ расписнымъ закрыли небеса,
А дальше—саранчи крылатой саванъ вѣетъ.

Гдѣ лысая скала любуется въ волнахъ,
Тамъ море, отразясь, вновь бьетъ, чело нахмуря,
И лучъ въ струяхъ волны, какъ въ тигровыхъ глазахъ,

Играетъ, берегамъ пророча ужасъ бури;
А тамъ, на глубинѣ, баюкаетъ вода
И флоты цѣлые, и лебедей стада.

XII.

АЛУШТА НОЧЬЮ.

Рѣзвится вѣтерокъ; померкнулъ жаръ дневной;
Свѣтильникъ міровой, на Четырдагъ спадая,
Разбился вдребезги; пролилъ онъ пурпуръ свой,
Погасъ—и пилигримъ глядитъ вокругъ, внимая.

Чернѣется гора; въ долинахъ ночь глухая;
Ручей журчитъ сквозь сонъ на ложѣ изъ шелковъ;
Несется ароматъ: то музыка цвѣтовъ,
Для сердца внятная, для слуха потайная.

Я тихо задремалъ подъ кровомъ темноты,
И вновь проснулся я отъ блеска метеора.
Онъ золотомъ облилъ долины, небо, горы...

О, ночь восточная! Не одалиска ль ты!
Ты лаской усыпишь—но лишь сойдетъ забвенье,—
Ты взоромъ огненнымъ вновь будишь къ наслажденью.

XIII.

ЧАТЫРДАГЪ.

Мирза.

Припалъ я въ трепетѣ къ стопамъ твоимъ устами,
О, мачта крымскихъ горъ, великій Чатырдагъ!
О, минаретъ святой, о, горній падишахъ!
Ты отъ земли бѣжалъ, чтобъ жить лишь съ облаками.

И ты сидишь себѣ подъ райскими вратами,
Какъ Гавріилъ, и входъ на небо стережешь;
Лѣсъ—плащъ твой, а чалму изъ облака ты твешь
И молніей ее спиваешь, какъ шнурами.

Печетъ ли солнце насъ, во тьмѣ ли мы дрожимъ,
Жретъ жатву ль саранча, гяуръ домà ль сжигаетъ—
Къ намъ Чатырдагъ и глухъ, и нѣмъ, и недвижимъ.

Онъ—драгоманъ святой для міра съ небесами;
Подстлавши твердь, людей и громы подъ стопами,
Онъ внемлетъ лишь тому, что̀ Богъ глаголетъ съ нимъ.

XIV.

Пилигримъ.

У ногъ моихъ страна богатствъ и красоты,
Надъ головой свѣтло, вокругъ пригожи лица...
Зачѣмъ, ища утѣхъ, за дальнія границы
Въ давно минувшее несутъ меня мечты?

Литва! Милѣй твои лѣсныя мнѣ картины
Байдарскихъ соловьевъ, салгирской дѣвы глазъ...
Мнѣ веселѣй топтать ногой твои трясины,
Чѣмъ пурпуръ шелковицъ и спѣлый ананасъ.

Я такъ далекъ, далекъ! Я столько благъ здѣсь знаю...
Съ чего жъ разсѣянъ я, зачѣмъ же я вздыхаю
О милой, что̀ любилъ на утрѣ жизни я?

Въ отнятой у меня живетъ она отчизнѣ,
Напоминаетъ все ей тамъ о другѣ жизни...
Напомнятъ только ль ей слѣды мои меня?

XV.

ДОРОГА НАДЪ ПРОПАСТЬЮ ЧУФУТЪ-КАЛЭ.

Мирза.

Молись! Ослабь узду; брось поводъ, не страшась!
Пусть разумъ твой себя ногамъ коня довѣритъ.
О, добрый, статный конь! Онъ взглядомъ кручу мѣритъ,
Колѣна гнетъ, ползетъ, копытомъ уцѣпясь,

Повисъ!.. Не взглядывай на бездну: тамъ зеницы,
Какъ въ Аль-Каирскій ключъ упавъ, не встрѣтятъ дна;
Рукъ не протягивай—онѣ не крылья птицы;
И мысли не спускай: въ бездонности она,

Какъ якорь, брошенный на глубинѣ ладьею,
Мгновенно ринется, не прыгнувъ по камнямъ,
И погрузитъ ладью въ хаосъ тоски съ собою.

Пилигримъ.

Мирза! А я заснулъ! Сквозь міра щели тамъ
Я видѣлъ... Но о томъ, лишь умеревъ, открою:
На языкѣ живыхъ то выразить не намъ.

XVI.

ГОРА КИКИНЕИЗЪ.

Мирза.

Въ пучину загляни: вонъ небеса лежатъ—
То море. Птица-холмъ среди валовъ упала,
Убита молніей, и перья разметала
Обширнѣе, чѣмъ кругъ, что̀ радуги чертятъ—

И островъ снѣжный скрылъ прозрачныхъ водъ поля...
А тотъ, что̀ въ пропасти плыветъ, тотъ островъ—туча,
Ужъ на полъ-міра мракъ съ нея упалъ могучій...
Ты ленту пламени узрѣлъ съ ея чела?—

То молнія... Стой здѣсь! Тутъ подъ ногами—бездна;
Ее перескочить намъ надобно конемъ.
Я кинусь—будь готовъ съ бичомъ своимъ и шпорой.

Я сгину—ты съ скалы не отводи той взора:
Не заблеститъ ли тамъ чалма моя перомъ?
А если нѣтъ—то знай: дорога непроѣздна.

XVII.

РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА ВЪ БАЛАКЛАВѢ.

Тѣ зàмки рушились и грудою лежатъ,
Неблагодарный Крымъ, тебя чтò украшали.
Гигантскимъ остовомъ они на горы пали;
Живетъ въ нихъ гадъ и людъ, презрѣннѣйшій, чѣмъ гадъ.

Всхожу наверхъ. Ищу гербовъ тамъ наугадъ...
Есть надпись. Витязя, быть можетъ, имя вбито,
Чтò устрашалъ войска. Ползучій виноградъ,
Какъ червь, его обвилъ; теперь оно забыто.

Рѣзцомъ аѳинскимъ грекъ здѣсь стѣны украшалъ,
Сынъ Генуи въ татаръ отсюда сталь металъ,
Пришлецъ изъ Мекки пѣлъ святую пѣснь намаза...

При мнѣ лишь воронъ тамъ гробницы облеталъ,
И мнилось—черный флагъ то мѣсто обвѣвалъ
Въ знакъ гибели и слезъ, гдѣ гнѣздилась зараза.

XVIII.

АЮДАГЪ.

Люблю смотрѣть со скалъ я грозныхъ Аюдага,
Какъ волны шумныя, сомкнувшись въ черный строй,
Тѣснятся, пѣнятся метелью снѣговой,
Какъ брызжетъ сотней искръ измѣнчивая влага,

О мели рушится, дробится въ зыбь о скалы
На берегъ, словно рать китовъ, идетъ на бой,
Взявъ землю приступомъ, назадъ бѣжитъ струей
И мечетъ за собой и жемчугъ, и кораллы.

Такъ въ сердцѣ у тебя, о, молодой пѣвецъ!
Въ немъ часто нéпогодь и бури страсть вздымаетъ,
Но лютню лишь возьмешь—волненію конецъ.

Оставивъ въ памяти лишь звукъ, оно стихаетъ
И пѣсни за собой безсмертныя роняетъ...
Изъ нихъ вѣка плетутъ въ награду твой вѣнецъ.

Съ польскаго, Кн. Алексѣй Кугушевъ.

РОССІЯ и АНГЛІЯ

НАКАНУНѢ РАЗРЫВА

(1853—1854 гг. *)

Князь Меттернихъ сказалъ когда-то барону Бруннову: „Боже мой, кто меня освободитъ отъ турокъ и грековъ“! Эти типичныя для восточнаго вопроса слова австрійскаго канцлера вспомнилъ баронъ Брунновъ въ 1853 году, когда вопросъ о Святыхъ мѣстахъ съ неудержимою силою выросъ въ вопросъ о судьбѣ оттоманской имперіи на берегахъ Босфора. По мнѣнію барона, „это проклятое восточное дѣло совершенно напоминаетъ подагру. То она васъ хватаетъ за ногу, то ущипнетъ вашу руку. Можно еще считать себя особенно счастливымъ, если она не поднимется до желудка“...

Дипломатическіе переговоры между Россіею и Англіею въ продолженіе 1853 года вполнѣ подтвердили, что правъ былъ князь Меттернихъ, когда онъ каждый день молился, чтобъ его освободили отъ турокъ и грековъ. Не менѣе правъ былъ баронъ Брунновъ, когда онъ сравнивалъ восточный вопросъ съ подагрою. Въ концѣ 1853 года, было несомнѣнно, что эта подагра поднялась даже до сердца и грозила кончиться катастрофою. Мольба же ко Всевышнему князя Меттерниха, какъ оказывается, еще не исполнилась и въ концѣ XIX вѣка, и государственные люди Европы могли бы повторять ее ежедневно и теперь, по примѣру знаменитаго австрійскаго канцлера.

*) Настоящій историческій очеркъ заимствованъ изъ только-что появившагося XII-го тома издаваемаго авторомъ „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами“, и отчасти дополненъ имъ.

I.

Въ началѣ 1853 года, политическій горизонтъ немного разъяснился, и можно было надѣяться, что споръ изъ-за Святыхъ мѣстъ кончится безъ всякихъ послѣдствій. Султанъ издалъ фирманъ въ пользу римско-католической церкви въ Іерусалимѣ, который долженъ былъ удовлетворить французское правительство. Сношенія между Россіею и Англіею стали слагаться также при весьма благопріятныхъ обстоятельствахъ. Королева Викторія была чрезвычайно довольна рѣшеніемъ императора Николая I принять при своемъ дворѣ посланника короля бельгійцевъ Леопольда I и отправить въ Брюссель своего представителя. Извѣстно, что англійская королева неоднократно выражала свое сердечное желаніе видѣть правильныя дипломатическія сношенія между петербургскимъ и брюссельскимъ дворами. Не ранѣе 1853 года, это законное желаніе королевы Викторіи было исполнено.

Другимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ было образованіе новаго англійскаго министерства, во главѣ котораго сталъ лордъ Эбердинъ, пользовавшійся особеннымъ уваженіемъ и довѣріемъ императора Николая I и государственнаго канцлера. Новое англійское министерство возникло изъ союза партіи виговъ съ „пилитами“, — приверженцами покойнаго сэра Роберта Пиля. Въ этомъ кабинетѣ статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ былъ назначенъ Кларендонъ, которому премьеръ, лордъ Эбердинъ, не вполнѣ довѣрялъ, но на назначеніе котораго онъ долженъ былъ согласиться. Первый министръ обѣщалъ русскому посланнику слѣдить за лордомъ Кларендономъ и не давать ему полной свободы дѣйствія.

Кромѣ лорда Кларендона, вошли еще въ составъ кабинета лорда Эбердина—лорды Джонъ Россель и Пальмерстонъ, сэръ Грэгэмъ, — словомъ, всѣ наиболѣе выдающіеся государственные люди Англіи начала пятидесятыхъ годовъ.

Графъ Нессельроде и баронъ Брунновъ обрадовались назначенію лорда Эбердина, но не скрывали своихъ опасеній насчетъ остальныхъ членовъ кабинета. „Такое соединеніе стольких выдающихся людей меня пугаетъ“,—писалъ графъ Нессельроде барону Бруннову, въ февралѣ 1853 года,—„и я при этомъ случаѣ сдѣлаю замѣчаніе, которое вамъ покажется страннымъ. По моему мнѣнію, со временъ Питта—Англія всегда лучше управлялась посредственностями, нежели людьми геніальными (sic!). Лорды Ливерпуль и Кастльри, конечно, не были выдающимися

людьми, а между тѣмъ они отлично держали бразды правленія. Каннингъ и Пиль только ухудшили положеніе правительства".

„Впрочемъ,—прибавилъ государственный канцлеръ,—вы скажете лорду Эбердину, что онъ можетъ на меня разсчитывать, какъ и я разсчитываю на него. Я достаточно знаю его политическую честность, чтобы не питать къ нему полнаго довѣрія".

Было еще и другое благопріятное обстоятельство, повидимому обѣщавшее мирную развязку восточнаго вопроса. Лордъ Эбердинъ не уважалъ и не любилъ императора Наполеона III. Въ душѣ онъ совершенно одобрялъ русскаго государя, который отказался признать Наполеона III равнымъ себѣ и въ письмахъ къ нему называлъ его: „Sire et bon Ami", вмѣсто обязательной между монархами формулы: „Sire et bon Frère".

Между тѣмъ, для русскаго правительства не подлежало никакому сомнѣнію, что душою анти-русской политики въ Константинополѣ является именно Францiя, вліяніе которой вполнѣ преобладало въ совѣтѣ султана. Изъ Парижа выходили всѣ происки, направленные къ запутыванію и безъ того сложнаго восточнаго вопроса, и французское правительство не щадило никакихъ усилій, чтобы возбудить общественное мнѣніе Европы противъ Россіи и взять на буксиръ англійское правительство.

Государственный канцлеръ графъ Нессельроде не питалъ никакихъ иллюзій насчетъ дѣйствительныхъ цѣлей политики Наполеона III, и уже въ началѣ 1853 года предсказывалъ возникновеніе войны Россіи съ Турціею и Франціею. Но онъ не оставлялъ надежды, что здравый смыслъ англійскаго народа и политическая честность лорда Эбердина удержатъ Англію на пути благоразумія и многовѣковой дружбы съ Россіею.

„Но Наполеону III, — писалъ графъ Нессельроде барону Бруннову въ частномъ письмѣ, отъ 2 (14-го) февраля 1853 г.,— нужна война во что бы то ни стало, и онъ ее непремѣнно вызоветъ". Государственный канцлеръ влагаетъ въ уста Наполеона III слѣдующую рѣчь, какъ бы сказанную самому себѣ:

„Возстановить имперію для имперіи, безъ измѣненія въ чемъ бы то ни было границъ Франціи, было бы только смѣшною пародіею. Занявъ мѣсто Бурбоновъ, я обязанъ сдѣлать *больше* ихъ. Во всякомъ случаѣ я не могу сдѣлать—*меньше*. Бурбоны старшей линіи завоевали Алжирію. Луи-Филиппъ разрушилъ нидерландское королевство. Гдѣ найти въ Европѣ какое-нибудь приращеніе? На Рейнѣ или Шельдѣ — немыслимо. Въ такомъ случаѣ я самъ вызову коалицію противъ Франціи. То, что Западъ намъ не дастъ, надо искать на Востокѣ. Будемъ

ссорить Россію съ Портою, заставивъ послѣднюю моими требованіями разсердить и оскорбить первую... Россія потеряетъ терпѣніе—и вспыхнетъ война. На Востокѣ не устроится противъ меня никакая коалиція. Напротивъ, она устроится противъ Россіи; она будетъ одна, но никакъ не я, ибо Пруссія ничего не значитъ въ этомъ вопросѣ и будетъ къ нему равнодушна. Австрія—самое большее—останется нейтральною, если не будетъ благопріятствовать Портѣ. Такая война не потребуетъ всѣхъ моихъ силъ; понадобится только незначительная ихъ часть. Она не коснется моихъ границъ и не будетъ угрожать моей безопасности. Соединенные флоты Турціи, Англіи и Франціи легко справятся съ русскимъ флотомъ. Вторгнуться въ Черное море, разорить тамъ русскую торговлю, сжечь города, бросить подкрѣпленія бунтовщикамъ на Кавказѣ — все это, предпринятое втроемъ, не потребуетъ особенно тяжелыхъ жертвъ... Такимъ образомъ, почти даромъ будетъ достигнуто много славы и шума. Россія можетъ занять Дунайскія княжества и низвергнуть оттоманскую имперію. Ну что-жъ? Пусть ее разрушитъ. *Вѣдь она не въ состояніи будетъ взять все и еще менѣе—удержать все за собою.* И тогда возникнетъ вопросъ о раздѣлѣ"...

„Согласитесь, любезный баронъ,—заключилъ свое интересное февральское письмо государственный канцлеръ, — если такого плана и не существуетъ, то онъ все-таки весьма возможенъ. Его исполненіе поставитъ насъ въ самое непріятное положеніе: мы принуждены будемъ играть въ руку Наполеону—все равно, согласимся ли мы на миръ, или возьмемся за оружіе. Отсюда слѣдуетъ, что мы одни очень мало въ состояніи сдѣлать, чтобъ воспрепятствовать осуществленію видовъ Луи-Наполеона".

Нельзя не сказать, что графъ Нессельроде весьма картинно представилъ политическое положеніе Европы въ началѣ 1853 года. Едва ли онъ ошибался насчетъ тщеславныхъ замысловъ императора французовъ. Но въ такомъ случаѣ естественно возникаетъ вопросъ: если Наполеонъ III имѣлъ такіе враждебные противъ Россіи планы, то зачѣмъ было утверждать его въ этой враждебности оскорбленіемъ его самолюбія посредствомъ отказа признать за нимъ равноправность и право на титулъ?

Какъ бы то ни было, государственный канцлеръ категорически выражалъ свою увѣренность, что исключительно одна Англія въ состояніи удержать Наполеона III отъ исполненія его воинственныхъ плановъ. Императоръ Николай I не могъ не вынести впечатлѣнія изъ нѣкоторыхъ интереснѣйшихъ донесеній барона Бруннова, что въ Англіи общественное мнѣніе значи-

тельно измѣнилось относительно Турціи и гораздо меньше опасается завоевательныхъ замысловъ Россіи. Приведенныя барономъ Брунновымъ подлинныя слова англійскихъ государственныхъ людей о туркахъ могли вселить въ русскомъ правительствѣ положительную надежду на сохраненіе мира, несмотря на постоянные происки императора французовъ.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія секретное донесеніе барона Бруннова, отъ 9 (21-го) февраля 1853 года, въ которомъ приводятся интересныя данныя относительно „происходящаго въ англійскихъ умахъ поступательнаго измѣненія насчетъ восточнаго вопроса". По его мнѣнію, англичане извѣрились въ возможность сохраненія оттоманской имперіи по двумъ соображеніямъ: 1) по мѣрѣ того какъ англійскіе государственные люди убѣждались въ томъ, что сохраненіе оттоманской имперіи выгодно для Россіи, они сказали себѣ: значитъ, оно невыгодно для Англіи; 2) англійскіе филантропы, либералы и экономисты пришли къ убѣжденію, что ввести въ Турціи европейскую цивилизацію—чепуха, и что всѣ турецкія реформы—вздоръ.

Правда, новое настроеніе общественнаго мнѣнія еще не успѣло надлежащимъ образомъ воздѣйствовать на англійское правительство и заставить его болѣе равнодушно относиться къ туркамъ. Однако, англійскій премьеръ не затруднился совершенно откровенно выразить свое полное презрѣніе къ турецкому правительству.

„Я ненавижу турокъ, — сказалъ лордъ Эбердинъ русскому посланнику, значительно возвышая свой голосъ, — ибо я считаю ихъ правительство наихудшимъ и самымъ деспотическимъ на земномъ шарѣ. Одна изъ самыхъ тяжелыхъ обязанностей моей политической жизни заключалась въ поддержаніи оттоманской имперіи. Я исполнялъ этотъ долгъ и продолжаю его исполнять, какъ политическій дѣятель, исключительно потому, что не вижу, чѣмъ можно было бы замѣстить это государство, если оно рухнетъ". Слова англійскаго премьера: „я ненавижу турокъ!" были сказаны съ чувствомъ глубокаго негодованія и презрѣнія и потому произвели сильное впечатлѣніе на барона Бруннова.

Если эти чувства лорда Эбердина еще не успѣли сдѣлаться общимъ достояніемъ англійскаго народа, то все-таки нельзя отрицать, что они мало-по-малу распространялись среди англійскаго общества. Общественное же мнѣніе Англіи такого свойства, что если оно разъ измѣнило свой взглядъ на какой-нибудь предметъ, то легко бросаетъ свои прежнія идеи, какъ устарѣлыя и никуда негодныя. — „Мнѣ кажется,—продолжаетъ свою аргументацію ба-

ронъ Брунновъ, — мы приближаемся къ тому времени, когда Англія привыкнетъ смотрѣть на оттоманскую имперію какъ на отжившую комбинацію. Съ этой точки зрѣнія, каждый сочтетъ себя свободнымъ содѣйствовать распаденію этого государства съ тѣмъ же самымъ рвеніемъ, съ какимъ въ былое время старались его оберегать"...

Въ подтвержденіе своихъ словъ баронъ Брунновъ указываетъ на брошюру, только-что появившуюся въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ: „Thoughts on our foreign relations", авторомъ которой былъ извѣстный членъ парламента. Въ этой брошюрѣ доказывалось, что Россіи принадлежитъ блестящая роль возстановить на развалинахъ мусульманской Турціи господство православной церкви. Этого мало: сама газета „Times" одобряетъ рѣчи Ричарда Кобдена и Джона Брайта, настоятельнымъ образомъ рекомендующія миръ съ Россіею и презрѣніе къ Турціи [1]).

Эти смѣлыя предсказанія барона Бруннова произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на императора Николая I: вѣсть о переворотѣ, совершающемся въ общественномъ мнѣніи Англіи насчетъ Турціи, была въ полномъ смыслѣ слова солнечнымъ лучомъ во мракѣ политическихъ происковъ, запутавшихъ въ 1853 году восточный вопросъ. Чѣмъ искреннѣе императоръ Николай I желалъ сохраненія мира, чѣмъ больше онъ печалился о возможности разрыва съ Англіею, тѣмъ радостнѣе онъ принималъ добрыя вѣсти своего представителя въ Лондонѣ о симптомахъ поворота, совершающагося во всемогущемъ общественномъ мнѣніи англійскаго народа.

Это радостное настроеніе государя рельефно выступаетъ въ собственноручной его надписи на приведенномъ донесеніи барона Бруннова отъ 9-го (21-го) февраля 1853 года. Вотъ эта надпись:

„Эта депеша—самая замѣчательная изъ всѣхъ. Мнѣ она объясняетъ неожиданный успѣхъ нашихъ первыхъ шаговъ и оставляетъ мнѣ надежду въ возможности идти впередъ по пути, который я себѣ предначерталъ".

Между тѣмъ, ходъ событій весьма скоро воочію доказалъ барону Бруннову, что онъ жестоко ошибался насчетъ совершающагося въ англійскомъ народѣ поворота чувствъ и взглядовъ по отношенію къ Турціи. Эту ошибку не могъ ему простить впослѣдствіи императоръ Николай I, когда онъ убѣдился, что,

---

[1]) Сравн. Geffeken, Zur Geschichte des orientalischen Krieges 1853 — 1856 (Berlin, 1881). S. 39 ff.

идя дальше по избранному имъ пути, онъ роковымъ образомъ велъ Россію къ войнѣ съ Турціею, Англіею и Франціею.

Правда, самъ баронъ Брунновъ впослѣдствіи неоднократно высказывалъ горькую истину насчетъ туркофильскихъ наклонностей англійскаго народа и правительства. Но все-таки онъ больше, чѣмъ слѣдовало бы, надѣялся на лорда Эбердина и на отрезвляющее вліяніе сторонниковъ взглядовъ Джона Брайта и Ричарда Кобдена на Турцію. Онъ также упустилъ изъ виду враждебное Россіи вліяніе принца-консорта. Когда въ октябрѣ 1853 года графъ Нессельроде поставилъ барону Бруннову вопросъ: „какъ это возможно, что Англія слѣдуетъ такой безразсудной, подлой и постыдной политикѣ“?—онъ старался дать отвѣтъ на этотъ категорическій вопросъ. Баронъ Брунновъ доказывалъ, что Англія „демократизировалась“ настолько, что Россія, какъ единственная держава, могущая затормазить „прогрессъ въ Европѣ“, вызываетъ въ англійскомъ народѣ и ненависть, и недоброжелательство. Повсюду, въ Германіи, Италіи и Венгріи, онъ встрѣчалъ на своемъ пути Россію. Вездѣ Англія должна была преклоняться предъ престижемъ русскаго государя. Что же касается восточнаго вопроса, то англійскій народъ надѣется увлечь Россію въ турецкія замѣшательства, чтобы нанести ей чувствительный ударъ.

Этою же мыслью увлекается и лордъ Кларендонъ, котораго баронъ Брунновъ называетъ „мизернымъ министромъ, съ которымъ чѣмъ меньше говоришь, тѣмъ лучше, ибо одну и ту же идею онъ не въ состояніи держать въ своемъ умѣ два дня сряду“. „Не угодно ли вамъ,—восклицаетъ баронъ,—вести хорошую политику съ флюгаркою“! [1])

Императоръ Николай I былъ озадаченъ такимъ отвѣтомъ на поставленный вопросъ и надписалъ на донесеніи Бруннова: „Прелестная картина“!

II.

Имѣя въ виду вышеизложенныя документальныя обстоятельства, не трудно себѣ представить роковой исходъ дипломатическихъ переговоровъ между Россіею и Англіею по поводу восточнаго вопроса. Императоръ Николай I самымъ искреннимъ образомъ желалъ сохраненія мира—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но, съ другой стороны, онъ своимъ образомъ дѣй-

---

[1]) Донесеніе барона Бруннова, отъ 26-го октября (7-го ноября) 1853 г.

ствій вызывалъ раздраженіе и опасенія, которыя нужно было предупреждать всѣми доступными средствами. Онъ вызвалъ открыто враждебное настроеніе во французскомъ императорѣ, задѣвъ его самолюбіе и щепетильность. Онъ находился въ полномъ заблужденіи насчетъ дѣйствительнаго настроенія общественнаго мнѣнія Англіи, благодаря въ значительной степени розовымъ донесеніямъ своего талантливаго представителя въ Лондонѣ. Наконецъ — last not least — самъ императоръ Николай I, своими откровенными разговорами съ англійскимъ посланникомъ насчетъ неминуемой кончины оттоманской имперіи и устройства на ея развалинахъ новыхъ государствъ, давалъ пищу подозрительности англійскихъ государственныхъ мужей и наводилъ страхъ на болѣзненно развитую фантазію англійскаго народа насчетъ завоевательныхъ замысловъ Россіи.

Императоръ Николай I былъ убѣжденъ, что его рыцарская откровенность будетъ по достоинству оцѣнена въ Лондонѣ и вызоветъ такія же откровенности со стороны англійскихъ государственныхъ дѣятелей. Встрѣтивъ англійскаго посланника на обѣдѣ въ Михайловскомъ дворцѣ, у великой княгини Елены Павловны, онъ отвелъ его въ сторону и совершенно откровенно высказался насчетъ неизбѣжности паденія оттоманской имперіи. Эту же самую мысль онъ развивалъ еще разъ передъ англійскимъ посланникомъ, на котораго такая откровенность должна была произвести удручающее впечатлѣніе. Но государь былъ убѣжденъ, что такъ какъ онъ эти свои мысли насчетъ Турціи излагалъ уже въ 1844 г., во время своего пребыванія въ Лондонѣ, въ бесѣдахъ съ Пилемъ, лордами Эбердиномъ и Пальмерстономъ, то онѣ никого удивить не могутъ.

Оказалось совершенно противоположное. Сэръ Гамильтонъ Сэймуръ, въ депешѣ отъ 22-го января 1853 г., поспѣшилъ донести своему правительству о всесокрушающихъ планахъ русскаго царя. Лордъ Джонъ Россель, депешею отъ 9-го февраля, старался доказать, что русскій царь очевидно ошибается насчетъ близкаго конца турецкаго режима на берегахъ Босфора. „Это можетъ случиться,—писалъ лордъ Джонъ Россель,—черезъ 20, 50 или 100 лѣтъ“! Когда,—остроумно прибавилъ англійскій лордъ,—Вильгельмъ III и Людовикъ XIV заключили между собою „трактатъ о раздѣлѣ“ Испаніи, кончина испанскаго короля была близка и неизбѣжна. Этого никакъ нельзя сказать о кончинѣ Турціи, которая можетъ наступить черезъ сто и больше лѣтъ. Повидимому, англійскій государственный мужъ въ этомъ отношеніи былъ ближе къ истинѣ, нежели русскій императоръ.

Сверхъ того, по мнѣнію лорда Росселя, желаніе императора заключить съ Англіею тайную конвенцію, на случай распаденія оттоманской имперіи, неосуществимо, потому что сохранять въ тайнѣ актъ такой важности было бы невозможно. О немъ узнали бы Франція и Австрія, которыя не замедлили бы принять самыя дѣйствительныя мѣры противъ раздѣла Турціи безъ ихъ участія. Если же царь предлагаетъ предоставить ему временно занять Константинополь для передачи этого всемірнаго города созданному Россіею и Англіею мѣстному правительству, то подобная комбинація навѣрное встрѣтитъ сильную оппозицію въ нѣдрахъ самого русскаго народа, который ни за что не согласится отдать Константинополь какому бы то ни было иностранному правительству.

Императорское правительство поспѣшило парализовать опасное дѣйствіе откровенностей, сдѣланныхъ царемъ англійскому посланнику. Государственный канцлеръ, въ отвѣтной нотѣ, отъ 21-го февраля 1853 года, протестуетъ противъ того мнѣнія, что государь предлагаетъ планъ раздѣла Турціи. Въ его мысляхъ весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы „просто и безъ обиняковъ сказать другъ другу довѣрительнымъ образомъ не столько то, что̀ желательно, сколько то, что̀ нежелательно; сказать то, что̀ было бы противно англійскимъ интересамъ и что̀ противно интересамъ Россіи, чтобы въ случаѣ наступленія критическаго момента не дѣйствовать противъ тѣхъ или другихъ“.

„Рѣчи нѣтъ,—продолжалъ графъ Нессельроде,—ни о проектахъ раздѣла, ни о конвенціи, долженствующей обязывать другія державы. Это простой обмѣнъ мыслей, и государь не видитъ надобности говорить о нихъ до поры до времени (sic!?). Вотъ почему государь выбралъ интимный разговоръ съ представителемъ англійской королевы, а не форму дипломатической ноты для сообщенія своихъ мыслей англійскому правительству. Онъ не думалъ предсказывать паденія оттоманской имперіи, но только утверждаетъ, что эта катастрофа можетъ случиться во всякое время.

„Впрочемъ, государь нисколько не сожалѣетъ о своихъ откровенностяхъ съ англійскимъ посланникомъ,—спѣшитъ прибавить государственный канцлеръ.—По его мнѣнію, крайне необходимо, чтобъ въ Лондонѣ знали, что Россія никогда не допуститъ учрежденія въ Константинополѣ какой-либо христіанской державы, которая могла бы ее тревожить или наблюдать за нею. Государь категорически отрицаетъ всякое желаніе или намѣреніе завладѣть Константинополемъ и обѣщаетъ Англіи рѣшить вопросъ

о судьбѣ этого всемірнаго города не иначе, какъ вмѣстѣ съ Англіею и по совѣту со всею Европою. Англійское правительство не совсѣмъ поняло увѣренія русскаго императора, что онъ не видитъ надобности, до поры до времени, говорить о раздѣлѣ оттоманской имперіи, хотя онъ самъ неоднократно вступалъ въ довѣрительныя объясненія съ англійскими политическими дѣятелями о неминуемости паденія султанскаго престола въ ближайшемъ будущемъ. Оно было того мнѣнія, что всѣ державы, желающія сохраненія status quo на Востокѣ, должны не столько увлекаться комбинаціями насчетъ паденія оттоманской имперіи, сколько задаваться заботами о сохраненіи турецкаго режима на берегахъ Босфора".

Императорское правительство вполнѣ одобрило послѣднюю мысль, и государственный канцлеръ, въ нотѣ, отъ 31-го марта 1853 года, къ сэру Гамильтону Сеймуру, заявилъ, что, по мнѣнію государя, „лучшее средство для поддержанія турецкаго правительства состоитъ въ томъ, чтобъ не утруждать его назойливыми требованіями, поддерживаемыми унизительнымъ для его независимости и достоинства образомъ".

Англійское правительство не могло не замѣтить явнаго самопротиворѣчія въ приведенныхъ заявленіяхъ с.-петербургскаго кабинета, которое неминуемо подрывало, въ извѣстной степени, довѣріе къ рыцарскимъ откровенностямъ императора Николая I, вызваннымъ самыми благородными и великодушными намѣреніями. Такимъ духомъ недовѣрія были проникнуты слова и дѣйствія не только лордовъ Кларендона и Джона Росселя,—имъ проникся мало-по-малу самъ лордъ Эбердинъ, „единственная опора" русской политики въ составѣ англійскаго кабинета.

Но злѣйшимъ и наиболѣе опаснымъ врагомъ Россіи весьма скоро объявился великобританскій посолъ при Портѣ — лордъ Страффордъ Рэдклифъ, который въ началѣ 1853 г. занялъ свой вліятельнѣйшій постъ въ Константинополѣ. Съ того времени начинается открытая и тайная борьба англійскаго посла противъ Россіи, съ явною цѣлью препятствовать исполненію со стороны Турціи самыхъ умѣренныхъ и справедливыхъ требованій русскаго правительства. Если кончилась полнымъ фіаско знаменитая миссія князя Меншикова въ Константинополѣ, то причиною тому было энергическое противодѣйствіе лорда Рэдклифа. Если Турція сама объявила войну Россіи, то ее къ тому принудилъ англійскій посолъ. Если окончились вполнѣ неудачно всѣ старанія лорда Эбердина предупредить общеевропейскую войну и примирить Россію съ Турціею, то виновникомъ такихъ неудачъ былъ тотъ же

лордъ Рэдклифъ. Наконецъ, если враждебное Россіи вліяніе императора Наполеона III на турецкое правительство могло одержать блестящую побѣду въ Константинополѣ, то Наполеонъ III долженъ былъ благодарить за это своего вѣрнаго союзника — англійскаго посла при Блистательной Портѣ.

Съ начала 1853 года событія шли быстро впередъ по пути неизбѣжнаго разрыва между Россіею, съ одной стороны, Турціею, Англіею и Франціею—съ другой. Мы постараемся изложить ходъ дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ, на основаніи архивныхъ источниковъ и, по возможности, словами имѣющихся въ нашемъ распоряженіи дипломатическихъ актовъ.

Въ самомъ началѣ 1853 года, императоръ Николай I отдалъ повелѣніе о мобилизаціи части русской арміи, ибо, по словамъ государственнаго канцлера, „Россія не можетъ снести оскорбленія, нанесеннаго ей Портою". „Si vis pacem, para bellum"!— прибавилъ графъ Нессельроде, въ письмѣ къ барону Бруннову, отъ 2 (14) февраля 1853 года.

Принятыя императорскимъ правительствомъ военныя мѣры значительно содѣйствовали развитію тревожнаго состоянія Европы и вызывали серьезныя опасенія за сохраненіе мира. Знаменитая миссія князя Меншикова въ Константинополь дала сильный толчокъ лавинѣ, разрушившей, въ своемъ стремительномъ паденіи, послѣдніе устои международнаго мира.

Въ январѣ, императоръ Николай I рѣшилъ отправить въ Константинополь чрезвычайнаго посла, съ порученіемъ добиться отъ Порты признанія, въ особенномъ международномъ актѣ, всѣхъ историческихъ правъ Россіи въ отношеніи христіанскаго населенія Турціи. Сообщая объ этомъ намѣреніи своего государя барону Бруннову, государственный канцлеръ прибавляетъ: „Я стараюсь, чтобъ выборъ государя палъ на графа Орлова. Онъ уже однажды спасъ оттоманскую имперію, и хотя до сихъ поръ я не имѣлъ успѣха, но я не отчаяваюсь".

Надежда графа Нессельроде не исполнилась: выборъ царя палъ на князя Меншикова, пользовавшагося исключительнымъ личнымъ довѣріемъ и расположеніемъ государя. Опасенія, заставлявшія государственнаго канцлера предупредить такое назначеніе, вполнѣ оправдались. Полная неудача торжественной поѣздки князя Меншикова и возложеннаго на него порученія неизбѣжнымъ образомъ привела къ катастрофѣ.

Государственный канцлеръ могъ только покориться сдѣланному государемъ выбору. Онъ не осмѣлился, даже въ интимной перепискѣ съ барономъ Брунновымъ, критиковать этотъ выборъ.

Онъ даже не могъ сообщить барону инструкціи, данныя князю Меншикову, ибо послѣдній получилъ ихъ непосредственно отъ самого государя. Но графъ Нессельроде считалъ своимъ долгомъ предупредить барона Бруннова, что у князя Меншикова можетъ лопнуть терпѣніе, и турецкіе министры, можетъ быть, услышатъ отъ него нѣсколько „рѣзкихъ словъ". Но эти маленькія непріятности не должны пугать англійское правительство: ихъ единственная цѣль—навести страхъ на Турцію.

При такихъ обстоятельствахъ положеніе барона Бруннова въ Лондонѣ было далеко не завидное. Англійскіе министры, парламентъ и общественное мнѣніе серьезно тревожились насчетъ исхода порученія князя Меншикова. Враги Россіи распространяли всевозможныя злонамѣренныя сказки о ходѣ переговоровъ между княземъ Меншиковымъ и Портою. Русскому чрезвычайному послу открыто приписывали намѣреніе заставить султана объявить себя вассаломъ русскаго царя!

На всѣ поставленные ему тревожные вопросы баронъ Брунновъ старался отвѣчать успокоительнымъ образомъ. Въ особенности эти старанія касались лорда Эбердина, котораго русскій посланникъ справедливо считалъ „единственнымъ другомъ Россіи" во всемъ англійскомъ кабинетѣ, но въ которомъ ненависть лорда Пальмерстона къ Россіи все болѣе и болѣе одерживала верхъ.

Когда лордъ Эбердинъ узналъ о миссіи князя Меншикова въ Константинополь, онъ сказалъ русскому посланнику: „хорошо это или дурно,—но мы совѣтуемъ туркамъ уступить"! Баронъ Брунновъ немедленно воспрянулъ духомъ и не безъ паѳоса сказалъ турецкому посланнику при лондонскомъ дворѣ: „Доложите вашему правительству, что наступилъ для него 11-й часъ".

Но когда изъ Константинополя стали получаться въ Лондонѣ тревожныя извѣстія о неминуемости разрыва между Россіею и Турціею, англійскій премьеръ съ отчаяніемъ признавался представителю России, что его положеніе становится съ каждымъ днемъ невыносимѣе. „Мое довѣріе къ политикѣ императора,—сказалъ онъ барону Бруннову,—остается несокрушимымъ, но если каждый день и со всѣхъ сторонъ насъ осаждаютъ непріятными запросами, если мнѣ постоянно дѣлаютъ упрекъ въ томъ, что я позволилъ себя одурачить успокоительными завѣреніями вашего кабинета, а самъ я чувствую, что нахожусь во мракѣ насчетъ исхода вашихъ переговоровъ въ Константинополѣ, то я самъ начинаю терять увѣренность"!

Баронъ Брунновъ считалъ своимъ долгомъ обратить серьезное вниманіе своего правительства на это признаніе лорда Эбер-

дина. Онъ увѣрялъ графа Нессельроде, что другой англійскій министръ навѣрное давнымъ-давно уступилъ бы враждебному настроенію лорда Пальмерстона и общественнаго мнѣнія Англіи.

Вообще взглядъ барона Бруннова на посольство князя Меншикова отличался замѣчательною трезвостью и благоразуміемъ. „Не слѣдуетъ слишкомъ натягивать струну,—писалъ онъ 21-го марта (2-го апрѣля) 1853 года своему начальнику и другу.— Или она затянетъ шею султану, или же она порвется въ нашихъ рукахъ. И такъ какъ вы не желаете ни того, ни другого, то нужно удовольствоваться маленькимъ милымъ фирманомъ, въ жанрѣ Родофиникинъ [1]), чтобы „волкъ былъ сытъ и овцы цѣлы". Это было бы, если не ошибаюсь, самое желательное разрѣшеніе настоящаго кризиса. Одна какая-нибудь болѣе или менѣе длинная или суровая статья ничего не прибавитъ къ дѣйствительности нашего вліянія въ Турціи. *Оно—въ положеніи вещей, а не въ словахъ.* Россія могущественна, Турція безсильна,—вотъ предисловіе всѣхъ нашихъ трактатовъ... Эта эпитафія уже начертана на могилѣ оттоманской имперіи".

Между тѣмъ, образъ дѣйствій князя Меншикова въ Константинополѣ доказывалъ, что, по его мнѣнію, вліяніе Россіи основывается въ Турціи болѣе на „словахъ", нежели на „положеніи вещей". Немедленно по своемъ прибытіи въ турецкую столицу, чрезвычайный посолъ русскаго царя объявилъ султану, что онъ съ такимъ „мошенникомъ", какъ Фуадъ-эффенди, который былъ тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ, въ переговоры не вступитъ. Онъ потребовалъ его отставки и добился ея. Затѣмъ онъ предложилъ султану подписать конвенцію, подтверждающую всѣ историческія права Россіи. Султанъ отказался исполнить это требованіе, благодаря совѣтамъ представителей Франціи и Англіи. Французскій флотъ приблизился къ Дарданельскому проливу, и англійскій повѣренный въ дѣлахъ, полковникъ Росъ, предложилъ адмиралу Дондасу, начальнику англійской эскадры въ Средиземномъ морѣ, покинуть островъ Мальту и явиться въ Архипелагъ [2]).

Всѣ эти извѣстія, слѣдовавшія одно за другимъ, произвели въ Лондонѣ большой переполохъ. 6-го (18-го) марта, баронъ Брунновъ былъ приглашенъ королевою къ обѣду въ Buckingham Pallace. Тамъ онъ встрѣтилъ, передъ обѣдомъ, лорда Кларендона, который подошелъ къ нему и сказалъ: „Вы превосходныя

---

[1]) Бывшій директоръ азіатскаго департамента мин. ин. дѣлъ.

[2]) Срав. Jomini. Etude diplomatique, t. I, p. 158. Geffeken, loc. cit., S. 18.

дѣла дѣлаете въ Константинополѣ"!—„Какія дѣла"?—спросилъ посланникъ.—„Вы низвергли турецкое правительство",—сказалъ лордъ Кларендонъ.—„Правительство—нѣтъ; министерство—да", —отвѣтилъ посланникъ.—„Почему же"?—спросилъ благородный лордъ. Въ отвѣтъ баронъ Брунновъ сталъ доказывать англійскому министру законныя права Россіи требовать отъ Турціи удаленія Фуада-эффенди, виновнаго въ вѣроломствѣ, и удовлетворенія за нанесенныя оскорбленія.

Когда было получено въ Лондонѣ извѣстіе о прибытіи французскаго флота въ Смирну, русскій посланникъ всѣми силами старался предупредить соединеніе англійскаго флота съ французскимъ. Онъ сталъ доказывать, что присутствіе французскихъ и англійскихъ эскадръ въ турецкихъ территоріальныхъ водахъ равносильно военной оккупаціи турецкой территоріи (sic!), которая можетъ вызвать со стороны Россіи оккупацію Дунайскихъ княжествъ.

Между тѣмъ, полковникъ Росъ совершенно перешелъ въ лагерь французовъ и на все соглашался, что̀ ему предлагалъ представитель Франціи. „Какой странный человѣкъ этотъ Росъ,—писалъ графъ Нессельроде барону Бруннову 26-го марта (7-го апрѣля) 1853 года. „Богъ знаетъ, почему онъ на насъ злится и бросился въ объятія Франціи и этого мошенника Фуада". Самъ лордъ Эбердинъ зналъ это непріязненное отношеніе полковника Роса къ Россіи, и старался остановить его въ его руссофобствѣ. Такъ, ему удалось убѣдить своихъ коллегъ по министерству въ необходимости отмѣнить распоряженіе полковника о приближеніи англійской эскадры къ Дарданелламъ. Послѣ засѣданія совѣта министровъ, въ которомъ было принято это рѣшеніе, лордъ Эбердинъ радостно сказалъ русскому посланнику: „Вы должны быть нами довольны. То, что̀ я вамъ предсказалъ, исполнилось. Мое мнѣніе было единогласно принято совѣтомъ. Мы рѣшили пока ничего не дѣлать и ждать"! [1])

Императорское правительство было чрезвычайно довольно такимъ рѣшеніемъ англійскаго кабинета, и поручило своему представителю въ Лондонѣ еще разъ просить англійское правительство не вѣрить всѣмъ слухамъ, распространяемымъ насчетъ видовъ русской политики вообще и посольства Меншикова въ особенности. Однако Порта всѣми силами старалась затянуть дипломатическіе переговоры съ княземъ Меншиковымъ, совершенно забывая, что Россія не можетъ допустить, чтобы Порта надъ

---

[1]) Донесеніе барона Бруннова, отъ 11-го (23-го) марта 1853 года.

нею насмѣхалась безнаказаннымъ образомъ. Поэтому, писалъ государственный канцлеръ барону Бруннову, 21-го апрѣля 1853 года, „если князь Меншиковъ, послѣ всѣхъ проволочекъ, будетъ, наконецъ, вынужденъ возвысить свой голосъ и прибѣгнуть къ болѣе внушительнымъ мѣрамъ для полученія согласія Порты, то вина за это падетъ на Францію“.

Чѣмъ болѣе обнаруживались непріязнь Наполеона III и успѣшное дѣйствіе его происковъ въ Константинополѣ, тѣмъ болѣе императоръ Николай I сталъ дорожить дружбою и согласіемъ съ Англіею. Когда, въ апрѣлѣ 1853 года, было получено въ С.-Петербургѣ извѣстіе о разрѣшеніи королевы Викторіи отъ бремени седьмымъ ребенкомъ — Леопольдомъ, герцогомъ альбанскимъ, императоръ пригласилъ къ обѣду англійскаго посла съ супругою. Во время обѣда императрица Александра Ѳеодоровна встала и предложила тостъ за здоровье королевы Викторіи. „Эта демонстрація,—писалъ государственный канцлеръ барону Бруннову, 9-го (21-го) апрѣля,—больше стóитъ, чѣмъ самая лучшая депеша, которую я могъ бы вамъ написать, чтобы поручить вамъ поздравить королеву отъ имени ихъ императорскихъ величествъ“.

Однако, эта „демонстрація“ со стороны ихъ величествъ не могла искоренить постоянно развивающейся подозрительности членовъ англійскаго кабинета. Переговоры съ княземъ Меншиковымъ тянулись до безконечности, и даже въ апрѣлѣ еще нельзя было предвидѣть ихъ окончательнаго результата. Изъ Константинополя получались въ Лондонѣ самыя тревожныя извѣстія. Лордъ Рэдклифъ доносилъ своему правительству, что князь Меншиковъ предложилъ Портѣ подписать конвенцію, значительно расширяющую право покровительства Россіи надъ всѣми православными подданными султана. Лордъ Эбердинъ былъ въ отчаяніи и сказалъ барону Бруннову: „Если это такъ, то мое рѣшеніе принято. Я подамъ въ отставку. Мое мнѣніе одержало верхъ въ совѣтѣ исключительно потому, что я смотрѣлъ на настоящій споръ какъ на касающійся только разрѣшенія дѣла о Святыхъ мѣстахъ. Если онъ видоизмѣняется и если онъ измѣнитъ положеніе всѣхъ христіанскихъ подданныхъ оттоманской имперіи, то мое мнѣніе потеряло всякую цѣну. Въ такомъ случаѣ, мои коллеги должны придумать мѣры, которыя должны быть приняты. Что касается меня, то я выйду въ отставку“.

Русскій посланникъ всѣми силами старался успокоить англійскаго перваго министра и просилъ его не вѣрить всѣмъ слухамъ и выдумкамъ. Но онъ не скрывалъ отъ государственнаго

канцлера, что лордъ Эбердинъ дѣйствительно можетъ легко покинуть свой постъ. Правда, онъ неоднократно ему повторялъ: „Не будетъ войны. Не должно быть войны“! Однако „нравственная энергія лорда Эбердина не стоитъ на высотѣ его политической честности“. Онъ выйдетъ въ отставку въ тотъ моментъ, когда убѣдится въ своемъ заблужденіи насчетъ дѣйствительныхъ цѣлей русской политики [1]).

Лордъ Кларендонъ еще точнѣе выражался насчетъ русской политики. Онъ подтвердилъ представителю Россіи, что Порта легко согласится на признаніе правъ Россіи и православной церкви въ отношеніи Святыхъ мѣстъ. Но непреодолимыя затрудненія вызываютъ другія постановленія русской конвенціи, въ силу которыхъ утверждается право покровительства Россіи не только надъ всѣмъ православнымъ населеніемъ Турціи, но даже надъ греками.

Не имѣя понятія о конвенціи, предложенной княземъ Меншиковымъ Портѣ, баронъ Брунновъ долженъ былъ ограничиться, въ своемъ отвѣтѣ лорду Кларендону, общими фразами о томъ, что Россія всегда имѣла право покровительства въ отношеніи турецкихъ православныхъ христіанъ, что она только добивается подтвержденія своихъ безспорныхъ правъ и т. п.

Наконецъ, въ самомъ концѣ апрѣля, наканунѣ разрыва между Россіею и Турціею, государственный канцлеръ препроводилъ къ барону Бруннову проектъ конвенціи, предложенный княземъ Меншиковымъ Портѣ. „Вы увидите, — писалъ графъ Нессельроде, 21-го апрѣля (3-го мая), барону Бруннову,—что въ ней въ сущности ничего новаго не постановлено, и что въ ней только говорится о религіозномъ интересѣ и точнѣе опредѣляется то, что̀ кучукъ-кайнарджійскій трактатъ оставилъ въ сомнѣніи“. Эта конвенція ничего не имѣетъ общаго съ трактатомъ ункіаръ-искелесскимъ, который въ свое время навелъ такой страхъ на Англію.

Весьма любопытно, что чрезъ нѣсколько дней послѣ отправленія этой депеши государственный канцлеръ, въ депешѣ отъ 29-го апрѣля (11-го мая), выражаетъ увѣренность въ миролюбивомъ окончаніи константинопольскихъ переговоровъ. Но въ то же самое время онъ еще разъ подтвердилъ господствующее и вредное для насъ вліяніе англійскаго посла въ Константинополѣ. Лордъ Рэдклифъ далъ Портѣ слѣдующій хитрый совѣтъ:—подпишите, сказалъ онъ турецкимъ министрамъ, актъ о признаніи

---

[1]) Донесеніе барона Бруннова отъ 21-го апрѣля (3-го мая) 1853 года.

правъ Россіи на Святыя мѣста, но не подписывайте ни въ какомъ случаѣ конвенціи, утверждающей право протектората Россіи.— Такимъ образомъ, онъ одержалъ двойную побѣду: онъ восторжествовалъ надъ Россіею и Франціею, а съ другой стороны—принялъ на себя благодарную роль спасителя Турціи. Лордъ Рэдклифъ самъ сказалъ русскому посланнику Озерову, что онъ создастъ такое положеніе вещей, при которомъ Россія не будетъ „ни другомъ, ни врагомъ оттоманской имперіи“. „Только одинъ лордъ Рэдклифъ будетъ въ ней царствовать и управлять“,—прибавляетъ отъ себя графъ Нессельроде.

Обстоятельства доказали, что послѣднее предсказаніе государственнаго канцлера было совершенно справедливо.

III.

Когда баронъ Брунновъ получилъ, наконецъ, проектъ конвенціи, предложенный княземъ Меншиковымъ Портѣ, онъ немедленно сообщилъ его лордамъ Эбердину и Кларендону. Оказалось, что оба уже знали этотъ актъ съ неблагопріятными комментаріями лорда Рэдклифа. Все-таки лордъ Эбердинъ согласился признать русскія требованія умѣренными и справедливыми. Но онъ добросовѣстно предупредилъ русскаго посланника, что его личное мнѣніе совсѣмъ не раздѣляется его коллегами по кабинету, которые находятся подъ впечатлѣніемъ весьма враждебныхъ совѣтовъ лорда Рэдклифа.

Въ справедливости этого предупрежденія баронъ Брунновъ имѣлъ весьма скоро случай убѣдиться изъ бесѣдъ съ лордомъ Кларендономъ, который сильно возражалъ противъ русской конвенціи. Его возраженія были слѣдующія: во-первыхъ, на основаніи заявленій русскаго правительства англійскій кабинетъ былъ увѣренъ, что русская конвенція ограничится возстановленіемъ правъ Россіи въ отношеніи Святыхъ мѣстъ. Между тѣмъ, князь Меншиковъ требуетъ признанія за Россіею „новаго права вмѣшательства во всѣ внутреннія дѣла Турціи“ и настаиваетъ на распространительномъ толкованіи постановленій кучукъ-кайнарджійскаго трактата. Если—доказывалъ англійскій министръ—такое новое право Россіи будетъ признано когда-нибудь султаномъ, то съ того момента онъ пересталъ быть независимымъ государемъ, ибо онъ тогда поставилъ осуществленіе своей верховной власти подъ контроль иностранной власти.

Во-вторыхъ, въ силу конвенціи всѣ православные подданные

султана будутъ изъяты изъ его юрисдикціи, и вся Турція будетъ поставлена по отношенію къ Россіи въ положеніе, которое занимаютъ Дунайскія княжества по отношенію къ султану. Сами же Дунайскія княжества должны обратиться въ „русскія губерніи“.

Наконецъ, въ-третьихъ, новая конвенція должна совершенно измѣнить положеніе Россіи въ отношеніи Турціи, ибо дастъ первой постоянное право вмѣшательства во всѣ внутреннія дѣла послѣдней.

Баронъ Брунновъ старался опровергнуть эти возраженія лорда Кларендона, но разубѣдить его не успѣлъ. Тогда онъ написалъ длинное письмо лорду Эбердину, въ которомъ краснорѣчиво доказывалъ право Россіи настаивать на подписаніи Портою проекта конвенціи, въ которомъ только подтверждаются несомнѣнныя права Россіи и требуются гарантіи противъ новаго вѣроломства со стороны Турціи.

Лордъ Эбердинъ остался очень доволенъ этимъ письмомъ и прочелъ его въ ближайшемъ засѣданіи совѣта министровъ. По его словамъ, это письмо произвело „на нѣкоторыхъ“ членовъ совѣта хорошее впечатлѣніе. Но все-таки,—прибавилъ съ грустью англійскій премьеръ,—„мое положеніе трудное. Я въ одно и то же время адвокатъ и русскихъ, и англійскихъ интересовъ. Нужно стараться согласить одни съ другими“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выразилъ свое искреннее сожалѣніе о недостаткахъ въ редакціи проекта конвенціи. Еслибы, по его мнѣнію, въ „*предисловіе*“ этого акта была включена отдѣльная статья, служащая подтвержденіемъ историческихъ правъ Россіи, то его коллеги не имѣли бы внѣшняго повода говорить о новой претензіи Россіи на постоянное право вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи. Въ такомъ случаѣ, всѣ статьи конвенціи ограничивались бы только разрѣшеніемъ вопросовъ относительно Святыхъ мѣстъ.

„Само собою разумѣется, — прибавилъ лордъ Эбердинъ, — я не въ состояніи перемѣнить мнѣніе моихъ коллегъ, которое вамъ враждебно. Но они, съ другой стороны, ничего не могутъ сдѣлать безъ меня. Вотъ въ чемъ заключается хорошая сторона настоящаго положенія, которое при другихъ обстоятельствахъ было бы очень плохо“. Въ заключеніе, благородный лордъ еще разъ подтвердилъ свое рѣшеніе выйти въ отставку, если произойдетъ разрывъ между Россіею и Англіею. Во всякомъ случаѣ онъ очень сожалѣлъ, что князь Меншиковъ не съумѣлъ или не захотѣлъ войти въ соглашеніе съ лордомъ Рэдклифомъ. Онъ не вѣритъ въ руссофобство послѣдняго и убѣжденъ, что онъ не забылъ ска-

занныхъ ему лордомъ Эбердиномъ при прощаніи словъ: „Не ссорьтесь съ Россіею“! [1])

Но, по непоколебимому убѣжденію государственнаго канцлера, единственнымъ виновникомъ разрыва между Россіею и Турціею былъ англійскій посолъ при Портѣ. Въ половинѣ апрѣля, князь Меншиковъ, со всею русскою миссіею, покинулъ Константинополь и констатировалъ такимъ образомъ полный разрывъ между Россіею и Турціею. Извѣстіе объ этомъ событіи произвело громадное впечатлѣніе во всей Европѣ: даже на лондонской биржѣ всѣ фонды стали падать съ быстротою молніи.

Императорское правительство открыто обвиняло лорда Рэдклифа предъ его собственнымъ правительствомъ въ систематическомъ противодѣйствіи всѣмъ миролюбивымъ попыткамъ Россіи. „Не султанъ Абдулъ-Меджидъ, но лордъ Рэдклифъ царствуетъ въ Турціи“,—писалъ графъ Нессельроде барону Бруннову, 20-го апрѣля (1-го мая). Князь Меншиковъ дѣлалъ всевозможныя уступки насчетъ первоначальнаго текста конвенціи. Онъ даже изъявилъ согласіе на обращеніе конвенціи въ фирманъ или сенедъ. Когда Порта отказалась подписать и этотъ актъ, измѣненный согласно ея желаніямъ, русскій посолъ согласился удовольствоваться простою „оффиціальною нотою“, въ видѣ обязательства. Великій визирь Решидъ-паша былъ согласенъ подписать предложенный актъ и даже просилъ англійскаго посла не препятствовать этому. Но лордъ Рэдклифъ категорически отказался исполнить эту просьбу и заставилъ великаго визиря броситься, очертя голову, въ войну съ Россіею. Какъ же не сказать, что не султанъ, но великобританскій посолъ управляетъ Турціею?

„Да позволено намъ будетъ сказать совершенно откровенно англійскому правительству,—писалъ государственный канцлеръ, 20-го апрѣля, барону Бруннову,—что, опасаясь до такой степени неудобствъ конвенціи, будто бы дающей Россіи право вмѣшательства, котораго она не имѣетъ, оно добровольно создаетъ себѣ пугало и сражается съ призракомъ. Неужели можно серьезно думать, что мы нуждаемся въ такомъ актѣ для вмѣшательства въ дѣла Турціи съ цѣлью охраны православныхъ грековъ, если ихъ права, интересы, собственность или жизнь подвергнутся опасности? Право Россіи основывается на неоспоримомъ фактѣ: 50 милліоновъ русскихъ православныхъ не могутъ относиться

---

[1]) Донесеніе барона Бруннова, отъ 13-го (25-го) апрѣля 1853 года.

равнодушно къ судьбѣ 12 милліоновъ православныхъ подданныхъ султана".

По мнѣнію графа Нессельроде, теперь зависитъ отъ англійскаго правительства выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое его поставилъ „сумасшедшій и разъяренный посолъ". „Въ его рукахъ еще находится вопросъ мира или войны". „Согласится ли оно,—спросилъ государственный канцлеръ,—что поведеніе лорда Рэдклифа и совѣты, данные имъ Портѣ, находятся въ открытомъ противорѣчіи съ его обѣщаніями, намъ данными, и, слѣдовательно, согласится ли оно его осудить? Въ такомъ случаѣ, все еще можетъ поправиться. Въ противномъ случаѣ, одинъ Богъ знаетъ, куда насъ поведетъ этотъ печальный исходъ посольства Меншикова, потому что государь ни на волосъ не уступитъ, и занятіе княжествъ послѣдуетъ въ концѣ этого мѣсяца" [1]).

Государственный канцлеръ выразилъ надежду, что великобританское правительство постарается „исправить невѣроятную глупость" лорда Рэдклифа, и не принудитъ государя прибѣгнуть къ рѣшеніямъ, которыя сдѣлаютъ сохраненіе мира совершенно невозможнымъ. Еще есть время для воздѣйствія на Порту; еще имѣются средства для образумленія султана, котораго гибель неминуема въ случаѣ войны.

Однако весьма скоро выяснилось, что эта надежда не имѣла никакого основанія. Когда было получено, въ половинѣ іюня, извѣстіе въ Лондонѣ о вступленіи русскихъ войскъ въ Дунайскія княжества, подъ начальствомъ князя Горчакова, общественное мнѣніе Англіи сильнѣйшимъ образомъ высказалось противъ Россіи. Въ палатѣ лордовъ лордъ Кланрикардъ, бывшій англійскій посланникъ въ С.-Петербургѣ, назвалъ въ своей рѣчи вступленіе русскихъ войскъ въ княжества „актомъ пиратства". Императоръ Николай настолько былъ возмущенъ такимъ выраженіемъ, что приказалъ своему представителю въ Лондонѣ немедленно прекратить всякія оффиціальныя сношенія съ лордомъ Кланрикардомъ. Всѣ политическія партіи были открыто противъ Россіи и требовали противодѣйствія завоевательнымъ планамъ насчетъ Константинополя. Лорды Дерби, Джонъ Россель и Пальмерстонъ соединились вмѣстѣ въ этой общей мысли. „Нашъ лордъ Эбердинъ остался совершенно одинъ", писалъ баронъ Бруновъ графу Нессельроде 17 (29-го) іюня.

Лордъ Эбердинъ выбивался изъ силъ, чтобы остановить обще-

---

[1]) Письмо гр. Нессельроде къ барону Бруннову, отъ 20-го мая (1-го іюня) 1853 г.

ственное мнѣніе Англіи на пути благоразумія и мира. Узнавъ о переходѣ русскими войсками турецкой границы, англійскій премьеръ предупредилъ барона Бруннова, что, вѣроятно, онъ будетъ вынужденъ приблизить англійскую эскадру къ Дарданелламъ. Тогда Англія будетъ принуждена стать на одну линію съ Франціею. Если же французскій флотъ войдетъ въ Дарданеллы, то англійскій долженъ ему послѣдовать, чтобы наблюдать за его дѣйствіями.

Баронъ Брунновъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ остановить Англію на этомъ скользкомъ пути и предупредить открытый союзъ между обѣими морскими державами. Съ этою цѣлью онъ составилъ подробную записку, въ которой замѣчательно ясно былъ изложенъ весь ходъ дипломатическихъ переговоровъ за послѣдніе мѣсяцы по восточному вопросу и убѣдительно доказывалась справедливость требованій Россіи. Эту записку русскій посланникъ вручилъ лордамъ Эбердину и Кларендону. Оба англійскіе министра должны были признать, что ничего не могутъ возразить противъ аргументаціи русскаго посланника. Императоръ Николай I былъ въ восторгѣ отъ этого замѣчательнаго труда барона Бруннова и сдѣлалъ на немъ собственноручно слѣдующую надпись:

„Невозможно лучше изложить настоящее положеніе вопроса. Этотъ актъ одинъ изъ наилучше написанныхъ, которые мнѣ когда либо приходилось читать, и я благодарю за него Бруннова. Это превосходно. Да, это такъ. Это совершенная правда. Господь Богъ рѣшитъ, что̀ должно произойти, но моя совѣсть спокойна, ибо я не имѣю себѣ сдѣлать никакихъ упрековъ и, рано или поздно, истина должна одержать верхъ надъ подлыми клеветами" [1]).

Къ крайнему сожалѣнію, уже прошло время, когда талантливо и убѣдительно написанными записками можно было остановить ходъ событій. Англійскій премьеръ добросовѣстно старался предупредить неизбѣжный разрывъ съ Россіею. Убѣдившись въ зловредной дѣятельности лорда Рэдклифа, онъ рѣшилъ перенести центръ тяжести дипломатическихъ переговоровъ изъ Константинополя въ С.-Петербургъ. Онъ предложилъ въ совѣтѣ министровъ отправить въ С.-Петербургъ лицо, пользующееся исключительнымъ авторитетомъ и довѣріемъ, для личныхъ переговоровъ съ русскимъ царемъ. Такимъ чрезвычайнымъ посломъ долженъ былъ быть лордъ Грэнвилль. Кромѣ того, лордъ Эбердинъ предложилъ проектъ новой конвенціи между Россіею и Турціею,

[1]) Донесеніе и меморандумъ барона Бруннова, отъ 20 мая (1-го іюня) 1853.

который могъ бы быть принятъ обѣими державами. Далѣе, онъ подалъ мысль о личной перепискѣ между царемъ и англійскою королевою, для лучшаго выясненія всѣхъ политическихъ вопросовъ.

Но, къ сожалѣнію, всѣ эти благія начинанія не привели къ желанной цѣли. Въ совѣтѣ англійскихъ министровъ не были одобрены ни мысль лорда Эбердина о личной перепискѣ между главами государствъ, ни предложеніе отправить въ С.-Петербургъ чрезвычайнаго посла. Однако, эти добрыя намѣренія англійскаго перваго министра заставили императорское правительство и барона Бруннова сказать, въ концѣ іюня, что „по всей вѣроятности мы выйдемъ съ честью и миромъ изъ восточнаго кризиса".

Государственный канцлеръ былъ чрезвычайно радъ мысли лорда Эбердина о заключеніи, при посредничествѣ Англіи и Австріи, конвенціи съ Турціею. „Намъ нужно надѣяться,—писалъ онъ, 4 (16-го) іюня барону Бруннову,—что настоящій кризисъ разрѣшится безъ серьезнаго нарушенія мира, посредствомъ соглашенія, соотвѣтствующаго какъ нашему достоинству, такъ и интересамъ православія. Вотъ почему государь вамъ поручаетъ употребить всѣ ваши усилія для утвержденія великобританскаго кабинета въ его мысли сдѣлать намъ свои предложенія чрезъ посредство вѣнскаго двора... Изъ всѣхъ способовъ покончить съ кризисомъ ни одинъ не соотвѣтствуетъ больше нашимъ желаніямъ, какъ конвенція, придуманная лордомъ Эбердиномъ".

Барону Бруннову государь справедливо приписывалъ всю заслугу такого благопріятнаго оборота дѣлъ и поручилъ государственному канцлеру выразить ему его монаршую признательность за „тактъ, искусство и умъ", съ которыми онъ велъ эти чрезвычайно важные и сложные дипломатическіе переговоры.

Но эта надежда на мирное разрѣшеніе возникшаго кризиса была весьма непродолжительна. Сообщенный сэромъ Гамильтономъ Сэймуромъ англійскій проектъ русско-турецкой конвенціи былъ признанъ въ С.-Петербургѣ весьма неудовлетворительнымъ: онъ не столько подтверждалъ права Россіи, сколько ихъ видоизмѣнялъ и ограничивалъ. Самая редакція проекта была признана „неясною, запутанною и многорѣчивою".

Императорское правительство не нашло возможнымъ одобрить англійскій проектъ конвенціи. Но, съ другой стороны, его чрезвычайно затрудняла неотложная необходимость сказать это откровенно англійскому правительству, во главѣ котораго стоялъ „единственный другъ" Россіи—лордъ Эбердинъ. Императоръ Николай I все-таки рѣшился предпочесть англійскому проекту придуманную вѣнскимъ кабинетомъ (въ добросовѣстность котораго онъ еще

вѣрилъ) дипломатическую ноту, въ видѣ ультиматума, которую Порта должна была подписать. Англійскому же кабинету было дано понять, что лучшее средство для мирнаго разрѣшенія кризиса, это—немедленное отозваніе лорда Рэдклифа изъ Константинополя [1]).

Представитель Россіи при лондонскомъ дворѣ не поддавался отчаянію, но энергически старался парализовать всѣ происки французскаго правительства въ Лондонѣ и его друзей въ средѣ англійскихъ министровъ. Однако его усилія далеко не увѣнчались желательнымъ успѣхомъ. Англійскій флотъ вошелъ въ Дарданеллы, и баронъ Брунновъ былъ счастливъ, что ему удалось предупредить соединеніе англійской эскадры съ судами французской эскадры, которыя также вошли въ Мраморное море.

По поводу такого нарушенія конвенціи о проливахъ 1841 г. между представителемъ Россіи и первымъ министромъ Англіи произошелъ обмѣнъ мыслей относительно этого знаменитаго акта, заслуживающій и въ настоящее время самаго серьезнаго вниманія. Лордъ Эбердинъ обратился къ барону Бруннову, какъ главному творцу конвенціи 1841 года, съ слѣдующимъ вопросомъ:

„Я бы желалъ,—сказалъ онъ, въ началѣ іюня, барону Бруннову,—чтобъ вы мнѣ высказали ваше мнѣніе насчетъ буквальнаго смысла трактата 1841 года, вами подписаннаго. Возникло разногласіе въ толкованіи этого трактата. Насъ увѣряютъ, что въ силу этого акта мы обязаны придти на помощь Турціи, если ея спокойствію угрожаетъ опасность. Въ какомъ смыслѣ понимаете вы этотъ актъ“?

Баронъ Брунновъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, подобнаго обязательства не существуетъ ни для одной изъ договорившихся державъ. Во время заключенія трактата 1841 г., дѣйствительно, думали включить въ него особенную статью о гарантіи. „Но,—продолжаетъ баронъ Брунновъ,—я воспротивился этому. Эта мысль исходила не отъ Англіи, но отъ уполномоченнаго Австріи. Лордъ Пальмерстонъ помогъ мнѣ, чтобъ устранить это предложеніе... Стало быть, съ согласія и при помощи великобританскаго правительства мысль о включеніи въ трактатъ статьи объ особенной гарантіи была опровергнута и, въ концѣ концовъ, оставлена. Въ предисловіи этого трактата выражается *желаніе* о сохраненіи неприкосновенности Турціи, но вовсе не устанавливается *обязательства*. Вводное объ этомъ соображеніе не

---

[1]) Письма графа Нессельроде къ барону Бруннову, отъ 18 (30-го) іюля, 1 (13-го) августа и 29 августа (10-го сентября) 1853 г.

есть, строго говоря, обязательство. Это—предисловіе къ постановленію, *исключительно относящемуся къ закрытію проливовъ въ мирное время*"! [1])

Въ іюнѣ 1853 г., англійскій премьеръ убѣдился доводами русскаго посланника и согласился съ нимъ въ томъ, что только съ нарушеніемъ конвенціи 1841 г. англо-французскія военныя суда могутъ проходить чрезъ проливы. Выслушавъ вышеприведенныя соображенія барона Бруннова, лордъ Эбердинъ еще разъ подтвердилъ свое непоколебимое рѣшеніе подать въ отставку. Съ чувствомъ „глубокой грусти" онъ сказалъ посланнику: „Тотъ человѣкъ, который повергнетъ міръ въ пропасть несчастія за дѣло, которое я лично считаю несправедливымъ, приметъ на себя отвѣтственность, которую я, по совѣсти, не хочу на себя принять. Я не кончу своей карьеры войною,—войною революціонною,—войною, которая низвергнетъ общественный порядокъ. Мое рѣшеніе принято. Я не начну такой войны. Въ этомъ будьте вполнѣ увѣрены". Въ такомъ удрученномъ состояніи духа постоянно находился англійскій первый министръ въ продолженіе 1853 г. Но любопытно, что бывали у него и свѣтлыя минуты, когда онъ надѣялся, что войны все-таки не будетъ, и что весь кризисъ кончится мирнымъ соглашеніемъ между Россіею и Англіею о раздѣлѣ оттоманской имперіи!

Въ этомъ смыслѣ высказался лордъ Эбердинъ еще въ августѣ мѣсяцѣ, почти наканунѣ объявленія войны Турціею Россіи.

„Дай Богъ,—сказалъ лордъ Эбердинъ барону Бруннову,—чтобъ мы поскорѣе вышли изъ настоящей дилеммы, въ которую мы попали вопреки нашему желанію. Тогда нашъ путь въ будущемъ опять будетъ свободенъ отъ препятствій, и мы опять можемъ довѣриться другъ другу. Это будетъ необходимо для насъ, если возникнутъ въ отношеніи Турціи затрудненія, которыя я предвижу. *Я пересталъ вѣрить, чтобъ она могла додержаться. Она слишкомъ истощена.* Я всегда думалъ, что мы не проживемъ достаточно долго, чтобъ заниматься этою случайностью. *Въ настоящее время она мнѣ кажется весьма близкою.* Постараемся только освободиться, прежде всего, отъ настоящаго кризиса, чтобъ имѣть впослѣдствіи лучшую точку отправленія".

Не трудно себѣ представить, какое глубокое впечатлѣніе эти признанія англійскаго перваго министра должны были произвести на императора Николая I, который не уставалъ доказы-

---

[1]) Донесеніе барона Бруннова, отъ 3 (15-го) іюня 1853 г.

[2]) Письмо барона Бруннова, отъ 12-го (24-го) августа 1853 г.

вать неминуемость кончины оттоманской имперіи и неизбѣжность раздѣла турецкихъ владѣній. Государь былъ удивленъ и обрадованъ откровенностью лорда Эбердина. Онъ нѣсколько разъ подчеркнулъ вышеозначенныя слова лорда относительно паденія оттоманской имперіи и написалъ напротивъ нихъ только одно слово: „*Enfin!!!!!!*". Это слово было весьма краснорѣчиво.

Баронъ Брунновъ менѣе удивлялся откровенности лорда Эбердина, зная его впечатлительный характеръ и искреннѣйшее желаніе поддерживать миръ. Но онъ считалъ своимъ долгомъ предупредить свое правительство о крайней неустойчивости характера англійскаго премьера и о повальной враждебности англичанъ къ Россіи.

„Мы переживаемъ тяжелый кризисъ,—писалъ онъ, 30-го сентября (12-го октября), графу Нессельроде,—когда дурные дни смѣняются проблесками надежды. Въ продолженіе этой перемежающейся лихорадки у Англіи то бредъ, то возвратъ сознанія. Не спрашивайте меня, что̀ изъ двухъ одержитъ наконецъ верхъ"... „Лордъ Эбердинъ,—продолжаетъ Брунновъ,—умоляетъ государя помочь ему спасти на этотъ разъ миръ. По его мнѣнію, распаденіе Турціи есть событіе, которое очень недалеко".

Впрочемъ, по мнѣнію барона Бруннова, удержать Англію на скользкомъ пути, на который она вступила, будетъ почти невозможно, потому что кризисомъ въ восточномъ вопросѣ воспользовались политическія партіи, для которыхъ „турки служатъ только предлогомъ". На самомъ же дѣлѣ, виги во что бы то ни стало желаютъ освободиться отъ лорда Эбердина и потомъ выбросить за бортъ и приверженцевъ партіи Пиля. „Это—миверная интрига сераля!—восклицаетъ баронъ Брунновъ,—и общественное мнѣніе, извращенное этими проклятыми газетами, вопитъ за войну".

Позволительно сомнѣваться въ основательности такой оцѣнки политическаго кризиса 1853 г. Едва ли борьба политическихъ партій въ Англіи была единственною причиною враждебнаго настроенія англійскаго народа противъ Россіи. Едва ли желаніе лордовъ Дерби и Пальмерстона вырвать власть изъ рукъ лорда Эбердина могло привести къ открытой войнѣ съ Россіею. Самъ баронъ Брунновъ неоднократно указывалъ на другія, болѣе глубокія, причины. Признать крымскую войну результатомъ „миверной интриги сераля"—едва ли было справедливо. Но эта оцѣнка восточнаго кризиса, въ которой звучитъ чувство явнаго презрѣнія, очень понравилась императору Николаю I, написавшему противъ словъ: „интрига сераля" только одно слово: „*voilà!*".

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что чувства презрѣнія или досады рѣдко и не надолго завладѣвали представителемъ Россіи при лондонскомъ дворѣ: онъ не только выбивался изъ силъ, чтобъ остановить Англію отъ разрыва съ Россіею, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣми силами старался убѣдить свое собственное правительство въ абсолютной необходимости поддерживать миръ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія письмо его къ государственному канцлеру, отъ 20-го мая (1-го іюня) 1853 г., въ которомъ онъ замѣчательно вѣрно разрѣшаетъ роковой вопросъ: какую пользу можетъ принести Россіи война изъ-за христіанскихъ подданныхъ султана? На этотъ старый и все-таки современный вопросъ баронъ Брунновъ даетъ слѣдующій отвѣтъ:

„Война,—пишетъ онъ,—разрушитъ оттоманскую имперію. Она обратитъ въ клочки тотъ самый кайнарджійскій трактатъ, который мы признаемъ себя обязанными сохранять въ цѣлости. Она создастъ на развалинахъ Турціи всевозможныя новыя государства, которыя будутъ въ отношеніи насъ столь же неблагодарны, какъ была Греція, и которыя настолько же будутъ неудобны для насъ, какъ Дунайскія княжества въ настоящее время; и, что еще хуже, она создастъ въ будущемъ такой порядокъ вещей, при которомъ наше вліяніе еще больше будетъ встрѣчать противодѣйствія и будетъ ограничиваемо соперничествомъ со стороны Франціи, Англіи и даже Австріи, чѣмъ было до сихъ поръ во время господства турокъ.

„Слѣдовательно, война въ своихъ конечныхъ результатахъ не можетъ принести никакой пользы нашимъ прямымъ интересамъ. Мы будемъ проливать нашу кровь и тратить наши деньги для того, чтобъ король Оттонъ пріобрѣлъ Θессалію; чтобъ англичане забрали нѣсколько новыхъ островов, имъ удобныхъ; чтобы французы имѣли въ этомъ дѣлежѣ свою часть, и чтобъ оттоманская имперія замѣнилась независимыми государствами, которыя сдѣлаются для насъ или обременительно покровительствуемыми, или враждебными сосѣдями.

„Вотъ, по моему мнѣнію, вѣроятный результатъ войны. Если нужно, мы должны ее предпринять. Но если есть средство избѣгнуть ея, то, я думаю, это было бы лучше, ибо тамъ, гдѣ ничего нельзя выиграть, мнѣ кажется, скорѣе можно что-нибудь потерять".

Баронъ Брунновъ сознается, что на всѣ эти соображенія его навели бесѣды съ представителемъ Греціи при лондонскомъ дворѣ, который искреннѣйше желалъ возникновенія войны, всю

тяжесть которой должна принять на себя Россія и всѣ выгоды отъ которой надѣется получить византійская имперія.

„Это греческое рвеніе,—заключаетъ свое письмо баронъ Брунновъ,—чрезвычайно меня охлаждаетъ въ виду интересовъ Россіи... Я принадлежу къ числу тѣхъ, которые убѣждены, что Россія существуетъ для самой себя, и что она родилась не для прекрасныхъ глазъ Ѳемистокла“!

Нельзя не признать въ вышеприведенныхъ соображеніяхъ барона Бруннова весьма трезваго и глубокаго пониманія насущныхъ интересовъ Россіи въ области пресловутаго восточнаго вопроса. Но вѣчная и неизмѣнная истина, что Россія существуетъ для русскихъ, а не для турецкихъ христіанъ, не предупредила, въ 1853 году, кровопролитной войны и не остановила, 24 года спустя, совершенія новыхъ геройскихъ подвиговъ со стороны русскаго народа на пользу „неблагодарныхъ“ христіанскихъ народовъ оттоманской имперіи.

IV.

Въ 1853 году, событія шли исполинскими шагами къ своей развязкѣ. Когда англійская и французская эскадры вошли въ Дарданеллы, и лордъ Эбердинъ оправдывалъ такое открытое нарушеніе конвенціи 1841 года необходимостью спасти тронъ самого султана отъ взрыва мусульманскаго фанатизма, баронъ Брунновъ весьма тонко замѣтилъ премьеру, что русскія войска не могутъ покинуть Дунайскихъ княжествъ, ибо мѣстное христіанское населеніе также должно бояться взрыва мусульманскаго фанатизма. Сверхъ того, присутствіе англо-французскаго флота предъ Константинополемъ должно скорѣе вызвать фанатизмъ мусульманъ, нежели его усмирить. Наконецъ, баронъ Брунновъ энергически протестовалъ противъ нарушенія конвенціи 1841 года, доказывая, что такъ какъ еще нѣтъ войны между Россіею и Турціею, то султанъ не имѣлъ права призывать на помощь англійскій и французскій флоты.

Лордъ Эбердинъ выслушалъ всѣ эти возраженія представителя Россіи „съ грустью и уныніемъ“. „Безполезно было его убѣждать,—продолжаетъ баронъ Брунновъ.—Онъ уже былъ убѣжденъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, было равнымъ образомъ излишне стараться уговорить его слѣдовать по лучшему пути, ибо онъ уже чувствуетъ, что приближается конецъ его политической карьеры. Вотъ, г. государственный канцлеръ, истина о настоящемъ положеніи вещей“.

Впрочемъ, несмотря на поступательное осложненіе политическихъ дѣлъ на Востокѣ, англійскій премьеръ не терялъ надежды, что все-таки войны Англіи съ Россіею не будетъ. Онъ не могъ остановить турокъ отъ объявленія войны Россіи, но онъ остановилъ своихъ коллегъ по министерству, требовавшихъ вступленія англо-французскихъ судовъ въ Черное море. Онъ радовался свиданіямъ трехъ монарховъ: Россіи, Австріи и Пруссіи, въ Ольмюцѣ и Варшавѣ, надѣясь, что миръ будетъ обезпеченъ на самыхъ незыблемыхъ основаніяхъ. Лордъ Эбердинъ самъ признавался, что его считали продавшимся Россіи, но онъ все-таки неутомимо старался отыскивать новыя средства для примиренія съ Турціею. Онъ изобрѣлъ проектъ новой ноты отъ имени четырехъ державъ къ Портѣ, въ которой послѣдней настоятельнымъ образомъ совѣтуется примириться съ Россіею. Когда его одолѣло сомнѣніе насчетъ успѣха этого шага, онъ пришелъ къ убѣжденію, что вѣнскій кабинетъ долженъ принять на себя главную роль въ дипломатическихъ переговорахъ съ цѣлью усмирить расходившуюся Турцію. Наконецъ, послѣднимъ и единственнымъ якоремъ спасенія для лорда Эбердина осталось великодушіе русскаго государя, и къ этому великодушію онъ неоднократно обращался чрезъ барона Бруннова и сэра Гамильтона Сэймура.

Представитель Россіи при лондонскомъ дворѣ не отнималъ надежды у англійскаго перваго министра насчетъ великодушнаго терпѣнія своего государя. Но онъ неоднократно ему повторялъ, что всякому терпѣнію бываетъ предѣлъ. Такъ, онъ не могъ одобрить мысли о нотѣ четырехъ державъ, потому что послѣ объявленія войны со стороны Турціи и послѣ пролитія крови въ Европѣ и Азіи, нужно заключить трактатъ мира, а не подписывать дипломатическую ноту. Баронъ Брунновъ зналъ, что долготерпѣніе государя и его равнодушіе къ вызову, брошенному Турціею, озадачили многихъ членовъ англійскаго кабинета, которые были вполнѣ убѣждены, что на объявленіе войны со стороны Порты императоръ Николай I отвѣтитъ стремительнымъ наступленіемъ русскихъ войскъ. Между тѣмъ, Россія продолжала сохранять свое оборонительное положеніе.

Самъ лордъ Эбердинъ сознался русскому посланнику, что такое поведеніе государя совершенно поставило въ тупикъ лордовъ Ландсдоуна и Росселя. „Мое желаніе,—сказалъ онъ Бруннову,—заключается въ томъ, чтобъ его величество вполнѣ убѣдился, что его умѣренность въ высшей степени неудобна его противникамъ. Все ихъ желаніе сводится къ тому, чтобы вывести его изъ тер-

пѣнія и заставить его дойти до крайности, чтобы свалить на Россію вину нападенія".

„Это жалкая и коварная (shuffling) политика,—воскликнулъ самъ глава англійскаго правительства, — которая насъ срамитъ (sic!). Въ виду той же цѣли желаютъ вызвать столкновеніе въ Черномъ морѣ, если вашъ флотъ своими движеніями дастъ къ тому поводъ. Я все сдѣлалъ, что въ состояніи, для предупрежденія такого столкновенія. Въ продолженіе зимы это столкновеніе мнѣ кажется мало вѣроятнымъ, если только вы не совершите нападенія на турецкіе порты. Но возможность стычки существуетъ".

Лордъ Эбердинъ не остановился на этихъ откровенностяхъ. Послѣ нѣкотораго молчанія, онъ прибавилъ: „Еслибъ я могъ положиться на Страффорда (Рэдклифа), я былъ бы спокоенъ; но величайшее несчастіе заключается въ томъ, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ, которому не довѣряешь, но безъ котораго нельзя обойтись (sic!). Впрочемъ, я долженъ сказать, что въ самое послѣднее время онъ, кажется, самъ начинаетъ осуждать поведеніе турокъ. Оно его тревожитъ. Вопросъ въ томъ: сохранилъ ли онъ еще достаточно вліянія на нихъ, чтобъ быть въ силахъ ихъ удерживать, когда они уже закусили удила. Это мы скоро увидимъ. Но вотъ чего я боюсь: что эти скоты (sic!) сдѣлаются теперь несговорчивыми. Нужно же имѣть несчастіе быть вынужденнымъ, вопреки желанію, идти въ хвостѣ этихъ скотовъ, которыхъ презираешь, и не имѣть возможности предоставить ихъ собственной ихъ участи" [1]).

Не трудно себѣ представить, какое впечатлѣніе эти откровенности перваго министра Англіи должны были произвести на императора Николая I, который искренно почиталъ эту страну и ея народъ. Трудно было понять, какимъ образомъ глава англійскаго правительства, чувствовавшій такое глубокое презрѣніе къ туркамъ, могъ согласиться связать судьбу своего народа съ судьбою этихъ „скотовъ"! Совершенно непонятно, какъ англійское правительство могло удерживать на посольскомъ постѣ въ Константинополѣ человѣка, дѣятельность котораго признавалась зловредною самимъ англійскимъ премьеромъ. Навсегда останется загадкою рѣшимость Англіи „съ легкимъ сердцемъ" вызвать войну съ Россіею изъ-за турокъ-„скотовъ" и *заставить* Россію, съ 1854 года, неутомимо искать случаевъ вредить, вездѣ

[1]) Весьма секретное донесеніе барона Бруннова, отъ 17-го (29-го) октября 1853 года.

и повсюду, своей старой союзницѣ, чтобы отомстить ей за вопіющую несправедливость крымской войны.

Государственный канцлеръ, графъ Нессельроде, нашелъ только одно объясненіе для такого образа дѣйствія Англіи:—всѣ съ ума спятили въ Англіи! „Можно подумать,—писалъ онъ, 21 сентября (3-го октября), барону Бруннову, — что въ Англіи поголовное сумасшествіе, и что разсудительное хладнокровіе, составлявшее особенное свойство характера англійскихъ государственныхъ людей, совершенно исчезло“.

Въ такомъ заключеніи подтверждали государственнаго канцлера, между прочимъ, пренія по восточному вопросу, происходившія въ англійскомъ парламентѣ. Оказалось, что „абсолютнѣйшій изъ монарховъ Европы“ нашелъ вѣрныхъ союзниковъ и единомышленниковъ только въ средѣ англійскихъ радикаловъ, въ лицѣ Джона Брайта и Ричарда Кобдена, которые неутомимо и краснорѣчиво предостерегали своихъ соотечественниковъ насчетъ неизбѣжно пагубныхъ послѣдствій предстоящей войны. Они имѣли полное основаніе осмѣивать диѳирамбы лорда Пальмерстона о великихъ успѣхахъ Турціи, „за послѣднія тридцать лѣтъ“, на пути культуры и цивилизаціи.

Всѣ эти факты глубоко опечалили императора Николая I и его ближайшаго совѣтника. Они оба не въ состояніи были понять причины того „чувства ненависти и злобы, котораго по совѣсти не заслужила Россія со стороны Англіи, всегда находившей въ насъ вѣрныхъ и часто очень полезныхъ союзниковъ“ [1]).

Между тѣмъ, послѣ объявленія войны Россіи Турціею и прохода англо-французскаго флота въ Мраморное море, военныя дѣйствія между русскими и турецкими вооруженными силами могли каждую минуту принять самый серьезный оборотъ и не ограничиться однѣми стычками, какъ до сихъ поръ. Императоръ Николай I, будучи по природѣ врагомъ всякихъ двусмысленностей, призналъ необходимымъ поставить англійскому правительству категорическій вопросъ: какъ оно думаетъ поступить въ случаѣ серьезнаго столкновенія, на морѣ или на сушѣ, между русскими и турецкими военными силами? Барону Бруннову высочайше было поручено, депешею государственнаго канцлера, отъ 14-го (26-го) октября 1853 г., поставить этотъ роковой вопросъ лорду Эбердину. Баронъ Брунновъ даетъ отчетъ объ исполненіи возложеннаго на него весьма щекотливаго порученія въ доне-

---

[1]) Письмо графа Нессельроде къ барону Бруннову, отъ 20-го октября (1-го ноября) 1853 г.

сеніи отъ 26-го октября (7-го ноября), на которомъ императоръ Николай I надписалъ крупными буквами слова: *„Это подло!“*. Отвѣтъ англійскаго перваго министра до такой степени характеристиченъ, что мы приведемъ его почти цѣликомъ, его же собственными словами. Этотъ отвѣтъ получаетъ совершенно исключительный интересъ, благодаря собственноручнымъ помѣткамъ государя на донесеніи барона Бруннова. Все, что подчеркнуто въ нижеслѣдующемъ отвѣтѣ лорда Эбердина и что поставлено въ скобкахъ, принадлежитъ карандашу императора Николая I.

На поставленный русскимъ посланникомъ вопросъ лордъ Эбердинъ отвѣчалъ слѣдующее: „Англія не имѣетъ намѣренія воевать съ Россіею. Правительство ея великобританскаго величества желаетъ, чтобы разрывъ, если онъ произойдетъ, исходилъ бы отъ насъ, т.-е. Россіи. Оно постарается—не держаться противъ насъ наступающей политики. Оно ничего не предприметъ, чтобъ потревожить насъ въ военномъ положеніи, занимаемомъ нами на лѣвомъ берегу Дуная, *до тѣхъ поръ, пока война не перейдетъ на правый берегъ („и турки могутъ нежданно перейти на лѣвый берегъ! Вотъ парадоксъ, достойный англичанъ!“)*. Оно сочтетъ себя обязаннымъ оказать матеріальную помощь Портѣ только въ томъ случаѣ, если съ моря послѣдуетъ съ нашей стороны, нападеніе на одинъ изъ турецкихъ портовъ на Черномъ морѣ. *Въ послѣднемъ случаѣ англійская эскадра защититъ турецкіе порты противъ наступленія съ нашей стороны. Придерживаясь такого образа дѣйствій, правительство ея великобританскаго величества все еще будетъ утверждать, что оно не находится въ войнѣ съ нами“ („Это подло!“).*

Къ этой любопытнѣйшей декларацiи лордъ Эбердинъ, котораго баронъ Брунновъ и императорское правительство продолжали считать „единственною крѣпкою опорою“ мира Россіи съ Англіею, еще прибавилъ, что англійское правительство „не считаетъ себя въ правѣ предоставить турокъ ихъ судьбѣ, ибо, оставаясь нейтральнымъ во время этой войны, оно вызоветъ неизбѣжное разрушеніе оттоманской имперіи, т.-е. катастрофу, которую Англія желаетъ отсрочить насколько возможно дольше“ *(„Итакъ, это война съ нами! Хорошо!“).*

Передавая доподлинно отвѣтъ главы англійскаго правительства на поставленный ему вопросъ, баронъ Брунновъ не могъ не замѣтить, что рѣшеніе, принятое Англіею, чрезвычайно странно, потому что „оно уничтожаетъ безопасность мира и не признаетъ опасностей войны. Можно сказать, что Англіи недостаетъ ума,

чтобы жить спокойно, и недостаетъ мужества, чтобы сражаться. Вотъ причина ея нерѣшительности и извилистой политики".

Между тѣмъ, англійскій флотъ вмѣстѣ съ французскимъ прошелъ чрезъ Босфоръ въ Черное море, подъ предлогомъ необходимости принять въ Варнѣ англійскихъ и французскихъ консуловъ, покинувшихъ Дунайскія княжества. Съ другой стороны, баронъ Брунновъ, предвидя неизбѣжный роковой исходъ восточнаго кризиса, сдѣлалъ всѣ распоряженія къ отъѣзду изъ Лондона. Ему удалось во-время вынуть изъ англійскаго банка болѣе милліона фунтовъ стерлинговъ, принадлежавшихъ нашей казнѣ. Онъ имѣлъ полное основаніе думать, что если эта сумма останется въ Англіи до объявленія войны, то будетъ конфискована англійскимъ правительствомъ.

Чрезвычайно любопытно, что когда баронъ Брунновъ, нисколько не скрывая отъ англійскаго премьера сдѣланныя имъ приготовленія къ отъѣзду, сказалъ ему, что онъ, вѣроятно, вскорѣ покинетъ свой постъ, лордъ Эбердинъ отвѣтилъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ: „Хорошо, но въ такомъ случаѣ мы не можемъ сказать съ точностью, должны ли мы отозвать Гамильтона Сэймура, или нѣтъ. Я думаю, что онъ останется на своемъ посту, пока вы не распорядитесь его выслать. Здѣсь настаиваютъ на томъ, чтобы разрывъ исходилъ отъ Россіи" [1]).

Даже баронъ Брунновъ, относившійся всегда съ безграничнымъ довѣріемъ и искреннимъ уваженіемъ къ лорду Эбердину, не могъ не воскликнуть, послѣ передачи приведенныхъ словъ лорда Эбердина: „Все это позорно"! Но англійскій премьеръ былъ равнодушенъ. Онъ только немного призадумался, когда русскій посланникъ прочелъ ему слѣдующія слова изъ письма графа Нессельроде, отъ 2-го (14-го) ноября: „Система, принятая англійскимъ кабинетомъ, безпримѣрна и неслыханна въ лѣтописяхъ исторіи". Лордъ Эбердинъ призадумался, очевидно не зная: слѣдуетъ ли ему обидѣться, или смѣяться. Онъ не обидѣлся и не засмѣялся, — по крайней мѣрѣ, этого не видно изъ письма барона Бруннова.

Впрочемъ, ни то, ни другое, не измѣнило бы образа дѣйствій англійскаго правительства. Отвѣтъ, данный первымъ министромъ Англіи на поставленный ему представителемъ Россіи вопросъ, долженъ былъ устранить малѣйшее сомнѣніе насчетъ дѣйствительныхъ цѣлей англійской политики. Однако, ни импе-

---

[1]) Письмо барона Бруннова къ графу Нессельроде, отъ 14-го (26-го) ноября 1853 г.

раторъ Николай I, ни государственный канцлеръ графъ Нессельроде все-таки никакъ не хотѣли вѣрить въ возможность войны между Россіею и Англіею. До такой степени она казалась имъ чудовищною и противною какъ всѣмъ историческимъ традиціямъ, такъ и разумнымъ интересамъ обоихъ народовъ. Государь отказался отъ первоначальнаго своего рѣшенія усматривать casus belli во вступленіи англійской эскадры въ Мраморное море. Баронъ Брунновъ былъ уполномоченъ объявить англійскому правительству, что, въ виду объявленія Турціею войны Россіи, конвенція 1841 года о проливахъ перестала существовать, и англо-французскія эскадры могли пройти, по приглашенію султана, чрезъ Дарданельскій проливъ. Но если эти эскадры вступятъ въ Черное море, Россія сочтетъ этотъ случай за casus belli [1]).

Вслѣдствіе всѣхъ вышеприведенныхъ обстоятельствъ императорское правительство принуждено было убѣдиться въ неизбѣжности войны не только съ Турціею, но равнымъ образомъ съ Англіею и Франціею. И такъ какъ лордъ Эбердинъ оказался весьма ненадежною опорою мира съ Россіею, а съ лордомъ Кларендономъ баронъ Брунновъ пересталъ объясняться въ виду явной его „недобросовѣстности", то императору Николаю I осталось, какъ послѣднее средство — личное обращеніе къ королевѣ Викторіи, къ которой онъ всегда питалъ чувства самой искреннѣйшей привязанности и неограниченнаго довѣрія. Правда, онъ не могъ не знать конституціонныхъ тормазовъ, парализующихъ въ весьма значительной степени свободу воли англійской королевы. Но государь все-таки надѣялся, что англійская королева пойметъ его безпредѣльную любовь къ миру и сдѣлаетъ все, что въ состояніи, для предупрежденія окончательнаго разрыва между Россіею и Англіею.

Онъ рѣшился обратиться къ королевѣ Викторіи съ письмомъ, отъ 18-го (30-го) октября, изъ Царскаго-Села, составленнымъ, съ начала до конца, самимъ государемъ. Это письмо отличается большою теплотою чувствъ и, казалось бы, должно было произвести глубокое впечатлѣніе. Мы ограничимся приведеніемъ главнѣйшихъ мѣстъ этого историческаго документа:

„Наканунѣ событій, можетъ быть весьма серьезныхъ, да соизволите ваше величество извинить, если я обращаюсь прямо къ вамъ, съ цѣлью попытаться предупредить бѣдствія, въ устраненіи которыхъ одинаково заинтересованы обѣ наши страны".

Уже давно, чрезъ посредство сэра Г. Сэймура, государь

---

[1]) Депеша графа Нессельроде, отъ 14-го (26-го) октября 1853 г.

обращался къ англійскому правительству для выясненія современнаго положенія и для устраненія „малѣйшаго разногласія между нами“. Тогда англійское правительство вступило въ обмѣнъ мыслей и выражало свои взгляды на восточныя дѣла.

„Будучи такимъ образомъ освѣдомленными въ томъ, чего желаетъ каждая сторона, какой злой рокъ заставляетъ насъ, государыня, дойти до такого открытаго антагонизма въ отношеніи предметовъ, касательно которыхъ, казалось бы, уже впередъ состоялось соглашеніе, ибо мое слово обязало меня предъ вашимъ величествомъ, и я думаю, что слово великобританскаго правительства точно также обязательно для него по отношенію меня. Я обращаюсь къ справедливости, къ сердцу вашего величества; я полагаюсь на вашу добросовѣстность и мудрость. Благоволите разсудить между нами. Должны ли мы пребывать, какъ я этого горячо желаю, въ добромъ согласіи, одинаково выгодномъ нашимъ обоимъ государствамъ, или же вы полагаете, что англійскій флагъ долженъ развѣваться подлѣ полумѣсяца для борьбы противъ креста Св. Андрея!!!“

Это горячее воззваніе императора Николая I, имѣвшее цѣлью сдѣлать англійскую королеву судьею между нимъ и ея министрами, не могло, въ виду англійскихъ государственныхъ порядковъ, достигнуть желаннаго результата. Отвѣтъ королевы Викторіи, отъ 14-го ноября 1853 г., былъ чрезвычайно любезенъ, но очевидно продиктованъ неумолимыми законами конституціоннаго правленія Англіи.

На письмѣ англійской королевы имѣется слѣдующая собственноручная надпись императора Николая I: „Это очень дружелюбно, но ничего не рѣшаетъ“.

Королева Викторія усматриваетъ, подобно государю, въ полной откровенности лучшее средство для сохраненія „совершенно искренней дружбы“. Она снова прочла всѣ конфиденціальныя сообщенія, сдѣланныя государемъ чрезъ сэра Г. Сэймура, равно и отвѣты на нихъ англійскаго правительства. И хотя обнаружилось „весьма осязательное разногласіе“ между взглядами государя и королевы, тѣмъ не менѣе русская записка, отъ 3-го (15-го) апрѣля, „устранила, самымъ счастливымъ образомъ, существовавшія прискорбныя недоразумѣнія, ибо она удостовѣрила меня, что если мы и несогласны насчетъ состоянія здоровья оттоманской имперіи, то согласны, однако, относительно необходимости дать ей жить, не предъявлять ей никакихъ унизительныхъ требованій, съ тѣмъ, чтобы всѣ дѣйствовали точно такъ же, и чтобы никто не пользовался ея слабостью для пріобрѣтенія исключительныхъ выгодъ“. Королева была обрадована согласіемъ

царя дѣйствовать вмѣстѣ съ Англіею для достиженія указанной общей цѣли.

Королева Викторія имѣетъ непоколебимое довѣріе къ данному государемъ слову. и очень желала бы, чтобы это ея убѣжденіе было раздѣляемо всѣми.

„Но,—продолжаетъ королева,—какъ бы ни были чисты мотивы, направляющіе дѣйствія даже самаго высокаго, по своему характеру, государя, все-таки вашему величеству извѣстно, что личныя качества недостаточны въ международныхъ сдѣлкахъ, коими одно государство связываетъ себя въ отношеніи другого торжественными обязательствами, и истинныя намѣренія вашего величества навѣрное были непоняты и плохо истолкованы".

Россія предъявила Турціи свои требованія, основываясь на статьѣ VII-й кучукъ-кайнарджійскаго трактата. Королева обратилась, для выясненія дѣйствительнаго смысла этой статьи, къ наиболѣе компетентнымъ лицамъ, и кромѣ того она сама изучала эту статью. И вотъ заключеніе, къ которому она пришла [1]):

„Я пришла къ убѣжденію, что эта статья совсѣмъ не поддается такому распространенію, какое хотѣли ей дать. Всѣ друзья вашего величества увѣрены, какъ и я, въ томъ, что *вы никогда не злоупотребили бы властью, которая вамъ была бы такимъ образомъ предоставлена. Но такого рода требованіе едва ли могло (???) быть удовлетворено государемъ, уважающимъ свою независимость" (???).*

Занятіе Дунайскихъ княжествъ русскими войсками вызвало общій переполохъ въ Европѣ, и начавшееся тамъ кровопролитіе возбуждаетъ всеобщія опасенія. Однако, продолжаетъ англійская королева, „безпристрастное вниманіе, съ которымъ я слѣдила за причинами, обусловливавшими до сихъ поръ неуспѣхъ всѣхъ попытокъ примиренія, даетъ *мнѣ твердое убѣжденіе въ томъ, что не существуетъ такого положительнаго препятствія, которое не могло бы быть устранено или скоро побѣждено съ помощію вашего императорскаго величества*". Вотъ почему королева Викторія не теряетъ надежды на сохраненіе мира, ибо, кончаетъ она свое замѣчательное письмо: „я уповаю на Бога, что разъ намѣренія всѣхъ сторонъ чисты и если разумно понятые интересы суть общіе, то Всемогущій не попуститъ, чтобы *вся Европа, заключающая въ себѣ уже безъ того столько вос-*

---

[1]) Всѣ вопросительные знаки и все, чтó подчеркнуто, принадлежитъ карандашу императора Николая I.

пламеняющихся матеріаловъ, была бы „подвергнута всеобщему пожару".

Императоръ Николай I не былъ доволенъ письмомъ англійской королевы. Онъ ожидалъ, что королева осудитъ образъ дѣйствія англійскаго правительства и вступитъ съ нимъ въ непосредственное личное соглашеніе. Но развѣ англійская королева могла иначе отвѣтить, нежели она отвѣтила? Развѣ она могла обнаружить разногласіе со своими министрами, если оно вообще существовало?—Очевидно, нѣтъ. Письмо королевы Викторіи проникнуто чувствомъ искренняго сожалѣнія по поводу совершившагося между Англіею и Россіею опаснаго разлада. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно безупречно съ точки зрѣнія конституціонной монархини.

Съ своей стороны, императоръ Николай I, будучи самодержцемъ съ ногъ до головы, не могъ стать на точку зрѣнія королевы Викторіи и оставить безъ возраженія ея деликатные упреки. Онъ отвѣтилъ ей длиннымъ письмомъ, отъ 4-го декабря, изъ котораго совершенно наглядно выступаетъ основное различіе въ отправныхъ точкахъ зрѣнія. Мы ограничимся приведеніемъ изъ этого письма наиболѣе выдающихся мѣстъ.

Въ началѣ своего письма государь благодаритъ англійскую королеву за довѣріе, съ которымъ она къ нему относилась. „На это довѣріе, думаю, что я имѣю нѣкоторое право. Двадцать-восемь лѣтъ политической жизни, часто подвергавшейся горькимъ испытаніямъ, создали это право, которое, я позволю это высказать, никто не посмѣетъ оспаривать. Я позволю себѣ даже думать, не взирая на все мое сожалѣніе—быть въ этомъ вопросѣ другого мнѣнія, чѣмъ ваше величество, — что въ государственныхъ дѣлахъ и въ отношеніяхъ между народами нѣтъ устоевъ болѣе надежныхъ, чѣмъ слово и личный характеръ государя, ибо вѣдь отъ нихъ, въ концѣ концовъ, зависятъ война и миръ".

Высказавъ въ только-что приведенныхъ словахъ существенное разногласіе, отдѣлявшее самодержца всероссійскаго отъ королевы великобританской, государь приступаетъ къ изложенію доводовъ, заставляющихъ его настаивать на уваженіи Турціею историческаго права Россіи, основаннаго на статьѣ VII-й кучукъ-кайнарджійскаго трактата. Государь признаетъ себя обязаннымъ —добиться, „во что бы то ни стало", уваженія этого права со стороны оттоманской имперіи, ибо „дѣло идетъ о жизненномъ вопросѣ какъ для существованія, такъ и для чести Россіи". Если же изъ-за этого вопроса возникнетъ война, то вина за нее ис-

ключительно падетъ на тѣхъ, кто старался всѣми силами раздуть его до нынѣшнихъ колоссальныхъ размѣровъ.

Равнымъ образомъ, занятіе Дунайскихъ княжествъ произвело въ Европѣ такой „переполохъ“ только потому, что этой „мѣрѣ принужденія“ нарочно старались приписать значеніе „исполненія завоевательнаго плана и территоріальнаго увеличенія,—чего не допускаетъ мое прошлое“.

Средствами для разжиганія восточнаго вопроса послужили: недобросовѣстное толкованіе и умышленное преувеличеніе всякаго слова государя и, „доведя до крайности дѣло, постепенно поставили меня въ положеніе, въ которомъ нѣтъ возможности сдѣлать шага назадъ“..

„Вашему величеству, — кончаетъ свое письмо государь, — угодно было высказать, что вы не сомнѣваетесь въ томъ, что съ моею помощью и не взирая на пролитую уже кровь всетаки еще можно предупредить общій пожаръ. Я не затруднился бы отвѣтить — *да*, еслибъ перестали ставить мнѣ условія, которыхъ я, по чувству чести, никакъ не могу принять; еслибъ настоящая война, начатая турками не только въ княжествахъ, но и въ Азіи, у меня, на моей собственой территоріи, не привела въ своемъ развитіи къ такимъ звѣрствамъ, какія уже совершены азіатскими полчищами султана; еслибъ, наконецъ, положеніе вещей, уже безъ того слишкомъ натянутое, не сдѣлалось еще болѣе серьезнымъ вслѣдствіе морскихъ мѣропріятій, которыя болѣе непосредственно, чѣмъ было до сихъ поръ, имѣютъ характеръ угрозы и даже вражды“... „Уступить передъ опасностью,—заключаетъ государь съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, — было бы хуже самой опасности, и благородное сердце вашего величества навѣрное должно это понять“.

V.

Откровенное письмо императора Николая I къ англійской королевѣ не произвело ни малѣйшаго дѣйствія на ходъ событій. Напротивъ, блестящая синопская побѣда, одержанная русскимъ флотомъ надъ турецкимъ въ ноябрѣ 1853 г., привела неизбѣжно къ полному разрыву между Россіею и Англіею. Трудно себѣ вообразить впечатлѣніе, которое произвело въ Англіи извѣстіе объ уничтоженіи въ синопской бухтѣ турецкаго флота.

Органы общественнаго мнѣнія Англіи усматривали въ этомъ сраженіи чуть не преступное посягательство на жизнь оттоман-

ской имперіи и въ то же время вызовъ, брошенный въ лицо англійскому народу. Члены англійскаго кабинета серьезно доказывали представителю Россіи, что еслибъ русскій флотъ аттаковалъ турецкій въ открытомъ морѣ, то Англія ничего не возразила бы. Но нападеніе на турецкій флотъ въ турецкомъ портѣ— это преступленіе!

Лордъ Пальмерстонъ, изъ желанія доказать свое несогласіе съ миролюбивою политикою лорда Эбердина, подалъ немедленно въ отставку. При другихъ обстоятельствахъ выходъ въ отставку злѣйшаго врага Россіи могъ бы послужить дѣлу мира и предупредить войну. Но синопская побѣда только послужила лорду Пальмерстону еще для бо́льшаго разжиганія страстей противъ Россіи. Онъ открыто заявлялъ, что синопское сраженіе есть вызовъ, брошенный Англіи! Это мнѣніе вполнѣ раздѣлялъ лордъ Кларендонъ, и оба соединились въ одномъ и томъ же пунктѣ: честь Англіи требуетъ принятія болѣе энергическихъ мѣръ противъ Россіи.

Баронъ Бринновъ не терялъ времени на то, чтобы доказывать неотъемлемое право Россіи воевать повсюду противъ Турціи, объявившей ей войну и нападавшей на русскія войска какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Впрочемъ, никакія юридическія или философскія соображенія не въ состояніи были остановить хода событій.

Въ первыхъ числахъ января 1854 года представители Англіи и Франціи, на словахъ, сообщили государственному канцлеру, что по распоряженію ихъ правительствъ англійскій и французскій флоты вошли въ Черное море для того, чтобъ охранять турецкіе города и берега отъ нападенія со стороны русскихъ морскихъ силъ. Мотивомъ такого распоряженія было выставлено синопское сраженіе, которое оба союзныя правительства признали „безпричиннымъ нападеніемъ“!

Государственный канцлеръ искреннѣйшимъ образомъ былъ возмущенъ этимъ отзывомъ обоихъ союзныхъ правительствъ о блестящей побѣдѣ русскаго флота и энергически протестовалъ противъ такой дерзкой ея оцѣнки. Графа Нессельроде возмущала также безцеремонность, съ которою представители Англіи и Франціи сдѣлали свое словесное заявленіе. По его мнѣнію, „въ лѣтописяхъ дипломатіи“ не отыщется случая, когда на словахъ, а не письменно, дѣлалось оффиціальное сообщеніе, вполнѣ имѣющее значеніе объявленія войны (Депеша гр. Нессельроде къ барону Бруннову, отъ 4-го (16-го) января 1854 года).

Однако, несмотря на вступленіе союзнаго англо-французскаго

флота въ воды Чернаго моря, императорское правительство все-таки не рѣшилось отвѣтить объявленіемъ войны Англіи и Франціи на заявленіе представителей этихъ державъ. Графъ Нессельроде призналъ болѣе благоразумнымъ сдѣлать новую попытку объясниться съ англійскимъ правительствомъ объ условіяхъ, при которыхъ вступленіе англо-французскаго флота въ Черное море можетъ не быть признано за *casus belli*.

Эти условія были слѣдующія:

во-первыхъ, союзныя державы обязываются препятствовать туркамъ совершать нападенія на русскіе порты и берега и не мѣшать сношеніямъ между ними;

во-вторыхъ, „обѣ державы обязываются ограничить дѣйствія своихъ флотовъ обороною турецкихъ портовъ, и

въ третьихъ, мы, съ нашей стороны, обязываемся не нападать на послѣдніе“ [1]).

Исходя изъ предположенія, что англійское и французское правительства сдѣлали Портѣ такое же заявленіе, какъ императорскому правительству, насчетъ прохода чрезъ Босфоръ въ Черное море союзнаго флота, графъ Нессельроде подалъ государю мысль удостовѣриться въ этомъ фактѣ самымъ положительнымъ образомъ раньше, чѣмъ начать военныя дѣйствія противъ Англіи и Франціи. Съ этою цѣлью онъ предложилъ, въ докладѣ отъ 1-го января 1854 года, поручить представителямъ Россіи въ Лондонѣ и Парижѣ обратиться къ подлежащимъ правительствамъ съ формальнымъ вопросомъ, „дѣйствительно ли адмиралы (англійскій и французскій) получили приказаніе предупредить всякое нападеніе со стороны турокъ на русскую территорію и флагъ“? Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ, русскіе посланники въ Лондонѣ и Парижѣ должны немедленно потребовать свои паспорты и выѣхать изъ Англіи и Франціи.

Государственный канцлеръ желалъ такимъ путемъ достигнуть двухъ цѣлей: во-первыхъ, обратить на Англію и Францію всю вину за нарушеніе европейскаго мира, и, во-вторыхъ, не прибѣгать немедленно къ крайнимъ мѣропріятіямъ, но дать еще нѣкоторую отсрочку мирному состоянію между народами.

Государь утвердилъ докладъ государственнаго канцлера слѣдующею собственноручною резолюціею на французскомъ языкѣ —какъ всегда:

„Хотя я очень сомнѣваюсь, чтобы подобное объявленіе было сдѣлано туркамъ, ибо насъ не упустили бы объ этомъ увѣдо-

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ государственнаго канцлера, отъ 19-го ноября 1853 г.

мить, и во французской нотѣ объ этомъ ничего не говорится, но я все-таки соглашаюсь на ваше предложеніе, съ повелѣніемъ Бруннову и Киселеву *потомъ* выѣхать въ 24 часа и предложить всѣмъ русскимъ покинуть оба государства".

На основаніи этой высочайшей резолюціи была составлена общая инструкція, отъ 4-го (16-го) января 1854 года, представителямъ Россіи въ Лондонѣ и Парижѣ, которые, по полученіи ея, вступили между собою въ соглашеніе для исполненія высочайшаго повелѣнія въ одно и то же время и въ одинаковой формѣ.

Въ моментъ полученія барономъ Брунновымъ этой высочайше одобренной важной инструкціи онъ оканчивалъ интересную записку подъ заглавіемъ: „Обзоръ положенія восточныхъ дѣлъ въ январѣ 1854 года". Цѣль этой искусно составленной записки заключалась въ томъ, чтобъ изложеніемъ послѣдняго, наиболѣе критическаго, фазиса восточнаго вопроса оградить отвѣтственность представителя Россіи при лондонскомъ дворѣ и доказать всю несостоятельность англійской политики. Баронъ Брунновъ былъ, даже въ январѣ 1854 года, убѣжденъ, что еслибъ во главѣ англійскаго правительства находились Питтъ, Кастльри или герцогъ Веллингтонъ, то ему навѣрное удалось бы предупредить возникновеніе войны.

„Но что̀ можно сдѣлать съ министрами,—писалъ онъ 1-го (13-го) января 1854 года графу Нессельроде,—которые каждый день мѣняютъ свои мнѣнія. Малѣйшій случай сбиваетъ ихъ съ толку. Они хотятъ и не хотятъ. Синопъ совершенно заставилъ ихъ потерять головы"! Вводя англійскій флотъ въ Черное море, англійскіе министры сами не перестаютъ твердить, что эта „морская шутка" не должна „заходить далеко" и „не продолжится долго". Но зато всѣ они бредятъ о „захватахъ Россіи". „Это манія дня. Она помрачаетъ всѣ умы и порабощаетъ всѣ воли въ этой странѣ".

Общее заключеніе, къ которому пришелъ баронъ Брунновъ въ своей запискѣ относительно политики Англіи, можно видѣть изъ слѣдующихъ его словъ: „Печальное зрѣлище видѣть, какъ такое великое государство, какъ Англія, очертя голову бросается въ войну, благодаря которой она одновременно дѣлается опорою Турціи, ею презираемой, союзницею Франціи, которой она не довѣряетъ, и врагомъ Россіи, которую она ненавидитъ, сама не зная почему".

Получивъ инструкцію государственнаго канцлера, отъ 4-го (16-го) января, баронъ Брунновъ немедленно отправился къ

лорду Эбердину и вручилъ ему копію съ депеши графа Нессельроде, въ которой изложенъ былъ протестъ России противъ вмѣшательства западныхъ державъ въ споръ между Россіею и Турціею. Это было 11-го (23-го) января.

Англійскій первый министръ не отрицалъ основательности соображеній русской ноты. Тогда баронъ Брунновъ покорнѣйше просилъ лорда Эбердина отвѣтить на слѣдующіе два вопроса:

„Во-первыхъ, не правда ли, что русскій флагъ и берегъ, съ одной стороны, и турецкій флаги и берегъ, съ другой, взаимно не будутъ объектомъ какого-либо нападенія"?

„Во-вторыхъ, не правда ли, что касательно свободныхъ сообщеній между портами существуетъ полное равенство между обѣими воюющими сторонами"?

Въ разъясненіе истиннаго смысла и значенія обоихъ вопросовъ русскій посланникъ прочелъ лорду Эбердину депешу графа Нессельроде, приказывавшую ему немедленно покинуть Англію, если полученные отъ англійскаго правительства отвѣты будутъ неудовлетворительны.

Англійскій первый министръ былъ видимо затрудненъ категорическими вопросами представителя России и сознался, что обѣ западныя державы намѣрены „благопріятствовать турецкому флагу", и что англійскій и французскій адмиралы имѣютъ секретное приказаніе помогать туркамъ перевозкою ихъ войскъ и военной аммуниціи.

Баронъ Брунновъ энергически протестовалъ противъ такого образа дѣйствій и потребовалъ, особенною нотою къ лорду Кларендону, объясненія по двумъ приведеннымъ вопросамъ. Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ отвѣтъ совершенно идентичный съ отвѣтомъ, даннымъ французскимъ правительствомъ Киселеву. Это было 20-го января (1-го февраля) 1854 года. Въ отвѣтахъ былъ констатированъ союзъ между Англіею и Франціею противъ России.

Получивъ такой отвѣтъ, баронъ Брунновъ немедленно объявилъ, что онъ прекращаетъ дипломатическія сношенія съ англійскимъ правительствомъ и со всѣми членами русской миссіи выѣзжаетъ изъ Англіи.

Черезъ нѣсколько дней, сдѣлавъ всѣ распоряженія къ отъѣзду изъ Лондона, баронъ Брунновъ пришелъ къ лорду Эбердину прощаться. Русскій посланникъ питалъ къ этому англійскому государственному человѣку чувства искренняго уваженія. Но на пути къ нему, при такихъ грустныхъ обстоятельствахъ, онъ не могъ не вспомнить словъ лорда Эбердина, что никогда не будетъ

войны между Англіею и Россіею, и что, во всякомъ случаѣ, онъ не останется министромъ. Теперь же началась война между обѣими многовѣковыми союзными и дружескими державами—и лордъ Эбердинъ остался министромъ-премьеромъ. Весьма любопытно было это послѣднее свиданіе между двумя давнишними друзьями.

Баронъ Брунновъ нашелъ лорда Эбердина въ весьма печальномъ настроеніи, и послѣдній сталъ изливаться въ горькихъ самому себѣ упрекахъ. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что не оставилъ англійскаго флота у острова Мальты и согласился послать его въ Безикскую бухту; что не отправилъ лорда Грэнвилля въ Петербургъ, послѣ неудачнаго исхода миссіи князя Меншикова, для личныхъ переговоровъ съ царемъ, и что, наконецъ, мало-по-малу пошелъ по пути, который привелъ Англію къ войнѣ.

Но добродушный лордъ Эбердинъ, несмотря на объявленіе войны, все-таки не отказывалъ себѣ въ удовольствіи не вѣрить въ войну. „Это невозможно"! — сказалъ онъ возвышеннымъ голосомъ представителю Россіи. — Я не хочу этому вѣрить. Это была бы чудовищная война и бѣдствіе, которое можетъ принести пользу только духу революціи и опечалить всѣ порядочныя правительства".

Баронъ Брунновъ не могъ побороть этой его увѣренности, что войны нѣтъ между Россіею и Англіею. Ему осталось только одно — проститься и выѣхать изъ Англіи. Вскорѣ гулъ пушекъ дошелъ съ Чернаго моря до Лондона и долженъ былъ убѣдить перваго министра Англіи, что война съ Россіею не можетъ быть отрицаема.

Гораздо проще было прощаніе барона Бруннова съ лордомъ Кларендономъ. Они пожали другъ другу руки и сказали: — до скораго свиданія! (Донесеніе барона Бруннова, отъ 25 января (6-го февраля) 1854 г.).

Послѣ отъѣзда барона Бруннова изъ Лондона, сэру Гамильтону Сэймуру было препровождено его правительствомъ приказаніе покинуть Петербургъ. Государственный канцлеръ нисколько не сожалѣлъ о томъ, что прекратились его личныя сношенія съ этимъ англійскимъ посланникомъ.

———

VI.

Такимъ образомъ кончилась, 26 января (6-го февраля) 1854 года, въ день выѣзда изъ Англіи, дѣятельность барона Бруннова при лондонскомъ дворѣ, которая возобновилась только послѣ парижскаго мирнаго конгресса 1856 года.

Изъ Лондона баронъ Брунновъ отправился, чрезъ Брюссель, въ Дармштадтъ, гдѣ онъ желалъ поселиться. Но, по высочайшему повелѣнію, онъ долженъ былъ вернуться въ Брюссель, гдѣ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ Брюсселѣ онъ имѣлъ весьма интересныя бесѣды съ королемъ Леопольдомъ I, которыя подтвердили его убѣжденіе, что Англія вполнѣ находится на буксирѣ Франціи. Императоръ Наполеонъ III систематически проводилъ англійское правительство. Англичане думали, между прочимъ, что война будетъ морскою и потому въ ихъ рукахъ будетъ находиться руководительство всѣми военными дѣйствіями. Наполеонъ III перевелъ центръ тяжести на Крымскій полуостровъ, и первенствующая роль перешла къ французамъ.

Лордъ Эбердинъ и его коллеги по министерству также совершенно ошиблись насчетъ жертвъ, которыхъ потребуетъ война съ Россіею: они думали, что всѣ военныя дѣйствія ограничатся блокадою и бомбардированіемъ русскихъ городовъ и береговъ.

По мнѣнію короля бельгійцевъ, лордъ Эбердинъ былъ совершенно неспособенъ занимать должность перваго министра Англіи. „Дѣйствія перваго министра,—сказалъ онъ барону Бруннову,—противорѣчатъ его убѣжденіямъ. Онъ соглашается поступать дурно, хотя желаетъ добра“. Поэтому онъ лишился всякаго кредита въ своей странѣ. Напротивъ, престижъ лорда Пальмерстона росъ не по днямъ, а по часамъ. Послѣ занятія созданной для него должности военнаго министра, лордъ Пальмерстонъ вполнѣ господствовалъ надъ англійскимъ правительствомъ [1]).

Окончательный разрывъ съ Англіею произвелъ потрясающее впечатлѣніе на императора Николая I, который въ продолженіе своего долгаго царствованія постоянно держался убѣжденія, что Россія и Англія суть устои мира и порядка въ Европѣ. Въ январѣ 1854 года наступилъ моментъ, когда Европа лишилась этихъ устоевъ, благодаря слабости англійскаго правительства и коварству императора Наполеона III. Будучи также глубоко

[1]) Письма барона Бруннова къ графу Нессельроде, отъ 29 апрѣля (11-го мая) и 29 мая (10-го іюня) 1854 года.

убѣжденъ въ неминуемости разрушенія оттоманской имперіи, благодаря возникшей войнѣ, императоръ Николай I постоянно интересовался вопросомъ: что̀ поставить на мѣсто этого разваливающагося государства? Увлекаясь этою мыслью, государь сталъ серьезно относиться даже къ запискамъ главы московскихъ славянофиловъ, М. П. Погодина, въ которыхъ доказывалась неотложная необходимость созданія на развалинахъ Турціи независимыхъ славянскихъ государствъ. Подъ такимъ впечатлѣніемъ императоръ Николай I собственноручно написалъ, на французскомъ языкѣ, записку, въ которой излагается цѣлый планъ дѣйствій въ отношеніи христіанскихъ народностей въ Турціи. Эта записка, написанная въ ноябрѣ 1853 года, заслуживаетъ исключительнаго интереса, и потому мы приведемъ ее почти цѣликомъ.

„Кажется,—пишетъ государь, — что англійское правительство, усердно защищая турокъ, предвидитъ въ ближайшемъ будущемъ невозможность существованія этого государства въ Европѣ и уже составляетъ свои планы о томъ, какимъ образомъ оно могло бы направить противъ насъ послѣдствія этого паденія, *ставъ, можетъ быть, во главѣ освобожденія христіанъ въ Европѣ* [1]) и предоставляя себѣ устроить ихъ бытъ впослѣдствіи такимъ образомъ, чтобъ ихъ будущее существованіе было поставлено въ условія *прямо противоположныя нашимъ наиболѣе важнымъ интересамъ*.

„Развѣ нашъ непреложный долгъ не требуетъ отъ насъ предупредить этотъ подлый разсчетъ посредствомъ объявленія нынѣ же всѣмъ державамъ, что, сознавая безполезность общихъ усилій для приведенія турецкаго правительства къ чувствамъ справедливости и будучи принуждены начать войну, исходъ которой не можетъ быть предусмотрѣнъ, мы остаемся вѣрными провозглашенному уже нами принципу отреченія, если возможно, отъ всякаго завоеванія. Но мы сознаемъ, что наступилъ моментъ для возстановленія въ Европѣ независимости христіанскихъ государствъ, подпавшихъ, много вѣковъ тому назадъ, подъ иго турокъ. Принимая на себя починъ этого святого рѣшенія, мы обращаемся ко всѣмъ христіанскимъ народамъ съ приглашеніемъ присоединиться къ намъ въ этомъ святомъ дѣлѣ. Да не обниметъ оно только христіанъ греко-восточной вѣры, но распространится на судьбу *всѣхъ* безъ различія *христіанъ*, подвластныхъ мусульманамъ въ Европѣ.

„Такимъ образомъ, мы объявляемъ желаніе возстановить дѣй-

---

[1]) Все подчеркнуто самимъ императоромъ Николаемъ I.

ствительную независимость молдо-валаховъ, сербовъ, болгаръ, босняковъ и грековъ. Пусть будетъ возвращено каждому изъ этихъ народовъ пользованіе землею, на которой онъ живетъ въ продолженіе вѣковъ. Пусть каждый народъ управляется своимъ избранникомъ, который *выбирается ими самими и изъ среды своихъ одноплеменниковъ*.

„Я убѣжденъ, что подобное воззваніе или декларація должна внезапно совершенно перемѣнить мнѣніе всего христіанскаго міра и, можетъ быть, привести къ болѣе справедливымъ понятіямъ объ этомъ важномъ событіи и, по меньшей мѣрѣ, вырвать его изъ-подъ исключительнаго и злонамѣреннаго руководительства англійскаго правительства.

„Я не вижу другого средства противъ злой воли англичанъ, ибо невѣроятно, чтобъ они могли, послѣ подобной декларація, еще соединиться съ турками для борьбы противъ христіанъ. Само собою разумѣется, что будущая организація освобожденныхъ провинцій должна быть дѣломъ общаго соглашенія, когда первая цѣль будетъ достигнута. Не подлежитъ сомнѣнію, что это дѣло представитъ еще множество затрудненій. Но они не будутъ непреодолимы — въ этомъ я вполнѣ убѣжденъ. Впрочемъ, если мы успѣемъ въ томъ, *чего желаемъ*, то у насъ будетъ больше шансовъ заставить принять *наши намѣренія* въ остальномъ".

Поставивъ себѣ такую широкую программу дѣятельности, государь выяснилъ себѣ также средства для ея выполненія. Необходимо было немедленно отправить въ европейскія провинціи Турціи свѣдущихъ агентовъ, которые имѣли бы задачею изучить дѣйствительное настроеніе ихъ народонаселенія и выяснить, какой помощи можно отъ нихъ ожидать.

Государственный канцлеръ графъ Нессельроде совершенно не раздѣлялъ, въ данномъ случаѣ, взглядовъ своего государя въ отношеніи средствъ борьбы противъ западной Европы. Съ откровенностью и мужествомъ, дѣлавшими ему великую честь, онъ энергически возражалъ противъ вышеизложеннаго плана дѣйствій, какъ словесно, при личномъ докладѣ, такъ и письменно, въ особомъ докладѣ, имъ самимъ написанномъ. Государь сильно разсердился на своего вѣрноподданнаго и преданнаго совѣтника и, въ концѣ концовъ, противъ желанія, убѣдился въ вѣрности мнѣнія графа Нессельроде и отказался отъ приведенія въ исполненіе своего плана. Это примѣръ изъ многихъ, доказывающихъ, что графъ Нессельроде не задумывался, въ случаѣ надобности, энергично возражать противъ увлеченій или заблужденій обожаемаго имъ монарха.

Докладъ государственнаго канцлера, отъ 8-го ноября 1853 г., написанный имъ въ опроверженіе вышеизложенной записки императора Николая I, заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Мы ограничимся приведеніемъ его главныхъ положеній вмѣстѣ съ письменными возраженіями государя.

Графъ Нессельроде категорически возстаетъ противъ возбужденія христіанскаго населенія Турціи на основаніи слѣдующихъ соображеній. Во-первыхъ, такое возстаніе было бы чрезвычайно опасно для самихъ турецкихъ христіанъ, которыхъ Россія не въ состояніи будетъ защищать противъ турецкихъ звѣрствъ. Во-вторыхъ, планъ государя становится въ разрѣзъ со всею его политикою: никогда онъ не сочувствовалъ принципу національности и возбужденію національностей противъ ихъ законныхъ правительствъ. Наконецъ, въ-третьихъ, такой планъ противорѣчилъ бы самымъ торжественнымъ обѣщаніямъ не желать паденія Турціи.

„Я могу ошибаться, — продолжаетъ государственный канцлеръ,—но мнѣ думается, что наше общее положеніе сдѣлалось бы лучше, еслибъ ихъ (христіанъ) возстаніе было добровольное и было вызвано событіями войны, вмѣсто того, чтобъ быть вызваннымъ или возбужденнымъ нами, въ особенности въ такое время, когда наша отдаленность и недостаточность нашихъ средствъ не дадутъ намъ возможности поддерживать ихъ дѣйствительнымъ образомъ“.

Въ заключеніе, графъ Нессельроде выражаетъ надежду, что весною славяне сами поднимутся противъ турецкаго правительства, и тогда должно имъ оказать возможное содѣйствіе. Но брать на свою совѣсть избіеніе турками возбужденныхъ русскими агентами несчастныхъ христіанъ — турецкихъ подданныхъ, не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ.

Императоръ Николай I былъ весьма недоволенъ откровенностью и аргументаціею записки государственнаго канцлера. Онъ сдѣлалъ свои возраженія на самомъ докладѣ. Изъ нихъ нельзя не вывести заключенія, что, возражая, государь все-таки уступилъ своему испытанному совѣтнику. „Время наступитъ,— писалъ онъ на докладѣ,—когда намъ не только удастся прогнать турокъ съ лѣваго берега Дуная, но когда мы перейдемъ на правый берегъ, т.-е. вѣроятно въ апрѣлѣ 1854 года“.

Противъ этого ничего не возражалъ государственный канцлеръ. Далѣе, государь настаивалъ на собираніи достовѣрныхъ свѣдѣній относительно дѣйствительнаго настроенія христіанскаго населенія Турціи. Съ этимъ былъ согласенъ графъ Нессельроде.

Сверхъ того, государь не соглашался насчетъ опасности и

несвоевременности посылки тайныхъ агентовъ въ Турцію. По его мнѣнію, англичане навѣрное прибѣгнутъ къ этому средству, вызовутъ освобожденіе христіанъ изъ-подъ турецкаго ига и пріобрѣтутъ, въ ущербъ Россіи, ореолъ освободителей христіанъ. Этого допустить нельзя. Однако, государь вполнѣ согласенъ, что посылка тайныхъ русскихъ агентовъ въ Турцію должна зависѣть отъ двухъ условій: во-первыхъ, нужно, чтобъ русскія войска были на правомъ берегу Дуная и, во-вторыхъ, нужно имѣть полную увѣренность въ томъ, что турецкіе христіане не только желаютъ своего освобожденія, но и готовы жертвовать на это святое дѣло своею кровью и жизнью.

Это существенное разногласіе между государемъ и его канцлеромъ должно было окончательно исчезнуть по мѣрѣ развитія военныхъ дѣйствій, приведшихъ къ отозванію русскихъ войскъ изъ предѣловъ Дунайскихъ княжествъ и къ сосредоточенію всей войны на Крымскомъ полуостровѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что баронъ Брунновъ вполнѣ раздѣлялъ въ данномъ случаѣ убѣжденія своего начальника и друга. Крымская война и участіе въ ней Англіи разрушили многіе сокровенные идеалы, которыми онъ жилъ. Вѣроломное поведеніе вѣнскаго кабинета въ отношеніи Россіи глубоко его возмущало, хотя онъ всю вину въ этомъ случаѣ приписывалъ не молодому австрійскому императору, но почти исключительно неспособности австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Буоля. Но онъ настолько былъ проникнутъ традиціонною политикою Россіи въ царствованіе Николая I, что увлеченія Наполеоновскимъ принципомъ національности были для него немыслимы.

Крымская война принесла для барона Бруннова, среди многихъ разочарованій, еще одно особенное—относительно конвенціи о проливахъ 1841 года. Мы выше видѣли, какимъ образомъ онъ толковалъ обязательность этого международнаго акта. Когда, во время войны, чрезъ проливы Дарданельскій и Босфорскій свободно проходили военныя суда и войска воюющихъ противъ Россіи западныхъ державъ, баронъ Брунновъ вспомнилъ, что „наши моряки никогда не были влюблены въ трактатъ о Дарданеллахъ". Онъ же все-таки защищалъ этотъ актъ, потому что былъ убѣжденъ въ его пользѣ, заключающейся въ томъ, что онъ предупреждалъ плаваніе англичанъ и французовъ въ Черномъ морѣ и близъ русскихъ береговъ.

„Вотъ почему, — писалъ баронъ Брунновъ, 30-го августа (11-го сентября) 1854 г., государственному канцлеру,—я продолжаю считать принципъ закрытія проливовъ полезнымъ. Но,

съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что трактатъ 1841 года раздѣляетъ судьбу всѣхъ дипломатическихъ соглашеній. Онъ можетъ оказаться для насъ безполезнымъ именно тогда, когда мы въ особенности въ немъ будемъ нуждаться. Онъ примѣнимъ только во время мира. Возникаетъ усложненіе—прощай трактатъ о Дарданеллахъ! Вотъ что̀ случилось въ прошломъ году, и вотъ что̀ должно повторяться при всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ. Трактатъ отъ 1-го (13-го) іюля вовсе не есть абсолютное средство противъ всѣхъ золъ, могущихъ тревожить Востокъ. Если онъ больше не нуженъ, то я не буду печалиться объ его уничтоженіи".

Во время продолжительной, сверхъ ожиданія, крымской войны баронъ Брунновъ много имѣлъ досуга для размышленія надъ пользою или вредомъ для Россіи трактата о закрытіи Босфорскаго и Дарданельскаго проливовъ. Извѣстно, что въ 1856 и 1871 годахъ, при его личномъ участіи, была вновь подтверждена обязательность международнаго акта 1841 года.

Ф. Мартенсъ.

САМА ПРИРОДА

Бытовой очеркъ, Аллена.

I.

Іюньское солнце пригрѣло Кентукки, и безпечный рой веселыхъ мотыльковъ носился надъ тропинкой, по которой шла молодая дѣвушка между пышно-зеленѣющими берегами широкихъ луговъ.

Дафнѣ еще не было полныхъ восемнадцати лѣтъ, но ея небольшая округленная фигурка уже придавала ей видъ маленькой женщины; и не одна мать, глядя на нее, могла бы съ сожалѣніемъ подумать, что, пожалуй, слишкомъ скоро для этого ребенка миновала пора беззаботнаго дѣтства.

Но этотъ ребенокъ совсѣмъ еще по-дѣтски проворно шагалъ себѣ по тропинкѣ и по зеленому лугу, безпечно напѣвая какую-то веселую пѣсенку. Порой молодая дѣвушка чуть-чуть нагибалась, приподнимая повыше свое голубое платьице, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свои бѣлыя, туго накрахмаленныя юбки, чтобъ не запачкать ихъ дорогой о неопрятные слѣды, оставленные стадами коровъ и овецъ. Да наконецъ, и за высокою травой, за цѣпкой лебедой и павиликой, надо было тоже зорко наблюдать, чтобы онѣ не натворили ей какой-нибудь бѣды; Дафна прекрасно знала, что онѣ цѣпкія, любятъ тѣсно сплетаться: долго ли до грѣха? Того и гляди, запутаешься въ нихъ ногами и упадешь. Она знала твердо свою несчастную способность спотыкаться, и потому всѣ ея мысли были сосредоточены на томъ, чтобы благополучно донести до мѣста свою корзиночку яицъ.

Только одинъ, единственный разъ она остановилась. Не-

вдалекѣ, на воздѣланной нивѣ, слышался звучный, бодрый голосъ молодого фермера. Весело, безучастно ко всѣмъ и ко всему на свѣтѣ разливалась его пѣснь въ чистомъ утреннемъ воздухѣ. Дафна остановилась, послушала съ минуту и равнодушно пошла впередъ своей дорогой; ни до пѣсни, ни до пѣвца ей не было дѣла. Да впрочемъ, ей не было дѣла и ни до чего другого. Ее не привлекали ни окрестные виды, ни вѣчно-лучезарный, синій небосводъ, ни теплый вѣтерокъ, игравшій ея пушистыми кудрями, падавшими ей на шею. А вокругъ нея зеленѣли поля, желтѣли нивы, наливая колосъ, и уходили вдаль ровными полосами; тянулись въ сторонѣ огороды, заботами о которыхъ уже не первый годъ кормились люди всю зиму напролетъ; рыжія коровы мирно паслись, утопая въ глубокой травѣ пригорковъ и холмовъ, поднимавшихся вдали; по краямъ дороги, у самыхъ ногъ, густыми пучками пестрѣли полевыя фіалки и гвоздики; порой ея шаги пугали желтогрудаго жаворонка, и онъ, встрепенувшись, взлеталъ подъ небеса, вдругъ оглашая воздухъ своей долгой серебристой трелью...

Между лугомъ и обработаннымъ полемъ тянулся заборъ, а вдоль него—характерная особенность природы Кентукки—на неравныхъ разстояніяхъ росли деревья. Если бы вы взобрались на верхнюю перекладинку забора и усѣлись на ней, подъ сѣнью одного изъ нихъ, вы увидали бы, что по нивѣ идетъ за плугомъ тотъ самый молодой пѣвецъ, котораго на минуту остановилась послушать дѣвушка.

На немъ были широкіе и высокіе грубые сапоги, въ которые онъ засунулъ края своихъ синихъ штановъ; въ разрѣзѣ его бѣлой бумажной рубахи, которую пузыремъ вздувалъ на спинѣ вѣтеръ, виднѣлась его могучая, красивая грудь. У пояса, какъ и у шеи, его рубаха была плотно притянута, и концы его шейнаго платка съ розовой каймою развѣвались по вѣтру. Его открытые глаза, смотрѣвшіе ясно и безпечно, осѣняла большая старая соломенная шляпа съ отверстіемъ на макушкѣ. Красивый, коренастый юноша наконецъ-то дождался, чтобы надъ его полными, свѣжими губами показался свѣтлорусый пушокъ—предвѣстникъ будущихъ густыхъ усовъ, которыми онъ заранѣе гордился. Старая лошадка—опытный пахарь—шла сама, проводя борозду такъ же ровно и увѣренно, какъ если бы ею управляли. Но Гиларій зналъ, что на нее можно положиться и только слегка придерживалъ рукоятку плуга одной рукой, а другою держалъ петлю, которая поддерживала ножъ, свободно разрѣзавшій землю,

въ которой не встрѣчалось ни камней, ни комковъ... Что же могло помѣшать юному землепашцу заливаться звонкой пѣснью подъ жгучими лучами іюньскаго солнца?

Только разъ, когда онъ прошелъ свою пашню до конца и приподнялъ плугъ, чтобы передвинуть его съ одной борозды на другую, онъ вдругъ замѣтилъ на луговой межѣ чью-то голубую женскую фигурку, которая шла впередъ, удаляясь отъ него съ каждымъ шагомъ. Гиларій тотчасъ же бросилъ свой плугъ и, подойдя къ изгороди, оперся на нее грудью тяжелымъ, лѣнивымъ движеніемъ. Въ его глазахъ всякая женщина стоила вниманія, но и только: болѣе глубокихъ думъ видъ ея не возбуждалъ у него въ умѣ, ни болѣе глубокихъ чувствъ въ душѣ.

Голубая фигурка становилась все меньше и меньше вдали, какъ бы унося съ собой прелесть яснаго утра, ароматъ фіалокъ и свѣжій запахъ душистой полевой травы...

Гиларій вернулся къ своему плугу и къ своимъ пѣснямъ.

II.

На слѣдующее утро Дафна вышла изъ главнаго крыльца отцовскаго дома, часовъ около десяти, съ пустой корзинкою въ рукахъ. Она намѣревалась идти къ теткѣ, и ей это казалось въ ту минуту пріятнѣе, чѣмъ что-либо другое. Дома въ этой части поселенія были разбросаны на разстояніи почти полуторы мили одинъ отъ другого; ихъ соединяла тропинка, по которой одинъ сосѣдъ возилъ или носилъ другому всевозможныя лакомства,— варенье, фрукты, или съѣстное вообще: молочные продукты, зелень, ну, словомъ, все, что можно выпить или съѣсть, и чѣмъ сосѣдъ любитъ дѣлиться со своимъ ближайшимъ, но въ то же время далеко живущимъ отъ него сосѣдомъ. Съ дѣтства для Дафны домъ ея тетки былъ въ той же мѣрѣ „своимъ", какъ и ея собственный, и она привыкла безпрестанно бѣгать то туда, то оттуда. Но вотъ уже годъ или два, какъ Дафна не такъ просто и почему-то не такъ ровно относится къ сосѣдямъ. Глядя на то, какъ она нехотя оперлась на бѣлый столбъ крыльца, можно было угадать въ ней какое-то смутное недовольство и словно нерѣшимость:—идти ли ей туда, или не идти? Вдоль бѣлыхъ столбовъ темнаго крыльца вились дикія розы. Ихъ вѣтки были залиты пышнымъ цвѣтомъ, и отъ нихъ неслось густое жужжаніе. Двѣ пчелы выкатились изъ середины цвѣтка и пронеслись надъ ея головой; Дафна испуганно отскочила въ сторону и сошла

со ступенекъ крыльца; затѣмъ, подойдя къ душистому кустарнику и, наклонившись, сорвала пучокъ полураспустившихся цвѣтовъ, которые прикрѣпила у себя на груди.

Задумавшись, прошла она черезъ скотный дворъ, гдѣ отецъ ея держалъ тупорогихъ телятъ, разведеніе которыхъ было его спеціальностью; затѣмъ, выйдя на лужайку, она пошла по ней впередъ, обѣими руками держась за ручку корзины, которую подталкивала на ходу колѣнками, словно кому-то нà-зло. Въ эту минуту изо всѣхъ развлеченій ей больше всего (судя по ея настроенію) доставило бы удовольствіе побѣжать назадъ къ тупорогимъ телятамъ или привязать одного изъ многочисленныхъ майскихъ жуковъ ниточкой за лапку для того только, чтобы посмотрѣть, какъ онъ будетъ жужжать, и чтобы самой попрыгать, спасаясь отъ его цѣпкихъ лапокъ, когда онъ будетъ бросаться на нее, стараясь вырваться на волю.

Впрочемъ, вообще говоря, насѣкомыя не особенно прельщали Дафну. Положимъ, одинъ разъ она дѣйствительно нагнулась посмотрѣть поближе на поразительно-яркую букашку пурпуроваго цвѣта и даже настолько заинтересовалась ею, что сорвала травку, подождала, пока та не всползла на нее, и съ восхищеніемъ принялась ее разглядывать. Такой порфиры, чего добраго, ни одной королевѣ еще не случалось носить! Но кому какая польза отъ того, что это насѣкомое создано такимъ наряднымъ? И что̀ ей, такой крохотной букашкѣ, понадобилось быть одной тутъ, на лугу?

Дафна вздохнула, и, стряхивая на землю нарядное насѣкомое, задала себѣ такой вопросъ:

„Почему это такъ выходитъ, что, живя на свѣтѣ, гдѣ такое множество людей, я тоже, какъ эта букашка, принуждена идти безъ товарища, одна по широкому лугу“?

Куда бы Дафна ни оглянулась, ничто ей не могло доставить особенной отрады, ничто не скрашивало ей знакомаго однообразія зеленой равнины. Только двѣ точки во всей этой картинѣ привлекли ея вниманіе: кучка овецъ по одну сторону тропинки и молодой фермеръ по другую. Онъ стоялъ, облокотившись на верхнюю перекладину забора, подъ сѣнью кудрявыхъ вѣтвей, и держалъ въ рукахъ свою шляпу, слѣдя глазами за молодою дѣвушкой. Только разъ, когда она взглянула въ его сторону, надѣлъ онъ шляпу и опять-таки для того только, чтобы снять ее, какъ бы безъ словъ говоря ей радушно:

— Съ добрымъ утромъ!

И вдругъ Дафна сама почувствовала такой же приливъ ра-

душія и, подчиняясь своей врожденной привѣтливости, сняла свою шляпу и весело принялась ею махать въ отвѣтъ. Она невольно смѣялась при этомъ, чувствуя, что, вѣроятно, и Гиларій такъ же весело и безпричинно смѣется въ эту самую минуту.

Замѣтивъ, что она увидѣла его, молодой фермеръ принялся ей махать своимъ платкомъ, который, кстати сказать, былъ весь скомканный и влажный; Дафна тотчасъ же вынула изъ-за пояса свой хорошенькій, чистенькій платочекъ и помахала имъ въ отвѣтъ.

Тогда Гиларій поднесъ руки ко рту, вмѣсто рупора́, и что-то громко, старательно крикнулъ ей во слѣдъ. Но она (тоже громко крикнувъ) отвѣчала, что ничего не можетъ разобрать.

Онъ закричалъ еще разъ; и она еще разъ отвѣчала, но такъ же безуспѣшно. Онъ ей крикнулъ опять, еще съ бо̀льшимъ стараніемъ; но она уже больше не стала отвѣчать и, махнувъ рукой нетерпѣливо, рѣшительной походкой пошла прочь.

Но ей очень хотѣлось бы узнать: что̀ онъ такое говорилъ? Онъ такъ усиленно старался, чтобъ она могла разслышать... И Дафна оглянулась. Ей думалось, что если ему такъ ужъ хочется ей что-нибудь сказать, онъ побѣжитъ за нею и нагонитъ, пойдетъ рядомъ и скажетъ непремѣнно. Можно его, пожалуй, подождать....

Но онъ уже принялся за работу...

— Будете на гуляньѣ?

Вотъ все, что̀ онъ такъ старательно кричалъ; и теперь, идя за плугомъ, думалъ о томъ, какъ хорошо бы это было, еслибъ его надежда встрѣтиться съ нею вскорѣ на гуляньѣ—оправдалась.

III.

Два дня послѣ того, Дафна провела безвыходно дома: ей надо было помогать матери заготовлять вишневое варенье. На третій день у нихъ былъ пирогъ изъ свѣжихъ вишенъ—послѣдній разъ въ этомъ году; а послѣ обѣда она пошла отнести бабушкѣ кусокъ этого достопамятнаго пирога.

Дойдя до лужайки, Дафна пытливо посмотрѣла въ ту сторону, гдѣ у забора виднѣлись кудрявыя деревья. Ихъ было семь во всю его длину, но подъ ихъ сѣнью—ни души! Ей стало досадно, и она пожалѣла, что пришла сюда. Она вдругъ вспомнила, какъ ей казалось непріятно смотрѣть на старушку-бабу, когда та ѣла что-нибудь мягкое, и ей стало еще досаднѣе.

Но вотъ на встрѣчу ей въ концѣ дороги показался Гиларій верхомъ на лошади, направлявшійся-было къ себѣ на пашню, послѣ своего обѣда дома, на мызѣ. Сначала онъ ѣхалъ прямо къ углу забора, гдѣ двѣ здоровыя жерди замѣняли калитку или даже ворота; но, увидавъ, что вдали показалась Дафна, онъ свернулъ на тропинку по направленію къ ней, съ намѣреніемъ поговорить о предстоящемъ гуляньѣ. Старая лошадь, мѣрнымъ шагомъ ступая, какъ полусонная, поровнялась съ молодой дѣвушкой, и Гиларій очутился съ нею лицомъ къ лицу; но онъ сидѣлъ бокомъ на лошади.

— Нечего, нечего притворяться, что вы не глядите на меня!— воскликнула Дафна, весело засмѣявшись.

— Я, кажется, на васъ и не гляжу!—возразилъ Гиларій, не повертывая головы.

— Ну, и прекрасно! И не надо! Только, прошу васъ, освободите дорогу.

— А развѣ я у васъ на дорогѣ?

Дафна молча, но рѣшительно поставила свою тарелку на траву, закрыла зонтикъ, подошла ближе къ лошади и, одной рукой опираясь на ея гладкую морду, другою кончикомъ зонтика стащила шляпу съ головы молодого человѣка и, подхвативъ ее въ воздухѣ, повертѣла, прежде чѣмъ швырнуть въ сторону подальше. Потомъ, нагнувшись, забрала съ собой свою тарелку и, обойдя вокругъ лошади, преважно продолжала свой путь, чрезвычайно довольная своей выходкой. Но въ глубинѣ души ей больше нравилось поведеніе Гиларія, нежели ея собственное.

Позади нея послышался громкій хохотъ, звенѣвшій добродушною веселостью. Она проворно оглянулась и засмѣялась въ отвѣтъ:

— Ха-ха-ха! Такъ вамъ и надо, за вашу дерзость!

— Конечно,—лѣниво протянулъ онъ.—Ну, а что̀ вамъ—за вашу?

И Гиларій нагнулся впередъ, опираясь сильной, широкой ладонью на шею лошади; солнце горячимъ лучомъ позолотило его молодое, открытое, загорѣлое лицо, русыя волосы и мускулистую, стройную шею. Дафна остановилась передъ нимъ подъ голубымъ сводомъ своего зонтика, который въ эту минуту казался клочкомъ, оторваннымъ отъ бирюзоваго неба, раскинувшагося въ вышинѣ. Подъ его сѣнью лицо молодой дѣвушки было еще бѣлѣе, свѣжія щеки розовѣе, губы румянѣе. Двѣ темныя косы тяжело висѣли у нея за плечами. Грудь ея порывисто подыма-

лась, и до Гиларія доносилось нѣжное благоуханіе полураспустившихся цвѣтовъ душистаго кустарника, приколотыхъ у нея на платьѣ. Молодой фермеръ видѣлъ, какъ трепетали у нея на груди нѣжные лепестки цвѣтовъ; ему было пріятно вдыхать ихъ нѣжный ароматъ, пріятно смотрѣть на нихъ. Онъ сѣлъ на сѣдло, выпрямился на стременахъ, и его глаза ярко засвѣтились.

— Ну, а вамъ чтò слѣдуетъ за *вашу* дерзость?—повторилъ онъ еще разъ и вдругъ испуганно крикнулъ:—Не шевелитесь! Стойте на мѣстѣ: васъ хочетъ укусить пчела. Берегите глаза!

Когда-то, еще будучи совсѣмъ малюткой, Дафна нечаянно въ посудномъ шкафу попала рукой въ осиное гнѣздо, думая, что это соты съ медомъ. Ей живо вспомнилось это теперь; она въ ужасѣ закрыла глаза и пугливо, какъ ребенокъ, съёжилась, приподнявъ плечи; умоляющій крикъ сорвался съ ея губъ:

— Скорѣй! Убейте ее!

Гиларій сошелъ съ лошади, нагнулся надъ нею и поцѣловалъ ее въ румяную щечку; затѣмъ, снялъ съ нея шляпу и мигомъ очутился въ сѣдлѣ.

— Вы можете открыть глаза; пчелы уже нѣтъ!—проговорилъ онъ спокойно.

Но глаза ея уже были открыты, широко открыты; она задыхалась. Между тѣмъ, молодой повѣса, какъ ни въ чемъ не бывало, нахлобучилъ себѣ на бекрень ея шляпу и, смѣясь, поглядывалъ на нее съ высоты своего величія шаловливо и почти презрительно.

Бѣдной дѣвочкѣ пришли на память розсказни сосѣдокъ о томъ, какъ онъ относится къ женщинамъ вообще, какой онъ смѣльчакъ и повѣса,—и лицо ея залила густая краска. Она не могла даже пристыдить его, окликнувъ грозно:—Да какъ вы смѣете?!

Онъ уже не въ первый разъ „осмѣливался“ цѣловать ее въ игрѣ во время фантовъ...

— Отдайте мою шляпу!—вырвалось у нея.

Онъ ей кивнулъ въ отвѣтъ на ту, которая лежала все еще въ травѣ.

— А подберите-ка мою сначала!

Дафна не могла отдать себѣ отчета, что ея шляпа, украшенная дикимъ виноградомъ, была ему тѣмъ болѣе къ лицу, что придавала ему видъ греческаго бога Вакха; но она чувствовала только съ каждою минутой сильнѣе оскорбленіе и обиду, которую ей нанесло и солнце, и тепло, и дерзкое къ ней отношеніе сосѣда.

— Какъ смѣете вы меня цѣловать, какъ цѣлуете другихъ женщинъ!—гнѣвно воскликнула она.

— Да я другихъ и не цѣлую: только васъ одну!—спокойно усмѣхаясь, возразилъ Гиларій.

Инстинктивно Дафна прижала къ сердцу тарелку съ пирогомъ, и сокъ медленно, каплями полился ей на платье.

— Смотрите! Не теряйте даромъ драгоцѣнный сокъ!—предупредительно замѣтилъ онъ.

Дафна посмотрѣла и, увидавъ, что̀ случилось, не могла совладать со своей горячностью: слишкомъ ужъ много бѣдъ принесъ ей этотъ день. Схвативъ тарелку съ пирогомъ, она бросила ее въ него. Онъ увернулся; но брызги сиропа попали ему на лицо, и щеки его залоснились.

— Ну, берегитесь! Вы испортили мнѣ чистую рубаху и замазали меня, какъ малаго ребенка! — сердито пригрозилъ онъ.

Но Дафна уже шла домой и не оглядывалась на него.

Безъ шляпы, оскорбленная, смущенная до глубины души, она чувствовала себя униженной и побѣжденной.

Однако, не прошла она и двадцати шаговъ, какъ услыхала свое имя.

— Возьмите, вотъ вашъ зонтикъ!

Но она шла себѣ впередъ безъ остановки.

— Вотъ ваша шляпа!

Ни малѣйшаго вниманія.

— Вотъ и тарелка!

(Кажется, ни за что на свѣтѣ она не позволила бы себѣ усмѣхнуться!)

— Вотъ всѣ ваши вещи!

Но Дафна промолчала; въ отвѣтъ только скатились двѣ слезинки да правая рука загородила ей глаза... отъ солнца.

— Постойте! Съ вами вѣдь можетъ сдѣлаться солнечный ударъ!—послышался опять знакомый голосъ, и ея чуткій слухъ успѣлъ уловить въ немъ нотку, какъ будто бы похожую на раскаяніе. Она поднесла къ глазамъ обѣ руки.

— Я самъ принесу вашъ зонтикъ, только скажите вѣжливо: „Я васъ прошу, Гиларій“!

Но Дафна уже предвкушала полную, нежданную побѣду, и была далека отъ какихъ бы то ни было уступокъ. Напротивъ, она вынула изъ кармана свой бѣленькій платочекъ и сдѣлала изъ него какъ бы „кибиточку“ отъ солнца, усиленно стараясь такъ долго его надѣвать и завязывать, чтобы Гиларій имѣлъ время убѣдиться, какъ тяжело ей это доставалось.

— Прощайте!—крикнулъ онъ ей во слѣдъ, какъ бы съ сожалѣніемъ.

Дафна замѣтила приближеніе развязки; но прежде всего было необходимо скрыть отъ него слѣды слезъ на лицѣ; и она своей бѣленькой „кибиточкой“ отерла слезы.

— Постойте! Куда вы спѣшите?—совсѣмъ уже серьезнымъ тономъ крикнулъ ей Гиларій, и Дафна поздравила себя съ умѣніемъ вести свои дѣла.

Водворилось минутное молчаніе, и въ тишинѣ она ясно разслышала, какъ онъ безъ причины раздражительно ударилъ своего стараго коня, который не привыкъ къ такому обхожденію и заржалъ.

Все ближе и ближе слышала за собою Дафна лошадиный топотъ и бряканье уздечки. Своимъ женскимъ инстинктомъ она угадала, что она имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ эту минуту для человѣка, котораго она побѣдила. Какъ всякая другая, она чувствовала, что надо ему дать понять, съ какой могучей силой онъ затѣвалъ тягаться. Но, какъ и всякая другая, Дафна терялась, не зная, въ какой формѣ лучше приступить къ неизбѣжной мировой, тѣмъ болѣе, что не умѣла въ точности опредѣлить размѣры преступленія виновнаго... Впрочемъ, инстинктъ подсказалъ ей, что въ данномъ случаѣ самое выгодное для нея, это—принять видъ сдержанный и оскорбленный; видъ женщины, которая словъ не находитъ, чтобы выразить высшую степень своего гнѣвнаго возбужденія. Инстинктъ ей подсказалъ, что молчаніе при такихъ условіяхъ—самое вѣрное орудіе противъ мужчины.

— Чтò вы, съ ума сошли? — окликнулъ ее Гиларій, спѣшившись и шагая по травѣ рядомъ съ нею.

Онъ былъ безъ шляпы и его улыбающееся лицо заглядывало къ ней въ ея бѣленькую „кибитку“.

— Я не могъ удержаться, Дафна! И, наконецъ, это не въ первый разъ. Чѣмъ же я виноватъ, что не могу забыть...

Но Дафна знала, что онъ намекаетъ на свои поцѣлуи во время игры, когда онъ еще былъ подросткомъ и не былъ такимъ дерзкимъ, безшабашнымъ; мало ли чтò было тогда!

Однако, его слова даромъ не прошли; онъ показался ей какъ будто менѣе виноватымъ.

— Мы больше ужъ не дѣти, — съ достоинствомъ произнесла она.

— Тѣмъ болѣе это непонятно!—возразилъ онъ.—Но все-таки скажите мнѣ: вы не сошли съ ума?

Онъ спросилъ настойчиво, но терпѣливо, несмотря на то, что

она снова замолчала; только взглядъ ея показалъ ему, какъ она на него сердита.

— Я такъ и зналъ, что вы еще въ своемъ умѣ!—воскликнулъ онъ, угадывая ея мысли и... расхохотался.

Но Дафна уже начала сердиться не на шутку, и онъ это замѣтилъ.

— Ну, хорошо же! Я побуду съ вами, пока къ вамъ не вернется хорошее расположеніе духа,—проговорилъ онъ умиротворяющимъ тономъ, и раскрылъ надъ нею зонтикъ, держа его въ одной рукѣ—въ другой была тарелка, а на локтѣ висѣла ея шляпа.

Какъ бы совсѣмъ позабывъ о ея присутствіи, онъ продолжалъ держать надъ нею зонтикъ и вполголоса напѣвалъ себѣ пѣсенку про мальчика съ дѣвочкой, которые „въ лугахъ себѣ гуляли, каждый самъ по себѣ"... Дѣвочка не рѣшается побѣжать на пашню и зоветъ его къ себѣ на лугъ, „На зеленый, свѣжій лугъ"... Мальчикъ работалъ себѣ, да работалъ, а дѣвочка играла на лужайкѣ, и онъ за ней погнался, но она убѣжала.

— „Нагналъ онъ свою милую въ веселый брачный день"!.. —торжествующимъ тономъ заключилъ Гиларій.

Но ни звука, ни улыбки не удостоился онъ въ отвѣтъ за свое добродушное стараніе.

Тропинка кончилась; лужайка—также. Онъ неожиданно остановился.

— Вотъ вамъ всѣ ваши вещи,—проговорилъ онъ твердо и разсудительно, какъ старшій.—А мнѣ пора и за работу. Прощайте! Приходите же непремѣнно на гулянье!—привѣтливо прибавилъ онъ, уходя.

Дафна осталась стоять на мѣстѣ, какъ вкопанная, и слѣдила за нимъ глазами; видѣла, какъ онъ дошелъ до своей лошади, сѣлъ на нее бокомъ и поѣхалъ, распѣвая, въ сторону отъ тропинки, къ своей пашнѣ. Тогда и молодая дѣвушка поспѣшно пошла по направленію къ своему дому, чувствуя на сердцѣ такую обиду и вмѣстѣ съ тѣмъ такое волненіе, какого до сихъ поръ никогда еще ей чувствовать не приходилось.

IV.

Въ Кентукки іюнь, мѣсяцъ лѣтнихъ гуляній,—„счастливый мѣсяцъ іюнь". Синѣе всего іюньское небо; прекраснѣе всего іюньскіе наряды матери-кормилицы сырой земли; ярче всего іюнь-

скіе свѣтлые, ясные дни. Большіе, развѣсистые клены и дубы больше всего даютъ тогда прохлады; тогда кудрявѣе густой орѣшникъ, душистѣе трава на лугу. Безжалостно топчутъ ее, танцуя, загорѣлыя ноги деревенскихъ красавцевъ, словно вылитыхъ изъ бронзы, и полныхъ, румяныхъ, смуглыхъ красавицъ, которыя торопятся особенно охотно навязывать на себя ленты и брачные обѣты.

Въ это время Кентукки поетъ и веселится! Кентукки превращается въ „Аркадію, счастливую страну", страну, гдѣ правнуки-американцы танцуютъ все тотъ же безпечный танецъ, который еще въ Англіи танцовали ихъ прадѣды и дѣды, и будутъ танцовать вѣки-вѣчные ихъ вѣрные потомки.

Настало ясное іюньское утро, и молодой фермеръ отправился въ своей одноколкѣ объѣзжать сосѣдей, приглашая ихъ на веселое гулянье. Но сама мать-природа уже опередила его приглашеніе; она созывала дѣвушекъ и молодыхъ людей на зеленый просторъ, подъ открытое небо, а сама думала про себя:

„Слѣпцы! Они не видятъ, что не они, а я — настоящій устроитель этого гулянья! Не видятъ, что я упокоила на лонѣ своемъ ихъ прадѣдовъ и дѣдовъ, что мнѣ уже почти дѣла нѣтъ до ихъ отцовъ и матерей. Что̀ сталось бы съ ихъ долголѣтними трудами, съ ихъ мызами, домами и полями, еслибы *я* не собирала ихъ сюда на широкій просторъ, не призывала къ новой жизни старые, но вѣчно юные порядки, которые ведутъ за собою одно поколѣніе на смѣну другому"?..

Въ то утро, еще не успѣла іюньская свѣтлая роса обсохнуть на зеленыхъ листьяхъ и на сочной травѣ, какъ со всѣхъ сторонъ къ тѣнистымъ лѣсамъ понеслись верхомъ молодые фермеры и землепашцы; у кого былъ новенькій экипажъ, тотъ спѣшилъ имъ похвастать; у кого не было, тотъ до такой степени ловко и усердно вымылъ и принарядилъ свой старый, что лоскомъ своимъ онъ могъ смѣло соперничать съ любымъ изъ новыхъ. Были и брички, въ которыхъ маменьки привезли своихъ дочекъ повеселиться и себя показать.

Въ концѣ лужайки оборвался стукъ молота по наковальнѣ: черный кузнецъ-негръ, смывъ съ лица сажу надъ той же самой бочкой, въ которую онъ опускалъ свои раскаленные клещи, спѣшилъ запирать кузницу на запоръ. Подъ деревомъ водрузили столъ, а на столѣ—стулъ, а на стулѣ—скрипача-музыканта, и предложили ему въ свою очередь „ковать желѣзо, пока горячо".

Онъ съ увлеченіемъ взмахнулъ смычкомъ и сыгралъ нѣсколько тактовъ. Затѣмъ, переставивъ поудобнѣе свой стулъ—

такъ, чтобы сидѣть лицомъ къ площадкѣ, приготовленной для танцевъ, уставился глазами на зеленую сѣнь, раскинувшуюся передъ нимъ, и порвалъ всякую связь со всѣмъ житейскимъ, уйдя въ міръ струнныхъ звуковъ...

— Танцуйте, мои дѣтки, веселитесь! Все то и хорошо, что̀ естественно! — шепталъ веселой молодежи добрый голосъ матери-природы.

— Танцуйте, мои дѣтки, веселитесь!—шепталъ другой—лукавый.

Съ зарей и съ пташками проснулась Дафна, полная мыслью о предстоящемъ празднествѣ. Какъ только кончилъ завтракать отецъ и собрался уходить, она преодолѣла страхъ и попросила его разрѣшенія пойти потанцовать. Онъ отказалъ. Что̀ скажутъ люди? Онъ—церковный староста, и дочери его—не мѣсто на гуляньѣ.

Все утро и весь день Дафна провела дома въ самомъ удрученномъ настроеніи и, сидя на крылечкѣ, слушала жужжаніе пчелъ въ розовыхъ лепесткахъ, да уныло смотрѣла вдаль, гдѣ въ полѣ, подъ далекимъ навѣсомъ зеленой листвы, шли веселые танцы.

Только разъ она попробовала-было сбѣгать на дорогу, которая вела въ домъ ея тетки, и посмотрѣть въ ту сторону, гдѣ тянулся заборъ молодого сосѣда, но подъ кудрявыми вѣтвями его не было видно, не было слышно его громкой пѣсни.

Какъ все вокругъ стало вдругъ тихо и уныло! Какъ солнышко лѣниво свѣтитъ! Какъ пріумолкли пташки и сверчки!..

Еще тоскливѣе стало на сердцѣ у Дафны, и она вернулась домой.

Внимательно, какъ еще никогда, оглянулась она на свою прошлую жизнь и, какъ никогда, она ей показалась безотрадною. Всѣ ея воспоминанія сводились къ тому, что отецъ ее обижалъ и былъ ей просто немилъ. Съ самаго дѣтства, какъ впрочемъ и большинству людей, бѣдняжкѣ приходилось дѣлать то, что̀ ей было непріятно, и не дѣлать того, что̀ бы ей хотѣлось. Положимъ, она въ душѣ была добрая дѣвочка, и благодаря ея желанію, чтобы тѣ, кого она любила, были счастливы и довольны, изъ нея съ теченіемъ времени вышла бы премилая женщина. Но та бѣда, что она не могла никакъ подчинить свой нравъ второму изъ этихъ житейскихъ правилъ; и если она знала, что ей что-либо запрещено, она не только не отказывалась отъ него, но даже дѣлала съ своей стороны все возмож-

ное, чтобы поставить на своемъ. А изъ всѣхъ запрещенныхъ плодовъ еще ни одного ей не было такъ жаль, какъ этого гулянья. Поэтому, когда отецъ вернулся, Дафна опять имѣла смѣлость просить у него разрѣшенія потанцовать; онъ отвѣчалъ опять грубымъ отказомъ и, окончивъ обѣдъ, по обыкновенію, улегся отдыхать.

Съ малыхъ лѣтъ на дѣвочкѣ лежала обязанность расчесывать голову отцу, который привыкъ засыпать подъ мѣрное движеніе частаго гребешка въ то время, какъ маленькую Дафну такъ клонило ко сну, что она едва стояла на своихъ быстрыхъ ножкахъ. Нерѣдко случалось, что она плакала, водя гребнемъ по волосамъ отца, въ которыхъ попадались иглы репейника; но отцу и въ умъ не приходило, что капельки, падавшія ему на лобъ въ то время, какъ онъ засыпалъ, были не капли дождя или росы, а слезы его ребенка. Случалось, впрочемъ, что порой дѣвочка невольно такъ свирѣпо обходилась съ гребнемъ, что отецъ вздрагивалъ и просыпался, всхрапывая посильнѣе и ругаясь.

Но сегодня Дафна съ какой-то злобной нѣжностью обошлась съ отцомъ и, быстро усыпивъ его, задумалась, скрестивъ руки на груди. Недобрые сны должны были сниться недоброму отцу... Впрочемъ, проснувшись онъ собрался уѣзжать изъ дому и небрежно отдалъ дочери приказаніе свезти мальчиковъ посмотрѣть на танцы: очень ужъ *имъ* этого хочется!.

Какъ ни скоро собрались ея братишки, все же недолго оставалось до сумерокъ, когда старая таратайка съ негритенкомъ, вмѣсто кучера, и съ длинной хворостиной, вмѣсто настоящаго хлыста, подъѣхала къ площадкѣ, гдѣ уже кипѣли танцы. Стыдясь своего старомоднаго экипажа, Дафна приказала негритенку остановиться за угломъ забора, чтобы ни ея, ни мальчиковъ никто не замѣтилъ. Отпустивъ братишекъ, которые спѣшили полакомиться мимоходомъ, она глазами разыскала себѣ чью-то пустую бричку, взобралась въ нее и сѣла, нѣсколько минутъ еще вспоминая объ отцѣ не иначе, какъ съ большимъ озлобленіемъ:

„Хорошую бричку онъ для себя оставилъ!—раздраженно думала она,—а намъ, семьѣ своей, предоставляетъ пользоваться старой?! Положимъ, онъ ее чинитъ и покрываетъ лакомъ каждый годъ! Но вѣдь отъ этого она скрипитъ и трещитъ ничуть не меньше, и люди чуть не за версту ужъ знаютъ, кто ихъ нагоняетъ. При малѣйшей возможности, я буду избѣгать ѣздить въ городъ иначе, какъ въ дождливую погоду: тогда

хоть можно спустить верхъ и сѣсть поглубже:—никто меня и не увидитъ!

Бричка, въ которую съ чисто-кентукской безцеременностью усѣлась Дафна, была дѣйствительно новенькая и моднаго фасона, и это придавало ей самой какъ будто болѣе важный видъ. Она была этому рада; тѣмъ болѣе, что молодые люди, которые въ качествѣ членовъ церкви не принимали участія въ танцахъ, обыкновенно не прочь были посидѣть и поболтать со своими знакомыми и родными. Только не особенно это ее веселило,—слишкомъ ужъ она намучилась за цѣлый день.

Какая-то уже немолодая женщина съ плачущимъ ребенкомъ на рукахъ вышла изъ своей повозки и, замѣтивъ Дафну, окликнула ее:

— Какъ? И *вы* тутъ?! Смотрите же, скажите отцу, чтобы онъ получше смотрѣлъ за своимъ стадомъ: вонъ его паршивая овца, Гиларій, пустился въ плясъ!

Гиларій танцуетъ! То-то отецъ его въ церкви отчитаетъ!

— А съ кѣмъ онъ танцовалъ?—не удержалась она, чтобы не спросить, когда мать съ ребенкомъ на рукахъ проходила мимо.

— Какъ съ кѣмъ? Да со всѣми! А вы чего тутъ сидите? Полѣзайте въ мою повозку: отсюда виднѣе!

— Благодарю васъ, мнѣ скоро пора уже домой. Я вѣдь пріѣхала только ради дѣтей, да и то не надолго.

— Вотъ она, вотъ!—раздался около нея голосъ одного изъ братишекъ. Мальчикъ остановился, поровнявшись съ телѣжкой и кому-то указывалъ пальцемъ на сестру. За нимъ поспѣшно подходилъ Гиларій.

— Ну, вотъ!—проговорилъ онъ съ видимымъ облегченіемъ.—Отчего вы не пріѣхали пораньше? Я васъ весь день искалъ!

И такъ ласково, такъ искренно зазвучалъ его голосъ, что она довѣрчиво положила въ его руку свою.

Гиларій былъ сегодня въ праздничномъ нарядѣ, и, стоя передъ нею, вытиралъ лобъ чистымъ платкомъ, обмахиваясь вмѣсто вѣера своей новою шляпой. Большая вѣтка жимолости красовалась у него въ петличкѣ; голубой галстухъ свободно обхватывалъ его шею, и вѣтерокъ игралъ его легкими концами. Лицо его сіяло жизнью и весельемъ.

— Ну, что̀ бы стоило придти пораньше? — привѣтливо укорялъ онъ.

— Я не могла никакъ,—проговорила тихо Дафна; на глаза ея навернулись слезы и губы дрогнули.

— Ну, пойдемъ же скорѣй: еще не поздно!—утѣшалъ ее Гиларій, и, не долго думая, помогъ ей выйти изъ брички.

— Еще успѣемъ! Я хочу непремѣнно съ *вами* танцовать!—повторялъ онъ. Дафна уже улыбалась, и на подножкѣ проворно мелькнула ея маленькая нога въ изящной ботинкѣ. Какъ веселый голосокъ пташки, вырвавшейся на волю, звучалъ ея короткій, задушевный смѣхъ.

Окончивъ танецъ, Гиларій отвелъ ее обратно въ бричку, и, усаживаясь, довольная и счастливая, молодая дѣвушка подвинулась, оставляя ему мѣсто рядомъ съ собою.

— Ну, до свиданія!—весело и безпечно проговорилъ онъ, не пожавъ ей руки на прощанье, и поспѣшно отошелъ отъ нея.

Какъ ударъ по лицу, отозвалась у нея на сердцѣ обида, и Дафна, ошеломленная, чувствуя себя глубоко несчастной, откинулась въ уголокъ брички. Цѣлый часъ прождала она, сидя неподвижно, въ напрасной надеждѣ, что онъ вспомнитъ о ней, придетъ...

Сумерки надвигались быстро.

Она пошла, разыскала братишекъ и за руку повела ихъ къ тому укромному мѣстечку, гдѣ она спрятала свою таратайку. Проходя между рядами самыхъ разнородныхъ экипажей, Дафна разслышала тихій, горячій шопотъ Гиларія. Верхъ пролетки былъ приподнятъ, и ей было видно, что одной рукой Гиларій обнималъ станъ дѣвушки, сидѣвшей рядомъ съ нимъ...

V.

Чтò такое малые братишки и сестренки, какъ не домашніе шпіоны?.. Тотчасъ же, вернувшись домой, братишки Дафны побѣжали къ отцу и пересказали ему свои впечатлѣнія.

Въ тотъ же вечеръ вся семья собралась на совѣщаніе; а на слѣдующій день въ церкви (было воскресенье) Дафна должна была всенародно покаяться въ томъ, что танцовала на гуляньѣ, за что и была временно исключена изъ числа „вѣрныхъ“. Ея рыданія приписали ея искреннему раскаянію; но только ей одной была извѣстна настоящая причина, почему слезы не утоляли ея горя. Какъ настоящее дитя природы, она вѣрила въ существованіе дьявола, который, чего добраго, не за горами, а за плечами—и даже не только у молодежи, которая пляшетъ и поетъ, а тутъ же, на фермѣ, въ предѣлахъ владѣній ея отца,—но все же она не могла удержаться, чтобы не быть на сторонѣ Ги-

ларія. Да и онъ самъ, хоть зналъ, что онъ—добыча дьявола, а все-таки стоялъ на своемъ. Въ то утро его не было въ церкви по той простой причинѣ, что онъ уѣхалъ въ своей одноколкѣ съ одной изъ дѣвушекъ въ чужой приходъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда. Но ходили слухи, будто бы онъ говорилъ:

— Если чортъ меня поберетъ за то, что я танцую съ хорошенькими дѣвушками на гуляньѣ,—ну и пусть! Явится онъ за мной,—такъ что-жъ такое? Милости просимъ, очень радъ! А пока онъ еще собирается явиться, чтобы потребовать свое достояніе, мы еще потанцуемъ!

Чуть не съ пеленокъ былъ Гиларій тѣмъ, что̀ принято вообще подразумѣвать подъ словами: необузданный буянъ и сорванецъ; его вольность обхожденія, его смѣлость и прямота ставились ему въ укоръ всѣми „стариками“ въ околоткѣ. „Старики“-деревья въ рощѣ и въ лѣсу—умнѣе: они не ставятъ въ вину своимъ молодымъ густолиственнымъ вѣтвямъ, что тѣ танцуютъ подъ музыку вѣтра.

Какъ на грѣхъ, отецъ Гиларія умеръ, и сыну пришлось вступить въ управленіе полнымъ хозяйствомъ въ самые шальные годы юности, начиная съ восемнадцати лѣтъ; и нелегко было фермерамъ почтенныхъ лѣтъ переварить тотъ фактъ, что ихъ молодой сосѣдъ желалъ, чтобы они считали его себѣ равнымъ, а не молокососомъ,—какъ это имъ казалось бы справедливымъ. Но онъ молча дѣлалъ свое: ретиво работалъ и по дѣйствіямъ своимъ давалъ людямъ возможность заключить, что онъ намѣренъ идти не по чьимъ-либо стопамъ, а по своимъ собственнымъ:— что онъ такой же „мужчина“ и такой же самостоятельный человѣкъ и „хозяинъ“, какъ любой изъ нихъ.

Каково же было всеобщее изумленіе, когда этотъ „необузданный мальчишка“ предъидущимъ лѣтомъ явился въ церковь и пожелалъ войти въ составъ паствы своего прихода. Его желаніе было исполнено, конечно, и всѣ члены церкви, проходя съ пѣніемъ мимо вновь принятаго своего сочлена, жали ему руку въ знакъ привѣта. Впрочемъ, въ глубинѣ души каждый отнесся недовѣрчиво къ обращенію „сорванца“.

И въ самомъ дѣлѣ, ненадолго хватило его усердія: въ первый же годъ своего присоединенія къ приходу, Гиларій „послужилъ повелителю бѣсовскому“, предавшись грѣшнымъ удовольствіямъ и „потѣхамъ бѣсовскимъ“.

Поймать виновнаго для объясненій можно было только невзначай: самъ онъ не шелъ на зовъ старшинъ, зная, что̀ его ожидаетъ. И вотъ, старшина и сельскій староста, закуривъ свои

коротенькія трубки, сами двинулись въ путь, мѣрно покачиваемые въ сѣдлѣ своими добрыми, заслуженными конями. Они ѣхали на пашню, гдѣ знали, что навѣрное застанутъ молодого фермера, котораго они рѣшили усовѣстить.

Завидѣвъ, что они заворачиваютъ прямо къ нему, Гиларій остановилъ свою лошадку, сѣлъ на плугъ и сталъ поджидать ихъ приближенія, прилежно подчищая ногти. Старшины остановились, спѣшились и, развивая мысль о степени его грѣховности, глубокомысленно попыхивали трубкой.

— Нѣтъ!—возражалъ имъ Гиларій, поглядывая на отца Дафны изъ-подъ полей своей старой соломенной шляпы.—По чистой совѣсти сказать, я не считаю, чтобы мнѣ была необходимость каяться передъ церковью въ чемъ бы то ни было, такъ какъ я не сдѣлалъ ничего завѣдомо дурного. Мнѣ только жаль, что кто-нибудь могъ быть такого мнѣнія.

Спокойный и вѣжливый тонъ, которымъ возражалъ имъ сорванецъ, нѣсколько озадачилъ ихъ, и они рады были, что онъ продолжалъ говорить, давая имъ время собраться съ мыслями:

— Я вѣдь танцоръ по своему происхожденію: любовь къ танцамъ у насъ у всѣхъ, выходцевъ изъ Англіи, течетъ въ крови. Въ Виргиніи предки мои танцовали, какъ танцовали въ Англіи ихъ дѣды и отцы; они чуть-что не до появленія своего на свѣтъ уже любили танцы. И, наконецъ, это даже полезно—двигаться, плясать. Я знаю по себѣ, что это полезно!

Отецъ Дафны возразилъ кратко, но сурово:

— А знаешь ли, что̀ говоритъ церковный уставъ?

— Церковный уставъ говоритъ неправду! Онъ слѣдуетъ ложному направленію, и его придется измѣнить. У насъ же, въ нашемъ штатѣ, есть приходы, въ которыхъ людей не отлучаютъ отъ церкви за то, что они иногда попляшутъ. Не только отдѣльныя общины, но и отдѣльные проповѣдники придерживаются различныхъ мнѣній; почему же *вы* не можете допустить, чтобы я имѣлъ свое собственное мнѣніе? Вы имѣете такое же право запретить мнѣ танцовать, какое я имѣю заставить васъ плясать; но я вѣдь и не думаю объ этомъ.

— Братъ Гиларій! Помнишь ли ты, что̀ говоритъ апостолъ о хлѣбѣ насущномъ?—спросилъ болѣе добродушный изъ старшинъ.

— Конечно, помню; но развѣ это относится къ танцамъ?

— Да. *Мнѣ*-то, надѣюсь, Евангеліе хорошо знакомо?—угрюмо вставилъ отецъ Дафны.

— Ну, значитъ, апостолъ самъ не зналъ, что̀ говорилъ!—горячо вырвалось у молодого фермера.

— Берегись, чтобы не повлечь за собою другихъ, если ты самъ спотыкаешься и ходишь въ потемкахъ!—предостерегъ добродушный староста.

— Лучше было бы тебѣ, чтобы жерновъ висѣлъ у тебя на шеѣ и ты самъ потонулъ бы въ пучинѣ морской!—воскликнулъ отецъ Дафны и подобралъ поводья.

— Потону я или поплыву, а танцовать не брошу!—твердо возразилъ Гиларій.—Вы все приводите такіе тексты, которые вовсе ко мнѣ не подходятъ; вы это сами должны знать! Ужъ если стòитъ меня отлучать отъ церкви, такъ за чтò-нибудь другое, а только не за танцы! И вотъ еще чтò вы должны разъ навсегда понять: все, чтò я возражалъ, я говорилъ не противъ Библіи, а противъ *васъ*! Это совсѣмъ другое дѣло; по крайней мѣрѣ, такъ я полагаю!

Гиларій всталъ на ноги и заключилъ рѣшительно, съ оттѣнкомъ нѣкоторой торжественности на лицѣ:

— Хорошо, отлучайте меня; я вамъ не мѣшаю! Но только помните, что вамъ придется за это отвѣчать. Вы не знаете, какъ больно и оскорбительно такое отношеніе старшихъ и болѣе опытныхъ для человѣка еще молодого и неопытнаго, когда онъ начинаетъ жить, когда ему приходится преодолѣвать житейскіе невзгоды и соблазны; а старшіе,—гдѣ бы помочь ему,—его же топятъ!

Онъ зашелъ за спинку плуга и, ласково хлопнувъ свою лошадку мимоходомъ, чтобы она шла впередъ, пошелъ своею бороздой...

Въ воскресенье церковные старосты и сельскіе старшины, въ качествѣ членовъ-представителей духовныхъ интересовъ своихъ прихожанъ, собрались на совѣтъ и въ томъ же засѣданіи постановили: считать означеннаго грѣшника, своего сочлена по церкви, выбывшимъ изъ ихъ числа. А на другое утро отецъ Дафны встрѣтился на дорогѣ съ молодымъ фермеромъ, и, не кланяясь ему, придержалъ свою лошадь:

— Опять вашъ быкъ поломалъ мнѣ заборъ. Я требую, чтобы вы впредь его не выпускали!

— А если-бъ вы чинили свой заборъ, то и быкъ мой ничего бы съ нимъ не могъ подѣлать,—былъ бойкій отвѣтъ.—Чрезъ *мой* заборъ ему ни за чтò не прорваться!

Онъ говорилъ теперь не съ членомъ церкви, а съ фермеромъ, то-есть, съ такимъ же человѣкомъ, какъ онъ самъ,—и говорилъ, конечно, несравненно рѣзче.

— Вы права не имѣете держать такого звѣря, который опасенъ для всѣхъ по сосѣдству.

— Худо ли, хорошо ли, а только я все-таки *буду* его держать! Очень мнѣ нуженъ такой быкъ, который не съумѣлъ бы иногда и поломать чьего-нибудь забора!.. Но я прекрасно понимаю, что ваши церковныя дѣла и безпокойства совершенно поглощають ваше время...—и его открытые глаза съ лукавою усмѣшкой остановились на старостѣ, который смутился и стремительно привсталъ на стременахъ, какъ если бы ему нанесли ударъ.

— Чтобы тѣни твоей не было никогда на моемъ порогѣ!— низкимъ голосомъ, полнымъ гнѣва, произнесъ староста.—Чтобъ никогда слова не вымолвилъ ты ни съ кѣмъ изъ моихъ!..

Онъ далъ шпоры своему коню и поскакалъ прочь.

Молодой фермеръ на мигъ задумался, глядя ему вслѣдъ:

— Эхъ, дорого бы далъ я, чтобъ онъ былъ помоложе... или хоть не совсѣмъ пятидесяти лѣтъ!—и погналъ свою лошадь старшинѣ вдогонку.

— Мнѣ бы хотѣлось кой о чемъ у васъ спросить,—такъ началъ онъ. Старшина молча поднялъ на него угрюмый взглядъ.

— Я слышалъ, вы все говорили, что церковь на то и установлена, чтобъ грѣшники искали въ ней спасенія. Такъ вы, конечно, разрѣшите мнѣ ходить по прежнему въ храмъ Божій?..

И на слѣдующее же воскресенье Гиларій появился въ кругу прихожанъ, которые перешептывались и тревожно оглядывались на „паршивую овцу“ въ своемъ стадѣ, какъ будто на шерсти своей она принесла нежелательный духъ дьявольскаго навожденія...

Отецъ Дафны съ особымъ выраженіемъ прочелъ молитву, лицомъ своимъ и тономъ какъ бы завѣряя Всевышняго, что Онъ можетъ разсчитывать на него и на всѣхъ присутствующихъ въ случаѣ необходимости строго наказать всѣхъ грѣшниковъ на свѣтѣ...

Гиларію отлично было видно то мѣсто, гдѣ сидѣла Дафна. Во время молитвы она подняла глаза подъ предлогомъ, что достаетъ носовой платокъ, и посмотрѣла въ его сторону. Глаза ихъ встрѣтились, и его взглядъ выразилъ торжество и презрѣніе, а она имѣла легкомысліе отвѣтить самой одобрительной улыбкой.

Еслибъ они хоть весь день напролетъ катались вмѣстѣ, и то ихъ это не сблизило бы такъ тѣсно, какъ эта мимолетная улыбка.

Яснѣе словъ ему было видно, что его грубая небрежность на лугу и легкомысленное отношеніе на гуляньѣ—все прощено, забыто!

VI.

Случалось ли кому замѣчать, что вскорѣ послѣ какого-нибудь скандалёзнаго происшествія въ провинціи дамы-сосѣдки собираются непремѣнно на обѣдъ къ одной изъ своихъ знакомыхъ, безъ особой на то уважительной причины.

Въ ожиданіи обѣда, за которымъ свободнѣе ведутся разговоры, бесѣда какъ-то не клеилась, хотя гостьи и хозяйка одинаково предвкушали удовольствіе предстоящихъ искреннихъ признаній. Но вотъ кто-то невзначай рискнулъ вскользь упомянуть имя Гиларія... и всѣ заговорили; всякая натянутость пропала, какъ будто того только и ждали ручьи сосѣдскихъ пересудовъ, чтобы вырваться на волю.

Всю его жизнь, все его прошлое перетрясли и перемыли; каждая помнила прекрасно что-нибудь дурное; и хорошее припоминалось, но только для того, чтобы больше оттѣнить то худшее, которое въ немъ развилось съ годами. Одна припомнила, что съ матерью, еще ребенкомъ, онъ велъ себя примѣрно, посѣщая Божій храмъ...

Но послѣ, послѣ?! Послѣ онъ если и бывалъ, то садился на дальней скамьѣ, на скамьѣ повѣсъ и шалуновъ, или снаружи у ступенекъ храма поджидалъ конца службы, чтобы перемигиваться съ дѣвушками побойчѣе или насмѣшливо пройтись насчетъ дѣвушекъ-смиренницъ.

Другая вспомнила, что ему скоро надоѣдало ждать, когда проповѣдникъ окончитъ свое поученіе, и онъ у него подъ-носомъ щелкалъ крышкой отъ часовъ, то открывая ихъ, то закрывая. Третья разсказывала, будто всѣмъ извѣстно, что теперь ни одно представленіе въ циркѣ не обойдется безъ него, и что никто не возвращается такъ поздно по ночамъ, какъ этотъ грѣховодникъ...

По мѣрѣ того, какъ разгорались толки, воспоминанія досужихъ кумушекъ становились все мрачнѣе, и зловѣщимъ огонькомъ вспыхивалъ порой притворно-грустный и соболѣзнующій полушопотъ, которымъ они передавались. Добрались и до неудачнаго пребыванія Гиларія въ колледжѣ, гдѣ ему удалось пробыть что-то весьма недолго; съ позоромъ вернулся онъ домой и съ той поры сталъ еще въ тысячу разъ смѣлѣе... Тутъ слѣдовало множество такихъ подробностей, которыя говорились ужъ совсѣмъ неслышнымъ голосомъ.

Дафна и мать ея—женщина типа безцвѣтныхъ, безотвѣт-

ныхъ женъ — были, конечно, въ числѣ приглашенныхъ. Когда бесѣда перешла на тему о гуляньѣ, въ бесѣдѣ приняла участіе и мать, которая храбрилась только за спиною мужа.

— Мужъ никогда не проститъ ему, что онъ осмѣлился злоупотребить наивностью такого ребенка, какъ наша Дафна! Тѣмъ болѣе, что это было оскорбительно для его представительства въ церкви!—замѣтила она.

Дафна уронила изъ рукъ свою работу, какъ будто та превратилась въ горячіе уголья.

— Ну, мамà, хоть ты-то помолчи! — вырвалось у нея невольно.

Всѣ какъ будто только сейчасъ замѣтили ея присутствіе и опѣшили. Въ комнатѣ водворилось такое молчаніе, что слышно было, какъ за дверью жужжали пчелы и шлепались тяжеловѣсные жуки.

Дафна опять взяла въ руки работу и еще ниже склонилась надъ нею. Но молчаніе не прерывалось, и Дафна чувствовала на себѣ жгучіе, настойчивые взгляды; инстинктивно чувствовала она, что произвела скандалъ, который все равно уже не исправить. Она сложила руки и снова взглянула на мать.

— Ты знаешь, мамà, что я больше не ребенокъ, — начала она: — и знаешь также, что Гиларій не могъ ничѣмъ злоупотребить, а я сама не сдѣлала ничего позорнаго; и отцу это хорошо извѣстно! Такъ къ чему же *такъ* и выражаться? Если ты хочешь знать, зачѣмъ я пошла съ нимъ танцовать, — прекрасно! Когда придемъ домой, я вамъ все разскажу, и отцу, и тебѣ. И, наконецъ, чего ты впутываешься въ эти пересуды? Устала я ихъ слушать! Мнѣ противно!—голосъ ея дрожалъ отъ возбужденія, глаза горѣли:—Всѣ вы любите сплетни, и все, чтò вы говорили—ложь!

Она заносчиво вскочила съ мѣста, вышла изъ комнаты и вплоть до самаго обѣда просидѣла за работой, на крылечкѣ.

Эта выходка испортила весь обѣдъ, за которымъ не было обычной непринужденности; спокойнѣе другихъ чувствовала себя только Дафна. Бѣдное дитя, она была рада, что вступилась за Гиларія, разъяснивъ настоящую причину своего поведенія, чтобы никто не приписалъ ее чему-нибудь, о чемъ можно было бы посплетничать и сдѣлать скандалъ. Какъ будто всѣ эти бабушки-вѣщуньи и безъ того не чувствовали потребность почесать языкъ на ея счетъ, лишь она только уберется во-свояси. Мать ея чувствовала себя довольно неловко и вскорѣ послѣ обѣда увезла дочь подъ предлогомъ какихъ-то хозяйственныхъ распоряженій.

По уходѣ ихъ, добрыя знакомыя дали волю своимъ язычкамъ и единодушно заявили:

— Это по всему замѣтно!

— Я давно вижу, что тутъ дѣло неспроста... Помилуйте, да она и ребенкомъ-то все бѣгала съ мальчишками! Что бы ей было взять куклу, поиграть съ нею, смирно посидѣть, — этого за нею не водилось!

И полились словоохотливыя рѣчи, какъ потокъ, долго скованный льдомъ условныхъ приличій...

А въ это время, въ бричкѣ съ Дафной и съ ея матерью, отправилась одна изъ сосѣдокъ, пожелавшая заѣхать къ нимъ по дорогѣ.

Въ тотъ же день вечеромъ, по ея уходѣ, между отцомъ и Дафной произошло рѣзкое объясненіе,—одно изъ такихъ объясненій, которыхъ долго не забудешь. Бѣдняжка! Она жизни еще не видала и не могла понять, почему ее возмущало всякое отступленіе отъ того, что̀ ей казалось естественнымъ и справедливымъ. Оставшись одна, она далеко за̀ полночь просидѣла у окна, то заливаясь слезами, то съ какой-то непонятной жесткостью перебирая въ памяти все, въ чемъ передъ нею провинился за всю свою жизнь ея отецъ. Но она не могла оглянуться на его собственное дѣтство; не могла воскресить въ памяти своей—картины суроваго прошлаго, при которыхъ вырабатывались недостатки цѣлаго ряда предъидущихъ поколѣній, оставившихъ въ наслѣдство потомкамъ свой особый отпечатокъ.

У нея не было ни житейскаго долголѣтняго опыта, ни способности стариковъ подводить итоги минувшему. И она безпощадно осуждала каждую нежелательную мелочь, малѣйшую погрѣшность въ характерѣ отца. Впрочемъ, за эти долгіе часы нравственныхъ терзаній, Дафна только одно себѣ уяснила: пока она считалась мысленно съ отцомъ, слезы ея изсякали, но какъ только въ мысляхъ у нея вставалъ Гиларій, онѣ лились рѣкою.

— А что̀ если сказки этихъ сплетницъ о его жизни въ колледжѣ говорятъ правду? А эти ночныя гулянья и вольныя пѣсни, о которыхъ онѣ такъ распространялись... Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ такой?

Когда она съ матерью вернулась домой, отецъ принялся упрекать ее въ недостаткѣ дѣвичьей скромности и попугалъ картиной страшнѣйшаго скандала и позора, который она навлекла на себя своей глупой выходкой въ защиту сорванца Гиларія.

Тѣмъ не менѣе всю ночь продумала она надъ тѣмъ, какъ

бы ей увидать его; сказать ему,—*непремѣнно* сказать!—какъ она за него заступилась.

— Да, непремѣнно надо... чтобъ онъ не подумалъ, не приписалъ чему-нибудь другому ея смѣлое заступничество.—Для нея главное, чтобы онъ не получилъ ложнаго представленія о ея поступкѣ. Только бы объяснить ему все это и проститься съ нимъ, проститься такъ, чтобъ ужъ больше никогда и не встрѣчаться!

Успокоенная тѣмъ, что пришла, казалось, къ надлежащему рѣшенію, Дафна облегченно вздохнула и больше не боролась съ усталостью, которая, наконецъ, одолѣла ее. Она уснула сладко и глубоко и во снѣ раскинула руки, какъ бы на встрѣчу кому-то милому и долгожданному, который спѣшилъ къ ней на встрѣчу по зеленому бархатистому лугу. Ей грезилась знакомая лужайка и онъ самъ, знакомый, дорогой, подходилъ къ ней по ея тропинкѣ... Вотъ онъ близко; вотъ она его обниметъ, приголубитъ!..

Мирный вздохъ, вздохъ облегченья, вырывается изъ ея полуоткрытыхъ, сонныхъ губъ... и она дышетъ все ровнѣе и ровнѣе.

VII.

Не всѣ сплетни досужихъ кумушекъ были неосновательны; въ нихъ была своя доля правды.

Дѣйствительно, Гиларій былъ помѣщенъ (и помѣщенъ прекрасно!) въ казенный колледжъ и даже, для вящшаго преуспѣянія въ образовательной, а равно и въ воспитательной части, ему была взята комната тамъ же, въ самомъ помѣщеніи колледжа; его же собственная драгоцѣнная особа поручена отеческому надзору самого директора училища.

Въ наукахъ онъ держался философскихъ системъ, за исключеніемъ лишь одной: платоновской. И нѣсколькихъ недѣль не прошло, какъ уже верхъ его конторки и рамка зеркала украсились вѣнкомъ изъ карточекъ „живыхъ цвѣтовъ“—дѣвушекъ-красавицъ, съ которыми онъ скоро сталъ видаться, и артистокъ, которыхъ, впрочемъ, онъ никогда и не видалъ, но очертанія лица и фигуры ихъ нравились ему. Гиларій живо истрепалъ двѣ свои форменныя куртки, и по вечерамъ рисовался, гуляя вдоль по главной улицѣ; онъ бойко покуривалъ сигаретку, и съ лѣнивой, но довольной усмѣшкой поглядывалъ на каждую женскую фигуру, хоть сколько-нибудь миловидную лицомъ.

Учился Гиларій довольно небрежно, и только изрѣдка удавалось ему поставить учителя въ тупикъ своими блестящими от-

вѣтами на вопросъ. Ему нравилось показать всѣмъ и каждому, что онъ тоже не дуракъ и силенъ не въ одномъ только умѣньѣ блистать, въ качествѣ распорядителя на училищныхъ вечерахъ, своими русыми кудрями, открытымъ лицомъ и статнымъ ростомъ. Эти совершенства дали ему пальму первенства, которое единодушно признавали за нимъ товарищи, и надо было видѣть, какъ онъ любезно и торжественно провожалъ дамъ и дѣвицъ подъ руку на мѣста, отличаясь отъ другихъ замѣчательнымъ умѣніемъ носить значокъ въ петличкѣ, шарфъ и бѣлыя перчатки.

Но не за его легкомысліе, не за любезность къ дамамъ исключили его изъ колледжа; причина тому крылась въ его злосчастной любви... къ музыкѣ. Да, къ музыкѣ! Сорванецъ-Гиларій, какъ истый поклонникъ чистаго искусства, пожелалъ принять участіе въ училищномъ оркестрѣ и избралъ своею спеціальностью корнетъ-à-пистонъ. Когда же лучше всего предаваться упражненію для усовершенствованія на этомъ инструментѣ, какъ не ночью, когда уже навѣрное никому не помѣшаешь? Онъ запиралъ свою комнату покрѣпче и принимался усердно за дѣло; но учащіеся пожаловались, что имъ не даютъ спать, и Гиларія просили бросить ночныя упражненія.

Однажды, вернувшись изъ театра и находясь еще подъ впечатлѣніемъ только-что испытаннаго эстетическаго чувства, юноша забылъ всякую предосторожность и заигралъ съ особымъ наслажденіемъ.

Въ эту минуту по ту сторону залы, въ комнатѣ какъ разъ напротивъ комнаты Гиларія, проснулся только-что улегшійся на покой товарищъ, который до самой полуночи зубрилъ свой греческій урокъ, мѣрно раскачиваясь въ тактъ заучиваемымъ словамъ; съ зарею онъ опять хотѣлъ подняться и продолжать раскачиваться и зубрить, все въ томъ же порядкѣ. Сидя на стулѣ, лицомъ къ дверямъ, Гиларій съ увлеченіемъ раздувалъ себѣ обѣ щеки, какъ вдругъ дверь его отворилась и на порогѣ показалась долговязая фигура въ ночной рубашкѣ: это и былъ злополучный его товарищъ. Онъ что-то началъ говорить, но звуки музыки заглушали звукъ его голоса. Онъ выждалъ немного, заговорилъ опять, и опять принялся выжидать. Наконецъ, въ воздухѣ мелькнула его тощая, какъ у компаса, нога, и корнетъ-à-пистонъ полетѣлъ на воздухъ, а на другой день...

На другой день юный питомецъ кентукскихъ полей былъ призванъ предъ верховный совѣтъ, посвятившій значительную долю времени подробному разбору вольностей, которыя себѣ позволяло въ цивилизованной средѣ это дитя природы.

Но *дитя*, не смущаясь, заявило, что ни товарищи, ни кто-либо другой не имѣютъ никакого права вмѣшиваться въ его личныя воззрѣнія; пусть бы тѣ же товарищи сунули носъ въ частныя дѣла начальства: какъ бы это понравилось тому же начальству?.. И, начавъ спокойно соглашаться въ виновности своей, Гиларій въ результатѣ все-таки, помимо своего согласія, очутился среди родныхъ полей, когда тамъ только еще началъ сыпаться первый снѣгъ.

Молва гласила, что сорванецъ Гиларій „разбилъ сердце" своей доброй матери. Если такъ, то „осколки" его были, значитъ, еще очень велики, если она могла *ими* боготворить своего единственнаго сына.

Ни разу не случалось ей забыть поставить на окошко лампу, чтобы издали она ему свѣтила, когда онъ будетъ ночью возвращаться чрезъ поля домой; ни разу не забыла развести огонь поярче. Она держала наготовѣ горячую воду и, сама согрѣвая его замерзшія ноги, растирала ихъ, какъ маленькому, на своихъ колѣняхъ; не осыпала его разспросами; не заподозривала ни въ чемъ дурномъ; любящими глазами, молча, подмѣчала на лицѣ его отблескъ бѣшенаго веселья или тѣнь затаеннаго недовольства, хотя ни въ томъ, ни въ другомъ онъ не дѣлалъ ее участницей. Когда онъ спалъ, мать тихонько подходила къ нему передъ сномъ подоткнуть одѣяло и слегка, нѣжнѣйшимъ поцѣлуемъ, коснуться его лба съ нависшими кудрями. Кто любовался со слезами гордости и счастья на его стройный ростъ, на золотую шапку его волосъ, разметавшихся по бѣлоснѣжной подушкѣ? Кто, наконецъ, такъ молился за него, склонясь надъ своимъ изголовьемъ, какъ не она же?

Въ тотъ вечеръ, какъ всегда, мать поджидала Гиларія и встрѣтила его въ сѣняхъ. Они вошли въ комнаты и онъ усѣлся на скамеечку у ея ногъ, готовясь закурить.

— Нѣтъ, погоди немного!—остановила она его и подала ему кусочекъ его любимаго пирожнаго и блюдечко крема.

На Гиларія въ тотъ день нашелъ „мирный стихъ", и онъ ѣлъ молча; и она умѣла выжидать. Онъ закурилъ сигаретку.

— Ты лучше бы легла,—замѣтилъ онъ, говоря съ матерью ласково, какъ любящій отецъ съ любимой дочкой.

— Нѣтъ, слишкомъ жарко! Навѣрное, завтра будетъ дождь; на сѣверѣ мелькала молнія, — возразила мать, высунувшись въ окно и внимательно оглядывая небо, какъ будто ничего другого и не было у нея на умѣ.

— Да, хлѣбу надо бы дождя!

— И саду, и огороду, и всему.

— Послѣ обѣда никто не пріѣзжалъ ко мнѣ?—спросилъ Гиларій.

— Нѣтъ, но ко *мнѣ* пріѣзжали.

— Одинъ изъ твоихъ поклонниковъ?

— А тебѣ не все ли равно?

Мать нерѣдко любила пококетничать со своимъ сыномъ, пошутить; таковы привычки южныхъ американокъ, которыя желаютъ нравиться своимъ взрослымъ сыновьямъ.

— А я вѣдь *все* знаю! Я видѣлъ ея таратайку, — продолжалъ сынъ.

— Не думаю. Ну, скажи: кто это былъ?

— Не все ли тебѣ равно? Я могу даже угадать, зачѣмъ она къ намъ пріѣзжала.

— А зачѣмъ?

— Затѣмъ, чтобы пересказать тебѣ про сегодняшній обѣдъ.

Мать отвѣтила не сразу; но въ ея словахъ чуялось грозное затишье, какъ бы передъ бурей.

— Да, она мнѣ разсказала. Просто срамъ что̀ за сцена вышла у нихъ за обѣдомъ!

— Въ этомъ домѣ всегда происходитъ „просто срамъ что̀ за сцены"! Ты, можетъ быть, какъ и другія приглашенныя, поэтому-то собственно и не отозвалась на ихъ приглашеніе?

— Нѣтъ, я не то хочу сказать... — И мать передала ему подробно, но не самые факты, какъ они на самомъ дѣлѣ были, а какъ она слышала это отъ кумушекъ-трещотокъ.

Поразительно, до чего можетъ дойти готовность женщины вѣрить даже въ невѣроятное, если это невѣроятное для нея почему-либо выгодно или попадаетъ въ тонъ тому, что̀ ее тревожитъ. Мать уже намѣтила своему Гиларію невѣсту, и теперь упоминаніе имени Дафны рядомъ съ именемъ ея сына было для нея непріятно.

Гиларій слушалъ, не прерывая, но сигаретка его потухла: онъ позабылъ, что куритъ.

Старинные часы за дверью пробили часъ. Мать встала и склонилась надъ нимъ.

— Для меня довольно щекотливо затрогивать такой вопросъ съ такимъ уже взрослымъ сыномъ, но я считаю своимъ долгомъ говорить безъ утайки: Дафна влюблена въ тебя, и она это доказала своей выходкой на обѣдѣ (тонъ ея голоса былъ мягкій, но въ то же время безпощадный); теперь пойдетъ молва по

всѣмъ сосѣдямъ. Держись въ сторонѣ отъ Дафны: она вѣдь не такая, чтобы тебѣ имѣть съ нею дѣло! Есть вещи, о которыхъ неудобно мнѣ, женщинѣ, съ тобой говорить, но если это окажется необходимымъ, я все разскажу!

Одной рукой она отвела ото лба его густыя кудри, нагнулась и поцѣловала сына въ лобъ, нѣжно проговоривъ:

— Покойной ночи!

Гиларій бросилъ въ сторону свой окурокъ и въ обѣ руки взялъ ея голову, прильнулъ къ ней съ нѣжной лаской, какъ дитя, и самъ поцѣловалъ.

Дойдя до дверей въ сѣни, она оглянулась:

— Хочешь сейчасъ узнать, на что̀ я намекаю? — тихо, но твердо спросила она.

— Нѣтъ, благодарю. Спокойной ночи!

Его вѣрный сѐтеръ подошелъ и легъ у его ногъ. Онъ закурилъ опять и задумался.

Вообще говоря, сыновья мало придаютъ цѣны тому, что̀ думаетъ ихъ мать о той или о другой молодой дѣвушкѣ; Гиларій тоже считалъ, что у него есть свой умъ, и что чужого ему не надо.

По мѣрѣ того, какъ онъ размышлялъ о происшедшемъ, его поражало сходство положенія Дафны передъ суровыми сплетницами-старухами съ его собственнымъ, когда его судилъ училищный ареопагъ; какъ онъ тогда не побоялся искренно высказать свое мнѣніе, такъ точно не побоялась и она. Ея смѣлость чрезвычайно понравилась ему, и онъ рѣшилъ при первой же возможности такъ ей прямо и сказать.

При мысли о томъ, что Дафна не побоялась за него заступиться, у него становилось тепло на душѣ.

Онъ зналъ, что ей не пройдетъ даромъ выходка, за которую на нее ужъ навѣрное злы добродѣтельныя сплетницы, и что онѣ охотно будутъ развивать свою выдумку о ея влюбленности, лишь бы ей отомстить за дерзость. Когда имъ надоѣстъ забавляться этой клеветою, онѣ взведутъ на нее другую. Это онъ зналъ по собственному опыту. Но ему-то было все равно, что̀ про него ни скажутъ; онъ давно предоставилъ все своему естественному теченію... Но Дафна? Что̀ могутъ значить слова матери? Чего она не можетъ ему объяснить? Этотъ вопросъ онъ рѣшилъ, что самъ предложитъ Дафнѣ.

Можно бы спросить у матери или хоть просто не мѣшать ей высказаться, только...

Гиларій не докончилъ своей мысли и бросилъ въ траву ярко пылавшій окурокъ.

VIII.

Три дня буря и дожди продержали Дафну безвыходно дома. На четвертый—мать повезла ее съ братишками въ городъ за сапогами. На пятый—у нихъ обѣдали гости, двѣ-три сосѣдки, которыхъ разбирало любопытство поближе посмотрѣть и разузнать, какъ обстоитъ дѣло, а въ такихъ случаяхъ самымъ лучшимъ средствомъ не пропустить ни одной сенсаціонной новости—считаются обѣды. На шестой—отецъ спозаранку уѣхалъ въ поле и на мызу, а мать къ кому-то на обѣдъ... и Дафна, наконецъ, осталась одна дома.

Всѣ эти дни Гиларій старался ее увидать и выѣзжалъ на дорогу, по которой она ходила къ теткѣ въ опредѣленное время, но ее нигдѣ не было видно, и ему еще досаднѣй становилось, что мимо ходитъ столько народу, женщинъ и дѣтей, когда ему надо одну, только одну ее,—Дафну! Продолжительное разочарованіе еще больше разжигало его желаніе повидаться.

Въ тотъ день онъ, наконецъ, издали ее завидѣлъ и вскорѣ очутился рядомъ съ нею, ведя лошадь на поводу.

— Я давно хотѣлъ видѣть васъ,—сказалъ онъ съ улыбкой, но серьезно.

— А мнѣ давно ужъ надо было съ вами повидаться,—чуть слышно проговорила Дафна, отворачиваясь отъ него.

Она вся какъ-то измѣнилась, и перемѣна эта была въ ней такъ неожиданна, такъ очевидна, что Гиларій смутился и глазами какъ бы искалъ, гдѣ бы укрыться отъ палящихъ лучей солнца. Невдалекѣ росъ одинъ изъ кустовъ терновника, которыхъ такъ много въ этой части штата, и которые густо обвиваетъ виноградная лоза. Шаловливый вѣтеръ доноситъ сюда зернышко—другое и, не страшась иглъ терновника, цѣпляются за него, льнутъ къ нему довѣрчиво молодые виноградные побѣги.

— Пойдемъ туда, — предложилъ Гиларій. — Мнѣ надо съ вами поговорить!

Они молча свернули съ дороги, молча дошли и молча усѣлись подъ сѣнью курчавыхъ вѣтвей, спугнувъ нѣсколькихъ овечекъ, которыя мирно щипали себѣ траву и перебѣжали на ту сторону куста, поглядывая оттуда своими кроткими, испуганными глазами.

— Въ чемъ же тутъ дѣло?—приступилъ Гиларій, запуская палецъ за воротъ рубахи, чтобъ оттянуть его отъ шеи. Въ его голосѣ и манерѣ отражалось покровительственное отношеніе старшаго товарища къ младшему, слабѣйшему.

— Да ни въ чемъ,—отвѣтила коротко Дафна.

— А вотъ въ чемъ,—настоятельно возразилъ онъ.—Я на васъ навлекъ непріятность. Но я, право, объ этомъ и не подумалъ, когда звалъ васъ потанцовать.

— Вы тутъ ни при чемъ!—воскликнула молодая дѣвушка.— Я сама танцовала имъ на̀ зло!

Гиларій откинулъ голову назадъ и залился звонкимъ смѣхомъ. Но вдругъ смѣхъ его оборвался, и онъ привсталъ, вглядываясь впередъ.

— Вонъ ѣдетъ вашъ отецъ,—замѣтилъ онъ, и въ тотъ же мигъ у него вылетѣло изъ головы все, что̀ онъ такъ долго и такъ разсудительно собирался ей разъяснить при свиданіи.—„Очень мнѣ нужно было говорить про его старые заборы! — подумалъ онъ про себя:—чортъ бы побралъ моего быка“!

Дафна поймала на себѣ его тревожный взглядъ; оба переглянулись и дружно разсмѣялись.

— Что̀ же мнѣ теперь дѣлать?—вся красная, въ смущеніи спросила Дафна.—Если онъ насъ увидитъ, мы *пропали*!

— Нѣтъ: мы *найдены*!—съострилъ молодой фермеръ.

— Не надо, чтобъ онъ видѣлъ меня здѣсь! — воскликнула она.—Я думаю, мнѣ лучше всего лечь въ траву. Онъ если и увидитъ, то подумаетъ, что это кто-нибудь изъ вашихъ же друзей.

— Мои друзья всегда *сидятъ* на травѣ, — возразилъ Гиларій; но она уже прилегла, и ему оставалось только встать такъ, чтобы съ дороги ея не было видно.

— Не лучше ли прилечь на̀ землю и вамъ?

— Нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшилъ онъ отвѣтить.

— Но если онъ замѣтитъ васъ и вздумаетъ подъѣхать? Онъ вѣдь и меня увидитъ!

— Такъ что̀ жъ такое?

— Какъ хорошо! Самъ же накликалъ на меня бѣду, да еще и помочь мнѣ не хочетъ!—горячилась Дафна.

— Если я спрячусь, это не поможетъ,—отвѣчалъ онъ спокойно;—но если онъ увидитъ насъ и захочетъ сдѣлать намъ непріятность, тогда посмотримъ, что̀ я могу сдѣлать!

Дафна еще крѣпче приникла къ землѣ и вдругъ весело и задорно заявила:

— Вы не подумайте, что я его боюсь; я просто такъ хочу!

Она не понимала, что приливъ счастья, охватившій ее, былъ сознаніемъ отраднаго чувства, что Гиларій является ея защитникомъ въ эту минуту.

Онъ и самъ сознавалъ, что онъ, какъ сильнѣйшій, какъ муж-

чина, обязанъ вынести на своихъ плечахъ удары, которыми начнутъ ихъ осыпать, если отецъ откроетъ, что Дафна была здѣсь съ нимъ наединѣ. Отецъ ея—человѣкъ крутого нрава, да въ Кентукки и никто на его мѣстѣ не допустилъ бы подобныхъ обстоятельствъ...

Однако на лицѣ Гиларія не видно было ничего, кромѣ его обычной безпечности.

— Онъ сюда ѣдетъ?—нетерпѣливо окликнула его Дафна.

— Да; прямо на насъ!

— И видитъ васъ?

— Еще бы!

— А меня видитъ?

— Быть можетъ.

— Чтò же вы дѣлаете со мною?—воскликнула Дафна и вскочила. Отецъ ея ѣхалъ прямо на нихъ, но не смотрѣлъ въ ихъ сторону. Въ одинъ мигъ, какъ куропатка, Дафна скрылась въ травѣ.

— Скажите мнѣ, когда можно будетъ встать! — приказала она.

— Хорошо, скажу.—И Гиларій тихонько повернулся къ ней.

Она лежала на боку, положивъ на ладонь свою румяную щечку. Глаза ея были закрыты, губы улыбались; изъ-подъ голубого платьица виднѣлся подолъ ея бѣлоснѣжной юбки и стройная ножка. Такой дѣтски-чистой простотой и невинностью вѣяло отъ всей ея дѣвичьей фигурки, что Гиларій невольно на нее заглядѣлся.

— Ну, чтò, можно?—спросила она.

— Нѣтъ. Нѣтъ еще!

— А теперь?

— Нѣтъ еще! — мягче прежняго сказалъ молодой фермеръ.

Она сѣла на травѣ и увидала, что брички отца почти уже не видно. Ея движеніе спугнуло молоденькихъ овечекъ, и онѣ пугливо уставились на нее, остановившись совсѣмъ близко.

— Пошли прочь! — въ свою очередь пугливо замахала на нихъ Дафна руками, и онѣ бросились во всѣ стороны.

Водворилось молчаніе.

Дафна потянулась впередъ за тонкой травинкой и, сорвавъ ихъ нѣсколько сразу, принялась обвивать ихъ тонкіе стебли вокругъ пальца въ видѣ колечка, какъ это изстари дѣлалось и будетъ дѣлаться въ ея родномъ Кентукки. Болтая съ нею, Гиларій все время глазъ не сводилъ съ ея ловкихъ пальчиковъ, съ ея руки и съ очертаній ея лица и стана...

— Постойте! Лучше я,—остановилъ онъ ее и придвинулся поближе, протягивая руку за травкой въ ея рукахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо: вы не съумѣете!—и Дафна заложила руки за спину. Но Гиларій не поддавался и насильно хотѣлъ взять ее за руку.

— Говорю вамъ—съумѣю превосходно!

— Говорю вамъ—нѣтъ, и нѣтъ!—возразила молодая дѣвушка, поднимаясь и надѣвая шляпу.

— Такъ вы и уйдете? И не переговорите со мной? А я думалъ, что вы добрѣе другихъ! Но всѣ вы, женщины, видно, на одинъ покрой: если человѣка никто знать не хочетъ, вы первыя совсѣмъ готовы отъ него отвернуться! Меня прогнали изъ числа членовъ церкви, а теперь вы еще, вдобавокъ, знать меня не хотите! Ну, хорошо же!.. Но да будетъ вамъ извѣстно, что вы мнѣ нравились всегда, всегда!

Не въ первый разъ разыгрывалъ онъ эту роль, и она ему очень удавалась. Но Дафна слышала все это впервые, и ею овладѣло счастье, при мысли, что она ему такъ дорога. Значитъ, онъ ничего не знаетъ про обѣдъ, про ея выходку?..—подумала она и сдѣлалась смѣлѣе.

— Да; такъ и уйду!—повторила она, утвердительно качнувъ головой.—И больше не приду: строго запрещено!

— Ну, такъ теперь-то хоть немного побудьте со мною... на прощанье! — умоляя ее и взглядомъ, и словами, проговорилъ онъ.

— Только недолго; а то дождь пойдетъ,—замѣтила Дафна.

— И значитъ — никогда, никогда больше мы не увидимся съ вами?—настаивалъ онъ.

— Да: ни-ко-гда!!—и она звонко засмѣялась.

— Такъ я совью вамъ на̀ руку кольцо, чтобъ вы меня совсѣмъ не позабыли!—и взглядъ его былъ такой искренній и такой грустный, что Дафна не особенно сопротивлялась, когда онъ поймалъ за спиной ея руку и тихо, движеніемъ, полнымъ нѣжной ласки, припялся обводить вокругъ ея пальца тонкой травкой. Вдругъ онъ бросилъ плести и горячо сжалъ ея обѣ руки въ своихъ сильныхъ рукахъ...

— Отецъ идетъ!—предостерегла она, отбѣгая отъ него на нѣсколько шаговъ; но, конечно, отца нигдѣ не было видно. Это только напомнило ему, что онъ подвергаетъ ее опасности.

— Никто не имѣетъ права запретить намъ видѣться!—сказалъ онъ ей рѣшительно,—но это правда: здѣсь насъ увидятъ; сюда больше нельзя приходить.

— Да; сюда нельзя! — повторила она чуть слышно, и они пошли къ луговой тропинкѣ.

— Смотрите же, не позабудьте: завтра, за пастбищемъ, въ четыре часа!—рѣшилъ Гиларій, разставаясь.

Но Дафна шла молча, не оглядываясь.

— Придете?—крикнулъ онъ ей вдогонку.

Она оглянулась и показала ему свое свѣженькое и счастливое лицо, готовое сложиться въ веселую улыбку.

— Ну, приходите же! Да непремѣнно!

Она засмѣялась и отрицательно покачала головой.

— Ну, говорите же: придете?

Она стояла все на томъ же мѣстѣ и крикнула въ отвѣтъ:

— Вы приходите смѣло! Тамъ ни одна душа не потревожитъ васъ. Не позабудьте только: завтра, въ четыре часа!

— Да вы-то будете ли тамъ завтра?

— А вы?—донесся до него шаловливый вопросъ.

— Я буду каждый день туда ходить, пока васъ не дождусь! Да, каждый день!

IX.

На опушкѣ лѣса, позади его, тянулся старый заборъ, которому полагалось обозначать границы владѣній Гиларія и отца Дафны. Тутъ же росла старая береза съ корявымъ, раздвоеннымъ стволомъ, къ которому, когда здѣсь паслись волы старшаго изъ сосѣдей, онъ привязывалъ ихъ за рога.

Во все остальное время здѣсь была поразительная тишина. Никто сюда не проложилъ тропинки и вдоль забора зеленѣли мохъ, трава и пестрѣли іюньскіе свѣжіе цвѣты.

На другой же день Дафна пошла туда въ надеждѣ, что Гиларій уже тамъ—и ждетъ ее.

Съ той минуты, какъ онъ указалъ ей возможность все-таки встрѣчаться, несмотря на запрещеніе, съ той минуты, какъ она повѣрила, что она дорогà ему,—жизнь получила въ глазахъ Дафны новую окраску, новый интересъ. Домашнія условія и вся ея прошлая жизнь не такъ сложились, чтобы въ душѣ ея могла развиться потребность быть доброй и участливой къ другимъ. Но теперь, когда любовь нахлынула на нее могучей волной и освѣтила, облагородила, смягчила ея сердце, у Дафны явилось невольное стремленіе быть снисходительнѣе и добрѣе къ своимъ роднымъ, домашнимъ.

Вернувшись съ поля, отецъ нашелъ на столѣ свой старин-

ный кувшинъ богемскаго хрусталя, до краевъ наполненный студенымъ лимонадомъ, отъ котораго отпотѣли его наружныя стѣнки. Но онъ этого не замѣтилъ, какъ не замѣтилъ добродушной ласки, съ которой она добровольно вынесла ему на крыльцо и налила это душистое питье. Онъ даже не взглянулъ, не поблагодарилъ ее; и въ его суровости она нашла себѣ новую опору, новое оправданіе къ своимъ тайнымъ свиданіямъ съ молодымъ сосѣдомъ.

Какъ только Дафна вступила подъ лѣсную сѣнь, какъ только позади осталось знойное дыханье раскаленнаго лѣтняго воздуха, ей вздохнулось вольнѣе.

Неопытная, простодушная, она, конечно, не могла отдать себѣ отчета, что, идя на свиданье съ человѣкомъ, который дорогъ ей, она вступаетъ на опасный путь, сгубившій до нея множество довѣрчивыхъ сердецъ. Но для Дафны это былъ день особый,—день, какой бываетъ въ жизни каждой женщины только однажды. А она меньше, чѣмъ другія, понимала, что голоса природы не всегда безопасно слушаться, и меньше другихъ умѣла бороться со своими страстями. Юная, жизнерадостная, она стремилась безпечно къ новому источнику счастья, которое могло ей дать то, чего ей не хватало дома. Самый пестрый мотылекъ, самая нарядная бабочка не могли съ нею спорить въ красотѣ и свѣжести, когда она вошла въ лѣсъ, прячась вдоль его опушки, чтобы кто-нибудь посторонній ее здѣсь не увидѣлъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея подъ деревомъ сидѣлъ Гиларій, лицомъ въ ту сторону, откуда она должна была придти: тамъ было отверстіе въ заборѣ. На травѣ подлѣ него были брошены кожаныя перчатки для верховой ѣзды; на колѣняхъ была раскрыта записная книжка, въ которой онъ что-то царапалъ, то-и-дѣло отрываясь отъ нея и поглядывая въ ту сторону, откуда онъ поджидалъ Дафну, и снова принимался писать.

Дафна не могла глазъ отъ него отвести; сердце ея усиленно билось, въ ушахъ стучало; непривычная робость заставила ее отступить прочь, подальше. Въ эту минуту заяцъ выскочилъ у нея изъ-подъ ногъ и опрометью бросился на опушку лѣса, стараясь пробѣжать незамѣтно открытое пространство передъ деревомъ, гдѣ сидѣлъ Гиларій; но это ему не удалось.

Молодой фермеръ, по привычкѣ своихъ дѣтскихъ лѣтъ, увидя, что заяцъ присѣлъ въ испугѣ, насторожив ушки, швырнулъ въ него перчаткой, и косой бросился въ сторону, въ одно мгновеніе ока пропавъ въ густой травѣ. Гиларій проводилъ его

веселымъ, беззаботнымъ смѣхомъ и, еще смѣясь, пошелъ подбирать свои перчатки.

Когда онъ вернулся, на его мѣстѣ преспокойно сидѣла Дафна.

— Я думала, вы такъ и не придете!—съ упрекомъ проговорила она.

Онъ стоялъ передъ нею въ восторженномъ удивленіи.

— Какъ вы сюда перелетѣли?

— Пѣшкомъ! А вы что̀ такое писали?—спросила она шутливо, но строго.

— Записку къ вамъ. Я думалъ, что вы не придете, и собирался къ вамъ послать.

— Подайте сюда! Вѣдь она моя.

Онъ вынулъ изъ кармана свою записную книжку и, отыскавъ страничку, на которой только-что писалъ, подалъ ей.

Это была старая кожаная карманная книжка, съ которой, какъ ему казалось, было неразрывно связано понятіе о фермерскомъ званіи. Онъ счелъ своимъ долгомъ обзавестись ею, когда, по смерти отца, очутился во главѣ хозяйства.

Чего-чего только въ ней не было! Сначала шли длинные перечни цѣнъ на сельско-хозяйственныя принадлежности; цѣны на хлѣбъ; разсчетъ съ рабочими; размѣры урожая сравнительно съ посѣвомъ; сроки, когда можно ожидать въ табунѣ приплода... А въ концѣ книги, вкривь и вкось, иногда по нѣскольку разъ подъ рядъ, писалось одно и то же, но совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ въ началѣ.

Тутъ странички пестрѣли женскими именами — полностью или только въ видѣ уменьшительныхъ именъ. Нерѣдко, сидя въ бричкѣ рядомъ съ той или другой дѣвицей, онъ умолкалъ и дѣлалъ видъ, что записываетъ нѣчто дѣловое, а потомъ, по ея настоянію, давалъ ей прочесть и плечомъ къ плечу слѣдилъ за впечатлѣніемъ, которое производило его признаніе. Такой своеобразный способъ объясненія въ любви (онъ зналъ по неоднократному своему опыту) былъ дѣйствительнѣе самыхъ пылкихъ устныхъ объясненій и не былъ для него новинкой.

Но Дафна первый разъ въ жизни читала любовное письмо.

Какъ вода жаждущему, какъ единеніе съ друзьями человѣку одинокому, такъ было дорого для нея каждое его слово.

Для него эти слова не были выраженіемъ дѣйствительнаго чувства и даже не преслѣдовали этой цѣли; для нея это были

священнѣйшія письмена, какія когда-либо могли распахнуть предъ нею врата райской обители среди земной юдоли...

Окончивъ чтеніе, она вспыхнула, какъ маковъ цвѣтъ, не смѣя глаза поднять, чтобы не выдать своего сочувствія его сердечной тайнѣ, и въ замѣшательствѣ перелистывала странички.

— Это все тоже мнѣ читать?—спросила она.

Гиларій вскочилъ на ноги и весь зардѣлся.

— Подайте назадъ! — воскликнулъ онъ, пытаясь вырвать книжку у нея изъ рукъ.

— Вы сами же дали *мнѣ* ее читать!—спорила Дафна, которой смѣхъ, однако, не мѣшалъ бороться.

Стоя передъ нею на колѣняхъ, онъ, наконецъ, разжалъ ей руку, которая держала записную книжку, и одной рукой положилъ ее къ себѣ въ карманъ, а другою крѣпко сжалъ провинившуюся, непокорную ручку Дафны.

— Полно, Гиларій! Пустите!—ласково сказала она, слегка охнувъ отъ боли. Но онъ захватилъ уже обѣ ея руки и хотѣлъ привлечь ее къ себѣ на грудь.

— Гиларій!—крикнула она, испуганная его грубой лаской, и, вырвавшись, отбѣжала къ ближайшему дереву, подъ его защиту. Лицо ея поблѣднѣло; одной рукою она обняла стволъ березы и прислонилась къ ней. Черты ея открытаго лица вдругъ стали строги и холодны, какъ мраморъ. Темные глаза выражали ужасъ.

Гиларій также молча смотрѣлъ на нее, блѣднѣя...

Но вотъ она, какъ бы сообразивъ, что̀ ей остается дѣлать, повернулась и побѣжала по направленію домой. Гиларій бросился за нею.

Дафна остановилась и оглянулась на него; ему почудилось, что она вдругъ выросла у него на глазахъ; взглядъ ея былъ грустно спокойный и смутилъ его больше, чѣмъ ея сопротивленіе.

Не двигаясь съ мѣста, онъ смотрѣлъ, какъ она шла, все удаляясь отъ него, какъ вдругъ собрала послѣднія силы и бѣгомъ пустилась впередъ... Ноги у нея дрожали; она упала, споткнувшись, и, съ трудомъ подымаясь, испуганно оглянулась на него, прежде чѣмъ продолжать свое бѣгство.

За много-много лѣтъ она впервые испытала чувство, что будетъ въ безопасности только у себя дома, что тамъ ужъ посторонній не посмѣетъ обойтись съ нею грубо.

Гиларій обошелся съ нею грубо, и она отшатнулась отъ него.

Не одна молодая дѣвушка, невѣста или новобрачная, влюбленная въ своего мужа, испытала это чувство отчужденности, испуга.

Дома Дафна пробѣжала къ себѣ въ комнатку и заперлась на ключъ. Бросившись ничкомъ въ подушки, она долго лежала на постели неподвижно. Солнце клонилось къ закату, и птица съ громкимъ крикомъ сбиралась во дворѣ. Телята ревѣли; козы блеяли; люди покрикивали на нихъ и сами спѣшили поужинать и отойти ко сну. Дафнѣ было слышно, какъ съ грохотомъ выносили на крыльцо большой обѣденный столъ; какъ стучали приборами, накрывая его на ужинъ; какъ по двору прошелъ кто-то въ погребъ и назадъ на крыльцо.

Вотъ голосъ матери; вотъ она у лѣстницы и снизу кличетъ дочь:

— Дафна! Иди же, ужинать пора!

Немного погодя, по лѣстницѣ раздаются чьи-то легкіе шаги и топотъ маленькихъ ножекъ останавливается у ея дверей. Кто-то царапаетъ, силясь отворить дверь; кто-то кричитъ:

— Дафна! Иди, да поужинаемъ вмѣстѣ... право!

Еще немного спустя, у лѣстницы раздается другой суровый голосъ:

— Дафна!

Но отвѣта нѣтъ.

Тогда чьи-то тяжелые, неловкіе шаги поднимаются вверхъ по лѣстницѣ, и голосъ отца повторяетъ строго имя дочери:

— Дафна!—и рука его рванула за ручку дверь, чтобъ распахнуть ее.

Дочь встаетъ и отпираетъ.

— Это еще что̀ за новость?—спрашиваетъ онъ, и ведетъ ее къ окну.—Что̀ съ тобой такое?

Какъ ни блѣденъ свѣтъ догорающаго дня, Дафна отворачиваетъ отъ него лицо свое. Въ одинъ мигъ забыты прошлыя обиды, и грубость, и отцовская несправедливость... Ея руки обвиваютъ загорѣлую шею отца, лицо прячется на грудь, а губы лепечутъ надрывающимъ душу воплемъ:

— О, папа, папа! Ты у меня одинъ... одинъ!..

X.

Домъ ея отца стоялъ на пригоркѣ, у подножія котораго пробивалась вѣчно-журчащая струя студенаго ключа. Русло его нарочно расширили и надъ нимъ изъ грубаго камня сложили

погребъ, какіе, даже въ этой мѣстности, уже почти вывелись изъ употребленія. Въ воду—черную и холодную—были опущены высокіе, большіе булыжники, чтобы можно было переступать съ одного на другой, не замочивъ ногъ; а между камнями, въ студеной водѣ, колыхались жестянки и кувшины, въ которыхъ хранилось молоко и масло, подъ защитою неизмѣнной почвенной прохлады. Внизъ по холму, къ погребу спускалась тропинка, которая шла, извиваясь, отъ скотнаго двора, мимо стараго огорода, гдѣ росли персиковыя деревья и яблони.

Какъ-то подъ вечеръ, недѣли двѣ спустя, Дафна по обыкновенію спустилась внизъ по тропинкѣ, чтобы снять сливки на ужинъ; служанка должна была придти за ними попозже. Въ полутьмѣ погреба, въ который падалъ мягкій зеленоватый свѣтъ отъ его глубокихъ стѣнъ, стройная дѣвичья фигура Дафны, одѣтой въ бѣлое простенькое платьице,—ея сосредоточенное, грустное личико и тихія движенія — все это, вмѣстѣ взятое, производило впечатлѣніе такой свѣжести и духовной чистоты, что ее можно было сравнить только съ полевымъ скромнымъ цвѣткомъ, который притаился въ глубинѣ сочной, высокой травы и оттуда боязливо выглядываетъ на свѣтъ божій.

Но не боязнью, а грустью были полны взгляды ея темныхъ, задумчивыхъ глазъ. Думы ея были невеселы и неразнообразны. Она думала все о немъ, объ одномъ, и не могла ни днемъ, ни ночью отъ него оторваться. И теперь, задумавшись на минуту, она какъ будто застыла на мѣстѣ, и ее легко можно было издали принять за мраморное изваяніе молчаливой нимфы. Подножіемъ служитъ ей большой, высокій камень...

Вдругъ отверстіе погреба заслонила собой чья-то большая черная тѣнь. Дафна равнодушно оглянулась... На порогѣ стоялъ Гиларій, глядя внизъ на нее грустнымъ, тревожнымъ взглядомъ.

Въ мигъ забыто было все, что̀ она перечувствовала за послѣдніе томительные дни; забыто ея возмущеніе противъ грубости и обиды; забыты муки и безнадежная тоска, которая ея не покидала; забыто даже то естественное негодованіе, которое ей бы слѣдовало ощущать при видѣ его въ такой часъ и въ такомъ мѣстѣ. Сердце ея наполнилось одной только отрадой, что онъ пришелъ, — онъ тутъ, подлѣ нея! Но въ то же время, по наружности, она какъ бы окаменѣла, и ея грустный, испуганный взглядъ воздвигъ между ними непреодолимую преграду.

— Я каждый, каждый божій день старался васъ увидѣть, —началъ онъ скромно: — но все не удавалось, — вы сидѣли дома. Я понимаю—почему, и я васъ не виню; но не могу я

больше терпѣть этой муки! Еслибъ еще сегодня мнѣ не удалось васъ видѣть, я такъ бы прямо и пошелъ къ вашимъ, объясняться... Мнѣ все равно! Да, и пошелъ бы! — порывистымъ движеніемъ онъ подтвердилъ свой сердечный вопль. Впервые въ голосѣ его звучали отголоски искренняго чувства, впервые вылилась въ нихъ его глубокая любовь.

За двѣ недѣли ихъ разлуки, первые дни онъ страдалъ отъ простого разочарованія и досады; и мало духовнаго было въ его чувствѣ. Но по мѣрѣ того, какъ дни шли за днями, въ немъ стало пробуждаться что-то новое, непонятное для него самого и не имѣющее ничего общаго съ ощущеніемъ чисто-матеріальнаго разочарованія; досада, почти озлобленіе отходили на задній планъ, а передъ нимъ оставалось и теплилось тихимъ сіяніемъ что-то другое—духовное, живое, поглощающее всѣ его думы, сосредоточенное на „ея“ не плотской, но духовной красотѣ...

И эта перемѣна отразилась на его лицѣ, на его почти робкомъ, почтительномъ обращеніи. Дафна сразу это замѣтила, и всего прошлаго для нея вдругъ какъ не бывало.

Гиларій подвинулся ближе къ ней.

— Подите прочь!—долетѣлъ до него слабый, тихій голосъ. Но онъ все подходилъ ближе и ближе, пока не сталъ тоже на камнѣ, рядомъ съ нею.

— Я не могу уйти!—говорилъ онъ, умоляюще глядя на нее. —Я понимаю, чтò вы должны чувствовать; но и вы, Дафна, должны постараться понять, чтò со мной дѣлается!..

— Не могу я съ вами тутъ стоять и говорить,—возразила она.—Сейчасъ сюда придутъ и... васъ увидятъ!

— Тогда я пойду къ вамъ вмѣстѣ съ вами,—упрямился онъ. —Я попрошу у вашей матери, у вашего отца!.. Только бъ вы сами мнѣ сказали...

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула она.—Это все испортитъ... а мнѣ будетъ только хуже! Они мнѣ пригрозили, что если я хоть разъ увижусь съ вами, они меня ушлютъ куда-нибудь... ну, въ какой-нибудь пансіонъ, куда-нибудь подальше... Уйдите хоть ради меня!

— О, если такъ,—они васъ не ушлютъ! Это отъ васъ самой зависитъ, не отъ нихъ.

— Если я хоть что-нибудь значу для васъ,—умоляю васъ, уйдите!

— Только бы мнѣ васъ увидать, — но гдѣ и какъ?

— Дайте мнѣ подумать.

— Я не уйду, пока вы не дадите обѣщанія.

— Да не могу же, не могу я обѣщать!

— Но вы теперь развѣ не можете довѣриться мнѣ, Дафна?

— О, да! Только уйдите поскорѣй, уйдите!

— Придете завтра на опушку?

— Я... я гдѣ-нибудь увижусь съ вами... скоро!

— Нѣтъ, завтра! Непремѣнно завтра; а не то я приду и— прямо къ вашимъ!

— Еслибы вы меня дѣйствительно любили, вы бы сейчасъ ушли! — проговорила Дафна, въ порывѣ сознанія, что власть женщины надъ мужчиной все-таки велика.

Гиларій повернулся и тихо пошелъ прочь.

На другой день Дафна пошла къ опушкѣ лѣса, на лужайку, гдѣ онъ ужъ поджидалъ ее; и съ этихъ поръ она стала часто приходить туда и видѣться съ нимъ по нѣскольку разъ въ недѣлю.

Природа ликовала. Вокругъ все такъ цвѣло, такъ пышно расцвѣтало, какъ можетъ только расцвѣтать въ пору любви, въ глазахъ влюбленныхъ.

Гиларій, между тѣмъ, становился день ото дня разсѣяннѣе и какъ бы лѣнивѣе. Случалось, что онъ уѣзжалъ въ поле, на работу и валялся въ травѣ въ то время, какъ лошадь его отъ скуки щипала траву. Накинувъ себѣ на лицо шляпу, онъ могъ по цѣлымъ часамъ лежать неподвижно, и только обѣденный колоколъ вызывалъ его изъ состоянія полнаго забытья. Вяло, позабывъ о работѣ, шелъ онъ обратно, домой; а вечеромъ, вскочивъ на-лошадь, отправлялся себѣ шататься безцѣльно и поздней ночью возвращался домой, никого не видавши, ни съ кѣмъ не перемолвясь ни словечкомъ.

Дома его ждала мать, кормила и поила, не сводя съ него тихаго, пытливаго взора, окружая своего любимца безмолвными заботами и лаской. Когда онъ погружался въ тяжелую дремоту, она нѣжно помахивала вѣеромъ надъ лицомъ уснувшаго... Но разспрашивать о причинѣ происшедшей въ немъ перемѣны, или хоть догадываться о ней, она не могла; а все-таки ей было больно его молчаніе, и она потихоньку удалялась... Тогда къ Гиларію подходилъ его сétеръ и любовно смотрѣлъ ему въ глаза своимъ умнымъ, добрымъ взглядомъ, положивъ голову къ нему на колѣни. А въ это время не одна дѣвушка-сосѣдка простаивала долго понапрасну у своей калитки, поджидая,

не скрипнетъ ли калитка у ея сосѣда? Не одно освѣщенное окно богатаго дома въ городѣ манило къ себѣ долгожданнаго, привѣтливаго гостя... Но все напрасно! Онъ не показывался ни тутъ, ни тамъ.

Для него всѣ женщины въ мірѣ воплотились въ одной только Дафнѣ.

Сначала онъ настаивалъ на томъ, чтобъ непремѣнно переговорить съ ея родителями или съ однимъ отцомъ; но она возражала, что это будетъ хуже, что они отнюдь не позволятъ, что она, Дафна (да и онъ тоже!) — еще совсѣмъ дитя. Но скоро Гиларій и самъ разсудилъ, что было бы неумно жениться въ такіе годы, что у него даже нѣтъ еще собственнаго крова, гдѣ бы онъ могъ пріютить свою жену, да и мать его никогда не примирится съ его выборомъ.

Поэтому, они все-таки продолжали видѣться, и только Гиларій подумывалъ порой о томъ, насколько ихъ положеніе серьезно; отвѣтственность, которая падала на него, заставляла его внимательнѣе и строже относиться къ себѣ, какъ къ старшему изъ нихъ двухъ. Онъ видѣлъ, что она беззаботно довѣряется ему, видѣлъ, что она счастлива этимъ довѣріемъ и его глубокимъ чувствомъ, и ему не хотѣлось злоупотребить ни тѣмъ, ни другимъ. Бывали дни, когда эту строгость къ себѣ онъ доводилъ до крайности и становился безотчетно молчаливъ, сосредоточенъ, безъ причины едва отвѣчалъ, и то невпопадъ, или отвѣчалъ грубо, раздражительно.

Дафна не понимала, что̀ творится съ ея другомъ; ей въ такихъ случаяхъ чаще всего думалось, что она, можетъ быть, ему ужъ надоѣла, что эта раздражительность—начало охлажденія.

— Что̀ жъ это? Или онъ разлюбилъ такъ скоро? Или никогда не любилъ меня?—спрашивала она себя тревожно, и почти готова была рѣшить, что это такъ.

Разъ какъ-то ей вздумалось спросить, бываетъ ли онъ иногда на томъ мѣстѣ, гдѣ они привыкли встрѣчаться, когда ея тамъ нѣтъ? Гиларій отвѣчалъ, что бываетъ—и, въ одинъ ясный, солнечный день, проѣзжая мимо по близости, онъ привязалъ лошадь къ дереву и пошелъ на то мѣсто. Дафна уже была тамъ; она неподвижно стояла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ наканунѣ; лицо ея было закрыто руками: очевидно, она молится горячо.

Неслышными шагами Гиларій удалился, какъ пришелъ, а въ душѣ его шевельнулось чувство благоговѣйнаго вниманія къ тому,

что въ эту минуту могла испытывать она, и нѣжнѣйшаго уваженія къ ней, какое доселѣ ему было еще незнакомо.

Долго въ ту ночь сидѣлъ онъ на крыльцѣ.

„Съ чего вздумалось ей именно тамъ молиться? И о чемъ?—думалъ онъ напряженно.—Или въ ней происходитъ та же внутренняя борьба, которая томитъ и меня неумолимо"?

Тихая ночь благоухала, навѣвая миръ и тишину на его мятежную душу. Давно ли онъ безпечно, равнодушно порхалъ, какъ мотылекъ, гдѣ бы ни случилось ему прильнуть къ цвѣтку, напоенному медомъ? Конецъ бродяжной жизни, исполненной легкомыслія! Теперь его влечетъ къ себѣ, ему дорого воспоминаніе о Дафнѣ, о ея молитвѣ, какъ не влекла еще ни разу ни одна дѣвичья пышная краса. Онъ смутно чувствовалъ, что теперь счастье для него будетъ заключаться въ томъ, въ чемъ она, Дафна, будетъ видѣть ихъ общее счастье, и что въ этомъ будетъ впредь заключаться для обоихъ ихъ нравственное прибѣжище и защита.

XI.

Прошелъ іюнь и почти весь іюль.

Въ городъ пріѣхалъ странствующій циркъ, и съ самаго утра дорога покрылась пылью. Ѣхали туда старъ и младъ; бросали въ полѣ свои бороны и сохи и спѣшили домой принарядиться, а пріодѣвшись, безъ памяти стремились въ городъ, кто въ экипажахъ, кто по желѣзной дорогѣ. На каждой станціи садились кучи нарядного люда.

Въ поляхъ работы пріутихли; въ поселкахъ и на мызахъ умолкъ шумливый говоръ. Только изрѣдка можно было запримѣтить на крылечкѣ старика-дѣдушку или прилежную, но уже совсѣмъ дряхлую старушку, которая съ трудомъ, какъ сонная, перебирала спицы своего чулка. Сквозь небрежно притворенную калитку куры съ цыплятами пробирались въ огородъ и съ ожесточеніемъ вырывали изъ градъ молодые, сочные побѣги гороха. Только въ лѣсу никто не шелохнется; въ лѣсу прохлада и такая тишина, которую жутко и боязно тревожить.

Дафна неслышными шагами, какъ быстрая, безмолвная тѣнь, скользила по травѣ, и ей казалось, что вмѣстѣ съ ея сердцемъ и вся природа замерла въ напряженномъ ожиданіи: вотъ-вотъ, кто-то мелькнетъ, покажется вдали.

Она, отчасти въ видѣ испытанія, назначила ему придти сюда въ этотъ самый день. Дафна знала, что онъ поѣдетъ въ циркъ

(самъ же онъ это говорилъ), и знала, что онъ предвкушалъ заранѣе то наслажденіе, которое ему доставитъ щегольской нарядъ и блестящее представленіе. Онъ даже убѣдительно просилъ ее назначить другой день, нó Дафна оставалась непреклонной. Гиларій согласился, и даже самъ строилъ планы, какъ онъ пойдетъ бродить по городу нарочно, чтобы видѣли его знакомые и друзья, и могли бы подумать, что и онъ пойдетъ въ циркъ, а тамъ... Тамъ ужъ онъ скоро будетъ на опушкѣ лѣса, около своей Дафны!

Дафна спѣшитъ къ опушкѣ и, раздвигая осторожно вѣтви, смотритъ на лужайку...

— Ни души!.. И подъ березой также!

Обойдя вокругъ дерева, она притаилась за его толстымъ стволомъ и тотчасъ же выглянула оттуда, въ надеждѣ его увидѣть... Но напрасно! По близости никого не было видно.

„Но, можетъ быть, онъ просто притаился и только ждетъ мгновенія, когда самъ бросится ко мнѣ на встрѣчу“?—думаетъ она, но больно ноетъ сердце, и, какъ невольный вздохъ, проносится ея негромкій зовъ:

— Гиларій!..

Въ лѣсной тишинѣ ея возгласъ показался ей черезчуръ рѣзкимъ, громкимъ. Въ душѣ уже зашевелилось нѣчто другое, страшнѣе, нежели сама боязнь, что ее вдругъ услышатъ.

— Гиларій!—громко, неудержимо пронесся подъ листвою ея вопль.

Но все вокругъ молчало.

Только встревоженная бѣлка вспрыгнула и скрылась въ затрепетавшихъ кудрявыхъ вѣтвяхъ. Только издали слабо доносилось побрякиванье бубенчиковъ на пастбищѣ отцовской фермы. И весь міръ въ ея глазахъ принялъ самый безутѣшный видъ.

„Слишкомъ велико искушеніе остаться въ городѣ, повеселиться, покутить!—думала она.—А знаетъ вѣдь, навѣрное знаетъ, что я здѣсь его жду, жду, жду“!

Она сѣла, обхвативъ руками колѣни, и, положивъ на нихъ поникшую головку, прильнула къ нимъ своей поблѣднѣвшей щекой. Чу! вдалекѣ какъ будто хрустнулъ пересохшій хворостъ, зашелестѣли ближніе кусты, заскрипѣлъ старый заборъ и что-то тяжелое рухнуло на землю и стремительно задвигалось по направленію къ ней...

Вотъ онъ остановился, со шляпою въ рукѣ, и мало-по-малу съ его лица стало сбѣгать выраженіе усталости, тревоги. И въ одинъ мигъ Дафна замѣтила еще и то, что онъ былъ гладко выбритъ, чтò ему придавало всегда нѣкоторый отпечатокъ дѣтски-

чистаго лица, а подстриженные волосы и городской чистенькій нарядъ сообщали ему въ глазахъ Дафны особую привлекательность.

Счастливое сознаніе, что онъ ее не бросилъ, не промѣнялъ на представленіе, ни даже на пирушку, разомъ обезоружило ее. Чувство любви страстной волной охватило ее. Съ крикомъ испуга и сердечнаго влеченія бросилась она къ нему, но, только молча схватила его руку и поднесла къ губамъ, потомъ прижала ее къ своей груди и прижалась къ ней щекой, движеніемъ, полнымъ ласки, опуская свои полузакрытые глаза, чтобы не дать ему замѣтить, что на нихъ навернулись слезы.

И такъ это произошло все быстро, безотчетно, что и Гиларій какъ-то растерялся, его строгая сдержанность пропала, и съ тихимъ возгласомъ въ отвѣтъ на ея ласку онъ горячо прижалъ ее къ своей груди.

Какъ все вокругъ примолкло! Какъ замерли кудрявыя вершины! Въ какомъ безмолвіи слушаютъ вѣковые корни и широкіе стволы шопотъ любви, дыханіе юной жизни...

Какъ все вокругъ примолкло!..

Но вотъ вдали послышался какой-то странный гулъ и словно топотъ...

Все ближе, ближе захрустѣлъ валежникъ; все чаще и яснѣе раздавался глухой стукъ...

Вотъ застоналъ заборъ и съ трескомъ рухнулъ подъ тяжестью громаднаго рыжаго быка. Ошеломленный самъ своимъ паденіемъ, онъ бѣшено, растерянно поводилъ глазами и какъ вкопанный остановился прямо передъ Дафной... Но въ одно мгновеніе ока онъ ужъ понесся дальше, по лужайкѣ, въ лѣсъ, сокрушая вѣтви и кусты на своемъ бѣгу...

Но Гиларій успѣлъ уже броситься впередъ, чтобъ служить ей защитой...

Быстро вернувшись къ Дафнѣ, онъ опустился передъ нею на колѣни. Долго и горячо онъ въ чемъ-то ее убѣждалъ; но она сначала не хотѣла слушать, а потомъ, прислушавшись, отрицательно качала головой.

Но вотъ онъ взглянулъ на часы и, проворно вскочивъ на ноги, заторопилъ ее:

— Скорѣй, скорѣй! Мы только едва-едва поспѣемъ на поѣздъ. А остальное все устроимъ по дорогѣ къ станціи. Насъ никто теперь не остановитъ, не нагонитъ. Ну, ѣдемъ, что-ли, вмѣстѣ?

Она не отвѣчала.

Онъ опять сталъ передъ нею на колѣни и, ласково касаясь ея головы, просилъ ее снова:

— Ѣдемъ со мною въ Эбердинъ сегодня. Сегодня же насъ могутъ обвѣнчать... Ну, что же, Дафна, ѣдемъ?

Отвѣта не было опять. Онъ всталъ и горячо, порывисто проговорилъ:

— Ну, въ такомъ случаѣ намъ надобно проститься!

Дафна вскочила и близко подошла къ нему, пытливо заглядывая въ глаза.

— Какъ проститься?.. Что̀ это значитъ?

— А то, что надо вмѣстѣ намъ обоимъ ѣхать обвѣнчаться, или, если ты несогласна... ступай домой.

Дафна стояла молча.

— А, значитъ, вы...—начала она медленно, запинаясь:—вы не будете... не будете больше... приходить... ко мнѣ... сюда?

— Не буду.

Дафна вздрогнула и, въ испугѣ глядя на него, медленно спросила:

— Ни сюда... ни куда-нибудь въ другое мѣсто... никогда?

— Никогда!—принуждая себя къ грубости, а на дѣлѣ чувствуя жалость, выкрикнулъ Гиларій.—Ну, согласись же выйти за меня... *теперь*!

Она стояла, глядя на него съ невыразимой грустью и въ то же время думая о томъ, какое множество тяжкихъ послѣдствій повлечетъ за собою такой рѣшительный шагъ. Бѣдная Дафна живо себѣ представляла гнѣвъ своихъ родителей и гнѣвъ его матери; большое разстояніе до города и опасность, что ихъ могутъ дорогой задержать, и тяжкое сомнѣніе, можно ли будетъ обвѣнчаться въ тотъ же вечеръ; и затѣмъ—необходимость остаться съ нимъ одной,—совсѣмъ одной!—въ чужомъ, далекомъ мѣстѣ. И вмѣстѣ съ этою боязнью вдругъ явилось опасеніе: не даромъ же онъ отлученъ отъ церкви?..

Время не шло, а летѣло. Гиларій терялся въ догадкахъ, что̀ могло означать ея молчаніе.

— Я думалъ, что ты меня любишь! — сердито воскликнулъ онъ, и въ голосѣ его впервые слышалась нотка недовѣрія.

Дафна подбѣжала къ нему и положила ему на плечи обѣ руки.

— Обѣщай мнѣ, обѣщай, что... если я... пойду съ тобою,— заговорила она сбивчиво и торопливо.—Нѣтъ, дай мнѣ честное слово... Нѣтъ, лучше поклянись, что ты... Поклянись именемъ

матери твоей, которая меня ненавидитъ! Поклянись именемъ Господа Бога нашего, что ты меня...

Она коснулась рукою его лба и своими глазами, полными слезъ, смотрѣла прямо ему въ глаза:

— ...Что ты мнѣ не измѣнишь!..

Гиларій съ удивленіемъ встрѣтилъ ея взглядъ.

— Да мнѣ нечего и клясться!—не помня себя отъ радости, возразилъ онъ.—Только идемъ скорѣе! Мы почти опоздали.

Дафна отшатнулась отъ него.

— Нѣтъ, поклянись!

— Ты меня любишь, но не довѣряешь мнѣ? Ты не имѣешь права требовать такой клятвы!

— А! Но отъ меня *ты* можешь требовать ее?

— Да какъ же ты не понимаешь, что безъ довѣрія съ твоей стороны мнѣ вѣдь не стоитъ клясться!—еще горячѣе вырвалось у него.

Дафна безпомощно опустила руки и тихо пошла прочь, шепча:

— Тогда я не поѣду!

Гиларій остановилъ ее.

— Дафна, постой!.. Послушай: я тебѣ клянусь, я тебѣ обѣщаю все, что тебѣ угодно!

Она пытливо заглянула ему въ глаза, и крупныя слезы покатились у нея по щекамъ; она тихонько подала ему руку.

— Но ты долженъ былъ сразу согласиться!

— Хорошо, хорошо! Если идти, такъ идти!

— „Если идти, такъ идти“...—съ грустной покорностью повторила она, чувствуя, что съ этой минуты порвала со своей прошлой жизнью подъ отцовскимъ кровомъ, со своимъ беззаботнымъ дѣвичьимъ, независимымъ житьемъ, со своей дѣтской невинностью и чистотой.

Ища защиты, какъ бывало въ дѣтствѣ, въ своей простой вѣрѣ въ Бога, она сама упала на колѣни и заставила его встать.

— Вотъ, вотъ... здѣсь, передъ Богомъ, Который видитъ насъ и будетъ вмѣстѣ насъ судить за наши поступки, гдѣ бы мы оба ни были, когда бы съ нами что ни приключилось; поклянись мнѣ, что ты... что мнѣ не измѣнишь!

— Клянусь, клянусь, что я тебѣ не измѣню!.. И да поможетъ мнѣ Богъ!

XII.

Мягкимъ наклономъ спускается къ рѣкѣ Огайо широкая гряда Средне-Кентукской возвышенности. Въ изгибахъ могучей рѣки, подобно гигантскимъ изумрудамъ, зеленѣютъ ея холмы. У подножія ихъ раскинулся городъ Мэйсвилль; а напротивъ, по ту сторону рѣки, лежитъ старинное селенье Эбердинъ. Мимо идетъ желѣзная дорога. Во время сѣверо-западныхъ войнъ эта мѣстность служила какъ бы воротами въ Кентукки; и цѣлыхъ три четверти вѣка сюда являлись обитатели Кентукки вѣнчаться „уходомъ“.

Луна свѣтила таинственно и безмятежно, серебромъ заливая воды притихшей рѣки. Ни всплеска веселъ, ни звука, ни лодки, ожидающей у перевоза. Лишь изрѣдка въ городѣ мелькалъ огонекъ въ томъ или въ другомъ окнѣ, да слабый откликъ рѣзкихъ голосовъ и хлопанье дверей прерывали общее глубокое затишье.

Но вотъ отъ берега, немного повыше города, отчалилъ легкій челнокъ и поплылъ наперерѣзъ къ противоположной сторонѣ. На кормѣ виднѣлись двѣ фигуры, сидѣвшія неподвижно; одна изъ нихъ была женщина. Она дрожала въ своемъ легкомъ платьицѣ, которое не соотвѣтствовало ночной прохладѣ. Мужчина снялъ сюртукъ и накинулъ ей на плечи, заботливо и нѣжно застегнувъ его на нѣсколько пуговицъ.

— Простужаться вамъ не слѣдуетъ,—наклонясь надъ нею, шепталъ онъ.

— Не надо! Не снимайте сюртука; вы можете простудиться!

— О, мнѣ тепло!—безпечно сказалъ онъ, и въ первый разъ почувствовалъ, что онъ призванъ заботиться о ней, быть ей защитой.

Новое ощущеніе, что онъ обращается съ нею такъ почтительно и нѣжно, пробудило въ ней чувство довѣрія и уваженія къ нему, и она тихонько вложила свою холодную, дрожащую руку въ его горячія ладони. Посреди рѣки рослый лодочникъ-перевозчикъ счелъ почему-то своимъ долгомъ сообщить имъ свои впечатлѣнія.

— Не васъ первыхъ и не васъ послѣднихъ случается мнѣ перевозить на ту сторону. Не дальше, какъ съ часъ времени спустя послѣ заката, везъ я тутъ одну парочку. Мы едва успѣли отчалить, какъ ихъ нагналъ ея отецъ. Онъ спокойно подошелъ къ самому берегу и прицѣлился. „Назадъ!“—крикнулъ онъ грозно,

а молодой подвинулся ко мнѣ и шепчетъ: „Впередъ, впередъ!“— Ну я и погналъ впередъ!

Высадившись на берегъ, перевозчикъ подошелъ къ Гиларію, къ которому онъ видимо почувствовалъ особое расположеніе.

— Я полагаю, что могу понадобиться вамъ, какъ свидѣтель.

— Свидѣтель? Да развѣ свидѣтели нужны?

— Непремѣнно.

— А сколько же ихъ нужно?

— Два.

— Не можете ли вы указать, гдѣ мнѣ достать другого?

— Пожалуй, я достану вамъ кого-нибудь. Быть можетъ, по дорогѣ или въ гостинницѣ рядомъ съ пасторомъ.

На улицѣ, залитой свѣтомъ, стояла тишина. Лишь легкій вѣтерокъ перебиралъ вѣтвями, которыя отбрасывали тѣни на дорогу и на ближайшіе дома. Передъ однимъ изъ нихъ остановился проводникъ.

— Постойте, я сейчасъ! — и, оставивъ ихъ стоять передъ крылечкомъ, пошелъ въ ворота черезъ дворъ.

Вскорѣ за дверью послышались шаги, парадное крыльцо отворилось, и въ глубинѣ показался высокій, морщинистый старикъ съ лампою въ рукахъ. Его лицо, обрамленное сѣдыми волосами, густыя брови, нависшія надъ впадинами глубокихъ глазъ, и его общій видъ — все дѣлало его похожимъ на любезнаго француза.

— Войдите!—проговорилъ онъ просто.

Они вошли въ пріемную, а онъ вернулся опять въ сѣни и кивкомъ головы вызвалъ Гиларія.

— Это стоитъ пять долларовъ.

Гиларій вынулъ изъ кармана все, что въ немъ было: два доллара и мелочь:

— Я не зналъ, что сегодня поѣду,—сказалъ онъ.—Но я пришлю вамъ остальное.

Пасторъ зажалъ деньги въ руку и вернулся въ пріемную.

— Готовы?—спросилъ онъ.

Вошелъ лодочникъ и привелъ съ собою хозяина гостинницы. Гиларій подошелъ къ Дафнѣ и положилъ ея руку въ свою. Пасторъ всталъ передъ ними и началъ читать такимъ голосомъ, какимъ читаютъ присягу въ камерѣ судьи.

— „Бракъ есть торжественный обрядъ, установленный Всемогущимъ Богомъ на счастье мужу и женѣ. Это—торжественный союзъ, или договоръ, который заключаютъ обѣ стороны на всю жизнь. (Соедините руки!)

„Каждый изъ васъ долженъ торжественно обѣщать, что будетъ любить и уважать другъ друга и другъ другу покоряться; и, оставивъ всѣхъ другихъ, — долженъ прилѣпиться мужъ къ женѣ и не разлучаться, пока Всевышнему не благоугодно будетъ разлучить васъ смертію на вѣкъ.

„Согласны ли вы оба?“

Водворилось молчаніе. Каждый ждалъ, чтобы раньше отвѣтилъ другой.

— „Согласны ли вы оба?“—повторилъ пасторъ.

Гиларій переминался съ ноги на ногу.

— Да! — произнесъ онъ какимъ-то неестественнымъ, громкимъ голосомъ.

— Да!—тихо и трепетно раздался голосъ Дафны.

— „Предъ лицомъ Господа, Всевышняго Творца, предъ лицомъ предстоящихъ свидѣтелей, именемъ власти, дарованной мнѣ, отнынѣ объявляю васъ мужемъ и женою!“

Хозяинъ гостинницы подошелъ къ Гиларію:

— Комната будетъ вамъ готова, когда вы придете, — проговорилъ онъ и вышелъ вонъ.

Лодочникъ, все время не спускавшій глазъ съ молодой дѣвушки, горячо пожалъ руку „молодому“:

— Я бы не прочь съ вами помѣняться! — пошутилъ онъ и вышелъ, не напоминая объ уплатѣ.

Между тѣмъ, старикъ открылъ конторку стариннаго фасона, какой теперь почти нигдѣ не встрѣтишь; многое множество было въ ней прямыхъ полочекъ, разнородныхъ ящичковъ и углубленій. Одинъ за другимъ принялся онъ вынимать свертки бумаги, покрытые плотно-написанными именами; потомъ еще такія же трубочки бумаги—уже запыленной, пожелтѣвшей отъ времени—и то же почти сплошь покрытыя именами; но эти свертки были уже и короче первыхъ: всего въ нѣсколько дюймовъ шириною. Вынимая ихъ, онъ складывалъ между полочками этихъ нѣмыхъ свидѣтелей цѣлой вереницы „бѣглецовъ“, то весело, безпечно, то со страхомъ и трепетомъ вступавшихъ на новый путь невѣдомой имъ жизни. Каждый день парочка (а то и три - четыре парочки) именъ прибавлялась къ этимъ безконечнымъ спискамъ и пестрой вереницей слѣдовала одна за другой. Почти всѣ брачущіеся бѣглецы весело и бодро смотрѣли впередъ; грустнѣе всѣхъ приходилось тѣмъ, которые были поставлены въ необходимость сочетаться бракомъ и просили, ради будущаго, ни въ чемъ неповиннаго созданья, помѣтить ихъ бракъ заднимъ числомъ...

Дафна не могла знать, что въ этой длинной верениц̂ѣ стояли рядомъ имена ея матери и отца...

— Имя и возрастъ?.. Мѣсто жительства?—кротко спросилъ пасторъ.

— Гиларій (такой-то), двадцати лѣтъ. Въ графствѣ бурбонскомъ, въ Кентукки.

— Дафна (такая-то), восемнадцати лѣтъ, графства Файетъ, въ Кентукки.

Старикъ старательно занесъ въ списокъ каждое слово и приложилъ пропускную бумагу, чтобы подсушить написанное. Затѣмъ всталъ и самъ проводилъ новобрачныхъ до дверей.

— Покойной ночи! — вѣжливо простился онъ и заперъ за ними дверь.

Какъ во снѣ очутились они подъ открытымъ небомъ, и только вѣтви раскидистаго клена шелестѣли надъ ними...

Но вотъ на боковую дорожку, которая замѣняла тротуаръ, упала полоска свѣта изъ двери, открывшейся неподалеку; на порогѣ поджидалъ ихъ хозяинъ гостинницы.

— Сюда пожалуйте! — позвалъ онъ, и они послѣдовали за нимъ.

— Вы, можетъ быть, еще не ужинали?—спросилъ онъ.

— Напротивъ, — возразилъ Гиларій.

— Могу я быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ?

Гиларій вопросительно взглянулъ на Дафну.

— Нѣтъ! — коротко и поспѣшно сказала она, не глядя ни на того, ни на другого.

Хозяинъ вышелъ, но, вернувшись, просунулъ голову въ дверную щелку:

— Вы ужъ сами затворите дверь на крыльцо, — и ушелъ на покой.

Молодые остались одни.

Неподвижно сидѣли они на неудобныхъ, слишкомъ прямыхъ стуликахъ, одинъ противъ другого, на противоположныхъ концахъ комнаты. Гиларій сидѣлъ неподвижно, опираясь на колѣни локтемъ и рукой подпирая подбородокъ; онъ пристально смотрѣлъ на носки своихъ сапогъ, поворачивая ихъ ребромъ.

Дафна тоже сидѣла тихо, и молча мяла и подергивала въ рукахъ свой платочекъ.

Наконецъ, Гиларій всталъ, подошелъ къ ней и нѣжно провелъ рукой по ея волосамъ.

— Дафна, пойдешь наверхъ? — тихонько спросилъ онъ:

— Да; если ты пойдешь,—шопотомъ отвѣтила она.—Одной мнѣ страшно!

Онъ взялъ свѣчку и пошелъ впередъ.

— Постой, я затворю дверь на крыльцо,—замѣтилъ онъ и вышелъ, а Дафна все еще сидѣла неподвижно.

— Теперь пойдемъ!—стараясь говорить и ласковѣе, и бодрѣе, обратился онъ къ ней.

Ей показалось, что никогда еще такъ мягко и такъ нѣжно онъ не говорилъ.

Она встала и пошла за нимъ, но у самой лѣстницы остановилась и смотрѣла, какъ грузно подымалась вверхъ по ступенямъ его рослая, широкоплечая фигура.

Но въ тотъ же мигъ почему-то вспомнились ей всѣ тяжелыя минуты, которыя она пережила съ нимъ вмѣстѣ на лужайкѣ; вспомнилось и злосчастное гулянье; вспомнились свиданья на лужайкѣ и ихъ встрѣчи на тропинкѣ, въ зеленой, благоухающей травѣ подъ знойнымъ, радостнымъ іюньскимъ солнцемъ, когда она безпечно шла себѣ домой, а ее провожали его пѣсни...

Наконецъ, думалось ей, она чувствуетъ себя спокойной и счастливой. Но въ то же время робость и безотчетный страхъ отражались въ ея взглядахъ.

Гиларій уже былъ на площадкѣ и свѣтилъ ей оттуда, держа подсвѣчникъ высоко надъ головою.

— Дафна! — повторилъ онъ; но видя, что она все еще стоитъ на мѣстѣ, спустился внизъ.

Обхвативъ рукою ея станъ, онъ поддерживалъ, почти несъ ее, и они пошли вверхъ по крутой, узкой лѣстницѣ, вмѣстѣ, рядомъ...

Съ англ., А. Б—г—.

ВЕШНІЕ ВСХОДЫ

Изъ воспоминаній, встрѣчъ и переписки 70-хъ годовъ.

I.

Мнѣ пришлось переживать въ глуши такъ-называемую „весну" русской жизни, — семидесятые годы, — вызвавшую нравственный подъемъ и небывалое до того времени сочувствіе къ многомилліонной массѣ народа, только-что освобожденнаго.

Я прозябалъ тогда въ глухой деревнѣ, находившейся въ 50-ти верстахъ отъ Волги, такъ сказать на самомъ днѣ захолустья, славившагося своимъ глубокимъ черноземомъ и скукой, отъ которой мои сосѣди-помѣщики, какъ отъ чумы, бѣжали, кто куда могъ: въ столицы, за границу, или въ губернскій городъ, гдѣ какъ разъ въ это знаменательное время вихремъ бушевала широкая жизнь нашего барства, только-что получившаго „выкупные" и, скорѣе, напоминавшаго шумный и веселый артистическій кружокъ, нежели помѣстное дворянство, озабоченное серьезными вопросами землевладѣнія.

Извѣстно, что нигдѣ люди такъ быстро не опускаются, не впадаютъ въ уныніе, какъ въ нашихъ захолустьяхъ; не избѣжать бы и мнѣ общей участи, еслибы не моя безплодная слабость къ литературнымъ занятіямъ, при всемъ томъ имѣвшая для меня такое же значеніе, какъ и для нашего заслуженнаго писателя Д. В. Григоровича, — не даромъ же въ своихъ воспоминаніяхъ назвавшаго литературу своимъ „ангеломъ-хранителемъ".

Послѣ 19-го февраля 1861 года забытое захолустье выступило на первый планъ, и все, что творилось тамъ, временно за-

интересовало наше общество. Вотъ почему мои очерки, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ появлявшіеся тогда въ „Отечественныхъ Запискахъ“, безъ подписи, подъ общимъ заглавіемъ: „Наша сельская жизнь“, пользовались нѣкоторымъ вниманіемъ покойнаго С. С. Дудышкина, съ которымъ около четырехъ лѣтъ до моей поѣздки въ Петербургъ я находился въ постоянной перепискѣ. Такая слишкомъ долго длившаяся переписка заваленнаго работой редактора съ начинающимъ писателемъ, отличавшаяся, съ одной стороны, нѣкоторой назойливостью и излишней плодовитостью, а съ другой—самымъ искреннимъ участіемъ и очевиднымъ желаніемъ руководить и ободрить новичка, въ свою очередь представляется фактомъ возможнымъ только въ то блаженное время. При всемъ томъ отчужденность отъ всего окружающаго и вѣчное одиночество среди мертваго крестьянскаго моря зачастую удручающимъ образомъ дѣйствовали на меня. Съ народомъ я встрѣчался только на работахъ, или въ свѣтлый праздникъ, когда подгулявшіе сельскіе старики, по заведенному обычаю, приходили на мой хуторъ съ ведромъ яицъ, поздравленіемъ и надеждой на выпивку.

Такая замкнутая, безцвѣтная жизнь кончилась для меня вмѣстѣ съ избраніемъ въ мировые судьи, и съ этой минуты къ моему уединенному, забытому хутору, со всѣхъ сторонъ потекли крестьяне пяти волостей, вошедшихъ въ составъ 3-го участка. „Мертвое море“ зашевелилось и ожило, поражая меня массой разнообразныхъ типовъ, особенностей быта и нуждъ каждой ничтожной деревушки,—и вотъ когда я понялъ, что единственный интересъ деревенской жизни для мало-мальски живого человѣка можетъ заключаться только въ изученіи народнаго быта и въ возможно близкомъ общеніи съ окружающими.

Такое желаніе кончилось тѣмъ, что я уже не могъ понять и вообразить себѣ сколько-нибудь мыслящаго человѣка, проживавшаго тогда въ глуши на положеніи иностранца, поселившагося въ какомъ-нибудь „Веве“, на Женевскомъ озерѣ, и помышлявшаго только о своемъ собственномъ благополучіи.

Волей или неволей пришлось мнѣ познакомиться и съ мрачными сторонами сельскаго быта и, наконецъ, въ свою очередь натолкнуться на каменную стѣну народнаго невѣжества, испытывать эту хорошо знакомую кореннымъ обитателямъ захолустья тревогу при наступленіи престольныхъ праздниковъ, прежде всего вызывавшихъ мысль о томъ, кто изъ знакомыхъ въ обычное время скромныхъ и хозяйственныхъ мужиковъ останется живъ и невредимъ послѣ неминуемой пьяной оргіи. Рядомъ съ пьянствомъ

и рука объ руку съ нимъ выступило безчеловѣчное звѣрство кулачныхъ расправъ, въ особенности мужиковъ съ бабами, и полнѣйшее отсутствіе хотя бы тѣни уваженія къ чужому праву и собственности.

Вскорѣ явилось и сомнѣніе во всемогуществѣ новаго суда, на великое воспитательное значеніе котораго возлагались такія надежды; а затѣмъ, когда въ моей камерѣ перебывали десятки крестьянскихъ бабъ съ черными пятнами вмѣсто глазъ; появились отцы, выгоняющіе своихъ дочерей на морозъ въ послѣдній періодъ беременности; почтенные, играющіе первую роль въ селеніи старцы, безъ суда и права наказавшіе розгами женщину среди бѣлаго дня на улицѣ; когда пришлось мнѣ уговаривать двухъ краснощекихъ богатырей принять въ домъ и кормить 70-ти-лѣтняго отца, питавшагося подаяніемъ, и передо мной прошло достаточное количество и отчаянныхъ головъ, спеціалистовъ по части орлянки, дикаго насилія и самодурства,—мое сомнѣніе перешло скоро въ твердую увѣренность въ томъ, что нѣтъ и не можетъ быть спасенія—безъ хорошей, правильно поставленной школы и ея вліянія на жестокіе нравы.

Единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ я еще могъ отвести душу и подѣлиться мыслями, былъ приходскій священникъ, типъ обыкновеннаго деревенскаго „батюшки", волею судебъ занесеннаго въ нашъ медвѣжій уголъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ 35-ти, бездѣтный, съ нѣсколько угловатыми манерами семинариста стараго закала, несообщительный, изрѣдка и только по приглашенію появлявшійся въ моемъ домѣ, чтобы наскоро отслужить молебенъ, наскоро закусить и удалиться. Онъ долго упирался, избѣгая сближенія, но томительная скука взяла свое и вынудила „батюшку" обращаться за журналами и газетами, а потомъ его невольнымъ образомъ потянуло ко мнѣ, чтобы поговорить и поспорить о прочитанномъ. Онъ, какъ коренной русскій человѣкъ, страстно любилъ фантазировать на болѣе или менѣе отвлеченныя и возвышенныя темы и спорить, никогда не соглашаясь съ противникомъ. Съ одинаковымъ нетерпѣніемъ поджидали мы почты, и почти не разлучались—къ отчаянію изнывавшей въ одиночествѣ „матушки". Такимъ образомъ, на моихъ глазахъ совершилось перерожденіе уже нѣсколько одичавшаго „батюшки" въ полезнѣйшаго дѣятеля и примѣрнаго пастыря. Онъ извлекъ изъ-подъ спуда положеніе о попечительствахъ, залучилъ въ члены лучшихъ, то-есть болѣе трезвыхъ стариковъ, и съ такимъ неподдѣльнымъ паѳосомъ внушилъ имъ святость лежащихъ на нихъ обязанностей, что тѣ въ свою очередь выбивались изъ силъ,

чтобы провести что-нибудь полезное для прихода, или собирать деньгами и хлѣбомъ въ пользу пострадавшихъ отъ пожаровъ, то-и-дѣло повторявшихся въ селеніи.

Миновало еще два-три года, и общее положеніе дѣлъ въ приходѣ измѣнилось до неузнаваемости: рядомъ съ новой церковью выросла двухъ-этажная школа, вмѣщавшая около 60 учениковъ, а при школѣ возникло ссудо-сберегательное товарищество, существовавшее около восьми лѣтъ, неуклонно стремившееся служить вопіющимъ нуждамъ крестьянъ и чуждое всякихъ коммерческихъ цѣлей. Но главной заслугой „батюшки" въ моихъ глазахъ было то, что онъ добился общественнаго приговора о закрытіи трехъ кабаковъ, бывшихъ въ селеніи.

Внимательно слѣдя за всѣмъ, чѣмъ радовала и дарила невиданная на Руси „весна", мы болѣе всего увлекались быстрымъ движеніемъ тогда школьнаго дѣла въ александровскомъ уѣздѣ екатеринославской губерніи и неутомимой дѣятельностью барона Николая Александровича Корфа, какъ намъ казалось, совершавшаго настоящія чудеса въ дѣлѣ народнаго образованія. Жили мы въ степномъ захолустьѣ, Богъ знаетъ въ какой дали отъ Корфа, но такъ часто говорили и думали о немъ, что онъ постоянно былъ съ нами и одушевлялъ насъ своимъ примѣромъ.

Наше восторженное, нѣсколько утрированное поклоненіе ему раздѣлялъ и сельскій учитель, въ свою очередь возможный и понятный только въ то время. Сельскій учитель, съ перваго взгляда смиреннѣйшій человѣкъ, свалился къ намъ точно съ неба; сынъ бывшаго двороваго, живописецъ по профессіи, рѣдкій типъ труженика, онъ, руководясь только призваніемъ, пожелалъ приготовиться къ учительскому званію, и просидѣвши въ теченіе года, не разгибая спины, надъ всякими учебниками, подъ ближайшимъ руководствомъ священника, не только выдержалъ экзаменъ, но впослѣдствіи оказался выходящимъ изъ ряда преподавателемъ, до такой степени преданнымъ своему дѣлу, знающимъ и умѣлымъ, что я не встрѣчалъ равнаго ему даже между воспитанниками учительскихъ семинарій.

Поклоненіе Корфу, какъ организатору и знатоку школьнаго дѣла, кончилось тѣмъ, что мы рѣшились написать къ нему коллективное письмо, съ убѣдительной просьбой научить и помочь совѣтомъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ извѣстность его была до такой степени громадна, что, отправляя свое письмо, мы походили на выбивавшихся изъ послѣднихъ силъ, неувѣренныхъ въ себѣ пловцовъ, взывающихъ о помощи къ большому кораблю, появившемуся на горизонтѣ.

Прошелъ мѣсяцъ, другой, мы уже теряли надежду получить отвѣтъ, какъ вдругъ на мое имя прислана была повѣстка, а затѣмъ цѣлый ворохъ отчетовъ александровскаго училищнаго совѣта, предсѣдателемъ и душою котораго въ то время былъ баронъ Корфъ.

Мы ликовали и только-что не наизусть заучивали драгоцѣнные для насъ доклады. Все это было, можетъ быть, нѣсколько забавно, но чего бы не далъ я, чтобы воротить и снова пережить эти блаженные дни преувеличенныхъ надеждъ.

II.

Попавъ въ члены училищнаго совѣта новаго состава и такимъ образомъ выступивъ въ качествѣ судьи и педагога, посвящая все свободное время на изученіе уставовъ и чтеніе всякихъ руководствъ, я въ то же время ясно сознавалъ слабость своей подготовки и въ глубинѣ души причислялъ себя къ безчисленному полчищу дилеттантовъ, сверху до низу переполняющихъ наше общество, и терзался этой неотступно преслѣдовавшей меня мыслью. Въ концѣ концовъ, чтобы хотя въ нѣкоторой степени пополнить свои знанія и получить болѣе увѣренности, я рѣшился взять отпускъ и поѣхать въ Петербургъ, съ цѣлью поселиться вблизи одной изъ учительскихъ семинарій, испросивъ себѣ разрѣшеніе бывать на урокахъ. Такимъ образомъ, осенью 1871 года я очутился въ сѣверной столицѣ и, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, въ непродолжительномъ времени нашелъ доступъ въ учительскую семинарію петербургскаго воспитательнаго дома, на Мойкѣ, а директоръ семинаріи, И. Д. Бѣловъ, весьма благосклонно разрѣшилъ мнѣ посѣщать образцовую школу, находившуюся при семинаріи.

Въ то же время мнѣ удалось познакомиться съ извѣстнымъ редакторомъ лучшаго въ то время педагогическаго журнала Семашко, у котораго постепенно я пріобрѣталъ всякія учебныя пособія для своей школы. Но болѣе всего увлекали меня педагогическія собранія при второй классической гимназіи, собиравшіяся разъ въ недѣлю подъ предсѣдательствомъ покойнаго профессора Рѣдкина.

Передъ глазами моими живо рисуется въ эту минуту скромная, бѣдно освѣщенная аудиторія, длинный столъ, за которымъ засѣдали свѣтила нашей еще юной педагогіи, начиная съ Ушинскаго, изображавшія въ то время идоловъ, передъ которыми

преклонялась молодежь, а вокругъ тѣсно сплотившаяся масса юношей и юницъ, жадно прислушивавшихся къ преніямъ, ловившихъ на лету каждое слово или историческій анекдотъ, разсказанный М. И. Семевскимъ, чтобы привѣтствовать все это громомъ рукоплесканій или взрывомъ неудержимаго хохота. На всѣхъ сіявшихъ восторгомъ лицахъ многочисленныхъ слушателей было написано, что имъ до смерти наскучило все старое, рутинное, и они не помнятъ себя отъ радости, почувствовавъ новыя вѣянія, наперекоръ всему забравшіяся въ мрачное, казарменное зданіе классической гимназіи. Много незаслуженныхъ нареканій, если не доносовъ, впослѣдствіи времени обрушилось на эти вскорѣ закрытые курсы, между тѣмъ какъ самый строгій, но въ то же время безпристрастный блюститель нравовъ могъ бы обвинить ихъ, можетъ быть, только въ выборѣ слишкомъ уже волнующихъ темъ для рефератовъ и, можетъ быть, въ излишней склонности нѣкоторыхъ педагоговъ къ оваціямъ молодежи. Мнѣ хорошо помнится общее возбужденіе, вызванное рефератомъ одного педагога Б., проводившаго мысль о необходимости преподаванія отечественной исторіи въ „патріотическомъ“ духѣ, не затрогивая мрачныхъ сторонъ ея, а преимущественно останавливаясь на свѣтлыхъ явленіяхъ и личностяхъ, которыми изобилуетъ наше прошлое... Еще большее волненіе вызвалъ другой рефератъ, проводившій рискованную мысль, будто воспитаніе и образованіе въ богатыхъ семьяхъ вредно дѣйствуютъ какъ на нравственную, такъ и на физическую сторону ребенка. Неумолкаемо звенѣлъ колокольчикъ предсѣдателя, но никто уже не обращалъ на него вниманія, особенно съ той минуты, когда точно изъ земли выросъ какой-то почтенный господинъ, старый московскій студентъ, временъ Грановскаго, всю свою жизнь бывшій домашнимъ учителемъ и воспитателемъ въ самыхъ аристократическихъ семьяхъ и съ убѣжденнымъ видомъ превозносившій до небесъ семейную жизнь и воспитаніе въ этихъ хорошо знакомыхъ ему семьяхъ.

Такимъ порядкомъ продолжались засѣданія усердно посѣщаемаго мною педагогическаго собранія, когда неожиданно распространился слухъ, что въ слѣдующую субботу извѣстный педагогъ Миропольскій будетъ читать рефератъ и громить недавно появившагося „Нашего друга“, а баронъ Корфъ уже прислалъ телеграмму, извѣщавшую, что онъ лично желаетъ защищать свое дѣтище, и къ слѣдующей субботѣ будетъ въ Петербургѣ.

Я не вѣрилъ своему счастію и возможности такъ скоро узрѣть своего идола. Работать, читать я рѣшительно не могъ, а моя комната казалась мнѣ душной клѣткой, въ которой не-

возможно сидѣть. Меня погнало изъ дому, и я цѣлые дни безцѣльно бродилъ по улицамъ, не чувствуя ни малѣйшаго утомленія. Наконецъ, послѣ многихъ томительныхъ дней и ночей желанный день наступилъ, и я едва ли не за два часа до назначеннаго времени забрался во вторую гимназію, въ виду ожидаемаго скопленія публики уступившую другую, болѣе обширную аудиторію. Я засталъ уже несмѣтную толпу молодежи и благословлялъ судьбу, завладѣвши мѣстомъ на одномъ изъ подоконниковъ, на которомъ и простоялъ до поздней ночи, не чувствуя ни малѣйшей усталости или стѣсненія.

Среди мертвой тишины началось чтеніе реферата Миропольскаго. Онъ съ первыхъ же словъ выступилъ горячимъ защитникомъ народа, жаждущаго духовной пищи, способной поднять его надъ сѣрой, безотрадной дѣйствительностью, которою онъ окруженъ съ колыбели и до самой могилы, между тѣмъ какъ „Нашъ другъ“ даетъ только массу, можетъ быть, полезнаго, но въ то же время исключительно практическаго, узко утилитарнаго матеріала превращая самую науку въ какую-то дойную корову. Миропольскій говорилъ увлекательно; въ каждомъ словѣ, во всей симпатичной, одушевленной фигурѣ его проглядывало неподдѣльное сочувствіе къ „забытымъ и обойденнымъ“. Яркими красками рисовалъ онъ положеніе мужика, этого вѣчнаго труженика за всѣхъ и за вся, и среди грома рукоплесканій закончилъ свою рѣчь напоминаніемъ о томъ,—

„Кто бредетъ по житейской дорогѣ
„Въ безразсвѣтной, глубокой ночи,
„Безъ понятья о правѣ, о Богѣ,
„Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи“..

Поднялся баронъ Корфъ, лишенный, сравнительно съ Миропольскимъ, всякой представительности, едва замѣтный въ тѣсно сплотившейся, наэлектризованной толпѣ, и, если память не измѣняетъ мнѣ, началъ съ того, что у каждаго мыслящаго человѣка свои идеалы и, сохрани Боже, если люди дойдутъ до тождества ихъ, что̀ неминуемымъ образомъ остановило бы всякій прогрессъ. Онъ прямо объявилъ, что, по его твердому убѣжденію, настало время, когда необходимо демократизировать науку, и не только науку, но и искусство, сдѣлавъ ихъ достояніемъ всѣхъ и каждаго. Да и что̀ за наука, когда она въ сущности недоступна кому-либо? Затѣмъ, онъ доказывалъ, что въ наше утилитарное время наука именно должна быть „дойной коровой“, и какая тутъ духовная пища—до нея ли намъ!—когда мужикъ бродитъ въ потемкахъ, когда онъ голоденъ, когда его голова

переполнена одними предразсудками и суевѣріями; онъ незнакомъ даже съ азбукой гигіены, сельскаго хозяйства, и ему прежде всего нужно сообщить массу полезныхъ свѣдѣній, безъ знакомства съ которыми невозможно жить. Онъ говорилъ—а не читалъ по тетрадкѣ, какъ Миропольскій—такъ убѣдительно, его доводы были до такой степени сильны и неотразимо логичны, что онъ съ первыхъ же словъ овладѣлъ вниманіемъ публики. Въ самомъ голосѣ его чувствовалось столько правды, такое близкое знакомство съ захолустьемъ, въ которомъ онъ безвыѣздно прожилъ въ теченіе тринадцати лѣтъ, на себѣ самомъ испытавши всю горечь и неурядицу сельскаго быта, что каждый изъ массы слушателей тотчасъ же понялъ, что для Корфа не было и не могло быть ничего болѣе близкаго и важнаго въ жизни, какъ то дѣло, тѣ убѣжденія, за которыя онъ ратовалъ въ эту минуту. Роли мгновенно перемѣнились, и, можетъ быть, отчасти благодаря тому, что Корфъ прежде всего выступилъ ярымъ защитникомъ не только излюбленнаго, но доведеннаго въ то время до нѣкотораго абсурда утилитаризма, онъ мгновенно поднялся на недосягаемую высоту въ глазахъ присутствующихъ. Я былъ оглушенъ взрывомъ общаго восторга... Ничего уже невозможно было разобрать среди наступившаго хаоса. Видно было только, что Корфъ то кланялся на всѣ стороны, прикладывая руки къ груди, то пытался продолжать, но неумолкаемый грохотъ рукоплесканій и криковъ покрывалъ его голосъ.

Тутъ же въ собраніи я узналъ, гдѣ баронъ Корфъ остановился, и тотчасъ же рѣшилъ навѣстить его. Я сильно волновался, предполагая, что знаменитый педагогъ, при его громадной перепискѣ, давнымъ давно забылъ о моемъ существованіи, и потому нерѣшительно поднимался по безконечной, казалось, лѣстницѣ, ведущей въ четвертый этажъ. Послѣ доклада дверь нумера, въ которомъ помѣщался баронъ, быстро растворилась, и ко мнѣ на встрѣчу вышелъ человѣкъ средняго роста, помѣщичьяго склада, съ бѣлокурыми, слегка вьющимися волосами, большими бакенами, обыкновенно составляющими принадлежность отставныхъ военныхъ, и протянутыми впередъ руками, готовыми обнять меня, какъ стараго знакомаго. Вся фигура барона напоминала радушнаго степняка-помѣщика, и только сѣрые глаза, искрившіеся умомъ и одушевленіемъ, невольнымъ образомъ подкупали меня.

— Какъ же, помню, хорошо помню ваше любезное письмо, ваше сочувствіе къ моей дѣятельности... Помню и радуюсь нашему знакомству...—повторялъ гостепріимный хозяинъ.—И какъ это жаль, что у меня только нѣсколько свободныхъ минутъ,—

продолжалъ онъ, наскоро допивая стаканъ чаю.—Занятъ по горло... Удивленъ и утомленъ неожиданнымъ вниманіемъ петербургскаго общества... Въ 10 часовъ приглашенъ въ засѣданіе педагогическихъ курсовъ при второй гимназіи; въ 12 долженъ въ присутствіи великой княгини Евгеніи Максимиліановны дать урокъ въ острожной женской школѣ, а потомъ въ образцовой школѣ учительской семинаріи петербургскаго воспитательнаго дома. Обѣдаю у князя Иларіона Васильевича Васильчикова, автора, вѣроятно, знакомой вамъ книги „О самоуправленіи", а на вечеръ опять званъ къ бывшему министру народнаго просвѣщенія А. В. Головнину.

Корфъ видимымъ образомъ наслаждался невольно атмосферой всеобщаго къ себѣ вниманія и восхищенія. Онъ продолжалъ говорить, надѣвая шубу, спускаясь со мной по лѣстницѣ, изрѣдка останавливаясь, присаживаясь на подоконникѣ и въ пылу увлеченія забывая назначенные уроки и ожидающихъ его высокопоставленныхъ лицъ. Очевидно, взволнованный, сіяющій, радостный, въ эту, можетъ быть, счастливѣйшую минуту его жизни онъ твердо вѣрилъ въ наступленіе новой эры, увѣряя меня, что даже министръ народнаго просвѣщенія, графъ Толстой, на сторонѣ обязательнаго обученія и такимъ образомъ санкціонируетъ его задушевныя стремленія;—то-и-дѣло останавливаясь, мы медленно спускались съ лѣстницы, но, взглянувъ на часы, висѣвшіе въ швейцарской, Корфъ испугался своей неаккуратности и, вручивши мнѣ на память свою фотографическую карточку, опрометью кинулся въ первыя попавшіяся на глаза извозчичьи сани и скрылся изъ глазъ моихъ.

Я въ свою очередь устремился къ ближайшему фотографу, чтобы заказать нѣсколько портретовъ Корфа для раздачи сельскимъ учителямъ нашего уѣзда, его восторженнымъ почитателямъ, а затѣмъ поѣхалъ въ учительскую семинарію воспитательнаго дома, чтобы присутствовать на его урокѣ.

Случай сблизилъ меня съ людьми, по своему положенію имѣвшими полную возможность познакомиться съ дѣятельностью Корфа, и изъ разсказовъ ихъ я убѣдился въ размѣрахъ этой неутомимой дѣятельности. И кто только не обращался къ нему за совѣтомъ и разъясненіемъ вопросовъ, касавшихся народной школы! Попечитель кавказскаго учебнаго округа, Невѣровъ, съ которымъ я встрѣтился и познакомился въ Желѣзноводскѣ, командировалъ одного изъ своихъ педагоговъ въ александровскій уѣздъ, и вообще придавалъ большое значеніе указаніямъ Корфа. Его же осаждало большинство предсѣдателей губернскихъ и уѣзд-

ныхъ земскихъ управъ и членовъ училищныхъ совѣтовъ, съ просьбой то разсмотрѣть выработанный проектъ образцовой школы, то высказать свое мнѣніе относительно учительской семинаріи, или съ приглашеніемъ руководить учительскимъ съѣздомъ, и такъ далѣе, безъ конца. Если добавить къ этому массу писемъ отъ сельскихъ учителей, учительницъ и всякихъ ревнителей просвѣщенія, — а по словамъ Корфа у него никогда не было менѣе 250—300 корреспондентовъ, на письма которыхъ онъ всегда отвѣчалъ съ рѣдкой аккуратностью,—то остается только изумляться невѣроятной выносливости этого человѣка, работавшаго на цѣлую Россію.

Мнѣ удалось еще разъ навѣстить Корфа передъ самымъ его отъѣздомъ. Онъ видимымъ образомъ спѣшилъ покинуть въ концѣ концовъ до тошноты надоѣвшую столицу и ему, какъ коренному, неисправимому степняку, среди столичной сутолоки и до-нельзя раздутаго поклоненія, уже мерещились родныя степи съ его „Нескучнымъ“. На скорую руку, кое-какъ и торопливо набивая свой дорожный чемоданъ, онъ не переставалъ говорить о своей горячо любимой семьѣ, о своихъ школахъ, учителяхъ и учительницахъ, такъ же близкихъ его сердцу, какъ и родная семья. Такая невиданная любовь къ своему краю невольнымъ образомъ сообщалась и мнѣ, и меня тоже потянуло восвояси, и я въ свою очередь возмечталъ сдѣлать что-нибудь, все болѣе и болѣе проникаясь свѣтлыми надеждами и упованіями.

III.

Стояла глубокая, мертвая зима 1872 года, когда моя дорожная повозка, сверху до низу набитая всякими, какъ мнѣ тогда казалось, необходимыми для школы пособіями, выбранными по указанію Семашко, ныряя изъ ухаба въ ухабъ, въѣхала въ ворота моего уединеннаго хутора, затерявшагося въ необъятной равнинѣ снѣговъ и сугробовъ. Но не успѣлъ я опомниться и отдохнуть послѣ обычной дорожной ломки, какъ уже, только-что не на другой день, на мою голову, все еще отуманенную почтовыми колокольчиками и скрипомъ полозьевъ по мерзлому снѣгу, посыпались всякаго рода маленькія и большія непріятности и дрязги, обуревавшія нашъ приходъ. Тотчасъ же пріѣхалъ негодующій „батюшка“ и разразился громами на школьнаго учителя, будто бы вдругъ превратившагося изъ агнца въ кровожаднаго

волка, надѣлавшаго ему массу непріятностей и перешедшаго на сторону зажиточныхъ крестьянъ, недовольныхъ порядками товарищества, строго преслѣдовавшаго свою первоначальную цѣль— прежде всего помогать и выдавать ссуды бѣднѣйшимъ и дѣйствительно нуждающимся крестьянамъ, и отказывать въ ссудахъ кулакамъ. За „батюшкой" явился до послѣдней степени озлобленный учитель и со слезами въ голосѣ заговорилъ о смертельныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, нанесенныхъ ему батюшкой. За учителемъ послѣдовали сельскіе міроѣды, одинъ лукавѣе, одинъ краснорѣчивѣе другого; они толпой вошли въ мою пріемную, съ претензіей на то, что ихъ, первыхъ людей въ приходѣ, равняютъ со всякой мелкотой и не даютъ денегъ на торговые обороты; они угрожаютъ потребовать свои паи и немедленно взять своихъ дѣтей изъ школы. Этого мало: одинъ знатный прихожанинъ нашего села, единственный въ своемъ родѣ представитель до-реформеннаго произвола, съ самаго освобожденія крестьянъ безвыѣздно засѣвшій въ городѣ въ постоянномъ ожиданіи новой пугачевщины, вдругъ проникся ненавистью къ нашимъ вполнѣ невиннымъ благимъ начинаніямъ и особенно къ открывшемуся въ приходѣ товариществу, будто бы отвлекавшему народъ отъ работы и развивавшему только лѣнь и пьянство. Онъ подалъ формальную жалобу на „батюшку", умоляя кого слѣдуетъ спасти отечество—и вывести его изъ прихода. Къ просьбѣ этого вліятельнаго лица тотчасъ же присоединились и міроѣды, недовольные заведенными въ приходѣ новшествами, и годъ спустя „батюшка" былъ переведенъ въ другой, болѣе выгодный приходъ. Ничего не понимая, какъ и зачѣмъ это случилось, съ болью въ сердцѣ, проводилъ я „батюшку", но и до настоящаго времени, послѣ всего пережитаго, подводя итоги прошлаго, я счастливъ, вспоминая своего деревенскаго друга, съ его вѣчно озабоченнымъ благими начинаніями, покрытымъ преждевременными морщинами, симпатичнымъ лицомъ, проницательными сѣрыми глазами, пучкомъ жидкихъ русыхъ волосъ на затылкѣ; вспоминаю его энергію, простоту, даже его никогда не сходившій съ плечъ, полинявшій отъ времени, казинетовый подрясникъ, туго подпоясанный старенькимъ кушакомъ.

Я готовъ былъ опустить руки, а мертвое затишье только изрѣдка оживлялось слухами о томъ, что такой-то управляющій или „батюшка" вдругъ разрѣшилъ, а такой-то зарекся—и вотъ уже болѣе мѣсяца капли въ ротъ не беретъ. Мой хуторъ представлялся мнѣ какимъ-то соннымъ царствомъ; передъ глазами точно лунатики бродили управляющій, староста, мельникъ, работники; каждому лѣнь было двигаться, думать, работать, даже говорить,

но вотъ, ни съ того, ни съ другого, кто-нибудь напивался до положенія ризъ, затягивалъ удалую пѣсню, поднималъ буйство, билъ окна, начинались внезапныя ссоры, внезапныя трагедіи, разгорались заснувшія страсти: самый смирный работникъ только-что не на смерть избилъ полѣномъ людскую стряпку; мельничиха едва не повѣсилась послѣ ссоры съ мужемъ, между тѣмъ какъ изъ города доносились слухи въ такомъ же родѣ, только въ нѣсколько иной формѣ.

Тяжело было жить и дѣйствовать при такой обстановкѣ, но къ счастію я уже въ то время смутно понималъ, что все окружающее меня безобразіе, помимо всякихъ другихъ причинъ, начиная съ полнѣйшаго отсутствія интересовъ такъ называемаго высшаго порядка, прежде всего вызывается невѣроятной, нестерпимой для каждаго живого человѣка скукой, господствовавшей въ глуши и несомнѣнно вызвавшей ожесточенную вражду между „батюшкой" и учителемъ, возмущеніе міроѣдовъ и наконецъ ярость изнывавшаго отъ тоски крѣпостника. Окончательно убѣдившись въ этомъ, я твердо рѣшилъ, что съ этой подавляющей скукой, благодаря которой люди злословятъ, ссорятся, разоряются, женятся, расходятся и всячески мучаютъ другъ друга, въ глуши можно бороться только постоянной, усиленной дѣятельностью, поглощающей всего человѣка.

Не долго думая, я прежде всего рѣшился отвести душу въ длиннѣйшемъ посланіи къ барону Корфу, которое, ровно 24 года спустя, случайно встрѣтилъ на страницахъ „Русской Старины" 1894 года.

Само собою разумѣется, что послѣ всего пережитаго мною за послѣднюю четверть вѣка я былъ нѣсколько смущенъ бьющей въ глаза наивностью моего письма, но впрочемъ кто же изъ насъ не заплатилъ дань своей наивности.

Сообщивъ о невзгодахъ, временно пошатнувшихъ наши приходскія дѣла, я перешелъ къ диспуту, живо запечатлѣвшемуся въ моей памяти.

„Никогда еще такъ близко не сталкивалась фраза съ дѣйствительностью,—писалъ я Корфу,—ходульность съ здравымъ смысломъ; но едва ли когда-нибудь побѣда истины была такъ ощутительна, какъ въ настоящемъ случаѣ. Мнѣ, замѣшавшемуся въ толпѣ, возможнѣе было бы оцѣнить, какъ мало было подготовлено петербургское общество къ вашему торжеству и какимъ коломъ оно стало поперекъ горла патентованныхъ педагоговъ. Но отраднѣе всего то, что вслѣдъ за одушевленіемъ, которое вы внесли въ кабинетную петербургскую жизнь, именно вслѣдъ за

этимъ точно по телеграфу прилетѣла въ глушь мысль о необходимости народнаго образованія. Все зашевелилось, школы на языкѣ у каждаго; начальникъ губерніи и тотъ выступилъ за школы—и я твердо убѣжденъ, что это внезапное движеніе, охватившее глушь, находится въ тѣсной связи съ вашей поѣздкой въ Петербургъ и вызвано вами: провинція всегда чутко прислушивается къ тому, что̀ совершается въ столицѣ—вы самый нужный и популярный человѣкъ нашего времени; вами брошены здоровыя сѣмена на нашу почву, но на васъ же неминуемо должна обрушиться вся злоба и зависть педагоговъ-чиновниковъ и нашихъ обскурантовъ. Примите же выраженіе моего безграничнаго уваженія, и помоги вамъ Богъ продолжать ваше святое дѣло".

Къ моей неописанной радости Корфъ отвѣчалъ съ первой же почтой.

„Письмо ваше читалъ и перечитывалъ нѣсколько разъ,—писалъ онъ.—Мнѣ хотѣлось насладиться такимъ теплымъ отношеніемъ къ дѣлу, которымъ оно дышетъ. Еще до полученія вашего письма, прочелъ я въ „Вѣстникѣ Европы" первую часть „Современной глуши", а вскорѣ и вторую часть вашей статьи. Теперь мы съ вами старые знакомые, хотя и видѣлись всего два раза въ жизни на полчаса.

„Капитальныхъ новостей у меня двѣ: 1) я имѣлъ случай произвести испытанія изъ чтенія, письма, ариѳметики и міровѣдѣнія десяти-пятнадцатилѣтнимъ мальчикамъ, окончившимъ курсъ два года тому назадъ и съ тѣхъ поръ не посѣщавшимъ школы и одного разу. Что̀ же вы думаете? Ребята вполнѣ сознательно читали, писали, рѣшали задачи на четыре дѣйствія и помнили вынесенное изъ школы объ окружающемъ мірѣ. „Болото" или „Лѣсъ", какъ вы говорите въ „Современной глуши", не успѣли еще подавить своимъ невѣжествомъ продуктовъ школы. Господи, что̀ если бы теперь была возможность устроить для окончившихъ курсъ повторительную школу, собирая ихъ хоть разъ въ недѣлю на два часа,—какъ далеко можно бы уйти! Но мы, россіяне, поняли пока, что нельзя строить безъ фундамента (учительскія семинаріи), но еще не додумались до того, что ежели воздвигнуть стѣны и не покрыть ихъ крышей (повторительныя школы), то стѣны разрушатся, и фундаментъ, и вся постройка, окажутся непроизводительными затратами. Не удастся ли вамъ осуществить повторительную школу для окончившихъ курсъ?

„2) Другая новость моя состоитъ въ томъ, что результаты обученія по „Нашему другу", которые я весною провѣрилъ въ 12 школахъ съ 400 учащихся, оказались, извините за нескром-

ность, вполнѣ блестящими: у наименѣе подготовленныхъ учителей, не учившихся даже нигдѣ, кромѣ народной школы, дѣти вполнѣ усвоили грамматическій отдѣлъ, подвинулись значительно въ правописаніи, весьма легко и твердо усвоили содержаніе статей для чтенія, полюбили книгу и весьма удовлетворительно продѣлали всѣ письменныя работы. Вы безконечно обяжете меня, написавши обстоятельно, какихъ результатовъ по „Нашему другу" достигла ваша школа; пишите подробно и разсчитывайте на то, что ни одинъ самый мелочной спеціальный вопросъ не останется безъ отвѣта. Педагогическая корреспонденція входитъ въ число обязанностей моихъ передъ страною съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ удалось заглазно, путемъ одной переписки, при дарованіяхъ и любви къ дѣлу мѣстныхъ силъ, поднять на ноги не одну школу въ педагогическомъ отношеніи, не говоря этого о вашей, гдѣ, судя по сообщенію вашему, дѣло идетъ весьма хорошо; но полагаю, что мы оба все-таки можемъ выиграть, обмѣниваясь наблюденіями надъ учащимися. Итакъ, прежде всего, напишите подробно о томъ, какъ привился у васъ „Нашъ другъ".

„Представьте себѣ, что во 2-мъ № „Семьи и школы" за текущій годъ появился рефератъ о „Нашемъ другѣ", съ примѣчаніями автора, поясняющими, что рефератъ появляется безъ измѣненій; между тѣмъ оказывается, если сличить этотъ нумеръ съ № 10 „Семьи и школы" 1871 года, или газетою, гдѣ напечатаны тезисы Миропольскаго, доложенные педагогическому обществу, то почтенный критикъ измѣнилъ свои тезисы, т.-е. умудрился на основаніи тѣхъ же данныхъ придти къ различнымъ, даже противуположнымъ результатамъ. Радъ бы еще подольше побесѣдовать съ вами, но дѣла гибель, и потому долженъ закончить письмо. Прошу не замедлить отвѣтомъ и не забыть, что я прежде всего хочу знать, какъ привился „Нашъ другъ".— Н. Корфъ".

Признаюсь, меня нѣсколько смутило желаніе барона какъ можно скорѣе узнать мое мнѣніе о „Нашемъ другѣ" и его пригодности для нашихъ только-что народившихся сельскихъ школъ. Не взирая на свою поѣздку въ Петербургъ, на общество педагоговъ, въ которомъ я вращался, на разрѣшеніе бывать на урокахъ одной изъ лучшихъ учительскихъ семинарій, я не переставалъ оставаться въ собственныхъ глазахъ такимъ же дилеттантомъ въ рѣшеніи педагогическихъ вопросовъ, какимъ и былъ до того времени, хотя въ то же время, вѣчно недовольный собой и своей подготовкой, продолжалъ выступать, то въ качествѣ юриста, какъ мировой судья, то самозваннаго педагога.

Увлеченный неудержимымъ теченіемъ, противъ котораго трудно было бы устоять, я устроилъ при своемъ хуторѣ временную мастерскую, гдѣ нанятой столяръ, по привезеннымъ мною изъ Петербурга образцамъ, заготовлялъ всякія учебныя пособія, разсылаемыя по школамъ вмѣстѣ съ книгами, въ изобиліи получаемыми мною изъ комитета грамотности, по цѣлымъ недѣлямъ разъѣзжалъ по школамъ и, слѣдуя примѣру товарищей по училищному совѣту, участвовалъ въ расходахъ на постройки новыхъ школъ въ уѣздѣ.

Такимъ образомъ, въ постоянныхъ заботахъ и разъѣздахъ я не спѣшилъ отвѣчать Корфу, а въ концѣ мая 1872 года волей-неволей мнѣ пришлось ѣхать па Кавказъ, чтобы пользоваться желѣзными водами.

IV.

У каждаго человѣка свое счастье въ жизни, и на мою долю выпало своего рода счастье встрѣчаться и даже близко сходиться съ выдающимися людьми 60-хъ и 70-хъ годовъ. Къ такимъ выдающимся людямъ несомнѣнно принадлежалъ Благовѣщенскій (авторъ извѣстной книги: „Среди богомольцевъ"), случайно тоже попавшій на кавказскія воды и съ первой же встрѣчи поразившій меня не поддающеюся описанію бодростью духа, при полномъ разстройствѣ организма и скудости средствъ. Какъ сейчасъ вижу молодого человѣка, точно вставшаго со смертнаго одра и поражавшаго страдальческимъ видомъ и лихорадочнымъ блескомъ темныхъ глазъ. У меня сжалось сердце, глядя на него. Это былъ разбитый параличомъ Благовѣщенскій, медленно двигавшійся по темнымъ аллеямъ желѣзноводскаго парка, опираясь на руку своей матери, уже пожилой женщины. Онъ—то впадалъ въ полнѣйшую апатію къ жизни, примиряясь съ зловѣщей мыслью, что все уже кончено,—то, при малѣйшемъ облегченіи, вновь загорался желаніемъ и надеждой жить,—а главное, работать па пользу общую, чтобы потомъ снова придти въ полное изнеможеніе отъ каждой вспышки жизни, отъ первой попытки на трудъ. Доктора глубокомысленно увѣряли, что онъ еще могъ бы нѣсколько поправиться, при хорошемъ климатѣ, гигіенической обстановкѣ, полномъ спокойствіи и довольствѣ, въ то время, когда Благовѣщенскому неминуемымъ образомъ предстояло возвращеніе въ сумрачный Петербургъ, гдѣ сосредоточивались всѣ его знакомства и связи, и гдѣ ожидала его крошечная квартира на

Воскресенскомъ проспектѣ, и прозябаніе, да и то на счетъ литературнаго фонда.

Почти не разлучаясь съ Благовѣщенскимъ, я ежедневно встрѣчалъ въ паркѣ блѣднаго, видимымъ образомъ больного генерала, обыкновенно сидѣвшаго на самомъ солнечномъ припекѣ, а позади его всегда стоялъ линейный казакъ съ генеральской шинелью въ рукахъ. Это былъ начальникъ терской области Лорисъ-Меликовъ,—съ которымъ впослѣдствіи времени познакомилъ меня Благовѣщенскій,—изумившій меня, но еще болѣе Благовѣщенскаго,—разъ и навсегда составившаго себѣ извѣстный, шаблонный взглядъ на всѣхъ генераловъ вообще,—своей рѣдкой начитанностью, обиліемъ знаній и увлекательностью разговоровъ.

Чуть ли не тотчасъ же послѣ первой встрѣчи, Лорисъ-Меликовъ съ негодованіемъ сообщилъ намъ, что знаменитый дѣятель по народному образованію, баронъ Корфъ, къ которому онъ питалъ безграничное уваженіе, забаллотированъ дворянами александровскаго уѣзда въ гласные, но потомъ выбранъ крестьянами на трехъ съѣздахъ и притомъ „подавляющимъ большинствомъ голосовъ“.

Генералъ былъ въ восхищеніи отъ сознательнаго отношенія крестьянъ къ выборамъ и придавалъ большое значеніе такому факту; но я, какъ человѣкъ близко знакомый съ условіями захолустной жизни, равнодушно слушалъ его горячую рѣчь. Случайныя, зачастую ничѣмъ не вызванныя и нелѣпыя „прокатыванія на вороныхъ“ ради потѣхи, ради того, чтобы развлечься и чѣмъ-нибудь наполнить безсодержательную жизнь, наконецъ, ради того только, чтобы не измѣнить своему правилу — всегда и всѣмъ класть налѣво, все это такъ часто повторялось на моихъ глазахъ, что я уже не придавалъ такимъ прискорбнымъ фактамъ никакого значенія, тѣмъ болѣе, что это едва ли не общая участь выборнаго начала, особенно у насъ... Въ то же время я не могъ восхищаться „подавляющимъ большинствомъ шаровъ“, которыми Корфъ былъ избранъ въ гласные на трехъ крестьянскихъ съѣздахъ, такъ какъ не въ состояніи былъ вообразить себѣ такого „подавляющаго большинства“ безъ участія въ этомъ добрыхъ знакомыхъ и сторонниковъ барона, содѣйствія волостного старшины, члена управы, или, что̀ всего вѣроятнѣе, ловкаго и всесильнаго въ то время волостного писаря.

Быстро прошелъ для меня первый и, увы, самый короткій періодъ сезона. Это было время общаго невозмутимаго спокойствія и блаженства: въ паркѣ встрѣчались только счастливыя, улыбающіяся лица и слышались восторженныя похвалы климату,

живописной мѣстности, вниманію врачей. Всѣ здоровы, всѣми овладѣваетъ неодолимый зудъ къ новымъ знакомствамъ; разговоръ напоминаетъ воркованіе голубей—вокругъ только и слышится: „Мнѣ хорошо"!—„О, какъ мнѣ хорошо"!—Похвалы принимаютъ патріотическій характеръ: всѣ радуются, что устояли на своемъ, не послушались столичныхъ врачей и не поѣхали за границу, а на свои родныя кавказскія воды.

Но вотъ на вершинѣ Бештау показалось небольшое облачко. Старые кавказцы изъ-подъ своихъ косматыхъ папахъ зорко слѣдятъ за этимъ облачкомъ и предсказываютъ ненастье. Облачко ростетъ и вскорѣ закутываетъ гору. Картина мгновенно измѣняется: нѣтъ болѣе очаровательнаго горнаго вида; передъ вами какая-то страшная, волнующаяся тьма; не разберешь тутъ, гдѣ горы, гдѣ облака, гдѣ самый Желѣзноводскъ. Пахнуло насквозь пронизывающей сыростью; хлынулъ невообразимый для сѣвернаго жителя дождь. Больные наглухо закупорились въ своихъ квартирахъ, между тѣмъ какъ сквозь потолокъ льются на нихъ потоки холодной воды, а вѣтеръ поднимаетъ и колышетъ клеенку, которою обтянутъ дырявый полъ. Доктора совѣтуютъ быть какъ можно осторожнѣе, чтобы не захватить кавказской лихорадки. Мысль объ этой страшной лихорадкѣ неотступно преслѣдуетъ васъ во снѣ и на яву—такъ и кажется, что она, эта зловѣщая гостья, ежеминутно готова постучаться въ вашу дверь.

Наконецъ, небо очистилось и выплыло яркое солнце... Публика жмется на самомъ припекѣ противъ вокзала. Разговоръ исключительно вращается около воздушныхъ квартиръ и спекуляторовъ-домохозяевъ. Каждый спѣшитъ сообщить, что онъ попалъ въ ловушку, изъ которой и бѣжать некуда. Восторженныхъ похвалъ, блаженнаго вида и слѣда не осталось; всѣ одинаково мрачны, унылы, и такимъ образомъ общество переходитъ ко второму періоду сезона—періоду сомнѣній и безпощаднаго анализа. Расходившіеся нервы требуютъ пищи. Заговорили возмущенныя гражданскія скорби; цѣлые дни идутъ толки о воображаемыхъ попечительствахъ надъ крестьянами, о забаллотированіи барона Корфа, о закрытіи какихъ-то женскихъ курсовъ, о злоупотребленіяхъ какого-то грабителя, безстыдствѣ врачей, и такимъ образомъ одинъ за другимъ поднимаются вопросы: крестьянскій, женскій, врачебный, даже армянскій и т. д. безъ конца. На скорую руку устроивается тьма невидимыхъ обсерваторій, для тщательнаго наблюденія за всѣми вообще и каждымъ въ особенности. Наступаетъ подробная оцѣнка водяной публики, заподозриваніе каждаго въ глупости, скаредности, крайней отсталости или край-

немъ нигилизмѣ. Каждый ловитъ васъ, отбиваетъ у другихъ, чтобы какъ можно скорѣе посвятить во всѣ подробности того, сколько положила въ карманъ бывшая администрація, почему именно было отказано московской компаніи, какимъ образомъ водворился другой и въ какомъ плачевномъ состояніи находятся цѣлебные источники. Въ ушахъ постоянно раздаются роковыя слова, твердо заученныя нами на первой страницѣ отечественной исторіи: „земля наша велика и обильна" и проч.

Общество переживаетъ послѣдній періодъ сезона — періодъ удушливыхъ вѣтровъ. Этотъ жгучій, обезсиливающій вѣтеръ ставитъ вверхъ дномъ всякое леченіе, всякое поползновеніе на отдыхъ. Страхъ и ужасъ беретъ меня при одной только мысли перебѣжать улицу, раздѣляющую мою квартиру отъ парка.

Быстро смѣняясь, слѣдуетъ одна скандальная исторія за другой, еще болѣе скандальной: тутъ подрались изъ ревности; тамъ за картами подкутившіе офицеры въ теченіе одной ночи истребили всѣ скамьи, назначенныя для больныхъ; по парку безнаказанно скачетъ, давитъ людей и бьетъ сторожей какая-то буйная и пьяная кавалькада; паркъ наполняется свиньями и стаями кочующихъ собакъ; между водяными докторами возгорается страшная вражда, ограничивавшаяся до наступленія жаровъ только легкими уколами.

На вопросъ о томъ, какъ живется въ Пятигорскѣ или Эссентукахъ — пріѣзжіе отходятъ прочь, оставляя васъ безъ отвѣта. Въ конецъ раздраженный и измученный столичный врачъ подъ шумокъ распускаетъ слухъ, что съ кавказскимъ климатомъ — можно скорѣе разстроить здоровье, а не поправить его, что, наконецъ, наши желѣзные источники по своему составу, говоря откровенно, никуда не годятся.

Тутъ-то всѣ поняли и догадались, что ждать нечего, и водяная публика понеслась изъ Желѣзноводска, разомъ съ тучей уже пожелтѣвшей листвы, гонимой жгучимъ вихремъ изъ оголѣвшаго парка въ безбрежную степь.

Съ грустью распрощался я съ Благовѣщенскимъ, съ этимъ душевнымъ, даровитымъ, умнымъ человѣкомъ, способнымъ играть роль будильника — своимъ словомъ и примѣромъ одушевлять окружающихъ.

Странное чувство всегда возбуждали письма этого страдальца, искалѣченнаго неизлечимой болѣзнью, уже намѣченнаго смертью и все-таки наперекоръ всему идущаго не подъ гору, а въ гору. Эти длинныя, горячія посланія неминуемымъ образомъ должны были вызывать безпокойство, тревогу и недоволь-

ство собою въ дилеттантахъ-сочувственникахъ, способныхъ только ныть и млѣть.

V.

Произошло нѣчто неожиданное... Точно вдругъ среди суровой, слишкомъ долго затянувшейся зимы, настежь распахнулось наглухо запертое окно и въ него полились лучи яркаго солнечнаго дня. Да, это была настоящая весна, это было время всякихъ неожиданностей и только что не чудесъ. Да и какъ же не назвать чудомъ появленіе въ нашихъ палестинахъ такихъ людей, какъ Илья Николаевичъ Ульяновъ, единственный въ то время инспекторъ народныхъ школъ на всю губернію, съ перваго же шага отдавшій всю свою душу возложенной на него обязанности. Въ какіе-нибудь два года онъ уже выстроилъ нѣсколько училищъ, а главное, на своихъ педагогическихъ курсахъ, на скорую руку заведенныхъ при мѣстномъ городскомъ училищѣ, подготовилъ первыхъ и несомнѣнно самыхъ даровитыхъ и полезныхъ учителей и учительницъ въ нашемъ уѣздѣ, изъ которыхъ многіе впослѣдствіи времени получили извѣстность на болѣе видномъ поприщѣ. Какимъ образомъ выбились эти люди, достигли извѣстной степени развитія и знаній, казалось бы доступныхъ только воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній,—все это принадлежитъ уже къ чудесамъ русской земли, надъ которыми вѣроятно не разъ приходилось задумываться каждому мыслящему человѣку.

Предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей и училищнаго совѣта былъ избранъ родной племянникъ поэта Языкова, Николай Александровичъ Языковъ, самый изящный и представительный молодой человѣкъ изъ мѣстной аристократіи, бывшій лицеистъ временъ барона Корфа, до того времени исключительно поглощенный мелочами свѣтской жизни: визитами, балами, изобрѣтеніемъ всякихъ каламбуровъ и острыхъ словечекъ, смѣшившихъ дамъ, отношеніемъ галстуха къ жилету, а за тѣмъ, благодаря новымъ вѣяніямъ, на моихъ глазахъ превратившагося въ полезнѣйшаго общественнаго дѣятеля, неутомимаго, гуманнаго, ушедшаго съ головой въ школьное и судейское дѣло, въ ущербъ собственнымъ дѣламъ.

Что-то чудесное проявлялось и въ необычайномъ успѣхѣ учительскихъ и мировыхъ съѣздовъ, постоянно посѣщаемыхъ высшимъ губернскимъ обществомъ, въ трогательномъ довѣріи народа къ суду, въ общихъ симпатіяхъ къ учителямъ и учитель-

ницамъ, въ такихъ фактахъ, что страстный конннозаводчикъ, до того времени интересовавшійся только родословной своихъ лошадей, побывавши въ нашей школѣ и удивленный ея быстрыми успѣхами, тотчасъ же прислалъ книгъ и прекрасный глобусъ, какъ необходимое пособіе при преподаваніи географіи, въ то время какъ помѣщикъ Яровой, завзятый скопидомъ, вѣчно судившійся съ крестьянами, упрашивалъ меня обращать слѣдующіе ему штрафы на нужды школъ, а ближайшій мой сосѣдъ, извѣстный писатель и критикъ Павелъ Васильевичъ Анненковъ, ежегодно на 2—3 недѣли пріѣзжавшій изъ-за границы въ свое имѣніе и всегда подавлявшій меня своимъ неизмѣнно ироническимъ отношеніемъ къ обуревавшимъ глушь новымъ вѣяніямъ—и тотъ не устоялъ противъ теченія и убѣдительно просилъ открыть школу въ его Чириковѣ, жертвуя ежегодно сто рублей на ея содержаніе, чему впрочемъ не суждено было осуществиться, благодаря упорству крестьянъ.

Этого мало; въ обществѣ появились признаки точно съ неба свалившейся любви къ крестьянскимъ дѣтямъ, соединенное съ желаніемъ выдвинуть болѣе талантливыхъ изъ нихъ и дать имъ возможность продолжать свое образованіе. Съ такой цѣлью и мнѣ, въ свою очередь, слѣдуя доброму примѣру, пришлось везти лучшихъ учениковъ школы, чтобы помѣстить ихъ въ казанскую инородческую учительскую семинарію, директоромъ которой былъ извѣстный Николай Ивановичъ Ильминскій [1]).

Я только потому и упомянулъ объ этой поѣздкѣ въ Казань, чтобы возобновить въ своей памяти образъ Ильминскаго и подѣлиться своими воспоминаніями и отчасти перепиской съ этимъ исключительнымъ, мало оцѣненнымъ человѣкомъ.

При первомъ знакомствѣ съ казанской инородческой семинаріей я былъ пораженъ господствовавшимъ въ ней отчасти монастырскимъ складомъ жизни и отношеній, и въ первое время даже критически относился къ такимъ, какъ мнѣ тогда казалось, устарѣвшимъ порядкамъ, готовившимъ какихъ-то псаломщиковъ на учительскія мѣста.

Ильминскій съ перваго же дня нашего знакомства совѣтовалъ мнѣ прежде всего не увлекаться новыми пріемами обученія и не забывать, что религіозно-нравственныя убѣжденія со-

---

[1]) Бывшій профессоръ казанской духовной академіи и университета, Н. И. Ильминскій род. въ 1822 г., скончался въ 1891 году; извѣстенъ какъ знатокъ мусульманства и восточныхъ языковъ и какъ основатель казанской центральной крещено-татарской школы, а потомъ, въ 1872 г., казанской инородческой учительской семинаріи. Ильминскимъ выработана новая система инородческаго просвѣщенія.

ставляютъ, особенно въ наше время, главную задачу, лучше сказать, суть народной школы, между тѣмъ какъ я разсѣянно слушалъ совѣты мудреца, помышляя о свѣтилахъ новѣйшей педагогіи и совершонныхъ ими чудесахъ.

Массу полезнѣйшихъ людей далъ Ильминскій нашему приволжскому краю и между прочимъ выдвинулъ и, можно сказать, окончательно сформировалъ такого крупнаго дѣятеля, какъ нынѣшній директоръ симбирской чувашской семинаріи, Иванъ Яковлевичъ Яковлевъ, чувашъ по происхожденію, еще на гимназической скамьѣ задавшійся мыслью поднять и просвѣтить своихъ соотечественниковъ, до того времени бывшихъ въ загонѣ и считавшихся какимъ-то посмѣшищемъ въ глазахъ нашихъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, мнѣ пришлось убѣдиться, что и въ нашемъ, казалось, мертвомъ захолустьѣ при первыхъ признакахъ весны выступили люди, не уступавшіе барону Корфу въ его просвѣтительныхъ стремленіяхъ, при полнѣйшемъ отсутствіи всякихъ претензій на громкую извѣстность. Въ то же время постоянно вращаясь въ обществѣ людей, неутомимой дѣятельности и даровитости коихъ можно было только удивляться и завидовать, я на долгое время стряхнулъ съ себя тягость чисто барской скуки и лѣни.

Изрѣдка, прямо изъ весенняго зажора, или спасаясь отъ зимней метели, появлялся на моемъ уединенномъ хуторѣ въ конецъ распростуженный инспекторъ народныхъ училищъ, И. Н. Ульяновъ, маленькій, тщедушный человѣкъ съ впалой грудью, съ перваго взгляда производившій скорѣе неблагопріятное впечатлѣніе чиновника министерства просвѣщенія, такъ и родившагося на свѣтъ божій въ поношенномъ синемъ фракѣ съ бѣлыми пуговицами. Въ большомъ обществѣ онъ былъ молчаливъ и нисколько не интересенъ, но за то въ бесѣдѣ съ близкими, сочувствовавшими ему людьми страстно любилъ поговорить, такъ какъ у него всегда было очень много такого, что̀ необходимо было сообщать о его школахъ. Въ такихъ случаяхъ онъ заговаривалъ собесѣдника, быстро прохаживаясь по комнатѣ, приглаживая рукою лысину съ прядью черныхъ волосъ и претендуя только на то, чтобы никто не мѣшалъ ему ораторствовать все на одну и ту же тему. Какъ птица божія, онъ никогда не помышлялъ о чемъ-нибудь житейскомъ, предоставляя это женѣ, никогда не унывалъ, не жаловался и безропотно продолжалъ скакать по губерніи, по цѣлымъ мѣсяцамъ не видать семьи, голодать, угорать на въѣзжихъ, рисковать жизнью, распинаться на земскихъ собраніяхъ, или на сельскихъ сходахъ богатыхъ

торговыхъ селеній, среди равнодушной толпы міроѣдовъ, выпрашивая гроши, утѣшалъ пріунывшихъ учителей и плаксивыхъ учительницъ, чтобы, возвратившись, наконецъ, въ городъ, тотчасъ же бѣжать на свои педагогическіе курсы, и все-таки, при всей окружавшей его неурядицѣ, при постоянномъ физическомъ и моральномъ утомленіи, при вѣчной войнѣ съ разжирѣвшими и явно глумившимися надъ нимъ волостными старшинами, писарями и плутами подрядчиками, умудрялся не только удержать въ своихъ рукахъ врученный ему свѣтильникъ, но наперекоръ всему въ одномъ только нашемъ уѣздѣ, вмѣсто бывшихъ номинальныхъ, организовать до 45 сельскихъ школъ, бóльшая часть которыхъ удовлетворяла современнымъ требованіямъ, какъ по своей обстановкѣ, такъ и по солидной подготовкѣ преподавателей.

Въ концѣ осени 1872 года, я послалъ барону Корфу подробный отчетъ о дѣятельности симбирскаго училищнаго совѣта; но проходили дни, мѣсяцы и отвѣта не было, и только въ началѣ зимы, когда я уже пересталъ ожидать, пришло наконецъ желанное письмо, къ моему изумленію посланное изъ Женевы.

„Изъ моихъ „Писемъ на родину", которыя печатаются въ „Спб. Вѣдомостяхъ",—писалъ Корфъ:—вы могли бы узнать перемѣну, происшедшую въ моей жизни: я выѣхалъ изъ Россіи не на короткое, но, вѣроятно, на долгое время. Уже давно слѣдовало бы мнѣ ради здоровья жены перебраться въ болѣе умѣренный климатъ, ради уроковъ по естественнымъ наукамъ для дочерей моихъ поискать города съ хорошими музеями и разстаться съ деревней; наконецъ, я самъ уже давненько чувствовалъ себя утомленнымъ. Но, взявшись за гужъ, я не рѣшался бросить училищное дѣло и долго-долго пропадалъ бы надъ нимъ, принося въ жертву семью и собственное здоровье, если бы землевладѣльцы, забаллотировавъ меня двумя-третями голосовъ, не облегчили мнѣ разлуку съ училищами. Правда, что на трехъ крестьянскихъ избирательныхъ съѣздахъ я былъ избранъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ, но, какъ вы сами знаете, къ несчастію, мнѣніе нашей массы еще нельзя считать сознательнымъ и устойчивымъ, а въ демагоги, подкупающіе массу словомъ, дѣломъ или взятками, я рѣшительно не гожусь, и основывать училищное дѣло на зыбкой почвѣ, электризуя ее въ смыслѣ систематической оппозиціи дворянству — не приходится.

„Такимъ образомъ, за невозможностью дѣйствовать въ александровскомъ уѣздѣ, я рѣшился выѣхать на нѣкоторое время, года на три, за границу, но съ тѣмъ, чтобы путемъ публичнаго слова продолжать работать на пользу русской народной школы.

Вотъ почему я состою теперь сотрудникомъ „Вѣстника Европы", „Недѣли", „Спб. Вѣдомостей" и „Народной школы", въ которые посылаю не только спеціально педагогическія статьи, но и такія статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, которыя могли бы читаться и не-спеціалистами, чтобы увеличить въ Россіи число лицъ, занимающихся училищнымъ дѣломъ. Я въ Женевѣ всего $4^1/_2$ мѣсяца и выслалъ отсюда уже очень много статей; само собою разумѣется, что и здѣсь, какъ и вездѣ, я изучаю элементарныя школы и вообще всѣ учрежденія, имѣющія какую-либо связь съ народнымъ образованіемъ.

„Здѣсь мнѣ удалось устроиться великолѣпно, такъ какъ удалось поселиться на отдѣльной виллѣ съ большимъ садомъ, гдѣ мы живемъ въ сельской глуши, въ буквальномъ смыслѣ слова; въ то же время отъ насъ до центра Женевы семь минутъ ходьбы, и мы ежедневно, по вечерамъ, пѣшкомъ посѣщаемъ публичныя лекціи. Прибавьте къ этому прелестный видъ на снѣговыя горы изъ нашихъ оконъ, огромную лужайку въ саду, на которой бѣгаютъ дѣти; добавьте къ этому, что самая Женева въ нѣсколькихъ часахъ отъ всѣхъ центровъ просвѣщенной Европы, что я получаю здѣсь 6 русскихъ изданій и письма изъ Петербурга на четвертый день. Живу я здѣсь за небольшія (относительно) средства: съ женой и двумя дочерьми мы проживаемъ около 14.000 франковъ въ годъ, что̀ по курсу составитъ примѣрно 4.500 рублей въ годъ. Живемъ скромно, но удобно. Я продолжаю заниматься съ дѣтьми по два часа въ день и контролирую занятія съ ними учителей и учительницъ. Одна изъ выгодъ воспитанія дѣтей здѣсь состоитъ въ томъ, что они тутъ не могутъ сдѣлаться иностранцами, такъ какъ встрѣчаются съ самыми различными національностями. Въ результатѣ, обучая дѣтей, слѣдя за уроками ихъ и много работая, я настолько занятъ, что такихъ длинныхъ писемъ мнѣ еще не случалось писать отсюда, какъ я пишу вамъ сегодня.

„Вы проектируете родиновѣдѣніе и отечествовѣдѣніе, соединенное съ первоначальными свѣдѣніями по исторіи и правовѣдѣнію. Издать что-либо подобное крайне необходимо, а программа, вами задуманная, вполнѣ раціональна. Но не отдавайте вашего сочиненія въ печать, пока сельскій школьникъ не скажетъ вамъ, что въ немъ нѣтъ непонятнаго слова. Пишите почаще, сразу всего не исчерпаешь"...

Изумленный внезапнымъ рѣшеніемъ Корфа покинуть родину, съ которой, какъ мнѣ казалось, онъ былъ связанъ неразрывными узами, я въ то же время не могъ вообразить себѣ ни Улья-

нова, ни Ильминскаго, ни Языкова въ роли добровольныхъ эмигрантовъ.

Быстро, между тѣмъ, на всѣхъ парахъ неслась жизнь, все въ томъ же направленіи, не давая времени задумываться или хотя бы на минуту усомниться въ полезности общаго дѣла. Я продолжалъ слѣдовать примѣру другихъ, находя большую поддержку въ письмахъ дорогихъ для меня людей, зачастую отличавшихся совершенно противоположными мнѣніями и совѣтами.

Ильминскій, при массѣ занятій, сообщалъ объ успѣхахъ учениковъ нашей школы, поступившихъ въ его семинарію, и между прочимъ совѣтовалъ: „обратить особенное вниманіе на пѣніе исключительно церковное, хотя бы съ голоса, безъ искусства, по просту, если учитель самъ не силенъ въ музыкѣ, чтеніе сказочекъ или дѣтскихъ пѣсенокъ прекратить, естественную исторію и вообще реальныя статьи сильно ограничить. „Нашего друга", барона Корфа, и „Родное слово", Ушинскаго, замѣнить въ школахъ книжками графа Л. Н. Толстого, такъ какъ у послѣдняго языкъ очень простъ и правиленъ, безъ всякихъ вычуръ и иноземщины, а также ввести „Училище благочестія", очень назидательную книгу, выбранную изъ Четь Миней.

„Такъ какъ большинство школъ симбирскаго уѣзда, сравнительно съ казанскими, очень хороши, то дѣло пойдетъ,—писалъ онъ въ заключеніе,—основательно и будетъ мало-по-малу улучшаться и развиваться. Я такъ полагаю".

Въ концѣ зимы я наконецъ получилъ давно ожидаемый отвѣтъ Благовѣщенскаго на мое письмо, въ которомъ я просилъ его—съ первыми пароходами, вмѣстѣ съ матерью, переѣхать ко мнѣ въ деревню на постоянное жительство.

„Очень благодаренъ вамъ,—писалъ страдалецъ,—за ваше добродушное предложеніе переѣхать на вашъ хуторъ, и я бы съ удовольствіемъ воспользовался имъ, если бы, къ сожалѣнію, не было тѣхъ препятствій, которыя дѣлаютъ это дѣло труднымъ, почти что невозможнымъ. Во-1-хъ, въ вашей глуши нѣтъ по близости ни доктора, ни аптеки, а безъ нихъ пока еще немыслимо мое существованіе; во-2-хъ, моя матушка уѣхала, слѣдовательно я не въ состояніи воспользоваться вашимъ предложеніемъ уже потому, что некому помочь мнѣ въ переѣздѣ; въ-3-хъ, если бы какимъ-нибудь чудомъ мы и могли бы перебраться къ вамъ, то куда намъ дѣвать сестру мою? Наша общая судьба такъ крѣпко связана въ одинъ неразрывный узелъ, что разрывать его по частямъ на такой продолжительный срокъ было бы трудно да и больно. А обременять васъ всей моей семьею—это

было бы, признаюсь, выше границъ моей совѣстливости. Вы интересуетесь состояніемъ моего здоровья? Оно все то же: та же идетъ упорная борьба за существованіе, также подъ часъ вишу на волоскѣ между жизнью и смертью, чувствую себя то хуже, то лучше; словомъ, скверно. Досадно болѣе всего то, что не могу ничего работать, и въ этомъ отношеніи придется, кажется, положить оружіе. А еще не хотѣлось бы класть его; чувствую въ себѣ душевныя силы, чувствую, что не угасъ еще во мнѣ святой огонекъ, вдохновляющій на трудъ, да и матеріаловъ накопилось такъ много, что только бы работать. Но духъ бодръ, а плоть немощна. Ничего не подѣлаешь.

„Нашелъ я здѣсь себѣ радушный и прекрасный пріютъ въ семействѣ Милютина, и въ этой семьѣ, какъ въ новомъ ковчегѣ, спасаюсь понемногу отъ той ужасающей скуки, въ которую погрузился теперь когда-то веселый Пятигорскъ. Вѣдь и здѣсь глушь и притомъ такая глушь, которая, пожалуй, ни въ чемъ не уступитъ вашей симбирской. Въ вашей глуши все-таки зрѣетъ понемногу „жизни чисто человѣческой плодотворное зерно“, а здѣсь среди отставного офицерства и разныхъ промышленныхъ авантюристовъ, составляющихъ основной слой осѣдлаго населенія, ни одно доброе зерно не возростетъ и даже не примется. Очень жаль, что ваше расшатанное здоровье требуетъ поѣздки на германскія воды. Поѣзжайте, лечитесь, укрѣпляйтесь тѣломъ и духомъ за границей, набирайтесь тамъ силъ для дальнѣйшей работы, и да сохранятъ васъ силы земныя, надземныя и подземныя... И какъ же я завидую вамъ, какъ человѣку, имѣющему возможность работать на пользу своего края“...

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1873 года, неожиданно пришли вѣсти отъ барона Корфа, узнавшаго о предполагаемой мною поѣздкѣ за границу.

„Сердечно обрадованъ былъ вашимъ письмомъ, — писалъ онъ, — въ которомъ вы выражаете желаніе знать, буду ли я въ августѣ въ Женевѣ. Спѣшу увѣдомить васъ, что, насколько это возможно предвидѣть, — я выѣду только на короткое время въ началѣ іюня изъ Женевы и затѣмъ до января останусь здѣсь. Недавно объѣхалъ я школы нѣмецкой Швейцаріи, но объ этомъ, какъ и о возбужденномъ вами вопросѣ, почему въ нашихъ торговыхъ и богатыхъ селахъ школа слишкомъ туго прививается, а нищіе-чухны, переселившіеся въ вашу губернію, тотчасъ же, не дожидаясь земской помощи, обзавелись школой—мы поговоримъ при свиданіи. Рецензію мою о „Наглядной азбукѣ“ вы можете прочесть въ „С.-Петербургскихъ Вѣ-

домостяхъ" — это чрезвычайно талантливая и новая для всей Европы мысль, осуществленная на первый разъ не вполнѣ удачно.

„Радость свиданія съ вами такъ велика, что съ трудомъ вѣрится въ вашъ пріѣздъ. Бога ради пріѣзжайте. Вы, я надѣюсь, не безъ удовольствія отдохнете въ средѣ моей семьи, которая давно уже считаетъ васъ своимъ человѣкомъ. Страшно заваленъ работой"!..

VI.

Поѣздка за границу нисколько не радовала меня, и я утѣшался только надеждой встрѣтиться тамъ съ Н. А. Языковымъ, вынужденнымъ ѣхать въ Крейцнахъ, и съ барономъ Корфомъ, съ такимъ радушіемъ приглашавшимъ меня въ Женеву.

Противъ ожиданія, Пирмонтъ, куда направили меня доктора, этотъ прелестнѣйшій уголокъ Германіи, очаровалъ меня простотой тогда еще патріархальныхъ нравовъ, невиданными вѣковыми тополями и каштанами, сбереженными и выращенными цѣлыми поколѣніями людей, для которыхъ каждое дерево представлялось чѣмъ-то дорогимъ и священнымъ, его невозмутимой тишиной и порядкомъ, для поддержанія котораго, при большомъ стеченіи публики, требовался единственный охранитель въ образѣ добродушнаго полицейскаго чиновника Штиве, возвышавшаго голосъ только при объявленіяхъ о потерѣ зонтика или браслета какой-нибудь изъ пріѣзжихъ дамъ. Меня съ перваго же раза поразило бросающееся въ глаза умѣнье людей устроить тихую, безмятежную жизнь, а главное—отсутствіе вѣчнаго недовольства собой и всѣмъ окружающимъ, на которое неминуемымъ образомъ обреченъ русскій человѣкъ даже въ какомъ-нибудь сызранскомъ уѣздѣ, гдѣ, если вѣрить Тургеневу, „обывателей постоянно тошнитъ и рветъ отъ тоски и скуки". Но болѣе всего восхищало меня полнѣйшее отсутствіе всегда ненавистнаго для меня дилеттантства. Здѣсь каждый занимался своимъ дѣломъ: докторъ лечилъ; земледѣлецъ пахалъ землю; мировой судья, бакалейный торговецъ Лео, мирилъ тяжущихся, руководствуясь своимъ крошечнымъ уставомъ; сельскіе учителя отлично знали и вели свое дѣло,—и такимъ образомъ всѣ неутомимо работали, доживая до глубокой старости, спокойной и полезной, не задаваясь исполинскими подвигами и несбыточными стремленіями во что бы то ни стало осчастливить своего ближняго. И мнѣ въ этомъ въ первый разъ въ жизни обрѣтенномъ затишьѣ вспомнился Желѣзноводскъ, съ его постоянными

исторіями, сплетнями, озлобленіемъ всѣхъ противъ каждаго и буйствомъ, съ которымъ не могли справиться даже мѣстныя военныя власти; чудился мой уединенный хуторъ, гдѣ плутоватый и всегда пьяный мастеровой Пименычъ, въ одно и то же время, брался за всевозможныя работы—кузнечныя, слесарныя, столярныя, малярныя и т. д., а мнѣ самому, непреодолимой силой обстоятельствъ, приходилось выступать въ качествѣ механика, агронома, ветеринара, юриста, педагога, даже врача, и зачастую съ отчаяніемъ въ душѣ перевязывать раны, при одномъ видѣ которыхъ сжималось сердце отъ ужаса и состраданія.

Въ Пирмонтѣ я близко сошелся съ однимъ русскимъ изъ Москвы, отлично владѣвшимъ нѣмецкимъ языкомъ, готовымъ ежедневно совершать со мною прогулки по окрестнымъ деревнямъ и знакомить съ порядками сельской жизни и народными учителями, охотно сообщавшими мнѣ подробности школьнаго дѣла.

Подавленный и восхищенный, изнывая отъ зависти, я поспѣшилъ подѣлиться своими впечатлѣніями съ Благовѣщенскимъ, обязавшимъ меня какъ можно чаще писать изъ-за границы,—и вотъ его отвѣтъ на одно изъ моихъ писемъ:

„Ваше послѣднее письмо чрезвычайно заинтересовало меня,—писалъ Благовѣщенскій.—Оно служитъ для меня новымъ доказательствомъ того, какъ сильно поражаетъ и изумляетъ русскаго человѣка складъ европейской жизни, когда онъ становится лицомъ къ лицу съ нею. Но мнѣ кажется, что вы все-таки увлекаетесь, и что впослѣдствіи, вглядѣвшись спокойнѣе и пристальнѣе въ эту жизнь, вы не повторите тѣхъ восторженныхъ отзывовъ о ней, какіе выражены въ вашемъ письмѣ. Я говорю это только про Германію, хотя самъ и не былъ въ ней никогда. Дѣйствительно, вѣками сложилась эта жизнь, вѣками выработались ея формы, и вѣками же крѣпли эти формы до того, что обратились наконецъ въ нѣчто механическое, машинное, рутинное, безсознательное. Такое убѣжденіе я вынесъ изъ всего того, что слышалъ и читалъ о жизни нѣмцевъ. Тамъ не человѣкъ создаетъ себѣ формы жизни, а напротивъ, эти формы до того сковываютъ человѣка, что изъ него выходитъ нѣчто автоматическое, узкое, обезличенное, рабски-подчиненное всѣмъ народнымъ традиціямъ, безъ дальнѣйшаго прогресса. Тамъ все основано на одной консервативности, сословныхъ преданіяхъ и обычаяхъ. Русскому въ этой жизни должно быть тяжело,—по крайней мѣрѣ скучно. Нельзя того же сказать про Францію, Англію и другія болѣе живыя страны, а Германія, по моему мнѣнію, это огромная машина, очень сложная, сильная, великолѣпная, но все-таки

машина. Эта механичность или рефлективность жизни ясно видна какъ въ каждомъ отдѣльномъ нѣмцѣ, такъ и во всѣхъ нѣмецкихъ корпораціяхъ, общинахъ, во всемъ государственномъ строѣ и т. д. Не спорю, что эта жизнь по своимъ внѣшнимъ формамъ все-таки выше, удобнѣе, цѣлесообразнѣе нашей русской жизни, но... но развѣ до сихъ поръ Россія еще жила самостоятельно? Намъ съ вами пришлось жить и узнать Россію въ періодъ такой же государственной ломки и хаоса, какой былъ въ ней послѣ татарщины, Петра В. и т. д. Десять вѣковъ нашей исторіи не создали порядковъ жизни русской, а только ломали ее на разные лады, такъ что народъ нашъ до сихъ поръ все еще инстинктивно придерживается въ сущности тѣхъ же традицій, какія были при Гостомыслѣ съ братіей. Дайте намъ ту же исторію и цивилизацію, какую пережила Германія, и я полагаю, что нынѣшніе нѣмцы такъ же удивлялись бы строю нашей жизни, какъ мы удивляемся теперь имъ. Вѣдь у насъ, собственно говоря, исторія еще не начиналась, или только въ самомъ началѣ. Все остальное—въ будущемъ.

„Спѣшу кончить, добрѣйшій, а то договорюсь пожалуй до такого абсурда, что вы испугаетесь. И то боюсь, что вы послѣ моей тирады сочтете меня за славянофила или узкаго руссофила, какимъ я никогда не былъ и вовсе не желаю быть.

„Пишите мнѣ; ваши письма чрезвычайно меня интересуютъ уже потому, что вы говорите и пишете то, что̀ чувствуете. Письмо адресуйте на мое имя въ Петербургъ (на Воскресенскій проспектъ, д. № 18). Если будете проѣздомъ въ Петербургѣ, заверните опять въ ту же маленькую квартирку, гдѣ вы уже были, и тамъ вѣроятно мы встрѣтимся, если только со мной не случится ничего худого. Очень бы хотѣлось видѣться съ вами и потолковать по душѣ. Будьте здоровы, поправляйтесь, не забывайте любящаго васъ Благовѣщенскаго, а главное, уѣзжайте какъ можно скорѣе въ свое захолустье, гдѣ ожидаетъ васъ настоящее, кровное, родное дѣло, а право же—эта слишкомъ удобная и правильная нѣмецкая жизнь охладитъ васъ, онѣмечитъ и собьетъ съ пути истиннаго.

„P. S. Сейчасъ только былъ у меня съ визитомъ В. А. Слѣпцовъ (авторъ „Труднаго времени“ и проч.). Тоже пріѣхалъ лечиться отъ малокровія. Я изъ пишущихъ—первый; затѣмъ прибыли вы, затѣмъ Слѣпцовъ... Всѣ тутъ будутъ съ моей легкой руки“.

Я ожидалъ именно такого отвѣта, но, прочитавши его, невольно подумалъ, что еслибы такой несомнѣнно талантливый че-

ловѣкъ, какъ Благовѣщенскій, жилъ въ Германіи, то, можетъ быть, и не былъ бы въ 30 лѣтъ погибшимъ, искалѣченнымъ человѣкомъ.

Въ такомъ же родѣ было письмо Ильминскаго, полученное изъ Казани и, къ сожалѣнію, потерянное мною. Ильминскій тоже предостерегалъ меня отъ излишняго увлеченія Западомъ, совѣтовалъ поскорѣе возвратиться, и между прочимъ, какъ мнѣ хорошо помнится, утверждалъ, что русскій человѣкъ, побывавшій за границей, можетъ быть на 10 саженъ подвинется впередъ относительно своего развитія, но въ то же время уже навѣрно на 100 саженъ отстанетъ въ способности понимать и любить свое отечество.

Каждая почта приносила нѣсколько писемъ отъ О. Юніева, Ульянова, учителей и попечителей школъ; въ то же время Языковъ и баронъ Корфъ въ своихъ частыхъ письмахъ звали меня, первый—въ Крейцнахъ, второй—въ Женеву.

Между прочимъ, Н. А. Языковъ сообщалъ, что онъ случайно познакомился съ однимъ сельскимъ пасторомъ, инспекторомъ народныхъ школъ, и уже раза два, по его приглашенію, ѣздилъ къ нему и присматривался къ порядкамъ германской школы. Въ заключеніи одного изъ своихъ писемъ онъ прибавлялъ: хорошіе слухи—въ газетахъ сообщено, что въ владимірской, московской и петербургской губерніяхъ вводится обязательное обученіе. Настаивая на необходимости нашего свиданія въ Крейцнахѣ, Языковъ просилъ поберечь и захватить съ собой всѣ письма, полученныя мною съ родины.

„Къ вашему пріѣзду,—писалъ онъ въ іюлѣ мѣсяцѣ,—я буду въ состояніи разсказать вамъ подробно о положеніи здѣшнихъ школъ, которыя теперь усердно посѣщаю. Завелъ еще знакомство съ крайне почтеннымъ книгопродавцемъ, который рекомендовалъ меня сельскимъ учителямъ, и походы мои начались. Былъ уже на собраніи (Conferenz) учителей, происходящихъ здѣсь одинъ разъ въ мѣсяцъ, и побывалъ уже въ классахъ, гдѣ меня радушно принимаютъ и тотчасъ же усаживаютъ на каѳедру. Купилъ себѣ: „Allgemeine Bestimmungen des preussischen Ministers etc. vom 15-ten October 1872“. Министерское распоряженіе, на которомъ пока держится все школьное дѣло въ Пруссіи — совѣтую и вамъ запастись—не дурно было бы перевести на русскій языкъ... Былъ и въ камерѣ мѣстнаго мирового судьи, который разбираетъ разъ въ недѣлю; дѣлъ немного и дѣла не сложныя. Мнѣ понравился и судья, и его рѣшенія, хотя и можно поставить ему въ вину излишнюю и уже совершенно непонят-

ную для меня въ центрѣ Европы рѣзкость и даже грубость въ отношеніи публики, и наконецъ то, что дѣла слишкомъ уже часто кончаются присягой, которая приносится передъ судьей безъ креста и Евангелія. Изученіе школы и суда, хотя бы поверхностное, спасаетъ меня отъ непреодолимой тоски и скуки,—если не ошибаюсь, неизбѣжной для каждаго русскаго человѣка, волею судебъ занесеннаго къ нѣмцамъ. Съ каждымъ днемъ все болѣе вѣрую въ возможность хотя бы въ ничтожной степени быть полезнымъ своему краю. Въ хорошее время мы живемъ съ вами, и потому-то непростительно засиживаться на чужбинѣ, какъ бы ни было хорошо и удобно жить. По словамъ доктора, въ концѣ іюля настанетъ срокъ моего искуса, и я, не теряя ни минуты, по боку Парижъ, забираю чадъ и домочадцевъ, если это окажется нужнымъ, силкомъ захватываю васъ и, нигдѣ не останавливаясь, стремлюсь въ Симбирскъ"...

Въ свою очередь я тоже начиналъ тяготиться всякими благами цивилизаціи: некуда идти, не съ кѣмъ говорить, нѣтъ ни радостей, ни интересовъ, и мнѣ уже сильно начинала претить сантиментальность, соединенная съ грубѣйшимъ эгоизмомъ, мучительная пунктуальность, неизмѣнное добродушіе, а главное, это всегдашнее снисходительное отношеніе къ Россіи, такъ далеко отставшей отъ Европы, но несомнѣнно способной къ прогрессу и движенію впередъ. Съ небывалой силой проснулась во мнѣ любовь къ родинѣ, вмѣстѣ съ твердой увѣренностью, что какъ ни хорошо на чужбинѣ, а у насъ все-таки лучше.

Въ серединѣ іюля я уже былъ въ Крейцнахѣ. Языковъ скучалъ смертельно, и не скрывалъ этого. Онъ искренно обрадовался моему пріѣзду, а я, попавши въ семью Языковыхъ, тотчасъ же почувствовалъ себя дома, на Покровской улицѣ—пыльнаго и мертваго въ это время города Симбирска. Поднялись неизбѣжные и нескончаемые разговоры о школахъ, мировомъ съѣздѣ, училищномъ совѣтѣ, о томъ, какъ бы побудить богатое общество села Крестникова выстроить новую школу, и какъ бы помѣшать попечителямъ и строителямъ новаго тагаевскаго училища положить въ карманъ половину собранной на постройку суммы,—и кѣмъ бы замѣнить учителя теньковской школы, перешедшаго въ акцизное вѣдомство, и т. д. безъ конца... Перечитали другъ другу всѣ полученныя съ родины письма, побывали вмѣстѣ на съѣздѣ мѣстныхъ учителей, обошли и объѣхали ближайшія, болѣе удаленныя отъ Крейцнаха, школы, не разъ заглянули въ камеру крикуна мирового судьи—и съ великимъ наслажденіемъ возвратились во-свояси.

VII.

Снова пришлось мнѣ быть ближайшимъ свидѣтелемъ весеннихъ дней среди ранней въ этомъ году и особенно суровой зимы. Но никому изъ числа мѣстныхъ дѣятелей и въ голову не приходило думать о морозахъ, метеляхъ, ухабахъ и угарныхъ ночлегахъ, и прежде всего потому, что среди всякихъ неудобствъ въ ушахъ у каждаго неумолкаемо раздавались и повторялись простыя, но полныя значенія слова: „стыдно жить безъ дѣла, стыдно коптить небо“.

Съ обычной безпощадной ироніей относясь къ животрепещущимъ вопросамъ свѣтской жизни губернскаго города, къ тому, кто завладѣлъ сердцемъ новаго помпадура, кто встанетъ у колеса во время благотворительнаго базара, и которыя изъ пикантныхъ продавщицъ удивятъ сумасшедшей роскошью туалета,—Н. А. Языковъ, съ неизмѣннымъ увлеченіемъ и рѣдкой у насъ настойчивостью, продолжалъ нести на плечахъ свои многочисленныя служебныя обязанности, всѣмъ существомъ предаваясь стремленію утвердить правду и Humanität въ судѣ, умножить количество школъ, поощрять учителей и—тогда еще немногихъ—учительницъ, а своимъ примѣромъ пробуждать въ другихъ сознаніе долга каждаго гражданина участвовать въ общей жизни страны. Мировые судьи ежеминутно были готовы, по порученію съѣзда, скакать въ тотъ или другой конецъ уѣзда, чтобы дополнить, выяснить дѣло, или допросить на мѣстѣ дальнихъ свидѣтелей, и каждое проявленіе хищности, или самодурства, до глубины души и почти въ одинаковой степени возмущало весь составъ съѣзда. Мужики и бабы становились въ тупикъ отъ неслыханной въ нашихъ палестинахъ доступности и участливости мировыхъ судей, а также нѣсколько утрированной готовности ихъ войти во всѣ мелочи даже грошеваго дѣла—и помочь. Можно было собрать достаточно смѣшныхъ анекдотовъ объ излишней мягкости и ревности мировыхъ судей того времени, но всѣ вмѣстѣ взятые ненавистники этого безвременно погибшаго института не могли бы указать ни малѣйшаго пятнышка на совѣсти его перваго состава. Сотнями лѣтъ складывался своеобразный, полный безпредѣльнаго произвола бытъ, когда не существовало такого закона, который невозможно было бы обойти, не существовало ничего невозможнаго, и только постоянный, видавшій виды обитатель нашего захолустья въ состояніи оцѣнить заслугу первыхъ мировыхъ судей, на долю коихъ выпала трудная задача, вѣчно волнуясь,

сталкиваясь съ постоянными непріятностями, противодѣйствіемъ и враждой,—нагляднымъ образомъ познакомить общество, такъ сказать, съ азбукой сколько-нибудь порядочной человѣческой жизни.

Еще съ большимъ одушевленіемъ относился училищный совѣтъ къ своимъ только-что народившимся школамъ; постройка каждаго новаго училища встрѣчалась какъ общій праздникъ; въ началѣ декабря шли оживленныя приготовленія къ елкамъ, мѣстами сопровождавшимся чтеніями и туманными картинами, собиравшими массу народа; школьники, вмѣстѣ съ ихъ наставниками, были желанными гостями во многихъ землевладѣльческихъ усадьбахъ, особенно во время большихъ праздниковъ. Кромѣ узаконеннаго состава совѣта, его труды охотно раздѣлялись добровольцами, не пропускавшими ни одного засѣданія, и всегда готовыми разъѣзжать по школамъ, писать отчеты и жертвовать книгами и деньгами. Самымъ выдающимся и полезнымъ изъ числа добровольцевъ былъ молодой человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, извѣстный подъ именемъ „радикала", между тѣмъ какъ весь радикализмъ его заключался прежде всего въ стоявшихъ дыбомъ волосахъ, не подчинявшихся гребню, въ излишней ревности и постоянной готовности нарушить пріятную увѣренность въ томъ, что все обстоитъ благополучно, и поднять тревогу въ обществѣ и на земскомъ собраніи. Вспоминается мнѣ и другой интересный доброволецъ: свѣтскій человѣкъ, съ утонченными манерами придворнаго, способный по цѣлымъ зимамъ собирать сосѣднихъ учителей и учительницъ и преподавать имъ высшую математику, въ своемъ увлеченіи доходившій до неотступнаго желанія надѣлить всѣхъ учительницъ музыкальными инструментами.

Постоянные разъѣзды все болѣе и болѣе знакомили меня съ уѣздомъ, особенностями каждаго селенія, каждой деревни, и это близкое знакомство придало новый интересъ моей жизни. Уѣздъ пересталъ уже быть для меня какой-то мертвой административной единицей, и привлекалъ невообразимымъ разнообразіемъ типовъ и обычаевъ.

Само собою разумѣется, что рядомъ съ отрадными впечатлѣніями встрѣчались и безотрадныя: ученики, дрожавшіе и посинѣвшіе отъ холода; ученики, которыхъ, благодаря постоянному угару, замертво вытаскивали на снѣгъ; учительницы, преподававшія ариѳметику въ валеныхъ сапогахъ и мѣховыхъ шубкахъ; училищная мебель, болѣе похожая на орудіе пытки, нежели на принадлежность школы. Но все это не волновало въ такой степени, какъ постоянныя, начавшіяся съ перваго дня открытія учи-

лищнаго совѣта новаго состава столкновенія съ законоучителями-священниками, упорно и въ большинствѣ смотрѣвшими на свое учительское жалованье какъ на прибавку къ ихъ скудному содержанію, нисколько не обязывавшую ихъ обучать дѣтей.

Спросишь учениковъ:—Молитвы знаете?—„Нѣтъ, не знаемъ", —хоромъ отвѣчаютъ мальчики.—Такъ что же вы знаете изъ Закона Божія?—„Мы ничего не знаемъ". — И дѣйствительно, они ничего не знали по Закону Божію, и даже не имѣли понятія о религіи, къ которой принадлежали, между тѣмъ какъ „батюшка" всегда оказывался въ отсутствіи.

Но среди такихъ школъ, вызывавшихъ небывалое до того времени вмѣшательство училищнаго совѣта, то-и-дѣло обращавшагося къ преосвященному съ жалобами на нерадивыхъ законоучителей, встрѣтилась мнѣ идеальная школа, гдѣ всѣмъ предметамъ обучалъ тогда еще молодой священникъ. Это былъ человѣкъ не отъ міра сего, и въ то время идеальные интересы далеко превышали въ немъ практическіе. Онъ болѣе всего любилъ учить и поучать, любилъ свой мирный уголокъ, крошечный, имъ же насаженный садикъ, съ десяткомъ прятавшихся въ кустахъ сирени пчелиныхъ ульевъ, свой древній каменный храмъ, всегда казавшійся ему неимовѣрно величавымъ, и покровительственно смотрѣвшій на скромно пріютившуюся рядомъ школу, переполненную учениками. Вся жизнь идеалиста вращалась въ этомъ тѣсномъ кругу храма, сада и имъ же основанной школы. Онъ жилъ только надеждой на свѣтлое будущее, на успѣхъ своего дѣла, и, точно беззавѣтно-преданный землѣ пахарь, изо дня въ день воздѣлывалъ свою ниву, весь сосредоточенный на мысли, что брошенныя имъ зерна рано или поздно принесутъ плоды.

Еще помнится мнѣ рѣдкій, уже вырождающійся типъ почти безграмотнаго священника, стараго закала, посвященнаго изъ дьяконовъ, занимавшагося обученіемъ единственно, какъ онъ выразился „по пристрастію къ дѣтямъ", и получавшаго за свой трудъ 20 рублей въ годъ, которые сполна тратились имъ на потребности школы. Ученики его знали Св. исторію ветхаго и новаго Завѣта, хотя и начинали свои разсказы все съ одного и того же твердо заученнаго слова:

— Разскажи переходъ израильтянъ черезъ Чермное море!—спросишь одного изъ учениковъ. Тотъ молчитъ и казнится, припоминая роковое слово,—пока гдѣ-то въ углу не послышится: „Когда египтяне похоронили умершихъ"...

— „Тогда стали сожалѣть, что отпустили израильтянъ"...—на лету подхватываетъ ученикъ, между тѣмъ какъ я укоризненно

смотрю на добрѣйшаго старика, съ краснымъ, вспотѣвшимъ отъ волненія лицомъ.

Такого безсмысленнаго заучиванія наизусть придерживались почти всѣ законоучителя того времени, и дальше этого не шли.

Задавшись мыслью собрать вмѣстѣ отрывки своихъ весеннихъ воспоминаній о людяхъ, уже забытыхъ въ наши дни и отличавшихся благородными стремленіями на пользу общую, я обязанъ сказать, что однимъ изъ украшеній того времени несомнѣнно были учителя новаго типа, выпущенные изъ педагогическихъ курсовъ И. Н. Ульянова. Мы и теперь имѣемъ хорошихъ учителей и учительницъ, но уже нѣтъ и быть не можетъ того увлеченія, поднимавшаго тружениковъ школы выше назойливыхъ вопросовъ о томъ, какъ и чѣмъ жить? Женатыхъ между учителями почти не было, а если и встрѣчались, то они еще не успѣли обзавестись семьями.

При постоянныхъ разъѣздахъ по школамъ мнѣ волей или неволей приходилось бывать и даже зачастую ночевать въ убогихъ учительскихъ квартирахъ, и каждый разъ мнѣ было и горько, и стыдно за равнодушіе общества къ его полезнѣйшимъ членамъ. Къ счастью, большинство бывшихъ воспитанниковъ Ульянова, какъ и почти каждый русскій человѣкъ, были великими мечтателями и фантазерами, однимъ словомъ, такими же взрослыми дѣтьми, какъ и ихъ наставникъ. Ночлеги въ школахъ всегда были для меня сплошнымъ страданіемъ и не прекращавшейся, въ теченіе всей ночи, борьбы со всевозможными неудобствами. Живо помнятся мнѣ эти ночлеги послѣ утомительнаго и уже четвертаго—въ теченіе короткаго зимняго дня—экзамена въ школахъ.

Тихо и мирно бесѣдуемъ мы съ учителемъ около крошечнаго самовара о самыхъ дорогихъ для него предметахъ... Ни тѣни пошлости или матеріальныхъ интересовъ!.. Улеглись поздно, далеко за полночь: я—на дощатой, ежеминутно готовой разсыпаться кровати, радушно уступленной хозяиномъ; учитель — на полу, то-есть прямо на доскахъ, прикрытыхъ войлокомъ. Въ жиденькія рамы дуетъ метель; кровать скрипитъ при малѣйшемъ движеніи; голова упирается прямо въ немилосердно натопленную печь... Заснуть нѣтъ никакой возможности, и тянется—точно безконечная — ночь все въ тѣхъ же безплодныхъ мечтаніяхъ о лучшемъ будущемъ и въ разговорахъ о выдающихся по своимъ способностямъ ученикахъ, или о какомъ-нибудь необходимомъ для школы дровяникѣ, представляющемъ крайній предѣлъ мечтаній учителя, какъ бы не замѣчающаго своей уже слишкомъ сѣрень-

кой обстановки и при всякихъ невзгодахъ и лишеніяхъ одинаково радостнаго и полнаго мыслями и заботами о школѣ.

Языковъ былъ правъ, когда писалъ мнѣ въ Пирмонтъ: „въ хорошее время мы живемъ съ вами“. Да! это было дѣйствительно хорошее время, время преувеличенныхъ ожиданій, преувеличенныхъ симпатій и преувеличенныхъ антипатій къ отживающимъ порядкамъ жизни, наслѣдованнымъ отъ только-что упраздненнаго крѣпостного права и дореформеннаго суда, съ его вошедшими въ обычай взятками, съ полнѣйшей утратой чувства долга и милосердія, съ благодушнымъ равнодушіемъ къ повальному невѣжеству и вопіющимъ нуждамъ народа.

Новымъ дѣятелямъ казалось, что они уже собственными глазами видятъ зарю возрожденія, и въ этомъ блаженномъ настроеніи никто не хотѣлъ знать и замѣчать, что обученіе въ школахъ велось на скорую руку, лишь бы только какъ можно скорѣе выучить читать, писать и сообщить нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній по исторіи, географіи и естествознанію, при полномъ отсутствіи единообразія въ пріемахъ преподаванія; что каждый по-своему понималъ цѣли и задачи школы; что все, что̀ было сдѣлано для народнаго образованія—не болѣе, какъ начало того, что̀ еще оставалось сдѣлать. Въ то же время, мировые судьи, сплошь и рядомъ отличаясь крайне слабой подготовкой, болѣе всего увлекались поэтической стороной своей обязанности и непреодолимымъ желаніемъ—какъ можно скорѣе водворить „судъ скорый, правый и равный для всѣхъ“ въ окружающихъ ихъ дебряхъ, гдѣ еще вчера, не вѣдая, что̀ творятъ, глумились надъ закономъ и совѣстью чиновники и самодуры всякихъ видовъ и наименованій, начиная съ уѣзднаго судьи и кончая пьянымъ становымъ приставомъ.

Вскорѣ по возвращеніи съ Кавказа, я получилъ радостное письмо отъ Благовѣщенскаго, слѣдующаго содержанія:

„Пишу вамъ нѣсколько строкъ, чтобы по обѣщанію къ назначенному сроку извѣстить васъ о себѣ.—Я все еще живъ и, мало того, со мною совершаются всякія чудеса.—Только-что собрался я, было, ѣхать въ Петербургъ, какъ судьба неожиданно поворотила меня совершенно въ противуположную сторону, и на-дняхъ я переѣзжаю вмѣсто Петербурга въ Владикавказъ. Вамъ уже извѣстно, что я случайно и довольно близко сошелся съ начальникомъ терской области, Лорисъ-Меликовымъ. Онъ-то и уговорилъ меня остаться на Кавказѣ еще на зиму, обѣщалъ изыскать средства для этого, дать подходящую работу, насулилъ въ будущемъ тысячу благъ,—и я не устоялъ, поддался, тѣмъ бо-

лѣе, что всѣ окружающіе меня единодушно напѣвали на ту же тему и убѣждали остаться. Теперь ужъ для меня и квартира нанята въ Владикавказѣ. Что̀ изъ этого выйдетъ, какъ я устроюсь, какое занятіе дадутъ мнѣ?—ничего не знаю, но въ то же время чувствую приливъ давнымъ-давно неиспытанной радости. Васъ удивляетъ все это, добрѣйшій? Не правда ли? Меня и самого удивляетъ оно, но я совершенно объективно, безъ разсужденій отдался новому теченію обстоятельствъ, будь, молъ, что̀ будетъ, и „пускай теперь несетъ меня, куда хочетъ, валъ"—какъ поется въ одной старой пѣснѣ.

„Вы спрашиваете, поправилось ли мое здоровье на Кавказѣ? Самъ не знаю, какъ отвѣчать вамъ на этотъ вопросъ? Голова моя стала, правда, какъ будто яснѣе и припадки болѣзни легче, а въ эту минуту я точно переродился, воскресъ и возмечталъ... А кто знаетъ, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ и поживемъ, и поработаемъ.

„Въ концѣ письма вы предлагаете мнѣ на разсмотрѣніе вопросъ, въ которомъ вы, по вашимъ словамъ, не судья; а именно: почему нищіе-чухны, переселившіеся въ вашу губернію, прежде всего на послѣдній грошъ строятъ себѣ школу, а русскія богатыя села открещиваются отъ нея? Мнѣ кажется, что разрѣшеніе этого вопроса нужно искать только въ силахъ привычки и наслѣдственныхъ традиціяхъ той и другой національности. У чухонъ и нѣмцевъ, въ силу историческихъ традицій, село немыслимо безъ школы и безъ церкви; тамъ школа тѣсно связана съ религіознымъ культомъ народовъ, такъ что безграмотнымъ тамъ даже, кажется, и причастія не даютъ. А у русскихъ школа—нѣчто внѣшнее, насильственное, и церковь наша о просвѣщеніи не хлопотала, государство—тоже. Потому-то и трудно заводить школы тамъ, гдѣ ихъ никогда не было. Зато въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ школа успѣла привиться и войти въ привычку, тамъ она держится прочно. Грамотный мужикъ и дѣтей своихъ непремѣнно будетъ учить грамотѣ,—это правило, имѣющее очень немного исключеній. Вотъ мое мнѣніе о причинахъ холодности нашего крестьянина къ просвѣщенію. Не нужно еще оно ему, потребность не явилась. А искусственно возбудить эту потребность можно было бы только обязательнымъ обученіемъ или какими-нибудь льготами. Особенно это было бы необходимо въ нашихъ богатыхъ и хлѣбородныхъ губерніяхъ. Имъ пора бы поучиться. Пишите мнѣ, добрѣйшій, о дальнѣйшей своей жизни и дѣятельности, пишите по возможности чаще, чѣмъ писали до сихъ поръ,—въ письмахъ моихъ друзей теперь все

мое утѣшеніе. Письма адресуйте въ Владикавказъ, до востребованія.

„Будьте прежде всего здоровы, бодры духомъ, а главное—гоните прочь всякія сомнѣнія и свойственный вамъ пессимизмъ. Узнать и полюбить народъ, завладѣть такимъ кладомъ можно только тогда, когда идешь къ нему прямо, не оглядываясь по сторонамъ и не пугаясь призраковъ. Ждите длиннаго посланія изъ Владикавказа“.

Такой же неожиданностью, какъ переселеніе Благовѣщенскаго въ Владикавказъ, было для меня извѣстіе объ открытіи барономъ Корфомъ учебнаго заведенія для русскихъ дѣвушекъ въ Женевѣ.

Вотъ что̀ писалъ мнѣ онъ по̀ этому случаю:

„На этотъ разъ, дорогой В. Н., сообщаю вамъ извѣстіе, разсчитывая на то, что оно не только вызоветъ васъ на сочувствіе, но и на содѣйствіе: поселившись въ Женевѣ для воспитанія своихъ дочерей 11 и 15 лѣтъ, я рѣшился принять въ свою семью нѣсколько (не болѣе пяти) русскихъ дѣвушекъ изъ хорошихъ семействъ, для совмѣстнаго воспитанія и обученія съ моими дѣтьми. Дѣлаю я это въ интересахъ своихъ дѣтей и въ интересахъ Россіи, для которой удалось бы воспитать хотя нѣсколько матерей здѣсь, т.-е. при благодѣтельномъ вліяніи политической атмосферы Швейцаріи, но въ то же время не лишая ихъ своего родного языка и своей національности. Вы знаете меня настолько близко, что нѣтъ надобности въ подробности развивать вамъ мою педагогическую программу; скажу кратко, что идеаломъ своимъ я избралъ подготовить свѣдущихъ и развитыхъ женщинъ, настолько согрѣтыхъ семейнымъ воспитаніемъ и эстетическимъ развитіемъ, чтобы научныя занятія не наложили на нихъ печати рѣзкости и сухости. Въ то же время, готовя своихъ воспитанницъ въ университетъ и широко осуществляя идею Фребеля, такъ какъ дѣти мои пользуются уроками рисованія, картонажа и скульптуры, всѣ основные предметы преподаются имъ по-русски; но на иностранные языки обращаемъ такое вниманіе, что старшая дочь проходила зоологію, ботанику, физику и минералогію по-нѣмецки. Короче сказать, дѣти получаютъ весьма разнообразное и солидное образованіе; самъ я преподаю по 4 часа ежедневно и гуляю съ дѣтьми не менѣе двухъ часовъ въ день. Жена моя тоже непрестанно съ дѣтьми, и на воспитанницъ мы не могли бы взирать иначе, какъ на дѣтей своихъ. Съ поступленіемъ дѣтей въ домѣ нашемъ будутъ жить преподаватель естественныхъ наукъ и учительница; кромѣ

того, насъ посѣщаютъ три учителя для уроковъ, еженедѣльно посѣщаетъ лучшій врачъ въ Женевѣ, а харчи у насъ превосходныя—русскія, безъ всякихъ „вассерсуповъ". Но все это стоитъ, къ несчастію, настолько не дешево, что я не могу принять воспитанницы иначе, какъ за плату 6.000 франковъ въ годъ, при чемъ тутъ подсчитано полное содержаніе, всевозможные уроки, учебныя книги, даже еженедѣльные визиты врача; пришлось бы платить особо только за одежду и удовольствія. При такой платѣ и пяти воспитанницахъ, мнѣ остается лишь самое скромное вознагражденіе за всѣ мои уроки и весь мой трудъ; я могъ бы матеріально выиграть несравненно больше, получая лишь 3.000 франковъ отъ воспитанницы, но имѣя ихъ 20, а не 5; но этого я не желаю, такъ какъ дорожу для дѣвушки воспитаніемъ въ семьѣ, въ самомъ прямомъ и тѣсномъ смыслѣ этого слова. Помогите же мнѣ, дорогой В. Н., порекомендуйте хорошихъ дѣвушекъ отъ 11 до 15 лѣтъ возрастомъ, напишите и скажите о моемъ педагогическомъ предпріятіи тѣмъ изъ своихъ знакомыхъ, которые мнѣ довѣряютъ и въ то же время располагаютъ значительными средствами и настолько дорожатъ воспитаніемъ, чтобы затратить на него большія деньги"...

Оставаясь по прежнему слѣпымъ поклонникомъ Корфа, ни на минуту не задумываясь надъ тѣмъ, что, такъ или иначе, на меня возлагалась обязанность пропагандировать вовсе не симпатичное для меня его дѣло, я съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, приглашалъ нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ обратить вниманіе на учебное заведеніе съ такой заманчивой программой и воспользоваться услугами знаменитаго педагога. Но крупные землевладѣльцы, имѣвшіе возможность уплачивать 6.000 франковъ въ годъ, равнодушно выслушивали мои предложенія, предпочитая оставить своихъ дочерей при себѣ и воспитывать ихъ подъ своимъ наблюденіемъ.

VIII.

Въ началѣ іюля мѣсяца 1874 года, продѣлавши повторительный курсъ леченія въ Пирмонтѣ, я пріѣхалъ въ Парижъ, съ твердымъ намѣреніемъ во что бы то ни стало привести въ исполненіе свое давнишнее намѣреніе навѣстить барона Корфа, неотступно приглашавшаго въ Женеву и даже приготовившаго для меня помѣщеніе въ пансіонѣ, отстоявшемъ въ двухъ шагахъ отъ его виллы.

Погода стояла знойная, іюльская... День выдался душный; отъ накаленныхъ стѣнъ вѣяло жаромъ... Заживо испеченный солнцемъ, съ неизбѣжнымъ Бедекеромъ въ рукахъ, какъ тѣнь бродилъ я по Парижу, готовый скорѣе погибнуть отъ солнечнаго удара, чѣмъ пропустить какую-нибудь достопримѣчательность... Наконецъ, добровольное мученичество было кончено, и я, задыхаясь отъ ночной духоты, смѣнившей дневной зной, сижу въ поѣздѣ, готовомъ отправиться въ Женеву.

Въ то время я постоянно велъ дневникъ, куда ежедневно заносилъ, конечно про себя лично, бѣглыя замѣтки обо всемъ интересномъ для меня, и мои настоящія воспоминанія—только извлеченія изъ этого дневника.

Со свистомъ и трескомъ рванулся поѣздъ въ тьму кромѣшную... Началась невообразимая, а потому такъ сильно запечатлѣвшаяся въ моей памяти гроза, съ ослѣпительнымъ блескомъ молніи, непрерывными раскатами грома и шумѣвшимъ, какъ водопадъ, дождемъ. Я находился въ какомъ-то безсознательномъ состояніи, ежеминутно ожидая катастрофы, и опомнился, придя въ себя только на зарѣ, когда гроза утихла... Наступила тишина, прерываемая грохотомъ поѣзда, какъ будто замедлившаго свой быстрый въ началѣ полетъ. Все наповалъ спало въ вагонѣ, я одинъ бодрствовалъ... Въ сумрачной, все болѣе и болѣе проясняющейся дали постепенно стали открываться поля, небольшія деревушки, слегка задернутая туманомъ извилистая рѣчка... Наконецъ, все освободилось отъ мрака, и я очутился въ мѣстности, болѣе напоминающей окрестности моего хутора, нежели культурную Францію: увязшая по колѣни въ грязи крестьянская лошадка, едва тащившая двухколесную телѣжку, переполненную хворостомъ; ветхій мостикъ съ повалившимися перилами; стая воронъ, кружившаяся надъ мокрой, перепутанной рожью... все это живо напоминало родныя картины, и только легкія очертанія приближающихся горъ говорили о близости Швейцаріи. Я отворилъ окно: вокругъ было тихо, радостно... грозовая туча удалялась впередъ съ слабыми раскатами грома, а сзади уже великолѣпно блистало солнце... Поѣздъ загремѣлъ въ тѣсномъ корридорѣ гранитныхъ скалъ, едва подернутыхъ вверху мохомъ; тѣ же скалы рисуются впереди на голубомъ небѣ... Мысленно я уже бесѣдовалъ съ Корфомъ, къ которому рѣшилъ направиться прямо изъ вагона, но вмѣсто того, точно во снѣ, занялъ ожидавшій меня нумеръ гостинницы и, не раздѣваясь, проспалъ до утра.

Проснувшись на другой день, я тотчасъ почувствовалъ всю прелесть пребыванія въ патріархальномъ швейцарскомъ пансіонѣ,

и послѣ нѣмецкой чопорности и парижской суеты отдался всегда пріятному уходу и почти родственной внимательности. Не успѣлъ я позавтракать, какъ горничная сообщила мнѣ, что баронъ Корфъ, только-что возвратившійся вмѣстѣ со своимъ пансіономъ изъ продолжительной экскурсіи въ Шафгаузенъ, уже два раза присылалъ за мной, и вотъ, въ одно и то же время робѣя и радуясь, я поспѣшилъ къ знаменитому педагогу.

Предмѣстье Женевы, куда я попалъ, представляло картину полнаго затишья и покоя: кругомъ небольшіе домики изъ краснаго кирпича, съ опущенными сторами и жалюзи, едва замѣтные среди темной зелени тополей и густыхъ кустовъ сирени, пустота и безмолвіе на узенькихъ улицахъ. Вотъ и вилла, занимаемая Корфомъ...

Вошедши въ святилище, я весь превратился въ слухъ и зрѣніе. Въ небольшихъ, довольно низкихъ комнатахъ, благодаря густой зелени сада, заслонявшей окна, царилъ полумракъ. Хозяинъ спѣшилъ перезнакомить меня со своимъ семействомъ и воспитанницами, поступившими въ его заведеніе. Я чувствовалъ себя потеряннымъ среди улыбавшихся мнѣ миловидныхъ дѣвочекъ и предупредительности хозяйки, одной изъ самыхъ симпатичныхъ женщинъ, какихъ я встрѣчалъ въ жизни.

Оставаясь все такимъ же подвижнымъ и нѣсколько восторженнымъ человѣкомъ, любившимъ болѣе говорить, нежели слушать, Корфъ казался мнѣ вполнѣ счастливымъ и довольнымъ своимъ положеніемъ.

— Тысячу разъ благословляю судьбу,—торопливо говорилъ онъ:—а моя настоящая жизнь представляетъ такое громадное обиліе матеріала, что я буквально заваленъ литературной работой... Чтенія—сколько хочешь... Да, наконецъ, здѣсь и работать веселѣе, и даже самое уединеніе не въ тягость. Все такъ удобно, доступно, чудесный воздухъ, сколько красоты, свѣту, что̀ за видъ!..—и онъ настежь распахнулъ двери веранды, выходившей въ садъ.

День выдался исключительный, точно праздничный... Въ саду все цвѣло, благоухало; древесные листья поражали шириной и силой... Сквозь зеленыя вѣтви ослѣпительно блеснула быстрая, точно спѣшившая куда-то Рона... Потянуло свѣжимъ воздухомъ рѣки, за которой тотчасъ же громоздился красивый городъ съ его башнями, громадными отелями, похожими на дворцы, а вдали, на ясномъ, кроткомъ, блѣдно-голубомъ небѣ ярко выступало бѣлое пятно Монблана.

Я тоже раздѣлялъ восхищеніе барона, но, взглянувши на

него при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, къ удивленію своему, замѣтилъ на блѣдномъ, похудѣвшемъ лицѣ его слѣды утомленія, если не затаенной скорби.

— Однако, позвольте, я еще, кажется, не показалъ вамъ росписанія уроковъ... Какъ же, все въ порядкѣ, все опредѣлено и обдумано... Пойдемте!—вдругъ спохватился Корфъ и повелъ меня черезъ всѣ комнаты въ классную, гдѣ на видномъ мѣстѣ красовался правильно разграфленный листъ бумаги съ росписаніемъ уроковъ, въ числѣ коихъ, какъ мнѣ помнится, упоминалось: методика русскаго языка и ариѳметики, педагогика, логика, психологія, минералогія, философія исторіи и т. д. Вѣроятно, замѣтивъ мое недоумѣніе при чтеніи росписанія, предназначеннаго для дѣтей, Корфъ объяснилъ, что между подростками, поступившими въ его заведеніе, имѣется 17-лѣтняя дѣвушка, пріѣхавшая къ нему прямо по призванію, руководясь единственнымъ желаніемъ учиться,—и онъ тутъ же предложилъ мнѣ познакомиться съ этой любознательной дѣвицей.

Въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ мы нашли миловидную дѣвушку, малороссійскаго типа, а хозяинъ, представляя меня, сообщилъ, что она послѣ долгихъ усилій вымолила, наконецъ, у своихъ стариковъ деньги, назначенныя ей на приданое, съ которыми и пріѣхала въ Женеву, чтобы, насколько это возможно, пополнить свое образованіе.

Во время изобильнаго, чисто русскаго обѣда, я имѣлъ неосторожность сказать, что везу въ редакцію „Вѣстника Европы“ написанную въ Пирмонтѣ статью, подъ заглавіемъ „Странствованіе по школамъ“; неугомонный хозяинъ потребовалъ, чтобы статья была прочтена въ присутствіи его учедицъ, и настоялъ на своемъ, устроивши меня около лампы, среди своихъ воспитанницъ, видимымъ образомъ скучавшихъ и нисколько не интересовавшихся предметомъ, о которомъ шла рѣчь въ моей довольно объемистой статьѣ.

На слѣдующій день я засталъ у Корфа какого-то чиновника, будто бы командированнаго въ Женеву для изученія, если не ошибаюсь, швейцарскихъ почтовыхъ порядковъ. Это былъ маленькій, лысый блондинъ, тщательно, даже франтовато одѣтый, бросившійся въ глаза своимъ необычайно высокимъ, морщинистымъ лбомъ и синими очками въ изящной золотой оправѣ. Гость держалъ себя въ высшей степени солидно, съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, но при всей, казалось бы, мягкости манеръ вся фигура его имѣла въ себѣ что-то зловѣщее. Онъ какъ-то странно хмурилъ брови, а когда разговаривалъ, то близко

наклонялся къ человѣку, съ которымъ говорилъ, точно ему трудно было разслышать то, что̀ говорилось, и онъ какъ можно скорѣе спѣшилъ заявить о своей глухотѣ. Когда насильно навязавшійся на знакомство гость удалился, Корфъ посовѣтовалъ мнѣ не довѣряться его глухотѣ и подальше обходить даже на улицѣ.

Отъ обѣда и до поздней ночи мы вдвоемъ бродили по городу, изученному Корфомъ до послѣдней мелочи. Заглянули въ музей и картинныя галереи, заходили къ хозяину большого часового магазина, Росси, по словамъ Корфа — честнѣйшему человѣку и знаменитому оратору, выдвинувшемуся во время послѣднихъ женевскихъ безпорядковъ, а вечеръ просидѣли на берегу живописнаго озера, наслаждаясь прелестнымъ видомъ. По обыкновенію, Корфъ говорилъ безъ умолку, съ обычнымъ одушевленіемъ, а мнѣ приходилось только изумляться оригинальности его выводовъ, способности быстро схватывать сущность дѣла и отыскивать въ каждомъ предметѣ стороны, ускользающія отъ общаго вниманія. Онъ видимымъ образомъ былъ способенъ къ увлеченіямъ, а въ данную минуту любимой темой его разговора были естественно-научныя занятія, которымъ онъ придавалъ, можетъ быть, нѣсколько преувеличенное, если не міровое значеніе.

Вечеръ былъ дивный. Высокіе тополи чернѣли на прозрачномъ небѣ, начинавшемъ темнѣть; передъ нами растилалось затянутое голубоватымъ туманомъ озеро; въ городѣ зажигались огни, на небѣ загорались звѣзды, а мы все еще продолжали нашу бесѣду. Поздно ночью вернулся я въ свой пансіонъ, но мнѣ не хотѣлось спать; жалко было разставаться съ впечатлѣніями истекшаго дня.

Слѣдующій день былъ восхитительный. Корфъ съ ранняго утра ушелъ въ городъ, для окончательныхъ переговоровъ съ какой-то именитой коммерсанткой, пожелавшей помѣстить въ его заведеніе двухъ своихъ малолѣтнихъ дочекъ. Жена Корфа варила варенье въ саду, а я устроился въ двухъ-трехъ шагахъ отъ нея, въ тѣни деревьевъ, съ послѣдней книжкой журнала въ рукахъ.

Въ самый разгаръ полдневнаго зноя въ саду показался хозяинъ; онъ шелъ видимымъ образомъ утомленный, со шляпой въ рукахъ, испеченный солнцемъ. Еще издали, не замѣчая моего присутствія, онъ жаловался женѣ на милліонершу, съ которой въ потѣ лица торговался все утро.

— Измучила, въ конецъ измучила,—задыхаясь отъ усталости, продолжалъ Корфъ, въ изнеможеніи опускаясь на скамью и все еще не замѣчая моего присутствія.—Точно базарная торговка... Я назначаю свою цѣну—она только-что не плачетъ и умоляетъ

уступить. Наконецъ, я рѣшаюсь принять дѣтей за 11.000 франк. въ годъ — она рыдаетъ и даетъ девять. Три раза уходилъ и столько же разъ возвращался по ея просьбѣ, а когда порѣшили на 10.000 франковъ, она и тутъ выторговала харчи для няньки, которая должна жить въ нашемъ домѣ при дѣтяхъ. Такого сюрприза я никакъ не ожидалъ, но уже до такой степени усталъ, что согласился.

Не считая возможнымъ скрываться и быть невольнымъ свидѣтелемъ интимныхъ разговоровъ, я вышелъ изъ своей засады.

Корфъ вопросительно посмотрѣлъ на меня и продолжалъ:

— Васъ навѣрно удивляетъ такой казусъ?.. Навѣрно, подумали: вотъ торгашъ!.. Возмущены, поражены?.. Каждый изъ насъ, отъ мужика до барина, хочетъ жить по барски для спасенія души. Не такъ ли?

Въ эту минуту онъ показался мнѣ какимъ-то другимъ, новымъ для меня человѣкомъ.

— Ну да, именно для спасенія души,—безъ всякой видимой причины горячился Корфъ.—Мы хотимъ работать для идеи... А подумайте, чего мы добились? Нуля! а все потому, что безъ денегъ не облагодѣтельствуешь даже маленькой деревушки. Пора понять, что безъ денегъ ничего создать нельзя, какой бы любовью ни пылали мы къ народу. Я—утилитаристъ и останусь имъ до конца жизни.

Умные глаза барона смотрѣли иронически, но мнѣ не понравился этотъ тонъ, далеко расходившійся съ его обычной рѣчью. Я началъ-было возражать, но раздраженный Корфъ тотчасъ же перебилъ мою рѣчь и продолжалъ въ такомъ родѣ:—Мы всѣ черезчуръ наивны, и эта наивность — одна изъ причинъ, почему мы вѣчно жалуемся и только заѣдаемъ свою жизнь, и потому-то мы всѣ гроша не стоимъ, какъ дѣятели, какъ граждане. Мы уже слишкомъ пересолили, слишкомъ злоупотребляемъ подмостками, и только здѣсь въ Европѣ я научился жить и понимать суть жизни. Посмотрите, какъ здѣсь живутъ,—и онъ принялся вычислять доходы и барыши одного изъ первыхъ свѣтилъ науки въ Швейцаріи, въ то же время занимавшагося производствомъ и поставкой кирпича и строительныхъ матеріаловъ.

Горячія объясненія барона, какъ и всѣ объясненія подобнаго рода, нисколько не разубѣдили меня и не разсѣяли моего недоумѣнія. Положеніе мое становилось неловкимъ.

Высказавъ все, что̀ хотѣлъ высказать, Корфъ видимымъ образомъ успокоился и, принявъ свой обычный простодушно-ласковый видъ, взявши меня подъ руку, повелъ къ обѣденному столу, но

я никакъ не могъ отдѣлаться отъ своего недоумѣнія, не могъ заставить себя принять участіе въ общей оживленной бесѣдѣ, и тотчасъ же послѣ обѣда, самъ не зная, зачѣмъ и почему, на̀скоро, неожиданно для себя и для всѣхъ окружающихъ, распрощался съ радушными хозяевами, а два часа спустя уже выѣхалъ на пароходѣ въ Монтрё.

Какъ это часто бываетъ въ Швейцаріи, въ Монтрё застигли меня непроницаемые туманы. Воцарилась настоящая тьма египетская: озеро, горы Савойи, небо—все это было на̀глухо задернуто густой мглой, то-и-дѣло мѣнявшей свою форму и цвѣтъ. Напрасно отворялъ я окно: видны были только ближайшіе предметы: могучая фигура старика хозяина пансіона, въ поношенной блузѣ и туфляхъ, надѣтыхъ на босую ногу, усердно работавшаго заступомъ около самой веранды, и одинокая, озлобленная фигура саратовской помѣщицы, плотно закутанной въ сѣрый платокъ и твердо рѣшившейся во что бы то ни стало дождаться своего и за свои кровныя деньги насладиться видами Женевскаго озера. На другой день—то же самое: непроницаемый туманъ, старикъ съ заступомъ въ рукахъ; въ конецъ распростуженная, безпрестанно чихавшая соотечественница, упорно сидѣвшая на верандѣ,—и ничего больше.

Но вотъ къ концу слѣдующаго дня на темномъ фонѣ мелькнула свѣтлая точка,—точно призраки поднялись горы, у подошвы ихъ забѣлѣли деревушки. На озерѣ задымился пароходъ съ пѣнившимися вокругъ него волнами. Помѣщица поднялась съ своего мѣста, приготовляясь наслаждаться видами, а между тѣмъ, какъ будто на зло, тяжелыя тучи поспѣшно сползли внизъ, еще ниже, и вдругъ разразились проливнымъ дождемъ, не перестававшимъ въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ-рядъ; даже трудолюбивый, какъ муравей, хозяинъ не показывался больше, а на томъ мѣстѣ, гдѣ дежурила соотечественница, стояла, все увеличиваясь, лужа воды.

Вотъ уже третій день, какъ дождь барабанитъ въ окна, вызывая тоску по солнцу. Я ходилъ взадъ и впередъ по длинному корридору гостинницы, съ своими назойливыми мыслями о Корфѣ. Вспомнились мнѣ разсказы людей, близко знавшихъ его во время деревенской жизни, несомнѣнно правдивые разсказы о его широкомъ гостепріимствѣ, благодаря которому въ Нескучномъ сама собою образовалась безплатная, всегда переполненная семинарія, подготовлявшая учителей и учительницъ для мѣстныхъ школъ, на поддержаніе коихъ уходила вся прибыль съ его изданій. Припомнились намеки самого Корфа на крайне стѣс-

ненныя обстоятельства, вынудившія покинуть родину съ твердымъ намѣреніемъ отказаться отъ всякихъ доходовъ съ своего имѣнія, въ надеждѣ на литературный заработокъ, а можетъ быть, и на предполагаемый пансіонъ. Между тѣмъ, разсчеты оказались фантастическими, и вотъ, благодаря своей широкой, въ высшей степени сложной натурѣ и полнѣйшему отсутствію практическихъ способностей, Корфъ проживаетъ далеко болѣе, нежели заработываетъ, и это мучитъ и тревожитъ его. Придя къ такому заключенію, я уже не придавалъ ни малѣйшаго значенія словамъ воображаемаго утилитариста, смотрѣвшаго на деньги только какъ на средство кому-нибудь помочь, устроить дорого стоющую экскурсію и вообще издержать какъ можно болѣе денегъ для пользы и удобствъ своихъ воспитанницъ.

Для меня было ясно какъ день, что Корфъ прежде всего принадлежалъ къ людямъ, способнымъ наговорить на себя всякихъ небылицъ и казаться не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Да и кому только не приходилось подмѣчать эту слабость въ самыхъ выдающихся по своимъ качествамъ людяхъ. Сплошь и рядомъ, безхитростный и простой человѣкъ воображаетъ себя великимъ дипломатомъ, между тѣмъ какъ люди, лишенные практическихъ способностей, хотятъ казаться дѣльцами, а слабохарактерные—людьми съ непреклонной волей.

Додумавшись до того, что нѣчто подобное встрѣтилось мнѣ и въ данномъ случаѣ, счастливый своимъ открытіемъ, не взирая на каторжную погоду, я наскоро собрался и выѣхалъ въ Женеву.

Я былъ до такой степени взволнованъ досадой на минувшія колебанія и сомнѣнія, что это послѣднее свиданіе съ Корфомъ представляется мнѣ чѣмъ-то смутнымъ, но въ то же время невыразимо пріятнымъ.

Корфъ точно ожидалъ моего пріѣзда и, казалось, чувствовалъ потребность поговорить по душѣ. Онъ началъ съ того, что передалъ мнѣ телеграмму Языкова такого содержанія: „Нельзя сидѣть сложа руки и заниматься только самимъ собой — пора домой“. Познакомившись съ содержаніемъ телеграммы, Корфъ, къ изумленію моему, съ нескрываемой завистью поздравилъ меня, какъ счастливѣйшаго человѣка, имѣющаго возможность тотчасъ же возвратиться на родину, между тѣмъ какъ онъ, при всемъ желаніи, не въ состояніи этого сдѣлать, и по неволѣ долженъ сидѣть въ этой надоѣвшей ему, какъ горькая рѣдька, Женевѣ.

— А казалось бы,—продолжалъ онъ со свойственнымъ ему паѳосомъ, по своему обыкновенію не давая мнѣ вставить ни одного

слова:—казалось бы, гдѣ же и жить, какъ не здѣсь; мнѣ открыта возможность познакомиться со всѣми европейскими знаменитостями, матеріала для изученія масса, какія удобства, какая красота вокругъ, а между тѣмъ, говоря по совѣсти, всему этому цѣна грошъ. Нѣтъ нашей душевной теплоты, нѣтъ простоты отношеній! Мнѣ просто жутко среди этихъ добродушныхъ и самодовольно-честныхъ швейцарцевъ, среди ихъ муравьиной дѣятельности и всякихъ удобствъ. Чувствую себя одинокимъ, подавленнымъ, смѣшнымъ... Чувствую, что никому дѣла до меня нѣтъ, хоть умирай съ тоски среди улицы... Днемъ и ночью передъ глазами Нескучное, мои дорогіе хохлы. Дайте мнѣ все это, даже нашу родную неурядицу, неудобства, дикость, и я оживу и отдѣлаюсь отъ подступающей апатіи и скуки.

Тоска видимымъ образомъ угнетала Корфа: походка его была вялая; онъ какъ-то осунулся, жаловался на безсонницу. Но вотъ онъ овладѣлъ собою и совершенно какъ прежній добродушно посмотрѣлъ на меня, стараясь угадать, не уронилъ ли себя въ глазахъ моихъ, но, не замѣтивъ этого и успокоившись, добавилъ:—Скучно мнѣ, вотъ чтò: родного лица не увидишь; а впрочемъ довольно, оставимъ этотъ глупый разговоръ.

Переполненный самымъ искреннимъ сочувствіемъ и уваженіемъ къ Корфу, я навсегда распрощался съ нимъ и его симпатичнымъ семействомъ.

Чтобы покончить свои воспоминанія о Корфѣ, мнѣ остается добавить, что 4-го октября 1881 года, черезъ редакцію „Вѣстника Европы", получено было мною отъ него письмо, въ которомъ онъ, возвратившись на родину, сообщалъ мнѣ о высылкѣ на мое имя совершенно переработаннаго „Нашего друга", изданнаго въ двухъ частяхъ, съ художественными иллюстраціями. Въ заключеніи этого, уже послѣдняго письма Корфъ писалъ: „Время не терпитъ, и я разсчитываю на то, что вы, какъ другъ дѣла и давно расположенный ко мнѣ человѣкъ, добьетесь того, чтобы мою книгу ввели въ земскихъ училищахъ симбирской губерніи, и увѣдомите меня о томъ, чтò вы сдѣлали. Я вернулся на свое старое пепелище въ сентябрѣ прошлаго года, вернулся какъ заключенный, вырвавшійся изъ мѣста своего заточенія, въ которомъ едва не задохся съ тоски и горя, вернулся съ юношеской надеждой снова работать на пользу родины. За этотъ годъ я напечаталъ множество статей въ журналахъ и газетахъ. Еще разъ убѣдительно прошу похлопотать о распространеніи „Нашего друга" и поспѣшить увѣдомленіемъ"...

Въ этомъ письмѣ снова выступилъ передо мной мнимый ути-

литаристъ, руководимый мыслью воспользоваться моимъ положеніемъ въ качествѣ члена училищнаго совѣта, продолжавшаго относиться отрицательно къ „Нашему другу", но при всемъ томъ я до конца жизни остался неизмѣннымъ поклонникомъ барона Корфа, какъ человѣка, и его дѣятельности, „коснувшейся всей Россіи отъ Колы до Кутаиса и отъ Варшавы до Омска", какъ выразился о ней всегда правдивый Ушинскій въ своихъ посмертныхъ запискахъ.

Всѣмъ интересующимся народнымъ образованіемъ въ Россіи должны быть извѣстны послѣдніе труды Корфа на пользу любимаго имъ дѣла, послѣ того, какъ онъ возвратился изъ-за границы въ 1880 году; его повѣрочные экзамены въ маріупольскомъ и александровскомъ уѣздахъ екатеринославской губерніи, его горячая пропаганда повторительныхъ школъ, появленіе написаннаго имъ руководства для такихъ школъ, херсонскій съѣздъ земскихъ народныхъ учителей и учительницъ подъ его руководствомъ, и, наконецъ, несчастный московскій эпизодъ по поводу его кандидатуры на должность завѣдывающаго московскими училищами, губительно отозвавшійся на впечатлительной натурѣ Корфа, и въ заключеніе его кончина, послѣдовавшая 13-го ноября 1883 года въ городѣ Харьковѣ, по свидѣтельству врачей, отъ полнаго истощенія силъ.

Жизнь этого крупнаго, даровитаго и самоотверженнаго общественнаго дѣятеля оборвалась, какъ слишкомъ туго натянутая струна.

IX.

На родинѣ все шло по старому, и казалось, что водворившейся идилліи не будетъ конца, между тѣмъ какъ на ясномъ небѣ среди ликованій появились уже первыя тучи, первые неблагопріятные признаки.

Съ учрежденіемъ въ 1874 году должности директора народныхъ училищъ, И. Н. Ульяновъ занялъ эту должность, требовавшую болѣе продолжительнаго пребыванія въ городѣ и утомительнѣйшей канцелярской работы. За составленіемъ одного изъ громадныхъ отчетовъ о состояніи народныхъ школъ въ губерніи, 12-го января 1884 года, неожиданно захватила его смерть и унесла эту идеальную, чистую душу.

Благодаря Положенію о народныхъ училищахъ 1874 года, Н. А. Языковъ, можно съ увѣренностью сказать, единственный изъ числа бывшихъ предсѣдателей уѣзднаго училищнаго совѣта, придававшій

серьезное значеніе своей обязанности, долженъ былъ уступить свое мѣсто уѣздному предводителю дворянства, считавшему народныя школы какой-то игрушкой, въ которую пора уже перестать играть.

Какъ бы строго ни относиться къ заслугамъ Языкова, какъ общественнаго дѣятеля, но справедливость требуетъ сказать, что онъ, во всякомъ случаѣ, принадлежалъ къ немногимъ выдающимся людямъ нашего высшаго общества, говоря по совѣсти, дающаго и всегда дававшаго слишкомъ мало по сравненію съ образованіемъ и матеріальными средствами его членовъ. Языковъ, съ его чисто пуританскими правилами и крайнимъ педантизмомъ въ отношеніи принятыхъ на себя обязанностей, всегда представлялся мнѣ какимъ-то анахронизмомъ среди царившей въ то время вакханаліи, среди цѣлаго сонмища Тептетниковыхъ, Ноздревыхъ, Хлестаковыхъ, Обломовыхъ, Веретьевыхъ и т. д. Его считали холоднымъ, одностороннимъ, эгоистичнымъ, между тѣмъ какъ это былъ человѣкъ съ необычайно чуткимъ и мягкимъ сердцемъ, проникнутымъ горячимъ, хотя изъ ложнаго стыда тщательно скрываемымъ, стремленіемъ къ добру. Мнѣ остается добавить, что когда послѣ внезапной кончины Языкова, послѣдовавшей въ началѣ 80-хъ годовъ, въ мѣстной газетѣ была предложена подписка на увеличеніе средствъ основанной имъ школы, то ни единая душа не откликнулась на такой призывъ.

Новый инспекторъ, замѣнившій Ульянова, поступившій прямо изъ ветеринарнаго института, оказался примѣрнымъ чиновникомъ, исключительно интересовавшимся только опрятностью ученическихъ тетрадей, классными линейками и нескончаемой перепиской съ подвѣдомственными ему учителями и учительницами.

Мое розовое настроеніе тоже нѣсколько потускнѣло: новый „батюшка“, замѣнившій моего стараго друга,—добродушный, краснощекій, жизнерадостный, съ зычнымъ голосомъ и великолѣпными кудрями, разсыпавшимися по могучимъ плечамъ, принадлежалъ уже къ новому типу сельскихъ пастырей, любителей веселой компаніи, игривыхъ анекдотовъ и скептически относящихся ко всему на свѣтѣ, кромѣ своихъ доходовъ. Къ тому же, прихожане отказались отъ приговора, въ силу котораго закрыты были три питейныхъ заведенія, находившіяся въ селеніи, а ссудо-сберегательное товарищество, процвѣтавшее при старомъ священникѣ, пришлось закрыть, благодаря злоупотребленіямъ и поборамъ, допущеннымъ новыми членами. Этого мало: лучшіе ученики школы, помѣщенные мною въ казанскую инородческую учительскую семинарію, оказались неспособными продолжать ученіе

и, по совѣту Ильминскаго, волей или неволей, ихъ пришлось взять обратно.

Объясняя такой прискорбный фактъ пагубнымъ вліяніемъ города на деревенскихъ мальчиковъ, или поддающихся вліянію растлѣвающей городской атмосферы, или заболѣвающихъ отъ переутомленія и недостатка привычнаго простора, Ильминскій писалъ: „Шафѣевъ серьезно заболѣлъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, вслѣдствіе того, что черезчуръ озаботился экзаменами и въ конецъ измучился, готовясь къ нимъ; у него сдѣлалось нѣчто въ родѣ сильнѣйшей нервной лихорадки, и его слѣдуетъ немедленно взять въ деревню на поправку. Съ Жандаровымъ его нельзя сравнить, такъ какъ тотъ одаренъ большими способностями, особенно къ математикѣ, но, къ моему глубокому огорченію, не отличаясь особенной религіозностью, онъ надѣленъ слишкомъ шаткимъ и слабымъ характеромъ, тотчасъ же поддавшимся всякимъ городскимъ соблазнамъ, и никакіе совѣты и убѣжденія не могли остановить его нравственнаго паденія, да и родители, вѣроятно зажиточные крестьяне, всячески помогали его паденію своимъ баловствомъ и присылкой денегъ. Такъ какъ я по принципу избѣгаю всякихъ крутыхъ мѣръ, то нахожу необходимымъ уволить Жандарова изъ семинаріи“.

Покончивъ съ учениками, Ильминскій продолжалъ: „Ваши письма составляютъ для меня сильную и необходимую опору, такъ какъ вы одинъ изъ весьма немногихъ, сочувствующихъ казанской семинаріи. Этотъ складъ въ родѣ монастырскаго—не въ духѣ нашего времени; на религію никто не обращаетъ вниманія, матеріализмъ крайній, грубѣйшій заѣлъ наше общество и нашу интеллигенцію, а въ жизни царитъ борьба за существованіе и эгоизмъ. Вы справедливо сказали въ іюльскомъ письмѣ, что путь, на которомъ стоитъ наше заведеніе, прямой и въ то же время, по вашему мнѣнію, самый трудный и самый неблагодарный. Да, неблагодарный, потому что никто ему не сочувствуетъ. Но если взять въ разсчетъ, что ученикамъ семинаріи, какъ грамотнымъ, могутъ попадаться въ руки книги и журналы, въ которыхъ нерѣдко проводятъ новыя излюбленныя идеи, что они могутъ въ такомъ большомъ городѣ, какъ Казань, сталкиваться съ людьми новаго прогрессивнаго направленія, то поддержаніе въ семинаріи желаемаго мною направленія—строго нравственнаго, гуманнаго и религіознаго—не легко. Я смотрю на народную школу какъ на средство утвердить въ народѣ трезвыя начала жизни, а другіе люди смотрятъ только какъ на мастерскую грамоты: выучилъ читать, писать, считать—и все сдѣлано; значитъ, чѣмъ

скорѣе, тѣмъ лучше. А тѣ, которые пропитаны матеріализмомъ, стараются набить учениковъ реальными знаніями, собственно лоскутками. Поэтому о религіозныхъ и нравственныхъ основахъ жизни нисколько не заботятся; между тѣмъ эти-то нравственно-религіозныя, основныя понятія и убѣжденія при настоящемъ состояніи сельскаго населенія, описанномъ такими плачевными красками въ вашемъ іюльскомъ письмѣ изъ-за границы, и составляютъ главную задачу, или, лучше, суть народной школы.

„Я дошелъ до такого взгляда чрезъ крещено-татарскія школы, которыя очевидно должны давать и даютъ дѣтямъ христіанское воспитаніе, а вы прямо и близко стоите къ сельскому быту, и видите своими глазами его жизнь, и болѣете при видѣ общей неурядицы этого быта. Между тѣмъ христіанство заключаетъ въ себѣ столько высокихъ, облагораживающихъ человѣка идей, способныхъ соединить общество узами любви и самоотверженія. Я далеко не самоувѣренный человѣкъ, не теоретикъ, и если безповоротно иду по разъ избранному пути, то руковожусь болѣе инстинктомъ, чѣмъ сознательно. Въ заключеніе замѣчу, что могутъ быть и изъ нашей семинаріи неудачные экземпляры,—и дай Богъ только, чтобы они не смущали и не разочаровывали на счетъ цѣлаго заведенія“...

Вскорѣ послѣ полученія приведеннаго письма, мнѣ пришлось ѣхать въ Казань, чтобы разыскать самаго даровитаго изъ учениковъ нашей школы, по моему настоянію поступившаго въ казанскій учительскій институтъ, исключительно подготовлявшій городскихъ учителей, и вдругъ пропавшаго безъ вѣсти. Своего любимца, будущаго поэта и сотрудника одной изъ лучшихъ приволжскихъ газетъ, въ заключеніе всего безнадежно потонувшаго въ водоворотѣ жизни, я такъ и не отыскалъ, но воспользовался случаемъ, чтобы еще разъ побывать у Ильминскаго. Въ его пріемной я засталъ нѣсколько человѣкъ старо-крещеныхъ татаръ, нагрянувшихъ изъ дальнихъ уѣздовъ, въ какихъ-то рубищахъ, представлявшихъ смѣшеніе полинявшихъ халатовъ съ обычной крестьянской одеждой. На столѣ, уставленной чашками, шумѣлъ громадный самоваръ; запыленные, потные, утомленные гости съ видимымъ наслажденіемъ распивали чай, восторженно взирая на своего учителя и наперерывъ стараясь уловить его руку, чтобы покрыть поцѣлуями. Шли оживленные воспоминанія и разговоры о прошломъ, о родственникахъ и сосѣдяхъ. Ильминскій сіялъ отъ удовольствія, какъ будто только-что получилъ огромныя деньги или услышалъ пріятнѣйшую новость. Но вотъ послышался колокольный звонъ (дѣло было наканунѣ праздника),

хозяинъ быстро поднялся съ своего мѣста и, пригласивъ меня ко всенощной, направился къ дверямъ, въ сопровожденіи своихъ многочисленныхъ гостей. На лѣстницѣ, ведущей въ церковь, встрѣтился блѣдный, исхудавшій ученикъ семинаріи изъ чувашъ, только-что выпущенный изъ больницы; заботливо разспрашивая его о здоровьѣ, Ильминскій съ отеческой нѣжностью обнялъ своего питомца, помогая ему подняться на лѣстницу.

Началась всенощная; запахло ладаномъ; Ильминскій, какъ сталъ, такъ и не двинулся съ мѣста, углубившись въ молитву; два прекрасныхъ хора пѣли на чувашскомъ и русскомъ языкѣ, а по окончаніи службы всѣ бывшіе въ церкви разомъ отвѣсили директору низкій поклонъ, на что̀ онъ отвѣчалъ такимъ же поклономъ. Все это отчасти напоминало монастырь съ его порядками, но при всемъ томъ, спустившись въ квартиру Ильминскаго, я чувствовалъ себя какъ-то особенно пріятно, утративъ всякую способность разсуждать, анализировать и помышляя только о томъ, чтобы какъ можно дольше наслаждаться окружающимъ меня миромъ и тишиной. Было уже далеко за̀ полночь, когда я, сѣлъ на извозчичьи дрожки и велѣлъ везти себя въ нумера Банарцева.

Изъ своей продолжительной и уже послѣдней бесѣды съ Ильминскимъ я имѣлъ полную возможность убѣдиться, что, открывая свою семинарію въ 1872 году для разноплеменныхъ молодыхъ людей, онъ прежде всего руководился мыслью—не на словахъ, не на показъ только, какъ это обыкновенно дѣлается у насъ, а на дѣлѣ приготовить честныхъ, набожныхъ, одаренныхъ нравственными качествами сельскихъ учителей, проникнутыхъ важностью своего назначенія, а главное—способныхъ уживаться съ обстановкой деревенской жизни, полной всякихъ неудобствъ. Само собою разумѣется, что при существованіи массы препятствій, неизбѣжно парализующихъ самыя благія намѣренія, достиженіе такой задачи оказалось бы почти невыполнимо въ примѣненіи къ жизни, а несомнѣнный успѣхъ казанской инородческой семинаріи объясняется только идеальной личностью ея директора, менѣе всего напоминавшаго начальника казеннаго заведенія, въ томъ смыслѣ, въ какомъ съ незапамятныхъ временъ мы привыкли употреблять это слово. Онъ былъ душой и жизненной силой своей семинаріи, а не начальникомъ ея.

Объ Ильминскомъ можно говорить безъ конца и не наговориться. Это была въ высшей степени обаятельная личность, и не моему слабому перу воспроизвести его нравственный обликъ. Человѣкъ небольшого роста, съ сѣрыми добрыми глазами и уже

сѣдѣющими волосами, небрежно повязаннымъ галстухомъ, въ мѣшковатомъ черномъ сюртукѣ, нѣсколько похожемъ на подрясникъ, Ильминскій, не столько по своему внѣшнему виду, сколько по силѣ своихъ религіозныхъ убѣжденій и не поддающейся описанію простотѣ, олицетворялъ въ моемъ воображеніи положительный типъ изъ народа, на отысканіе котораго направлены были силы такихъ знаменитостей, какъ Пушкинъ, Гоголь, графъ Толстой и т. д. Этого мало: Ильминскій всегда напоминалъ мнѣ забытыхъ святителей древней Руси, изъ числа коихъ меня особенно плѣнялъ кроткій, самоотверженный и простой образъ преподобнаго Сергія, и, говоря правду, я могъ бы усомниться въ томъ, что Сергій былъ именно такимъ, какимъ изображается въ его жизнеописаніяхъ, если бы не встрѣтился съ Ильминскимъ.

Весеннее настроеніе, о которомъ я говорилъ выше, держалось до 80-хъ годовъ, какъ извѣстно, крайне тяжело отозвавшихся на всей русской жизни и прежде всего на слабыхъ, но уже выбившихся наружу, вешнихъ всходахъ, вызванныхъ небывалымъ благораствореніемъ воздуха: не замѣчалось готовности членовъ училищнаго совѣта разъѣзжать по школамъ и всячески содѣйствовать ихъ открытію, ежемѣсячно собираться на засѣданія совѣта и не по вызову предсѣдателя, а прямо по душевному влеченію къ дѣлу писать объемистые отчеты, то-и-дѣло появлявшіеся прежде на листахъ мѣстной газеты, и въ значительной степени остыло непонятное въ наше время, только-что не благоговѣйное отношеніе мировыхъ судей къ своимъ обязанностямъ, казавшимся имъ священными.

Преждевременная смерть унесла въ могилу Ушинскаго, барона Корфа; нашъ глухой уголъ потерялъ Ульянова, Ильминскаго и Языкова. Новыхъ людей, способныхъ замѣнить ихъ, не являлось. Остальные, менѣе выдающіеся, вмѣстѣ съ молодостью утратили способность переносить всякія трудности и неудобства, сопряженныя съ дѣятельностью въ глуши. Между ними уже начали проявляться признаки охлажденія къ труду, не дающему быстрыхъ, наглядныхъ результатовъ, и сомнѣніе въ возможности скораго исправленія всякихъ золъ, накопившихся цѣлыми столѣтіями, а на лицахъ болѣе шаткихъ людей, увлекшихся только временной модой, уже можно было читать: не пора ли отдохнуть отъ излишняго напряженія, не довольно ли мудреныхъ затѣй и серьезныхъ разговоровъ?!

Приближался конецъ безоблачной идилліи... Можетъ быть, оно такъ и слѣдовало: то, что̀ въ самомъ себѣ не имѣло живой силы, не могло удержаться на извѣстной высотѣ, благодаря временнымъ

порывамъ и увлеченіямъ. Пришлось наконецъ внимательно осмотрѣться и убѣдиться въ томъ, что все достигнутое—не болѣе какъ намекъ на безчисленныя нужды обездоленнаго захолустья, вызывающій только щемящее чувство глубокаго разочарованія. Начались нескончаемые, продолжающіеся до нашихъ дней, праздные споры о томъ, что̀ нужно и что̀ нужнѣе: школы—или возможныя для проѣзда дороги; увеличеніе медицинскаго персонала, или же общій подъемъ расшатаннаго голоднымъ годомъ крестьянскаго хозяйства. При всемъ томъ, друзья отодвинутой на второй планъ народной школы, прежде всего побуждаемые желаніемъ казаться современными, порядочными людьми, съ напускнымъ паѳосомъ продолжаютъ ратовать за просвѣщеніе темнаго люда.

— Мы заинтересованы въ этомъ святомъ дѣлѣ, какъ дѣти своего отечества, которыя должны заботиться о томъ, чтобы у насъ былъ свѣтъ, а не мракъ, — продекламировалъ одинъ изъ нашихъ Демосѳеновъ на послѣднемъ земскомъ собраніи. Но такія, можно сказать, возвышенныя вспышки изобилуютъ только избитыми фразами, отъ постояннаго повторенія потерявшими всякій смыслъ и значеніе,—между тѣмъ какъ настоящіе герои дня, представители юныхъ дѣльцовъ и практиковъ, взываютъ къ справедливости, и требуютъ, чтобы о сельскихъ школахъ заботились только тѣ, кому они нужны, то-есть крестьяне.

Такое настроеніе предвѣщало еще болѣе разочарованія въ будущемъ, что̀ и сбылось въ послѣднее время: все отдалось усиленнымъ матеріальнымъ заботамъ о томъ, какъ и чѣмъ жить, на какія средства воспитывать дѣтей, гдѣ бы перехватить денегъ, съ затаенной мыслью не заплатить ихъ, и при всемъ томъ, при полномъ оскудѣніи, имѣть возможность „освѣжиться", то-есть съѣздить въ столицу или за границу.

Правда, что изрѣдка какъ будто снова чувствовалось дыханіе весны, — той весны, что̀ тянетъ и манитъ самыхъ птицъ изъ-за морей,—какъ выразился Тургеневъ: то членъ управы съ высшимъ образованіемъ, въ прочувствованной рѣчи (какъ обыкновенно выражаются провинціальные корреспонденты), напомнитъ земскому собранію о томъ, что пора же, наконецъ, идти на встрѣчу пробудившейся въ народѣ жаждѣ къ знанію и просвѣщенію и заводить библіотеки-читальни,—а гласный Свистуновъ, прочитавшій только „Нана", какъ бы вдругъ прозрѣвъ и придя въ неописанный восторгъ, только-что не аплодируетъ такому предложенію; то дама-благотворительница, нарушая общественный сонъ, въ своемъ неудержимомъ стремленіи кого-нибудь осчастливить или просвѣтить, въ настоящемъ облакѣ подписныхъ ли-

стовъ, вихремъ носится по городу, требуя у обывателя послѣдніе три рубля; или не въ мѣру подвыпившій ораторъ на торжественномъ обѣдѣ, данномъ въ честь высокочтимаго Ивана Ивановича, отличившагося только мягкостью обращенія и страстью къ опереткѣ, яростно бія себя въ грудь, предложитъ увѣковѣчить такой знаменательный день подпиской въ пользу дешевыхъ столовыхъ; или же, наконецъ, мѣстная газета снова примется бичевать почетнаго гражданина Смычкова, вотъ уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ служившаго неисчерпаемой темой для выраженія благороднаго негодованія нашихъ публицистовъ. Но, увы... все это вмѣстѣ взятое, эти минутныя вспышки такъ же мало напоминали бывшій подъемъ духа, какъ искусственные цвѣты напоминаютъ настоящіе. Этого мало: бывшій энтузіазмъ, бывшія увлеченія отличались несомнѣнной задушевностью, извѣстной скромностью и отсутствіемъ какихъ бы то ни было претензій на эффектъ и рекламу, между тѣмъ какъ теперь все выходитъ какъ-то не просто, не естественно, а герои настоящаго дня только-что не говорятъ вамъ: „смотрите на насъ, какіе мы возвышенные, интеллигентные люди, и сколько въ насъ любви къ ближнему“!

Ничего нѣтъ легче, какъ объяснить себѣ такой оборотъ дѣла матеріалистическимъ настроеніемъ молодежи, отсутствіемъ идеаловъ. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ люди былого времени были лучше, но всѣ эти праздные толки о деморализаціи общества по меньшей мѣрѣ преувеличены, и нужно быть слѣпымъ, чтобы не согласиться, что между пошлыми, наглыми и вульгарными и въ наше время встрѣчается много благородныхъ, безкорыстныхъ и симпатичныхъ. Пора понять, что дѣло не въ людяхъ, ставшихъ ни лучше, ни хуже, а въ коренныхъ условіяхъ жизни, не имѣющихъ ничего общаго съ годами, послѣдовавшими за 19-мъ февраля 1861 года, теченіе коихъ понятно только тѣмъ, кто имѣлъ великое счастіе переживать ихъ. Откуда же взяться необычайному подъему общества, исключительно вызванному великой реформой, мгновенно пробудившей въ насъ лучшія стремленія души и радостныя упованія?

Измѣнились условія жизни, измѣнились и люди: страшный голодный годъ, превратившій глубокій черноземъ, надежду и гордость нашего края, въ безплодную пустыню, вызвалъ настоящую панику, въ одинаковой степени захватившую какъ землевладѣльца, такъ и мужика. Никто не довѣрялъ даже завтрашнему дню, никто не надѣялся на лучшее будущее, особенно послѣ неожиданнаго паденія цѣнъ на землю и на всѣ продукты земледѣлія.

При общей, чисто русской безхарактерности, у всѣхъ въ головѣ была единственная мысль—бѣжать, искать гдѣ, лучше, или изобрѣсти и выдумать новые, въ большинствѣ случаевъ фантастическіе, источники доходовъ. Интеллигентный землевладѣлецъ мечталъ о службѣ, то-есть о жалованьѣ, или въ какомъ-то тихомъ помѣшательствѣ замышлялъ разводить виноградъ и ананасы на земляхъ, способныхъ родить только рожь и овесъ. Мужики, вспомнивши старину, свои давнишнія, переходившія изъ рода въ родъ, грёзы о молочныхъ рѣкахъ и привольяхъ сибирской жизни, поголовно прониклись неудержимымъ стихійнымъ стремленіемъ къ переселенію на „новую линію", чтобы потомъ возвратиться на старое пепелище въ видѣ озлобленныхъ пролетаріевъ и бобылей, растерявшихъ по дорогѣ своихъ дѣтей и стариковъ.

Само собою разумѣется, что это общее шатаніе и обѣднѣніе, общая ненависть къ настоящему самымъ неблагопріятнымъ образомъ отразились на настроеніи умовъ, и наблюдателю захолустной жизни приходилось только изумляться тому, какъ быстро распадается то, что̀ было достигнуто цѣною огромныхъ усилій. Земскія школы въ значительной степени подвинулись впередъ, и вотъ онѣ точно застыли въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ были 25 лѣтъ тому назадъ; мировые судьи, отъучившіе народъ отъ взятокъ и даже въ извѣстной степени пользовавшіеся довѣріемъ общества, пошли на смарку, и точно роковая волна неожиданно смыла всякія честныя мысли и увлеченія, не оставляя почти ничего изъ прошлаго — а въ глаза такъ и бьютъ ясно обозначившіеся признаки настоящаго времени.

„Довольно философствовать и идеальничать, намъ нужны дѣльцы и практики", — на всѣхъ перекресткахъ взываетъ вездѣсущій, всюду необходимый, за хорошее вознагражденіе готовый на всѣ должности, Свистуновъ, и только-что не говоритъ людямъ былого времени: — „а вамъ меня не понять, вы не нашего поколѣнія". Наши даровитѣйшіе земскіе ораторы сплошь и рядомъ начинаютъ свои рѣчи словами: „въ наше время, когда мы переживаемъ эпидемію безденежья, общимъ лозунгомъ должна быть строжайшая экономія", и т. д.. Завѣтной мечтой юныхъ прапорщиковъ и поручиковъ становится желаніе выскочить въ земскіе начальники. Если мировые судьи перваго состава доводили свое рвеніе до нѣкотораго абсурда, то бо̀льшая часть новыхъ, замѣнившихъ ихъ дѣятелей заваленные массой работы, казалось бы, не имѣющей ничего общаго съ ихъ прямыми обязанностями, сообразивши, что человѣкъ не можетъ нести на своихъ плечахъ двойную тяжесть, вовсе перестали работать, огра-

ничиваясь одной перепиской. Никто изъ членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта не исполняетъ своихъ прямыхъ обязанностей. Предсѣдатель земскаго собранія показываетъ гласнымъ слишкомъ объемистый докладъ инспектора народныхъ школъ, предлагая не читать его, и такое небывалое предложеніе встрѣчается общимъ одобреніемъ. Когда-то восторженно относившіеся къ своему дѣлу, сельскіе учителя успѣли обзавестись семьями, и, почувствовавъ на себѣ тяжелую руку нужды, ищутъ другой, болѣе выгодной должности. Бывшій радикалъ, такъ много потрудившійся на пользу общества, самый полезный и толковый членъ земскаго собранія, забаллотированъ въ гласные, потому только, что затягиваетъ пренія. Членъ уѣздной управы, съ высшимъ образованіемъ, пламенно ратовавшій за библіотеки-читальни, съ легкостью птицы перелетѣлъ въ интендантское вѣдомство. Цвѣты краснорѣчія земскихъ свѣтилъ принимаютъ особый, небывалый оттѣнокъ, и когда дѣло дошло до почвенныхъ изслѣдованій ученымъ спеціалистомъ, то ораторъ первой руки бухнулъ: „Наука и высшее образованіе не спасли никого отъ неправильныхъ дѣйствій, и на скамьѣ подсудимыхъ—такихъ людей было столько же, какъ и безъ образованія". На томъ же собраніи, во время преній о пособіи на нужды церковно-приходскихъ школъ въ размѣрѣ 1.000 рублей, большинство гласныхъ, не отказывая въ такой помощи, въ то же время находило, что два типа школъ—и тотъ и другой съ пособіемъ отъ земства—должны идти рука объ руку, а не интриговать между собою, какъ это оказывается на дѣлѣ. Въ сосѣднемъ уѣздѣ появился циркуляръ, безусловно воспрещающій чтеніе книгъ, не относящихся къ урокамъ Закона Божія, а членъ училищнаго совѣта вынужденъ былъ защищать на земскомъ собраніи русскій языкъ, и доказывать „что русскій языкъ въ русскомъ государствѣ, и при томъ въ русской народной школѣ, не можетъ являться въ положеніи предосудительномъ".

Затѣмъ, бо́льшая часть докладовъ училищнаго совѣта настоящаго года заключалась въ томъ, что канцелярія епархіальнаго вѣдомства проситъ объ отчисленіи той или другой деревни, до настоящаго времени участвовавшей въ содержаніи земской школы, въ вѣдѣніе этого вѣдомства, такъ какъ крестьяне пожелали открыть церковную школу; а вслѣдъ затѣмъ читалось увѣдомленіе волостного правленія, что общество, часто богатѣйшаго селенія, отказывается принять на себя сумму, недостающую на содержаніе училища.

По возможности сокращая передачу прискорбныхъ фактовъ, характеризующихъ наше время, необходимо добавить, что самымъ

вопіющимъ изъ числа такихъ фактовъ является желаніе—во что̀ бы то ни стало обвинять земство въ непріязненномъ отношеніи къ духовенству и его церковно-приходскимъ школамъ, въ то время какъ этого вымышленнаго антагонизма нѣтъ и никогда не было, и имена выдающихся священниковъ-законоучителей тотчасъ же становятся самымъ дорогимъ достояніемъ всѣхъ членовъ общества, безъ всякаго исключенія.

Кто знаетъ, можетъ быть не далеко уже то время, когда обѣднѣвшее и обезсиленное въ матеріальномъ отношеніи земство вынуждено будетъ отступиться отъ своего дѣтища, и оно навѣрно примирилось бы съ неизбѣжнымъ, еслибы могло надѣяться, что вмѣстѣ съ упраздненіемъ стараго предвидится залогъ новой жизни, а между тѣмъ въ душу постояннаго обитателя захолустья, умудреннаго горькимъ опытомъ, невольно забирается тревожная мысль, что въ такомъ случаѣ, то-есть послѣ передачи земскихъ школъ въ полное распоряженіе духовнаго вѣдомства, дѣло воспитанія и образованія юношества въ большинствѣ случаевъ обратится въ простое слово и будетъ прогрессировать только на бумагѣ. Да и возможно ли безусловно отвергать такія опасенія, когда они въ нѣкоторой степени раздѣлялись такими людьми, какъ Ильминскій и Рачинскій, которыхъ никто уже не заподозритъ въ несочувствіи къ церковно-приходскимъ школамъ.

Какъ извѣстно, покойный Ильминскій, какъ человѣкъ вполнѣ русскій и церковный, искренно радовался возрожденію церковно-приходскихъ школъ, какъ вѣрному средству воспитать народъ въ любви къ церкви и отечеству. Онъ даже примкнулъ къ начавшемуся еще при его жизни движенію и поспѣшилъ стать въ число членовъ синодальнаго училищнаго совѣта, но въ то же время мнѣ хорошо помнятся его горькія сомнѣнія и указанія на обычную неполноту оффиціальныхъ отчетовъ и на непонятную въ наше время распущенность сельскаго духовенства. То же самое, съ рѣдкой въ наши дни правдивостью, высказалъ и Рачинскій въ своей статьѣ, помѣщенной въ январьской книгѣ „Русскаго Обозрѣнія“ прошедшаго года.

Указавъ въ своихъ воспоминаніяхъ на немногихъ, извѣстныхъ мнѣ, выдающихся дѣятелей изъ духовенства, я не вполнѣ увѣренъ, чтобы число ихъ увеличилось въ значительной степени, тѣмъ болѣе, что не далѣе какъ на земскомъ собраніи 1895 года обсуждался докладъ, изъ котораго явствовало, что отношеніе законоучителей къ своимъ прямымъ обязанностямъ въ большинствѣ школъ остается все такимъ же, какъ и въ 70-хъ годахъ,

когда дѣятельность ихъ исключительно поддерживалась предписаніями и понужденіями епархіальнаго начальства.

Всего тяжелѣе неизвѣстность, чѣмъ все это кончится, и къ чему мы придемъ. Современное общество находится въ какомъ-то напряженномъ и напрасномъ ожиданіи новыхъ людей, новыхъ дѣятелей, а непроницаемая осенняя мгла попрежнему заслоняетъ блестящую картину великихъ реформъ.

„Des Lebens Mai blüht einmal und nicht wieder", — сказалъ Шиллеръ... Можетъ быть, и въ жизни народовъ—весна не повторяется.

В. Назарьевъ.

СТАРАЯ РАКИТА

Часто грезится мнѣ, что стоитъ средь полей,
Долгій вѣкъ доживая, ракита.
Ей живется еще; но чувствительно ей,
Что могучею жизнью забыта.

Не нужна никому, далеко отъ жилья,
На просторѣ родномъ одинока,—
Она, вѣтви свои къ долу низко склоня,
Ожидаетъ послѣдняго срока.

Но чутка и теперь, она въ ясные дни
И въ грозу среди бурной тревоги,
Для себя лишь самой, вдохновенно свои
Шелеститъ, иль шумитъ монологи.

А порой изъ нея крикъ идетъ по землѣ,
Всю окрестность отъ сна пробуждая;
Словно сердце въ груди, въ ея старомъ дуплѣ
Громко бодрствуетъ птица сѣдая.

Можетъ быть, этотъ крикъ, въ тишинѣ, по ночамъ,
Позднихъ путниковъ зà душу тронетъ:
Средь покоя и сна отчего кто-то тамъ
То смѣется, то плачетъ и стонетъ?

Алексѣй Жемчужниковъ.

ДВА УЧЕНЫХЪ СЪѢЗДА

Изъ поѣздки въ Канаду.

Желаніе сблизить Канаду съ Англіею и оттянуть богатую американскую колонію отъ могучей притягательной силы Соединенныхъ-Штатовъ сказалось не въ однихъ юбилейныхъ празднествахъ. Оно отразилось и въ научномъ мірѣ. „Британская ассоціація для развитія наукъ" (British Association for the Advancement of Science) рѣшила собраться въ прошедшемъ году въ самомъ сердцѣ обширной колоніи—въ Торонто—на берегу озера Онтаріо, въ двухъ шагахъ отъ Ніагары.

Въ своихъ ежегодныхъ кочёвкахъ изъ города въ городъ, Британская ассоціація побывала во всѣхъ городахъ Англіи, Шотландіи, Уэльса и даже Ирландіи, гдѣ только можно было найти удобное помѣщеніе и ученыя пособія для большого съѣзда. Въ 1884 году, она собиралась и въ Канадѣ, въ Монтреалѣ (Montreal). На этотъ разъ рѣшено было двинуться ещё глубже въ страну,—еще дальше на западъ и еще ближе къ необозримымъ степямъ канадской большой равнины.

Американскіе ученые не остались въ долгу. Они созвали свой національный съѣздъ такой же „Американской ассоціаціи" (American Association for the Advancement of Science), недѣлею раньше, въ близкомъ сосѣдствѣ отъ Торонто. Девятаго августа, они собрались въ Дитройтѣ (Detroit), на самой границѣ Канады,—тамъ, гдѣ Канада врѣзывается, вплоть до широты Рима, плодороднымъ узкимъ полуостровомъ, на югъ, между озерами Гуронъ и Онтаріо. Такимъ образомъ, многіе американскіе ученые, отбывши свой съѣздъ, могли попасть и въ Торонто, гдѣ ихъ, конечно, ожидало самое радушное гостепріимство.

Въ сущности, американцы даже отчасти пожертвовали своимъ съѣздомъ ради Британской ассоціаціи: лучшія свои сообщенія они приберегли для торонтскаго съѣзда.

Но американская наука развивается такъ роскошно за послѣдніе годы, и вездѣ идетъ такая усиленная работа, что не мало досталось и на долю Дитройта. Оно вышло даже и лучше. Широкія обобщенія и гипотезы были оставлены для Торонто; за то вопросы, заживо затрогивающіе американскихъ ученыхъ, особенно въ области геологіи, были обстоятельно разработаны на американскомъ съѣздѣ; разсужденія и споры по поводу сообщеній продолжались до глубокой ночи въ обширныхъ комнатахъ отеля, гдѣ помѣстилось большинство пріѣзжихъ.

Въ Европѣ часто еще приходится слышать пренебрежительное отношеніе къ американскимъ ученымъ работамъ. А между тѣмъ американская наука съ каждымъ годомъ развивается роскошнѣе и роскошнѣе. Далеко то время, когда европеецъ, нахватавшійся кое-какихъ верхушекъ, могъ попасть въ профессора въ Америкѣ и слыть за ученаго. Теперь американскіе университеты полны людей, которые превосходно знаютъ свое дѣло и были бы украшеніемъ въ лучшихъ европейскихъ университетахъ. По свѣжести мысли и обобщеній американская наука иногда даже опережаетъ англійскую.

Кромѣ того, въ Соединенныхъ-Штатахъ быстро развивается то, что̀ составляетъ силу германской науки, и чего такъ недостаетъ Англіи, основываются ученые журналы и сборники, вполнѣ слѣдящіе за развитіемъ отдѣльныхъ отраслей науки. По психологіи, напримѣръ, и по біологіи, англійскому ученому постоянно приходится обращаться къ американскимъ журналамъ, или къ сборникамъ переводныхъ статей, издаваемымъ разными учрежденіями, чтобы знакомиться съ нѣмецкими и французскими работами. Словомъ, американская наука, молодая и полная силъ, быстро подвигается впередъ.

Къ сожалѣнію, Американская ассоціація не совсѣмъ удачно организована. Она возникла въ такое время, когда число ученыхъ въ Америкѣ было очень невелико, и представляетъ потому не постоянное общество, какъ Британская ассоціація, а соединеніе нѣсколькихъ ученыхъ обществъ; при этомъ, четыре очень крупныхъ общества (физіологическое, анатомическое, морфологическое и психологическое) вовсе не принадлежатъ къ ассоціаціи, и ихъ съѣзды собираются зимою, на Рождествѣ. Фактъ тѣмъ болѣе достойный сожалѣнія, что въ нынѣшнемъ году обѣ самыя крупныя работы по біологіи были сдѣланы именно членами этихъ обществъ. Во-

обще, число членовъ, пріѣзжающихъ на годичные съѣзды, гораздо меньше, чѣмъ, напримѣръ, на русскихъ съѣздахъ естествоиспытателей. Въ нынѣшнемъ году въ Дитройтѣ собралось всего 280 человѣкъ.

I.

На пріѣзжаго изъ Канады Дитройтъ производитъ великолѣпное впечатлѣніе. Въ немъ всего 250.000 жителей—столько же, какъ и въ Монтреалѣ; но Дитройтъ—городъ Соединенныхъ-Штатовъ, тогда какъ Монтреаль—отростокъ Шотландіи на американской почвѣ. Очень широкія улицы, блестящіе магазины, роскошныя гостинницы, дома красивой архитектуры и т. д. придаютъ Дитройту необыкновенно веселый видъ.

Высшая школа, или мичигэнскій университетъ, поражаетъ европейца своимъ великолѣпіемъ. Громадное зданіе, изъ свѣтло-желтаго тесанаго камня, „американской архитектуры", съ башнями, веселыми фасадами, широкими входами и массою свѣта во всѣхъ залахъ, превосходныя входныя залы и корридоры, изъ которыхъ каждый представляетъ собою большую, свѣтлую пріемную — все это такъ непривычно для европейскаго глаза, что одинъ вѣнскій профессоръ, подводя меня къ университету (онъ пріѣхалъ днемъ раньше), приходилъ въ восторгъ, сравнивая этотъ роскошный „храмъ науки" съ обветшалыми университетскими зданіями многихъ европейскихъ столицъ.

О лабораторіяхъ, библіотекѣ, музеяхъ и т. п. нечего и говорить: на каждомъ шагу приходится удивляться удобству, изяществу и практичности всѣхъ приспособленій.

Мичигэнскій университетъ, первый въ Америкѣ, открылъ свои двери одинаково для учащихся обоего пола. Это было въ 1869 году; и вотъ почти тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и „принципалъ", т.-е. ректоръ университета, очень доволенъ тѣмъ, что именно такъ было сдѣлано съ самаго начала. Онъ только жалѣетъ, что большинство лицъ женскаго пола идетъ на филологическій и историческій факультеты, и слишкомъ мало слушаютъ курсы на естественномъ. Женщины получаютъ ученыя степени, наравнѣ съ мужчинами, и за послѣдніе годы совершается очень интересное явленіе. Женщины, получившія ученыя степени, охотно идутъ въ сельскія учительницы, или на самыя скромныя мѣста въ отдаленныхъ уголкахъ западныхъ штатовъ.— „Кто же въ проигрышѣ отъ того, что въ маленькой городской школѣ учитъ докторъ словесности?—замѣтила одна пожилая женщина,—первая женщина

въ Америкѣ, получившая ученый дипломъ,—когда разговоръ заходитъ объ агитаціи, поднятой недавно въ Англіи противъ допущенія женщинъ до ученыхъ экзаменовъ. — И дѣтямъ лучше, и ей самой живется лучше, когда она получила университетское образованіе".

Большинство американскихъ ученыхъ, присутствовавшихъ въ Дитройтѣ, и много другихъ, направлялись, послѣ своего съѣзда, въ Торонто,—и тамъ они повторили главныя свои сообщенія. Нѣкоторыя пренія, напр. о древне-каменномъ вѣкѣ въ Америкѣ, были тоже повторены въ Торонто; а другія сообщенія, которыя не были прочтены вторично на канадской почвѣ, удобнѣе будетъ разсказать въ связи съ сообщеніями, сдѣланными въ Британской ассоціаціи. Замѣчу одно, что такъ какъ американскій съѣздъ былъ гораздо малочисленнѣе британскаго, всякое сообщеніе могло подвергнуться болѣе обстоятельному обсужденію. Въ Британской ассоціаціи, хотя она и разбилась на десять секцій, количество сообщеній было такъ велико, что на обсужденіе въ секціяхъ почти не оставалось времени, и разсужденія шли большею частью потомъ, въ одиночку,—по домамъ или во время экскурсій. Притомъ, англійскіе члены Британской ассоціаціи, принадлежа большею частью либо къ Royal Society, либо къ другимъ ученымъ обществамъ, прекрасно знаютъ заранѣе сущность работъ своихъ англійскихъ собратій, и уже обсуждали ихъ раньше, въ Лондонѣ, или вообще въ Англіи.

Съѣздъ Британской ассоціаціи начался, собственно говоря, уже на пароходахъ, на пути въ Америку. Нѣкоторые ученые взяли мѣста на пароходахъ, идущихъ въ Нью-Іоркъ; но большинство предпочло канадскій путь: изъ Ливерпуля къ устью рѣки св. Лаврентія, и оттуда—вверхъ по заливу и по рѣкѣ—до Монтреаля. Канадскіе пароходы гораздо меньше нью-іоркскихъ, и когда на небольшомъ пароходѣ „Parisian" собралось до 200 членовъ Британской ассоціаціи, то оказалось, что въ каютъ-компаніи нѣтъ мѣста для такого множества пассажировъ; пришлось разбиваться даже на двѣ партіи для завтрака и обѣда, и вообще терпѣть маленькія неудобства. Но на „Laurentian"—маленькомъ пароходѣ той же линіи,—гдѣ было всего человѣкъ тридцать пассажировъ въ каютъ-компаніи, все оказалось превосходно-организованнымъ. Вообще, для тѣхъ, кто не торопится, и особенно лѣтомъ, переѣздъ черезъ океанъ по канадской линіи представляетъ много преимуществъ.

Вскорѣ по выходѣ изъ Ливерпуля показывается островъ Мэнъ съ его придаткомъ — Calf of Man. Крутые утесы, шахматная

доска полей на склонахъ, крутые изгибы горныхъ породъ—все это является очень пріятнымъ intermezzo въ морскомъ плаваніи, равно какъ и маяки „Трехъ Королевствъ“—Англіи, Шотландіи и Ирландіи,—которые показываются на короткое время, прежде чѣмъ выйти въ океанъ.

Затѣмъ, переѣздъ черезъ океанъ продолжается всего четыре съ половиною сутокъ. Пароходъ идетъ по прямой линіи (по линіи большого круга), приближаясь миль на пятьсотъ къ Гренландіи, и подходитъ къ заливу Belle-Isle. По мѣрѣ того, какъ пароходъ подходитъ къ Америкѣ, показываются киты, выбрасывающіе свои фонтаны надъ водою, и ледяныя горы. Ихъ много въ этихъ водахъ, во всякое время года, — даже въ началѣ августа, такъ какъ пароходъ проходитъ лѣтомъ по кратчайшему пути къ сѣверу отъ Ньюфаундлэнда, въ узкій проливъ между островомъ и материкомъ.

Островъ Belle-Isle всѣмъ своимъ видомъ, растительностью и снѣгомъ, лежащимъ въ долинахъ, напоминаетъ берега русской Маньчжуріи въ Тихомъ океанѣ. Большія ледяныя горы плаваютъ въ проливѣ. Иногда, конечно, туманы задерживаютъ пароходъ при входѣ въ проливъ, — такъ было и съ нами, и намъ пришлось пролавировать тридцать часовъ, прежде чѣмъ мы услыхали выстрѣлъ пушки, которая въ туманную погоду замѣняетъ маякъ.

Заливъ св. Лаврентія до того красивъ, что изъ-за него одного можно предпочесть канадскій путь. Въ бурную погоду въ заливѣ качаетъ не меньше, а иногда и хуже, чѣмъ въ океанѣ; но если погода случится хорошая, какъ оно и бываетъ бо́льшею частью лѣтомъ, плаваніе вверхъ по заливу, а затѣмъ по рѣкѣ необыкновенно пріятно. Направо поднимаются суровыя гранитныя и гнейсовыя горы лаврентьевской системы; налѣво видны болѣе мягкія очертанія горъ аппалахской системы, сложенныхъ изъ первобытныхъ осадочныхъ породъ — кэмбрійской и силурійской. Вездѣ вдоль берега, особенно на правомъ берегу, идетъ терраса наносовъ, и на ней длинными рядами поднимаются бѣленькіе домики французскихъ канадцевъ. Они живутъ рыбною ловлею или земледѣліемъ; живутъ бѣдно, но довольны, повидимому, судьбою, размножаются необыкновенно скоро, и не стремятся даже попасть въ ряды англичанъ и особенно шотландцевъ, лихорадочно работающихъ ради быстраго обогащенія.

Рѣка св. Лаврентія необыкновенно напоминаетъ Амуръ; сравненія напрашиваются на каждомъ шагу; но объ этомъ когда-нибудь въ другой разъ. А теперь замѣчу только, что вдоль всего теченія можно прослѣдить двѣ, три, иногда четыре береговыя террасы,

показывающія, что море стояло нѣкогда футовъ на двѣсти выше, чѣмъ теперь, и отступало оно не сразу, а останавливаясь по временамъ на извѣстномъ уровнѣ.

Наконецъ, показывается живописный Квэбэкъ, а на слѣдующій день и Монтреоль, откуда въ одиннадцать часовъ можно добраться до Торонто, по желѣзной дорогѣ, или въ сутки—по необыкновенно красивымъ рѣкамъ и озерамъ, усыпаннымъ островами. Столица Канады—Оттава; она выбрана въ столицы, чтобы не обидѣть обитателей Торонты, Монтреаля и Гамильтона, и остается въ сторонѣ, по крайней мѣрѣ для не-геологовъ. Геологи же, конечно, заѣзжаютъ въ Оттаву, потому что тамъ—центръ геологической съёмки Канады; тамъ — карты, покрывающія уже чуть не всю страну, и тамъ, наконецъ, роскошнѣйшій музеумъ, геологическій и палеонтологическій, подъ управленіемъ двухъ энтузіастовъ—д-ра Даусона (геолога) и д-ра Whiteaves, палеонтолога.

Торонто выстроенъ на плоской равнинѣ, на сѣверо-западномъ берегу озера Онтаріо; но озеро существуетъ для города въ одномъ лишь коммерческомъ отношеніи. Его набережная вся буквально застроена пристанями и черными уродливыми пакгаузами. Нѣтъ никакой самомалѣйшей попытки воспользоваться хоть кусочкомъ берега для украшенія города. Самъ городъ не представляетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ того, что всѣ его улицы обсажены деревьями по обѣимъ сторонамъ дощатыхъ троттуаровъ. Дома своимъ подстриженнымъ газономъ подходятъ прямо къ троттуару, не отдѣляясь отъ улицы никакимъ заборомъ, ни даже рѣшеткою, и въ громадномъ большинствѣ случаевъ, между домами нѣтъ никакого заборчика. Система домовъ — англійская, т.-е. каждая семья живетъ въ особомъ домѣ, или домикѣ, и вездѣ видна англійская привычка украшать дома цвѣтниками и цвѣтами на верандахъ и на окнахъ.

Торонто, конечно, прежде всего—торговый городъ. Но въ немъ существуетъ уже много лѣтъ канадскій институтъ — родъ академіи наукъ,—обладающій прекрасною библіотекою, гдѣ получается до 600 ученыхъ изданій—въ томъ числѣ всѣ финскія и часть русскихъ. И въ немъ возникъ также прекрасный университетъ. Какъ только въ провинціи Онтаріо рѣшено было завести университетъ, и деньги были отпущены на него, постройка зданія была начата. Спрашивать ничьего позволенія не было надобности: отдѣльныя провинціи Канады почти совершенно независимы, и каждая управляется своимъ парламентомъ. Университетъ вышелъ на славу. Зданіе его, напоминающее гласгоускій университетъ, очень красиво и очень удобно, а кругомъ главнаго

зданія расположены: химическая лабораторія, громадная библіотека, техническая школа и т. д. Въ этихъ отдѣльныхъ зданіяхъ и должны были засѣдать секціи Британской ассоціаціи.

Прекрасные планы, путеводители и превосходный очеркъ Канады, во всѣхъ отношеніяхъ: геологическомъ, географическомъ, экономическомъ и пр.—цѣлая книга въ 400 слишкомъ страницъ, съ полдюжиною картъ,—были приготовлены для раздачи членамъ съѣзда, которыхъ, буквально, разобрали по домамъ учителя въ Торонто. О гостепріимствѣ канадцевъ нечего, конечно, и говорить: они любятъ свою страну и принимаютъ пріѣзжихъ какъ родныхъ.

II.

Президентомъ Британской ассоціаціи былъ въ этомъ году сэръ Джонъ Эвансъ (Evans). Онъ не особенно извѣстенъ научными изслѣдованіями, но зато считается едва ли не лучшимъ знатокомъ въ области до-исторической антропологіи. Онъ уже въ шестидесятыхъ годахъ, вмѣстѣ съ Дарвиномъ, ѣздилъ во Францію провѣрять находки Буше-де-Пэрта. Его коллекція орудій каменнаго вѣка чрезвычайно богата, и самъ онъ вполнѣ мастерски можетъ приготовить, при случаѣ, каменную стрѣлу или копье; онъ даже достигъ въ этомъ искусствѣ такого совершенства, что когда показалъ какъ-то свои подѣлки извѣстному Джаку, который промышлялъ поддѣльными каменными орудіями и, зарывая ихъ въ землю, не разъ обманывалъ ученыхъ, то Джакъ долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ.

Вступительная рѣчь Эванса была, конечно, посвящена каменному вѣку. Усилія ученыхъ, какъ извѣстно, направлены теперь къ тому, чтобы найти слѣды человѣка въ наносахъ до-ледниковаго періода, т.-е. пліоценовыхъ и третичныхъ. Такіе слѣды несомнѣнно будутъ отысканы, но едва ли удастся найти ихъ въ сѣверной Европѣ.

Каменныя орудія были найдены, какъ извѣстно, въ Англіи, въ слояхъ, лежащихъ подъ ледниковымъ наносомъ; но когда всѣ обстоятельства этихъ залежей были тщательно изучены, оказалось, что доказательства въ пользу до-ледниковаго возраста найденныхъ каменныхъ орудій не вполнѣ достаточны. Всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ Норфолькѣ, въ извѣстномъ „лѣсномъ слоѣ“, несомнѣнно подъ-ледниковомъ и принадлежащемъ къ пліоцену, были также найдены камешки, повидимому носящіе слѣды человѣческихъ рукъ; но эти слѣды такъ неясны,

что приходится покуда воздержаться отъ окончательнаго заключенія. Что же касается до слѣдовъ до-ледниковаго человѣка, найденныхъ во Франціи, въ Италіи и въ Португаліи, Эвансъ не отрицаетъ ихъ, но только спрашиваетъ себя — отчего они такъ рѣдки и такъ изолированы? Затѣмъ, извѣстно, что обезьяноподобный человѣческій черепъ былъ недавно открытъ Дюбуа (Dubois) въ Явѣ, въ третичныхъ наносахъ, и названъ имъ Pitecanthropus erectus; но по мнѣнію Эванса все-таки до сихъ поръ остается нѣкоторое сомнѣніе насчетъ третичнаго возраста наносовъ, въ которыхъ найденъ былъ этотъ черепъ.

Такимъ образомъ, время перваго появленія человѣка въ Великобританіи остается неизвѣстнымъ; но несомнѣнно извѣстно, что человѣкъ жилъ на этой территоріи въ такую пору, когда формы поверхности были совершенно иныя, чѣмъ теперь: когда долины рѣкъ не были еще прорѣзаны до ихъ теперешней глубины, когда страна была населена совершенно иными животными, чѣмъ теперь, и когда то, что̀ теперь составляетъ острова Великобританіи, соединялось съ материкомъ Европы.

Что древне-каменный вѣкъ (палеолитическій) продолжался невѣроятно долгое время, можно судить по тому, что долины, въ нѣсколько миль ширины и глубиною въ 100 и 150 футъ, были вырыты рѣками; что громадныя пространства, покрытыя когда-то высокими скалами, были смыты моремъ, съ тѣхъ поръ какъ жили люди, оставившіе свои слѣды въ рѣчныхъ наносахъ Англіи. Каменныя орудія, найденныя въ пещерѣ Кэнта около То̀рки (Torquay, въ Девонширѣ) и на границахъ Дербиатра и Ноттингамшира, отдѣляются толстыми слоями сталагмитовъ отъ орудій неолитическаго періода, и несомнѣнно принадлежатъ къ чрезвычайно глубокой древности. Фауна и флора вполнѣ измѣнились съ тѣхъ поръ, вѣроятно, дважды, а между тѣмъ гарпуны и иглы изъ роговъ сѣвернаго оленя, найденные въ этихъ пещерахъ, совершенно схожи съ такими же гарпунами и иглами, найденными въ пещерахъ южной Франціи и—прибавлю я—на берегу Байкала. Вообще сходство между каменными орудіями, найденными въ Англіи, Франціи, Италіи и Португаліи, поразительное. Орудія особенной типичной формы, найденныя около Мадраса въ Индіи, были найдены потомъ на берегу Мансанареса въ Мадридѣ, а орудія, привезенныя съ береговъ Нила и недавно—Сетонъ-Карромъ—изъ Земли сомаліевъ, тождественны съ орудіями, сдѣланными въ средней Франціи.

Указавъ затѣмъ на громадный промежутокъ времени, которымъ орудія древне-каменнаго вѣка отдѣляются отъ неолити-

ческихъ, Эвансъ ставитъ вопросъ: какимъ образомъ могло случиться, что полированныя орудія слѣдующаго каменнаго вѣка опять оказываются такъ сходны въ различныхъ частяхъ свѣта, тогда какъ до сихъ поръ не удалось найти въ Европѣ никакихъ слѣдовъ орудій промежуточнаго типа? Нужно ли признать, что человѣкъ вымеръ въ Европѣ во время промежуточнаго періода, или покинулъ ее въ это время, удаляясь въ болѣе теплыя страны Азіи, и что когда Европа снова стала заселяться, она заселялась уже другою расою людей?

Много другихъ чрезвычайно интересныхъ сообщеній было сдѣлано по тому же предмету въ антропологической секціи. Нѣкоторыя сообщенія имѣли чисто-популярный характеръ, какъ, напр., сообщеніе д-ра Монро (R. Munro) объ озерныхъ жилищахъ у Гладстонбюри и ихъ мѣстѣ среди другихъ озерныхъ жилищъ въ Европѣ, причемъ множество фотографій было показано волшебнымъ фонаремъ. Другія, какъ, напр., о палеолитическихъ орудіяхъ въ Трентонѣ, въ Соединенныхъ-Штатахъ, имѣли чисто-спеціальный характеръ. Эти послѣднія заняли цѣлое засѣданіе соединенныхъ секцій антропологіи и геологіи — сперва въ Дитройтѣ, гдѣ присутствовали одни американскіе ученые, а потомъ —въ Торонто. Скажу только, что послѣ пятнадцати лѣтъ самыхъ тщательныхъ работъ надъ трентонскими наносами американскіе геологи, на съѣздѣ въ Дитройтѣ, окончательно отказались отъ надежды доказать до-ледниковый возрастъ найденныхъ тамъ каменныхъ орудій. Они принадлежатъ къ очень глубокой древности, но должны быть отнесены къ періоду—чрезвычайно долгому періоду — послѣ-ледниковыхъ рѣкъ, который такъ превосходно разработанъ въ Америкѣ.

Рѣчь президента была, конечно, прочтена передъ очень большою публикою. Всѣхъ членовъ записалось къ открытію съѣзда болѣе 1.100 человѣкъ, и всѣ они собрались въ громадной и очень красивой залѣ, Massey Hall. Настоящая же работа секцій началась только на другой день.

Въ секціи математики и физики президентская рѣчь была посвящена значенію математическихъ изслѣдованій, и проф. Форсайтъ (Forsyth) съумѣлъ заинтересовать слушателей, хотя и говорилъ о значеніи дифференціальныхъ уравненій и подобныхъ премудростей. Главный интересъ въ первые дни сосредоточился на рѣчи ветерана физическихъ наукъ, лорда Кэльвина,—болѣе извѣстнаго, впрочемъ, въ Россіи, подъ его прежнимъ именемъ Уильяма Томсона. Въ Торонто лордъ Кэльвинъ былъ, конечно, самымъ популярнымъ человѣкомъ: всѣ стремились увидать его, услыхать

отъ него хоть словечко; и дѣйствительно, стоитъ послушать этого бодраго, живого старика, съ юношескими ухватками, который наложилъ печать своего мышленія на всѣ отрасли современной механики и физики, а своими изобрѣтеніями въ области телеграфной практики, мореплаванія и инженерной техники извѣстенъ всякому инженеру и всякому капитану большого корабля. Живость его ума и воображенія и его воспріимчивость — просто поразительны.

Лордъ Кэльвинъ говорилъ передъ биткомъ набитою аудиторіею о запасѣ топлива на землѣ и кислорода въ атмосферѣ. Всякое топливо, началъ онъ, представляетъ собою остатокъ какихъ бы то ни было растительныхъ веществъ. Каждая тонна топлива требуетъ среднимъ числомъ три тонны кислорода, чтобы сжечь ее—и тутъ же онъ сдѣлалъ отступленіе, чтобы доказать канадцамъ, сколько они теряютъ времени и работъ напрасно, оттого, что еще не приняли метрической системы мѣръ и вѣсовъ. Надъ каждымъ квадратнымъ метромъ земной поверхности (а ихъ всего 510 билліоновъ) лежитъ десять тоннъ воздуха, т.-е. двѣ тонны кислорода. Всего, значитъ, въ земной атмосферѣ имѣется дважды 510 билліоновъ тоннъ кислорода, а слѣдовательно, на землѣ имѣется въ три раза меньше,—или всего 340 билліоновъ тоннъ топлива, въ лѣсахъ и травахъ, ростущихъ на земной поверхности и—въ видѣ угля—въ нѣдрахъ земли.

Приблизительно въ Великобританіи считается около 146.000 милліоновъ тоннъ угля, что дало бы $^{6}/_{10}$ тонны угля на каждый квадратный метръ поверхности, и еще около 56 милліоновъ угля лежитъ въ болѣе глубокихъ слояхъ. Чтобы сжечь весь этотъ уголь, потребовалось бы болѣе 2-хъ тоннъ кислорода на квадратный метръ; такъ что, еслибы окружить Великобританію высочайшею стѣною до предѣловъ атмосферы, и не впускать въ нее свѣжаго воздуха, въ странѣ не хватило бы своего воздуха, чтобы сжечь весь свой каменный уголь.

Когда Англія сожжетъ весь свой уголь, ей придется жечь древесное топливо. Этотъ уголь накоплялся за періодъ времени, приблизительно, въ 20 милліоновъ лѣтъ; такъ что, принимая въ разсчетъ его поверхность, получимъ двѣ тонны угля за тысячу лѣтъ, на каждый квадратный метръ поверхности, — вотъ что приблизительно даетъ растительность въ наилучшихъ условіяхъ. Примѣрно черезъ 350 лѣтъ, Англіи придется искать топлива въ растительности. Вообще, Кэльвинъ совѣтуетъ уже теперь не упускать изъ вида этого источника.

У насъ есть, правда, сила воды и водопадовъ. Но она во-

все не такъ велика, какъ кажется. Вся сила Ніагарскаго водопада равна 4.000.000 паровыхъ лошадиныхъ силъ; но эта сила равна силѣ всего какой-нибудь сотни океанскихъ пароходовъ. Такимъ образомъ, несмотря на прекрасную подмогу, которую намъ даютъ водяные двигатели, намъ все-таки предстоитъ полагаться на дровяное топливо въ будущемъ, если мы не сумѣемъ прямо воспользоваться силою солнца. И еще потому намъ слѣдуетъ заботиться о нашихъ лѣсахъ, что не мѣшаетъ подумать и о возобновленіи запасовъ кислорода въ воздухѣ.

Другое блестящее сообщеніе въ томъ же отдѣленіи было сдѣлано отъ имени Николая Тэслы; оно, вѣроятно, оставитъ слѣдъ въ наукѣ. Тэсла изобрѣлъ новый приборъ для полученія рентгеновскихъ лучей необыкновенной проницательной силы. Приборъ замѣняетъ обыкновенную индукціонную катушку, которая теперь употребляется для возбужденія Круксовой трубки. По словамъ филадельфійскаго профессора Баркера, приборъ Тэслы производитъ такое сильное возбужденіе въ трубкѣ, и рентгеновскіе лучи выходятъ изъ нея такой силы, что при ихъ свѣтѣ Баркеръ могъ видѣть сквозь все тѣло самого Тэслы. Дѣйствія прибора были показаны проф. Макъ-Клилланомъ. Съ помощью тока обыкновенной лампочки были получены искры въ шесть дюймовъ длины. Затѣмъ, двѣ тонкія проволоки, привязанныя къ стекляннымъ палочкамъ, были натянуты параллельно другъ другу, и яркая полоса фосфоресцирующаго свѣта, пересѣкаемая искорками, появилась между проволоками. Послѣ сообщенія возникли чрезвычайно интересныя пренія насчетъ теоріи этихъ явленій.

Рядъ и другихъ интересныхъ сообщеній былъ сдѣланъ въ этой секціи. Сообщенія Гарвея, изъ Торонто, и Бигелоу, изъ Соединенныхъ-Штатовъ, о скорости вращенія солнца, выведенной изъ магнитныхъ наблюденій, вызвали очень оживленныя пренія, и общее мнѣніе было, что истинный періодъ вращенія солнца, вѣроятно, будетъ опредѣленъ при помощи магнитныхъ наблюденій.

Сильванусъ Томпсонъ,—одинъ изъ главныхъ изслѣдователей электричества въ Англіи—сдѣлалъ важное сообщеніе о катодныхъ лучахъ. Извѣстно, что до сихъ поръ сущность и происхожденіе этихъ лучей остаются спорными. С. Томпсонъ придумалъ, однако, очень остроумные и удачные опыты, чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, и изъ нихъ, повидимому, слѣдуетъ, что катодные лучи—не что̀ иное, какъ токи частичекъ, заряженныхъ отрицательнымъ электричествомъ. Явленія эти вообще очень сложны, такъ какъ есть лучи, которые могутъ быть отклонены магнитомъ, другіе же не отклоняются имъ, или же отклоняются электро-

статическою силою. Изъ опытовъ слѣдуетъ, повидимому, заключить, что токи частичекъ, заряженныхъ отрицательнымъ электричествомъ, отклоняются и тою, и другою силою, тогда какъ лучи, не отклоняемые ни тою, ни другою силою, могутъ быть названы свѣтомъ, т.-е. представляютъ, вѣроятно, волнообразныя колебанія эѳира. Самъ Томпсонъ очень осторожно воздержался отъ какихъ бы то ни было окончательныхъ выводовъ, но лордъ Кэльвинъ, принявшій участіе въ преніяхъ, не задумался высказать, что опыты вполнѣ подтверждаютъ вышеприведенныя заключенія.

Изъ массы другихъ сообщеній я назову только работы американскаго астронома, Персиваля Лоуэлля, о вліяніи атмосферъ на астрономическія наблюденія, Рунге и Пашена—о спектрѣ кислорода, сѣры и селэнія, и Оливера Лоджа—объ открытіи Земаномъ вліянія магнетизма на линіи спектра.

Не мало интересныхъ сообщеній было также сдѣлано въ подсекціи метеорологіи. Главное изъ нихъ—„о мѣсячномъ и годовомъ количествѣ осадковъ въ британской имперіи, съ 1877 по 1896 годъ", сдѣланное Гопкинсономъ, не ново для европейскихъ метеорологовъ. Сообщеніе начальника торонтской обсерваторіи, Сюпарта (H. F. Supart), о климатѣ Канады даетъ превосходное понятіе о климатѣ этой громадной страны, представляющей большое сходство съ Сибирью во всей средней и сѣверной полосѣ, тогда какъ на полуостровѣ, вдающемся къ югу отъ Онтаріо, разводятся виноградъ и персики въ громадныхъ количествахъ. Очень серьезная работа надъ колебаніями уровня большихъ озеръ была реферирована Нэпиромъ Дэнисономъ, наблюдателемъ той же обсерваторіи. Онъ открылъ въ озерѣ Онтаріо періодическія продольныя и поперечныя колебанія уровня — seiches—такъ прекрасно изученныя Форелемъ на Женевскомъ озерѣ. Первыя, т.-е. продольныя колебанія повторяются черезъ 4 часа 49 минутъ; вторыя—каждыя 45 минутъ. Кромѣ того, и въ воздухѣ (при помощи очень чувствительнаго воднаго самопишущаго барометра), и въ озерѣ замѣчены маленькія волны, повторяющіяся каждыя 20 минутъ. И, наконецъ, при приближеніи къ озеру области низкаго давленія, воздухъ несется волнами, которыхъ движеніе прекрасно отражается и на уровнѣ озера. Во время грозы, 8-го марта, вода въ бухточкѣ внезапно поднялась на $8^1/_2$ дюймовъ въ 10 минутъ, затѣмъ упала въ четверть часа на $10^1/_2$ дюймовъ, а въ слѣдующую четверть часа снова поднялась на $11^1/_2$ дюймовъ.

Засѣданія химическаго отдѣленія шли въ превосходной химической лабораторіи, которая привела бы въ восторгъ даже петер-

бургскихъ химиковъ. Она выстроена по плану самого профессора химіи—д-ра Эллиса, который соединяетъ въ себѣ прекрасное знаніе химіи съ талантами инженера и механика. Громадныя залы, превосходная вентиляція, изящныя аудиторіи—все это устроено какъ въ лучшихъ европейскихъ лабораторіяхъ. Кромѣ того, подъ поломъ каждой лабораторіи имѣется комната, въ которой свободно можетъ ходить, слегка нагнувшись, человѣкъ, и гдѣ проведены всѣ трубы для снабженія водою, для стока воды, для газа, электричества и т. п. Что̀ бы ни попортилось въ лабораторіи—можетъ быть починено, не прерывая работъ. Въ главной аудиторіи, на первомъ планѣ красуется та громадная, хорошо знакомая русскимъ таблица, содержащая періодическій законъ Менделѣева, а по другую сторону—таблица атомныхъ объемовъ.

Предсѣдатель секціи, проф. Рамзэй (Ramsay) прочелъ въ высшей степени интересную рѣчь о „не-открытомъ еще газѣ". Извѣстно, что недавно были открыты два новыхъ газа—аргонъ и гелій, которые надѣлали не мало хлопотъ химикамъ. Аргонъ, который встрѣчается въ очень небольшихъ количествахъ въ нашей атмосферѣ, имѣетъ удѣльный вѣсъ (т.-е. кубическій дюймъ, или сантиметръ, аргона вѣситъ въ 20 разъ больше, чѣмъ такой же объемъ водорода). А такъ какъ теперь принято, что онъ одноатомный газъ, а не двухъ-атомный, какъ думали сначала, то приходится принять, что его атомный вѣсъ равенъ 40, и что въ таблицѣ элементы его надо поставить тотчасъ послѣ калія. Сперва, было, думали, что аргонъ представляетъ смѣсь двухъ или трехъ газовъ, и даже патріотическія имена — Скотіумъ, Англіумъ и Гиберніумъ — были предложены для трехъ газовъ, составляющихъ аргонъ, но фракціонная дистилляція, сдѣланная д-ромъ Норманомъ Колли (Collie), доказала почти окончательно, что аргонъ—не смѣсь, а простое тѣло.

Затѣмъ былъ открытъ газъ гелій, который даетъ въ спектроскопѣ блестящую желтую линію, извѣстную съ 1868 года въ солнечномъ спектрѣ, и его атомный вѣсъ оказался равнымъ 4-мъ. Гелій сталъ, такимъ образомъ, въ таблицѣ элементовъ между водородомъ (1) и литіемъ (7).

Разность между атомными вѣсами аргона и гелія равна, слѣдовательно, 36-ти. Но въ таблицѣ элементовъ есть нѣсколько „тріадъ", т.-е. группъ изъ трехъ элементовъ, въ которыхъ разность между атомными вѣсами и перваго и второго члена тріады равна 16-ти, а между вторымъ и третьимъ членомъ равна 20-ти.

И вотъ, Рамзей, со своимъ ассистентомъ, Моррисомъ Траверзомъ,

пустились на розыски элемента, котораго атомный вѣсъ былъ бы 20, и который составилъ бы „тріаду“ съ геліемъ и аргономъ. Искать по бѣлу-свѣту такой элементъ, — все равно, говоритъ Рамзей, что искать иголку въ стогѣ сѣна. Всевозможные минералы были испытаны, и газы, которые содержатся внутри минераловъ, были изучены. Рамзей ѣздилъ изучать газы минеральныхъ водъ въ Исландію и въ Пиренеи, но „неоткрытый еще газъ“ не находился. Между тѣмъ, вскорѣ послѣ открытія гелія, знаменитые спектроскописты Рунге и Пашенъ (Runge, Paschen) замѣтили, что спекторъ гелія содержитъ двѣ группы линій, указывающихъ, повидимому, на присутствіе двухъ различныхъ газовъ въ такъ-называемомъ геліѣ. Въ 1896 году, Рамзей и д-ръ Колли предприняли поэтому систематическую диффузію гелія. Пропуская гелій сквозь пористую пластинку, имъ удалось получить два различныхъ газа, изъ которыхъ одинъ имѣлъ удѣльный вѣсъ 2 (въ два раза тяжелѣе водорода), а другой—2,4, или около того. Гагенбахъ, въ Германіи, вскорѣ получилъ тотъ же результатъ.

Казалось бы, цѣль была достигнута. Три газа—аргонъ и обѣ составныя части гелія,—всѣ три чрезвычайно неохотно вступающіе въ соединенія съ другими тѣлами,—были получены... Но новыя трудности возникали. Оба гелія давали тотъ же спектръ, и одинъ изъ нихъ оказался съ примѣсью аргона. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что если гелій содержитъ примѣсь „неоткрытаго еще газа“, то эта примѣсь крайне ничтожна. Вопросъ остается такимъ образомъ неразрѣшеннымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поднимается цѣлая масса другихъ весьма любопытныхъ теоретическихъ вопросовъ.

Я не стану перечислять другія сообщенія, сдѣланныя въ секціи химіи. Всѣ они были очень интересны для спеціалистовъ. Упомяну только, что ассистентъ Муассана, Гэланъ (Heslans), привезъ съ собою первоначальный аппаратъ, въ которомъ Муассанъ впервые отдѣлилъ фторъ отъ водорода, и повторилъ этотъ нынѣ классическій опытъ передъ обширною аудиторіею. Новый аппаратъ, изобрѣтенный Меланомъ, вѣроятно, позволитъ скоро добывать фторъ въ большихъ количествахъ для промышленныхъ цѣлей.

Весьма интересныя сообщенія были сдѣланы въ отдѣленіи геологіи. Въ Европѣ вообще, даже спеціалисты геологи имѣютъ довольно неопредѣленное понятіе о громадности работъ, сдѣланныхъ по геологіи въ Соединенныхъ-Штатахъ и въ Канадѣ. Самая объемистость роскошныхъ изданій геологической съёмки по-

давляетъ желающаго изучить американскія работы. А между тѣмъ, въ Америкѣ идетъ, кромѣ непосредственнаго изслѣдованія, глубокая работа мысли. Нигдѣ, можетъ быть, вопросы динамической геологіи—вопросы о томъ, какія формы имѣла поверхность земли въ данный періодъ, и какъ измѣнялись эти формы и по какимъ причинамъ—не разработываются такъ, какъ въ Америкѣ.

Оставляю въ сторонѣ прекрасную рѣчь президента, Джорджа Доусона, о древнихъ породахъ Канады, которая глубоко заинтересовала спеціалистовъ, и прямо перехожу къ сообщеніямъ.

Въ Дитройтѣ рѣчь шла преимущественно о преобразованіяхъ, пережитыхъ большими озерами Эри, Онтаріо, Мичигэнъ, Гуронъ, Верхнее и т. д., со времени ледниковаго періода. Въ настоящее время ни одинъ изъ американскихъ геологовъ не сомнѣвается въ томъ, что во время ледниковаго періода вся сѣверная часть Америки, вплоть до 45-го и даже 42-го градуса сѣверной широты, была покрыта громадною толщею льда. Ледяной покровъ оставилъ послѣ таянія не только изборожденныя поверхности скалъ, гряды ледниковаго щебня, валуны, принесенные съ сѣвера, но и свои собственныя морены. Онѣ лежатъ и по сію пору въ видѣ громадныхъ концентрическихъ грядъ, ясно показывая предѣлы громадныхъ ледяныхъ языковъ, которыми ледяной покровъ спускался въ болѣе южныя широты. Мало того, американскимъ геологамъ удалось доказать, что въ этомъ громадномъ ледяномъ покровѣ, покрывавшемъ поверхность больше всей Сибири, было два центра, а можетъ быть и три, изъ которыхъ ледъ расползался во всѣ стороны. Одинъ громадный покровъ разстилался по плоскогорью и по горамъ сѣверо-западной Канады; другой лежалъ надъ Лабрадоромъ; третій центръ, вѣроятно, лежалъ въ сѣверныхъ частяхъ средней Канады.

Но какъ ни громадна была эта толща льда, не ей приписываютъ образованіе большихъ озеръ Сѣверной Америки. Ихъ впадины существовали, по всей вѣроятности, гораздо раньше, быть можетъ со временъ древнѣйшихъ геологическихъ періодовъ.

Въ то время, когда ледяной покровъ достигалъ своихъ наибольшихъ размѣровъ, большое озеро лежало, повидимому, между двумя языками ледяной массы, и изъ него, во время таянія льда, образовалось громадное озеро, вскорѣ покрывшее всю поверхность, нынѣ занятую большими озерами.

Когда, еще позже, началось таяніе всего ледяного покрова, большое озеро разбилось на меньшія озера, частью вслѣдствіе уменьшеннаго притока воды, но главнымъ образомъ вслѣдствіе

вѣковыхъ измѣненій самаго уровня почвы. У береговъ озера Мичигэна можно прослѣдить цѣлый рядъ береговыхъ террасъ, показывающихъ прежнее положеніе береговъ озера, и американскимъ геологамъ удалось прослѣдить по этимъ береговымъ террасамъ прежніе контуры озеръ.

Теперь озёра Мичигэнъ, Верхнее, Гуронъ сливаются (у Дитройта) въ озеро Эріэ и, черезъ Ніагару, въ озеро Онтаріо, откуда вытекаетъ, направляясь на сѣверо-востокъ, рѣка св. Лаврентія. Но въ былыя времена Мичигэнъ сливался не на востокъ, а на югъ, въ бассейнъ Миссисипи. Древніе береговые валы вокругъ озера Мичигэна, дѣйствительно, не горизонтальны, а наклонены къ юго-западу, и ихъ паденіе доходитъ до 5-ти дюймовъ на каждую версту (сообщеніе Франка Тэйлора). Почва, на которой лежатъ теперь большія озера Сѣверной Америки, не оставалась неподвижною, и даже теперь можно уловить такое же движеніе. За послѣднія двадцать лѣтъ ведутся правильныя наблюденія надъ стояніемъ воды въ озерахъ, и за такой долгій періодъ можно было вывести среднее стояніе. Изъ очень тщательныхъ измѣреній теперь оказывается, что въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ частяхъ озера Мичигэна происходитъ общее вѣковое поднятіе почвы, тогда какъ въ южныхъ и юго-западныхъ частяхъ того же озера происходитъ относительное осѣданіе. Вся мѣстность, въ которой лежитъ озеро, какъ бы осѣдаетъ къ югу, со скоростью до 5-ти дюймовъ въ столѣтіе на каждыя 150 верстъ. Такое осѣданіе кажется ничтожнымъ, но оно очень важно для города Чикаго, который стоитъ на равнинѣ у южной оконечности озера Мичигэна. Здѣсь уровень озера поднимается на 10 дюймовъ въ столѣтіе, и профессоръ Жильбертъ (G. K. Gilbert)—одинъ изъ выдающихся американскихъ геологовъ—предсказываетъ, что „черезъ 3.000 лѣтъ озёра будутъ сливаться черезъ низкій водораздѣлъ, отдѣляющій озеро Мичигэнъ отъ рѣки Иллинойсъ, въ эту рѣку (т.-е. въ бассейнъ Миссисипи); рѣки Дитройтъ и Сентъ-Клэръ понесутъ воды изъ озера Эріэ въ озеро Гуронъ, а не наоборотъ, и Ніагара пересохнетъ“.

Всѣ подобныя предсказанія, конечно, очень гадательны, хотя въ томъ, что озеро Мичигэнъ начнетъ течь когда-нибудь въ Миссисипи, нѣтъ ничего невѣроятнаго. Любопытно то, что въ подобныхъ измѣреніяхъ мы находимъ новое подтвержденіе вѣковыхъ относительныхъ измѣненій уровня почвы.

Изъ массы геологическихъ работъ, реферированныхъ на съѣздѣ, укажу еще на одну, очень серьезно обдуманную,—американскаго профессора Чэмберлена (Chamberlin). Исходя изъ

того положенія, что у предѣловъ атмосферы молекулярная скорость частичекъ газа можетъ быть такова (при высокой его температурѣ), что значительное количество частичекъ, обладая очень большими скоростями, будутъ выходить изъ сферы притяженія планеты (этимъ объясняютъ, между прочимъ, отсутствіе водорода въ атмосферѣ земли и ничтожность атмосферы луны), онъ заключаетъ, что земля едва ли была когда-нибудь въ расплавленномъ состояніи. Измѣненія же климата земли онъ старается объяснить, вслѣдъ за Аррениусомъ, измѣненіями въ количествѣ углекислоты, содержимой въ атмосферѣ земли.

Изъ другихъ же сообщеній по геологіи назову еще работу проф. Claypole—о палеозойской географіи Соединенныхъ-Штатовъ, и проф. Ами—о кэмбрійско-силурійскихъ и дэвонскихъ отложеніяхъ въ Канадѣ. Очень интересное сообщеніе было также сдѣлано торонтскимъ профессоромъ Кольманомъ (Coleman) о междуледниковыхъ образованіяхъ въ Торонто. Образцы хорошо сохранившихся деревьевъ и листковъ, указывающихъ на климатъ подобный тому, который теперь имѣютъ южные штаты, были найдены возлѣ Торонто, надъ ледниковыми наносами и подъ тонкими слоями ледниковаго щебня. Проф. Кольманъ считаетъ ихъ несомнѣнными доказательствами теплаго междуледниковаго періода. Но, конечно, остается вопросъ—не были ли отложены эти слои у предѣловъ ледяного покрова, или, вѣрнѣе, въ промежуткѣ между обоими языками этого покрова?

Въ зоологической секціи, проф. Майяль (L. C. Miall) посвятилъ предсѣдательскую рѣчь, главнымъ образомъ, тому, какъ важно для зоологіи изученіе животнаго міра *въ природѣ*, среди дѣйствительной жизни, а не только въ музеѣ или лабораторіи. Въ подтвержденіе ученый зоологъ привелъ цѣлую массу вопросовъ современной зоологіи, которые только такимъ путемъ и могутъ быть разрѣшены. Извѣстно, напримѣръ, какую роль метаморфозы играютъ въ животномъ царствѣ. Но отчего такъ часто оказывается, что данный морской видъ (напр. крабъ) переживаетъ метаморфозы, тогда какъ соотвѣтствующій рѣчной видъ не имѣетъ ихъ? Майяль указалъ на возможныя выгоды для размноженія, получающіяся въ томъ и другомъ случаѣ, и упомянулъ затѣмъ о замѣчательномъ открытіи метаморфозъ обыкновеннаго угря, открытыхъ недавно Грасси, какъ на образецъ того, что предстоитъ дѣлать молодымъ ученымъ. Другой примѣръ онъ взялъ изъ перемежающагося размноженія и, въ подтвержденіе своей мысли, что только изученіе вопроса въ подробностяхъ дѣ-

лаетъ его интереснымъ, привелъ цѣлый рядъ въ высшей степени интересныхъ фактовъ и объясненій.

Нѣсколько важныхъ сообщеній было сдѣлано въ секціи зоологіи и біологіи, какъ въ Дитройтѣ, такъ и въ Торонто. Но, къ сожалѣнію, лучшія изъ нихъ невозможно изложить, если самъ не присутствовалъ въ секціи во время сообщенія. Самыя важныя сообщенія въ Британской ассоціаціи бываютъ словесныя изложенія работъ, приготовляемыхъ къ печати. Авторъ знакомитъ слушателей съ положеніемъ своей работы, съ добытыми результатами и съ возникающими вопросами, но вовсе не даетъ краткаго изложенія своихъ трудовъ для напечатанія въ „Отчетѣ", или присылаетъ его слишкомъ поздно. Поэтому мнѣ приходится дать одни названія наиболѣе важныхъ сообщеній по біологіи.

Предсѣдателемъ біологической секціи въ Дитройтѣ долженъ былъ быть Копъ (Cope)—замѣчательный біологъ и палеонтологъ Соединенныхъ-Штатовъ—глава нео-ламарковой школы, которая ищетъ объясненія измѣнчивости видовъ не въ случайныхъ уклоненіяхъ отъ типа родителей, закрѣпляемыхъ борьбою за существованіе, а въ постоянномъ вліяніи внѣшней среды, измѣняющей животные и растительные виды въ извѣстномъ, опредѣленномъ направленіи. Копъ, къ несчастію, умеръ не окончивши всѣхъ своихъ великихъ работъ, и Гилль (Gill), занявшій мѣсто предсѣдателя, далъ обстоятельное изложеніе работъ Копа, которое должно быть напечатано въ американской еженедѣльной газетѣ „Science".

Другая работа, тоже очень обширная и важная, была реферирована H. T. Osborn'омъ, въ цѣломъ рядѣ сообщеній. Онъ много лѣтъ уже трудится надъ генеалогіею третичныхъ млекопитающихъ, и необыкновенно богатыя коллекціи ископаемыхъ, собранныхъ въ Соединенныхъ-Штатахъ, дали ему обширнѣйшій матеріалъ для такого изслѣдованія. Ископаемыя, описанныя Осборномъ, были выставлены во время съѣзда, но изложить здѣсь сущность его изслѣдованій, да еще безъ рисунковъ, было бы очень трудно. Въ связи съ трудами Осборна можно упомянуть еще обширную работу д-ра Minot, который старался возстановить генеалогію позвоночныхъ вообще, и привелъ нѣкоторыя весьма интересныя соображенія, но встрѣтилъ также сильную оппозицію. Затѣмъ, работа о слѣпыхъ рыбахъ Америки д-ра Эйгенманна (Eigenmann) отличалась необыкновеннымъ обиліемъ матеріаловъ по этому интересному вопросу.

Докладъ ливерпульскаго профессора Herdmann'а объ устри-

цахъ и содержимомъ ими ядѣ тифозной горячки, конечно возбудилъ всеобщій интересъ. За послѣднее время было неоднократно замѣчаемо въ Англіи, что люди, поѣвшіе устрицъ, заболѣвали тифозною горячкою, и для изслѣдованія причинъ заболѣваній былъ назначенъ въ Англіи комитетъ. Изъ работъ комитета (еще, впрочемъ, неоконченныхъ) видно, что устрицы, которыя живутъ въ водѣ, заражаемой изліяніями изъ отхожихъ мѣстъ, нерѣдко поглощаютъ зародыши тифозной горячки. Единственное средство избѣгнуть зараженія устрицъ—провѣтривать воду, гдѣ онѣ живутъ, и приводить ее въ движеніе. Но даже устрицы, поглотившія зародыши тифозной горячки, можно обеззараживать, держа ихъ сутки въ чистой водѣ, прежде чѣмъ пускать въ продажу. Каждая хозяйка можетъ сдѣлать это и сама, продержавъ устрицы въ рѣчной водѣ или подъ краномъ въ кухнѣ. За ночь онѣ обеззараживаются.

Весьма интересное сообщеніе было сдѣлано въ той же секціи проф. Поультономъ (E. B. Poulton) о подражательныхъ формахъ и цвѣтахъ (mimicry) у американскихъ бабочекъ.

За все время съѣзда географическая секція была одною изъ самыхъ популярныхъ. Во вступительной рѣчи предсѣдатель Кельти (J. S. Keltie) очертилъ, что̀ сдѣлано было за послѣднее время для изслѣдованія материковъ и океановъ, и что̀ остается сдѣлать. Любопытно и даже поразительно, какъ много сдѣлано уже для изслѣдованія Канады, — главнымъ образомъ, геологическимъ бюро. Когда я обратился къ директору бюро, въ Оттавѣ, д-ру Даусону (Geo. Dawson), чтобы получить полный отчетъ о существующихъ картахъ, то оказалось, что для весьма значительной части этой громаднѣйшей территоріи (Сибирь Новаго Свѣта) уже имѣются подробныя геологическія карты, въ очень большомъ масштабѣ, — отъ двѣнадцати до шести, и даже до полутора верстъ въ дюймѣ;—для другихъ обширныхъ областей имѣются карты въ сорокаверстномъ масштабѣ, и только необозримыя тундры (barren lands) въ окрестностяхъ Гудзонскаго залива, очерчены однѣми маршрутными, глазомѣрными съёмками. Но и тѣ изслѣдованы Тирреллемъ во многихъ мѣстахъ; надобно замѣтить, что „берестянка“, т.-е. лодочка изъ березовой коры, или изъ очень легкаго дерева по образцу берестянки (canoe), очень облегчаетъ путешествія въ тундрахъ дальняго сѣвера. Конечно, и въ Канадѣ остаются неснятыя пространства, и есть даже основаніе думать, что въ сѣверныхъ частяхъ средней Канады еще окажется не мало луговыхъ земель, вполнѣ удобныхъ для заселенія.

Сообщенія, сдѣланныя въ секціи географіи, вообще привле-

кали массу публики, тѣмъ болѣе, что каждое сообщеніе сопровождалось множествомъ фотографій, проектируемыхъ волшебнымъ фонаремъ. Сообщенія объ Африкѣ также возбуждали особенный интересъ; напримѣръ, подробный отчетъ г. Силу (Selous) объ экономическихъ средствахъ Родезіи, или отчетъ комитета о климатѣ тропической Африки и обозрѣніе Конго, сдѣланное Равенштейномъ (авторомъ книги объ Амурѣ). Къ сожалѣнію, физическая географія оставалась немного въ загонѣ, хотя на съѣздѣ присутствовалъ такой большой авторитетъ по всѣмъ вопросамъ физической географіи, какъ вѣнскій профессоръ Пенкъ. Обиліе среди англичанъ путешественниковъ, которые объѣзжаютъ всѣ части свѣта, подолгу живутъ въ разныхъ мѣстахъ и возвращаются съ массою фотографій и путевыхъ замѣтокъ, къ сожалѣнію, отодвигаетъ физическую географію на задній планъ. Но такъ какъ Британская ассоціація существуетъ не только для развитія науки, а также и для популяризаціи научныхъ знаній и для пробужденія научнаго интереса въ публикѣ, то географической секціи приходится служить до нѣкоторой степени орудіемъ для этой цѣли.

Изъ сдѣланныхъ сообщеній надо упомянуть, однако, работу Мильна (Milne) о землетрясеніяхъ. Мильнъ долго жилъ въ Японіи, изучая тамъ землетрясенія, а теперь поселился въ Англіи, на островѣ Уайтѣ, гдѣ и устроилъ приборъ для наблюденія самыхъ слабыхъ сотрясеній почвы. При помощи своего прибора онъ узнаетъ о землетрясеніяхъ, случающихся въ Японіи. Сотрясеніе, произведенное землетрясеніемъ въ Японіи, доходитъ черезъ нѣсколько часовъ до Англіи, и если бы телеграфическое сообщеніе съ Востокомъ было прервано, приборъ на островѣ Уайтѣ указалъ бы, что тогда-то, въ такомъ-то часу, произошло землетрясеніе гдѣ-нибудь на Востокѣ.

Причину землетрясеній онъ видитъ въ осѣданіи наносовъ. Размываніе горныхъ породъ ведетъ къ накопленію наносовъ, которые осѣдаютъ на днѣ моря, вдоль береговъ, и эти наносы постоянно сползаютъ въ болѣе низкія мѣста, или осѣдаютъ. Наблюденія, произведенныя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, показываютъ, что землетрясенія бываютъ всего чаще вдоль склоновъ, которыми материки спускаются къ глубокимъ частямъ океановъ. Гдѣ эти склоны круче, тамъ осѣданія происходятъ все чаще, и чаще случаются даже и провалы. Области наибольшихъ нарушеній равновѣсія надобно, поэтому, искать на днѣ океановъ.

Разрывы подводныхъ телеграфныхъ кабелей подтверждаютъ этотъ взглядъ. Рядомъ съ разрывами, которые производятся волнами въ береговыхъ областяхъ, или же животными, просвер-

ливающими каучуковую оболочку кабеля, есть разрывы, происходящіе на большихъ глубинахъ,—преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ глубина быстро мѣняется, т.-е. на склонахъ подводныхъ горъ и подводныхъ платò. Очень часто кабель оказывается засыпаннымъ сверху массою наноса. Весьма часто два кабеля, проведенные рядомъ, въ разстояніи десяти—пятнадцати миль другъ отъ друга, рвутся одновременно. Землетрясенія, замѣченныя на сушѣ, часто сопровождаются разрывами кабелей, и когда кабельная компанія посылаетъ судно для изслѣдованія глубинъ, всегда оказываются большія перемѣны, доходящія иногда до двухсотъ саженей и указывающія, что на большой подводной площади случился глубокій провалъ. Любопытны также растяженія горныхъ породъ, вслѣдствіе которыхъ образуются большія трещины въ горныхъ породахъ, а также несомнѣнная связь, существующая между магнитными элементами и землетрясеніями.

Пропуская секцію механики, о которой полные отчеты будутъ навѣрно даны въ техническихъ газетахъ, я перехожу къ слѣдующей секціи—антропологіи.

Предсѣдатель антропологической секціи, анатомъ сэръ Уильямъ Тернэръ (Sir William Turner), далъ очень сжатый, но прекрасный обзоръ физіологическихъ и анатомическихъ признаковъ, отличающихъ человѣка отъ другихъ животныхъ, и особенно обезьянъ. Значительная часть этой рѣчи была посвящена строенію позвоночника. Изъ работъ Тернэра и одновременныхъ, но независимыхъ работъ Кенингема (Cunningham) оказывается, что прямое положеніе человѣка обусловливается вполнѣ самимъ строеніемъ позвоночника. Форма позвонковъ и промежуточныхъ хрящей, а равно и строеніе нижнихъ конечностей, положеніе черепа и т. д. въ человѣкѣ таковы, что еслибы ребенокъ выросъ внѣ всякаго человѣческаго общества, онъ все-таки, неизбѣжно, достигнувъ извѣстнаго возраста, долженъ былъ бы „стать на ноги“ и держаться въ прямомъ положеніи. Форма нижняго изгиба позвоночника у человѣка и обезьянъ была особенно хорошо изучена, и Тернэръ нашелъ существенныя различія въ формѣ этого изгиба у европейцевъ и у другихъ расъ (негровъ, австралійцевъ).

Разсмотрѣвъ затѣмъ строеніе конечностей и пальцевъ и положеніе черепа у человѣка и обезьянъ, Тернэръ не забылъ упомянуть въ концѣ своей рѣчи объ извѣстныхъ работахъ Рамонъ-и-Кагаля надъ микроскопическимъ строеніемъ сѣраго вещества мозга, слагающагося изъ громаднаго числа клѣтокъ (невроновъ) съ ихъ развѣтвленіями и развѣтвленными нервными нитями.

Затѣмъ, въ секціи же антропологіи, въ Дитройтѣ и въ Торонто, былъ прочтенъ цѣлый рядъ любопытныхъ сообщеній по сравнительной миѳологіи и народному творчеству, по этнологіи и археологіи въ Америкѣ и т. д. Достаточно напомнить, какую массу замѣчательныхъ работъ по этнологіи и антропологіи печатаетъ ежегодно Этнологическое бюро Соединенныхъ Штатовъ. Подобное же бюро будетъ скоро основано въ Канадѣ.

Покуда, на съѣздѣ былъ прочтенъ очень хорошій отчетъ „Комитета сѣверо-западныхъ племенъ Канады". Онъ содержитъ очень подробное изслѣдованіе языка и обычаевъ индійцевъ. Особенный интересъ представляли также пренія, поднятыя сообщеніемъ профессора Путнама (Putnam), президента Американской Ассоціаціи, о доказательствахъ сообщенія между Америкою и Азіею. Лучшіе американскіе, канадскіе и англійскіе этнографы и геологи приняли въ нихъ участіе, но доводы за и противъ оказались почти одинаково сильными. Прекрасную работу о происхожденіи французскихъ канадцевъ г-на B. Sulte мнѣ приходится только упомянуть.

Предсѣдателемъ физіологической секціи былъ Михаилъ Фостеръ, почтенный и симпатичный секретарь Royal Society (т.-е. англійской академіи наукъ), только недавно выпустившій послѣдній томъ своего монументальнаго курса физіологіи. Онъ сдѣлалъ обзоръ успѣховъ физіологіи со времени послѣдняго митинга Британской ассоціаціи, въ 1884 году, въ Монтреалѣ. Время было выбрано очень удачно, и Фостеръ охарактеризовалъ эти тринадцать лѣтъ какъ періодъ перелома между физіологіею прежнихъ временъ и новою, по крайней мѣрѣ для говорящей по-англійски части образованнаго міра. Клодъ Бернаръ тогда только-что умеръ. Дарвинъ, Броунъ-Секаръ, Брюкке, Дюбуа-Реймонъ, Дондерсъ, Гельмгольцъ и Гёксли тогда еще были живы. Но только за годъ передъ тѣмъ (въ 1883 году) каѳедры физіологіи были открыты въ оксфордскомъ и кембриджскомъ университетахъ. И за эти тринадцать лѣтъ основались, въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, большія физіологическія лабораторіи, которыя уже успѣли подарить наукѣ нѣсколько такихъ фактическихъ, основныхъ работъ, на которыхъ зиждется все зданіе физіологіи.

Два сорта работъ велись физіологами за этотъ тринадцатилѣтній періодъ. Съ одной стороны—изслѣдованіе старыхъ, заслуженныхъ вопросовъ, какъ, напр., о механизмѣ кровообращенія, о мускульномъ сокращеніи, о біеніи сердца, а также старые

вопросы въ новомъ освѣщеніи, касающіеся выдѣленія железъ. По всѣмъ этимъ вопросамъ сдѣланы были существенныя работы.

Рядомъ съ этимъ возникли новыя задачи и выработались новые методы. Создалась, такъ сказать, новая отрасль физіологической химіи. Какъ разъ незадолго до того времени большой шагъ впередъ былъ сдѣланъ, благодаря работамъ Кюне (Kühne), относительно протеидовъ и сродныхъ имъ азотистыхъ живыхъ веществъ. Но какъ ни великъ былъ свѣтъ, пролитый этими химическими методами на вопросы физіологіи—вопросы жизни возставали передъ физіологомъ. И по сію пору слово „витализмъ", или какое-нибудь другое сродное выраженіе, раздѣляетъ физіологовъ на два враждебныхъ лагеря, и покуда мы не получимъ опредѣленнаго представленія о томъ, что̀ такое физическіе и химическіе процессы, споръ будетъ продолжаться. Тѣмъ временемъ, необходимо, во что бы то ни стало, продолжать и двигать впередъ химическое изученіе жизненныхъ процессовъ. Но надобно при этомъ, чтобы химическое изслѣдованіе прямо давало матеріалы въ руку физіологамъ. Таковы замѣчательныя изслѣдованія Эмиля Фишера о сахарахъ, которыя открыли новую эру въ физіологіи углеводородовъ, и показали, какъ слѣдуетъ изучать физіологическіе вопросы на химическомъ основаніи. И не въ однихъ углеводородахъ, но и во всѣхъ направленіяхъ молодые изслѣдователи принялись изучать старые физіологическіе вопросы новыми химическими методами.

Другою отличительною чертою послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ слѣдуетъ признать стремленіе изучать физіологію низшихъ животныхъ организмовъ и черезъ нихъ добираться до пониманія болѣе сложныхъ и болѣе дифференцированныхъ процессовъ жизни въ высшихъ животныхъ. Достаточно взглянуть на сочиненія Макса Ферворна (Max Verworn) и Бидерманна (Biedermann), чтобы увидать, какъ много сдѣлано физіологами въ этомъ направленіи. „Слово": протоплазма, перестаетъ быть „словомъ", и является надежда, что намъ удастся обнять въ одномъ обобщеніи и растительную, и животную жизнь.

Еще одно крупное явленіе слѣдуетъ отмѣтить въ этомъ же періодѣ, это—замѣчательную работу Минковскаго о сахарной болѣзни, вызываемой уничтоженіемъ панкреатической железы. Эта работа, помимо своего прямого значенія, двинула весь вопросъ о „внутреннемъ выдѣленіи" (internal secretion).

Затѣмъ, уже въ 1879 году итальянскій профессоръ Golgi напечаталъ свою работу: „Новый процессъ микроскопической техники". Это былъ ручеекъ, вырвавшійся изъ горъ, чтобы вскорѣ

обратиться въ большую рѣку. Правда, что уже задолго до него новая эра въ изслѣдованіи нашей центральной нервной системы была открыта работами Ферье (Ferrier), Фричша (Fritsch) и Hitzig'a. Но результаты ихъ работъ были не вполнѣ надежны и не всегда сходились съ клиническими наблюденіями. „Теперь,— говорилъ Фостеръ,—благодаря методу Гольги, мы слѣдимъ съ интересомъ и восторгомъ за тѣмъ, какъ туманное облако, висѣвшее надъ этою областью физіологіи, мало-по-малу разсѣявается и передъ нами обрисовывается ясная, точная картина путей, по которымъ несутся нервныя раздраженія отъ нашихъ органовъ чувствъ къ опредѣленнымъ частямъ нервно-мозговой системы"... Показавши на одномъ примѣрѣ, по какимъ путямъ слѣдуютъ волны нервнаго возбужденія, вызванныя слуховыми впечатлѣніями, Фостеръ продолжалъ: „Если многое, весьма многое, еще остается сдѣлать, чтобы точно прослѣдить пути внѣшнихъ импульсовъ, покуда они еще остаются импульсами, не освѣщенными сознаніемъ, и понять функціи передаточныхъ пунктовъ и выборъ различныхъ путей, не говоря уже о болѣе глубокихъ вопросахъ, въ которые входитъ психическій элементъ, мы чувствуемъ, что у насъ есть въ рукахъ ключъ, дающій возможность прослѣдить шагъ за шагомъ механизмы, по которымъ, съ помощью сознанія или безъ того, звуковое впечатлѣніе можетъ повліять на движенія нашего тѣла; и, можетъ быть, рано или поздно, мы скажемъ, почему мы слышимъ".

Анатомія и микроскопическая химія нервныхъ клѣточекъ были, конечно, предметомъ нѣсколькихъ сообщеній, послѣ чего Шарль Рише—одинъ изъ весьма немногихъ французовъ, рѣшившихся пріѣхать въ Канаду,—сообщилъ объ открытіи, сдѣланномъ имъ, вмѣстѣ съ Андрé Брока. Имъ удалось опредѣлить на собакѣ, сколько времени продолжается въ нервномъ центрѣ мозга и мозжечка періодъ инерціи нервной клѣтки (période réfractaire). „Можно показать,—говорилъ онъ,—что такой же періодъ существуетъ и для человѣческаго мозга, въ томъ смыслѣ, что послѣдовательныя мозговыя возбужденія (или импульсы воли) не могутъ повторяться чаще, чѣмъ отъ 10-ти до 11 разъ въ секунду. Можно самому убѣдиться въ этомъ, пробуя повторять, какъ можно скорѣе, музыкальную гамму или рядъ гласныхъ или словъ. Предѣлъ скорости окажется одиннадцать, въ лучшемъ случаѣ двѣнадцать—въ секунду. Намъ удалось, такимъ образомъ, опредѣливши рефракторный періодъ, опредѣлить такую продолжительность нервнаго колебанія; мы измѣрили нѣкоторымъ образомъ психологическую единицу времени. Сознаніе,—результатъ нерв-

ной дѣятельности,—имѣетъ, такимъ образомъ, свой элементарный періодъ, около одной десятой доли секунды. Электрическое колебаніе имѣетъ продолжительность около одной милліонной доли секунды; колебанія периферическихъ нервовъ имѣютъ вѣроятный періодъ въ одну-тысячную долю секунды; колебанія же нервныхъ центровъ совершаются гораздо медленнѣе и длятся около одной десятой секунды".

Многимъ ботаникамъ и не-ботаникамъ вѣроятно было бы пріятно найти здѣсь сокращенный обзоръ рѣчи предсѣдателя ботанической секціи, профессора Маршаля Уорда (Marchall Ward); но сдѣлать это совершенно невозможно. Уордъ задался мыслью обозрѣть чуть ли не всѣ экономическіе вопросы, которые придаютъ въ настоящее время такой интересъ изученію микроскопическихъ грибовъ—т.-е. грибковъ, плесеней, ферментовъ, дрожжей и бактерій. И хотя его рѣчь вышла въ два или три раза длиннѣе прочихъ президентскихъ рѣчей, но подобныхъ вопросовъ такъ много, что по каждому изъ нихъ ему пришлось ограничиться всего нѣсколькими словами, едва намѣчая общее направленіе изслѣдованія.

Уордъ сперва разобралъ въ своей рѣчи морфологическія работы, сдѣланныя для классификаціи грибовъ и плесеней со временъ Фрисама. Указавъ, затѣмъ, на значеніе метода Де-Бари—выращиванія грибковъ въ особыхъ культурахъ,—онъ перешелъ къ ферментамъ, или грибкамъ, производящимъ разнаго рода броженіе—къ ихъ научной классификаціи и къ ихъ практическимъ приложеніямъ. Достаточно сказать, что въ этотъ перечень вошли всевозможные виды броженія, начиная со спиртного и кончая русскимъ квасомъ, кумысомъ и кефиромъ, вымачиваніемъ конопли и броженіемъ сѣна и травъ въ ямахъ (арабскій ensilage, нынѣ повсемѣстно распространенный, кстати сказать, въ Канадѣ). Послѣ того онъ перешелъ къ грибкамъ, производящимъ разныя болѣзни въ растеніяхъ, и разобралъ ихъ научное и практическое значеніе, и, наконецъ, онъ сдѣлалъ обзоръ громаднѣйшаго разряда бактерій — вредныхъ и полезныхъ, — преимущественно останавливаясь на послѣднихъ, и показывая, какое примѣненіе въ сельскомъ хозяйствѣ находятъ поглощающія азотъ бактеріи, открытыя г. Виноградскимъ.

Цѣлое утро было посвящено, затѣмъ, соединенному засѣданію физіологовъ и ботаниковъ по вопросу о клѣточкѣ. Достаточно сказать, что раціональныя основанія химическаго синтезиса (Prof. Meldola), существованіе въ дрожжахъ энзимы, производящей алкоголь (Prof. Green), новые взгляды на значеніе междуклѣточныхъ

тканей и органовъ (Prof. Macallum) и другіе „жгучіе вопросы“ физіологіи обсуждались въ этомъ засѣданіи.

Изъ многихъ сообщеній, сдѣланныхъ въ ботанической секціи, отмѣчу хоть одно, проф. Саундерса (Saunders), директора главной опытной фермы въ Канадѣ; оно навѣрно заинтересовало бы нашихъ агрономовъ. На этой замѣчательно-интересной фермѣ (почти квадратная миля) ведутся, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, весьма тщательные опыты скрещиванія различныхъ породъ пшеницы (ярицы), ячменя и овса. Цѣль опытовъ—произвести новыя породы хлѣбовъ, наиболѣе подходящія къ климату различныхъ частей Канады. Новыя породы разсылаются сотнямъ фермеровъ и пробуются ими въ различныхъ условіяхъ. Всевозможныя породы яблокъ тоже испытываются на этой фермѣ, и я съ удовольствіемъ увидалъ на фермѣ наши родныя анисовки, апорты и т. д., дающіе такіе же прекрасные плоды, какъ и въ Россіи.

Вступительная рѣчь профессора Гоннера (E. C. K. Gonner), въ секціи экономической науки и статистики, посвященная рабочему вопросу, произвела нѣкоторую сенсацію, такъ какъ взгляды ливерпульскаго профессора оказались проникнуты соціализмомъ. „Главный экономическій вопросъ настоящаго времени,—говорилъ проф. Гоннеръ,—вопросъ труда, рабочій вопросъ. Беллетристика, политика и политическая экономія одинаково выдвигаютъ его впередъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, значеніе слова трудъ (Labour) положительно съузилось. Что̀ бы мы ни говорили въ пользу болѣе широкаго пониманія слова трудъ, — подъ нимъ понимается теперь *ручной* трудъ. Можно, конечно, объяснять этотъ фактъ разными причинами: бо̀льшею гуманностью экономической мысли, политическимъ вліяніемъ рабочихъ классовъ или большею впечатлительностью общества; но всѣ эти объясненія недостаточны. Условія труда измѣнились повсемѣстно, и это измѣненіе привело къ полнѣйшей и необходимой перемѣнѣ въ значеніи, придаваемомъ ручному труду. Измѣнились же эти условія повсемѣстно: условія, въ которыхъ теперь работаетъ ручной рабочій, стали иныя во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра, съ тѣхъ поръ какъ производство приняло фабричный характеръ. Тенденція „къ горизонтальному дѣленію“ производителей такова, что завѣдующіе производствомъ, управляющіе и т. п. неизбѣжно отходятъ къ классу хозяевъ и отдѣляются отъ рабочаго. Ихъ работа—иная, и тяготѣютъ они къ предпринимателямъ, а не къ рабочимъ, работающимъ въ совершенно иныхъ условіяхъ (заданная работа, часто притупляющая спеціализація, самыя условія жизни и низкіе заработки). Непроницаемой преграды

безспорно нѣтъ, но условія совершенно другія въ томъ и другомъ классѣ. Самый фактъ существованія милліоновъ людей, которыхъ жизнь зависитъ отъ еженедѣльнаго заработка, назначаемаго не ими самими и зависящаго отъ множества превратностей, надъ которыми эти милліоны не имѣютъ никакого контроля,—въ высшей степени поразительный фактъ. Тяжелая необезпеченность—характеристика ихъ положенія. Но ежедневный или еженедѣльный заработокъ и необезпеченность этого заработка—плохіе спутники, говоритъ Гоннеръ; и, справедливо или нѣтъ, отвѣтственность за такое положеніе рабочаго приписывается тѣмъ, кто платитъ за трудъ. Недовольство всегда могло существовать; но теперь цѣлая нація оказывается на службѣ у немногихъ. Разница—большая. Люди часто мирятся съ неизбѣжнымъ; но они не признаютъ неизбѣжности за мыслями и дѣйствіями другихъ"...

Никто не вѣритъ теперь,—говорилъ Гоннеръ,—въ возможность физическаго и умственнаго равенства людей, вылитыхъ въ одну форму и сложенныхъ по одному образцу. Но уравненіе въ политическихъ правахъ и всеобщая подача голосовъ кое-что таки обѣщаютъ въ этомъ направленіи, и неизбѣжно влекутъ мысль въ эту сторону. Характеризовать всякую эпоху очень трудно, даже историку; но, невольно спрашиваешь себя, не наступаетъ ли для насъ снова эпоха „Возрожденія"? Эпоха Возрожденія—эпоха безпокойства, разрушенія старыхъ идеаловъ, вымиранія прежнихъ стимуловъ и принциповъ жизни; но она характеризуется также новою кипучею жизнью, просящеюся наружу. Такова была эпоха Возрожденія въ XV и XVI вѣкѣ, и то же самое мы видимъ теперь. Великія открытія въ наукѣ и въ изслѣдованіи земли, широкія обобщенія разрушаютъ прежнія узкія представленія и открываютъ путь болѣе широкимъ соціологическимъ взглядамъ. „Обѣ эпохи, тогдашняя и теперешняя, были временами порыва къ новому знанію, и хотя мотивы энтузіазма къ знанію различны, но въ обоихъ случаяхъ къ знанію стремятся, отбрасывая строгія теоріи, несогласныя съ жизнью, и стремясь вернуться *къ жизни* и къ фактамъ жизни". Даже въ отношеніи къ религіи и нравственности—сходство поразительное. „Предразсудки хотятъ отбросить, предразсудки относительно нравственности, относительно половыхъ отношеній, относительно всякихъ мелочей. Какой же смыслъ этого движенія? Отчасти, можетъ быть, дѣйствительная неувѣренность—иногда напускная неувѣренность въ томъ, что̀ хорошо и что̀ дурно; часто же—желаніе испытать новое во всѣхъ направленіяхъ, получить новыя впечатлѣнія, какою бы цѣною ни пришлось потомъ

за нихъ расплатиться. Такое стремленіе очевидно въ литературѣ эпохи Возрожденія; но не то же ли самое мы видимъ теперь? — спрашиваетъ Гоннеръ. „Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ онъ дальше,—въ Англіи народное воображеніе получило толчокъ въ направленіи второй заповѣди Новаго Завѣта, и слова: „общественное возрожденіе, соціализація, коллективизмъ, долгъ обществу, соціальное дѣйствіе“, постоянно повторяемыя, дѣйствительно выражаютъ общественное настроеніе“...

Указавъ затѣмъ на то, какъ естественнымъ образомъ развивается сила рабочихъ союзовъ, и какимъ могучимъ факторомъ они становятся въ экономической жизни, Гоннеръ переходитъ къ развитію за послѣднее время политической экономіи. Онъ указываетъ на развитіе исторической школы, на изслѣдованія историческаго характера, касающіяся различныхъ факторовъ экономической жизни; на математическія работы касательно цѣнности; на опыты въ соціализмѣ, коммунизмѣ, участіи въ барышахъ и т. д.; и, наконецъ, онъ останавливается на цѣломъ рядѣ экономическихъ теорій, опровергнутыхъ за послѣдніе годы. „Всякая наука,—говоритъ онъ,—имѣла свои гипотезы—working hypotheses, какъ говорятъ въ Англіи,—т.-е. гипотезы, временно принимаемыя въ наукѣ, чтобы координировать факты. Но горе политической экономіи въ томъ, что такія временныя гипотезы, принятыя для облегченія дальнѣйшихъ изслѣдованій, были приняты за „законы“, и что онѣ вліяли на законодательство; онѣ были пожалованы, къ несчастію, въ „классическую политическую экономію“. Нашему поколѣнію приходится теперь расплачиваться за такое совершенно неправильное отношеніе къ временнымъ гипотезамъ, котораго не бываетъ въ другихъ наукахъ. Теперь атмосфера политической экономіи приблизительно очищена, матеріалы накоплены, и въ воздухѣ носится ожиданіе чего-то новаго. И когда экономическіе элементы и мотивы будутъ лучше поняты, въ духѣ общихъ принциповъ и еще мало принятыхъ теперь во вниманіе, мы приблизимся къ рѣшенію части большой задачи—знанія силъ, управляющихъ человѣческими обществами“.

Количество сообщеній, сдѣланныхъ въ экономической секціи, было довольно велико. Нечего и говорить, что почетное мѣсто было отведено вопросу, который всѣхъ занимаетъ теперь въ Канадѣ: продолжать ли покровительственную политику, существовавшую до сихъ поръ, и стараться ли вовлечь Великобританію въ тотъ же кругъ протекціонизма? Или же—такъ думаютъ многіе—Канада достигла уже такого развитія промышленности, что ей слѣдуетъ разстаться съ протекціонизмомъ и вступить на путь

уменьшенія ввозныхъ пошлинъ? Пренія по этому вопросу завязались вслѣдъ за сообщеніемъ Эдвина Каннана (Cannan)—„о національной политикѣ и международной торговлѣ“, въ которомъ указывалось, что ввозныя пошлины не имѣютъ того важнаго значенія въ созданіи новыхъ отраслей промышленности, которое имъ приписываютъ. Развитіе техническаго образованія и свободный ввозъ наиболѣе высокихъ въ техническомъ отношеніи и наиболѣе дешевыхъ продуктовъ изъ другихъ странъ—таковы были заключенія автора. Брайсъ (James Bryce), бывшій членъ гладстоновскаго министерства, вполнѣ поддержалъ и развилъ эти взгляды; также г. Блю (Blue), который придаетъ гораздо больше значенія техническому образованію страны и изобрѣтеніямъ, чѣмъ ввознымъ пошлинамъ. Наконецъ, и профессоръ политической экономіи въ торонтскомъ университетѣ, Джемсъ Мэворъ (James Mavor), высказался въ томъ же направленіи. Покровительственная система была принята въ Канадѣ, главнымъ образомъ потому, что вслѣдствіе протекціонизма въ Соединенныхъ Штатахъ заработокъ былъ выше, чѣмъ въ Канадѣ. Молодежь эмигрировала въ Штаты; но скоро она должна была убѣдиться, что выгода получалась только кажущаяся, вслѣдствіе высокихъ цѣнъ на всѣ предметы потребленія. Теперь, съ заселеніемъ сѣверозападныхъ степей Канады (Манитобы) и Британской Колумбіи на берегу Тихаго океана, положеніе измѣнилось. Фермеръ не требуетъ покровительственныхъ пошлинъ: ему нужны дешевыя земледѣльческія орудія; а рудокопу въ Колумбіи нужна дешевая пища. Съ разростаніемъ земледѣльческаго населенія, царство фабрикантовъ въ Канадѣ должно кончиться, и переходъ къ свободной торговлѣ неизбѣженъ. Два протекціониста говорили въ защиту пошлинъ, но ихъ аргументація сводилась къ одному:—молодой промышленности нужны оградительныя пошлины.

Я не стану перечислять сообщенія по „серебряному“ вопросу, и только упомяну сообщенія Макдональда (Фабіанца) о рабочемъ законодательствѣ, г-жи Форстеръ—о положеніи работающихъ женщинъ, Гэля изъ Бруклина (Hale)—о городскомъ управленіи въ Нью-Іоркѣ и о законѣ, запрещающемъ отчужденіе всякихъ привилегій (напр., конныхъ или электрическихъ желѣзныхъ дорогъ) на срокъ болѣе 25-ти лѣтъ, и обстоятельную работу Макъ-Дугалля (Mac Dougall)—о финансахъ Канады.

Три публичныя лекціи—одна для рабочихъ—были прочтены во время съѣзда. Одна изъ нихъ, Робертъ-Аустэна, была самая блестящая. Читалъ лекторъ о минералахъ Канады, но, поговоривъ съ полчаса объ этомъ предметѣ, онъ перешелъ

къ своему собственному предмету—молекулярныя движенія въ твердыхъ металлахъ. Фотографіи, которыми онъ иллюстрировалъ свои мысли, были поразительны. Шарикъ роняютъ въ блюдечко молока и получаютъ мгновенную фотографію поверхности молока, когда шарикъ вступаетъ въ него. Затѣмъ, Робертъ-Аустэнъ показалъ фотографію тѣхъ же явленій при паденіи шарика въ расплавленное золото и, наконецъ,—результатъ удара о желѣзную броню снаряда, сдѣланнаго изъ хромовой стали. Сходство всѣхъ трехъ—поразительное. Приборъ для опредѣленія точки замерзанія сплавовъ и, наконецъ, плавленіе серебра и хрома въ электрической печи Муассана, при чемъ плавленіе было проектировано зеркаломъ на стѣну—закончили лекцію. Игра цвѣтовъ при плавленіи до того красива и интересна, что аудиторія пришла въ восторгъ.

Что касается экскурсій, то онѣ были весьма поучительны. Геологи посвятили два дня изученію Ніагары, подъ руководствомъ такого дѣльнаго знатока мѣстности, какъ проф. Гильбертъ; инженеры осматривали Power House, гдѣ сила воды, отведенной изъ Ніагары, приводитъ въ движеніе громадныя тюрбины и производитъ электрическую силу, передаваемую разнымъ заводамъ. Зоологи и геологи дѣлали еще разныя экскурсіи по сосѣдству, и, наконецъ, четыре партіи ученыхъ отправились одна за другою, на дальній Западъ. Благодаря билетамъ, даннымъ канадско-тихо-океанскою дорогою, нѣкоторые члены съѣзда могутъ добраться до Ванкувера, на Тихомъ океанѣ, и осмотрѣть по пути хлѣбородныя равнины Канады и Скалистыя горы съ ихъ ледниками. Каждая партія отправляется подъ руководствомъ опытнаго геолога или агронома.

П. Алексѣевъ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

Наши промышленные успѣхи и невзгоды.

I.

Многіе факты окружающей насъ дѣйствительности невольно располагаютъ къ пессимизму. Въ какую сторону ни обратиться, вездѣ и во всемъ замѣчаются печальные симптомы: жизнь идетъ вяло и безцвѣтно, безъ проблесковъ энергіи и творческой силы, вращаясь все въ томъ же старомъ кругѣ неразрѣшенныхъ задачъ и вопросовъ. Есть, правда, люди, которыхъ радуютъ внѣшніе успѣхи нашихъ финансовъ и нашей крупной промышленности; но кто изъ нихъ рѣшится сказать, что въ основѣ этихъ успѣховъ лежитъ благосостояніе народной массы? Сельское хозяйство, и крупное, и мелкое, переживаетъ, повидимому, не временный тяжелый кризисъ, какъ принято говорить у насъ, а періодъ постепеннаго, систематическаго общаго упадка. Плодородныя когда-то земли превращаются въ жалкія, истощенныя поля; владѣльческіе лѣса большею частью исчезли, сдѣлавшись жертвами неправильно примѣненнаго принципа частной собственности; рѣки высыхаютъ, и сыпучіе пески неудержимо раздвигаютъ границы своихъ владѣній. Неурожаи повторяются періодически, съ нѣкоторымъ постоянствомъ; но и обильныя жатвы не поправляютъ положенія хозяевъ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго упадка хлѣбныхъ цѣнъ и разныхъ бѣдствій, сопряженныхъ съ перевозкою грузовъ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ. Между тѣмъ, податная система, отнимающая у земледѣльцевъ значительную долю необходимыхъ средствъ существованія, продолжаетъ дѣйствовать по прежнему, съ нѣкоторыми лишь смягченіями, несмотря на многолѣтніе толки о настоятель-

ной необходимости коренного ея пересмотра. Богатѣютъ одни промышленники и капиталисты, фабриканты и заводчики, дѣльцы всякаго рода и званія,—счастливые фавориты господствующихъ экономическихъ обстоятельствъ и направленій. Промышленныя предпріятія умножаются, ростутъ въ числѣ и значеніи; но съ одной стороны, за рѣдкими исключеніями, они носятъ на себѣ явный оттѣнокъ хищничества или спекуляціи, а съ другой—въ новѣйшемъ развитіи ихъ слишкомъ часто играютъ рѣшающую роль иностранные капиталы, привлекаемые нашей щедрою покровительственною политикою. Туземная предпріимчивость не выходитъ изъ состоянія пассивной рутины; она не пробуждается и при появленіи какихъ-нибудь бельгійскихъ капиталистовъ, спокойно выбирающихъ себѣ лакомые куски среди нашихъ плохо эксплуатируемыхъ или лежащихъ втунѣ естественныхъ богатствъ. Основной фонъ всей этой грустной картины—невѣжество, умственная тьма, царящая не только въ селахъ и деревняхъ, но и въ большинствѣ населенія нашихъ городовъ. Общедоступная, разумно устроенная школа все еще остается вопросомъ, предметомъ напрасныхъ надеждъ, безплодныхъ споровъ и пререканій.

Не мало дѣлается правительствомъ въ послѣдніе годы для улучшенія неблагопріятныхъ условій народнаго хозяйства; но принимаемыя частныя мѣры не затрогиваютъ основныхъ причинъ экономическаго недуга. Въ самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ нѣтъ недостатка; такими намѣреніями проникнутъ, напримѣръ, каждый шагъ преобразованнаго министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Это министерство, между прочимъ, какъ нельзя лучше сознаетъ невозможность достигнуть чего-либо прочнаго и серьезнаго безъ живого общественнаго участія. Какъ видно изъ оффиціальнаго отчета за истекшій годъ, „министерство особенно разсчитываетъ на благопріятные результаты совмѣстной работы правительственной и земской"; оно отмѣчаетъ по этому поводу тотъ фактъ, что за одинъ только 1896 годъ земскія затраты на нужды сельскаго хозяйства возросли на 787.840 рублей, превысивъ въ общемъ 2.400.000 руб. (включая и расходы, подлежащіе возврату,—главнымъ образомъ на операціи сельско-хозяйственныхъ складовъ). „Несомнѣнно,—говорится далѣе въ отчетѣ, —что и впредь земства проявятъ столь же ревностную заботливость объ интересахъ сельскаго хозяйства и что соединенная работа министерства земледѣлія и земствъ, при которой должны явиться связующимъ звеномъ проектированные мѣстные органы по сельско-хозяйственной части, принесетъ обильные плоды. Нельзя не разсчитывать и на попытки самихъ сельскихъ хозяевъ найти

выходъ изъ тѣхъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ находилось наше сельское хозяйство и въ отчетномъ году. Эти условія не исключали проявленій бодрости духа сельскихъ хозяевъ и стремленія придти на помощь другъ другу путемъ общественныхъ организацій. Плодомъ такого стремленія, кромѣ открытія новыхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, общихъ и спеціальныхъ, явилось образованіе нѣскольких сельско-хозяйственныхъ товариществъ, учрежденныхъ съ цѣлью содѣйствовать болѣе правильному и выгодному сбыту сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, путемъ устройства агентуръ, организаціи ссудъ подъ сельско-хозяйственные товары и пр., а также для болѣе дешеваго пріобрѣтенія необходимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ предметовъ... Но для обезпеченія интересовъ сельскаго хозяйства во всей ихъ совокупности недостаточно ни этихъ отдѣльныхъ попытокъ, ни земскихъ усиленныхъ заботъ, ни компетенціи одного министерства земледѣлія; для этого требуются совмѣстныя мѣропріятія различныхъ правительственныхъ установленій" [1]).

Оставляя въ сторонѣ неизбѣжную долю обычнаго оптимизма, свойственнаго оффиціальнымъ отчетамъ, мы не можемъ не остановиться на предположеніи о „совмѣстныхъ предпріятіяхъ", способныхъ „обезпечить интересы сельскаго хозяйства во всей ихъ совокупности",—предположеніи, едва ли осуществимомъ при современной организаціи правительственныхъ вѣдомствъ. Общее направленіе экономической политики государства зависитъ отъ министерства финансовъ, которое у насъ совмѣщаетъ въ себѣ двѣ различныя и крайне сложныя функціи, выполняемыя повсюду въ западной Европѣ двумя отдѣльными, независимыми другъ отъ друга вѣдомствами: наше министерство финансовъ есть, во-первыхъ, министерство государственнаго казначейства и финансовъ въ собственномъ смыслѣ, и, во-вторыхъ, оно есть министерство торговли и промышленности. Заправляя одновременно государственными финансами и интересами торговли и промышленности, оно невольно придаетъ своимъ экономическимъ заботамъ чисто-промышленный характеръ и должно считать своею прямою обязанностью содѣйствіе торгово-промышленнымъ предпріятіямъ и стремленіямъ, даже съ пожертвованіями со стороны казны, хотя бы въ ущербъ интересамъ земледѣлія. Тѣсная связь крупной промышленности съ финансовымъ управленіемъ и съ казною обусловливается самымъ положеніемъ и устройствомъ министер-

[1]) Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за третій годъ его существованія (30-го марта 1896—30 марта 1897 года). Спб., 1897, стр. 333—4.

ства финансовъ, а не желаніями или взглядами лицъ, стоящихъ во главѣ этого обширнаго вѣдомства;—поэтому надежда на перемѣну нашей экономической политики въ духѣ земледѣльческихъ интересовъ остается тщетною, пока покровительство торговлѣ и промышленности не выдѣлено изъ круга задачъ государственнаго финансоваго управленія. Вполнѣ устранимыя и случайныя причины часто господствуютъ надъ нашею жизнью и создаютъ болѣзни, корни которыхъ потомъ отыскиваются нами въ такъ называемой природѣ вещей или даже въ незыблемыхъ законахъ экономическаго развитія.

Мы не принадлежимъ къ числу пессимистовъ quand même; напротивъ, намъ кажется, что желательный поворотъ въ нашей экономической политикѣ вполнѣ возможенъ, и что сознаніе его необходимости все болѣе усиливается не только въ обществѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ. А когда сознаніе утвердится и окрѣпнетъ, то найдутся и средства для осуществленія перемѣнъ, вызываемыхъ настоятельными потребностями страны. Но у насъ есть теоретики, которые признаютъ естественнымъ и неизбѣжнымъ нынѣшній печальный ходъ нашего народнаго хозяйства; они утѣшаютъ себя тѣмъ, что путемъ народныхъ бѣдствій вырабатываются будто бы новыя усовершенствованныя формы быта, которымъ „предстоитъ еще обширное и блестящее будущее“ [1]). Торжествующій тонъ, съ какимъ эти писатели говорятъ о самыхъ тяжелыхъ сторонахъ нашей экономической жизни, представляетъ для насъ психологическую загадку. Мы думаемъ, что формы быта существуютъ для народа, а не наоборотъ, и если большинству населенія живется плохо, то никакая доктринерская фантазія не можетъ служить намъ утѣшеніемъ. Слѣдя за мелкими и крупными фактами нашей текущей дѣйствительности, мы находимъ въ нихъ слишкомъ мало отраднаго, возвышающаго душу, а такъ какъ будущее есть результатъ прошедшаго и настоящаго, то мы не видимъ основанія вѣрить въ благотворные плоды безсознательной естественной „эволюціи“, увлекающей оптимистовъ новаго типа.

Общій ростъ нашей производительности за послѣдніе годы не подлежитъ сомнѣнію. По размѣрамъ своего участія въ международномъ товарномъ обмѣнѣ,—какъ свидѣтельствуетъ г. Гулишамбаровъ въ недавнемъ изслѣдованіи о всемірной торговлѣ,—

[1]) См., напр., „теоретическій этюдъ“ г. С. Булгакова: „О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ“, Москва, 1898, стр. 222—225; а также докладъ г. Туганъ-Барановскаго въ Имп. В. Эк. Обществѣ, 17-го янв. 1898, о статистическихъ итогахъ промышленнаго развитія Россіи.

„Россія уступаетъ лишь Великобританіи, Германіи, Соединеннымъ-Штатамъ, Франціи и Голландіи; слѣдовательно, ей принадлежитъ шестое мѣсто: спеціально по ввозу она уступаетъ еще Бельгіи, но по вывозу остается на шестомъ мѣстѣ“. Достаточно было бы сказать, — не упоминая о Великобританіи, Германіи и т. д.,— что по своей роли въ оборотахъ всемірнаго рынка Россія стоитъ еще позади маленькой Голландіи и отчасти также Бельгіи. Сумма ввоза и вывоза составляетъ для Голландіи болѣе полутора милліарда рублей золотомъ въ годъ (1.545.638 тыс., — вывозъ на 695.474 тыс., а ввозъ на 850.164 тыс. въ 1895—96 гг.),— почти *вдвое больше* соотвѣтственной суммы для Россіи (всего 853.200 тыс.,—ввозъ 393.267 тыс., а вывозъ 459.933 тыс.). Крошечная сравнительно съ нашимъ отечествомъ Бельгія ввозитъ къ себѣ товаровъ почти на 30 милліоновъ рублей больше, чѣмъ Россія, и общіе обороты ея по внѣшней торговлѣ отстаютъ отъ нашихъ менѣе, чѣмъ на 90 милліоновъ рублей. Какая-нибудь Швейцарія имѣетъ международные обороты всего на половину менѣе значительные, чѣмъ Россія. Правда, намъ принадлежитъ господство въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства, — но въ какихъ?—Россія, по словамъ г. Гулишамбарова, „господствуетъ на всемірномъ рынкѣ по поставкѣ льна, пеньки, масличныхъ сѣмянъ и жмыховъ, ячменя, гречихи, марганца, платины, лошадей, птицы и дичи, яицъ“. Лучше было бы, конечно, еслибы нѣкоторыя изъ этихъ категорій товаровъ вовсе не вывозились, а оставались для внутренняго потребленія. Нашъ промышленный ростъ пока еще очень слабо отражается на внѣшнихъ торговыхъ сношеніяхъ; одни предметы, напр. сахаръ, нефтяные продукты и др., перестали получаться нами изъ-за границы, но зато другіе привозятся къ намъ въ гораздо бо̀льшихъ количествахъ, чѣмъ прежде, напр. чугунъ, металлическія издѣлія, машины и т. п. Мы снабжаемъ чужія страны продуктами, въ которыхъ нуждается населеніе нашей собственной страны; мы отдаемъ иностранцамъ нашъ хлѣбъ даже въ голодные годы, и обиліе нашего вывоза есть только проявленіе бѣдности крестьянства, его усиленной потребности въ деньгахъ и низкаго уровня его покупательной способности. Роль наша на всемірномъ рынкѣ не можетъ считаться почетною. Особенно поучительны цифры нашихъ торговыхъ оборотовъ съ балканскими государствами, съ которыми насъ связываютъ столь могущественныя традиціонныя и политическія связи. Въ международной торговлѣ Румыніи на долю Россіи выпадаетъ всего 2%; „въ торговлѣ Сербіи, собственно по ввозу, Россіи въ 1896 г. принадлежитъ около $^1/_{10}$ %, тогда какъ вы-

воза вовсе нѣтъ". Изъ Сербіи въ 1895 году „ввезено къ намъ жизненныхъ припасовъ на 563 рубля и разныя мелочи (!)"; вывозятся же туда нефтяные и резиновые товары. Вывозъ нашъ въ Болгарію не превышалъ въ 1895 году 125 тысячъ рублей, а ввозъ къ намъ изъ Болгаріи—27 тыс. руб.; во внѣшнихъ оборотахъ княжества Россія участвуетъ только въ размѣрѣ $2^1/_2$ % [1]). Ни сербамъ, ни болгарамъ не нужны наши сельско-хозяйственные продукты, а кромѣ сырыхъ матеріаловъ, продуктовъ земледѣлія и скотоводства, намъ почти нечего вывозить, вопреки всѣмъ кажущимся успѣхамъ нашей крупной промышленности.

II.

Гдѣ у насъ создается какая-нибудь новая отрасль производительнаго труда, тамъ непремѣнно орудуютъ иностранцы или иностранные капиталы. Жалобы патріотовъ на барыши иноземныхъ предпринимателей, обирающихъ русскую землю, сводятся къ намекамъ на необходимость передачи этихъ барышей въ руки россійскихъ хозяевъ и капиталистовъ; но во многихъ случаяхъ самые доходы не существовали бы безъ иностранцевъ, и слѣдовательно не могли бы возникнуть разговоры о законной принадлежности этихъ доходовъ русскимъ патріотамъ. Въ числѣ предметовъ, относительно которыхъ Россія господствуетъ на всемірномъ рынкѣ, значится, между прочимъ, марганецъ, добываемый главнымъ образомъ въ кутаисской губерніи, близъ мѣстечка Чіатуры. Изъ спеціальнаго отчета о закавказской желѣзной дорогѣ, составленнаго въ 1896 году для нижегородской выставки, мы узнаемъ, что добыча марганца въ Чіатурахъ началась съ 1879 года, по почину нѣкоторыхъ предпріимчивыхъ иностранцевъ. „Піонерами этого дѣла были: представитель завода Круппа І. Гальбауэръ, директоръ желѣзныхъ рудниковъ въ Вестфаліи Марунъ и повѣренный главнаго поставщика марганцеваго желѣза въ Россіи баронъ Марценфельдъ, которые, убѣдившись въ богатствѣ копей, приступили къ добычѣ руды". Въ первый годъ добыто было около 50 тыс. пудовъ, а въ 1894 году вывезено было уже 8.626.000 пудовъ, что̀ составляетъ почти половину всего существующаго на земномъ шарѣ спроса на марганецъ. „По качествамъ своимъ чіатурскій марганецъ отличается болѣе богатымъ содержаніемъ

---

[1]) С. О. Гулишамбаровъ. Всемірная торговля въ XIX в. и участіе въ ней Россіи. Спб., 1898, стр. 128—131, 203—4 и 225.

металла, чѣмъ добываемый въ другихъ мѣстностяхъ"; но, по обыкновенію, онъ доставляется „съ большою примѣсью земли, доводящею содержаніе марганца во всей массѣ до 52%", вслѣдствіе чего онъ цѣнится на рынкѣ не выше, чѣмъ получаемый изъ другихъ странъ. Повидимому, дѣло не было организовано иностранцами какъ слѣдуетъ, а осталось въ распоряженіи туземныхъ кулаковъ, арендующихъ земли съ марганцевой рудою у крестьянъ и землевладѣльцевъ: оттого и хозяева не процвѣтаютъ, и рабочіе бѣдствуютъ. „Добыча марганца въ чіатурскихъ копяхъ —читаемъ мы дальше — производится самымъ примитивнымъ и хищническимъ способомъ, причемъ штольни рѣдко когда углубляются внутрь болѣе 1—10 саж. Обыкновенно, углубивъ штольню на нѣсколько саженей, ее забрасываютъ, закладывая тутъ же по сосѣдству новую; работаютъ въ каждой изъ нихъ до тѣхъ поръ, пока получаются самые лучшіе выходы руды; какъ только замѣчаютъ хоть нѣкоторое ухудшеніе пласта, его бросаютъ, перенося работы на новыя мѣста. А такъ какъ штольни или совсѣмъ не подпираются, или укрѣпляются тонкими жердями, то заброшенныя онѣ быстро засыпаются обвалами, погребая далеко еще неисчерпанныя массы руды". Предприниматели уплачиваютъ рабочимъ извѣстную сумму за добычу каждой кубической сажени руды, такъ что заработокъ одного человѣка не превышаетъ 60—70 коп. въ день; „при этомъ, какъ и во многихъ другихъ отрасляхъ промышленности, заработокъ этотъ сильно сокращается, благодаря всевозможнымъ ухищреніямъ" со стороны хозяевъ. „Наиболѣе распространенною формою эксплуатаціи рабочихъ является обмѣриваніе при пріемкѣ руды. Практика, установившаяся здѣсь почти повсемѣстно, ввела свою особую „хозяйственную мѣру"—аршинъ, заключающій не 16, а 18 и даже 20 вершковъ. Благодаря этому, кубическая сажень руды, принимаемая отъ рабочихъ, въ дѣйствительности есть не сажень, а значительно больше". Число рабочихъ, занятыхъ добычею марганца, доходило до тысячи человѣкъ въ 1892 году, и общее положеніе ихъ крайне незавидно. Хорошее, выгодное предпріятіе, доставляющее Россіи господство на всемірномъ рынкѣ по удовлетворенію спроса на марганецъ, не только не приноситъ пользы непосредственнымъ работникамъ, но причиняетъ имъ еще всякія лишенія. „Контингентъ рабочихъ—постоянно смѣняющійся; это жители окрестныхъ деревень, временно приходящіе на работы. Условія существованія ихъ—самыя жалкія, такъ какъ они не имѣютъ здѣсь даже такихъ примитивныхъ удобствъ, какъ жилище, и вынуждены ночевать или въ самихъ штольняхъ, подъ

опасеніемъ постоянныхъ обваловъ, или въ наскоро сколоченныхъ землянкахъ. Харчи у нихъ всѣхъ свои—кукурузный хлѣбъ, немного вина, рѣдко мясо" [1]). При такой тяжелой обстановкѣ цѣлой тысячи рабочихъ съ ихъ семействами, предприниматели получаютъ до полумилліона рублей дохода въ годъ; нечего и говорить, что и доходы были бы выше, и рабочіе были бы поставлены въ болѣе человѣческія условія существованія, еслибы дѣло устроено было настоящимъ образомъ, на разумныхъ культурныхъ началахъ.

III.

Богатѣйшее вмѣстилище всевозможныхъ подземныхъ богатствъ, Уралъ, находится почти исключительно въ русскихъ рукахъ и не даетъ поэтому повода къ сѣтованіямъ на захваты иностранцевъ. Почему же уральская горнозаводская промышленность, съ такой несравненною щедростью обставленная отъ природы, развивается столь слабо и даже отчасти клонится къ упадку, тогда какъ заводы нашего южнаго района, устроенные большею частью иностранцами, достигли въ короткое время блестящаго развитія и процвѣтанія? Одинъ днѣпровскій заводъ, начавшій дѣйствовать всего десять или одиннадцать лѣтъ тому назадъ, вырабатываетъ теперь вдвое больше стали, чѣмъ всѣ частные уральскіе заводы въ совокупности. Производительность южныхъ заводовъ по выплавкѣ чугуна увеличилась въ семь разъ съ половины восьмидесятыхъ годовъ, а на Уралѣ ростъ производства за тотъ же періодъ времени идетъ черепашьими шагами. Вполнѣ компетентный защитникъ и въ то же время обличитель Урала, г. Ив. Стрижовъ, разъясняетъ въ особой брошюрѣ обстоятельства, способствовавшія пониженію дѣятельности уральскихъ заводовъ [2]). „Уралъ, этотъ древній очагъ русскаго горнаго дѣла, всегда бывшій центромъ горнозаводской промышленности, — пишетъ г. Стрижовъ,—въ послѣднее время отодвигается на второй планъ своимъ молодымъ собратомъ—южнымъ горнозаводскимъ райономъ... Въ южныхъ заводахъ введено болѣе усовершенствованій, производительность рабочаго выше, печи работаютъ сильнѣе, желѣзнодорожные пути перерѣзываютъ районъ по всѣмъ направленіямъ и т. д... Въ правительственныхъ сферахъ и въ горномъ

---

[1]) Закавказская желѣзная дорога и ея экономическое значеніе. Составилъ А. Аргутинскій-Долгоруковъ. Тифлисъ, 1896, стр 155—160.

[2]) Объ уральскихъ горныхъ заводахъ. И. Н. Стрижова. Екатеринбургъ, 1896.

мірѣ начинаетъ создаваться о югѣ болѣе высокое мнѣніе, чѣмъ объ Уралѣ; реноме́ Урала понижается. Такъ ли это должно быть? Нѣтъ. Уралъ, какъ центръ горнаго дѣла, по своимъ природнымъ богатствамъ, географическому положенію, экономическимъ соотношеніямъ и другимъ мѣстнымъ условіямъ, долженъ занимать въ Россіи первое мѣсто; но промышленность его въ настоящее время отдана въ такія руки, которыя не соотвѣтствуютъ своему назначенію". Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ, въ какія неподходящія руки отдана уральская промышленность; но, очевидно, онъ имѣетъ въ виду не національность владѣльцевъ, а неподготовленность ихъ къ производительной работѣ, отсутствіе у нихъ предпріимчивости и энергіи.

Слабыя стороны горнаго дѣла на Уралѣ, по мнѣнію г. Стрижова, зависятъ отъ самихъ заводовъ, а не отъ коренныхъ условій края. Уральскіе заводы существуютъ издавна и сохранились понынѣ почти въ томъ же видѣ, какой имѣли первоначально; а „построены они были въ малыхъ размѣрахъ и разсчитаны на малое производство", почему и не могутъ теперь соперничать съ новыми обширными заводами, соотвѣтствующими всѣмъ требованіямъ современной техники. Для перестройки и расширенія старыхъ заводовъ, для снабженія ихъ новѣйшими техническими приспособленіями, потребовались бы уже качества, которыми, повидимому, не обладаютъ владѣльцы. На Уралѣ чувствуются также обычныя послѣдствія неразсчетливаго пользованія лѣсомъ: тамъ употребляется древесное топливо, котораго становится мало. „Еслибы съ самаго начала горнозаводской промышленности на Уралѣ,—говоритъ г. Стрижовъ,—велось правильное лѣсное хозяйство, то лѣсу было бы достаточно и теперь. Но такого хозяйства не было, лѣса были вырублены, увеличилось народонаселеніе, и теперь заводы средняго и южнаго Урала не могутъ значительно увеличить свою производительность по недостатку топлива. Если не будетъ принято особыхъ мѣръ, то Уралъ скоро совсѣмъ остановится на небольшой цифрѣ производительности; онъ уже теперь очень слабо увеличиваетъ ее". Но помогутъ ли внѣшнія искусственныя мѣропріятія, когда сами участники и дѣятели уральской промышленности не сознаютъ необходимости бережнаго обращенія съ лѣсомъ и до сихъ поръ не установили правильнаго хозяйства въ предѣлахъ принадлежащихъ заводамъ лѣсныхъ пространствъ?

Наконецъ, большинство хозяевъ не позаботилось даже изслѣдовать заводскія земли для опредѣленія содержащихся въ нихъ рудныхъ матеріаловъ. „То, что̀ сдѣлано по части изу-

ченія заводскихъ дачъ, сдѣлано большею частью не заводовладѣльцами, а геологическимъ комитетомъ для составленія общей геологической карты Россіи, другими научными учрежденіями, напр. горнымъ ученымъ комитетомъ, университетами и отдѣльными лицами". Понятно, что горное дѣло не можетъ развиваться, пока не приведены въ извѣстность мѣсторожденія рудъ, подлежащихъ добычѣ. По словамъ г. Стрижова, „при отсутствіи свѣдѣній о нѣдрахъ земныхъ, очень обыкновенны такіе случаи, что возятъ руду на заводъ за тридцать верстъ, а въ десяти верстахъ находятся богатыя, но неизвѣстныя залежи руды. Или заводъ закрывается по недостатку рудъ, а руды въ большихъ количествахъ залегаютъ вблизи его". И это въ такой области, гдѣ горнозаводская промышленность существуетъ уже со временъ Петра Великаго!..

Авторъ упомянутой брошюры возлагаетъ большія надежды на сѣверную часть Урала, съ ея непочатыми еще лѣсными богатствами, которыя могли бы сдѣлаться доступными и южному району при помощи желѣзныхъ дорогъ. Громадные запасы лѣса, преимущественно на сѣверѣ, дадутъ Уралу „возможность въ нѣсколько разъ увеличить его производительность", и они „не истощатся при правильномъ хозяйствѣ". Однако, откуда возьмется это „правильное хозяйство" и какими способами водворится оно на мѣсто прежняго неразумнаго хищничества? „Теченіе экономической жизни,—замѣчаетъ г. Стрижовъ,—заставитъ Уралъ жить такъ, какъ нужно, и давать то, что онъ можетъ. Если несостоятельны окажутся нынѣшнія предпріятія, то придутъ новыя силы и на новыхъ основаніяхъ создадутъ болѣе крѣпкое и раціональное производство". Эти „новыя силы" и „новыя основанія" могутъ оказаться иностранными, и теченіе экономической жизни — если оно будетъ идти, какъ до сихъ поръ—можетъ привести къ переходу уральскихъ заводовъ въ руки иноземцевъ, что вовсе нежелательно. Неопредѣленныя ссылки на будущія удачи, для которыхъ не видно почвы въ настоящемъ, остаются лишь простыми, ни для кого не убѣдительными и безцѣльными фразами.

Раціональная организація промышленной жизни и дѣятельности не создается одними хорошими пожеланіями; она предполагаетъ цѣлый рядъ фактическихъ условій, которыя должны предварительно возникнуть и получить господство въ народномъ бытѣ. Для того, чтобы люди поступали разсчетливо и разумно, они должны быть увѣрены въ завтрашнемъ днѣ, сознавать себя огражденными отъ случайностей произвола и насилія, находить за-

щиту отъ кулачества, видѣть примѣры уваженія къ законнымъ правамъ и интересамъ каждаго, имѣть доступъ къ знанію и свѣту. Лучшіе, болѣе человѣческіе порядки выработаются сами собою, когда для дѣйствія и примѣненія ихъ будетъ очищенъ путь, и когда вся окружающая атмосфера мѣстной жизни сдѣлается болѣе осмысленною и культурною. Едва ли справедливо считать преимуществомъ уральскихъ заводовъ существованіе около нихъ „многочисленнаго горнозаводскаго населенія, большею частью оторваннаго отъ земледѣлія и издавна привыкшаго къ горнымъ и заводскимъ работамъ". Это рабочее населеніе далеко не всегда имѣетъ работу и часто нуждается въ хлѣбѣ, пребывая у самыхъ источниковъ возможныхъ промышленныхъ богатствъ. Въ землѣ лежатъ неисчерпаемыя сокровища, могущія доставить благосостояніе милліонамъ трудящагося люда; плохо устроенные заводы извлекаютъ изъ нихъ только ничтожную долю того, что позволяла бы извлечь современная техника, а мѣстные горнозаводскіе рабочіе вынуждены заниматься мелкими кустарными промыслами и мечтать о крестьянскомъ земельномъ надѣлѣ. „Возможно широкое развитіе кустарныхъ производствъ среди уральскаго горнозаводскаго населенія въ связи съ достаточнымъ земельнымъ обезпеченіемъ,—заявляетъ одинъ изъ мѣстныхъ публицистовъ, г. В. Весновскій,—не только крайне желательно, но оно положительно необходимо въ виду того огромнаго числа рабочихъ рукъ", которымъ заводы не въ состояніи дать занятіе. На всѣхъ уральскихъ заводахъ „рабочій день давно уже раздѣленъ на три или даже четыре смѣны въ сутки", причемъ отдѣльныя группы рабочихъ заняты лишь періодически, съ роздыхами, черезъ каждыя три-четыре недѣли невольнаго бездѣлья. Многіе заводы дѣйствуютъ не круглый годъ, а только въ продолженіе восьми или даже шести мѣсяцевъ; на время этихъ перерывовъ даже занятые заводами рабочіе страдаютъ отъ безработицы. Вообще, „несмотря на самое широкое раздѣленіе труда между возможно бо̀льшимъ числомъ мастеровыхъ, горнозаводскими работами занято бываетъ... всего не болѣе одной трети трудоспособнаго мужского населенія въ каждомъ заводѣ". Въ спеціальномъ горно-промышленномъ краѣ, среди множества заводовъ, на продукты которыхъ всегда существуетъ повсемѣстный и безусловно обезпеченный спросъ, заводскіе мастеровые не находятъ себѣ занятій и должны пробавляться случайными заработками отъ кустарныхъ промысловъ,—и не потому, что заводы уже вполнѣ снабжены работниками, а потому, что заводы просто отдыхаютъ или работаютъ вяло, понемногу, въ ущербъ своимъ прямымъ интересамъ и вопреки по-

требностямъ рынка. Это единственная въ своемъ родѣ комбинація, какой не встрѣчается нигдѣ въ мірѣ, при правильномъ развитіи промышленной дѣятельности.

Вопросъ о „распространеніи кустарной промышленности и земледѣлія среди огромной безработной арміи уральскихъ горнозаводскихъ мастеровыхъ“ давно уже стоитъ на очереди и озабочиваетъ мѣстную и высшую администрацію, но почему-то не подвигается впередъ; „кустари-рабочіе давно уже осаждають и мѣстное горное управленіе, и горный департаментъ, и наконецъ министерство земледѣлія своими просьбами о разрѣшеніи открыть огнедѣйствующую мастерскую, но всѣ хлопоты ихъ, благодаря противодѣйствію со стороны заводчиковъ, сводятся къ нулю“ [1]).

Какія причины мѣшаютъ властямъ дозволить кустарнымъ рабочимъ имѣть свою мастерскую и почему надо такъ долго и тщетно хлопотать о правѣ устроить дѣло, польза котораго очевидна для всякаго, — мы не знаемъ. Казалось бы напротивъ, скромное предпріятіе кустарей-рабочихъ не только не должно было бы встрѣчать преграды со стороны администраціи, но заслуживало бы полнаго ея содѣйствія и поощренія, въ интересахъ мѣстныхъ обывателей и самихъ рабочихъ, нуждающихся въ работѣ. Намъ неизвѣстны также мотивы, заставляющіе заводчиковъ возставать противъ начинанія, которое въ сущности вовсе ихъ не касается; кустарные рабочіе и мастеровые не имѣютъ у нихъ работы и слѣдовательно не могутъ имѣть по отношенію къ нимъ никакихъ обязательствъ, а требованіе, чтобы посторонніе рабочіе вообще не работали, есть просто безсмыслица. Самая возможность безплодныхъ ходатайствъ о дозволеніи открыть мастерскую характеризуетъ положеніе дѣлъ. Не странно ли послѣ этого толковать о различныхъ мѣрахъ для поднятія народной предпріимчивости и производительности? Количество не занятаго заводами горнозаводскаго населенія по цифрамъ, приводимымъ въ брошюрѣ г. Весновскаго, превышаетъ 240 тысячъ человѣкъ, такъ что мысль о кустарныхъ огнедѣйствующихъ мастерскихъ представляетъ большую практическую важность. Жить земледѣліемъ это населеніе не можетъ, по недостатку земельныхъ надѣловъ, — а рядомъ пустуютъ обширныя пространства казенныхъ и частныхъ земель; оно ищетъ и добивается промышленной работы, но ему отказываютъ даже въ правѣ

---

[1]) Рабочій вопросъ на Уралѣ. В. А. Весновскаго. Екатеринбургъ, 1897 (брошюрка въ 16°).

заниматься самостоятельнымъ промышленнымъ трудомъ,— а рядомъ горные заводы, имѣющіе всѣ шансы для широкой и плодотворной дѣятельности, влачатъ тихое существованіе по отсутствію энергіи и иниціативы со стороны владѣльцевъ. Та сравнительно счастливая часть рабочей массы, которая обезпечена болѣе или менѣе постоянными занятіями на заводахъ, получаетъ въ сущности ничтожную заработную плату; такъ, въ красноуфимскомъ уѣздѣ средній годичный заработокъ одного заводскаго рабочаго опредѣляется въ 64 р. 54 коп., или немного болѣе 5 рублей въ мѣсяцъ; дневной трудъ оплачивается среднимъ числомъ въ размѣрѣ отъ 20 до 30 коп. Изъ 28 заводовъ екатеринбургскаго уѣзда—при двадцати населеніе, по мѣстнымъ статистическимъ описаніямъ, живетъ „бѣдно", при шести заводахъ—бѣдныхъ половина всего числа рабочихъ, и т. д., что „въ общей сложности составляетъ болѣе 70 тысячъ бѣдняковъ". При самомъ каторжномъ трудѣ люди едва могутъ прокормиться съ своими семействами,—и это въ благодатнѣйшемъ отъ природы промышленномъ краѣ Россіи. При описаніи одного изъ уральскихъ заводовъ (Сергинскаго), мѣстный статистикъ замѣчаетъ: „Работъ заводскихъ на всѣхъ не хватаетъ. Работа выпрашивается. Въ цехахъ работаютъ поперемѣнно, чтобы дать возможность пользоваться заработкомъ большему числу лицъ. Нѣкоторыя работы, гдѣ рабочему приходится работать подъ-рядъ двѣ недѣли, разбираются рабочими по жребію". Что же дѣлаютъ остальные, которымъ не удалось „выпросить" работу или получить ее по жребію и которые должны ожидать своей очереди для пріобрѣтенія права зарабатывать свой хлѣбъ привычнымъ трудомъ? У насъ принято говорить о промышленномъ кризисѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда затронуты интересы капиталистовъ и хозяевъ, имѣющихъ возможность громко поднимать свой голосъ и предъявлять настойчивыя жалобы и претензіи при малѣйшемъ, хотя бы и фиктивномъ, нарушеніи своихъ карманныхъ правъ; но хроническія бѣдствія десятковъ тысячъ рабочихъ представляютъ собою уже не кризисъ, а дѣйствительное несчастіе, которое можетъ казаться чѣмъ-то нормальнымъ и обычнымъ только при совершенно превратномъ пониманіи задачъ экономической политики государства.

IV.

На золотыхъ пріискахъ, доставляющихъ милліонные даровые доходы владѣльцамъ, положеніе рабочихъ не лучше, чѣмъ на заводахъ. „Плата контрактнымъ рабочимъ на пріискахъ южнаго Урала,—по словамъ г. Весновскаго,—колеблется отъ 20 коп. въ день въ среднемъ; подростки получаютъ не болѣе 20 коп., взрослый—35 коп. На пріискахъ Сысертскихъ заводовъ за поденщину платятъ отъ 35 коп. На березовскихъ промыслахъ поденщикъ получаетъ отъ 40 коп., поденщица—отъ 25 коп., подростки—отъ 15 коп., на своихъ, конечно, харчахъ". Хозяйственный способъ добыванія золота встрѣчается рѣдко; всѣ труды и заботы обыкновенно предоставляются такъ называемымъ старателямъ. Старательскія работы повсюду преобладаютъ, ибо этотъ способъ добычи „является самымъ дешевымъ, и никакая машина не въ состояніи конкуррировать съ человѣкомъ, котораго заставляетъ работать крайняя нужда. Кромѣ того, старательскій трудъ не требуетъ со стороны владѣльца пріиска ровно никакого риска". На владѣльческихъ земляхъ „старательская плата колеблется отъ 1 руб. 80 коп. до 3 руб. 50 коп. за золотникъ сданнаго золота; это же золото владѣльцы сдаютъ въ казну за 5 рублей", получая такимъ образомъ крупные барыши безъ всякихъ усилій. „О величинѣ старательской платы сложились даже пословицы, и старатели, характеризуя свое экономическое положеніе, говорятъ: „золото моемъ—голосомъ воемъ". Этотъ голодный „вой" людей, которые возятся съ золотомъ и около золота, имѣетъ въ себѣ что-то нелѣпо-трагическое, указывающее на глубокую внутреннюю фальшь въ существующихъ экономическихъ отношеніяхъ, даже съ самой умѣренной и консервативной точки зрѣнія. Предоставивъ всѣ права владѣльцамъ копей и пріисковъ, нельзя же вдобавокъ еще пожертвовать въ ихъ пользу законными жизненными интересами рабочаго населенія, занятаго добычею и обработкою чужихъ богатствъ. Подобныя жертвы абсолютно ничѣмъ не оправдываются и составляютъ лишь плодъ печальнаго недоразумѣнія, которое рано или поздно должно быть устранено, даже ради интересовъ самой промышленности.

„Неудивительно поэтому,—говоритъ г. Весновскій,—что съ богатаго нѣкогда Урала, прозваннаго „золотымъ дномъ", рабочіе все чаще и чаще ѣдутъ за послѣдніе годы въ далекую Сибирь искать себѣ тамъ лучшей доли и участи; неудивительно, что вмѣстѣ съ горькими жалобами, раздающимися почти изъ

всѣхъ уральскихъ заводовъ, на безработицу и безхлѣбицу въ полномъ смыслѣ этого слова, со всѣми ихъ ужасными послѣдствіями",—одновременно слышатся сѣтованія на „безпокойный элементъ, какъ въ самыхъ заводахъ, такъ и толпами расхаживающій по городамъ и весямъ, деревнямъ и селамъ, желѣзнымъ дорогамъ и пристанямъ, въ поискахъ за заработкомъ". Все это вполнѣ естественно при данныхъ условіяхъ; но въ самомъ дѣлѣ достойна удивленія та безсознательная и, быть можетъ, добросовѣстная слѣпота, съ какою представители уральскихъ заводовъ обсуждаютъ грѣхи и провинности рабочаго населенія по отношенію къ нимъ, хозяевамъ. Бѣдствующіе, живущіе впроголодь заводскіе рабочіе виноваты еще тѣмъ, что при первой возможности бѣгутъ отъ невыносимыхъ тягостей заводской работы и, слѣдовательно, не исполняютъ до конца наложенныхъ на нихъ обязательствъ. Оказывается, что „уральскіе горнозаводчики желаютъ введенія исключительныхъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ своимъ рабочимъ, вырабатываютъ одинъ проектъ за другимъ, и одинъ проектъ суровѣе другого; ихъ изобрѣтательность въ этомъ отношеніи доходитъ до того, что они готовы накладывать на самихъ рабочихъ клейма, что они тамъ-то и у того-то не выполнили такой-то работы... Передъ нами двѣ стороны, имѣющія одинаковое право на жизнь, — разсуждаетъ далѣе г. Весновскій, — заводы и населеніе этихъ заводовъ. Первые, какъ извѣстно, пользуются исключительно благопріятными условіями для своего дальнѣйшаго развитія, и всѣми средствами для отстаиванія своихъ интересовъ. Послѣднее (т.-е. населеніе) находится въ полной зависимости отъ первыхъ. На одной сторонѣ—сила, а на другой—полная безпомощность. При такихъ условіяхъ просить еще о помощи въ борьбѣ противъ слабыхъ,—хотя въ сущности и борьбы-то никакой быть не можетъ,—по меньшей мѣрѣ странно. Мы не сомнѣваемся, что неисполненіе рабочими принятыхъ на себя обязательствъ случается и, можетъ быть, даже часто, но полагаемъ, что прежде принятія особыхъ, а тѣмъ болѣе законодательныхъ мѣръ, необходимо выяснить причины этого явленія. Вѣдь, можетъ быть, самыя условія этихъ обязательствъ таковы, что исполненіе ихъ физически невозможно для рабочаго? Можетъ быть, обязательства заключаются рабочими завѣдомо невыгодныя для себя, подъ давленіемъ неисходной нужды, и выполняются только до тѣхъ поръ, пока есть возможность выполнять ихъ? Если такъ, то никакія репрессіи, даже самыя каторжныя, тутъ не помогутъ, и только еще болѣе ухудшатъ и безъ того плохія отношенія между

рабочими и работодателями". Авторъ забылъ при этомъ поставить вопросъ: выполняютъ ли сами промышленники и заводчики свои обязательства относительно занятыхъ у нихъ рабочихъ, и могутъ ли они по совѣсти считать себя правыми, когда пользуются безвыходною нуждою рабочихъ для назначенія имъ нищенской платы за тяжелый производительный трудъ, обогащающій хозяевъ?

Слишкомъ часто забывается на практикѣ, что успѣхи промышленности зависятъ не только отъ хозяевъ, но и отъ рабочихъ, и что, въ концѣ концовъ, многія тысячи рабочихъ семействъ заслуживаютъ по меньшей мѣрѣ такого же вниманія, какъ и отдѣльный капиталистъ, въ предпріятіяхъ котораго они участвуютъ своимъ трудомъ. Забвеніе этой простой истины служитъ источникомъ великаго зла, которое можетъ и должно быть исправлено законодательствомъ. Наши „патріоты", безпокоящіеся о вторженіи иностранцевъ въ различныя отрасли нашей промышленности, въ ущербъ чисто-русскимъ людямъ, — упускаютъ почему-то изъ виду, что и рабочіе наши—тѣ же русскіе люди, которыхъ нѣтъ повода равнодушно отдавать на жертву кому бы то ни было,—хотя бы и чисто-русскимъ предпринимателямъ.

Л. Слонимскій.

ИЗЪ ЭПИГРАММЪ И ЭПИТАФІИ

НА

СМЕРТЬ МОЛЬЕРА

По изданію 1725 г. [1]).

I.

Я раскрывалъ грѣхи безгрѣшныхъ лекарей
Великой силою искусства мнѣ родного—
И вотъ, въ тотъ часъ, когда, творецъ и лицедѣй,
Игралъ я весело притворщика-больного,
Когда смѣялся я надъ смертію самой,—
Смѣялась смерть моя, со мною жъ—надо мной...

---

[1]) Въ IV томѣ комедій Мольера, изданія 1725 года, помѣщены ходившіе, надо думать, въ 1673—1674 годахъ эпиграммы, эпитафіи и мадригалы на смерть Мольера. Нѣкоторые изъ нихъ довольно интересны, какъ характеризующіе отношенія къ Мольеру его современниковъ. I—IV эпиграммы переведены близко къ подлиннику; VI эпитафія—это соединеніе нѣсколькихъ однородныхъ, по мысли и по настроенію, эпитафій, изъ которыхъ взяты для перевода лишь наиболѣе энергичныя строфы; V эпиграмма и VII коротенькая эпитафія—въ этомъ изданіи 1725 г. не помѣщены, да и вообще я ихъ напечатанными не видѣлъ. Ихъ мнѣ прочиталъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по французской рукописи, покойный В. И. Бибиковъ, который говорилъ мнѣ, что два стихотворенія выписаны имъ, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ, изъ стариннаго печатнаго сборника французскихъ стихотвореній, находящагося въ библіотекѣ г. Мандрыки, въ Кіевѣ.—*Переводчикъ.*

II.

Такъ умеръ онъ? И въ часъ столь грѣшный?
Не вѣрю я. Не можетъ быть,
Чтобы Мольеръ, нашъ другъ потѣшный,
Могъ такъ серьезно пошутить!

III.

Несли его къ рядамъ заброшенныхъ могилъ—
И кто-то изъ толпы печально говорилъ:
„Прощай, Мольеръ, прощай! Конецъ—прелестнымъ шуткамъ,
„Бичующимъ рѣчамъ, веселымъ прибауткамъ“...
А врачъ ему въ отвѣтъ: „Нѣтъ-съ, это не конецъ!
„Онъ живъ, онъ живъ еще, притворщикъ и хитрецъ,—
„О, знаю я его! Съ закрытыми глазами
„И тутъ смѣется онъ, глумится надъ врачами“!

IV.

Какъ природу понялъ онъ
Даромъ выспреннимъ своимъ:
Краски, тѣни, блики, фонъ,—
Самъ Лебрёнъ—ничто предъ нимъ!
Микель-Анджело—великъ,
Но и онъ не въ силахъ былъ
Возсоздать такъ смерти ликъ,
Какъ Мольеръ изобразилъ!

V.

Въ объятьяхъ цѣпкихъ травъ и влажнаго бурьяна
Кладбище мирно спитъ. Ни звука на землѣ.
Но ловитъ чуткій слухъ въ ночной, порою, мглѣ,
Какъ дробь далекую глухого барабана,
Какой-то хриплый смѣхъ изъ нѣдръ нѣмыхъ могилъ:
Стучатъ тамъ черепа, о кости бьются кости,
Шуршитъ межъ ними прахъ... Мольеръ ихъ посѣтилъ,—
Уставъ смѣшить живыхъ, явился къ мертвымъ въ гости.

VI.

Смотрите на меня—безмолвный и холодный,
Лежу предъ вами я, несчастный лицедѣй.
Я вновь не поднимусь—и, въ грусти безъисходной,
Не стану васъ язвить сатирою моей.
Не стану хохотать надъ глупостью ученой,
Надъ вами,—графъ и шутъ, маркизъ и вертопрахъ!
Живите, гордые, счастливые, въ сѣтяхъ
И грязной клеветы, и кривды золоченой!
Не обличу я вновь закоренѣлой лжи
Ни въ мудрости врача, ни въ важности судейской,
Я не стегну бичомъ по облику ханжи,
По кулаку скупца и вдоль спины лакейской!

Всю жизнь смѣялся я, всю жизнь смѣшилъ я васъ,
Шутилъ я надъ больнымъ, а самъ страдалъ глубоко:
Въ притворной смерти ждалъ меня мой смертный часъ—
Въ толпѣ гогочущей я умеръ одиноко...
Восторгомъ зрителей жестокихъ и пустыхъ
Увѣнчанъ былъ тотъ мигъ. Для нихъ и смерть—потѣха.
Смѣялись вы тогда и плакали отъ смѣха,
И нѣтъ ужъ слезъ у васъ—вы выплакали ихъ!
И нынѣ на того, кто тутъ лежитъ предъ вами,
Кто вамъ же отдалъ жизнь, кто бремя смѣха несъ,—
Вы, равнодушные, ужъ смотрите безъ слезъ,
Сухими, тусклыми, спокойными глазами...

VII.

Подъ камнемъ симъ лежитъ рабъ божій.
Склонись, невѣдомый прохожій!—
Здѣсь тотъ почилъ, кто, умирая,
Любилъ тебя, тебя не зная.

Як. Ивашкевичъ.

ЖИЗНЕННАЯ ДРАМА
ПЛАТОНА

ОЧЕРКЪ

Окончаніе.

XV *).

И Платонъ, и Гамлетъ, изъ страшнаго положенія въ началѣ ихъ жизни, оба вынесли собственно лишь рядъ разговоровъ. Разговоры Гамлета глубокомысленны и остроумны. Разговоры Платона, съ возраженіями и дополненіями Аристотеля и стоиковъ и съ заключеніями новоплатониковъ, создали цѣлый умственный міръ, называемый греческою философіей, и вошли въ историческое развитіе христіанства, какъ его главная основа. И все-таки приходится сказать, что жизненная трагедія Платона имѣла не только страшное начало, но и плачевный конецъ, какъ то и слѣдуетъ для настоящей трагедіи. Изъ своего жизненнаго испытанія онъ вышелъ хотя не безъ славы, но безъ побѣды. Подобно Шекспировскому Гамлету—въ отличіе отъ Сумароковскаго—онъ не могъ жениться на своей „Офеліи": она утонула. Въ концѣ концовъ, Платонъ, какъ и Гамлетъ, оказался *неудачникомъ*, хотя, разумѣется, неудачи великаго человѣка даютъ міру гораздо больше, чѣмъ множество самыхъ блестящихъ удачъ людей обыкновенныхъ.

---

*) См. выше: мартъ, 334 стр.

Можно себѣ представить, какое дѣйствіе смертный приговоръ Сократу произвелъ на такого его ученика, какъ Платонъ, который успѣлъ крѣпко привязаться къ чарующей личности учителя и проникнуться высокимъ духомъ его рѣчей, но уже по самому возрасту своему (28 лѣтъ) былъ неспособенъ легко мириться съ торжествомъ зла,—и еще какимъ торжествомъ! Сладкая привычка къ существованію, заставляющая людей, ради сохраненія жизни, забывать и терять ея смыслъ и истинную причину,—то, *для чего стоитъ* жить—propter vitam vitai perdere causas, — такая привычка не могла еще сложиться у Платона. Сила нравственнаго потрясенія выразилась въ серьезной болѣзни, которая помѣшала ему участвовать въ предсмертной бесѣдѣ учителя съ учениками [1]). Затѣмъ, ему пришлось переселиться въ Мэгару и тамъ на печальномъ досугѣ рѣшать свое „быть или не быть"?

XVI.

Есть поводъ догадываться, что и Платону являлась мысль о самоубійствѣ. Во всякомъ случаѣ, основанія, по которымъ онъ не могъ на ней остановиться, совершенно ясны. Сущность Сократова ученія, восторженно воспринятаго его ученикомъ, состояла, какъ мы знаемъ, въ томъ, что, независимо ни отъ какихъ фактовъ и положеній, *есть* безусловный, по существу *добрый, смыслъ* бытія; а признаніемъ этого прямо исключается такой актъ отчаянія, какъ самоубійство. Изъ-за трагической смерти Сократа отказаться отъ той самой истины, которой Сократъ посвятилъ свою жизнь, — это было бы и логическимъ противорѣчіемъ, и психологическою невозможностью. Логически неизбѣжна была дилемма: или Сократъ дѣйствительно былъ учитель истины, и значитъ—должно было его слушаться и не убивать себя вопреки его ученію; или онъ не былъ провозвѣстникомъ истины, и тогда его смерть, какъ бы она ни была печальна, теряла свое особое принципіальное и роковое значеніе, являлась лишь смертью хорошаго и замѣчательнаго, но заблудившагося, *неправаго*, человѣка, и здѣсь не было причины для безвыходнаго отчаянія; въ первомъ случаѣ самоубійство было бы дѣломъ непозволительнымъ, во второмъ—это былъ бы поступокъ безъ достаточнаго основанія.

---

[1]) Опредѣленное и, очевидно, намѣренное указаніе въ „Фэдонѣ": „Платонъ же былъ боленъ".

А со стороны психологической, и фактъ смерти учителя, и высота нравственнаго достоинства, обнаруженная имъ въ обстоятельствахъ этой смерти, должны были до чрезвычайной степени усилить восторженную и благоговѣйную любовь Платона къ умершему, а это не допускало его ни усомниться въ истинѣ ученія, ни измѣнить ей малодушнымъ отчаяніемъ. Если не навсегда, то во всякомъ случаѣ на первое время, вліяніе Сократа умершаго должно было еще сильнѣе, чѣмъ вліяніе живого, дѣйствовать на сознательныя рѣшенія его ученика.

Еще другая психологическая причина не допустила бы Платона до самоубійства. Поясню ее сравненіемъ. Всякій признаетъ психологически невозможнымъ, чтобы человѣкъ, преданный, напримѣръ, матеріальнымъ интересамъ, рѣшился наложить на себя руки вслѣдствіе смерти близкаго и искренно любимаго имъ лица, когда это лицо, умирая, оставило ему богатое наслѣдство. Ясно, что стремленіе воспользоваться этимъ наслѣдствомъ пересилитъ у такого человѣка его скорбь о сердечной потерѣ. Платонъ былъ человѣкъ иного рода, но отношеніе остается то же. Платонъ былъ преданъ высшимъ интересамъ духа, а смерть Сократа, кромѣ великаго горя, оставляла ему великое духовное наслѣдіе, еще умноженное самою этою смертью. Полнота юныхъ умственныхъ силъ, напитанныхъ обильнымъ идейнымъ содержаніемъ Сократовой жизни и смерти и поднятыхъ на новую высоту всѣмъ напряженіемъ благоговѣйной и скорбной любви къ умершему, требовала положительнаго творческаго выхода и, занимая всю душу Платона, не оставляла въ ней тѣхъ пустыхъ мѣстъ, гдѣ гнѣздятся отчаянныя рѣшенія. И самъ роковой вопросъ о жизни и смерти *правды*, своимъ сверхличнымъ, универсальнымъ значеніемъ, выводилъ мысль изъ тупой и тѣсной личной тоски, чреватой самоубійствомъ, на просторъ и свѣтъ для плодотворнаго дѣйствія.

XVII.

Смерть Сократа, когда ее переболѣлъ Платонъ, породила новый взглядъ на міръ — платоническій идеализмъ. Первое основаніе, „большая посылка“ этого взгляда содержалась въ ученіи Сократа; меньшая посылка была дана его смертью; геній Платона вывелъ заключеніе, которое осталось скрытымъ для другихъ учениковъ Сократа.

Тотъ міръ, въ которомъ праведникъ долженъ умереть за правду, не есть настоящій, подлинный міръ. Существуетъ дру-

гой міръ, гдѣ *правда живетъ*. Вотъ дѣйствительное жизненное основаніе для Платонова убѣжденія въ истинно-сущемъ идеальномъ космосѣ, отличномъ и противоположномъ призрачному міру чувственныхъ явленій. Свой идеализмъ,—и это вообще мало замѣчалось,—Платонъ долженъ былъ вынести не изъ тѣхъ отвлеченныхъ разсужденій, которыми онъ его потомъ пояснялъ и доказывалъ, а изъ глубокаго душевнаго опыта, которымъ началась его жизнь.

Сократъ училъ о безусловномъ, или самосущемъ добрѣ, но онъ бралъ его, главнымъ образомъ, не какъ противоположность, а какъ *предположеніе* нашей дѣйствительности. Для Платона та дѣйствительность, въ которой смерть Сократа была не случайнымъ фактомъ, а выраженіемъ закона, явленіемъ жизненной нормы,—такая дѣйствительность представлялась прежде всего съ отрицательной своей стороны, какъ противорѣчіе добру и правдѣ. Ранѣе противоположности между „сущимъ по существу“ (τὸ ὄντως ὄν) и призрачно „бываемымъ“ (γιγνόμενον), кажущимся, или явленіемъ — ранѣе этой діалектической и метафизической противоположности, почувствовалъ Платонъ, подъ вліяніемъ ученія и въ особенности смерти Сократа, *этическую* противоположность между должнымъ и дѣйствительнымъ, между истиннымъ нравственнымъ порядкомъ и строемъ даннаго общежитія.

И Платону, какъ Гамлету, міръ показался какъ садъ, заросшій сорными травами; но его пессимизмъ былъ произведенъ не личными бѣдствіями, а тѣмъ, что въ этомъ мірѣ не оказалось мѣста для правды и праведника.

Для Сократа порядокъ дѣйствительной жизни былъ условнымъ—хорошимъ, если онъ согласовался съ добромъ по существу,—дурнымъ, если онъ ему противорѣчилъ. Но въ смерти самого Сократа вопросъ фактически получилъ общее рѣшеніе въ отрицательномъ смыслѣ: обнаружилось на дѣлѣ, что существующій порядокъ принципіально противорѣчитъ добру, что онъ—по существу дурной. Значитъ, нельзя принимать въ немъ дѣятельнаго участія человѣку, ищущему не внѣшняго успѣха во что бы то ни стало, не кажущагося наслажденія и не мнимой выгоды, а истиннаго блага, или добродѣтели. Изъ такого взгляда хотя не вытекаетъ, для людей правды и добра, невозможность жизни вообще, но очевидно вытекаетъ невозможность жизни практической, дѣятельной.

Мы видимъ нѣкоторую историческую діалектику (въ Гегелевомъ смыслѣ), которая выразилась въ Платонѣ невольно и незамѣтно для него самого. Сократъ отказался отъ теоретическаго

умозрѣнія о вселенной, которыми занимались его предшественники, и свелъ философію съ неба на землю, къ людскому обществу,—а его духовный наслѣдникъ, преемникъ его генія и славы, долженъ прежде всего отрѣшиться отъ жизни и дѣлъ общественныхъ, долженъ предварить въ принципѣ идеалъ восточнаго монашества.

Міръ весь во злѣ лежитъ; тѣло есть гробъ и темница для духа; общество есть гробъ для мудрости и правды; жизнь истиннаго философа есть постоянное умираніе. Но это умираніе житейскихъ интересовъ даетъ мѣсто не пустотѣ, а лучшей жизни ума, созерцающаго то, что̀ есть само по себѣ безусловное. Добро —то, чего Сократъ искалъ какъ нравственной нормы для практической, общественной жизни, но что̀ для Платона стало теперь предметомъ пока лишь чисто-теоретическаго интереса, какъ верховная идея, средоточіе иного „умопостигаемаго“ міра.

XVIII.

Платонъ долженъ былъ по убѣжденію бѣжать отъ міра; съ этимъ связалось бѣгство по принужденію изъ родного города [1]). Онъ поселяется на нѣсколько лѣтъ въ Мэгарѣ съ другими сократовцами, и вдали отъ всякихъ дѣлъ предается чистой теоріи, математическимъ и діалектическимъ задачамъ и упражненіямъ.

По всей вѣроятности, свое первое заморское путешествіе— въ Кирэну, Египетъ, а можетъ быть и далѣе, въ Азію — Платонъ предпринялъ изъ Мэгары, до возвращенія въ Аѳины. Какъ бы то ни было, и вернувшись на родину (черезъ пять лѣтъ послѣ смерти Сократа), онъ продолжалъ сначала вести жизнь философа, далекаго отъ дѣлъ общественныхъ. Съ крайне пессимистическимъ взглядомъ на общество и на публичную дѣятельность, который высказывается въ діалогахъ *Горгій*, *Менонъ*, *Фэдонъ*, 2-я книга *Государства*, сообразенъ и характеръ нѣкоторыхъ другихъ діалоговъ, которые самимъ свойствомъ своихъ задачъ свидѣтельствуютъ объ отрѣшенномъ идеализмѣ Платона въ эту пору (*Кратилъ*—о природѣ словъ; *Ѳеэтетъ* — о томъ, что̀ есть знаніе; *Софистъ*—объ отношеніи между сущимъ и не-сущимъ; *Парменидъ*—о единомъ и многомъ, или объ идеяхъ).

Если этотъ идеализмъ, держащійся на почвѣ противополо-

1) Разумѣется, принужденіе нравственное; формальнаго законнаго преслѣдованія противъ учениковъ Сократа не предпринималось, но они не могли разсчитывать на свободную проповѣдь его идей.

женія между умопостигаемою областью истинно-сущаго и обманчивымъ потокомъ чувственныхъ явленій, какъ „не-сущаго“, куда всецѣло относится всякая житейская и общественная практика,— если такую отрѣшенную точку зрѣнія прямо сопоставить съ послѣдующими стремленіями Платона къ соціально-политическимъ преобразованіямъ, съ его упорными попытками не только опредѣлить истинныя нормы общественныхъ отношеній, но и воплотить эти нормы въ устройствѣ дѣйствительнаго образцоваго государства, то представляется явное противорѣчіе, непроходимая пропасть. Она не восполняется и тѣми утонченными діалектическими соображеніями въ *Софистѣ* и *Парменидѣ*, въ силу которыхъ и за „не-сущимъ“ признается въ нѣкоторомъ смыслѣ существованіе. Отношеніе философа къ этому полу-существованію остается и здѣсь рѣшительно отрицательнымъ, несовмѣстимымъ съ какими-нибудь серьезными практическими стремленіями въ этомъ обманномъ мірѣ. Для заполненія этой пропасти нужны не діалектическія различенія, а новая точка зрѣнія, которую мы и находимъ въ двухъ центральныхъ діалогахъ Платона — *Фэдръ* и *Пиршество*.

XIX.

Немногочисленныя, но согласныя свидѣтельства древности говорятъ, что Платонъ до встрѣчи своей съ Сократомъ писалъ любовные стихи, которые онъ сжегъ, когда увлекся рѣчами „мудрѣйшаго изъ эллиновъ“. Сохранившіяся и дошедшія до насъ съ именемъ Платона нѣсколько эротическихъ стихотвореній, если бы только они были подлинны, указывали бы на дѣйствительныя отношенія будущаго философа къ опредѣленнымъ лицамъ того и другого пола. Это и само по себѣ вѣроятно какъ съ психологической, такъ и съ исторической точки зрѣнія. Но интересны не эти безотчетныя проявленія инстинкта, а эротическій кризисъ, сознательно пережитый Платономъ въ срединѣ его жизни и увѣковѣченный въ *Фэдрѣ* и *Пиршествѣ*.

О внѣшнихъ біографическихъ обстоятельствахъ этого происшествія я говорить не буду по многимъ причинамъ, и главнымъ образомъ потому, что мы совершенно ничего объ этомъ не знаемъ. Но если исторія молчитъ о личныхъ подробностяхъ этого интереснаго романа, съ кѣмъ и какимъ образомъ онъ произошелъ, то два названные діалога достаточно свидѣтельствуютъ какъ о самомъ фактѣ, такъ и о томъ, что̀ вынесъ изъ него Платонъ. Только этотъ неизвѣстный, но необходимо предпола-

гаемый фактъ даетъ ключъ къ послѣдовавшей перемѣнѣ въ міровоззрѣніи Платона, и онъ же одинъ можетъ объяснить появленіе и характеръ *Фэдра* и *Пиршества*. Эти два произведенія, и по свѣтлому, жизнерадостному настроенію, въ нихъ отразившемуся, и по самому сюжету, рѣзко выдѣляются изъ прочихъ писаній Платона; и есть ли какая-нибудь возможность допустить, что философъ, смотрѣвшій передъ тѣмъ на всѣ человѣческіе дѣла и интересы какъ на „не-сущее", и занятый отвлеченнѣйшими размышленіями о гносеологическихъ и метафизическихъ вопросахъ, вдругъ ни съ того ни съ сего, безъ особаго реальнаго и жизненнаго возбужденія, посвящаетъ лучшія свои произведенія любви,—предмету вовсе не входившему въ его философскій кругозоръ,—гдѣ излагаетъ новую теорію, не имѣющую никакой опоры въ его прежнихъ воззрѣніяхъ, но оставляющую глубокій и неизгладимый, хотя косвенный, слѣдъ во всемъ его дальнѣйшемъ образѣ мыслей? Содержаніе *Фэдра* и *Пиршества*, теоретически не связанное и несовмѣстное съ отрѣшеннымъ идеализмомъ „двухъ міровъ", можетъ быть понято лишь какъ преобразованіе, прогрессъ въ этомъ идеализмѣ, вызванный требованіями новаго жизненнаго опыта. Говоря это, я предполагаю, что эти два діалога принадлежатъ къ *средней* эпохѣ Платоновой жизни и творчества. Такъ это и принимается большинствомъ авторитетныхъ ученыхъ. Правда, Шлейермахеръ призналъ *Фэдра* за первое, юношеское произведеніе Платона, хотя никакой попытки дѣйствительно доказать это основное для него положеніе мы у него не находимъ. А съ другой стороны, современный филологъ Константинъ Риттеръ находитъ возможнымъ по соображеніямъ филологическимъ, которыя, впрочемъ, никому, кромѣ него, не показались убѣдительными, относить того же *Фэдра* къ старческому возрасту Платона. Эти два парадокса взаимно другъ друга уничтожаютъ и оставляютъ общій взглядъ безъ измѣненія.

При первомъ серьезномъ знакомствѣ съ *Фэдромъ* и *Пиршествомъ*, современный читатель долженъ испытывать нѣкоторое смущеніе и недоумѣніе. Натуральная подкладка эротическихъ чувствъ и отношеній здѣсь совсѣмъ не та, какая вообще принята за нормальную въ современной жизни и литературѣ. Тамъ, гдѣ у насъ предполагается одинъ родъ отношеній, древніе греки, испорченные азіатскими вліяніями, допускали по крайней мѣрѣ три.

Одна изъ уцѣлѣвшихъ одъ знаменитой поэтессы Сафо изъ Лесбоса начинается такимъ обращеніемъ къ богинѣ любви:

Ποικιλόθρον' ἀθάνατ' Ἀφρόδιτη, т.-е. *пестропрестольная*, без-

смертная Афродита! Вотъ эта *пестрота* Афродиты, предполагаемая и Платономъ, она-то и смущаетъ его современнаго читателя и почитателя, привыкшаго извѣстные предметы относить не къ философіи и поэзіи, а къ психіатріи съ одной стороны, и къ уголовному уложенію—съ другой. Конечно, фактическія аномаліи въ этой области у насъ еще пестрѣе, чѣмъ въ классическомъ мірѣ, но мы поражены тѣмъ, что главныя изъ нихъ считались эллиномъ не за болѣзненныя уклоненія, а за что-то простое и естественное и даже предпочтительное тому, что̀ мы теперь признаемъ за единственно-натуральное.

Но ставить эту предосудительную особенность въ вину Платону —разумѣю, Платону-философу—было бы несправедливо не только съ исторической точки зрѣнія, но и по существу. Находя „пеструю“ Афродиту какъ узаконенный общимъ мнѣніемъ фактъ, самъ онъ *въ принципѣ* отвергалъ ее всю цѣликомъ, безъ различія ея видовъ. *Всякая* плотская любовь, независимо отъ той или другой формы, признана имъ за что-то вульгарное и низменное, недостойное истиннаго человѣческаго призванія; это есть Ἀφροδίτη πάνδημος, буквально—„всенародная“, въ смыслѣ дешевой, ничего не стоющей и въ отличіе отъ истинной, или небесной—Афродиты Ураніи, которая сто̀итъ многаго и великаго.

Правда, для земного человѣка обѣ имѣютъ одинъ корень, выростаютъ изъ одной и той же матеріальной почвы,—но что̀ же изъ этого? Мы знаемъ, что самые красивые цвѣты и самые вкусные плоды ростутъ изъ земли и притомъ изъ земли самой нечистой, унавоженной. Это не портитъ ихъ вкуса и аромата, но и не сообщаетъ благоуханія навозу, который не становится благороднымъ отъ тѣхъ благородныхъ произрастеній, которымъ онъ служитъ.

XX.

Разбирать различные сорта органическаго удобренія интересно для агронома-спеціалиста. Общую важность имѣютъ здѣсь лишь двѣ истины: во-первыхъ, что *всякій* сортъ этого товара есть одинаково продуктъ разложенія жизни, и что жить и питаться въ этой разлагающейся средѣ могутъ только черви, а не люди, и, во-вторыхъ, что люди могутъ и должны своею духовною работою извлекать изъ этой темной гнили прекрасные цвѣты и безсмертные плоды жизни.

Свѣтъ изъ тьмы! Надъ черной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики розъ твоихъ,
Еслибъ въ сумрачное лоно
Не впивался погруженный
Темный корень ихъ...

Да, конечно, таковъ законъ земли. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что сама тьма есть уже свѣтъ, или хотя бы то, что свѣтъ есть прямое естественное порожденіе тьмы, порожденіе, являющееся безъ борьбы, безъ труда, изъ одной этой темной матери, безъ дѣйствія иного, болѣе ему сроднаго отеческаго начала,—безъ рѣшительнаго подчиненія низшаго высшему?

Не напрасно, не по наивному недоразумѣнію, съ именемъ Платона соединяется представленіе о высокой и чистой, идеальной, однимъ словомъ—*платонической* любви. Изъ эротическаго ила, который, повидимому, въ роковую пору втянулъ, но не могъ надолго затянуть его душу, Платонъ выростилъ если и не плоды живые духовнаго перерожденія, то по крайней мѣрѣ блестящій и чистый цвѣтокъ своей эротической теоріи. Припомнимъ эту теорію: она поможетъ намъ понять и оцѣнить срединный переломъ въ жизненной драмѣ ея автора.

XXI.

Подъ вліяніемъ смерти Сократа, открывшей передъ глазами его ученика всю бездну мірского зла, сложился у него, какъ сказано, дуалистическій идеализмъ, прямо по существу противополагающій всю нашу живую дѣйствительность тому, что̀ истинно есть и должно быть. Въ тѣлесной и практической жизни нѣтъ ничего подлиннаго и достойнаго; все подлинное и достойное пребываетъ въ своей чистой идеальности, за предѣлами этого нашего міра: оно „трансцендентно“,—нѣтъ настоящаго моста между двумя мірами. Самъ человѣкъ, хотя принадлежитъ къ обоимъ мірамъ, не образуетъ, однако, внутренняго связующаго звена между ними: дуализмъ упраздняетъ и единство человѣка. Двѣ разнородныя половины нашего фактическаго существа спаяны только внѣшнимъ случайнымъ образомъ. У подлиннаго или нормальнаго человѣка, т.-е. мудраго и праведнаго, истинное его существо—умъ созерцающій—обращено исключительно и всецѣло къ иному, запредѣльному свѣту; такой человѣкъ, по настоящему, живетъ лишь въ космосѣ идей, а на землѣ его призрачная

жизнь, общая съ другими людьми, есть для него только умираніе. Когда это хроническое умираніе завершается острымъ, случайная связь порывается окончательно и безусловно, и освобожденный изъ житейской тюрьмы философскій умъ, отряхая прахъ отъ ногъ своихъ, всецѣло и безъ оглядки переходитъ въ идеальный космосъ и вступаетъ въ общеніе съ другими пребывающими тамъ чистыми умами.

Меня всегда поражала въ діалогѣ „Фэдонъ", гдѣ особенно ярко выраженъ этотъ дуализмъ, характерная черта наивнаго безсердечія и неделикатности, которую, я увѣренъ, нужно поставить на счетъ Платону, а не Сократу. Въ одномъ мѣстѣ бесѣды умирающій мудрецъ даетъ ясно понять, а въ другомъ —прямо говоритъ своимъ плачущимъ ученикамъ, что разлука съ ними нисколько его не огорчаетъ, такъ какъ въ загробномъ мірѣ онъ разсчитываетъ встрѣтиться и беседовать съ людьми гораздо болѣе интересными, чѣмъ они [1]). Я думаю, что еслибы болѣзнь не помѣшала Платону находиться самому въ числѣ этихъ плачущихъ учениковъ, то онъ уже изъ одного самолюбія остерегся бы вложить въ уста Сократа столь безцеремонное утѣшеніе. Но хотя въ этомъ особомъ случаѣ дуалистическій идеализмъ могъ бы быть выраженъ болѣе тонкимъ и изящнымъ образомъ, сущность его достаточно опредѣлилась въ умѣ Платона, и совершенно ясно, что при этомъ воззрѣніи нѣтъ никакой логической точки опоры для установленія положительной связи между двумя мірами.

XXII.

Не находилъ родоначальникъ идеализма никакого соединительнаго пути между пребывающимъ на умопостигаемыхъ высотахъ существомъ истины и здѣшнею юдолью, затопленною потокомъ чувственныхъ обмановъ. Не было связи между совершенною полнотою боговъ идей и безнадежною пустотою смертной жизни. Не было связи для разума. Но произошло нѣчто ирраціональное. Явилась сила средняя между богами и смертными— не богъ и не человѣкъ, а нѣкое могучее, демоническое и героическое существо [2]). Имя ему Эросъ, а должность—строить мостъ между небомъ и землей, и между ними и преисподнею. Это не

[1]) Поучительно сравнить съ этимъ прощальную бесѣду Христа съ апостолами въ евангеліяхъ.

[2]) Въ первоначальныхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ грековъ δαίμων и ἥρως имѣли вообще одно и то же значеніе.

богъ, но естественный и верховный священникъ божества, т.-е. *посредникъ*—дѣлатель моста. Младшій братъ и наслѣдникъ Греціи—народъ римскій—тождество этихъ понятій выражаетъ однимъ словомъ „pontifex", что̀ значитъ и священникъ, и строитель моста,—разумѣется, не чрезъ обыкновенныя рѣки, а чрезъ Стиксъ и Ахэронъ, чрезъ Флегетонъ и Коцитъ; и тотъ же всемірный народъ сохранялъ преданіе, что истинное имя его вѣчнаго города должно читаться священнымъ, или понтификальнымъ способомъ—справа налѣво, и тогда оно изъ *силы* превращается въ *любовь*: Roma (соотв. греческому Ῥώμη—сила, по дорійскому діалекту Ῥώμα (сравни извѣстное Χαῖρε μοι, Ῥώμα, θυγάτερ Ἄρηος), читаемое первоначальнымъ, семитическимъ способомъ—Amor.

Безъ посредничества этого могучаго демона нельзя обойтись ничему живущему; такъ или иначе оно прошло и пройдетъ по его мосту. Вопросъ лишь въ томъ, какъ воспользуется человѣкъ этою помощью, какую долю небесныхъ благъ проведетъ онъ чрезъ священную постройку въ смертную жизнь.

Когда Эросъ входитъ въ земное существо, онъ сразу преображаетъ его; влюбленный ощущаетъ въ себѣ новую силу безконечности, онъ получилъ новый великій даръ. Но тутъ неизбѣжно является соперничество и противоборство двухъ сторонъ, или стремленій души—высшей и низшей: которая изъ нихъ захватитъ себѣ, обратитъ въ свою пользу могучую силу Эроса, чтобы стать безконечно плодотворною, или рождающею въ *своей* области и въ *своемъ* направленіи. Низшая душа хочетъ безконечныхъ порожденій въ чувственной безмѣрности—отрицательная, дурная безконечность, единственно доступная для матеріи побѣдительницы: постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же исчезающихъ явленій, увѣковѣченная жажда и голодъ безъ насыщенія, живая пустота безъ наполненія, безконечность и вѣчность Тантала, Сизифа и Данаидъ. Чувственная душа тянетъ книзу крылатаго демона и надѣваетъ повязку на глаза его, чтобы онъ поддержалъ жизнь въ пустомъ порядкѣ матеріальныхъ явленій, чтобы онъ сохранялъ и приводилъ въ дѣйствіе законъ дурной безконечности, чтобы онъ работалъ какъ служебное орудіе для безсмысленной безмѣрности матеріальныхъ вожделѣній.

Но что̀ же дастъ безконечная сила Эрота высшей, разумной душѣ? Обратитъ ли ее къ мысленному созерцанію истинно-сущаго, идеальнаго космоса? Но это уже свойственно уму по собственной его природѣ и дѣлается имъ безъ помощи Эроса. Онъ же самъ, по собственному существу своему, слѣдовательно и въ высшей душѣ, есть не теоретическая, или созерцательная, а

творческая,—безконечно *рождающая* сила. Въ чемъ состоитъ и что̀ даетъ безконечное рожденіе Эрога подъ властью низшей, чувственной души, достаточно извѣстно не только людямъ, но также животнымъ и растеніямъ. Но что̀ же онъ рождаетъ для той души, которая возвысилась надъ служеніемъ смертной жизни? Гдѣ могутъ быть *ея* порожденія,—не отъ Аполлона, не отъ Гермеса, а отъ Эрота? Не въ мірѣ идей и чистыхъ божественныхъ умовъ, ибо тамъ обитаетъ лишь неизмѣнное истинно-сущее, которому и не нужно, и невозможно рождаться въ своей собственной *вѣчной* области. А рождать въ несущемъ не подобаетъ крылатому и зрячему полубогу, когда онъ свободенъ, а не находится въ неволѣ у низшей физической души, отнимающей у него и крылья, и зрѣніе. Значитъ, для его настоящаго творчества остается то мѣсто сопредѣльности или соприкосновенія двухъ міровъ, которое называется *красотою*.

По опредѣленію Платона, истинное дѣло Эрота—*рождать въ красотѣ*. Что̀ же это значитъ? Еслибы можно было приписать Платону точку зрѣнія новѣйшихъ „эстетовъ", то это опредѣленіе было бы понятно какъ нѣсколько ходульное обозначеніе для художественнаго творчества, или для занятія искусствами. Но такое пониманіе совсѣмъ несогласно съ образомъ мыслей нашего философа въ различныя эпохи его жизни. Искусство—и то лишь въ нѣкоторой, элементарной его части—онъ могъ признать второстепеннымъ, предварительнымъ проявленіемъ Эрота, но никакъ не его главнымъ и окончательнымъ дѣломъ. Изъ своего идеальнаго города онъ изгоняетъ важнѣйшія формы поэзіи, а также всякую музыку (въ нашемъ смыслѣ), за исключеніемъ военныхъ пѣсенъ. Къ искусствамъ пластическимъ онъ нигдѣ не показываетъ никакого интереса. „Рожденіе въ красотѣ" есть во всякомъ случаѣ нѣчто гораздо болѣе важное, чѣмъ занятіе искусствами. Но что̀ же именно? Прямого отвѣта мы не найдемъ у Платона. Въ геніальной рѣчи Діотимы, передаваемой Сократомъ въ „Пиршествѣ", но принадлежащаго, конечно, не Діотимѣ и не Сократу, а самому Платону, онъ доходитъ до логически-ясной и многообѣщающей мысли, что дѣло Эрота и въ лучшихъ душахъ есть существенная задача, столь же реальная, какъ животное рожденіе, но неизмѣримо болѣе высокая по значенію, соотвѣтственно истинному достоинству человѣка, какъ существа разумнаго, какъ мудреца и праведника,—дойдя до этого, Платонъ какъ будто сбивается съ пути и начинаетъ блуждать по неяснымъ и безъисходнымъ тропинкамъ. Его теорія любви, неслыханная въ языческомъ мірѣ, глубокая и смѣлая, остается недосказанною. Но то, что̀ онъ въ ней даетъ въ

соединеніи съ кое-чѣмъ, что̀ міръ узналъ послѣ него, позволяетъ намъ договорить рѣчь Діотимы, и тѣмъ самымъ понять, почему Платонъ не досказалъ ее. А угадавъ истинную причину этой недосказанности, мы увидимъ и то, какъ она отразилась на дальнѣйшей судьбѣ Платона.

XXIII.

Если Эросъ есть положительная и существенная связь двухъ природъ—божественной и смертной,—во вселенной раздѣленныхъ, а въ человѣкѣ соединенныхъ лишь внѣшнимъ образомъ, то въ чемъ же другомъ можетъ состоять его истинное и окончательное дѣло, какъ не въ томъ, чтобы саму смертную природу сдѣлать безсмертною? Вѣдь высшею стороною своего существа, своею разумною душою человѣкъ *и такъ* безсмертенъ по Платону,—тутъ нѣтъ никакого дѣла, или задачи, и Эросъ тутъ ни при чемъ. *Задача* же эротическая можетъ состоять лишь въ сообщеніи безсмертія той части нашей природы, которая сама по себѣ его не имѣетъ, которая обычно поглощается матеріальнымъ потокомъ рожденія и умиранія. Логически Платонъ долженъ бы былъ придти къ такому заключенію. И въ „Фэдрѣ", и въ „Пиршествѣ" онъ ясно и рѣшительно различаетъ и противополагаетъ низшее и высшее дѣло Эроса—его дѣло въ человѣкѣ-животномъ и его дѣло въ истинномъ, сверхъ-животномъ человѣкѣ. При этомъ должно помнить, что и въ высшемъ человѣкѣ Эросъ *дѣйствуетъ, творитъ, рождаетъ*, а не мыслитъ и созерцаетъ только. Значитъ, и здѣсь его прямой предметъ—не умопостигаемыя идеи, а *полная тѣлесная жизнь*, и противоположность между двумя Эротами есть лишь противоположность нравственнаго и безнравственнаго отношенія къ этой жизни при соотвѣтственной противоположности цѣлей и результатовъ дѣйствія въ ней. Если Эросъ животный, подчиняясь слѣпому стихійному влеченію, воспроизводитъ на краткое время жизнь въ тѣлахъ непрерывно умирающихъ, то высшій человѣческій Эросъ истинною своею цѣлью долженъ имѣть возрожденіе или воскресеніе жизни на вѣки въ тѣлахъ, отнятыхъ у матеріальнаго процесса.

Греческій языкъ не бѣденъ на реченія, обозначающія любовь, и если такой мастеръ мысли и слова, какъ Платонъ, философствуя о высшемъ проявленіи жизни человѣческой, не пользуется терминами φιλία, ἀγάπη, στοργή, а говоритъ именно: Ἔρως—

выраженіе, относящееся и къ низшей, животной страсти, то ясно, что вся противоположность въ направленіи этихъ двухъ душевныхъ движеній—стихійно-животнаго и духовно-человѣческаго—не упраздняетъ реальной общности въ ихъ основѣ, ближайшемъ предметѣ и матеріалѣ. Любовь, какъ *эротическій паѳосъ*—въ высшемъ или низшемъ направленіи, все равно — непохожа на любовь къ Богу, на человѣколюбіе, на любовь къ родителямъ и къ родинѣ, къ братьямъ и друзьямъ—это есть непремѣнно *любовь къ тѣлесности*, и спрашивается только—*для чего*? Къ чему собственно стремится любовь относительно тѣлесности: къ тому ли, чтобы повторялись въ ней безъ конца одни и тѣ же стихійные факты возникновенія и исчезанія, одна и та же адская побѣда безобразія, смерти и тлѣнія; или къ тому, чтобы сообщить тѣлесному дѣйствительную жизнь въ красотѣ, безсмертіи и нетлѣніи?

Такъ какъ Платонъ собственную задачу Эрота опредѣляетъ какъ рожденіе *въ красотѣ*, то ясно, что его задача не разрѣшается физическимъ рожденіемъ тѣлъ къ смертной жизни—въ чемъ нѣтъ красоты,—и что онъ долженъ обращаться на возрожденіе или воскресеніе этой жизни къ безсмертію. Послѣдняго Платонъ не говоритъ, но именно съ этимъ умолчаніемъ связано и то, что его теорія любви есть прекрасный махровый цвѣтокъ безъ плода.

XXIV.

Если Эросъ, сынъ Пороса и Пэніи (божественнаго изобилія и матеріальной скудости), когда онъ одолѣвается и плѣняется низшею, материнскою своею природою, въ этомъ паденіи и плѣненіи понапрасну тратитъ свои силы въ пустой ея безмѣрности и можетъ только прикрывать безобразіе и тлѣнность ея порожденій мгновеннымъ видомъ жизни и красоты, то что̀ же дѣлаетъ онъ, когда отцовское начало одолѣваетъ въ немъ низшую природу,—что̀ дѣлаетъ Эросъ-побѣдитель? Да въ чемъ можетъ состоять и самая его побѣда, какъ не въ томъ, что онъ останавливаетъ процессъ умиранія и тлѣнія, закрѣпляетъ жизнь въ мгновенно-живущемъ и умирающемъ, а избыткомъ своей торжествующей силы оживляетъ, воскрешаетъ умершее? Торжество ума—въ чистомъ созерцаніи истины, торжество любви—въ полномъ воскрешеніи жизни.

Если Эросъ есть дѣйствительный посредникъ и pontifex—дѣлатель моста—между небомъ, землей и преисподней, то его

истинная цѣль есть полное и окончательное ихъ соединеніе. Откуда можетъ взяться это ограниченіе для его дѣла: давай красоту, но только красоту кажущуюся, поверхностную—красоту повапленнаго гроба; давай жизнь, но только минутную, тлѣющую и умирающую! Такую скудость онъ могъ бы имѣть отъ матери, но развѣ онъ не сынъ богатаго отца? Въ чемъ это богатство, какъ не въ изобилующей полнотѣ жизни и красоты? Отчего же онъ не даетъ ихъ полной мѣрой всему тому, что̀ въ нихъ нуждается,—всему мертвому и тлѣнному? И благородство отцовскаго происхожденія не позволитъ ему брать назадъ свои дары.

Настоящая задача любви—дѣйствительно увѣковѣчить любимое, дѣйствительно избавить его отъ смерти и тлѣнія, окончательно переродить его въ красотѣ. Роковое эротическое крушеніе философа любви могло состоять лишь въ томъ, что, подойдя мыслію къ этой задачѣ, онъ остановился передъ ней, не рѣшился до конца понять и принять ее, а затѣмъ, конечно, и фактически отказался отъ нея. Извѣдавши въ чувствѣ силу обоихъ Эротовъ и признавъ умомъ превосходство одного изъ нихъ, онъ не далъ ему побѣдъ на дѣлѣ. Онъ удовлетворился его мысленнымъ образомъ, забывая, что по самому значенію *этой* мысли она неразрывно связана съ долгомъ ея исполненія, съ требованіемъ, чтобы она не оставалась только мыслію; забывъ свое собственное сознаніе, что Эросъ „рождаетъ *въ красотѣ*“, т.-е. въ *ощутительной* реализаціи идеала, Платонъ оставилъ его рождать только въ умозрѣніи.

Какая же причина этой несостоятельности? Самая общая: и онъ, поднявшись въ теоріи надъ большинствомъ смертныхъ, оказался въ жизни обыкновеннымъ человѣкомъ. Столкновеніе высокихъ требованій съ реальною немощью болѣе драматично у Платона именно потому, что онъ яснѣе другихъ сознавалъ эти требованія и легче другихъ могъ бы одолѣть эту немощь своимъ геніемъ.

XXV.

И адъ, и земля, и небо, съ особымъ участіемъ слѣдятъ за человѣкомъ въ ту роковую пору, когда вселяется въ него Эросъ. Каждой сторонѣ желательно для своего дѣла взять тотъ избытокъ силъ, духовныхъ и физическихъ, который открывается тѣмъ временемъ въ человѣкѣ. Безъ сомнѣнія, это есть самый важный, срединный моментъ нашей жизни. Онъ нерѣдко бываетъ очень кратокъ, можетъ также дробиться, повторяться, растя-

гиваться на годы и десятилѣтія, но въ концѣ концовъ никто не минуетъ рокового вопроса: на чтò и чему отдать тѣ могучія крылья, которыя даетъ намъ Эросъ? Это вопросъ о главномъ *качествѣ* жизненнаго пути, о томъ, чей образъ и чье подобіе приметъ или оставитъ за собою человѣкъ.

Ясно различается здѣсь *пять* главныхъ путей. Первый, адскій путь, о которомъ говорить не будемъ. Второй, менѣе ужасный, но также недостойный человѣка, хотя довольно обычный ему, есть путь животныхъ, принимающихъ Эросъ съ одной физической его стороны, и дѣйствующихъ такъ, какъ будто простой фактъ извѣстнаго влеченія есть уже достаточное основаніе для неограниченнаго и неразборчиваго его удовлетворенія. Такой наивный образъ мыслей и дѣйствій вполнѣ извинителенъ со стороны животныхъ, и человѣкъ ему предающійся подъ-конецъ съ успѣхомъ уподобляется соотвѣтственнымъ тварямъ, даже и не подвергаясь принимаемой Платономъ загробной метаморфозѣ. Третій, дѣйствительно человѣческій путь Эрота есть тотъ, на которомъ полагается разумная мѣра животнымъ влеченіямъ—въ предѣлахъ, необходимыхъ для сохраненія и прогресса человѣческаго рода. Если подражать корнесловіямъ Платонова „Кратила“, то можно было бы слово *бракъ* производить отъ того, что въ этомъ учрежденіи человѣкъ отвергаетъ, *бракуетъ* свою непосредственную животность и принимаетъ, *беретъ* норму разума. Безъ этого великаго учрежденія, какъ безъ хлѣба и вина, безъ огня, безъ философіи, человѣчество могло бы, конечно, существовать, но недостойнымъ человѣка образомъ,—обычаемъ звѣринымъ.

XXVI.

Еслибы человѣкъ по существу своему могъ быть *только* человѣкомъ, еслибы такъ называемая „человѣческая ограниченность“ была не фактомъ только, а непремѣннымъ и окончательнымъ закономъ, для всѣхъ и каждаго обязательнымъ, — тогда бракъ былъ бы навсегда высшимъ и единственно сообразнымъ человѣческому достоинству путемъ любви. Но человѣкъ тѣмъ-то и выдѣляется по преимуществу между прочими тварями, что онъ хочетъ и можетъ становиться выше себя самого; его отличительный признакъ есть именно эта благородная неустойчивость, способность и стремленіе къ безконечному росту и возвышенію. И мы знаемъ, что съ начала исторіи не всѣхъ людей удовлетво-

ряли чисто-человѣческіе пути и образы жизни,—не удовлетворялъ и этотъ—вообще необходимый, почтенный и благословенный, но въ основѣ своей только естественный, чисто-человѣческій путь Эроса-Гименея, если не въ красотѣ, то въ законѣ рождающаго и воспитывающаго новыя поколѣнія для сохраненія и продолженія рода человѣческаго,—пока нужно ему *такое* продолженіе. Недовольство этимъ законнымъ путемъ у иныхъ — у бо̀льшей части—приводило къ печальному возврату на низшіе, покинутые человѣческимъ образованіемъ, беззаконные пути,—возвращало людей къ до-историческому обычаю звѣриному, а то и къ допотопнымъ „глубинамъ сатанинскимъ".

Но нѣкоторые, уклоняясь отъ человѣческаго пути брака, честно старались замѣнить его не низшими беззаконными, а высшими или сверхзаконными путями, изъ коихъ первый (въ общемъ счетѣ четвертый) есть *аскетизмъ* (половой, или безбрачіе), стремящійся болѣе, чѣмъ къ ограниченію чувственныхъ влеченій,—къ совершенной ихъ нейтрализаціи отрицательными усиліями духа въ воздержаніи. Аскетизмъ есть дѣло очень ранняго историческаго происхожденія и универсальнаго распространенія, если не въ смыслѣ успѣха, то хоть въ смыслѣ намѣренія и предпріятія. Замѣчательно, однако, что полнѣйшая изъ историческихъ организацій этого пути—христіанское монашество—уже сопровождается невольнымъ сознаніемъ, что при всемъ своемъ высокомъ достоинствѣ это не есть высшій, окончательный, сверхчеловѣческій путь любви.

Само монашество считаетъ и называетъ себя чиномъ *ангельскимъ*; истинный монахъ носитъ образъ и подобіе ангела, онъ есть „ангелъ во плоти"; за величайшимъ монахомъ западнаго христіанства, св. Францискомъ Ассизскимъ, остается прозваніе pater seraphicus и т. д. Но съ христіанской точки зрѣнія ангелъ не есть высшее изъ созданій: онъ ниже человѣка по существу и назначенію,—человѣка, какимъ онъ долженъ быть и бываетъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Представительница христіанскаго человѣчества признается царицей ангеловъ, а у апостола Павла читаемъ, что всѣ истинные христіане будутъ судить и ангеловъ. Ангелы же не судятъ людей, а лишь исполняютъ при нихъ службу Божію.

Если человѣкъ по существу и преимуществу есть образъ и подобіе Божіе, то носить образъ и подобіе служебнаго духа можетъ быть для него лишь временною, предварительною честью. Тѣ самые восточные отцы церкви, которые и восхваляли, и устанавливали „ангельскій чинъ"—монашество, они же высшею цѣлью

и удѣломъ человѣка признавали совершенное соединеніе съ божествомъ—обожествленіе или *обоженіе*, θέωσις [1]), а не ἀγγελῶσις.

И дѣйствительно, аскетизмъ не можетъ быть высшимъ путемъ любви для человѣка. Его цѣль — уберечь силу божественнаго Эроса въ человѣкѣ отъ расхищенія бунтующимъ матеріальнымъ хаосомъ, сохранить эту силу въ чистотѣ и неприкосновенности. Сохранить въ чистотѣ,—но *для чего же?* Полезно и необходимо очищеніе Эрота, особенно когда за долгіе вѣка человѣческой исторіи онъ успѣлъ такъ ужасно загрязниться. Но сыну божественнаго обилія одной чистоты мало. Онъ требуетъ полноты силъ для живого творчества.

Итакъ, долженъ быть для человѣка кромѣ и выше четырехъ указанныхъ путей любви—двухъ проклятыхъ и двухъ благословенныхъ — еще *пятый*, совершенный и окончательный путь истинно перерождающей и обожествляющей любви. Я могу указать здѣсь только основныя условія, опредѣляющія *начало* и *цѣль* этого высшаго пути. Создалъ Предвѣчный Богъ человѣка, по образу и подобію Своему создалъ его: мужа и жену, создалъ ихъ. Значитъ, образъ и подобіе Божіе, то, что подлежитъ возстановленію, относится не къ половинѣ, не къ полу человѣка, а къ цѣлому человѣку, т.-е. къ положительному соединенію мужескаго и женскаго начала, — истинный андрогинизмъ — безъ внѣшняго смѣшенія формъ,—что есть уродство,—и безъ внутренняго раздѣленія личности и жизни,—что есть несовершенство и начало смерти. Другое начало смерти, устраняемое высшимъ путемъ любви, есть противоположеніе духа тѣлу. И въ этомъ отношеніи дѣло идетъ о цѣломъ человѣкѣ, и истинное начало его возстановленія есть начало *духовно-тѣлесное*. Но какъ невозможно для божества духовно-тѣлесно переродить человѣка безъ участія самого человѣка,—это былъ бы путь химическій, или какой другой, но не человѣческій,—точно также невозможно, чтобы человѣкъ изъ самого себя создалъ себѣ сверхчеловѣчность—это все равно, что самому поднять себя за волосы; ясно, что человѣкъ можетъ *стать* божественнымъ лишь дѣйствительною силою не становящагося, а вѣчно существующаго Божества, и что путь высшей любви, совершенно соединяющей мужеское съ женскимъ, духовное съ тѣлеснымъ, необходимо уже въ самомъ началѣ есть

[1]) Весьма употребительный терминъ у св. Макарія Египетскаго, св. Аѳанасія Александрійскаго, св. Григорія Богослова и др.

соединеніе или взаимодѣйствіе божескаго съ человѣческимъ, или есть процессъ *богочеловѣческій*.

Любовь, въ смыслѣ эротическаго паѳоса, всегда имѣетъ своимъ собственнымъ предметомъ *тѣлесность*; но тѣлесность достойная любви, т.-е. прекрасная и безсмертная, не ростетъ сама собою изъ земли и не падаетъ готовою съ неба, а добывается подвигомъ духовно-физическимъ и бого-человѣческимъ.

XXVII.

Три указанныя понятія, опредѣляющія высшій путь любви—понятія андрогинизма, духовной тѣлесности и богочеловѣчности—мы находимъ и у Платона, хотя лишь въ смутномъ видѣ. Первое—въ миѳѣ, вложенномъ въ уста Аристофана (*Пиршество*), второе—въ опредѣленіи красоты (*Фэдръ*), и третье—въ самомъ понятіи Эрота, какъ посредствующей силы между Божествомъ и смертною природой (рѣчь Діотимы въ *Пиршествѣ*). Но у Платона эти три принципа являются какъ мимолетныя фантазіи. Онъ не связалъ ихъ вмѣстѣ и не положилъ въ реальное начало высшаго жизненнаго пути, а потому и конецъ этого пути—воскрешеніе мертвой природы для вѣчной жизни—остался для него сокрытымъ, хотя логически вытекалъ изъ его собственныхъ мыслей. Онъ подошелъ въ понятіи къ творческому дѣлу Эрота, понялъ его какъ жизненную задачу—„рожденія въ красотѣ“,—но не опредѣлилъ окончательнаго содержанія этой задачи, не говоря уже о ея исполненіи.

Платоновъ Эросъ, котораго природа и общее назначеніе такъ прекрасно описаны философомъ-поэтомъ, не совершилъ этого своего назначенія, не соединилъ неба съ землею и преисподнею, не построилъ между ними никакого дѣйствительнаго моста, и равнодушно упорхнулъ съ пустыми руками въ міръ идеальныхъ умозрѣній. А философъ остался на землѣ—тоже съ пустыми руками—на пустой землѣ, гдѣ правда *не* живетъ.

XXVIII.

Платонъ не овладѣлъ безконечною силою Эрота для настоящаго дѣла *перерожденія* своей и чужой природы. Все осталось по прежнему въ дѣйствительности, и мы не видимъ, чтобы самъ Платонъ сколько-нибудь приблизился къ божескому, или хотя бы

ангельскому чину. Но въ немъ осталась все-таки частица того изобилія, которое сынъ Пороса унаслѣдовалъ отъ своего отца. Платонъ уже не могъ вернуться къ тому отрѣшенному идеализму, который не хочетъ знать жизни. Не даромъ со всею силою и глубиною своей индивидуальности онъ пережилъ и передумалъ то чувство, которое уже само по себѣ, уже какъ субъективное состояніе, снимаетъ хоть на время безусловную грань между идеальнымъ міромъ и дѣйствительною жизнью, строитъ хотя бы только воздушный мостъ между небомъ и землей.

Міръ вообще и ближайшимъ образомъ человѣческое общество становятся для Платона предметомъ не отрицанія и удаленія, а живого интереса. Противорѣчіе дѣйствительности идеальнымъ требованіямъ остается прежнее, но Платонъ смотритъ на него иначе. Онъ хочетъ не уходить отъ зла на вершины созерцанія, а практически ему противодѣйствовать, исправлять мірскія неправды, помогать мірскимъ бѣдствіямъ. И такъ какъ настоящее глубокое исправленіе и полная помощь — чрезъ *перерожденіе* человѣческой природы—оказались ему не по силамъ, то онъ беретъ болѣе поверхностную, но за то и болѣе доступную задачу—*преобразованія* общественныхъ отношеній.

Онъ обдумываетъ образецъ лучшаго общежитія и изъясняетъ свой планъ въ десяти книгахъ о *Государствѣ* [1]. Но, увы! оставивъ въ душѣ философа новую охоту къ жизни и политикѣ, коварный Эросъ унесъ на своихъ крыльяхъ ту творческую силу, безъ которой эта охота должна была остаться безплодной. Отступивши передъ высшею жизненною задачей, Платонъ не одолѣлъ и низшей: никакого преобразователя общественнаго и политическаго изъ него не вышло, несмотря на всѣ его старанія, и не потому, чтобы онъ былъ слишкомъ утопистомъ, а по отсутствію дѣйствительно прогрессивнаго начала въ его утопіяхъ, по ихъ ненужности и неинтересности для человѣчества. Какой интересъ могло возбуждать предложеніе устроивать государство болѣе по образцу Спарты, нежели Аѳинъ, когда уже являлось сознаніе, что и спартанская, и аѳинская гражданственность оказались несостоятельными? Можно находить вѣрной и во всякомъ случаѣ должно признать остроумною и изящною Платонову схему трехъ общественныхъ классовъ соотвѣтственно тремъ основнымъ частямъ

---

[1]) Части этого сочиненія написаны въ разное время, но какъ цѣлое оно несомнѣнно принадлежитъ къ той эпохѣ въ жизни философа, о которой у насъ рѣчь,— между эротическимъ подъемомъ и неудачными политическими попытками въ Сициліи.

души и тремъ основнымъ добродѣтелямъ [1]). Но эта схема настолько обща и формальна, что подъ нее легко подходитъ средневѣковой европейскій строй, несмотря на существенное различіе историческаго и нравственнаго содержанія античной и средневѣковой общественности. Но именно къ содержанію собирательной жизни Платонъ и не обращался ни съ какимъ нравственнымъ вопросомъ по существу, а потому ни о какомъ дѣйствительномъ исправленіи и улучшеніи этой жизни не можетъ быть и рѣчи по поводу его политическихъ построеній. При глубинѣ и смѣлости нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мыслей общій идеалъ соціальнаго строя поражаетъ своимъ поверхностнымъ характеромъ и отсутствіемъ истинно-этическихъ началъ. Платонъ какъ будто хотѣлъ узаконить и увѣковѣчить главныя нравственныя язвы древней жизни—рабство, раздѣленіе между греками и варварами и войну между ними, какъ нормальное состояніе. Къ этому присоединяется какъ общее правило и законъ то, что̀ въ дѣйствительной жизни древнихъ городовъ бывало лишь какъ исключительное явленіе — принудительныя мѣры противъ поэтовъ, изгоняемыхъ изъ государства. Болѣе важно, что во взаимоотношеніи половъ идеальная община Платона возвращается къ дикому образу жизни по обычаю звѣриному. Довольно характерно, какъ философское исправленіе общежитія — распространеніе обязательной военной службы на женщинъ, но еще характернѣе основаніе для такой реформы: такъ какъ собаки, охраняющія и защищающія стада, исполняютъ эту службу безъ различія самцовъ и самокъ, то ясно, что женщины должны ходить на войну. И вотъ на такихъ реальныхъ основахъ рабства, войнъ и безпорядочнаго смѣшенія половъ и поколѣній, коллегія философовъ должна посредствомъ хорошаго воспитанія создать идеальное государство!

XXIX.

Платонъ не довольствуется ролью теоретика соціальнаго идеала. Онъ хочетъ непремѣнно начать практическое осуществленіе своего плана. Такъ какъ его принципъ требуетъ, чтобы нор-

---

[1]) Вотъ это трижды тройное дѣленіе:

Психологическое:	Этическое:	Политическое:
Разумная часть души.	Мудрость.	Правители.
Аффективная.	Мужество.	Военные.
Вожделѣнія.	Умѣренность.	Ремесленники и земледѣльцы.

мальнымъ обществомъ управляли философы, то Платонъ естественно обращаетъ взглядъ къ той философской школѣ, которая изначала имѣла соціальныя стремленія и играла видную политическую роль. Онъ отправляется къ пиѳагорейцамъ въ Великую Грецію (т.-е. южную Италію). Первымъ результатомъ этого путешествія было болѣе близкое, чѣмъ прежде, ознакомленіе Платона съ пиѳагорейскимъ ученіемъ, что отразилось на его космологическомъ діалогѣ *Тимей*. Но съ другой стороны *Тимей*, также какъ и другое важное произведеніе, *Филэбъ*, независимо отъ пиѳагорейскихъ вліяній, носятъ явные и глубокіе слѣды той общей перемѣны міросозерцанія, которая произошла у Платона въ связи съ его эротическою философіей. О безусловной противуположности двухъ міровъ и двухъ жизней нѣтъ болѣе помину; осталась только относительная противоположность образующихъ вселенную началъ. Въ *Тимеѣ* центральное мѣсто принадлежитъ связующей идеальное бытіе съ реальнымъ *міровой душѣ*—другое названіе для Эрота.

Что касается до практическихъ намѣреній Платона, то пиѳагорейцы могли оказать ему лишь косвенную поддержку. Ихъ союзъ, ослабленный и напуганный демократическими разгромами, не рисковалъ болѣе серьезными политическими предпріятіями, представляя собою нѣчто въ родѣ того мистическаго масонства, которое процвѣтало у насъ въ Россіи въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Пиѳагорейцы могли только направить Платона въ Сиракузы ко двору тиранна Діонисія (Старшаго), гдѣ они имѣли нѣкоторыя связи и вліянія. Хотя по прежнимъ понятіямъ Платона тираннія, т.-е. монархическая власть, произвольно и насильственно захваченная, изо всѣхъ дурныхъ образовъ правленія есть наихудшій, но теперь онъ приходитъ къ мнѣнію, что единственный практическій способъ водворить правду на землѣ есть вліяніе мудреца на подходящаго для этого, или удобнаго тиранна. Діонисій Старшій былъ безспорно настоящимъ типичнымъ тиранномъ, но въ *удобствѣ* его Платону пришлось усомниться, когда ихъ знакомство кончилось тѣмъ, что Діонисій продалъ философа въ рабство—хорошій урокъ для мыслителя, который при своихъ возвышенныхъ умозрѣніяхъ объ истинно-сущемъ и о сверхъ-сущемъ благѣ не додумался до той простой истины и того простого блага, что человѣкъ не можетъ быть безправною принадлежностью другого человѣка.

Платонъ не воспользовался этимъ урокомъ, и вмѣсто того, чтобы, вспомнивъ Сократа, размыслить о существенныхъ нравственныхъ нормахъ общежитія, онъ дѣлаетъ еще двукратную на-

прасную попытку образовать себѣ „удобнаго" тиранна изъ Діонисіева преемника, Діонисія Младшаго.

XXX.

Окончательно разочаровавшись въ Сиракузахъ, Платонъ обращается мыслію къ Криту, родинѣ мудраго Миноса, и въ ожиданіи открытія тамъ удобнаго тиранна пишетъ въ двѣнадцати книгахъ сводъ законовъ для будущаго образцоваго города на островѣ Критѣ. Это послѣднее твореніе Платона въ высшей степени замѣчательно. Начиная съ внѣшней черты,—хотя сочиненіе написано въ діалогической формѣ (мѣстами не выдержанной), но Сократъ не только не является по обыкновенію главнымъ дѣйствующимъ или разговаривающимъ лицомъ, но о немъ вовсе нѣтъ помину, какъ будто Платонъ *забылъ* о его существованіи. Важнѣе то, что по содержанію своему сочиненіе *о законахъ* есть не забвеніе, а прямое отреченіе отъ Сократа и отъ философіи. Я не говорю про общій низменный складъ мысли въ этихъ книгахъ, про варварство уголовнаго права съ квалифицированною смертною казнью, съ преслѣдованіемъ чародѣевъ и заклинателей, не говорю про возмутительную несправедливость отдѣльныхъ законовъ, напримѣръ тѣхъ, которые рабу, не донесшему властямъ объ извѣстномъ нарушеніи общественнаго порядка посторонними лицами, назначается смертная казнь,—помимо всего этого, прямое принципіальное отреченіе отъ Сократа и отъ философіи высказывается Платономъ въ тѣхъ законахъ, въ силу которыхъ подлежитъ казни всякій, кто подвергаетъ критикѣ или колеблетъ авторитетъ отечественныхъ законовъ какъ по отношенію къ богамъ, такъ и по отношенію къ общественному порядку.

Такимъ образомъ, величайшій ученикъ Сократа, вызванный къ самостоятельному философскому творчеству негодованіемъ на *легальное* убійство учителя—подъ конецъ всецѣло становится на точку зрѣнія Анита и Мелита, добившихся смертнаго приговора Сократу именно за его свободное отношеніе къ установленному религіозно-гражданскому порядку.

Какая глубочайшая трагическая катастрофа, какая полнота внутренняго паденія! Авторъ *Апологіи*, *Горгія*, *Фэдона*, послѣ полувѣкового культа убитаго законами мудреца и праведника, открыто принимаетъ и утверждаетъ въ своихъ „Законахъ" тотъ самый принципъ слѣпой, рабской и лживой вѣры, которымъ убитъ отецъ его лучшей души!

Смерть Сократа со всѣмъ ея драматизмомъ; роковой вопросъ —стоитъ ли жить, когда законно убита правда въ своемъ лучшемъ воплощеніи; рѣшеніе—смыслъ жизни въ иномъ идеальномъ мірѣ, а этотъ—есть царство зла и обмана; явленіе священнаго Эрота, бросающаго мостъ между двумя мірами и ставящаго задачу полнаго ихъ соединенія, спасенія низшаго міра, перерожденія его; безсильный отказъ отъ этой задачи; подмѣна ея другою—преобразованія, исправленія общества мудрыми политическими уставами чрезъ дѣйствіе послушнаго тиранна; и наконецъ, подъ предлогомъ исправленія мірской неправды, торжественное утвержденіе этой неправды *въ той самой формѣ*, которою осужденъ и убитъ праведникъ, — я не знаю болѣе значительной и глубокой трагедіи въ *человѣческой* исторіи.

Если Сократъ свелъ философію съ неба и далъ ее въ руки людямъ, то его величайшій ученикъ приподнялъ ее высоко надъ головою и съ высоты бросилъ ее на землю, въ уличную грязь и соръ. Хорошо, что сосудъ мудрости не есть сосудъ скудельный. Разбились въ дребезги недостойныя политическія исканія и планы философа, но мысли его лучшихъ дней остались во всей цѣлости. Судъ потомства былъ къ нему не только справедливъ, но и милостивъ. Знаютъ Платона въ *Фэдонѣ* и *Θеэтетѣ,* въ *Фэдрѣ* и *Пиршествѣ*, въ *Филэбѣ*, *Тимеѣ* и лучшихъ главахъ *Государства*, снисходительно прощаютъ его грубый коммунизмъ, какъ случайную абберацію великаго ума — quandoque bonus dormitat et *Plato*,—а его *Законы* никто и не читаетъ, кромѣ спеціалистовъ.

Не напрасно, однако, изъ великаго множества счастливо погибшихъ плохихъ произведеній древности *Законы* Платона сохранились неприкосновенными. Это сочиненіе важно, во-первыхъ, съ точки зрѣнія *историко-эстетической*, потому что увѣковѣченное здѣсь отреченіе отъ Сократа даетъ жизненной драмѣ Платона трагическій конецъ такой же, въ сущности, силы, какъ ея начало. Во-вторыхъ, это свидѣтельство глубокаго паденія Платона важно для его личной характеристики. Говорятъ, что его прозвали Платономъ, т.-е. *широкимъ* (первоначальное его имя было будто бы Аристоклъ) за широту его лица, а по другимъ,—за широту его духа. Его духовный діапазонъ былъ дѣйствительно очень широкъ, и для полноты своего объема долженъ былъ заключать и тѣ *низкія* ноты, которыя звучатъ въ его послѣднемъ произведеніи.

А наконецъ, должно сказать и то: Сократъ своею благородною смертью исчерпалъ нравственную силу чисто-человѣческой мудрости, достигъ ея предѣла. Чтобы идти дальше и выше Со-

крата—не въ умозрѣніи только и не въ стремленіи только, а въ дѣйствительномъ жизненномъ подвигѣ,—нужно было больше, чѣмъ человѣка. Послѣ Сократа, и словомъ, и примѣромъ научающаго достойной человѣка смерти, дальше и выше могъ идти только тотъ, кто имѣетъ силу воскресенія для вѣчной жизни. Немощь и паденіе „божественнаго“ Платона важны потому, что рѣзко подчеркиваютъ и поясняютъ невозможность для человѣка исполнить свое назначеніе, т.-е. стать дѣйствительнымъ *сверхчеловѣкомъ*, одною силою ума, генія и нравственной воли,—поясняютъ необходимость настоящаго существеннаго *богочеловѣка*.

Владиміръ Соловьевъ.

НАРОДНАЯ ШКОЛА

въ

ШВЕЦІИ

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

I.

Стокгольмская выставка прошедшаго года, которую намъ удалось посѣтить, представляла собою очень много интереснаго и обращала на себя особенное вниманіе своею, если можно такъ выразиться, правдивостью. Все въ ней было не только обдуманно и старательно распланировано, устроено и выставлено, но при этомъ—ни тѣни показного, ни малѣйшаго желанія бить на эффектъ... Невольно является у каждаго полная увѣренность, что онъ видитъ именно то, что̀ имѣется въ обиходѣ, а не подготовлено для одной выставки; это—не праздничный нарядъ, а обыденная жизнь шведовъ; никто не желаетъ поражать и удивлять публику выставкой: съ большой затратой труда тутъ собрано и показано все, что̀ успѣло уже войти въ общее употребленіе. Особенно сильно ощущалось это отсутствіе показной стороны въ школьномъ отдѣлѣ—одномъ изъ самыхъ большихъ отдѣловъ выставки.

Отчасти благодаря тому, что крестьянство въ Швеціи съиздавна принимало участіе въ политической жизни страны, а отчасти благодаря отсутствію крѣпостного права, потребность образованія давно развивалась и крѣпла въ народѣ, и теперь, можно сказать, Швеція по народному образованію стоитъ на ряду со всѣми европейскими государствами, достигшими высшаго развитія народной культуры.

Къ 1896 году всѣхъ народныхъ школъ собственно въ Швеціи было 11.170—изъ нихъ 8.309 постоянныхъ и 2.861 подвижныхъ. Народныя школы подраздѣляются здѣсь на: 1) приготовительныя (småskola) съ 2-хъ-годичнымъ курсомъ; 2) сокращенныя (mindre folkskola) съ 4-хъ-годичнымъ курсомъ; 3) полныя народныя школы (folkskola) съ 7-ми-годичнымъ курсомъ; 4) дополнительныя (fortsättningskola), и 5) высшія народныя школы (послѣднихъ—13). Каждый приходъ долженъ имѣть школу. Школой завѣдуетъ попечительный совѣтъ изъ выборныхъ лицъ подъ предсѣдательствомъ пастора. Епископъ (лютеранской церкви) слѣдитъ за всѣми народными школами своей епархіи и представляетъ о нихъ отчетъ въ министерство просвѣщенія; съ 1864 г., при министерствѣ просвѣщенія учрежденъ особый отдѣлъ, спеціально завѣдующій народными школами. Правительство назначаетъ особыхъ инспекторовъ (ихъ теперь 30), на обязанности которыхъ лежитъ непосредственный надзоръ за школами. Дѣти съ 7-ми лѣтняго возраста до 14 лѣтъ обязаны посѣщать школу. Ученіе во всѣхъ школахъ, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ, даровое; родители только одѣваютъ дѣтей и снабжаютъ ихъ книгами, но и отъ этихъ расходовъ бѣдные освобождены. Расходъ на учебныя книги доведенъ до минимума, такъ какъ ежегодно взимается за каждаго ребенка только отъ одной кроны (40 коп.) до двухъ. Складъ книгъ всегда въ самой школѣ, и всѣ сельскія школы выписываютъ книги изъ центральнаго управленія—слѣдовательно, по самой дешевой цѣнѣ. Обязательными предметами въ народной школѣ считаются: 1) Законъ Божій, 2) отечественный языкъ, 3) ариѳметика, 4) начальная геометрія, 5) географія, 6) исторія, 7) естественная исторія (сюда входятъ и общія понятія объ анатоміи и гигіенѣ), 8) рисованіе отъ руки съ орнаментовъ и предметовъ и линейное черченіе разныхъ геометрическихъ фигуръ, 9) чистописаніе, 10) пѣніе и 11) гимнастика (въ старшихъ классахъ, во время уроковъ гимнастики мальчиковъ обучаютъ военной маршировкѣ). Если школа имѣетъ землю подъ огородъ и плодовый садъ (а у большинства такая земля есть), то дѣтей обучаютъ посадкѣ и уходу за овощами, растеніями и деревьями, а также и прививкѣ и окулировкѣ фруктовыхъ деревьевъ. Затѣмъ, во всѣхъ школахъ преподается ручной трудъ, или „слойдъ“, но это предметъ необязательный.

Такова общая программа для народныхъ школъ; но каждый школьный совѣтъ имѣетъ полное право, съ вѣдома и согласія высшей инстанціи, видоизмѣнять общій курсъ, расширять или съуживать его, примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ. Всѣ народныя школы содержатся собственно на средства прихода, но многія изъ нихъ субсидируются правительствомъ. Субсидію свою правительство всегда назначаетъ спеціально на жалованье учебнаго персонала, и въ 1896 г.

такихъ субсидій было выдано на сумму 4.557.869 кронъ [1]). Общая же сумма расходовъ правительства на народныя школы равнялась въ 1896 г. 15.599.136 кр. Каждый ученикъ обходится въ 21 кр., а по раскладкѣ всего расхода по числу жителей—на каждаго человѣка приходится по 3 кр. съ небольшимъ.

Въ народныхъ школахъ преподаваніе ведется или учителемъ, или учительницею, но непремѣннымъ условіемъ преподаванія считается, чтобы и тѣ и другія окончили курсъ учительской семинаріи; даже кандидаты университета (они принимаются преподавателями въ высшія народныя школы) не могутъ быть приняты на службу, если не пробыли въ семинаріи по крайней мѣрѣ одинъ годъ. Въ сельскихъ школахъ попечительный совѣтъ намѣчаетъ обыкновенно трехъ кандидатовъ въ учителя и представляетъ ихъ на выборъ приходу.

Въ 1896 году, учителей и учительницъ числилось 13.962 и сверхъ того 847 по спеціальнымъ предметамъ, какъ, напр., по рисованію, „слойду“, гимнастикѣ, и т. д. Въ приготовительныхъ и сокращенныхъ народныхъ школахъ число женскаго учебнаго персонала въ послѣдніе годы значительно превышаетъ мужской, а въ школахъ съ полнымъ курсомъ—число учителей и учительницъ приблизительно одинаковое. Содержаніе, получаемое учителями народныхъ школъ, не вездѣ одно и то же—оно въ зависимости отъ финансовыхъ средствъ каждой школы; однако, закономъ установленъ минимальный окладъ жалованья учителя сельской народной школы, считая 8 учебныхъ мѣсяцевъ, а именно: 1) 600 кр. въ годъ; 2) помѣщеніе изъ двухъ комнатъ и кухни (а для учительницы—1 комната и кухня); 3) топливо, 4) кормъ для содержанія коровы и 5) кусокъ земли подъ огородъ. Въ городахъ они получаютъ больше—такъ, въ Стокгольмѣ учителямъ платятъ между 1.400 и 2.000 (жалованье учительницѣ нѣсколько меньше). Жалованье учителей высшихъ народныхъ школъ колеблется отъ 1.000 до 2.500 кр. Черезъ каждыя 5 лѣтъ службы, учителя и учительницы получаютъ надбавку. Съ 1866 года учреждена пенсіонная касса для учителей народныхъ училищъ. Взносы въ нее дѣлаются не учителями, а приходами, и кромѣ того касса получаетъ субсидію отъ правительства въ размѣрѣ свыше 350.000 кр. Существуетъ также касса для вдовъ и сиротъ учителей; вклады въ нее производятся самими учащими; правительство даетъ 63.500 кр.

Учительскія семинаріи (7 для учителей и 5 для учительницъ)—всѣ основаны казною и содержатся на ея средства. Курсъ 4-хъ-годичный. Учениковъ принимаютъ туда не моложе 16 лѣтъ и не старше 26. Кромѣ этихъ 12 семинарій, существуетъ еще одна для лапландцевъ—и одна

[1]) Крона равняется приблизительно 40 к.

для финляндцевъ, такъ какъ въ Швеціи, на ряду съ обязательностью образованія, господствуетъ полная свобода преподаванія, и правительство не принуждаетъ инородцевъ изучать шведскій языкъ.

Кстати, упомянемъ о самыхъ высшихъ народныхъ школахъ (родъ народныхъ университетовъ). Такихъ школъ въ Швеціи въ настоящее время 27: 11 исключительно для мужчинъ, и 16 для лицъ обоего пола. Цѣль ихъ—возможно больше развить умственныя способности въ народѣ и возбудить въ немъ интересъ къ общечеловѣческимъ и государственнымъ вопросамъ. Учителя и учительницы—съ высшимъ образованіемъ. Они стараются возбудить самодѣятельность въ ученикахъ и съ этой цѣлью, кромѣ положенныхъ часовъ для уроковъ, ведутъ по вечерамъ свободныя собесѣдованія по различнымъ предметамъ. Сверхъ того, нѣкоторые изъ учителей читаютъ лекціи, на которыя собираются окрестные жители. Курсъ въ этихъ высшихъ народныхъ училищахъ шестимѣсячный, но приблизительно 20% учениковъ остаются еще и на второй годъ. Спеціальныхъ знаній школы эти не даютъ, и потому объ окончаніи курса въ нихъ не получается никакихъ свидѣтельствъ; тѣмъ не менѣе, стремленіе къ образованію такъ сильно, что въ 1896 году учениковъ и учениць въ высшихъ школахъ было 1.211 человѣкъ. Большинство этихъ школъ основано на средства частныхъ, а также и сельскихъ и провинціальныхъ обществъ. Правительство въ 1896 г. ассигновало на эти школы 65.850 кр. и кромѣ того внесло за неимущихъ учениковъ 15.000 кр. (школы эти платныя).

Всѣ эти краткія свѣдѣнія о состояніи народнаго образованія въ Швеціи мы позаимствовали изъ бесѣдъ съ членами училищной группы выставки, и главнымъ образомъ—съ инспекторомъ народныхъ школъ въ Стокгольмѣ—д-ромъ Бергманомъ [1]).

На выставкѣ можно было видѣть массу фотографій различныхъ сельскихъ училищъ, и кромѣ того у самаго входа на выставку возвышалось небольшое двухъ-этажное зданіе сельской школы. Это не была модель, устроенная спеціально для выставки, а дѣйствительная школа, заказанная одной коммуной, или приходомъ, и по соглашенію съ выставочнымъ комитетомъ предварительно поставленная на площади выставки. Зданіе это привлекало всегда массу посѣтителей не только изъ числа иностранцевъ,—сами шведы, какъ горожане, такъ и крестьяне, съ интересомъ и любовью заглядывали во всѣ уголки, открывали дѣтскіе пюпитры, въ которыхъ были сложены учебныя пособія, осматривали доски, карты, столярные станки, комнаты, предназначенныя для житья учителя, и т. п. Зданіе это предназначено для деревни; тѣмъ не менѣе, комнаты въ немъ высокія, окна большія; стѣны

[1]) Цифровыя данныя извлечены нами изъ книги г. Бергмана: „Das Schwedische Unterrichtswesen", 1897.

внутри изъ лакированнаго дерева; парты удобныя, одиночныя и парныя, разставленныя не тѣсно, такъ что дѣти могутъ свободно двигаться. Въ столахъ—тетради, учебники, пеналы и деревянные ящички съ кубиками и буквами. На стѣнахъ подъемныя географическія карты (въ каждомъ классѣ обязательно имѣть 4 карты: Палестины, обоихъ полушарій, Европы и Швеціи; остальныя же карты, пригодныя только для старшихъ классовъ, всегда хранятся въ помѣщеніи учителя). Классныя доски въ большинствѣ случаевъ на блокахъ, такъ что учитель, не вставая со своего стула, можетъ безъ всякаго усилія ихъ приподнять или опустить, смотря по надобности. Въ сельскихъ школахъ обыкновенно нѣтъ особаго помѣщенія для „слойда"—ручного труда дѣвочекъ—поэтому въ одномъ изъ классовъ къ столамъ придѣланы подушечки для шитья [1]). Столярные станки занимаютъ особую комнату; инструменты сложены въ шкафахъ, придѣланныхъ къ стѣнѣ. Шкафы эти очень плоскіе и занимаютъ, какъ будто, мало мѣста, но когда ихъ раскроешь, то поражаешься разнообразіемъ и количествомъ находящихся въ нихъ предметовъ. Въ помѣщеніи учителя, состоящаго изъ двухъ комнатъ и кухни, стоитъ шкафъ съ дѣтскими книгами. Теперь для облегченія дѣтей вводятся, по образцу города Буда-Пешта, библіотеки, раздѣленныя на отдѣлы, и каждый отдѣлъ переплетенъ въ особый цвѣтъ, причемъ каждая книга за №, такъ что ребенку легко ее ставить на надлежащее мѣсто. Конечно, имѣются и печатные каталоги при библіотекѣ.

Особенно поражаетъ въ шведскихъ школахъ количество, удобство и замѣчательная дешевизна въ соединеніи съ прекрасной отдѣлкой всѣхъ учебныхъ пособій. Напримѣръ, школьный столъ отличнаго устройства, крашеный и полированный—стóитъ $3^1/_2$ кроны, т.-е. менѣе двухъ рублей; или еще: въ норвежскомъ отдѣлѣ, за 25 кронъ была выставлена весьма подробная карта по зоологіи, ботаникѣ и анатоміи на большой деревянной подставкѣ; она приводилась въ движеніе посредствомъ подвижныхъ ремней. Эксперты школьной группы, присуждая призы экспонентамъ по учебнымъ пособіямъ, всегда принимали въ соображеніе не только качество, т.-е. отдѣлку и цѣлесообразность предмета, но и его дешевизну,—такъ сильно здѣсь стремленіе и стараніе дѣлать учебныя пособія доступными для маленькихъ и бѣднѣйшихъ сельскихъ школъ. За одно дорогое учебное пособіе эксперты хотя присудили золотую медаль,--а именно за аппараты по физическому кабинету,—но долго обсуждали вопросъ: правильно ли давать ее, такъ какъ это учебное пособіе, стоющее чрезвычайно дорого, пригодно только

[1]) Устройство этихъ столовъ слѣдующее: крайняя, т.-е. ближайшая къ скамьѣ, доска на петляхъ и на нижней ея сторонѣ привинчены подушки. Во время учебныхъ уроковъ доска спущена, а для уроковъ рукодѣлія она откидывается.

для привилегированнаго заведенія. Послѣ долгихъ и горячихъ преній члены-эксперты обратились даже за совѣтомъ къ бар. Норденшильду (предсѣдателю училищной группы), и наконецъ большинствомъ голосовъ рѣшено было дать высшую награду, на томъ основаніи, что лучшихъ приспособленій по этой отрасли и представить себѣ нельзя.

Особенно много мѣста занято было на выставкѣ издѣліями школьнаго „слойда"—ручного труда: грудами лежали чулки, разное вязанье, бѣлье, платья, картонажи, металлическія, токарныя и столярныя работы—послѣднихъ особенно много, и нѣкоторыя были исполнены артистически хорошо. Говорятъ, что въ Швеціи уже слишкомъ увлекаются „слойдомъ", въ ущербъ научнымъ предметамъ, но мы недолго оставались въ Швеціи для того, чтобы рѣшительно опровергать это обвиненіе, и замѣтимъ только слѣдующее: во 1) слойдъ въ школахъ предметъ не обязательный, и каждый ученикъ можетъ отъ него отказаться, и во 2) онъ введенъ вовсе не съ цѣлью образовать ремесленниковъ (собственно ремесленное образованіе получаютъ здѣсь уже по окончаніи народной школы), а чисто по воспитательнымъ и педагогическимъ соображеніямъ, и слѣдовательно вполнѣ раціонально. Въ началѣ 70-хъ годовъ въ Швеціи стали обращать особенное вниманіе на преподаваніе „слойда", который до того времени встрѣчался въ нѣкоторыхъ сельскихъ школахъ по инициативѣ сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ. Правительство, удостовѣрившись въ пользѣ этого дѣла и убѣдившись, что оно является потребностью большинства, ввело преподаваніе „слойда" въ учительскія семинаріи, и съ 1877 г. стало выдавать пособія нуждающимся въ поддержкѣ школамъ, въ которыхъ преподавался „слойдъ" мальчикамъ—въ размѣрѣ 75 кр. въ годъ на каждое отдѣленіе въ 15 учениковъ. Въ 1896 г., правительственная субсидія на „слойдъ" мальчиковъ достигла 185.236 кр. Субсидія на „слойдъ" выдается съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы преподаваніе его велось на педагогическихъ основаніяхъ и не приносило ущерба научнымъ занятіямъ, въ чемъ и требуется удостовѣреніе школьнаго начальства. Д-ръ Бергманъ сообщилъ намъ, что въ настоящее время „слойду" обучаютъ почти во всѣхъ школахъ, и хотя онъ и до сихъ поръ остается предметомъ не обязательнымъ, но почти никто изъ учениковъ отъ него не отказывается. По отношенію „къ слойду" правительство не ставитъ никакихъ формальныхъ рамокъ и не требуетъ однороднаго преподаванія ремеслъ. Школы свободны выбирать любую отрасль, согласно мѣстнымъ условіямъ, склонностямъ и потребностямъ населенія. Эксперты по школьному „слойду" всегда одобрительно и съ большимъ интересомъ относились къ его индивидуализаціи по школамъ. Однако, хотя отрасли „слойда" и различны, но самый способъ его преподаванія до извѣстной степени теперь уже сложился въ Шве-

ціи, такъ какъ цѣль преподаванія „слойда" — воспитательная, а не профессіональная, потому какъ средства, такъ и способы его осуществленія извлекаются изъ этой самой цѣли и обусловливаются ею. Учителямъ въ семинаріяхъ, помимо обученія ремесламъ, преподается какъ особый предметъ — „педагогика слойда". Нэеская учительская семинарія слойда и нэеская система пользуются здѣсь большою извѣстностью; тамъ учителей обучаютъ также и педагогическимъ дѣтскимъ играмъ на воздухѣ.

Общія положенія „педагогическаго слойда" слѣдующія: 1) слойдъ имѣетъ дѣло исключительно съ конкретными предметами; 2) обученіе ведется безъ скачковъ, отъ легкаго къ болѣе трудному; 3) слойдъ долженъ быть индивидуаленъ, и 4) долженъ содѣйствовать гармоническому развитію умственныхъ и физическихъ силъ, пробуждать и укрѣплять интересъ и любовь къ труду, порядку, точности и развивать самодѣятельность. Если дѣти и получаютъ по преимуществу познанія, которыя имъ могутъ пригодиться въ домашнемъ быту, то тѣмъ не менѣе обученіе слойду не руководствуется экономическими началами, а старается подготовить людей болѣе способныхъ исполнять вообще человѣческій и гражданскій долгъ. Учителя прилагаютъ старанія, чтобы преподаваемый ручной трудъ соотвѣтствовалъ наклонностямъ и силамъ ребенка; чтобы работа отнюдь не производилась только механически, и чтобы исполнена она была законченно и точно.

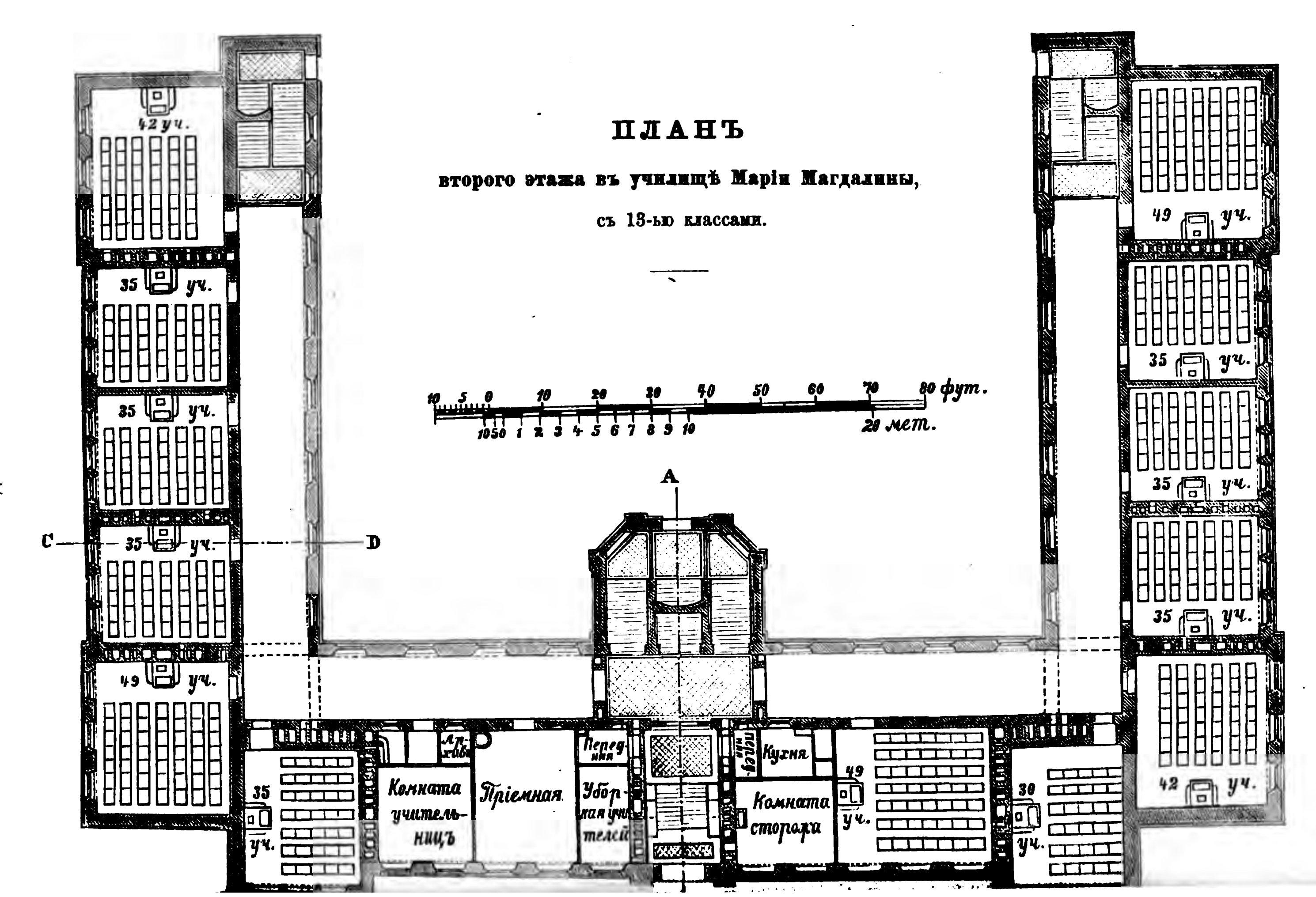
Въ нѣкоторыхъ школахъ, какъ можно было видѣть на выставкѣ, дѣтямъ дается готовая модель, которая должна быть въ точности скопирована, въ другихъ же—дѣти работаютъ по рисунку, и опять-таки требуется, чтобы сработанная вещь совершенно равнялась данному рисунку—и въ разрѣзѣ, и въ сокращенномъ размѣрѣ.

Первые три года слойдъ преподается совмѣстно мальчикамъ и дѣвочкамъ; ихъ обучаютъ легкимъ вязальнымъ и бѣлошвейнымъ швамъ; затѣмъ, съ 9 и до 11 лѣтъ мальчиковъ переводятъ на картонажныя работы, такъ какъ столярными инструментами имъ въ эти годы владѣть еще не подъ силу. Для картонажныхъ работъ дѣтямъ даются разныя геометрическія фигуры, которыя они склеиваютъ, предварительно начертивъ на картонѣ составныя части предмета. И здѣсь соблюдается строгая послѣдовательность,—и въ большинствѣ случаевъ чертежи исполнены въ уменьшенномъ размѣрѣ; ученики, увеличивая ихъ, практически знакомятся съ началами геометріи и практическаго построенія.

Обученіе столярному и металлическому „слойдамъ" производится тоже на педагогическихъ началахъ; металлическій „слойдъ" менѣе распространенъ и преподается не во всѣхъ школахъ,—притомъ исключительно въ старшихъ классахъ.

Начальное народное училище Маріи Магдалины, въ Стокгольмѣ, на 2.000 учащихся, съ 51 классомъ.

Зданіе отстроено, по коридорной системѣ, въ 1893 г., и обошлось въ 457.400 кронъ.

ПЛАНЪ
второго этажа въ училищѣ Маріи Магдалины,
съ 13-ью классами.

Рукодѣлія для дѣвочекъ въ народныхъ школахъ, какъ и „слойдъ“ для мальчиковъ, предметъ не обязательный, но можно и о дѣвочкахъ сказать то же самое, что̀ и о мальчикахъ, т.-е. что рѣдкая ученица отказывается отъ изученія рукодѣлій. „Слойдъ“ дѣвочекъ правительство начало субсидировать только съ 1896 г.; тѣмъ не менѣе, онъ введенъ почти всюду, и выработана общая программа преподаванія, такъ какъ укоренилось убѣжденіе въ *воспитательномъ* значеніи этого предмета.

Цѣли преподаванія слойда дѣвочкамъ выражены слѣдующимъ образомъ въ печатной программѣ:

1) практиковать глазъ и руку;

2) усилить и развить способность мышленія;

3) усилить любовь къ порядку;

4) развить самодѣятельность и самостоятельность;

5) развить любовь и уваженіе къ тщательно и обдуманно выполненной работѣ, и тѣмъ самымъ—

6) приготовить дѣвочекъ къ исполненію ихъ домашнихъ обязанностей.

Такимъ образомъ, преподаваніе рукодѣлій преслѣдуетъ тѣ же двѣ задачи: сначала — воспитательную, а затѣмъ уже — практическую.

Желаемый результатъ можетъ быть достигнутъ посредствомъ:

1) нагляднаго обученія;

2) строгой послѣдовательности въ выборѣ работъ, и —

3) класснымъ преподаваніемъ.

Наглядное обученіе шитью производится при помощи Nährahme, или рамы съ натянутой сѣтью толстыхъ нитокъ, изображающихъ матерію, на которыхъ большой иглой и цвѣтными нитками учительница показываетъ различные стежки; а обученіе вязанью ведется посредствомъ толстыхъ деревянныхъ спицъ и цвѣтныхъ клубковъ; кромѣ этого, учительница рисуетъ пройденное на классной доскѣ.

Ходъ работъ—строго послѣдовательный, для того, чтобы ученицы могли хорошо исполнять требуемую работу.

Обученіе должно вестись классным порядкомъ; иначе, занимаясь каждой ученицей отдѣльно, учительница не будетъ въ состояніи пройти всю программу.

Отъ учительницъ рукодѣлій, въ виду воспитательной задачи предмета, требуются тѣ же педагогическія познанія, какъ и отъ остальныхъ учительницъ; но все вышесказанное относится только къ спеціальнымъ преподавательницамъ рукодѣлій школъ Стокгольма и другихъ большихъ городовъ, такъ какъ въ сельскихъ школахъ учебные предметы и рукодѣлія преподаетъ одна и та же учительница.

Въ нѣкоторыхъ изъ сельскихъ школъ дѣвочекъ обучаютъ пряжѣ, тканью и—по желанію—картоннымъ и столярнымъ работамъ.

На рукодѣлія въ народныхъ школахъ обыкновенно удѣляется: въ младшемъ классѣ—2 часа въ недѣлю, во II, III и IV—4 часа; въ V и VI—5 часовъ, и въ VII—6 часовъ.

Въ первыхъ четырехъ классахъ обучаютъ вязанью, штопкѣ[1]), по канвѣ и разнымъ швейнымъ швамъ; въ V классѣ—вязанью чулка и кройкѣ, и шитью простой рубашки; въ VI—проходятъ штопку чулокъ, накладываніе заплатъ на цвѣтныя матеріи, выметку петлей и кройку остальныхъ предметовъ бѣлья; въ VII—тонкую штопку, мѣтку гладью и кройку, и шитье простого домашняго платья.

Въ виду того, что преподаваніе рукодѣлій имѣетъ цѣлью исключительно воспитывать дѣвочекъ и дѣлать ихъ пригодными для домашняго быта, а отнюдь не вырабатывать изъ нихъ мастерицъ, — и работы производятся самыя простыя и обыденныя; всѣ тонкія работы и предметы роскоши не допускаются, а потому на выставкѣ, въ отдѣлѣ школьнаго слойда, нельзя было видѣть ни одной тонкой вышивки, ни одного изящнаго рукодѣлія, которыми такъ изобилуютъ наши профессіональныя школы. Даже работы учительницъ, обучающихся въ женскихъ семинаріяхъ, и тѣ уступаютъ работамъ нашихъ школъ. Можно было, напримѣръ, найти довольно тонко исполненныя мѣтки бѣлой гладью, но какихъ-нибудь вышивокъ по батисту не было ни одной. Бѣлье и платья тоже самаго простого фасона, но чисто и аккуратно сработаны.

Говоря о шведскихъ школахъ, нельзя не упомянуть о выставкѣ работъ изъ такъ-называемыхъ „Abnormskolor", т.-е. школъ для „ненормальныхъ" дѣтей.

Обязательность образованія въ Швеціи распространена и на глухонѣмыхъ; по отношенію къ нимъ Швеція раздѣлена на семь отдѣловъ; въ каждомъ—по крайней мѣрѣ одно заведеніе для глухонѣмыхъ дѣтей, содержащееся на средства общественныя съ правительственной субсидіей. Курсъ долженъ по возможности равняться курсу общихъ народныхъ школъ—только съ тою разницею, что онъ продолжается не семь, а 8 лѣтъ.

Методы въ нихъ примѣняются разные, смотря по физическому состоянію дѣтей: разговорный, письменный и знаками. Сперва, конечно, употребляютъ всѣ усилія, чтобы обучить дѣтей говорить, и только когда удостовѣрятся въ безнадежности этихъ усилій, прибѣгаютъ къ способу знаковъ. Работы по „слойду" дѣтей этихъ школъ нисколько не уступаютъ работамъ обыкновенныхъ школъ. Еще удивительнѣе то, что то же самое можно сказать и относительно работъ дѣтей слѣпыхъ,— только въ работахъ послѣднихъ гораздо больше разнообразія (напр. ихъ обучаютъ плетенью корзинъ, дѣланью щетокъ, сѣтей и т. п.),

[1]) Для класснаго обученія штопкѣ употребляется рама на подобіе той, которая введена для обученія шитью.

такъ какъ обученіе слѣпыхъ ручному труду имѣетъ цѣлью дать имъ возможность зарабатывать впослѣдствіи насущный кусокъ хлѣба. Курсъ для слѣпыхъ длится 10 лѣтъ, и по научнымъ предметамъ ихъ тоже стараются обучать въ размѣрѣ общей школьной программы.

Для калѣкъ и умственно слабыхъ дѣтей существуютъ 20 заведеній, гдѣ всевозможными способами стараются развивать дѣтей и дѣлать ихъ способными къ труду. Для полныхъ идіотовъ, вовсе неспособныхъ къ развитію, учреждены особые пріюты [1]).

Въ Стокгольмѣ устроено нѣсколько такихъ заведеній для ненормальныхъ дѣтей, и трудно безъ особаго умиленія вспомнить о нихъ... Вообще дѣло призрѣнія всѣхъ несчастныхъ и обиженныхъ природой широко развито въ Швеціи, и нельзя равнодушно и безъ глубокаго уваженія смотрѣть на это отечески-христіанское отношеніе шведскаго общества и правительства ко всѣмъ обездоленнымъ.

II.

Какова бы ни была организація школы, но во всякомъ случаѣ успѣхъ школьнаго дѣла требуетъ, чтобы школа имѣла собственно помѣщеніе, отстроенное и распланированное спеціально для школьной жизни въ немъ, съ соблюденіемъ притомъ главнѣйшихъ условій гигіены. И въ отношеніи школьныхъ зданій, въ Швеціи сдѣланы большіе успѣхи. Благодаря чрезвычайной любезности того же инспектора народныхъ училищъ, д-ра Бергмана, намъ удалось осмотрѣть одну изъ самыхъ большихъ народныхъ школъ Стокгольма „Mariafolkskola"—Маріинскую народную школу,—выстроенную на 2.000 дѣтей обоего пола, съ 51 классомъ, 4 классами для „слойда" и отдѣльнымъ помѣщеніемъ для гимнастики. Поставленная на окраинѣ города, въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ и многолюднѣйшихъ кварталовъ шведской столицы, „Mariafolkskola"—настоящій дворецъ—не по роскоши постройки, а по ея размѣрамъ и удобствамъ [2]). Учебный сезонъ тогда только-что окончился, и мы попали

---

[1]) Чтобы подготовить учительницъ и учителей для всѣхъ этихъ школъ, существуютъ особыя семинаріи.

[2]) См. выше помѣщаемый рисунокъ фасада этой школы и общій ея планъ въ одномъ изъ классныхъ этажей, на стр. 802 и 803. — Кромѣ этой школы, Mariafolkscola, на 2.000 учащихся, въ Стокгольмѣ имѣются и другія: 1) Adolf-Fridriks Folkscola—на 1.200 учащ.; 2) Katarina Folkscola—на 2.000 учащ.; 3) Kungsholms Folkscola—на 2.000 учащ.; 4) Johannes Folkscola—на 1.400 учащ.; 5) новая Katarina Folkscola—на 1.500 учащ. Всѣ эти школы отстроены между 1886 и 1895 г., въ теченіе 10 лѣтъ. — У насъ это дѣло еще совсѣмъ новое: если исключить двѣ такія школы въ Ригѣ, построенныя лѣтъ 15 тому назадъ, то въ первый разъ школа, подобная стокгольмскимъ, была построена городомъ только въ прошедшемъ 1897 году, на Васильев. Острову, и то не болѣе какъ на 600 дѣтей обоего пола.

въ школу до уборки ея и ремонта; тѣмъ не менѣе, всюду царили идеальная чистота и опрятность. Ни на одной школьной скамьѣ нельзя было замѣтить ни царапины, ни пятна. Видя наше удивленіе, г. Бергманъ сказалъ: „Иначе и быть не можетъ! школьная дисциплина требуетъ абсолютной чистоты“; и, между прочимъ, онъ разсказалъ, какъ не задолго предъ тѣмъ онъ показывалъ эту же школу венгерскому министру народнаго просвѣщенія, и при этомъ замѣтилъ, что тотъ постоянно останавливался у стѣнъ лѣстницы и корридоровъ, и въ лорнетку, пожимая плечами, тщательно ихъ осматривалъ. Наконецъ, Бергманъ рѣшился спросить, чего онъ ищетъ?—„Хоть одного пятнышка, или хоть надписи!—отвѣтилъ министръ.—Рѣшительно не понимаю, какимъ способомъ вы можете достигнуть подобной опрятности“...

Нечего и говорить о высотѣ классовъ, объ огромныхъ окнахъ... Освѣщеніе во всѣхъ классахъ одинаково хорошо, такъ какъ зданіе построено по корридорной системѣ, въ видѣ буквы П.

Всѣ школьныя скамьи одиночныя; г. Бергманъ объяснилъ, что онъ повсюду по возможности вводитъ эти одиночныя парты, такъ какъ „онѣ даютъ полную свободу движенія ребенку и дозволяютъ ему безъ малѣйшаго затрудненія приподняться и встать рядомъ со своей скамьей, когда его вызываетъ учитель или когда въ классъ входитъ постороннее лицо—будь то правительственный инспекторъ, или просто Vachmeister (школьный сторожъ),—какъ того требуетъ школьная дисциплина“... „Ребенокъ долженъ быть свободенъ въ движеніяхъ и имѣть возможность смотрѣть мнѣ прямо въ глаза, когда я являюсь и говорю съ нимъ,—прибавилъ г. Бергманъ,—и я нахожу это чрезвычайно важнымъ, какъ въ дисциплинарномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніи“. Школьная дисциплина соблюдается, по словамъ Бергмана, чрезвычайно строго, и дѣтямъ съ самаго перваго дня ихъ поступленія въ школу внушается уваженіе даже къ стѣнамъ самаго зданія. Разъ дѣти вошли въ классъ—они не могутъ разговаривать, и даже въ отсутствіе учителя или учительницы въ классѣ царитъ полная тишина. Когда учительницѣ приходится выходить изъ класса за учебными пособіями, изъ числа учениковъ (дѣвочекъ или мальчиковъ, безразлично) выходитъ дежурный—un petit caporal, какъ выразился Бергманъ,—и становится у стола учителя лицомъ къ ученикамъ, и никто не смѣетъ нарушить тишину. По окончаніи урока, дѣти чинно выходятъ въ корридоръ и, подъ предводительствомъ того же „petit caporal“, выстраиваются въ ряды и въ такомъ порядкѣ идутъ по корридорамъ и лѣстницѣ во дворъ; тамъ они опять выстраиваются, и только по знаку маленькаго предводителя разбѣгаются во всѣ стороны. Обратное шествіе совершается въ томъ же порядкѣ.

Школьный дворъ обширный, и дѣтямъ мѣста вдоволь. Во время рекреаціи дѣтямъ предоставляется полнѣйшая свобода, но во дворѣ, по очереди, дежуритъ учебный персоналъ. Между уроками дѣтямъ дается 10 минутъ отдыха—большая же рекреація длится minimum часъ, а въ большинствѣ случаевъ два — особенно если въ школѣ дѣтей не кормятъ обѣдомъ. Въ „Mariafolkskola", въ виду ея многолюдства, рекреація дается не всѣмъ дѣтямъ сразу, а сперва выпускаютъ одну тысячу человѣкъ, и только по ихъ возвращеніи идетъ вторая смѣна.

Дисциплина, главнымъ образомъ, внушается конечно учителями и учительницами, и г. Бергманъ зорко слѣдитъ за жизнью класса, и если замѣчаетъ малѣйшую распущенность, тотчасъ же переводитъ учителя въ другой, уже болѣе благоустроенный классъ.

Корридоры въ „Mariafolkskola" настолько обширны, что дѣти легко могутъ оставаться въ нихъ въ случаѣ дурной погоды. Раздѣвальни особой нѣтъ—вѣшалки помѣщаются вдоль стѣнъ корридора около классовъ (придѣланы онѣ на нѣкоторомъ разстояніи отъ стѣны, такъ что мокрая одежда не можетъ ее портить); обмѣна или пропажи вещей никогда не случается въ школахъ.

Классы для „слойда" мальчиковъ помѣщаются въ „Mariafolkskola" въ подвальномъ этажѣ; классы же для рукодѣлія дѣвочекъ—въ верхнемъ. Уроки рукодѣлія для дѣвочекъ обыкновенно входятъ въ программу школьныхъ часовъ, но мальчики для „слойда" должны возвращаться послѣ обѣда или вечеромъ. Распредѣленъ же слойдъ такъ на томъ основаніи, какъ объяснялъ г. Бергманъ, что дѣвочки часто бываютъ нужны для помощи дома и не требуютъ, по природѣ своей, такого бдительнаго надзора, какъ мальчики. Послѣдніе же свое внѣшкольное время проводятъ зачастую въ бездѣліи на улицѣ, и во избѣжаніе этого обстоятельства школьная дирекція и назначила имъ уроки „слойда"—по вечерамъ.

Помѣщеніе для гимнастики превосходное; находится оно въ отдѣльной постройкѣ въ концѣ школьнаго двора. Обширный и высокій залъ имѣетъ тамъ всевозможныя приспособленія для гимнастическихъ упражненій: шесты, прутья, перекидныя лѣстницы, гигантскіе козлы, выскакивающіе изъ-подъ пола, и многое другое; можно подумать, что это таинственный средневѣковый залъ, гдѣ собраны различныя орудія пытки.

Едва ли въ какомъ изъ нашихъ высшихъ привилегированныхъ заведеній можно найти что-либо подобное, а это—простая народная школа для дѣтей бѣдныхъ; г. Бергманъ говорилъ, что и въ другихъ школахъ гимнастическія помѣщенія не уступятъ этому.

Въ двухъ младшихъ классахъ гимнастику замѣняютъ педагогическія игры; въ старшемъ, какъ было уже упомянуто, проходятъ воен-

ныя упражненія [1]); во всѣхъ же остальныхъ классахъ на гимнастику удѣляютъ по два часа въ недѣлю.

Во время обхода „Mariafolkskola", мы познакомились и съ другими интересными подробностями изъ практики шведскихъ школъ. Грифельныя доски употребляются здѣсь исключительно для цифръ, такъ какъ упражненіе въ письмѣ на доскѣ даетъ слишкомъ грубый и жесткій почеркъ. Писать учатъ прямо на бумагѣ—сперва недѣли двѣ ученики выводятъ разныя палочки и буквы карандашомъ, а потомъ имъ сразу даютъ чернила и перо. Теперь начинаютъ вводить прямой почеркъ, какъ болѣе цѣлесообразный для правильнаго положенія ребенка. Вообще здѣсь много и тщательно слѣдятъ за тѣмъ, чтобы школьное обученіе не оказывало вреднаго вліянія на физическое развитіе дѣтей. Въ классахъ вывѣшиваются картины, изображающія правильное и неправильное положеніе ученика во время писанья; подобныя же картины существуютъ и для классовъ „слойда".

Докторъ Бергманъ въ продолженіе двухъ лѣтъ пробовалъ прямой почеркъ въ одной изъ школъ Стокгольма и, найдя результаты вполнѣ хорошими, намѣренъ ввести его повсюду. По этому случаю онъ говорилъ намъ, что никогда не мѣняетъ старые порядки и ничего новаго не вводитъ, не удостовѣрившись предварительно на практикѣ въ пользѣ нововведенія и въ его цѣлесообразности. Именно этимъ путемъ опыта, въ маленькомъ размѣрѣ были введены школьныя бани и кухни для дѣвочекъ.

III.

Въ послѣдніе годы (главнымъ образомъ, съ 1896 года) въ шведскихъ школахъ стала быстро развиваться новая отрасль преподаванія для дѣвочекъ, а именно—кулинарное искусство. Лѣтъ 10 тому назадъ въ стокгольмскихъ школахъ стали кормить обѣдомъ бѣднѣйшихъ учениковъ; оказалось болѣе выгоднымъ варить обѣды въ самой школѣ— учредили кухни и стали брать въ помощь старшихъ дѣвочекъ. Понемногу дѣло это разрослось и нашло большое сочувствіе въ населеніи и обществѣ. На пожертвованныя спеціально для этого деньги [2]) въ 1896 г. выстроены въ нѣкоторыхъ школахъ особыя кухни съ нѣсколькими очагами; приспособлены онѣ такъ, что температура въ нихъ всегда ровная, чада не замѣтно, и воздухъ такъ хорошо очищается, что нѣтъ никакой надобности въ провѣтриваніи кухни открытіемъ

[1]) Отбываніе воинской повинности длится въ Швеціи всего 6 недѣль, и то еще съ правомъ разсрочки на два года.

[2]) Пожертвованія эти достигаютъ огромныхъ размѣровъ: такъ, одна школа получила 75.000, а другая—100.000 кр.

оконъ, а поэтому нѣтъ ни малѣйшаго сквозняка. Кулинарному искусству обучаютъ только ученицъ старшихъ классовъ, т.-е. дѣвочекъ отъ 12 до 14 лѣтъ. Если въ школьной кухнѣ имѣется 6 очаговъ, то дѣвочекъ дѣлятъ на группы изъ 18 человѣкъ, и каждая такая группа дежуритъ въ кухнѣ одинъ разъ въ недѣлю въ теченіе всего учебнаго года, слѣдовательно, за годъ выучиваются 108 человѣкъ. Преподаетъ одна учительница, и, благодаря раздѣленію дѣвочекъ на группы и распредѣленію труда, ученіе идетъ весьма успѣшно. Уроки по домоводству и гигіенѣ, которыя въ школахъ безъ кухонь входятъ въ категорію уроковъ по естественной исторіи, здѣсь въ свободныя минуты преподаются теоретически и практически кулинарной учительницей. Дѣвочки, конечно, сами пекутъ хлѣбъ, готовятъ обѣдъ, подаютъ его и прибираютъ кухню и посуду. На стѣнахъ развѣшаны разныя карты, заключающія въ себѣ перечень составныхъ элементовъ питанія и т. п. Теорія преподаванія кулинарнаго дѣла и домоводства изложена въ особой книжкѣ г-жею Нильсонъ, ею же составлены и графическія карты—и теперь всѣ пособія по этому отдѣлу изданы, по распоряженію министра просвѣщенія, въ большомъ количествѣ экземпляровъ, и дирекціи сельскихъ школъ могутъ ихъ выписывать по уменьшенной цѣнѣ.

Почти всѣ родители просятъ обучать ихъ дочерей кухонному дѣлу, и изученіе этого предмета понемногу прививается и по деревнямъ и селамъ. Обученіе производится даромъ; берутъ только по одной кронѣ въ годъ съ каждой ученицы за тѣ обѣды, которые она получаетъ въ кухнѣ разъ въ недѣлю.

Школьныя дирекціи, замѣтивъ, что въ зимнее время дѣти часто страдаютъ разными сыпями и что бѣлье у нихъ недостаточно чисто, задумали устроить бани для учениковъ. Нашлись и на это деньги, и когда все было готово—объявили школьникамъ, что желающій можетъ брать ванну каждыя три недѣли. Вскорѣ оказалось, что нѣтъ нежелающихъ купаться, и въ настоящее время бани для учениковъ и ученицъ вошли въ обычай и составляютъ уже законную принадлежность школьной жизни. Дѣти стали здоровѣе и опрятнѣе, и дирекціи надѣются, что, привыкнувъ въ школѣ къ чистотѣ и опрятности, дѣти и по окончаніи курса сохранятъ эту привычку и внесутъ ее въ семью.

Въ Швеціи всѣ школы, какъ народныя, такъ и среднія и высшія учебныя заведенія и даже частныя учрежденія, не имѣютъ интернатовъ (исключая, конечно, пріютовъ для калѣкъ и слабоумныхъ и нѣкоторыхъ школъ для слѣпыхъ и глухонѣмыхъ—и то не всѣхъ). Во всемъ Стокгольмѣ есть только одна народная школа съ интернатомъ, а именно „Frimuresebaruhusets“, основанная орденомъ франмасоновъ для си-

ротъ и бѣднѣйшихъ дѣтей обоего пола. Школа эта подвѣдомственна правительственному контролю; г. Бергманъ познакомилъ насъ и съ этою школой. Расположена она за городомъ, на берегу озера, и окружена большимъ и тѣнистымъ садомъ. Гигіеническія условія ея превосходны. Помѣщеніе прекрасное—классы и дортуары высокіе, свѣтлые и просторные; такіе размѣры, въ соединеніи съ идеальной чистотой и опрятностью, несмотря на полнѣйшую простоту устройства, придаютъ оттѣнокъ извѣстной роскоши всему заведенію. Гимнастическій залъ (тоже въ отдѣльной постройкѣ) весьма немного уступаетъ залу „Mariafolkskola". Дѣти веселыя, здоровыя и свободныя въ отвѣтахъ, одѣты просто и опрятно. Директрисса этого заведенія, на которой лежитъ надзоръ за дѣвочками, показывала мнѣ кухню, кладовыя и склады, гдѣ хранится дѣтское бѣлье и платья, и между прочимъ разсказала, что стала обшивать очень узенькими вязаными кружевцами воскресныя платья дѣвочекъ. „Это, во-первыхъ, чище и опрятнѣе, какъ бы защищалась она, и ихъ пріучаетъ къ опрятности, а во-вторыхъ, дѣвочки, по выходѣ, не такъ накидываются на разныя украшенія, какъ на новинку"...

Въ настоящее время одинъ изъ главныхъ жертвователей на это заведеніе — бывшій его питомецъ, который случайно разбогатѣлъ, — продолжая любить свою alma mater, постоянно ѣздитъ туда и снабжаетъ школу деньгами весьма щедро.

Съ нынѣшняго года въ Стокгольмѣ будетъ существовать еще одинъ особаго рода интернатъ. По иниціативѣ д-ра Бергмана, правительство учреждаетъ при одной изъ народныхъ школъ интернатъ на 20 человѣкъ для дѣтей тѣхъ упрямыхъ родителей, которые, по той или другой причинѣ, препятствуютъ своимъ дѣтямъ посѣщать школу. Дѣтей такихъ родителей правительство имѣетъ право отбирать и помѣщать даже въ чужія семьи, но, конечно, это сопряжено съ большими затрудненіями [1]). Приходится сперва разыскивать такихъ дѣтей, потомъ стараться убѣждать родителей, затѣмъ угрожать и, наконецъ, отбирать дѣтей и искать, къ кому такихъ дѣтей можно помѣстить. Во избѣжаніе всей этой тяжелой процедуры, г. Бергманъ и задумалъ особый интернатъ. При обсужденіи смѣты на этотъ новый расходъ, члены рейхстага удивились, что г. Бергманъ испрашиваетъ сумму на содержаніе только 20 человѣкъ, и предложили ему учредить уже сразу

[1]) „Къ родителямъ и опекунамъ, которые пренебрегаютъ своими обязанностями относительно посылки дѣтей въ школу, сначала пасторъ обращается съ убѣжденіемъ, и если они не обратятъ вниманія на такое убѣжденіе, то приглашаются въ церковное управленіе. Если же и эта мѣра останется безплодною, то дѣти могутъ быть отбираемы у родителей и вручены заботамъ другихъ, за счетъ родителей или опекуновъ".—„Schwedisches Unterrichtswesen", von Dr. Bergmann. 1897. Стр. 5.

интернатъ на большее количество дѣтей. Г. Бергманъ отвѣтилъ, что намѣченное имъ число окажется вполнѣ достаточнымъ, такъ какъ ему нужна только законная острастка. Съ учрежденіемъ интерната всѣ родители будутъ знать уже напередъ, что ихъ дѣтей непремѣнно отберутъ, если они добровольно не пошлютъ ихъ въ школу, а потому, по глубокому убѣжденію г. Бергмана, 20 вакансій навѣрное излечатъ упрямство всѣхъ родителей Стокгольма.

Въ Стокгольмѣ существуетъ масса самыхъ разнообразныхъ учебныхъ заведеній, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ [1]), и кажется, нѣтъ той отрасли, которую нельзя было бы тамъ изучить. Упомянемъ изъ осмотрѣнныхъ нами только о двухъ, а именно: „Handarbetets Vänner“ (т.-е. друзья рукодѣлій) и о „Praktiska Hushållsskola“ (практическая школа домоводства). Оба заведенія учреждены частными обществами. Цѣль перваго—дать возможность женщинамъ всякаго положенія изучать любую отрасль рукодѣлій. По всѣмъ отдѣламъ имѣются умѣлыя учительницы, которыя за извѣстный ежемѣсячный взносъ обучаютъ желающихъ избранному рукодѣлію. Особенно много изучается древне-шведское ткацкое производство. Тутъ же устроенъ складъ для продажи работъ.

Второе—собственно коммерческое предпріятіе на акціяхъ—весьма разумно и цѣлесообразно устроено, а потому даетъ отличнѣйшіе результаты. Задача его — приготовленіе прислуги. На трехъ-годичный курсъ принимаются дѣвушки не моложе 16 лѣтъ — теперь ихъ тамъ болѣе тридцати. Онѣ здѣсь живутъ, ихъ одѣваютъ, кормятъ и обучаютъ главнымъ образомъ практически—и все даромъ. Въ большой, благоустроенной квартирѣ этого дома сдаются меблированныя комнаты, и тутъ же прекрасная общая столовая, которую всякій можетъ нанять для обѣда. Въ нижнемъ этажѣ помѣщается кондитерская и лавка, гдѣ продаются всевозможныя заготовки—какъ-то: копченое мясо, сыры, масло, варенье, соленья и т. п. Взятыя въ обученіе молодыя дѣвушки, подъ руководствомъ, конечно, опытныхъ и знающихъ лицъ, обшиваютъ себя и все заведеніе, стираютъ, прислу-

[1]) Частныхъ школъ и заведеній много не только въ Стокгольмѣ, но и во всей Швеціи. Часто они нуждаются въ правительственной субсидіи и очень легко ее получаютъ; однако правительство никогда не выдаетъ субсидіи вновь открываемому на частныя средства заведенію. Ежели оно уже просуществовало нѣкоторое время и заявило себя съ хорошей стороны, тогда правительство охотно назначаетъ ему извѣстную помощь, съ непремѣннымъ, впрочемъ, условіемъ—открыть нѣсколько даровыхъ вакансій и нѣсколько—съ половинной платой (число тѣхъ и другихъ опредѣляетъ само правительство, сообразуясь съ суммой назначенной субсидіи). Всѣ субсидированныя частныя школы обязаны представлять въ министерство просвѣщенія не только ежегодные денежные отчеты, но и учебную программу. Отъ другихъ же частныхъ школъ, не получающихъ субсидіи, этого не требуется.

живаютъ въ меблированныхъ комнатахъ и на обѣдахъ, приготовляютъ обѣды, пекутъ хлѣбъ, дѣлаютъ разныя сладкія печенія и конфеты для кондитерской, куда публика ходитъ также, чтобы напиться кофе и закусить; учатся приготовлять консервы изъ фруктовъ и овощей и т. п. Пробывъ три года, дѣвушки выходятъ умѣлою прислугой и тотчасъ же получаютъ мѣста въ хорошихъ домахъ. Предпріятіе это не только окупается, но и приноситъ хорошій доходъ. Конечно, сюда поступаютъ исключительно бѣдныя; но существуютъ другія учрежденія, въ которыхъ дѣвушки даже богатыхъ семей обучаются практически хозяйству и домоводству, и обучаются въ такихъ школахъ весьма многія, такъ какъ рѣдкая шведская дѣвушка не стремится быть впослѣдствіи хорошей „Hausfrau"...

Неудивительно, что высокое положеніе народной школы и масса труда и денегъ, жертвуемыхъ на поддержаніе ея, не остались въ Швеціи безъ могущественнаго вліянія на самую общественную жизнь, народный характеръ и его нравы. Король Оскаръ на конгрессѣ журналистовъ, во время выставки, справедливо сказалъ, что „шведскій народъ стремится въ настоящее время къ стяжанію славы лишь мирными подвигами и къ побѣдамъ въ области культуры и просвѣщенія",—и нельзя не сознаться, что этотъ народъ, въ этой области, успѣлъ уже одержать завидныя побѣды...

Ан. Ар—чъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1898.

Именной указъ и Высочайшій рескриптъ 24-го февраля.—Причины, отъ которыхъ зависитъ степень вниманія къ общественнымъ бѣдствіямъ.—Личныя впечатлѣнія отъ поѣздки въ воронежскую губернію.—Чрезвычайное воронежское губернское земское собраніе. — Письмо г. Писарева о положеніи дѣлъ въ епифанскомъ уѣздѣ (тульской губерніи).—Расширеніе круга дѣйствій суда присяжныхъ.—Ежегодный созывъ дворянскихъ собраній.—Рѣчь управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія.

24-го февраля, состоялся слѣдующій Именной Высочайшій указъ на имя министра финансовъ: „Признавъ необходимымъ усилить Нашъ военный флотъ, повелѣваемъ вамъ — независимо отъ увеличенія, согласно даннымъ Нами указаніямъ, размѣра ассигнованій по смѣтѣ обыкновенныхъ расходовъ морского министерства въ теченіе 1898-1904 годовъ—отпустить нынѣ же изъ свободной наличности государственнаго казначейства девяносто милліоновъ рублей на потребности судостроенія, съ показаніемъ этой суммы сверхсмѣтнымъ расходомъ по отдѣлу чрезвычайныхъ расходовъ государственной на текущій годъ росписи“. Въ тотъ же день подписанъ Высочайшій рескриптъ на имя С. Ю. Витте, слѣдующаго содержанія: „Именнымъ указомъ, одновременно съ симъ Нами даннымъ, Мы повелѣли вамъ отпустить девяносто милліоновъ рублей на потребности военнаго судостроенія. Возможность единовременнаго ассигнованія столь большой суммы, не прибѣгая къ заключенію займа, побуждаетъ Насъ припомнить, что настоящему ассигнованію предшествовали отпуски изъ свободной наличности государственнаго казначейства весьма значительныхъ средствъ на другіе чрезвычайные расходы. За время управленія вашего министерствомъ финансовъ поступленія обыкновенныхъ доходовъ превысили сумму произведенныхъ обыкновенныхъ расходовъ болѣе чѣмъ на 600 милліоновъ рублей, вслѣдствіе чего, безъ обращенія къ рессурсамъ государственнаго кредита, была произведена бо́льшая часть чрезвычайныхъ издержекъ, въ томъ числѣ по сооруженію великаго Сибирскаго

пути и другихъ желѣзныхъ дорогъ и по уплатѣ значительной части долга казны государственному банку, въ видахъ открытія размѣна кредитныхъ билетовъ для завершенія денежной реформы. За производствомъ помянутыхъ расходовъ свободныя средства государственнаго казначейства опредѣлились на 1-е января 1898 года, по приблизительному разсчету, въ размѣрѣ около 200 милліоновъ рублей; изъ нихъ 106 милліоновъ рублей предназначены на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ 1898 года, и за всѣмъ тѣмъ остаются средства, достаточныя для производства вышеупомянутаго чрезвычайнаго расхода на судостроеніе. Такое положеніе дѣлъ убѣждаетъ Насъ въ томъ, что вы неуклонно руководствуетесь предначертаніями въ Бозѣ почивающаго Родителя Моего и Моими о соблюденіи необходимой бережливости въ финансовомъ хозяйствѣ Нашей Имперіи. Повелѣвая вамъ и впредь настойчиво преслѣдовать экономію въ государственныхъ расходахъ, для всемѣрнаго охраненія бюджетнаго равновѣсія, въ коемъ заключается оплотъ могущества и благосостоянія Имперіи Нашей,— пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный"

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„*и благодарный НИКОЛАЙ*".

Единовременное израсходованіе девяноста милліоновъ рублей, безъ истощенія экстраординарныхъ рессурсовъ государственной казны, свидѣтельствуетъ о такомъ блестящемъ состояніи нашихъ финансовъ, при которомъ возможно удовлетвореніе всѣхъ насущныхъ потребностей народа. Позволительно надѣяться, поэтому, что ни покрытіе расходовъ, вызываемыхъ борьбою съ послѣдствіями неурожая, ни расширеніе средствъ, которыми располагаетъ министерство народнаго просвѣщенія (особенно въ области начальной школы), не окажется несовмѣстимымъ съ тою необходимою бережливостью, на которую указывается въ Высочайшемъ рескриптѣ. Затраты, имѣющія цѣлью поднятіе матеріальнаго благосостоянія и умственнаго развитія народа, всегда оказываются производительными; увеличивая народную мощь, онѣ содѣйствуютъ, косвенно, той же цѣли, къ которой прямо направлены расходы на усиленіе арміи и флота.

„Свою судьбу" имѣютъ не только книги, но и событія. Въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ Россія нѣсколько разъ переживала бѣдствія неурожая, болѣе или менѣе полнаго, болѣе или менѣе распространеннаго, но во всякомъ случаѣ тяжело отзывавшагося на народной жизни; между тѣмъ, отношеніе къ нимъ русскаго общества

было далеко не одинаково. Самарскій неурожай 1873 года обратилъ на себя вниманіе въ гораздо бо̀льшей мѣрѣ, чѣмъ неурожай 1867 г., поразившій сѣверныя губерніи, или неурожай 1880 г., отъ котораго пострадало южное Приволжье. Неурожай 1892 г. вызвалъ въ обществѣ движеніе гораздо болѣе слабое, чѣмъ неурожай 1891 г.—но все же болѣе сильное, чѣмъ неурожай 1897 г., съ результатами котораго мы стоимъ теперь лицомъ къ лицу. Отчасти, конечно, различіе впечатлѣній объясняется различіемъ въ самыхъ фактахъ—но только отчасти; строгой пропорціональности между явленіями дѣйствительности и отраженіемъ ихъ въ общественномъ сознаніи установить никакъ нельзя. Есть, очевидно, побочныя причины, въ однихъ случаяхъ усиливающія, въ другихъ—притупляющія чувствительность общества. Въ 1873-74 г., напримѣръ, въ общественной жизни господствовало полное затишье; не было ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ усложненій, и ничто не мѣшало отголоскамъ мѣстной бѣды доходить до самыхъ отдаленныхъ концовъ Россіи. Въ 1880-81 г., наоборотъ, общія политическія тревоги оставляли мало мѣста для заботы о благосостояніи нѣсколькихъ отдѣльныхъ губерній. Въ 1891 г., все способствовало сосредоточенію на борьбѣ съ послѣдствіями неурожая: и давно небывалая его экстенсивность и интенсивность, и отсутствіе другихъ, выдающихся интересовъ, и тоска, вызванная продолжительной спячкой, и жажда дѣятельности, долго не находившая удовлетворенія, и надежда на сближеніе съ народомъ, между которымъ и обществомъ только-что воздвиглась новая стѣна. Волна сочувствія и содѣйствія достигла своего апогея весною 1892 г.; извѣстія о повторившемся неурожаѣ не подняли ее до прежней высоты, но дали ей новый толчокъ, донесшій ее до конца неурожайной годины. Что̀ же мѣшаетъ ей теперь подняться вновь, хотя бы и съ меньшей силой? Правда, благодаря „пестротѣ“ прошлогодняго урожая, благодаря дешевизнѣ хлѣба, благодаря сравнительно большому количеству хлѣбныхъ запасовъ, голодъ, въ полномъ смыслѣ слова, не наступилъ, повидимому, еще нигдѣ—но увѣренности въ томъ, что онъ не наступитъ завтра, или послѣ-завтра, нѣтъ и быть не можетъ. Голодъ, притомъ—не единственное послѣдствіе неурожая; есть еще другое, менѣе грозное въ настоящемъ, но не менѣе чреватое бѣдою въ будущемъ: разореніе значительной части населенія. Во многихъ мѣстахъ оно уже имѣется на лицо, во многихъ другихъ приближается быстрыми шагами. Въ 1891 и 1892 гг. усилія общества были направлены, между прочимъ, и къ тому, чтобы хоть сколько-нибудь поддержать падающее крестьянское хозяйство; почему же теперь такъ мало слышно о чемъ-либо подобномъ? Это—вопросъ трудный и сложный, и мы не беремся дать на него исчерпывающій отвѣтъ; ограничимся нѣсколькими догадками, не исключающими, а дополняющими другъ друга.

По своимъ размѣрамъ, по своей напряженности, по разнообразію своихъ формъ участіе общества въ борьбѣ съ послѣдствіями неурожая 1891 г. можетъ быть названо явленіемъ до тѣхъ поръ небывалымъ. И прежде, конечно, собирались пожертвованія, устраивались коллективныя предпріятія въ пользу голодающихъ (припомнимъ хотя бы „Складчину" 1874 года), открывались (въ городахъ) дешевыя или безплатныя столовыя—но все это имѣло характеръ единичный и болѣе или менѣе случайный. Въ 1891-92 г. голодающія губерніи покрылись цѣлою сѣтью учрежденій, созданныхъ частною иниціативой; сотни, тысячи частныхъ лицъ поспѣшили на мѣста, не только для удостовѣренія въ степени нужды, для прінсканія средствъ помощи, но и для постоянной дѣятельности въ столовыхъ, пріютахъ, больницахъ, пунктахъ раздачи хлѣба. Усиліе было сдѣлано очень большое, несвойственное обычной русской житейской обстановкѣ; понятно, что отъ него или послѣ него инстинктивно ожидались и соотвѣтственно крупные результаты. Предполагалось, что комбинація условій, обострившихъ бѣду, болѣе не повторится, что ее предупредитъ, въ будущемъ, съ одной стороны измѣненіе правилъ, регулирующихъ продовольственную помощь, съ другой—измѣненіе путей, которыми эта помощь доходитъ до нуждающихся. Предполагалось, что новый продовольственный уставъ лучше обезпечитъ населеніе, а устройство мелкой земской единицы устранитъ надобность во временныхъ организаціяхъ, поспѣшно призываемыхъ къ жизни въ моментъ бѣды и перестающихъ существовать, какъ только бѣда миновала. Предполагалось, наконецъ, что будутъ укрѣплены основы народно-хозяйственнаго быта—укрѣплены настолько, чтобы ихъ не могла потрясти и опрокинуть первая обрушившаяся на нихъ стихійная невзгода. Неурожай 1897 г. показалъ во-очію, что ни одно изъ этихъ предположеній не осуществилось; народное благосостояніе оказалось столь же шаткимъ, столь же неустойчивымъ, какъ и пять-шесть лѣтъ тому назадъ. Отсюда возможность вывода, что общественная помощь во время неурожая—не что̀ иное, какъ попытка наполнить бочку Данаидъ; а гдѣ нѣтъ мѣста для надежды, тамъ, очевидно, не можетъ быть мѣста и для энергіи. Съ другой стороны, въ 1891-92 г. частная помощь чувствовала подъ собою широкій фундаментъ помощи государственной. Главной задачей общества являлось пополненіе пробѣловъ, оставляемыхъ продовольственными ссудами—пробѣловъ, съ теченіемъ времени скорѣе уменьшавшихся, чѣмъ увеличивавшихся. Въ оффиціальныхъ сферахъ исчезалъ, мало-по-малу, первоначальный скептицизмъ, и вмѣстѣ съ признаніемъ размѣровъ нужды росла и рѣшимость расширить размѣры помощи. Не то мы видимъ теперь: настойчивыя ходатайства земскихъ собраній оставляются, въ бо̀льшей ихъ части, безъ удовлетворенія,

суммы разрѣшенныхъ ссудъ остаются далеко ниже потребности, опредѣленной мѣстными изслѣдованіями. Это приводитъ къ заключенію, что обществу незачѣмъ и браться за дѣло, столь явно превышающее его силы. Что бы оно ни сдѣлало для пострадавшихъ мѣстностей, это будетъ каплей въ морѣ сравнительно съ тѣмъ, что могла бы сдѣлать государственная помощь. Немаловажнымъ кажется намъ, наконецъ, еще одно обстоятельство. Какъ только обнаружился, въ главныхъ чертахъ, объемъ неурожая 1891 г., призывы къ общественной помощи стали раздаваться не только со стороны частныхъ лицъ, но и со стороны администраціи (припомнимъ, напр., воззваніе саратовскаго губернатора, ген. Косича, появившееся въ печати еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ). Весьма скоро выступили на сцену мѣстныя учрежденія Краснаго Креста; къ нимъ присоединились епархіальные комитеты— и, наконецъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, общественная помощь получила могущественное средоточіе въ лицѣ особаго комитета, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что все это не только облегчило организацію помощи, но и увеличило, весьма существенно, размѣры средствъ, которыми она располагала. Ничего подобнаго мы не видимъ въ настоящую минуту— и это, по всей вѣроятности, также способствуетъ апатіи, о которой мы много разъ говорили, и которая все еще не уступаетъ мѣста другому настроенію.

Объясненіе, однако, не равносильно оправданію. Нельзя отрицать значеніе приведенныхъ нами фактовъ, но нельзя, ссылаясь на нихъ, складывать руки, въ пассивномъ ожиданіи лучшихъ условій. Великую правду сказалъ Левъ Толстой, въ письмѣ, перепечатанномъ въ нашемъ предъидущемъ обозрѣніи: какъ ни недостаточна, какъ ни палліативна, при бѣдствіяхъ въ родѣ неурожая, общественная помощь, все же она не безполезна для нуждающихся—и нравственно обязательна для тѣхъ, кому она по силамъ. Необходимо только знать, куда и какъ ее направить—другими словами, необходимо собраніе и распространеніе свѣденій о наиболѣе пораженныхъ мѣстностяхъ, о наиболѣе цѣлесообразныхъ формахъ помощи, о наличной или возможной ея организаціи. Въ 1891 и 1892 гг. въ такихъ свѣденіяхъ не было недостатка; теперь ихъ еще очень мало, и они далеко не всѣ получаютъ широкую огласку. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ малоархангельскомъ уѣздѣ (орловской губерніи) открыты недавно двѣ столовыя— но знаемъ это изъ частнаго письма, а не изъ газетнаго сообщенія. Скудость печатнаго матеріала побудила насъ предпринять, въ первыхъ числахъ марта, поѣздку въ одну изъ неурожайныхъ губерній, чтобы прислушаться къ мнѣніямъ мѣстныхъ жителей и взглянуть поближе хотя бы на одинъ небольшой уголокъ печальной картины, разстилаю-

щейся теперь на громадномъ пространствѣ между Днѣпромъ и Волгой. Проведя нѣсколько дней въ Воронежѣ, мы посѣтили, въ бирюченскомъ уѣздѣ (воронежской губерніи), одно многолюдное село (Ливенку) и одну небольшую деревню (Апухтино). Ни тамъ, ни тутъ нужда не дошла еще до *крайнихъ* предѣловъ; ни тамъ, ни тутъ мы не видѣли тѣхъ удручающихъ явленій, съ которыми намъ приходилось встрѣчаться при поѣздкахъ въ 1891 и 1892 гг. въ губерніи тамбовскую, воронежскую и тульскую; но все свидѣтельствуетъ о глубокомъ разстройствѣ крестьянскаго хозяйства. А между тѣмъ, бирюченскій уѣздъ не принадлежитъ къ числу наиболѣе пострадавшихъ; въ воронежской губерніи первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ, по общему отзыву, уѣзды землянскій и задонскій (отдаленные отъ желѣзныхъ дорогъ и потому трудно доступные для того, кто располагаетъ лишь нѣсколькими днями свободнаго времени). Въ самомъ бирюченскомъ уѣздѣ нѣкоторыя волости (напр. палатовская) признаются болѣе нуждающимися, чѣмъ ливенская. Послѣдняя, за то, можетъ считаться типичной; условія, въ которыя она поставлена, повторяются вездѣ, гдѣ неурожай поразилъ чисто-земледѣльческія поселенія. *Полное отсутствіе заработковъ*—вотъ первое изъ этихъ условій. Въ ливенской волости оно доходитъ до того, что крестьяне пробовали брать работу по вывозкѣ лѣса, оплачивавшуюся 20 копѣйками въ день (съ лошадью!), и бросили ее только тогда, когда убѣдились въ полнѣйшей ея невыгодности. Пока строилась харьково-балашовская желѣзная дорога (проходящая черезъ Ливенку), она давала работу сосѣднимъ крестьянамъ; но съ ея окончаніемъ положеніе ихъ стало гораздо хуже прежняго, потому что они лишились платы за подвозъ земледѣльческихъ продуктовъ на мѣстные рынки, теперь обслуживаемые желѣзной дорогой. Сократился, въ то же самое время, и лѣтній уходъ рабочихъ на югъ, на земледѣльческія работы—сократился не только въ 1897 г., по случаю неурожая на Дону и на Кубани, но и вообще, вслѣдствіе все бо̀льшаго и бо̀льшаго распространенія косилокъ, жней и тому подобныхъ машинъ. Не имѣя ни заработковъ, ни достаточнаго количества хлѣба (по приблизительному разсчету, въ ливенской волости собрано въ 1897 г. около 90 тыс. пуд. продовольственнаго хлѣба, старыхъ запасовъ было около 84 тыс. пуд., а нужда въ хлѣбѣ для продовольствія и обсѣмененія опредѣляется въ 413 тыс. пуд.) и кормовъ для скота, крестьяне рано стали распродавать свиней, овецъ, даже курицъ, а затѣмъ, въ немаломъ числѣ, коровъ и лошадей. Въ Апухтинѣ мы видѣли семью, въ которой, на 8 душъ (мужъ — болѣзненный, но все-таки нанимающійся въ работники за 4 руб. въ мѣсяцъ; жена, на которой лежитъ все бремя хозяйства; полу-слѣпая дочь отъ перваго брака, и пять малолѣтнихъ дѣтей), осталась всего

одна телка — и это далеко не единственный случай этого рода. Начало обѣднѣнія Апухтина (конечно—не поголовнаго; есть и нѣсколько зажиточныхъ семействъ) относится, правда, къ неурожаю 1891 г.; но прошлогодній недородъ сильно способствовалъ ускоренію этого процесса... На продовольствіе крестьяне ливенской волости, въ началѣ марта, получали еще хлѣбъ изъ магазиновъ, но запасы приближались къ концу, а въ какой степени окажутся достаточными продовольственныя ссуды — это сказать трудно, въ виду разногласія, происшедшаго между бирюченскимъ земствомъ и губернскою земскою управою; первымъ потребность въ хлѣбѣ опредѣлена въ цифрѣ гораздо меньшей, чѣмъ послѣднею. Какъ бы то ни было, по отзыву всѣхъ мѣстныхъ жителей, съ которыми намъ удалось переговорить (какъ въ Апухтинѣ, такъ и въ Ливенкѣ), положеніе крестьянъ, даже если они переживутъ сравнительно благополучно весенніе мѣсяцы, должно оказаться чрезвычайно тяжелымъ. А между тѣмъ возможно повтореніе неурожая; зима долго была безснѣжной, въ январѣ стояла оттепель, суровые морозы начались только въ февралѣ (и продолжались въ мартѣ), и состояніе озимыхъ посѣвовъ долго внушало серьезныя опасенія. Что̀ скажетъ весна—этого ждать теперь недолго; во всякомъ случаѣ она застанетъ крестьянское хозяйство въ такомъ упадкѣ, въ какомъ оно уже давно не находилось.

Во время бытности нашей въ Воронежѣ тамъ происходила (6-го марта) чрезвычайная сессія губернскаго земскаго собранія, въ этомъ сезонѣ уже *четвертая* (первыя три были въ августѣ, ноябрѣ и январѣ; очередное собраніе засѣдало въ декабрѣ). Поводомъ къ ея́ созыву послужили слѣдующія обстоятельства. Въ январьской экстренной сессіи воронежское губернское земство постановило повторить ходатайство объ увеличеніи продовольственной ссуды до размѣра губернскаго продовольственнаго капитала, т.-е. объ ассигнованіи, въ добавокъ къ прежде разрѣшеннымъ ссудамъ (натурою и деньгами), еще 645 тыс. руб. [1]). Ходатайство это было поддержано губернскимъ по продовольственной части совѣщаніемъ (состоящимъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя и членовъ губернской земской управы, управляющихъ палатами, податныхъ инспекторовъ, городского головы, начальниковъ полицейскихъ желѣзнодорожныхъ управленій, правителя канцеляріи губернатора и др.), но отклонено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, отпустившимъ лишь 30 тыс. руб. на продовольственную помощь населенію, не принадлежащему къ мѣстнымъ сельскимъ обществамъ, и 90 тыс. руб. на обсѣмененіе въ уѣздахъ землянскомъ и валуйскомъ,

[1]) См. Внутр. Обозр. въ №№ 2 и 3 „В. Европы“ за 1898 г.

съ предупрежденіемъ, что на какія-либо дальнѣйшія ассигнованія земство разсчитывать не должно. Не было уважено и ходатайство объ отпускѣ 60 тыс. руб. на прокормленіе скота въ землянскомъ уѣздѣ. Совѣщаніе, находя, что во многихъ уѣздахъ не хватаетъ средствъ на продовольствіе населенія (для одного землянскаго уѣзда, напримѣръ, этотъ недостатокъ опредѣленъ приблизительно въ 225 тыс. пуд. хлѣба, а для всей губерніи выраженъ въ цифрѣ 400 тыс. рублей), и что 120 тыс. руб., которые губернское земство постановило выдать заимообразно, изъ страхового капитала, на прокормленіе скота, въ размѣрѣ по 10 тыс. руб. на уѣздъ, съ бо̀льшей пользой могли бы быть распредѣлены между уѣздами не въ равныхъ частяхъ, а по мѣрѣ дѣйствительной надобности,—признало нужнымъ созвать еще разъ чрезвычайное земское собраніе, на что и испросило разрѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ. По мнѣнію совѣщанія, необходимо выяснить средства и способы удовлетворенія потребностей, исчисленныхъ въ прежнихъ постановленіяхъ губ. земскаго собранія. На губернскомъ земствѣ лежитъ громадная отвѣтственность не только за настоящее положеніе дѣлъ, но и за его послѣдствія, которыя, по истощеніи нынѣ всѣхъ натуральныхъ запасовъ, собранныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, могутъ быть ужасны, еслибы въ текущемъ году повторился неурожай. Необходимо, поэтому, выяснить мѣры къ предотвращенію возможнаго несчастія и заблаговременно опредѣлить послѣдующую дѣятельность земства по продовольственной части. Разрѣшенію мартовскаго чрезвычайнаго собранія подлежало, такимъ образомъ, три вопроса: одинъ—частный, о новомъ распредѣленіи суммы, раньше ассигнованной губернскимъ земствомъ на прокормленіе скота, и два—общихъ, о мѣрахъ къ пополненію недостатка наличныхъ продовольственныхъ средствъ и предотвращенію бѣдственныхъ послѣдствій неурожая. Оказалось, однако, что первый вопросъ падаетъ самъ собою: условія займа изъ страхового капитала (условія, измѣненіе которыхъ не зависитъ отъ земства)—4% и уплата въ годовой срокъ,—во всѣхъ уѣздахъ признаются крестьянами совершенно для нихъ неподходящими, да и самое время покупки и доставки кормовъ упущено. Незачѣмъ было и толковать о порядкѣ распредѣленія суммы, которою никто не хочетъ или, лучше сказать, не можетъ воспользоваться. „Часть скота,—воскликнулъ одинъ изъ гласныхъ павловскаго уѣзда,—уже подохла, а то, что̀ осталось, мы не въ состояніи поддержать“. По словамъ другого гласнаго, въ одномъ задонскомъ уѣздѣ убито около тысячи лошадей изъ-за одной шкуры; иными словами, продажная цѣна лошади пала до стоимости шкуры, а кормить лошадей хозяева ихъ не были больше въ состояніи. При такомъ положеніи дѣлъ не можетъ быть, очевидно, и рѣчи о краткосрочныхъ процентныхъ ссудахъ

на прокормленіе скота, даже еслибы весенняя распутица и не мѣшала доставкѣ кормовъ по мѣсту назначенія. Весьма коротки были, дальше, и пренія по второму вопросу. „Мы много разъ просили и намъ не дали",—сказалъ одинъ изъ гласныхъ;—„никакихъ новыхъ данныхъ у насъ нѣтъ, никакихъ новыхъ постановленій мы сдѣлать не можемъ; остается только принять къ свѣдѣнію послѣдній отвѣтъ администраціи и сложить съ себя всякую отвѣтственность за послѣдствія, вытекающія изъ даннаго положенія вещей". Собраніе, почти единогласно, пришло къ слѣдующему заключенію: „Не имѣя возможности, за отсутствіемъ средствъ, произвести дополнительное ассигнованіе необходимой денежной суммы на продовольствіе населенія, признать, что второе предложеніе г. воронежскаго губернатора [1]) является для земства невыполнимымъ". Третій вопросъ—о предотвращеніи бѣдственныхъ послѣдствій неурожая—собраніе, въ виду его сложности, почти безъ преній рѣшило оставить открытымъ. Ни къ какимъ практическимъ результатамъ чрезвычайное воронежское собраніе, слѣдовательно, не привело; но это не мѣшаетъ ему быть во многихъ отношеніяхъ весьма характеристичнымъ. Знаменательно уже и то, что иниціатива его созыва принадлежала не самому земству. Недостаточность средствъ, которыми располагаетъ земство для продовольственной помощи населенію, оффиціально признана совѣщаніемъ, въ которомъ преобладаетъ элементъ административный. Хорошо знакомая съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ, губернская администрація не могла не видѣть, что оно изображено въ земскихъ ходатайствахъ согласно съ дѣйствительностью, и что разрѣшенныя ссуды не покрываютъ нужды во всемъ ея объемѣ. Надѣясь, по англійскому выраженію, вопреки надеждѣ, т.-е. не столько разсчитывая на успѣхъ, сколько пытая счастье, она признала своимъ долгомъ еще разъ поставить вопросъ, получившій, повидимому, окончательное разрѣшеніе. Земство высказало нѣсколько разъ, какую именно помощь оно считаетъ безусловно-необходимою для населенія; министерство внутреннихъ дѣлъ, въ послѣднемъ своемъ отвѣтѣ, объявило категорично, что ни на какія дальнѣйшія ассигнованія земство разсчитывать не должно. Собственныхъ средствъ на продовольствіе населенія у земства нѣтъ [2]); всѣ земскіе капиталы имѣютъ опредѣленное назначеніе, а для позаимствованія изъ нихъ установлены условія, дѣлающія его практически неосуществимымъ. Какъ ни благожелательна была попытка совѣщанія, успѣха она имѣть

---

[1]) Заключенія продовольственнаго совѣщанія были предъявлены собранію въ формѣ предложеній губернатора.

[2]) Губернскій продовольственный капиталъ былъ весь истраченъ воронежскимъ земствомъ въ 1891 г., и именно къ возмѣщенію его (для новаго израсходованія) и были направлены всѣ предъидущія ходатайства земства.

не могла, потому что была обращена не по надлежащему адресу; стучаться слѣдовало не въ открытую дверь, за которою ничего нѣтъ, а въ закрытую, за которою есть весьма многое. На второе предложеніе губернатора земское собраніе не могло отвѣчать ничѣмъ инымъ, какъ именно тою fin de non recevoir, о которой мы упомянули выше: оно чувствовало себя въ положеніи человѣка, который, стоя лицомъ къ лицу съ бѣднякомъ, охотно опорожнилъ бы въ его пользу свои карманы—еслибы они и безъ того не были совершенно пусты. Это—положеніе весьма тяжелое, не располагающее къ энергической дѣятельности. Только его гнетомъ и можно объяснить, какъ намъ кажется, отношеніе собранія къ послѣднему, третьему предложенію губернатора. Здѣсь уже не было рѣчи о немедленномъ пріисканіи самимъ земствомъ матеріальныхъ средствъ для борьбы съ нуждою; земство призывалось только къ заблаговременному обсужденію вопросовъ, выдвинутыхъ неурожаемъ—вопросовъ, которымъ въ скоромъ времени суждено, быть можетъ, занимать собою всю Россію. Въ другую, болѣе спокойную минуту земство не стало бы ожидать приглашенія со стороны, чтобы подумать о ближайшемъ будущемъ; теперь, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ неисполнившихся ожиданій, оно не нашло въ себѣ достаточно силы для немедленнаго приступа къ работѣ, характеръ которой, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, былъ бы по необходимости академическій. Оставивъ вопросъ открытымъ, земство сохранило за собою возможность возвратиться къ нему при первомъ удобномъ случаѣ, когда смягчится горечь разочарованія и не такъ живо будетъ напоминать о себѣ неудовлетворенная народная потребность. Скажемъ прямо: мы считаемъ такое возвращеніе не только правомъ, но и обязанностью земства. Всего лучше знакомое съ болѣзнью, оно должно намѣтить лекарства: оно должно указать, чѣмъ и какъ можно ускорить и облегчить процессъ излеченія ранъ, нанесенныхъ неурожаемъ народному хозяйству...

Оффиціальное признаніе, что наличными продовольственными средствами нужда въ воронежской губерніи удовлетворяется не вполнѣ, и что положеніе вещей, тяжелое уже теперь, въ ближайшемъ будущемъ можетъ сдѣлаться еще гораздо худшимъ, — приводитъ, какъ намъ кажется, къ одному безспорному выводу: на покрытіе нужды и на предупрежденіе наиболѣе опасныхъ ея послѣдствій слѣдуетъ обратить безотлагательно всѣ средства, какими располагаютъ мѣстная администрація и мѣстное общество. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ Воронежѣ есть на лицо значительная сумма, которая не только можетъ, но и должна быть обращена на помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Изъ печатнаго отчета воронежскаго мѣстнаго управленія общества Краснаго Креста за 1896 годъ видно, что въ

составѣ спеціальныхъ суммъ управленія имѣется особый капиталъ „на помощь населенію въ случаяхъ общественныхъ бѣдствій“, образовавшійся въ бо́льшей своей части изъ остатковъ отъ благотворительныхъ суммъ, отпущенныхъ въ 1891-1892 гг. Особымъ Комитетомъ. На 1 января 1897 года этотъ капиталъ состоялъ изъ 68.713 р. 10 к. (не считая 367 р. 40 к. по валуйскому уѣзду и 1,939 р. 95 к. по острогорскому), а къ 1 января 1898 г. онъ возросъ, какъ мы слышали, приблизительно до 71 тыс. руб. Что воронежскій край страдаетъ въ настоящее время отъ „общественнаго бѣдствія“—въ этомъ сомнѣваться нельзя, это подтверждено совѣщаніемъ, представляющимъ собою всѣ главныя административныя вѣдомства; самое бѣдствіе, притомъ, вполнѣ аналогично съ тѣмъ, которое послужило поводомъ къ образованію вышеупомянутаго спеціальнаго капитала. Какъ бы ни были велики обычныя постоянныя нужды населенія — напр. потребность въ медицинской помощи, въ призрѣніи дѣтей, стариковъ, убогихъ, — онѣ едва ли могутъ быть удовлетворяемы изъ суммъ, предназначенныхъ для борьбы съ *общественнымъ бѣдствіемъ*. Едва ли, также, есть основаніе ожидать, чтобы бѣдствіе разразилось со всею силой, порождая тифъ или цынгу, угрожая голодною смертью; каждый рубль, затраченный для *предупрежденія* подобныхъ явленій, принесетъ только больше пользы, чѣмъ нѣсколько рублей, затраченныхъ для ихъ *прекращенія*. Мы думаемъ, поэтому, что семьдесятъ тысячъ рублей слѣдовало бы теперь же обратить всецѣло на поддержку пострадавшихъ отъ неурожая. Конечно, эта сумма невелика, но во всякомъ случаѣ она могла бы послужить хорошимъ базисомъ для частно-общественной помощи. Примѣру госпожи Соколовой, организовавшей помощь нуждающимся въ одной изъ волостей воронежскаго уѣзда [1]),—примѣру, и теперь уже, быть можетъ, нашедшему подражателей,—послѣдовали бы, при помощи Краснаго Креста или даже безъ нея, многія лица, живущія въ разныхъ концахъ губерніи. Первымъ ихъ шагомъ было бы полное, всестороннее выясненіе нужды—а оно, въ свою очередь, вызвало бы приливъ средствъ, расширеніе районовъ помощи и увеличеніе ея размѣровъ. Само собою разумѣется, что необходимымъ условіемъ успѣха было бы предоставленіе простора частной иниціативѣ—простора, благодаря которому она была такъ плодотворна въ 1891-1892 гг. Припомнимъ слова госпожи Соколовой: „я не знаю, возможно ли было бы намъ, уже знакомымъ въ уѣздѣ людямъ, открыть столовыя по деревнямъ“. Для такихъ сомнѣній не должно быть мѣста: они тормазятъ ходъ добраго дѣла и уменьшаютъ число лицъ, готовыхъ содѣйствовать ему лично или ма-

[1]) См. предъидущее Внутреннее Обозрѣніе.

теріально. Какія формы помощи наиболѣе цѣлесообразны въ данную минуту и въ данномъ мѣстѣ — это обнаружилось бы само собою при опредѣленіи числа и положенія нуждающихся. Кое-гдѣ, по всей вѣроятности, и теперь могли бы сослужить большую службу способы борьбы съ нуждою, испытанные въ 1891-1892 гг. — столовыя (общія и спеціально-школьныя), ясли, безплатная раздача или удешевленная продажа хлѣба и кормовъ для скота; кое-гдѣ пришлось бы прибѣгнуть къ поддержанію крестьянскаго хозяйства, путемъ снабженія крестьянъ лошадьми, рогатымъ скотомъ, сѣменами, земледѣльческими орудіями и т. п. Особенно полезна была бы, думается намъ, раздача яровыхъ сѣмянъ, которыми крестьяне едва ли вездѣ будутъ снабжены въ достаточной степени. Земскія ссуды на обсѣмененіе будутъ выданы, по всей вѣроятности, только по количеству надѣльной земли (и то едва ли въ полной мѣрѣ), безъ принятія въ разсчетъ земли, арендуемой крестьянами. Между тѣмъ, послѣдняя составляетъ весьма часто необходимое подспорье для крестьянскаго хозяйства, необходимое дополненіе скуднаго надѣла.

До какой степени желателенъ именно въ нынѣшнемъ году *вызовъ* общественнаго вниманія къ продовольственной нуждѣ—объ этомъ можно судить по перепискѣ академика И. И. Янжула съ Р. А. Писаревымъ (однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ земскихъ дѣятелей тульской губерніи), напечатанной въ № 72 „Русскихъ Вѣдомостей". И. И. Янжулъ, слыша, съ разныхъ сторонъ, о бѣдственномъ положеніи нѣкоторыхъ мѣстностей центральной Россіи, обратился къ г. Писареву съ просьбою сообщить ему свѣденія о степени нужды въ епифанскомъ уѣздѣ. Отвѣтъ г. Писарева касается прямо лишь одного прихода (орловскаго), но можетъ служить для общей характеристики уѣздовъ епифанскаго, ефремовскаго, богородицкаго, веневскаго, положеніе которыхъ болѣе или менѣе одинаково. Въ с. Орловкѣ, съ населеніемъ въ 2,350 душъ, назначено на продовольствіе населенія въ мартѣ 598 пудовъ, въ апрѣлѣ— 744 (по 30 ф. на ѣдока, съ исключеніемъ мужского населенія рабочаго возраста и дѣтей моложе трехъ лѣтъ). „Нечего и думать,—говоритъ г. Писаревъ,—чтобы при подобномъ размѣрѣ ссуды часть ея могла пойти на поддержаніе рабочаго скота... Такихъ дворовъ, которые не осилятъ прокормить своихъ лошадей и привести ихъ въ состояніе годное для работы, насчитали мы въ дер. Прилипкахъ три, въ дер. Курцахъ—пять, а по всѣмъ селеніямъ прихода — до сорока. Къ этимъ дворамъ приходится присоединить и тѣхъ домохозяевъ, у которыхъ за зиму пали лошади, а также и тѣхъ, которые продали лошадей съ осени, вырученныя же деньги проѣли. Нужна, такимъ образомъ, помощь, чтобы прокормить нѣсколько десятковъ лошадей до мая; нужна она и для того, чтобы купить нѣ-

сколько лошадей, отдавши ихъ въ пользованіе обезлошадѣвшимъ за зиму домохозяевамъ, обезпечить имъ возможность обсѣяться. Безъ помощи со стороны не справиться этимъ крестьянамъ". Въ одной изъ экономій уѣзда, уже обезпечившей себя работниками на 1898-й г., раздаются деньги подъ заработки 1899-го года (!), чтобы удовлетворить насущную нужду крестьянъ. Въ селѣ Татищевѣ, на границѣ уѣздовъ епифанскаго и данковскаго (рязанской губерніи), появился брюшной тифъ; начинается онъ, повидимому, и въ дер. Подмакинѣ. „Теперь,— пишетъ г. Писаревъ,—это еще единичные случаи заболѣваній, но при недостаточномъ питаніи, при сырости и холодѣ, заболѣванія эти быстро могутъ принять эпидемическій характеръ, какъ это было у насъ въ 1891-92 голодные года... Слава Богу, что въ нашемъ уѣздѣ выдается земская ссуда, и отказываешься понимать, какъ, при одинаковыхъ условіяхъ неурожая, существуетъ населеніе тамъ, гдѣ ему и въ этой помощи отказано" (здѣсь имѣется въ виду, по всей вѣроятности, новосильскій уѣздъ, гдѣ восторжествовала теорія г. Шатилова о „развращающемъ" дѣйствіи ссудъ и о необходимости предупредить повтореніе „оргій" 1891—92 гг.)... Не обратись И. И. Янжулъ съ своимъ вопросомъ, не было бы и отвѣта г. Писарева, освѣщающаго яркимъ свѣтомъ положеніе цѣлой группы уѣздовъ. Къ пожертвованію, направленному И. И. Янжуломъ въ епифанскій уѣздъ, присоединятся, нужно надѣяться, и другія—и, что еще важнѣе, будетъ сдѣланъ еще шагъ впередъ къ пониманію бѣдствія, постигшаго Россію... Кстати о И. И. Янжулѣ. Болѣе чѣмъ когда-либо являются теперь своевременными его публичныя лекціи, всегда читаемыя съ благотворительною цѣлью—въ особенности такія лекціи, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ злобѣ дня (напр. его послѣдняя лекція о „Милліонахъ", вызвавшая со стороны одного изъ слушателей довольно значительный вкладъ въ доброе дѣло). Чрезвычайно неправдоподобенъ, поэтому, слухъ о томъ, будто бы И. И. Янжулу не разрѣшено прочесть публичную лекцію въ Нижнемъ-Новгородѣ и еще въ одномъ изъ подмосковныхъ губернскихъ городовъ. Имя и положеніе лектора служатъ, думается намъ, достаточной гарантіей противъ возможности подобныхъ запрещеній, тѣмъ болѣе, что въ провинціи предполагалось только повторить лекцію, уже прочитанную въ Москвѣ...

Настаивая на необходимости частно-общественной помощи пострадавшимъ отъ неурожая, мы ни на минуту не упускаемъ изъ виду, что прочнымъ оплотомъ противъ возможныхъ послѣдствій продовольственной нужды, какъ и прочной гарантіей противъ ея повторенія, могутъ служить лишь широкія законодательныя мѣры—и притомъ не только въ области спеціально-продовольственнаго дѣла, но и вообще въ области народнаго быта и народнаго хозяйства. Весьма большое

значеніе имѣетъ, поэтому, подробное обсужденіе продовольственнаго вопроса въ Вольномъ экономическомъ обществѣ, начавшееся, при участіи многихъ пріѣзжихъ земцевъ, 12-го марта, и въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, еще не приведенное къ концу. Предоставляя себѣ возвратиться къ его выводамъ, когда они будутъ оглашены въ печати, остановимся только на одной подробности, тѣсно связанной съ исторіею продовольственнаго дѣла въ воронежской губерніи. Въ засѣданіи Вольнаго экономическаго общества было указано на то, что воронежское земство встрѣчало препятствія къ покупкѣ хлѣба, такъ какъ предполагалось снабдить его хлѣбомъ, имѣющимся въ распоряженіи министерства финансовъ. Одинъ изъ членовъ общества, близко знакомый съ дѣятельностью министерства, возразилъ на это, что еще въ февралѣ мѣсяцѣ министерство разрѣшило воронежскому губернскому земству покупать хлѣбъ, въ предѣлахъ ассигнованной ссуды, а затѣмъ то же самое разрѣшеніе было дано уѣзднымъ земствамъ. Разногласіе здѣсь только кажущееся: спорящія стороны говорятъ о двухъ различныхъ моментахъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Что ходатайство воронежскаго земства о предоставленіи ему покупки хлѣба было сначала отклоняемо министерствомъ — это безспорно; столь же безспорно и то, что въ концѣ концовъ оно было уважено [1]). Характеристичными остаются, во всякомъ случаѣ, затрудненія, встрѣченныя земствомъ въ организаціи продовольственнаго дѣла. Въ какой степени закупка хлѣба на мѣстахъ была удобнѣе доставки его издалека—это видно изъ слѣдующихъ словъ одного изъ представителей задонскаго уѣзда, сказанныхъ въ засѣданіи губернскаго земскаго собранія 6-го марта: „мы не брали изъ казеннаго хлѣба ни зерна не потому, что онъ намъ ненуженъ—онъ намъ необходимъ; но у насъ абсолютно нѣтъ мѣста для его помѣщенія. Всѣ тѣ амбары, которые намъ давали помѣщики въ 1891 г., теперь заняты и земству не отдаются. Лучше ничего не брать, чѣмъ держать хлѣбъ на открытыхъ платформахъ. Когда мы наконецъ убѣдили уполномоченнаго (министерства финансовъ), что мы достать помѣщенія не можемъ, то онъ, въ концѣ февраля, отвѣтилъ, что мы казеннаго хлѣба получать не будемъ, а можемъ купить на мѣстѣ. И дѣйствительно, это никакого затрудненія не представило, и я купилъ хлѣба на 65 тыс. въ четыре дня". Итакъ, основательность системы, за которую съ самаго начала высказалось и неуклонно стояло земство, была, наконецъ, признана и администраціей. Историку нынѣшняго неурожайнаго года предстоитъ опредѣлить, понесло ли населеніе какія-нибудь потери отъ поздняго разрѣшенія покупки на мѣстѣ, и если

[1]) См. февральское и мартовское Внутр. Обозрѣнія.

понесло, то какія именно. Счастливой, съ этой точки зрѣнія, случайностью слѣдуетъ считать запоздалость нынѣшней весны. Распутица въ воронежской губерніи, особенно въ южныхъ ея уѣздахъ, начинается, сплошь и рядомъ, уже въ февралѣ, а нынче зимній путь держался еще въ началѣ марта, благопріятствуя перевозкѣ хлѣба.

Закономъ 2-го февраля дѣйствіе суда присяжныхъ распространено на губерніи олонецкую, уфимскую, оренбургскую и астраханскую. Это— большой шагъ впередъ для нашихъ окраинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ясное доказательство тому, что судъ присяжныхъ не возбуждаетъ болѣе предубѣжденій и опасеній, еще недавно распространенныхъ въ оффиціальныхъ сферахъ. Можно надѣяться, что скоро будетъ поставленъ на очередь вопросъ о введеніи суда присяжныхъ и въ другихъ частяхъ имперіи, до сихъ поръ его лишенныхъ. Къ западнымъ окраинамъ (губерніямъ прибалтійскимъ и привислянскимъ) будетъ примѣненъ, вѣроятно, такъ называемый спеціальный судъ присяжныхъ (или судъ присяжныхъ особаго состава), во многомъ, безъ сомнѣнія, уступающій общему, но столь же несомнѣнно стоящій выше суда коронного и суда съ участіемъ сословныхъ представителей [1]). Ничто не мѣшало бы, повидимому, сдѣлать еще шагъ въ этомъ направленіи и ввести спеціальный судъ присяжныхъ вездѣ, гдѣ, по политическимъ или инымъ соображеніямъ, существованіе общаго суда присяжныхъ признается преждевременнымъ или неудобнымъ. Спѣшимъ прибавить, что съ нашей точки зрѣнія область дѣйствій общаго суда присяжныхъ должна быть ограничиваема какъ можно меньше; мы продолжаемъ считать его вполнѣ возможнымъ во многихъ частяхъ Сибири и Кавказа.

Между разнообразными предложеніями, съ которыми выступаютъ теперь, подъ знаменемъ дворянскихъ интересовъ, многочисленные газетные прожектеры, мы, наконецъ, встрѣтили одно, не идущее въ разрѣзъ ни съ здравымъ смысломъ, ни съ справедливостью, ни съ общею пользой: это — предложеніе допустить *ежегодный* созывъ дворянскихъ собраній, по дѣйствующему закону засѣдающихъ, какъ извѣстно, только разъ въ три года. По основательному замѣчанію „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 71), трехлѣтніе промежутки между сессіями дворянскихъ собраній были понятны въ то время, когда сообщенія были медленны и затруднительны, да и самая жизнь текла вяло и

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 5 „Вѣстн. Европы" за 1897 г.

тихо. Теперь ничто не мѣшало бы созывать дворянскія собранія, какъ губернскія, такъ и уѣздныя, ежегодно, нѣсколькими днями раньше или позже губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній. Соглашаясь въ этомъ отношеніи съ московской газетой, мы, однако, не думаемъ, чтобы болѣе частый созывъ дворянскихъ собраній могъ измѣнить характеръ и результаты ихъ дѣятельности. Если теперь, собираясь разъ въ три года, дворянство, за самыми рѣдкими исключеніями, не выходитъ изъ круга сословныхъ дѣлъ, разсматриваемыхъ съ узко-сословной точки зрѣнія, то нѣтъ причины ожидать чего-либо другого и отъ ежегодныхъ дворянскихъ собраній. Въ продолженіе трехъ лѣтъ можетъ возникнуть и назрѣть больше важныхъ вопросовъ, чѣмъ въ теченіе одного года; если такихъ вопросовъ дворянскія собранія поднимали теперь очень мало, то, по теоріи вѣроятностей, ихъ окажется еще меньше въ программахъ ежегодныхъ дворянскихъ сессій. Поставленныя рядомъ съ земскими собраніями, регулярно предшествуя имъ или слѣдуя за ними, дворянскія собранія обнаружатъ особенно ярко существенное различіе между представительствомъ сословія и представительствомъ населенія,—и этимъ самымъ, косвенно, сослужатъ службу именно тому дѣлу, которое хотѣли бы затормазить реакціонные публицисты. Правда, „Московскія Вѣдомости“ разсчитываютъ на расширеніе круга дѣйствій дворянскихъ собраній. Указавъ на „довольно твердо (?) установившійся обычай запрашивать мнѣнія мѣстныхъ, преимущественно земскихъ учрежденій по разнымъ текущимъ вопросамъ внутренней политики“, московская газета замѣчаетъ, что „эта роль свѣдущаго человѣка гораздо болѣе приличествовала бы дворянскимъ собраніямъ, чѣмъ какимъ-либо инымъ“. Какимъ образомъ дворянство, привыкшее въ своихъ сословныхъ собраніяхъ заботиться только о самомъ себѣ, можетъ оказаться въ общихъ вопросахъ „внутренней политики“ болѣе „свѣдущимъ“, болѣе компетентнымъ, болѣе безпристрастнымъ, чѣмъ земство — это тайна охранительной газеты. Чѣмъ бы ни возбуждалась дѣятельность дворянскихъ собраній—предложеніями ли самихъ дворянъ или запросами правительства, — они во всякомъ случаѣ останутся тѣмъ, чѣмъ были въ продолженіе всей своей исторіи. Пусть они засѣдаютъ ежегодно или еще чаще — существенной перемѣны отъ этого не произойдетъ; ускорено будетъ только рѣшеніе собственно-дворянскихъ дѣлъ, на что дворянство имѣетъ, безъ сомнѣнія, полное право.

Открывая, 8-го марта, съѣздъ завѣдующихъ промышленными училищами, г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія произнесъ рѣчь, въ которой указалъ, между прочимъ, на предстоящее съѣзду исправленіе программъ промышленныхъ училищъ. Нѣкоторые

преподаватели—замѣтилъ онъ—„обнаруживаютъ большое рвеніе къ усиленію программъ. Прошу васъ помнить, что вы не только техники, но и педагоги, и что при увеличеніи программъ необходимо имѣть въ виду силы ростущаго организма. Программы не должны превышать этихъ силъ. *Это правило, къ сожалѣнію, нарушается почти во всѣхъ нашихъ школахъ—высшихъ, среднихъ и низшихъ*". Laudatores temporis praesentis—которыхъ у насъ въ настоящую минуту отнюдь не меньше, чѣмъ laudatores temporis acti,—поспѣшили при этомъ воскурить ѳиміамъ, не забывъ, при этомъ, нанести легкій ударъ предшествовавшему министру, какъ представителю „благодушнаго безразличія къ установленной системѣ". Замѣчаніе о чрезмѣрной сложности программъ включено всецѣло въ число тѣхъ, которыми „завязываются нити довѣрія между учебнымъ вѣдомствомъ и обществомъ" [1]). Съ этимъ можно было бы согласиться развѣ въ такомъ случаѣ, еслибы рѣчь шла только о программахъ *средней классической школы*—хотя и здѣсь весьма важно было бы знать, въ чемъ именно должно заключаться упрощеніе и облегченіе учебныхъ плановъ: далеко не все равно, напримѣръ, будетъ ли оно направлено на древніе языки, или на родной языкъ, на исторію, на математику. Еще болѣе спорнымъ представляется вопросъ о цѣлесообразности сокращеній въ программахъ высшихъ (общеобразовательныхъ) учебныхъ заведеній. Наконецъ, программы *низшихъ* учебныхъ заведеній, въ особенности начальныхъ школъ, настоятельно требуютъ не сокращенія, а расширенія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить статью г. Горбова, напечатанную, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ нашемъ журналѣ (1897 г. № 11) и посвященную именно новымъ программамъ начальныхъ народныхъ училищъ. Бывшаго ученика г. Рачинскаго никто не причислитъ къ такъ называемымъ „либеральнымъ" педагогамъ,—а между тѣмъ онъ высказывается со всею силой противъ „мертвыхъ оковъ", наложенныхъ программами на начальную школу. Что же можно, затѣмъ, еще сократить и упростить въ курсѣ начальной школы? Не слѣдуетъ ли, наоборотъ, всячески поощрять сообщеніе ея ученикамъ такъ называемыхъ „дополнительныхъ свѣденій", хотя бы для этого понадобилось удлиненіе учебнаго времени на одинъ годъ?.. Въ газетахъ говорилось недавно о поразительной скудости географическихъ знаній, обнаруженной учениками одной двухклассной церковно-приходской школы при посѣщеніи ея нижегородскимъ губернаторомъ, генераломъ Унтербергеромъ; многіе ученики не могли даже назвать губернію, въ которой они живутъ. Положимъ, что въ данномъ случаѣ это зависѣло отъ недостатковъ преподаванія; но для учениковъ одно-

[1]) См. „Новое Время", № 7914.

классной начальной школы незнаніе самыхъ элементарныхъ фактовъ изъ области отечественной исторіи, географіи, естествознанія, является, въ силу программъ, чѣмъ-то нормальнымъ, почти обязательнымъ... Спѣшимъ оговориться: весьма можетъ быть, что, говоря объ излишней содержательности программъ въ низшихъ школахъ, г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія имѣлъ въ виду не начальныя училища, въ собственномъ смыслѣ слова, а другія категоріи низшихъ школъ (сельскія двухклассныя, городскія, уѣздныя, ремесленныя, сельско-хозяйственныя и т. п.). Понимаемое такимъ образомъ, замѣчаніе о чрезмѣрности программныхъ требованій получаетъ совершенно иное значеніе. Мы возражаемъ не противъ рѣчи Н. П. Боголѣпова, не заключающей въ себѣ никакихъ опредѣленныхъ указаній, а противъ преждевременныхъ восторговъ, возбужденныхъ ею въ нашей печати...

ЗАМѢТКА.

Результаты „условнаго осужденія".

Письмо изъ Берлина.

Среди документовъ, розданныхъ депутатамъ германскаго рейхстага въ нынѣшнемъ году, находится одинъ, помѣченный № 89—и озаглавленный: „Дополненіе къ сообщеннымъ два года тому назадъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ объ иностранныхъ законодательствахъ по *условному осужденію*". Факты, приведенные въ этомъ документѣ, относятся къ Бельгіи, Франціи, Англіи и нѣкоторымъ другимъ странамъ, въ которыхъ сдѣланы были опыты примѣненія условнаго освобожденія отъ незначительныхъ уголовныхъ наказаній, въ качествѣ мѣры, освобождающей и тюрьмы отъ переполненія, и случайныхъ преступниковъ —отъ развращающаго и унижающаго вліянія привычныхъ тюремныхъ обитателей. Такъ какъ этотъ вопросъ представляетъ выдающійся интересъ и для нашей судебной и тюремной практики, то будетъ нелишне привести здѣсь въ краткихъ чертахъ свѣдѣнія, добытыя германскимъ правительствомъ. Прежде всего, однако—нѣсколько словъ о задачахъ и постановкѣ самаго института, о которомъ идетъ рѣчь.

Подъ условнымъ осужденіемъ, или освобожденіемъ (libération et condamnation conditionnelles; bedingte Veruhrtheilung), понимаютъ отсрочку наказанія при извѣстныхъ условіяхъ и на извѣстное время, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого срока, если осужденный удовлетворяетъ поставленнымъ ему условіямъ, наказаніе вовсе было отмѣнено. Законодательство штата Массачусетъ, первое введшее у себя институтъ условнаго освобожденія (въ 1878 г.), допускало его лишь для обвиняемыхъ въ легкихъ проступкахъ и преступленіяхъ, влекущихъ за собою наказаніе не свыше шестинедѣльнаго тюремнаго заключенія: особыми должностными лицами, слѣдящими за нравственнымъ поведеніемъ временно-освобожденныхъ (probation officers), должно быть установлено, что послѣдніе оказались достойными оказанной имъ милости, и въ этомъ случаѣ наказаніе окончательно отмѣнялось. Въ томъ же направленіи выработаны законы объ условномъ освобожденіи въ Англіи и англійскихъ колоніяхъ. На европейскомъ континентѣ новый институтъ впервые получилъ примѣненіе въ Бельгіи, допустившей его для преступниковъ и всѣхъ обвиненныхъ, впервые нарушающихъ законы своей страны, если суды найдутъ смягчающія обстоя-

тельства въ личности подсудимаго и характерѣ правонарушенія. Примѣненіе условнаго освобожденія вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія судей, но милость можетъ быть дарована лишь обвиняемымъ *въ первомъ* преступленіи, и по истеченіи не болѣе 5 лѣтъ наказаніе должно быть окончательно отмѣнено. Вслѣдъ за Бельгіей, институтъ условнаго осужденія ввели у себя Франція въ 1891 году, Люксембургъ въ 1892, Португалія въ 1893 и Норвегія въ 1894 г. Послѣдній законъ—одинъ изъ самыхъ либеральныхъ и не исключаетъ условнаго освобожденія даже для рецидивистовъ, конечно, при извѣстныхъ благопріятныхъ для обвиняемаго условіяхъ, хотя вообще на условное освобожденіе смотрятъ какъ на средство противъ рецидива. Французскій законъ, извѣстный подъ названіемъ loi Berenger, по имени своего иниціатора, носитъ другой характеръ: это—законъ противъ рецидивизма, примѣняющій условное осужденіе въ качествѣ одного изъ средствъ предупрежденія, но не отказывающійся отъ устрашенія: если въ теченіе пяти лѣтъ условно освобожденный попадается во вторичномъ преступленіи, то онъ не только лишается милости, но и подвергается болѣе суровому наказанію. Наконецъ, что касается Германіи, то въ Пруссіи указомъ имп. Вильгельма II прокурорамъ предоставлено ходатайствовать чрезъ министра юстиціи о непримѣненіи наказанія къ несовершеннолѣтнимъ, приговариваемымъ къ заключенію не свыше шести недѣль. Въ прусской палатѣ и въ рейхстагѣ неоднократно поднимался вопросъ о болѣе широкомъ законѣ для всей страны, и правительство не выступало противъ этихъ требованій, но замѣчало, что оно предпочитаетъ еще выждать опыта другихъ странъ.

Обратимся къ этому опыту другихъ странъ, и начнемъ съ результатовъ въ Бельгіи. Въ первые годы число условно-освобожденныхъ на основаніи закона 1888 года не превышало 13—14.000 и составляло (въ 1890 г.) 9% всѣхъ осужденныхъ вообще; хотя и тогда въ Tribunaux correctionnels изъ 36.600 освобождены были условно 7.932, т.-е. болѣе 21%, но за то мировые судьи еще мало пользовались новымъ правомъ, и на 121.461 обвинительныхъ приговора предъ Tribunaux de police только 6.377, или 5%, произнесены были „условно“. Съ каждымъ годомъ, однако, суды обѣихъ категорій все болѣе прибѣгаютъ къ институту условнаго осужденія, и въ 1896 году на 198.151 обвиненныхъ лицъ, 61.310 освобождены „условно“ отъ приведенія приговора въ исполненіе. Въ Tribunaux correctionnels условные приговоры составляютъ почти 39% всѣхъ обвиненій; у мировыхъ судей—почти 29%. За этотъ годъ освобожденные, по категоріямъ наказаній, состояли изъ 36.390 лицъ, обвиненныхъ въ мелкихъ проступкахъ (contreventions); изъ 24.348, признанныхъ виновными въ болѣе серьезныхъ проступкахъ (délits), и изъ 442 лицъ, обвиненныхъ въ преступленіяхъ

(crimes). Значительнѣйшее число условныхъ освобожденій приходится на денежные штрафы, отъ которыхъ 54.911 лицъ были освобождены, тогда какъ лишь 6.399 лицъ избавились отъ лишенія свободы. Все большее и большее распространеніе новаго института при полной свободѣ судей само говоритъ о томъ, что результаты его оказались благопріятными. Мы имѣемъ, однако, еще авторитетное заявленіе въ пользу условнаго освобожденія: это—отчетъ, представленный бельгійской палатѣ министромъ юстиціи, отъ 18 іюня 1897 года.

Результаты примѣненія условнаго освобожденія и условнаго осужденія,—сообщаетъ министръ,—чрезвычайно удовлетворительны. Новая мѣра, введеніе которой въ свое время вызвало много возраженій, еще не можетъ быть оцѣнена во всѣхъ своихъ главныхъ результатахъ. Мы видимъ пока, что судьи съ большою мудростью пользуются предоставленнымъ имъ правомъ, и что всѣ директора тюремъ въ своихъ отчетахъ говорятъ о счастливыхъ послѣдствіяхъ реформы. Если спросить, что̀ было ея мотивомъ, то на это надо будетъ отвѣтить: слишкомъ очевидно, что краткосрочное тюремное заключеніе не въ состояніи предупредить быстраго и постояннаго роста мелкихъ преступленій и проступковъ; оно точно также не могло остановить увеличенія рецидива въ мелкой преступности. Краткосрочное заключеніе мало устрашаетъ, но часто унижаетъ и толкаетъ въ пропасть. Если теперь разсмотрѣть послѣдствія реформы съ точки зрѣнія ея вліянія на увеличеніе или уменьшеніе преступности, то данныя статистики свидѣтельствуютъ, что въ то время какъ въ предъидущее десятилѣтіе преступность постоянно увеличивалась, съ 1891 по 1894 г. общее число обвинительныхъ приговоровъ уменьшилось съ 197.139 на 191.870, а въ 1895 г.—даже до 186.731. Однако, въ слѣдующемъ, 1896 г., число обвиненій повышается до 203½ тысячъ. Въ своемъ отчетѣ министръ справедливо замѣчаетъ, что „слишкомъ много различныхъ факторовъ вліяетъ на размѣры преступности, и что нельзя изъ большей или меньшей цифры осужденій дѣлать выводовъ о большей или меньшей наклонности населенія къ преступленіямъ. Въ Бельгіи, напримѣръ, увеличеніе числа проступковъ можно объяснить развитіемъ обязательныхъ постановленій общинъ и провинціальныхъ учрежденій, равно какъ законами о пьянствѣ и т. п.“. Совершенно естественно, что среди сложныхъ причинъ, объясняющихъ движеніе преступности, условное освобожденіе—только одинъ изъ многихъ факторовъ, вліяніе котораго можетъ проявиться лишь по истеченіи продолжительнаго срока. Нельзя не согласиться съ бельгійскимъ министромъ, что если не предаваться иллюзіямъ и не возлагать на такіе институты надеждъ, не соотвѣтствующихъ ихъ назначенію, то все же надо думать, что послѣдствіемъ снисхожденія къ лицамъ, впервые вступающимъ въ

конфликты съ законами, должно быть уменьшеніе преступности. Такъ какъ срокъ дѣйствія условнаго освобожденія по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ продолжается до 5 лѣтъ, то очень естественно, что въ первые годы было меньше рецидивистовъ, лишаемыхъ, при совершеніи новаго преступленія, благодѣянія закона,—чѣмъ въ послѣдующіе годы, до наступленія т.-наз. „точки покоя", т.-е. до момента, когда прекращается усиленное вліяніе предъидущихъ лѣтъ, и число рецидивистовъ каждаго года выражаетъ собой не только рецидивъ новыхъ, но и старыхъ преступниковъ. Не удивительно поэтому, что въ 1890 г., среди условно освобожденныхъ исправительными судами, оказалось лишь 3,6% рецидивистовъ, у мировыхъ судей—менѣе 1%, тогда какъ въ 1896 г. у первыхъ—10,9%, у вторыхъ — 2% рецидивовъ. Несмотря на увеличеніе этихъ цифръ, отчетъ бельгійскаго министерства считаетъ, съ этой стороны, и этотъ результатъ реформы чрезвычайно благопріятнымъ! Что̀ значитъ,—спрашиваетъ министръ,—4½—5% въ общемъ выводѣ въ сравненіи съ ужасающимъ ростомъ рецидива въ общей преступности, въ которой онъ уже составляетъ болѣе 50%? Тюремная же статистика свидѣтельствуетъ, что болѣе 70% всѣхъ заключенныхъ уже раньше подвергались наказаніямъ за преступленія и тяжкіе проступки. Могутъ возразить, что условное освобожденіе примѣняется къ лицамъ, которыя по своимъ проступкамъ меньше вызываютъ опасеній. „Безспорно, — отвѣчаетъ бельгійскій отчетъ, что лица эти еще не развращены, но развѣ не въ томъ и назначеніе закона 1888 года, чтобы не дать людямъ, впервые нарушившимъ законъ, повода стать обычными преступниками? И въ этомъ отношеніи результатъ превзошелъ всѣ ожиданія. Не надо, однако, ничего преувеличивать, не надо думать, что достаточно освободить обвиняемаго отъ тюремнаго заключенія, чтобы подавить всѣ дурные инстинкты и предупредить всякій рецидивъ".

Во Франціи послѣдній отзывъ о вліяніи закона Беранже содержится въ отчетѣ министра юстиціи, отъ 28 октября 1897 года (помѣщенъ въ № 304 „Journal officiel" за тотъ же годъ). Упомянувъ о томъ, что преступность въ отчетномъ 1895 году впервые нѣсколько уменьшилась, министръ съ особымъ вниманіемъ останавливается на вопросѣ о рецидивизмѣ и замѣчаетъ: „Почти постоянная прогрессія, въ которой до недавняго времени происходило увеличеніе числа рецидивистовъ, начинаетъ прерываться: въ тяжкихъ преступленіяхъ апогей достигнутъ въ 1893 г., когда было 1.741 преступниковъ, вторично обвиненныхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ. Въ слѣдующемъ году, цифра эта опускается на 1.590, и въ 1895 г.—до 1.380. Въ болѣе мелкихъ проступкахъ апогей рецидивизма достигнутъ уже въ 1892 г.: 105.380 лицъ; съ тѣхъ поръ число ихъ понизилось до 99.434. Это явленіе

заслуживаетъ особаго вниманія, и надо спросить: какимъ вліяніямъ, какимъ причинамъ новѣйшаго происхожденія можно приписать пріостановку, а затѣмъ и обратный толчокъ въ движеніи, которое казалось неудержимымъ? Мы не замѣчаемъ ничего другого, кромѣ одного законодательнаго нововведенія, которое съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ можетъ претендовать на эту честь: законъ 1891 г. уполномочилъ судей условно отсрочивать исполненіе опредѣленныхъ ими наказаній. Эта превосходная мѣра не могла существенно проявить себя ни въ первый, ни во второй годы по своемъ введеніи, но мало-по-малу она вошла въ судебные нравы и поддержала всѣ надежды и разсчеты подсудимыхъ... Сравнивая отсрочки, данныя съ 1891 до 1895 года, съ числомъ льготъ, взятыхъ обратно въ теченіе этихъ пяти лѣтъ, мы удивляемся незначительности послѣднихъ, выражающихъ спеціальный рецидивъ обвиненныхъ, пользовавшихся благодѣяніемъ закона Беранже: на 94.725 условныхъ обвиненій этого періода только 4.159 рецидивистовъ, т.-е. 4%. Если бы общій уголовный рецидивъ въ 1890 до 1895 года продолжалъ увеличиваться въ той же прогрессіи, какъ съ 1880 по 1890 годъ, то въ 1895 году, вмѣсто 99.434 рецидивистовъ, во Франціи ихъ было бы 130.000. Не естественно ли предположить, что тѣ 30.000, которыя не совершили вторичнаго преступленія, составляютъ часть 94.725 обвиненныхъ, наказаніе которыхъ было отсрочено? При современномъ состояніи французской пенитенціарной системы, угроза наказаніемъ какъ будто болѣе дѣйствительна, чѣмъ приведеніе его въ исполненіе, по крайней мѣрѣ что касается первичныхъ нарушеній закона. Правда, — прибавляетъ отчетъ, — число взятыхъ назадъ льготъ ростетъ быстрѣе, чѣмъ число вновь предоставляемыхъ, и если ростъ вторичныхъ преступленій будетъ продолжаться далѣе, то это значительно уменьшитъ благія послѣдствія реформы. До сихъ поръ, однако, онъ объясняется вполнѣ естественно, и его можно было предвидѣть.

Въ англійской судебной практикѣ институтъ условнаго обвиненія развился въ связи съ издавна существовавшей системой „гарантіи, или представленія залога соблюденія мира“. Гарантія состоитъ въ томъ, что судьѣ предоставлено право требовать отъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ намѣреніи нарушить законы, предоставленія залога или поручительства въ благонравномъ поведеніи. Подозрѣваемая личность и извѣстное число поручителей обязываются въ этомъ случаѣ подписями уплатить извѣстную сумму въ пользу королевы, если въ теченіе опредѣленнаго времени неблагонадежнымъ лицомъ не исполнены будутъ поставленныя ему условія. Рядомъ съ этой полицейской мѣрой поручительство стало еще уголовнымъ средствомъ, въ качествѣ побочнаго наказанія при нѣкоторыхъ проступкахъ, ведущихъ за собой

лишеніе свободы. Съ 1879 г., представленіе поручительства изъ побочной стало самостоятельной мѣрой, замѣняющей наказаніе по усмотрѣнію судьи, и, наконецъ, въ 1887 году новымъ актомъ условное осужденіе введено и въ качествѣ самостоятельнаго правового института (Probation of First offenders Act). На основаніи послѣдняго закона въ Англіи въ 1894 г. подверглись условному осужденію 4.668 лицъ, всѣхъ же условно освобожденныхъ въ послѣдніе годы было отъ 11.000 до 13.000.

Мы не станемъ приводить статистики, относящейся до примѣненія условнаго осужденія въ Викторіи, Новой Зеландіи и другихъ колоніяхъ, въ которыхъ этотъ институтъ введенъ былъ еще раньше, чѣмъ въ ихъ метрополіи и на европейскомъ континентѣ. Замѣтимъ лишь, что вездѣ отзывы о немъ чрезвычайно благопріятны. Англосаксонцы, какъ практическіе люди, выдвигаютъ на первое мѣсто уменьшеніе расходовъ по содержанію тюремъ, и такъ какъ преступность отъ этого во всякомъ случаѣ не увеличилась, то выгода очевидна. Не слѣдуетъ, конечно, впадать въ оптимизмъ французскаго министерства, и вмѣстѣ съ нимъ усматривать и большія нравственныя достоинства въ мѣрѣ, сокращающей армію тюремныхъ обитателей и освобождающей случайныхъ дебютантовъ скамьи подсудимыхъ отъ унизительнаго и развращающаго общества тюремныхъ завсегдатаевъ. Всѣ приведенныя здѣсь основанія заставляютъ только желать, чтобы и у насъ сдѣлана была попытка примѣнить новую идею, обѣщающую много полезныхъ результатовъ и не грозящую никакими вредными послѣдствіями.

Г. Б.

Берлинъ, 12 (24-го) марта.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1898.

Европейская политика на дальнемъ востокѣ. — Соперничество великихъ державъ относительно Китая.—Два правительственныя сообщенія.—Мирныя пріобрѣтенія и ихъ значеніе.—Заботы объ усиленіи флотовъ въ Англіи и Германіи.—Европейскій концертъ въ критскомъ вопросѣ. — Соединенные-Штаты и Испанія. — Перемѣна министерства въ Австріи.

Интересы внѣшней политики въ современной Европѣ все болѣе удаляются отъ старыхъ дипломатическихъ традицій, связанныхъ съ взаимными отношеніями и счетами кабинетовъ въ предѣлахъ материка; самая группировка великихъ державъ, которой еще недавно придавалась такая огромная важность, утратила значеніе, и знаменитый тройственный союзъ или „лига мира“ уже едва принимается въ разсчетъ въ новѣйшихъ международныхъ комбинаціяхъ. Европейская внѣшняя политика какъ будто ушла въ далекіе края и сосредоточилась на дѣлахъ азіатскихъ и африканскихъ. Франція споритъ съ Англіею изъ-за области Нигера и изъ-за вліянія въ южной части Китая, прилегающей къ Тонкину; Германія дѣйствуетъ за-одно съ Франціею и Россіею въ китайскихъ водахъ, вызывая неудовольствіе англичанъ своими смѣлыми захватами; Англія негодуетъ противъ чужихъ предпріятій и ждетъ благопріятнаго момента, чтобы принять соотвѣтственное рѣшеніе, опираясь на свое фактическое господство на моряхъ.

Великія культурныя націи по очереди намѣчаютъ себѣ добычу въ обширныхъ владѣніяхъ разлагающейся китайской имперіи. Послѣ того какъ Германія водворилась въ Кіао-Чау, у входа въ Печилійскій заливъ, британское правительство добилось отъ Китая весьма значительныхъ уступокъ въ пользу своей торговли: всѣ китайскія рѣки будутъ открыты съ іюня для англійскихъ и вообще иноземныхъ пароходовъ; откроется также черезъ два года одинъ изъ портовъ въ Юнанѣ; въ долинѣ или области Янгтзе-Кіанга никакая часть территоріи не можетъ быть уступлена или отдана во временное пользованіе какой-либо иностранной державѣ; должность генеральнаго инспектора морскихъ пошлинъ будетъ по прежнему занимаема англійскимъ подданнымъ, пока британская торговля въ портахъ Китая сохранитъ преобладаніе надъ торговлею другихъ странъ. Англія взяла на себя устройство китайскаго займа въ 16 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, при участіи германскихъ капиталистовъ, подъ залогъ таможенныхъ

пошлинъ. Англійскія газеты были чрезвычайно довольны достигнутымъ успѣхомъ и прославляли по этому поводу разумную энергію и дальновидность своей дипломатіи; но онѣ обнаружили сильное раздраженіе, когда узнали о предъявленныхъ затѣмъ требованіяхъ Франціи и Россіи. Французы требовали, во-первыхъ, чтобы Китай обязался не отчуждать и не уступать другимъ державамъ никакой территоріи къ югу отъ долины Янгтзе-Кіанга,—въ видахъ предупрежденія англійскихъ плановъ относительно прибрежныхъ земель близъ Гонконга и въ Юнанѣ, у границъ британской Бирмы; во-вторыхъ, Китай долженъ уступить Франціи портъ на полуостровѣ Лей-Чау, близъ острова Гайнана, въ качествѣ угольной станціи, на тѣхъ же основаніяхъ, какія были приняты при отдачѣ Кіао-Чау Германіи; въ-третьихъ, французамъ должно быть предоставлено право построить желѣзную дорогу отъ Лаокаи до Юнана, вмѣстѣ съ правомъ эксплуатаціи копей и рудъ въ окружающей мѣстности; въ-четвертыхъ, директоромъ китайскаго почтоваго управленія долженъ быть французъ. Россія вела переговоры о Портъ-Артурѣ, который по требованію державъ былъ очищенъ японцами послѣ войны съ Китаемъ, и о Таліенванѣ, котораго не удалось занять англичанамъ; дѣло шло главнымъ образомъ о доведеніи сибирской желѣзной дороги до незамерзающаго порта, къ Тихому океану, черезъ китайскую Манджурію и полуостровъ Ліао-Тонгъ. Первоначально предполагалось, повидимому, найти такой портъ въ Кореѣ, которая съ октября прошлаго года находилась подъ оффиціальною нашею опекою. Русскій чиновникъ, г. Алексѣевъ, управлялъ въ Сеулѣ корейскими финансами, что̀ возбудило протесты японцевъ и особенно англичанъ, обиженныхъ устраненіемъ отъ должности нѣкоторыхъ ихъ соотечественниковъ; Англія спеціально заступилась за м-ра Брауна, завѣдывавшаго сборомъ пошлинъ по формальному приглашенію корейскаго правительства, и могущественная британская эскадра явилась въ концѣ года въ Чемульпо, гавани Сеула, послѣ чего м-ръ Браунъ оставленъ былъ во главѣ таможеннаго вѣдомства еще на три года, и нѣсколько вліятельныхъ лицъ туземной администраціи было уволено въ отставку за „руссофильство“. Положеніе дѣлъ въ Кореѣ настолько усложнилось, что наше министерство иностранныхъ дѣлъ предпочло отказаться отъ дальнѣйшихъ активныхъ заботъ объ этой странѣ и сохранить за собою свободу дѣйствій для будущаго. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 5-го марта появилось наконецъ слѣдующее сообщеніе:

„За послѣднее время изъ Сеула получались извѣстія, указывавшія на возникновеніе въ странѣ политическаго броженія какъ въ правительственной средѣ, такъ и въ народѣ. Среди государственныхъ дѣя-

телей образовались партіи, враждебно настроенныя противъ иностранцевъ вообще, открыто заявлявшія, что Корея уже вступила на путь самостоятельности и что посему правительство ея болѣе не нуждается, въ дѣлѣ внутренняго управленія, въ какой-либо иностранной помощи.

„Обстоятельства эти до крайности затрудняли дѣятельность командированныхъ въ Сеулъ, по настоятельной просьбѣ самого императора Ли и его правительства, русскихъ инструкторовъ и финансоваго совѣтника, встрѣчавшихъ всяческія препятствія къ правильному и добросовѣстному исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей.

„Подобное положеніе дѣлъ не могло отвѣчать благимъ намѣреніямъ Россіи. Въ виду сего, по Высочайшему повелѣнію, нашему представителю въ Сеулѣ поручено было запросить какъ лично императора, такъ и его правительство: признаютъ ли они необходимою нашу дальнѣйшую помощь — въ видѣ дворцовой охраны, инструкторовъ въ арміи и совѣтника въ финансовомъ управленіи?

„На запросъ этотъ русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Сеулѣ было отвѣчено, что корейское правительство, выражая глубокую благодарность нашему августѣйшему Монарху за своевременно оказанную Кореѣ помощь, находитъ, что нынѣ страна уже можетъ обойтись безъ поддержки въ военномъ и финансовомъ дѣлѣ, и что, для принесенія Государю Императору особой благодарности, корейскій императоръ проситъ разрѣшенія отправить въ С.-Петербургъ спеціальнаго посланника.

„Въ виду этихъ извѣстій, императорское правительство поручило своему представителю въ Сеулѣ заявить корейскому императору и его министрамъ, что коль скоро, по ихъ мнѣнію, Корея въ настоящее время не встрѣчаетъ болѣе надобности въ посторонней помощи и въ состояніи собственными силами ограждать независимость своего внутренняго управленія, то мы не замедлимъ сдѣлать распоряженіе объ отозваніи нашего финансоваго совѣтника. Что же касается до нашихъ военныхъ, то, по выбытіи ихъ изъ корейской арміи, они останутся временно въ распоряженіи нашей миссіи, въ виду еще неопредѣлившагося положенія дѣлъ въ Кореѣ.

„Не связанная болѣе отвѣтственностью, которую возлагало на нее присутствіе въ странѣ русскихъ инструкторовъ и совѣтника, Россія можетъ отнынѣ воздерживаться отъ всякаго дѣятельнаго участія въ дѣлахъ Кореи, въ надеждѣ, что окрѣпшее, благодаря ея поддержкѣ, юное государство будетъ способно самостоятельно охранять какъ внутренній порядокъ, такъ и полную свою независимость. Въ противномъ случаѣ императорское правительство приметъ мѣры къ огражденію интересовъ и правъ, присущихъ Россіи, какъ сопредѣльной съ Кореею великой державѣ“.

Отказъ отъ вмѣшательства въ корейскія дѣла былъ только предисловіемъ къ несравненно болѣе важному политическому акту, возвѣщенному правительственнымъ сообщеніемъ отъ 16 марта. Сообщеніе это гласитъ:

„15-го марта въ Пекинѣ состоялось подписаніе уполномоченными Россіи и Китая особаго соглашенія, въ силу коего императорскому правительству уступлены въ пользованіе на 25-лѣтній срокъ, который по обоюдному согласію можетъ быть затѣмъ продолженъ,—порты Артуръ и Таліенванъ съ соотвѣтствующими территоріею и воднымъ пространствомъ; а равно предоставлена постройка желѣзнодорожной вѣтви на соединеніе этихъ портовъ съ великою сибирскою магистралью.

„Соглашеніе это является прямымъ и естественнымъ послѣдствіемъ установившихся дружественныхъ отношеній между обширными сосѣдними имперіями, всѣ усилія коихъ должны быть направлены къ охраненію спокойствія на всемъ огромномъ пространствѣ ихъ пограничныхъ владѣній на обоюдную пользу подвластныхъ имъ народовъ.

„Обусловленное дипломатическимъ актомъ 15-го марта мирное занятіе русскою военно-морскою силою портовъ и территоріи дружественнаго государства какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ, что правительство богдыхана вполнѣ вѣрно оцѣнило значеніе состоявшагося между нами соглашенія.

„Обезпечивая неприкосновенность верховныхъ правъ Китая и удовлетворяя насущнымъ потребностямъ Россіи, какъ сосѣдней великой морской державы, соглашеніе это отнюдь не нарушаетъ интересовъ какого-либо иностраннаго государства; напротивъ того, оно даетъ всѣмъ націямъ міра возможность въ недалекомъ будущемъ войти въ общеніе съ этимъ замкнутымъ доселѣ краемъ на побережьѣ Желтаго моря; открытіе же коммерческимъ флотамъ всѣхъ иностранныхъ державъ порта Таліенвана создаетъ въ Тихомъ океанѣ новый обширный центръ для торговыхъ и промышленныхъ предпріятій этихъ державъ, при посредствѣ великаго сибирскаго сооруженія, призваннаго отнынѣ, благодаря дружественному уговору между Россіею и Китаемъ, соединить крайніе предѣлы двухъ материковъ Стараго Свѣта.

„Такимъ образомъ подписанное въ Пекинѣ соглашеніе имѣетъ для Россіи глубокое историческое значеніе и должно быть радостно привѣтствуемо всѣми, кому дороги блага мира и успѣхи на почвѣ взаимнаго общенія народовъ“.

Нашимъ дипломатическимъ представителямъ за границею разослана циркулярная депеша отъ того же 15 (27) марта, въ которой сказано вполнѣ ясно, что „Портъ-Артуръ и Таліенванъ, а также прилегающія территоріи, уступлены китайскимъ правительствомъ въ пользованіе Россіи“, что „упомянутые порты и территоріи будутъ безот-

лагательно заняты" русскими войсками, что въ нихъ „будетъ поднятъ русскій флагъ, совмѣстно съ китайскимъ", что „портъ Таліенванъ будетъ открытъ для иностранной торговли, и что суда всѣхъ дружественныхъ націй встрѣтятъ тамъ самое широкое гостепріимство";—т.-е., пріобрѣтеніе признается прочнымъ и долговѣчнымъ, и мы будемъ распоряжаться въ занятыхъ пунктахъ на правахъ хозяевъ, хотя отчасти и подъ китайскимъ флагомъ. Важность этого пріобрѣтенія для Россіи слишкомъ очевидна, чтобы нуждаться въ поясненіяхъ: Сибирь получаетъ свободный и постоянный выходъ къ Тихому океану, и притомъ въ такомъ мѣстѣ, откуда мы можемъ оказывать рѣшающее вліяніе на будущность всей восточной Азіи. Мы утвердились на полуостровѣ, закрывающемъ съ сѣвера Печилійскій заливъ и, слѣдовательно, доступъ къ столицѣ имперіи, Пекину; противъ насъ, на другомъ берегу, находится Кіао-Чау, занятый нѣмцами, — такъ что Россія и Германія являются теперь ближайшими стражами государственнаго центра Китая. Но мы имѣемъ или будемъ имѣть прямыя сухопутныя сообщенія съ Портъ-Артуромъ черезъ Манджурію, по сибирской желѣзной дорогѣ; сверхъ того, мы давно уже стоимъ твердой ногой у Тихаго океана, и у насъ есть гавани въ Владивостокѣ и при устьяхъ Амура,—тогда какъ для Германіи Кіао-Чау остается лишь отдаленною, изолированною морскою станціею, сношенія которой съ метрополіею не могутъ быть частыми и легкими. Разница существуетъ и въ способахъ и мотивахъ пріобрѣтенія, какъ видно изъ приведеннаго выше текста правительственнаго сообщенія: Германія дѣйствовала путемъ угрозы и ультиматума, подъ предлогомъ возмездія за убійство нѣмецкихъ миссіонеровъ; а мы взяли нужные намъ пункты по соглашенію, изъ дружбы къ Китаю и его правительству. Самое это соглашеніе оказывается „прямымъ и естественнымъ послѣдствіемъ установившихся дружественныхъ отношеній между обширными сосѣдними имперіями"; оно также „обезпечиваетъ неприкосновенность верховныхъ правъ Китая". Конечно, не всегда военное занятіе „территоріи дружественнаго государства" можетъ считаться свидѣтельствомъ дружбы; но въ данномъ случаѣ этотъ характеръ состоявшейся сдѣлки удостовѣряется оффиціально и потому не подлежитъ спору. Весьма вѣроятно, что китайцы не особенно рады всѣмъ подобнымъ проявленіямъ дружественныхъ чувствъ; большое количество друзей могло бы сдѣлаться роковымъ для Китая и окончиться полнымъ раздѣломъ его земель между желающими; — однако необходимость гарантіи отъ враждебныхъ захватовъ Японіи и Англіи должна была побудить правительство богдыхана желать поддержки и защиты со стороны Россіи, цѣною нѣкоторыхъ жертвъ, чѣмъ и объясняются достигнутые нами крупные результаты на почвѣ дружбы съ Китаемъ. Намъ неизвѣстно, какія обяза-

тельства приняла на себя русская дипломатія по отношенію къ китайской имперіи и въ какой мѣрѣ мы отвѣчаемъ отнынѣ за „обезпеченіе неприкосновенности“ Китая; но нѣтъ сомнѣнія, что слова о дружбѣ и обезпеченіи, употребленныя въ обнародованномъ документѣ, имѣютъ опредѣленный положительный смыслъ и указываютъ на серьезное содержаніе подписаннаго дипломатическаго акта. Въ сообщеніи говорится, между прочимъ, о преимуществахъ, которыя достанутся въ будущемъ всѣмъ иностранцамъ и ихъ торговлѣ, благодаря переходу Портъ-Артура и Таліенвана въ руки Россіи; изъ этого слѣдуетъ заключить, что условіе о 25-лѣтнемъ срокѣ пользованія есть только одна формальность, лишенная практическаго значенія. Наше пріобрѣтеніе связано, быть можетъ, съ обѣщаніемъ помощи и содѣйствія на случай какихъ-либо непріязненныхъ посягательствъ со стороны Англіи и Японіи; а китайцы должны были наибольше опасаться предпріимчивыхъ англичанъ и японцевъ, которые не скрывали своихъ плановъ насчетъ прибрежныхъ владѣній злополучной имперіи. Правда, морскія силы Англіи и Японіи господствуютъ въ Тихомъ океанѣ, и британскіе броненосцы могли бы не обращать вниманія на наши протесты и на наше заступничество; но англійскіе интересы сталкиваются съ русскими и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ наше положеніе болѣе благопріятно, напр. на границѣ Индіи, гдѣ англичанамъ приходится теперь выдерживать упорную кровавую борьбу съ туземными горными племенами. По многимъ причинамъ Англія должна дорожить сохраненіемъ мира съ Россіею, несмотря на свое морское могущество и преобладаніе на дальнемъ востокѣ; а съ Японіею можно сойтись, и она сама по себѣ не представляетъ для насъ большой опасности, тѣмъ болѣе при солидарности съ нами Франціи и отчасти Германіи.

Нельзя отрицать, что моментъ для сдѣланнаго нами шага выбранъ удачно. Англія, которая одна только могла бы помѣшать намъ исполнить задуманное, занята уже двумя военными экспедиціями— въ Суданѣ и въ сѣверныхъ областяхъ Индіи; въ то же время она имѣетъ предъ собою запутанный конфликтъ съ Франціею изъ-за спорныхъ границъ въ Африкѣ, по теченію Нигера, и перспективу новаго разрыва съ Трансваалемъ, который готовится формально отречься отъ британскаго протектората. Военныя предпріятія въ юго-западной части Египта и въ сѣверной Индіи настолько озабочиваютъ англичанъ и требуютъ такого количества военныхъ силъ и расходовъ, что рѣшиться еще на новое столкновеніе изъ-за Китая немыслимо для Англіи; притомъ и нынѣшній британскій кабинетъ слишкомъ трезво и спокойно относится къ своимъ обязанностямъ, чтобы пускаться въ рискованныя приключенія, не обѣщающія вѣрныхъ выгодъ. Глава министерства, маркизъ Сольсбери, всего менѣе напоминаетъ теперь

лорда Биконсфильда; онъ вообще неспособенъ принимать смѣлыя и быстрыя рѣшенія, а во внѣшней политикѣ онъ всегда руководствовался правилами разумной осторожности; въ послѣдніе годы онъ часто болѣетъ, нуждается въ леченіи и отдыхѣ, такъ что періодически возникаютъ настойчивые слухи о выходѣ его въ отставку. Въ числѣ товарищей его по кабинету нѣтъ ни одного, который соединялъ бы въ себѣ его дарованія и опытность съ достаточнымъ личнымъ авторитетомъ, необходимымъ для отвѣтственнаго парламентскаго управленія великою британскою имперіею. Предводитель умѣренно-консервативнаго большинства въ палатѣ общинъ, Бальфуръ, не годится еще на первыя руководящія роли; его упрекаютъ въ недостаткѣ послѣдовательной энергіи и трудолюбія, а также въ непостоянствѣ характера. Герцогъ Девонширскій былъ виднымъ политическимъ дѣятелемъ, когда онъ носилъ еще титулъ маркиза Гартингтона и числился въ рядахъ либеральной партіи, въ качествѣ сотрудника Гладстона; но теперь онъ совершенно безцвѣтенъ и могъ бы занимать положеніе оффиціальнаго вождя партіи только для почета. Въ современной Англіи нѣтъ выдающихся государственныхъ людей, могущихъ замѣнить лорда Сольсбери или Гладстона; „великій старецъ", слава и гордость британской націи, умираетъ, и исчезновеніе его оставитъ послѣ себя пустоту, которую нечѣмъ наполнить. Англійская либеральная партія такъ же оскудѣла талантами, какъ и консервативная; нынѣшній предводитель оппозиціи въ палатѣ общинъ, сэръ Вильямъ Гаркортъ, былъ бы вполнѣ приличнымъ министромъ и даже премьеромъ, но онъ имѣетъ очень мало общаго съ своимъ бывшимъ руководителемъ и предшественникомъ, Гладстономъ. При такихъ обстоятельствахъ и внѣшняя политика Англіи не можетъ теперь отличаться блескомъ прежнихъ временъ. Международныя отношенія существенно измѣнились: ни одна держава не идетъ уже на англійскомъ буксирѣ, —каждая имѣетъ свои особыя цѣли и вдохновляется своими особыми національными интересами; морскія силы увеличиваются повсюду въ громадныхъ размѣрахъ, и англичанамъ становится все труднѣе сохранять и поддерживать свое первенство въ этомъ отношеніи. Кромѣ старой соперницы—Франціи, явилась новая—Германія; къ нимъ примыкаетъ Россія, и ихъ соединенные флоты все сильнѣе напоминаютъ Англіи, что ея владычество на моряхъ имѣетъ свой предѣлъ.

Странно, что нѣкоторая часть англійской печати не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ значеніи совершившихся перемѣнъ; она грозитъ одновременно Франціи, Германіи и Россіи, требуетъ крупныхъ воинственныхъ мѣръ и обнаруживаетъ шовинизмъ, какого нельзя было бы ожидать отъ разсчетливыхъ и хладнокровныхъ англичанъ. Въ лондонскомъ сатирическомъ „Punch", обыкновенно отражающемъ въ

себѣ господствующее настроеніе англійскаго общества, помѣщена недавно такая характерная картинка: левъ съ человѣческимъ лицомъ гордо проходитъ мимо лающихъ на него собакъ, изъ которыхъ одна имѣетъ надпись: „Франція", а другая: „Россія". Одна возможность появленія подобной нелѣпости въ популярномъ англійскомъ журналѣ представляетъ уже печальный симптомъ, свидѣтельствующій о потерѣ самообладанія и забвеніи здраваго смысла среди извѣстнаго круга британскихъ патріотовъ. Понятно, что эти шовинисты дурного тона,—какихъ найдется не мало въ каждой странѣ,—раздражались бы гораздо меньше, еслибы въ самомъ дѣлѣ Франція и Россія столь мало значили для Англіи, какъ собаки—для льва: раздраженіе именно тѣмъ и вызывается, что Англія поставлена въ невозможность предпринять что-либо противъ такихъ двухъ великихъ державъ, какъ Франція и Россія. Сопоставленіе льва съ собаками должно какъ будто удовлетворить патріотическія чувства англійской публики, задѣтыя новѣйшими событіями; но подобные пріемы утѣшенія только еще рѣзче оттѣняютъ современное международное положеніе Англіи и безсиліе ея недовольныхъ патріотическихъ элементовъ, проникнутыхъ устарѣлыми традиціями условнаго внѣшняго величія.

Пріобрѣтеніе нами Портъ-Артура и Таліенвана ни въ чемъ не нарушаетъ установившейся международной практики, а напротивъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ ей. Когда Англія завладѣла Кипромъ, а Австро-Венгрія—Босніею и Герцеговиною, то это распредѣленіе турецкихъ земель между посторонними державами, не воевавшими съ Турціею и отстаивавшими будто бы ея неприкосновенность, восхвалялось англичанами, какъ актъ политической мудрости и какъ великій успѣхъ британской дипломатіи; поэтому нападки англійскихъ газетъ на дѣйствія Германіи и Россіи по отношенію къ Китаю не имѣютъ и не могутъ имѣть никакой принципіальной основы. Если Россія удовлетворяетъ свою дѣйствительную потребность въ удобномъ и незамерзающемъ портѣ на берегахъ Тихаго океана путемъ мирнаго соглашенія съ Китаемъ, то она только исполняетъ свой долгъ великой державы; ибо было бы крайне неразсчетливо затрачивать огромныя средства на обезпеченіе международныхъ интересовъ страны и не имѣть самостоятельной мирной политики, направленной къ достиженію желательныхъ государственныхъ выгодъ. Вся задача лишь въ томъ, чтобы цѣль достигалась безъ риска, безъ серьезныхъ замѣшательствъ и осложненій; а это условіе существуетъ въ настоящемъ случаѣ,—насколько можно судить по внѣшнимъ признакамъ,—при современной группировкѣ великихъ державъ и при особыхъ политическихъ обстоятельствахъ Англіи. Что же касается нашихъ возможныхъ обязательствъ передъ китайскимъ правительствомъ, то безпо-

лезно говорить о нихъ по отсутствію какихъ бы то ни было данныхъ по этому предмету: вмѣстѣ съ тѣмъ и степень выгодности состоявшагося соглашенія не поддается еще пока точной оцѣнкѣ.

Стремленіе къ пріобрѣтенію колоній въ отдаленныхъ краяхъ и новѣйшее соперничество въ китайскихъ водахъ возбудили въ Европѣ всеобщія усиленныя заботы о постройкѣ новыхъ броненосцевъ. Вопросъ о развитіи морскихъ военныхъ силъ и средствъ выдвинулся на первый планъ въ Германіи, Англіи и Франціи. Правительство императора Вильгельма II давно уже выработало проектъ, для осуществленія котораго требовалось около 250 милліоновъ марокъ, и колоссальные размѣры этой суммы долго встрѣчали энергическія возраженія въ имперскомъ сеймѣ. Компромиссъ съ главными парламентскими партіями относительно расходовъ на флотъ составлялъ до послѣдняго времени важнѣйшую цѣль внутренней политики и предметъ постоянныхъ обсужденій въ Германіи. Только въ началѣ марта бюджетная коммиссія имперскаго сейма согласилась одобрить проектъ послѣ значительныхъ уступокъ со стороны правительства: во-первыхъ, въ связи съ распредѣленіемъ издержекъ на шесть лѣтъ установлено, что парламенту будетъ представлена приблизительная программа предположенныхъ работъ; во-вторыхъ, въ текстъ закона будетъ включено обязательство не возвышать налоговъ на предметы народнаго потребленія (пиво, табакъ, сахаръ и спиртные напитки) для увеличенія средствъ морского вѣдомства. Въ засѣданіяхъ имперскаго сейма, 24—26 марта (нов. ст.), проектъ былъ наконецъ принятъ во второмъ чтеніи значительнымъ большинствомъ голосовъ, и этимъ успѣхомъ правительство обязано не только своей собственной уступчивости, но и главнымъ образомъ—содѣйствію наиболѣе многочисленной и сплоченной изъ парламентскихъ группъ—партіи центра, руководимой депутатомъ Либеромъ. Благополучное рѣшеніе вопроса, наиболѣе волновавшаго Вильгельма II въ послѣдніе годы, устраняетъ со сцены одну изъ крупныхъ причинъ разлада между правительствомъ и парламентомъ; недавняя напряженность политической атмосферы должна уступить мѣсто мирному, спокойному ходу государственной жизни, такъ какъ правительство достигло своей цѣли путемъ добросовѣстнаго соблюденія общественныхъ и народныхъ интересовъ, согласно парламентскимъ требованіямъ. Германія съ неуклонною систематичностью и аккуратностью подготовляетъ себѣ могущественный флотъ, чтобы сдѣлаться первоклассною морскою державою.

Въ Англіи не возникаетъ даже никакихъ споровъ объ издержкахъ на увеличеніе морскихъ силъ, ибо господство на моряхъ лежитъ въ

основѣ всей ея политики. Морской министръ, Гошенъ, опредѣлилъ смѣту расходовъ по своему вѣдомству въ 25.550.000 фунтовъ стерлинговъ (болѣе 240 милліоновъ рублей), и размѣры этой суммы никому не показались преувеличенными; ораторы оппозиціи только упрекали адмиралтейство за слишкомъ медленную постройку новыхъ судовъ, тогда какъ правительство оправдывалось ссылкою на продолжительную остановку работъ вслѣдствіе недавно законченной распри между хозяевами и рабочими на механическихъ и кораблестроительныхъ заводахъ. Къ 1-му апрѣля находится въ постройкѣ, по словамъ Гошена, 9 броненосцевъ перваго ранга, 12 крейсеровъ перваго ранга, 6 крейсеровъ второго ранга, 10 крейсеровъ третьяго ранга, двѣ шлюпки, четыре канонерки и 41 торпедное судно. Стоимость этихъ кораблей опредѣляется министромъ приблизительно въ 23 милліона фунтовъ стерлинговъ. Эти гигантскія работы унаслѣдованы отъ предшествовавшаго финансоваго года 1897—98, и ихъ надо имѣть въ виду при оцѣнкѣ сравнительно скромной программы на новый бюджетный годъ 1898—99: предполагается построить еще три броненосца, восемь броненосныхъ крейсеровъ и четыре шлюпки. Требованія и объясненія министра были одобрены парламентомъ въ засѣданіяхъ 10—11 марта (нов. ст.).

Столь же энергично усиливаетъ свой флотъ и Франція; но разумѣется само собою, что континентальныя государства, вынужденныя содержать милліонныя сухопутныя арміи, не могутъ соперничать въ этомъ отношеніи съ Англіею, для которой армія заключается въ броненосцахъ. Вполнѣ естественно, что и у насъ ассигнована была огромная сумма на увеличеніе морскихъ военныхъ силъ, въ виду событій въ китайскихъ водахъ; однако, мы не можемъ строить нужные намъ корабли у себя дома, такъ какъ они строились бы слишкомъ долго, обошлись бы непомѣрно дорого и въ концѣ концовъ могли бы оказаться мало надежными. Мы привыкли заказывать новыя военныя суда въ Англіи, гдѣ построены лучшіе корабли нашего флота; но было бы ужъ черезчуръ оригинально обращаться къ англичанамъ для постройки броненосцевъ, долженствующихъ поддерживать русское вліяніе противъ англійскаго на дальнемъ востокѣ. Притомъ англійскія корабельныя верфи, вѣроятно, завалены работами; точно такъ же заняты, конечно, и французскія. Назначенные у насъ 90 милліоновъ рублей на усиленіе русскаго флота могутъ быть употреблены различно и съ неодинаковою пользою, смотря по тому, гдѣ и какъ исполнится намѣченная кораблестроительная программа. Вопросъ о способахъ исполненія представляетъ у насъ вообще гораздо бо̀льшую важность, чѣмъ въ западной Европѣ. На тѣ же 90 милліоновъ можно сдѣлать очень много или очень мало, въ зависимости отъ разныхъ постороннихъ обстоя-

тельствъ; а нѣмцы, подобно французамъ и англичанамъ, весьма точно устанавливаютъ стоимость сооружаемыхъ броненосцевъ, строятъ ихъ у себя по заранѣе опредѣленной смѣтѣ, пользуются своими собственными матеріалами и не зависятъ ни отъ какихъ иностранцевъ. Такимъ образомъ, принимаемыя у насъ мѣры для увеличенія нашихъ морскихъ силъ не могутъ считаться столь же дѣйствительными и легко осуществимыми, какъ соотвѣтственныя рѣшенія въ Германіи и Англіи. Общее состояніе нашей крупной заводской промышленности, въ связи съ неудачною экономическою политикою, отзывается и на нашемъ флотѣ и косвенно также на нашемъ внѣшнемъ международномъ положеніи.

Европейская дипломатія настолько поглощена была въ послѣдніе мѣсяцы китайскими дѣлами, что почти совершенно перестала интересоваться злосчастнымъ критскимъ вопросомъ, надъ которымъ трудилась такъ долго и напрасно. Мало-по-малу державы удаляютъ свои броненосцы изъ критскихъ водъ; въ началѣ марта германское военное судно прибыло къ Канеѣ, забрало нѣмецкихъ солдатъ и офицеровъ, входившихъ въ составъ международнаго оккупаціоннаго отряда, и ушло въ море; примѣру нѣмцевъ послѣдовали затѣмъ австрійцы. Германія нашла излишнимъ продолжать безцѣльное военно-дипломатическое дежурство на Критѣ; къ такому же заключенію пришла, очевидно, и Австро-Венгрія. Пресловутый „европейскій концертъ" распался самъ собою, обнаруживъ свою полную несостоятельность въ предпринятомъ дѣлѣ умиротворенія Кандіи и устройства судьбы ея обитателей. Совмѣстныя дѣйствія державъ не предупредили греко-турецкой войны, не помѣшали торжеству турокъ, ни въ чемъ не облегчили положенія кандіотовъ. Критская автономія, возвѣщенная оффиціально, раздѣляетъ теперь участь знаменитыхъ армянскихъ реформъ, о которыхъ не говорятъ уже больше ни въ печати, ни въ дипломатическихъ канцеляріяхъ. Кандидатура королевича Георга, которая могла бы имѣть большое практическое значеніе въ началѣ прошлаго года, представляется уже какъ будто запоздалою и имѣетъ мало шансовъ на успѣхъ, въ виду категорическаго несогласія Порты.

Дальнѣйшее присутствіе европейскихъ военныхъ силъ можетъ имѣть для Крита какой-либо практическій смыслъ только въ двухъ случаяхъ: или оно сдѣлается постояннымъ и окончательнымъ, въ видѣ правильно устроенной международной оккупаціи, или оно должно привести къ новымъ усиліямъ водворить прочный порядокъ на островѣ, съ устраненіемъ турецкихъ властей. Покинуть Кандію, не устроивъ ея политическаго положенія, значило бы отдать ее въ жертву туркамъ и вновь открыть эру кровопролитій и опустошеній, а оставаться

тамъ для огражденія безопасности туземцевъ—значитъ, сидѣть тамъ безъ конца. Отдѣльныя державы, какъ Германія и Австро-Венгрія, могли устраниться въ разсчетѣ на то, что участь кандіотовъ уже достаточно охраняется другими; но вообще бросить Критъ, оставивъ его безъ защиты, совершенно немыслимо. Не предпринимая ничего положительнаго ни въ ту, ни въ другую сторону,—не дѣлая приготовленій ни къ постоянной оккупаціи, ни къ фактическому введенію обѣщанной автономіи, дипломатія наглядно показываетъ турецкому правительству, что его система безконечныхъ проволочекъ есть въ самомъ дѣлѣ вѣрнѣйшее средство для превращенія такъ называемаго „европейскаго концерта" въ простую фикцію. Порта имѣетъ теперь основаніе надѣяться, что и на этотъ разъ повторится съ Кандіею то же, что было и послѣ прежнихъ критскихъ возстаній: благодаря искусству и долготерпѣнію турецкихъ сановниковъ, Европа постепенно успокоится относительно Крита, и турки получатъ возможность возстановить на островѣ старый порядокъ вещей, какъ это случилось съ армянскими провинціями Турціи. Чтобы избѣгнуть этой печальной перспективы, необходимо было бы вернуться къ мысли о присоединеніи острова къ Греціи подъ условіемъ мѣстной автономіи или же образовать изъ него особое вассальное государство, подъ покровительствомъ великихъ державъ.

Воинственныя чувства проявляются иногда не только въ Англіи, но и въ великой сѣверо-американской республикѣ, и если бы политическія рѣшенія зависѣли отъ порывовъ и впечатлѣній толпы, то война между Соединенными-Штатами и Испаніею сдѣлалась бы неминуемою. Американцы давно уже слѣдятъ съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ борьбы на Кубѣ и не скрываютъ своихъ симпатій къ туземцамъ, возставшимъ противъ испанскаго владычества; одно время они обнаруживали даже готовность вмѣшаться въ дѣло, чтобы положить конецъ жестокому кровопролитію, которое систематически устраивалъ генералъ Вейлеръ въ видѣ военныхъ казней, безъ суда и въ формѣ расправы. Суровый генералъ, возбудившій опасныя волненія въ самыхъ мирныхъ дотолѣ мѣстностяхъ острова, былъ отозванъ въ Мадридъ, и преемники его старались по мѣрѣ возможности загладить прошлое и внести въ свои дѣйствія новый духъ миролюбія и соглашенія. Въ августѣ прошлаго года, послѣ убійства консервативнаго министра-президента Кановаса-де-Кастильо, власть перешла въ руки либеральнаго Сагасты, и послѣдній счелъ своимъ первымъ долгомъ провозгласить автономію Кубы. Посланный правительствомъ генералъ Бланко распоряжался на мѣстѣ весьма умѣренно и осторожно, чѣмъ заслужилъ довѣріе среди мирной части населенія; но установить авто-

номію на практикѣ не удалось, и самыя основы ея не могли еще быть выработаны въ окончательной формѣ. Американцы сохраняли свою наблюдательную роль, и для охраны интересовъ американскихъ поселенцевъ находился въ гавани Гаванны американскій военный корабль. Присутствіе этого броненосца, быть можетъ, раздражало испанцевъ; но ничто не указывало на возможность какихъ-либо враждебныхъ предпріятій съ ихъ стороны.

Въ началѣ февраля въ рейдѣ Гаванны случилось несчастье: на американскомъ крейсерѣ „Maine“ произошелъ неожиданный двойной взрывъ, отъ котораго онъ погибъ вмѣстѣ съ 270 человѣкъ экипажа. На первыхъ порахъ господствовало убѣжденіе, что источникомъ взрыва былъ одинъ изъ пороховыхъ складовъ, которыхъ имѣлось два на кораблѣ; это мнѣніе раздѣлялъ и спасшійся командиръ судна, капитанъ Сигсби. Испанскія власти на Кубѣ и въ Мадридѣ выразили свое искреннее сочувствіе представителямъ Соединенныхъ-Штатовъ по поводу случившагося; въ Гаваннѣ генералъ Бланко немедленно распорядился оказать помощь экипажу „Maine“, и многіе изъ утопавшихъ были спасены испанскими лодками. Но вслѣдъ затѣмъ возникли у американцевъ подозрѣнія относительно истинныхъ причинъ взрыва; произведенное формальное слѣдствіе показало, что обшивка подводной части крейсера была сильно повреждена и носила на себѣ несомнѣнные слѣды удара торпеды. Американцы тотчасъ же предположили непріязненный умыселъ и заговорили о войнѣ; испанцы въ свою очередь разслѣдовали дѣло и настойчиво утверждали, что взрывъ могъ произойти исключительно вслѣдствіе неправильнаго храненія пороха въ корабельномъ складѣ. Американская коммиссія весьма дипломатично формулировала свое окончательное заключеніе: она просто удостовѣрила фактъ, что причина взрыва была внѣшняя. Въ Вашингтонѣ и повсюду въ Соединенныхъ-Штатахъ этотъ выводъ оффиціальнаго доклада возбудилъ необыкновенную тревогу и принятъ былъ большинствомъ публики какъ предвѣстникъ военныхъ событій. Правительство внесло въ палату представителей билль о назначеніи 50 милліоновъ долларовъ на потребности національной защиты, въ видѣ мѣры предосторожности для охраны внѣшняго мира, и на слѣдующій же день, 8 марта (нов. ст.), проектъ былъ принятъ единогласно, безъ преній, послѣ чего онъ съ такимъ же единодушіемъ утвержденъ былъ и сенатомъ;—обѣ палаты конгресса проявили въ этомъ случаѣ быстроту, какая выказывается парламентами только въ серьезные историческіе моменты. Президентъ Макъ-Кинлей съ самаго начала рѣшилъ дать пройти первому волненію и обсудить дѣло лишь послѣ того, какъ сдѣлается возможнымъ вполнѣ хладнокровное, спокойное обсужденіе; въ этомъ же сдержанномъ духѣ дѣйствовали всѣ министры и

дипломаты, что̀ отчасти успокоило и воинственную часть журналистики. Благодаря этой тактикѣ президента, патріотическая горячка скоро улеглась, многіе стали допускать мысль о несчастной случайности, за которую вовсе не отвѣтственна Испанія, и этому мирному повороту не мало содѣйствовало вполнѣ достойное поведеніе испанскаго правительства и испанской печати. Разсудокъ взялъ верхъ надъ порывами безотчетнаго чувства, и теперь всякій уже понимаетъ, что даже при доказанности преступнаго покушенія виновникомъ могъ быть отдѣльный безумецъ, безъ вѣдома и участія испанскихъ властей. Теперь уже поднятъ вопросъ о разсмотрѣніи дѣла третейскимъ судомъ, и опасность войны исчезла.

Политическій кризисъ въ Австріи вступаетъ, повидимому, въ болѣе мирный періодъ: неудачное министерство Гауча, смѣнившее кабинетъ Бадени въ ноябрѣ прошлаго года, вышло въ отставку 5-го марта (нов. ст.), и новое примирительное министерство, съ графомъ Туномъ во главѣ, берется разрѣшить наконецъ задачу, которая по своей крайней запутанности могла уже казаться неразрѣшимою. Въ составъ кабинета входитъ одинъ изъ представителей младочешской партіи въ парламентѣ, д-ръ Кайцль, въ должности министра финансовъ. Прежде всего предстоитъ устроить такъ или иначе необходимое соглашеніе съ Венгріею, и трудно ожидать отъ новаго австрійскаго правительства какихъ-либо серьезныхъ проектовъ въ области внутренней національной политики, пока не доведены до благополучнаго конца щекотливые переговоры съ мадьярскими министрами о возобновленіи компромисса между обѣими половинами имперіи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1898.

— Сочиненія Н. С. Тихонравова. Томъ второй. Русская литература XVII и XVIII вѣковъ. М. 1898.

Настоящій томъ сочиненій Тихонравова заключаетъ отдѣльныя статьи по исторіи нашей литературы отъ конца XVII-го по первую половину XVIII-го столѣтія, а именно здѣсь находятся: вступительная лекція, читанная Тихонравовымъ въ самомъ началѣ его курсовъ по исторіи литературы, въ сентябрѣ 1859; „Боярыня Морозова", эпизодъ изъ первыхъ лѣтъ раскола; „Начало русскаго театра"; „Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра"; „Трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича Владиміръ"; „Московскіе вольнодумцы начала XVIII-го вѣка", подробное (впрочемъ, недоконченное) изложеніе дѣла Тверитинова, ученика „аптекарскихъ дѣлъ", потомъ „лѣкаря", увлекшагося религіозными вопросами въ протестантскомъ духѣ, — во времена Петра Великаго; „Квиринъ Кульманъ", исторія нѣмецкаго еретика, собственно мистика въ духѣ Якова Бёма, распространявшаго свое ученіе въ Нѣмецкой слободѣ и сожженнаго вмѣстѣ съ его единомышленникомъ Нордерманомъ въ Москвѣ, въ 1689 году.

Всѣ эти статьи были напечатаны самимъ Тихонравовымъ въ разныхъ журналахъ; нынѣшніе издатели, обратившись къ рукописямъ Тихонравова, могли исправить и дополнить статью о Кульманѣ и статью о московскихъ вольнодумцахъ и также нашли въ рукописяхъ новый матеріалъ для примѣчаній.

Двѣ послѣднія статьи представляютъ любопытные эпизоды того броженія мыслей, которое уже съ конца XVII-го вѣка стало проникать въ русское общество. Изслѣдованія о началѣ театра, къ которымъ Тихонравовъ возвращался нѣсколько разъ, впервые установляли документальную исторію начинаній русской сцены въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII вѣка. Разсказъ о боярынѣ Морозовой, которая при-

надлежала къ кругу самыхъ ревностныхъ приверженцевъ протопопа Аввакума, составленъ по неизданному тогда сказанію и инымъ рукописнымъ источникамъ (позднѣе это сказаніе, какъ переписка Аввакума и другіе современные матеріалы, изданы были въ сборникѣ г. Субботина). „Вступительная лекція“ любопытна по общему взгляду на историческую связь стараго и новаго періода нашей литературы: лекція должна была быть вступленіемъ въ исторію литературы XVIII вѣка, и Тихонравовъ объясняетъ, что началъ ея должно искать гораздо раньше, именно во второй половинѣ XVII вѣка.

Для всѣхъ, кто изучаетъ судьбы нашей литературы, изданіе сочиненій Тихонравова, впервые собранныхъ въ одно цѣлое, будетъ желаннымъ пріобрѣтеніемъ.

— **Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Матеріалы, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I, выпускъ первый. Спб. 1898.**

Г. Шейнъ—давнишній собиратель пѣсенъ: еще въ 1859 году напечатано было первое небольшое собраніе, за которымъ послѣдовало нѣсколько другихъ. Это были пѣсни великорусскія. Затѣмъ онъ обратился къ собиранію пѣсенъ бѣлорусскихъ, составившихъ еще болѣе обширное собраніе. Теперь онъ снова вернулся къ своимъ давнишнимъ работамъ и началъ настоящее изданіе: кромѣ прежнихъ сборниковъ, сюда должно войти много новаго матеріала, который тѣмъ временемъ накопился въ его рукахъ. Г. Шейнъ вообще не ограничивается только собственнымъ записываніемъ пѣсенъ; напротивъ, съ давняго времени и донынѣ ему посчастливилось имѣть корреспондентовъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, и отъ нихъ онъ получалъ большіе вклады въ свое собраніе. Если, какъ въ настоящемъ случаѣ, имѣется въ виду не какой-либо мѣстный, а общій сборникъ, то иначе не можетъ и быть. Это объединеніе записей, сдѣланныхъ многими лицами, имѣетъ, безъ сомнѣнія, многія неудобства, какъ напримѣръ разная степень умѣнья съ точностью уловить текстъ пѣсни и оттѣнки народной рѣчи и т. п.; но съ этимъ приходится мириться.

Въ настоящемъ сборникѣ г. Шейнъ имѣетъ въ виду помѣстить двоякаго рода матеріалъ, какъ это указано въ заглавіи его книги, именно, кромѣ стихотворнаго, т.-е. пѣсенъ, прозаическій — сказки, легенды, анекдоты, наконецъ описанія обрядовъ, обычаевъ, взглядовъ на природу и т. д. Пѣсенный матеріалъ собиратель распредѣляетъ на два разряда: „а) пѣсни, отражающія въ себѣ главные моменты жизни человѣка: рожденіе, женитьба, смерть и всѣ крупныя бытовыя отношенія, встрѣчающіяся ему на перепутьѣ между означенными ста-

діями, но только въ предѣлахъ своей семьи, своего родного угла, своей волости, и б) группы такихъ пѣсенъ, въ которыхъ высказывается уже постепенный переходъ этой личной жизни изъ тѣсныхъ рамокъ своего родимаго гнѣзда на болѣе широкій путь жизни общественной, государственной и исторической“.

Въ дальнѣйшемъ распредѣленіи пѣсенъ собиратель поступалъ слѣдующимъ образомъ. Въ самомъ началѣ сборника поставлены дѣтскія пѣсни: изъ нихъ, говоритъ Шейнъ, „я выдѣлилъ и перенесъ въ отдѣлъ сатирическихъ и скоморошныхъ тѣ, которыя трактуютъ о разныхъ домашнихъ животныхъ, насѣкомыхъ и звѣряхъ. Почти всѣ онѣ отличаются явнымъ сатирическимъ характеромъ, смыслъ и цѣль котораго съ теченіемъ времени затмились и сгладились, вслѣдствіе чего онѣ въ значительной степени потеряли совершенно интересъ въ средѣ народа для людей старшихъ поколѣній“. Напротивъ, г. Шейнъ строго сохранялъ отдѣлы пѣсенъ хороводныхъ, любовныхъ, семейныхъ и т. п., не распредѣляя ихъ (какъ иногда дѣлалось) въ новые ряды по сходству или тождеству сюжетовъ, напримѣръ, выборъ подруги жизни. измѣна, мщеніе и т. п.,—сохранялъ потому, что въ каждомъ изъ названныхъ отдѣловъ является разный способъ изложенія одного и того же сюжета, по формѣ и по тону. Напримѣръ „въ пѣсняхъ хороводныхъ эти предметы являются большею частью въ формѣ діалогической и въ тонѣ довольно серьезномъ, хотя подчасъ и веселомъ, и непремѣнно сопровождаемые движеніемъ, дѣйствіемъ не только того, что̀ обозначается въ пѣснѣ словами, но многими иными традиціонными, о которыхъ пѣсня и не намекаетъ; въ пѣсняхъ плясовыхъ они излагаются уже съ оттѣнкомъ ироніи, даже сарказма, при настроеніи юмористическомъ. Наконецъ, въ пѣсняхъ любовныхъ, семейныхъ эти же самые предметы выражаются большей частью въ формѣ монологической и въ тонѣ не только серьезномъ, но даже эпическомъ“... „Встрѣчаются, правда, нерѣдко случаи, что и народъ, вслѣдствіе ли ослабленія у него памяти, или чисто бытовыхъ и историческихъ условій, какъ, напримѣръ, прекращеніе крѣпостного труда артелями, сообща, переселеніе, разселеніе и т. п. — самъ смѣшиваетъ и спутываетъ роды и виды своихъ пѣсенъ, выдавая одинъ вмѣсто другого, не различая строго ихъ примѣненія къ дѣлу, но задача собирателя (правда, не совсѣмъ легкая) стараться по возможности распутать спутанное, для чего онъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ найти руководящую нить въ сравненіи данной пѣсни одной мѣстности съ параллелями ея въ другихъ или въ старинныхъ сборникахъ, а въ особенности въ музыкальномъ ея мотивѣ. Если разрѣшеніе этой задачи, вслѣдствіе отсутствія въ нашей печати полнаго собранія музыкальныхъ мотивовъ народныхъ пѣсенъ еще можетъ за-

труднять собирателя, то онъ по крайней мѣрѣ долженъ стараться избѣгать по возможности дальнѣйшаго запутыванія и смѣшиванія родовъ и видовъ пѣсенъ".

Въ вышедшемъ теперь первомъ выпускѣ перваго тома помѣщены пѣсни дѣтскія разныхъ разрядовъ, далѣе хороводныя и плясовыя, бесѣдныя (любовныя, семейныя и юмористическія); затѣмъ пѣсни обрядовыя, а именно праздничныя: святочныя, игрища, подблюдныя, масляничныя, веснянки, вознесенскія, на Троицкой недѣлѣ, толочныя и жнивныя. Второй выпускъ перваго тома долженъ заключать пѣсни свадебныя и погребальныя.

„Второй томъ начинается пѣснями историческими, большей частью военнаго характера, отъ Ивана Грознаго до Крымской войны, за ними слѣдуютъ рекрутскія, солдатскія, казацкія, бурлацкія, извозчичьи, воровскія, разбойничьи, ссыльно-каторжныя, затюремныя и чернеческія. За чисто народными пѣснями будетъ помѣщенъ небольшой отдѣлъ духовныхъ стиховъ, сложившихся подъ вліяніемъ церковной книжности. Весь же стихотворный отдѣлъ закончится небольшой коллекціей пѣсенъ заводскихъ, фабричныхъ, лакейскихъ и т. п., новой и новѣйшей формаціи, которыя рѣзко отличаются отъ стародавнихъ народныхъ своимъ духомъ, складомъ и содержаніемъ". И затѣмъ должны слѣдовать упомянутыя свѣдѣнія объ обрядахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ и т. д.

— Минусинскіе и Ачинскіе инородцы. Матеріалы для изученія. Статьи: А. А. Кузнецовой и П. Е. Кулакова. Изданіе енисейскаго губ. статистическаго комитета. Красноярскъ, 1898.

Среди обширной статистической и этнографической литературы, которая посвящается въ послѣднее время изученію народной жизни, между прочимъ и у сибирскихъ инородцевъ, трудъ г-жи Кузнецовой и г. Кулакова выдѣляется особою задачей, которая поставлена почтенными изслѣдователями. Статистическія работы даютъ всего чаще массу цифръ, уразумѣніе которыхъ требуетъ опять особыхъ изученій; работы этнографическія даютъ обыкновенно изображеніе быта въ данную минуту: внѣшнее описаніе племени, мѣстныхъ условій, промысловъ, жилищъ, обрядовъ и обычаевъ и т. п. Всего чаще ускользаетъ или недостаточно опредѣляется явленіе, представляющее, однако, весьма важный научный и практическій интересъ, именно тѣ внутреннія и внѣшнія измѣненія быта, какія совершаются въ средѣ инородцевъ подъ дѣйствіемъ новыхъ условій въ русскомъ сосѣдствѣ. Составители настоящей книги, доставляя обычный описательный мате-

ріалъ и статистическія цифры, обратили большое вниманіе также и на эту сторону вопроса.

Въ предисловіи мы читаемъ: „Въ жизни минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ въ послѣднее время совершаются рѣзкія измѣненія: старинный національный бытъ и хозяйство рушатся и уступаютъ мѣсто новымъ формамъ, которыя вызываетъ и влечетъ за собою процессъ обрусѣнія инородцевъ. Главнѣйшая цѣль предпринятаго изслѣдованія и предлагаемаго труда—собраніе матеріала для изученія характера, причинъ и значенія той эволюціи, которая совершается въ настоящее время въ жизни минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ подъ вліяніемъ экономическихъ, административныхъ факторовъ“. Вопросъ, поставленный таким образомъ, требовалъ, конечно, изученія не только современнаго быта, но и прошедшаго состоянія инороднаго населенія, и работа изслѣдователей была, между прочимъ, архивная.

Въ общемъ счетѣ,—по заключенію г. Кулакова,—„татары енисейской губерніи сдѣлали за послѣднія три четверти столѣтія громаднѣйшій шагъ впередъ по пути культурнаго и сельско-хозяйственнаго развитія“, и авторъ ставитъ цѣлью своего труда прослѣдить за постепеннымъ процессомъ обрусѣнія татаръ и, связаннымъ съ этимъ процессомъ, измѣненіемъ границъ инородческихъ владѣній, измѣненіемъ бытовыхъ и сельско-хозяйственныхъ формъ, переходомъ отъ кочевого состоянія къ осѣдлости, измѣненіемъ въ потребленіи и производствѣ.

Особенное вліяніе на судьбу минусинскихъ и ачинскихъ татаръ имѣлъ уставъ о сибирскихъ инородцахъ, изданный въ 1822 году. „Дарованное инородцамъ этимъ положеніемъ самоуправленіе, право суда и разбирательства дѣлъ не по чуждымъ инородческому духу русскимъ законамъ, а на основаніи мѣстнаго обычнаго права, мягкое и заботливое отношеніе къ инородцамъ, проходящее черезъ весь уставъ, не могли не оказать хорошаго вліянія на историческую судьбу нашихъ сибирскихъ аборигеновъ. Вопросъ о печальной участи инородцевъ, какъ болѣе слабаго и менѣе культурнаго племени, предрѣшенъ біологическими законами. Разрѣшеніе инородческаго вопроса заключалось, какъ и до сихъ поръ заключается, именно въ томъ, чтобы повышеніемъ культурныхъ и экономическихъ формъ сообщить инородцамъ силу для борьбы за свое существованіе. Повышеніе же и развитіе формъ могло состояться исключительно лишь приближеніемъ инородческаго уровня къ уровню болѣе сильной расы, русской, т.-е. исключительно лишь путемъ обрусѣнія“. Законъ борьбы за существованіе,—продолжаетъ авторъ,—не переставалъ оказывать своего дѣйствія, и нѣкоторыя племена, стоявшія въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, угасали; но уставъ 1822 года тѣмъ не менѣе оказывалъ двоякое благо-

творное вліяніе: „съ одной стороны онъ смягчалъ и задерживалъ вліяніе естественнаго закона, а съ другой—шелъ на встрѣчу и облегчалъ постепенный переходъ къ высшимъ формамъ“. На енисейскихъ татаръ,—по замѣчанію г. Кулакова,—уставъ дѣйствовалъ болѣе благопріятно, чѣмъ на бурятъ и якутовъ (въ Иркутсвой губерніи, Забайкальѣ и Якутской области), которыхъ принято считать за наиболѣе сильныя и передовыя инородческія племена. „Но это общее направленіе, конечно, не могло вполнѣ гарантировать татаръ отъ многочисленныхъ злоупотребленій разныхъ лицъ, отъ чрезмѣрнаго и часто своекорыстнаго усердія и усердія не по разуму исполнителей, не могло даже вполнѣ защитить татаръ отъ слишкомъ сильнаго и рѣзкаго, и часто поэтому губительнаго, вліянія русскихъ“.

Для исполненія своей задачи г. Кулаковъ предпринялъ рядъ изслѣдованій по разнымъ сторонамъ быта енисейскихъ и ачинскихъ татаръ. Во-первыхъ, онъ изучалъ движеніе населенія подъ вліяніемъ инородческо-русскихъ отношеній и борьбы: зависимость разселенія инородцевъ отъ фактовъ сельско-хозяйственныхъ, размежеваніе земель, стѣснившее границы татарскихъ поселеній, вліяніе золотопромышленности и истребленія лѣса на звѣроловство, вліяніе русскаго хозяйства и перерожденіе татарскихъ улусовъ въ деревни.

Другая глава посвящена не менѣе интересному вопросу объ измѣненіяхъ въ религіи и культурно-бытовыхъ формахъ. Большинство инородцевъ этого края уже съ давнихъ поръ числятся христіанами, и въ настоящее время считается лишь нѣсколько десятковъ некрещеныхъ татаръ. Въ дѣйствительности, это обращеніе въ христіанство оставляетъ многаго желать. Очень часто оно производилось только на бумагѣ; крещеные совсѣмъ не бывали въ церкви, и на жалобы священниковъ мѣстныя власти грозили инородцамъ „всей строгостью законовъ“ и т. п. Между мѣстными жителями,—говоритъ г. Кулаковъ,—до сихъ поръ распространены „разсказы о томъ, какъ сгонялись инородцы къ крещенію и какъ въ толпѣ крестимыхъ находились совершенно случайные люди, даже русскіе, лишь бы эта толпа произвела своими размѣрами импонирующее впечатлѣніе на начальство“. Распространеніемъ христіанства занимались даже частные люди, не совсѣмъ призванные и только дѣлавшіе изъ этого выгодную собственную аферу. Такъ весьма многолюдное крещеніе было совершено въ 1876 году, до трехъ тысячъ человѣкъ: изъ нихъ только до 600 ч. было шаманствующихъ, остальные давно считались христіанами; „изъ дѣла не видно,—замѣчаетъ авторъ,—были ли они крещены во второй разъ, или они считались христіанами, не бывши крещеными“. Но любопытна еще подробность. При этомъ крещеніи особенную заслугу приписывалъ себѣ нѣкто Ефимъ Катановъ, самъ изъ инородцевъ, учи-

тель сельской школы и письмоводитель степной думы, которая и представляла его по этому случаю къ „достойной наградѣ“. Затѣмъ,—сообщаетъ авторъ,—„по ходатайству администраціи и духовенства письмоводитель Катановъ получилъ даже орденъ, но въ скоромъ времени онъ былъ, за систематическое мошенничество и поборы, сосланъ въ Якутскую область“ (стр. 48). Не мудрено, что отношенія новообращенныхъ съ духовенствомъ были не совсѣмъ удовлетворительны: христіанство, поставленное внѣшнимъ образомъ, сплошь и рядомъ было только номинальное, въ болѣе глухихъ мѣстностяхъ „многіе шаманскіе обряды сохранились еще въ силѣ, и почти въ каждой юртѣ, въ укромныхъ уголкахъ, а очень часто и на виду, можно встрѣтить разнообразныя шаманскія изображенія... Шаманствующіе, боясь преслѣдованій священниковъ и администраціи, стараются показать себя добрыми христіанами, отставшими отъ шаманскихъ обрядовъ. Тѣмъ не менѣе очень часто оффиціально свидѣтельствуется ихъ приверженность шаманизму“. Противъ послѣдняго, конечно, „принимаются духовенствомъ мѣры“, но эти мѣры, обыкновенно административныя, внушаютъ только бо́льшую скрытность и, несмотря на оффиціальныя донесенія объ уничтоженіи шаманства, на дѣлѣ оно еще цѣло и тамъ, гдѣ населеніе считается христіанскимъ... Тѣмъ не менѣе между татарами идетъ сильное распространеніе русскихъ обычаевъ, особливо тамъ, гдѣ татары живутъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ населеніемъ русскимъ. Много примѣровъ приведено между прочимъ въ статьѣ г-жи Кузнецовой. По ея выводамъ, которые подтверждаетъ г. Кулаковъ, „обрусѣніе въ весьма значительной степени и въ сравнительно недавнее время отразилось на всѣхъ сторонахъ инородческой жизни. Изба вытѣснила уже землянки и берестяныя юрты и вытѣсняетъ юрты деревянныя. Русская одежда вытѣсняетъ, а у наиболѣе обрусѣлыхъ инородцевъ уже вытѣснила, старинную національную одежду. Молочные и мясные продукты, теряя прежнее значеніе въ питаніи инородцевъ, мало-по-малу замѣняются продуктами земледѣлія и огородничества. Въ инвентарѣ и постоянномъ имуществѣ инородцевъ появляется все больше и больше предметовъ, заимствованныхъ отъ русскихъ. Во всемъ замѣчается больше чистоты и опрятности“.

Понятно, что „обрусѣніе“ идетъ спокойно, незамѣтно и неотяготительно для обрусѣваемыхъ тамъ, гдѣ оно совершается само собою, естественнымъ путемъ, вліяніемъ болѣе выгоднаго хозяйства, болѣе удобнаго образа жизни, извѣстнымъ превосходствомъ тѣхъ или другихъ русскихъ обычаевъ и т. п. Къ сожалѣнію, этого обыкновенно не понимаютъ, и авторъ сообщаетъ, что инородцы обыкновенно очень боятся и всячески уклоняются отъ административныхъ мѣръ къ обрусѣнію, — и это понятно, такъ какъ, если и по существу админи-

стративныя мѣры подобнаго рода бываютъ не всегда хорошо разсчитаны, онѣ становятся особенно тягостны для инородцевъ въ рукахъ низшихъ исполнителей, слишкомъ часто невѣжественныхъ или недобросовѣстныхъ. Мы приводили выше примѣръ распространителя христіанства, который, вскорѣ послѣ полученія ордена за свои заслуги, былъ сосланъ въ Якутскую область за открывшіяся мошенничества. Въ статьѣ г. Кулакова приведены образчики распоряженій и оффиціальныхъ показаній этой низшей администраціи. Въ 1854 году были собираемы оффиціальныя свѣдѣнія объ ачинскомъ округѣ; авторъ замѣчаетъ, что „оффиціальныя описанія образа жизни, быта и исторіи инородцевъ, составленныя обыкновенно въ управахъ малограмотными писарями, большого значенія и достовѣрности не имѣютъ, а представляютъ лишь нѣкоторый односторонній интересъ", и приводитъ въ примѣръ такія свѣдѣнія, доставленныя изъ Мелецкой управы:

„*Знаки вѣжливости.* Этотъ народъ не образованъ и вѣжливости не понимаетъ, даже многіе знаютъ очень мало по-русски.

„*Понятіе объ остроуміи.* Не имѣютъ.

„*Музыка и пѣсни.* Нѣкоторые имѣютъ, коихъ названіе балалайка, по которымъ по своему и пляшутъ. Сказками и пѣснями тоже по своему частью занимаются; преданія историческаго не понимаютъ.

„*Сторона* совсѣмъ не богатая. Цѣна разныхъ произведеній всякая не дешева, и поденная плата работнику въ зимнее время 8 коп., а въ лѣтнее 25 коп. сер."

„*Грамотность* и образованность. Не существуетъ".

Въ другихъ подобныхъ донесеніяхъ писалось:

„Умственное развитіе инородцевъ дикое, но на русское правительство они имѣютъ взглядъ весьма довѣрчивый".

„Пѣсенъ у татаръ качинскихъ никакихъ нѣтъ, а если они и поютъ, то просто самое, что только вздумаютъ и видятъ, поэтому и написать таковыхъ невозможно"... По поводу запроса духовно-училищнаго начальства о вѣрѣ и языкѣ инородцевъ, мелецкая управа доноситъ исправнику: „въ вѣдомствѣ сей управы иновѣрцевъ никакихъ нѣтъ, кромѣ какъ одни ясачные инородцы, вѣры они всѣ христіанской, говорятъ они почти всѣ обыкновеннымъ ясачнымъ языкомъ, а нѣкоторые, кромѣ русскаго, никакими языками говорить не могутъ". (стр. 43—45).

Авторъ разсказываетъ, что администраціей предпринимались мѣры для заведенія чистоты и опрятности въ улусахъ и, повидимому, исправники, земскіе засѣдатели и другіе исполнители губернскихъ распоряженій иногда черезчуръ усердствовали по этому поводу. По крайней мѣрѣ, въ 1893 году енисейскому губернатору, до свѣдѣнія ко-

тораго дошло, что нѣкоторые исправники, заботясь о самой тщательной очисткѣ населенныхъ пунктовъ, запрещають унавоживаніе огородовъ подъ посѣвъ овощей, пришлось разъяснять, что „унавоживаніе полей ни въ какомъ случаѣ запрещать нельзя" (стр. 65). Немудрено, что многія распоряженія высшей администраціи, даже совершенно основательныя, принимались и принимаются инородцами очень недовѣрчиво, какъ напримѣръ заботы о хлѣбныхъ запасахъ, о мѣрахъ санитарныхъ, о пожарныхъ инструментахъ, наконецъ, о школахъ; извѣстно, что подобное недовѣріе до сихъ поръ весьма нерѣдко и въ самомъ русскомъ народѣ, — слишкомъ сильны бывали всякія злоупотребленія тѣхъ низшихъ исполнителей, съ которыми одними народъ имѣлъ дѣло. Любопытно, что между инородцами распространялись иногда такіе же нелѣпые слухи, какіе ходили, бывало, и между русскими крестьянами. Напримѣръ, въ 1852 году, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, „по кочевьямъ инородцевъ, подвѣдомственнымъ сей думѣ. неизвѣстно кѣмъ пропущена молва, что есть гдѣ-то распоряженіе, будто бы всѣхъ ясачныхъ дѣвокъ погонятъ неизвѣстно куда и тамъ выдадутъ въ замужество за неизвѣстныхъ людей, находящихся въ отдаленности. Отъ этого лживаго эха по страху дѣвки вынужденными находятся выходить въ замужество за людей совершенно нестоющихъ и ихъ родители почти просятъ каждаго холостого человѣка (какой бы онъ ни былъ) взять ихъ дочь или, гдѣ есть нѣсколько, такъ просятъ, или, можно сказать, прямо предлагають руку" (стр. 64).

Далѣе, въ особой главѣ, авторъ говоритъ объ измѣненіи хозяйственно-экономическихъ формъ: объ успѣхахъ земледѣлія между инородцами, объ уменьшеніи скотоводства и звѣроловнаго промысла, о переходѣ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, между прочимъ, о замѣнѣ деньгами прежней уплаты ясака натурой и т. д.: вслѣдствіе измѣненія хозяйственныхъ формъ, инородцы переходятъ отъ кочевого состоянія къ осѣдлому.

Статья г-жи Кузнецовой посвящена подробному описанію жилищъ, одежды и пищи инородцевъ. Наконецъ, послѣднюю статью сборника составляетъ изслѣдованіе г. Кулакова о постоянномъ имуществѣ, производствѣ и потребленіи у минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ, и къ этому присоединены многочисленныя статистическія таблицы. Въ цѣломъ сборникъ представляетъ большое количество свѣдѣній, интересныхъ въ экономическомъ, этнографическомъ и наконецъ административномъ отношеніи.

— Владиміръ Шуфъ (Борей). На Востокѣ. Записки корреспондента о греко-турецкой войнѣ. Спб. 1897.

Авторъ этой книжки до сихъ поръ былъ извѣстенъ своими поэтическими произведеніями; здѣсь онъ является въ роли газетнаго корреспондента, т.-е. до нѣкоторой степени рѣшаетъ политическіе вопросы. Прежній поэтъ сказывается, впрочемъ, и въ корреспондентѣ. Разсказъ г. Шуфа не есть дѣловое наблюденіе фактовъ и отношеній. а скорѣе передача непосредственныхъ впечатлѣній—природы, проходящихъ передъ глазами сценъ, типовъ, анекдотическихъ подробностей и т. п.; съ первыхъ страницъ, однако, сказываются извѣстныя политическія предпочтенія; авторъ очень равнодушенъ къ филэллинизму, даже враждебенъ къ нему; его точка зрѣнія — та, которую можно было встрѣтить въ умѣренныхъ и аккуратныхъ газетахъ во время греко-турецкой войны. Живя въ Аѳинахъ, авторъ имѣлъ случай видѣть многихъ государственныхъ людей и публицистовъ, которые, повидимому, относились къ нему весьма дружелюбно, но самъ онъ въ своей книгѣ остался къ нимъ весьма недружелюбенъ; онъ не только осуждаетъ ихъ, но подсмѣивается надъ ними—между прочимъ съ турецкой точки зрѣнія. Отъ греческихъ патріотовъ онъ слышалъ выраженія ихъ національныхъ стремленій и ихъ желанія привлечь къ себѣ симпатіи Европы.

„Но Европа не желаетъ войны!—думалъ я.—Какое дѣло Европѣ до греческаго націонализма, который можетъ очень дорого ей обойтись. Греція хочетъ *нажиться на счетъ Турціи*, отобрать у нея въ свою пользу нѣсколько провинцій,—вотъ весь смыслъ греческой политики.

„Мнѣ наговорили много *жалкихъ словъ* редакторы аѳинскихъ газетъ: „Акрополиса“, „Асти“ и другихъ. Но требуютъ ли общіе интересы Европы измѣненія ея географической карты? Сколько жертвъ и крови можетъ быть принесено на алтарь эллинофильства!

„Настало ли время рѣшить окончательно восточный вопросъ? Европа не хочетъ и боится войны... Греческій націонализмъ не болѣе, какъ *греческій эгоизмъ* въ данное время. Но греки такъ возбуждены теперь, что не могутъ разсуждать хладнокровно и не поймутъ интересовъ, существующихъ у другихъ націй. Не только простые аргументы, но и болѣе вѣскіе—бомбы интернаціональнаго флота не убѣждаютъ грековъ“ (стр. 21).

Въ этихъ отзывахъ, которые въ разнообразныхъ видахъ не однажды повторены въ книгѣ, высказался основной взглядъ автора. Это была первая корреспонденція г. Шуфа, писанная изъ Греціи: такимъ образомъ вопросъ о значеніи событій, которыя предстояло ему объ-

яснять, какъ очевидцу, былъ рѣшенъ впередъ: греки—вздорные эгоисты, которые не хотятъ обращать вниманія на желанія „Европы". Впослѣдствіи корреспондентъ дополняетъ это готовое заключеніе еще издѣвательствами надъ греческимъ патріотизмомъ, греческой храбростью и т. п. Можно было, дѣйствительно, относиться критически къ разнымъ дѣяніямъ грековъ за то время, но для корреспондента, и можетъ быть особенно русскаго, была обязательна справедливость. Греки были самонадѣянны, преувеличивали свои силы и свои надежды на Европу; по мнѣнію г. Шуфа, имъ не слѣдовало и помышлять о борьбѣ съ Турціей. Но критское возстаніе стало, однако, такимъ фактомъ, въ который Европа нашла нужнымъ вмѣшаться. На этотъ разъ политическія условія сложились такъ, что съ русской стороны, именно отъ русской дипломатіи, къ этому возстанію не было выражено особеннаго сочувствія; но еще не очень давно, на памяти нынѣшняго поколѣнія, дѣло стояло совсѣмъ иначе: было совершенно такое же возстаніе, и сочувствіе къ критянамъ высказывалось въ русскомъ обществѣ открыто; воззванія о пожертвованіяхъ въ пользу ихъ, какъ единовѣрцевъ, раздавались даже съ церковной каѳедры. Корреспонденту, который взялся рѣшать греческій вопросъ, слѣдовало бы знать по крайней мѣрѣ это недавнее прошедшее, и если бы онъ помнилъ о немъ, онъ вѣроятно нѣсколько измѣнилъ бы свои приговоры. Если въ прежнее время сочувствія къ критянамъ допускались, значитъ, въ ихъ возстаніи признавались нѣкоторыя справедливыя основанія; въ сущности эти основанія признавались и теперь, когда „Европа" окружила Критъ своими эскадрами и сочла нужнымъ контролировать событія. Исторія скажетъ нѣкогда свое рѣшеніе о дѣйствіяхъ Европы; но она разсказала уже о томъ греческомъ возстаніи противъ турокъ, которое эта Европа сочла нѣкогда совершенно законнымъ и послѣ котораго она признала справедливымъ превратить турецкую провинцію съ порабощеннымъ греческимъ народомъ въ независимое греческое государство.

Корреспондентъ могъ оцѣнивать, какъ ему было угодно, современныя политическія комбинаціи, могъ недовѣрчиво смотрѣть на современную агитацію греческихъ патріотовъ, но странно было не видѣть тѣхъ давнихъ историческихъ фактовъ, которые лежали въ основѣ современныхъ событій. Эти событія были прямымъ (хотя на этотъ разъ неудачнымъ) продолженіемъ того давняго столкновенія враждебныхъ элементовъ племенныхъ, религіозныхъ, культурныхъ, которое наполняетъ уже нѣсколько вѣковъ исторію Турціи въ Европѣ. Въ первые вѣка Турція торжествовала непрерывавшіяся побѣды и захваты на европейскомъ материкѣ: она дошла до Адріатическаго побережья, до Пешта и до Крыма; но затѣмъ начинается рядъ пораженій и еще съ XVII вѣка

турецкое господство постоянно падаетъ. Турки были выгнаны изъ Венгріи, потеряли Крымъ и юго-западныя польско-русскія земли, а съ XIX вѣка изъ бывшихъ турецкихъ провинцій возникаетъ цѣлый рядъ свободныхъ государствъ: Сербія, Греція, Румынія, наконецъ Болгарія, границы которой не далеки уже отъ самого Константинополя; Боснія и Герцеговина отчислены въ Австрію. Турція давно объявлена больнымъ человѣкомъ и остается имъ, несмотря на покровительство, какое оказываетъ ей г. Шуфъ.

Вся эта прежняя исторія Турціи, ея отношеній къ подвластнымъ народамъ и постепеннаго освобожденія этихъ народовъ совсѣмъ забыта корреспондентомъ. Онъ благоволитъ къ Турціи блюдетъ интересы „Европы", забывая, между прочимъ, и ея собственное прежнее отношеніе къ интересамъ Греціи и другихъ племенъ, нѣкогда подвластныхъ Турціи. Вслѣдствіе этого, мы встрѣчаемъ въ корреспонденціяхъ не мало вещей очень странныхъ. Приводимъ нѣсколько образчиковъ.

Между прочимъ, корреспондентъ посѣтилъ въ Аѳинахъ греческаго митрополита, который былъ, конечно, патріотъ, и въ заключеніе разговора просилъ корреспондента не писать противъ грековъ.

„Не писать противъ грековъ... думалъ я, уходя. Но мнѣ хочется быть только справедливымъ. Съ какой стати *намъ*, русскимъ, руководиться греческимъ патріотизмомъ? *У насъ* есть свои національныя задачи. Я говорилъ съ однимъ молодымъ греческимъ патріотомъ, принадлежавшимъ къ богатой аѳинской фамиліи. Онъ *прямо* заявилъ мнѣ, что греки хотятъ получить Константинополь, что границы Греціи должны быть у волнъ Босфора. Расширеніе греческаго королевства и усиленіе его идетъ прямо въ ущербъ намъ. Кромѣ того, *мы*, вмѣстѣ со всей Европой, хотимъ мира, а не войны. И можетъ ли быть возстановлена старая Греція?" (стр. 37). Эти „мы", „намъ", „у насъ" показываютъ, что корреспондентъ опять беретъ на себя обязанности дипломата, а не простого наблюдателя фактовъ.—Но вѣдь „мы", если и не именно руководились, то дѣйствовали совершенно согласно съ греческимъ патріотизмомъ, когда помогали освобожденію Греціи и, наконецъ, осуществили его? Точно также „мы" дѣйствовали совершенно согласно съ сербскимъ, румынскимъ, болгарскимъ патріотизмомъ, когда содѣйствовали освобожденію Сербіи, Румыніи, Болгаріи?

Какой-то греческій патріотъ „прямо" заявилъ, что ему нуженъ Константинополь, и корреспондентъ ставитъ грекамъ въ вину это легкомысліе: но мало ли чего говорили патріоты всѣхъ временъ и народовъ? Патріоты болгарскіе также „прямо" заявляли, что Константинополь нуженъ имъ; наши патріоты только послѣ многихъ опытовъ перестали, кажется, говорить, что Константинополь долженъ принадлежать намъ.

Въ возстановленіе „старой Греціи" авторъ не вѣритъ; но кто же въ него вѣритъ? „Когда я бродилъ по аѳинскому музею,—разсказываетъ авторъ, — „среди саркофаговъ и урнъ погребальныхъ", среди античныхъ статуй съ отбитыми носами и руками, которыхъ, кстати сказать, въ музеѣ очень немного, и все больше позднѣйшія копіи съ работъ Фидія, современная Греція казалась мнѣ живымъ саркофагомъ минувшаго. Вся страна съ ея античными развалинами производитъ грустное впечатлѣніе гробницы. Все великое и прекрасное въ ней давно миновало и умерло". Но развѣ политическая Турція также не гробница?

Далѣе читаемъ: „Въ Аѳинахъ было бы очень хорошо, еслибы не пахло войной. Я пишу вамъ ночью, у открытаго окна... Цвѣтутъ розы и фіалки, а греки собираются рѣзать и убивать... Помните стихи нашего поэта изъ „Валерика":

Я думалъ — жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ? Небо ясно, и пр.

„Но греки совсѣмъ не находятъ, что имъ довольно мѣста подъ яснымъ небомъ Эллады. Маленькіе солдаты маленькой Греціи хотятъ расширить ея предѣлы у береговъ Понта Евксинскаго.

„Я часто думалъ, что такое эллинофильство или филэллинизмъ, какъ его называютъ? Въ переводѣ на русскій, это слово означаетъ „греколюбіе". Но за что же, собственно, любить грековъ? За классическія воспоминанія и тѣ единицы, которыя мы получаемъ за незнаніе хронологической даты сраженія при Саламинѣ? Греки современные—народъ далеко не симпатичный. Правда, они лучше въ Аѳинахъ, чѣмъ ихъ жадные и корыстные компатріоты въ Россіи" (стр. 47—48). Нечего говорить, что ссылка на розы и фіалки ничего не объясняетъ. Не больше смысла имѣетъ вопросъ о томъ, за чтó любить грековъ? Но за чтò было также любить болгаръ или румынъ?

Аѳинскихъ грековъ корреспондентъ до нѣкоторой степени одобряетъ: „Аѳинскіе греки очень либеральны, цивилизованы, интересуются искусствомъ, науками и политикой, говорятъ на нѣсколькихъ языкахъ, любезны и обходительны, *но имъ далеко до французовъ*, напримѣръ, которымъ они во всемъ подражаютъ, вплоть до французскаго обученія войскъ. Ничего истинно оригинальнаго и національнаго я не вижу у грековъ". А намъ съ г. Шуфомъ далеко или недалеко до французовъ?

Послѣднее замѣчаніе объ отсутствіи у грековъ чего-нибудь истинно-оригинальнаго довольно смѣло для человѣка, который пробылъ въ Греціи нѣсколько недѣль и хвастается тѣмъ, что не знаетъ по-гречески („къ счастью, я не знаю греческаго языка", заявляетъ авторъ, стр. 104).

За греками авторъ отвергаетъ даже греческое происхожденіе: „на самомъ дѣлѣ это смѣшанный народъ, происшедшій отъ другихъ національностей, въ позднѣйшія времена населявшихъ Элладу" (стр. 96); но почему же этотъ смѣшанный народъ сохранилъ греческій языкъ?

Не скажемъ, чтобы пріятное впечатлѣніе оставляли старанія автора быть остроумнымъ. Его повѣствованіе пересыпано шуточками — не особенно тонкаго разбора.

„— Чего же вы хотите?—спрашивалъ я грековъ.

„— Мы хотимъ *Маседуанъ!*—отвѣчали мнѣ по-французски.

„Я сначала не понялъ, какого маседуана желаютъ греки? Маседуанъ очень вкусная вещь, но зачѣмъ онъ теперь понадобился эллинамъ? Впрочемъ, „маседуанъ" оказался политическимъ: греки хотятъ получить *Македонію*, если имъ не дадутъ Крита" (стр. 20).

Авторъ видѣлъ знаменитый островъ Саламинъ. „Теперь на Саламинѣ морской арсеналъ. Мнѣ невольно вспомнилась старинная пѣсенка:

Гдѣ прежде въ Капитоліи
Судилися цари,
Тамъ въ наши времена
Живутъ пономари. (!!)

„Теперешніе греки своего рода пономари въ сравненіи съ древними эллинами, побѣдившими самого Ксеркса при Саламинѣ" (стр. 49).

Изъ Аѳинъ корреспондентъ отправился въ лагерь греческой арміи, на мѣсто военныхъ дѣйствій. Греки относились къ нему недовѣрчиво и съумѣли его оттуда выжить. „Къ сожалѣнію, „вышпіонить" мнѣ ничего не удалось, а то я предательски сообщилъ бы своимъ читателямъ въ Петербургѣ всѣ слабости и дурныя стороны греческихъ позицій. Мои стрѣлы попали бы въ самое плохо защищенное мѣсто греческой арміи. Впрочемъ, я его знаю и такъ, — это чисто греческое хвастовство собственнымъ небывалымъ героизмомъ. Не хвались, дивчина, идучи на рать!" (стр. 161).

Но зато всѣ симпатіи автора на сторонѣ турокъ. На первый разъ онъ встрѣтилъ „чисто восточное гостепріимство" въ Смирнѣ, гдѣ „къ русскимъ относятся превосходно"; даже четыре часовыхъ въ фескахъ сдѣлали г. Шуфу на караулъ, когда онъ уходилъ съ визита къ любезному турецкому генералу, говорившему съ нимъ по-французски (стр. 178—179). Весьма любезные паши проживаютъ также въ Константинополѣ.

Это—„очень свѣтскіе люди, прекрасно говорятъ по-французски и носятъ европейское платье, сохранивъ только національную феску. Тевфикъ-бей мало чѣмъ отличался отъ любого изъ петербургскихъ бюрократовъ". Вообще въ Константинополѣ корреспондентъ жилъ

очень пріятно. Турецкія газеты напечатали о г. Шуфѣ самыя лестныя для него статьи, въ иллюстрированной газетѣ помѣщенъ былъ его портретъ; онъ получалъ визиты отъ совершенно незнакомыхъ лицъ. „Меня приглашаютъ обѣдать, кататься, на вечера и рауты... Во всякомъ случаѣ, я очарованъ турецкимъ, чисто восточнымъ гостепріимствомъ и милой любезностью константинопольскаго общества. Симпатіи къ русскимъ здѣсь очень велики и достаточно было русскому корреспонденту встрѣтить недружелюбный пріемъ въ Греціи, чтобы найти самое искреннее расположеніе въ Константинополѣ". Тевфикъ-бей „любезно протянулъ мнѣ руку и пригласилъ садиться" (стр. 190—193). Г. Шуфъ удостоился даже бесѣдовать съ турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Зрѣлище селамлика привело корреспондента въ величайшій восторгъ.

Жаль, наконецъ, что въ книжкѣ г. Шуфа есть не мало примѣровъ орѳографическихъ оплошностей; напримѣръ, онъ настойчиво пишетъ: „Гаррибальди", „Каподистрія" (стр. 82—83) и т. п.—Т.

— Ст. О. Гулишамбаровъ. Всемірная торговля въ XIX вѣкѣ и участіе въ ней Россіи. Спб. 1898. Стр. XIV+230. Ц. 2 р.

Новый трудъ г. Гулишамбарова даетъ намъ довольно полную и краснорѣчивую картину мірового рынка въ его послѣдовательномъ историческомъ развитіи и въ его современномъ состояніи. Подготовительною работою для этого изслѣдованія послужилъ составленный авторомъ, по порученію департамента торговли и мануфактуръ, „Обзоръ международнаго товарнаго обмѣна за 1888—93 годы", заключающій въ себѣ однѣ цифры, безъ объяснительнаго текста. Богатый фактическій матеріалъ разработанъ въ настоящей книгѣ съ замѣчательною добросовѣстностью и дополненъ многими историческими данными, причемъ роль Россіи въ міровой торговлѣ и въ промышленныхъ оборотахъ различныхъ странъ выдѣляется весьма рельефно.

Послѣ вступительнаго очерка исторіи мірового рынка съ древнѣйшихъ временъ, авторъ разсматриваетъ главнѣйшіе предметы международнаго обмѣна въ XIX вѣкѣ и переходитъ затѣмъ къ характеристикѣ производительности торговли отдѣльныхъ государствъ, съ указаніемъ степени участія послѣднихъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Россіею. „Эпоха великихъ изобрѣтеній въ концѣ прошлаго столѣтія, —какъ справедливо замѣчаетъ г. Гулишамбаровъ,—является рѣзкою гранью между старымъ и новымъ"... (стр. 21); „только открытіе силы пара и примѣненіе его какъ двигателя къ постояннымъ и подвиж-

нымъ машинамъ, пароходамъ и паровозамъ", а также открытія въ области электричества „произвели въ міровомъ хозяйствѣ тотъ великій переворотъ, которымъ характеризуется его исторія за послѣднее столѣтіе". Паровые двигатели, употребляемые нынѣ въ различныхъ странахъ, представляютъ собою въ совокупности около 60 милліоновъ лошадиныхъ силъ, и „ихъ работу едва могло бы выполнить даже все населеніе земного шара"; „только съ помощью пара могли быть эксплуатируемы тѣ мощныя залежи каменнаго угля, которыя проникаютъ въ нѣдра земли и безъ этого не были бы доступны для пользованія". Между тѣмъ паръ начинаетъ все болѣе уступать мѣсто электричеству; въ свою очередь и старые двигатели, водяные и вѣтряные, а также газовые, керосиновые, пневматическіе и др., „мало-по-малу завоевываютъ въ міровомъ хозяйствѣ отдѣльные углы и даже цѣлыя области, отовсюду вытѣсняя живую силу, какъ менѣе производительную и въ то же время болѣе требовательную" (стр. 182—5). Къ этому же разряду двигателей авторъ—едва-ли основательно—относитъ и велосипедъ: „паровая лошадь—говоритъ онъ—появилась въ началѣ столѣтія, стальной конь—въ концѣ его; этотъ небольшой аппаратъ пока еще продолжаетъ служить предметомъ спорта, но весьма вѣроятно, что онъ въ скоромъ времени приметъ болѣе близкое участіе въ международныхъ сношеніяхъ и станетъ содѣйствовать товарному обмѣну". Трудно согласиться съ этимъ предположеніемъ о возможной роли велосипеда, какъ способа торговыхъ сообщеній между народами, и самое сравненіе его съ паровою силою есть, конечно, только игра словъ. Въ началѣ XIX вѣка, говорится далѣе, всемірный рынокъ „пользовался почти исключительно водяными сообщеніями", тогда какъ нынѣ „пользуется кромѣ того и обширною сѣтью желѣзныхъ дорогъ". За пятьдесятъ лѣтъ, съ 1830 по 1880 г., грузовое движеніе въ общемъ возросло приблизительно въ сорокъ разъ, при чемъ желѣзнодорожное увеличилось почти въ триста разъ, а морское—едва въ $4^1/_2$ раза. Первый океанскій пароходъ, „Саванна", выстроенъ былъ американцами; онъ переплылъ Атлантическій океанъ въ 1819 году и между прочимъ въ сентябрѣ этого года зашелъ и въ Неву. „Это былъ первый океанскій пароходъ въ русскихъ водахъ; въ 1825 году, англичане на пароходѣ же благополучно достигаютъ Индіи, а въ 1838 г. на пароходѣ „Сиріусъ" они же выходятъ изъ Бристоля и благополучно приходятъ въ Нью-Іоркъ".

Въ прошломъ столѣтіи „на всемірномъ рынкѣ господствуетъ сначала Великобританія, потомъ Испанія, Франція и др.; ни одно изъ этихъ государствъ не выдѣляется особенно рѣзко, но по мѣрѣ приближенія къ эпохѣ великихъ изобрѣтеній Великобританія начинаетъ все болѣе и болѣе обособляться и подавляетъ другія страны своими

торгово-промышленными успѣхами. Наименѣе устойчивою оказывается Испанія, которая вскорѣ отходитъ на задній планъ и стушевывается. Затѣмъ на сцену появляются Соединенные Штаты, обособляются Бельгія и Голландія, формируется Австро-Венгрія, возрождаются Германія и Италія и пр.". Первое мѣсто на всемірномъ рынкѣ во все продолженіе XIX вѣка „безраздѣльно принадлежало и продолжаетъ принадлежать Великобританіи". Второе мѣсто занимала до 1873 года Франція, а затѣмъ до 1879 г.—Германія; съ 1880 года внѣшніе торговые обороты Германіи понижаются, и она опустилась до четвертаго мѣста, послѣ Соединенныхъ Штатовъ, которые однако продержались на третьемъ мѣстѣ только до 1883 года; затѣмъ опять поднялась Германія и оттѣснила также Францію со второго мѣста. „Положеніе Франціи начинаетъ сильно колебаться, и въ 1885 году второе мѣсто занимаютъ Соединенные Штаты. Въ 1886 г. она дѣлаетъ послѣднее усиліе, чтобы занять второе мѣсто, но уже въ 1887 году сразу переходитъ на четвертое мѣсто, съ котораго уже не можетъ сойти по настоящее время. За послѣднее десятилѣтіе второе и третье мѣсто съ перемѣннымъ счастьемъ оспариваютъ другъ у друга Соединенные Штаты и Германія. Торговые обороты Франціи наибольшаго своего размѣра достигли въ 1880 г.—2.125 милл. руб., но съ тѣхъ поръ они показываютъ явную тенденцію къ пониженію. Между тѣмъ на міровомъ рынкѣ ровно и безъ колебанія усиливается крошечное въ территоріальномъ, но мощное въ торговомъ отношеніи государство—Голландія, и весьма вѣроятно, что она скоро оттѣснитъ Францію. Шестое и седьмое мѣсто съ перемѣннымъ счастьемъ занимаютъ Россія и Австро-Венгрія, восьмое и девятое оспариваютъ другъ у друга Индія и Бельгія, а на десятомъ покоится Италія, которая, судя по угнетенному состоянію ея торговли за послѣднее десятилѣтіе, вѣроятно, скоро будетъ вытѣснена другими и изъ этого скромнаго угла всемірнаго рынка" (стр. 200—1). По изложенію г. Гулишамбарова можно было бы подумать, что упадокъ внѣшней торговли какой-нибудь страны, напр. Франціи, есть непосредственный результатъ ея внутренняго экономическаго состоянія, тогда какъ въ дѣйствительности онъ часто вызывается искусственными причинами и прежде всего высокими таможенными пошлинами, ограничивающими международный товарный обмѣнъ. Такъ какъ авторъ совершенно не упоминаетъ о причинахъ рѣзкихъ перемѣнъ въ торговыхъ оборотахъ отдѣльныхъ государствъ, то парализующее вліяніе протекціонизма на внѣшнюю торговлю можетъ ускользнуть отъ вниманія читателя. Франція, говоритъ г. Гулишамбаровъ въ другомъ мѣстѣ, „имѣла счастливый періодъ 1850—1870 гг. и отдѣльные годы, когда ея торговые обороты достигали особенно большихъ размѣровъ. Въ этомъ отношеніи рѣзко вы-

дается начало предъидущаго десятилѣтія, когда въ 1880 г. общіе обороты достигли 8½ милліардовъ франковъ. Послѣдніе годы настоящаго десятилѣтія особенно неудачны для Франціи, такъ какъ за это короткое время общіе обороты ея сократились почти на милліардъ франковъ: въ 1890 году ввозъ и вывозъ составляли 8.199 милл., а въ 1895 году — 7.241 милл. фр." (стр. 89). Выходитъ, что вторая имперія представляла для Франціи „счастливый періодъ", а въ позднѣйшіе годы, при республикѣ, экономическое положеніе страны ухудшилось. Но дѣло въ томъ, что при второй имперіи господствовалъ принципъ свободы торговли, и оживленіе международнаго товарнаго обмѣна поощрялось экономическою политикою государства; а въ послѣднее десятилѣтіе французская республика усвоила покровительственную систему, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сдѣлалась почти запретительною,—такъ что обороты по привозу и вывозу товаровъ должны были сильно сократиться подъ давленіемъ таможенныхъ тарифовъ. Слѣдовательно, соперничество на міровомъ рынкѣ не имѣетъ того характера, какой приписываетъ ему, повидимому, г. Гулишамбаровъ; передовыя культурныя націи далеко не всегда стремятся увеличивать свою долю участія въ міровой торговлѣ, а часто напротивъ, сознательно ограничиваютъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ международнаго обмѣна—привозъ товаровъ изъ-за границы. Заботы о внутреннемъ самостоятельномъ развитіи національнаго производства приводятъ къ сокращенію оборотовъ по внѣшней торговлѣ, и это обстоятельство значительно измѣняетъ характеристику борьбы между народами изъ-за роли ихъ на всемірномъ рынкѣ.—Л. С.

Въ мартѣ мѣсяцѣ въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Агриковъ, Н. Д.—Сборникъ стихотвореній. М. 98. Стр. 71. Ц. 40 к.

Андерсонъ, Р.—Исторія вымершихъ цивилизацій Востока. Съ англ. М. 98. Стр. 174. Ц. 50 к.

Арнольди, С. С.—Задачи пониманія исторіи. Проектъ введенія въ изученіе эволюціи человѣческой мысли. М. 98. Стр. 370. Ц. 2 р.

Бари, А. Э.—О возбудимости мозговой коры новорожденныхъ животныхъ Диссерт. на степ. д-ра мед. Спб. 98. Стр. 178.

Бурже, Поль.—О возрастахъ любви. Перев. съ франц. Спб. 1898. Стр. 22. Ц. 20 коп.

Ванъ-Мюйденъ.—Исторія швейцарскаго народа. Перев. съ франц. п. р. Э. Л. Радлова. Вып. 2, съ 6 политип. Спб. 98. Стр. 141—419.

Венгеровъ, С. А.—Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Вып. XXI и XXII: Богатырь—Боратынскіе. Спб. 98. Стр. 96. Ц. по 40 коп.

Вержбовскій, Ѳед.—Матеріалы къ исторіи Московскаго государства въ

XVI и XVII стол. Вып. II: Война съ Польшею въ 1609—1611 гг. Варш. 1898. Стр. 89.

Верховскій, В. М.—Сельскія огнестойкія постройки вообще и въ частности на всероссійской 1896 г. выставкѣ въ Н.-Новгородѣ. Спб. 98. Стр. 157. Ц. 1 руб.

Виноверъ, М. М.—Старыя и новыя вѣянія въ европейской адвокатурѣ. Спб. 98. Стр. 82.

Виндельбандъ.—Исторія древней философіи, съ приложеніемъ исторіи философіи среднихъ вѣковъ и эпохи „Возрожденія“. Перев. слушательницъ высш. женск. курсовъ, п. р. А. И. Введенскаго. 2-е изд. Спб. 98. Стр. 396. Ц. 2 р.

Випперъ, Р.—Школьное преподаваніе древней исторіи и новая историческая наука. М. 98. Стр. 48.

Водовозовой, Е.—Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Болгары, сербы, черногорцы. Спб. 98. Стр. 209, съ 14 картин. Ц. 40 к.

Воротынскій, Б. И.—Задачи судебной психопатологіи и современное ея значеніе для врача и юриста. Каз. 98. Стр. 42. Ц. 35 к.

Герокъ, Карлъ.—Иллюзіи и Идеалы. Перев. съ нѣм. Спб. 1898. Стр. 37. Ц. 30 коп.

Герцль, Теодоръ.—Еврейское государство. Опытъ новѣйшаго разрѣшенія еврейскаго вопроса. Перев. М. Базилевскаго. Од. 98. Стр. 74. Ц. 40 к.

Гевсѣевъ, А. А.—Задачи земства въ дѣлѣ призрѣнія душевно-больныхъ. Екатериносл. 97. Стр. 36.

Громогласовъ, И.—Тираспольское дѣло. Серг.-Пос. 1898. Стр. 47. Ц. 40 к.

Гротъ, Я. К.—Труды. I: Изъ скандинавскаго и финскаго міра. 1839—1881 гг. Очерки и переводы. Спб. 98. Стр. 1071. Ц. 3 р.

Грэемъ, Кенетъ.—Золотой возрастъ. Съ англ. Спб. 98. Стр. 211. Ц. 75 к.

Гуринъ, Евг.—Современное леченіе ревматизма, суставовъ и мышцъ мѣстной и общей дезинфекцій. Изд. 3. Кіевъ, 98. Стр. 24. Ц. 20 к.

——— Чахотка. Вып. I: Природа, припадки, распознаваніе и предупрежденіе ея. Кіевъ, 98. Стр. 42. Ц. 20 к.

Десницкій, Н. В.—Руководство для отправляющихся на кавказскія минеральныя воды. Изд. 5-е. Спб. 98. Стр. 175.

Догуревичъ, Т.—Свѣтъ Азіи. Распространеніе христіанства въ Сибири. Спб. 98. Стр. 65. Ц. 25 к.

Дрэперъ, Д. В.—Сонъ и смерть. Спб. 98. Стр. 27. Ц. 20 к.

Дювернуа, Н. Л.—Чтенія по гражданскому праву. Т. I: Введеніе и общая часть (вып. 2-й). 3-е изд. Спб. 98. Стр. 321—672. Ц. 2 р. 20 к.

Евдокимовъ, Л. В., сообщ.—Журналы дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. Вып. 1: 1745, 1748—1751 гг. Спб. 98. Стр. 268. Ц. 1 р. 20 к.

Елисѣевъ, д-ръ А. В.—По бѣлу-свѣту. Очерки и картины изъ путешествія по тремъ частямъ Стараго Свѣта. Съ иллюстраціями. Спб. 98. Стр. 317. Ц. 3 руб.

Енисеецъ.—Сѣверный морской путь. Спб. 98. Стр. 40.

Жано, Поль.—Произвольное зарожденіе и превращеніе видовъ. Перев. съ франц. Спб. 98. Стр. 96. Ц. 40 к.

Жемчужниковъ, А. М.—Стихотворенія, въ двухъ томахъ. Т. I и II, съ портретомъ автора и автобіографическимъ очеркомъ. 2-е изд. Спб. 98. Стр. 226 и 256. Ц. за 2 т.—3 р.

Златковскій, М. Л.—А. Н. Майковъ, біографическій очеркъ, 1821—1897 г. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 122. Ц. 1 р.

Золотаревъ, Л. А.—Устои семьи. Гигіеническія и психологическія условія брака. 2-е изд. М. 98. Стр. 78. Ц. 30 к.

——— Личная и общественная борьба съ развратомъ. М. 1897. Стр. 59. Ц. 30 коп.

Ивановъ, Ив.—Исторія русской критики. Ч. I и II. Спб. 1898. Стр. 509. Ц. 2 руб.

——— Люди и факты западной культуры. Герой современной легенды. Совѣсть въ исторіи одной жизни. М. 98. Стр. 234. Ц. 1 р.

Ивановъ, И. М.—Петръ Великій, его жизнь и государственная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ Петра Великаго, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. (Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова). Спб. 1898. Стр. 95.

Каллашъ, В.—Новые труды по исторіи школы и просвѣщенія. М. 1897. Стр. 65.

——— Черты до-реформеннаго воспитанія. Корнетъ Отлетаевъ, пов. кн. Г. Кугушева. М. 98. Стр. 13.

——— Безсознательно-юмористическое направленіе въ современной педагогической литературѣ. М. 98. Стр. 16.

Клейнъ.—Астрономическіе вечера. Перев. съ 4-го нѣм. изд., съ дополненіями, просмотрѣнными проф. С. П. Глазенапомъ. Около 50 портрет., 250 иллюстрацій, 4 таблицы, 2 карты Луны, Марса, карта звѣзднаго неба и карты движенія главныхъ планетъ въ 1898 г. Спб. 98. Стр. 412. Ц. 2 р.

Ковнеръ, С.—Исторія средневѣковой медицины. Кіевъ, 97. Стр. 602. Ц. 2 р. 40 коп.

Козьма Прутковъ.—Полное собраніе сочиненій, съ портретомъ, fac-simile и біографическими свѣдѣніями. 6-е изд. Спб. 98. Стр. 253. Ц. 2 р.

Колышко, I. — Маленькія мысли „Сѣренькаго". (Прогрессъ. — Долгъ.— Счастье.—Цѣль жизни.—Совѣсть и пр.) Спб. 1898. Стр. 394. Ц. 1 р. 50 к.

Коропчевскій, Д. А.—Времена года. Географическія картинки. М. 1898. Стр. 163.

Круковскій, М.—Самоучитель фотографіи и приготовленіе картинъ для волшебнаго фонаря. Спб. 98. Стр. 128. Ц. 60 к.

Крюковъ, Н. А.—Канада. Сельское хозяйство въ Канадѣ, въ связи съ другими промышленностями. Съ картою и 30 рис. Спб. 97. Стр. 230.

Кузнецова, А. А., и *Кулаковъ*, П. Е.—Минусинскіе и Ачинскіе инородцы. Матеріалы для изученія. Изданіе Енисейскаго Губ. Статистическаго Комитета. Красноярскъ, 1898. X и 298 стр.

Лаппо-Данилевскій, А.—Очеркъ внутренней политики имп. Екатерины II. Спб. 98. Стр. 63.

Левесъ.—Женскіе типы Шекспира. Съ нѣм. А. Страхова. Съ предисловіемъ проф. Н. И. Стороженко. Съ приложеніемъ статьи Доудена: „Женскія типы Шекспира". Перев. съ англ. М. П. Моласъ. Спб. 98. Стр. 312. Ц. 2 р.

Лейденъ, проф. Е. фонъ.—Лекціи современныхъ нѣмецкихъ клиницистовъ: Современное леченіе чахоточныхъ больныхъ и государственное о нихъ попеченіе. Перев. съ нѣм. Ю. Гольдендаха. М. 98. Стр. 28.

Лухманова, Н. А.—О счастьѣ. Спб. 98. Стр. 140.

Мендесъ, Катуллъ.—О поцѣлуяхъ. Перев. съ франц. Спб. 1898. Стр. 15. Ц. 10 коп.

Метенъ, Альберъ.—Соціализмъ въ Англіи. Съ англ. Спб. 1898. Стр. 370. Ц. 1 р. 50 к.

Михайловъ, В.—Переселенцы и переселенческое дѣло въ стерлитамакскомъ уѣздѣ, уфимской губерніи. Уфа, 97. Стр. 282.

Мейеръ, Э.—Экономическое развитіе древняго міра. Съ нѣм. Спб. 1898. Стр. 116. Ц. 60 к.

Морлей, Дж.—Воспитательное значеніе литературы. Съ англ. Спб. 1898. Стр. 39. Ц. 15 к.

Нидерле, д-ръ Люберъ.—Человѣчество въ до-историческія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Перев. съ чеш. Ѳ. Волкова, п. р. Д. Анучина. Съ 459 рис. и картою. Спб. 98. Стр. 655. Ц. 5 р.

Николаевъ, Н. И.—Драматическій театръ въ Кіевѣ. Историческій очеркъ. 1803—1893 гг. Кіевъ, 98. Стр. 212. Ц. 1 р. 50 к.

Нордау, Максъ.—Литературное воображеніе. Съ нѣм. Спб. 1898. Стр. 23. Ц. 25 коп.

Озеровъ, И.—Подоходный налогъ въ Англіи. Экономическія и общественныя условія его существованія. М. 98. Стр. 472. Ц. 2 р. 50 к.

Орлова, О. П.—Два посѣщенія съ дѣтьми Третьяковской Галереи. М. 98. Стр. 88. Ц. 25 к.

Паскаль, Блэзъ.—Письма къ провинціалу. О морали и политикѣ іезуитовъ. Перев. съ примѣч. и введеніемъ, п. р. А. И. Попова. Спб. 98. Стр. 352. Ц. 2 р.

Петражицкій, Л.—Акціонерная компанія. Акціонерныя злоупотребленія и роль акціонерныхъ компаній въ народномъ хозяйствѣ. По поводу предстоящей реформы акціонернаго права. Спб. 98. Стр. 220. Ц. 2 р.

Пландовскій, Вл.—Народная перепись. Спб. 98. Стр. 376. Ц. 2 р. 50 к.

Поллокъ, Ф.—Исторія политическихъ ученій. Съ англ. М. 1898. Стр. 108. Ц. 40 коп.

Поповъ, Г.—Основното образование въ Българія, прѣзъ учеб. 1894—95 г. София, 98. Стр. 162.

Порубальскій, Ив.—Бѣлая неволя. Др. въ 5 д., изъ галицко-русской жизни. Спб. 98 Стр. 89. Ц. 1 р.

Пыпинъ, А. Н.—Исторія русской литературы. Т. II: Древняя письменность.—Времена московскаго царства.—Канунъ преобразованія. Спб. 1898. Стр. 566.

Рабиновичъ, И. М.—Теорія и практика желѣзнодорожнаго права по перевозкѣ грузовъ, багажа и пассажировъ. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 592. Ц. 4 р.

Рудометовъ, М. Д.—Опытъ систематическаго курса по графическимъ искусствамъ. Спб. 97. Стр. 409.

С—в—р—въ, А.—Путевые очерки. 1893—1894. Познань, Бреславль, Вѣна. Варш. 96. Стр. 132. Ц. 50 к.

Слонимскій, Л.—Экономическое ученіе Карла Маркса. Изложеніе и критическій разборъ. Спб. 98. Стр. 211. Ц. 1 р. 25 к.

Совѣтовъ, А., и *Адамовъ*, Н.—Матеріалы по изученію русскихъ почвъ. Вып. XI. Спб. 98. Стр. 220.

Соколовскій, А. Л.—Шекспиръ, въ переводѣ и объясненіи. Въ 8 томахъ, ц. 10 руб.; отдѣльный томъ—1 р. 25 к. Спб. 1894—98 г.

Соколовъ, Н.—Въ дебряхъ Азіи. Очерки путешествія ген.-м. Пѣвцова. Спб. 1898. Стр. 199. Ц. 50 к.

Сорель, Эли.—Исторія Италіи, отъ 1815 г. до смерти Виктора Эммануила.

Перев. съ франц. М. Чепинской. Приложенія. Очеркъ послѣдующихъ событій до нашихъ дней. Состав. В. В. Водовозовъ. Спб. 98. Стр. 410. Ц. 1 р. 50 к.

Спенсеръ, Гербертъ.—Этика половыхъ отношеній. Перев. съ англ. Л. Гельдмерштейнъ. Спб. 98. Стр. 64. Ц. 35 к.

Сперанскій, М. Н.—Памяти Ѳ. И. Буслаева. Рѣчь, прочтенная въ засѣданіи Импер. Общества любителей древней письменности 28-го ноября 1897 г. Спб. 1898. Стр. 24.

Таганцевъ, Н. С.—Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1885 года. Изд. 9-е, пересмотр. и дополн., неоффиціальное. Спб. 1898. Стр. 918. Ц. 4 р. 50 к.

Тарюнскій, В. А.—Къ вопросу о вліяніи лѣсовъ на явленіе града въ Европейской Россіи. М. 93. Стр. 163.

Тенъ-Бриккъ.—Шекспиръ. Лекціи. Перев. П. И. Вейнберга. Спб. 98. Стр. 151. Ц. 75 коп.

Теодоровичъ, Г. А.—Стихотворенія. Витебскъ, 98. Стр. 193.

Тихонравовъ, Н. С.—Сочиненія. Т. II: Русская литература XVII и XVIII вв. М. 98. Стр. 375 и 68.

Френкель, А. С.—Средства для борьбы съ разбоемъ на Кавказѣ. Тифл. 98. Стр. 78. Ц. 75 к.

Хвольсонъ, О. Д.—Курсъ физики. Т. II: Ученіе о звукѣ (Акустика).—Ученіе о лучистой энергіи. Съ 597 рис. въ текстѣ. Спб. 98. Стр. 701. Ц. 5 р.

Черевкова, А. А. (женщина-врачъ).—Очерки современной Японіи. Съ 12 гравюрами. Спб. 1898. Стр. 219. Ц. 1 р. 50 коп.

Чубинскій, М. П.—Общая характеристика новыхъ ученій въ уголовномъ правѣ. Кіевъ, 98. Стр. 24.

Шантопи-де-ла-Соссей, Д. П.—Иллюстрированная исторія религій. Вып. 2. Перев. съ послѣдн. нѣм. изд. п. р. В. Линдъ. М. 98. Стр. 81—160. Въ 4-хъ том., по 5 вып. каждый. Ц. за 4 т.—4 р. по подп.

Шаховская, Люди.—Левъ-Побѣдитель. Первый въ русской литературѣ историч. романъ изъ абиссинской жизни. М. 98. Стр. 397.

Шашковъ, С. С.—Собраніе сочиненій, въ двухъ томахъ. Т. I: Историческія судьбы женщинъ, дѣтоубійство, проституція. Т. II: Историческіе очерки и этюды. Спб. 98. Стр. 890—664. Ц. 4 р.

Шерръ, I.—Переселеніе народовъ. Съ нѣм. Спб. 98. Стр. 32. Ц. 20 к.

*Щеглов*ъ, В. Г.—Графъ Л. Н. Толстой и Фр. Нитцше. Очеркъ философско-нравственнаго ихъ міровоззрѣнія. Яросл. 98. Стр. 243. Ц. 1 р. 25 к.

Ярошъ, К., проф.—Характеры былого времени. Протопопъ Аввакумъ. Казакъ XVI вѣка. Русскій ученый XVIII вѣка. Харьковъ, 1898. Стр. 107.

——— Психологическая параллель. Іоаннъ Грозный и Петръ Великій. Харьковъ, 1898. Стр. 56.

——— Русско-польскія отношенія. Харьковъ, 1898. Стр. 57.

Liepmann, Dr. M.—Die Rechtsphilosophie des Jean Jacques Rousseau. Ein Beitrag zur Geschichte der Staatstheorieen. Berlin. 98. Стр. 144.

— Извѣстія Кавказскаго отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества. Т. X, вып. 11. Тифл. Ц. 75 к.

— Извѣстія Калужской ученой Архивной Коммиссіи. 1898. Вып. II. Подъ ред. И. Четыркина и В. Кашкарова. Кал. 98. Стр. 32. Ц. 50 к.

— Кіевская сельско-хозяйственная и промышленная выставка. Кіевъ, 98. Стр. 360. Съ иллюстр. Ц. 3 р.

— Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній за 1896—97 г. (27-й обзоръ). Спб. 98. Стр. 171. Ц. 25 к.

— Краткія справочныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ русскихъ хозяйствахъ. I. Изд. М. З. и Г. И. Департаментъ Земледѣлія. Спб. 97. Стр. 424.

— Объ устройствѣ электрической тяги на городскихъ желѣзныхъ дорогахъ С.-Петербурга. Съ 2 пл. и 3 черт. Спб. 98. Стр. 141.

— Описаніе документовъ Архива западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ. 1470—1700. Т. I. Спб. 97. Стр. 502.

— Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Правит. Синода. Т. V: 1725 годъ. Спб. 97. Стр. 672 и DLXXXIII, съ Алфавитомъ собств. именъ.

— Памятная Книжка Енисейской губерніи съ Адресъ-Календаремъ. Красноярскъ, 98. Стр. 146.

— Сборникъ консульскихъ донесеній. Вып. I. 1898 г. Изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ. Спб. 98. Стр. 90.

— Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія. Вып. 1: Задачи и основы семейнаго воспитанія. Спб. 98. Стр. 41. Ц. 30 к.

— Энциклопедическій Словарь. Т. XXII, А, и XXIII (кн. 44 и 45): Оуэнъ—Петропавловскій. Спб. 98. Стр. 481—960 и 474.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Emile Zola, Paris. Par. 1898. Стр. 608.

Послѣдній романъ Зола появляется въ такой моментъ, когда безпристрастная и чисто литературная оцѣнка его становится весьма трудной. Въ романѣ „Парижъ" Зола подходитъ ближе, чѣмъ въ какомъ-либо изъ прежнихъ своихъ произведеній, къ непосредственной французской дѣйствительности. Въ прежнихъ романахъ онъ нѣсколько отдалялъ событія отъ современности, изображая Парижъ и Францію времени имперіи. Теперь, въ послѣднемъ романѣ своей „трилогіи городовъ", онъ приблизился къ текущей жизни, ко вчерашнему, если не къ сегодняшнему и отчасти не завтрашнему дню. По своей натурѣ, Зола—несомнѣнный моралистъ, извлекающій изъ всѣхъ явленій жизни поучительную сторону, отыскивающій въ исторіи уроки для человѣчества. Онъ поэтому не могъ ограничиться изображеніемъ прошлаго, а долженъ былъ подойти извнѣ къ самой дѣйствительности и судить ее передъ трибуналомъ достигнутой имъ житейской мудрости. Замѣтимъ, что только теперь, приближаясь къ завершенію своей писательской дѣятельности, Зола рѣшился на смѣлую и отвѣтственную роль судьи своего времени. Никто изъ большихъ французскихъ художниковъ не подводилъ итоговъ современной жизни такъ широко и такъ твердо, какъ Зола. Никто не рѣшался писать эпопею текущей жизни, изображая—не отдѣльные уголки дѣйствительности, а широкую картину, въ которую входятъ всѣ интересы и рисуются всѣ элементы, всѣ ясныя и скрытыя язвы, а также и все величіе даннаго историческаго момента.

Зола, впрочемъ, не столько историкъ въ своей эпопеѣ современнаго Парижа, сколько моралистъ, для котораго жизнь даетъ матеріалъ, освѣщающій извѣстные нравственные принципы. Безотрадная картина всеобщаго растлѣнія нравовъ приводитъ его къ жизнерадостной проповѣди труда и любви; проповѣдь эта—центръ романа. Автора приходится, поэтому, оцѣнивать не только какъ художника, но какъ проповѣдника; онъ говоритъ о спасительномъ евангеліи труда и о любви къ человѣчеству среди общества, въ которомъ эти слова утратили всякое

значеніе. Самымъ важнымъ вопросомъ является поэтому вопросъ объ искренности проповѣдника. Что̀ значитъ оптимистическій выводъ Зола̀? Литературный ли это пріемъ, склонность ли къ сентиментальнымъ словамъ, или искренность убѣжденія?

Въ „Парижѣ", какъ сказано выше, Зола̀ совсѣмъ близко подошелъ къ событіямъ дня; онъ почти захватилъ то, что̀ могло случиться нѣсколько позже, когда романъ уже появился въ свѣтъ. Вся политическая и судебная трагедія, разыгравшаяся за послѣдніе мѣсяцы, могла бы стать одною изъ главъ романа и напомнила бы нѣкоторые изображенные тамъ эпизоды, по общности страстей и жизненныхъ принциповъ дѣйствующихъ лицъ. Самъ Зола̀ могъ бы быть однимъ изъ героевъ своего романа вмѣстѣ съ изображенными имъ проповѣдниками религіи человѣчества, а противники Зола̀ въ палатѣ и на судѣ вполнѣ соотвѣтствовали бы представленнымъ въ романѣ политическимъ людямъ и дѣльцамъ всевозможныхъ направленій и болѣе или менѣе одинаковаго нравственнаго уровня. Поведеніе Зола̀ въ недавнемъ процессѣ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ искренности его въ романѣ, судящемъ современное общество, а искренность романиста имѣетъ въ данномъ случаѣ первостепенное значеніе. Вотъ почему „Парижъ"—романъ чисто общественный. Идея автора важна независимо отъ художественности, съ которою она воплощена. Если тотъ философскій и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто практическій выводъ, къ которому приходятъ герои Зола̀, вполнѣ продуманъ и внутренно прочувствованъ авторомъ, кажется ему въ самомъ дѣлѣ правильнымъ рѣшеніемъ, то проповѣдь эта заслуживаетъ вниманія, какъ бы она ни казалась мало еще убѣдительной, слабой. Въ большинствѣ случаевъ оптимизмъ французскихъ писателей сводится къ сентиментальности и свидѣтельствуетъ объ ихъ чисто буржуазномъ отношеніи къ вопросамъ жизни и духа. Самого Зола̀ нерѣдко обвиняли въ буржуазности и сентиментальности. Теперь же внезапная вспышка страстнаго негодованія обнаружила въ немъ несомнѣнную способность къ увлеченіямъ. Это наглядное проявленіе его личной натуры придало особенное значеніе проповѣди, которая заключена въ романѣ „Парижъ". Нѣтъ теперь ни малѣйшаго повода обвинять Зола̀ въ риторичности и напускной сентиментальности, и къ практическому выводу, который составляетъ заключеніе его романа, нужно отнестись совершенно серьезно.

„Парижъ", какъ извѣстно, составляетъ послѣднюю часть трилогіи: Лурдъ, Римъ, Парижъ. Во всѣхъ трехъ романахъ одинъ и тотъ же герой—аббатъ Пьеръ Фроманъ. Исторія трехъ городовъ, воплощающихъ каждый цѣлое міросозерцаніе, объединена исторіей человѣческой души, которая проходитъ три ступени развитія прежде, чѣмъ утвердиться въ самостоятельномъ твердомъ пониманіи жизни. Идея

„Парижа“, также какъ и двухъ прежнихъ романовъ, очень ясно выражена, и Зола слишкомъ часто ее выясняетъ и развиваетъ, чтобы оставались какія-либо сомнѣнія. Аббатъ Фроманъ былъ сначала вѣрующимъ сыномъ католической церкви и задался вопросами о жизненномъ значеніи этой религіи, о томъ, можетъ ли она составить прочную основу національной жизни. Онъ хочетъ примирить требованія современнаго, искушеннаго знаніемъ, разума—съ ученіемъ церкви, и когда онъ ближе подходитъ къ своей задачѣ, то все болѣе и болѣе овладѣваютъ имъ сомнѣнія. Въ немъ исчезаетъ вѣра, и для того, чтобы воскресить ее, онъ дѣлаетъ двѣ попытки; первая заключается въ томъ, что онъ отправляется въ Лурдъ, „искать наивной вѣры ребенка“, который молится на колѣняхъ, первобытной вѣры молодыхъ народовъ, объятыхъ ужасомъ своего невѣжества“. Но тамъ онъ еще болѣе возмутился противъ возвеличенія явнаго обмана и паденія здраваго смысла; онъ еще болѣе убѣдился, что спасеніе и миръ людей и народовъ не можетъ заключаться въ одномъ дѣтскомъ отрицаніи разума.

Затѣмъ, чувствуя снова необходимость любви, но не желая, однако, поступиться ради нея требованіями разума, онъ повторилъ свой опытъ и отправился въ Римъ съ надеждой на то, что католицизмъ способенъ перегодиться, вернуться къ духу первыхъ христіанскихъ временъ, стать религіей демократіи и сдѣлаться той вѣрой, „которую такъ нетерпѣливо ждетъ измученное человѣчество, чтобы успокоиться въ ней и продолжать жить“. Обновленіе и спасеніе міра путемъ возрожденія первобытнаго христіанства въ католичествѣ было тѣмъ ученіемъ, которое аббатъ Фроманъ изложилъ въ своей книгѣ; онъ отправился въ Римъ, надѣясь склонить на свою сторону папу и положить начало новой реформаціонной порѣ. Но въ Римѣ онъ нашелъ „однѣ только развалины, сгнившій стволъ дерева, неспособнаго къ новой веснѣ“. Онъ услышалъ тамъ только послѣдній трескъ стараго общественнаго зданія, готоваго развалиться; его собственныя теоріи встрѣтили недоброжелательство, непониманіе и упрямый отпоръ во имя церковнаго авторитета и церковныхъ интересовъ. Римъ, неспособный къ возрожденію, показался ему умирающимъ среди развалинъ и пыли мертвыхъ вѣрованій.

Такимъ образомъ, онъ возвращается въ Парижъ, еще болѣе утративъ вѣру, чѣмъ до своихъ попытокъ. Зола изобразилъ теперь третью попытку молодого аббата, которому такъ трудно отрѣшиться отъ прежней вѣры, и показываетъ результатъ его исканій. Фроманъ окончательно утратилъ внутреннюю связь съ католичествомъ; ему тяжело исполнять обязанности священника, когда душа его мертва для слова и велѣній церкви, но онъ остается патеромъ, потому что также вѣритъ въ непосредственно-житейское значеніе церкви; но,

вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ явилась вѣра въ милосердіе и любовь къ людямъ. Онъ считаетъ, что это можетъ служить твердой основой жизни, и что нужно исполнять велѣнія человѣколюбія и проповѣдывать его. Аббатъ Фроманъ скоро разочаровывается и въ этой последней опорѣ своихъ вѣрованій. Благотворительность и любовь, проявляющаяся въ помощи отдѣльнымъ жертвамъ судьбы, оказываются слишкомъ безсильными въ борьбѣ съ общественнымъ зломъ. Аббату Фроману, посвятившему себя роли общественнаго благотворителя, приходится видѣть такой океанъ страданій и неискоренимой нужды, такіе контрасты общественныхъ положеній, что онъ понимаетъ наивность своей затѣи—спасти міръ безъ какого-нибудь коренного переворота въ отношеніяхъ людей и состояній. Жизнь Парижа со всѣми ея общественными смутами и треволненіями показываетъ ему еще одинъ новый элементъ въ развитіи человѣчества—протестъ угнетенныхъ путемъ насилія, развитіе анархіи, бросаніе бомбъ. Невинныя жертвы покушеній глубоко смущаютъ Фромана, тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ возможность хорошо знать виновниковъ этихъ покушеній. Онъ самъ убѣдился, что они не изверги, какими ихъ рисуютъ на судѣ, а жалкіе, но добродушные люди, доведенные лишь до отчаянія и возмущенія бѣдностью. Путемъ этихъ различныхъ опытовъ, знакомствомъ со всѣми классами, съ богатой буржуазіей, которая ему нужна въ дѣлахъ благотворительности, съ политическимъ міромъ, съ трудящимися, угнетенными нищетой и, наконецъ, съ единственно здоровымъ элементомъ общества, съ людьми труда, науки, мирно и твердо свершающими спокойное дѣло прогресса, Фроманъ приходитъ къ окончательному своему рѣшенію. Отъ католичества онъ совершенно отказывается. Послѣ долгой внутренней борьбы онъ похоронилъ въ себѣ вѣру въ отвлеченное и предался исключительно служенію человѣчеству. Любимая имъ дѣвушка, спокойная въ своемъ невѣріи и не придающая значенія его духовному сану, говоритъ ему однажды, когда онъ запутался въ рясѣ: „почему вы ее не снимете“? Эти простыя слова открываютъ ему пропасть, которая незамѣтно образовалась между его внутренней жизнью и сохранившимися привычками служителя церкви. Онъ сбрасываетъ рясу, перестаетъ вѣрить даже въ благотворительность, заставляющую мириться съ эксплуатаціей однихъ классовъ другими, и весь обращается къ новому идеалу. Анархія, дѣйствующая путемъ насилія, есть для него такое же зло, какъ и эксплуатація рабочихъ буржуазіею. Онъ вѣритъ только въ дѣло любви и труда, въ торжество науки и жизни. Ему удается отвратить своего брата отъ задуманнаго имъ чудовищнаго взрыва базилики Sacré-Coeur, въ которой столпились тысячи молящихся. То же страшное взрывчатое вещество, которое должно было послужить дѣлу разрушенія, Гильомъ,

братъ Пьера, проникнувшись его проповѣдью любви, обращаетъ на пользу человѣчества, на усовершенствованіе способовъ передвиженія. Только этимъ путемъ культурнаго прогресса можетъ быть достигнуто спасеніе человѣчества. Увѣровавши въ это, герой Золà успокаивается на своей проповѣди человѣколюбія и труда. Онъ самъ женился, и въ эпилогѣ романа молодая, крѣпкая и здоровая жена Пьера подноситъ къ окну своего двухмѣсячнаго сына, показываетъ ему залитый золотымъ дождемъ заката Парижъ, какъ его будущую жатву. Все нездоровое, все сгнившее въ развратѣ и порокахъ, всѣ отдѣльные кварталы Парижа, гдѣ накоплены вѣками человѣческія страданія и вся грязь человѣчества, кажутся примиренному съ жизнью моралисту только необходимыми элементами будущей жатвы,—тѣмъ, что̀ исчезнетъ, подготовивъ почву торжеству науки, любви и добра.

Вотъ каковъ торжествующій конецъ романа Золà, посвященнаго описанію растлѣнія нравовъ и страдающихъ жертвъ общества. Странно, быть можетъ, звучитъ этотъ оптимистическій выводъ изъ чрезвычайно реальнаго и сильнаго изображенія современной французской жизни. Золà почерпнулъ ученіе о спасительности труда оттуда же, откуда взяты имъ описанія отрицательныхъ сторонъ общественнаго быта Франціи. Но откуда эта увѣренность въ побѣдѣ одного начала надъ другимъ? Онъ наблюдаетъ безкорыстныхъ работниковъ жизни, твердыхъ въ исполненіи своего человѣческаго долга, но ни ихъ работа, ни торжество науки, ни человѣколюбіе, въ которое вѣритъ Золà и которое онъ находитъ въ сердцахъ людей, не мѣняло до сихъ поръ картины всеобщаго нравственнаго упадка. Почему же онъ думаетъ, что будущее дастъ побѣду свѣтлымъ сторонамъ жизни, и что эта побѣда совершится во имя тѣхъ же принциповъ, которые живы въ людяхъ и теперь? Это остается невыясненнымъ.

По художественнымъ пріемамъ, новый романъ Золà мало отличается отъ прежнихъ. На первый планъ выступаетъ описаніе среды, и такъ какъ на этотъ разъ среда очень обширна—весь Парижъ, а не только какой-нибудь изъ его уголковъ,—то Золà приходится прибѣгать еще къ болѣе искусственнымъ пріемамъ, чѣмъ обыкновенно, для того, чтобы нанизывать картины одну за другой и проводить ихъ передъ глазами читателя. Эта смѣна картинъ дѣлаетъ романъ похожимъ на драматическую пьесу. Золà выбираетъ изъ каждой среды нѣсколько характерныхъ лицъ и затѣмъ комбинируетъ ихъ образъ жизни такъ, чтобы всѣ они въ извѣстные часы сталкивались въ разныхъ мѣстахъ, воплощая контрастомъ своихъ существованій взаимныя отношенія классовъ, къ которымъ они принадлежатъ. Посредствующимъ звеномъ всѣхъ этихъ жизней, которыя въ дѣйствительности не могли бы столк-

нуться такъ близко, служитъ аббатъ Пьеръ, занятый благотворительными дѣлами.

Первыя двѣ части „Парижа“ составляютъ описаніе одного дня аббата Пьера. Начинается день съ того, что молодой аббатъ въ послѣдній разъ служитъ раннюю обѣдню, и заканчивается тѣмъ, что поздно ночью онъ привозитъ въ свой загородный домикъ старшаго брата, химика, раненнаго взрывомъ бомбы, и вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти виновника этого взрыва. Въ промежуткѣ аббатъ Пьеръ знакомится съ семьей нищихъ рабочихъ, видитъ вблизи анархиста, идущаго мстить обществу, затѣмъ попадаетъ къ богачу-банкиру на роскошный завтракъ, оттуда—въ палату, гдѣ видитъ вблизи „кухню“ политики, затѣмъ на благотворительный базаръ, гдѣ все тѣ же люди преслѣдуютъ тѣ же мелкія цѣли, ищутъ наслажденій наперекоръ всѣмъ требованіямъ нравственности, и вмѣстѣ съ тѣмъ страдаютъ каждый отъ какой-нибудь скрытой позорной язвы. И затѣмъ, на протяженіи романа идетъ тотъ же параллелизмъ: распутство наверху, ожесточенный гнѣвъ внизу, пресыщеніе и голодъ, сталкивающіеся безпрестанно, картина разгула и интригъ, нищеты и мести. Всѣ эти контрасты Зола̀ старается воплотить возможно меньшимъ количествомъ лицъ, вслѣдствіе чего каждый является своего рода эмблемой, и постоянныя столкновенія людей, вопреки реальнымъ условіямъ жизни, превращаются не то въ водевильную сцену, не то въ аллегорію. Когда въ ресторанѣ Булонскаго-Лѣса въ одно и то же время сходятся: анархистъ, настигнутый полиціей, его тайные сообщники, которыхъ онъ не хочетъ выдать и не выдаетъ, жена банкира, противъ котораго направлено было покушеніе, и ея возлюбленный—женихъ ея дочери; затѣмъ, сынъ того же банкира съ другой дамой и еще другія лица,—то всѣ эти встрѣчи хотя и рисуютъ кошемаръ Парижа, но слишкомъ уклоняются отъ реальности, точно такъ же, какъ и всѣ дальнѣйшія перекочевыванія этихъ представителей разныхъ классовъ общества, то въ Монмартрскіе кабачки, то въ Comédie Française, то на пышную свадьбу и т. д. Зола̀ также повторяетъ въ „Парижѣ“ положенія, взятыя изъ прежнихъ романовъ; такъ, напримѣръ, когда владѣльцу фабрики горячо жалуются на несчастное положеніе одного изъ рабочихъ, онъ говоритъ, что есть несчастья болѣе страшныя, чѣмъ нищета, думая при этомъ о самомъ себѣ, о своей безумной и горячо любимой женѣ, съ которой онъ проводитъ взаперти всю свою жизнь. Это прямо повтореніе извѣстной сцены „Жерминаля“, гдѣ во время разгрома фабрики директоръ ея безумствуетъ въ комнатѣ измѣнившей ему жены. Точно также эмблематическія описанія внѣшняго Парижа при различномъ освѣщеніи напоминаютъ всѣ прежнія описанія того же рода.

Таковы художественные недочеты романа, напоминающаго по

пріемамъ и общему характеру всѣ прежніе романы Зола̀. Главное же достоинство „Парижа“—въ томъ, что въ немъ отразился духъ парижской жизни, призрачность, ужасъ ея и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то неувядаемость жизни, всегда способной сложиться совершенно по-иному. Эту бодрость французскаго духа, замѣтную среди величайшаго паденія общества, Зола̀ воспринялъ своимъ художественнымъ чутьемъ и воплотилъ ее очень смѣло и очень широко. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ такъ близко подошелъ къ событіямъ дня, такъ вѣрно понялъ настроеніе общества, что нѣкоторыя явленія имъ прямо предугаданы. Если финансовая исторія, которую онъ изображаетъ, и напоминаетъ панамскія дѣла, то другое центральное событіе его романа—переходъ католическаго патера къ отрицанію церкви во имя человѣколюбія и нравственности — иллюстрируется недавнимъ примѣромъ аббата Шарбонеля, сбросившаго рясу и сохранившаго въ душѣ религіозное чувство.

II.

H. Sudermann. Johannes. Tragödie. Stuttgart, 1898. Стр. 158.

Новая драма Зудермана очень современна въ виду того, что одною изъ чертъ современности является тяготѣніе къ евангельскимъ сюжетамъ. Объясненія отдѣльныхъ эпизодовъ величайшей драмы человѣчества близкими и понятными намъ психологическими мотивами привлекаетъ современныхъ поэтовъ, романистовъ и драматурговъ такъ же, какъ въ періодъ Возрожденія эти сюжеты привлекали живописцевъ и скульпторовъ. Конечно, возвращеніе художниковъ къ евангельскимъ темамъ объясняется, главнымъ образомъ, ихъ символичностью. Всякое новое міросозерцаніе черпаетъ въ близко знакомыхъ образахъ объясненіе своихъ собственныхъ идей и чувствъ. Драма Зудермана—„Johannes“—служитъ примѣромъ своеобразнаго и очень современнаго толкованія евангельскихъ событій. Исторія Іоанна Крестителя послужила сравнительно недавно темой драмы „Саломея“ англійскаго поэта, и въ художественномъ отношеніи „Саломея“ выше драмы Зудермана. Центромъ дѣйствія тамъ являлась дочь Иродіады и ея мучительная, кровожадная любовь къ пророку, который отослалъ ее въ пустыню къ Учителю. Страстный монологъ Саломеи, обращенный къ мертвой головѣ Крестителя, по своей смѣлости и ядовитой красотѣ можетъ поспорить только съ нѣкоторыми страницами Флобера. Пьеса Зудермана не имѣетъ той же яркости и не поражаетъ такъ сильно воображеніе. Она задумана гораздо тише, спокойнѣе, но по-своему интересна не столько художественностью исполненія, сколько оригиналь-

ной попыткой объяснить психологію Іоанна Крестителя — мотивами, понятными современному человѣку.

Событія, изображенныя въ драмѣ, немногочисленны: гнѣвъ Іоанна противъ грѣховности Ирода, подготовленіе народа къ возмущенію, встрѣча съ Саломеей и матерью ея, попытка соблазнить Іоанна и казнь послѣдняго. Всѣ эти событія служатъ для того, чтобы освѣтить своеобразно задуманную личность Іоанна Крестителя. Зудерманъ рисуетъ его не убѣжденнымъ вѣщателемъ истины, которую онъ постигъ, и въ которую онъ вѣритъ, а человѣкомъ, въ которомъ двоится душа. Какая-то стихійная сила заставляетъ его проповѣдывать словомъ и дѣломъ непонятное ему самому ученіе любви, между тѣмъ какъ его сознаніе направлено на борьбу противъ зла путемъ насилія и гнѣва. Эта борьба между двумя противоположными стихійными силами, подчиненіе непонятному внутреннему долгу и тревожное исканіе божества, дѣлаетъ Зудермановскаго „Іоанна“ поэтическимъ воплощеніемъ человѣчества, которое также, помимо своей воли, вѣщаетъ о высшемъ началѣ жизни и также не понимаетъ, въ чемъ заключается дѣло любви, и почему оно такъ властно зоветъ на служеніе себѣ и такъ же неустанно стремится познать разумомъ святыню, которая безсознательно живетъ въ душѣ.

Іоаннъ у Зудермана живетъ и дѣйствуетъ съ проповѣдью о любви въ душѣ и съ словами гнѣва на устахъ. Вокругъ него всѣ говорятъ о любви, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ любовь эта возбуждаетъ въ немъ негодованіе, кажется ему грѣхомъ. Но онъ самъ также явился возвѣстить людямъ о грядущемъ источникѣ любви—и событія показываютъ, что ничего, кромѣ дѣла любви, ему не дано совершать, что онъ не можетъ стать судьей и карателемъ. Когда Іоаннъ начинаетъ свою проповѣдь въ Іудеѣ, предъ нимъ только слабые и немощные, и, говоря имъ о грядущемъ пришествіи Христа, онъ съ пренебреженіемъ относится къ ихъ мелкому человѣческому нетерпѣнію, къ ихъ непониманію истиннаго свѣта. Но пророческій гнѣвъ его возгорается, когда онъ узнаетъ о готовящемся торжествѣ грѣха, о томъ, что Иродіада должна вступить въ храмъ вмѣстѣ съ Иродомъ — братомъ ея мужа. Возбудить народъ противъ торжествующаго грѣха, разбудить спящія сердца, ободрить лѣнивыхъ и указать блуждающимъ путь — вотъ задача, которую ставитъ себѣ Іоаннъ, вѣрный своему призванію Возвѣстителя, а не Исполнителя. Народъ возбужденъ противъ Ирода, и Іоанну кажется, что дѣло его въ Іерусалимѣ закончено. Но онъ ошибается: отъ него требуютъ не словъ, а дѣяній — и въ этомъ его погибель. Иродъ и его семья оказываются посланнымъ ему судьбой камнемъ преткновенія, о который онъ оступается и падаетъ. Въ тотъ моментъ, когда изъ вѣщателя и орудія владѣющей имъ воли Іоаннъ

становится вождемъ возстанія и въ общую игру страстей вноситъ свою собственную ненависть къ грѣху, онъ измѣняетъ своему призванію, и все обращается противъ него. Кто рѣшается стать судьею надъ людьми,—говоритъ ему Иродіада,—тотъ долженъ принять участіе въ ихъ дѣлахъ и быть человѣкомъ среди людей. Такъ оно и оказывается. Думая, что злобой и местью можно побѣдить грѣхъ и приготовить путь любви, Іоаннъ все болѣе и болѣе запутывается въ земномъ и человѣческомъ пониманіи того, что̀ люди считаютъ любовью, и только въ рѣшительныя минуты просыпается въ немъ инстинктивное и вѣрное пониманіе высшей воли.

Въ пьесѣ Зудермана Іоаннъ видитъ вокругъ себя нѣсколько проявленій того, что̀ люди называютъ любовью. Когда жрецы и фарисеи говорятъ ему о законѣ, онъ говоритъ, что съ закономъ, блюстителями котораго они являются, онъ не имѣетъ ничего общаго. Но въ то время, какъ онъ говоритъ собравшимся представителямъ власти о своей ненависти къ нимъ, онъ тутъ же поддается другому стихійному началу своей души и вспоминаетъ о своемъ призваніи.—Матвѣй, Іосафатъ,—говоритъ онъ своимъ ученикамъ:—не правда ли, Онъ говорилъ: любовь?—Затѣмъ, любовь представляется ему въ образѣ двухъ женщинъ: Иродіады и Саломеи. Иродіада говоритъ ему о человѣческихъ страстяхъ и людяхъ, которые умираютъ изъ любви, и онъ отвѣчаетъ ей проклятіями. Въ людяхъ живутъ страсти и живетъ духовная жажда; страстей народа и толпы Іоаннъ не знаетъ, но духовная жажда людей ему понятна, потому что онъ ее создалъ. И во имя ея онъ опять шлетъ проклятія и готовъ быть вождемъ возбужденной гнѣвомъ толпы. Еще одинъ примѣръ земной любви представляется Іоанну въ семьѣ, среди которой онъ проводитъ праздникъ пасхи: жена Іосафата, котораго онъ увлекъ на служеніе Христу, молитъ его о томъ, чтобы онъ вернулъ ей мужа, а дѣтямъ—ихъ отца. И опять пророкъ, въ душѣ котораго тоже борются земной гнѣвъ и божественная любовь, слышитъ о любви изъ наивныхъ человѣческихъ устъ.—И ты также одна изъ тѣхъ,—говоритъ ей Іоаннъ,—для которыхъ любовь выше закона и жертвы?—Но ропотъ жертвъ и мятежъ страстей не останавливаютъ Іоанна на его пути. Онъ хочетъ привести толпу къ Богу, котораго онъ самъ ищетъ и не можетъ найти, тщетно посылая за Нимъ учениковъ. Онъ хочетъ очистить ему путь въ Іерусалимъ и искоренить тамъ грѣхъ. Ему кажется, что дѣло гнѣва необходимо: „Я знаю васъ, но любить я васъ не хочу; я хочу судить васъ во имя того... во имя кого? не знаете ли вы“? И вотъ наступаетъ день, когда должно свершиться подготовляемое Іоанномъ возмущеніе, когда онъ долженъ бросить первый камень въ Ирода, вступающаго въ храмъ, чтобы за нимъ и всѣ другіе въ свою очередь забросали камнями преступнаго царя.

Но, приготовляясь стать судьей, Іоаннъ не увѣренъ въ себѣ. Онъ ждетъ божественнаго откровенія и посылаетъ всѣхъ искать Галилеянина. Онъ всѣхъ разспрашиваетъ, кто только видѣлъ Христа, и ждетъ, чтобы Онъ пришелъ и къ нему. Въ тотъ моментъ, когда входитъ Иродъ, Іоаннъ дѣйствуетъ уже только подъ вліяніемъ управляющей имъ божественной воли, т.-е. стихійной силы своей души. Онъ поднимаетъ камень и говоритъ твердымъ голосомъ: „Во имя того"... (хочетъ поднять камень, останавливается какъ разбитый и говоритъ полувопросительно:—кто мнѣ повелѣваетъ—любить—тебя? (камень падаетъ изъ его рукъ).

Эта сцена завершаетъ психологію Іоанна, какъ ее понялъ Зудерманъ. Въ борьбѣ стихійности и сознанія одерживаетъ верхъ стихійная правда души—и всякій поступокъ заканчивается вопросомъ. Послѣдніе два акта — неудачная попытка Саломеи соблазнить Іоанна и казнь послѣдняго—являются уже не дальнѣйшимъ развитіемъ его характера, а выводомъ изъ внутренней трагедіи его души. Онъ понялъ тщету своей борьбы, понялъ, что совершать и дѣйствовать ему, только ведущему къ правдѣ, но не знающему ея, не дано. Первая попытка быть судьей вовлекла его въ суету человѣческихъ страстей, сломила его силу и ведетъ его къ окончательной гибели. Послѣдняя вспышка его возмущеннаго духа проявляется въ разговорѣ съ учениками. Они требуютъ отъ него чего-нибудь положительнаго взамѣнъ отвергнутаго имъ закона. Онъ же знаетъ, что все его заблужденіе было въ томъ, что онъ поддался на время ихъ требованіямъ и сталъ дѣйствовать. „Я законъ взялъ у васъ"?—говоритъ онъ ученикамъ.—„Душа моя устала отъ борьбы съ закономъ, чело мое до крови расшиблось о стѣны его; вы же раскрыли уста, чтобы спасеніе влетѣло въ нихъ, какъ жареный голубь. Вы поднимали глаза ко мнѣ, пока я стоялъ на ногахъ, и теперь трусливо уходите отъ меня, когда я падаю. Не для себя я палъ, а для васъ. Для васъ это было долгомъ и зрѣлищемъ; для меня—хотѣніемъ и борьбой. Взгляните на меня: два раза сегодня я видѣлъ грѣхъ въ лицо, но онъ кажется мнѣ теперь прекраснымъ, потому что въ васъ я вижу худшій грѣхъ. Вѣроломны вы теперь, и были, и будете вѣроломны. Вы люди, которые ищутъ пользы, и удобряете ваши поля кровью умершихъ за васъ. Подите, я пресыщенъ вами".

Ученики понимаютъ, что Іоаннъ перешелъ границу дозволеннаго, выйдя изъ роли пророка, и уходятъ отъ его земного гнѣва къ божественной любви Христа. Іоаннъ же, понявъ свое заблужденіе, пріемлетъ кару и спокойно покоряется событіямъ. Онъ радъ близости смерти, жаждетъ только откровенія свыше и чувствуетъ одновременно и приближеніе своей смерти, и вступленіе

Христа въ Іерусалимъ. Миссія Іоанна кончается въ тотъ моментъ, когда долженъ придти Тотъ, Кого онъ предвѣщалъ. И только въ этотъ конечный моментъ Іоаннъ понялъ смыслъ той стихійной воли, которая удерживала его отъ гнѣвныхъ поступковъ и заставляла говорить совсѣмъ не тѣ слова, какія вытекали изъ его поступковъ. Теперь онъ прозрѣлъ: „Свѣтъ показался надъ горами",—говоритъ онъ:—„отраденъ этотъ свѣтъ, и я начинаю понимать смыслъ того, что̀ казалось противорѣчіемъ. Кто можетъ спасти міръ? Только тотъ, кто принесетъ ему въ даръ недостижимое... Мы теперь въ Галилеѣ, и не знаете ли вы, гдѣ учитъ теперь Іисусъ Назареянинъ"? Когда же Іоаннъ узнаетъ отъ учениковъ, что Христосъ приближается къ городу, онъ говоритъ, что дѣло его закончено, и что онъ долженъ умереть. Но предъ смертью онъ хотѣлъ бы еще разъ услышать привѣтное слово Учителя, и онъ посылаетъ къ Нему учениковъ. Когда наступаетъ послѣдній часъ Іоанна, и мстительная Саломея рѣшаетъ его участь, онъ радъ смертному приговору, но проситъ отсрочки, чтобы услышать еще отвѣтъ отъ Христа, къ Которому онъ послалъ своихъ учениковъ. Они приходятъ съ отвѣтной вѣстью, и слова Христа, порицающія гнѣвъ, заставляютъ Іоанна еще разъ оглянуться на себя и на свое дѣло и понять, въ чемъ было заблужденіе. „Я во гнѣвѣ служилъ Ему",—говоритъ онъ, „потому что я не понялъ Его, и гнѣвъ мой наполнилъ міръ, потому что я не понималъ Его. Вы всѣ свидѣтели, что я не называлъ себя Христомъ, а только его посланникомъ. Но человѣкъ ничего не долженъ брать на себя, что̀ не дано ему небомъ, а мнѣ ничего дано не было. Ключи смерти не были мнѣ даны. Мнѣ не было довѣрено взвѣшивать вину людей. Названіе вины должно звучать только въ устахъ любящихъ. Я же хотѣлъ спасти васъ желѣзнымъ бичомъ. Поэтому царство мое стало тѣнью, и голосъ мой изсякъ. Я слышу вокругъ себя громкій шумъ, и блаженный свѣтъ окружаетъ меня. Съ неба спускается тронъ на огненномъ подножіи, и на немъ сидитъ въ бѣлыхъ одеждахъ Царь міра; „любовь" составляетъ Его мечъ, и „состраданіе"—Его военный кличъ"...

Таковы въ пьесѣ послѣднія слова Іоанна передъ казнью. Зудерманъ заканчиваетъ трагедію проповѣдью любви, предвозвѣстникомъ и служителемъ которой Іоаннъ былъ совершенно безсознательно, несмотря на слова, полныя желчи и гнѣва. На примѣрѣ евангельскаго пророка Зудерманъ хотѣлъ показать сплетеніе противоположныхъ силъ въ человѣкѣ, безконечно сильномъ своими порывами и слабомъ въ своихъ дѣяніяхъ. Никакой морали Зудерманъ не выводитъ изъ разработаннаго имъ евангельскаго эпизода. Поучительность судьбы Іоанна заключается для него отчасти въ томъ, что Іоаннъ погибъ, не внявъ громко гово-

рящему въ немъ голосу Христа. Но выводъ этотъ чисто психологическій: Іоаннъ у Зудермана и не могъ внять голосу Христа, потому что не понималъ Его до конечной катастрофы; человѣкъ можетъ только смутно чувствовать въ себѣ голосъ высшей правды, но слѣдуетъ ей только въ минуты просвѣтленія.

Въ художественномъ отношеніи драма Зудермана стоитъ ниже его психологическихъ драмъ. Онъ вноситъ намѣренную сухость въ изложеніе сюжета, какъ бы для того, чтобы внутреннее содержаніе торжествовало надъ формой. Но эта намѣренная простота чувствуется и создаетъ искусственный, непріятный сѣрый колоритъ.—З. В.

НЕКРОЛОГЪ.

А. А. Рихтеръ.

4-го марта, въ Петербургѣ скончался Александръ Александровичъ Рихтеръ — одинъ изъ выдающихся общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, съ большими заслугами, особенно по крестьянскому и податному дѣлу. Это былъ человѣкъ много знающій, опытный, а главное, необыкновенно искренній, душа, способности и заботы котораго постоянно обращены были къ задачѣ — приносить наибольшую фактическую пользу главной массѣ населенія. Память такого человѣка нельзя не почтить выраженіемъ самаго искренняго уваженія; нельзя проводить его въ могилу безъ искренняго чувства сожалѣнія и сознанія, что въ лицѣ его мы теряемъ человѣка, какіе насчитываются единицами.

А. А. Рихтеръ началъ свою дѣятельность въ сферѣ крестьянскаго дѣла и въ молодости былъ мировымъ посредникомъ самарской губерніи. На немъ крестьянское дѣло съ особою полнотою выразило присущее ему характерное свойство: втягивать живыхъ, отзывчивыхъ людей въ народные интересы на всю жизнь и побуждать ихъ искать въ каждомъ случаѣ не бумажныхъ, не кажущихся только, а наиболѣе дѣйствительныхъ результатовъ,—людей способныхъ на самомъ дѣлѣ почувствовать себя тѣмъ рядовымъ обывателемъ, котораго имѣютъ въ виду тѣ или другія мѣры. При переходѣ изъ законодательной сферы въ сферу практической, обыденной жизни, всякія мѣры выдерживаютъ испытанія, встрѣчая препятствія и разныя жизненныя осложненія, часто измѣняющія ихъ дѣйствіе, и отсюда возникаетъ необходимость какъ можно серьезнѣе взвѣшивать практическія, бытовыя условія, чтобы слово становилось дѣйствительнымъ дѣломъ; а съ такими условіями много знакомитъ именно опытъ крестьянскаго дѣла. И когда впослѣдствіи А. А. Рихтеру приходилось заниматься дѣлами, касавшимися народнаго интереса, онъ, независимо отъ принципіальной стороны дѣла, всегда особенно интересовался этою, бытовою стороною, вдумываясь въ каждый параграфъ, въ каждую оговорку, чтобы задуманное какъ можно удачнѣе попадало въ цѣль.

Не вдаваясь въ перечень фактовъ его жизненнаго пути, прямо перейду къ началу восьмидесятыхъ годовъ, когда заслуги А. А. Рихтера были особенно велики. Въ это время, состоя директоромъ де-

партамента окладныхъ сборовъ, онъ всецѣло погруженъ былъ въ дѣло отмѣны подушной подати. О значеніи этой отмѣны распространяться нѣтъ надобности. Вспомнимъ только, какимъ мучительнымъ былъ этотъ вопросъ въ ту пору. Преобразованіе податной стистемы намѣчено было почти четверть вѣка назадъ, но фактически не двигалось, частію потому, что предшественники Н. Х. Бунге мало имъ интересовались, частью же—въ силу финансовыхъ затрудненій. Отыскать разомъ для замѣны подушныхъ сборовъ источникъ въ шестьдесятъ милліоновъ рублей было почти невозможно; если же отыскивать меньшіе источники, то они справиться съ реформою были не въ состояніи и уходили на что-нибудь другое. Историческая заслуга Н. Х. Бунге состоитъ въ томъ, что при немъ сдѣлана была новая постановка вопроса, облегчившая возможность разрѣшенія задачи, казавшагося почти недостижимымъ, но достигнутаго благородною и незабвенною настойчивостью Н. Х. Бунге. Рѣшено было отмѣнять подушную подать по частямъ, по мѣрѣ нахожденія финансовыхъ средствъ, начиная съ наименѣе состоятельной части крестьянства и постепенно переходя къ остальнымъ. Все это проведено было въ три послѣдовательные пріема, и къ концу кратковременнаго министерства Н. Х. Бунге подушная подать, державшаяся почти два вѣка, уже исчезла въ Европейской Россіи. Въ этомъ плодотворномъ дѣлѣ ближайшимъ, искреннимъ и умѣлымъ сотрудникомъ Н. Х. Бунге, былъ А. А. Рихтеръ. Ему, главнымъ образомъ, предоставлена была разработка вопроса съ подготовкою законопроектовъ, его иниціативѣ принадлежало многое, отъ чего зависѣлъ успѣхъ реформы; и кто зналъ его въ то время, тотъ видѣлъ, какъ онъ влагалъ въ этотъ трудъ свою душу. Нельзя забыть заслугъ А. А. Рихтера въ этомъ крупномъ дѣлѣ.

За удаленіемъ Н. Х. Бунге съ министерскаго поста въ 1887 году, прекратилась и болѣе активная роль А. А. Рихтера. Въ первый же годъ министерства Вышнеградскаго онъ долженъ былъ оставить постъ директора департамента и отошелъ въ члены министерскаго совѣта, гдѣ оставался до конца своей жизни. Ему предоставлялась разработка разныхъ частныхъ вопросовъ, но положеніе его перестало быть вліятельнымъ, и нельзя было не видѣть и не чувствовать, какая полезная, добрая и честная сила оставалась почти безъ приложенія.

Образъ А. А. Рихтера былъ — образъ человѣка, всегда оставлявшаго назади свои личные интересы, дѣйствовавшаго постоянно „за совѣсть“, вѣчно думавшаго о пользѣ общей и преимущественно главной массы населенія, человѣка, болѣвшаго ея болями и полнаго тѣмъ патріотизмомъ, который выражается въ стремленіи дѣйствительно улучшать жизнь нашего отечества.

Ѳ. Воропоновъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 апрѣля 1898.

Взрывъ въ курскомъ Знаменскомъ монастырѣ. — Неосторожность „сенсаціонной" прессы. — Попытка связать „пропаганду невѣрія" съ заботой о народномъ благѣ. — Организація „народныхъ развлеченій", предпринятая московской городской думой. — Несогласованность закона о печати съ жизнью.—Еще о книгѣ Г. А. Евреинова.—Духоборцы на Кавказѣ и въ Сибири.—Продовольственный вопросъ въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ.

Потрясающее впечатлѣніе произвела во всѣхъ концахъ Россіи вѣсть о взрывѣ въ соборѣ курскаго Знаменскаго монастыря, въ ночь съ 7-го на 8-е марта. Съ тяжелою, гнетущею мыслью объ ужасномъ преступленіи сливалась радость по поводу счастливаго его исхода. Уцѣлѣла во всей неприкосновенности св. икона Знаменія Божіей Матери, у подножія которой произошелъ взрывъ; не пострадалъ ни одинъ человѣкъ, между тѣмъ какъ нѣсколькими часами раньше или позже катастрофа могла бы стоить жизни сотнямъ, тысячамъ народа. Избавленіе отъ великой бѣды должно было, повидимому, соединить всѣхъ и каждаго въ одномъ общемъ чувствѣ, не оставляющемъ мѣста ни для преждевременныхъ, произвольныхъ подозрѣній, ни для злобнаго чтенія въ чужихъ сердцахъ. Случилось, къ сожалѣнію, иначе. Вслѣдъ за первыми извѣстіями о взрывѣ посыпались догадки о мотивахъ преступленія, о намѣреніяхъ преступника или преступниковъ. Появились рѣшительныя утвержденія, что никакихъ „грабительскихъ" цѣлей въ данномъ случаѣ не было, что объяснять преступленіе желаніемъ вызвать панику въ толпѣ и воспользоваться этимъ для грабежа—значитъ не видѣть или не хотѣть видѣть настоящаго характера событія. Нѣсколько позже дѣло дошло до прямого указанія на группы лицъ, изъ среды которыхъ *могъ* выйти преступникъ. „Грубый матеріализмъ соціалистовъ"—читаемъ мы, напримѣръ, въ передовой статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 70)—„чередуется съ утонченными анти-христіанскими ученіями интеллигентнаго сектантства, фанатично развращающаго народъ. Какъ много за послѣдніе годы было случаевъ изувѣрнаго сектантскаго поруганія святыхъ иконъ! *И вотъ, въ области этихъ вліяній ужъ возможно стало столь злодѣйское событіе!*" „Въ Курскѣ и близъ Курска"—пишетъ корреспондентъ „Новаго Времени" (№ 7921) —„есть штундисты. Говорятъ, что они недоброжелательно относятся къ крестнымъ ходамъ православнаго духовенства. Были, будто бы, случаи насмѣшекъ, сказанныхъ вслухъ". Подобныя сообщенія и раз-

сужденія—своего рода взрывчатыя вещества; легкомысленное обращеніе съ ними можетъ привести къ самымъ печальнымъ результатамъ. Къ формальной отвѣтственности ни одинъ штундистъ или „интеллигентный сектантъ“, только потому, что онъ штундистъ, или сектантъ, конечно привлеченъ не будетъ—но гдѣ гарантія въ томъ, что огульныя обвиненія и инсинуаціи, падая на воспріимчивую почву, не вызовутъ вспышки стихійнаго народнаго гнѣва? Самая элементарная осторожность, наравнѣ съ столь же элементарною справедливостью, требовала воздержанія отъ предположеній, для которыхъ, до окончанія слѣдствія, нѣтъ и не можетъ быть прочной фактической основы [1]. Нельзя помѣшать болтовнѣ и сплетнямъ, окружающимъ густою сѣтью каждое выдающееся событіе—но не слѣдуетъ переносить ихъ на страницы періодической печати.

Для сенсаціонной прессы, не преслѣдующей никакихъ побочныхъ цѣлей, достаточно было пустить въ оборотъ нѣсколько сенсаціонныхъ догадокъ. Для такъ-называемой охранительной прессы этого было мало: событіе 8-го марта сдѣлалось въ ея рукахъ орудіемъ борьбы съ ея противниками. Не давая имъ времени говорить, она по своему объясняетъ ихъ молчаніе; изъ-за того, что они не повторяютъ буквально ея слова, она провозглашаетъ ихъ „отщепенцами русскаго народа“, налагающими на свое чело несмываемую „печать отверженности“. Еще яснѣе умыселъ „Московскихъ Вѣдомостей“ раскрывается въ слѣдующей тирадѣ: „пропаганда невѣрія снова подняла свою голову. Она старается захватить весь народъ въ свои сѣти не только путемъ школъ (!?) для малолѣтнихъ ребятъ, но, подходя гораздо ближе къ цѣли, путемъ *просвѣтительныхъ* подкоповъ подъ духовно-нравственную основу русскаго народа, путемъ цѣлой организованной сѣти чтеній, бесѣдъ, *самообразовательныхъ* программъ, тенденціозныхъ брошюръ и картинъ, *народныхъ университетовъ*, народныхъ *развлеченій*, путемъ различныхъ обществъ съ благовидными цѣлями и злонамѣренными дѣйствіями... Настоящій моментъ засталъ *молчальниковъ* врасплохъ; они только еще начали разставлять свои сѣти, въ ожиданіи будущаго богатаго улова въ той водѣ, которую имъ хотѣлось бы снова замутить. Вотъ этого теперь они и добиваются; вотъ этого они и не должны достигнуть. Просвѣщеніе народа не ихъ дѣло, а дѣло

---

[1]) Чтобы понять всю тщету поспѣшныхъ гипотезъ, достаточно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Слѣдствію, быть можетъ, удастся установить, произошелъ ли взрывъ въ два часа ночи, вслѣдствіе разсчета преступника, или по причинамъ, имъ не предусмотрѣннымъ. Въ первомъ случаѣ устраняется мысль о томъ, что цѣлью преступленія былъ грабежъ, такъ какъ въ 2 часа ночи церковь должна была быть пуста; во второмъ случаѣ, мысль о грабежѣ остается допустимой, и принятіе или непринятіе ея будетъ зависѣть отъ другихъ фактовъ, раскрытыхъ слѣдствіемъ.

церкви и правительства. Прочь руки, господа, отъ чистаго источника русскаго религіознаго сознанія! Не отравляйте его своею *интеллигентною* мутью!"—Казалось бы, что общаго между преступленіемъ фанатика или закоренѣлаго злодѣя—или хотя бы цѣлой группы подобныхъ людей—и мирной образовательной работой, идущей на виду у всѣхъ, подъ бдительнымъ надзоромъ власти? Чтобы совершить скачокъ отъ одного къ другому, нуженъ обскурантизмъ, доведенный до бѣлаго каленія; нужна привычка сыпать обвиненіями, не заботясь ни о доказанности ихъ, ни даже о ихъ вѣроятности. Народное невѣжество—вотъ настоящее имя твердыни, охраняемой газетными охранителями; противъ всего, грозящаго ея неприкосновенности, они считаютъ позволительнымъ пускать въ ходъ самыя непозволительныя средства. Чтенія, бесѣды, програмы самообразованія, даже народныя удовольствія, организуемыя не по обычному шаблону—все это возбуждаетъ работу мысли; всему этому, слѣдовательно, можно и должно противодѣйствовать per fas et nefas.

Эксплоатировать въ пользу своихъ тенденцій событие 8-го марта ретроградная печать нашла тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что именно въ мартѣ мѣсяцѣ предстояло обсужденіе въ московской городской думѣ обширнаго плана, направленнаго къ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня народной массы. Коммиссія о пользахъ и нуждахъ города Москвы предложила городской думѣ приступить къ устройству, въ большихъ размѣрахъ, народныхъ читаленъ и библіотекъ, народныхъ чтеній и вообще *народныхъ развлеченій* (вотъ почему эти слова попали въ филиппику, приведенную нами выше). На ревнителей мракобѣсія предложеніе коммиссіи произвело впечатлѣніе грозовой тучи, восходящей на городскомъ горизонтѣ. Не довольствуясь прозрачными намеками, приравнивающими заботу о народномъ благѣ къ „пропагандѣ невѣрія", они выступили противъ проекта коммиссіи и прямо, хотя и въ сдержанной формѣ, но съ самыми смертоносными намѣреніями.

Аттака на проектъ ведется съ трехъ сторонъ: возбуждается сомнѣніе въ самомъ правѣ города устраивать „народныя развлеченія" —въ возможности, для города, осуществить столь трудное и сложное дѣло—въ совмѣстимости его съ требованіями государства и церкви. „Что,—восклицаетъ благожелательная газета,—что, если будетъ признано управленіе народными театрами и народными лекціями дѣломъ не имѣющимъ ничего общаго съ городскимъ хозяйствомъ? Будетъ ли сообразно, если дума, существующая для удовлетворенія *хозяйственныхъ пользъ и нуждъ города* (курсивъ въ подлинникѣ), сдѣлается правящимъ центромъ для популярно-народныхъ чтеній и для народныхъ

театровъ"? На всѣ эти вопросы нетрудно найти ясный отвѣтъ въ текстѣ закона. Почти буквально повторяя пун. 4 ст. 2 прежняго Городового Положенія 1870-го г., пун. X ст. 2 новаго Городового Положенія 1892-го г. относитъ къ предметамъ вѣдомства городского общественнаго управленія „попеченіе объ устройствѣ общественныхъ библіотекъ, музеевъ, *театровъ и другихъ подобнаго рода общеполезныхъ учрежденій*". По ст. 1-й Городового Положенія 1892 г., общественное управленіе вѣдаетъ дѣла о *мѣстныхъ* пользахъ и нуждахъ, указанныя въ ст. 2-й. Эпитетъ: *хозяйственныя*—прибавленъ газетой къ словамъ: *пользы и нужды*, совершенно произвольно; законъ не только не установляетъ подобнаго ограниченія, но прямо возлагаетъ на городское управленіе функціи вовсе не „хозяйственныя" или, по меньшей мѣрѣ, не исключительно „хозяйственныя" (кромѣ пун. X ст. 2, см. пун. V, VI, IX, XI). Признать завѣдываніе народными чтеніями и народными театрами „не имѣющимъ ничего общаго съ городскимъ хозяйствомъ", значило бы отмѣнить дѣйствующій законъ, къ которому всѣ привыкли и въ цѣлесообразности котораго до сихъ поръ никто не сомнѣвался. Во многихъ городахъ — напр., Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ — городское управленіе затрачивало большія суммы на сооруженіе и содержаніе городскихъ театровъ, не встрѣчая ни противодѣйствія со стороны администраціи, ни осужденія со стороны печати; намъ памятенъ даже случай, когда генералъ-губернаторъ (виленскій) признавалъ постройку „порядочнаго зданія" для театра *обязанностью* городского управленія [1]). Вся разница въ томъ, что до сихъ поръ городскіе театры устраивались для достаточнаго населенія, а теперь идетъ рѣчь объ устройствѣ ихъ для народа. Inde ira!—допустимое и даже похвальное внезапно превращается въ запрещенное и вредное, законъ откладывается въ сторону, или истолковывается вопреки его буквальному смыслу...

Сознавая, вѣроятно, полнѣйшую несостоятельность своихъ юридическихъ соображеній, враги „народныхъ развлеченій" пытаются, дальше, напугать кого слѣдуетъ громадностью организаціи, проектируемой городскою думой. „Думѣ" — восклицаетъ московская газета— „предлагается выстроить десять совершенно новыхъ народныхъ театровъ, вмѣстимостью на десять тысячъ человѣкъ, собрать для нихъ, при одновременномъ функціонированіи этихъ театровъ въ праздничное время, огромную труппу, бо́льшую, чѣмъ какую имѣютъ наши императорскіе театры, насадить для нихъ очень трудный репертуаръ народныхъ именно пьесъ, организовать для всего этого особую дирекцію народныхъ театровъ въ Москвѣ, устроить рядъ народныхъ

---

[1]) См. Общественную Хронику въ № 10 „Вѣстн. Европы" за 1890 г.

аудиторій, избрать для нихъ цѣлый штатъ лекторовъ, выработать планъ чтеній, открыть десять новыхъ читаленъ, десять народныхъ библіотекъ... Проектъ, выработанный подъ предсѣдательствомъ В. И. Герье, предполагаетъ вручить это новое дѣло предусмотрѣнной *будто* (?) статьей 103 Городового Положенія исполнительной коммиссіи народнаго воспитанія. Но какъ велика должна быть и какъ тщательно подобрана эта коммиссія, чтобы такое трудное дѣло шло у насъ успѣшно? Намъ кажется, что только для контролированія этихъ новыхъ учрежденій образованія и развлеченія народныхъ массъ потребуется большой штатъ лицъ административнаго и учебнаго вѣдомствъ". И здѣсь мы встрѣчаемся опять съ незнаніемъ или игнорированіемъ закона. По ст. 103 дѣйствующаго Городового Положенія, для ближайшаго завѣдыванія отдѣльными отраслями хозяйства и управленія могутъ быть назначаемы думами особыя лица, а въ случаѣ необходимости—и особыя исполнительныя коммиссіи; на основаніи примѣчанія къ этой статьѣ, на особую исполнительную коммиссію можетъ быть возлагаемо и завѣдываніе дѣлами учебныхъ заведеній, содержимыхъ на мѣстныя средства. Смыслъ этихъ правилъ совершенно ясенъ и не оставляетъ мѣста ни для какихъ „*будто*". Городъ имѣетъ безспорное право избирать исполнительныя коммиссіи, какъ для завѣдыванія городскими школами, такъ и для другихъ цѣлей. Устраивая театры, читальни, библіотеки и т. п., онъ можетъ ввѣрить управленіе ими какъ одной изъ коммиссій, уже существующихъ, такъ и коммиссіи, образованной ad hoc. Эта коммиссія, говорятъ намъ, должна быть очень велика, т.-е. очень многочисленна. Положимъ, что такъ (хотя на самомъ дѣлѣ дума рѣшила составить ее изъ *шести* членовъ); что же изъ этого слѣдуетъ? Въ Петербургѣ думская коммиссія по народному образованію состоитъ изъ тридцати членовъ—и это не мѣшаетъ ей дѣлать свое дѣло... Трудно, замѣчаютъ дальше, подобрать такой составъ коммиссіи, при которомъ она могла бы дѣйствовать успѣшно. Да, трудно, но вполнѣ возможно; именно въ Москвѣ едва ли можетъ оказаться недостатокъ въ людяхъ, готовыхъ и способныхъ потрудиться на общую пользу. Такіе люди найдутся не только для занятія мѣстъ въ коммиссіи, но и для активнаго участія въ „народныхъ развлеченіяхъ". Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить слова В. И. Герье, сказанныя въ засѣданіи московской городской думы: „Въ послѣднее время отдыхъ рабочихъ сталъ предметомъ общественныхъ заботъ; вопросъ о немъ изучается теоретически, предлагаются для народа различныя развлеченія, воспитывающія его нравственно и умственно. Есть много людей, которые для теоретическаго и практическаго разрѣшенія этого вопроса приносятъ въ жертву свои таланты, свой трудъ, чтобы другіе могли имѣть разумный и полезный отдыхъ"

Совершенно неосновательно, наконецъ, указаніе на „большой штатъ лицъ административнаго и учебнаго вѣдомства“, необходимый, будто бы, для надзора за „народными развлеченіями“. Въ народныхъ театрахъ будутъ ставиться исключительно пьесы, разрѣшенныя драматической цензурой; въ народныхъ аудиторіяхъ будутъ читаться произведенія, одобренныя подлежащимъ вѣдомствомъ; составъ народныхъ библіотекъ и читаленъ будетъ соотвѣтствовать установленнымъ для того правиламъ. Никакихъ особыхъ затрудненій правительственный надзоръ, при такихъ условіяхъ, представить не можетъ; но еслибы и понадобилось нѣсколько его усилить, то отступать передъ этимъ было бы болѣе чѣмъ странно, уже потому, что параллельно съ увеличеніемъ числа „разумныхъ и полезныхъ“ развлеченій всегда идетъ уменьшеніе пьянства, буйства, уличныхъ безпорядковъ...

In cauda venenum! — наиболѣе ядовитой является послѣдняя стрѣла, направленная „охранительной“ газетой по адресу ненавистнаго ей проекта. Говоря о „конкурренціи параллельныхъ учрежденій“, съ которою неизбѣжно должна встрѣтиться думская коммиссія „народныхъ развлеченій“, „Московскія Вѣдомости“ иллюстрируютъ свою мысль слѣдующими примѣрами: „какъ быть этой коммиссіи, если общество любителей духовнаго просвѣщенія своими собесѣдованіями въ приходскихъ храмахъ отвлечетъ рабочихъ отъ думскихъ народныхъ аудиторій? Гдѣ будетъ главенство исполнительной коммиссіи, если коммиссія народныхъ чтеній станетъ интересомъ своихъ лекцій и лекторовъ отбивать народъ у нашего городского совѣта? Точно такъ же возможны очень чувствительные ущербы думскимъ народнымъ театрамъ отъ конкурренціи спектаклей народныхъ театровъ техническаго общества, г. Лентовскаго и другихъ предпринимателей. Но это не все. Могутъ и контролирующіе государственные органы, безъ всякой придирчивости съ своей стороны, совершенно правильно надѣлать много хлопотъ думской исполнительной коммиссіи народнаго воспитанія—напримѣръ, драматическая цензура, врачебная инспекція, полиція и т. д. Наконецъ, и церковь, коей, по праву, должно принадлежать господствующее вліяніе на народъ въ воскресные и праздничные дни, можетъ заявить, что одно обиліе лекцій и развлеченій для народа, помимо ихъ направленія, мѣшаетъ ей въ исполненіи ея высокой миссіи воспитанія народа“.—Въ городѣ съ почти милліоннымъ населеніемъ „конкурренція параллельныхъ учрежденій“ можетъ принести только пользу, побуждая каждое изъ нихъ къ возможно лучшему веденію дѣла. Сколько бы ни собиралось народу на собесѣдованія, организуемыя обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія, и на лекціи, устраиваемыя коммиссіей народныхъ чтеній, всегда останется довольно слушателей для городскихъ аудиторій и театровъ. Подобно тому, какъ журналы, по выра-

женію поэта, плодятъ читателей, хорошо задуманныя и исполненныя народныя развлеченія увеличиваютъ число зрителей и слушателей, все больше и больше отвлекая ихъ отъ кабака, трактира и т. п. Однажды развивъ въ себѣ вкусъ къ интереснымъ зрѣлищамъ, толпа можетъ наполнить и городскіе театры, и частные; но если тѣхъ и другихъ окажется, на первое время, слишкомъ много, то опасность будетъ угрожать, по теоріи вѣроятностей, не городскимъ театрамъ, чуждымъ коммерческихъ соображеній, а частнымъ, по необходимости гоняющимся за прибылью. Само собою разумѣется, впрочемъ, что на самомъ дѣлѣ „Московскія Вѣдомости" боятся конкурренціи не для городскихъ предпріятій, а для другихъ, болѣе имъ симпатичныхъ. Этотъ страхъ лишенъ всякаго основанія: конкурренція можетъ стать опасной только при *избыткѣ* предложеній—а до такого избытка Москва, въ области народныхъ развлеченій, еще слишкомъ далека... Съ „хлопотами", которыя „могутъ надѣлать" драматическая цензура, врачебная инспекція (?!), полиція и т. д., городской коммиссіи, конечно, придется считаться; но никакихъ *непреодолимыхъ* препятствій съ этой стороны ожидать нельзя, и modus vivendi, послѣ нѣсколькихъ недоразумѣній, установится такой же прочный, какой мы видимъ въ другихъ сферахъ городского самоуправленія, соприкасающихся съ дѣятельностью администраціи. Едва ли, наконецъ, *обиліе* „народныхъ развлеченій", разрѣшенныхъ въ установленномъ порядкѣ, можетъ вызвать протестъ со стороны церкви. Время для развлеченій будетъ, безъ сомнѣнія, избираемо такое, которое не совпадаетъ съ церковной службой. Уменьшеніе пьянства и разгула составляетъ предметъ постоянныхъ усилій духовенства; къ той же цѣли направлена и организація народныхъ развлеченій. Для конфликта стремленій здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго реальнаго повода: онъ можетъ быть созданъ только искусственно — но это едва ли удастся газетнымъ навѣтамъ. На московскую городскую думу злобная статья не оказала, во всякомъ случаѣ, никакого вліянія: противъ существа проекта, составленнаго коммиссіею о пользахъ и нуждахъ, не возражалъ никто, и только немногіе изъ числа гласныхъ находили его требующимъ еще дальнѣйшей разработки. Дума, въ засѣданіи 17-го марта, постановила: 1) избрать исполнительную коммиссію изъ шести членовъ для завѣдыванія народными читальнями, чтеніями и развлеченіями; 2) включить въ ея составъ предсѣдателя училищной коммиссіи; 3) поручить училищной коммиссіи указать, въ какихъ городскихъ начальныхъ училищахъ могли бы быть устроены въ настоящее время народныя библіотеки и читальни; 4) поручить городской управѣ разработать смѣту на сооруженіе особыхъ зданій для народныхъ развлеченій; и 5) поручить вновь организуемой коммиссіи разработать проектъ устройства народныхъ

читаленъ, чтеній и развлеченій на зимній сезонъ 1898-99 г. и смѣту необходимыхъ для того расходовъ.—Это постановленіе составитъ такую же свѣтлую страницу въ исторіи московскаго городского самоуправленія, какъ и организація общественнаго призрѣнія, созданная, года три тому назадъ, московской городской думой.

Первые мѣсяцы текущаго года были столь же обильны репрессивными мѣрами по отношенію къ печати, какъ и послѣднія недѣли минувшаго. „Міровымъ Отголоскамъ“ дано первое предостереженіе [1]; „Сибири“ — третье, съ примѣненіемъ примѣчанія къ ст. 144 уст. о ценз. и печ. (т.-е. съ подчиненіемъ газеты предварительной цензурѣ); „Гражданину“ воспрещено печатаніе частныхъ объявленій; воспрещена розничная продажа газетъ „Гласность“ и „Русскій Трудъ“; пріостановлено на восемь мѣсяцевъ изданіе „Нижегородскаго Листка“ и „Крымскаго Вѣстника“; на мѣсяцъ—изданіе „Одесскаго Листка“ и „Одесскихъ Новостей“, на два мѣсяца—изданіе „Донской Рѣчи“. Предостереженіе, полученное „Сибирью“, дано „въ виду допущеннаго газетой нарушенія ст. 79 уст. о ценз. и печ. и программы, утвержденной для сей газеты, а равно въ виду продолжающагося вреднаго направленія, уже указаннаго въ двухъ первыхъ предостереженіяхъ“. Не касаясь второго, фактическаго мотива, обсужденіе котораго требовало бы близкаго знакомства со всей дѣятельностью „Сибири“, мы остановимся только на первомъ, имѣющемъ чисто-юридическій характеръ. По ст. 79 уст. о ценз. и печ., разборъ и обсужденіе судебныхъ рѣшеній допускается только въ юридическихъ журналахъ и въ тѣхъ повременныхъ изданіяхъ, въ которыхъ существуетъ особый отдѣлъ юридической хроники. Въ программѣ „Сибири“, какъ слѣдуетъ заключить изъ текста предостереженія, такого отдѣла не было, и слѣдовательно на разборъ судебныхъ рѣшеній газета не имѣла формальнаго права; но помѣщеніе въ періодическомъ изданіи статьи, выходящей изъ предѣловъ утвержденной для него программы, составляетъ проступокъ, предусмотрѣнный ст. 1028 улож. о наказ. и наказуемый денежнымъ взысканіемъ не свыше пятидесяти рублей. Отсюда возникаетъ юридическій вопросъ, можетъ ли *формальное* нарушеніе законовъ о печати, воспрещенное подъ страхомъ уголовной отвѣтственности, служить основаніемъ къ административной карѣ? Намъ кажется, что не можетъ, какъ потому, что предостереженіямъ отведено мѣсто въ особомъ отдѣленіи устава о цензурѣ и печати, озаглавленномъ: „О мѣрахъ противъ распространенія про-

---

[1]) Пріостановивъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, изданіе своей газеты, редакторъ „Міровыхъ Отголосковъ“ объяснилъ свою рѣшимость, между прочимъ, именно цензурными карами, его постигшими.

изведеній печати, обнаружившихъ *вредное направленіе* (т.-е. навлекающихъ на себя преслѣдованіе не по формѣ, а по существу), и объ административныхъ взысканіяхъ"—такъ и потому, что самая умѣренность взысканія, назначеннаго ст. 1028 уложенія, прямо указываетъ на маловажность нарушенія и стоитъ внѣ всякой пропорціи съ тяжкими послѣдствіями предостереженія (въ особенности третьяго). Большому сомнѣнію подлежитъ, въ нашихъ глазахъ, самая цѣлесообразность правила, заключающагося въ ст. 79-й и основаннаго на законѣ 20-го ноября 1864 г., изданномъ одновременно съ судебными уставами. Оно было совершенно понятно въ то время, когда глубокая тайна, такъ долго покрывавшая отправленіе правосудія, только-что должна была уступить мѣсто гласности. Можно было опасаться, что печать, также стоявшая наканунѣ коренного переворота, не съумѣетъ сразу примѣниться къ своимъ новымъ полномочіямъ и повредить, легкомысленной и неосновательной критикой, авторитету новаго суда. Отсюда осторожность въ регулированіи правъ печати на обсужденіе судебныхъ рѣшеній—осторожность, едва ли необходимая теперь, когда судебныя учрежденія 1864 года давно вошли въ жизнь, судебная тайна отошла въ разрядъ преданій, а о необузданности печатнаго слова не можетъ быть и рѣчи.

Статья 79-ая и примѣненіе ея къ газетѣ „Сибирь"—новый аргументъ въ пользу необходимости общаго пересмотра нашихъ законовъ о печати. Не мало аргументовъ этого рода разбросано и въ первыхъ нумерахъ періодическихъ изданій за текущій годъ. Въ январьской книжкѣ „Журнала Юридическаго Общества при с.-петербургскомъ университетѣ" помѣщена статья г. М. Левитскаго, ярко освѣщающая три слабыя стороны дѣйствующихъ постановленій о печати: 1) разрѣшеніе перепечатывать книги, вышедшія безъ предварительной цензуры, не иначе какъ въ одной изъ столицъ; 2) требованіе второго, третьяго и т. д. цензурнаго просмотра для книгъ, однажды пропущенныхъ цензурой и перепечатываемыхъ, хотя бы безъ всякихъ перемѣнъ, вторымъ изданіемъ, третьимъ и т. д., и 3) установленіе срока, послѣ котораго, въ случаѣ ненапечатанія дозволенной цензурою рукописи, цензурное разрѣшеніе теряетъ свою силу. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 7) г. В. Модестовъ совершенно правильно указываетъ на ненормальность предварительнаго цензурнаго просмотра всѣхъ безъ изъятія иностранныхъ книгъ и предлагаетъ ограничить дѣятельность иностранной цензуры наблюденіемъ за изданіями „*завѣдомо*, такъ сказать, нецензурными и явно у насъ непозволительными". Мимоходомъ г. Модестовъ затрогиваетъ и тему болѣе общаго свойства. „Несоотвѣтствіе цензурныхъ правилъ"—говоритъ онъ въ началѣ статьи—„какъ настоящему положенію общественнаго развитія, такъ и потребностямъ ли-

тературы, и въ особенности періодической печати, порождаетъ множество напрасныхъ столкновеній между дѣятелями печати и цензурными властями, бездну непріятностей и огорченій для первыхъ и массу безполезнаго дѣла для послѣднихъ... Ненормальность положенія очевидна для всякаго, столько же въ интересѣ правительства, сколько и общества, которое, какъ извѣстно, сочувствуетъ не цензурѣ, а писателямъ".

Въ январьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника" статья г. Глинскаго: „Русская періодическая печать въ провинціи", даетъ интересный очеркъ постепеннаго развитія провинціальной прессы, и выставляетъ на видъ тяготы и неудобства настоящаго ея положенія. Чрезвычайно яркій свѣтъ на это положеніе бросаетъ письмо, въ которомъ редакторъ „Калужскаго Вѣстника", г. Лашмановъ, обратился, на дняхъ, къ своимъ читателямъ, объясняя причины, заставляющія его пріостановить изданіе газеты. „Въ борьбѣ за печатное слово" — говоритъ г. Лашмановъ—„я потерялъ все: и карьеру, и послѣднія свои сбереженія. У меня съ аукціона проданъ даже послѣдній стулъ, на которомъ я работалъ. Но и оставшись съ семьею нищимъ, на улицѣ, разбитый физически и нравственно, я не теряю надежды на свѣтлое будущее и вѣрю, что правда завоюетъ себѣ право гражданства и калужскій край снова озарится свѣтомъ гласности, свѣтомъ, который уже не зальютъ никакія темныя силы". „Съѣлъ" г. Лашманова провинціальный обыватель, и не только „сѣрый", но и интеллигентный. Били газету и рублемъ, и дубьемъ, до доносовъ въ главное управленіе по дѣламъ печати включительно; но она была „слишкомъ корректна, ея *преступленія* противъ основъ государственной и общественной жизни слишкомъ скромны, чтобы можно было подвергнуть ее административному взысканію. Впрочемъ, кто знаетъ: не будь князя Н. Д. Голицына [1]), эти обывательскіе жалобы и доносы еще тогда, можетъ быть, возъимѣли бы свое дѣйствіе... Къ нашему счастію, князь всегда былъ на стражѣ интересовъ печатнаго слова, и мы, спокойные за свою судьбу, продолжали работать на пользу родного края. Но вотъ обыватели изъ образованныхъ повели аттаку по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Нервы не выдержали—и результатомъ борьбы явилась пріостановка изданія"... При такомъ отношеніи „обывателей" (даже изъ числа „образованныхъ") къ печатному слову положеніе провинціальной газеты чрезвычайно непрочно, чрезвычайно тяжело уже само по себѣ. Появляется она, сплошь и рядомъ, послѣ долгаго періода безгласности, зависѣвшей не отъ того, чтобы не чувствовалось потребности въ газетѣ или не было средствъ и силъ для ея изданія, а отъ того, что мѣстная администрація находила для себя

[1]) Бывшій калужскій губернаторъ, недавно переведенный въ Тверь.

болѣе удобнымъ довольствоваться одиѣми „Губернскими Вѣдомостями". Значительная часть общества, привыкнувъ къ ненарушимой тишинѣ, видитъ въ газетѣ источникъ смуты и тревоги, оскорбляется самыми невинными ея замѣтками, раздражается самой снисходительной критикой, негодуетъ на всякую попытку внести свѣтъ въ темные уголки провинціальной жизни. Хорошо, если этой свѣтобоязнью не заражены правящіе кружки губерніи; тогда редактору и сотрудникамъ приходится считаться только съ недоброжелательствомъ частныхъ лицъ, крайне непріятнымъ, иногда даже опаснымъ, но все же не угрожающимъ, непосредственно и прямо, самому существованію газеты. Мучительнымъ, почти невыносимымъ положеніе ея становится тогда, когда къ подкопамъ снизу присоединяются гоненія сверху, сначала въ видѣ цензурныхъ урѣзокъ, потомъ въ видѣ административныхъ взысканій. Одновременное подчиненіе двумъ формамъ цензуры (предварительной и карательной)—вотъ характерная особенность провинціальной печати, обрекающая ее на сугубое безправіе. Казалось бы, что статьи, пропущенныя цензурой, ни въ какомъ случаѣ не могутъ имѣть послѣдствіемъ пріостановку или прекращеніе изданія; казалось бы, что вся отвѣтственность за нихъ должна упадать исключительно на должностное лицо, пропустившее ихъ въ печать. На самомъ дѣлѣ, однако, мы видимъ совсѣмъ не то: провинціальныя подцензурныя изданія, особенно въ послѣднее время, еще чаще безцензурныхъ подпадаютъ дѣйствію административныхъ каръ, и притомъ столь тяжелыхъ, какъ пріостановка на продолжительный срокъ (всего чаще—максимальный, восьмимѣсячный). Въ довершеніе бѣды, такой пріостановкѣ не предшествуютъ предостереженія; она постигаетъ газеты совершенно неожиданно, какъ молнія на ясномъ небѣ. Между тѣмъ, предостереженія образуютъ существенную составную часть карательной цензуры, построенной всецѣло на презумпціи *сознательно* вреднаго направленія, т.-е. на предположеніи, что періодическое изданіе умышленно и обдуманно идетъ въ разрѣзъ съ извѣстными ему намѣреніями правительства. Въ исторіи нашей безцензурной печати былъ, если мы не ошибаемся, только одинъ примѣръ запрещенія изданія безъ предварительныхъ предостереженій („Новое Слово"), и мы имѣли уже случай замѣтить, что оно едва ли можетъ быть признано согласнымъ съ требованіями закона; въ скорбномъ листѣ провинціальныхъ подцензурныхъ изданій, подвергавшихся пріостановкѣ, предостереженія, наоборотъ, не встрѣчаются вовсе. Мы знаемъ, что ихъ не требуетъ статья 154 уст. о ценз. и печати, дающая министру внутреннихъ дѣлъ право прекращать каждое подцензурное изданіе на срокъ не долѣе восьми мѣсяцевъ; но вѣдь эта статья основана на законѣ 12-го мая 1862 года, изданномъ въ то

время, когда у насъ безцензурныхъ изданій не было вовсе, имѣвшемъ характеръ временной мѣры и не согласованномъ съ закономъ 6-го апрѣля 1865 г., установившимъ систему административныхъ предостереженій. Теперь, когда освобожденіемъ „Кіевлянина" отъ предварительной цензуры сдѣланъ первый шагъ къ уравненію провинціальной прессы съ столичною, болѣе чѣмъ когда-либо своевременно было бы установить, впредь до общаго пересмотра законодательства о печати, что ни одна провинціальная газета не можетъ быть пріостановлена безъ двухъ предшествующихъ предостереженій и безъ истребованія отъ редактора объясненій по существу приписываемой ему вины. Послѣднее необходимо для предупрежденія фактическихъ ошибокъ, весьма возможныхъ при одностороннемъ, идущемъ издалека освѣщеніи дѣла.

Книга Г. А. Евреинова не перестаетъ обращать на себя „благосклонное" вниманіе ретроградной прессы. „Московскія Вѣдомости", слѣдуя примѣру „Гражданина", громятъ ее въ обширной статьѣ (№№ 68 и 69), по всѣмъ правиламъ полемическаго искусства, свойственнаго членамъ „двойственнаго союза". Г-нъ Евреиновъ возстаетъ противъ расширенія дворянскихъ привилегій; это значитъ, что онъ домогается „равенства, свободы, братства и прочихъ прелестей". Онъ не скрываетъ мало симпатичныхъ сторонъ исторіи дворянства; это значитъ, что онъ хочетъ „возбудить презрѣніе къ нашему высшему сословію, ради торжества демократическихъ либеральныхъ идей". Онъ напоминаетъ, что Михаилъ Өеодоровичъ былъ избранъ на царство всей землей; это значитъ, что и теперь не мѣшало бы „пригласить in corpore тверское земское собраніе, для указанія гг. министрамъ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, чего собственно желаетъ вся земля". Онъ признаетъ, что земскія учрежденія сдѣлали много полезнаго для народа; это значитъ, что онъ „не видалъ другихъ деревень, кромѣ Старой и Новой Деревни на невскихъ островахъ". Все это— мотивы давно знакомые, много разъ повторявшіеся на всѣ лады реакціонными шарманками. Нѣчто новое, по своей крайней безцеремонности, представляютъ только тѣ мѣста статьи, въ которыхъ рисуются идеалы самой газеты [1]). „Почему—восклицаетъ авторъ статьи,— почему, по нынѣшнимъ либеральнымъ и чопорнымъ временамъ, принято подписываться всякому встрѣчному: *вашъ покорный слуга*, а не принято подписываться *рабомъ* своему Государю"? Здѣсь предлагается скачокъ на цѣлое столѣтіе назадъ; употребленіе въ челобитныхъ слова *рабъ* запрещено Екатериной II-й въ 1776 г. Между простой формулой вѣжливости, никѣмъ не понимаемой буквально (и быстро выхо-

[1]) Подписана статья: „М. Брониславъ"; но такъ какъ она напечатана безъ всякой оговорки, то позволительно видѣть въ ней мнѣніе редакціи.

дящей изъ моды), и формулой обращенія къ источнику власти существуетъ, притомъ, громадная разница, очевидная для всѣхъ, кромѣ газетныхъ „охранителей"... Еще драгоцѣннѣе слѣдующіе перлы: „пора очнуться отъ угара шестидесятыхъ годовъ и вернуться къ Россіи, отъ которой мы тогда съ вами такъ были далеки. Надули они насъ, эти шестидесятые годы! И не до добра они вели! Земство — учрежденіе не національное, не русское, потому что оно внѣ всякой связи съ сословіями, этими живыми органическими силами страны... Мировой судья въ деревнѣ—это было огромное зло", въ которомъ „проявилась непрактичность иноземнаго, не-русскаго учрежденія". Съ такою откровенностью стремленіе уничтожить всю работу шестидесятыхъ годовъ, т.-е. возвратиться къ преданіямъ и порядкамъ крѣпостной эпохи, не часто выражается даже наиболѣе прямолинейными сторонниками реакціи. Жаль только, что откровенный тонъ не выдержанъ до конца статьи. „Мы не хотимъ"—увѣряетъ авторъ — „привилегій для дворянства; мы хотимъ возвратить дворянство народу... Мы не хотимъ обогащать дворянство на счетъ податныхъ сословій, но мы хотимъ развязать ему руки и поставить его въ положеніе, при которомъ оно могло бы продолжать свою историческую миссію... Не права мы стремимся дать дворянству, а мы хотимъ вернуть ему его обязанности"... Гораздо честнѣе было бы и здѣсь назвать вещи ихъ настоящими именами. Если для „возвращенія дворянства народу" требуется, въ видѣ приманки, предоставленіе дворянамъ служебныхъ и другихъ преимуществъ, то никакими ухищреніями не удастся скрыть, что рѣчь идетъ именно о новыхъ сословныхъ *привилегіяхъ*. Если средства для покрытія долговъ, лежащихъ на дворянскихъ имѣніяхъ, будутъ заимствованы, отчасти, изъ казны, т.-е. изъ платежей, вносимыхъ народомъ, то дворянство, de-facto, „обогатится на счетъ податныхъ сословій", хотя бы процессъ обогащенія и былъ эвфемистически наименованъ „развязываньемъ рукъ", „возвращеніемъ прежняго положенія" и т. п. Если обязанностью признается добровольное принятіе на себя служебнаго положенія, сопряженнаго съ значительными правами, то самое усиленное подчеркиваніе *обязанности* не помѣшаетъ понять, что центръ тяжести заключается именно въ *правѣ*— или, лучше сказать, въ привилегіи. Въ самомъ дѣлѣ, никто, сколько намъ извѣстно, не стоитъ за возвращеніе къ принципу обязательной дворянской службы, переставшему существовать болѣе столѣтія тому назадъ. Реализировать сосредоточеніе въ рукахъ дворянства всѣхъ должностей по мѣстному управленію предполагается не путемъ понужденія, а путемъ обѣщанія выгодъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ только раскрыть любой изъ дворянскихъ прожектовъ, столь многочисленныхъ въ послѣднее время. Кого же разсчитываетъ обмануть

противникъ г. Евреинова, надѣвая на себя, и притомъ слишкомъ поздно, прозрачную маску?...

Если вѣрить тифлисскимъ газетамъ, кавказскіе духоборцы (числомъ до трехъ тысячъ)—за исключеніемъ лицъ призывного возраста, не отбывшихъ воинской повинности,—получили разрѣшеніе выѣхать за границу, на собственный счетъ, предварительно давъ подписку, что въ случаѣ возвращенія въ Россію они лишаются земельныхъ и другихъ правъ, которыми пользовались до переселенія. Это--исходъ сравнительно благопріятный; весь вопросъ въ томъ, найдутся ли у духоборцевъ средства для переѣзда за границу и для первоначальнаго обзаведенія на новомъ мѣстѣ. Два-три года тому назадъ о затрудненіяхъ, съ этой точки зрѣнія, не могло бы быть и рѣчи; матеріальное благосостояніе духоборцевъ было тогда довольно велико—но послѣ всего того, что̀ они испытали въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ, отъ него едва ли остались хотя бы жалкія крохи. Что касается до духоборцевъ, сосланныхъ въ якутскую область и поселенныхъ на р. Алданѣ, вдали отъ жилыхъ мѣстностей, то о нихъ мы находимъ слѣдующія свѣденія въ „Сибирской Жизни“: „Имъ отведены земельные надѣлы, но у нихъ нѣтъ ни орудій земледѣлія, ни сѣмянъ, ни даже средствъ для пріобрѣтенія того и другого. На мѣсто поселенія они прибыли осенью; на первое время всѣ они помѣстились въ маленькой избѣ, — тепло при тѣснотѣ на зиму обезпечено, — но пищи мало. Имъ выдали казенное пособіе по 1-е января 1898 года по 3 р. 30 к. въ мѣсяцъ на душу—всего около 500 р.,—но что̀ они могутъ купить на эти деньги въ глуши, если у нихъ нѣтъ рѣшительно ничего—ни пищи, ни одежды, ни рабочаго скота, ни орудій? Ихъ положеніе ухудшается еще и тѣмъ, что они, по принципамъ своего ученія, не употребляютъ никакой животной пищи: ни мяса, ни рыбы, тогда какъ такого рода пищей и богатъ Алданъ. Земля, отведенная имъ, считается хорошею, но качество ея опредѣлялось людьми далеко не компетентными. Между тѣмъ, для духоборцевъ вопросъ объ урожайности ихъ земли является вопросомъ жизни или смерти... Кромѣ указанныхъ выше 33 духоборцевъ, имѣется въ виду переселить къ нимъ еще около 90 душъ духоборцевъ, ожидаемыхъ въ Якутскъ со слѣдующей навигаціей. Замѣчательное единодушіе встрѣчается въ отзывахъ объ этихъ молодыхъ духоборцахъ всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ случай сталкиваться съ ними. Это тихій, кроткій, дружный и трудолюбивый народъ, никогда и ни на что не выражающій недовольства и безропотно выполняющій все, что̀ отъ нихъ требуютъ. Глядя на нихъ, слыша объ нихъ самые лучшіе отзывы, невольно вспоминалось пожеланіе, высказанное на страницахъ „Вѣстника Европы“, чтобы сек-

танты, считающіе грѣхомъ носить оружіе, привлекались, безъ обремененія ихъ совѣсти и съ пользою для государства, къ исполненію другихъ служебныхъ дѣйствій, эквивалентныхъ воинской повинности. Въ нашемъ суровомъ краѣ трудно жить такимъ миролюбивымъ людямъ. Здѣсь нужна энергія и хищническая жадность къ наживѣ скопца, а не голубиная кротость и непротивленіе злу духоборца"...

Въ общемъ собраніи Вольнаго Экономическаго Общества 19-го марта выслушаны были предложенія, выработанныя совѣтомъ Общества на основаніи преній о продовольственномъ вопросѣ, происходившихъ 12-го, 13-го и 14-го марта. За недостаткомъ времени и мѣста, мы приведемъ теперь только тѣ изъ нихъ, которыя касаются частно-общественной помощи пострадавшимъ отъ неурожая. Совѣтъ предложилъ общему собранію: 1) сдѣлать изъ запаснаго капитала Общества пожертвованіе въ пользу пострадавшихъ, въ размѣрѣ по усмотрѣнію собранія; 2) открыть подписку, съ тою же цѣлью, среди членовъ Общества; 3) уполномочить совѣтъ принимать пожертвованія отъ частныхъ лицъ и учрежденій, для направленія на мѣста наибольшей нужды, чрезъ губернскія земскія управы, губернскіе благотворительные комитеты и частныхъ лицъ, по усмотрѣнію особой коммиссіи, избранной Обществомъ; 4) обратиться къ главному управленію Общества Краснаго-Креста съ просьбою придти на помощь нуждающимся при посредствѣ его мѣстныхъ органовъ, и 5) вопроса объ устройствѣ на мѣстахъ попечительствъ и столовыхъ въ настоящее время, за минованіемъ „острой поры", не возбуждать. Всѣ эти предложенія приняты общимъ собраніемъ, равно какъ и цѣлый рядъ другихъ, еще болѣе важныхъ, которыя будутъ разсмотрѣны нами въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Мы сомнѣваемся только въ одномъ—чтобы можно было считать миновавшей „острую пору" кризиса: вѣроятнѣе, въ нашихъ глазахъ, что она только-что начинается. Подтвержденіемъ этому можетъ служить корреспонденція изъ козловскаго уѣзда (тамбовской губерніи), напечатанная въ томъ же (7925-мъ) № „Новаго Времени", въ которомъ приведены предложенія Вольнаго Экономическаго Общества. Картины, здѣсь нарисованныя, ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которыя представляла на каждомъ шагу русская деревня весной 1892 года.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ Комитета Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ.

Давно знакомы русскимъ людямъ лишенія, которыя выпадаютъ на долю переселенцевъ. Скудость средствъ при оставленіи родины, долгій томительный путь, болѣзнь и смерть слабѣйшихъ членовъ семьи, трудность водворенія на новомъ мѣстѣ, многолѣтняя борьба съ непривычными условіями далекаго края—вотъ тѣ матеріальныя нужды, на которыя откликается благотворительность.

Но велика и духовная нужда переселяющихся въ просвѣщеніи и первой ступени къ нему—грамотности. Большая часть переселенцевъ идетъ изъ земскихъ губерній, гдѣ уже выросла и окрѣпла народная школа. Она вошла въ жизнь крестьянъ, населеніе сблизилось съ нею матеріальными пособіями на ея поддержаніе; оно сроднилось съ мыслью, что если дѣды и отцы прошли жизнь въ потемкахъ, то дѣтямъ доступна грамота и открытъ путь къ просвѣщенію. Кто не встрѣчалъ въ печати многочисленныхъ указаній на то, какъ тяготѣетъ деревня къ свѣту знанія!

Сибирь не можетъ отвѣтить на эту острую потребность. Населеніе рѣдко; десятки верстъ между деревнями; школъ мало, да и тѣ, которыя есть, бѣдны и учащими силами, и учебными пособіями. Водворившись за Ураломъ, переселенецъ долженъ проститься съ отрадной надеждой, что школа пріютитъ его дѣтей; онъ долженъ снова привыкнуть къ мысли, что дѣти останутся во тьмѣ, изъ которой пытались выйти еще отцы. А школа особенно нужна этому далекому краю; тамъ мало людей просвѣщенныхъ; въ сельскомъ хозяйствѣ еще нѣтъ навыковъ, которые даются многолѣтней осѣдлостью; природа еще не познана и еще не выработаны пріемы, которые могли бы подчинить ее волѣ переселенца. И только школа способна облегчить эту задачу.

Стремясь удовлетворить эти нужды, Общество для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ постановило образовать особый школьный фондъ, изъ котораго въ мѣстахъ водворенія переселенцевъ могли бы быть устраиваемы училища и выдаваемы пособія существующимъ школамъ. Общество твердо вѣритъ, что русскіе люди примутъ къ сердцу эту нужду и будутъ направлять свою лепту въ школьный фондъ. Пожертвованія просятъ направлять въ С.-Петербургъ, Поварской пер., д. 15, Обществу для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ, въ школьный фондъ.

II.—Отъ Харьковскаго Комитета по присужденію премій при Университетѣ въ память 25-лѣтія царствованія Имп. Александра II.

Комитетъ по присужденію премій, учрежденныхъ Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ при *Императорскомъ* Харьковскомъ Университетѣ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, объявляетъ, что на основаніи Высочайше утвержденнаго 1-го мая 1894 года положенія, назначеніе названныхъ премій имѣетъ цѣлью содѣйствовать изученію экономическаго состоянія части Россіи въ составѣ губерній: Харьковской, Воронежской, Курской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и области войска Донского, а также и другихъ сторонъ народной жизни въ связи съ экономическимъ положеніемъ данной мѣстности. Преміи — одна въ 1000 рублей и двѣ по 500 рублей—присуждаются одинъ разъ въ три года. Первое присужденіе этихъ премій состоится въ началѣ февраля 1901 г.; въ виду этого, сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ Комитетъ не позже 19-го февраля 1900 года.

Сочиненія, представляемыя на конкурсъ, могутъ быть печатныя и писанныя. Первыя должны присылаться въ пяти экземплярахъ, а вторыя—въ двухъ экземплярахъ. Кромѣ того, на конкурсъ допускаются только сочиненія, прежде нигдѣ непремированныя и вышедшія въ свѣтъ не раньше 1897 года (§ 11 положенія о преміяхъ).

Авторы, желающіе представить свои сочиненія для соисканія премій, благоволятъ присылать ихъ по адресу: *г. Харьковъ, Университетъ, въ Комитетъ по присужденію премій въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II.*

Подробныя условія, которымъ должны отвѣчать премируемыя сочиненія, см. въ подлинномъ положеніи о преміяхъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, экземпляры котораго, по требованію заинтересованныхъ лицъ, высылаются немедленно предсѣдателемъ Комитета.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОГО ТОМА

Мартъ—Апрѣль 1898.

Книга третья.—Мартъ.

стр.

Россія и Англія въ царствованіе императора Николая I.—IV-VI.—Окончаніе.— Ф. Ф. МАРТЕНСА 5
Тяга.—Романъ въ двухъ частяхъ. — Часть вторая: I-VII.— П. Д. БОБОРЫКИНА 44
Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы.—С. А. ВЕНГЕРОВА . 101
О томъ, какъ я былъ декадентомъ.—Разсказъ.—ВЛАД. ТИХОНОВА 123
Воспоминанія сестры милосердія Крестовоздвиженской общины.—1854-1860 гг.— I.—ЕКАТЕРИНЫ БАКУНИНОЙ 132
Въ родную семью.—Очеркъ.—З. Н. ГИППІУСЪ 177
Изъ М. Гюйо.—I.—Въ рудникѣ.—II.—Сомнѣнье—долгъ. — Съ французскаго.— И. ТХОРЖЕВСКАГО 201
Въ южномъ Уэльсѣ.—Изъ путевыхъ замѣтокъ.—С. И. Р—ТЪ. 203
Безпочвенники.—„Les Déracinés, rom. par M. Barrès.—VII-X. — Окончаніе.— Съ франц. А. Б—Г— 233
Крымскіе сонеты А. Мицкевича.—I-VIII.—Съ польскаго.—Кн. А. КУГУШЕВА 289
Французскій адвокатъ XVIII-го столѣтія.—Н. КАРАБЧЕВСКАГО 294
Жизненная драма Платона.—Очеркъ.—I-XIV.—ВЛАДИМІРА СОЛОВЬЕВА . 334
Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе.—Продовольственная нужда. — Извѣстія изъ уѣздовъ козловскаго и воронежскаго. — Письмо гр. Л. Н. Толстого.— Новый походъ противъ продовольственныхъ ссудъ. — Программа „бывшаго предводителя дворянства“ и книга Г. А. Евреинова.—Рѣчь чернскаго уѣзднаго предводителя.—Ходатайство нижегородскаго дворянскаго собранія. — Перемѣна въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Post-Scriptum 357
Китайскій публицистъ. — По поводу временнаго занятія русскою эскадрою порта Артуръ и бухты Да-лянь-вань.—Съ китайск., П. С. ПОПОВЪ . . 382
Иностранное Обозрѣніе.—Окончаніе процесса Эмиля Золя и его политическое значеніе. — Ошибочные выводы иностранной печати. — Вопросъ о дѣлѣ Дрейфуса и общественное мнѣніе во Франціи. — Правительственное сообщеніе о критскомъ вопросѣ 391
Литературное Обозрѣніе.—Бумаги 1812 г., собр. П. И. Щукинымъ, 2 ч.—Человѣчество въ доисторическія времена, Л. Нидерле, перев. съ чешск. Д. Анучина.—Южно-русскіе очерки и портреты, В. Горленко. — Воспоминанія о Костомаровѣ и Ап. Майковѣ.—Т.—Новыя книги и брошюры. . . . 405
Новости Иностранной Литературы. — I.—Manuel de l'histoire de la littérature française, par F. Brunetière.—II.—Notes d'art et de littérature. Jos. Capperon.—III.—La Cathédrale, par J. Huysmans.— З. В. 423
Изъ Общественной Хроники. — Курское губернское земство и земская статистика.—Можайское уѣздное земство и уѣздный агрономъ. — Вопросъ о губернскомъ агрономѣ въ с.-петербургскомъ губернскомъ земствѣ.—Выборы и партіи.—Ходатайство о возобновленіи учительскихъ съѣздовъ.— Оригинальная полемика. — Отвѣтъ на возраженіе.—Рѣчь управляющаго мин. нар. пр., 19 февраля 439
Библіографическій Листокъ.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова.—Финансово-Статистическій Атласъ. 1885—1895 г.—Чайные округи субтропическихъ областей Азіи, А. Н. Краснова—Архивъ села Михайловскаго. — Локкъ, Джонъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Перев. съ англ. А. Н. Савина.
Объявленія.—I-IV; I-XVI стр.

Книга четвертая. — Апрѣль. стр.

Тяга.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая: VIII-XV. — П. Д. БОБОРЫКИНА . . . 453
Воспоминанія сестры милосердія Крестовоздвиженской общины.—1854-1860 гг.— II.—ЕКАТЕРИНЫ БАКУНИНОЙ . . . 511
Крымскіе сонеты А. Мицкевича.—IX-XVIII. — Съ польск., Кн. АЛЕКСѢЙ КУГУШЕВЪ . . . 557
Россія и Англія наканунѣ разрыва.—1853-1854 гг.—Ф. Ф. МАРТЕНСА . . . 563
Сама природа.—Бытовой очеркъ, Аллена.—Съ англ., А. Б—Г— . . . 611
Вешніе всходы. — Изъ воспоминаній, встрѣчъ и переписки 70-хъ годовъ. — В. НАЗАРЬЕВА . . . 661
Старая ракита.—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА . . . 719
Два ученыхъ съѣзда.—Изъ поѣздки въ Канаду.—П. АЛЕКСѢЕВА . . . 720
Экономическія замѣтки. — Наши промышленные успѣхи и невзгоды. — I-IV. — Л. З. СЛОНИМСКАГО . . . 750
Изъ эпиграммъ и эпитафій на смерть Мольера. — По изданію 1725 г.—Перев. ЯК. ИВАШКЕВИЧЪ . . . 766
Жизненная драма Платона. — XV-XXX. — Окончаніе. — ВЛАДИМІРА СОЛОВЬЕВА . . . 769
Хроника. — Народная школа въ Швеціи. — Изъ путевыхъ замѣтокъ.— АН. АР—ЧЪ . . . 794
Внутреннее Обозрѣніе.—Именной указъ и Высочайшій рескриптъ 24-го февраля. —Причины, отъ которыхъ зависитъ степень вниманія къ общественнымъ бѣдствіямъ.—Личныя впечатлѣнія отъ поѣздки въ воронежскую губернію. —Чрезвычайное воронежское губернское земское собраніе. — Письмо г. Писарева о положеніи дѣлъ въ епифанскомъ уѣздѣ (тульской губерніи). —Расширеніе круга дѣйствій суда присяжныхъ.—Ежегодный созывъ дворянскихъ собраній. — Рѣчь управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія . . . 815
Замѣтка.—Результаты „условнаго осужденія“.—Письмо изъ Берлина.— Г. Б. . . . 833
Иностранное Обозрѣніе.—Европейская политика на дальнемъ Востокѣ.—Соперничество великихъ державъ относительно Китая.—Два правительственныя сообщенія.—Мирныя пріобрѣтенія и ихъ значеніе.—Заботы объ усиленіи флотовъ въ Англіи и Германіи.—Европейскій концертъ въ критскомъ вопросѣ.—Соединенные-Штаты и Испанія.—Перемѣна министерства въ Австріи. 839
Литературное Обозрѣніе. — Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. II.—Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ и обрядахъ и т. д., собр. П. В. Шейномъ, т. I, вып. I.—Минусинскіе и Ачинскіе инородцы.—На Востокѣ, Влад. Шуфа. — Т.—Всемірная торговля въ XIX в. и участіе въ ней Россіи.—Л. С.— Новыя книги и брошюры . . . 853
Новости Иностранной Литературы.—I. Emile Zola, „Paris“.—II. H. Sudermann, Johannes. — З. В. . . . 876
Некрологъ.—А. А. Рихтеръ.—Ѳ. Ѳ. Воропонова . . . 888
Изъ Общественной Хроники.—Взрывъ въ курскомъ Знаменскомъ монастырѣ.— Неосторожность „сенсаціонной“ прессы.—Попытка связать „пропаганду невѣрія“ съ заботой о народномъ благѣ.—Организація „народныхъ развлеченій“, предпринятая московской городской думой. — Несогласованность закона о печати съ жизнью.—Еще о книгѣ Г. А. Евреинова.—Духоборцы на Кавказѣ и въ Сибири. — Продовольственный вопросъ въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. . . . 890
Извѣщенія.—I. Отъ Комитета Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ.—II. Отъ Харьковскаго Комитета по присужденію премій при Университетѣ, въ память 25-лѣтія царствованія Имп. Александра II. 9
Библіографическій Листокъ.—Шекспиръ въ переводѣ А. Л. Соколовскаго, въ 8 том.—Экономическое ученіе Маркса, Л. З. Слонимскаго.—Стихотворенія А. М. Жемчужникова, въ 2 том.—Теорія и практика желѣзнодорожнаго права, И. М. Рабиновича.—С. Булгаковъ. О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. Изд. М. И. Водовозовой.—Иллюстрированный Словарь общеполезныхъ свѣдѣній. Подъ редакціей Эльпе.
Объявленія. — I-IV; I-XX стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго. Въ восьми томахъ. Спб. 1894—98. Ц. 10 р.; отд. томъ—1 р. 25 к.

Вступительная статья переводчика предупреждаетъ о томъ, что онъ имѣлъ въ виду выяснить и опредѣлить значеніе Шекспира „исключительно какъ писателя, произведшаго великій переворотъ въ литературѣ“, а также и то, въ чемъ именно состоялъ такой переворотъ. Въ біографіи поэта онъ ограничился одними вполнѣ достовѣрными фактами, не оставивъ, впрочемъ, безъ вниманія и многочисленныя легенды и преданія, которыя сложились около имени Шекспира въ послѣдующія времена. Предъ каждой пьесой приведены всѣ необходимыя свѣдѣнія о ея происхожденіи и времени, когда она была написана. Главною же задачею автора было „выяснить идею каждой пьесы и прослѣдить развитіе характеровъ лицъ, созданныхъ Шекспиромъ, съ объясненіемъ психологическихъ стимуловъ, обусловливающихъ ихъ поступки“. Изданіе снабжено объяснительными примѣчаніями и историческими справками, необходимыми для лучшаго пониманія текста. Мы надѣемся въ непродолжительномъ времени ближе изслѣдовать существенную сторону этого обширнаго труда, остановившись именно на самомъ исполненіи дѣла.

Экономическое ученіе Маркса (Das Kapital. Kritik der Politischen Oekonomie). Изложеніе и критическій разборъ Л. Слонимскаго. Спб. 98. Стр. 211. Ц. 1 р. 25 к.

Въ своемъ предисловіи, авторъ, опираясь на такіе авторитеты, какъ П. Леруа-Болье, Ад. Вагнеръ, Дитцель, приходитъ къ выводу, что „нынѣшняя экономическая наука есть не политическая и не соціальная, а промышленная экономія, съ примѣсью нѣкоторыхъ соціальныхъ и политическихъ элементовъ“. Въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какія становятся современные экономисты къ книгѣ Маркса о капиталѣ, которую онъ считаетъ и наиболѣе выдающимся, и типическимъ произведеніемъ соединенія нѣмецкой учености и діалектики съ англійскими промышленными идеями и доктринами, — авторъ усматриваетъ подтвержденіе высказаннаго имъ взгляда на характеръ нынѣшней экономической науки. Наши читатели знакомы отчасти съ этой новой книгой, гдѣ нынѣ собраны вмѣстѣ тѣ отдѣльныя статьи, которыя помѣщались въ журналѣ; но въ особомъ изданіи онѣ помѣщены въ переработанномъ видѣ и съ дополненіями, примѣчаніями и библіографическими справками; три заключительныя главы написаны вновь, и даны разъясненія на появившіяся въ печати возраженія противъ труда автора, при первомъ его напечатаніи въ видѣ журнальныхъ статей. Въ концѣ книги приводится текстъ извѣстнаго письма Маркса объ экономическомъ развитіи Россіи, съ комментаріями автора, по поводу этого письма.

Стихотворенія А. М. Жемчужникова, въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и автобіографическимъ очеркомъ. 2-е изданіе. Спб. 98. Стр. 227 и 256. Ц. за 2 т.—3 руб.

Новое изданіе собранія стихотвореній маститаго ветерана нашей поэзіи обнимаетъ собою съ небольшимъ сорокъ лѣтъ, начиная съ 1850 года, и останавливается на 1892 годѣ. Но А. М. Жемчужниковъ и въ послѣднія пять, шесть лѣтъ не прекращалъ своей дѣятельности, и его стихотворенія ежегодно появлялись въ свѣтъ; такъ, и въ настоящей книгѣ журнала читатели встрѣтятъ новое его стихотвореніе.

Теорія и практика желѣзнодорожнаго права по перевозкѣ грузовъ, багажа и пассажировъ. И. М. Рабиновича. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 592. Ц. 4 р.

Цѣль настоящей книги—говоритъ авторъ ея—систематизація, критика и юридическое разъясненіе условій перевозки и тарифныхъ правилъ, дѣйствующихъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, а также разъясненіе мотивовъ нашего желѣзнодорожнаго закона 12 іюня 1885 года. Матеріалами при этомъ послужили автору „Труды комитета гр. Баранова“, практика сената по дѣламъ, разсмотрѣннымъ имъ съ 1886 г., разъясняющая смыслъ различныхъ статей „общаго устава росс. жел. дорогъ“, и журналы совѣта по желѣзнодорожнымъ дѣламъ. Такъ какъ нашъ желѣзнодорожный законъ заимствованъ изъ иностранныхъ, то авторъ обратилъ вниманіе на послѣдніе и въ особенности на бернскій проектъ международной конвенціи о перевозкѣ грузовъ. Весь трудъ подраздѣляется на три отдѣла, въ порядкѣ которыхъ излагаются условія перевозки грузовъ, пассажировъ и ихъ багажа, и, наконецъ, общія начала желѣзнодорожнаго права. При томъ значеніи, какое представляютъ желѣзныя дороги въ практикѣ нашей жизни, въ настоящемъ трудѣ автора могутъ быть близко заинтересованы многіе, какъ настольною книгою. Для облегченія справокъ, въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель предметовъ.

С. Булгаковъ. О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. Теоретическій этюдъ. Изд. М. И. Водовозовой. Москва, 1897. Стр. 260. Ц. 1 р. 25 к.

Сочиненіе г. Булгакова начинается цитатою изъ Маркса и кончается ссылкою на то, что „Марксъ прямо говоритъ“ и т. д. Другого источника для себя, кромѣ „Капитала“ Маркса, авторъ очевидно не желаетъ знать и не признаетъ. Такъ какъ, поэтому, и всѣ разсужденія г. Булгакова неизмѣнно вращаются около тезисовъ и изреченій упомянутаго нѣмецкаго экономиста, то его трудъ въ концѣ концовъ дѣлается одностороннимъ даже и для читателя, расположеннаго вѣрить въ безусловный научный авторитетъ Маркса.

Иллюстрированный Словарь общеполезныхъ свѣдѣній. Подъ редакціей Эльпе. Съ 1708 рисунками въ текстѣ. Спб., 1898. Стр. V+819 (1638 столбцовъ). Ц. 3 р.

Составитель этого словаря, г. Эльпе, хорошо извѣстенъ, какъ одинъ изъ наиболѣе свѣдущихъ и опытныхъ научныхъ хроникеровъ въ нашей журналистикѣ; его популярные очерки всегда отличаются живымъ и яснымъ изложеніемъ, обиліемъ интереснаго фактическаго матеріала и сдержаннымъ тономъ въ полемикѣ. „Словарь“ г-на Эльпе представляетъ собою, такимъ образомъ, общедоступную справочную книгу съ массою очень хорошихъ рисунковъ, и изданъ весьма изящно.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1898 г.
(Тридцать-третій годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — **1 р. 50 к.**

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель“, Невск. пр., 68—40.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Ма-монтова, на Кузнец.-Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. Е. П. Распопова, Дерибасовская улица.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Новый-Свѣтъ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не *позже* какъ *по* полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: